ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

III

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ III

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

Издание второе,
переработанное и дополненное

Под редакцией
А. А. ГРОМЫКО, И. Н. ЗЕМСКОВА, В. А. ЗОРИНА,
В. С. СЕМЕНОВА, С. Д. СКАЗКИНА, В. М. ХВОСТОВА

Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1965

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ III

ДИПЛОМАТИЯ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ
ОБЩЕГО КРИЗИСА
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Авторы тома:

С. Ю. ВЫГОДСКИЙ, С. А. ГОНИОНСКИЙ, И. М. ГОРОХОВ, И. Н. ЗЕМСКОВ, В. А. ЗОРИН, С. П. КИКТЕВ, Л. Н. КУТАКОВ, С. М. МАЙОРОВ, И. И. МИНЦ, И. Д. ОСТОЯ-ОВСЯНЫЙ, В. И. ПОПОВ, В. М. ХВОСТОВ

Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1965

И 90

III том первого издания «Истории дипломатии», выпущенного под редакцией *В. П. ПОТЕМКИНА*, был подготовлен авторским коллективом в составе *И. И. МИНЦА*, *А. М. ПАНКРАТОВОЙ*, *В. П. ПОТЕМКИНА*, *Е. В. ТАРЛЕ* и *Н. П. КОЛЧАНОВСКОГО*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, начавшаяся 1 августа 1914 г., была порождена острыми противоречиями империализма.

«...Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны» [1]. Так определял В. И. Ленин природу первой мировой войны. «Национальный элемент в теперешней войне представлен *только* войной Сербии против Австрии... — указывал Ленин. — Только в Сербии и среди сербов мы имеем многолетнее и миллионы «народных масс» охватывающее национально-освободительное движение, «продолжением» которого является война Сербии против Австрии». Однако «национальный момент сербско-австрийской войны *никакого* серьезного значения в общеевропейской войне не имеет и не может иметь» [2].

Во время войны главные усилия тайной дипломатии обоих воюющих лагерей были направлены на вербовку союзников и на заботы о межсоюзнических отношениях: о методах совместного ведения войны, о координации военных действий между союзниками, о финансировании войны, о поставках оружия и военных материалов, наконец, о начертании контуров будущего мирного договора, о разделе ожидаемой добычи.

Выступление Японии

Что касается привлечения союзников, то эта задача стоила дипломатии обеих сторон немалых трудов. Не заставила себя уговаривать только Япония, которая сама начала военные действия против Германии. Японские империалисты быстро оценили обстановку. Силы всех европейских держав оказались скованными войной в Европе. В этих условиях Япония получала более широкую возможность развивать свою экспансию на Дальнем Востоке.

Уже 15 августа 1914 г. японское правительство без долгих дипломатических предисловий предъявило Германии ультиматум. В нем было выдвинуто требование, чтобы Германия «без всяких условий и без всякой компенсации» передала японцам Цзяочжоу — якобы «в целях возвращения его Китаю». Для ответа был дан срок восемь дней. Японское правительство заявляло, что это «дружеское предложение» делается им исключительно в целях укрепления мира в Восточной Азии, причем Япония якобы не преследует целей территориальной экспансии.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 1.
[2] Там же, стр. 240—241.

Германское правительство оставило ультиматум без ответа. Тогда 23 августа 1914 г. Япония объявила Германии войну. Начав военные действия, она захватила Цзяочжоу, железную дорогу Циндао — Цзинань, а также ряд находившихся во владении Германии островов на Тихом океане. Усиление Японии вызвало большое неудовольствие не только в США, но и у японского союзника — Великобритании. Особенно сильно было негодование в британских доминионах — в Австралии и Новой Зеландии.

В Лондоне с самого начала отнеслись подозрительно к непрошеному усердию Японии. Английской дипломатии было ясно, что Япония использует войну в Европе лишь для того, чтобы укрепить свои колониальные позиции на Дальнем Востоке. Она не помышляет о том, чтобы нести какую-то долю тягот борьбы против Германии.

Англичане не ошиблись. Главной задачей Японии после захвата германских колоний стало использование европейской войны для экспансии в Китае. После захвата Цзяочжоу и островов Япония не принимала никакого участия в войне, которая происходила в Европе, если не считать поставки России боеприпасов и военного снаряжения. При этом вместе с современным вооружением России навязывался устарелый хлам.

Тем не менее русское правительство приветствовало присоединение Японии к Антанте: это давало некоторые дополнительные гарантии против японского нападения на дальневосточные владения России.

Выступление Турции

Воюющие стороны продолжали борьбу за вовлечение Турции в свой лагерь. Из-за влияния на эту страну продолжалось ожесточенное состязание между Антантой и австро-германским блоком. Младотурецкое правительство склонялось к германской ориентации. Однако оно встречало противодействие: финансово-экономическая зависимость Турции от Антанты оставалась весьма значительной. К тому же нетрудно было убедиться, что берлинская дипломатия лишь в целях маскировки заверяла, будто стремится к сохранению территориальной целостности Турции. По признанию германского министра иностранных дел Ягова, это должно было продолжаться лишь до тех пор, «пока мы не укрепимся в наших зонах и не будем готовы к аннексиям» [1].

Турция в 1914 г. не могла ждать ничего доброго от победы ни той ни другой из воюющих сторон. Антанта грозила ее расчленить, Германия — превратить в своего вассала. Но собственные захватнические пантюркистские вожделения младотурок распространялись на территории, принадлежавшие России и Англии. Пантюркисты намеревались захватить Кавказ, Крым, а наиболее ретивые толковали даже о «долинах Волги и Камы» [2]. Заявлялись панисламистские претензии на Египет и другие арабские страны Северной Африки, на Индию и т. д. Пантюркистские и панисламистские притязания толкали младотурок к союзу с Германией.

Впрочем, решение принято было в Константинополе не без колебаний и не без борьбы. Великий визирь (глава правительства) принц Саид-Халим-паша был сторонником союза с Германией. В руководящем младотурецком триумвирате Энвер и Талаат являлись германофилами, но Джемаль слыл приверженцем Антанты.

Накануне войны сторонники Германии в турецких правящих кругах пересилили: 22 июля 1914 г. военный министр Энвер-паша без ведома ряда членов правительства заявил германскому послу о намерении Тур-

---

[1] *E. Brandenburg.* Von Bismarck zum Weltkriege. Berlin, 1924, S. 393. Письмо Ягова Вангенгейму от 28 июля 1914 г.

[2] *В. Готлиб.* Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960, стр. 41.

ции вступить в союз с соседней Болгарией и с державами Тройственного союза. В том же смысле высказался и великий визирь.

У германского посла Вангенгейма имелись сомнения насчет целесообразности союза с Османской империей, и он об этом телеграфировал в Берлин. Но кайзер решил иначе. На полях телеграммы своего посла он написал: «Теоретически верно, но в настоящий момент неуместно. Теперь дело идет о том, чтобы добыть каждую винтовку, которая может стрелять по славянам на Балканах на стороне Австро-Венгрии. Поэтому надо согласиться на турецко-болгарский союз с присоединением к нему Австро-Венгрии... Это все же лучше, чем по теоретическим соображениям толкать Турцию на сторону Антанты» [1].

2 августа 1914 г. в глубокой тайне был подписан германо-турецкий союзный договор. Суть его сводилась к следующему. Если Россия вмешается в австро-сербский конфликт и Германия выступит на стороне Австрии, Турция также обязана объявить войну России. Договор отдавал турецкую армию в полнейшее распоряжение Германии. Это предусматривалось ст. 3 договора: «В случае войны германская военная миссия останется в распоряжении оттоманского правительства. Оттоманское правительство обеспечит осуществление действенного влияния и действительной власти этой миссии в операциях турецкой армии». Германское правительство обещало Турции содействие в захвате части Закавказья, Эгейских островов и ряда других территорий. 2 августа в Турции была объявлена мобилизация.

Тем не менее на другой день после подписания секретного договора с Германией турецкое правительство опубликовало декларацию о нейтралитете Османской империи. Этот акт объясняется тем, что Турция в военном отношении была не подготовлена. «Мы объявили себя нейтральными только для того, чтобы выиграть время: мы ждали момента, когда наша мобилизация закончится и мы сможем принять участие в войне» [2], — писал впоследствии Джемаль-паша.

Характерно для нравов младотурецкой дипломатии, что, подписав союз с Германией, Энвер тотчас же завязал переговоры с русским послом Гирсом и с военным агентом генералом Леонтьевым, предлагая им заключить союз против Германии. Энвер заявил Леонтьеву, что Турция питает будто бы к России самые дружественные чувства. Она-де не связана с Германией каким-либо союзным договором и, более того, готова предоставить свою армию в полное распоряжение России и направить ее против любого врага по указанию из Петербурга. За это Энвер требовал возвращения Турции Эгейских островов и части болгарской Фракии.

Российский министр иностранных дел Сазонов с большим подозрением отнесся к предложению Энвера, не веря в его искренность.

В дальнейшем выяснилось, что, предлагая России союз, Энвер прибег к самому примитивному обману. На самом деле он готовился к нападению на Россию и лишь ждал прихода германских военных кораблей, прорывавшихся к проливам из Средиземного моря. По замыслу немцев и турок, эти корабли должны были изменить соотношение сил на Черном море и угрожать южнорусскому побережью. Британский флот, господствовавший на Средиземном море, не помешал германским кораблям прорваться к цели: английское правительство радо было затруднить русскому союзнику путь к проливам и Константинополю. 10 августа «Гебен» и «Бреслау» вошли в Дарданеллы. Через несколько дней на них был поднят турецкий флаг, а командир «Гебена» был назначен командующим военно-морскими силами Турции. Теперь не

---

[1] «Die Deutschen Dokumenten zum Kriegsausbruch», Bd I. Berlin, 1921, № 117. S. 135—136.

[2] *Джемаль-паша.* Записки. 1913—1919. Тифлис, 1923, стр. 101—102.

только турецкая армия, но и флот оказались под немецким командованием.

Царское правительство хотело избежать войны с Турцией. Она создала бы ему еще лишний фронт и отвлекла бы в Закавказье силы, до крайности необходимые для борьбы против Германии. Чтобы отсрочить, а быть может, и предотвратить выступление Турции, Сазонов 12 августа предложил союзникам России гарантировать Турции в случае соблюдения ею нейтралитета и демобилизации армии территориальную неприкосновенность, постепенную отмену режима капитуляций, возвращение острова Лемнос.

Грей согласился предложить Турции гарантию территориальной неприкосновенности — правда, лишь на время текущей войны [1]. Однако он отказался передать ей Лемнос и отменить режим капитуляций. Это урезанное предложение не достигало цели: такой гарантии оказалось недостаточно для того, чтобы добиться соглашения с турецким правительством.

9 сентября турецкое правительство сообщило всем державам, что оно приняло решение с 1 октября 1914 г. отменить режим капитуляций. Попытка Турции освободиться от империалистической кабалы привела к своеобразному дипломатическому результату. Иностранные послы, аккредитованные в Константинополе, немедленно вручили турецкому правительству тождественные ноты с протестом против «произвольной отмены капитуляций». Опасение лишиться без соответствующих компенсаций империалистических привилегий в Турции объединило против нее даже жесточайших врагов, находившихся в состоянии войны друг с другом.

После вручения этих нот германская дипломатия принялась убеждать турок, что для них самое лучшее — скорее выполнить союзные обязательства и начать войну. Тогда в отношении стран Антанты вопрос о капитуляциях отпадет сам собой; с державами же Тройственного союза Турция якобы всегда сможет договориться.

Со своей стороны дипломатия Антанты теперь тоже не отказывалась обсуждать вопрос об отмене капитуляций — лишь бы Турция обязалась соблюдать нейтралитет в течение всей войны. Переговоры о режиме капитуляций продолжались на протяжении всего сентября.

После поражения немцев на Марне стало очевидно, что война затянется. Это привело к тому, что деятельность дипломатии по вербовке союзников стала еще более напряженной. 11 октября Германия предоставила Турции заем. Было условлено, что Турция вступит в войну тотчас же после фактического получения предоставленных ей средств.

Однако к этому времени у многих членов турецкого правительства возрос страх перед войной. В их числе теперь оказался и великий визирь. Поражение Германии на Марне и успехи русских войск в Галиции усиливали эти опасения. Ввиду этого Энвер и немецкое командование решили поставить страну перед свершившимся фактом. 29 октября 1914 г. турецкий флот под командованием немецкого адмирала Сушона вышел в море и без объявления войны неожиданно обстрелял русское побережье — Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. В тот же день, 29 октября, русский посол в Константинополе получил предписание затребовать свои паспорта.

Многие члены турецкого правительства были перепуганы провокационными действиями Энвера и германского адмирала. Великий визирь грозил подать в отставку и его лишь с трудом уговорили остаться на

---

[1] См. «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917 гг.», серия III, т. VI, ч. I. М.—Л., 1935, № 100, 118, 119, 172 и 173, прим. 3, стр. 97, 114—116, 165.

своем посту. 1 ноября к Сазонову по поручению визиря явился турецкий поверенный в делах Фахреддин-бей. Министр встретил его словами: «Я собирался послать вам ваши паспорта». — «А я приношу вам мир», — заискивающим тоном заявил турецкий дипломат. Он прочитал Сазонову телеграмму главы турецкого правительства, в которой тот выражал свое сожаление о случившемся. Сазонов ответил, что первым условием восстановления мира должно быть немедленное выдворение из Турции всех немецких офицеров [1]. Этого требования великий визирь уже не мог выполнить — если бы даже и хотел.

Послы Антанты покинули Константинополь. 2 ноября 1914 г. в ответ на нападение турецкого флота Россия объявила Турции войну. 5 и 6 ноября за ней последовали Англия и Франция. Так германские империалисты и их агенты ввергли турецкий народ в губительную авантюру.

Выступление Италии

Ожесточенная дипломатическая борьба развернулась между воюющими группировками за привлечение Италии. Итальянское правительство с самого начала войны сомневалось, на чью сторону склонится победа. Оно намеревалось следовать за тем из крупных хищников, от которого вернее можно было поживиться куском добычи. Италия не собиралась выполнять свои союзнические обязательства по договору о Тройственном союзе. Итальянское правительство заявило в Вене и в Берлине, что война с Сербией вызвана нападением Австро-Венгрии, а Тройственный союз является оборонительным. Оно указывало, что Австрия с Италией предварительно не консультировалась, как это следовало бы сделать, руководствуясь буквой и духом союзного договора. В случае если Австро-Венгрия совершит на Балканах какие-либо приобретения, Италии полагается компенсация. При этом итальянская дипломатия ссылалась на условия статьи седьмой ее договора с Германией и Австро-Венгрией. Воевать же Италия не обязана! Такова была аргументация, усвоенная итальянской дипломатией. 3 августа 1914 г. итальянский король сообщил Вильгельму II, что обстоятельства возникновения данной войны не подходят под формулировку casus foederis в тексте договора о Тройственном союзе [2]. На полях депеши короля Вильгельм в собственноручной пометке обозвал своего коронованного собрата негодяем. В тот же день, 3 августа, итальянское правительство опубликовало декларацию о нейтралитете.

Однако итальянский министр иностранных дел маркиз ди Сан-Джулиано тут же доверительно сообщил германскому послу, что если бы Италию достаточно вознаградили, то она готова была бы «рассмотреть способы оказания поддержки своим союзникам». На другой день, 4 августа, итальянское правительство столь же конфиденциально сообщило Сазонову о позиции, занятой им по отношению к центральным державам. При этом, свидетельствует Сазонов, ему было заявлено, что «ввиду малой надежды получить желаемое от Германии и Австрии, Италия могла бы вступить в обмен мнений с нами на означенной почве» [3].

Итальянское правительство, таким образом, не ограничилось тем, что принялось шантажировать центральные державы. Оно вступило в переговоры и с Антантой, выясняя, сколько та ей даст за объявление войны Германии и Австрии. Начался двойной шантаж, сопровождаемый длительным торгом. Уже в августе правительства Антанты предложили итальянцам Трентино, Триест и Валону. Антанте было легче набавлять цену: притязания Италии в первую очередь распространялись на австрийские территории, на Албанию и Турцию, т. е. на врагов Антанты, либо же на нейтральные страны, торговать территориями которых Антанта считала

[1] См. «Международные отношения...», серия III, т. VI, ч. I, № 445—447, стр. 457—460.
[2] «Die Deutschen Dokumenten zum Kriegsausbruch», Bd IV, № 755, S. 12.
[3] «Международные отношения...», серия III, т. V. М.—Л., 1934, № 521, стр. 400.

вполне позволительным. Положение Германии было значительно сложнее: для Италии самыми ценными приобретениями были бы именно австрийские владения, уступка которых, разумеется, наталкивалась на сопротивление со стороны союзного австро-венгерского правительства. Германия могла, правда, сулить Италии земли в Северной Африке за счет Франции. Кроме того, она соблазняла Италию Корсикой и Савойей.

Пока шли все эти переговоры, итальянские империалисты не дремали: в октябре 1914 г., не теряя времени, Италия захватила остров Сасено, расположенный у входа в Валонский залив. В декабре она оккупировала и саму Валону на албанском побережье Адриатики.

Премьер Саландра дал своеобразное политическое и даже «моральное» обоснование принципам итальянской дипломатии. В октябре 1914 г. он публично заявил, что итальянское правительство устранило из своей политики «всякую заботу, всякий предрассудок, всякое чувство, которые не были бы внушены исключительно лишь одной безграничной преданностью родине, итальянским священным эгоизмом» [1]. Бюлов в своих мемуарах в менее возвышенном стиле охарактеризовал сущность политики Саландры. «Он только хотел в большой мировой сумятице что-нибудь заработать для своей страны» [2], — писал германский дипломат.

Ввиду крайней уязвимости Италии с моря, на котором господствовал англо-французский флот, и экономической зависимости от Антанты, итальянское правительство предусмотрительно воздерживалось от войны на стороне центральных держав. Практически для него дело шло о том, соблюдать ли нейтралитет или же воевать на стороне Антанты против своих союзников. Решался этот вопрос итальянскими правителями в зависимости от двух главных факторов: с которой из воюющих сторон можно больше сорвать и у кого больше шансов на победу.

Наступление немцев через Бельгию в августе 1914 г. поддерживало в Италии склонность к нейтралитету и к переговорам с Германией. Да и вообще получить мзду за нейтралитет было безопаснее, чем за военное содействие.

Но битва на Марне и приостановка немецкого наступления изменили положение. Саландра стал угрожать своим союзникам, что «общественное мнение» вынудит его стать на сторону Антанты. Итальянский премьер требовал, чтобы Австро-Венгрия оплатила Италии соблюдение ею нейтралитета уступкой своей собственной территории — Трентино и даже Триеста. Германское правительство усилило свой нажим на Вену. В декабре в Рим был назначен в качестве посла бывший канцлер князь Бюлов, который располагал в Италии большими связями.

Не прекращая переговоров в Вене, итальянское правительство в начале марта 1915 г. усилило свой торг с Антантой. Кроме Трентино, Триеста, Валоны, острова Сасено, Далматинского побережья с его островами, колониальных уступок в Африке и прочих прежних своих претензий Италия потребовала еще образования в центральной части Албании автономного княжества со столицей в Дураццо, явно рассчитывая поставить в зависимость от себя значительно урезанную территориально и ослабленную Албанию. Согласно планам итальянского правительства Северная Албания подлежала бы разделу между Сербией и Черногорией, Южная — отходила бы к Греции. Валона с округой аннексировалась самой Италией. Кроме того, Италия претендовала на заем в Лондоне в сумме 50 млн. ф. ст. Наконец, Италия настаивала на заключении военной конвенции: в Риме желали иметь гарантию, что Россия не ослабит своего нажима на галицийском фронте, а англо-французский флот поможет в борьбе против австрийского флота.

---

[1] *Salandra.* Italy and the Great War. London, 1932, p. 153.
[2] *B. Bülow.* Denkwürdigkeiten, Bd III, Berlin, 1931, S. 220.

Англия готова была все это обещать. Однако Россия, принимая во внимание свои тесные связи с Сербией, протестовала против передачи Италии территорий, населенных южными славянами. Французское правительство тоже скупилось на оплату нового союзника — оно лишь с неохотой шло на усиление своего соперника на Средиземном море.

Вскоре, однако, итальянское правительство получило новое средство для давления на Антанту. 8 марта 1915 г. в Вене на коронном совете было наконец принято решение о предоставлении Италии территориальных компенсаций даже за счет собственных владений Габсбургского дома. Между Италией и центральными державами начался спор о том, сколько именно должна получить Италия и когда должна состояться передача уступаемых территорий: немедленно или же только после окончания войны.

Под давлением Англии пошла на уступки и царская Россия: она согласилась отдать итальянцам значительную часть Далмации. Таким образом, Антанта удовлетворяла почти все притязания итальянского империализма. 26 апреля 1915 г. в Лондоне был наконец подписан договор с правительствами держав Антанты. Италия обязывалась через месяц начать войну против своих бывших союзников. Для этого Англия предоставляла ей взаймы ту сумму, которой она домогалась.

3 мая итальянское правительство расторгло договор о Тройственном союзе. Тогда Бюлов, чувствуя, что почва в Риме уходит у него из-под ног, пошел на самый решительный дипломатический ход. «9 мая, — повествует он в своих мемуарах, — я заставил императорского и королевского посла барона Маккио у меня на вилле «Мальта», куда я пригласил его для переговоров, написать под мою диктовку заявление, которое в тот же день должно было быть секретным порядком переслано итальянскому правительству и в котором было сказано, что Австро-Венгрия готова уступить населенную итальянцами часть Тироля (Трентино), а также Градиску и западный берег Изонцо, где имеется чисто итальянское население; Триест должен стать имперским свободным городом с итальянским университетом и итальянским муниципалитетом; Австрия признает суверенитет Италии над Валоной и заявит о своей политической незаинтересованности в Албании. Мне пришлось, — пишет Бюлов,— применить сильное давление, чтобы заставить боязливого Маккио совершить тот шаг, который еще в январе... мог бы иметь желательные последствия» [1].

Запасшись такого рода документом, Бюлов немедленно сообщил о нем лидеру итальянских «нейтралистов» Джолитти. Тот срочно прибыл в Рим. Тотчас по приезде Джолитти 320 депутатов парламента из 508, т. е. большинство, демонстративно завезли ему визитные карточки с выражением солидарности. Опираясь на большинство в парламенте, Джолитти заявил королю и Саландре, что не согласен с политикой, намеченной в Лондонском договоре от 26 апреля. Саландра подал в отставку. Казалось, дело Германии выиграно.

Но в этот момент крайние шовинисты, сторонники войны, во главе с бывшим социалистом, ренегатом Бенито Муссолини, писателем-шовинистом д'Аннунцио, за которыми стояли влиятельные капиталистические тузы, организовали угрожающие демонстрации за вступление в войну против Германии. Кампания была оплачена французским золотом. Ныне стало известно, что Муссолини был связан также и с царской охранкой. Опираясь на шовинистов и зарождавшееся фашистское движение, король не принял отставки Саландры. Джолитти был вынужден покинуть Рим. Напуганный парламент 20 мая 1915 г. предоставил правительству чрезвычайные полномочия. Теперь Саландра стал хозяином положения. 23 мая Италия объявила войну Австро-Венгрии.

[1] *B. Bülow.* Denkwürdigkeiten, Bd III, S. 234.

Хищнические цели войны итальянские империалисты прикрывали пышной риторикой. На деле же Италия воевала за захват преимущественно чужих земель, за империалистические интересы крупного капитала и династии. «Италия революционно-демократическая, т. е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи» [1]. Так писал В. И. Ленин.

Взаимоотношения держав Антанты в 1914—1915 гг.

Борьба за вербовку новых союзников осложнялась соперничеством между основными членами воюющих группировок. В лагере центральных держав Германия пользовалась безусловным превосходством в силе. Это упрощало межсоюзнические отношения. Однако и в этом лагере имели место значительные трения, как это вскрыли, например, австро-германские переговоры относительно компенсаций для Италии.

Несравненно более сложными были отношения в рядах Антанты. 5 сентября 1914 г. между Россией, Англией и Францией было подписано соглашение, по которому все три державы принимали обязательство «не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны» и не «ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников» [2]. Это соглашение было равносильно союзному договору: три члена Антанты обязывались сообща вести войну и не выходить из нее иначе, как по взаимному согласию. Антанта превратилась в формальный союз.

Это не значит, однако, что противоречия внутри Антанты исчезли или ослабли. Споры из-за предоставления Италии южнославянских областей являются одним из примеров осложнений, вызванных дележом еще не захваченной добычи.

С самого начала войны между союзниками возникли также разногласия по вопросам стратегического плана войны. Основным фронтом правительства Англии и Франции считали Западный. Русской армии они отводили самую неблагодарную роль: она должна была оттягивать на себя силы противника в те моменты, когда этого требовали соображения англо-французского командования. Действительно, в августе — сентябре 1914 г. русское наступление на Восточную Пруссию помогло спасти Париж и обеспечило успех французов на Марне. Зато России оно стоило величайших жертв.

Тяжелая роль, которую западные союзники навязали России, была следствием зависимости русского царизма от англо-французского капитала, которая отчасти существовала уже и раньше, а во время войны резко возросла. Война 1914—1917 гг. предъявила к промышленности огромные, ранее невиданные и непредвиденные требования на поставку оружия, боеприпасов, особенно артиллерийских снарядов, и других военных материалов. Отсталая экономика царской России не успевала удовлетворять эти требования. Летом 1915 г. недостаточное снабжение боеприпасами повело к отступлению русской армии, оставшейся без снарядов. Царскому правительству приходилось обращаться к Англии и Франции. Просьбы прислать боеприпасы и вооружение летели из Петербурга и из русской ставки в Париж и в Лондон. Западные державы посылали некоторые военные материалы. Но они делали это скупо и медлительно.

Не менее туго продвигались и переговоры об объединении военных усилий союзников на обоих главных фронтах. Русское командование

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 15.

[2] «Международные отношения...», серия III, т. VI, ч. I, № 220, стр. 214.

обычно откликалось на потребности Западного фронта. Если в 1914 г. русские операции в Восточной Пруссии помогли выиграть битву на Марне, то в 1916 г. блестящее наступление Брусилова способствовало спасению Вердена и стабилизации итальянского фронта.

Напротив, Англия и Франция в деле координации боевых усилий союзников не проявляли должной оперативности и даже союзнической лояльности. Весной 1915 г. германское командование перенесло главный удар на Восточный фронт. Результатом этого было отступление храбро сражавшейся, но плохо вооруженной и еще хуже снабженной русской армии. Тем не менее она ускользнула от подготовлявшихся противником клещей и продолжала борьбу. Достигнутый Германией крупный оперативный успех не создал коренного перелома в ходе войны. Начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн побоялся продолжать наступление в глубь России. Он считал, что наступление на Москву завело бы германскую армию «в область безбрежного».

Приняв на себя в кампании 1915 г. главный удар немецких полчищ, Россия обеспечила Англии и Франции время для полного развертывания их сил, для мобилизации ресурсов и промышленности. Благодаря этому к 1916 г. немцы уже потеряли те преимущества, которыми они располагали, начиная войну: в количестве и качестве вооружения, в боевой подготовке резервных формирований и т. д.

Но Англия и Франция со своей стороны почти ничего не предприняли для того, чтобы облегчить летом 1915 г. положение русской армии. Западные союзники не захотели своевременно предпринять крупное наступление на французском фронте. И когда с большим запозданием все же началось наступление в Шампани, то оно оказалось мизерным по своим масштабам и результатам.

Бесконечные проволочки в дипломатических переговорах между странами Антанты по вопросам координации фронтов способствовали затяжке войны. В ставке французского главнокомандующего в Шантильи в течение 1915 г. состоялись межсоюзнические военные совещания. Здесь были приняты решения об одновременном наступлении весной 1916 г. на всех фронтах против Германии и Австро-Венгрии. Однако к осуществлению этих решений западные союзники приступили с запозданием и недостаточно организованно. Между тем уже в 1916 г. Антанта не только численно, но и технически стала сильнее Германии. Несогласованность действий союзников помогала немцам держаться. Вот что пишет по этому поводу в своих мемуарах Ллойд Джордж: «Я пришел к выводу, что мы могли бы добиться победы уже в 1916 г. или, самое позднее, в 1917 г., если бы стратегическое руководство военными действиями проявило больше воображения, здравого смысла и солидарности». Британский министр не ошибался.

Много места в межсоюзнической политике занимали вопросы финансирования войны. После начала войны во Франции был объявлен мораторий по всем платежам. Царскому правительству, располагавшему значительными вкладами во французских банках, в течение последних месяцев 1914 г. пришлось затратить немало усилий, чтобы добиться от французского союзника возможности получить свои же деньги и использовать их для оплаты военных поставок и других расходов. Среди последних основное место занимала выплата процентов по иностранным займам. Таким образом, французы не выплачивали России того, что они были ей должны, но с России они долги получали.

Но главным кредитором всех стран Антанты на первых же этапах войны стали английское правительство и английский капитал. Во время войны Франция выставила большую армию и ее военно-экономические возможности были напряжены до предела. К тому же она была ослаблена, потеряв значительную территорию, в том числе важные промыш-

ленные районы. Все это уменьшило финансовую мощь Франции. Она потеряла способность предоставлять своим союзникам значительные кредиты. Мало того — Франция сама вынуждена была прибегнуть к лондонскому денежному рынку. К нему же пришлось обратиться и царской России. Ей требовались огромные и все возраставшие средства в иностранной валюте на закупку за границей вооружения, боеприпасов и других военных материалов.

Британское правительство и банкиры Сити ссужали деньги. Предоставляемые средства расходовались русским правительством на нужды войны, которая велась Россией совместно с Англией. Кредиты, отпущенные Англией, использовались преимущественно для расчетов по военным заказам в самой же Англии и в США. И тем не менее английский империализм давал деньги на крайне тяжелых условиях. Английский банк требовал от царского правительства передачи ему золота на значительную долю ссужаемой суммы в качестве обеспечения долга. Таким образом, военные займы служили средством для перекачивания из России в Англию возможно большей части крупного золотого запаса, которым располагало до войны царское правительство [1].

В январе 1915 г. в Париже состоялось совещание трех министров финансов по вопросам финансирования войны. Царский министр Барк считал, что на 1915 г. России потребуется иностранный кредит в 100 млн. ф. ст. Он хотел получить их в виде долгосрочного займа, без предоставления какого-либо материального обеспечения. Ллойд Джордж, занимавший тогда пост британского министра финансов, требовал передачи золота. После долгих споров 5 февраля 1915 г. было подписано соглашение. России предоставлялся кредит французским и английским правительствами равными долями на общую сумму 100 млн. ф. ст. Фактически кредит был открыт каждой страной только на 25 млн. ф. ст., т. е. русское правительство получило лишь половину обещанного. Другое соглашение касалось совместного поддержания золотого запаса Английского банка. В случае если этот запас, насчитывавший 90 млн. ф. ст. в результате платежей Америке или иных причин спустился бы ниже 80 млн., Россия и Франция обязаны были ссудить банку золото — до 6 млн. ф. ст. каждая. Было также заключено соглашение о централизации размещения военных заказов всех союзников в Соединенных Штатах и платежей по ним. Все это решено было производить через посредство Лондона. Такой порядок устранял пагубную конкуренцию между странами Антанты, гонявшимися за американскими поставщиками. Но он привел в дальнейшем к установлению фактического контроля английского правительства над русскими и французскими военными заказами.

Наконец, на совещании был установлен порядок оказания финансовой помощи малым союзным странам. Решено было, что помощь эта будет оказываться всеми тремя великими державами Антанты равными долями. При этом Россия вносила свою долю в рублях. Достигнутая договоренность получила громкое наименование соглашения «об объединении финансовых ресурсов трех союзных держав и их взаимной поддержке в борьбе с общим врагом». Оно закрепило руководящее положение Англии в финансировании государств Антанты [2].

Важным дополнением к соглашению трех министров явилась сделка, заключенная английским правительством 15 января 1915 г. с банкирским домом Моргана: отныне все закупки английского правительства в США должны были производиться через эту финансовую группу.

Царское правительство еще ранее разместило в США крупные воен-

---

[1] О финансовых отношениях России с союзниками см. *А. Л. Сидоров.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960.

[2] См. *А. Л. Сидоров.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917), стр. 251—252, 258—259.

ные заказы. При посредстве англичан в США было дополнительно заказано большое количество вооружения и военных материалов для русской армии за счет английских кредитов. Заказы эти были выполнены с большим опозданием и не оказали помощи русской армии в самый тяжелый для нее период кампании 1915 г.[1] Платить за них тем не менее пришлось.

Постепенно США превратились в главного поставщика оружия и боеприпасов для всех государств Антанты. Англия же захватила себе влиятельную роль посредника.

Финансовая зависимость, порожденная экономической слабостью царской России, приводила к тому, что представители царизма за границей — дипломатические, финансовые и военные — все чаще переходили в своем общении с союзниками и с США на язык унизительных просьб. Один из советских исследователей следующим образом резюмирует политические последствия усиления зависимости царизма от английского и французского капитала: «Заставляя русских крестьян и рабочих воевать за интересы англо-французских капиталистов, правительство Николая II оказывалось неспособным даже серьезно поставить вопрос о соответствующей финансовой помощи, хотя министры царского правительства очень хорошо понимали, какие цели преследует давление союзников на Россию. На секретном заседании совета министров 19 августа 1915 г. государственный контролер П. А. Харитонов в следующих словах охарактеризовал позицию союзников: «Значит, с ножом к горлу прижимают нас добрые союзники — или золото давай, или ни гроша не получишь. Дай бог им здоровья, но так приличные люди не поступают». Союзники, говорил другой русский министр (Кривошеин), «восхищаются нашими подвигами для спасения союзных фронтов ценою наших собственных поражений, а в деньгах прижимают не хуже любого ростовщика»»[2].

30 сентября 1915 г. царское правительство получило новый заем у своего английского союзника. Он составил 300 млн. ф. ст., т. е. около 3 млрд. руб., которые предоставлялись в течение 12 месяцев, не более чем по 25 млн. ф. ст. ежемесячно, начиная с октября 1915 г. Впрочем, кредиты фактически были открыты только до апреля 1916 г. «В отношении обязательства снабдить русское правительство кредитами на шесть месяцев с апреля по октябрь 1916 г., приведение в исполнение настоящего соглашения зависит, однако, от возможности для английского правительства располагать средствами платежа в Америке, достаточными для покрытия всех тех обязательств различных союзных правительств в Америке, покрытие которых взяло на себя английское правительство». Чтобы доставить Англии возможность «располагать платежными средствами» для расчетов с Америкой, царское правительство соглашалось предоставить Англии для этой цели золота до 40 млн. ф. ст. Вывозиться из России золото должно было только в случае необходимости. Но наличие такой «необходимости» определялось не русским правительством. Это было доверено Английскому банку.

В дополнительном соглашении русское правительство «признало, что в будущем все предложения относительно поставок для России, подлежащих производству либо в Британской империи, либо в Америке, будут рассматриваться в Лондоне». Ни одна поставка для России, платежи за которую должны быть произведены из предоставленных Англией кредитов, не могла производиться без консультации «с компетентным должностным лицом, назначенным английским правительством». Так закреплялась английская опека над военными заказами русского ца-

---

[1] См. *А. Л. Сидоров.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917), стр. 260.

[2] Там же, стр. 267.

ризма и над расчетами по ним[1]. То был в высшей степени важный этап в усилении зависимости царской России от западного империализма.

4 октября 1915 г. было подписано соглашение о предоставлении России кредита Францией. Он был значительно меньше английского — всего 562 млн. руб.

После того как в конце 1914 г. на западе установилась позиционная война, в обоих лагерях начались поиски наиболее уязвимого участка у противника, удар по которому позволил бы ускорить победу. Хотя французское и английское командование считали решающим Западный фронт, но в лагере Антанты имелись сторонники перенесения главного удара на другие театры военных действий и особенно на Ближний Восток. Оттуда, по мнению сторонников этой точки зрения, можно было вернее поразить Германию. К так называемым «восточникам» во Франции принадлежали генералы Галлиени и Франше д'Эспере. Но особенно сильны были «восточники» в Англии. Там к их числу принадлежали столь влиятельные люди, как военный министр Китченер, Черчилль и Ллойд Джордж.

Этот стратегический вопрос был предметом переговоров между английским и французским правительствами. 3 января 1915 г. было принято решение начать операции против Дарданелл. «Западники»—Жоффр, Мильеран и Френч — противились. Они дрались за каждую дивизию, снимаемую с Западного фронта. Дарданелльская операция была начата союзниками с недостаточными силами и потерпела полную неудачу. Это стало очевидным уже весной 1915 г.

Однако до своего провала дарданелльская операция успела дать толчок к завершению межсоюзнических переговоров о судьбах проливов.

Захватнические планы держав Антанты

Переговоры о дележе будущей добычи начались в стане Антанты вскоре же после начала войны. 14 сентября 1914 г. Сазонов изложил послам союзных держав Палеологу и Бьюкенену основные вехи будущего мира. Программа эта предполагала разгром Германской империи и ее союзников. Ее содержание было таково: 1) главной целью союзников является сокрушение германской мощи; 2) территориальные изменения должны определяться национальным принципом; 3) к России присоединяется нижнее течение Немана и Восточная Галиция (т. е. часть Западной Украины); Познань, Силезия и Западная Галиция включаются в состав Польши, которую предполагалось «восстановить» в качестве государства, зависимого от царской России; 4) Франции возвращается Эльзас-Лотарингия, передается «по ее усмотрению» часть Рейнской области и Палатината; 5) значительно увеличивается территория Бельгии за счет Германии; 6) Дании возвращается Шлезвиг и Гольштиния; 7) восстанавливается Ганноверское королевство, аннексированное Пруссией в 1866 г.; 8) Австро-Венгрия превращается в триединую монархию, состоящую из Австрии, Чехии и Венгрии; 9) Сербии передаются Босния, Герцеговина, Далмация и Северная Албания; 10) Болгария вознаграждается за счет Сербской Македонии; 11) к Греции присоединяется Южная Албания; Валона отходит Италии; 12) производится раздел германских колоний между Англией, Францией и Японией; 13) Германия и Австрия уплачивают военную контрибуцию[2]. 26 сентября Сазонов выдвинул дополнительные требования: Россия должна получить гарантию свободного прохода своих военных кораблей через проливы. Никаких притязаний на захват турецкой территории русское правительство тогда не предъявило.

[1] См. «Международные отношения...», серия III, т. VIII, ч. II. М.—Л., 1935, № 824 и 834, стр. 409—410, 418—420.

[2] См. «Международные отношения...», серия III, т. VI, ч. I, № 256, стр. 247—249.

Вопрос о разделе Турции был впервые поставлен английской дипломатией. Отвечая на предложение Сазонова, Грей высказал мнение, что если Турция присоединится к Германии, то «она должна перестать существовать» [1]. Что касается предложений Сазонова, то большую их часть Грей готов принять. Он высказался, однако, за включение в будущую «мирную» программу также требований о выдаче германского флота и нейтрализации Кильского канала. Он настаивал на необходимости учитывать территориальные интересы Италии и Румынии. Но Грей возражал против перехода Рейнской области к Франции. Таким образом, с первых же месяцев войны наметились англо-французские противоречия, столь широко развернувшиеся впоследствии.

Из-за дележа турецкого наследства уже в 1914 г. между союзниками развернулась дипломатическая борьба. Удар по турецкой армии русским легче всего было нанести через Персию, обойдя турецкий правый фланг. Английское правительство стремилось не допустить этого. 9 ноября в беседе с Бенкендорфом Грей старался убедить посла, что русское правительство не должно использовать персидскую территорию для военных действий против Турции. Одновременно Грей развивал излюбленные мотивы обоих западных союзников: Россия не должна отвлекать силы с германского фронта. Борьба с Германией определит и результат войны против Турции. Для вящей убедительности Грей добавил, что если Германия будет разбита, то судьба Константинополя и проливов будет решена в соответствии с интересами России. Такие посулы свидетельствовали, что активность русской армии на германском фронте, невзирая на успех, одержанный на Марне, была крайне необходима для союзников на Западном фронте.

Вскоре мысли Грея повторил король. Георг V выразился даже более определенно: он прямо заявил Бенкендорфу, что Константинополь «должен быть вашим». Но в официальной английской ноте от 14 ноября, адресованной русскому правительству, на первое место выступил основной мотив: необходимо максимальные силы направить на германский фронт, а на турецком ограничиться обороной. К этому присоединялось заверение, что вопрос о проливах и Константинополе «должен быть разрешен в согласии с Россией» [2]. Это звучало не слишком обнадеживающе.

Тупик, создавшийся на Западном фронте, побудил союзное командование искать других стратегических направлений для сокрушения противника. 25 февраля 1915 г. британские и французские корабли приступили к обстрелу фортов, расположенных у входа в Дарданелльский пролив. Полагая, что дарданелльская операция увенчается полным успехом, греческий премьер Венизелос заявил посланникам Антанты, что Греция намеревается вступить в войну против Германии и ее союзников и послать в проливы десантные войска и флот. Царское правительство встревожилось, как бы его западные союзники не передали Константинополь грекам. Поэтому оно категорически воспротивилось участию греческих войск в дарданелльской экспедиции.

«Опасность» эта, впрочем, отпала, ибо король Константин, который держал сторону Германии и являлся поборником нейтралитета, 6 марта 1915 г. вынудил Венизелоса подать в отставку. Греция осталась нейтральной.

В случае успеха дарданелльской операции России грозил переход проливов в фактическое распоряжение Англии и Франции. Обе они между тем не обнаруживали особого желания скрепить данные ими обязательства формальным договором с Россией относительно судеб проливов и турецкой столицы. Французы при этом были не более торопливы, чем англичане.

[1] «Международные отношения...», серия III, т. VI, ч. I, № 329, стр. 328—329.
[2] Там же, ч. II, № 484, 506, 511, стр. 42—46, 73—74, 77—79.

В связи с началом дарданелльской операции Сазонов 4 марта 1915 г. потребовал от союзников официальных обязательств о передаче проливов России. Он припугнул своих друзей: если союзники будут продолжать свои возражения против таких обязательств, заявил русский министр, то он вынужден будет подать в отставку. Не исключено, что его заменят лицом, которое является приверженцем «старой системы союза трех императоров»[1]. Между тем в воздухе и без того носились слухи о наличии при царском дворе влиятельной клики во главе с императрицей, добивавшейся сепаратного мира с Германией. Угроза подействовала.

12 марта 1915 г. Англия официальной нотой обязалась передать России город Константинополь с примыкающей территорией, включающей западное побережье Босфора и Мраморного моря, Галлипольский полуостров, Южную Фракию по линию Энос — Мидия. Россия должна была получить также восточное побережье Босфора и Мраморного моря до Исмитского залива, острова Мраморного моря и острова Имброс и Тенедос в Эгейском море. Но Россия получала все это только по окончании войны и лишь в том случае, если Англия и Франция также осуществят свои планы в Азиатской Турции и в других областях. В качестве основной платы за передачу России проливов и Константинополя англичане требовали присоединения нейтральной зоны Персии к сфере английского влияния[2]. Это означало бы переход в руки английского империализма несметных нефтяных богатств. Царское правительство ответило согласием, приняв в основном английские условия.

Французский империализм инвестировал в Турции крупные капиталы. В ее разделе он был заинтересован меньше, чем английский. Поэтому на передачу проливов России французское правительство шло с большой неохотой. Лишь 10 апреля оно согласилось с условиями англо-русской сделки, также рассчитывая на захваты в Азиатской Турции.

«...Настоящая война, — указывал В. И. Ленин, — является не только со стороны Германии и Австро-Венгрии, но и со стороны Англии и Франции (действующих в союзе с царизмом), империалистской войной... войной, направленной исключительно к захвату колоний, грабежу конкурирующих стран и к ослаблению пролетарского движения путем натравливания пролетариев одной страны на пролетариев другой»[3].

Впрочем, с реализацией захватнических планов за счет Турции Антанте пришлось подождать: дарданелльская операция провалилась.

Захватнические планы Германии

Захватнические планы Германии по своему размаху превосходили даже замыслы Антанты. Германские империалисты требовали коренного передела мира. Весьма характерны два документа, появившиеся в 1915 г. и вышедшие из среды господствующих классов Германии: меморандум шести могущественных экономических организаций (Центральный союз германских промышленников, юнкерско-кулацкий Союз сельских хозяев и др.) и так называемый профессорский меморандум. Меморандум шести хозяйственных организаций требовал: приобретения обширных колониальных владений путем захвата английских, французских, бельгийских и других колоний; возложения на Антанту репарационных платежей; протектората над Бельгией; присоединения французского побережья Ла-Манша до реки Соммы; захвата железорудного бассейна Бриэй, крепостей Верден и Бельфор и расположенных между ними западных склонов Вогезов. При этом рекомендовалась конфискация в присоединяемых областях всех средних и крупных земельных владе-

[1] «Международные отношения...», серия III, т. VII, ч. I. М.—Л., 1935, № 301, 312, стр. 394, 406.
[2] См. там же, № 299, 351, 352, стр. 392—393, 452—456.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 128.

ний и передача их в руки немцев с возмещением собственников за счет Франции.

Обширные аннексии предусматривались и на востоке за счет России: после войны, мечтали авторы записки, промышленный подъем «потребует расширения сельскохозяйственной базы». Намечался захват русских прибалтийских губерний и «территорий, расположенных к югу от них». Изложенный документ является лишь одним из примеров целого потока захватнических проектов, частью появлявшихся на страницах печати, частью предназначенных только для правящих кругов.

Правящие классы Германии были охвачены шовинизмом, мечтали об установлении своего мирового господства. Правда, в отличие от тех, кто восхвалял до небес мощь «непобедимого тевтонского меча», канцлер Бетман-Гольвег предпочитал выражаться осторожнее, подчеркивая, что Германия ведет якобы не завоевательную войну. На деле, однако, он твердо решил в той или иной форме поставить под господство Германии огромные территории.

Новейшие исследования полностью выявили масштабы захватнических планов германского правительства. В самом начале войны, 9 сентября 1914 г., эти планы в специальной записке изложил сам канцлер. В основе его программы лежала идея «срединной Европы» под гегемонией Германии. Эту идею, наиболее известным пропагандистом которой выступал пастор Науман, еще до войны поддерживали крупнейшие монополисты — Ратенау (электропромышленность) и фон Гвиннер (преемник Сименса в «Дейче банк»). Программа Бетман-Гольвега предусматривала необходимость столь полного разгрома и ослабления Франции, чтобы она уже никогда не смогла подняться в качестве великой державы. Бетман предлагал отторгнуть у Франции Бельфор, западный склон Вогезов, бассейн Бриэй, заставить Францию уплатить контрибуцию и пойти на заключение торгового договора, который поставил бы ее в полную экономическую зависимость от Германии. У Бельгии предполагалось отобрать Льеж. Насчет Антверпена Бетман сомневался. Но вся Бельгия должна была стать «вассальным государством», зависимым от Германии. Бетман намечал создание среднеевропейского экономического союза в составе Австро-Венгрии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Польши, а возможно также Италии, Швеции, Норвегии «под фактическим немецким руководством».

Германская программа намечала «оттеснение России» на восток[1], для чего у нее предполагалось отторгнуть Польшу, Финляндию, Прибалтику. В последующем аппетиты завоевателей распространились на Украину и даже Кавказ. Все эти районы предполагалось на деле превратить в колонии германского империализма — частью посредством прямой аннексии, частью посредством создания «буферных государств», полностью зависимых от рейха[2]. В правительственных кругах Берлина возникла идея выселения поляков из польских областей, входивших в состав Пруссии, а также из пограничной полосы, простиравшейся от старой русско-германской границы до линии Варта — Нарев и, кроме того, охватывавшей район Сувалки. Кроме поляков из этой полосы предполагалось также поголовно выселить евреев и аннексировать ее. России рассчитывали навязать кабальный торговый договор, который превратил бы ее в аграрный придаток германского капитализма[3]. О судьбе остальной части «Царства Польского» шли долгие споры между германским и австро-венгерским правительствами и решение было вынесено лишь в конце 1916 г., когда было решено создать из «Русской Польши» марионеточное государство.

[1] *F. Fischer.* Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962, S. 107—115.
[2] Ibid., S. 122—127, 149—167 и др.
[3] Ibid., S. 124—125.

23 апреля 1917 г. канцлер обсуждал вопрос о целях войны с министром иностранных дел и верховным командованием германской и австро-венгерской армий. Было решено присоединить к Германии захваченные ее войсками Курляндию и Литву, стремиться к присоединению также и остальных прибалтийских земель.

Хотя рейхсканцлер особенно подробно излагал проекты создания «срединной Европы», это не значило, что он был против колониальных захватов на других континентах. Много внимания уделялось созданию обширной сферы влияния на Ближнем Востоке, куда кроме Турции, включая ее арабские области, должен был войти Египет, а возможно, и Персия. Не меньшее место в колониальных планах германского правительства занимали проекты создания колониальной империи в Центральной Африке за счет Бельгийского и Французского Конго, а также прилегающих к ним английских, французских и португальских колоний.

По мере того как война затягивалась, шансы на победу Германии уменьшались. В этой связи в Германии усилилось течение, стоявшее за «умеренный» «мир по соглашению».

К течению, выступавшему «за мир по соглашению», в политических кругах Германии примыкали некоторые леволиберальные группировки, часть партии центра и социал-демократы. Отнюдь не отвергая аннексий, социал-шовинисты как и чисто буржуазные сторонники «мира по соглашению» считали опасным шуметь насчет захватнических притязаний Германии. Они были озабочены поддержанием в массах иллюзий насчет «оборонительного» характера войны. Естественно, что при таких условиях они были несколько умереннее в своих захватнических аппетитах по сравнению со сторонниками войны до полного разгрома противника. Имелись также тенденции к сговору с западными державами за счет России. Такой сговор некоторым рисовался, особенно в рядах социал-демократии, как наиболее привлекательный вариант «мира по соглашению». Такой вариант не только не исключал, но, наоборот, обязательно предполагал обширные захваты чужих земель на востоке.

В конце 1916 г. под влиянием затяжки войны и осложнения политической обстановки большая часть левых либералов, включая партию прогрессистов, а также католический центр склонились к идее «мира по соглашению». Влияние Февральской революции в России, борьба большевиков против империалистической войны, их лозунги мира без аннексий и контрибуций революционизировали рабочие массы в Германии.

Все более активно действовала оформившаяся в начале 1916 г. группа «Спартак» — организация германских левых социал-демократов во главе с К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, В. Пиком.

Спартаковцы вели революционную пропаганду, организовывали массовые антивоенные выступления, руководили стачками, разоблачали империалистический характер войны и предательство оппортунистических лидеров социал-демократии. Вместе с тем руководители группы «Спартак» допускали серьезные ошибки в некоторых вопросах теории и тактики, за что их критиковал В. И. Ленин.

В 1917 г. борьба в Германии по вопросу о войне достигла наибольшего напряжения [1].

Что касается притязаний австро-венгерского империализма, то он добивался господства над всеми Балканами, подавления независимости славянских народов и их освободительного движения.

Грабительскую природу войны со стороны германского империализма разоблачил В. И. Ленин. «...Когда немецкие буржуа ссылаются на

---

[1] См. *З. К. Эггерт.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957, главы IV, V, VIII, IX и XI, особенно стр. 174—175.

защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, они лгут... — указывалось в написанной Лениным резолюции совещания руководящих деятелей большевистской партии, — ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая — угнетает датчан, поляков и французов в Эльзас-Лотарингии, ведя наступательную войну с Бельгией и Францией ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который ей казался наиболее удобным для использования последних ее усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией» [1].

«21 требование» Японии к Китаю

Война в Европе создавала для Японии благоприятную ситуацию. В ее руках оказались германские владения в Китае и на Тихом океане. К концу 1914 г. японцы решили, что пришло время для решительного натиска на Китай.

В начале декабря 1914 г. японский министр иностранных дел Като выступил с публичным «разъяснением» японской политики. Раньше, в своем ультиматуме Германии от 15 августа 1914 г., японское правительство возвестило, что оно забирает Цзяочжоу с единственной целью вернуть его Китаю. Теперь Като сообщал, что это предложение, оказывается, было сделано германскому правительству лишь в целях мирного разрешения вопроса. Немцы не откликнулись на этот призыв. «Раз война началась, то об участи Циндао можно говорить только тогда, когда война кончится. Никаких обязательств по этому поводу Япония на себя ни перед одним иностранным правительством не принимала» [2].

Впрочем, Япония не собиралась довольствоваться захватом германских владений на Дальнем Востоке. Дело шло о судьбах всего Китая. 18 января 1915 г. китайскому правительству была вручена нота, содержавшая 21 требование, которые были сведены в пять групп.

Первая группа японских требований касалась превращения Шаньдуна из сферы германского в сферу японского влияния. Наиболее важная статья этой группы гласила: «Китайское правительство обязуется дать полное согласие на все условия, о которых японское правительство может в будущем сговориться с германским правительством относительно всех прав, интересов и концессий, которыми Германия, в силу договоров или иначе, обладает в отношении провинции Шаньдун».

Вторая группа требований предусматривала аналогичную участь для Восточной Внутренней Монголии и углубляла закабаление Южной Маньчжурии. Срок аренды Порт-Артура, Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог предлагалось продлить еще на 99 лет. Японские подданные получали право приобретать земли в Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии, свободно селиться в этих провинциях и заниматься там любого вида промышленной и коммерческой деятельностью. Китаю предлагалось дать согласие на предоставление японцам ряда горных концессий. Китай должен был также обязаться без согласия японского правительства не выдавать концессий на строительство железных дорог в этих своих провинциях и не заключать иностранных займов под залог получаемых с них доходов. Китаю, наконец, предлагали передать Японии контроль и управление железной дорогой Гирин — Чанчунь.

Третья группа обеспечивала привилегии японского капитала в Ханьепинской компании, угольно-металлургическом комбинате, владевшем копями на реке Янцзы. Компания должна была превратиться в

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 5.
[2] См. «Международные отношения...», серия III, т. VI, ч. II, стр. 25.

смешанное японо-китайское общество. «Без предварительного согласия Японии Китай не будет ни распоряжаться по собственному усмотрению всякого рода правами и собственностью упомянутой компании, ни побуждать ее распоряжаться ими (по собственному усмотрению) до 2007 г.» Ханьепинской компании передавалась монополия на разработку горных богатств, расположенных «по соседству» с ее предприятиями.

Четвертая группа сводилась к основному требованию, в котором за фразами об охране территориальной целостности Китая скрывалось ограничение его государственного суверенитета в пользу Японии.

Но самые тяжелые условия содержались в пятой группе. Принятие этих требований означало бы прямое признание Китаем японского протектората. Вот те статьи, в которых были изложены важнейшие домогательства этого рода: «Статья 1. Китайское центральное правительство будет приглашать влиятельных японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным делам». «Статья 3. ...Необходимо, чтобы полицейские учреждения в важных местах Китая управлялись совместно японцами и китайцами или чтобы полицейские учреждения этих мест принимали на службу многочисленных японцев...» «Статья 4. Китай будет приобретать в Японии определенное количество вооружения (примерно 50% или более того), в котором нуждается китайское правительство, или же в Китае будет создан, на началах совместной работы, китайско-японский арсенал. Имеют быть приглашены японские технические эксперты и приобретены японские материалы». Тут же содержалась статья, превращавшая провинцию Фуцзянь, расположенную на материке против Формозы (Тайваня), в сферу японского влияния. Захватив порты Фуцзяни, японцы рассчитывали ослабить военное значение Филиппин и Гонконга. Наконец, предусматривалось право японских подданных заниматься в Китае миссионерской пропагандой, что могло служить дополнительным путем для внедрения японского влияния. Если бы «21 требование» были осуществлены, Китай был бы полностью закабален японским империализмом.

США попытались защитить от наседавшей Японии свои империалистические позиции в Китае. Ради этого они оказали ему некоторую дипломатическую поддержку. В марте 1915 г. государственный секретарь Брайан направил японскому правительству ноту, в которой возражал против японских требований.

Россия тоже высказала недовольство требованиями Японии. С ее стороны вызвали особые возражения пункты, предусматривавшие приглашение в Китай японских советников и участие японцев в управлении полицией.

Правительство Юань Ши-кая затягивало ответ японскому правительству. Тогда в подкрепление своих требований Япония усилила войска в Шаньдуне, Маньчжурии и в некоторых других пунктах.

Английский посол в Токио запросил, не сделано ли это с целью давления на Китай. На этот вопрос со стороны японского министра иностранных дел последовала весьма своеобразная реплика: «Нет, — заявил министр, — войска посланы не с целью давления, а потому, что неизвестно, какой ответ даст Юань Ши-кай» [1].

Со своей стороны, китайское правительство настаивало на возвращении ему Цзяочжоу и допущении Китая к будущим японо-германским мирным переговорам. В ответ на проволо́чки 7 мая 1915 г. со стороны Японии последовал ультиматум. В случае отклонения его требований японское правительство грозило принять любые меры, которые Япония «сочтет необходимыми». Правда, опасаясь вмешательства Америки, японское правительство порешило умолчать на этот раз о большей части

[1] «Международные отношения...», серия III, т. VII, ч. I, № 365, стр. 475.

требований пятой группы. Из них остался только пункт, касающийся провинции Фуцзянь.

США пытались было организовать вмешательство держав. Однако ни Россия, ни Англия в условиях войны против Германии не решались ссориться с Японией. 8 мая Китай принял японский ультиматум.

Через несколько дней правительство США известило Токио, что оно не признает таких соглашений между Японией и Китаем, которые нарушают американские интересы или равенство прав всех наций в Китае. Этим заявлением США и ограничились. Они, следовательно, не оказали Китаю на деле ровно никакой действенной помощи.

Вступление в войну Болгарии

Одновременно с борьбой за политическую ориентацию Италии и с событиями на Дальнем Востоке развертывалась борьба за Балканы. Здесь наибольшее значение имела позиция Болгарии. Во-первых, из всех балканских стран она обладала наиболее сильной армией. Во-вторых, по своему географическому положению она являлась плацдармом, с которого можно было ударить с тыла как по Сербии и Румынии, так и по Греции. Выступление Болгарии на стороне центральных держав создало бы для Сербии крайне тяжелое положение и, казалось, отнимало у Румынии возможность примкнуть к Антанте. И наоборот, присоединение Болгарии к Антанте обеспечивало Сербии тыл и позволяло ожидать, что болгарскому примеру последуют Румыния и Греция.

Итак, Болгария в условиях войны 1914 г. оказывалась ключом ко всему Балканскому полуострову. Поэтому Сазонов с первых же дней войны уделял исключительное внимание привлечению этой страны на сторону России. В этом он видел решающий шаг к восстановлению балканского блока, разрушенного второй Балканской войной. Достигнуть соглашения с Болгарией Антанта могла только одним путем: заставить Сербию и Грецию уступить Болгарии области, отнятые ими у нее в 1913 г. Уже с августа 1914 г. Сазонов настойчиво советовал сербскому и греческому правительствам пойти на уступки Болгарии. В Греции эти советы были совершенно безнадежны: они лишь укрепляли позиции германофилов-нейтралистов, во главе которых стоял сам король. Антантофилы, руководимые Венизелосом, были склонны вступить в войну, но, конечно, не для того, чтобы самим платить за это уступкой территории, которая принадлежала Греции. Не удивительно, что Англия, весьма дорожившая поддержанием тесных связей с Грецией, отнюдь не одобряла политики русского правительства и даже ей противодействовала.

Больше шансов было у Сазонова в Белграде. Сербия воевала, ее положение по сравнению с нейтральной Грецией было несравненно более стесненным. Пашич соглашался отдать Болгарии часть сербской Македонии, если война закончится победой Антанты и Сербия получит от Австрии ее южнославянские области. Разумеется, такой неопределенной перспективой трудно было соблазнить болгарское правительство: чтобы примкнуть к Антанте, ему нужно было получить нечто более осязаемое. Но кроме Македонии, а также Западной Фракии, которой владела Греция, союзники обещали Болгарии лишь Восточную Фракию к западу от линии Энос — Мидия, т. е. намеревались вознаградить ее за счет Турции. Это обещание можно было выполнить опять-таки только после победы. Однако болгарский премьер Радославов определенно давал понять, что лишь немедленная передача Македонии могла бы побудить Болгарию выступить на стороне Антанты. На это с сербской стороны отвечали, что сербское правительство скорее «предпочтет оставить всю Сербию австрийцам, чем уступить клочок Македонии болгарам» [1].

[1] «Международные отношения...», серия III, т. VI, ч. II, № 508, стр. 75.

Несравненно более сильными были в Софии позиции центральных держав. Царь Фердинанд был на их стороне. С первых дней войны австрийская и германская дипломатия уговаривали болгарское правительство напасть на Сербию. Дипломатии центральных держав помогали обстоятельства: основные территориальные притязания Болгарии распространялись на союзника Антанты — Сербию. Германия и ее союзники сулили Болгарии всю Македонию и даже часть Старой Сербии. В случае присоединения Румынии к Антанте Болгарии обещали, кроме того, не только возвратить Южную Добруджу, но передать и северную часть этого края. Однако Болгария еще не успела подготовиться к войне. Пока что она предпочла остаться нейтральной, не присоединяясь окончательно к центральным державам.

Окончательно решило исход борьбы за Болгарию изменение военной обстановки. За неудачей дарданелльской экспедиции последовало отступление русской армии, которая оставила почти всю Галицию, Польшу, Литву, часть Белоруссии. Затем началось сосредоточение на подмогу австрийцам германских войск против Сербии. Военные успехи Германии преодолели страх болгарских правящих кругов перед Антантой. Царь Фердинанд и его клика пошли на соблазнительный для них, хотя и в высшей степени опасный, риск. 3 сентября было подписано турецко-болгарское соглашение, а 6 сентября — союзный договор между Болгарией, Германией и Австро-Венгрией. Так создался Четверной союз.

Весьма остро стоял и вопрос о Греции. С кем она пойдет? С Германией или с Антантой? Выборы в греческий парламент в августе 1915 г. снова привели к власти Венизелоса. Когда в сентябре надвинулась непосредственная угроза нападения Болгарии на Сербию, греческий премьер заявил посланникам Антанты, что готов выполнить обязательства Греции, предусмотренные греко-сербским союзным договором 1913 г., но при условии, что союзники придут Греции на помощь и высадят в Салониках 150-тысячную армию. Английское и французское правительства приняли предложение Венизелоса. Было решено послать в Салоники войска с Галлипольского полуострова [1]: к этому времени бесперспективность дарданелльской операции была уже совершенно очевидна. Однако французское правительство с большим трудом добилось от главнокомандующего Жоффра распоряжения о посылке в Салоники 64 тыс. человек, включая и эвакуированных с Галлиполи. Англичане обещали столько же. До 150 тыс., запрошенных Венизелосом, не хватало 22 тыс. Пока шли эти переговоры, король Константин вторично уволил Венизелоса и подтвердил сохранение нейтралитета. Практически в Салониках союзники успели высадить сравнительно небольшие силы. Эта медлительность Англии и Франции немало способствовала тому, что в ночь на 14 октября Болгария напала на Сербию, открыв военные действия. Одновременно австро-германские силы, действовавшие на балканском фронте, предприняли наступление на Сербию с севера. В конце октября в Салониках было всего 80 тыс. союзных войск. Эти силы не сумели предотвратить поражение Сербии и воспрепятствовать установлению территориальной связи между Германией и Турцией. Вся территория Сербии была захвачена Германией и ее союзниками. Остатки сербской армии эвакуировались на остров Корфу.

Выступление Румынии

С самого начала войны в Бухаресте происходила дипломатическая борьба, сходная с той, которая велась в Константинополе, Риме, Софии и Афинах. Обе воюющие группировки старались привлечь Румынию на свою сторону, предлагая ей разнообразные приманки за счет своих врагов. Союзный договор 1883 г.,

[1] На Галлипольском полуострове в ходе дарданелльской операции державы Антанты высадили десант.

связывавший Румынию с Тройственным союзом, к началу войны успел потерять почти всякое реальное значение. Он был расшатан румыно-венгерской борьбой в Трансильвании и румынскими национальными притязаниями на эту область, находившуюся под властью Венгрии. Попытки как Вены, так и Берлина воздействовать на Будапешт, чтобы добиться от венгров уступок трансильванским румынам, имели мало успеха. Однако германская и австрийская дипломатия с первых дней июльского кризиса 1914 г. попытались помочь делу, подкупив Румынию: они обещали отдать ей Бессарабию. Ответ румынского премьера Братиану гласил, что Румыния пойдет на захват Бессарабии лишь в одном случае — если Россия будет разбита.

Одновременно с Германией царская Россия тоже начала соблазнять румынское правительство: она предлагала ей Трансильванию. Но румынская правящая верхушка предпочитала выждать дальнейшего хода военных событий. Воздерживаясь пока от вступления в войну, она решила на ближайшее время удовольствоваться возможно более выгодной продажей своего нейтралитета. Братиану стремился получить Бессарабию от самой России в качестве платы за этот нейтралитет. Он встретил поддержку в Париже и в Лондоне: там находили вполне естественным заплатить Румынии за счет союзной страны. Русское правительство отклонило эти домогательства.

Больше успеха имел Братиану, запрашивая у Антанты компенсации за счет Австро-Венгрии. 1 октября 1914 г. было заключено русско-румынское соглашение, по которому Россия гарантировала территориальную целостность Румынии и признавала за ней право на австро-венгерские территории с румынским населением. Румыния могла взять эти территории «в момент, который она сочтет удобным» [1]. Иначе говоря, румынские правители могли соблюдать нейтралитет до тех пор, пока победа русского оружия не доставит им легкой добычи. Гарантия территориальной целостности обеспечивала Румынию от попыток болгарского реванша: в Софии правительство только и думало, как бы вернуть Южную Добруджу. Румынскому правительству удалось добиться займа на лондонском рынке; это тоже была плата за нейтралитет. Впрочем, торгуясь с Антантой, румынская дипломатия не зевала и в Берлине: Германии также приходилось платить Румынии — и за нейтралитет и за пропуск снаряжения в Турцию.

Весной 1915 г. румынское правительство потребовало у Антанты признания своих притязаний не только на Трансильванию, но и на все австро-венгерские территории до Прута и Тисы. Это требование натолкнулось на противодействие правительств России и Сербии. Они не соглашались отдать Румынии украинские и сербские земли. Царское правительство само претендовало не только на Галицию, но и на часть Буковины, а сербская монархия — на все югославянские области. Как раз в это время русское командование просило западных союзников предпринять наступательные действия, дабы отвлечь силы противника от русского фронта. Вместо этого те посоветовали добиться военной помощи со стороны Румынии. Царское правительство уступило настояниям союзников и пошло навстречу некоторым румынским требованиям.

Пока шли русско-румынские переговоры, началось отступление русской армии. Неудачная для русских кампания 1915 г. побудила Братиану снова уклониться от участия в войне. Но с новым поворотом военного счастья вновь изменилась и позиция румынского правительства. Неудача немцев под Верденом и наступление Брусилова высоко подняли в 1916 г. шансы Антанты. 17 августа 1916 г. был заключен договор между Румынией и четырьмя державами Антанты. Румыния брала обязательство

[1] «Международные отношения...», серия III, т. VI, ч. I, № 340, стр. 341—342.

вступить в войну против Австро-Венгрии. За это ей обещали Трансильванию, большую часть Буковины и Банат. Русское командование считало вступление Румынии в войну бесполезным.

28 августа 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии. Но уже 10 октября в русскую ставку прибыли уполномоченные румынского короля с просьбой о помощи. Австро-венгерские войска, усиленные немецкими, неудержимо наступали на Румынию. Русской армии пришлось взять на себя оборону румынского фронта. Союзная салоникская армия так и не шелохнулась, чтобы оказать румынам какую-либо помощь.

Планы раздела Азиатской Турции

Одновременно с дипломатической борьбой за вербовку союзников между Антантой и центральными державами продолжалось соперничество внутри лагеря Антанты. Оно было продолжением борьбы, развернувшейся в 1914—1915 гг. вокруг договора о проливах.

После долгого и сложного торга союзники наконец договорились о разделе Азиатской Турции. Инициатива принадлежала западным державам. С английской стороны переговоры между ними вел Сайкс, с французской — Пико. 9 марта 1916 г. результаты сговора между Сайксом и Пико были сообщены царскому правительству. То был план захвата Антантой большей части Османской империи, включая часть чисто турецких областей. Сазонову очень не понравилось, что между будущими русскими, французскими и английскими владениями не оставлено какого-либо буферного государства. Да и помимо этого у него возник целый ряд возражений. Последовали новые переговоры. Только после длительной дискуссии и ряда поправок русское правительство признало англо-французское соглашение. 26 апреля состоялось подписание франко-русского соглашения (в дальнейшем одобренного Англией) о размежевании обоюдных претензий на Азиатскую Турцию. 9 и 16 мая последовало заключение окончательных соглашений между Англией и Францией по тому же самому вопросу. Два последних документа и вошли в историю под наименованием «соглашение Сайкс — Пико».

Англия получала Месопотамию с Багдадом, но без Мосула. Большая часть Аравийского полуострова признавалась сферой английского влияния. В Палестине устанавливался международный контроль, но Англии предоставлялись порты Хайфа и Акка.

Франции по этому разделу отходили Сирия, Ливан, Малая Армения, Киликия, значительная часть Курдистана и даже часть Восточной Анатолии. В качестве сферы влияния она приобретала сверх того часть Аравии, расположенную к северу от границы Неджда, и Мосульскую область.

России доставались районы Трапезунда, Эрзерума, Баязета, Вана и Битлиса, часть Курдистана и полоса вдоль Черноморского побережья к западу от Трапезунда. Все это — сверх того, что ей было предоставлено по соглашению о Константинополе и проливах. Французские железнодорожные концессии на территории, отходившей к России, сохраняли силу.

Доли Италии не определили, поскольку, начав войну с Австро-Венгрией, она все еще мешкала с объявлением войны Германии. В августе 1916 г. она наконец решилась на этот шаг, и после этого ей был выкроен на карте большой кусок Южной и Юго-Западной Анатолии, включавший Адалию, Конью, Айдин и Смирну. Словом, от Турции уцелела только Центральная и Северная Анатолия.

С самого начала войны Англия развила активную деятельность своей агентуры среди арабов, подвластных Османской империи. Во главе агентуры стоял знаменитый разведчик полковник Лоуренс. Этой восточной дипломатией британского империализма руководило не столько министерство иностранных дел, сколько органы разведки.

Французский империализм через Пико развил в Сирии аналогичную деятельность. Вот как гласила инструкция, которую получил Пико:

«Племенам, которые выскажутся в благоприятном для нашего дела смысле, вы раздадите оружие и амуницию и организуете из них отряды, способные тревожить нашего неприятеля. Находясь посредством разведывательных органов в тесном контакте с арабами, вы будете направлять и согласовывать их движения. Наконец, вы создадите при себе совет, состоящий из делегатов различных вождей, и будете направлять их стремления».

Вся эта политика активно поддерживалась капиталистами, имевшими интересы на Ближнем Востоке. Она была направлена на колониальное порабощение арабских стран. Но ее империалистическая сущность маскировалась поддержкой расширявшегося арабского национального движения, поскольку оно было направлено против Османской империи. Правительства Англии и Франции не скупились перед арабами на лживые обещания независимости. После войны вся фальшь этих заверений была полностью разоблачена фактами английской и французской политики, постаравшейся превратить арабские области бывшей Османской империи в свои протектораты и колонии.

Финансовые отношения стран Антанты в 1916 г.

14 июля 1916 г. в Лондоне открылась вторая конференция министров финансов держав Антанты. Рибо и Барк по-прежнему представляли Францию и Россию; Англия была представлена своим министром финансов Мак-Кенна (Ллойд Джордж к этому времени перешел в министерство снабжения, а в декабре 1916 г. был назначен премьер-министром). Участников конференции стало теперь уже четверо — прибавилась Италия, отсутствовавшая в Париже на февральской конференции 1915 г. Ее представлял министр финансов Каркано. Французское правительство, уже страдавшее от недостатка средств и тяготившееся английской опекой, предложило союзникам создать общую организацию для согласованного размещения заказов всех государств Антанты и расчетов по ним, а также для совместного изыскания средств на оплату поставок из Америки. Осуществление этого проекта разрушило бы руководящее посредническое положение английского империализма внутри Антанты в деле финансирования войны и закупок в США. Не удивительно, что Мак-Кенна категорически отклонил французский проект.

Конференция ограничилась созданием в Лондоне комиссии по взаимной информации о размещаемых всеми членами Антанты крупных заказах. 24 августа на англо-французском совещании в Кале была достигнута договоренность о предоставлении Англией займа Франции на сумму 150 млн. ф. ст., обеспеченного передачей Англии «взаймы» французского золота на 50 млн. ф. ст. [1]

Еще больше, чем Франция, нуждалась в средствах Россия. Барк и Сазонов очень стремились к освобождению от англо-французской монополии на кредитование России. Сделать это можно было только посредством прямого обращения к Уолл-стриту. Однако получить деньги в США царскому правительству не удавалось. «В ответ на наши запросы, — сообщал Барк, — Америка предъявляет к нам слишком стеснительные требования, вроде ипотеки на железные дороги и двойного обеспечения» [2]. Приходилось волей-неволей обращаться к старым кредиторам — Франции и Англии.

В результате переговоров между Барком и Рибо Франция повысила ежемесячные кредиты России со 125 млн. франков до 150 млн. Но право распоряжаться этими кредитами было ограничено: средства по ним отпускались всякий раз только с согласия французского ми-

[1] См. *А. Л. Сидоров.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917), стр. 343.
[2] Там же, стр. 340.

нистра снабжения на производство во Франции платежей за изготовленные там предметы для нужд русской армии [1].

Наиболее важными были для царского правительства переговоры с англичанами. Барк вел их, опираясь на успехи, достигнутые русскими армиями Юго-Западного фронта. И тем не менее Мак-Кенна оказался скупым и упорным до крайности: «Я могу открывать вам кредит, — говорил он Барку, — лишь в мере действительной для меня возможности расплачиваться на американском рынке. Я взял уже почти силою все американские ценные бумаги не только у английского правительства, но и у частных лиц... Я скоро исчерпаю все свои ресурсы», — торговался английский министр. «Что я тогда буду делать?» — спрашивал он. Он готов был предоставить лишь минимальные кредиты, а о более значительных предлагал отложить разговоры до ноября. «Если же вы хотите получить все кредиты сейчас, дайте мне 30% золота. За 30% золота я дам вам кредиты на все 100%. Не иначе!» Это был язык шекспировского Шейлока.

«За 30% золота я и без вас, где угодно, в Америке найду кредит», — отвечал русский министр. В Лондоне он узнал, что Франция практически не передала ни одного франка золота в обеспечение полученных ею кредитов. А с России золото требовали. Неприглядную картину являл собой этот торг между союзниками!

Барк и особенно сопровождавший его генерал Беляев указали англичанину, что если его скаредность приведет к новым пробелам в снабжении русской армии, то генерал Алексеев, начальник штаба верховного главнокомандующего, изменит свои стратегические планы. В этих словах звучала скрытая, но действенная угроза: отказ русского командования от наступательных операций повредил бы положению английской армии на Западном фронте.

Мак-Кенна испугался и немедленно же согласился на предоставление сразу всего просимого у него кредита в 150 млн. ф. ст. (около 1500 млн. руб. по золотому паритету). Но уступив в этом вопросе, на передаче золота английский министр продолжал настаивать. Барк отказался дать свое согласие на это требование и уехал из Лондона, не подписав соглашения. Царский генерал Михельсон, участвовавший в переговорах, с полным основанием расценил позицию английского правительства, как «желание... идти дальше по пути захвата экономического влияния в России...» [2].

Но кредиты Лондон все же должен был предоставлять, дабы русская армия, пока продолжалась война, могла содействовать победе над Германией. В августе 1916 г. английское правительство решило сделать еще одну уступку: вместо 40 млн. ф. ст. оно готово было удовольствоваться золотом на 20 млн. ф. ст. (сверх обусловленного по соглашению 1915 г.), но с тем, чтобы перевод его из России последовал по первому требованию Английского банка. Тон переговоров достиг при этом предельной напряженности.

Наконец 27 октября 1916 г. посол Бенкендорф и Грей подписали соглашение о кредитах. Золото подлежало передаче только в том случае, если бы золотой запас Английского банка упал ниже 85 млн. ф. ст. и во всяком случае не ранее 1 января 1917 г. Всего англичане выкачали из России до Февральской революции золота на 60 млн. ф. ст. (40 млн. по соглашению 1915 г. и 20 млн. — по соглашению 1916 г.) [3].

Царское правительство разместило огромные заказы в Соединенных Штатах. Оно вело там переговоры о кредитах с Морганом, «Нейшнл сити

---

[1] См. *А. Л. Сидоров.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917), стр. 345.

[2] См. там же, стр. 357.

[3] См. там же, стр. 368 и 369.

бэнк» и с некоторыми менее крупными фирмами. Было заключено несколько соглашений, но все довольно скромного масштаба. Общий размер американских кредитов до Февральской революции не превышал 250 млн. руб.[1] Большая часть русских заказов американской промышленности была оплачена не за счет займов, заключенных в США, а через Лондон из кредитов, предоставленных Англией.

В 1916 г. в США Россия могла бы получить и значительно большие суммы. «Нейшнл сити бэнк» был весьма заинтересован в делах с Россией. Он открыл там свои отделения. Очень характерно замечание, сделанное Вандерлипу, президенту этого банка, сенатской комиссией по обследованию военной промышленности: «Вы как бы взяли Россию как вашу сферу влияния, а Морганы взяли Англию и Францию?» В этих словах содержалось преувеличение. Но оно сигнализировало о факте совершенно бесспорном: возраставшем интересе американского капитала к эксплуатации богатств России.

Межсоюзнические конференции на рубеже 1916—1917 гг.

Конференция представителей союзных командований, состоявшаяся в Шантильи в ноябре 1916 г., постановила предпринять согласованное наступление союзников на всех фронтах. Срок был намечен близкий — февраль 1917 г. Вскоре затем планы на 1917 г. обсуждались тремя западными членами Антанты в Риме — характерным образом, без участия представителей России. По предложению Ллойд Джорджа было условлено увеличить снабжение русской армии, но потребовать за это от царского правительства формирования и отправки на фронты новых дивизий[2]. И, наконец, делегации всех четырех союзных великих держав собрались еще на одну конференцию — в Петрограде. Она открылась 1 февраля (19 января) и закончилась 20 (7) февраля 1917 г. Английскую делегацию возглавил Мильнер, член военного кабинета, французскую делегацию — министр колоний Думерг, бывший премьер, русскую — новый министр иностранных дел Покровский. Представители русского командования считали невозможным начинать большое наступление раньше мая. Царское правительство просило должного снабжения, кредитов для его оплаты и мер по укреплению быстро падающего курса рубля — ведь поддерживало же оно своим золотом курс фунта стерлингов. На словах союзники на конференции пошли ему довольно далеко навстречу. Но английская делегация подчеркнула, что рекомендации конференции не являются обязательными для ее правительства. Делегация доложит кабинету о работе конференции и лишь тогда он примет свое решение. Короче говоря, царскому правительству конференция не дала ничего, кроме посулов на будущее. Но участия в запланированном наступлении союзники требовали от России самого активного. Петроградская конференция была последней международной встречей, в которой участвовали представители русского царизма.

В начале 1917 г. между русским и французским правительствами было заключено еще одно соглашение об условиях будущего мира. Оно имело форму обмена нотами. Русский министр иностранных дел 14 февраля выразил готовность поддержать Францию в ее претензиях на Эльзас-Лотарингию и Саарский угольный бассейн. Остальные германские земли на левом берегу Рейна должны были составить «автономное и нейтрализованное государство». Оно будет занято французскими войсками впредь до выполнения Германией (и ее союзниками) всех требований будущего мирного договора. Французское правительство в ответной ноте от 11 марта подтверждало соглашение о Константинополе и проливах и

---

[1] См. *А. Л. Сидоров.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917), стр. 392.

[2] См. *Д. Ллойд Джордж.* Военные мемуары, т. III. М., 1935, стр. 269.

признавало свободу России в определении ее западных границ. Соглашение вызвало недовольство английского правительства. Оно было недовольно тем, что франко-русская сделка состоялась без его участия, и не желало столь значительного усиления Франции. Вследствие этого оно возражало против передачи под ее господство левого берега Рейна.

Поворот в ходе мировой войны

Два с лишним года военных действий — с августа 1914 г. по конец 1916 г. — не принесли решающей победы ни той, ни другой стороне. Военные достижения Германии на первый взгляд были более значительными, чем успехи Антанты. Германия заняла всю Бельгию и значительную часть Франции, Польшу, часть Прибалтики и Белоруссии, разгромила Сербию и Румынию. Всему этому Антанта могла противопоставить лишь победу на Марне, спасение Вердена и русские победы над австрийцами и турками. Территориальные захваты держав Антанты по своему значению и размерам далеко уступали немецким. Но что удалось Антанте, так это срыв германского стратегического плана и расчетов на короткую войну. В конечном счете это предопределило победу союзников. Германия была лучше подготовлена к войне. Но у Антанты было больше экономических ресурсов, больше людей и денег. Сорвав план Шлиффена и затянув войну, державы Антанты обеспечили себе время для мобилизации своих потенциально превосходящих сил, догнали Германию по своей военной подготовке, свели тем самым на нет главное ее преимущество и в конце концов одолели ее.

Но в конце 1916 г. было еще далеко не ясно, «чья возьмет». Тем не менее оба воюющих лагеря стали чувствовать потребность скорее закончить войну. В конце 1916 г. и в начале 1917 г., говоря словами Ленина, совершался «поворот в мировой политике *от империалистской войны... к империалистскому миру...*»[1]. Две основные причины вызывали у империалистов потребность прекратить затеянную ими войну: истощение материальных ресурсов и рост революционного настроения народных масс.

Отсюда возникали все учащавшиеся попытки завязать переговоры о мире — общем или сепаратном. Обе отмеченные причины поворота от империалистической войны к империалистическому миру в той или иной мере ощущались во всех воюющих странах. Но наиболее остро они дали себя знать в странах германской группировки, а из держав Антанты — в царской России.

Несмотря на все военные успехи Германии, война затягивалась. А в войне на истощение шансы неизбежно складывались в пользу Антанты. Британский флот постепенно создал вокруг Германии кольцо блокады. В деятельности английской дипломатии немалое место занимали теперь переговоры с нейтральными странами об ограничении их экспорта в Германию. При господстве Англии на морях отказ грозил европейским нейтралам прекращением всякого подвоза. Гораздо больше забот доставляли Антанте США, которые на первых этапах войны решительно протестовали против английской блокады. Большая часть торговли США шла по Атлантическому океану. Английская блокада нарушала американские торговые интересы самым чувствительным образом. Она прерывала нормальный торговый обмен со значительной частью Старого Света, а перед войной в одну только Германию шло около 15% экспорта США. Блокада принудительно ограничивала торговые связи США с Европой. Правительство США требовало, чтобы Англия уважала «свободу морей». Под влиянием протестов США английское правительство 20 августа 1914 г. заявило, что при осуществлении блокады оно будет придерживаться Лондонской декларации 1909 г. «о правилах мор-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 30, стр. 339—340.

ской войны». Декларация эта устанавливала довольно либеральный режим, ограничивая контрабанду незначительным числом товаров и обеспечивая свободу доступа торговых судов в нейтральные порты.

Однако в дальнейшем английское правительство поспешило освободиться от норм международного права, стеснявших его в неограниченном применении блокады. Английская дипломатия воспользовалась нарушениями установленных норм морской войны, допущенными Германией. Она использовала немецкие беззакония, чтобы 3 ноября 1914 г. объявить все Северное море военной зоной и стеснить доступ к нейтральным портам Нидерландов и Скандинавии, через которые шло еще довольно обильное снабжение Германии [1].

Вопреки протестам нейтралов английское правительство постепенно усиливало блокаду. Учитывая интересы США, хлопок долго не включали в число запрещаемых товаров. Но затем и он был объявлен контрабандой. Правда, на поставках немцам каучука сами англичане наживались почти до конца войны. Но в целом английское правительство значительно расширило список товаров, объявленных военной контрабандой. В интересах войны против Германии все меньше и меньше уважения проявляло оно к нейтральному флагу. 7 июня 1916 г. английское правительство официально и публично отказалось от Лондонской декларации [2]. Парижская конференция Антанты в 1916 г. учредила комитет, занявшийся составлением перечня контрабандных товаров и «черных списков» фирм, поддерживавших торговлю с Германией. Этим фирмам грозил бойкот, отказ в кредитах и иные кары. В особый, «серый список» вносились фирмы, состоявшие на подозрении.

После вступления в войну Италии все сухопутные границы Германии и ее союзников, за исключением немецко-голландской, немецко-датской и швейцарской, превратились во фронты. Это привело к тому, что эффективность английской блокады возросла. Она вынудила Германию обходиться недостаточными ресурсами продовольствия и стратегического сырья стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Правда, захват Румынии несколько ослабил эффективность блокады Германии. Но зерновые и нефтяные ресурсы Румынии были совершенно недостаточны по масштабам огромных потребностей Германской империи, Австро-Венгрии и их союзников.

Еще более трудным было положение царской России. Сырья и людей в стране было достаточно. Но экономическая отсталость приводила к тому, что это сырье нелегко было добыть, еще труднее переработать и уже совсем тяжело подвезти к месту потребления, будь то фронт или же крупные городские центры. Слабость промышленности и расстройство транспорта делали экономическое положение царской России отчаянным и усиливали революционный подъем. Огромное значение имело то обстоятельство, что только в России уже имелась пролетарская партия нового типа, партия большевиков, способная и готовая вести массы на решающие классовые битвы.

Германское правительство и его дипломатия учитывали положение царской России и сделали из него свои выводы. Уже с 1915 г. с германской стороны началось дипломатическое зондирование возможности сепаратного мира между Россией и Германией. При этом Берлин использовал датского и шведского королей, в особенности же — немецкую агентуру, наводнявшую придворные круги Петербурга. Германское правительство добивалось от турецкого официального согласия на изменение режима проливов в интересах России.

Германская дипломатия и разведка рассчитывали опереться на давние симпатии наиболее реакционных кругов царской России к Германии

[1] См. *И. Н. Каверин.* За кулисами английской блокады. М., 1955, стр. 68—71 и др.
[2] См. там же, стр. 104.

и Австрии и их отвращение к союзу с Англией. Весной и летом 1915 г. в Петербург в целях зондажа возможностей сепаратного мира по поручению Бетмана ездил датский судовладелец Андерсен, друг датского короля, от которого и исходила инициатива, поддержанная германским канцлером. В качестве посредника была также использована фрейлина русского двора Васильчикова, которую война застигла в Австрии, где она проживала в своем имении. У Васильчиковой были связи в придворных кругах не только русской, но и австрийской столицы. Она переправила Николаю II три письма: в них сообщалось, что германский кайзер готов заключить мир. В декабре 1915 г. фрейлина пробралась в Россию и пыталась добиться аудиенции у царя. Однако слухи об ее деятельности проникли в публику, и Васильчикову из осторожности поспешили выслать из Петербурга. Велись переговоры также через германских родственников царицы.

Но вот в начале 1916 г. председателем совета министров царь назначил Штюрмера — представителя крайней реакции, чиновника, известного своими немецкими симпатиями. То была победа германофильской камарильи при царском дворе. В июле в Стокгольме состоялось свидание между банкиром Варбургом, неофициальным агентом германского правительства, и товарищем председателя Государственной думы Протопоповым, близким другом Распутина. Варбург зондировал почву по поводу возможностей заключения мира между Германией и Россией. Протопопов сообщил об этой беседе некоторым членам Думы и по вызову Николая II доложил обо всем и ему.

Все это было строго конспиративной и неофициальной дипломатией. Министр иностранных дел Сазонов относился к ней резко отрицательно, однако при дворе она находила поддержку. Мысль о сепаратном мире поддерживал Распутин. В июле 1916 г. Сазонов получил отставку. Штюрмер «по совместительству» принял портфель министра иностранных дел. В сентябре 1916 г. царь назначил Протопопова управляющим министерством внутренних дел. С назначением Протопопова, прямого ставленника Распутина, на министерский пост почва для сепаратного мира стала в Петербурге особенно благоприятной.

Германское правительство само нанесло удар собственным замыслам. 5 ноября 1916 г. Германия и Австро-Венгрия издали декларацию о создании «независимой» Польши, но только из польских губерний, отвоеванных у России [1]. Ни в Берлине, ни в Вене не помышляли об освобождении польских земель, присоединенных в свое время к Пруссии и Австрии. Польша мыслилась в Берлине не иначе, как под опекой Германии.

Николай был весьма раздражен этим актом. Царское правительство объявило, что считает декларацию недействительной. Она издана, указывало русское правительство, лишь с целью провести в русской Польше набор для пополнения австро-германских армий. Вместе с тем русское правительство еще раз подтвердило свое решение «образовать целокупную Польшу» под скипетром русского царя. Под флагом «восстановления Польского государства» царизм в свою очередь замышлял подчинение польских земель, принадлежавших его противникам.

В кругах русской буржуазии нарастала оппозиция царизму. В Государственной думе Штюрмеру не позволили говорить и заставили покинуть трибуну. 14 (1) ноября Милюков обвинил в Думе Штюрмера в измене. Лидер кадетов высказал мысли, разделявшиеся в империалистических правящих кругах Англии и Франции. Николаю пришлось уволить Штюрмера. На посту министра иностранных дел его заменил Покровский, а в качестве главы правительства — А. Трепов.

[1] «Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart», Bd 1. Berlin, 1958, № 20, S. 39.

Стремление к сепаратному сговору с немцами было присуще отнюдь не одним только придворным кликам царской России. Оно проявлялось и в Англии. В ноябре 1916 г. один из лидеров консервативной партии, лорд Ленсдаун, — занимавший пост министра иностранных дел в начале XX в., — выступил с доверительной запиской, предназначенной для узкого «избранного» круга. Ленсдаун доказывал, что необходимо возможно скорее достигнуть соглашения с Германией. Его проект был отклонен кабинетом. Тем не менее в Англии многие склонны были ставить под подозрение способность либерального правительства вести войну с должной энергией и даже его союзническую лояльность. Правительство Асквита обнаруживало неспособность и нежелание вести войну с полным напряжением сил.

В декабре 1916 г. кабинет Асквита должен был уйти. Ллойд Джордж сменил его под лозунгом войны до полной победы.

В Германии наблюдалась крайняя нехватка продовольствия. Потери на фронтах были огромные. В народе нарастали революционные настроения. Канцлер Бетман-Гольвег и его правительство были озабочены тем, как бы ослабить недовольство в стране. Одним из пригодных для этого средств им рисовались пацифистские жесты и маневры «в пользу мира». После взятия Бухареста в декабре 1916 г. германская дипломатия сочла момент благоприятным, чтобы, опираясь на этот успех немецкого оружия, выступить с предложением о заключении мира. 12 декабря 1916 г. германское правительство обратилось к правительствам нейтральных держав. В своей ноте оно выражало готовность «немедленно приступить к мирным переговорам». При этом подчеркивались победы и мощь центральных держав, а об основе возможных переговоров о мире говорилось в самых туманных выражениях: «Предложения, — гласила нота, — которые они (центральные державы. — *Авт.*) предоставят при этих переговорах и которые будут направлены к тому, чтобы обеспечить существование, честь и свободу развития их народов, могут явиться, по их убеждению, подходящей основой для восстановления длительного мира» [1].

Выступление германской дипломатии было рассчитано на одну из следующих двух целей. Во-первых, в случае отклонения Антантой предложения Берлина этот мнимо миролюбивый жест позволил бы уверять массы, что германское правительство жаждет мира и что войну затягивает противник. Как раз в это время по настоянию Тирпица и военного командования в Германии велась подготовка к открытию «беспощадной» подводной войны. Мирное предложение и ожидавшееся его отклонение должны были помочь переложить на Антанту ответственность за пиратские действия германских подводных лодок. Во-вторых, в случае согласия Антанты, германская дипломатия надеялась использовать мирные переговоры, чтобы внести раскол в ряды противников и заключить сепаратный мир с кем-либо из них за счет других членов противной коалиции. Проявление «мирной инициативы» не помешало германскому правительству в ноябре 1916 г. согласовать с Австро-Венгрией те требования, с которыми центральные державы выступят на предложенной немцами мирной конференции. То была широкая аннексионистская программа.

Но дипломатия держав Антанты разгадала игру Бетмана. На другой же день после того, как стала известна германская нота, премьер и министр иностранных дел Франции Бриан охарактеризовал ее как попытку внести раскол в ряды союзников. И государства Антанты отвергли германское предложение.

---

[1] «Ursachen und Folgen...», Bd I, № 40, S. 69.

Отказ свой державы Антанты облекли в усвоенную их дипломатией либеральную фразеологию. Ответ последовал 30 декабря 1916 г. Он гласил, что мир невозможен «до тех пор, пока не обеспечено восстановление нарушенных прав и свобод, признание принципа национальностей и свободного существования малых государств» [1]. Разумелось восстановление Бельгии, Сербии, ликвидация Габсбургской и Османской многонациональных империй, союзных с Германией, возвращение Эльзас-Лотарингии и еще многое другое, для германского империализма совершенно неприемлемое.

Тем не менее немцы продолжали зондировать возможности сепаратного мира. В феврале 1917 г. австро-венгерский министр иностранных дел Черпин получил через представителя нейтральной страны предложение о сепаратном мире с Россией. Было условлено о тайной встрече русских и австро-венгерских представителей. В начале марта принц Макс Баденский получил от тетки Николая II, герцогини Кобургской, сведения, что одна из русских великих княгинь готова взять на себя посредничество между германским правительством и царем. 13 марта Макс Баденский написал Николаю II письмо, в котором, запугивая его революцией, уговаривал заключить мир как можно скорее. Письмо не дошло по адресу: помешала та самая революция, которой принц собирался напугать царя!

Крах надежд на мирные переговоры и на раскол Антанты усилил в Германии позиции тех группировок, которые считали, что войну надо любыми средствами довести до победного конца. Такую точку зрения отстаивало вновь назначенное верховное командование в лице генералов Гинденбурга и Людендорфа, а также крайне правое меньшинство рейхстага. По мнению наиболее агрессивного крыла германских империалистов, решающим средством борьбы должна была стать «неограниченная подводная война», т. е. потопление в определенных зонах торговых судов, под чьим бы флагом они ни шли.

Канцлер опасался последствий этой меры. Он боялся спровоцировать войну с Америкой. Едва ли не главной опорой политики имперского канцлера были правые лидеры социал-демократии во главе с социал-шовинистом Шейдеманом. Внутренняя борьба между Бетман-Гольвегом и крайними милитаристами приводила к колебаниям. На протяжении 1915—1916 гг. приказы кайзера то ослабляли подводную войну, то вновь ее усиливали.

Подводная война нанесла Англии тяжкий ущерб. Однако она не сокрушила ее морского могущества и не смогла довести ее до голода. Зато подводная война ускорила наступление политических событий, для Германии весьма опасных.

Война в Европе и политика США. Империалистическая экспансия США в Латинской Америке

От начала войны в Европе до вступления США в войну против Германии прошло более двух с половиной лет. По возникновении войны Вашингтон заявил о нейтралитете Соединенных Штатов. Политика правительства Вильсона была сложной. Для американского империализма была бы невыгодна полная победа ни той, ни другой воюющей группировки. Америка предпочитала видеть Европу расколотой на два соперничающих лагеря. Ни победа и гегемония Германии, ни полное торжество Англии и России не улыбались правящим кругам США. Но победа Германии представлялась им наименее приемлемой: она привела бы к гегемонии единственной державы во всей Европе. Известны были также и колониальные планы германского империализма в Латинской Америке, например

[1] «Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1916». Supplement: «the World War», p. 124—125 (Далее: «Foreign Relations...»).

в Бразилии. Не исключалась и возможность германо-японского союза против США. Победа Антанты тоже не представлялась желательной. С Англией имелись глубокие противоречия. Они не исчерпывались проблемой блокады и свободы морей. Они вызывались также соперничеством в Латинской Америке и рядом других причин. Но все же победа Антанты, хотя и неприятная для США, была для них менее одиозной, чем победа Германии. Ведь в случае торжества Антанты было обеспечено возрождение англо-русского и англо-французского соперничества.

Итак, американский империализм не хотел германской гегемонии. В конце 1915 г. полковник Хауз следующим образом высказался по поводу перспективы немецкой победы: «США не могут пойти на то, чтобы союзники потерпели поражение, — писал он. — Нельзя допустить, чтобы Германия установила над всем миром свое военное господство. Мы, конечно, будем следующим объектом нападения, и доктрина Монро будет значить меньше, чем клочок бумаги».

Но наиболее предпочтительным концом войны было бы для США отсутствие в ней победителей. Таким образом, поток пацифистских фраз Вильсона и его выступления с целью примирения воюющих держав имели под собой весьма реальную почву: вся его дипломатия пацифистских деклараций отвечала заинтересованности американского империализма сохранить в Европе две соперничающие группировки великих держав.

Обострение империалистических противоречий между европейскими державами американские империалисты использовали для дальнейшего закабаления Латинской Америки. Еще до начала войны в Европе США вслед за Кубой, Панамой и Доминиканской Республикой установили фактический протекторат над Гондурасом и Никарагуа. В 1914 г. американская морская пехота оккупировала Гаити.

Самым крупным актом империалистической агрессии США в Латинской Америке явилась интервенция в Мексике [1]. С помощью Вашингтона в феврале 1913 г. там был свергнут президент Мадеро, осуществивший ряд прогрессивных реформ. В стране установилась реакционная диктатура Уэрты. Сначала новая власть полностью удовлетворяла американских дельцов и правительство США.

Народ оценивал Уэрту иначе. Против диктатора поднялось мощное движение, главной опорой которого было крестьянство. В стране началась гражданская война. На юге действовали крестьянские отряды Сапаты; на севере, в штате Чиуауа, власть была захвачена крестьянским вождем Вилья; на крайнем северо-западе движение возглавлял либеральный помещик Карранса.

Но вскоре и правительство США разочаровалось в Уэрте: обнаружились тесные связи его с англичанами. Британский посланник Лайонел Карден установил с ним тесный контакт. Президент Вудро Вильсон отказался признать Уэрту и отозвал из Мексики американского посланника. Правительство США решило, воспользовавшись внутренней борьбой в Мексике, подчинить своему влиянию мексиканское правительство, поставить во главе его своих людей и вытеснить из этой страны англичан.

Если до сих пор американская дипломатия действовала в Мексике преимущественно посредством поддержки заговоров и мятежей, то весной 1914 г. президент Вильсон перешел к вооруженной интервенции.

Вудро Вильсон, профессор государственного права и набожный пуританин, проповедник «строгой морали», «справедливости и демократии», был великим мастером прикрывать демократическо-пацифистскими лозунгами политику, преследующую чисто империалистические цели.

---

[1] См. *М. С. Альперович* и *Б. Т. Руденко*. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М., 1958.

Английское правительство в пику американцам признало Уэрту, правда, в качестве временного президента. Уэрта поддерживал интересы английского нефтяного магната лорда Каудрея, и в Вашингтоне опасались, что он предоставит английским капиталистам концессии на выгодных условиях [1]. Американские нефтяные магнаты — Синклер, Рокфеллер, Догени — были встревожены. Послание президента Вильсона конгрессу от 27 августа 1913 г. сообщало об отказе в признании Уэрты, требовало его отставки и проведения в Мексике «свободных выборов». Эти красивые словечки уже в те времена служили пропагандистско-дипломатическим облачением для политики, направленной на утверждение господства американского империализма.

Учитывая угрожающую обстановку в Европе, английское правительство стремилось ладить с США. Оно отступилось от Уэрты. Правда, Вильсон со своей стороны тоже кое в чем пошел навстречу англичанам: он отказался от имевшегося проекта пересмотра англо-американского договора Хэя — Паунсфота о режиме Панамского канала. Договор устанавливал равенство обложения для кораблей под любым флагом. Теперь США намеревались добиваться для американских судов освобождения от уплаты пошлин при проходе через канал. Английское судоходство по каналу было очень значительно. Проектировавшийся американцами пересмотр договора в духе, желательном для американских судовладельцев, означал бы для Англии тяжелую и убыточную дискриминацию. Вильсон не без труда убедил сенаторов отказаться от притязаний на пересмотр договора. Этот отказ и был ценой, уплаченной Англии за отказ от поддержки Уэрты и лорда Каудрея. Ближайший личный советник Вильсона полковник Хауз отметил в своем дневнике по поводу панамских пошлин: «Нам важно именно сейчас не осложнить отношений с Великобританией... лучше уступить в вопросе о Панаме, нежели потерять поддержку Англии в нашей мексиканской, центрально- и южноамериканской политике» [2]. Иначе говоря, США стремились добиться согласия Англии на их гегемонию в Латинской Америке. Биограф Хауза профессор Сеймур пишет, что советник президента спешил использовать выгоды, создаваемые войной в Европе, для торжества политики панамериканизма. Последняя понималась как обеспечение руководящей роли США во всей Америке.

Что касается Южной Америки, то попытка упрочения «панамериканского сотрудничества» натолкнулась там на упорное сопротивление «АВС» (абэцэ), как именовали три крупнейшие южноамериканские республики, — Аргентины, Бразилии, Чили.

Положение республик Центральной Америки было куда более опасным, чем их южных соседей. Не составляла исключения и Мексика, как непосредственный сосед США. В апреле 1914 г. американский десант под пустячным предлогом захватил мексиканский порт Веракрус после боя с войсками и населением города. Оккупанты оставались в порту до октября.

Еще в июле Уэрта был вынужден сложить полномочия и уехал в Европу. Но после его падения внутренняя борьба в Мексике не прекратилась. Она продолжалась между либералами-конституционалистами во главе с Каррансой, который стал президентом, и демократическим крестьянским движением, возглавляемым Вильей и Сапатой.

Стремясь упрочить свое положение в стране, правительство Каррансы 7 января 1915 г. издало декрет, запрещавший иностранцам без специального разрешения мексиканского правительства вести разведку нефтяных месторождений и производить бурение скважин. Были введены

---

[1] «The intimate papers of Colonel House», vol. I. London, 1926, p. 199—200.
[2] Ibid., p. 210.

также новые правила регистрации нефтяных предприятий. Иностранные нефтяные магнаты сочли их неприемлемыми. В марте 1915 г. Карранса намеревался ввести прогрессивно-подоходное обложение иностранных предприятий. Последовал резкий протест правительства США, и Карранса отступил. Он воздержался от осуществления задуманного мероприятия [1].

Тем не менее президент Вильсон решил произвести против Мексики вооруженную интервенцию. Она предпринималась преимущественно в интересах нефтяных монополий. Вторжение американских войск должно было на этот раз произойти с суши, через южную границу США. В качестве предлога для нападения на Мексику американская дипломатия использовала пограничное столкновение с отрядом войск Вилья. В марте 1916 г. части американской армии под командованием генерала Першинга перешли границу Мексики и начали продвижение в глубь страны.

Мексиканское правительство направило государственному департаменту ноту с протестом против нарушения национального суверенитета. Оно требовало эвакуации войск и пересмотра политики США, с тем чтобы впредь она проводилась в духе уважения к мексиканской нации [2]. Правительство предало свой протест широкой гласности. Оно заявило, что не хочет войны и что если война возникла, то она является результатом преднамеренной политики США [3]. Однако «гуманист» Вильсон не обратил никакого внимания на протесты Мексики.

Карранса обратился к оружию. Мексиканские части оказали интервентам успешное сопротивление. Весь народ был охвачен ненавистью к захватчикам — янки. Мужественное сопротивление мексиканского народа было одной из причин, заставивших правительство США отступить. Развитию интервенции в тот период помешала и война с Германией.

Практически политика американского империализма на начальных этапах мировой войны сводилась к тому, чтобы наживаться на военных поставках, под флагом нейтралитета выжидать результатов взаимного истощения обеих воюющих группировок и оскудения Европы, а тем временем развивать империалистическую экспансию в Латинской Америке. Но в последующем эта политика претерпела значительное изменение.

Сближение американского империализма с державами Антанты

В то время как США вели свой натиск на страны Карибского бассейна и на Мексику, международная военно-политическая обстановка внесла свои поправки в первоначальную позицию Вильсона. Уже к зиме 1914/15 г. стали ясны два факта: во-первых, что война требует совершенно невиданного количества военного снаряжения и боеприпасов; во-вторых, что она затягивается и что, следовательно, потребность эта будет весьма длительной. В ноябре 1914 г. представитель Моргана отправился в Лондон для переговоров с британским правительством о финансировании военных заказов союзников в США. С начала 1915 г. в США стали в изобилии размещаться военные заказы Антанты, и перед американским капитализмом открылся новый рынок огромных размеров. Германия таких крупных заказов разместить не могла по той простой причине, что в Германию гораздо труднее было провезти американскую продукцию. Английская блокада стеснила доступ к немецким портам. Это мероприятие имело неисчислимые последствия. Английское морское первенство, нарушив торговлю с Германией и направив поток американской военной продукции, продовольствия и сырья в порты Антанты, привязало США к союзникам новыми крепкими узами: американские монополии были заинтересованы в максимальных военных прибылях. Поражение Антанты нанесло бы сильнейший экономический ущерб ее кредитору — американскому империа-

[1] «Foreign Relations... 1915», p. 870—983.
[2] Ibid., p. 493—497, 501—502, 513, 515—517.
[3] См. «Очерки новой и новейшей истории Мексики. 1810—1945». М., 1960, стр. 294.

лизму и тем самым политический удар Вильсону и демократической партии — допустить такое поражение правительство США никак не могло.

Американский капитал мощным потоком устремился в страны Антанты. Вот что писал государственный секретарь Лансинг президенту в сентябре 1915 г.:

«Несомненно, Мак-Аду [1] обсуждал с вами необходимость предоставления государственного займа воюющим странам, закупающим в столь больших количествах товары в нашей стране, во избежание серьезных финансовых осложнений... Если европейские страны не смогут найти средств для оплаты избытка своего импорта над экспортом, им придется прекратить закупки, и наш нынешний экспорт соответственно сократится. Результатом явилось бы сокращение производства, промышленная депрессия, избыток капиталов и избыток рабочей силы, многочисленные банкротства, дезорганизация финансов, волнения среди трудящихся классов и их тяжелое положение.

Я считаю... что есть лишь одно средство избежать этого положения, чреватого столь серьезным потрясением экономики нашей страны, — это широкий выпуск обязательств правительствами воюющих стран. У нас есть и деньги для займа и желание предоставить его» [2]. В 1915 г. Англия и Франция заключили в США первый крупный заем на сумму в 500 млн. долл. (около 1 млрд. руб.).

Впрочем, этого займа далеко не хватило на оплату гигантских поставок державам Антанты. За первым займом последовали новые. Но в основном с Америкой англичане расплачивались, продавая там американские ценные бумаги, до войны в огромном количестве находившиеся в английских руках. В результате этого массового перехода к американцам американских фондов произошло освобождение США от положения должника Англии и их превращение в страну-кредитора. «Американские миллиардеры, — писал В. И. Ленин, — ...нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов» [3].

Влиятельнейшие капиталистические круги во главе с Морганом требовали от Вильсона поддержки щедрого покупателя и должника США — Антанты. Если бы даже Вильсон этого и хотел, он не мог противостоять требованию монополий. В случае если бы Англия была разбита и последовал крах финансового благополучия США — пресловутого «просперити», — могущественная пресса деловых кругов главную ответственность за это возложила бы на президента.

Военная подготовка велась в США полным ходом. Под шумок моральных проповедей, которые Вильсон читал и воюющим сторонам и американскому народу, президент вел интенсивные приготовления к войне. Деятельность американской дипломатии в годы первой мировой войны в очень большой мере служила обработке общественного мнения. Протесты и ноты в защиту принципа «свободы морей» должны были убедить демократически настроенного рядового американца в невозможности терпеть насилия и глумления немецких милитаристов.

Огромную роль в агитации за выступление США на стороне Антанты сыграла кампания против беспощадной подводной войны, проводимой Германией. Эта война была предпринята германским командованием как попытка приостановить поток американских товаров по тому единственному руслу, в которое их направило английское морское первенство, т. е. к портам Антанты. Потопление «Лузитании», «Арабика» и особенно «Сассекса» вызвало энергичные протесты США. В мае 1916 г. подводная

[1] Министр финансов США.
[2] «Foreign Relations... The Lansing Papers», vol. I. Washington, 1939, p. 144—145.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 37, стр. 50.

война была ослаблена по требованию Бетмана. Это было сделано из опасения толкнуть США в ряды противников Германии. И действительно, в Америке сторонники вовлечения США в войну возлагали на действия германских подводных лодок главные свои надежды. «Кажется странным, — писал в 1915 г. американский посол в Лондоне Пейдж полковнику Хаузу, ближайшему советнику Вильсона, — но единственным разрешением вопроса явилось бы новое оскорбление вроде «Лузитании», которое вынудило бы нас вступить в войну» [1].

На протяжении первых лет войны Вильсон и Хауз не раз выступали с посредническими предложениями. Хауз ездил в Европу зондировать почву для мира. Последняя попытка такого рода была предпринята Вильсоном через Хауза зимой 1915/16 г., когда этот ближайший советник президента посетил Европу. Он изложил Грею позицию правительства США; она была зафиксирована в меморандуме от 22 февраля 1916 г., составленном совместно Хаузом и Греем. Из этого документа видно, что Вильсон готов был взять на себя инициативу созыва мирной конференции, однако при условии, если Франция и Англия считают момент для этого подходящим. Если бы союзники согласились принять участие в конференции, а Германия отказалась или же заняла бы в ходе ее «неразумную» позицию, которая привела бы к срыву конференции, то США вступили бы в войну на стороне Антанты. Хауз уверял, что конференция обеспечила бы мир на условиях, выгодных для союзников. Имелись в виду их территориальные притязания в Европе. Германия же должна была получить компенсации «вне Европы», т. е. в колониальной сфере [2].

Не удивительно, что Грей оставил это предложение без последствий. Ведь одной из целей Англии как раз было изгнание Германии из колониальной сферы. Вообще Грей предпочел бы добиться победы таким образом, чтобы условия мира диктовали союзники, а вовсе не США. Если бы не американские империалисты, Англия могла рассчитывать на решающее слово. Впрочем, сам Вильсон ослабил предложение своего уполномоченного. Вместо твердого обещания вступить в войну в случае отказа Германии от американского предложения, Вильсон довольно туманно заявил, что США, «вероятно», сделают это!

Цель США по-прежнему заключалась в том, чтобы не допустить преобладания в ущерб для американского империализма ни одной из воюющих сторон, и особенно — Германии. Для предотвращения такой возможности уже тогда готовилась почва для вступления США в войну на стороне союзников. Вот что писал об этом Хауз: «Если Берлин отклонит американские предложения, то тем не менее цель вмешательства будет достигнута. Если центральные державы будут упорствовать, то... очевидно, станет необходимым присоединиться к союзникам». Но, готовясь к войне, президент еще избегал говорить об этом открыто. Он не упускал из виду настроения масс. Президентскую избирательную кампанию 1916 г. Вильсон провел под знаменем нейтралитета и воздержания от вступления в войну.

Его расчет оказался правильным: он победил республиканцев, открыто звавших к войне. Вскоре после своего переизбрания президентом осенью 1916 г. Вильсон решил произвести еще один пацифистский маневр. Он, однако, немного промешкал, и Германия опередила его своим «мирным предложением» от 12 декабря.

Вильсон был недоволен этим обстоятельством. Чтобы несколько поправить дело, он, не дожидаясь официального ответа союзников на германский демарш, 18 декабря со своей стороны обратился к воюющим дер-

[1] «The intimate papers of Colonel House», vol. II, p. 85.
[2] Ibid., p. 200—202.

жавам. В своей ноте Вильсон констатировал, что, по заявлению обеих сторон, они борются только за политическую и экономическую свободу, за независимость малых наций и за мир. Обе стороны, продолжал президент, не предлагают, однако, конкретных условий мира. Президент приглашал восполнить этот досадный пробел.

Нота Вильсона вызвала недовольство германского правительства. Германская дипломатия опасалась, что Вильсон хочет выступить в роли международного арбитра и навязать Германии неприемлемые условия мира, выгодные для США. 26 декабря германское правительство ответило Вильсону, что мир должен быть достигнут путем прямых переговоров между участниками войны.

Антанта сначала также была недовольна выступлением Вильсона. Но, узнав об отрицательном ответе Германии, дипломатия союзников сообразила, что немцы сами возложили на себя ответственность за срыв мирного посредничества президента. Прекрасно понимая, что теперь из этого посредничества все равно ничего не выйдет, межсоюзническая конференция в Лондоне в декабре 1916 г. решила дать американскому президенту самый предупредительный ответ. 10 января 1917 г. Вильсону была послана нота союзных держав. В ней перечислялись конкретные условия мира, как того просил президент. Условия эти были таковы: восстановление независимости Бельгии, Сербии, Черногории; эвакуация немцами территорий, занятых ими во Франции, в России, в Румынии; «уважение национальностей» и их прав, что подразумевало возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции и расчленение Австро-Венгрии и Османской империи. Что касается Австро-Венгрии, то в ноте содержалось требование освободить чехов и словаков. Из нее вытекала также необходимость отторжения у Австро-Венгрии польских областей. Насчет турок было сказано крепче: необходимо «изгнание вон из Европы» Османской империи, чуждой западной цивилизации. Польский вопрос предполагалось решить в духе царского правительства: «восстановить» Польшу под протекторатом царской России. Заканчивался ответ союзников указанием на необходимость реорганизации Европы в целях создания гарантий безопасности, свободы и т. д. Конечно, все эти декларации насчет «уважения к национальностям» являлись только дипломатическим и пропагандистским маневром. Нужно было угодить Вильсону и продемонстрировать свое миролюбие. Это облегчало президенту задачу, которую он теперь себе ставил: подготовку вступления США в войну с Германией, когда этого потребуют американские интересы.

Между тем германская дипломатия проявляла поистине изумительную неуклюжесть. Немцы сами в изобилии давали Вильсону предлоги для войны. Так, например, английская разведка перехватила телеграмму, адресованную ведомством иностранных дел германскому посланнику в Мексике. Ему поручалось предложить мексиканскому правительству присоединиться к Германии и напасть на Соединенные Штаты! Преступления германских шпионов и диверсантов в США также восстанавливали американское общественное мнение против Германии. Из числа руководителей германского шпионажа в США особенно «отличился» фон Папен, состоявший военным атташе при германском посольстве.

31 января 1917 г. германское правительство сообщало Вильсону свои условия мира. Германия требовала установления на востоке границы, обеспечивающей стратегические и экономические интересы Германии и Польши. «Забота» о Польше на деле объяснялась, конечно, намерением Германии превратить ее в своего вассала. Колониальный вопрос предлагалось урегулировать таким образом, чтобы Германии были обеспечены колониальные владения, соответствующие численности ее населения и ее экономическим интересам. Восстановление Бельгии обусловливалось созданием гарантий для «безопасности» Германии; вопрос этот

подлежал урегулированию между обеими странами. Оккупированные области Франции Германия соглашалась освободить, но при условии «исправления границ» с учетом стратегических и экономических соображений, а также денежной компенсации. Вообще возвращение завоеванных территорий (которых у Германии было гораздо больше, чем у ее противников) должно было сопровождаться денежными и экономическими компенсациями. Предусматривались также компенсации немецким предприятиям и частным лицам, потерпевшим ущерб в результате войны. Наконец, Германия требовала отказа от всех договоров и мероприятий, стесняющих свободу торговли, и обеспечения свободы морей [1].

Одновременно (31 января) Германия известила США о возобновлении неограниченной подводной войны. Вильсон ответил посланием к конгрессу. Обличая Германию в нарушении торжественно принятых ею на себя обязательств, президент заявлял о разрыве дипломатических отношений с нею. Это произошло 3 февраля 1917 г. Бесчинства германских подводных лодок энергично использовались правительством США и буржуазной прессой в целях пропагандистской подготовки войны.

Весной 1917 г. Антанту постиг ряд крупных неудач. Во-первых, подводная война поначалу оказалась весьма чувствительной. Перед Англией встал призрак голода. Во-вторых, после Февральской революции началось разложение царской армии. Русский народ стремился выйти из навязанной ему империалистической войны. Возросли давнишние, самые страшные опасения правительства Соединенных Штатов: как бы Германия не одержала победы! 6 апреля 1917 г. Соединенные Штаты Америки объявили войну Германии.

Начав неограниченную подводную войну, германские милитаристы значительно облегчили своим врагам вовлечение в войну Америки. Немцы сделали это как раз в такой момент, когда противная империалистическая группировка была ослаблена революцией в России.

Буржуазно-демократическая революция в России

Царская Россия являлась слабейшим звеном империалистической системы. Накануне войны страна была охвачена революционным подъемом. В условиях войны все ее противоречия еще более обострились. К экономической и технической отсталости присоединялась явная неспособность насквозь прогнившего бюрократического режима организовать силы страны для борьбы с германским империализмом. Политическое положение в России становилось до крайности напряженным. В народных массах, несших на себе всю тяжесть войны, нарастало грозное брожение. В то время как в придворных кругах вынашивались планы сепаратного мира, дабы, покончив с войной, задавить революцию репрессиями, буржуазия в лице партий Государственной думы, с августа 1915 г. объединившихся в «прогрессивный блок», в союзе с частью генералитета в 1916 г. стала на путь подготовки дворцового переворота. Предполагалось заменить Николая II его братом Михаилом. Заговору буржуазии было обеспечено содействие Антанты. В конце 1916 и в январе 1917 г. английский посол Бьюкенен настойчиво пытался убедить царя уступить требованиям «прогрессивного блока», составлявшего большинство Государственной думы, т. е. капитулировать перед буржуазией. Дипломатия Антанты рассчитывала создать правительство, более способное «организовать победу» и предупредить возможность сепаратного мира. И английский посол Бьюкенен и французский Палеолог находились в тесном контакте с лидерами «прогрессивного блока», а также с участниками образовавшейся в царской семье великокняжеской фронды против Николая II. Правительства Англии и

[1] «Foreign Relations... 1917», Supplement I, p. 34—35; *E. Ludendorff.* Kriegführung und Politik. Berlin, 1922, S. 251—252.

Франции не стеснялись вмешиваться во внутренние дела России. Бьюкенен подавал советы Николаю, в каком направлении следует ему изменить свою политику. Палеолог довольствовался аналогичными беседами с министром иностранных дел. Бьюкенен собирал лидеров буржуазии у себя в посольстве за обедом, где и обсуждались планы дворцового переворота. Палеолог шел тут дальше. Он беседовал с великой княгиней Марией Павловной о свержении царя и даже о возможности его убийства. Фактически и тот и другой дипломат, как и посол США Фрэнсис, были участниками заговора, направленного на изменение внутренних порядков в том государстве, при главе которого они были аккредитованы, и даже на физическое устранение самого этого главы!

Ленин прямо писал, что состоялся «заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны,* в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д.» [1]

Этот заговор, продолжал В. И. Ленин, совпал с глубоким пролетарским и массовым народным движением «революционного характера за *хлеб,* за *мир,* за *настоящую свободу*» [2]. Это совпадение облегчило торжество революции.

Дипломатия Антанты и русская буржуазия надеялись, что переворот сверху поможет предотвратить нараставшую в России народную революцию. Этим надеждам не суждено было сбыться. 12 марта (27 февраля) 1917 г. в России совершилась буржуазно-демократическая революция. Царизм пал. Он был свергнут народным восстанием; застрельщиком революции был пролетариат, который возглавил движение солдатских и крестьянских масс.

Большевики героически руководили борьбой на улицах Петрограда. Боевое единение рабочих и солдат вылилось в создание единой революционной организации — Совета рабочих и солдатских депутатов. Но рядом с Советом, олицетворявшим на том этапе революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, возникло, в силу предательских действий меньшевистско-эсеровских лидеров, Временное правительство, представлявшее орган господства буржуазии и помещиков. В стране образовалось двоевластие.

Временное правительство пришло к власти с твердым намерением продолжать войну и прежнюю империалистическую политику [3]. Власть буржуазии не изменила империалистического характера той войны, которая была начата при царизме. С этой точки зрения для Антанты все обстояло как будто благополучно. Первые заявления нового министра иностранных дел Милюкова с полным удовлетворением были приняты правительствами Англии и Франции.

Но факт двоевластия возбуждал у них чрезвычайные опасения; особенно пугало их начавшееся разложение царской армии, не желавшей более проливать кровь за чуждые народу интересы.

Дипломаты Антанты и США продолжали бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела России. Они настаивали, чтобы Временное правительство самым жестоким образом подавило революцию и прежде всего устранило большевиков. С другой стороны, через английских и французских социал-шовинистов II Интернационала правительства Англии и

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 31, стр. 16.
[2] Там же, стр. 17.
[3] См. *Н. Л. Рубинштейн.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1946; *А. Иоффе.* Русско-французские отношения в 1917 г. М., Госполитиздат, 1958.

Франции пытались воздействовать на Советы, дабы побудить меньшевиков и эсеров как можно энергичнее поддерживать Временное правительство и политику войны «до полной победы».

На первый взгляд после Февральской революции внешнюю политику России стали направлять новые люди: вместо профессиональных дипломатов из рядов царской бюрократии во главе министерства иностранных дел стал видный депутат Государственной думы, лидер кадетов профессор Милюков. Но заместитель министра остался прежний — Нератов. Не претерпел сначала существенных изменений и состав послов и посланников. Только на посту посла в США старого чиновника заменили (да и то не сразу) представителем «общественных кругов» Бахметьевым (по курьезному совпадению у него даже фамилия была почти такая же, как у прежнего посла Бахметева). Внешнеполитические взгляды Милюкова практически вряд ли существенно отличались от взглядов таких министров царизма, как Сазонов.

Временное правительство сформировалось 15 марта. Через два дня Милюков обратился с циркулярной телеграммой ко всем дипломатическим представителям России. Он сообщал им о совершившихся событиях и предлагал возбудить вопрос перед соответствующим правительством о признании Временного правительства России. Тут же он заверял, что оно «будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом». Милюков подтверждал, таким образом, что Россия будет продолжать вести войну в рядах Антанты ради империалистических целей, зафиксированных в тайных межсоюзнических договорах, что она будет платить по долгам царского правительства. Союзные правительства и капиталистическая пресса союзных стран были удовлетворены заявлением Милюкова.

21 марта Милюков предложил русским послам потребовать у союзных правительств, чтобы те со своей стороны подтвердили новому русскому правительству верность обязательствам, принятым ими на себя по отношению к России.

22 марта союзные державы признали Временное правительство, о чем вскоре же было объявлено публично.

Первые же внешнеполитические акты Временного правительства показывали империалистическую природу его политики. Она тут же и была разоблачена В. И. Лениным. Он показал, что Временное правительство «связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом» [1]. «Новое правительство, — писал Ленин уже 17 марта, — не может дать мира как потому, что оно является представителем капиталистов и помещиков, так и потому, что оно связано договорами и денежными обязательствами с капиталистами Англии и Франции». Ленин указывал на необходимость «разъяснить массам народа, ждущим мира, невозможность добиться его при данном правительстве» [2].

Рабочие Петрограда уже чувствовали, что дело обстоит именно так. Ноты Милюкова удовлетворили Антанту, но они вызвали раздражение в рабочих и солдатских массах. Меньшевистско-эсеровские лидеры Петроградского Совета опасались, что воинственный и откровенно империалистический язык милюковской дипломатии вызовет взрыв народного негодования и поведет к углублению революции. А этого меньшевистские и эсеровские лидеры боялись больше всего на свете. Исполком Совета потребовал от Временного правительства новых заявлений, способных успокоить массы. На этом настаивала контактная комиссия, являвшаяся специфическим органом периода двоевластия, призванным обеспечивать какое-то единство политики или хотя бы его видимость.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 31, стр. 21.
[2] Там же, стр. 2.

Милюков сначала возражал, но вынужден был уступить. В результате в свет было выпущено «Обращение Временного правительства к российским гражданам» от 9 апреля (27 марта) 1917 г. В этом документе наряду с повторением обещания о соблюдении обязательств, принятых перед союзниками, фигурировали фразы об отсутствии у «свободной» России стремлений к господству над другими народами, к отнятию у них их национального достояния и к захвату чужих территорий. В обращении провозглашалось, что Россия хочет мира «на основе самоопределения народов».

Теперь меньшевики и эсеры были довольны. Они полагали, что обращение удовлетворит широкие слои населения, жаждавшие мира, но обманутые их демагогией и остававшиеся пока под их влиянием.

Но зато империалисты Антанты были раздражены документом от 9 апреля. Рибо, председатель совета министров Французской республики, заявил русскому послу Извольскому, что если Временное правительство, заявляя об отказе от захвата чужих территорий, отказывается от приобретения Константинополя, то Франция и не подумает следовать его примеру. Она не откажется от намеченных ею целей войны. И притом она не удовольствуется одним только возвращением Эльзаса и Лотарингии.

Рибо стремился сделать так, чтобы не было худа без добра. Если Россия колеблется в союзнической верности и начинает говорить о мире, то надо хотя бы ее заявление об отказе от аннексий использовать для похорон всех обязательств перед ней насчет Константинополя и проливов. Такие же намерения проявила и английская дипломатия, и прежде всего посол в Петрограде Бьюкенен.

Но слабость Временного правительства, проявившаяся во всем случившемся, вызывала и в Париже и в Лондоне величайшее неудовольствие и крайнюю тревогу. Приехавший в Петербург французский социалист-шовинист Альбер Тома предложил Милюкову предпринять какие-либо шаги, дабы успокоить французское правительство в отношении надежности России как союзника. Тома подсказал следующий метод: поскольку обращение от 9 апреля не было нотифицировано иностранным правительствам, надо восполнить этот пробел и разослать его им. При этом Милюков договорился с Тома, что он сопроводит этот документ нотой и в ней еще раз подтвердит готовность Временного правительства воевать до победы.

Словом, от Сциллы народного гнева Временное правительство попадало к Харибде — немилости своих империалистических хозяев. Страх вызвать их неудовольствие породил новый документ — знаменитую в своей одиозности ноту Милюкова от 1 мая (18 апреля) 1917 г., опубликованную в печати 3 мая. В ноте говорилось о намерении довести войну «до решительной победы».

Теперь союзники были удовлетворены. Но зато в Петрограде снова поднялось народное возмущение. Из ноты вытекало со всей очевидностью, что перспектива мира отодвигается правительством на неопределенный срок — до решительной победы, приближения которой весной 1917 г. отнюдь не чувствовалось. Ответом трудящихся на ноту Милюкова явились грандиозные народные домонстрации 3 и 4 мая. Они проходили под лозунгами «Долой войну!», «Долой Милюкова!», «Опубликовать тайные договоры!», «Вся власть — Советам!». Результатом народного движения была реорганизация Временного правительства в коалиционное с Керенским во главе.

Милюков в новое правительство не вошел. Его заменил Терещенко — миллионер, сахарозаводчик, более известный в качестве любителя балета, нежели знатока дипломатии и международной политики. В отличие от Милюкова Терещенко полагал, что необходимо ладить и дер-

жать контакт с меньшевистско-эсеровскими деятелями Советов, надо усвоить их фразеологию и широко ее применять. Линия Терещенко как министра заключалась в том, чтобы, продолжая вести империалистическую войну и империалистическую политику, говорить о мире, об отказе от империализма, от аннексий и т. п. «Он хотел всех надуть», — свидетельствует о новом министре управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков.

В. И. Ленин еще в Апрельских тезисах указал на лживость демагогических заверений Временного правительства — об отказе от аннексий и т. п. «Никакой поддержки Временному правительству» [1] — гласил лозунг Ленина. В. И. Ленин разоблачил и политику Временного правительства нового состава, так же как он разоблачил ранее политику Милюкова. Коалиционное правительство, указывал Ленин, «*не может* отказаться от аннексий — независимо от того, каков будет личный состав его...». «Только взявши — при поддержке большинства народа — всю государственную власть в свои руки, революционный пролетариат совместно с революционными солдатами, в лице Советов рабочих и солдатских депутатов, создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии быстро закончить войну истинно демократическим миром» [2]. Февральская революция и лозунги большевиков получили широчайший резонанс во всем мире. В рабочем классе всех стран быстро нарастало стремление к незамедлительному заключению мира без аннексий и контрибуций.

Не только русская буржуазия и ее Временное правительство, но и правительства Антанты и их дипломаты развернули травлю большевиков и лично В. И. Ленина. Разжигание этой травли стало одним из важных предметов деятельности дипломатических представительств Антанты в Петрограде. Бьюкенен передавал Временному правительству клеветнические материалы для снабжения ими русской буржуазной печати.

События в России совпали с провалом апрельского наступления французской армии. За ним последовали волнения среди солдат. Тем сильнее настаивала Антанта на переходе в наступление русских войск. Наступление это стало невозможным, и начинать его было бессмысленно и даже опасно с точки зрения интересов русской буржуазии: в солдатских массах росло неудержимое стремление покончить с войной и скорее, как можно скорее вернуться по домам. В армии распространялось понимание антинародного характера войны. Старая армия разваливалась и больше не могла наступать. Вопреки этой очевидности, Временное правительство готовило наступление, покорное велениям союзников.

Хозяйственная разруха и продолжение войны все усиливали зависимость России от союзников. С Временным правительством они стали считаться еще меньше, чем с царским в последние месяцы его существования. Английское правительство отказалось утвердить рекомендации Петроградской конференции. Оно до предела сократило кредиты России. Кабинет считал, что, пока русская армия не станет наступать, не стоит одалживать деньги русскому правительству. Правительства Англии и Франции стали решать вопросы большой политики без участия представителей России и не считаясь с ее интересами. В апреле 1917 г. на конференции в Сен-Жан де Мориенн (на франко-итальянской границе), Ллойд Джордж и Рибо без участия представителей Временного правительства решили удовлетворить домогательство итальянского правительства и отдать Италии Смирну и прилегающую юго-западную часть Малой Азии [3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 31, стр. 114.
[2] Там же, стр. 291, 292.
[3] Окончательно соглашение с Италией было оформлено в Лондоне обменом письмами в августе 1917 г.

Союзники не посчитались с мнением Временного правительства также и в вопросе о Греции. Французское правительство решило втянуть Грецию в войну, дабы активизировать салоникский фронт с помощью греческих войск и упрочить свое влияние в стране, в которой французский капитал имел крупные интересы. Для достижения обеих этих целей надо было избавиться от короля Константина, стоявшего за нейтралитет и связанного с немцами. В Греции продолжалась острая борьба между сторонниками нейтралитета, возглавлявшимися королем Константином, тяготевшим к Германии, и Венизелосом, лидером антантофильской партии. В Лондоне относились к проекту привлечения Греции сдержанно, но противодействовать союзной Франции не стали. Летом 1917 г. «верховный комиссар Антанты», опираясь на десант, высаженный с союзных кораблей в Пирее, сверг Константина и вручил власть Венизелосу. Новое правительство объявило войну центральным державам.

Положение Австро-Венгрии

Положение монархии Габсбургов и правящих классов Австро-Венгрии в 1917 г. было лишь немногим лучше, чем в России. Голод и развал транспорта усиливали недовольство рабочего класса и угнетенных наций. Боеспособность армии катастрофически падала. Австрийские фронты держались в основном с помощью находившихся там германских частей. В конце 1916 г. умер Франц-Иосиф. Его наследник Карл не питал симпатий к Германской империи. Стремясь любой ценой спасти свою корону, он был готов заключить сепаратный мир. 12 апреля 1917 г. новый австро-венгерский министр иностранных дел граф Чернин представил Карлу доклад, в котором доказывал, что существует лишь один-единственный способ избежать революции — как можно скорее заключить мир. Содержание этого доклада было сообщено Вильгельму II.

Еще раньше, но уже в строгой тайне от Берлина Карл начал переговоры с Антантой через своего шурина, принца Сикста Бурбона, служившего офицером в бельгийской армии. Карл изъявлял готовность содействовать возвращению Франции Эльзаса и Лотарингии. Для себя он требовал лишь восстановления довоенных границ. Пуанкаре и Ллойд Джордж отнеслись к австрийским предложениям с большим вниманием. От России переговоры держали в секрете. Но предложения Сикста встретили возражения со стороны Италии: она не желала отказываться от захвата Триеста, Далмации и Трентино. Миссия принца Сикста потерпела неудачу.

«Мирные» маневры германского империализма в 1917 г.

В самой Германии почва все сильнее начинала колебаться под ногами господствующих классов. Февральская революция в России оказала на Германию глубокое воздействие. В апреле в Берлине и Лейпциге произошли грандиозные забастовки на военных заводах. Кое-где имели место попытки создать Советы. В августе вспыхнуло восстание на военном флоте. Ресурсы Германии подходили к концу. А между тем на Западном фронте ожидалось появление свежей американской армии.

Германская дипломатия пробовала прибегнуть ко всяческим маневрам, чтобы спасти положение. Весной 1917 г. она использовала вождей немецкой социал-демократии, не меньше канцлера боявшихся революции. Шейдеман принялся подготовлять созыв международной социалистической конференции. Германские империалисты рассчитывали, что на этой конференции им удастся склонить русских меньшевиков и эсеров, составлявших тогда большинство Петроградского Совета, к сепаратному миру с Германией.

Германский план был разоблачен большевиками. Но меньшевики и эсеры были готовы принять участие в конференции, хотя созыв ее явным

образом был продиктован интересами германского империализма. Местом конференции был намечен Стокгольм.

Правительства Англии и Франции помешали созыву Стокгольмской конференции. Немецкий маневр был сорван.

Между тем среди германской буржуазии усиливалось течение в пользу скорейшего окончания войны компромиссом. Сторонники «мира по соглашению» усилились. К ним примыкали теперь помимо социал-демократов прогрессисты (либералы, стоявшие левее национал-либеральной партии) и большая часть католического центра.

19 июля 1917 г. эти три партии провели в рейхстаге резолюцию о необходимости мира по обоюдному соглашению и без аннексий. Не следует думать, что все сторонники этой резолюции действительно отказывались от захватов. Большинство их, и прежде всего канцлер Бетман-Гольвег, намеревались осуществить их в завуалированной форме, под видом создания «автономных» государств с марионеточными режимами, возглавляемыми ставленниками германского империализма. То была попытка спасти германский империализм.

Правое меньшинство рейхстага, состоявшее из консерваторов и национал-либералов, за которыми стояло верховное командование и которые опирались на юнкерство и тяжелую индустрию, встретило, однако, резолюцию в штыки. Несмотря на яростные протесты, им не удалось помешать принятию резолюции рейхстагом. Но за несколько дней до окончательного голосования крайние империалисты добились от кайзера отставки Бетман-Гольвега. Новый канцлер, Михаэлис, был послушной марионеткой Людендорфа.

Со стороны правительств Англии, Франции и США резолюция рейхстага не встретила сочувственного отклика.

Бывший советник германского посольства в Париже фон дер Ланкен предлагал Бриану (в тот момент не занимавшему поста в правительстве) встретиться в Швейцарии для секретных переговоров. Но французское правительство дало указание Бриану воздержаться от встречи с Ланкеном.

В августе 1917 г. Ватикан устами самого папы предложил свое посредничество для заключения мира. Папа действовал в интересах австро-германского блока. Он не хотел гибели династии Габсбургов, издавна связанной с церковью неразрывными нитями. Однако державы Антанты не вняли призыву Ватикана.

Наступление Керенского. Западные союзники и Россия в 1917 г.

Временное правительство оказалось в еще большей зависимости от Антанты, нежели царизм. Это проистекало из прогрессировавшей военной слабости, из потребностей снабжения страны и фронта, из вечной нужды в финансовой поддержке. При таких условиях Временное правительство и его военный министр Керенский подчинились настояниям Антанты. 1 июля 1917 г. они вновь бросили русские войска в наступление. Это наступление было безнадежной, глупой и преступной авантюрой. Она стоила России совершенно ненужных кровавых жертв и закончилась полной неудачей. И все же русский фронт продолжал сковывать $159^1/_2$ неприятельских дивизий — на $16^1/_2$ больше, чем западный! [1]

С лета 1917 г. нажим Антанты на Временное правительство все усиливался. Особенно настаивала Антанта на самой энергичной и жестокой расправе с революцией. На это у Керенского уже не хватало сил.

Разочаровавшись в Керенском, англо-французская дипломатия попыталась поддерживать Корнилова. Не только дипломатические и воен-

[1] См. *Н. Л. Рубинштейн.* Внешняя политика Временного правительства, стр. 53.

ные представители Антанты, но и находившиеся на русском фронте английские танковые подразделения участвовали в корниловском мятеже. Вмешательство во внутренние дела России в интересах контрреволюции производилось с возрастающей бесцеремонностью. Американская печать еще в мае сообщала о заключении англо-японского соглашения о совместном нападении на Россию в случае ее выхода из войны [1].

Временное правительство, оставленное Англией и Францией без финансовой поддержки, старалось опереться на США. В июне 1917 г. в Россию прибыла специальная американская миссия во главе с сенатором Рутом для изучения способов оказания помощи Временному правительству. Комиссия железнодорожных экспертов во главе со Стивенсом изучала вопрос о повышении провозоспособности Сибирской железной дороги. Американцы надеялись поставить дорогу под свой контроль. Правительство же Керенского рассчитывало противопоставить США Англии. Оно добивалось у США кредитов, думая ослабить свою зависимость от английского империализма. К США перешла от Англии роль главного кредитора России.

Осенью 1917 г. между Англией, США и Францией было достигнуто соглашение о разграничении их деятельности в деле «помощи» России. США брали на себя реорганизацию русских железных дорог, Англия — морской транспорт, Франция — армию [2]. Вскоре соглашение было видоизменено: «помощь» Мурманской дороге отходила к Англии, а западным и юго-западным дорогам — к Франции. Этот сговор империалистов Антанты предполагал не только широкое вмешательство во внутренние дела России, но и начало ее раздела на сферы влияния. 9 октября 1917 г. послы Англии, Франции и Италии посетили Керенского и вручили ему коллективную ноту. Три правительства требовали восстановления боеспособности армии и расправы с революцией. Керенский и рад был бы выполнить требования союзников, но он был уже совсем беспомощен.

Между тем внутреннее положение в России становилось все более напряженным. Кризис нарастал. 7 ноября (25 октября) 1917 г. совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Империалистическое Временное правительство было свергнуто восставшим народом. Образовалось Советское социалистическое правительство. Россия стала на путь выхода из империалистической войны.

---

[1] См. *Н. Л. Рубинштейн.* Внешняя политика Временного правительства, стр. 52.

[2] АВПР, фонд Канцелярия, 1917, д. 71, л. 901. Телеграмма Севастопуло из Парижа № 1018 от 13 октября (30 сентября) 1917 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЫХОД СОВЕТСКОЙ РОССИИ ИЗ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

1. Первые шаги советской внешней политики в борьбе за мир

Начало новой эпохи в истории человечества

Великая Октябрьская социалистическая революция в России открыла новую эпоху в истории человечества — эпоху крушения капитализма и утверждения социализма.

Революция победила в разгар мировой империалистической войны, положившей начало общему кризису капиталистической системы, и в огромной мере обострила и углубила этот кризис.

Вцепившись друг в друга мертвой хваткой, обе враждующие империалистические группировки не имели возможности направить против русской революции значительные силы. Ни англо-французский блок, ни германский блок не могли оказать непосредственной вооруженной помощи русской буржуазии.

Война создала революционную ситуацию во многих странах, но в 1917 г. только в России эта ситуация перешла в победоносную революцию: тут наиболее острыми были противоречия империализма, в силу чего страна оказалась слабейшим звеном в его системе. В России вырос рабочий класс, отличавшийся революционностью и обладавший гигантским опытом классовой борьбы, накопленным в кратчайший исторический период. Здесь была созданная В. И. Лениным сплоченная, закаленная в боях коммунистическая партия, сумевшая организовать новую могучую общественную силу — союз рабочих и крестьян. Русские коммунисты показали всему миру образец революционной стратегии, тактики, великолепное искусство борьбы с опасными и сильными противниками, внутренними и внешними.

Под руководством большевиков рабочие и крестьянская беднота свергли правительство буржуазии и установили Советскую власть. Огромное значение для победы российского пролетариата имела поддержка его со стороны трудящихся всех стран.

Социалистическая революция в России означала коренной поворот не только в судьбах ее народов, но и в жизни всего

человечества. Она расколола мир на две системы — социалистическую и капиталистическую. Она указала мировому пролетариату верный путь ликвидации всех форм угнетения и эксплуатации. Озаренная гением Ленина перед народами открылась столбовая дорога к светлому будущему — социализму.

Из капиталистического рабства было вызволено 7,8% населения и 15,9% территории земного шара. Империализм перестал быть единственной и всеохватывающей системой. Начался предвиденный Лениным исторический период — период сосуществования двух противоположных общественных систем.

Октябрьская революция возродила боевой дух пролетариев, восстановила и приумножила традиции революционной борьбы. Невиданно усилилась организованность всех сил социального прогресса. Достаточно указать на появление и рост коммунистических партий во многих странах.

Победа Советов в России явилась могучим ускорителем революционных процессов во всем мире. Ею было положено начало кризиса колониальной системы, завершившегося после второй мировой войны крахом этой позорной системы порабощения наций и народов, она обострила и углубила все противоречия, свойственные империализму.

Октябрьская революция заложила основы совершенно новой, коренным образом отличной от буржуазной, внешней политики и дипломатии, отвечающей кровным интересам трудящихся масс.

«На международной арене впервые возникло государство, которое выдвинуло великий лозунг мира и стало осуществлять новые принципы в отношениях между народами и странами. Человечество обрело надежный оплот в своей борьбе против захватнических войн, за мир и безопасность народов» [1], — записано в Программе КПСС.

Впервые к власти пришел класс, лишенный пут частной собственности, по своему положению в обществе не заинтересованный в захватах чужой территории и ограблении других народов. Победив в социалистической революции, пролетариат провозгласил мир основой своей внешней политики. Защитники старого строя кричали, что настойчивые предложения мира со стороны Советской власти являются признаками ее слабости. Незадачливые буржуазные политики на своем опыте убедились, насколько ошибочной оказалась такая оценка. Ход событий показал, что Советская власть оказалась достаточно сильной, чтобы образумить тех, кто пытался применять прежние приемы своей политики в совсем иной исторической обстановке. Другие апологеты капитализма пытались объяснить на-

[1] «Материалы XXII съезда КПСС». М., Госполитиздат, 1962, стр. 327.

стойчивую борьбу Советской власти за мир временным явлением, «пропагандистским» маневром. Однако жизнь опровергла и эти домыслы.

Мирный характер внешней политики нового общества объясняется отнюдь не преходящими интересами, не временным, невыгодным для Советской власти соотношением сил на международной арене: он органически присущ новому, советскому строю, не знающему никаких форм эксплуатации, в том числе и насилия над другими народами. Маркс, характеризуя черты нового, социалистического общества, показал, что ликвидация диктатуры буржуазии создает новый строй, «международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*» [1].

В этом основа того, что Страна Советов защищала и защищает на мировой арене интересы не только народов России, но и всего прогрессивного человечества. Советское государство выступило как непримиримый противник империалистических войн, грабежей, захватов, насилия.

Образование Наркоминдела

В ночь на 9 ноября (27 октября) [2] 1917 г. II Всероссийский съезд Советов создал Совет Народных Комиссаров. В Петрограде только что закончилось победоносное восстание; в городе слышны были еще отголоски недавнего сражения, а Советское правительство уже начало свою деятельность. Приступил к работе и новый дипломатический орган страны — Народный комиссариат по иностранным делам. Рабоче-крестьянская власть сразу же встретилась с резким сопротивлением старого мира: в день образования Совета Народных Комиссаров враги Советской власти призвали всех чиновников старого аппарата к саботажу. Когда руководители Наркоминдела прибыли в здание министерства иностранных дел, они застали там только курьеров. Чиновники, предварительно выкрав шифры и захватив ключи, бежали из министерства.

Здание министерства иностранных дел на Дворцовой площади было занято красногвардейцами. Они охраняли входы в бронированные комнаты, где в несгораемых шкафах хранились секретные договоры, копии депеш и другие документы. С трудом удалось собрать некоторых сотрудников министерства. Один из них заявил, что служащие и чиновники министерства не признают нового правительства и работать с ним не желают.

Контрреволюционеры рассчитывали, что большевики, наткнувшись на саботаж чиновников во всех областях государственного управления, потерпят крах. Лидер меньшевиков Церетели цинично заявлял большевикам: «Мы всё же, худо ли,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 5.

[2] Старый стиль указан в датах до 14 февраля 1918 г. — *Ред.*

хорошо ли, держались 6 месяцев. Если вы продержитесь хотя бы 6 недель, я признаю, что вы были правы» [1].

Но расчеты организаторов саботажа были построены на песке. Они надеялись, что большевики отнесутся к аппарату власти так же, как все деятели прошлых буржуазно-демократических революций: кое-что уберут, подновят состав чиновников, но сохранят в целом старый аппарат. На самом деле Советское правительство приступило к слому старой государственной машины. Сопротивление чиновников только ускорило ее разрушение.

Приказом от 29(16) ноября, Советское правительство уволило тех работников министерства иностранных дел, кто не желал сотрудничать с Советской властью; большинство их состояло на службе здесь еще со времени царского режима. На следующий день был лишен полномочий посол Временного правительства во Франции Маклаков; 9 декабря (26 ноября) были освобождены от своих обязанностей почти все остальные дипломатические представители свергнутого правительства. Иностранные державы отказались, однако, признать это; еще долгое время они продолжали сноситься со старыми посланниками и консулами, предоставляя в их распоряжение значительные суммы денег на контрреволюционную деятельность. Один только Б. Бахметьев, которого США считали «послом России» вплоть до 1922 г., получил десятки миллионов долларов.

Из старого состава послов только двое — поверенный в делах в Испании Ю. Я. Соловьев [2] и поверенный в делах в Португалии Унгерн-Штернберг согласились работать с Советской властью, но их телеграммы не пропускались в Петроград.

Советское правительство стало спешно создавать свой собственный аппарат.

Во вновь организуемых народных комиссариатах появились новые сотрудники из революционных рабочих и солдат. В Наркоминдел пришли старые партийцы, передовые рабочие с завода «Сименс и Шуккерт», революционные моряки. Они и составили первую группу сотрудников Наркоминдела. В. И. Ленин лично руководил подбором и воспитанием первого отряда советских дипломатов. Под его руководством формировались такие крупные дипломатические деятели, как Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов, Л. Б. Красин, Л. М. Карахан, В. В. Воровский, П. Л. Войков и другие. С марта 1918 г. фактически, а с 30 мая 1918 г. и официально наркомом по иностранным делам являлся Г. В. Чичерин.

[1] «Коммунистический Интернационал», 1919, № 6, стр. 778.

[2] Ю. Я. Соловьев работал в Наркоминделе в течение пяти лет. См. его книгу «Воспоминания дипломата». М., 1959.

К концу января 1918 г. общее число сотрудников комиссариата достигло 200 человек. Они были полны революционного энтузиазма, но многие еще неопытны и мало осведомлены в вопросах дипломатии.

Большие трудности представляли в те дни сношения с иностранцами. Западноевропейские правительства отказались признать Советскую власть. Официальная связь с дипломатическими представителями Антанты и нейтральных государств прекратилась, но неофициальные сношения продолжались.

Декрет о мире и первые внешнеполитические акты Советского государства

К числу безосновательных заявлений буржуазных горе-пророков, предсказывавших скорую гибель власти большевиков, относилось и утверждение о том, что новая власть не имеет-де опыта управления государством и особенно беспомощна в области внешней политики: нет своих специалистов, нет необходимых знаний. Но эти расчеты, как и другие, быстро превратились в просчеты.

В. И. Ленин, партия большевиков всегда уделяли огромное внимание внешней политике, требовали увязывать ее с внутренней, считали внешнюю политику продолжением внутренней политики. «Нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики» [1], — учил Владимир Ильич. Нет буквально ни одной серьезной проблемы внешней политики, которая не нашла бы своего освещения в произведениях Ленина и его соратников. Большевики пришли к руководству страной с цельной, ясной, продуманной платформой по всем вопросам внешней политики, и в том числе по вопросу об отношении к первой мировой войне.

8 ноября (26 октября) 1917 г. II съезд Советов принял написанный рукой Ленина исторический Декрет о мире — важнейший программный документ советской дипломатии. Это был великий документ, в котором впервые излагались принципиальные основы разработанной В. И. Лениным политики мирного сосуществования государств с различным социальным устройством.

Советская власть предлагала всем народам и правительствам воюющих наций немедленно заключить демократический мир — мир без аннексий и контрибуций. Во избежание перетолкований и извращений, излюбленных буржуазными политиками, Ленин в Декрете о мире точно определил, что́ понимает под аннексией Советская власть. «Под аннексией или захватом чужих земель, — говорилось в декрете, — Правительство понимает... всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добро-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 32, стр. 335.

вольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединенная или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет» [1].

Этим определением были разоблачены все аргументы, неизменно выдвигавшиеся империалистами при попытках оправдать колониальные захваты и угнетательскую политику в отношении малых народов. Данные в декрете определения демократического мира, а также аннексии сыграли огромную роль в создании международно-правовой основы советской дипломатической деятельности и в борьбе с доктринами империалистической внешней политики.

Считая преступлением продолжать мировую бойню, Советское правительство торжественно заявило о своей решимости «немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях» [2].

В. И. Ленин учитывал, что правительства, не желающие принять такие условия, но и не осмеливающиеся открыто отвергнуть их, попытаются свалить вину за срыв мирных переговоров на большевиков, заявив, будто они предложили ультиматум. Поэтому уже в самом декрете В. И. Ленин подчеркивал, что Советская власть не считает своих условий ультимативными и согласна рассмотреть другие условия мира, настаивая только на немедленном начале мирных переговоров и безусловном исключении тайны. Так империалисты лишались возможности уклониться от переговоров под предлогом «непримиримости» Советской власти.

Правительство Советской России обратилось не только к правительствам, но и к народам воюющих стран, «в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии» [3].

К трудящимся был обращен горячий призыв республики Советов активно вмешиваться в вопросы войны и мира и своей «всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью» помочь прекратить империалистическую бойню. Впервые в истории народ признавался не объектом, а субъектом

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., Госполитиздат, 1957, стр. 12.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 13.

внешней политики, народы призывались к прямому участию в судьбах мира, во внешней политике.

Декрет о мире высоко поднял знамя пролетарского интернационализма, международной солидарности трудящихся. Это было новое слово в истории международных отношений. Советское государство провозгласило такие принципы и приемы дипломатии, которые отвечали чаяниям народов всех стран. Только марксисты-ленинцы увидели решающую роль народных масс в истории. Необходимо «помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира» [1], — указывал В. И. Ленин.

Основы новой, советской дипломатии были развиты и конкретизированы и в ряде других важнейших документов, опубликованных вслед за Декретом о мире.

В «Декларации прав народов России», принятой Советом Народных Комиссаров 15(2) ноября 1917 г., провозглашался полный разрыв с политикой национального неравноправия, розни и травли, проводившейся царским и Временным правительствами. «Этой недостойной политике лжи и недоверия, придирок и провокаций, — возвещалось в декларации, — должен быть положен конец. Отныне она должна быть заменена открытой и честной политикой, ведущей к полному взаимному доверию народов России» [2].

Декларация объявляла о равенстве и суверенности народов России, об отмене всех национальных привилегий и ограничений, о праве народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3 декабря (20 ноября) 1917 г. последовало обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором с неотразимой убедительностью раскрывались принципы советской внешней политики в отношении к народам колониальных и зависимых стран. «Великий клич освобождения, данный Русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока... Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма».

Трудящиеся мусульмане призывались устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно: «Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» [3].

Советское правительство торжественно объявило об аннулировании всех тайных договоров и грабительских сделок,

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 16.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 14.
[3] Там же, стр. 34.

заключенных царизмом о разделе Ирана и Турции, о захвате Константинополя, заявило, что свои взаимоотношения с народами Востока оно будет строить на основах равноправия, дружбы, взаимной помощи. В осуществление своих обязательств Советская власть вскоре вывела из Турции и Ирана свои войска.

11 января 1918 г. (29 декабря 1917 г.) Совнарком принял декрет «О Турецкой Армении». В нем говорилось, что Советское правительство поддерживает право армян занятой в ходе военных действий 1915—1917 гг. русскими войсками Турецкой Армении на свободное самоопределение. Советский народ протянул руку дружбы Турции. «Советское Правительство, — писал народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин председателю Великого национального собрания Турции Мустафе Кемаль-паше, — с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за свою независимость и суверенитет, и в эти дни, тяжелые для Турции, оно счастливо заложить прочный фундамент дружбы, которая должна объединить турецкий и русский народы» [1].

Одним из первых внешнеполитических актов правительства Мустафы Кемаля было письмо его главы В. И. Ленину с просьбой помочь новой Турции в ее борьбе. Положительный ответ Советской России содержался в цитированном выше послании Г. В. Чичерина. Опираясь на советскую помощь, турецкий народ смог решительно противостоять давлению иностранных империалистов.

Были отменены также все акты царского правительства, ущемлявшие суверенитет Китая.

Советское правительство не раз подтверждало свой отказ от всех прав и привилегий, полученных царизмом в Китае, от всех форм дискриминации китайского государства.

Советское правительство предоставило финскому народу полную государственную самостоятельность. Специальным решением от 31 декабря 1917 г. Совнарком РСФСР согласился на просьбу финского сейма признать независимость Финляндии. 4 января 1918 г. ВЦИК утвердил постановление Совета Народных Комиссаров.

С таким же уважением и дружественным чувством отнеслась Советская страна к Польше. На мирной конференции в Бресте советская делегация заявила, что право на самоопределение принадлежит всему польскому народу, а не части его, и потребовала вывода австро-германских войск из Польши.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. II. М., Госполитиздат, 1958, стр. 555.

В дальнейшем Советское правительство специальным декретом вновь подтвердило, что все договоры и акты царизма о разделах Польши бесповоротно отменяются. Советский народ проявлял горячее желание установить с Польской республикой хорошие отношения и мирно решить все спорные вопросы.

Всей своей деятельностью в международных делах ленинское правительство наносило решительные удары по империалистической политике разъединения национальностей, разжигания вражды между трудящимися различных стран.

Опубликование тайных империалистических договоров

Одной из ближайших задач Наркоминдел считал опубликование тайных империалистических договоров. В Декрете о мире Советское правительство, по-новому формулируя принципы международных отношений, отказывалось от империалистической тайной дипломатии. «Тайную дипломатию, — гласил декрет, — правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным» [1].

Выполняя это решение съезда, сотрудник Наркоминдела матрос Николай Григорьевич Маркин (геройски погибший позднее в боях с белогвардейцами) приступил к изданию секретных документов.

В какие-нибудь 5—6 недель в свет вышло семь сборников тайных документов. Первоначально их тексты печатались в газетах. Одним из первых было опубликовано тайное соглашение, заключенное Японией и царской Россией 3 июля (20 июня) 1916 г. По нему договаривающиеся стороны обязывались выступить против всякой третьей державы, которая попыталась бы укрепиться в Китае.

В другом сборнике были опубликованы соглашение, заключенное весной 1916 г. между Великобританией, Францией и царским правительством о разделе Турции; тайная конвенция 1916 г., в которой Россия, Франция, Англия и Италия устанавливали плату Румынии за участие в войне против Германии; документы о балканских войнах; военная конвенция между

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 15.

Францией и Россией 1892 г.; русско-английский секретный договор и конвенции 1907 г. и т. д.

В третьем сборнике был опубликован военный русско-германский договор (так называемый Бьёркский), подписанный Николаем II и Вильгельмом II в июле 1905 г.

Всего было издано свыше 100 договоров и других важных материалов.

Опубликование тайных документов произвело сильнейшее впечатление во всем мире. Нейтральная пресса их перепечатала. Затем они стали появляться и в прессе воюющих стран. Французская палата депутатов заслушала специальное сообщение по этому вопросу министра иностранных дел. В декабре состоялась конференция французской Всеобщей конфедерации труда в Клермон-Ферране; она также приняла резолюцию с требованием отмены тайной дипломатии. В начале января 1918 г. был опубликован манифест британской социалистической партии; в нем указывалось, что опубликование Советским правительством тайных договоров разоблачает всех империалистов, а советское требование открытого ведения мирных переговоров заставляет германских империалистов выдать свои замыслы[1].

Бежавшие за границу члены Временного правительства пытались было опорочить советскую публикацию дипломатических документов. Бывшему товарищу (заместителю) министра иностранных дел А. А. Нератову поручили выступить в буржуазной печати с заявлением, что документы-де фальсифицированы[2]. Но и Нератов вынужден был, хотя и в туманной форме, признать, что большевики могли располагать подлинными текстами.

В. И. Ленин высоко ценил публикацию тайных документов. Выступая с речью на I Всероссийском съезде военного флота, Владимир Ильич говорил: «Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановит на этом пути. Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру»[3].

Как ни противодействовали этому противники Советской власти, опубликованные ею документы стали достоянием широких масс. Народ узнал правду о том, какую политику вели царское, а вслед за ним и Временное правительство.

---

[1] «Call», 17. I. 1918.
[2] См. «Красный архив», 1924, № 6, стр. 220.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 116—117.

Основные принципы советской внешней политики

Уже первые шаги Советской власти показали, в чем состоят основные принципы ее внешней политики. Сила и действенность внешней политики СССР определяется, прежде всего, тем, что в основе всей практической деятельности советской дипломатии лежит марксизм-ленинизм — единственно верная и точная наука о законах общественного развития. Это обеспечивает научность нашей политики, правильное понимание интересов народных масс, правильное отражение, защиту этих интересов во внешней политике.

Глубокое и всестороннее изучение объективного хода истории позволяет выявить действительные пружины дипломатии иностранных держав, строить свои выводы не на преходящих, случайных моментах, а на осознании глубоких классовых корней поведения руководителей внешней политики других государств.

Впервые в истории человечества внешняя политика стала вестись открыто, не втайне от народа. «Возьмите внешнюю политику, — писал В. И. Ленин. — Ни в одной, самой демократической, буржуазной стране она не делается открыто. Везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке и Англии во сто раз шире и утонченнее, чем в других странах. Советская власть революционно сорвала покров тайны с внешней политики» [1].

Ленинская внешняя политика КПСС и Советского государства органически связана с внутренней политикой и является составной частью стратегии и тактики партии. Международная политика Советской страны защищает интересы трудящихся СССР на мировой арене, обеспечивает наиболее благоприятные внешние условия для социалистического и коммунистического строительства. В этом и состоит ее *главная цель*, определяющая все другие ее черты и стороны.

В отношениях с буржуазными странами Советское государство строит свою политику, исходя из открытого В. И. Лениным закона о неравномерности экономического и политического развития капитализма в период империализма, обусловливающего невозможность одновременной победы социализма во всех странах. Социализм побеждает вначале в одной стране или в группе стран, и, следовательно, исторически неизбежен период сосуществования государств с разным социально-политическим устройством. Какой характер должно носить это сосуществование? Уже в Декрете о мире В. И. Ленин указал, а почти пятидесятилетняя практика советской дипломатии подтвердила, что между государствами двух систем возможно

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 37, стр. 256.

и необходимо мирное сосуществование и деловое сотрудничество.

Борьба за мир во всем мире, за мирное сосуществование государств с различным социальным строем была и остается коренным, незыблемым принципом внешней политики СССР.

Политической основой такого сосуществования является невмешательство государств во внутренние дела друг друга, ненападение, уважение суверенитета, национальной и территориальной целостности всех стран. Экономическая его основа — это деловое сотрудничество государств, представляющее объективную закономерность общественного развития.

Мирное сосуществование способствует решению всех спорных международных вопросов путем переговоров. Когда на II съезде Советов В. И. Ленин сообщал об отмене тайных договоров, он добавил: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать» [1].

Даже в период нашествия империалистов Советская власть неоднократно высказывалась за мирное сосуществование, за торговлю. «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — отвечал В. И. Ленин на вопросы американского журналиста, — со всеми странами, но *особенно* с Америкой» [2]. Другому американскому журналисту, спрашивавшему, каковы советские плапы в Азии, Ленин ответил: «Те же что в Европе: мирное сожительство с народами...» [3].

Выступления главы Советского правительства были поддержаны конкретными предложениями. Уже в 1917 г. Советская власть вела переговоры об установлении торговых отношений с Японией, Англией, Данией, Швецией. В мае 1918 г. В. И. Ленин направил в США через Р. Робинса (руководителя миссии американского Красного Креста в России) список товаров, которые могут быть проданы, и список концессий, которые могут быть предоставлены американским капиталистам [4]. Деятели советской дипломатии неизменно руководствовались общим принципом внешней политики Советской страны. В докладе на заседании ВЦИКа наркоминдел Г. В. Чичерин говорил: «Наш лозунг был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были» [5].

Принцип мирного сосуществования был включен в официальное заявление, утвержденное Советом Народных Комисса-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 20.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 39, стр. 209.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 40, стр. 145.
[4] См. «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 299—301.
[5] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 639.

ров под председательством В. И. Ленина и оглашенное Г. В. Чичериным на международной конференции в Генуе, где впервые была представлена Советская страна: «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления» [1].

Постоянным принципом советской внешней политики является признание суверенитета всех без исключения государств и независимо от величины территории, численности населения, уровня развития их экономики и культуры. Для советской внешней политики дороги и нерушимы суверенные права всех народов. Последовательное осуществление этого принципа советской дипломатией всегда имело огромное международное значение. Советский Союз выступает против всех и всяких форм национального гнета, оказал и оказывает неоценимую поддержку государствам Востока, всем колониальным и зависимым народам в их справедливой борьбе за свободу.

Советский Союз твердо придерживается ленинского курса на мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Именно поэтому он использует весь свой авторитет, всю свою мощь для решительного отпора тем, кто пытается подорвать возможность мирного сосуществования; СССР ведет непримиримую борьбу против сил агрессии, войны и угнетения.

Вся советская внешняя политика проникнута духом пролетарского интернационализма.

До второй мировой войны этот принцип означал взаимную поддержку советского народа и зарубежных трудящихся. «В союзе с революционерами передовых стран и со всеми угнетенными народами, — писал В. И. Ленин, — против всяких и всех империалистов — такова внешняя политика пролетариата» [2].

В современной обстановке принцип пролетарского интернационализма распространяется на межгосударственные отношения, он стал основой международных политических и экономических взаимоотношений нового типа. В единстве всех антиимпериалистических сил, всех сил свободы и прогресса КПСС видит верное средство сорвать агрессивные замыслы реакции, обеспечить всеобщий мир.

В лице Советского Союза, а ныне и других социалистических стран народы имеют мощный оплот мира, демократии и

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V. М., Госполитиздат, 1961, стр. 191—192.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 32, стр. 337.

социализма. История советской дипломатии — это история упорной борьбы против империализма и колониализма, за торжество дела социализма, за национальное освобождение народов, за прочный мир и мирное сосуществование государств с различным социальным строем.

Советская внешняя политика отвечает интересам всех трудящихся, всех народов. Этим и объясняется ее величайшая популярность и действенность, одобрение и поддержка, которую оказывает внешней политике СССР все прогрессивное человечество.

«...Нашу мирную политику одобряет громаднейшее большинство населения земли» [1], — говорил В. И. Ленин. Борьба за мир стала делом десятков и сотен миллионов простых людей всей земли.

2. Перемирие с германским блоком

Объявление перемирия

Проводя глубочайшие революционные преобразования во всех областях общественной и государственной жизни страны, Советское правительство вместе с тем немедленно приступило к выполнению своего обещания народу — сделать все, чтобы прекратить несправедливую империалистическую войну. Упрочению Советской власти более всего мешало состояние войны с Германией.

Декрет о мире, принятый II съездом Советов, был немедленно опубликован, и радио сообщило о нем по всему миру. Правительства воюющих стран получили советское предложение, но не дали на него ответа.

Это глухое молчание было проявлением ненависти, с какой встретили все буржуазные правительства только что созданное революционное правительство России.

В ночь на 21(8) ноября Совнарком послал радиотелеграмму главнокомандующему русской армией генералу Духонину, приказывая ему немедленно предложить перемирие всем воюющим странам как Антанты, так и германского блока. На следующий день Наркоминдел обратился с нотой ко всем послам союзных держав, предлагая объявить перемирие на фронте и начать мирные переговоры.

Не получив ответа ни от Духонина, ни от послов, В. И. Ленин поздно ночью вызвал Духонина по прямому проводу и запросил его, почему нет сообщения о реализации предписания правительства. Генерал пытался было уклониться от ответа, В. И. Ленин приказал Духонину немедленно начать переговоры

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 40, стр. 177.

о перемирии. Духонин отказался. Тут же распоряжением по прямому проводу генерал был смещен с должности. На пост главкома был назначен Н. В. Крыленко. Утром 22(9) ноября глава Советского правительства послал телеграмму ко всем солдатам и матросам с предложением взять дело мира в свои руки. Ленин призывал солдат к бдительности, выдержке, энергии и выражал твердую уверенность в том, что «дело мира победит!» [1]. Этот шаг вырывал армию из рук старых военных властей. Изолировав своих офицеров, выборные от полков приступили к переговорам с немцами. Окончательное утверждение переговоров оставалось за Совнаркомом.

22(9) ноября дипломатические представители союзных стран в Петрограде собрались на совещание в посольстве Соединенных Штатов Америки. Решено было игнорировать советскую ноту от 21(8) ноября и не отвечать на нее. Руководителям военных миссий при штабе верховного главнокомандующего было предложено поддержать Духонина, несмотря на его смещение. 23(10) ноября главы британской, французской, японской, итальянской и румынской военных миссий вручили генералу Духонину коллективную ноту. Угрожая «самыми тяжелыми последствиями», они протестовали против заключения сепаратного мира или перемирия. Духонин, отказавшийся подчиниться приказу Советской власти о снятии его с должности, разослал этот протест всем командующим отдельными фронтами. Через несколько дней американский офицер Керт от имени правительства США вручил в ставке категорический протест против ведения Россией мирных переговоров [2].

Не зная еще об этих провокационных шагах союзных дипломатов, Наркоминдел обратился к послам нейтральных держав с предложением взять на себя посредничество в организации переговоров о мире.

Представители Швеции, Норвегии и Швейцарии не ответили, ограничившись кратким сообщением о том, что ноты ими получены. Только испанский посол Циснерос заявил Наркоминделу, что советская нота о мире сообщена по телеграфу мадридскому правительству, «чтобы оно могло довести ее до сведения испанского народа и приложить со своей стороны все необходимые усилия для заключения мира». Результат оказался плачевным для посла: испанское правительство немедленно отозвало его.

Вокруг мирных предложений Советской России был организован заговор молчания. Контрреволюционеры всех мастей пытались сколотить единый фронт против Советского правитель-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 82.

[2] См. «Известия», 1 декабря 1917 г.; «Russian-American Relations. 1917—1920», p. 53.

ства. Разбитые революцией партии кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов и буржуазных националистов повели бешеную борьбу против Советской власти. Они саботировали и разрушали производство, организовывали заговоры, поднимали восстания. На их стороне было немало офицеров старой армии. Контрреволюция находила опору в среде кулаков и верхушки казачества. На помощь врагам Советской власти спешили реакционные круги Англии, Франции и США. Против Советской республики стали объединяться две силы — иностранная и внутренняя контрреволюция.

Представители Антанты всячески подстрекали генерала Духонина к неповиновению Советской власти. Ему обещали материальную поддержку. Итальянский представитель в ставке Духонина получил от итальянского посла Карлотти телеграмму: «Союзники решили освободить Россию от союзных обязательств и предоставить ей возможность заключить более выгодный сепаратный мир, а пока перемирие. Основание этого: оставление войск на своих местах, стороны не имеют права обмениваться пленными и Россия не должна снабжать германцев хлебом и сырьем» [1].

В г. Могилев, где находился генерал Духонин, потянулись кадеты, эсеры, меньшевики. Стали подбирать состав нового правительства. Председателем его намечали эсера В. Чернова. Новоиспеченный кандидат в премьеры успел даже выступить на одном из собраний в Могилеве. Ставка обратилась к армии, сообщая, что новое правительство якобы готово заключить мир. Так контрреволюция пыталась украсть у большевиков лозунг мира, чтобы привлечь на свою сторону народные массы и армию. Когда маневр этот провалился, представители Антанты поспешили объявить телеграмму итальянского посла «несуществовавшей».

На деле ни русская контрреволюция, ни тем более Антанта не собирались прекращать войну.

В течение трех с лишним лет Россия, истекая кровью, приковывала к себе больше половины всех вооруженных сил германского блока. Решающие операции Германии на Западном фронте были сорваны боевыми действиями русской армии. Так было в самом начале войны, когда немецкие войска, по плану Шлиффена, стремительно двигались через Бельгию к Парижу. Плохо вооруженная, еще не закончившая своей мобилизации русская армия вторглась в Восточную Пруссию, чтобы задержать движение немцев к Парижу. Так было и в

[1] «Красный архив», т. 23, стр. 236. См. *Ю. Я. Соловьев*. Воспоминания дипломата, стр. 300.

1916 г., когда армия генерала А. А. Брусилова, ценой сотен тысяч жертв, своим грозным наступлением вынудила германские войска прекратить осаду Вердена. Россия пролила больше всего крови, потеряла больше всего территорий, и в неизмеримо большей степени, чем в Англии и Франции, было расстроено ее хозяйство. Не удивительно, что одна мысль потерять русское пушечное мясо приводила империалистов Антанты в бешенство.

Главное же состояло в том, что заключение мира должно было укрепить Советскую власть и дать возможность молодой социалистической республике начать мирное строительство. Это означало огромное усиление влияния революционного примера Советской России на мировой пролетариат. Борьба против мирной политики Советского правительства была войной за ликвидацию Советской власти и одновременно за подавление революционного движения в самих капиталистических странах.

Взрыв ненависти в среде империалистов вызвал аннулирование Советской властью внешних государственных долгов царского и Временного правительств и национализация предприятий, которые принадлежали иностранным капиталистам. Декрет об аннулировании долгов [1] был опубликован 10 февраля (28 января) 1918 г. В ответ дипломатический корпус в Петрограде поспешил заявить о том, что он «не признает» декретов об аннулировании долгов и конфискации собственности, поскольку эти акты касаются интересов иностранных подданных. Французское и британское правительства совместно опубликовали меморандум, в котором осуждали решение Советского правительства. Однако это не произвело ожидаемого ими воздействия, 22 апреля 1918 г. Совнарком принял решение о национализации внешней торговли.

Положение в германском лагере существенно отличалось от обстановки в странах Антанты. Отрезанная от всего мира блокадой англо-французского флота, Германия голодала. Ей не хватало стратегического сырья. В Австро-Венгрии начались продовольственные беспорядки. Турция еле держалась. По мере затягивания войны решающее значение приобретали такие факторы, как крепость тыла, наличие сырьевых и людских ресурсов. Антанта в этом смысле имела явное преимущество. Давала себя чувствовать вся тяжесть войны на два фронта, против которой предупреждали в свое время военные и дипло-

[1] Значение этого акта станет особенно очевидным, если вспомнить, что лишь государственные и частные долги царской России Антанте составляли 5695 млн. зол. руб.; иностранные капиталовложения в русскую промышленность достигали почти 3 млрд. зол. руб. (см. «История международных отношений и внешней политики СССР (1917—1960 гг.)», т. 1, М., 1961, стр. 28).

матические деятели Германии Мольтке и Бисмарк. Доведенные до истощения, Германия и Австро-Венгрия жаждали избавиться от забот на востоке. «Надо... во что бы то ни стало постараться заключить сепаратный мир с Россией», — требовал германский кронпринц от Вильгельма II летом 1917 г.

В Германии при этом боролись две точки зрения. Военная группа во главе с Вильгельмом II рассчитывала, что Россия может быть разгромлена коротким ударом и подпишет мир на любых условиях; после этого все силы можно будет обратить против Англии и Франции. «На Петербург!» — требовала прусская военщина. «Откровенно говоря, — признавался генерал Гинденбург, — я с большим удовольствием исполнил бы это» [1].

Вторая группа, отражавшая в известной мере мнение промышленников, которые вели до войны торговлю с Россией, также стояла, по существу, за насильственный мир. Но она считала необходимым скрыть его грабительскую сущность, придав ему «приличную» форму. Это позволило бы поддерживать в народных массах иллюзию, будто Германия ведет справедливую войну, и вместе с тем облегчило бы германской дипломатии игру на Западе.

Между тем движение народных масс за мир в странах германского блока стало особенно активным. В Вене уже 11 ноября (29 октября) состоялись митинги, а затем демонстрации, в которых приняло участие свыше 20 тыс. рабочих. Демонстранты приветствовали рабочих и солдат Петрограда, вырвавших власть из рук буржуазии. Демонстранты требовали немедленно открыть мирные переговоры на основе русских предложений о мире без аннексий и контрибуций. Вслед за тем митинги и демонстрации состоялись в десятках других городов Австро-Венгрии. Большие народные демонстрации с требованием мира проходили в Берлине, Эссене, Золингене, Бремене, Гамбурге и многих других немецких городах. Ширилось революционное брожение в солдатских массах. Вновь назначенный германский канцлер Гертлинг в своей речи в рейхстаге вынужден был заявить, что мирные предложения Советского правительства приемлемы как основа для начала общих переговоров о мире. 27 (14) ноября Германия ответила на советское предложение согласием начать мирные переговоры.

В тот же день В. И. Ленин от имени Совнаркома обратился с нотой к правительствам Франции, Великобритании, Италии, США, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии и Китая. Ленин спрашивал их перед лицом всего мира, согласны ли они вместе с Советской страной приступить 1 декабря к мирным перегово-

[1] «Воспоминания Гинденбурга». М., 1922, стр. 51.

рам или будут продолжать бойню без смысла и цели. «Ответ на эти вопросы, — гласило обращение Совнаркома, — должен быть дан сейчас же, и ответ не на словах, а на деле. Русская армия и русский народ не могут и не хотят дольше ждать. 1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести переговоры с немцами одни» [1].

Антанта не ответила и на этот призыв. Советское правительство хотело всеобщего демократического мира и активно боролось за такой мир. Но своим категорическим отказом участвовать в переговорах о перемирии правительства Англии, Франции и США вынудили его начать сепаратные переговоры с Германией.

Выход России из войны безусловно не означал выигрыша для Германии, как это утверждали многие на Западе. Г. В. Чичерин сообщил в одной из своих статей справедливое замечание английского дипломата и разведчика Локкарта — врага русской революции и Советской власти. Вот что писал Чичерин: Локкарт «не раз говорил мне, что, по его мнению, Октябрьская революция гораздо больше сделала путем разложения внутри германского империализма и германской монархии, чем могло бы сделать продолжение войны Николаем II» [2].

Открытие советско-германских переговоров о перемирии

Переговоры с Германией о перемирии начались в Брест-Литовске 3 декабря (20 ноября) 1917 г. В состав советской делегации входили: А. А. Иоффе — руководитель, Г. Я. Сокольников, А. А. Биценко, С. Д. Масловский-Мстиславский, Л. М. Карахан, а также солдат Н. К. Беляков, матрос Ф. В. Олич, рабочий П. А. Обухов и крестьянин Р. И. Сташков.

Делегации противника состояли из одних военных, и даже прикомандированный к германской делегации в качестве секретаря дипломатический чиновник фон Розенберг — и тот в списке делегатов числился «ротмистром в резерве». На первом заседании представитель советской делегации предложил положить в основу переговоров Декрет о мире. Представитель Германии генерал Гофман (начальник штаба Восточного фронта) заявил, что не уполномочен вести переговоры о целях войны: его, как военного человека, интересует только военная сторона перемирия. Гофман при этом отметил, что речь может идти только о сепаратном перемирии, ибо русская делегация не имеет полномочий на ведение переговоров от имени Англии и Франции.

[1] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 29—30.

[2] *Г. В. Чичерин.* Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1961, стр. 260.

На следующем заседании, 4 декабря (21 ноября), советская делегация изложила свои условия: перемирие заключается на 6 месяцев; военные действия приостанавливаются на всех фронтах; немцы очищают Моонзундские острова и Ригу; запрещаются какие бы то ни было переброски немецких войск на Западный фронт [1]. Советские условия перемирия произвели ошеломляющее впечатление не только на конференции, но и во всем мире. Они свидетельствовали не о слабости Советской страны или «вымаливании» любых условий, а о глубокой уверенности в своей позиции, в поддержке народных масс.

Советская делегация подчеркивала, что речь идет о прекращении войны вообще, а не о сепаратном соглашении. Особенно настаивали советские делегаты на принятии пункта о запрещении перебрасывать германские и австрийские войска: тем самым они ограждали интересы Англии и Франции — бывших союзников России. Это взбесило Гофмана. Он заявил запальчиво, что такие условия могут предлагать только победители. «Достаточно, однако, взглянуть на карту, чтобы судить, кто является побежденной страной», — добавил генерал и выдвинул контрпроект, закреплявший то положение, которое сложилось на фронте.

В ту же ночь советская делегация получила приказ Совнаркома не подписывать перемирия, поскольку немцы отказываются принять пункт о переброске. 5 декабря (22 ноября) советская делегация потребовала перерыва переговоров ввиду выявившихся разногласий. Немцы заволновались. Они опасались, что советская делегация более не вернется в Брест. Создана была военная комиссия, которая предложила временное соглашение: перемирие заключается на 10 дней, с 7 до 17 декабря; войска сохраняют занятые ими позиции. По основному вопросу о перебросках, вызвавшему разногласия, немцы уступили: было решено прекратить всякие перевозки, кроме начатых. Подписав соглашение о перемирии, советская делегация выехала в Петроград. Время перерыва Советское правительство использовало для того, чтобы еще раз предложить странам Антанты начать всеобщие мирные переговоры.

6 декабря (23 ноября) Наркоминдел снова обратился к союзным послам с нотой, требуя ответа, готовы ли они участвовать в мирных переговорах. В случае отказа Наркоминдел настаивал, чтобы правительства Англии, Франции, Японии и других стран открыто, ясно и определенно заявили, во имя каких целей они заставляют народы истекать кровью четвертый год. Это было уже пятое по счету за один месяц обращение к Антанте с предложением принять участие в мирных пе-

[1] См. «Известия ВЦИК», 25 ноября 1917 г.

реговорах. Но и Англия, и Франция, и США продолжали безмолвствовать.

15(2) декабря переговоры о перемирии закончились заключением перемирия на 28 дней между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой. При этом в случае разрыва обе стороны обязывались предупредить своего противника за 7 дней. Что касается перебросок войск на Западный фронт, то советская делегация добилась договоренности о том, что переброски, начатые до перемирия, заканчиваются, но новые переброски не допускаются.

Во время перемирия Совнарком неоднократно обращался к народам и правительствам стран Антанты, вновь предлагая им определить свое отношение к мирным переговорам. В обращении «К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам Европы» от 19(6) декабря, в других своих нотах и призывах Советское правительство предупреждало, что, если союзники не примкнут к переговорам, оно вынуждено будет самостоятельно вести переговоры о мире с центральными державами.

Планы интервенции Антанты

Руководители Антанты делали вид, что «не замечают» многократных миролюбивых предложений Советской страны. Пока Россия вела переговоры в Брест-Литовске, Антанта организовывала свои силы для свержения ненавистной ей Советской власти.

30 ноября в Париже собралась межсоюзная конференция. Ее участники обсуждали «русский вопрос»; после окончания конференции им продолжал заниматься Верховный совет Антанты, созданный в ноябре 1917 г. Военные эксперты разрабатывали планы вооруженного вмешательства в советские дела. Весь пропагандистский аппарат Запада — газеты и кинофильмы, листовки и брошюры, лекции и проповеди в церквах — был нацелен против мирных лозунгов Советов. Однако оклеветать мирную политику Советского правительства перед массами не удавалось. Трудящиеся западных стран все настойчивее требовали покончить с империалистической войной.

Поощряя Духонина к борьбе против Советской власти, агенты Антанты вели переговоры с созданным в России польским офицерским корпусом генерала Довбор-Мусницкого. Империалисты намеревались использовать в своих целях и чехословацкий корпус, образованный из военнопленных чехов и словаков. Кроме того, Антанта решила поддержать Украинскую центральную раду[1], выступавшую против Советской власти.

[1] Контрреволюционное, буржуазно-националистическое правительство Украины в 1917—1918 гг.

В декабре 1917 г. Франция назначила генерала Табуи своим официальным представителем при Центральной раде. Через несколько дней в Киеве появился и английский представитель. Франция предложила раде заем в 180 млн. франков на борьбу с Советской властью. Кстати, Центральная рада, украдкой бравшая деньги от представителей Антанты, в то же время завязала тайные связи с Германией.

Одновременно представители Антанты прибыли в Ростов к атаману Каледину, поднявшему восстание против Советской власти. Франция обещала мятежному генералу заем в 100 млн. руб. Представители Англии в свою очередь предоставляли ему значительные суммы. Большую антисоветскую активность проявляли реакционные круги США. Лансинг запретил Фрэнсису отвечать на ноты и обращения Советского правительства. «Президент желает, — телеграфировал государственный секретарь 6 декабря, — чтобы американские представители не вступали в прямые переговоры с большевиками» [1].

10 декабря 1917 г. Лансинг представил Вильсону пространную записку об отношении к событиям в России, в которой предлагал учредить здесь режим военной диктатуры во главе с Калединым [2].

По указанию Фрэнсиса американский консул в России Саммерс сообщил в госдепартамент сведения о численности армии Каледина и его готовности выступить против Советской власти. Лансинг ответил, что Каледину необходимо предоставить заем. Отдавая такое указание, Лансинг требовал сохранить в тайне участие США в этом деле. Если не удастся сохранить тайну, валите на Англию или Францию, советовал Лансинг. «Следует действовать без промедления, — писал он, — и внушить тем, с кем вы будете разговаривать, необходимость держать в тайне сочувствие, а тем более финансовую помощь Соединенных Штатов движению Каледина» [3].

В Новочеркасске побывали американский военный атташе и другие деятели для непосредственных переговоров с Калединым. «Нейшнл сити бэнк» перевел в Ростов 500 тыс. долл. на нужды контрреволюционеров. Американский посол Фрэнсис пытался перебросить в Ростов 70 автомобилей из числа посланных в Петроград еще Временному правительству. Авантюра Фрэнсиса провалилась: его агент, некий полковник Калпашников, был арестован. Любопытно отметить, что пойманный с поличным Фрэнсис в точности следовал указаниям

---

[1] «Foreign Relations... 1918, Russia», vol. I, p. 289.

[2] «Foreign Relations... The Lansing Papers», vol. II, p. 343—345.

[3] Цит. по кн.: *М. Сейерс* и *А. Кан.* Тайная война против Советской России. М., 1947, стр. 21.

госдепартамента: он заявил, что не знает никакого Калпашникова, хотя у арестованного были найдены удостоверения за подписью Фрэнсиса. «Я делаю для печати заявление, — телеграфировал Фрэнсис Лансингу, — где категорически отрицаю всякую осведомленность о движении Каледина или связь с ним. Заявляю, что вы дали твердые и категорические указания не вмешиваться во внутренние дела, утверждаю, что следую им в точности» [1].

Через Каледина империалисты были связаны с атаманом Дутовым, поднявшим мятеж на Южном Урале. США вели также переговоры с генералом Алексеевым, который просил выслать на Дон чехословацкий корпус или хотя бы одну дивизию [2].

Особое внимание уделяла Антанта боярской Румынии. В Яссах находился штаб французского генерала Бертело. Главнокомандующим объединенными русскими и румынскими армиями считался король Румынии Фердинанд, но фактически главнокомандующим был царский генерал Щербачев. Его-то и решили использовать в борьбе против Советской власти.

3 декабря (20 ноября) 1917 г. генерал Щербачев обратился к фельдмаршалу Макензену и эрцгерцогу Иосифу с предложением немедленно начать переговоры о перемирии. 9 декабря (26 ноября) в Фокшанах было заключено перемирие между объединенными русско-румынскими и германо-австрийскими войсками. Расчеты Антанты оправдались: развязав себе руки перемирием, Щербачев начал действовать. В ночь на 18 (5) декабря он поручил войскам, верным Центральной раде, занять все штабы. Вслед за тем началось разоружение войскам боярской Румынии тех частей, в которых сильно было влияние большевиков. Русские солдаты, оставшись без оружия, без еды, вынуждены были в жестокий мороз, часто по глубокому снегу, пешком брести в Россию. Многие при этом погибли.

Интервенты стали продвигаться в Бессарабию.

Империалисты вели происки и на севере. Агенты Антанты связались с врагами Советской власти в Мурманске, через который шло снабжение царской армии во время мировой войны. В Мурманске стояла небольшая эскадра союзников. В декабре туда прибыл английский крейсер «Ифигения», на борту которого находился командующий морскими силами адмирал Кемп. Один из мурманских контрреволюционеров побывал в Петрограде, где наладил связь с английским морским агентом Кроми. Английская миссия стала вербовать бывших офицеров и направлять их в Мурманск. Туда же были посланы и небольшие

---

[1] «Foreign Relations... 1918, Russia», vol. I, p. 321—322.
[2] ЦГАОР, ф. 130, 1918, оп. 12, д. 100, л. 10—16.

группы чехословаков. В декабре 1917 г. в Мурманске появился некий А. М. Юрьев, как позднее выяснилось, агент английского империализма. Заняв пост заместителя председателя Мурманского Совета, Юрьев стал готовить почву для интервенции союзников. Один из видных главарей белогвардейцев на севере признал впоследствии, что французский посол Нуланс одобрил проект создания нового фронта на севере и даже написал об этом в Париж; впрочем, он заявил инициаторам, что «почин в этом деле должен принадлежать англичанам, так как Северный край в России — зона их влияния».

Прикрываясь дипломатической неприкосновенностью, сотрудники иностранных представительств разъезжали по стране, служа посредниками между отдельными контрреволюционными группами.

Нетрудно видеть, что Антанта пыталась создать вокруг основных революционных центров страны кольцо антисоветских военных соединений: польский корпус — в Белоруссии, чехословаки — в Сибири, Центральная рада — на Украине, Каледин — на Дону, Дутов — на Урале. Так началось прямое вмешательство Антанты во внутренние дела Советской страны.

23 декабря 1917 г. Клемансо, Пишон и Фош от Франции, лорд Мильнер, лорд Роберт Сесиль и представитель военного штаба от Англии заключили тайную конвенцию о разделе сфер действий в России. Согласно конвенции, в английскую зону входили Кавказ и казачьи территории рек Кубани, Дона, во французскую — Бессарабия, Украина, Крым [1].

США формально не принимали участия в подписании конвенции, но они были в курсе дела. Им был послан английский меморандум, в котором предусматривалось участие США в расходах по оккупации России [2]. Меморандум был переслан американским послом в Лондоне Пейджем в госдепартамент [3]. США, так же как и их союзники — Англия и Франция, вступили сразу после Октября на путь подготовки расчленения Советской страны, но они нацеливались на более крупную, по их мнению, добычу — на Сибирь и Дальний Восток. Американский историк Д. Кеннан вынужден это признать: «Едва большевики взяли под свой контроль Петроград, как союзники возложили свои надежды на сепаратизм» [4].

---

[1] «Documents on the British Foreign Policy, 1919—1939» (В дальнейшем DBFP). First Series, vol. III. London, 1949, p. 369—370.

[2] См. *Д. Ллойд Джордж.* Военные мемуары, т. V. М., 1938, стр. 94—95.

[3] «Foreign Relations... 1918, Russia», vol. I, p. 330—331.

[4] *G. Kennan.* Russia Leaves the War. Princeton University Press, 1956, p. 181.

Одновременно с подписанием конвенции британский посол в Токио вел переговоры с Японией. 27 декабря 1917 г. микадо выступил с речью в парламенте, призывая к энергичному сотрудничеству с союзниками. Это было расценено в Англии как ответ на приглашение принять участие в интервенции на Дальнем Востоке. В результате тайных переговоров 12 января 1918 г. во Владивостокском порту появился японский крейсер «Ивами», а через день — английский крейсер «Суффолк».

Все же у Антанты не было тогда сколько-нибудь значительных боевых сил для организации серьезной интервенции против России. В смертельной схватке с германским блоком Антанта не могла освободить руки для борьбы с Советской властью. Поэтому она искала средства столкнуть Советскую Россию с Германией, чтобы немецкими штыками свалить рабоче-крестьянскую власть. Во исполнение этого плана во второй половине декабря 1917 г. видный британский политический деятель генерал Смэтс выехал в Швейцарию, где вел переговоры с графом Менсдорфом, бывшим послом Австро-Венгрии в Лондоне, о мире за счет России и против России. США, со своей стороны, провели самостоятельные переговоры с Австро-Венгрией.

В то время как антантовская дипломатия изощрялась в попытках окружения молодой Советской республики, в Брест-Литовске разыгрывались драматические события. Они явились следствием перехода в наступление против Советской России дипломатии и военщины германского блока.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БРЕСТСКИЙ МИР (1918)

1. Первый период переговоров о мире

Советские условия мира

Перед открытием мирных переговоров Советское правительство снова пыталось привлечь к мирной конференции все воюющие страны. Кроме того, на совместном заседании ВЦИК, Всероссийского крестьянского съезда, Петроградского Совета, штаба Красной гвардии, представителей профсоюзов было принято обращение к трудящимся массам всех стран, опубликованное 22 (9) декабря 1917 г. «Только воля народов заставит империалистов всех стран заключить демократический мир, — говорилось в обращении. — Рабочие Франции, Англии и Италии, народы истекающей кровью Сербии и разоренной Бельгии! ...Вы должны требовать, чтобы и ваши представители приняли участие в переговорах» [1].

В течение всей конференции Коммунистическая партия и Советское правительство, следуя принципам социалистической внешней политики, боролись за всеобщий, справедливый, демократический мир.

Готовились к переговорам и противники. 18 (5) декабря в ставке верховного командования под председательством Вильгельма II состоялось совещание, на котором было решено добиваться присоединения Литвы и Курляндии и предложить России очистить Эстляндию и Лифляндию [2].

Германское командование требовало от правительства завершить переговоры как можно скорее: на середину марта было намечено генеральное наступление на Западном фронте.

22 (9) декабря в 4 часа 24 минуты пополудни в здании офицерского собрания в Брест-Литовске начались переговоры о мире. Главнокомандующий Восточным фронтом принц Леопольд Баварский сухим приветствием открыл заседание мирной конференции, после чего покинул зал. Место председателя

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 58—59.

[2] См. *Э. Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II. М., 1924, стр. 112.

занял глава германской делегации министр иностранных дел фон Кюльман. В советскую делегацию в этот период входили А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, М. Н. Покровский, А. А. Биценко, Л. М. Карахан, а также консультант М. П. Павлович, военные консультанты В. Альтфатер, А. Самойло, В. Липский, И. Цеплит. За столом рядом с советской делегацией расположились: австро-венгерская делегация во главе с министром иностранных дел графом Чернином, болгарская, возглавляемая министром юстиции Поповым, и турецкая с председателем Талаат-беем.

Первый холодок пробежал по залу, когда советская делегация потребовала, чтобы заседания были публичными и чтобы каждая сторона имела право полностью публиковать протоколы заседаний. Наступило некоторое замешательство. Чувствовалось, что режиссеры конференции не предусмотрели такого выступления. Турецкий представитель Ибрагим Хаккипаша невнятно выразил «свои сомнения». Никто не понял турецкого дипломата. Тогда Кюльман авторитетно разъяснил его позицию. Сомнения турецкого представителя, заявил Кюльман, состоят-де в том, что, не возражая против публичности, он боится газетной полемики, которая будет вызвана публикацией протоколов. Затем турецкий дипломат взял слово вторично и подтвердил, что «вынесение на улицу могло бы помешать, по его мнению, успешности переговоров...» [1]

Этот небольшой эпизод показал советской делегации, каковы взаимоотношения в германском блоке. На конференции турецкие и болгарские представители почти не выступали. Австро-Венгрия плелась за Германией. Зажав рот своим союзникам, Германия властно выступала от их имени.

Исходя из общих принципов Декрета о мире, советская делегация предложила принять за основу мирных переговоров следующую программу:

1. Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий; войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок.

2. Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены.

3. Национальным группам, «не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума; этот референдум должен быть

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I. М., 1920, стр. 5—6.

организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев».

4. По отношению к территориям, населенным несколькими национальностями, права меньшинства ограждаются специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличии фактической к тому возможности, административную автономию.

5. Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так называемых «военных издержек»; взысканные уже контрибуции подлежат возврату. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путем пропорциональных взносов всех воюющих стран.

6. Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4.

В основе советской программы мира лежала инструкция, принятая на специальном заседании Совета Народных Комиссаров 10 декабря (27 ноября) 1917 г. Инструкция эта была подготовлена на основе конспекта, составленного В. И. Лениным. «Главная тема политических переговоров и основной принцип:

«без аннексий и контрибуций»» [1], — подчеркивалось в конспекте советской программы.

Противоречия в германском блоке

После того как предложения советской делегации были заслушаны, Кюльман попросил представить их всем делегатам в письменном виде и предложил объявить перерыв в работе конференции на один день. На самом деле перерыв затянулся на три дня, хотя, предвидя характер советских условий, в Германии заранее обдумывали, что ответить на них.

Еще 18 декабря в Берлине состоялось совещание, на котором присутствовали рейхсканцлер Гертлинг, Гинденбург и Людендорф. Накануне открытия мирной конференции у генерала Гофмана было проведено совещание с Кюльманом и Черниным. Оба министра высказались за принятие русской формулы мира при условии, что к переговорам приступят и державы Антанты. Гофман резко выступил против этого. Он ядовито заметил, что Австро-Венгрия ничего не теряет от присоединения к советской формуле «без аннексий и контрибуций»: ведь она знает, что Антанта хочет расчленить Австро-Венгрию. Но зачем нам подделываться под русский стиль, негодовал Гофман, зачем связывать себя какими-то условиями о присоединении Антанты? «Немецкие генералы, — писал по этому

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 121.

поводу Чернин, — «боятся», что Антанта согласится на заключение общего мира. Противно слушать такую дребедень» [1].

Кюльман, как и Чернин, готовился к общей, ни к чему не обязывающей декларации. Но советские предложения были сформулированы точно и ясно. Отделаться общими фразами нельзя было. Приходилось готовить конкретные ответы. И это оказалось трудным делом. Прежде всего надо было так сформулировать ответ, чтобы удовлетворить германское командование; с другой стороны, предстояло добиться согласия турок и болгар поддержать позицию германской делегации, далеко не во всем для них выгодную.

Формальное принятие Германией советской формулы мира

Только 25(12) декабря, поздно вечером, возобновилось заседание мирной конференции. На нем Кюльман представил ответ германского блока на советские условия. Он заявил:

«Делегации союзников... полагают, что основные пункты русской декларации могут быть положены в основу переговоров о таком мире.

Делегации Четверного союза согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций. Они присоединяются к русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей» [2].

Итак, Германия и ее союзники внешне присоединились к предложениям советской делегации. Многочисленные чиновники делегаций, эксперты, работники отделов министерств, секретари, корреспонденты газет — а их было на конференции свыше 400 — устроили из выступления Кюльмана сенсацию. В печати был поднят невообразимый шум. Корреспонденты газет германского блока строчили хвалебные статьи о «демократичности» действий Германии. Чиновники посольств в интервью распространялись о ее «миролюбии». Никто из них при этом не отметил оговорки в заявлении Кюльмана:

«Необходимо, однако, с полной ясностью указать на то, что предложения русской делегации могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы все причастные к войне державы, без исключения и без оговорок, в определенный срок, обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия» [3].

Ясно, что оговорка Кюльмана сводила на нет согласие правящих кругов Германии на мир без аннексий и контрибуций.

---

[1] *О. Чернин.* В дни мировой войны. М. — Пг., 1923, стр. 243.
[2] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 9.
[3] Там же, стр. 9—10.

В своем ответе немцы давали ограничительное истолкование отдельным пунктам советской декларации. Так, например, § 3 требовал предоставления возможности национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, свободно, путем референдума, решать вопрос о своем государственном существовании. По этому поводу немецкая делегация заявила, что данный вопрос должен решаться в каждом отдельном случае самим государством вместе с народом. Особенно резко выступили немцы против § 6 — о колониях. Германское правительство заявляло, что ни в коем случае не может отказаться от своих колоний. Осуществление в них права самоопределения в настоящее время практически невозможно, добавлялось в ноте [1].

Советская делегация разоблачила все германские уловки; она подчеркнула имеющиеся разногласия между делегациями, прежде всего по вопросу о колониях. Сам факт присоединения германского блока к советской формуле мира «без аннексий и контрибуций» имел огромное значение. Констатировав это, советская делегация предложила объявить десятидневный перерыв, чтобы народы, правительства которых не примкнули еще к переговорам о всеобщем мире, могли ознакомиться с его принципами. Советское правительство вновь давало возможность всем воюющим странам присоединиться к мирным переговорам. 30(17) декабря Наркоминдел обратился с новым призывом к миру к народам и правительствам стран Антанты [2].

Во время перерыва было решено обсудить в комиссиях непосредственно между государствами отдельные пункты будущего договора.

Германия раскрывает свои империалистические замыслы

Политическая комиссия начала работать 26(13) декабря. Предстояли переговоры между Германией и Советской Россией. Но Кюльман заявил, что Германия имеет много точек соприкосновения с Австро-Венгрией и что Чернин со своей делегацией также примет участие в переговорах. Советская делегация старалась выдвинуть на первый план территориальные вопросы. Однако Кюльман всячески уклонялся от их обсуждения, опасаясь открыть раньше времени захватнические замыслы Германии. Он настаивал на рассмотрении таких вопросов, как восстановление старых договоров, возобновление торговых соглашений, советская концессионная политика.

Немцы предложили немедленно освободить и доставить на родину интернированных и сосланных лиц гражданского со-

---

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 11.
[2] См. «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 67—70.

стояния. Советская делегация выразила пожелание, чтобы в их состав были включены и лица, пострадавшие за пропаганду мира.

«Таких у нас нет» [1], — возразил Кюльман. «А Карл Либкнехт?» — заметили ему из советской делегации. На это Кюльман ничего не смог ответить и поспешил перейти к другим вопросам.

Шумиха, поднятая самими же немцами по поводу принятия русской формулы мира, встревожила германское военное командование. Из перехваченного радио немцы узнали, что советская делегация уже сообщила в Петроград о присоединении Германии к демократической формуле мира.

Германские дипломаты, выступавшие перед своим общественным мнением в роли миротворцев, полагали, что и советские представители только на открытых заседаниях и лишь для публики произносят демократические фразы, а при конкретном обсуждении отдельных вопросов уже «по-деловому» начнут обсуждать с ними, какие страны и народы будут уступлены победителям. Эти дипломаты были во власти «традиционных» представлений о ведении международных переговоров и не сразу осознали, что уже родилась и вступила в свои права новая дипломатия, беззаветно отстаивающая интересы трудящихся. Советская делегация всерьез вела переговоры о демократическом мире, решительно отвергая всякие попытки политического торга.

Видя такой оборот дела, германская ставка потребовала от Гофмана и Кюльмана внести ясность в положение, показать русским «всю призрачность их радужных надежд». Вечером 26(13) декабря за чашкой чая Гофман заявил советскому представителю, что Германия понимает мир без аннексий иначе, чем советская делегация. Германия не может очистить Польшу, Литву и Курляндию, во-первых, потому, что там расположены мастерские, работающие на вооружение; во-вторых, сами же русские стоят за национальное самоопределение вплоть до отделения. Опираясь на это право, Польша, Литва и Курляндия уже высказались за отделение от России. Если эти три страны, цинично заявил Гофман, вступят теперь в переговоры с Германией о своей дальнейшей судьбе, то это отнюдь не будет аннексией со стороны Германии.

Советская делегация потребовала встречи с Гофманом, Кюльманом и Чернином. Совещание длилось несколько часов. Оно прерывалось не раз по просьбе представителей Германии и Австро-Венгрии, которым нужно было договориться между собой. Чернин предлагал компромисс: пока мир не заключен,

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 26.

продолжается оккупация занятых территорий; по заключении мира плебисцит в Польше, Литве и Курляндии должен решить судьбу этих стран; плебисцит будет проведен под наблюдением нейтральной страны. Идея Чернина была отвергнута не только советской делегацией; она не устраивала и немцев.

Атмосфера в Брест-Литовске накалялась. Советская делегация заявила о своем отъезде и прекращении переговоров. Это возымело свое действие. Германские представители согласились продолжить обсуждение советских предложений.

Второе заседание политической комиссии, состоявшееся 27(14) декабря вечером, после почти двухдневного перерыва открылось выступлением советской делегации по вопросу об очищении оккупированных областей. Советское предложение гласило:

«В полном согласии с открытым заявлением обеих договаривающихся сторон об отсутствии у них завоевательных планов и о желании заключить мир без аннексий Россия выводит свои войска из занимаемых ею частей Австро-Венгрии, Турции и Персии, а державы Четверного союза — из Польши, Литвы, Курляндии и других областей России» [1].

В соответствии с принципом самоопределения наций Советская Россия обещала предоставить населению перечисленных областей возможность самому решить вопрос о своем государственном существовании. При этом в самоопределяющихся областях не должно допускаться присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местной милиции. Сроки эвакуации войск устанавливаются специальной военной комиссией.

В ответ на советское заявление Кюльман выдвинул контрпредложение, согласованное с Австро-Венгрией. В первом пункте контрпредложения Германия обязывалась, как только мир будет заключен и демобилизация русской армии закончится, очистить занятые русские области, «поскольку это не будет противоречить ст. 2».

В ст. же 2 значилось:

«Так как Российское Правительство, в соответствии со своими принципами, провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Российского государства, право на самоопределение, вплоть до полного отделения, то оно принимает к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, об их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российской Федерации.

---

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 28.

Российское Правительство признает, что эти заявления при настоящих условиях надлежит рассматривать, как выражение народной воли, и готово сделать вытекающие отсюда выводы» [1].

После этого Кюльман спросил, не согласится ли Советское правительство вывести свои войска из неоккупированной части Лифляндии и Эстляндии, чтобы дать местному населению возможность соединиться со своими единоплеменниками, живущими в занятых немцами областях. Генерал Гофман осведомился о состоянии пассажирского сообщения с Украиной. Советская делегация выразила недоумение по поводу такого вопроса. В ответ Гофман пояснил, что от Украинской центральной рады поступило сообщение о выезде в Брест-Литовск украинской делегации. Гофман сообщил, что, как заявила Центральная рада, она будет считать себя связанной мирными договорами только в случае непосредственного участия ее делегации в переговорах. Поэтому генерал хотел бы знать, каким путем прибудет делегация, для того чтобы позаботиться об установлении с ней телеграфной связи.

Маневр немецких представителей был ясен. Оккупацию Польши и Прибалтики они хотели прикрыть ссылками на национальную политику Советской власти; эти области согласно принципу самоопределения якобы отделились от России, и дальнейшая их судьба является собственным их делом. А Гофман уже без всякой дипломатии, по-солдатски грубо дал понять, что в случае неуступчивости Советской России против нее будут двинуты украинские националисты. Спохватившись, однако, не слишком ли рано сброшена маска, германская делегация поспешила смягчить впечатление, созданное ее требованиями. На заседании политической комиссии 28(15) декабря проект мирного договора был прочитан немцами уже без спорных параграфов по территориальным вопросам. Представители Четверного союза старались поддержать иллюзию «демократичности и миролюбия» их позиции.

В работе мирной конференции наступил перерыв.

2. Второй период мирных переговоров

Использование Германией предателей из Украинской центральной рады

Перед Советским правительством встал вопрос, как быть дальше в переговорах с Германией, которая уже показала свои когти. В. И. Ленин предложил перенести переговоры в Стокгольм или другой нейтральный город. Из нейтральной страны можно было легче демонстрировать советскую политику мира перед народами воюющих стран. Отпала

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 29.

бы и военная цензура немцев, которые фактически контролировали даже все переговоры по прямому проводу.

О перенесении переговоров советская делегация беседовала в Брест-Литовске с Кюльманом и Чернином. Те ответили, что возражают против переговоров в нейтральной стране, но готовы по окончании конференции выехать в Россию, чтобы подписать мир не на оккупированной территории, а, например, в Пскове.

Ленин предложил настаивать на перенесении переговоров. Кроме того, учитывая возможность разрыва переговоров, глава Советского правительства предложил принять экстренные меры по реорганизации армии и укреплению обороноспособности страны, а также на случай прорыва немецких войск к Петрограду.

2 января 1918 г. (20 декабря 1917 г.) председателям германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской делегаций была послана телеграмма, в которой Советское правительство настойчиво предлагало перенести переговоры в Стокгольм. Вместе с тем в телеграмме подчеркивалось, что формулировка германского блока по территориальным вопросам противоречит принципу свободы самоопределения наций, даже в том ограничительном его толковании, которое дано в декларации немецкой стороны от 25(12) декабря.

Телеграмма Советского правительства вызвала тревогу в лагере противника, особенно в Австро-Венгрии. «Настроение как у нас, так и у германцев весьма подавленное, — писал в своем дневнике Чернин. — Нет сомнения, что если русские решительно прервут переговоры, положение станет весьма тягостным. Единственный выход из положения заключается в быстрых и энергичных переговорах с украинской делегацией» [1].

Однако немцы, надеясь на свой военный перевес, продолжали действовать методами диктата. Советской делегации была послана телеграмма, отклонявшая перенесение мирных переговоров из Брест-Литовска.

4 января 1918 г. (22 декабря 1917 г.) канцлер Гертлинг в своей речи в бюджетной комиссии германского рейхстага выразил протест против обвинения Германии в аннексионистской политике и заявил, что Германия отклоняет советское предложение о перенесении переговоров в Стокгольм. Попутно он информировал о прибытии в Брест-Литовск делегации Украинской центральной рады. Тем самым недвусмысленно давалось понять, что возможны отдельные переговоры с Украиной.

В тот же день Советское правительство послало ответную телеграмму с сообщением, что оно продолжает настаивать

[1] *О. Чернин.* В дни мировой войны, стр. 249.

на перенесении переговоров. Но так как все делегации уже прибыли в Брест-Литовск, то и советская делегация выезжает туда же, в уверенности, что там легче можно будет договориться о новом месте переговоров.

Немцы в этот период готовились пустить в ход «украинскую карту». Но задуманный дипломатический маневр осложнялся тем, что в отношении Украины интересы Германии и Австрии не совпадали. Особенно остро стоял вопрос о судьбах оккупированных территорий, и прежде всего Польши. Вопрос этот обсуждался не раз в течение всей войны. Верховное командование Германии настаивало на полном присоединении отторгнутых от России западных областей. Кюльман также стоял за присоединение этих районов. Однако он высказался против открытой аннексии и предлагал прикрыть ее «добровольным» соглашением с оккупированными странами. Однако в Австро-Венгрии, имевшей собственные территориальные притязания, к этим планам относились отрицательно.

Представители Украинской центральной рады вели в это время сложную и грязную интригу. На Украине находились представители Антанты. Они давали деньги раде и всячески натравливали ее на Советскую страну. Центральная рада помогала русской контрреволюции — генералам Каледину и Дутову, не пропускала советские войска, направляемые для борьбы с мятежными генералами, разоружала советские отряды.

Еще 17(4) декабря 1917 г. Советское правительство потребовало от Центральной рады прекратить эту враждебную деятельность. В случае неполучения удовлетворительного ответа Совнарком предупреждал, что будет считать раду в состоянии открытой войны против Советской власти. Опасаясь возмущения народных масс, Центральная рада, имевшая уже соглашение с представителями Антанты и получившая от них крупные денежные суммы, предложила и Советской власти начать переговоры. 2 января 1918 г. (20 декабря 1917 г.) Совнарком постановил принять предложение рады.

Буквально в эти же дни украинские националисты вступили в переговоры и с представителями Германии и Австро-Венгрии. Создалось любопытное положение: Центральная рада вела переговоры сразу с тремя взаимно исключающими сторонами. Немцы ухватились за столь «универсальных» дипломатов и ускорили их прибытие в Брест-Литовск. Предварительные переговоры с ними вел Гофман. Делегаты рады знали, что против нее поднялся народ. Они видели, как быстро уменьшается территория, подвластная раде. И украинские националисты готовы были пойти на любое предательство, лишь бы добиться вооруженной помощи со стороны Германии. Они обещали дать немцам хлеб, продовольствие, руду, отдать под не-

мецкий контроль железные дороги, при одном условии: чтобы немецкие войска были поскорее двинуты на Украину.

Гофман с помощью украинских националистов добивался уступок со стороны Австро-Венгрии в польском вопросе.

Чернин, конечно, понимал, что представители рады — только марионетки в руках немцев. Отчаянное положение с продовольствием в Австро-Венгрии вынуждало Чернина добиваться скорейшего договора с Украиной. Однако он не соглашался на территориальные уступки.

Переговоры с представителями рады затягивались. Пришлось даже отложить открытие конференции. Кюльман и Чернин приехали на конференцию 4 января, а первое ее заседание состоялось только 9 января.

Германская дипломатия переходит в наступление

К этому моменту состав советской делегации был несколько изменен: в нее дополнительно вошли Л. Д. Троцкий (председатель), В. А. Карелин, а также консультанты по национальным вопросам — П. И. Стучка, В. Мицкявичус-Капсукас, С. Бобинский.

Как только открылась конференция, слово взял Кюльман. Он напомнил, что по предложению русской делегации в переговорах был сделан десятидневный перерыв, чтобы привлечь к ним и другие страны. Срок этот истек 4 января 1918 г. в 12 часов ночи. Ни от одной из основных участниц войны не поступило заявления о присоединении к мирным переговорам.

«Как следует из содержания сообщения Союзных Держав от 25(12) декабря 1917 г., — сказал Кюльман, — одно из самых существенных условий, которые были в нем поставлены, это — единогласное принятие всеми враждующими державами условий, одинаково обязательных для всех народов.

Неисполнение этого условия повлекло за собой последствие, вытекающее как из содержания заявления, так и из истечения срока: документ стал недействительным» [1].

Оговорка, внесенная Кюльманом в декларацию держав Четверного союза от 25(12) декабря 1917 г., сыграла свою роль. Теперь, опираясь на нее, они отказывались от присоединения к советской формуле мира «без аннексий и контрибуций».

«Удар в лоб», — как выражался Чернин, состоял в том, что германские и австро-венгерские империалисты, предварительно сговорившись, прямо заявили советским представителям: довольно разговоров о всеобщем мире, дело идет только о сепаратном мире между нами и вами.

За министрами иностранных дел выступили военные представители. Первым поднялся генерал Гофман с резким протестом

---

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 45—46.

против радиотелеграмм и воззваний Советского правительства, обращенных к германским войскам. Представители других делегаций Четверного союза присоединились к этому протесту.

На следующем заседании, 10 января (28 декабря), Кюльман выдвинул вперед своих марионеток — украинских националистов. Они огласили декларацию Центральной рады. В этом документе заявлялось, что власть Совнаркома не распространяется на Украину. Поэтому и мир, заключенный Совнаркомом, «не обязателен» для Украины. Центральная рада будет вести переговоры самостоятельно.

Едва Голубович, председатель делегации Центральной рады, закончил чтение, как Кюльман спросил председателя советской делегации: «Намерен ли он и его делегация и впредь быть здесь единственными дипломатическими представителями всей России?»

Дальнейшими вопросами Кюльман настойчиво добивался ответа, следует ли считать украинскую делегацию частью русской делегации или же она является представительством самостоятельного государства. Сама постановка этих вопросов была явно провокационной.

Троцкому было хорошо известно, что против Центральной рады поднялось восстание, что украинские рабочие и крестьяне создали свое, Советское правительство, которое уже назначило своих представителей в Брест; ясно было, что дни реакционной рады сочтены. Тем не менее Троцкий признал украинскую делегацию самостоятельной. Это во многом облегчило германским империалистам осуществление их захватнических планов.

На первом же заседании политической комиссии советская делегация вновь потребовала начать с обсуждения территориальных вопросов. Она заявила, что основное разногласие касается судеб Польши, Литвы и Курляндии. Отправляясь в Брест-Литовск, советская делегация пригласила с собой представителей трудящихся этих стран. Они ждут, что скажет им конференция. Кюльман вновь отвел советское предложение.

Затяжка мирных переговоров раздражала германское верховное командование. Каждый новый день отсрочки подписания мира все больше разлагал армию.

Вечером 12 января на заседании политической комиссии советская делегация огласила свои формулировки по спорным вопросам. Она требовала, чтобы правительства Германии и Австро-Венгрии категорически подтвердили отсутствие у них намерений включить в территорию Германии или Австро-Венгрии какие бы то ни было области бывшей Российской империи. Решение вопроса о будущей судьбе самоопределяющихся

областей должно проходить без всякого внешнего давления, в условиях полной политической свободы.

Гофман вскипел. В пространной речи, уснащенной злобными выпадами против Советской власти, генерал изложил историю «соглашения» между Германией, с одной стороны, Литвой и Курляндией — с другой. Он вновь заявил, что германское правительство отказывается очистить оккупированные районы.

Между тем в тылу противника положение обострялось. В столице Австро-Венгрии вспыхнули продовольственные беспорядки. Вена стала умолять Берлин о помощи. В Германии разрастались забастовки. В стачке на крупнейших заводах германской столицы, вспыхнувшей в январе, участвовало около 400 тыс. человек. Кое-где в городе выросли баррикады. Массовые народные выступления охватили также Кельн, Гамбург, Мюнхен, Эссен и многие другие крупные центры Германии. Немецкие борцы за мир широко пропагандировали среди солдат и рабочих демократическую внешнюю политику Советского правительства, разъясняли, что русские солдаты больше не воюют со своими немецкими братьями и только защищают свободу от империалистов, жаждущих потопить в крови русскую революцию. В армии быстро возрастало недовольство войной. Такого же характера события происходили в Австро-Венгрии.

Германское командование настойчиво требовало скорее кончать мирные переговоры в Брест-Литовске. Наконец 18(5) января на заседании политической комиссии победители предъявили свои условия. Вынув карту, генерал Гофман заявил: «Я оставляю карту на столе и прошу гг. присутствующих с ней ознакомиться».

В ответ на требование советской делегации сделать необходимые пояснения он заявил: «Начерченная линия продиктована военными соображениями: она обеспечит народам, живущим по ту сторону линии, спокойное государственное строительство и осуществление права на самоопределение» [1].

Линия Гофмана отрезала от владений бывшей Российской империи территорию размером свыше 150 тыс. *кв. км.*

Германия и Австро-Венгрия занимали Польшу, Литву, некоторую часть Белоруссии и Украины, кроме того, часть Эстонии и Латвии. В руках у немцев оставались также Моонзундские острова и Рижский залив. Это передавало им контроль над морскими путями к Финскому и Ботническому заливам. Под контроль Германии переходили порты Балтийского моря, через которые шло 27% всего морского вывоза из России. Через эти же порты шло 20% русского импорта.

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 126.

Советская делегация потребовала нового перерыва мирной конференции на 10 дней.

Германия и Австро-Венгрия использовали перерыв для завершения переговоров с Украинской радой, власть которой к этому времени уже превратилась в фикцию. Территория ее свелась только к той комнате, которую она занимала в Брест-Литовске. Представителям Центральной рады после перерыва еле-еле удалось вернуться на конференцию. Как выяснилось позже, «дипломаты» рады пробрались в Брест-Литовск обманным путем: они заявили красногвардейцам, что составляют часть советской делегации. Председатель «делегации» Голубович так и не попал в Брест. К 30(17) января, когда вновь открылась конференция, в Брест прибыли представители победившей Советской власти на Украине. Они и выступили со своей декларацией. В ответ Чернин заявил, что 12 января на пленарном заседании Германия и Австро-Венгрия признали делегацию Украинской центральной рады «самостоятельной» и «правомочной представить Украинскую Народную Республику» [1].

Все же изгнание Центральный рады восставшими рабочими и крестьянами поставило Германию в затруднительное положение: не стало правительства, с которым велись переговоры. Дипломатическая постройка, с такими ухищрениями возведенная Кюльманом и Чернином, рушилась. На этот раз уже немцам пришлось добиваться перерыва в заседаниях мирной конференции. 3 февраля (21 января) Кюльман и Чернин выехали в Берлин.

На совместном совещании дипломатов и военного верховного командования подвергнут был обсуждению вопрос, подписывать ли мир с несуществующим правительством Украины. Помимо того что приходилось заключать союз с мертвыми душами, Чернин опасался, что последствием подписания мира явится враждебное отношение к Австро-Венгрии со стороны Польши. Но продовольственное положение Австро-Венгрии было крайне тяжелым: она не могла обойтись без украинского хлеба. Представитель австро-венгерского командования со своей стороны определенно заявил, что Австро-Венгрия и ее армия обречены на голод.

9 февраля (27 января) представители Четверного союза подписали в Брест-Литовске мир с Украинской радой. В основу его было положено ее обязательство поставить до 31 июля 1918 г. для Германии и Австро-Венгрии — взамен военной

---

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 156.

помощи против большевиков — 1 млн. *т* хлеба, 400 млн. штук яиц, до 50 тыс. *т* живого веса рогатого скота, сало, сахар, лен, пеньку, марганцевую руду и т. д. В секретной приписке к мирному договору Австро-Венгрия обязывалась образовать в Восточной Галиции автономную Украинскую область. В тот же день на заседании политической комиссии Чернин сообщил о подписании мира. «Мы признали правительство Украинской рады, — заявил он, — следовательно, для нас оно существует».

В тот же день Людендорф послал телеграмму из Берлина Кюльману и напомнил ему обязательство через 24 часа после заключения мира с Украиной прервать переговоры с советской делегацией. Одновременно и Гинденбург, ссылаясь на то, что русское правительство якобы обратилось к германской армии с призывом к неповиновению, потребовал от Вильгельма II указания Кюльману кончить переговоры. Вильгельм II приказал Кюльману предъявить советской делегации ультиматум о принятии германских условий и кроме оккупированных областей потребовать от Советского правительства немедленного очищения от русских войск не занятых немецкими войсками областей Лифляндии и Эстляндии, притом без всякого права их народов на самоопределение.

Ультиматум

Выполняя эти приказания, Кюльман предъявил советской делегации категорическое требование принять германские условия мира. Однако упомянуть об Эстляндии и Лифляндии Кюльман все же не решился.

Кюльман продиктовал предлагаемую немцами формулировку: «Россия принимает к сведению следующие территориальные изменения, вступающие в силу вместе с ратификацией этого мирного договора: области между границами Германии и Австро-Венгрии и линией, которая проходит... впредь не будут подлежать территориальному верховенству России. Из факта их принадлежности к бывшей Российской империи для них не будут вытекать никакие обязательства по отношению к России. Будущая судьба этих областей будет решаться в согласии с данными народами, а именно — на основании тех соглашений, которые заключат с ними Германия и Австро-Венгрия» [1].

Оглашая эту формулу, Кюльман добавил, что принятие ее является conditio sine qua non, т. е. абсолютно обязательным условием.

10 февраля (28 января) советской делегации предстояло дать ответ на германский ультиматум.

---

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 185.

Борьба В. И. Ленина за немедленное заключение мира

По вопросу о заключении мира в нашей партии шла острая борьба. Группа «левых коммунистов» во главе с Бухариным и Троцким требовала «революционной войны», «подталкивания» революции в Германии путем вмешательства в ее внутренние дела. Вначале им удалось привлечь на свою сторону некоторые местные организации. Против «левых коммунистов» и всех тех, кто отрицал необходимость немедленного заключения мира с Германией, В. И. Ленину пришлось вести упорную борьбу.

«Нужна была величайшая выдержка и твердость В. И. Ленина, чтобы доказать партийным кадрам необходимость принятия тяжелых условий мира для завоевания передышки, разоблачить авантюристическую и гибельную для Советской республики тактику Троцкого и Бухарина» [1].

Мир был необходим нашей стране как воздух. Чрезвычайно сложная внутренняя и международная обстановка требовала отступить перед германским империализмом, чтобы спасти Советскую республику. Другого выхода не было.

Наиболее полно аргументация в пользу немедленного заключения мира была изложена В. И. Лениным в тезисах о мире, написанных еще 7(20) января 1918 г. Владимир Ильич писал: «Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения, по сути дела, тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более неосуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы *уже* сделали все возможное и невозможное» [2]. В. И. Ленин доказывал необходимость для Советской России передышки, хотя бы на несколько месяцев, для того чтобы «иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой массовой организационной работы» [3]. Анализируя положение народного хозяйства, В. И. Ленин приходил к выводу, что страшная разруха в промышленности и на транспорте, упадок сельского хозяйства не позволяют вести войну. Он доказывал, что армия не пойдет на «революционную войну» и выскажется за любой аннексионистский мир как потому, что она до предела измучена и истощена, так и потому, что солдатская масса, состоящая в основном из крестьян, рвется домой, чтобы принять

---

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза». М., Госполитиздат, 1963, стр. 268.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 245—246.

[3] Там же, стр. 244.

участие в проведении Декрета о земле, в разделе помещичьих земель.

В. И. Ленин подверг сокрушительной критике «доводы» в пользу немедленной революционной войны, выдвинутые противниками подписания мира. Он указывал на то, что надежды на революцию в Западной Европе, которая начнется, если Россия вступит в революционную войну, есть чистейшая авантюра. Ленин отвергал взгляды и тех «левых коммунистов» и левых эсеров, которые заявляли, что сепаратный мир с Германией недопустим потому, что он является «изменой» делу пролетарского интернационализма и социализма. Ленин указывал, что, идя на вынужденные уступки германскому империализму, мы сохраняем главное для дальнейшего развития революции, а именно — диктатуру пролетариата. «Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь — буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников. Там — мир и социалистическая республика Советов» [1]. Далее В. И. Ленин особо отметил, что заключение мира означает использование противоречий в лагере противников; мир укрепляет Советскую власть и ослабляет обе враждующие империалистические группы. «Заключая сепаратный мир, — писал В. И. Ленин, — мы в наибольшей, *возможной для данного момента,* степени освобождаемся от обеих враждующих империалистских групп, используя их вражду и войну, — затрудняющую им сделку против нас, — используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции» [2].

В. И. Ленин настойчиво показывал всю опасность продолжения по существу провокационной политики «революционной фразы».

Разоблачая левых крикунов, Ленин писал: «Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «революционная фраза о революционной войне погубила революцию»» [3].

Борьба за мир была в тот период главным условием борьбы за социализм. «Мир — это главное», — подчеркивал В. И. Ленин.

24 января после упорной борьбы точка зрения «левых» была отвергнута в ходе заседаний ЦК и принято предложение Ленина — всемерно затягивать мирные переговоры и подпи-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 250.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 353.

сать мир в случае предъявления ультиматума. Однако вопреки прямой директиве Ленина заключить мир Троцкий объявил 10 февраля (28 января), что войну Советская Россия прекращает, армию демобилизовывает, но мира не подписывает — «ни войны, ни мира». Это было предательское заявление, чреватое пагубными последствиями для Советской республики.

Мирная конференция закончилась.

13 февраля в Гомбурге состоялось совещание, в котором приняли участие Вильгельм II, имперский канцлер Гертлинг, Кюльман, Гинденбург, Людендорф, начальник морского штаба и вице-канцлер. На совещании было принято решение «нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения» [1].

Решено было также занять Украину, всю Прибалтику вплоть до Нарвы и оказать вооруженную поддержку Финляндии. На совещании придумали и формальную мотивировку отказа от перемирия. Решено было считать, что «неподписание Троцким мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия» [2].

Из предательской установки Троцкого — «ни войны, ни мира» — германские империалисты сделали нужный им вывод.

18 февраля австро-германские войска начали наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря.

Сбылось ленинское предостережение, которое игнорировали «левые» и Троцкий. Вопреки их хвастливым заявлениям, немцы «посмели наступать».

3. Заключение Брест-Литовского мира

Новый немецкий ультиматум

Как только были получены известия о наступлении немцев, В. И. Ленин предложил немедленно подписать мир. Троцкий настаивал на необходимости выждать, пока развернется наступление немцев. Тем самым он фактически предоставлял врагу возможность захватить побольше территории, продовольствия и боеприпасов. 18 февраля вечером В. И. Ленин вновь настаивал на своем требовании. На этот раз Троцкий предложил запросить немцев, чего они хотят.

Ленин разоблачил пагубный смысл этого предложения. «Теперь нет возможности ждать, — заявлял он. — Это значит сдавать русскую революцию на слом... Если запросить немцев, то

[1] *Э. Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, стр. 132.

[2] Там же, стр. 134.

это будет только бумажка... Бумажки мы пишем, а они пока берут склады, вагоны, и мы околеваем. Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаем революцию немцам» [1].

Сломив сопротивление противников заключения мира, В. И. Ленин 19 февраля рано утром послал немцам следующую радиограмму: «Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство» [2].

Для того чтобы немцы не могли сказать, что радиограмма ими не получена, и под этим предлогом продолжать наступления, В. И. Ленин вручил копию радиограммы специальному курьеру, посланному навстречу наступавшим германским войскам. 20 февраля генерал Гофман ответил, что радиограмма получена. Однако она должна быть подтверждена письменно и передана непосредственно в руки германского коменданта города Двинска. Гофману было сообщено, что такой курьер уже выехал. Тем не менее наступление немцев продолжалось. «Немедленно ночью получился ответ, — свидетельствует Гофман, — что курьер с таким письменным предложением в пути. По-видимому, он очень спешит, — мы же нет. К сожалению, наше наступление идет слишком медленно, не хватает лошадей, дороги плохи. Пока мы не дойдем до озера Пейпус, мы не остановимся» [3].

Копию радиограммы Гофман переслал в Берлин, а сам продолжал наступление. Немецкие войска продвигались по Прибалтике, далее — на Ревель, оттуда — на Нарву и Петроград. Другие части противника шли на Псков, чтобы угрожать Петрограду с юга.

21 февраля Советское правительство объявило «социалистическое Отечество в опасности». Вся страна была призвана к отпору иностранным интервентам. Повсюду спешно создавались вооруженные отряды. В Красную Армию добровольцами вступили десятки тысяч рабочих и демобилизовавшихся из старой армии солдат. Под Псковом и Нарвой полки молодой Красной Армии преградили дорогу наступавшим. Развернулись упорные бои. Продвижение немецких войск было приостановлено.

В 10 часов 30 минут 23 февраля был наконец получен ответ от немцев. Генерал Гофман писал в своем дневнике: «Только сегодня утром отправили ультиматум. Надо прямо сказать, министерство иностранных дел и верховное главнокомандование

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 336.
[2] Там же, стр. 339.
[3] *М. Гофман.* Записки и дневники. 1914—1918. Л., 1929, стр. 240.

хорошо поработали. Ультиматум содержит все требования, какие только можно было выставить».

Новый германский ультиматум состоял из 10 пунктов. Первые два пункта повторяли ультиматум от 9 февраля (27 января), т. е. подтверждали «линию Гофмана». Но в остальном ультиматум шел несравненно дальше. Пунктом 3 дополнительно предлагалось немедленно очистить Лифляндию и Эстляндию от русских войск и красногвардейцев. Обе области занимались немцами. Пунктом 4 Россия обязывалась заключить мир с Украинской центральной радой. Украина и Финляндия должны были быть очищены от русских войск. По пункту 5 Россия должна была возвратить Турции анатолийские провинции.

Пункт 6 гласил: русская армия немедленно демобилизуется, включая и вновь образованные части. Русские корабли в Черном и Балтийском море и в Ледовитом океане должны быть приведены в русские порты и разоружены. В Ледовитом океане сохраняется немецкая блокада до заключения мира.

Пункт 10 требовал принятия условий мира в течение 48 часов. Уполномоченные с советской стороны должны были немедленно отправиться в Брест-Литовск и там подписать в течение трех дней мирный договор, который подлежит ратификации не позже чем по истечении двух недель.

В том, что новые условия мира были «хуже, тяжелее, унизительнее худых, тяжелых и унизительных брестских условий, — писал В. И. Ленин, — *в этом виноваты,* по отношению к великороссийской Советской республике, *наши горе-«левые»...*» [1]

На заседании ЦК 23 февраля В. И. Ленин твердо поставил вопрос о необходимости немедленно принять германские предложения. Владимир Ильич заявил, что если сторонники «революционной фразы» и впредь будут препятствовать заключению мира, то он «выходит и из правительства и из ЦК».

24 февраля, в 4 часа 30 минут утра, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял германский ультиматум. В 7 часов утра В. И. Ленин сообщил в Берлин, Вену, Софию и Константинополь о принятии ультиматума и отправке делегации в Брест-Литовск. Делегация в составе Г. В. Чичерина, Г. Я. Сокольникова, Г. И. Петровского, Л. М. Карахана и политического консультанта А. А. Иоффе выехала туда в тот же день. Однако немецкие войска продолжали наступление на Белоруссию и на Украину. Прибыв в Псков 25 февраля в 9 часов вечера, советская делегация заявила резкий протест против продолжения военных действий. И все же наступление

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 35, стр. 418.

продолжалось. 28 февраля советская делегация прибыла в Брест. Здесь она вновь выступила с резким протестом.

Заседание мирной конференции в Брест-Литовске началось 1 марта. Министры иностранных дел Четверного блока отсутствовали на ее заседаниях. Они выехали в Бухарест, где начались переговоры о заключении мира с Румынией. Германскую делегацию представляли посланник фон Розенберг и генерал Гофман. Открывая заседание конференции, Розенберг заявил, что в распоряжении конференции имеется только три дня. Он добавил, что военные действия будут прекращены только после подписания мирного договора. «Мы собрались здесь, — добавил он, — не для речей и прений, но для подготовительных работ по подписанию мирного договора и для заключения самого договора» [1].

Вечером состоялось совещание председателей делегаций. Здесь советская делегация вновь заявила, что заключение мира «совершается в небывалых условиях, в неслыханной атмосфере насилия». Германские войска продолжают наступать; на обсуждение договора дается только три дня. В связи с этим советская делегация отказывается обсуждать условия мира и принимает их в той форме, в какой они предлагаются. Розенберг в ответ на это цинично заявил: «Между тем, условия, да и наши требования изменились. Требования увеличились; но и теперь они еще далеки от того, чтобы их можно было рассматривать как бесцеремонную эксплуатацию соотношения сил» [2].

Представители Австро-Венгрии и Болгарии заявили, что присоединяются к декларации представителя Германии.

Мирный договор с приложениями экономического и правового характера и дополнениями был подписан 3 марта 1918 г. в 5 часов 50 минут вечера.

В тот же день ВЦИК обратился ко всем Советам с телеграммой, в которой сообщал о подписании мирного договора и о созыве на 12 марта Всероссийского съезда Советов для его ратификации.

Для ратификации был дан срок в две недели. В случае, если Советская республика не ратифицирует мирного договора, германская военщина рассчитывала предпринять новые агрессивные действия. «Мы ждем, согласится ли Россия ратифицировать мир, — записал в своем дневнике 7 марта генерал Гофман. — Она должна это сделать через 13 дней, иначе мы пойдем на Петербург».

Для окончательного решения вопроса о мире был созван VII съезд партии, проходивший 6—8 марта 1918 г. В итоге

---

[1] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 213.
[2] Там же, стр. 224.

острой борьбы линия «левых коммунистов» и Троцкого на срыв Брестского мирного договора потерпела поражение. Большинством голосов съезд принял резолюцию В. И. Ленина «О войне и мире» и отверг «Тезисы о современном моменте», предложенные «левыми». Съезд подтвердил ленинский курс в решении вопроса о Брестском мире [1].

15 марта IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор. Советская страна добилась передышки. Но на Украине продолжалось наступление германских и австро-венгерских войск.

Брестский мирный договор

Брестский мирный договор состоял из следующих документов: 1) мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией — с другой, 2) заключительный протокол к договору о таможенных пошлинах и тарифах на отдельные товары, 3) русско-германский дополнительный договор к мирному договору, 4) русско-австро-венгерский дополнительный договор, 5) русско-болгарский дополнительный договор, 6) русско-турецкий дополнительный договор. Все дополнительные договоры касались вопросов о восстановлении дипломатических и консульских сношений, об обмене военнопленными и гражданскими пленными, о вознаграждении за частноправовые убытки и т. д.

Мирный договор между Советской Россией и центральными державами состоял из 13 статей. В основных статьях было обусловлено, что Россия, с одной стороны, Германия и ее союзники — с другой, объявляют о прекращении войны. Россия производит полную демобилизацию своей армии; военные суда России переходят в русские порты до заключения всеобщего мира или же немедленно разоружаются. От России по договору отходили Польша, Литва, Курляндия, Лифляндия и Эстляндия. Кроме того, в руках немцев оставались те районы, которые лежали восточнее установленной договором границы и были заняты к моменту подписания договора немецкими войсками. На Кавказе Россия уступала Турции Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. С Украинской центральной радой Советская Россия обязывалась заключить мирный договор и признать мирный договор между Украиной и Германией. Финляндия и Аландские острова очищались от русских войск. Вновь вступали в силу отдельные статьи невыгодного для России русско-германского торгового договора 1904 г.

---

[1] См. «Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года». Стенографический отчет. М., Госполитиздат, 1962.

В Брестском договоре не были зафиксированы границы России, а также ничего не говорилось об уважении суверенитета и целостности территории договаривающихся сторон. Мало того, что касается территорий, которые лежали к востоку от линии, отмеченной в договоре, то Германия соглашалась их очистить только после полной демобилизации советской армии и заключения всеобщего мира. Дипломатические и консульские сношения должны были возобновиться немедленно после ратификации мирного договора. Германские империалисты рассчитывали при помощи такого договора удушить Советскую власть и поработить Россию.

Констатируя исключительно тяжелые условия Брестского мира, В. И. Ленин призывал советский народ не впадать в отчаяние, организоваться и собирать силы для новой борьбы. На VII съезде партии В. И. Ленин высказал чрезвычайно важную мысль о роли договора при поражении. «Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя, — говорил Ленин. — Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы: я уже ссылался на прусскую историю. Некоторые, определенно, как дети, думают: подписал договор, значит продался сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил» [1].

Брестский мир был в известном смысле компромиссом с германскими империалистами, но как раз в такой обстановке и таким компромиссом, который был, по выражению Ленина, *обязателен*, жизненно необходим. «Сочинить такой рецепт или такое общее правило («никаких компромиссов»!), которое бы годилось на все случаи, есть нелепость, — указывал Владимир Ильич. — Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться» [2].

Брестский мир вошел в историю как свидетельство тактического гения Ленина, как блестящий образец использования империалистических противоречий в интересах социализма.

Заключение Брестского договора вывело нашу страну из войны. Позиции Советской власти были упрочены. Партия получала возможность мирной передышки, с тем чтобы сосредоточить усилия народа на восстановлении народного хозяйства.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 36, стр. 31.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 41, стр. 52.

Брестский мир и страны Антанты

Трудное положение Советской республики дипломатия Антанты попыталась использовать в своих целях. По мере того как затягивались брестские переговоры, у союзников укреплялась надежда, что большевики будут вынуждены вновь воевать с Германией. В период завершения переговоров в Брест-Литовске была предпринята попытка сорвать подписание мира. Фрэнсис заявил, что США согласны предоставить помощь «любому правительству России, которое окажет серьезное и организованное сопротивление немецкому вторжению» [1]. В парламентах и прессе Англии, Франции, Италии стали раздаваться голоса в пользу признания Советского правительства и посылки дипломатических представителей в Россию.

Вудро Вильсон в одном из своих выступлений вдруг заговорил о симпатиях Америки к русскому народу. В том же духе была составлена позднее и приветственная телеграмма Вильсона IV съезду Советов. Близкий сотрудник Вильсона полковник Хауз вскрывает истинные мотивы президента. «Послание съезду, выдержанное в дружественном тоне и обещающее поддержку, — писал он, — могло способствовать отказу съезда от ратификации».

В английском парламенте говорилось об оказании помощи России. Официальные и неофициальные представители Антанты обращались к Наркоминделу, обещая оружие, деньги, инструкторов для войны с Германией. Все контрреволюционные партии в России — кадеты, эсеры, меньшевики — вслед за Антантой агитировали за войну с Германией. Однако на деле Антанта не собиралась оказывать России никакой военной помощи.

Во время брестских переговоров в буржуазной печати появились сообщения о том, будто Япония готовится заключить сепаратный мир с Германией и выступить совместно с ней против Советской республики. 5 марта 1918 г. Совет Народных Комиссаров обратился к правительству США со специальной нотой, переданной через руководителя миссии американского Красного Креста в России подполковника Робинса. В ноте запрашивалось: может ли Советское правительство в случае возобновления военных действий с германской стороны «рассчитывать на поддержку США, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии» [2]. Что предприняла бы Америка, говорилось далее в ноте, если бы Япония в силу открытого или

---

[1] «Russian-American Relations. 1917—1920», 1920, p. 95.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 208. Подробнее об отношениях стран Антанты к Брестскому миру см. *А. О. Чубарьян.* Брестский мир. М., 1964.

тайного соглашения с Германией попыталась захватить Владивосток и КВЖД, отрезала бы таким образом Советскую Россию от Тихого океана и повела бы вооруженную борьбу против последней.

Западные державы даже не удосужились ответить на советскую ноту. Это вновь показало их истинную цель: втянуть Советскую Россию в неравную схватку с Германией, чтобы руками немецких захватчиков потопить в крови Советскую власть. Когда германские войска начали наступление по всему фронту и французское посольство в Вашингтоне запросило США, намерены ли они оказать поддержку Советскому правительству деньгами и материалами, Лансинг написал на документе: «Об этом не может быть и речи». Вильсон занимал аналогичную позицию [1].

Американские империалисты думали совсем о другом: не о помощи Советской власти, а об организации вооруженной интервенции в России. Когда попытка сорвать мир с Германией не удалась, 16 марта, на следующий день после ратификации Брестского мирного договора, Фрэнсис с одобрения государственного департамента обратился с заявлением ко всем контрреволюционным силам России, призывая их к свержению Советской власти и продолжению империалистической войны против Германии, обещая, разумеется, «немедленную помощь» со стороны США. «Мы не признаем Брест-Литовского мира» [2], — заявил американский посол.

Роль В. И. Ленина в создании принципиальных основ советской внешней политики

Особого внимания заслуживает роль В. И. Ленина в создании принципиальных основ советской внешней политики и советской дипломатии. Еще до Октябрьской революции Ленин разработал платформу партии по основным вопросам внешней политики. Вопросу о войне была посвящена опубликованная В. И. Лениным в октябре 1915 г. статья «Несколько тезисов» [3]. После Февральской революции четвертое письмо Ленина из серии «Письма из далека» было в значительной степени посвящено внешнеполитической программе Советов. Советы должны были заявить, что не считают себя связанными *«никакими* договорами *ни* царской монархии *ни* буржуазных правительств» [4]. Далее В. И. Ленин требовал немедленного опубликования всех этих договоров, немедленного предложения *«всем* воюющим державам *тотчас* заключить

---

[1] «Foreign Relations... 1918», vol. I, p. 383.
[2] *D. Francis.* Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 236—239.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 48—51.
[4] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 31, стр. 53.

перемирие», немедленного опубликования рабоче-крестьянских условий мира:

«освобождение *всех* колоний;

освобождение *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов», отказ от признания долгов буржуазных правительств, заключенных «на ведение этой преступной, разбойничьей войны...» [1] и т. д. В ряде ленинских работ широко и систематически пропагандировалась большевистская платформа мира. Был разработан и вопрос о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения.

В ряде работ В. И. Лениным были сформулированы чрезвычайно важные положения о необходимости мирного сосуществования государств с различным общественным строем, о целой исторической эпохе, «когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства» [2]. Эти ценнейшие ленинские указания легли в основу первых же актов советской внешней политики.

С первых дней существования Советского государства В. И. Ленин являлся непосредственным руководителем его внешней политики и вдохновителем, а часто и автором важнейших дипломатических документов. Тщательно и кропотливо подбирал В. И. Ленин кадры первых советских дипломатов, направляя на работу в НКИД испытанных деятелей партии.

Впоследствии В. И. Ленин писал о советском дипломатическом аппарате: «...этот аппарат исключительный в составе нашего государственного аппарата. В него мы не допускали ни одного человека сколько-нибудь влиятельного из старого царского аппарата. В нем весь аппарат сколько-нибудь авторитетный составился из коммунистов. Поэтому этот аппарат уже завоевал себе (можно сказать это смело) название проверенного коммунистического аппарата...» [3].

Ленин был не только руководителем, но и учителем — в самом высоком смысле этого слова — первых советских дипломатов. Один из них, Я. С. Ганецкий, вспоминал, что многие советские дипломаты постоянно и непосредственно обращались к В. И. Ленину «почти по всем без исключения вопросам». Один из наиболее близких к В. И. Ленину сотрудников, которого Ленин особенно ценил, Г. В. Чичерин, писал:

«Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предла-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 31, стр. 53.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 39, стр. 197.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 361.

гал сразу), самый текст ответа другому правительству могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости» [1].

В. И. Ленина отличало глубочайшее знание законов общественного развития, умение применять эти знания на практике, тщательно учитывать реальное соотношение сил, конкретную обстановку. «...Чему научался у Владимира Ильича тот, кто с ним работал, — это необходимости прежде всего ясно видеть реальные факты, — так писал Г. В. Чичерин. — ...Когда дипломатия иностранных государств со свойственным ей мастерством, выработанным столетиями, маскировала действительное положение дел и свои действительные стремления под громаднейшим ворохом хороших слов, чувств или приятных утверждений, Владимир Ильич немногими словами превращал все это в кучу мусора, ставя перед глазами своего собеседника голые реальные факты живой действительности. Это именно делало его таким неподражаемым мастером ведения политики и таким страшным противником наилучших мастеров иностранной дипломатии» [2].

С особой силой проявились качества В. И. Ленина как замечательного дипломата в период борьбы за подписание мира с Германией. Как вспоминал впоследствии С. Аралов, «многие были в плену у ложной теории, которая питалась не реальными фактами, а субъективными желаниями и предположениями. Противники Брестского мира апеллировали к чувствам, а чувства вопреки всему не хотели смиряться с этим издевательски-унизительным договором» [3]. И в этой обстановке «бесконечным теоретическим рассуждениям Владимир Ильич противополагал голые факты во всей их безжалостности» [4]. Это была трудная, но единственно возможная позиция. Его умение оставаться на почве реальных фактов, логика его рассуждений были неотразимо убедительны.

В трудной обстановке, сложившейся в февральские дни 1918 г., В. И. Ленин дал советской дипломатии непревзойденный образец маневрирования, умения использовать противоречия в лагере противников. Сам В. И. Ленин в своем «Письме к американским рабочим» так писал о брестском периоде: «Когда хищники германского империализма в феврале 1918 года повели свои войска против безоружной, демобилизовавшей свою армию России, доверившейся международной солидарности пролетариата раньше, чем вполне созрела между-

[1] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., Госполитиздат, 1957, стр. 166—167.

[2] Там же, стр. 684.

[3] *С. Аралов.* По ленинским указаниям. «Международная жизнь», 1960, № 4, стр. 14.

[4] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, стр. 684.

народная революция, тогда я нисколько не колебался вступить в известное «соглашение» с французскими монархистами. Французский капитан Садуль... привел ко мне французского офицера де Люберсака. «Я монархист, моя единственная цель — поражение Германии», — заявил мне де Люберсак. Это само собою, ответил я... Это нисколько не помешало мне «согласиться» с де Люберсаком насчет услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицеры, для взрыва железнодорожных путей в интересах помехи нашествию немцев. Это было образцом «соглашения», которое одобрит всякий сознательный рабочий, соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего «партнера». Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников немцев *мы* использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контринтересы *других* империалистов. Мы служили таким образом интересам рабочего класса России и других стран, мы усиливали пролетариат и ослабляли буржуазию всего мира, мы употребляли законнейшее и обязательное во *всякой* войне маневрирование, лавирование, отступление...» [1]

Нет сомнения, что только благодаря необычайному ленинскому искусству маневрирования между двумя группами империалистов Советское государство сумело выйти из труднейшего положения в период Бреста и добилось мира. Надо при этом подчеркнуть, что знание законов общественного развития, огромный опыт политической борьбы позволяли В. И. Ленину вскрывать глубокие противоречия между противниками и использовать именно коренные противоречия, а не играть на мелких, быстро преходящих конфликтах.

После заключения Брестского договора перед Советским государством встали новые сложные задачи борьбы за сохранение мира. В то время, когда на окраинах нашей страны уже начиналась интервенция стран Антанты, превратившаяся вскоре в основную угрозу для существования Советской власти, задачей советской внешней политики было использование Брестского мира как фактора, обеспечивавшего в труднейшей тогдашней обстановке мир на самой протяженной и самой опасной из тогдашних границ Советской России. Важнейшую роль в выполнении этой исторической задачи сыграла деятельность В. И. Ленина.

Как известно, и после Брестского мира германские войска, не считаясь ни с какими демаркационными линиями, постепенно продвигались вперед, в особенности со стороны Украины.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 37, стр. 55—56.

Некоторые дипломатические работники готовы были выступить с резкими нотами, носившими, по признанию Г. В. Чичерина, «характер паники», но вмешательство В. И. Ленина предупредило эти выступления.

«Его неподражаемый политический реализм, — писал Г. В. Чичерин о В. И. Ленине, — нередко спасал нас от ошибок, на которые были способны другие товарищи, более склонные поддаваться впечатлениям» [1].

Советское правительство по рекомендации Владимира Ильича обратилось к германскому правительству с указанием на создавшееся невыносимое положение и с предложением новых переговоров. Германия приняла это предложение. Переговоры завершились в августе 1918 г. дополнительными соглашениями с Германией.

В. И. Ленин внимательно следил за переговорами, умело сочетая необходимые уступки с твердостью, когда противник предъявлял неприемлемые требования. Сам В. И. Ленин обучал дипломатическому искусству не только работников Наркоминдела, советских послов, но и всех руководящих советских деятелей. С этой точки зрения представляет большой интерес телеграмма, посланная 14 февраля 1918 г. Шаумяну, чрезвычайному комиссару Кавказа и председателю Совета в Баку.

«Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики, — писал В. И. Ленин. — Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим». И дальше в письме В. И. Ленин подчеркивает, какое значение имеет в дипломатии использование противоречий: «Трудности необъятные. Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами». И заканчивает свою телеграмму В. И. Ленин советом: «Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии» [2].

Письма и записки В. И. Ленина содержат конкретные указания по методике и тактике ведения дипломатических дел и переговоров. Большую ценность представляет указание, которое дал В. И. Ленин М. Г. Бронскому, возглавлявшему в 1918 г. советскую делегацию на переговорах с Германией по торговым вопросам: «(1) ...*Вы* **первый** берете слово (до Вас *никто* из русских).

(2) ... Вы сначала читаете тезисы...

(3)... тезисы Вы мне *завтра* перед собранием... показываете».

В. И. Ленин в заключение писал: «Это архиважно. Это

---

[1] «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, стр. 167.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 35, стр. 268.

директива ЦК и СНК. Это обязательно!» [1] Здесь предусмотрены и порядок выступления, и тщательная его подготовка, и утверждение тезисов выступления В. И. Лениным.

Письма В. И. Ленина советскому полпреду в Германии А. А. Иоффе показывают, какое пристальное и конкретное внимание Владимир Ильич уделял буквально каждому шагу советской миссии [2].

Огромное значение придавал В. И. Ленин деятельности советской дипломатии по укреплению отношений доверия и дружбы с народами Востока. «Для всей нашей Weltpolitik [3] дьявольски важно *завоевать* доверие туземцев; — писал В. И. Ленин А. А. Иоффе, — трижды и четырежды завоевать; *доказать*, что мы *не* империалисты, что мы *уклона* в эту сторону *не* потерпим.

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой.

Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным» [4].

Имея в виду внешнеполитическую деятельность Владимира Ильича, А. В. Луначарский говорил в 1919 г., что «вся дипломатия Советской России представляет собою поистине гениальную страницу в истории международных отношений...» [5]

Уроки В. И. Ленина советским дипломатам являются неоценимым вкладом в сокровищницу советского дипломатического опыта. Ленинские советы и составленные им политические документы служат образцами дипломатического искусства, гибкости и одновременно последовательности советской дипломатии. Руководство В. И. Лениным внешней политикой обеспечивало Советскому государству успехи в борьбе за сохранение независимости страны и строительство социализма.

Признание независимости Финляндии

В то время как империалисты перекраивали целые страны, не считаясь с интересами народов, Советская власть давала пример справедливого, демократического решения национального вопроса, совершенно новых принципов в отношениях между народами.

В ноябре 1917 г. в Финляндии было образовано буржуазное правительство во главе со Свинхувудом. 19 (6) декабря финляндский сейм утвердил декларацию правительства о незави-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 50, стр. 74.

[2] См. Ленинский сборник XXXVI, стр. 43—44, 46—47, 50—51, 54—55, 60.

[3] — мировой политики *(нем.)*.

[4] Ленинский сборник XXXVI, стр. 320—321.

[5] *А. В. Луначарский.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1959, стр. 165.

симости Финляндии. Новое правительство вступило в переговоры с Советской Россией. 31(18) декабря 1917 г. Совнарком признал государственную независимость Финляндской республики. В тот же день декрет о признании республики был вручен В. И. Лениным финляндской делегации в составе П. Свинхувуда и К. Энкеля, государственного секретаря.

4 января 1918 г. (22 декабря 1917 г.) ВЦИК утвердил декрет о признании независимости Финляндии. Для разработки мероприятий, вытекающих из признания независимости Финляндии, была создана российско-финляндская согласительная комиссия на паритетных началах.

Работа комиссии подвигалась медленно: за спиной Финляндии начинала свои происки Германия. Немецкие империалисты еще во время войны связались с буржуазными кругами Финляндии, стремясь с их помощью добиться своих планов. В Германии тайно формировались батальоны из финских реакционеров. Германская пресса по указанию своих хозяев разжигала аппетиты буржуазии Финляндии, всячески подстрекая ее против Советской страны.

Российско-финляндская комиссия не успела закончить свою работу: в Финляндии произошла революция. Было создано новое правительство — Совет народных уполномоченных. 1 марта 1918 г. Советская Россия подписала договор «для укрепления дружбы и братства» с правительством социалистической рабочей республики Финляндии. По этому договору Советская Россия передавала Финляндии все недвижимое имущество, расположенное в пределах бывшего Великого княжества Финляндского, все реквизированные во время войны суда. Торговым кораблям обеих стран обеспечивался свободный доступ в порты. Советская Россия уступала Финляндии Печенгский край (Петсамо), предоставив тем самым Финляндии доступ к Северному Ледовитому океану. Этот первый международный договор Советской России показал всему миру пример справедливости и уважения независимости малой страны.

Германский империализм, однако, не прекратил своей агрессивной деятельности в Финляндии. В сговоре с финской контрреволюцией он усилил борьбу против финского народа.

7 марта 1918 г., через неделю после заключения мира между Советской страной и Финляндией, в Берлине был подписан мирный договор между Германией и свергнутым финским буржуазным правительством, превращавший Финляндию в вассала Германии.

Немедленно по заключении договора в Финляндию был переброшен егерский батальон, который принимал участие в военных действиях на русском фронте на стороне Германии. Еще 5 марта немецкие войска заняли Аландские острова и

захватили город Або. 3 апреля в Ганге, в тылу финских революционных войск, высадились германская 12-я ландверная дивизия под командованием генерала фон дер Гольца. Через несколько дней в г. Ловизе высадился отряд генерала Бранденштейна. С помощью германских интервентов финская революция была задушена. Немецкие интервенты превратили Финляндию в плацдарм для наступления против Советской России. Германский флот подошел к устью Финского залива, создав угрозу захвата Балтийского флота. Благодаря героизму моряков советский флот, преодолевая неимоверные трудности — Финский залив еще был покрыт льдом, — ушел в Кронштадт и Петроград. Флот был спасен. Но Финляндия в руках германского империализма осталась «револьвером, приставленным к Петрограду».

Захват Бессарабии боярской Румынией

Боярская Румыния, поддержанная представителями Антанты, решила воспользоваться трудным положением молодой Советской республики.

В декабре румынская военщина, поддержанная генералом Щербачевым, вступила в Бессарабию.

Вторгшись в пределы Советской страны, румынские власти не объявили войны, не расторгли дипломатических отношений — посол Румынии оставался в Петрограде. Румынские власти заявили, что вводят войска в Бессарабию якобы для охраны русских и румынских границ и что немедленно выведут свои полки, как только в крае установится «порядок и спокойствие».

29(16) декабря 1917 г. Наркоминдел обратился с нотой протеста к румынскому послу. Приведя ряд данных о бесчинствах румынской военщины, разоружении и аресте русских, Наркоминдел категорически протестовал против вторжения румынских войск в Бессарабию. Вместе с тем Наркоминдел предупреждал, что Советская власть не остановится перед самыми суровыми мерами против «контрреволюционных румынских заговорщиков, сообщников Каледина, Щербачева и рады, совершенно независимо от того, какие посты занимают эти заговорщики в румынской иерархии».

Агрессивные действия румынской военщины продолжались.

Исчерпав все возможности мирного разрешения конфликта, Совнарком постановил 26(13) января 1918 г.:

«1. Все дипломатические сношения с Румынией прерываются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путем.

2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Совет-

ская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа» [1].

Начались военные действия. Советские войска разгромили румынскую дивизию, переправившуюся через Днестр, и захватили всю ее артиллерию. Получив решительный отпор, румынские генералы начали мирные переговоры. Закончились они 5 марта подписанием договора в Яссах, подтвержденного в Одессе 9 марта 1918 г. Румыния обязалась очистить Бессарабию в течение двух месяцев и не предпринимать никаких военных или других действий, ни сама, ни с какой-либо державой, против Советской России. Со своей стороны Советская Россия обещала предоставить Румынии излишек хлеба в Бессарабии [2].

Однако на помощь Румынии пришла Германия. В тот самый день, когда Румыния подписывала договор с Россией об очищении Бессарабии, румынское правительство подписало договор и с Австро-Венгрией и с Германией. Одним из его условий была передача Бессарабии Румынии.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 90.
[2] Там же, стр. 210—211.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОБЕДА АНТАНТЫ НАД ГЕРМАНИЕЙ И ЕЕ СОЮЗНИКАМИ

Приближение краха германского блока

Своим страстным призывом к миру, а затем и заключением Брестского договора Советская страна усилила в германском народе тягу к миру и тем самым нанесла сильнейший удар по германскому империализму. В. И. Ленин указывал, что мы отвоевали на свою сторону немецких рабочих и тем самым больше, чем кто-либо другой, содействовали подрыву мощи германского империализма.

Положение Германии к лету 1918 г. становилось все более напряженным. Правда, еще в марте она смогла повести успешное на первых порах наступление против Антанты, создав даже угрозу Парижу, но решающего успеха не добилась. Значительную часть войск Германия продолжала держать на советской границе. Правящие круги Германии все еще мечтали о расчленении Советской России. Вильгельм II откровенно говорил представителям атамана Краснова, что «желает иметь соседкой Россию, раздробленную примерно на 4—5 групп: Центральную Россию, Украину, юго-восточные соединения, Закавказье и Сибирь» [1].

Немецкие войска наступали на Украине, в Крыму, Закавказье. В обозе оккупантов тащились «правительства», заготовленные для этих областей. Около 500 тыс. солдат было брошено на завоевание Украины и Белоруссии. Но этих сил не хватало. Оккупанты встречали героическое сопротивление советского народа. Между тем положение на Западном фронте становилось все более тревожным. Германия фактически продолжала вести борьбу на два фронта — и на западе и на востоке. В этом была одна из причин ее неотвратимо приближавшегося поражения.

К тому же терпела крах и надежда Германии на получение хлеба, обещанного ей Украинской центральной радой. Трудящиеся массы Украины поднялись на отечественную войну против оккупантов. Повсюду создавались партизанские отряды. Днем и ночью шла война, изматывавшая германскую армию. Партизаны взрывали эшелоны, уничтожали оккупантов, жгли склады с продовольствием. Каждый килограмм хлеба немцам приходилось брать с бою. Германская и австро-венгерская армии теряли боеспособность.

Затяжная война и особенно влияние Октябрьской революции, ее программы социализма и мира сломили дух германских войск. В германской армии и в тылу широко распространились антивоенные настроения. Количество дезертиров исчислялось десятками тысяч. Обстановка в австро-венгерских войсках была еще хуже.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1261, 1918, оп. 1, д. 46, л. 31—34.

Впрочем, и положение Антанты было не блестящим. Людские резервы ее были исчерпаны, дух войск надломлен. Революционное движение охватило в 1917 г. значительную часть французской армии. Однако все более заметное влияние на ход военных действий оказывало вступление США в войну, состоявшееся весной 1917 г. Из Америки в непрерывно возрастающем количестве поступали военное снаряжение, боеприпасы и пополнения. Это помогло войскам союзников оправиться от немецких ударов и 18 июля 1918 г. на лесистом участке Виллер — Коттрэ, на фронте в 45 *км*, между реками Эн и Марна начать контрнаступление. В бой было брошено значительное число танков, поддержанных самолетами. 8 августа был предпринят еще более решительный натиск. В итоге английские танки прорвали передовую линию немцев. Многие штабы были захвачены в плен. Руководство немецкими войсками нарушилось, и фронт дрогнул. На следующий день в наступление перешли и французы. В руки наступающих попало множество пленных, большое количество орудий и военного снаряжения.

Немецкие войска стали откатываться назад. В течение нескольких дней Германия потеряла все то, что приобрела своим наступлением в марте 1918 г. «8 августа — самый черный день германской армии в мировой войне», — признал Людендорф. Нужно было принимать чрезвычайные меры.

13 августа в городе Спа, в гостинице «Британик», в комнатах Гинденбурга собрались Гинденбург, Людендорф, имперский канцлер и министр иностранных дел. Все были подавлены. Людендорф заявил, что немецкая армия не в состоянии наступлением на фронте сломить противника; оборонительными действиями добиться мира также невозможно; ждать победы не приходится; надо достигнуть окончания войны дипломатическим путем.

Утром 14 августа состоялось новое совещание под председательством Вильгельма II. Кайзер предложил начать мирные переговоры с Антантой через нидерландскую королеву.

В тот же день в Спа прибыли император Карл, министр иностранных дел Буриан и главнокомандующий австрийскими войсками генерал фон Арц. Буриан предлагал начать переговоры с Антантой. На этом же совещании поднят был вопрос о Польше. Австрийцы настаивали на своем плане его решения. Надвигалась катастрофа, а хищники все делили добычу.

Впрочем, германская армия еще не была разбита. Войска дрались на чужой территории. Но генералы торопили дипломатов начать мирные переговоры. Им было ясно, что война проиграна. Приходилось ее кончать, но так, чтобы сохранить как можно больше из награбленной добычи. Германские империалисты старались не допустить того, чтобы шквал войны перенесся на территорию их страны. Они хотели сохранить производственный потенциал Германии, сберечь и военные кадры, воспитанные десятилетиями. Раз поражение неизбежно, надо готовиться к реваншу, — такой лозунг выдвинули германские империалисты, как только почувствовали приближение краха.

Германский империализм продолжает агрессию

Генералы требовали немедленно открыть переговоры о мире. Но германская дипломатия еще находилась под гипнозом недавних колоссальных успехов. Всего какой-нибудь месяц назад она перекраивала всю карту Центральной и части Восточной Европы. Это мешало ей трезво оценить положение. Она рассчитывала добиться новых успехов, и прежде всего на востоке.

Несмотря на наличие Брест-Литовского мира, Германия фактически ни на день не прекращала борьбы против Советской власти. Кайзеровское правительство многократно нарушало условия мирного догово-

ра, что вызывало протесты со стороны Советской России [1]. Фактически состояние войны продолжается, говорилось в ноте полпреда РСФСР в Германии от 20 мая 1918 г., в то время как Советская Россия желает «жить в мире с Германией...» [2].

На Украине немцы подавили Советскую власть и создали целиком зависимое от Германии правительство гетмана Скоропадского. «Оно (правительство Скоропадского. — *Авт.*) является только куклой (nur Puppe) в наших руках», — писал германский посол в Киеве барон Мумм министерству иностранных дел.

Немцы оказывали поддержку атаману Краснову, вели переговоры с контрреволюционными группами внутри Советской страны. Германские захватчики по своему произволу создавали государства и устанавливали их строй. В Литве предполагалось организовать королевство. Престол короля предложили занять германскому герцогу Вильгельму фон Ураху под именем Миндовга II. Против этих планов возражали польские правящие круги. Они втягивали в спор римского папу, предлагая ему воздействовать на литовских католиков. Спор из-за трона тянулся месяцами, а тем временем Литва была превращена в германскую «военную губернию», чего и добивалось верховное командование.

Из балтийских стран немцы хотели создать под немецкой эгидой единое государство — Балтийский Союз. В реакционных кругах Финляндии велись переговоры о выборе королем финнов одного из германских принцев. Германия стремилась окружить Советскую страну кольцом своих вассалов, связанных личной унией с правящим домом Гогенцоллернов.

Германские завоеватели все еще не оставляли мысли о походе на Москву, чтобы свалить Советскую власть и поставить на ее место контрреволюционное правительство. И Гофман и Людендорф откровенно признали это. «С военной точки зрения, — писал Людендорф, — мы были в силах произвести короткий удар на Петроград теми войсками, которые у нас имелись на востоке, и при помощи донских казаков развить наступление и на Москву. Мы могли устранить внутренне столь враждебное нам советское правительство и установить в России другую власть, которая бы не работала против нас и была бы согласна идти заодно с нами. В совокупности это имело бы большое значение для дальнейшего ведения войны» [3]. Германское командование продолжало держать огромные военные силы на захваченной территории Советской России (сначала — более 1 млн., затем — до 800 тыс., вместе с австро-венгерскими частями).

Генерал Гофман стал уже подбирать российского регента. Остановились на кандидатуре великого князя Павла, с которым командующий Восточным фронтом вступил в переговоры.

Германия сознательно обостряла отношения с Советской республикой. Особенно серьезные дипломатические осложнения возникли в связи с провокационным убийством левыми эсерами германского посла в Москве Мирбаха 6 июля 1918 г. Германское правительство потребовало введения германских войск, якобы для охраны своего посольства в Москве. Решительный и твердый отказ главы Советского правительства В. И. Ленина, заявившего, что на такую меру Советское правительство ответит поголовной мобилизацией всего народа, заставил зарвавшихся авантюристов пойти на попятную. Тем не менее новый германский посол Гельферих считал ошибкой сохранение дипломатических отношений с Советской Россией.

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. I, № 106, 123, 129, 148, 153, 167 и др.

[2] Там же, стр. 312.

[3] *Э. Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, стр. 218.

«Лишь если бы, — оправдывал он в мемуарах свою позицию, — удалось победить большевистское правительство в самой России, мы могли бы рассчитывать на более спокойное положение на востоке и на освобождение большей части разбросанных там дивизий» [1].

Штаб 8-й восточной немецкой армии совместно с флотом разработал план занятия Петрограда. В Пскове немцы начали формирование белогвардейской Северной армии.

Положение Советской России серьезно осложнялось тем, что против молодой социалистической республики началась вооруженная интервенция Антанты.

27 августа 1918 г. был подписан русско-германский дополнительный договор к Брест-Литовскому мирному договору. Он устанавливал восточные границы Эстляндии и Лифляндии. Советская Россия обязывалась «отступиться от верховной власти над этими областями». С Литвой и прибалтийскими странами Россия заключала торговое соглашение. Она предоставляла Германии четвертую часть добытой в Баку нефти и нефтяных продуктов. Германия продолжала оккупацию Донецкого угольного бассейна, но России предоставлялось право получать уголь в количестве трех тонн за тонну нефти и четырех тонн угля за тонну бензина.

По дополнительному финансовому соглашению Советская Россия обязана была уплатить Германии 6 млрд. марок в шесть взносов. По мере уплаты взносов немецкое командование обязалось очищать оккупированные области, лежащие к востоку от Березины. Области, расположенные к западу от Березины, но восточнее границы, установленной Брестским договором, оставались под германской оккупацией.

Советской дипломатии удалось добиться обязательства Германии не вмешиваться в отношения между Советским государством и его отдельными областями, не вызывать и не поддерживать образования самостоятельных государственных организмов в этих областях. Германия соглашалась дать гарантию в том, что с финляндской стороны не последует нападения на русскую территорию, в особенности на Петроград.

Подписание дополнительного договора давало Советскому правительству определенные новые возможности в деле стабилизации обстановки и сохранения мира.

Дополнительный договор Германия скрыла от своих союзников. Ни Вена, ни София не были осведомлены о переговорах и крайне были раздражены, узнав, что их обошли при переговорах о получении 6 млрд. марок. Турция, сама готовившая захват Баку, угрожала расторгнуть союз с Германией, если договор останется в силе.

Тогда Германия дала понять Турции, что не будет мешать ей в наступлении на Баку, хотя по дополнительному договору с Советской Россией обязалась удерживать турок от наступления. Главнокомандующий Энвер-паша, сняв часть войск с Месопотамского фронта, бросил их в Закавказье. «Верховное командование, — писал Людендорф, — приступило к подготовке атаки на Баку и с этой целью привлекло войска Нури и отправило в Тифлис кавалерийскую бригаду и несколько батальонов. Но Нури занял Баку прежде, чем мы успели закончить переброску войск, а последовавшие затем события в Болгарии заставили нас направить эти части в Румынию» [2].

Советское правительство послало в Берлин резкий протест против наступления турок. Но из Германии ответили, что, «по наведенным справкам», на Баку наступают не регулярные части турецкой армии, а какие-то «местные банды».

---

[1] *Гельферих.* Из воспоминаний. М., 1922, стр. 16.

[2] *Э. Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, стр. 220.

Германия терпела поражения на западе; катастрофа быстро надвигалась, а германские империалисты все еще цеплялись за свою добычу на востоке.

Предложение Австро-Венгрией мира

Между тем войска Антанты продолжали долбить Западный фронт. Из Америки шел непрерывный поток военных грузов и подкреплений. За один только август в Европе высадилось больше 300 тыс. американских солдат. Германские войска были отброшены к «линии Зигфрида». В некоторых местах англо-французы прорвали и эти позиции, которыми не могли овладеть в 1917 г., несмотря на огромные жертвы. Положение Германии становилось катастрофическим.

14 сентября граф Буриан обратился к правительствам всех воюющих держав с нотой, в которой предлагал созвать в каком-нибудь нейтральном государстве конференцию для обсуждения вопроса о мире. Нота была послана также правительствам нейтральных стран и римскому папе. Выступление Австро-Венгрии было самостоятельным шагом; но Германия, несомненно, знала о нем и выжидала, какое впечатление оно произведет на Антанту.

Хотя нота Австро-Венгрии и не заключала в себе предложения сепаратного мира, она вызвала сенсацию. Всюду нота была принята как доказательство нежелания Австро-Венгрии воевать. 17 сентября Вильсон поручил государственному секретарю ответить венскому правительству, что США уже не раз сообщали о тех условиях, на которых они согласятся вести переговоры о мире. Днем раньше в Лондоне выступил Бальфур, заявив, что нота Австро-Венгрии пытается расколоть союзников и вовсе не приближает мира. Затем сделал заявление Клемансо о том, что преступления, совершенные центральными державами, не могут остаться безнаказанными: они должны быть оплачены так же, как и наросший на них счет. Так дипломатическое предложение Австро-Венгрии повисло в воздухе. Между тем Четверной союз разваливался.

Выход Болгарии из войны

К осени 1918 г. сложилась революционная ситуация в Болгарии. С особой силой это проявилось в массовых солдатских волнениях, непрерывно нараставших с лета 1918 г.

В ночь на 15 сентября 1918 г. началось наступление войск Антанты на Салоникском фронте. Обладая огромным превосходством сил, особенно в артиллерии, англо-французы прорвали фронт. Часть болгарской армии оказалась в окружении, другая — начала стремительно отступать к границам Болгарии. Пытаясь стабилизировать обстановку, болгарское командование отправило навстречу отступавшим солдатам юнкеров и конную гвардию, которые беспощадно расстреливали отступавших. Но это лишь усилило гнев солдат, их желание расправиться с виновниками преступной войны. В этой обстановке и возник лозунг: «На Софию! Смерть виновникам разгрома!». 24 сентября одновременно в нескольких частях отступавшей армии началось восстание. Во главе восставших частей стояли солдатские комитеты. Солдаты требовали прекращения войны и строгого наказания ее виновников, уничтожения монархии и провозглашения республики, проведения радикальных реформ с целью демократизации страны и т. д.

Одна из восставших частей 24 сентября захватила без всякого сопротивления штаб-квартиру болгарской армии в Кюстендиле. Солдаты уничтожили архив, арестовали генералов и офицеров (однако через несколько часов освободили их).

Известие о восстании в армии вызвало панику в столице. Чтобы выиграть время, правительство Малинова послало навстречу восставшим делегацию, которая должна была «успокоить» солдат.

Однако этот маневр не удался.

27 сентября в городе Радомире по требованию солдат была провозглашена республика. После этого восстание продолжало расти. К утру 28 сентября армия повстанцев насчитывала около 30 тыс. человек, из которых 10 тыс. составляли колонну, двигавшуюся к Софии. Волнение охватило и гарнизоны, расположенные внутри страны. 28 сентября передовые отряды восставших достигли села Владая в 15 *км* от Софии. (Отсюда название — Владайское восстание.) В Софии царило смятение. Правительство могло рассчитывать только на юнкеров и на личную охрану царя Фердинанда. Как признал позднее военный министр генерал Савов, в его распоряжении находилось не более 500 штыков. Царь Фердинанд и правительство уже собирались бежать из столицы.

В этот момент большую помощь болгарской реакции оказали американские дипломаты. Узнав о восстании, генеральный консул США в Болгарии Мэрфи и атташе американской миссии Уолкер предприняли шаги для того, чтобы ускорить заключение перемирия между Антантой и Болгарией. Тем самым болгарское правительство рассчитывало вырвать лозунг мира из рук восставших. 28 сентября болгарские уполномоченные вместе с Уолкером прибыли в Салоники. Первоначально генерал Франше д'Эспере отказался принять предложение болгарских уполномоченных и прекратить военные действия. Но после беседы с Уолкером, передавшим ему письмо Мэрфи, он согласился на немедленное подписание перемирия. Видимо, американцы призывали союзников поторопиться с заключением перемирия ввиду угрозы дальнейшего развития революции в Болгарии.

29 сентября в Салониках было подписано перемирие. По его условиям болгарские части должны были немедленно покинуть греческие и сербские территории. Болгарская армия подлежала демобилизации, за исключением трех дивизий, предназначенных для поддержания внутреннего порядка. Антанта получала право занять своими войсками любые болгарские стратегические пункты.

Условия Салоникского перемирия должны были не только вывести Болгарию из лагеря центральных держав, но и укрепить положение болгарских правящих кругов, а также давали возможность Антанте вмешаться в дела Болгарии в случае, если бы революционное движение в стране продолжало расти.

В то время, когда в Салониках шли переговоры о перемирии, армия восставших продвигалась к Софии. Вечером 29 сентября повстанцы заняли предместье Софии. Однако вступление в город командование повстанцев отложило до утра. Ночью в Софию прибыли подразделения 217-й немецкой дивизии с артиллерией и пулеметами. Соотношение сил изменилось в пользу правительства. Когда утром 30 сентября повстанцы возобновили наступление, они были встречены ураганным огнем немецкой артиллерии, нанесшей им тяжелые потери. После этого ударная немецкая группа нанесла контрудар. Армия повстанцев потерпела поражение. Началась кровавая расправа. Только в районе Владайского ущелья было убито свыше 2,5 тыс. повстанцев, свыше 10 тыс. человек было брошено в тюрьмы.

Так в борьбе против революции в Болгарии объединились империалисты Германии и Антанты.

В ночь на 19 сентября перешли в наступление английские войска на Ближнем Востоке. Турецкой армии был нанесен ряд серьезных поражений. В конце сентября войска Антанты и на Западном фронте прорвали «линию Зигфрида».

«14 пунктов» Вильсона

Крупнейшим маневром дипломатии Антанты в завершающий период войны явились «14 пунктов» Вильсона, изложенные в его речи 8 января 1918 г. Пункты эти были таковы:

1. Открытые мирные договоры, открыто обсужденные, после которых не будет никаких тайных международных соглашений какого-либо рода, а дипломатия будет действовать откровенно и на виду у всех.

2. Абсолютная свобода торгового мореплавания в мирное и военное время.

3. Уничтожение препятствий для международной торговли.

4. Справедливые гарантии того, что национальные вооружения будут сокращены до предельного минимума, совместимого с государственной безопасностью.

5. Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены.

6. Освобождение Германией всех оккупированных ею территорий. Урегулирование всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит России «самое полное и свободное сотрудничество других наций в предоставлении ей беспрепятственной и ничем не стесненной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики...»

7. Освобождение и восстановление Бельгии.

8. Возвращение Франции Эльзас-Лотарингии; очищение и восстановление оккупированных французских областей.

9. Исправление границ Италии на основе ясно различимых национальных границ.

10. Автономия народов, входящих в состав Австро-Венгрии.

11. Эвакуация германских войск из Румынии, Сербии и Черногории; обеспечение Сербии свободного и надежного доступа к морю.

12. Автономия народам, населяющим Турцию; открытие Дарданелл для судов всех стран.

13. Создание независимой Польши с выходом к морю и присоединение к Польше территорий, населенных поляками.

14. Должен быть создан союз наций на основе особых статутов в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств.

Вильсон выступил со своей «программой мира» как раз в тот момент, когда в Советской России началась публикация тайных договоров. Государственным деятелям Европы и США приходилось задуматься, как нейтрализовать впечатление, созданное первыми же актами революционной дипломатии Советской власти. Программа Вильсона была противопоставлена Декрету о мире, требованию большевиков о заключении мира без аннексий и контрибуций.

Вся мировая пресса и особенно газеты II Интернационала наперебой превозносили «демократический» характер вильсоновских пунктов. Но сам Вильсон признавал, что его программа выдвинута в противовес советским мирным предложениям. «Яд большевизма, — говорил он, — только потому получил такое распространение, что являлся протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами, мы должны отстоять на мирной конференции новый порядок, если можно — добром, если потребуется — злом!» [1]

«14 пунктов» Вильсона по существу являлись прикрытой лицемерными фразами экспансионистской программой американского империализма. Претензии США, обогатившихся в годы войны, на захват миро-

[1] *С. Бекер.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М. — Пг., 1923, стр. 121—192.

вых рынков формулировались в требованиях абсолютной свободы торгового мореплавания и уничтожения препятствий для международной торговли.

«Демократический» камуфляж положений Вильсона был очень прозрачен. Первый пункт явно метил в договоры, заключенные между Англией и Францией, о разделе будущей добычи без участия США. Лозунг «свободы морей» открыто был направлен против гегемонии Англии, в защиту притязаний США на главенство в мировой торговле. Ту же цель преследовал и третий пункт.

Пунктом шестым Вильсон пытался демагогически прикрыть антисоветскую политику правящих кругов США. Пункты шестой, седьмой и восьмой, содержавшие требование, чтобы Германия очистила все захваченные территории, отнюдь не подкреплялись обещанием освободить области, захваченные самой Антантой у Германии или у Турции.

Напыщенный лозунг о создании Лиги наций как средства против войн был особенно горячо подхвачен буржуазной пацифистской прессой. Но в том виде, как мыслилась империалистам Лига наций, она не достигала своей цели — быть барьером против новых войн. Заметим, что идея Лиги наций была выдвинута в Англии во время войны. Видным ее пропагандистом был лорд Сесиль, для которого прототипом Лиги наций являлся реакционный институт — Священный союз, созданный на Венском конгрессе.

«В настоящее время все уже забыли, — писал лорд Сесиль полковнику Хаузу 3 сентября 1917 г., — что Священный союз имел своей первоначальной целью сохранение мира. К несчастью, в дальнейшем он выродился в союз тиранов... Подобная опасность, быть может, ныне и не очень велика, но пример этот свидетельствует о том, как легко самые благонамеренные проекты могут потерпеть неудачу»[1].

Инициаторы Лиги наций и не скрывали, что Лига наций, подобно Священному союзу, должна стать стражем той системы, которая сложится по окончании войны.

Когда явственно обозначались признаки победы Антанты, Вильсон начал расшифровывать свои туманные пункты. 27 сентября 1918 г. он выступил в Нью-Йорке с дополнительными комментариями к «14 пунктам». Он говорил о том, что правительство Германии не соблюдает никаких договоров и не признает ничего, кроме силы и своих собственных интересов. «Германский народ, — подчеркивал президент, — должен теперь наконец понять, что мы не можем верить ни одному слову тех, кто навязал нам эту войну»[2].

В «комментариях» расшифрован был и пункт шестой, относившийся к России. Вот суть этой расшифровки. Все белогвардейские правительства, захватившие с помощью иностранных империалистов ту или другую часть территории России, должны получить признание и помощь от Антанты; Кавказ рассматривался как часть проблемы Турецкой империи, т. е. отрывался от России; Среднюю Азию предполагалось отдать под протекторат какой-либо из империалистических стран; в Великороссии и Сибири признавалось необходимым создать новое правительство[3]. Таким образом, пункт о «самом полном и свободном сотрудничестве» с Россией открыто разъяснен был как самое полное расчленение России и ликвидация Советской власти. Президент Вильсон сам участвовал в составлении «комментариев» и одобрил их в телеграмме Хаузу 30 октября 1918 г. Документ был сообщен главам правительств Англии,

---

[1] «The intimate papers of Colonel House», vol. IV, p. 7.
[2] *Д. Ллойд Джордж.* Военные мемуары, т. VI. М., 1937, стр. 134.
[3] См. «Архив полковника Хауза», т. IV. М., 1944, стр. 152—153.

Франции, Италии и лежал перед ними на столе мирной конференции в Париже [1].

Все содержание «комментариев» говорит о том, что американский президент пытался захватить в свои руки дипломатическую инициативу международных переговоров и намекал немецким империалистам, куда им следует обратиться с просьбой о мире. США не случайно брали на себя инициативу переговоров с Германией: они были к концу войны самым сильным империалистическим государством, их роль в политике блока Антанты быстро возрастала.

Просьба Германии о перемирии

В тот самый день, когда делегаты Болгарии размышляли над ультиматумом Франше д'Эспере, в Спа, в отеле «Британик» состоялось совещание военных и политических деятелей Германии. Гинденбург и Людендорф потребовали немедленного заключения перемирия. Присутствовавшие государственные деятели заявили, что внезапное предложение мира может вызвать резкое недовольство и, возможно, революционное движение в стране. Поэтому предпочтительно сделать предложение о мире от имени нового правительства, облеченного доверием рейхстага. Министр иностранных дел фон Гинтце предлагал обратиться с просьбой о мире к Вильсону, — сигнал президента, очевидно, был принят во внимание. Гинденбурга и Людендорфа смущало, что длинный путь к Антанте через Вашингтон потребует много времени, а между тем война может перебросится на территорию Германии. Генералы просили отправить ноту как Вильсону, так и Англии с Францией.

Решение совещания было сообщено Вильгельму II. Он поручил составить ноту президенту Вильсону с просьбой о перемирии и заключении мира. Днем 29 сентября был составлен манифест о создании в Германии правительства, ответственного перед парламентом. 30 сентября канцлер Гертлинг подал в отставку. Предполагалось закончить формирование правительства к 1 октября и тогда же послать ноту Вильсону.

Подошел намеченный срок. Нового правительства еще не было. Нота лежала без движения. Гинденбург и Людендорф нервничали. Фронт разваливался. Было немало случаев, когда солдаты отказывались идти на передовые линии. Тем, кто шел в окопы, кричали: «Штрейкбрехеры! Мало вам войны!».

Фронт передвинулся на территорию Германии. Плану спасти что можно для будущего реванша угрожало крушение. Генералы требовали немедленного заключения мира. 3 октября Гинденбург подал правительству записку:

«Верховное командование настаивает на поставленных им в понедельник 29 сентября сего года требованиях о немедленном обращении к нашим врагам с предложением мира... Положение с каждым днем обостряется и может принудить верховное командование к принятию тяжелых решений» [2].

Гинденбург угрожал тем, что само командование возьмет в свои руки ведение дипломатических переговоров, — так торопились генералы добиться мира и спасти положение.

Наконец правительство было создано. Его возглавил принц Макс Баденский, который слыл либералом. В состав нового правительства вошли и представители социал-демократии. В ночь на 5 октября Макс Баденский с помощью швейцарского правительства отправил телеграмму президенту США Вильсону с просьбой заключить перемирие и начать мирные переговоры на основе «14 пунктов» Вильсона и его разъяснений от 27 сентября.

---

[1] См. «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 119.

[2] *Э. Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, стр. 279.

Внезапная просьба германского правительства о мире произвела в стране ошеломляющее впечатление. Еще 1 августа Вильгельм II заявлял, что самое тяжелое осталось позади, а неделю спустя, 8 августа, разразилась военная катастрофа. Тиски цензуры уже не могли скрыть бедственное положение на фронте. В стране, как снежный ком, нарастало революционное брожение.

5 октября к предложению Германии о перемирии присоединилась и Австро-Венгрия. Рассматривать австрийское предложение Вильсон наотрез отказался.

Капитуляция Австро-Венгрии и Турции

Отказываясь вступить в переговоры с Австро-Венгрией, Антанта тем самым ускоряла ее развал. Армия покидала фронт. Вспыхнуло восстание в хорватских полках, стоявших в Фиуме. Восставшие захватили город. Чехословакия объявила себя независимой. Венгрия превратилась в самостоятельную республику. «Лоскутная монархия» перестала существовать.

Наступательные операции союзников привели к полному поражению турецкой армии. Большую роль в их разгроме сыграла авантюра Энвера, начавшего наступление на Баку. Это отвлекло значительные турецкие силы с малоазиатского театра. 30 октября в порту Мудрос (остров Лемнос) на британском корабле «Агамемнон» англичане заключили с турками перемирие (французский представитель не был даже допущен на борт британского крейсера). Турция должна была очистить Аравию, Месопотамию, Сирию, Армению, часть Киликии. Одним из первых пунктов Мудросского перемирия турки обязывались открыть победителям доступ в Черное море и соглашались на оккупацию войсками Антанты Константинополя и проливов.

3 ноября окончательно сдались Австрия и Венгрия. По условиям перемирия, заключенного в Падуе, австро-венгерская армия демобилизовалась и расформировывалась, за исключением 20 дивизий. Половина ее военного имущества отдавалась Антанте. Морской и речной флоты разоружались. Союзники получали броненосцы, крейсеры, истребители, подводные лодки и воздухоплавательные средства. Они, кроме того, сохраняли блокаду Австрии и Венгрии.

С открытием южных незащищенных границ положение Германии стало безнадежным.

Предварительные переговоры о перемирии

8 октября государственный секретарь США Лансинг от имени Вильсона ответил на ноту Германии. Он требовал подтверждения того, что германское правительство принимает все условия, изложенные в «14 пунктах», а также в последующих заявлениях президента. По поводу просьбы о перемирии Вильсон заявлял, что, пока германские войска не очистят всех оккупированных районов, он отказывается предложить своим союзникам приостановить военные действия. В заключение президент запрашивал, говорит ли канцлер от лица тех, которые до сих пор являлись руководителями войны. Этим делался явный намек на императора и германское командование.

9-го в Германии состоялось заседание военного кабинета. Людендорф сообщил, что он беседовал с рядом командующих фронтами и армиями. Все они требуют мира. На вопрос министра иностранных дел, обращенный к Людендорфу, сможет ли фронт продержаться хотя бы три месяца, последовал резкий ответ: «Нет».

12 октября Германия согласилась на новые предложения. По поводу последнего вопроса Вильсона было заявлено, что канцлер говорит от имени германского правительства и германского народа.

Германия была сломлена. Однако она еще не была окончательно разбита. США не прочь были воевать дальше. Продолжение войны су-

лило новые гигантские доходы монополиям, сохранение «бума» в экономике, расширение и укрепление армии. При том тяжелом положении, в котором находились Англия, Франция и Италия, война сулила Америке ведущую роль. Но такая перспектива отнюдь не улыбалась партнерам США. Италия не выражала никакого желания продолжать войну: поражение Австро-Венгрии уже позволяло итальянцам реализовать свои военные планы. Англия также добилась главного: она свалила соперника и захватила германские колонии. Дальнейшее ведение войны не сулило ей серьезных приобретений, а жертв потребовало бы немалых. Надеялась и Франция при перемирии достигнуть всего намеченного без риска новой изнурительной военной кампании. К тому же всех союзников пугал призрак революции в Германии: оттуда пожар мог распространиться по всей Европе. Тем не менее между ними далеко не было единодушия.

Уже в бурных прениях на совещаниях в Верховном совете и особенно 29 октября на межсоюзнической конференции в Париже между участниками Антанты обнаружились серьезные противоречия. Франция добивалась серьезного ослабления германского конкурента, низведения Германии до положения второстепенной державы, рассчитывая установить свою гегемонию в Европе. Правители Англии, напротив, не желали чрезмерного усиления Франции. Вместе с Америкой они хотели оставить Германии вооружение, чтобы «использовать Германию в качестве бастиона против русского большевизма» [1], — как заявил военный министр Англии лорд Мильнер на одном из совещаний в Париже 28 октября 1918 г.

С другой стороны, Англия резко выступала против США, не желая признавать вильсоновское требование «свободы морей». Вместе с Францией она добивалась не только возмещения убытков разоренным областям Северной Франции и Бельгии, как предусматривалось в «14 пунктах», но и полной компенсации всех расходов и потерь за время войны. Обострение доходило до того, что Америка угрожала начать непосредственные переговоры с Германией и Австро-Венгрией. «Сепаратный мир?» — спрашивал Клемансо. «Да», — последовал ответ. «Мы сожалеем об этом, но будем продолжать войну», — заявил Ллойд Джордж при полном одобрении Клемансо.

Наконец 5 ноября союзники уведомили Вильсона для передачи Германии, что они согласны начать с ней мирные переговоры на основе «14 пунктов».

Компьенское перемирие

События в Германии тем временем нарастали бурными темпами. В двери стучалась революция. Военное и экономическое истощение страны достигло предела. Германские империалисты принимали все меры к спасению возможно большего и прежде всего — командных кадров. Людендорф ушел в отставку, на него возложили задачу заняться выявлением и сохранением надежных частей. Гинденбург остался. Его именем пытались поддержать хоть какую-нибудь дисциплину в армии. Между генералитетом и гражданскими властями установилось своеобразное разделение труда: гражданские представители вели переговоры о мире, брали на себя обязательство выполнять честно все условия, а генералы создавали обстановку, препятствующую выполнению этих условий. Министры обязывались прекратить подводную войну, а командование прятало подводные лодки, разбирало их по частям и под видом разных машин рассовывало их по складам. Командование продолжало пиратские операции флота. Так, уже после обещания прекратить подводную войну немцы

[1] «The intimate papers of Colonel House», vol. IV, p. 116.

потопили пассажирский пароход «Лейнстер». Германская военщина полностью оправдывала характеристику: «В победе — жестоки, в поражении — низки».

4 ноября восставшие немецкие моряки захватили г. Киль и военные корабли, стоявшие в порту. На следующий день восставшие рабочие и матросы заняли Любек, Гамбург, Бремен. Революция распространялась по стране, проникая в армию. Повсюду создавались Советы рабочих и солдатских депутатов. 6 ноября генерал Гренер, заменивший Людендорфа на посту генерал-квартирмейстера, докладывал военному кабинету о положении на фронте. Генерал требовал «во что бы то ни стало избежать окончательного поражения армии».

Заседание военного кабинета шло в крайне нервной обстановке. Чуть ли не каждую минуту поступали тревожные телеграммы. В полдень было решено немедленно выслать делегацию, с тем чтобы она начала мирные переговоры не позже 8 ноября. Если даже не последует согласия Антанты, то германская делегация, выкинув белый флаг, должна начать переговоры о перемирии или капитуляции. С этим согласились все, и в том числе верховное командование.

Председателем германской делегации был назначен Эрцбергер. Ему выдали необходимые документы. Канцлер вручил ему чистый бланк с подписью, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению.

7 ноября вечером автомобиль германской делегации под белым флагом пересек фронт. Эрцбергер со спутниками сел в вагон со спущенными занавесками и утром прибыл на станцию Ретонд, в Компьенском лесу, где стоял штабной поезд Фоша. В то же утро делегация была принята маршалом.

Не подав немцам руки, Фош спросил:

— Чего вы хотите, господа?..

— Мы хотим получить ваши предложения о перемирии.

— О, у нас нет никаких предложений о перемирии, — сказал Фош. — Нам очень нравится продолжать войну...

— Но нам нужны ваши условия. Мы не можем продолжать борьбу.

— Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии? Это другое дело [1].

Заставив, таким образом, германских делегатов просить о перемирии, Фош приказал прочесть им условия. Германия обязывалась в течение 15 дней очистить занятые территории в Бельгии, Франции, Люксембурге, покинуть Эльзас-Лотарингию, Румынию, вывести войска из Австро-Венгрии и Турции, выдать Антанте 5 тыс. тяжелых и полевых орудий, 30 тыс. пулеметов, 2 тыс. самолетов, 5 тыс. локомотивов, 5 тыс. исправных автомобилей и т. д. Антанта занимала войсками левый берег Рейна, причем содержание оккупационной армии возлагалось на Германию. Германия отказывалась от Брест-Литовского и Бухарестского договоров. Войска в Восточной Африке должны были сдаться. Военнопленные, взятые немцами, возвращались на родину, но германские военнопленные оставались в плену. Германия выдавала 6 дредноутов, 8 тяжелых крейсеров, 10 крейсеров и 300 подводных лодок; остальные суда разоружались и переходили под контроль союзников. Блокада Германии сохранялась.

Условия Компьенского перемирия свидетельствовали о намерении использовать Германию в борьбе против России. Ст. 12 предусматривала, что германские войска должны покинуть территорию России только тогда, когда «союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий». А в ст. 16 указывалось, что союзники «в целях поддержания порядка» будут иметь

[1] *Д. Ллойд Джордж.* Военные мемуары, т. VI, стр. 172.

свободный доступ на территории, эвакуированные немцами на восточных границах [1].

То было требование капитуляции. Германской делегации дали 72 часа для ответа — до 11 часов утра 11 ноября. Делегация направила эти условия в Берлин, а до получения ответа предложила организовать частное совещание с представителями англо-французского командования.

На совещании немцы заявили, что условия Антанты невыполнимы. Немецкие представители прибегли к прямому шантажу. Они угрожали, что требования, предъявленные Фошем, «толкнут Германию в объятия большевиков».

Особенно пастойчиво протестовала германская делегация против оккупации Рейнской области, добиваясь сокращения районов, подлежащих занятию войсками Антанты. Немцы упорно настаивали на том, чтобы германская промышленность в районах, временно занимаемых союзниками, не подвергалась демонтажу, чтобы немецкий персонал оставался на месте и т. п. Основные их старания сводились к тому, чтобы сохранить производственный потенциал Германии в неприкосновенности.

Контрпредложения немцев были вручены Фошу. Делегатам предоставили возможность держать связь с Берлином. Оттуда ответили, что Вильгельм II низложен с престола и 9 ноября бежал в Голландию. Создано правительство во главе с правым социал-демократом Эбертом. Новое правительство предложило делегации выдвинуть возражения против наиболее беспощадных требований союзников; в случае отклонения возражений — подписать условия, но одновременно заявить протест Вильсону.

Немецкие представители упросили созвать новое частное совещание уполномоченных обеих сторон. Эрцбергер, по его собственному признанию, «настойчиво указывал на большевистскую опасность», добиваясь смягчения требований. Пресловутая «большевистская опасность» стала коньком, на котором пытались выезжать все разновидности правительств германского империализма.

В частных совещаниях германская делегация добилась незначительных уступок: сокращения числа выдаваемых пулеметов с 30 тыс. до 25 тыс., самолетов — до 1700. По поводу подводных лодок она заявила, что Германия не в состоянии вернуть 300 подводных лодок, ибо налицо у нее имеется всего 100 единиц.

Рано утром 11 ноября 1918 г. условия перемирия были подписаны. В 11 часов грянул первый залп артиллерийского салюта в 101 выстрел, которым заканчивалась война. Она продолжалась 51 месяц и две недели. Война за передел мира кончилась. Начинался самый передел.

---

[1] См. «Всемирная история», т. VIII. М., 1961, стр. 98—99.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАЧАЛО ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИЗОЛЯЦИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Высадка вооруженных отрядов Антанты в Советской России

Заключив перемирие, победители не спешили с подписанием мира: оставалось еще много нерешенных проблем. Среди них на первый план выдвигался вопрос о Советской России. Здесь необходимо напомнить события, развернувшиеся весной 1918 г.

Как только выяснилось, что втянуть Советскую власть в войну с немцами и свалить ее руками Германии не удается, империалисты сменили тактику. После заключения мира в Брест-Литовске союзные послы во главе с американским послом Фрэнсисом, старшиной дипломатического корпуса, покинули Петроград и переехали в Вологду. Официальным мотивом переезда, как заявляла капиталистическая пресса, был протест против Брестского мира. Скоро, однако, выяснилось, что Вологда не случайно стала резиденцией послов: Антанта переходила к активной борьбе против Советской власти, причем первый удар намечался с севера. 1 марта 1918 г. заместитель председателя Мурманского Совета Юрьев сообщил в Москву, что англо-французы предлагают помощь для борьбы с Германией. Таким образом, вновь вытаскивался на свет — на этот раз обходным путем — провалившийся план столкнуть Советскую Россию с Германией.

«Если бы Троцкий, — писал представитель английской разведки (Интеллидженс-сервис) в США Уайзман, — призвал союзных интервентов, то германцы сочли бы это враждебным актом и, вероятно, заставили бы правительство покинуть Москву и Петроград. С потерей этих центров, как можно вполне предполагать, большевистское влияние в России было бы полностью разрушено» [1].

Сообщая, что на линии Мурманской железной дороги находится около 2 тыс. чехов и сербов, направляемых во Францию, Юрьев спрашивал: «В каких формах может быть прием-

[1] «Архив полковника Хауза», т. III, М., 1939, стр. 296—297.

лема помощь живой и материальной силой от дружественных нам держав?»

В тот же день, 1 марта, Троцкий без согласия В. И. Ленина сообщил (телеграфно) Юрьеву от имени Наркоминдела: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий». Это означало допустить и высадку англо-французов.

Получив телеграмму Троцкого, мурманские пособники интервентов приступили к выполнению своего замысла. 2 марта 1918 г. состоялось совещание, на котором присутствовали: Юрьев, адмирал Кемп, командующий английской эскадрой на севере, английский консул Холл, французский капитан Шарпантье, управляющий делами Мурманского Совета Веселаго и др. Веселаго зачитал телеграмму Троцкого и тут же предложил обсудить следующее заранее подготовленное «соглашение», облеченное в дотоле неизвестную в дипломатической практике форму:

«Словесное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края.

§ 1. Высшая власть в пределах Мурманского района принадлежит Мурманскому Совдепу.

§ 2. Высшее командование всеми вооруженными силами района принадлежит под верховенством Совдепа Мурманскому военному совету из 3 лиц — одного по назначению советской власти, и по одному от англичан и французов.

§ 3. Англичане и французы не вмешиваются во внутреннее управление районом: о всех решениях Совдепа, имеющих общее значение, они осведомляются Совдепом в тех формах, какие по обстоятельствам дела будут признаны нужными.

§ 4. Союзники принимают на себя заботу о снабжении края необходимыми запасами» [1].

Суть «словесного соглашения» сводилась к тому, что интервенция прикрывалась «просьбой» к англо-французским войскам со стороны Мурманского Совета оказать ему помощь.

Юрьев разослал всем Советам по линии Мурманской дороги телеграмму, в которой сообщалось о заключении соглашения. Когда возмущенные предательством Юрьева Советы, в том числе Петрозаводский, обратились в Наркоминдел, бывший в то время народным комиссаром по иностранным делам Троцкий ответил: «Мурманский Совет правильно ссылается на мое разрешение».

Однако Совнарком отнесся резко отрицательно к действиям Мурманского Совета. Полагая, что Мурманский Совет мог стать жертвой обмана, В. И. Ленин попытался разъяснить членам

---

[1] *М. С. Кедров.* Без большевистского руководства (Из истории интервенции на Мурмане). Л., 1930, стр. 32.

Совета всю гибельность пути, на который они вступили. Но Юрьев продолжал предательскую линию. В Мурманске было объявлено осадное положение. Интервенты, высадившись на берег, быстро сформировали бронепоезд и связались с отрядом чехословаков и поляков, стоявшим в г. Коле. В Лондон полетели телеграммы с требованием присылки новых войсковых частей.

В это время — с 15 марта — в Лондоне происходила конференция премьер-министров и министров иностранных дел стран Антанты. Она опубликовала декларацию о непризнании Брестского мира. Конференция обсудила также вопрос и об интервенции на севере России. По признанию Ллойд Джорджа, «на союзной дипломатической конференции в Лондоне 16 марта рассматривался доклад генерала Нокса (бывшего английского представителя во время войны при штабе русских войск. — *Авт.*), который рекомендовал нам послать в Архангельск отряд в пять тысяч человек. К этому докладу было приложено заявление капитана Проктора, британского военного представителя в Архангельске, который выдвигал проект о посылке смешанного союзного отряда в 15 тысяч человек. Мы передали этот вопрос на обсуждение союзного морского совета и постоянного совета военных представителей в Версале. Однако, когда оба эти совета собрались на совместной конференции 23 марта, разразилось германское наступление на западном фронте. В такой момент невозможно было обсуждать вопрос о военной экспедиции в Северную Россию» [1].

Посылка больших вооруженных сил на север России временно отпадала. Стали искать других возможностей. Решили обратиться к Японии, предложив ей начать интервенцию на Дальнем Востоке. Решение было принято не без колебаний: утверждение Японии в Сибири и на Дальнем Востоке не входило в планы союзников, особенно США, которые сами давно зарились на эти районы. Вместе с тем Антанта не могла не учитывать своеобразия сложившейся обстановки. «И с точки зрения человеческого материала и с точки зрения транспорта, — писал Бальфур, — Япония может сейчас сделать в Сибири гораздо больше, чем Франция, Италия, Америка, Великобритания могут сделать в Мурманске и Архангельске. Вот почему конференция считает нужным обратиться к Японии...» [2]

Обращение Антанты не было неожиданным для Японии. Подогревая воинственный пыл милитаристов, правительственная печать утверждала, что после революции 1917 г. в Сибири

---

[1] *Д. Ллойд Джордж.* Военные мемуары, т. VI, стр. 83.
[2] Там же, стр. 88.

царит хаос, что именно Япония может и должна «восстановить порядок» на территории до Иркутска и даже до Урала.

Правда, среди японских империалистов имелись разногласия по вопросу, с кем идти на интервенцию — с Германией или Антантой. В Лондоне и Вашингтоне об этом знали и принимали меры, чтобы не допустить блока Японии с Германией. Япония не прочь была отказаться от сговора с Германией, но хотела начать интервенцию без участия других империалистических стран, в особенности без войск США. Этот вариант не устраивал американских империалистов, опасавшихся, что Япония, у которой существует союз с Англией, захватит весь Дальний Восток в свои руки. Японии пришлось маневрировать.

Несмотря на острые противоречия, США пошли на использование японских войск в антисоветской интервенции. Они рассчитывали решить сразу две задачи: уничтожить Советскую республику и ослабить своего японского конкурента.

Японские власти стали искать предлог для интервенции. Вскоре во Владивостоке было совершено провокационное убийство двух японцев. Не дожидаясь расследования, японцы начали высадку войск на советской земле.

5 апреля 1918 г. адмирал Като, командующий японским флотом, обратился с воззванием к населению Владивостока, извещая его о том, что Япония берет на себя «охрану порядка» в городе. Вскоре к японскому десанту присоединился английский, а затем и американский отряды.

В тот же день, 5 апреля 1918 г., Советское правительство опубликовало официальное сообщение.

«Ход событий, — говорилось в сообщении, — не оставляет никакого места сомнениям в том, что все было заранее подготовлено и что провокационное убийство двух японцев составляло необходимую часть этой подготовки.

Таким образом, давно подготовлявшийся империалистический удар с Востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить Советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян» [1].

Вечером 5 апреля в Наркоминдел были вызваны представители Англии, США и Франции. Им был заявлен решительный протест против японской интервенции. Иностранным представителям было указано, что высадка японцев не могла иметь места без согласия союзников. Представители Англии, США и Франции лицемерно заверили Наркоминдел, что представляемые ими правительства «непричастны» к японскому вторжению, которое-де к тому же «имеет единственной зада-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 225.

чей охрану жизни и собственности иностранных граждан во Владивостоке». Вся официальная печать Англии, США и Франции подхватила эту версию.

На следующий день Наркоминдел разослал ноту протеста правительствам Англии, США и Франции. Советский протест остался безрезультатным. Более того, 18 апреля французский посол Нуланс выступил с публичным заявлением о солидарности Франции с японскими интервентами. После этого Советское правительство лишило Нуланса дипломатического иммунитета и потребовало его отзыва.

Советская власть отдавала себе отчет в том, что агрессивное выступление Японии не являлось изолированным актом, — оно было предпринято и поддержано всеми империалистическими державами антантовского блока. Еще 7 апреля, через два дня после высадки японцев, В. И. Ленин послал Владивостокскому Совету следующую телеграмму:

«Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники» [1].

Действительно, агенты Антанты принимали меры, чтобы подкрепить «изнутри» интервенцию японцев. Особо важная роль отводилась чехословацкому корпусу. После занятия Украины германскими войсками он отступил в центральные области России. Командование корпуса заключило с правительством Советской России соглашение о переброске чехословаков во Францию через Сибирь. Чехословаки обязывались сдать оружие, оставив только незначительную часть его для несения караульной службы, и двигаться к Владивостоку отдельными эшелонами.

У военнопленных чехословаков имелись коммунистические организации. В мае 1918 г. был созван учредительный съезд коммунистов — чехов и словаков. Были коммунисты и в составе корпуса. Рядовой состав чехословацкого корпуса не был настроен антисоветски и не хотел поднимать оружия против советского народа. Но командование корпуса вступило в переговоры с представителями Антанты и договорилось поднять мятеж против Советской власти. Чтобы обмануть солдат, командование распространило слух, будто советские власти договорились выдать их Австро-Венгрии. Шла активная подготовка мятежа.

Командование чехословацкого корпуса нарушило свои обязательства, данные Советскому правительству. Оружие сдано не было. Эшелоны двигались не в одиночку: на крупных стан-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 36, стр. 216.

циях из 8—10 эшелонов составлялись отряды в несколько тысяч человек. По дороге в состав корпуса влились русские белогвардейцы. Число солдат достигло 60 тыс. Получив известие о японском десанте во Владивостоке, Советское правительство потребовало полного разоружения корпуса. Но по приказу Антанты в ночь на 25 мая 1918 г. реакционное командование этих войск, растянувшихся от Волги до Тихого океана, подняло восстание против Советской власти. Урал, Сибирь, Поволжье оказались отрезанными.

Союзная дипломатия откровенно солидаризировалась с контрреволюционным мятежом. 4 июня представители Англии, Франции, Италии и США обратились к Советскому правительству с требованием отказаться от разоружения чехословацкого корпуса. Наркоминдел ответил нотой от 12 июня 1918 г., что Советское правительство после долгих попыток найти миролюбивый выход было вынуждено перейти к разоружению мятежников, повсюду действовавших «в союзе с белогвардейцами и контрреволюционным русским офицерством» [1].

Империалисты Антанты, опьяненные первыми успехами, продолжали идти по пути расширения интервенции. 3 июня 1918 г. Верховный военный совет союзников постановил послать на север России смешанный отряд из американских, английских, французских и итальянских войск. Иностранные отряды стали высаживаться в Мурманске.

17 июня в Мурманск прибыл английский крейсер, на борту которого находились: командующий войсками интервентов на севере генерал-майор Пуль, многочисленные инструкторы и отряд английской пехоты. На следующий день Пуль выступил на собрании Центрального комитета Мурманской флотилии, где заявил: «Союзники здесь имеют силы, и если это потребуется и если они найдут необходимым, то они готовы применить эти силы» [2].

Из Мурманска интервенты стали пробиваться внутрь страны.

26 июня из Москвы прибыла телеграмма В. И. Ленина с резким протестом против предательских действий Юрьева.

Но и изменники продолжали действовать. 6 июля 1918 г. «словесное соглашение» между группой предателей из Мурманского Совета и командованием интервентов было заменено письменным договором: «Временное, по особым обстоятельствам, соглашение представителей Великобритании, Северо-Американских Штатов и Франции с президиумом Мурманского краевого Совета». Соглашение предусматривало «полное

[1] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 357.

[2] Цит. по кн.: *М. С. Кедров*. Без большевистского руководства, стр. 112.

содействие друг другу» со стороны Англии, Франции, США и Мурманска, создание воинских частей на средства интервентов, выделение иностранных инструкторов в создаваемые части.

Теперь представители Англии, США и Франции рассчитывали успокоить общественное мнение своих стран, заявив, что интервенция в России происходит по соглашению с Мурманским Советом. Американский посол Фрэнсис, сообщая государственному секретарю Лансингу о заключении соглашения между Англией, США и Францией, с одной стороны, и Мурманским краевым Советом — с другой, откровенно определил его суть:

«Целью соглашения было обеспечить беспрепятственную высадку союзных войск и побудить местный Совет отказаться от повиновения центральному Совету в Москве» [1].

Формально в соглашении оговаривалось невмешательство во внутренние дела, однако уже вскоре обнаружилось все лицемерие заявления о «невмешательстве». Интервенты стали разгонять профсоюзы, комитеты в воинских частях, арестовывать представителей Советской власти.

27 июня 1918 г. Наркоминдел обратился к британскому дипломатическому представителю в Москве Локкарту с протестом против высадки десанта в Мурманске.

«...Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика покинула ряды воюющих держав, — гласила нота, — и вышла из состояния войны, дальнейшее пребывание в котором внутреннее положение России делало для нее невозможным.

Трудящийся народ России и исполняющее его волю Рабоче-Крестьянское Правительство озабочены лишь тем, чтобы жить в мире и дружбе со всеми другими народами. Ни одному народу не угрожает войной трудящийся народ России, и никакая опасность не может угрожать с его стороны Великобритании» [2].

Нота осталась без ответа. Вооруженные отряды интервентов, несмотря на решительный протест Советского правительства, продолжали высаживаться. Из Мурманска интервенты пытались вторгнуться в другие районы Северной России. Они организовали контрреволюционный переворот в Архангельске. В телеграмме Лансингу от 31 июля 1918 г. Фрэнсис сообщил о той роли, которую сыграли в перевороте интервенты, и о совместном участии в нем английских, французских и американских воинских частей. «Пуль и Кемп вместе с Биерером

---

[1] «Foreign Relations... 1918, Russia», vol. II, p. 519—520. Опубликовано в сборнике «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 52.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 376.

и Мартином[1] отплыли сегодня утром в Архангельск, взяв с собой около 1000 британских и французских солдат, а также 50 американских матросов. Антибольшевистский переворот запланирован на сегодня, и если, как ожидают, он окончится успешно, союзные войска смогут высадиться 2 августа в Архангельске, не встретив сопротивления»[2].

2 августа 1918 г. антантовская эскадра вошла в Архангельский порт.

Один за другим стали приходить корабли с десантами английских и американских войск. Всего, по официальным данным, на севере высадилось более 40 тыс. офицеров и солдат, из них 28 тыс. английских и более 13 тыс. американских и др.[3]

Правительства Англии, США и Франции открыто вступили на путь раздела России.

Оккупировав советский Север, интервенты учинили здесь колониальный грабеж. Они захватили русский флот, вывозили меха, редкие металлы, лен, сея разруху и запустение. Они составляли по своему усмотрению «правительства» в оккупированных районах. В концлагерях и тюрьмах, куда интервенты бросали советских патриотов, царил чудовищный террор.

Такую же политику вели правительства Англии, США, Франции и Японии во всех временно оккупированных ими районах. Так, сразу после победы Октябрьской революции американский консул в Тифлисе (Тбилиси) Смит телеграфировал в государственный департамент США: «Баку в руках максималистов (так буржуазная пресса именовала в то время большевиков. — *Авт.*). Я посоветовал направить туда войска (для подавления?) этого восстания»[4]. Американский консул принял участие вместе с представителями Англии и Франции в создании контрреволюционного правительства в Закавказье и усиленно рекомендовал госдепартаменту признать его. В целях укрепления контрреволюции официальный представитель США решился на чудовищную провокацию, повлекшую за собой тысячи жертв.

Консул Смит направил со своим помощником письмо, предварительно согласованное с английской и французской военными миссиями, председателю контрреволюционного правительства так называемой «Юго-Восточной федерации». Обещая финансовую поддержку, Смит потребовал, чтобы терские и ку-

---

[1] Б. Биерер — командир американского крейсера «Олимпия», Х. Мартин — помощник американского военного атташе в России.

[2] «Foreign Relations... 1918, Russia», vol. I, p. 624. Опубликовано в сборнике документов «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 41.

[3] *Army.* The Evacuation of North Russia 1919. London, 1920.

[4] «Foreign Relations... 1918, Russia», vol. II, p. 581. Так в тексте.

банские казаки не пропускали войска, возвращавшиеся с Кавказского фронта домой.

«Вторая мера, — цинично писал американский дипломат, — еще важнее и требует некоторых жертв со стороны двух вышеназванных правительств (т. е. Кубани и Терека. — *Авт.*), но эти жертвы необходимы для выполнения общего плана. Эта мера состояла бы в том, чтобы в распоряжение главнокомандующего кавказскими армиями были направлены казачьи отряды, которые совместно с грузинскими и армянскими частями (имеются в виду контрреволюционные отряды. — *Авт.*) создали бы линии обороны на различных пунктах вдоль железнодорожной линии между фронтом и Тифлисом с целью разоружения отрядов, возвращающихся с фронта и опасных для внутреннего порядка» [1].

Как известно, в январе 1918 г. в районе Шамхора контрреволюционные банды, подстрекаемые американской дипломатией, напали на эшелоны русских войск, возвращавшихся с фронта, зверски убив тысячи русских солдат.

Все практическое поведение официальных представителей США в России ярко подтверждало, что Вильсон в своих «14 пунктах» действительно призывал к расчленению России, как это и признано в утвержденных им «комментариях».

Расширялась интервенция и на Дальнем Востоке. 29 июня 1918 г. активно поддержанные Антантой реакционные части чехословацкого корпуса заняли Владивосток.

Вскоре после этого на Дальний Восток стали высаживаться крупные силы империалистов. Япония и США подписали соглашение, по которому американцы, как и японцы, высаживали на Дальнем Востоке по 10 тыс. солдат. Однако фактически Япония довела численность своих войск на советской земле до 100 тыс. человек. Советский Дальний Восток и Сибирь были заняты оккупантами. «Очень пестрый по составу кордон союзных войск, — писал Ллойд Джордж, — сторожил всю Сибирь по линии Сибирской железной дороги вплоть до Урала. Он включал русских белогвардейцев, чехов, британские морские и военные части, японцев, американцев и маленькие группы французов и итальянцев» [2].

Дипломаты в роли организаторов антисоветских мятежей

В Советской России создалось положение, какого еще не знала дипломатическая история: в стране находились официальные представители держав, пользующиеся полной неприкосновенностью, а страны, ими представляемые, открыто высаживали вооруженные отряды для борьбы с пра-

---

[1] «Foreign Relations... 1918, Russia», vol. II, p. 607.

[2] *Д. Ллойд Джордж.* Военные мемуары, т. VI, стр. 97.

вительством, с которым не порывали связи. И такое положение длилось не день или неделю, а целые месяцы. Правительства стран Антанты не только не объявили о военных действиях против Советской России, но и всячески отрицали, что ведут против нее войну. Английский, французский, итальянский, японский, американский послы оставались в Вологде. Советское правительство не раз предлагало им вернуться в Москву, но послы отказывались сделать это.

Иностранные посольства становились центрами антисоветской деятельности. Послы бывших союзников России распространяли ложные документы в целях дискредитации Советской власти. Американский посол Фрэнсис направил в феврале 1918 г. Лансингу 13 документов, в которых якобы доказывалась связь Советского правительства с германским генштабом [1]. Документы эти были представлены майором Сиссоном, присланным в Россию в качестве представителя «Комитета публичной информации», созданного для пропаганды целей войны. По признанию шпиона Д. Хилла, работавшего по заданию английского представителя Локкарта, документы были куплены Англией и при проверке оказались фальшивыми. Эти фальшивки сбыли с рук майору Сиссону. Документы были опубликованы с ведома и разрешения президента США [2].

При содействии западных дипломатов в России возник ряд контрреволюционных организаций.

Показания свидетелей на судебном процессе эсеров в 1922 г. установили, что иностранные дипломаты в годы гражданской войны оказывали денежную помощь русским белогвардейским организациям. Впоследствии организатор белогвардейского мятежа в Ярославле и других антисоветских провокаций эсер Савинков признал, что получил для своего «Союза защиты родины» свыше 2,5 млн. руб. от французского посла Нуланса.

Так дипломаты превращались в заговорщиков. При их прямом участии были организованы антисоветские выступления в 23 городах по верхней Волге — в Муроме, Ярославле, Костроме, Рыбинске, вплоть до Вологды, — здесь намечался центр мятежа.

Заговорщики надеялись установить связь с Архангельском, где предстояла высадка десанта интервентов. Кроме того, они полагали, что восстание на верхней Волге облегчит захват Среднего Поволжья. 6 июля белогвардейцы захватили Яро-

---

[1] «Foreign Relations... 1918, Russia», vol. I, p. 371—378.

[2] *E. Sisson.* One hundred red days. New-Haven vale University press, 1931, p. 3.

славль. В Рыбинске мятеж начался 5 июля; он был подавлен в течение суток. В других городах антисоветские вылазки также провалились.

В тот же день вспыхнуло восстание в Москве, подготовленное «левыми» эсерами в блоке с правыми эсерами и меньшевиками. Уже одно совпадение дат показывало, что восстания в Москве и Ярославле готовили одни и те же руки. 6 июля «левые» эсеры убили германского посла Мирбаха, явно рассчитывая спровоцировать войну. Через несколько дней, 10 июля, поднял мятеж против Советской власти командующий Восточным фронтом «левый» эсер Муравьев. Он разослал телеграмму о заключении мира с мятежниками из чехословацкого корпуса и совместной борьбе против Германии. Восстание «левых» эсеров было подавлено в несколько часов; не нашла никакой поддержки и авантюра Муравьева. Он был арестован и расстрелян.

Для поддержки мятежников военное командование Англии двинуло свои части в Туркестан и Баку. По распоряжению генерала Маллесона в начале августа в Закаспии появились английские отряды; отряд генерала Денстервиля добрался до Энзели, на южном берегу Каспийского моря, и оттуда стал пробиваться в Баку. Английские агенты, опираясь на меньшевиков и местных националистов в Бакинском Совете, добивались его постановления о приглашении англичан в Баку якобы для борьбы с турками.

В августе генерал Денстервиль вместе с отрядами белогвардейцев вступил в Баку, падение которого было подготовлено изменнической деятельностью эсеров и местных националистов. Таким образом, интервенты укрепились на севере, востоке и юго-востоке России. Наша страна оказалась во вражеском кольце, была отрезана от источников продовольствия и топлива.

«Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой» [1], — говорил В. И. Ленин.

Заговор Локкарта

Агенты Антанты не только финансировали русских белогвардейцев, но и подготовляли убийства советских руководителей. 30 августа 1918 г. было совершено покушение на В. И. Ленина.

Злодейское нападение на любимого вождя трудящихся вызвало взрыв гнева и возмущения во всей стране. Народ требовал сурово наказать виновников этого чудовищного злодеяния.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 37, стр. 7—8.

В руках Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией имелись сведения о связи контрреволюционных организаций на территории Советской республики с представителями английского консульства в Петрограде. В ночь на 1 сентября сотрудники ВЧК явились в здание английского посольства, где, по полученным сведениям, предполагалось совещание контрреволюционеров и английских чиновников. Когда сотрудники ВЧК в сопровождении чинов миссии поднялись на второй этаж и вошли в комнату, оттуда раздались выстрелы. Один сотрудник ВЧК был убит, другой ранен. Чекисты вынуждены были открыть огонь; ими был убит один из стрелявших первым. Убитый оказался британским морским атташе Кроми.

В числе арестованных был английский подданный, который не пожелал при аресте назвать свою фамилию. Доставленный в ВЧК, «неизвестный» англичанин заявил, что он английский дипломатический представитель Локкарт. Сотрудники ВЧК ответили, что Локкарт будет немедленно освобожден; однако они спросили его, не пожелает ли он дать объяснения по поводу своих связей с контрреволюцией. Локкарт категорически отрицал какие-либо свои сношения с контрреволюционерами. Когда же ему были показаны документы и приведены доказательства, что он принимал на своей квартире заговорщиков, Локкарт сослался на свое дипломатическое положение, якобы избавляющее его от каких-либо допросов. Английскому дипломатическому представителю сообщили, что его не допрашивают как арестованного, ему лишь дают возможность доказать, что «некий Локкарт организатор антисоветского заговора» и Локкарт английский дипломатический представитель — разные лица.

Захваченные документы показали, что в заговоре участвовали также французский и американский дипломатические представители. Вместе с французским генеральным консулом в Москве Гренером Локкарт безуспешно пытался подкупить красноармейцев, охранявших Кремль, чтобы арестовать членов Совнаркома и свергнуть Советскую власть.

Арест Локкарта вызвал переполох в стане западных дипломатов. Они наперебой стали протестовать против «красного террора». 6 сентября от английского министра иностранных дел получена была телеграмма с требованием «немедленного удовлетворения и строгого наказания всякого ответственного или принимавшего участие» в аресте Локкарта лица. Британский министр не остановился и перед прямыми угрозами по адресу Советского правительства [1].

В подобном же вызывающем духе была составлена радиограмма французского МИД.

[1] См. «Известия», 7 сентября 1918 г.

На эти угрозы Наркоминдел ответил заявлением, в котором сообщил о заговорщической деятельности Локкарта и его агентов и о том, что здание английского консульства в Петрограде превратилось в конспиративную квартиру заговорщиков.

«Когда английские и французские войска продвигаются по территории РСФСР для поддержки открытых мятежей против Советской власти и дипломатические представители этих держав внутри России создают организацию для государственного переворота и захвата власти, — Правительство РСФСР принуждено во что бы то ни стало принять необходимые меры самообороны» [1].

Наркоминдел сообщал, что все арестованные будут немедленно освобождены, как только русские граждане в Англии и Франции и в районах, оккупированных интервентами, перестанут подвергаться репрессиям. Дипломатические представители той и другой страны, и в том числе глава заговорщиков Локкарт, получат возможность вернуться на родину.

Дипломатическая изоляция Советской России в 1918 г.

Непризнание Советской республики капиталистическими государствами, их открыто враждебная Советской власти политика фактически ликвидировали так называемую «посольскую неприкосновенность». Буржуазные правительства задерживали и подвергали аресту советских дипломатических представителей за границей. Вследствие этого и Советское правительство вынуждено было временно задерживать отъезд союзных дипломатических и консульских представителей. На представителей нейтральных стран эти ограничения не распространялись. Однако, следуя примеру Антанты, и эти страны одна за другой порывали дипломатические отношения с Советской Россией. В ноябре 1918 г. это сделали Швейцария и Испания, в декабре — Швеция, а за ней — Норвегия и Дания.

Западноевропейские страны, за исключением Германии, не признавали советских уполномоченных; они ставили их в изолированное положение, продолжая сноситься с прежними послами старой России. К концу 1918 г. из числа советских дипломатических представителей за рубежом продолжал выполнять свои функции только посол в Берлине.

Германия не участвовала и не могла участвовать в интервенции англо-франко-японо-американцев, так как находилась в состоянии войны с этим блоком. Но и она самым активным образом поддерживала все антисоветские силы. Германские послы, стремясь накалить обстановку, обращались к Советскому правительству с резкими нотами и протестами по разным

[1] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 469.

поводам. Хотя в то время Германия находилась в состоянии войны с Антантой, ее представители не раз присоединялись к выступлениям дипломатии Антанты против Советского правительства. Так, в начале сентября 1918 г. германский генеральный консул Брейтер заявил протест совместно с представителями Антанты против ареста заговорщика Локкарта.

Потерпев поражение на фронте и желая выслужиться перед победителями, берлинское правительство инсценировало соответствующий «инцидент»: на берлинском вокзале «случайно» упал и разбился ящик с дипломатической советской почтой; из ящика «выпали» заблаговременно подготовленные организаторами провокаций листовки, обращенные к германскому пролетариату. Воспользовавшись этим поводом, берлинское правительство 5 ноября выслало советское посольство. Докладывая об этом инциденте VI Всероссийскому Чрезвычайному съезду, В. И. Ленин говорил, что Германия «действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам» [1].

Высылка работников советского посольства из Берлина была последним актом отчаяния кайзеровского правительства: через несколько дней вспыхнула революция в Германии и Австро-Венгрии. Пали короны императоров и королей.

К концу 1918 г. Антанта добилась решающего военного успеха. Разгромленная Германия лежала у ног победителей. Австрия, Венгрия, Болгария, Турция ждали своей участи. Войска интервентов вместе с русскими белогвардейцами с боями продвигались к центру Советской России. Блок Антанты, казалось, мог беспрепятственно приступить к перекройке карты мира и закрепить дипломатическими соглашениями то, что добыто было силой оружия.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 37, стр. 164.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР (1919)

1. Подготовка аннексионистского мира

Обстановка перед заключением мира

Перемирие между Антантой и германским блоком было заключено на 36 дней. Пять раз в течение этого времени Германия просила о заключении хотя бы прелиминарного мира. Антанта не соглашалась. «Ждем Вильсона», — гласил ее неофициальный ответ. Дело, однако, было не только в Вильсоне, — американский президент не торопился и прибыл в Париж только 13 декабря 1918 г. Победители не успели еще договориться об условиях мира.

Союз между странами-победительницами был заключен по принципу: «вместе бить, врозь идти». После войны пути союзников расходились все дальше и дальше. Этим и намеревалась воспользоваться Германия.

Условия мира, который навязывали Германии, были крайне тяжелыми. Но это вовсе не означало, что империалистическая Германия была чуть ли не кроткой овечкой, безропотно подставлявшей шею под нож. На деле это был раненый хищник, с рычанием зализывавший раны и зорко следивший за своими врагами.

В декабре 1918 г. германскому верховному командованию удалось отвести армию за Рейн. Почти вся она избежала плена. Правда, армия была уже не прежней: она была деморализована, измотана, быстро поддавалась влиянию революции. Тем не менее сохранялась возможность пугать победителей тем, что армия сохранена и в случае нужды продолжит сопротивление. Часть войск стягивалась к Берлину, где поднимались волны революции. С ведома, а чаще и по прямому указанию верховного командования Германия покрывалась сетью различных добровольческих военизированных формирований, из которых вышли впоследствии кадры фашистской партии. Тут были «отряды добровольцев» Росбаха, Лютцова, Эппа, бригада Эрхардта, «Балтийская оборона» и т. д. Все эти организации готовились для подавления революции в Германии. Подготовляя разгром демократических сил в стране, германские империалисты в то же время спекулировали перед победителями тем, что революция может перебросится и в страны Антанты. И дело было не только в угрозах: милитаристская Германия

являлась серьезной антисоветской силой и могла быть таковой в дальнейшем. Пользуясь этим и зная о разногласиях в среде Антанты, германские империалисты пытались саботировать выполнение некоторых условий Компьенского перемирия. Они задерживали отправку французских пленных, тормозили сдачу подводных лодок и крейсеров. Более того, Германия продолжала закладывать новые подводные лодки.

Поскольку союзники никак не могли закончить предварительных переговоров, перемирие дважды продлевалось. А тем временем в Германии ширилась революция. Эрцбергеру в Берлине пришлось ехать на вокзал окольным путем, так как в районе станции шли уличные бои. 14 января 1919 г. в Касселе правительственная делегация встретилась с германским верховным командованием. Немецкие генералы готовы были впустить войска Антанты в Берлин, если там победит пролетарская революция. «Если они, вопреки всему, — писал Гофман о германских революционных силах, — захватят власть, Берлин займет Антанта. Эти перспективы не очень отрадны, но все же — некоторая страховка» [1].

Отдать Берлин национальным врагам, только не революционному народу, — такова была позиция господствующих кругов Германии.

Во время переговоров о продлении перемирия Фош потребовал в качестве штрафа за недоставленные локомотивы и вагоны присылки 58 тыс. сельскохозяйственных машин. Был выдвинут и ряд других пунктов. На ответ немцам давалось 24 часа.

Эрцбергер просил увеличить срок; он возражал против всех пунктов. Маршал оставался неумолим. Тогда Эрцбергер снова прибег к испытанному средству: стал пугать союзников угрозой революции и предлагать свои услуги для борьбы с большевизмом. Из Германии тем временем поступили сведения, что армия вошла в Берлин и начала зверскую расправу с революционными рабочими. Как только Эрцбергер получил сообщение об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, он поспешил к Фошу. «Я отправился в 11 часов к маршалу Фошу на вокзал, — писал Эрцбергер, — где сообщил противникам только что полученное известие об убийстве Либкнехта и Розы Люксембург. Это сообщение произвело на всех присутствующих глубокое впечатление. Я тотчас заявил, что выдача сельскохозяйственного материала до 1 марта 1919 г. невыполнима; она разрушила бы немецкое сельское хозяйство и сделала бы невозможной будущую жатву» [2].

---

[1] *М. Гофман.* Записки и дневники, стр. 262.
[2] *М. Эрцбергер.* Германия и Антанта. М. — Пг., 1923, стр. 325.

Фош, настаивавший первоначально на том, чтобы 50% машин было доставлено немедленно, сбавил две трети этого количества и согласился назначить конечным сроком выдачи 1 мая, и то лишь «в принципе». Так германская дипломатия обменяла кровь Либкнехта на машины.

16 января перемирие было продлено опять на один месяц.

Программа держав на мирной конференции

Условия перемирия в известной мере предопределяли и условия мира. Эти условия в основном были подготовлены давно. Они подвергались только постоянным коррективам в связи с изменениями в соотношении сил.

Французские империалисты мечтали о расчленении Германии, стремясь ослабить опасного конкурента.

Об этом убедительно свидетельствует тайное соглашение, заключенное Францией с царской Россией в феврале 1917 г. Россия соглашалась на французский план установления границ с Германией при условии, если Франция удовлетворит стремление царя получить Константинополь и проливы и признает за Россией полную свободу в установлении ее западных границ. По этому тайному соглашению Франция получала Эльзас-Лотарингию и весь углепромышленный бассейн долины реки Саар. Граница Германии проходила по Рейну. Территории, расположенные по левому берегу Рейна, отделялись от Германии и составляли автономные и нейтральные государства. Франция занимала эти государства своими войсками до тех пор, пока Германия окончательно не удовлетворит всех условий и гарантий, которые включены будут в мирный договор.

В свое время опубликование Советским правительством этого секретного соглашения вызвало переполох во всем мире. Английский министр иностранных дел Бальфур 19 декабря 1917 г. раздраженно заявил в палате общин: «Мы никогда не давали своего согласия на это дело... Никогда мы не желали этого, никогда не покровительствовали этой идее» [1].

Французская пресса с хорошо оплаченным возмущением писала, что все это «выдумки». Но граница по Рейну всегда в том или ином виде оставалась требованием французских империалистов. На ней настаивали прежде всего французские генералы. Всю Англию обошло интервью маршала Фоша, данное им корреспонденту «Таймс» 19 апреля 1919 г. Ударяя карандашом по карте французско-германской границы, Фош говорил: «Здесь нет никаких естественных преград вдоль всей границы. Неужели здесь мы должны будем удерживать немцев, если

[1] Цит. по кн.: *С. Бекер.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М. — Пг., 1923, стр. 91.

они снова нападут на нас? Нет! Здесь! Здесь! Здесь!»[1] И маршал несколько раз прочертил карандашом по Рейну. Кроме того, французские стратеги стремились сколотить к востоку от Германии блок стран, которые заменили бы прежнего союзника — царскую Россию. Польша и Чехословакия, Румыния и Югославия должны были составить цепь союзников Франции и вместе с тем барьер между Германией и Советской Россией.

Французские империалисты рассчитывали на то, что страны Центральной и Юго-Восточной Европы будут активными участниками интервенции против Советской России и Советской Венгрии. Огромной контрибуцией французские империалисты надеялись подорвать экономическую мощь Германии. Свои колонии Франция надеялась расширить за счет Германии в Африке и за счет Турции в Малой Азии.

Выполнение этого плана, т. е. господство над Центральной и известной частью Восточной Европы, проникновение на Балканы, укрепление позиций в Африке и на Ближнем Востоке, сделало бы Францию гегемоном Европы. Это предстояло закрепить на мирной конференции. «...Этот мирный договор, как и все другие, является и не может не быть лишь продолжением войны»[2], — писал Клемансо в предисловии к книге Тардье, своего ближайшего советника и члена французской делегации на Парижской конференции.

Выполнение программы Франции выпало на долю человека, который как-то сказал, что «20 миллионов немцев являются излишними». Это был Клемансо. За долгие годы политической борьбы он приобрел огромный опыт. «Сокрушитель министерств», «тигр» — таковы были клички Клемансо, которому удалось ловкими маневрами опрокинуть несколько министерских кабинетов.

Позиция французской дипломатии на конференции была довольно сильной: за ее спиной стояла огромная континентальная армия; маршал Фош диктовал Германии условия перемирия и многого уже добился.

Но даже такому опытному и непреклонному политику, как Клемансо, было трудно проводить на конференции свою программу. Переговоры об империалистическом мире превращались не столько в «продолжение войны» с Германией, сколько в борьбу недавних союзников.

Английскую делегацию в Версале возглавлял Ллойд Джордж. Морское превосходство Англии определяло ее позицию на конференции. Германия как морская держава перестала существовать. Правда, флот ее не был разбит в бою, но зна-

---

[1] См. *Д. Ллойд Джордж.* Европейский хаос. М. — Л., 1924, стр. 35.
[2] *André Tardieu.* La paix. Paris, 1921, p. XIX.

чительная его часть стояла в английской гавани Скапа-Флоу. Колонии Германии в большей части перешли к Англии. В ее же руках находились Месопотамия, Аравия и Палестина, отнятые английской армией у Турции. Превосходство Англии подкреплялось союзом с Японией. Опираясь на Японию, Англия рассчитывала противостоять США. С другой стороны, для борьбы с возросшими претензиями Франции ей можно было опираться на те же США, которые, исходя из своих интересов, не хотели гегемонии Франции в Европе. Проникновение Франции на Балканы Англия рассчитывала нейтрализовать, поддержав против Франции Италию и, с другой стороны, организовав балканские страны против Франции.

Английская буржуазия была противницей передачи ряда германских территорий Франции и ее союзникам. Возражая против расчленения Германии, Ллойд Джордж надеялся использовать ее против Советской страны. А это требовало сохранения Германии как военной державы. Увлеченные антисоветскими комбинациями, английские политики не думали о том, что это давало возможность Германии, собравшись с силами, вновь выступить против той же Англии.

Положение Америки в кругу мировых держав резко изменилось в конце войны. Из страны-должника США превратились в страну-кредитора, которой Европа задолжала свыше 10 млрд. долл. К концу войны США сосредоточивали у себя около 40% мировых запасов золота. В 1919 г. общая сумма долгосрочных американских капиталовложений за границей, частных и государственных, достигала 13 млрд. долл.[1]

В течение длительного периода США не участвовали в военных действиях на континенте, взяв на себя роль поставщика продовольствия, боеприпасов и займов воюющим государствам, главным образом странам Антанты. Поставки в Европу неслыханно обогатили американские монополии. Стремление к еще большей наживе привело американских монополистов к непосредственному участию в войне за передел мира. В итоге роль США в капиталистическом мире значительно возросла. Быстрое укрепление экономической мощи США в результате высокой военной конъюнктуры явилось основой для усиления их экспансионистской внешней политики.

В целях активной защиты интересов американского империализма президент США впервые в истории покинул пределы страны, отбыв в Старый Свет, в Европу.

Тогдашних руководителей Америки пугало морское могущество Англии. «Уничтожение германского военного флота, —

---

[1] «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.». М., Госполитиздат, 1957, стр. 131.

признавал Бекер, написавший книгу о Вильсоне, — давало британцам беспримерный в истории перевес над всеми державами... Морское могущество Англии увеличилось еще в большей степени благодаря союзу между Британией и Японией, третьей великой державой мира» [1].

В целях ослабления Англии и Японии США добивались расторжения англо-японского союза. Весьма важное значение Вильсон придавал тому, чтобы не допустить полного разгрома Германии. В этом вопросе США и Англия были вполне солидарны.

В вопросе же о планах уничтожения Советской России и подавления революционного движения всюду, где оно развивалось, американские империалисты полностью сходились во взглядах с английскими и французскими.

В позиции США были сильные стороны. Формально мирный договор строился на основе «14 пунктов» Вильсона, — по крайней мере обе враждующие коалиции официально об этом заявили. Американскому президенту усиленно создавали славу «миротворца».

Вильсон в общем умело и успешно использовал сильные позиции США, несмотря на то что встретил в лице Клемансо и Ллойд Джорджа весьма опытных дипломатических соперников. К числу успехов США следует отнести, в первую очередь, заключение перемирия на основе «14 пунктов», включение Устава Лиги наций в мирный договор, отказ Италии в ее притязаниях. Но у американской дипломатии были и уязвимые места. Прежде всего Вильсон не имел большинства в конгрессе: на последних президентских выборах в ноябре 1918 г. демократическая партия, лидером которой он был, потерпела поражение, поэтому ему приходилось все время оглядываться на оппозицию.

Особое место в политике США занимала борьба против Советской России. Уже «14 пунктов» Вильсона достаточно наглядно свидетельствовали об этом.

Судя по географической карте, заготовленной государственным департаментом США для американской делегации на Парижской мирной конференции, правительство США намеревалось отторгнуть от России всю Прибалтику, Белоруссию, Украину, Кавказ, Сибирь и Среднюю Азию, оставив нетронутой лишь... среднерусскую возвышенность. Вильсон предлагал также признать белогвардейские правительства и предоставить им помощь. Группа белогвардейских деятелей во главе с бывшим премьером Временного правительства князем Львовым создала в Париже свое «политическое совещание». В его состав

---

[1] *С. Бекер.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 396.

входил и «посол» Бахметьев, были представлены все без исключения марионеточные власти. В ходе работы мирной конференции, при обсуждении «русского вопроса», ее организаторы считали возможным приглашать и заслушивать участников этого самозванного совещания как представителей России.

Хотя Италия на мирной конференции и числилась в группе великих держав, но после поражения у Капоретто с нею мало считались.

Противоречия между странами не могли не прорваться наружу в ходе мирной конференции. Это было ясно для всех. Не случайно Бальфур опасался: «По-видимому, мирная конференция превратится в несколько беспокойное и бурное предприятие» [1].

2. Парижская конференция (18 января — 28 июня 1919 г.)

Организация конференции

Всего на конференцию съехалось более тысячи делегатов. Их сопровождало огромное количество сотрудников: ученые эксперты — историки, юристы, статистики, экономисты, геологи, географы и т. п., — переводчики, секретари, стенографистки, машинистки и даже солдаты. Вильсон привез с собой охрану из Америки, так же как и Ллойд Джордж из Лондона. Число сотрудников, обслуживавших делегацию, у американцев достигало 1300. Содержание американской миссии обошлось в 1,5 млн. долл. Одних журналистов, официально зарегистрированных на конференции, было более 150, не считая множества репортеров и интервьюеров, круживших вокруг отелей, где разместились делегации.

Все представленные на конференции страны были поделены на четыре категории. В первую входили воюющие державы, «имеющие интересы общего характера», — США, Британская империя, Франция, Италия и Япония. Эти страны будут участвовать во всех заседаниях и комиссиях. Вторая категория — воюющие державы, «имеющие интересы частного характера», — Бельгия, Бразилия, британские доминионы и Индия, Греция, Гватемала, Гаити, Геджас, Гондурас, Китай, Куба, Либерия, Никарагуа, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Таиланд, Чехословацкая республика. Они будут участвовать в тех заседаниях, на которых обсуждаются вопросы, их касающиеся. В третью категорию входят державы, находящиеся в состоянии разрыва дипломатических отношений с

[1] Цит. по кн.: *С. Бекер.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 122.

германским блоком, — Эквадор, Перу, Боливия и Уругвай. Их делегации участвуют в заседаниях, если будут обсуждаться вопросы, их касающиеся. Наконец, четвертую категорию составляют нейтральные державы и государства, находящиеся в процессе образования. Они могут выступать или устно, или письменно в тех случаях, когда будут приглашаться одной из пяти главных держав, и только на заседания, посвященные специально рассмотрению вопросов, прямо их касающихся. Ни Германия, ни ее союзники в регламенте не упоминались.

Представительство между странами было распределено следующим образом: США, Британская империя, Франция, Италия и Япония послали на мирную конференцию по 5 полномочных делегатов; Бельгия, Бразилия и Сербия — по 3; Китай, Греция, Геджас, Польша, Португалия, Румыния, Таиланд и Чехословацкая республика — по 2; британские доминионы (Австралию, Канаду, Южную Африку) и Индию представляли по 2 делегата, Новую Зеландию — один. Все остальные страны получили право послать по одному делегату. Особо было оговорено, что «условия представительства России будут установлены конференцией, когда будут рассмотрены дела, касающиеся России».

Предварительная регламентация конференции была отработана до мелочей, был предусмотрен порядок ведения протоколов, хранения документов и т. п. Но вскоре все это оказалось в известной части нарушенным. Вряд ли можно назвать в истории дипломатии еще одну такую беспорядочную конференцию, как Парижская: некоторые ее совещания остались почти без протоколов и даже без секретарских записей. Когда занятому по горло в бесконечных совещаниях Клемансо сказали об этом, он пробормотал: «К черту протоколы...»

В сущности, деление стран на категории и распределение мандатов между странами уже предопределяли характер работы конференции. Первоначально все было сконцентрировано в Совете десяти, состоявшем из премьер-министров и министров иностранных дел пяти великих держав. То были: от США — президент Вильсон и статс-секретарь Лансинг, от Франции — премьер-министр Клемансо и министр иностранных дел Пишон, от Англии — премьер-министр Ллойд Джордж и министр иностранных дел Бальфур, от Италии — премьер-министр Орландо и министр иностранных дел барон Соннино, от Японии — барон Макино и виконт Шинда. Остальные полномочные делегаты конференции присутствовали лишь на ее пленарных заседаниях, которых почти за полгода ее работы было всего семь.

Уже перед самым началом конференции слова неожиданно потребовал маршал Фош. Он открыто предложил организовать

поход против Советской России. В руках маршала было сообщение главы польского государства Падеревского о «занятии большевиками Вильно». Маршал настаивал на переброске войск в район Данциг — Торн (этим объясняется, почему ранее Фош, обсуждая продление перемирия с Германией, требовал пропуска войск через Данциг). Ядром войск, предназначенных для экспедиции, должны были являться армии США. «Они обнаруживают еще величайшую бодрость», — объяснял свое предложение Фош. Предложение маршала преследовало троякую цель: оно оказывало помощь французскому союзнику — Польше, с другой стороны, связывало США с интересами Франции и, наконец, уводило американские войска из Франции.

Вильсон не прочь был реализовать свой план борьбы против Советской России, но в таком виде предложение маршала его не устраивало, кроме того, он не мог не учитывать господствовавшие в широких массах антивоенные настроения. Президент высказался против идеи маршала. Ллойд Джордж также отказался обсуждать это предложение. При таких условиях Клемансо ничего не оставалось, как отступить.

Открытие конференции

Конференция, которой предстояло предъявить мирный договор Германии, открылась 18 января в Париже, в зале министерства иностранных дел Франции, на набережной Кэ д'Орсэ.

Открывая конференцию, президент Франции Пуанкаре в большой речи потребовал санкций против виновников войны и гарантий против новой агрессии. Он сразу же выдвинул программу расчленения Германии. Но другие делегаты больших стран не поддержали французской позиции. Вильсон настойчиво рекомендовал рассмотреть сначала вопрос о Лиге наций. Другие участники Совета десяти колебались. Они боялись, что принятие Устава Лиги наций может затруднить последующее решение территориальных и финансовых проблем, осуществление грабительских планов победителей. Так до пленума и не решили вопроса о Лиге наций.

Пленум мирной конференции избрал Клемансо председателем, а Лансинга, Ллойд Джорджа, Орландо и Сайондзи — вице-председателями конференции.

Четыре дня после пленума шли длительные дискуссии в Совете десяти. Вильсон настаивал на том, что Устав Лиги наций и мирный договор должны составлять единое и неразрывное целое, обязательное для всех. В английском предложении в замаскированной форме, а во французском более явно Лига наций так или иначе отделялась от мирного договора. Наконец, решили передать вопрос о Лиге наций особой комиссии. Передачей вопроса о Лиге наций в комиссию дипломаты Франции

и Англии надеялись надолго снять его с повестки дня. Мало того, комиссию постарались сделать как можно более громоздкой, чтобы затянуть ее работу. Французы и англичане предложили включить в состав комиссии представителей малых наций. Клемансо уверял, что великие державы докажут свою готовность сотрудничать с малыми нациями, если откроют им двери комиссии. Так настойчиво включали в комиссию представителей малых стран, которых столь пренебрежительно не допускали к действительной работе мирной конференции.

Вильсон видел, что работу этой комиссии хотят всячески затруднить, и со своей стороны сделал дипломатический ход. Президент заявил, что берет на себя председательствование в комиссии. Она была названа по месту пребывания «комиссией отеля Крийон».

25 января на пленарном заседании конференции Вильсон изложил свой тезис: Лига наций должна быть интегральной частью всего мирного договора. Мирная конференция передала предложение Вильсона в «комиссию отеля Крийон».

Отделавшись на время от вопроса о Лиге наций, участники конференции решили перейти к другим проблемам. «Восточный и колониальный вопросы менее сложны», — уверял Ллойд Джордж, предлагая обсудить судьбу колоний, отнятых у Германии, а одновременно с ними и турецких владений. Все соглашались с тем, что колонии не должны быть возвращены Германии. Но что с ними делать? Этот вопрос вызвал разногласия. Каждая из крупных стран немедленно предъявила свои давно обдуманные претензии. Франция требовала раздела Того и Камеруна. Япония надеялась закрепить за собой захваченные ранее Германией Шаньдунский полуостров и острова в Тихом океане. Италия также заговорила о своих колониальных интересах. Французы намекнули, что договоры, заключенные во время войны, уже разрешили ряд вопросов. Все поняли, что между странами существуют тайные сделки.

При таком обороте дела Лига наций отодвигалась на второй план. Между тем Вильсона это не устраивало.

Народные массы устали от войны. Мира требовали во всех странах, во всех слоях населения. Среди масс были широко распространены пацифистские иллюзии. В Лиге наций многие были склонны видеть единственную гарантию мира. Это и собирался использовать Вильсон в своих целях.

В те месяцы президент США был популярен среди мелкобуржуазных слоев населения. Буржуазная пресса изображала Вильсона борцом за мир, сделав его «идолом мещан и пацифистов» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 41, стр. 224.

Уступить в вопросе о Лиге наций означало для Вильсона потерять свой престиж. Но, разумеется, главное было не в этом. Лига наций, считал он, могла бы стать рычагом господства Соединенных Штатов в Европе, да и во всем мире. Поэтому Вильсон вновь заставил конференцию обратиться к вопросу о Лиге наций. «Мир скажет, что великие державы сперва поделили беззащитные части света, а потом создали союз народов» [1], — лицемерно сокрушался Вильсон.

Президент настаивал на том, чтобы вопрос о германских колониях и занятой союзниками турецкой территории был разрешен в рамках Лиги наций. Он предложил поручить опеку над этими территориями «передовым нациям», желающим и способным по своему опыту и географическому положению взять на себя такую ответственность; осуществлять эту опеку Вильсон предлагал на основе мандатов Лиги наций. Все участники Совета десяти выступили против принципа мандатов. Ллойд Джордж выдвинул требование английских доминионов — считать территории, занятые ими во время войны, завоеванными и входящими в состав соответствующих доминионов. Вильсон возражал.

Тогда англичане и французы потребовали: в случае принятия принципа мандатов немедленно распределить их между странами. США не уступили и в этом вопросе.

Начались переговоры между отдельными участниками Совета десяти. Заседания проходили в напряженной атмосфере. Между Вильсоном и другими членами совета возникали непрерывные пререкания. «Казалось, — записал Хауз в своем дневнике 30 января 1919 г., — что все пошло прахом... Президент был зол, Ллойд Джордж был зол, и Клемансо тоже был зол. Впервые президент утратил самообладание при переговорах с ними...» [2]

Пошли слухи, что Вильсон покидает конференцию.

Конференция только началась и уже дала трещину. Угроза отъезда Вильсона встревожила всех. Совещание, казалось, зашло в тупик, но тут Ллойд Джордж нашелся: он доказывал, что Лига наций признана интегральной частью мирного договора; выработка отдельных положений Устава не изменит этого факта; значит, можно, не ожидая окончательной выработки Устава, немедленно приступить к распределению мандатов. Но Вильсон вновь возражал: раз колонии будут поделены, то Лига наций останется формальным инструментом; надо предварительно утвердить Устав Лиги наций.

---

[1] Цит. по кн.: *С. Бекер.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 288.

[2] «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 233.

— Никто не может знать, когда закончится эта сложная процедура выработки Устава Лиги наций, — возражал Ллойд Джордж.

Вильсон ответил, что на окончание работы комиссии потребуется всего десять дней. Англичанам пришлось уступить.

Новое продление перемирия

17 февраля заканчивался срок перемирия с Германией. Ведение переговоров находилось в руках маршала Фоша. Можно было внести в условия перемирия многое из того, что хотелось бы видеть в мирном договоре, — так, кстати, до сих пор и действовала Франция. Но когда французский премьер-министр в Совете десяти заявил о продлении перемирия и повел речь о том, что условия его следует еще раз пересмотреть, Вильсон высказался против. Клемансо с жаром настаивал на своем.

Маршал Фош выехал в Трир. 14 февраля там в третий раз начались переговоры о продлении перемирия. Фош потребовал у немцев выполнения старых условий и выдвинул дополнительные требования. Маршал настаивал на очищении от германских войск Познани, значительной части Средней Силезии и всей Верхней Силезии.

В Берлине новые требования Фоша вызвали тревогу. Там хотели сначала категорически отказаться от очищения Познани и Верхней Силезии. Министр иностранных дел Брокдорф-Ранцау даже пригрозил уходом в отставку. Но в Берлине находились неофициальные представители США. С ними встретились доверенные лица германского правительства. Немцам, видимо, сообщили, что вопрос о Верхней Силезии еще не решен на мирной конференции и вряд ли будет решен в польском духе. Германское правительство решило принять требование Фоша, надеясь, что его не придется выполнять.

Перемирие было заключено на короткий неопределенный срок с условием предупреждения за три дня в случае разрыва. Что касается вопроса о Польше, то немцы должны были отказаться от всяких наступательных операций против поляков в Познани и во всех других районах. Решено было назначить подкомиссию для установления польской демаркационной линии и для выполнения требования об очищении указанных областей. На деле немцы так и не очистили ни одной части Силезии. Сам Вильсон позже следующим образом характеризовал в сенате тактику Германии: «Принимать принципиально и отклонять фактически». Кстати, и сама подкомиссия была впоследствии отозвана без всяких протестов со стороны Антанты, занятой Парижской конференцией.

Принятие статута Лиги наций

В «комиссии отеля Крийон» тем временем шла лихорадочная работа. Вильсон спешил к сроку (13 февраля) закончить Устав Лиги наций. Это было нелегко: каждый пункт вызывал разногласия. Длительную дискуссию вызвал вопрос, чей проект Устава положить в основу обсуждения. В конце концов был принят за основу объединенный англо-американский проект, согласованный на ряде частных совещаний.

С большим трудом добился Вильсон принятия принципа мандатов. Лансинг позже объяснил, какой довод сыграл при этом решающую роль. Доказывалось, что если бы германские колонии были аннексированы, то немцы потребовали бы включения их стоимости в счет погашения контрибуции; мандатный же принцип позволял отобрать у Германии колонии без всякой компенсации.

Французский делегат Леон Буржуа потребовал создания международной армии, которая действовала бы под оперативным контролем Лиги наций. Без этого, утверждал он, Лига потеряет всякое практическое значение и Устав ее может превратиться в теоретический трактат.

Французское предложение отнюдь не имело в виду сделать Лигу наций инструментом коллективной борьбы с агрессией. Его цель сводилась к тому, чтобы закрепить военное преобладание Франции над Германией и таким образом установить французскую гегемонию в Европе. Встретившись с объединенным сопротивлением всех партнеров, французы предложили создать хотя бы международный штаб при Лиге наций. Однако и этот проект не нашел благоприятного отклика.

Английский проект Устава Лиги имел в виду создать блок крупных империалистических держав, обязавшихся друг перед другом сохранять status quo в отношении колоний и сфер влияния. Так Лига наций должна была помочь британскому империализму сохранить колониальную империю от посягательств более молодых хищников. Американский проект, напротив, предусматривал возможность пересмотра государственных образований и их границ (в случае согласия трех четвертей членов Лиги), с тем чтобы нарушить status quo в пользу США и утвердиться на части тех территорий, которые контролировались Англией или Францией.

14 февраля 1919 г. Вильсон в торжественной обстановке доложил мирной конференции проект Устава Лиги наций. «Пелена недоверия и интриг спала, — напыщенно закончил свою речь президент, — люди смотрят друг другу в лицо и говорят: мы — братья, и у нас общая цель. Мы раньше

не сознавали этого, но сейчас мы отдали себе в этом отчет. И вот — наш договор братства и дружбы» [1].

Один за другим выступали представители разных стран. Все поздравляли человечество с созданием «инструмента мира». Правда, французский делегат Леон Буржуа, проект которого был отвергнут, говорил, что Устав Лиги наций должен подвергнуться изменениям и дополнениям. Представитель Геджаса также заявил, что в Уставе есть «не совсем понятные» выражения. Что понимать под словом «мандат»? — спрашивал он. Ему никто не ответил. Пленарное заседание мирной конференции утвердило проект, представленный президентом. На следующий день Вильсон, провожаемый пушечным салютом, покинул Европу.

Обсуждение условий мира

С утверждением Устава Лиги наций отпадал мотив, тормозивший обсуждение условий мирного договора. Совет десяти приступил к работе. Состав его несколько изменился. Ллойд Джордж уехал в Лондон. Орландо направился с отчетом в Рим. Клемансо был прикован к постели выстрелом анархиста. Глав правительств заменили министры иностранных дел. Представитель Англии лорд Бальфур предложил обсудить основные вопросы мира — о границах Германии, о возмещении ею убытков и т. п. Закончить обсуждение надо было не позже середины марта. На одном из заседаний совета барон Макино спросил, входит ли вопрос о колониях в понятие «границы Германии». Ему ответили утвердительно. На столе появились различные пункты мирных условий. Заинтересованные страны отстаивали свои проекты. Аппетиты разгорались.

Не было вопроса, вокруг которого не кипела бы дипломатическая борьба. Япония требовала Шаньдун, против чего резко выступал Китай. Англичане склонны были поддержать Японию, но американцы не желали усиливать опасного конкурента.

Французы требовали поскорее решить германские дела, чтобы заняться «русским вопросом». Маршал Фош твердил, что союзники могут проиграть войну, если не решат «русской проблемы»: это может произойти тогда, когда Германия в своих интересах урегулирует отношения с Россией или же сама «станет жертвой большевизма». По свидетельству Хауза, маршал в целях борьбы с большевистской Россией был «готов пойти на сотрудничество с Германией после подписания прелиминарного договора о мире и считает, что такое сотрудничество может оказаться весьма ценным» [2].

---

[1] См. *К. Ф. Новак*. Версаль, М. — Л., 1930, стр. 59.
[2] «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 259.

Клемансо требовал отодвинуть французскую границу до Рейна, а из прирейнских провинций создать самостоятельную республику, лишенную вооруженной силы и права воссоединения с Германией. Вильсон от имени США ответил категорическим отказом. Тогда французы предложили создать Рейнскую республику только на ограниченное время, по истечении которого можно будет разрешить населению определить самому свою судьбу. США не приняли и этого предложения.

К середине марта обсуждение условий мира так и не было закончено. К этому времени из Америки вернулся Вильсон. Видя в нем «высшего арбитра», Италия, Югославия, Греция, Албания передали ему свои меморандумы с требованием удовлетворить их претензии. Не предупредив ни Англию, ни Францию, Вильсон дал интервью о неразрывности Устава Лиги наций и мирного договора. Я добьюсь этой неразрывности, — решительно добавил Вильсон.

Однако Вильсон вернулся из Америки отнюдь не триумфатором. Целый ряд сенаторов выступил против участия США в Лиге, опасаясь вовлечения Америки в европейские дела. Все чаще в печати раздавались голоса, что Вильсон нарушил доктрину Монро. Для превращения Устава Лиги наций в закон требовалось утверждение американского сената большинством по крайней мере в две трети голосов; а между тем оппозиция в сенате все усиливалась. По возвращении в Париж Вильсон стал получать тревожные телеграммы об активизации своих противников. Они требовали включения доктрины Монро в Устав Лиги наций.

В Европе знали о затруднениях Вильсона. «Идеи президента завоевали Европу, — писал один видный историк. — Надо ждать... завоюют ли идеи Вильсона Америку!» [1] Деятельность американского президента на конференции была затруднена. Досадливо отмахиваясь от надоевшего вопроса о Лиге наций, делегаты крупных стран горели желанием продолжать территориальный дележ. Клемансо требовал стратегической границы по Рейну и создания из германских провинций на левом берегу Рейна самостоятельного государства, в крайнем случае под протекторатом Лиги наций. Французские империалисты носились с планом соединения лотарингской руды с рурским углем. Маршал Фош твердил о «красной опасности», угрожающей Польше. Он требовал создания «великой Польши» с передачей ей Познани и Данцига. Но Фош вовсе не имел в виду защищать интересы Польши, он намеревался всего лишь создать противовес Германии и Советской России. В разгар прений

[1] *Temperley.* A history of the Peace Conference of Paris, vol. I, London, 1920, p. 204.

Клемансо прямо заявил: «Когда был поднят вопрос об образовании польского государства, имелось в виду... создать барьер между Германией и Россией...» [1]

Но создание Польши по французскому образцу означало усиление позиций Франции в Европе. Ни Америка, ни Англия не соглашались на это. «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию», — говорил Ллойд Джордж. Что касается границы по Рейну, то, не соглашаясь на это, Ллойд Джордж и Вильсон предложили Клемансо гарантировать восточные границы Франции, обязываясь оказать ей немедленную помощь в случае нападения Германии. 17 марта французский премьер отправил Вильсону и Ллойд Джорджу ноту, в которой выразил согласие принять гарантированную помощь со стороны обеих стран. Что касается рейнских провинций, то Клемансо предлагал отделить в политическом и экономическом смысле левый берег Рейна от Германии и установить оккупацию левобережных провинций межсоюзными вооруженными силами на 30 лет. При этом Клемансо ставил условием, что левый берег и пятидесятикилометровая зона на правом берегу Рейна будут полностью демилитаризованы.

В качестве компенсации за свои уступки в рейнском вопросе Клемансо требовал передачи Франции Саарского бассейна. Иначе, доказывал он, Германия, владея углем, будет фактически контролировать всю французскую металлургию.

В ответ на это новое требование Вильсон заявил с раздражением, что до сих пор никогда не слышал про Саар. В запальчивости Клемансо обозвал Вильсона германофилом. Он резко заявил, что ни один французский премьер-министр не подпишет такого договора, которым не будет обусловлено возвращение Саара Франции.

— Значит, если Франция не получит того, что она желает, — ледяным тоном заметил президент, — она откажется действовать совместно с нами. В таком случае не желаете ли вы, чтобы я вернулся домой?

— Я не желаю, чтобы вы возвращались домой, — ответил Клемансо, — я намерен сделать это сам.

С этими словами Клемансо стремительно вышел из кабинета Вильсона.

Кризис в отношениях между Францией и США дополнился резким обострением противоречий между США и Англией, а также между Францией и Англией по вопросу о разделе Турции. 20 марта у Ллойд Джорджа собрались президент США, премьер-министры и министры иностранных дел Франции,

---

[1] Цит. по кн.: *С. Бекер.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 414.

Англии и Италии. На стене кабинета Ллойд Джорджа висела большая карта Турецкой империи; на ней различными красками были изображены территории, отходящие к странам-победительницам. Французский министр иностранных дел изложил всю историю раздела Турции, настаивая на французских требованиях. Затем выступил Ллойд Джордж. Он заявил, что Англия выставила против Турции до миллиона солдат, и настаивал на своем проекте. Вильсон заявил, что он впервые слышит о договоре Сайкс — Пико. Он предложил послать специальную комиссию в составе французских, британских, итальянских и американских представителей, чтобы выяснить, каково желание населения Сирии и других отделяемых территорий.

Итоги обсуждения достаточно метко определил Вильсон. На вопрос Хауза, как прошло совещание с Клемансо и Ллойд Джорджем, президент ответил: «Блестяще, — мы разошлись по всем вопросам» [1].

Слухи о разногласиях между великими державами проникали в печать. На этот раз Ллойд Джордж потребовал прекращения газетного шантажа: «Если так будет продолжаться, я уйду» [2], — пригрозил он. По настоянию Ллойд Джорджа все дальнейшие переговоры велись в Совете четырех. С этого момента Совет десяти фактически уступил место так называемой «большой четверке», состоявшей из Ллойд Джорджа, Вильсона, Клемансо, Орландо. Япония в нее не входила, ибо не была представлена главой правительства. Впрочем, «большая четверка» часто сокращалась до «тройки» — Ллойд Джордж, Вильсон и Клемансо. Конференция снова зашла в тупик.

«Документ из Фонтенбло»

25 марта 1919 г. Ллойд Джордж прислал Клемансо и Вильсону с дачи, где обычно проводил конец недели, меморандум, озаглавленный «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий». Меморандум этот известен под названием «документа из Фонтенбло». В нем изложена была английская программа и вместе с тем дана критика французских требований. «Вы можете лишить Германию ее колоний, — писал Ллойд Джордж, — довести ее армию до размеров полицейской силы и ее флот до уровня флота державы пятого ранга. В конечном итоге это безразлично: если она сочтет мирный договор 1919 г. несправедливым, она найдет средства отомстить победителям... По этим соображениям я решительно возражаю против отторжения от

---

[1] «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 305.
[2] Цит. по кн.: *К. Ф. Новак.* Версаль, стр. 86.

Германии немецкого населения в пользу других наций в бóльших пределах, чем это необходимо» [1].

Ллойд Джордж высказывался против удовлетворения территориальных требований к Германии со стороны поляков и венгров. Английский премьер выдвигал следующие предложения. Рейнская область остается за Германией; но демилитаризируется. Германия возвращает Франции Эльзас-Лотарингию. Франция получает границу 1814 г. или же, для того чтобы возместить свои разрушенные угольные копи, нынешнюю границу Эльзас-Лотарингии, а также право эксплуатации угольных копей Саарского бассейна на 10 лет. К Бельгии отходят Мальмеди и Моренэ, а к Дании — определенные части территории Шлезвига. Германия отказывается от всех своих прав на бывшие германские колонии и на «арендованную область» Цзяочжоу.

Что касается восточных границ Германии, то Польша получает Данцигский коридор.

Далее Ллойд Джордж высказался против чрезмерных требований и в вопросе о репарациях. «Я настаивал на том, — писал он, — чтобы репарационными платежами было отягчено только то поколение, которое участвовало в войне». Германия уплачивает ежегодно в течение известного числа лет определенную сумму, которая устанавливается державами-победительницами; однако размер репараций должен сообразоваться с платежеспособностью Германии. Полученные от Германии суммы распределяются в следующей пропорции: 50% — Франции, 30% — Великобритании и 20% — остальным державам.

Наконец, чтобы ограничить военную мощь Франции, Ллойд Джордж предложил обсудить вопрос о разоружении. Правда, это касалось в первую очередь Германии и малых стран: пятерка победителей сохраняла свои вооруженные силы, «пока Германия и Россия не докажут своего миролюбия». В обмен за согласие приступить к переговорам о разоружении Ллойд Джордж предлагал Франции совместные гарантии Англии и США против возможного нападения Германии.

«Документ из Фонтенбло» вызвал буквально взрыв негодования у французского премьера. Клемансо поручил составление ответа своему ближайшему сотруднику Тардье, но остался недоволен его проектом и сам принялся сочинять ноту Ллойд Джорджу. Французский премьер язвительно отметил, что английский премьер предлагает поставить Германии умеренные территориальные требования, но ничего не говорит об уступках, связанных с военно-морским положением Германии.

---

[1] *David Lloyd George.* The Truth about the Peace Treaties, vol. I, London, 1938, p. 405.

«Если представляется необходимость, — отвечал Клемансо, — проявить по отношению к Германии особое снисхождение, следовало бы предложить ей колониальные, морские компенсации, а также расширение сферы ее торгового влияния» [1].

Английский премьер не остался в долгу. Раз Франция считает, что английские предложения приемлемы только для морских держав, то он, Ллойд Джордж, возьмет их назад.

«Я находился под властью иллюзии, — продолжал английский премьер, — что Франция придает значение колониям, кораблям, компенсациям, разоружению, Сирии и британской гарантии помочь Франции всеми силами, в случае если она подвергнется нападению. Я сожалею о своей ошибке и позабочусь о том, чтоба она не повторилась» [2]. В заключение Ллойд Джордж заявил, что снимает свое предложение о предоставлении Франции угольных копей Саара.

Переписка премьеров была вручена президенту США. Снова начались заседания Совета четырех. Вильсон поддержал Ллойд Джорджа по вопросу о Сааре. Встретившись с единым фронтом обеих держав, Клемансо решил изменить свое требование: он предложил передать Саарскую область Лиге наций, которая в свою очередь предоставит Франции мандат на нее на 15 лет. По истечении этого срока в области проведен будет плебисцит, который и решит вопрос о дальнейшей судьбе Саара. Но предложение Клемансо не нашло поддержки. Вильсон соглашался только на посылку в Саар экспертов для выяснения возможности предоставить Франции эксплуатацию рудников без политического господства в Сааре.

Вильсон высказался также против отделения от Германии Рейнской области и даже против длительной ее оккупации французами. Взамен он обещал вместе с Англией гарантировать границы Франции и оказать ей помощь в случае нападения Германии, хотя реального значения, как показали события, это обещание не имело.

Французская делегация требовала ограничения германского военного производства и установления над ним международного контроля. Против этого выступили Англия и особенно США. Германии следует оставить армию, необходимую для «подавления большевизма», — говорил Вильсон. Президент предлагал также оставить Германии все имевшееся у нее вооружение. Его позиция отражала интересы буржуазии США, стремившейся сохранить германский милитаризм, укрепить его и использовать как для борьбы против Советской России, так и

---

[1] Цит. по кн.: *К. Ф. Новак.* Версаль, стр. 101.

[2] *David Lloyd George.* The Truth about the Peace Treaties, vol. I, p. 420—421.

для усиления своих европейских позиций против английских и французских конкурентов.

Проблема репараций С такой же запальчивостью обсуждался и вопрос о репарациях. Сколько можно взять с Германии? — над этим ломали голову эксперты. Комиссия под председательством австралийского премьера Юза наметила цифру в 24 млрд. ф. ст. (почти 480 млрд. золотых марок). Ллойд Джордж назвал эту цифру «дикой и фантастической химерой», хотя сам на предвыборных собраниях в Англии обещал «вывернуть карманы немцам». Французы требовали на одно восстановление северо-восточных департаментов 3 млрд. ф. ст. (60 млрд. золотых марок), в то время как по статистическим данным народное достояние всей Франции в 1917 г. составляло всего 2,4 млрд. ф. ст.

Американцы опасались, что Клемансо и Ллойд Джордж убьют курицу, несущую золотые яйца. Ведь получить долги с Англии и Франции США могли лишь в том случае, если Германия будет платежеспособной. Кроме того, США не хотели усиливать своих английских и французских конкурентов. Американский эксперт Дэвис считал возможным потребовать с немцев только 25 млрд. долл.

Такие же споры вызвал и вопрос о распределении репараций между победителями. Ллойд Джордж предлагал 50% всей суммы дать Франции, Англии — 30% и остальным странам — 20%. Франция настаивала на 58% для себя и 25% для Англии. После долгих споров Клемансо объявил, что последнее слово французов — это 56% для Франции и 25% для Англии. Вильсон предлагал 56 и 28%.

В конце концов американские эксперты предложили не фиксировать цифры контрибуции, а поручить это особой репарационной комиссии, которая должна будет не позднее 1 мая 1921 г. предъявить германскому правительству окончательные требования. Французы ухватились за это предложение, предполагая в будущем через комиссию добиться выполнения своего плана. В остальных вопросах к соглашению так и не пришли. Клемансо снова стал угрожать уходом. Вильсон со своей стороны вызвал из Америки пароход. Мирная конференция висела на волоске. Спасти ее можно было только пойдя на взаимные уступки.

14 апреля Клемансо сообщил через Хауза президенту, что согласен на включение доктрины Монро в Устав Лиги наций. По территориальному вопросу он предложил следующее: передать Франции мандат на Саарскую область, разрешить англо-французским войскам оккупировать левый берег Рейна на 15 лет в качестве гарантии выполнения Германией условий мир-

ного договора, демилитаризировать рейнские провинции, так же как и зону шириной в 50 *км* на правом берегу Рейна.

Вильсон, испытывавший большую тревогу в связи с усилением своих политических противников в Америке, обрадовался предложению Клемансо. Он заявил, что готов пересмотреть свое «нет» по саарскому и рейнскому вопросам. Полковник Хауз сообщил Клемансо об ответе Вильсона. Клемансо пришел в восторг: он заключил полковника в объятия. Хауз тут же попросил Клемансо прекратить нападки французских газет на Вильсона. Утром 16 апреля парижские газеты были полны славословий по адресу Вильсона.

Соглашение как будто было достигнуто. А в комиссии, где обсуждался Устав Лиги наций, французские эксперты все еще высказывались против включения в Устав доктрины Монро; они еще не знали о сделке Клемансо — Вильсона.

С англичанами американская делегация вела параллельные переговоры. Они добивались отказа США от соперничества в морских вооружениях. В конце концов им даны были соответствующие устные заверения. Тогда англичане решили поддержать Вильсона. 22 апреля Ллойд Джордж заявил, что присоединяется к позиции президента по рейнскому и саарскому вопросам [1].

Учреждение Лиги наций

Обрадованный Вильсон получил наконец возможность доложить окончательный Устав Лиги наций на пленарном заседании конференции 28 апреля. Леон Буржуа предложил создать военный орган при Лиге наций; Гиманс, бельгийский делегат, начал было выражать сожаление по поводу того, что Брюссель не избран местом заседаний Лиги наций. Вдруг Клемансо оборвал прения: он заявил, что предложение президента США ввиду отсутствия возражений принимается единогласно. Клемансо говорил по-французски, говорил быстро, переводчики молчали. Большинство присутствующих его не поняло, а многие и не расслышали. Только после того как Клемансо перешел к следующему пункту повестки дня, конференция с недоумением узнала, что «приняла единогласно» Устав Лиги наций.

По статуту Лиги наций, учредителями ее являлись государства, участвовавшие в войне против Германии, а также вновь образовавшиеся государства (Геджас, Польша, Чехословакия).

Вторую группу государств составляли страны, приглашенные к немедленному вступлению в Лигу наций: Аргентина, Ве-

---

[1] В дальнейшем компромисс, на который пошла Франция, оказался для нее невыгодным. Уступив по вопросу о левом береге Рейна, Франция в конечном счете не получила обещанных гарантий от США и Англии против возможности германской агрессии.

несуэла, Дания, Испания, Колумбия, Нидерланды, Норвегия, Парагвай, Персия, Сальвадор, Чили, Швейцария, Швеция. В ноябре — декабре 1920 г. все они вступили в Лигу наций.

Швейцария при вступлении сделала оговорку о сохранении ею постоянного нейтралитета, ввиду чего Советом Лиги наций было признано ее «исключительное положение» и указано, что в военных выступлениях Лиги Швейцария участвует лишь экономической помощью.

К третьей категории относились все остальные государства. Для принятия их в члены Лиги наций необходимо было согласие двух третей голосов Собрания Лиги наций и единогласное постановление Совета.

Основными органами Лиги наций являлись Собрание всех представителей членов Лиги и Совет, при которых состоял постоянный секретариат. Каждый член Лиги имел в общем Собрании Лиги один голос: таким образом, Британская империя имела с доминионами 6 голосов, а с 1923 г. — вместе с Ирландией — 7 голосов. Совет Лиги наций по первоначальному статуту состоял из 9 членов[1]: 5 постоянных (Великобритания, Италия, США, Франция, Япония) и 4 временных, сменявшихся ежегодно. В первом составе временных членов Совета Лиги наций были Греция, Испания, Бельгия, Бразилия.

Лига наций признавала, что всякая война «интересует Лигу в целом» и последняя должна принять все меры для сохранения мира. По требованию любого члена Лиги немедленно созывался Совет. В случае возникновения конфликта между членами Лиги наций они должны подвергнуть его разбирательству либо третейского суда, либо Совета.

Если член Лиги прибегнет к войне вопреки принятым на себя обязательствам, то остальные члены обязуются немедленно порвать с ним всякие торговые и финансовые отношения, а Совет должен предложить различным заинтересованным правительствам выставить тот или другой контингент войск, «предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги». Впрочем, обязательства Лиги наций по обузданию агрессоров были очерчены весьма неопределенно.

Туманно была сформулирована и статья о разоружении. Лига наций признала необходимым «ограничение национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим действием». Совету предлагалось, учитывая «географическое положение и особые условия каждого госу-

---

[1] В Совете было фактически 8 членов, поскольку американский сенат 19 ноября 1919 г. не ратифицировал Версальский договор и связанное с ним участие США в Лиге наций.

дарства», подготовить планы ограничения вооружений и внести их на рассмотрение заинтересованных правительств. И только. Заинтересованные правительства могли и не считаться с такой рекомендацией.

Что касается мандатов, то они делились на три категории. В первую входили те турецкие области, которые «достигли такой степени развития, что их существование в качестве независимых наций может быть временно признано». Державы, получившие мандат над этой категорией областей, будут управлять ими до того момента, когда подмандатные страны окажутся способными сами руководить собой. Разумеется, срок и условия наступления такого момента не были определены.

Во вторую категорию входили области Центральной Африки, которые управлялись обладателями мандатов на условиях запрещения торговли рабами, оружием, алкоголем, сохранения свободы совести и религии местного населения.

В третью категорию отнесены были колонии в Юго-Западной Африке и некоторые острова южной части Тихого океана, которые управляются по законам государства, обладающего мандатом, как составная часть его территории. Но все мандаты, независимо от категорий, были на деле новой, слегка завуалированной формой колониального разбоя.

Устав Лиги наций был включен в тексты всех мирных договоров, подписанных после окончания войны. Эта новая организация должна была поддерживать версальскую систему послевоенных международных отношений.

Претензии Италии и Японии

Итак, соглашение было достигнуто. Устав Лиги наций принят. Оставалось закончить обсуждение условий мирного договора. Многочисленные комиссии Парижской конференции спешно заканчивали работу. Снова не раз вспыхивали споры по тому или иному вопросу. Так, англичане и американцы, располагавшие многочисленным надводным военным флотом, требовали уничтожения подводных лодок. «Их следует объявить вне закона», — говорил Вильсон. Но французы настаивали на разделе германских субмарин между союзниками. В итоге Германия была лишена своих подводных лодок: они пошли на вооружение победителей.

Наконец основные вопросы были с грехом пополам урегулированы. Но тут неожиданно выступил итальянский премьер. Он потребовал присоединить к Италии город Фиуме. Великие державы и слышать не хотели об этом. Тогда Орландо покинул мирную конференцию.

В день отъезда Орландо, 24 апреля, вдруг выступили японцы. Они потребовали как можно скорее урегулировать шаньдунский вопрос в духе их требований, в противном случае они

не подпишут договора. Японцы весьма удачно выбрали момент. Уход Италии с конференции уже нанес ей некоторый удар. Было очевидно, что если еще и Япония последует за Орландо, престиж конференции сильно пострадает. Вильсон колебался: он уже однажды провалил японское требование о признании равенства рас; поэтому выступить против японцев еще раз ему представлялось слишком очевидным дипломатическим неудобством. Нельзя было забывать и о неоднократных обещаниях США «оказать помощь» Китаю. Но Англия приняла сторону Японии. Ллойд Джордж настоятельно советовал президенту уступить. Японцы объявили о своем намерении в будущем вернуть Шаньдун Китаю. В конце концов Вильсон согласился на передачу Шаньдуна Японии [1].

Уступив Японии, союзные дипломаты «отыгрались» на Италии. Воспользовавшись уходом Орландо, Совет трех разрешил грекам занять Смирну, которая по тайному договору предназначалась Италии. С другой стороны, Италия, стоявшая накануне финансового краха, продолжала вести переговоры с Америкой о займе. Опасаясь, что конференция подпишет с немцами мир без Италии, Орландо — уже без всякого шума — вернулся в Париж.

Германская делегация и мирная конференция

Германские представители были приглашены в Версаль на 25 апреля. В телеграмме подчеркивалось, что германская делегация вызывается для получения текста прелиминарного мира. Оскорбившись этим, министр иностранных дел граф Брокдорф-Ранцау ответил, что высылает делегатов, которые будут снабжены полномочиями для принятия проекта договора и передачи его германскому правительству. В новой телеграмме Клемансо просил выслать делегацию, облеченную полномочиями обсуждать все вопросы, связанные с миром.

В Германии знали о разногласиях в лагере Антанты. Генерал Гренер пытался установить связь с Англией и Америкой, действуя через подставных лиц. Людендорф через своих агентов предлагал Клемансо создать специальную германскую армию для борьбы с Советской Россией. Эрцбергер также вел сношения с французами, которым развивал план восстановления Бельгии и Северной Франции руками германских рабочих. Заказы должны были быть поделены между французскими и германскими промышленниками, а вся работа вестись под наблюдением и по указаниям французской контрольной комиссии.

Министр иностранных дел Германии в свою очередь старался установить связи с представителями Англии и особенно

[1] Позднее Китай отказался подписать Версальский договор из-за его постановлений, касающихся передачи Шаньдуна Японии.

Америки. Словом, Германия пыталась возможно шире использовать противоречия в лагере своих противников.

В ожидании приглашения Германия создала несколько комиссий для подготовки своего контрпроекта. Там внимательно изучали прения на мирной конференции, знакомились с позициями держав. Германские агенты выведывали у представителей малых стран подробности переговоров в Совете четырех. Поэтому знали, что речь шла об Эльзас-Лотарингии, о Шлезвиге, Данциге.

Заседания германского правительства следовали одно за другим. Генерал Гренер настаивал на том, чтобы сохранить армию. Перед самым отъездом Брокдорфа Гренер в сопровождении трех генералов и штабных офицеров явился к нему по поручению Гинденбурга. Гренер предупреждал против капитуляции. Он резко протестовал против признания Германии виновницей войны, ибо такое признание влекло бы за собой выдачу генералов, а армию надо было сохранить во что бы то ни стало.

Противники Германии со своей стороны отдельно друг от друга вели переговоры с Германией. В дороге германскую делегацию посетил представитель Вильсона. Он советовал Брокдорфу-Ранцау подписать мирный договор. Брокдорф ответил, что не подпишет ничего выходящего за пределы «14 пунктов» Вильсона.

Германская делегация прибыла в Париж 30 апреля. Но только 7 мая 1919 г. ее вызвали в Версаль. Клемансо открыл заседание конференции краткой речью. «Час расплаты настал, — заявил он. — Вы просили нас о мире. Мы согласны предоставить его вам. Мы передаем вам книгу мира» [1]. При этом Клемансо подчеркнул, что победители приняли торжественное решение «применить все имеющиеся в нашем распоряжении средства, чтобы полностью добиться следуемого нам законного удовлетворения». Германским делегатам до этого заявили, что никакие устные дискуссии не могут быть допущены и что немецкие замечания должны быть представлены в письменном виде. Немцам был предоставлен срок в 15 дней, в течение которого они могли обращаться за разъяснениями. После этого Верховный совет решит, в какой срок должен последовать окончательный ответ германского правительства.

Пока переводилась речь Клемансо, секретарь мирной конференции с толстой книгой в руках подошел к столу, где сидела германская делегация, и вручил условия мира Брокдорф-Ранцау.

---

[1] Цит. по кн.: *К. Ф. Новак.* Версаль, стр. 153.

У германского министра были заготовлены два варианта ответа на речь Клемансо: один — на тот случай, если его речь будет корректной, и второй — если она будет резкой, Брокдорф-Ранцау выбрал второй вариант. «От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны, — говорил Брокдорф. — Подобное признание в моих устах было бы ложью».

Германия признает несправедливость, совершенную ею по отношению к Бельгии. Но и только. Не одна Германия совершила ошибку, говорил Брокдорф. Он подчеркнул, что Германия, как и все другие державы, принимает «14 пунктов» Вильсона. Таким образом, они являются обязательными для обоих враждующих лагерей. Он поэтому против чрезмерных репараций. «Разорение и гибель Германии, — угрожал немецкий делегат, — лишили бы государства, имеющие право на компенсацию, тех выгод, на которые они претендуют, и повлекли бы за собой невообразимый хаос во всей экономической жизни Европы» [1].

Больше двух дней изучали немцы условия мира. В Берлине была организована демонстрация протеста. 12 мая 1919 г. президент Эберт и министр Шейдеман произнесли речи с балкона перед толпой, собравшейся на улице. Шейдеман кричал: «Пусть отсохнут руки прежде, чем они подпишут такой мирный договор». Но Брокдорфу приказали остаться в Париже. Он пытался вступить в личные переговоры с руководителями конференции, надеясь добиться пересмотра некоторых пунктов договора. Германская делегация посылала ноту за нотой, настаивая на смягчении отдельных условий. Но Клемансо неизменно отвечал отказом.

20 мая Брокдорф-Ранцау попросил продлить срок представления ответа. Он не терял надежды сыграть на противоречиях среди союзников. 29 мая Брокдорф вручил председателю конференции ответную ноту. Германская сторона протестовала против всех пунктов мирных условий и выдвигала свои контрпредложения. Немцы соглашались на 100-тысячную армию, но настаивали на принятии Германии в Лигу наций. Они отказывались в пользу Франции от Эльзас-Лотарингии, требуя, однако, провести там плебисцит. Они выражали готовность возвратить полякам значительную часть Познанской области и предоставить Польше доступ к открытому морю. Они принимали передачу своих колоний Лиге наций при условии признания также и за Германией права на получение мандата. В качестве репараций Германия соглашалась уплатить 100 млрд. золотых марок, из них 20 млрд. до 1 мая 1926 г. Она

[1] Цит. по кн.: *К. Ф. Новак.* Версаль, стр. 156, 158.

уступала часть своего флота. Что касается виновности в войне, то Германия настаивала на создании «беспристрастной комиссии», которая расследовала бы этот вопрос.

Пока Совет четырех знакомился с германскими контрпредложениями, Брокдорфа посещали неофициальные представители воюющих держав. Были у него и французы и англичане. У немцев складывалось представление, что противник был склонен пойти на уступки. Из каких-то источников немцы узнали о разногласиях по вопросу о разоружении.

Незадолго перед тем военные эксперты получили указание определить численность войск малых наций пропорционально армии, оставленной Германии (100 тыс. человек). Это означало, что Австрия должна была иметь армию в 15 тыс., Венгрия — 18 тыс., Болгария — 10 тыс., Чехословакия — 22 тыс., Югославия — 20 тыс., Румыния — 28 тыс., Польша — 44 тыс. и Греция — 12 тыс.

Союзники Германии не были представлены на конференции, хотя Австрия уже получила приглашение. Они не могли открыто выразить свой протест, но остальные страны и слышать не хотели о таком составе их армий. Американский генерал Блисс, делавший доклад, полагал, что 100 тыс. человек недостаточно для Германии, нужно увеличить ее армию и соответственно увеличить численность войск малых наций. Клемансо выступил против. 5 июня представители Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии и Греции были приглашены на заседание совета в квартире Вильсона. Еще на предварительном совещании они решили отказаться от сокращения армий. Заседание у президента происходило в крайне накаленной атмосфере. Делегаты приглашенных стран категорически настаивали на сохранении своих армий. Напрасно их убеждали Вильсон и Ллойд Джордж. Клемансо не выступал. Делегаты чувствовали его молчаливую поддержку. Соглашение так и не было достигнуто.

Германия знала об этих разногласиях и надеялась, что они помогут ей добиться уступок. Но ожидания не оправдались. 16 июня Брокдорфу вручили новый экземпляр мирного договора. Это была та же толстая книга, в которую теперь от руки были вписаны красными чернилами некоторые изменения. В частности, Франция отказывалась от своих планов политического господства в Саарской области в пользу Лиги наций. Для управления областью назначались пять комиссаров. В Верхней Силезии предполагалось провести плебисцит. В сопроводительной ноте Клемансо подчеркнул, что договор «должен быть принят или отвергнут в том виде, в каком он изложен сегодня». На ответ давалось пять дней. В случае неполучения ответа державы объявят, что перемирие кончилось, и

примут те меры, которые сочтут необходимыми, «для того чтобы силой провести и выполнить эти условия». Единственная уступка состояла в том, что немцам по их настойчивой просьбе прибавили еще 48 часов к этим пяти дням.

Немецкая делегация отбыла в Берлин.

Начались заседания германского правительства. Одни министры, в том числе и Брокдорф-Ранцау, предлагали не подписывать мирного договора («это самоубийство», — говорили они). Другие настаивали на подписании мирного договора, опасаясь дальнейших внутренних осложнений. Но и те и другие открыто говорили, что выполнять условий не следует. Запросили мнение Гинденбурга. Он ответил, что армия неспособна сопротивляться и будет разбита; надо сохранить во что бы то ни стало армию и ее верховный штаб. Тайно вели переговоры с французами. Те дали понять, что кайзера и генералов не тронут. Точка зрения Брокдорфа-Ранцау не была принята, и он вышел в отставку.

21 июня германское правительство сообщило, что готово подписать мирный договор, не признавая, однако, что «германский народ» является ответственным за войну. На следующий день Клемансо ответил, что союзные страны не пойдут ни на какие изменения в договоре и ни на какие оговорки и требуют либо подписать мир, либо отказаться от подписания. 23 июня Национальное собрание Германии в Веймаре приняло решение подписать мир без всяких оговорок. Новый министр иностранных дел Германии социал-демократ Мюллер и министр юстиции Белл прибыли в Париж. 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца был подписан мирный договор, получивший название Версальского мира. Формально под первой мировой войной была подведена черта.

Условия Версальского мира

По Версальскому мирному договору [1] Германия обязалась вернуть Франции Эльзас-Лотарингию в границах 1870 г. со всеми мостами через Рейн. Угольные копи Саарского бассейна переходили в собственность Франции, а управление областью было передано Лиге наций на 15 лет [2], по истечении которых плебисцит должен был окончательно решить вопрос о принадлежности Саара. Левый берег Рейна оккупировался Антантой на 15 лет. Территория на 50 *км* к востоку от Рейна полностью демилитаризировалась. В округах Эйпен и Мальмеди предусмотрен был плебисцит; в результате его они отошли к Бельгии. То же самое относилось и к районам Шлезвиг-Гольштейна:

[1] См. подробное изложение основных статей договора в Дипломатическом словаре, т. 1. М., Госполитиздат, 1960, стр. 278—282.

[2] Управление Сааром должно было осуществляться комиссией Лиги наций во главе с председателем французом.

они перешли к Дании. Германия признавала независимость Чехословакии и Польши и отказывалась в пользу первой от Гульчинского района на юге Верхней Силезии, а в пользу Польши — от некоторых районов Померании, от Познани, большей части Западной Пруссии и части Восточной Пруссии. Вопрос о Верхней Силезии разрешался плебисцитом. Данциг с областью переходил под контроль Лиги наций, которая обязалась сделать его вольным городом. Он включался в польскую таможенную систему. Польша получала право коптроля над железнодорожными и речными путями Данцигского коридора. Германская территория была разделена Польским коридором.

Державы-победительницы обязали германское правительство отказаться от притязаний на Австрию и гарантировали ее независимость. По ст. 80 Версальского договора Германия обязывалась признать и «строго уважать независимость Австрии в границах, которые будут установлены договором, заключенным между этим государством и главными союзными и объединившимися державами...» (Это положение было осуществлено Сен-Жерменским мирным договором.)

Германия отказалась в пользу союзников от всех своих колоний. Англия и Франция поделили между собой Камерун и Того. Немецкие колонии в Юго-Западной Африке отошли к Южно-Африканскому Союзу; Австралия получила часть Новой Гвинеи, а Новая Зеландия — острова Самоа. Значительная часть немецких колоний в Восточной Африке была передана Великобритании, часть — Бельгии, треугольник Кионга — Португалии. Острова на Тихом океане севернее экватора, принадлежавшие Германии, область Киао-Чао и германские концессии в Шаньдуне стали владениями Японии.

Державы, получившие мандаты на эти колонии, были обязаны соблюдать здесь принцип «открытых дверей». Это была уступка Соединенным Штатам, открывавшая возможность проникновения американского капитала на территорию бывших германских колоний, а также арабских стран.

Всеобщая воинская повинность в Германии отменялась. Армия, состоявшая из добровольцев, не должна была превышать 100 тыс. человек, включая контингент офицеров, не превышающий 4 тыс. человек. Генеральный штаб распускался. Военный флот был сведен к 6 броненосцам, 6 легким крейсерам, 12 контрминоносцам и 12 миноносцам. Иметь подводный флот Германии запрещалось. Остальные германские военные суда подлежали передаче союзникам или разрушению. Германии запрещалось иметь военную и морскую авиацию и какие бы то ни было дирижабли. Однако Германия освобождалась от оккупации. Для наблюдения за выполнением военных усло-

вий договора создавались три международные контрольные комиссии.

Германский военно-экономический потенциал не ликвидировался, он был только ограничен. Это относилось также к военным монополиям. Экономические условия договора сводились к следующему. Особая репарационная комиссия должна была определить к 1 мая 1921 г. сумму контрибуции, которую Германия обязана была покрыть в течение 30 лет. До 1 мая 1921 г. Германия обязывалась выплатить союзникам 20 млрд. марок золотом, товарами, судами и ценными бумагами. Кроме того, Германия должна была предоставить победителям свои торговые суда водоизмещением свыше 1600 *т*, половину судов свыше 1 тыс. *т*, одну четверть рыболовных судов и одну пятую часть всего своего речного флота и в течение пяти лет строить для союзников торговые суда по 200 тыс. *т* в год. В течение 10 лет Германия обязывалась поставлять Франции до 140 млн. *т* угля, Бельгии — 80 млн., Италии — 77 млн. *т*. Германия должна была передать союзным державам половину всего запаса красящих веществ и химических продуктов и одну четвертую часть из будущей выработки до 1925 г.

Германия отказывалась от своих прав и преимуществ в Китае, Таиланде, Либерии, Марокко, Египте и соглашалась на протекторат Франции над Марокко и Великобритании над Египтом. Германия должна была признать договоры, которые будут заключены с Турцией и Болгарией. Она обязывалась отказаться от Брест-Литовского и Бухарестского мира и признать и уважать независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 г. Ст. 116 мирного договора признавала за Россией право получения у Германии соответствующей части репараций. По секретному приложению к ст. 433 Германия оставляла свои оккупационные войска на востоке до особого распоряжения союзников. Тем самым Германии отводилась роль активной участницы иностранной вооруженной интервенции в Советской России.

На восточной и южной границах Германии были сохранены ее оборонительные сооружения, хотя на западных границах они сносились. «Было сочтено нежелательным, — заявил представитель США в военной комиссии генерал Дегутт, — требовать их разрушения... потому что они могут служить защитой против большевизма» [1]. Вопрос о германских границах решался с учетом антисоветских планов западных стран. Эти постановления мирного договора, как и весь ход работы Версальской конференции, свидетельствовали о том, что конференция в Па-

[1] «Foreign Relations... The Paris Peace Conference, 1919», vol. IV, Washington, 1943, p. 300.

риже являлась своего рода штабом вооруженной интервенции империалистических держав против Советской России.

Договоры, подписанные в Сен-Жермене, Нейи и Трианоне

Покончив с Германией, победители приступили к переговорам с ее союзниками. 10 сентября 1919 г. в Сен-Жерменском дворце был подписан договор с Австрией. Она обязывалась передать Италии часть провинций Крайны и Каринтии, Кюстенланд и Южный Тироль. Югославия получила большую часть Крайны, Далмацию, Южную Штирию и Юго-Восточную Каринтию. В Клагенфурте было постановлено провести плебисцит: он закончился в свое время в пользу Австрии. Чтобы вбить клин между Венгрией и Австрией, от первой был отнят Бургенланд и передан второй. Буковину отдали Румынии. В состав Чехословакии вошли Богемия, Моравия, две общины Нижней Австрии и часть Силезии. Австрия получала право содержать армию в 30 тыс. солдат. Свой военный и торговый флот Австрия передала победителям. Империя Габсбургов перестала существовать.

27 ноября 1919 г. после продолжительных переговоров в Нейи был подписан договор с Болгарией. Добруджа была закреплена за Румынией. Болгария передала часть своей территории Югославии. Фракия осталась в руках победителей, позже передавших ее Греции. Это отрезало Болгарию от Эгейского моря. Болгария обязалась выдать победителям весь флот и уплатить контрибуцию в 2,5 млрд. золотых франков. Вооруженные силы Болгарии определялись в 20 тыс. человек.

Позже других был заключен мир с Венгрией, переживавшей революцию. Только 4 июня 1920 г. в Версале, в Большом Трианонском дворце, был подписан с ней договор. Словакия и Прикарпатская Русь включены были в состав Чехословакии, к Югославии отошли Хорватия и Словения. Румыния получила Трансильванию и Банат, за исключением части, переданной Югославии. Контингент венгерской армии не должен был превышать 30 тыс. человек. Венгрия осталась без выхода к морю. Над Дунаем устанавливался контроль победителей.

Все эти договоры вместе с Севрским договором составили послевоенную версальскую систему.

Значение Версальского мира

Историки дипломатии сравнивали иногда Версальскую конференцию с Венским конгрессом. Действительно, между обеими конференциями много внешнего сходства. Версальская конференция длилась так же долго, как и Венский конгресс. Так же, как в Вене, в Версале много танцевали и туго подвигались вперед. Заседания конференции часто прерывались сведениями о революционных вспышках в Европе. Самые задачи Лиги наций сближались с целями Священного союза: они сводились

прежде всего к охране новой системы международных отношений от революции.

Но по существу Версальский мир более всего напоминал мир Франкфуртский. К Версалю вполне подходят слова, сказанные Марксом по поводу Франкфурта: «...это — вернейший способ превратить... войну в *европейскую*... Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие...» [1]

В самом деле, Версальский мир, не устранив коренных межимпериалистических противоречий, породил новые противоречия — между победителями и побежденными. Поэтому Версальская система оказалась чрезвычайно шаткой, неустойчивой. «...Версальский договор это есть договор хищников и разбойников», — говорил В. И. Ленин и подчеркивал далее, что «международный строй, порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане...» [2]

В результате Версальского мира славянские народы были разъединены глубокой пропастью. Буржуазно-помещичья Польша, как форпост Франции на востоке, должна была служить плацдармом для нападения на Советскую Россию. Последующее расширение границ Польши за счет украинских и белорусских земель было заложено в основе Версальского мира, вся система которого была направлена к тому, чтобы сталкивать славянские народы между собой. Закарпатская Украина была придана Чехословакии, несмотря на решение народа, принятое еще 18 декабря 1918 г., воссоединиться с остальной Украиной. Буковина, вопреки решению Народного веча 3 ноября 1918 г. о присоединении к Советской Украине, была отдана Румынии. Между Польшей и Чехословакией также были посеяны семена вражды. Югославия, объединившая славянские народы на юге срединной Европы, не получила некоторых частей Словении, отданных Италии или оставленных Австрии после плебисцита.

Антанта сплотила против себя побежденных и вызвала их ненависть. С другой стороны, разногласия среди держав самой Антанты не позволили ей создать прочные гарантии против немецкого реванша. Каждый из победителей вел переговоры с Германией без ведома партнеров и натравливал ее против союзников. Не подлежит сомнению, что условия Версальского мира были чрезвычайно тяжелы. Но вся тяжесть его была возложена не на германских империалистов, а на немецкий народ. Германские империалисты сохранили всю свою промышленность и легко могли восстановить в полном объеме ее производственную мощь.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 68.
[2] *В. И. Ленин*. Соч., изд. 5, т. 41, стр. 352, 353.

В результате войны и Версаля противоречия между союзниками еще более углубились. Обострилась борьба США с империалистическими державами Европы, США с Японией, между Англией и Францией, наконец, между Италией и ведущими державами Антанты.

Американские монополии не были удовлетворены результатами мирной конференции. Колониальные проблемы решались не в их пользу. Выгодный им принцип свободы морей в текстах договоров не был сформулирован. В силу этих и ряда других причин сенат США под давлением изоляционистов, выступавших против открытого участия США в европейской политике, отказался ратифицировать Версальский мир.

Созданная в Версале система договоров фиксировала соотношение империалистических сил, сложившееся к исходу более чем четырехлетней мировой бойни. Изменение этого соотношения, неизбежное в условиях неравномерного развития империалистических стран, предопределяло недолговечность Версаля. В огромной мере эту шаткость, непрочность версальской системы усиливало то, что она была направлена против первой в истории страны социализма, противоречила коренным интересам народов.

Версальский мир должен был покончить с войной. В действительности же он превратил ее в постоянную угрозу, нависшую над всем миром.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1918—1920 гг.)

1. Попытка интервентов собственными силами ликвидировать Советскую власть

Революция в Германии и Австро-Венгрии в ноябре 1918 г., а также бурное нарастание революционного кризиса в других странах облегчили положение Советской страны. Резко ослабла военная угроза со стороны Германии.

13 ноября ВЦИК объявил все условия аннексионистского Брестского мира аннулированными, все советские обязательства об уплате контрибуции и территориальных уступках — недействительными. Как и предвидел В. И. Ленин, Брестский договор оказался недолговечным.

Оккупационная армия немцев на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, измотанная изнурительной войной с партизанами, окончательно потеряла боеспособность. Во всех оккупированных районах усилилась народно-освободительная война. Началось изгнание захватчиков и их националистических пособников из пределов Советской страны.

Но разгром германского блока имел для Советской России и отрицательные последствия. До этого война двух империалистических группировок отвлекала почти все силы враждующих сторон: они не могли бросить против нашей страны крупные армии. Теперь Англия, Франция и США, разгромив Германию и ее союзников, получили возможность направить свои войска против республики Советов. «...Никогда наше положение не было так опасно, как теперь, — говорил В. И. Ленин о положении Советской страны после разгрома Германии. — Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку, Российскую Советскую Республику» [1].

Над Советской страной стали сгущаться военные тучи.

С окончанием мировой войны, казалось бы, отпал тот довод, который выдвигали империалисты для оправдания интервенции; создание в России Восточного фронта против Германии представлялось теперь явно бессмысленным. Но тут и вы-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 37, стр. 164.

яснилось, что не создание Восточного фронта, а борьба с Советской властью являлась истинной причиной интервенции.

Уже 12 ноября, на второй день после заключения перемирия с Германией, генеральный штаб главного командования союзными армиями Антанты разработал план «уничтожения большевизма». Предполагалось развить военные действия, начатые на севере, в направлении Петрограда и в других районах, и предпринять интервенцию на Украине через Румынию и Черное море. Для этого намечалось использовать 5 французских дивизий, 7 английских, 10 греческих и 2 итальянских — до 24 дивизий [1]. Кроме того, было решено привлечь к борьбе с Советской Россией немецкие войска, заставив их прекратить эвакуацию из оккупированных районов на Украине, в Белоруссии и Прибалтике [2].

Правительство США сообщило Англии, что оно будет продолжать интервенцию и после перемирия. «Подписание перемирия, — сообщал Лансинг в меморандуме, — не внесет никаких изменений в общее положение, касающееся пребывания американских войск в Северной России, до тех пор, пока президент и государственный секретарь не смогут обсудить этот вопрос по прибытии в Париж» [3].

Оговорки о Северной России, а также о продолжении этой политики до прибытия в Париж были дипломатическим прикрытием: США брали курс на продолжение интервенции.

13 ноября, когда в столицах еще продолжалось народное ликование по случаю установления мира, Англия и Франция подтвердили конвенцию о разделении сфер действия в России, заключенную 23 декабря 1917 г.

14 ноября 1918 г. военный кабинет Англии решил: 1) помогать Деникину оружием и военным снаряжением; 2) отправить в Сибирь дополнительные кадры офицеров и дополнительное военное оборудование и 3) признать омское правительство (т. е. Колчака. — *Авт.*) де-факто. В ночь на 16 ноября англо-французская эскадра вошла в Черное море.

Десанты интервентов захватили Одессу и Севастополь и вторглись на Украину. В конце ноября английская эскадра вошла в Таллин, доставив орудия и боеприпасы белогвардейцам. Подкрепления были посланы на Север, Кавказ, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Всего в Советскую Россию вторглось более 250 тыс. интервентов [4].

---

[1] См. «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, № 66.
[2] См. там же, № 72, 73.
[3] «Foreign Relations... 1918, Russia», vol. II, p. 572.
[4] Подсчитано по данным: *Army.* The Evacuation of North Russia, 1919. London, 1920; «Из истории гражданской войны в СССР», т. II. М., 1961, № 4, 6, 11, 14; *У. Черчилль.* Мировой кризис. М. — Л., 1932.

Стратегов Антанты ждало горькое разочарование: советский народ, поднявшийся на отечественную войну против захватчиков, давал им решительный отпор. В марте 1919 г. главное командование армиями Антанты выдвинуло предложение послать в Россию дополнительно как минимум от 600 тыс. до 650 тыс. солдат [1].

Начался новый период интервенции: Антанта пробовала, писал В. И. Ленин, собственными силами ликвидировать Советскую власть.

Полчища интервентов заливали страну потоками крови, грабили, разрушали, жгли. Дипломаты реакционных правительств не только потворствовали злодеяниям интервентов. Некоторые из них сами принимали участие в грабеже страны и терроре, вступая в контакт с контрреволюционными силами, боровшимися против Советской власти.

Мирные предложения Советского правительства. Усиление интервенции

Советское правительство и в этой сложной обстановке продолжало настойчивую борьбу за мир. Оно пользовалось всяким поводом, чтобы обратиться к империалистическим правительствам с предложением прекратить войну. Оно соглашалось даже признать, на определенных условиях, иностранные долги, лишь бы прекратить интервенцию. Советское правительство обращалось к народным массам империалистических держав, разоблачая агрессивную политику господствующих классов. 1 августа 1918 г. Совнарком обратился к трудящимся Англии, Франции, Италии, США и Японии с призывом выступить против антисоветских действий их правительств. 5 августа Наркоминдел в письме к американскому генеральному консулу в Москве Пулю заявил решительный протест против англо-франко-американской интервенции. 24 октября Наркоминдел в ноте президенту Вильсону протестовал против интервенции и настойчиво требовал сообщить, из-за чего, собственно, проливают кровь солдаты Антанты в Советской России. 3 ноября через представителей нейтральных стран правительствам Антанты было передано новое советское предложение мира.

6 ноября VI Всероссийский Чрезвычайный Съезд Советов принял резолюцию, которая предлагала правительствам Англии, Франции, США, Японии и Италии начать мирные переговоры. «Всероссийский Чрезвычайный VI съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов, — говорилось в резолюции, — считает своим долгом еще раз перед лицом всего мира заявить ведущим войну против России правительствам Соединенных Штатов Северной Америки, Англии,

[1] См. «Из истории гражданской войны в СССР», т. II, № 4.

Франции, Италии и Японии, что в целях прекращения кровопролития Съезд предлагает открыть переговоры о заключении мира» [1].

2 декабря Советское правительство обратилось по радио к правительствам западных держав. «Российская Республика, — подчеркивалось в ноте, — предлагала мир странам Антанты, но их Правительства оставили это предложение без внимания; их ответом явилась эта новая агрессия. Советская Социалистическая Республика всегда готова, как и раньше, заключить мир; она полагает, что на нападение извне сможет ответить ее преданная доблестная Красная Армия; она возлагает ответственность за новое кровопролитие на тех, кто нарушает ее границы и продолжает угнетать оккупированные области» [2].

23 декабря 1918 г. уполномоченный Советского правительства в Стокгольме М. М. Литвинов обратился к посланникам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США вступить в переговоры о мире. 24 декабря М. М. Литвинов по поручению Советского правительства предложил президенту США Вильсону, прибывшему к тому времени в Лондон, прийти к соглашению с Советской Россией, убрать иностранные войска с русской территории и снять экономическую блокаду. Однако реакционные круги, вдохновлявшие интервенцию, не отвечали; их армии продолжали разбойничью войну. Империалисты хотели во что бы то ни стало свергнуть Советскую власть.

Опираясь на поддержку масс, Красная Армия отбила первый натиск интервентов и перешла в наступление. Началось освобождение оккупированных районов на западе. 20 ноября 1918 г. возобновило свою деятельность советское правительство Украины. К январю 1919 г. значительная часть Украины стала советской. 1 января 1919 г. Белоруссия была объявлена советской социалистической республикой. Эстонские рабочие вместе с отрядами Красной Армии освободили Эстонию, где образовалось советское правительство. В декабре были освобождены от оккупантов Литва и Латвия. 23 декабря 1918 г. ВЦИК подтвердил декреты Совнаркома РСФСР о признании независимости советских республик Эстонии, Литвы и Латвии.

На востоке части Красной Армии также добились значительных успехов в боях против контрреволюционных мятежников и колчаковских войск.

Принцевы острова

Отпор, данный интервентам, показал всему миру, сколь нелепыми были крикливые заявления буржуазных оракулов о том, что Советская власть «непрочна» и продержится всего несколько недель.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 556.
[2] Там же, стр. 595.

Более дальновидные деятели убеждались, что политика интервенции не приносит ожидаемых результатов.

На Парижской мирной конференции «русскому вопросу» было уделено очень большое внимание. Как только начался обмен мнениями о повестке дня конференции, Вильсон заявил: «...я считаю в данный момент наиболее важным обсуждение в целом вопроса об отношении к России» [1]. Маршал Фош на подготовительном заседании участников конференции 12 января 1919 г. предложил организовать вооруженный поход против большевиков, двинув туда, прежде всего, американские армии и используя Польшу в качестве плацдарма [2]. Руководители Антанты предпочитали, однако, не столь открытые формы интервенции. Они искали более эффективные в создавшейся обстановке способы уничтожить Советскую Россию. 16 января состоялось заседание Совета десяти, на котором Ллойд Джордж поставил вопрос об отношении к Советской России.

Ллойд Джордж назвал три возможных способа разрешения русского вопроса: военную интервенцию, блокаду или попытку соглашения. Открытую военную интервенцию Ллойд Джордж признал бесперспективной. «Если бы, — говорил Ллойд Джордж, — тотчас предложить послать для этой цели в Россию английские войска, в армии поднялся бы мятеж. То же относится и к американским частям в Сибири, и к канадским, и к французским войскам. Мысль подавить большевизм военной силой — чистое безумие» [3]. По поводу Деникина, Колчака, мятежников из чехословацкого корпуса Ллойд Джордж заявил, что «надеяться на них — значит строить на сыпучем песке».

По мнению Ллойд Джорджа, необходимо было пригласить русских представителей в Париж, подобно тому как некогда Римская империя созывала вождей отдаленных областей, подчиненных Риму, с тем чтобы те дали ей отчет о своих действиях.

Приводя свое сравнение из истории античного мира, Ллойд Джордж упустил лишь одно «незначительное» обстоятельство: Россия не входила в состав Британской империи.

Вильсон поддержал Ллойд Джорджа. Он подтвердил, что американские войска не пойдут против большевиков, и предложил поговорить с советскими представителями, но при непременном условии: они должны «очистить Литву и Польшу» [4].

---

[1] Цит. по кн.: *С. Бекер.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 223.

[2] См. *А. Гулыга* и *А. Геронимус.* Крах антисоветской интервенции США (1918—1920 гг.). М., 1952, стр. 123—124.

[3] «Treaty of Peace with Germany. Hearings before the Committee of Foreign Relations. Sixty sixth congress». Washington, 1919, p. 1236.

[4] Ibid., p. 1237.

Против доводов англичан высказались представители Франции, возлагавшие все надежды на военную силу. Не придя к соглашению, Совет десяти решил перенести обсуждение русского вопроса на 21 января. Пишон и Соннино предложили заслушать на этом заседании «специалистов» по русскому вопросу — только что прибывшего из Советской России французского посла Нуланса и бывшего датского посланника в Петербурге Скавениуса.

Нуланс, имевший в кармане удостоверение о праве на концессию, полученное им от белого правительства Северной области, беззастенчиво клеветал на Советскую Россию. Не отстал от него и Скавениус. Картина, нарисованная дипломатами, была настолько неправдоподобной, что даже Ллойд Джордж заметил: Нуланс «проявляет склонность к помпезности, он сентенциозен и плохо информирован, повторяет сплетни и слухи парижских журналистов крайнего правого направления об ужасах большевизма» [1].

Совет десяти не принял никакого решения. Вечером британская делегация заседала одна. Представитель Канады Роберт Борден и Австралии Юз признали невозможным посылку канадских и австралийских войск в Россию. Ллойд Джордж выступил с предложением начать переговоры с большевиками ввиду явной невозможности сбросить их силой. Было принято решение — также предложенное Ллойд Джорджем — организовать «защиту некоторых независимых государств от вторжения» [2]. Речь шла о Польше, Литве, Эстонии, Латвии и Финляндии.

В тот же вечер, 21 января, снова состоялось заседание Совета десяти. К этому заседанию Вильсон получил новые материалы. В начале января атташе американского посольства в Лондоне Буклер был направлен в Стокгольм для переговоров с уполномоченными Советского правительства. Буклер телеграфировал Вильсону в Париж о результатах своей миссии. На утреннем заседании Совета десяти Вильсон огласил информацию Буклера, а также письмо главы польского государства Падеревского о помощи против Красной Армии. Президент США высказался за то, чтобы пригласить русских в Салоники или на остров Лемнос. Начались бурные прения. Барон Соннино категорически возражал против переговоров с большевиками. Он утверждал, что Италия, а также Франция находятся под непосредственной угрозой большевизма; приглашение большевиков на конференцию лишь укрепит их положение. Надеяться

---

[1] *David Lloyd George.* The Truth about the Peace Treaties, vol. I, p. 338.

[2] Ibid., p. 352.

на то, что большевики не примут приглашения и что их отказ можно будет использовать против них, не приходится. Соннино предложил организовать против Советов армию из волонтеров, а на конференцию пригласить лишь представителей антибольшевистских правительств.

Клемансо был также против приглашения советских представителей. Однако каждый день приносил новые сообщения о продвижении Красной Армии.

В январе 1919 г. советские войска освободили Оренбург, Уфу, Уральск и другие города на Восточном фронте, Харьков, Екатеринослав, Полтаву, Чернигов на Украине, Вильно и Ригу в Прибалтике, Минск, Двинск в Белоруссии. Чтобы получить возможность организовать белогвардейцам более действенную помощь, империалисты прибегли к «отвлекающему» маневру. «Большевистская опасность в настоящий момент очень велика, — говорил Клемансо. — Большевизм расширяется. Он захватит балтийские области и Польшу, и как раз сегодня получены дурные известия о его успехах в Будапеште и Вене. Италия также в опасности. Там опасность, по-видимому, больше, чем во Франции. Если большевизм, распространившись в Германии, перебросится через Австрию и Венгрию и достигнет Италии, то Европа окажется перед лицом огромной опасности» [1].

Совет десяти поручил президенту США обратиться ко всем воюющим в России группам с приглашением прибыть на совещание по вопросу о восстановлении мира в России. Предварительным условием участия на конференции было прекращение военных действий. 22 января 1919 г. в печати появилось обращение Вильсона. Представителей враждующих лагерей в России приглашали не в Париж и не в Салоники, а на Принцевы острова.

Обращение Вильсона было безличным. Советское правительство не получило его непосредственно от Совета десяти. Оно дошло до Москвы в виде радиосообщения из Парижа. Наркоминдел немедленно поручил полномочному представителю Советской республики в Стокгольме собрать дополнительные сведения, связанные с обращением союзников. Наркоминдел указывал, что Советское правительство не получило официального приглашения на конференцию, поэтому оно вынуждено пока отнестись к информации о ней, как к слуху, требующему подтверждения. Самое приглашение на изолированные острова внушает мысль, что конференция будет окружена непроницае-

[1] *С. А. Алексеев.* Гражданская война в Сибири и Северной области. М. — Л., 1927, стр. 415.

мой тайной или же что ей не будет обеспечена полная гласность. Наркоминдел поручал полномочному представителю проверить все данные и сообщить свое мнение, не имеют ли державы Согласия тайных намерений добиться аннексии Архангельска, Баку, Сибири или Туркестана.

Копия радиотелеграммы, адресованной в Стокгольм, была послана также в Париж, в адрес редакции газеты «Попюлер».

28 января Советское правительство послало радиотелеграмму в Париж президенту Вильсону, уведомляя, что приглашение на конференцию Москвой не получено. Советское правительство обращало внимание Вильсона на это обстоятельство, с тем чтобы в результате возможного недоразумения не была ложно истолкована позиция Советского правительства.

Иностранная пресса превозносила «миролюбивый шаг» союзников. Журналисты на все лады доказывали, что предложение союзников имеет-де целью оказание помощи России. С другой стороны, та же печать стала поговаривать о «непримиримости» большевиков, от которых якобы не поступило никакого ответа на предложение союзников. Все яснее становилось, что некоторые круги стран Антанты хотели выставить себя в роли миротворцев, учитывая широкие пацифистские настроения, а на деле вовсе не собираются созывать конференцию и лишь пытаются свалить на Советскую Россию ответственность за мнимую неудачу их посредничества.

Советская страна искренне стремилась к миру. 4 февраля Советское правительство обратилось по радио к Великобритании, Франции, Италии, Японии и США. Хотя Советское правительство и не получило прямого приглашения, говорилось в обращении, но в предупреждение неправильного толкования его образа действий оно сочло необходимым дать свой ответ. Советское правительство заявило, что, несмотря на непрерывно улучшающееся военное положение, оно готово пойти на определенные уступки, чтобы добиться мира для народа. Однако эти уступки могут делаться лишь до известного предела, а именно: ничто не должно мешать советскому народу устраивать свою жизнь на социалистических началах. В этом случае Советская страна соглашалась признать долги прежних правительств; она готова приступить к выплате процентов по старым займам и предоставить ряд концессий государствам или капиталистам. Далее, Советское правительство соглашалось даже, несмотря на свои военные успехи, говорить и о территориальных уступках. Выражая согласие немедленно начать переговоры на Принцевых островах или в любом другом месте, со всеми державами совместно, или же с отдельными государствами, либо с отдельными политическими группировками, Со-

ветское правительство просило сообщить, куда направить своих представителей [1].

Таким образом, предложение Советского правительства содержало согласие немедленно начать переговоры о пожеланиях империалистических правительств. Но это отнюдь не означало готовности безоговорочно удовлетворить эти пожелания. Советское предложение имело целью разоблачить истинные цели империалистических кругов, мечтавших о расчленении России, сорвать с них маску примирителей. Дипломатия Антанты была приперта к стене: ей приходилось либо отречься от приписываемых ей целей, либо выдать свои аннексионистские замыслы.

Демарш Советского правительства достиг цели. «Большевики согласились (пойти на конференцию. — *Авт.*), но согласились обдуманно-оскорбительным образом», — разочарованно заметил Вильсон.

Антанта оставила радиотелеграмму Наркоминдела без ответа. В феврале ею были получены сведения о подготовляемом контрнаступлении Колчака. Ввиду очевидного провала надежд, возлагавшихся империалистами на конференцию, они собирались теперь добиваться своих целей другими путями. В середине февраля Антанта предприняла новую попытку помочь терпевшим одно поражение за другим белогвардейцам. Черчилль предложил потребовать от Советского правительства, чтобы в течение 10 дней, начиная с 15 февраля, Красная Армия прекратила наступление на фронтах и отступила не менее чем на 5 миль от передовых позиций противника, иначе будет считаться, что Советская Россия отвергла предложение о конференции [2]. Но уже на следующий день, 16 февраля 1919 г., когда Совет десяти еще не закончил обсуждение предложения Черчилля, все контрреволюционные правительства одновременно сообщили о своем отказе встретиться с большевиками.

Миссия Буллита

Тем временем победоносное наступление Красной Армии продолжалось на всех фронтах. Это путало карты западных держав, вынуждало их продолжить свои дипломатические маневры. По предложению Вильсона в Советскую Россию было решено послать одного из сотрудников американской делегации на Парижской мирной конференции, Уильяма Буллита, впоследствии посла США в СССР. От имени Англии и Америки Буллиту было поручено узнать, на каких условиях большевики согласны начать переговоры. При этом Ллойд Джордж сообщал условия, на которых

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 57—60.

[2] См. *Б. Е. Штейн.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., Госполитиздат, 1949, стр. 116.

страны Антанты считали бы возможным их вести. Эти условия сводились к следующему:

«1. Прекращение военных действий на всех фронтах.

2. Все существующие де-факто правительства остаются на занимаемых ими территориях.

3. Железные дороги и порты, необходимые для сообщения Советской России с морем, должны быть подчинены тем же правилам, которые действуют на международных железных дорогах и в портах остальной Европы.

4. Подданным союзных держав должны быть обеспечены право свободного въезда в Советскую Россию и полная безопасность, чтобы они могли вести там свои дела при условии невмешательства в политику.

5. Амнистия всем политическим заключенным с обеих сторон и полная свобода всем русским, сражавшимся на стороне союзников.

6. Торговые отношения между Советской Россией и внешним миром должны быть восстановлены при условии, чтобы при надлежащем уважении к суверенитету Советской России было гарантировано равномерное распределение помощи, присылаемой союзниками, среди всех классов русского народа.

7. Все другие вопросы, связанные с русскими долгами союзникам и т. д., должны быть рассмотрены самостоятельно после установления мира.

8. Все союзные войска должны быть уведены из России, коль скоро будет демобилизована русская армия свыше количества, имеющего быть установленным; лишнее оружие будет выдано или уничтожено».

Характерно, что свой план Англия и Америка скрыли от французов, продолжавших выступать против каких бы то ни было переговоров с большевиками.

В конце февраля Буллит уехал в Советскую Россию. Он посетил Наркоминдел, был принят В. И. Лениным. Глава Советского правительства согласился в принципе с предложением Антанты, но внес со своей стороны ряд уточнений. В. И. Ленин требовал, чтобы долги равномерно были распределены между странами бывшей России, а золото, захваченное чехословаками, было зачтено в уплату долга. В уплату долга В. И. Ленин потребовал отнести и то золото, которое Советское правительство уплатило по Брестскому миру Германии, откуда оно попало в руки союзников. В одном из пунктов окончательного текста проекта соглашения говорилось:

«...Немедленно по подписании настоящего соглашения все войска Союзных и Объединившихся Правительств и других нерусских правительств должны быть удалены из России, и

должно быть прекращено оказание военной помощи антисоветским правительствам, образованным на территории бывшей Российской империи.

Как Советские Правительства, так и антисоветские правительства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи и Финляндии, начинают одновременно и в одинаковой степени сокращение своих армий до мирного положения немедленно по подписании настоящего Соглашения. Конференция должна установить самую действительную и справедливую форму инспекции и контроля этой одновременной демобилизации, а также удаления войск и прекращения военной поддержки антисоветским правительствам» [1].

Приведенный пункт вскрывал мотивы, в силу которых Советское правительство шло на предложения Антанты, хотя последняя ставила тяжелые условия. Ясно было, что контрреволюция держалась только помощью интервентов. С уходом интервентов народные массы легко покончили бы с Колчаком, Деникиным и прочими контрреволюционерами.

Если в период Брестского мира дело шло о том, чтобы вырваться из войны и добиться передышки, то теперь вопрос состоял в срыве интервенции и переходе к мирному строительству. Выступая в марте 1919 г., В. И. Ленин сравнивал политику, связанную с принятием англо-американского предложения, с Брестским миром.

«Вот почему, — говорил Владимир Ильич, — та политика, которую нам пришлось вести в течение Брестского мира, самого зверского, насильнического, унизительного, оказалась политикой единственно правильной.

И я думаю, что не бесполезно вспомнить об этой политике еще раз теперь, когда похожим становится положение по отношению к странам Согласия, когда они все так же полны бешеного желания свалить на Россию свои долги, нищету, разорение, ограбить, задавить Россию, чтобы отвлечь от себя растущее возмущение своих трудящихся масс» [2].

Буллит привез советские предложения в Париж. Он передал письмо Вильсону и Лансингу, встретился с Ллойд Джорджем. Президент Вильсон также собирался принять Буллита. Полковник Хауз предложил Буллиту подготовить проект политической декларации, которая базировалась бы на предложениях Советского правительства и была бы для него приемлемой. Хауз рассчитывал, что и Вильсон и Ллойд Джордж также одобрят такую декларацию.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 94.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 38, стр. 46.

Но положение вдруг резко изменилось. Вильсон сказался больным и не принял Буллита, а Ллойд Джордж, выступая в парламенте, заявил, что он с большевиками вообще никаких переговоров не вел.

2. Роль Антанты в организации походов Колчака и Деникина (1919 г.)

Наступление Колчака и Деникина

Поворот Ллойд Джорджа и Вильсона объяснялся новым изменением военной обстановки в Советской России. В начале 1919 г., когда Ллойд Джордж и Вильсон выступили в Совете десяти с предложениями о переговорах с большевиками, в странах-победительницах, в тылу и в войсковых частях интервентов нарастало революционное брожение. Солдаты оккупационных армий отказывались сражаться против Красной Армии. Вспыхнуло восстание во французском флоте на Черном море. В Германии подъем революционной волны в январе 1919 г. был особенно высок.

Ллойд Джордж более всего боялся соглашения между Германией и Советской Россией. Империалистам приходилось действовать крайне скрытно и осторожно, чтобы, с одной стороны, не вызывать возмущения рабочих масс в Англии и Америке, а с другой — не оказать невольной услуги делу германо-советского сближения. Помощь русской контрреволюции не прекращалась ни на день. Особое внимание было уделено Колчаку, к которому стекались в то время все враждебные Советской власти силы. Видные генералы Антанты, в том числе Нокс от Англии и Жанен от Франции, с большим количеством сотрудников были направлены в Сибирь. 16 января 1919 г. союзники заключили с Колчаком соглашение. Генерал Жанен был назначен главнокомандующим союзными войсками, действующими на Дальнем Востоке и в Сибири, к востоку от Байкала. Одновременно он получил права командующего чехословацкими войсками в Сибири.

По соглашению с Колчаком все оперативные планы и приказы белогвардейского командования представлялись генералу Жанену. При нем создавался штаб, который должен был сотрудничать с колчаковским штабом.

Помощь Антанты позволила Колчаку сформировать 300-тысячную армию. В марте 1919 г. Колчак перешел в стремительное наступление и занял Бугульму и Уфу. На юге начал наступать Деникин. На западе Красной Армии под натиском белополяков пришлось оставить Вильно. В прибалтийских странах силами местной контрреволюции и немецких интервентов

была свергнута Советская власть. Готовился к активным действиям под Петроградом генерал Юденич. Усиливалось давление со стороны генерала Миллера и англо-американо-французских интервентов на севере.

Наша страна вновь оказалась во вражеском кольце.

Изменилось положение и в Центральной Европе. В Германии к власти пришли социал-демократы в блоке с демократами и центром. Советская республика в Баварии была разгромлена. Мюнхен был занят войсками контрреволюции. Румынская армия душила венгерскую революцию. В этой обстановке Антанта прервала переговоры с большевиками. Ставка коалиции империалистов делалась на Колчака. Ему посылали огромное количество пушек, пулеметов, боеприпасов, обмундирования.

Наибольшую активность проявляло правительство США. На следующий же день после переворота в Омске к Колчаку явился представитель США, генеральный консул в Иркутске Гаррис, и обещал белогвардейскому главарю помощь США. «В дальнейшем мы будем работать вместе» [1], — заявил американский дипломат.

Соединенные Штаты Америки передали Колчаку кредиты, оставшиеся неиспользованными после Временного правительства. Сверх этого, белогвардейским кооперативным организациям Сибири был открыт кредит на сумму 125 млн. долл. Колчаковцы закупили в США огромное количество военного имущества. Колчак щедро расплачивался золотом, захваченным им в Казани. Кроме правительства США белогвардейскому адмиралу помогали отдельные фирмы и учреждения. Только американский Красный Крест предоставил Колчаку военного имущества на 8 млн. долл.

Всего за 1919 г. США, Англия, Франция и Япония доставили Колчаку 700 тыс. винтовок, 3650 пулеметов, много артиллерии, сотни миллионов патронов. При поддержке иностранных империалистов армия Колчака превратилась в значительную силу. В кругах Антанты стали поговаривать о признании Колчака. Мало того, его собирались пригласить на Парижскую конференцию. Осведомленные журналисты сообщали:

«19 мая: дипломатическая цензура пропускает сообщение о признании союзниками правительства Колчака, но запрещает говорить о том (из осторожности), что последний представит Россию в день подписания мирного договора» [2].

---

[1] См. «Допрос Колчака». Л., 1925, стр. 186—187.

[2] *M. Berger* et *P. Allard.* Les dessous du traité de Versailles. Paris, 1933, p. 211.

26 мая 1919 г. Англия, Франция, США и Италия особой нотой сообщили Колчаку, что готовы его признать.

От Колчака потребовали, однако, выполнения некоторых условий. Эти условия были следующие: созыв Учредительного собрания после занятия Москвы; признание независимости Польши и Финляндии; при невозможности урегулировать вопрос о независимости Эстонии, Латвии, Литвы, кавказских и закаспийских образований с их правительствами передать этот вопрос в Лигу наций; до этого — признание этих областей автономными.

Колчак снесся с Деникиным, наступавшим на юге, с Миллером — на севере, и ответил на условия Антанты весьма уклончиво. Он соглашался признать де-факто правительство Финляндии, но окончательное решение откладывал до Учредительного собрания. Что касается Эстонии, Латвии и других, то Колчак обещал только подготовить «решение вопроса об этих национальных группах», как выразился он в своей ноте.

12 июня 1919 г. Англия, Франция, США и Италия признали ответ Колчака удовлетворительным и обещали ему еще более интенсивную помощь.

Помощь эта, однако, запоздала: когда Колчак получил ноту о признании, его разбитые войска уже отступали в глубь Сибири. Мобилизовав все силы народа на отпор врагу, Коммунистическая партия создала условия для полного разгрома Колчака. Красная Армия освободила Урал и стремительно двигалась в Сибирь.

Со второй половины 1919 г. интервенты и белогвардейцы перенесли центр тяжести борьбы на юг. Против Советской власти была двинута новая сила — генерал Деникин. Не менее 250 тыс. ружей, 200 пушек, 30 танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы ему через Дарданеллы и Черное море в Новороссийск. В конце июня 1919 г. пал Царицын. Деникин рвался к Москве.

Несколько сот английских офицеров действовали в армии Деникина в качестве инструкторов. В боях под Царицыном и Черным Яром действовала 47-я эскадрилья английских военно-воздушных сил. При штабе Деникина находилась специальная миссия США во главе с адмиралом Мак-Келли, выполнявшим функции военного советника [1].

Прибалтийские страны в интервенции

Реакционные круги стран Антанты пытались поддержать Деникина силами малых государств, образовавшихся на территории бывшей царской России.

---

[1] См. «Всемирная история», т. VIII. М., 1961, стр. 272.

Прибалтийские страны — Эстония, Латвия, Литва, Финляндия, где была восстановлена диктатура буржуазии, так же как и Польша, играли большую роль в этих расчетах. Некоторые западные деятели носились с идеей создания «санитарного кордона», который при поддержке Антанты задержал бы распространение революционного влияния на запад.

«Большевизм — это заразительная болезнь, — писал в своем дневнике лорд Берти, английский посол в Париже, — которая, как можно опасаться, распространится на Германию и Австрию. Но Антанте придется установить карантин старого образца, чтобы оберечься от заразы» [1]. Лорд Берти в данном случае повторил выражение Клемансо, который считал необходимым создание «санитарного кордона вокруг Советской страны путем снабжения деньгами и оружием Польши, прибалтийских стран, Румынии и Чехословакии». В том же дневнике 8 декабря 1918 г. лорд Берти расшифровал, какого рода карантин желателен Антанте. Сообщая о планах расчленения России, лорд Берти писал:

«Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку» [2].

Империалисты рассчитывали и на то, что прибалтийские страны при определенных условиях могут стать плацдармом для дальнейшего развития борьбы против Советской России. «Таймс» дала 17 апреля 1919 г. весьма характерную оценку стратегического значения Финляндии. По существу, соображения, развитые английской газетой, относились и ко всем остальным странам Прибалтики.

«Если мы посмотрим, — писала «Таймс», — на карту, то увидим, что лучшим подступом к Петрограду является Балтийское море и что кратчайший и самый легкий путь лежит через Финляндию. Финляндия является ключом к Петрограду, а Петроград — ключом к Москве».

С наступлением Деникина усилилось давление на прибалтийские страны, целиком находившиеся в зависимости от Антанты. Союзные посланники распоряжались в этих странах, как в колониях. В Эстонию, Латвию, Финляндию посылались пушки, самолеты, боеприпасы и снаряжение. Английский флот

[1] *Лорд Берти.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М. — Л., 1927, стр. 172.

[2] Там же, стр. 191.

вошел в Финский залив. Боевые корабли двигались из Ревеля в Гельсингфорс (Хельсинки), подкрепляя нажим дипломатов.

В определенной мере Антанте удалось добиться вовлечения лимитрофов в борьбу против Советской России. Белоэстонские части участвовали в походе Юденича на Петроград. Финляндия мобилизовала несколько тысяч финских белогвардейцев для участия в наступлении Юденича. Под руководством английских и французских инструкторов финская армия была реорганизована, вооружена пушками и пулеметами, танками и самолетами.

Из США в Прибалтику непрерывно направлялись одна за другой различные миссии; военные и чиновники, члены «ассоциации христианской молодежи» и работники американского Красного Креста ехали с одним и тем же заданием — содействовать превращению Прибалтики в антисоветский плацдарм.

Советская дипломатия в борьбе за нейтрализацию прибалтийских стран

Буржуазия прибалтийских государств оказалась в двойственном положении. Классовые интересы и зависимость от Антанты толкали ее вместе с Деникиным против Советской страны. Но в тылу усиливалось революционное движение. В самих буржуазных кругах росло сознание, что, помогая Деникину, буржуазия прибалтийских стран по существу отказывается от борьбы за национальную независимость и, таким образом, теряет господствующее положение в собственных странах. Это обусловливало колебания правительств прибалтийских государств в отношении поддержки наступления белых.

Советская дипломатия широко использовала это в интересах мира. 31 августа Советское правительство предложило мир Эстонии, подтверждая ее безусловную национальную независимость. 11 сентября такое же предложение было сделано Латвии, Литве и Финляндии. Эстония, колебавшаяся между Антантой и Советской Россией, предпочла пойти на соглашение: в разгар наступления Деникина, в сентябре 1919 г., в Пскове начались переговоры о мире между Эстонией и РСФСР.

Но реакционеры Антанты заставили Эстонию прервать переговоры. Началась яростная дипломатическая борьба за привлечение новых стран на сторону интервентов. С этой целью Клемансо обратился 10 октября 1919 г. с нотой к правительствам Швеции, Дании, Норвегии, Голландии, Финляндии, Испании, Швейцарии, Мексики, Чили, Аргентины, Колумбии и Венесуэлы. Франция призывала указанные страны присоединиться к блокаде Советской страны. Клемансо предлагал им воздерживаться от посылки кораблей в советские порты, запретить банкам совершать операции с большевистской Россией, отказывать своим гражданам в разрешении сноситься

с ней по почте, телеграфу и радиотелеграфу. Нота угрожающе добавляла, что французские и британские суда в Финском заливе будут принуждать менять курс те корабли, бумаги которых выписаны на порты большевистской России.

Такая же нота была послана и Германии с предложением присоединиться к блокаде. Одновременно усилился нажим на правительства прибалтийских государств. От них требовали наступления против большевиков.

Советское правительство приняло контрмеры. Получив сведения о ноте Клемансо, оно сообщило 20 октября 1919 г. Германии, что будет считать ее присоединение к блокаде невызванным враждебным актом, который может вызвать надлежащие ответные шаги. Такая же нота была послана Швеции, Норвегии, Дании, Голландии и Швейцарии.

Решительное выступление советской дипломатии произвело ожидаемое действие. Германия не прочь была принять участие в интервенции. Немецкие генералы не раз предлагали свои услуги Антанте и даже формировали вооруженные части для нападения на Россию. Но правительство Германии боялось полной изоляции, в случае разрыва с Советской страной: после Версальского мира Германия особенно остро нуждалась в русских рынках. Получив предупреждение советской дипломатии, Германия ответила Франции, что сомневается в успехе организуемой Антантой блокады. Другие страны хранили молчание. В конце концов, ни помощь Антанты Деникину, ни организованная ими блокада не сломили сопротивления Советской страны. В боях креп и закалялся союз рабочих и крестьян. Руководимая партией, поддержанная всем народом, Красная Армия перешла в контрнаступление против белых армий.

Мир с Эстонией — окно в Европу

В то же время Советская власть возобновила свои мирные предложения правительствам прибалтийских стран. Первой приняла предложение Эстония.

Учитывая, что дипломатия Франции и Англии по-прежнему будет продолжать свое давление на эстонское правительство и всячески тормозить мирные переговоры, В. И. Ленин решил обратиться непосредственно к самим державам Антанты. 5 декабря 1919 г. — в тот же день, когда начались переговоры с Эстонией, VII съезд Советов, заседавший в Москве, принял резолюцию, предложенную Лениным. Перечислив неоднократные попытки Советского правительства в течение двух лет добиться мира и одобрив все эти шаги, съезд снова подтвердил свое неуклонное стремление к миру и еще раз предложил Англии, Франции, США, Италии и Японии — всем вместе или порознь немедленно начать переговоры о мире.

10 декабря уполномоченный Наркоминдела в Дании М. М. Литвинов передал резолюцию съезда представителям держав Антанты, добавив, что он уполномочен вступить в предварительные переговоры о мире. 11 декабря посланники Англии, Франции и Италии вернули ноту, сообщив, что не уполномочены на принятие каких-либо заявлений. На следующий день в интервью сотруднику агентства Рейтер советский дипломат заявил, что если посланники западных держав откажутся и на сей раз передать мирные предложения своим правительствам, то всему миру станет ясным лицемерие министров Антанты, утверждавших, будто Советская Россия не выступала с предложением мира. Интервью советского представителя нашло отклик в общественном мнении Европы. В частности, Лондонский конгресс тред-юнионов потребовал немедленного рассмотрения правительством советского предложения. Поставленные в затруднительное положение, посланники Антанты выступили в печати с официальным заявлением: они-де возвратили ноту Литвинову лишь потому, что он допущен датским правительством только для переговоров с представителем Англии О'Грейди об обмене пленными.

Переговоры с Эстонией тем временем продолжались. Они подвигались вперед медленно. Антанта — правда, не так откровенно, как раньше, — по-прежнему прилагала все усилия, чтобы сорвать их.

США так же резко отрицательно относились к мирным переговорам между странами Прибалтики и Советской Россией. Лансинг посылал по этому поводу специальные инструкции представителям госдепартамента в Латвии и Эстонии. В январе 1920 г. в Гельсингфорсе удалось собрать конференцию пяти стран. По основному вопросу — об отношении к Советской России — конференция приняла резолюцию «сообразоваться в своих действиях с указаниями держав Антанты». Блок прибалтийских государств, однако, в этот период организовать не удалось. Позиция Литвы оказалась весьма сдержанной вследствие ее территориальных споров с Польшей. Эстония также отнеслась отрицательно к проекту блока, так как к этому времени уже прекратила военные действия против Советской России и не хотела срыва переговоров о заключении мирного договора. 2 февраля 1920 г. мир был подписан.

Советское правительство признало независимость Эстонии и установило с ней дипломатические отношения. Стороны обязывались не допускать образования и пребывания на своей территории организаций и групп, враждебных другой стороне. В. И. Ленин так оценивал значение этого акта:

«Этот мир — окно в Европу. Им открывается для нас возможность начать товарообмен со странами Запада. Наши противники утверждали, что революция на Западе далека и что без нее мы не удержимся. Но мы не только удержались, но и победили» [1].

Вооруженная интервенция империалистов в Советскую Россию терпела крушение. Сорвались и попытки их дипломатии натравить Германию и прибалтийские республики на Советскую страну. Сокрушительный разгром полчищ Деникина свидетельствовал о полном провале военных планов организаторов «похода 14 государств» против Советской России.

3. Отношения Советской России с капиталистическими странами в годы интервенции

«Руки прочь от Советской России!»

В обстановке вооруженной интервенции не могли, разумеется, существовать нормальные дипломатические сношения между Советской Россией и иностранными державами. Советское правительство апеллировало непосредственно к трудящимся массам Европы и всего мира. Так, 18 апреля 1919 г. Наркоминдел обратился к пролетариату держав Антанты, призывая его к решительной борьбе против интервенции. 17 июля того же года Наркоминдел призывал пролетариат Франции, Англии и Италии принудить свои правительства к прекращению дальнейшего вмешательства в русские дела. 30 октября 1919 г. Наркоминдел обратился к трудящимся Франции, Англии и Эстонии по поводу участия эстонских войск в нападении на Петроград.

В 1919 г. и в первые месяцы 1920 г. Советское правительство семь раз обращалось непосредственно к трудящимся стран Антанты [2]. В этих документах огромного международного значения массы западных держав призывались «быть настороже» и не ослаблять натиска на буржуазные правительства «с целью помешать им задушить народную революцию в России» [3].

Эти обращения встречали за рубежом многочисленные отклики; росло массовое движение в защиту Советской России. Во Франции в октябре 1918 г. социалистическая федерация департамента Дордонь высказалась за немедленный вывод

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 40, стр. 111.

[2] См. «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 135—140, 208—213, 250—252.

[3] Там же, стр. 135.

союзных войск с территории России, против голосования за военные кредиты, предназначенные теперь для войны с Россией. Решительно протестовали против интервенции в России социалистические федерации департамента Крез, Шарант и др. Вслед за Францией борьба в защиту Советской страны стала развертываться в других странах. Сразу после того, как правительство Вильсона послало войска на север России и на Дальний Восток, в США начались выступления против интервенции.

Особого размаха достигло движение трудящихся капиталистических государств в поддержку Советской России в 1919 г. Во французской «Юманите» печатались страстные статьи М. Кашена с требованием немедленно прекратить интервенцию. По стране катилась волна антивоенных митингов. В Англии был создан комитет для агитации против антисоветской интервенции. В него вошли представители наиболее революционной части рабочих Англии — Гарри Поллит и А. Макманус. Лозунгом этого комитета стало «Руки прочь от Советской России!». 3 апреля в Вестминстере состоялась объединенная конференция представителей конгресса тред-юнионов и лейбористской партии. Она должна была обсуждать проект Устава Лиги наций. Однако, вопреки желанию ее руководства, главным в работе конференции стал вопрос о прекращении интервенции в России, хотя он даже не значился в повестке дня.

Докеры разных стран мира отказывались грузить оружие и военные материалы, предназначенные для белогвардейцев и интервентов. В августе отказались грузить военное снаряжение докеры порта Гетеборг в Швеции. В конце года ушел ни с чем из Бордо английский пароход «Эрик II» — снаряды так и остались на мостовой. Волнующие события происходили в октябре в порту Сиэтл (штат Вашингтон, США). Портовые рабочие задержали на три недели отправку парохода «Далайт», на котором предполагалось отправить Колчаку 185 тыс. винтовок и 426 ящиков запасных частей к ним.

В ходе борьбы против интервенции возникли десятки массовых организаций, ставивших своей целью помочь молодой Советской республике. В США действовали «Лига друзей Советской России», «Общество технической помощи Советской России», «Лига сторонников отзыва американских солдат из России» и т. д. В борьбе против антисоветской интервенции приняли участие и многочисленные антивоенные организации. Среди них выделялся «Народный совет», в котором к концу 1917 г. насчитывалось до 2 млн. членов.

Борьба американских рабочих против интервенции встревожила русскую контрреволюцию. 22 октября 1919 г. представитель Колчака в Вашингтоне сообщал в Омск:

«Главные мои опасения заключаются в том, что с ростом здесь за последнее время забастовочного и рабочего волнения нет абсолютной уверенности, что заказ будет своевременно выполнен, несмотря на все финансовые жертвы. Недавно по образцу других стран, были случаи отказа портовых рабочих грузить для нас боевые припасы или пароходных команд выходить в море. Поэтому возможно, что аналогичное движение перекинется на амуниционные заводы» [1].

Обращения Народного комиссариата по иностранным делам находили горячий отклик в сердцах миллионов трудящихся за рубежом.

Наряду с обращениями к народам Советское правительство продолжало многократно и терпеливо предлагать мир правительствам западных стран. Такие же шаги предпринимали советские правительства Украины, Белоруссии и других республик, боровшихся с вооруженной интервенцией.

Миссия Мартенса

Особые усилия прилагало Советское правительство к налаживанию нормальных отношений с США. Оно исходило при этом из того, что «сношения между Советской Россией и Америкой принесут величайшую пользу обеим сторонам, что обе получат от них крупнейшие выгоды» [2].

В январе 1919 г. Советское правительство назначило Л. К. Мартенса, старого большевика, находившегося в то время в США, представителем РСФСР в Соединенных Штатах. Демократические силы страны горячо приветствовали советского представителя. Однако с первых же дней деятельность советской миссии натолкнулась на открытое недоброжелательство американских властей. 19 марта 1919 г. Л. К. Мартенс направил в госдепартамент свои верительные грамоты; к ним был приложен меморандум, в котором предлагалось начать «переговоры о возобновлении в ближайшем будущем торговых отношений, взаимно выгодных для России и Америки...» [3]. В меморандуме перечислялись товары, в покупке которых была заинтересована Россия, а также товары, которые Советское правительство предлагало для продажи. «В случае возобновления торговли с Соединенными Штатами, — говорилось в документе, — Российское Правительство готово немедленно разместить в банках Европы и Америки золото на сумму в двести миллионов долларов (200 000 000 долларов) для покрытия

---

[1] ЦГАОР, ф. 198, оп. 2, д. 11, л. 79. Цит. по кн.: *И. М. Краснов.* Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции (1919—1920 гг.). М., 1961, стр. 198.

[2] См. «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 388.

[3] Там же, стр. 105.

стоимости первых закупок» [1]. Однако госдепартамент оставил обращение Мартенса без ответа, его дипломатические функции не были признаны, а государственный секретарь Лансинг заявил, что правительство США не признает ни Советского правительства, ни его представителя, а единственным представителем России в США оно считает «посла» Временного правительства Б. Бахметьева [2].

В этой обстановке созданное Л. К. Мартенсом бюро представительства РСФСР в США было вынуждено ограничить свою деятельность установлением торговых связей с американскими промышленниками. Для ознакомления американцев с действительным положением в Советской России, о которой буржуазная печать распространяла всевозможные небылицы, с июня 1919 г. стал издаваться еженедельник «Soviet Russia», который оказал известное влияние на американское общественное мнение, особенно на деловые круги. В обстановке послевоенного кризиса многие фирмы проявили серьезную заинтересованность в рынках Советской России. В короткий срок были размещены заказы на поставку машин, типографских станков, обуви, продовольствия и т. п. Общая сумма сделок достигла 15 млн. долл. Кроме того, начались переговоры о закупке в США автомобилей, железнодорожного оборудования, сельскохозяйственных машин и других товаров почти на 300 млн. долл. В июне 1920 г. Л. К. Мартенс писал в НКИД: «...я без преувеличения могу сказать, что подавляющее большинство американских капиталистов является безусловно сторонниками возобновления торговых сношений с Россией» [3].

Однако наиболее реакционное крыло в правящих кругах США сорвало налаживавшиеся торговые связи. 6 мая 1919 г. госдепартамент настоятельно рекомендовал своим гражданам проявлять «крайнюю осторожность» в отношениях с советскими представителями. В результате помех со стороны правительства США весь американский экспорт в Россию в эти годы составил всего 200 тыс. долл.

12 июня 1919 г. на бюро Л. К. Мартенса был произведен полицейский налет, а вся его документация была конфискована под фальшивым предлогом пресечения «подрывной деятельности». Однако, даже обладая большой фантазией, среди этих документов нельзя было найти ни одного, который указывал бы на враждебные намерения советских представителей в отношении правительства США.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 105.

[2] См. там же, стр. 737—738, прим. 31.

[3] Там же, стр. 738, прим. 31. Подробнее о деятельности миссии Мартенса в США см. *В. К. Фураев.* Советско-американские отношения. 1917—1939. М., 1964, стр. 43—62.

Советское правительство дважды протестовало против незаконных действий США. Выступила на защиту Л. К. Мартенса и американская общественность. 17 июня 1919 г. в зале Мадисон-сквер гарден состоялся митинг, в котором приняло участие около 20 тыс. человек. Участники митинга решительно протестовали против недостойного отношения к советскому представителю и приняли резолюцию, осуждавшую действия полицейских властей [1]. Бюро представительства РСФСР в США действовало до конца 1920 г. Неоднократное рассмотрение деятельности Л. К. Мартенса в различных комиссиях, в том числе в юридической комиссии американского сената, ни к чему не привело: доказать виновность его и его сотрудников в нарушении американских законов не удалось. Тем не менее 15 декабря 1920 г. министр труда США Вильсон заявил, что, хотя Мартенс лично не совершил ничего противозаконного, он, как представитель Советской России, должен быть взят под стражу и выслан. В этих условиях Совнарком РСФСР принял решение отозвать Л. К. Мартенса и аннулировать все размещенные им заказы. 22 января 1921 г. Мартенс выехал на родину.

4. Советские республики в Венгрии и Баварии и внешняя политика Советской России

Одним из факторов, облегчавших положение Советской России весной — летом 1919 г., было возникновение советских республик в Центральной Европе — в Венгрии, Баварии и Словакии.

С первых же дней существования Советской Венгрии между ней и нашей страной установились отношения полного доверия и дружбы, основанные на единстве интересов и целей двух пролетарских государств. В приветствии, направленном В. И. Лениным по радио 22 марта 1919 г. [2] правительству Советской Венгрии, говорилось:

«Решения московского конгресса III, Коммунистического Интернационала, как и сообщение о военном положении, мы пошлем вам как только возможно скоро. Безусловно необходимо постоянное радиосообщение между Будапештом и Москвой» [3]. А уже на следующий день, 23 марта [4], на имя народного ко-

---

[1] См. *Г. Е. Евгеньев* и *Б. С. Шапик.* Революционер, дипломат, ученый (О Л. К. Мартенсе). М., Госполитиздат, 1960, стр. 18.

[2] На другой день после провозглашения Советской власти в Венгрии.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 38, стр. 216.

[4] Дата поставлена на основании слов Б. Куна: «На второй день после возникновения Советской власти».

миссара иностранных дел Советской Венгрии Бела Куна наркоминдел РСФСР Г. В. Чичерин направил большую телеграмму, в которой давал обзор положения на фронтах Советской России и указывал, что «появление союзника в Средней Европе для нас чрезвычайно ценно» [1].

30 марта 1919 г. Г. В. Чичерин радировал Бела Куну, предупреждая о провокационных слухах, распускаемых державами Антанты. В радиограмме говорилось: «Телеграммы из Парижа сообщают, что Венгерская Советская Республика предполагает якобы совершить нападение на Сербию, что венгерские войска сосредоточиваются якобы у сербской границы и что державы Согласия будут принуждены принять соответствующие меры. Эта наглая ложь является явной провокацией. Мы сделаем все возможное для разоблачения этой подлости.

Обращаем Ваше внимание на то, что это есть, несомненно, первый признак предстоящих попыток задушения, направленных против венгерской революции» [2].

Дальнейшие события показали, насколько своевременным было предупреждение. Вместе с тем Советское правительство прибегло к помощи венгерского правительства, когда нужно было распространить в Европе правду о Советской России. Учитывая возможность контакта представителей Советской Венгрии с представителями США, В. И. Ленин обратился 5 апреля 1919 г. к Бела Куну с просьбой передать непосредственно американцам копию советской ноты Франции по проблеме репатриации, содержание которой, как предполагал Ленин, французское правительство постарается извратить [3].

7 апреля в Москве стало известно о провозглашении Советской власти в Баварии. Однако в сообщениях, исходивших от германского социал-демократического правительства, действительное положение вещей извращалось. Поэтому В. И. Ленин в радиограмме Бела Куну 8 апреля расспрашивал, какие сведения он имеет о революции в Баварии. Вероятно, Бела Кун сумел сообщить текст этой радиограммы в Мюнхен, так как уже 9 апреля она была опубликована в органе правительства красной Баварии [4].

27 апреля В. И. Ленин написал специальное приветствие Баварской Советской Республике [5], в котором давал коммуни-

---

[1] См. *Бела Кун.* Уроки пролетарской революции в Венгрии. М., Госполитиздат, 1960, стр. 24.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 109.

[3] См. там же, стр. 117—118.

[4] См. *М. А. Полтавский.* Баварская Советская Республика. М., 1959, стр. 64.

[5] См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 38, стр. 321—322.

стам Баварии ценные советы. Однако это письмо стало известно германским коммунистам только несколько лет спустя.

16 апреля 1919 г. наступлением румынских войск началась интервенция Антанты против Советской Венгрии. Венгерские части, созданные еще до установления Советской власти, оказались небоеспособными, а в ряде мест вспыхнули контрреволюционные мятежи. В это время Советская Россия, сама находившаяся в чрезвычайно тяжелой обстановке, делала все возможное, чтобы помочь Венгрии. В телеграмме главкому Вацетису и члену РВСР Аралову В. И. Ленин писал: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решить быстрее и прочнее, а за пределами этой задачи никакое занятие Галиции и Буковины не нужно, ибо украинская армия безусловно и ни в каком случае не должна отвлекаться от своих двух главных задач, именно: первая важнейшая и неотложнейшая — помочь Донбассу. Этой помощи надо добиться быстро и в большом размере. Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией» [1].

В апреле советские войска подошли к Днестру. Это дало возможность оказать прямое давление на боярскую Румынию — застрельщицу похода против революционной Венгрии. 1 мая 1919 г. правительства РСФСР и УССР направили по телеграфу ноту Румынии, в которой требовали немедленной эвакуации «румынских войск, чиновников и агентов» и предоставления «бессарабским рабочим и крестьянам свободы установить свою собственную власть» [2].

2 мая 1919 г. правительство Советской Украины направило Румынии новую ноту, в которой выдвигалось требование немедленной эвакуации румынских войск с территории Буковины. В ноте говорилось: «Рабочий класс Украины не может допустить, чтобы между Советской Венгрией и Советской Украиной Буковина осталась порабощенной» [3]. Румынское правительство было вынуждено оттягивать силы с венгерского фронта, что несколько улучшало положение Венгерской Советской Республики. Вместе с тем внутри Венгрии произошли важные события. 2 мая по призыву коммунистов Будапештский Совет принял решение о всеобщей мобилизации рабочих на защиту диктатуры пролетариата. В течение нескольких дней десятки тысяч людей взяли в руки оружие. Началась, по выражению Бела Куна, «героическая эпоха пролетарской революции в Венгрии». Отряды венгерских пролетариев сумели остановить и отбросить врага. 13 мая В. И. Ленин писал Бела

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 50, стр. 285—286.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 150.
[3] Там же, стр. 152.

Куну: «Привет крепнущей Красной Армии венгерских рабочих и крестьян» [1].

19 мая 1919 г. по поручению всеукраинского ЦИКа Совнарком Украины направил радиограмму правительству Венгрии, в которой сообщил, что ему поручено «оказывать всемерную помощь братской, истекающей кровью Советской Венгрии». Совнарком Украины заверял, что будет «неуклонно придерживаться политики единого революционного фронта с красной Венгрией...» [2]

К этому времени правительству Венгрии стало известно, что интервенты в ближайшие дни собираются снова перейти в наступление. Чтобы не упускать инициативы, венгерское правительство приняло решение начать наступление раньше, чем это сделают интервенты. Наступление началось 19 мая, а уже через 2 дня был освобожден один из важнейших промышленных центров страны — город Мишкольц. Успехи венгерской Красной Армии вызвали подъем энтузиазма в стране. В ходе наступления, продолжавшегося несколько недель, были не только очищены венгерские по населению территории на севере страны, но и ряд областей, входивших ранее в состав Венгрии и населенных словаками. На этих землях 16 июня 1919 г. была провозглашена Словацкая Советская Республика, вступившая в союз с Венгрией на правах автономии. Это была вершина успехов молодых советских республик. Однако даже в эти дни ликования В. И. Ленин в своей статье «Привет венгерским рабочим», написанной 27 мая 1919 г., указывал: «Вам предстоит теперь благодарнейшая и труднейшая задача устоять в тяжелой войне против Антанты» [3]. Ленин понимал, что Антанта не оставит в покое революционную республику, вопрос был только в том, где и как будет нанесен удар. И удар не заставил себя долго ждать.

8 июня Клемансо от имени мирной конференции в Париже направил советскому правительству Венгрии ноту, в которой требовал остановить наступление венгерской армии. В ноте сообщалось далее, что союзники намерены пригласить представителей венгерского правительства в Париж, чтобы выслушать их мнение о границах Венгрии. В случае отклонения требований союзников Клемансо угрожал крайними мерами. Затем последовала новая нота Клемансо, которая требовала не только приостановки наступления, но и отвода венгерской Красной Армии за демаркационную линию, установленную Антантой. В этом случае, говорилось в ноте, румынские войска также

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 36, стр. 468.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 168—169.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 38, стр. 388.

отойдут за демаркационную линию. Невыполнение ноты, угрожал Клемансо, вызовет общую интервенцию стран Антанты [1].

Ноты Клемансо обострили борьбу в руководстве Венгерской Советской Республики. Правые социалисты выступили за немедленное принятие ультиматума. Они видели в нем удобный случай нанести удар по пролетарской диктатуре. Бела Кун считал, что Венгрии нужна передышка, а заключаемый мир «останется в силе не долее Брест-Литовского». Сама по себе мысль о передышке была верной, но при тогдашнем соотношении сил ее достижение было маловероятно. Резко выступил против принятия ультиматума Антанты один из руководителей венгерских коммунистов, Тибор Самуэли, который доказывал, что речь идет не о заключении мира, а о подготовке к удушению советской республики в Венгрии. Об опасности попасть на удочку Антанты предупреждал и В. И. Ленин в телеграмме Бела Куну от 18 июня.

«...Вы конечно правы, — писал Владимир Ильич, — начиная переговоры с Антантой. Начать и вести их надо, всякую возможность хотя бы для временного перемирия или мира надо обязательно использовать, чтобы дать отдых народу. Но ни на минуту не верьте Антанте, она вас надувает и только выигрывает время, чтобы лучше душить вас и нас» [2].

Тем не менее правительство Венгрии, в основном голосами социал-демократов, проголосовало за принятие ультиматума Клемансо. С 30 июня начался отвод войск венгерской Красной Армии за линию, указанную Клемансо. Это отступление привело к падению Словацкой Советской Республики, вызвало серьезное недовольство в армии, оживило надежды противников Советской власти в Венгрии на ее скорую ликвидацию. Вместе с тем румынское командование и не подумало выполнять обещания, содержавшегося в ноте Клемансо. В те дни была совершена и еще одна трагическая ошибка: по указке контрреволюционеров и провокаторов, пробравшихся в руководство венгерской Красной Армии, было принято решение о наступлении против румынских войск, чтобы силой заставить их отойти на демаркационную линию. Так как этот план был заранее известен врагу, а офицеры массами изменяли Советской власти, наступление вскоре захлебнулось, а затем началось беспорядочное отступление по всему фронту. 30 июля румынские войска переправились через Тиссу и начали наступление на Будапешт. Положение Советской Венгрии ухудша-

---

[1] См. *М. Ф. Лебов.* Венгерская Советская Республика 1919 года. М., 1959, стр. 221—222.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 36, стр. 471.

лось с каждым днем. Внутри страны усилили свою деятельность правые социал-демократы, которые требовали отставки Советского правительства и создания другого, которое сможет договориться с державами Антанты о мире.

Советская Россия не могла оказать действенной помощи Венгрии, так как на всех ее фронтах шли кровопролитные бои, ударные группы Деникина приближались к Москве.

1 августа 1919 г. Советская власть в Венгрии пала. Уже на другой день начался свирепый белый террор. Было зверски истреблено свыше 5 тыс. человек, около 40 тыс. было брошено в тюрьмы и концентрационные лагеря, около 140 тыс. — эмигрировали.

В эти тяжелые для венгерских революционеров дни Советская Россия делала все возможное, чтобы спасти мужественных борцов за дело рабочего класса. 14 апреля 1920 г. в ноте министру иностранных дел Великобритании Керзону НКИД заявил, что Советское правительство взяло под свою защиту «бывших членов Венгерского Советского Правительства, нашего бывшего союзника, задержанных в настоящее время в Австрии», и потребовало «для них свободного проезда в Россию» [1]. Благодаря усилиям Советского правительства Австрия была вынуждена освободить народных комиссаров и других активных деятелей Советской Венгрии, содержавшихся в концентрационных лагерях. Когда из Венгрии пришли известия о том, что контрреволюционное правительство Хорти предало «подобию уголовного суда» попавших в его руки наркомов Венгерской Советской Республики, НКИД РСФСР в ноте, переданной по радио 6 августа 1920 г. министру иностранных дел хортистского правительства, заявило, что бывшие члены правительства Советской Венгрии находятся «под его ближайшим и непосредственным покровительством» [2]. Далее в ноте говорилось: «Ввиду опасности, угрожающей им, а также опасностей, угрожающих многочисленным российским гражданам, пребывающим ныне в Венгрии, Российское Правительство распорядилось заключить в концентрационные лагери тысячу венгерских офицеров из числа находящихся еще в России» [3]. А десять видных венгерских офицеров-монархистов были объявлены заложниками за народных комиссаров и было заявлено, что они подвергнутся той же участи, что и наркомы, «если кровожадные замыслы Венгерского Правительства в отношении последних будут осуществлены» [4]. Это выступление ока-

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 454.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. III. М., Госполитиздат, 1959, стр. 89.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 90.

зало необходимое действие. Хортистские власти не посмели привести в исполнение смертные приговоры и были вынуждены пойти на переговоры, а затем освободить из тюрьмы многих видных деятелей Советской Венгрии.

Отношения между Советской Россией и Советской Венгрией, основанные на дружбе и взаимной помощи, явились прообразом сложившихся ныне братских отношений между странами социалистического содружества.

5. Советско-польская война

Советские мирные предложения Польше

Победы Красной Армии, рост симпатий к Советской стране во всем мире, послевоенная разруха в Европе побуждали более осторожные и дальновидные круги западных держав искать реалистических путей к восстановлению Европы и к укреплению своего хозяйственного положения хотя бы ценой определенного соглашения с Советской Россией. Особенно настаивали на этом некоторые из английских капиталистов, нуждавшихся в русском рынке.

16 января 1920 г. Верховный совет Антанты разрешил обмен товарами с Советской Россией. Правда, Верховный совет оговорил, что эта резолюция не означает перемены в политике союзных правительств по отношению к Советской России. На деле, однако, это означало фактическое снятие блокады. Кооперативным организациям разрешено было ввозить в Россию одежду, лекарства, сельскохозяйственные машины в обмен на лес, зерно и другие сырьевые ресурсы.

Ход событий скоро показал, однако, что снятие блокады не означало прекращения интервенции.

В. И. Ленин говорил в те дни: «Хотя снятие блокады и дает нам некоторое облегчение, все же буржуазия Запада, наверное, попытается с нами еще бороться. Уже теперь, сняв блокаду, она натравливает на нас польских белогвардейцев, поэтому еще раз необходимо быть начеку, готовиться к новым нападениям и воспользоваться уроками двухлетней борьбы, воспользоваться теми средствами, которыми мы до сих пор побеждали» [1].

Заключение мира со странами Прибалтики и снятие блокады облегчили экономическое положение нашей страны. Однако мирная передышка оказалась недолгой. Антанта готовилась бросить в новый поход против Советской России буржуазно-помещичью Польшу.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 40, стр. 67.

Советское правительство принимало все меры, чтобы избавить народы обеих стран от новой войны. Оно не раз обращалось к Польше с предложением мира.

Советское правительство выражало надежду, что мирные стремления подавляющего большинства польского народа преодолеют препятствия и приведут к прекращению «военных действий, служащих лишь иностранным интересам» [1].

28 января 1920 г. Советское правительство снова обратилось к правительству Польши и польскому народу с нотой, в которой отметило, что признает и всегда признавало независимость и суверенность Польской республики.

Совнарком подчеркивал, что между обеими странами нет ни одного спорного вопроса, который нельзя было бы решить мирно [2]. Советское правительство соглашалось на серьезные территориальные уступки Польше. Линия границы, предложенная им, проходила на 50, а кое-где и на 80 *км* дальше к востоку от территории, полученной Польшей по окончании войны. Но польская реакционная буржуазия рассматривала советские предложения как маневр и признак слабости.

В. И. Ленин по этому поводу отмечал:

«Когда мы в январе предложили Польше мир, для нее чрезвычайно выгодный, для нас очень невыгодный, — дипломаты всех стран поняли это по-своему: «большевики непомерно много уступают, — значит, они непомерно слабы». Лишний раз подтвердилась истина, что буржуазная дипломатия не способна понять приемов нашей новой дипломатии открытых прямых заявлений. Поэтому наши предложения вызвали лишь взрыв бешеного шовинизма в Польше, Франции и прочих странах...» [3].

В день окончательного подписания мира с Эстонией, 2 февраля 1920 г., ВЦИК обратился к польскому народу с предложением прекратить войну и отдать все силы борьбе с голодом и разрухой. Разоблачая попытки врагов польского и русского народов столкнуть их друг с другом, обращение гласило: «Те же капиталисты Англии и Франции, которые сто лет безучастно смотрели на то, как царизм истязал польский народ, которые во время войны до последнего момента поддерживали и прикрывали лживую политику царизма по отношению к Польше, теперь выступают в качестве защитников этой страны... Но преступления русского царизма и русской буржуазии против Польши не могут быть поставлены в счет новому,

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 313.
[2] См. там же, стр. 332—333.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 41, стр. 281.

Советскому Правительству России. Русские рабочие и крестьяне признали независимость Польши не в последнюю минуту, не как временную дипломатическую комбинацию, не под давлением обстоятельств момента; русские рабочие поспешили первыми признать независимость польского народа, признали ее безоговорочно и раз навсегда, и сделали это в полном сознании того, что независимость Польши соответствует интересам не только вашим, но и нашим» [1].

10 февраля Наркоминдел обратился к трудящимся стран Антанты с призывом протестовать против попытки столкнуть Польшу с Советской страной. Наркоминдел напоминал, что VII съезд Советов уже предложил начать мирные переговоры; однако правительства Антанты не пошли на это. Подтверждая, что Советское правительство не угрожает Польше и готово немедленно прекратить военные действия, Наркоминдел добавлял: «Единственная помеха наступлению мира и прекращению неисчислимых бедствий, от которых страдают трудящиеся массы России и соседних народов, а также и всей Европы, есть реакционная империалистическая политика правительств Антанты» [2].

Антинародное правительство Польши оставило и это предложение Советской республики без ответа. Польская буржуазия лихорадочно готовилась к агрессии, мечтая о захвате советских земель. В войне против Республики Советов она видела средство отвлечь народ от революции, одурманить его шовинизмом.

22 февраля Советское правительство Украины со своей стороны направило польскому министру иностранных дел и председателю сейма радиограмму с предложением немедленно начать мирные переговоры. Но реакционные правители Польши скрыли от народа это обращение, мало того, они демонстративно атаковали позиции советских войск.

6 марта Советское правительство в третий раз с начала 1920 г. предложило Польше мир. Но все было тщетно.

Наступление польских войск

Польские милитаристы продолжали подтягивать и перегруппировывать свои войска. Только 27 марта, накопив достаточно сил и оружия, польское правительство согласилось вступить в переговоры и начать с 10 апреля совещание с русскими уполномоченными. Впрочем, согласие это было обставлено такими условиями, что сразу вскрывался обман: польские власти предлагали начать переговоры в г. Борисове, но прекратить боевые действия не на всем фронте, а лишь на борисовском участке.

[1] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. II. М., 1964, стр. 511—512.

[2] Там же, стр. 521.

Ультимативный характер польских условий означал фактически крушение переговоров.

Сорвав переговоры, реакционные круги Польши 25 апреля 1920 г. активизировали военные действия и захватили столицу Советской Украины — Киев.

Агрессивные действия польской реакции активно поддерживались извне. США, Англия, Франция после провала походов Колчака и Деникина рассматривали Польшу как ударную антисоветскую силу. Западные державы оказали ей большую военную и материально-продовольственную помощь. Военные миссии из Америки, Англии и Франции помогали польскому правительству создавать армию и готовить ее к походу против Советской России. Только за время с апреля 1919 г. по январь 1920 г. Франция предоставила Польше долгосрочный кредит в 575 млн. франков, а также вооружение для 6 дивизий Галлера, сформированных во Франции и переброшенных затем в Польшу, 200 тыс. ружей и карабинов, 1 тыс. пулеметов; кроме того, 100 тыс. винтовок и 1200 пулеметов из захваченного у Германии оружия; 360 пушек и гаубиц для 30 дивизионов тяжелой артиллерии и 1100 пушек для 63 дивизионов полевой артиллерии; одежду для 6 дивизий Галлера, 120 тыс. шинелей, 1 млн. ботинок и т. п.[1]

Англия передала Польше безвозмездно самолеты, 58 тыс. винтовок и 58 млн. патронов, Италия — несколько самолетов и несколько батарей полевой артиллерии[2].

США предоставили займы на сумму более 176,5 млн. долл.[3] Кроме того, как сообщал Мартенс, США передали Польше военные припасы на сумму 1,7 млрд. долл., в том числе 20 тыс. пулеметов, более 200 танков и 300 самолетов, огромное количество амуниции и др.[4] Только за семь месяцев, начиная с февраля 1919 г., Польша получила из Америки продовольствия на сумму 51,6 млн. долл.[5] Поставки продолжались и позднее.

Успеху антисоветского похода польской реакции должен был содействовать Врангель, начавший наступать из Крыма. «...Кто давал ему топливо, военный флот, чтобы держать его в Донецком бассейне? Английский и американский флоты»[6], — писал В. И. Ленин. «Англия и Америка также дают средства армии

---

[1] См. «Из истории гражданской войны в СССР», т. III. М., 1961, стр. 80—81.

[2] См. там же, стр. 133—139.

[3] «The Memoirs of Herbert Hoover, Jears of Adwenture, 1874—1920». N. Y., 1952, p. 358.

[4] См. «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 560.

[5] *L. Fisher.* America and New Poland. N. Y., 1938, p. 186.

[6] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 41, стр. 358.

Врангеля» [1], — указывал он. Через Константинополь и крымские порты этот недобитый белогвардейский генерал получил большое количество вооружения и боеприпасов.

Уже после нападения Польши Советское правительство не раз пыталось прекратить войну. Так, 19 мая 1920 г. правительства Советской России и Советской Украины обратились с совместной нотой к Великобритании, Франции, Италии и Соединенным Штатам Америки, напоминая им, что Польша является участницей Антанты и членом Лиги наций и что воздействие этих двух международных объединений на одного из своих членов не может не быть решающим, тем более что сама Польша по условиям своей военно-технической подготовки не в состоянии вести войну без посторонней военной помощи. Страны Антанты не ответили на советский призыв к миру.

Контрнаступление Красной Армии и вмешательство Антанты

В июне 1920 г. Красная Армия отбила нападение белополяков и начала стремительное контрнаступление. Вся Европа следила за мощным натиском Красной Армии. Повсюду ширилось революционное брожение в массах.

Авантюра польской реакции, несмотря на поддержку иностранных империалистов, явно проваливалась. Крах угрожал не только существованию капиталистического режима в Польше, но и всей версальской системе, созданной Антантой в Европе по окончании мировой войны. Антанта приняла все меры, чтобы спасти диктатуру буржуазии в Польше. Руководители Антанты находились в это время на конференции в городе Спа (5—16 июля). Туда прибыли польский премьер Грабский и министр иностранных дел Патек. Они настаивали на военной интервенции союзников. Однако было решено, что Верховный совет Антанты в интересах передышки для отступающих польских войск предпримет шаги для установления перемирия.

12 июля английский министр иностранных дел Керзон прислал в Москву телеграмму с предложением Советской России заключить перемирие с Польшей. Керзон требовал остановить наступающую Красную Армию в 50 *км* к востоку от линии Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы Русской, восточнее Перемышля до Карпат. Линия эта, как известно, была определена специальной комиссией по польским делам, созданной Парижской мирной конференцией в 1919 г., и получила затем название «линии Керзона». Керзон предлагал после прекращения боевых действий созвать в

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 41, стр. 347.

Лондоне конференцию из представителей Советской России, Польши, Латвии, Литвы и Финляндии для окончательного установления мира.

Ссылаясь на Устав Лиги наций, Керзон заявлял, что Англия и ее союзники помогут Польше всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, если Советская Россия не примет их условий.

Предложение Керзона явно имело целью выиграть время, пока Антанта укрепит польскую армию.

17 июля 1920 г. Советское правительство ответило Керзону, что оно с удовлетворением принимает британское заявление о желательности установить мир в Восточной Европе; оно сожалеет лишь, что в свое время Великобритания не выразила желания оказать содействие России для разрешения ее конфликта с Польшей мирным путем. Тем не менее, несмотря на ничем не оправданное нападение Польши, Советское правительство готово установить с ней мирные отношения; для этого Польше следует лишь непосредственно обратиться к Советской России с просьбой о перемирии.

В ответ на советскую ноту Керзон сообщил 20 июля по радио, что Англия не настаивает на своем участии в переговорах между Россией и Польшей; Керзон далее угрожал, что, если по получении от Польши просьбы о мире советские войска будут продолжать наступление, союзники окажут Польше поддержку. Для подкрепления своей угрозы Керзон заявил, что Англия воздерживается от торговых переговоров с Россией.

Маневры Керзона вновь подтверждали то, что уже давно было ясно для Советского правительства: Антанта стремилась сорвать наступление советских войск и выиграть время для оказания помощи Польше.

25 июля в Варшаву прибыла англо-французская миссия по оказанию «моральной и технической помощи»; она приняла активное участие в руководстве операциями польской армии. Начальнику штаба французской армии генералу Вейгану была предоставлена руководящая роль в операциях по защите Варшавы. Между тем польское правительство, обратившись к Советской стране с просьбой о мире, всячески затягивало начало переговоров.

Советские войска продолжали наступление.

С самого начала войны правительство РСФСР подчеркивало, что не желает навязывать Польше свой общественный строй. В известном «Обращении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к рабочим, крестьянам и солдатам Польши» от 7 мая 1920 г. говорилось:

«Не верьте, что Красная Армия несет вам рабство или собирается насильно навязать вам коммунизм. Разгромив ваших

панов, Советская власть предоставит польскому народу право устраивать свою жизнь по собственному усмотрению. Захотите ли вы сохранить у себя современный порядок или возьмете землю и фабрики в собственные руки — это решите вы сами, польские рабочие и крестьяне» [1].

4 августа, Ллойд Джордж и Бонар Лоу пригласили к себе советского представителя Л. Б. Красина, прибывшего в Лондон, и потребовали немедленно прекратить наступление в Польше. Через три дня английский флот будет готов к выходу в море и блокада Советской России возобновится, если Советское правительство не даст удовлетворяющего Англию ответа. Ультиматум английского правительства был поддержан демонстративным выходом флота в море.

Народное движение против интервентов. Пролетарская солидарность

Агрессивные действия польской военщины вызвали негодование передовой части трудящихся Польши. По стране проходили митинги и демонстрации, участники которых настойчиво требовали заключения мира с Советской Россией.

Вдохновителем борьбы за мир была находившаяся в подполье Коммунистическая рабочая партия Польши. Когда началась война, польские коммунисты решительно выступили против интервенции. 8 апреля 1920 г. ЦК КРПП обратился с воззванием к польским рабочим, призывая их активно бороться за заключение мира с Советской Россией [2]. По призыву КРПП 1 мая во многих городах состоялись выступления под лозунгом немедленного прекращения захватнической войны. В Варшаве в антивоенной демонстрации участвовало около 30 тыс. человек. Крупные демонстрации проходили в Домбровском бассейне, Лодзи, Жирардове и других городах. Несмотря на разнузданную травлю и жесточайший полицейский террор, прогрессивные силы провели 19 июня в Варшаве массовый антивоенный митинг.

Все чаще становились случаи антивоенных выступлений в армии. В мае отдельные части 9-й польской пехотной дивизии братались с красноармейцами. В 4-м и 35-м пехотных полках польской армии вспыхнули бунты. В июне вспыхнули волнения в двух полках, расположенных у Лоева. Во время отступления польских войск к Варшаве начался бунт в 14-м пехотном полку, а в Модлине за участие в подпольной военно-революционной организации было расстреляно 30 солдат. В июле 1920 г., когда Красная Армия подходила к Варшаве,

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 509.

[2] «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. II, стр. 638—641.

среди солдат варшавского гарнизона ходила по рукам листовка «Солдаты отвечают Пилсудскому», подписанная Варшавским Советом солдатских депутатов. В листовке, обращенной к Пилсудскому, говорилось:

«Уже близится... час... когда мы, солдаты, вместе с трудящимися города и деревни направим всю нашу силу против тебя, против твоих офицеров, против всей шляхетско-капиталистической своры в Польше. Тогда наступит конец преступной войне, конец власти разбойничьих правительств в Польше, конец твоей постыдной роли».

Листовка заканчивалась призывом: «Да здравствует война рабочих, крестьян и солдат против капиталистов! Да здравствует Польская Республика Советов!» [1].

Нападение польской военщины на Советскую Россию открыло новую страницу в борьбе международного пролетариата против интервенции. Особый размах приобрели действия английских рабочих. С первых дней польско-советской войны площадь в Лондоне у здания польского посольства стала местом бурных митингов и демонстраций против нового антисоветского похода реакции.

10 мая, в день, когда газеты сообщали о захвате белополяками Киева, лондонские докеры отказались грузить корабль «Джолли Джордж», на котором находились снаряды, предназначенные для Польши. Этому примеру последовали портовые рабочие Плимута, Глазго и других городов. В конечном итоге «Джолли Джордж» ушел в Польшу без военных материалов. 21 мая исполком союза железнодорожников призвал своих членов отказаться от перевозки военного снаряжения для Польши. «Чтобы оказать услугу человечеству, — говорилось в его решении, — необходимо последовать примеру докеров; поэтому мы инструктируем своих членов не притрагиваться к материалам, которые направляются в помощь Польше против России» [2].

Настроение рабочих Англии ярко передает письмо союза моряков Глазго Ллойд Джорджу. Рабочие писали: «Ставим ультиматум правительству — мир за границей или война здесь» [3].

В. И. Ленин высоко оценивал движение английского пролетариата, проходившее под лозунгом «комитетов действия». Выступая на IX Всероссийской конференции РКП(б) 22 сен-

---

[1] «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны». М., 1955, стр. 39, 40.

[2] *П. В. Гурович.* Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М., 1956, стр. 120.

[3] Там же, стр. 149.

тября 1920 г., Ленин говорил: «...последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии... Когда английское правительство предъявило нам ультиматум, то оказалось, что надо сперва спросить об этом английских рабочих. А эти рабочие, из вождей которых девять десятых — злостные меньшевики, ответили на это образованием «Комитета действия»» [1].

Энергичные действия рабочих заставили британское правительство отступить. 16 августа, выступая в парламенте, Ллойд Джордж был вынужден заявить, что «применение прямых действий, угроза всеобщей стачки — это факт совершенно ненужного насилия, так как правительство во всяком случае не думало начинать войну... Рабочие стучатся в открытую дверь».

Демонстрировали свою солидарность с Советской Россией и трудящиеся других стран. На многотысячных митингах французских трудящихся мощно звучало требование немедленного мира с Советской Россией. 22 июня в Италии была объявлена всеобщая железнодорожная забастовка в связи с отправкой военных материалов в Польшу и Венгрию [2]. Рабочие-железнодорожники Чехословакии и Германии взяли под контроль привозимые грузы и организовали обмен информацией о перевозимых военных грузах, чтобы не допустить их в Польшу.

Встревоженное выступлениями железнодорожников, правительство Чехословакии 8 августа 1920 г. заявило о своем нейтралитете. Оно даже установило список предметов, задержка которых разрешалась. Это были различные виды оружия и военных материалов, а также такие материалы, которые могли быть применены для военных целей [3].

В Штутгарте (Германия) рабочие военного завода Даймлера уничтожили три броневика, уже погруженные в вагоны для отправки в Польшу [4].

15 августа 1920 г. «Юманите» сообщила, что Международный конгресс моряков в Брюсселе принял резолюцию об отказе от транспортировки амуниции и всяких военных материалов

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 41, стр. 282, 283.

[2] См. «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир» (1917—1924). М., 1958, стр. 177.

[3] См. там же, стр. 211.

[4] См. *Г. Рейхберг* и *Р. Ольша.* Международный пролетариат в борьбе против интервенции в СССР в 1918—1922 гг. М., 1941, стр. 58; а также *И. К. Кобляков.* От Бреста до Рапалло. М., Госполитиздат, 1954, стр. 105.

для Польши. В связи с этим голландские моряки отказались вывести в море французский корабль «Эстле», груженный военным снаряжением.

Рабочие-металлисты США в своих резолюциях давали обязательство поддерживать Советскую Россию так же, как это делают их английские, французские и итальянские братья по классу. Они заявляли, что начнут всеобщую забастовку в случае попытки правительства США продолжить интервенцию против Советской России. Такое же решение приняла Чикагская федерация труда, а в Сиэтле был даже создан «комитет действия» на случай, если правительство снова начнет вооруженную интервенцию против Советской России.

Массовое народное движение в Центральной и Западной Европе, в США оказало огромное влияние на поведение Антанты и ее агентуры. Организаторы и исполнители антисоветской интервенции боялись, что продолжение войны усилит революционные настроения во всем мире.

Мирные переговоры 7 августа польское правительство объявило о том, что оно готово принять советские предложения об отправке делегатов в Минск для выработки предварительных условий перемирия и мира. Однако никаких реальных шагов в этом направлении польской стороной не было предпринято.

Только завершив с помощью англо-французской военной миссии перегруппировку войск и перейдя в контрнаступление, Польша 17 августа согласилась начать мирные переговоры. Советская делегация в Минске выдвинула основные положения будущего мирного договора, в которых предлагалось установить советско-польскую границу в основном по линии, намеченной в ноте Керзона, с отклонением в пользу Польши на восток в районе Белостока и Холма; польские вооруженные силы ограничивались до 50 тыс. человек, это количество дополнялось организуемой из рабочих милицией, предназначенной для поддержания внутреннего порядка и охраны населения; Россия и Украина провозглашали отказ от каких-либо контрибуций и т. д.

В ходе переговоров реакционное правительство Польши пыталось использовать свои временные успехи на фронте. Оно не только отвергло все советские предложения, но и отказалось принять пограничную линию Керзона; Франция поддержала эту авантюристическую позицию, ее дипломатия рекомендовала полякам прервать переговоры и решать спор силой оружия. Вдохновляли польскую реакцию в ее захватнических планах и правящие круги США.

10 августа 1920 г. государственный секретарь США Кольби опубликовал ноту, в которой всячески клеветал на советский

строй. Кольби заявил, что США не собираются признавать Советскую страну. Формально нота Кольби являлась ответом итальянскому послу на его вопрос о политике США в отношении Советской России. Но на деле это была новая попытка наметить единую политику капиталистических стран. США не только помогали оружием, боеприпасами польской реакции, но и выступили в роли организатора нового крестового похода против Советской власти. Правительство Франции выразило готовность поддержать все принципы, сформулированные США [1]; польское правительство выразило благодарность США за поддержку в антисоветской войне.

Советское правительство самым решительным образом выступило против клеветнических утверждений Кольби, против попыток разбогатевших на войне монополистов диктовать России выгодный и угодный им строй. Вместе с тем было снова подчеркнуто, что интересы Советской страны и США требуют установления между ними мирных отношений, несмотря на противоположность их политического строя [2]. В ноте указывалось, что Советское правительство никогда не считало своих условий ультимативными и теперь, как и раньше, готово обсудить их с польским правительством.

Подстрекаемая Антантой, Польша все еще продолжала войну.

25 сентября ВЦИК обратился к Польше со следующим заявлением:

1. Советское правительство принимает к сведению заявление польской делегации о неприемлемости для нее первоначальных условий о сокращении численности польской армии, демобилизации промышленности, выдаче оружия, отказывается от этих условий и готово предложить то же самое союзной Украинской республике.

2. Советская Россия готова немедленно подписать перемирие и предварительные условия мира на основе признания границей между Польшей и Россией линии, проходящей значительно восточнее линии Керзона.

Подчеркивая, что Советская страна сделала все возможное и необходимое для достижения мира и избавления русских, польских, украинских, белорусских трудящихся масс от новой зимней кампании, ВЦИК заявлял, что его предложение сохраняет силу 10 дней. Если и 5 октября предварительные условия мира не будут подписаны, Совнарком оставляет за собой право изменить свои предложения.

---

[1] «Foreign Relations... 1920», vol. III, p. 463—470.

[2] См. «Документы внешней политики СССР», т. III, стр. 171—177.

Польское правительство не могло не понимать, что неудачи Красной Армии носят лишь временный характер. В сентябре советские войска готовились начать наступление.

Поэтому, несмотря на давление стран Антанты, и особенно Франции, Польша ответила согласием подписать мир. К 5 октября были урегулированы территориальные вопросы; 12 октября в Риге был подписан «Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой».

В ст. 1 обе договаривающиеся стороны признавали независимость Украины и Белоруссии. Однако при поддержке Франции, Англии, Италии реакционные круги Польши добились отторжения от Советской Украины и Советской Белоруссии их западных областей.

Ст. 2 договора подтверждала полное уважение к государственному суверенитету каждой из договаривающихся сторон и обязывала их обоюдно воздерживаться от поддержки враждебных действий против любой из них.

Ст. 10 подчеркивала, что из прежней принадлежности части польских земель Российской империи не вытекает для Польши никаких обязательств.

Исходя из интересов польского народа, Советская страна соглашалась вернуть Польше культурные ценности, вывезенные из Польши царским правительством.

* *
*

Когда угроза краха буржуазной Польши стала реальной, стараниями Франции начались переговоры между Чехословакией и Югославией. 14 августа 1920 г. эти страны заключили договор об «оборонительном союзе»; острием своим он был направлен против Советской России. В случае поражения Польши обе страны, как надеялась французская дипломатия, могли бы занять место этого сателлита Франции в защите версальской системы. Так было положено начало будущей Малой Антанте.

В помощь Польше Антанта пыталась двинуть Румынию. Для этого за Румынией было обещано закрепить Бессарабию, захваченную ею в 1918 г. В Париже 28 октября 1920 г. был подписан договор между Британской империей, Францией, Италией и Японией, с одной стороны, и Румынией — с другой, о признании аннексии Бессарабии.

Заключение мира с прибалтийскими странами. Конец интервенции

Несмотря на противодействие Антанты, Советское правительство добилось успешного завершения переговоров с прибалтийскими странами. Во время переговоров с Латвией государственный секретарь США Лансинг по-

слал телеграмму своему представителю в Риге, рекомендуя сорвать установление мира, но сделать это так, чтобы США оставались в тени. «Департамент не желает, — писал Лансинг, — чтобы вы официальным путем довели до сведения министра иностранных дел Латвии его точку зрения относительно мира с большевиками... В неофициальном разговоре с министром иностранных дел Латвии Вы можете, однако, дать ему ясно понять... что наше правительство не может ему не посоветовать воздержаться от всяких попыток компромисса с большевиками» [1].

Перед самым подписанием договора Литвы с Советской Россией в июне 1920 г. государственный секретарь США — на этот раз сменивший Лансинга Кольби — предложил воздействовать на литовское правительство, предупредив его против какого-либо сотрудничества с большевиками. «Этот момент вы можете подчеркнуть» [2], — советовал американскому дипломату Кольби. Это предложение также рекомендовалось сделать неофициально. Министры сменялись, а методы дипломатии оставались прежними.

Но вмешательство США, равно как и других их партнеров по интервенции, цели не достигло.

12 июля 1920 г. был подписан мирный договор с Литвой, 11 августа — с Латвией и 14 октября — с Финляндией. Мир с финнами, заключенный в Юрьеве (Тарту), вступал в силу с 1 января 1921 г. По этому договору Советская республика уступала Финляндии Печенгу с условием свободного транзита через этот район в Норвегию и обратно. Что касается карельского вопроса, то съезд Советов в Карелии, собравшийся еще 1 июня 1920 г., заявил о воле карельского народа оставаться в Советской федерации. Эти мирные договоры укрепили международное положение Советской России, вывели ее из состояния дипломатической изоляции.

Заключив мир с Польшей, Советская власть бросила Красную Армию на разгром последнего ставленника Антанты — генерала Врангеля. Героическим штурмом Перекопа в ночь на 8 ноября 1920 г. интервенция и гражданская война в основном окончились. (На Дальнем Востоке последние отряды интервентов были окончательно разгромлены лишь в 1922 г.)

Молодое Советское государство добилось исторической победы. Справедливый характер войны эксплуатируемых против эксплуататоров, военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, мудрое руководство Коммунистической партии, обеспечившее создание могучей Красной Армии и массового

[1] «Foreign Relations... 1919, Russia», p. 742—743.
[2] «Foreign Relations... 1920», vol. III, p. 650—651.

партизанского движения, правильная национальная политика Советского государства, сплачивавшая на борьбу против угнетателей трудящихся разных национальностей, — вот те основные причины, которые обеспечили победу Страны Советов.

Важную роль играла и советская дипломатия. Умело используя противоречия между империалистическими державами, последовательно проводя политику равноправия, дружбы и уважения законных прав и суверенитета всех больших и малых народов, доказывая делом свое искреннее стремление к миру, Советское правительство, руководимое Центральным Комитетом партии, добилось ослабления, а затем и прорыва единого антисоветского фронта капиталистических государств.

В речи на сессии ВЦИК 31 октября 1922 г., говоря об освобождении Владивостока Красной Армией, В. И. Ленин указал, что «здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия» [1].

В годы гражданской войны с особой силой проявилась международная солидарность трудящихся. Борьба мирового пролетариата против интервенции, усиливавшаяся каждый раз, когда над Советской Россией нависала опасность, и рост национально-освободительного движения явились одним из главных факторов, обеспечивших поражение интервентов и белогвардейцев.

Окончание гражданской войны в России имело громадное международное значение. Крах интервенции и разгром русских белогвардейцев вселили новые силы в трудящихся и угнетенных всех стран. Победы Красной Армии показали угнетенным народам, что их освобождение практически осуществимо.

Советская страна с оружием в руках завоевала возможность мирного сосуществования с капиталистическими государствами и обеспечила условия для приступа к социалистическому строительству.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 245.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ В СИСТЕМЕ ВЕРСАЛЯ (1920—1921 гг.)

Противоречия обостряются

Версальская система, полная явных и скрытых противоречий, сразу подверглась давлению центробежных сил, разрывавших ее на части. Результатом Версальского, Сен-Жерменского, Трианонского и других договоров явилась такая перекройка карты Европы, которая создала ряд государств, образованных без всякого учета интересов и воли населявших их народов. Общая численность национальных меньшинств, получивших после войны чужое государственное подданство, составляла (в Европе) 16 815 тыс. человек. Ллойд Джордж, один из творцов версальской системы, признавал, что по установлении новых границ вместо одного эльзас-лотарингского вопроса в Европе возникли десятки подобных проблем.

Особой остроты достигли противоречия между победителями и побежденными.

Версальский договор фактически ликвидировал все союзные соглашения, заключенные на время войны. Возникал вопрос: чем обеспечить устойчивость нового порядка международных отношений, кто должен следить за проведением в жизнь Версальского договора? Лига наций? Но это не входило в круг ее уставных обязанностей. Прежние союзники? Но их уже не связывали союзные обязательства.

Парижская конференция оставила неразрешенным целый ряд вопросов. Не были распределены мандаты на оккупированные территории и колонии побежденных стран, остался невыясненным репарационный вопрос. Эти проблемы приходилось решать уже после Версаля. Обстановка была такова, что небольшие разногласия зачастую перерастали в острые конфликты. Для Франции борьба за возможно большие репарации являлась частью борьбы за гегемонию на континенте. Англия желала ослабить экономические позиции Германии как своего конкурента, но сохранить ее в качестве достаточно серьезного противовеса французским вожделениям в Европе. Этим пользовалась Германия. Реакционные круги ее использовали в своих целях лозунги борьбы против действительно грабительского и угнетательского Версальского договора. Дело было, однако, отнюдь не в защите народных интересов. Прежде всего германские империалисты старались сохранить кадры рейхсвера. Германская военщина усиленно продолжала насаждать добровольческие военные организации, которые терроризировали рабочих, убивали из-за угла деятелей левого движения. Когда под давлением общественного мнения и той части господствующих кругов, которая стояла за выполнение условий мира, правительство пыталось призвать смутьянов к порядку, военно-фашистские организации перекочевывали в Баварию или другие области — под крылышко местных законов и властей. Немедленно в этих областях начинались мятежи и антиправительственные выступления.

В целях ослабления Германии Франция поощряла сепаратизм рейнских провинций и Баварии. Она мешала берлинскому правительству подавить местных сепаратистов; тем самым укреплялись позиции фашистов, которые впоследствии отплатили Франции ее же разгромом. 13 марта 1920 г. германские реакционеры организовали так называемый путч Каппа. Утром 13 марта морская бригада Эрхардта вошла в Берлин. У Бранденбургских ворот ее встретили Людендорф, Траугот фон Ягов и другие чиновники, «случайно», как они рассказывали, оказавшиеся в 6 часов утра в этом районе. Все они были включены в состав нового правительства, за исключением Людендорфа, предусмотрительно воздержавшегося от этого шага. 14 марта произошел реакционный переворот и в Баварии. Во главе нового правительства оказался Кар, ставленник рейхсвера.

Правительство Эберта в панике бежало из Берлина, не оказав военщине никакого сопротивления. Однако против путчистов поднялись рабочие. Всеобщая стачка смела Каппа. Вернувшись к власти, правительство принялось за тех, с помощью кого оно снова водворилось в Берлине: под предлогом борьбы с анархией против рабочих были брошены капповские головорезы.

19 марта 1920 г., ссылаясь на «коммунистическую опасность», германское правительство потребовало от союзников разрешения послать регулярные войска в Рурскую область. Франция категорически высказалась против. Англия склонялась к тому, чтобы уступить, однако она рекомендовала некоторые меры предосторожности против концентрации регулярных германских войск в Рурской области. Разногласия между союзниками стали известны германскому правительству, оно решило не ждать разрешения. 3 апреля 1920 г. 20 тыс. немецких солдат были введены в Рур. В ответ на этот шаг французские войска заняли Франкфурт и Дармштадт. Англия заявила протест против самостоятельных действий Франции, но та заверила англичан, что оккупация германских городов будет прекращена, как только немцы покинут нейтральную зону.

Конференция в Сан-Ремо

Так начали обнаруживаться между победителями противоречия, плохо прикрытые Версальским договором. Возникли трудности на Ближнем Востоке. В Турции вспыхнула освободительная борьба против иностранной интервенции; во главе ее стоял Кемаль-паша. Мандаты на турецкую территорию еще не были поделены. Борьба турецкого народа грозила ликвидировать самую систему мандатов. 12 марта Англия от имени Верховного совета предложила Лиге наций передать США мандат на Армению. Это имело целью заинтересовать Америку в ближневосточных делах, или, точнее говоря, привлечь войска США для участия в подавлении кемалистской революции в Турции и в походе против народов Закавказья, боровшихся за Советскую власть. Но эти планы отпали, после того как американский сенат отказался утвердить Версальский мирный договор. Проект предоставления Америке мандата на Армению не был реализован. Был снят и вопрос о гарантийном договоре между Францией, с одной стороны, и Англией и США — с другой.

На Ближнем Востоке Англия, встретившись с турецким восстанием, нуждалась в помощи Франции. В Европе Франция, столкнувшись с немецким саботажем, была заинтересована в поддержке Англии. Обе страны решили договориться. Для этого использована была конференция в Сан-Ремо.

На конференции, заседавшей с 19 по 26 апреля, присутствовали: от Франции — Мильеран, от Англии — Ллойд Джордж, от Италии — Нитти, от Японии — Мацуи. Американский представитель прибыл в качестве наблюдателя; греческий и бельгийский делегаты принимали участие в обсуждении лишь тех вопросов, которые затрагивали интересы их стран.

Конференция утвердила мандат Англии на Месопотамию и Палестину. В итоге спора по вопросу о Сирии Англия согласилась на оккупацию Сирии Францией. На конференции был выработан и предварительный проект договора с Турцией.

24 апреля было подписано англо-французское соглашение о нефти, которое было на следующий же день утверждено Ллойд Джорджем и Мильераном. Это была попытка империалистов решить нефтяную проблему на Ближнем Востоке, в Румынии, во французских и английских колониях. По соглашению в Сан-Ремо Англия удерживала за собой Мосул, но гарантировала Франции 25% будущей добычи мосульской нефти. Франция со своей стороны обещала обеспечить вывоз английской нефти через Сирию к Средиземному морю.

Добившись уступок от Франции в ближневосточном вопросе, Англия пошла ей навстречу в европейских делах. 20 апреля 1920 г. германский военный министр обратился с нотой к Верховному совету, заседавшему в Сан-Ремо, с просьбой увеличить вдвое контингент германской армии, которая по Версальскому договору состояла из 100 тыс. солдат и офицеров. Верховный совет отклонил просьбу Германии, обвинив немцев в затягивании выполнения военных и репарационных условий Версальского договора. Вместе с тем союзники сообщали, что приглашают руководителей германского правительства для непосредственных переговоров.

Конференция в Спа; вопрос о репарациях

Конференция, на которой предполагалось решить вопросы о разоружении Германии и репарациях, состоялась в г. Спа 5—16 июля 1920 г. По-видимому, не случайно местом конференции был избран этот город. Здесь в период первой мировой войны находилась верховная ставка германского командования. Так союзники лишний раз подчеркивали разницу между былым военным могуществом и нынешним бессилием Германии. Тем не менее представители Германии — военный министр Гейслер и командующий рейхсвером генерал Сект — демонстративно явились на конференцию в полной военной форме.

Немцы знали о разногласиях между союзниками. «Надо учитывать тактику противников, — говорил германский министр иностранных дел Симонс. — Одни из них хотят доить корову, а другие — ее зарезать. Те, которые хотят доить, должны войти с нами в соглашение».

Выполнять или не выполнять Версальский договор? Вот вопрос, который шумно дебатировался по всей Германии. Правые партии, военные организации, фашистские демагоги, за спиной которых стоял рейхсвер, требовали «сопротивления», они стремились использовать в своих целях ущемленные национальные чувства и прослыть «защитниками» народных интересов. Однако германское правительство боялось прямого отказа от выполнения условий мира.

Устроители конференции требовали ответа, почему Германия не выполняет условий Версальского договора. По данным союзников, в Германии имелось не менее 2 млн. еще не сданных винтовок. Вместо 2 тыс. пулеметов немцы сохранили 6 тыс.; пушек они оставили себе в 6 раз больше, чем было условлено; наконец, германская армия не была реорганизована, и под ружьем оставалось свыше 200 тыс. солдат.

Германские делегаты ссылались на то, что-де революция мешает им выполнить условия договора. Еще до конференции в Спа Германия не раз жаловалась, что у нее не хватает вооруженных сил для борьбы с революционным движением. К этому доводу союзники всегда прислушивались со вниманием. Так, в июне 1920 г. они разрешили Германии, вопреки условиям Версаля, увеличить число полицейских с 80 тыс. до 150 тыс., а число жандармов, вооруженных винтовками, саблями и револьверами, — с 11 тыс. до 17 тыс.

В Спа немецкая делегация выдвинула тот же аргумент — угрозу революции. Она потребовала отсрочить выполнение военных пунктов договора на 15 месяцев. Союзники сочли запрос бывших противников непомерно большим. Они потребовали от германского правительства изъять оружие у частных лиц, перевести армию на добровольческий принцип, сдать все излишки военного имущества и выполнить прочие условия договора. Если Германия примет эти условия, союзники согласны оставить в рейхсвере 150 тыс. солдат до 1 октября 1920 г., но к 1 января 1921 г. армия должна быть доведена до 100 тыс. В случае несвоевременного или неточного выполнения этих условий союзники угрожали оккупировать новые территории Германии, в том числе, если понадобится, и Рурский бассейн.

Немцам ничего не оставалось, кроме как принять условия союзников.

На конференции обсуждался также репарационный вопрос. И здесь союзники стремились диктовать свою волю, пользуясь тем, что германский империализм не смог еще оправиться от поражения. Они сетовали на то, что поступило всего 8 млрд. марок вместо обусловленных по договору 20 млрд. Они требовали ответа на вопрос, чем вызвано сокращение поставок германского угля; репарационная комиссия настаивала на ежемесячной выдаче 2,4 млн. *т*. Началась дискуссия. Германская делегация доказывала невозможность выполнения поставок угля. 10 июля на конференции неожиданно выступил с дерзкой речью германский «король угля и стали» Гуго Стиннес. «Мы, реальные политики, — заявил он, — учитываем трудность, почти невозможность убедить вас, что нами приняты решительно все меры. Мы предвидим, что ввиду этого вы выдвинете угрозы насилия, оккупации Рурской области или чего-нибудь подобного. И даже если бы этот акт насилия был выполнен цветными войсками, появление которых в качестве носителей общественной власти возбудило бы гнев в сердце каждого белого и каждого немца, даже и в этом случае ни Франция, ни Европа не получили бы никакой выгоды» [1]. Германия не даст ни угля для поставок, ни денег, ни товаров для выполнения репараций, настойчиво твердил оратор.

Стиннес, представлявший интересы тяжелой индустрии Германии, опасался, что лотарингская сталелитейная промышленность, получив немецкий уголь и кокс, явится опасным конкурентом для германских промышленников. Чтобы помешать этому, он готов был пойти на риск оккупации Рура; он не колебался нанести огромный ущерб всему германскому народному хозяйству, лишь бы отстоять интересы своей группы. Формально он не согласовал своей речи с германским правительством, но был приглашен в состав немецкой делегации в качестве эксперта. Его доводы и цифры легли в основу позиции германской делегации.

Союзники отказались обсуждать возражения Германии.

Берлинское правительство, убедившись, что дальнейшее сопротивление не только бесполезно, но и опасно, пошло на капитуляцию. 16 июля 1920 г. германская делегация подписала протокол, предложенный союзниками. Поставки немецкого угля были определены в 2 млн. *т* ежемесячно.

Конференция не определила общей суммы репараций, но окончательно установила долю каждого из союзников: Франции — 52%, Великобритании — 22, Италии — 10, Японии — 0,75, Бельгии — 8, Португалии — 0,75, Греции, Румынии и Югославии, не представленным на конференции, — 6,5%. Для США было сохранено право получения своей доли репараций.

[1] Цит. по кн.: *Гейер*. Предатели Германии. Л., 1925, стр. 55.

Севрский договор (10 августа 1920 г.)

Уступки, сделанные Франции в Европе, помогли английской дипломатии на время урегулировать в своих интересах ближневосточный вопрос. 10 августа 1920 г. в Севре (близ Парижа) был подписан мирный договор между Великобританией, Францией, Италией, Японией, Арменией (в тот период дашнакской), Бельгией, Грецией, Геджасом, Польшей, Португалией, Румынией, Югославией, Чехословакией, с одной стороны, и Турцией — с другой. По этому договору территория Турции сокращалась на три четверти. Турецкий султан сохранял свою столицу в Константинополе. Однако на случай, если бы Турция уклонилась от лояльного соблюдения условий договора, союзники оставляли за собой право пересмотреть это решение. Судоходство в проливах объявлялось открытым в мирное и военное время для всех торговых или военных кораблей без различия флага.

Для наблюдения за порядком судоходства создавалась комиссия проливов. В нее вводилось по одному представителю, располагающему двумя голосами, от США, когда они того пожелают, Великобритании, Франции, Италии, Японии и России, когда она станет членом Лиги наций, и по одному представителю с одним голосом от Греции, Румынии, Болгарии и Турции, когда два последних государства станут членами Лиги наций. Комиссия проливов действовала в полной независимости от местной власти, имела свой флаг и свою полицию. С ее помощью англо-франко-итальянские империалисты рассчитывали хозяйничать в проливах.

Турция обязывалась выдать победителям свой флот, за исключением 6 миноносцев и 7 шлюпов. Севрский договор восстанавливал режим капитуляций. Державам-победительницам предоставлялся контроль над финансами и фактически всей экономикой страны. Военные силы Турции ограничивались 50 тыс. человек (включая 35 тыс. жандармерии). Укрепления в зоне проливов и островов должны были быть срыты. Остальные турецкие укрепления разрешалось сохранить лишь при условии разоружения. Наконец, установление границы между Турцией и Арменией предоставлялось третейским решениям президента США.

Кабальный Севрский договор, ставивший под реальную угрозу независимость Турции, оформивший ее раздел, был заключен с константинопольским правительством, которое в действительности утратило свою власть. Кемалистское правительство, опиравшееся на волю Великого Национального собрания, не признало договор и провозгласило освободительную борьбу против империалистов. Оно требовало восстановления независимости Турции, сохранения в составе национального государства турецких территорий и отмены режима капитуляций. Новое правительство настаивало на передаче вопроса о проливах конференции черноморских держав и на упразднении всяких сфер иностранного влияния в Анатолии. Со своей стороны правительство Кемаль-паши обещало признать за национальными меньшинствами в Турции все права, предоставляемые им в европейских странах.

В поисках внешней поддержки Мустафа Кемаль отправил 26 апреля 1920 г. в Москву уполномоченного с письмом на имя Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина. В своем послании Кемаль сообщал, что Турция изъявляет готовность участвовать в борьбе против империалистов на Кавказе и надеется на содействие Советской России для борьбы против напавших на Турцию империалистических врагов [1].

Отмечая, что «Советское Правительство протягивает руку дружбы всем народам мира, оставаясь неизменно верным своему принципу признания за каждым народом права на самоопределение» [2], Г. В. Чичерин в

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 725.
[2] Там же, стр. 555.

ответном письме подчеркивал: «Советское правительство с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведет турецкий народ за свою независимость и суверенитет, и в эти дни, тяжелые для Турции, оно счастливо заложить прочный фундамент дружбы, которая должна объединить турецкий и русский народы» [1].

Обмен письмами между правительствами РСФСР и Турции положил начало нормальным дипломатическим отношениям, укреплению дружбы и сотрудничества двух стран. Моральная и политическая помощь со стороны Советской России дополнялась и эффективной экономической, материальной поддержкой нового турецкого государства. Из РСФСР в Турцию в самое трудное для нее время было послано золото, вооружение, включая пулеметы и орудия, а также радиостанции, медикаменты и т. д. [2]

Высоко оценивая помощь Советской республики, Мустафа Кемаль в декабре 1920 г. в телеграмме В. И. Ленину, в частности, писал: «...выражаю Вам свою глубокую признательность за ту дальнозоркую политику, которая по Вашему Высокому почину проводится Советской Республикой как на Востоке, так и во всем мире» [3].

Соглашение Советской России и кемалистской Турции резко меняло соотношение сил на Ближнем Востоке. Понимая это, Ллойд Джордж на англо-советских торговых переговорах в Лондоне летом 1920 г. в качестве одной из «предпосылок торговых сношений» потребовал от Советской республики отказа от поддержки кемалистов [4].

Опасаясь дальнейшего укрепления новой Турции, французская дипломатия поставила перед собой задачу вовлечь кемалистов в антисоветский блок. Успех этого дипломатического маневра позволил бы Франции использовать кемалистскую Турцию и против Англии. Французская пресса требовала скорее закончить войну с кемалистами и заключить с ними союз. Де Бургонь, два года командовавший оккупационным корпусом в Константинополе, предлагал вернуть Кемалю Смирну и Фракию, чтобы вернее привлечь новую Турцию на свою сторону.

«Я думаю, — писал де Бургонь, — что это явилось бы не слишком дорогой платой за содействие единственной армии в мире, которая могла бы теперь выступить против большевиков» [5].

Маневры германского империализма

Правящие круги Франции остались недовольны недавними соглашениями с Германией. Бриан, сменивший Мпльерана на посту премьера, добивался нового нажима на Германию.

Крупнейшие промышленники Германии, сами вызвавшие войну, теперь, после поражения, не хотели нести бремя репараций.

Уклоняясь от репараций, германский империализм предлагал за то свои услуги для борьбы с большевизмом. В январе 1921 г. промышленник Арнольд Рехберг по поручению Людендорфа представил докладную записку руководящим деятелям Антанты с предложением организовать новую вооруженную интервенцию против Советской России. Подобную же идею с обычными для нее наглостью и цинизмом проповедовала и национал-социалистская партия Гитлера.

Но антисоветская активность не принесла германским милитаристам тех результатов, на которые они рассчитывали. Им не удалось добиться частичного пересмотра Версальского договора. Вместе с тем экономические позиции американского и английского империализма в немецком народном хозяйстве укреплялись; при этом дело не ограничивалось вос-

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 555.
[2] См. сб. статей «Ленин и Восток». М., 1960, стр. 196.
[3] «Коммунист», 1957, № 15, стр. 14.
[4] См. «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 696.
[5] «Echo de Paris», 12. I. 1921.

становлением довоенных связей. Особенно активно действовали монополии, связанные с военным производством. Германские промышленники стали получать крупные займы от США. В 1919—1920 гг. в Берлине и Гамбурге были открыты филиалы банков Моргана [1].

На всякого рода совещаниях и в комитетах германские представители выступали с докладными записками о крайне затруднительном положении Германии. Разумеется, состояние германской экономики в результате грабительского Версальского договора было очень тяжелым; народ изнывал под бременем непосильных репараций, принудительных поставок и т. п. Но положение еще более усугублялось тем, что германские монополии проводили крайне реакционную политику, отстаивая лишь свои узкокорыстные интересы, зачастую резко противоречившие интересам страны в целом.

Большие надежды возлагали германские империалисты на предстоящую Парижскую конференцию: на предварительной конференции экспертов в Брюсселе в конце 1920 г. они добились некоторых уступок и надеялись, что конференция их закрепит. На Парижской конференции (24—30 января 1921 г.) союзники представили свою схему уплаты репараций. Германия должна была платить ежегодные взносы: первые два года — по 2 млрд., три года — по 3 млрд., затем еще три года — по 4 млрд., следующие три года — по 5 млрд. и в оставшиеся 31 год — по 6 млрд. золотых марок. Всего, таким образом, Германия должна была уплатить 226 млрд. золотых марок. Все достояние страны, в частности выручка германских таможен, было объявлено гарантией выполнения репараций. В случае уклонения Германии от своих обязательств репарационная комиссия могла изъять поступления из таможен и даже взять в свои руки управление ими.

Решение Парижской конференции вызвали крайнее раздражение в Берлине. Министр иностранных дел Симонс заявил английскому послу протест. Он снова угрожал революцией в Германии. В ответ Германии было разрешено представить свои контрпретензии. Симонс немедленно заготовил предложения. Он исключил из всей суммы репараций 20 млрд., считая их уплаченными. Рядом финансовых комбинаций Симонс свел всю сумму репараций к 30 млрд. золотых марок. При этом Симонс оговорил, что сумма эта может быть оплачена только в том случае, если Верхняя Силезия останется за Германской империей [2], а Германия получит возможность восстановить свою международную торговлю.

Лондонская конференция и ее провал

Немецкие контрпредложения были вручены союзникам только 1 марта, спустя неделю после того, как началась первая Лондонская конференция (21 февраля — 14 марта 1921 г.), на которой выявились разногласия между Францией и Англией по ближневосточному вопросу.

На конференции в Лондоне были представлены Англия, Франция, Италия, Япония, Германия, Греция и Турция, двумя делегациями — одной от анкарского правительства во главе с Бекир-Сами-беем и другой от константинопольского — с великим визирем Тевфик-пашой. Последний, однако, никакой самостоятельной роли не играл: его использовали лишь для того, чтобы оказать влияние на анкарское правительство.

25 февраля 1921 г. турецкие представители выступили с требованием: 1) восстановить Турцию в границах 1913 г.; 2) очистить Смирну

---

[1] *K. Obermann.* Die Beziehungen des americanischen Imperialismus zum deutschen Imperialismus in der Zeit der Weimarer Republik (1918—1925). Berlin, 1952, S. 64—65.

[2] Так как в марте должен был состояться плебисцит в Верхней Силезии, германское правительство заблаговременно начало принимать меры, чтобы заставить местное население высказаться за оставление области в пределах Германии. В Верхнюю Силезию были направлены фашистские отряды. Они терроризировали население. Участились убийства политических деятелей из-за угла.

от греческих войск и вернуть ее туркам; 3) гарантировать безопасность и суверенитет Турции при установлении свободы проливов; 4) уничтожить режим капитуляций; 5) предоставить Турции право иметь военно-морские силы, достаточные для защиты ее берегов и территории.

Началась длительная дискуссия. Итальянские делегаты поддерживали пересмотр Севрского договора. Бриан занимал более умеренную позицию, но и он высказывался за частичное изменение Севрского договора. За кулисами Бриан довольно недвусмысленно давал понять кемалистам, что стоит за полное соглашение с Анкарой. Было очевидно, что французская дипломатия ведет интригу против Англии и одновременно силится отдалить кемалистов от Советской России.

Английские дипломаты в свою очередь пытались в частных переговорах договориться с Турцией. Ее хотели толкнуть против Советской страны. Ллойд Джордж имел беседу с главой турецкой делегации Бекир-Сами-беем, в ходе которой сделал ему предложение относительно протектората Турции над Закавказьем вместе с бакинскими нефтяными источниками. По свидетельству Мустафы Кемаль-паши, об этих переговорах не знали прочие участники турецкой делегации. Сведения о переговорах Ллойд Джорджа с Бекир-Сами-беем проникли в печать. Позже турецкое правительство объявило, что Бекир-Сами-бей вел переговоры с английским министром по собственной инициативе.

Убедившись, что ей не удастся достичь соглашения с турками, Англия добилась от Франции поддержки своей позиции, обещая со своей стороны поддержать французов в репарационном вопросе. Французы отказались от своих обещаний туркам. 11 марта Бриан и глава итальянской делегации Сфорца сообщили туркам, а Ллойд Джордж и Керзон — грекам, что предложения союзников сводятся к следующему: 1) эвакуация союзных войск из Константинополя; 2) участие турок в союзническом финансово-контрольном комитете в Турции; 3) сохранение турецкого суверенитета в Смирне, но оставление в городе греческого гарнизона; 4) независимость Турецкой Армении.

Ни турок, ни греков не удовлетворили эти предложения. Лондонская конференция кончилась провалом. Греция продолжала войну, а Турция вступила в переговоры с Советским правительством, которые успешно закончились 16 марта 1921 г. подписанием договора о дружбе и братстве.

Лондонский ультиматум Германии

Сближение франко-английских позиций на Ближнем Востоке позволяло обоим правительствам выступить с общей точкой зрения и по вопросу о репарациях. Контрпретензии Симонса конференция отказалась обсуждать. 3 марта 1921 г. союзники вручили Германии свой меморандум. Они указывали, что в течение двух лет после подписания Версальского договора германское правительство не раз его нарушало. Оно отказалось выдать преступников, нарушавших законы войны; оно не выполнило условий разоружения и не уплатило сумм, определенных договором и обязательствами, принятыми в Спа; наконец, оно организовало военные формирования по всей стране, снабжая их тем оружием, которое должно было быть сдано.

«Союзники... — говорилось в меморандуме, — не хотят более допускать этих постоянных уклонений от выполнения договора»[1]. Если до 7 марта Германия не признает парижского решения, то союзники займут города Дуисбург, Рурорт и Дюссельдорф на правом берегу Рейна, а также установят таможенные пункты на Рейне.

---

[1] «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. 3, вып. 11. М., 1929, стр. 82.

Германское правительство хранило молчание. 8 марта войска союзников оккупировали указанные выше рейнские города, приступив также и к применению экономических санкций.

Ссылаясь на Устав Лиги наций, германское правительство заявило протест, но это не дало результатов. Тогда Германия официально обратилась к Соединенным Штатам Америки с просьбой о посредничестве. США отклонили посредничество, но порекомендовали Германии составить новую схему репараций, чтобы переговоры могли быть возобновлены. Через лорда д'Абернона германское правительство узнало, что Англия не прочь пойти на новые переговоры. Ободренное поддержкой, германское правительство представило 24 апреля 1921 г. новые предложения, выражая готовность принять на себя обязательство репарационных платежей на общую сумму 50 млрд. золотых марок по современной их стоимости. Германия предлагала немедленно выпустить международный заем и выручку от него передать в распоряжение союзников.

Германское правительство соглашалось также принять на себя долговые обязательства союзников в отношении Америки. Этот пункт свидетельствовал о надежде Германии привлечь на свою сторону США, играя на их заинтересованности в получении долгов с Европы.

Германские предложения были подвергнуты обсуждению на второй Лондонской конференции, заседавшей с 29 апреля по 5 мая 1921 г. На конференции было рассмотрено решение репарационной комиссии о размере германских репараций. Общая их сумма была установлена в 132 млрд. золотых марок. Одновременно комиссия представила схему уплаты репараций. 5 мая союзники вручили Германии ультиматум с требованием принять предложения репарационной комиссии и выполнить все остальные условия Версальского мира. В случае отказа союзники угрожали занять Рур. На ответ давалось шесть дней. Ультиматум союзников вызвал политический кризис в Германии. Правительство ушло в отставку. Президент Эберт с большим трудом уговорил лидера католического центра доктора Вирта образовать новый кабинет, который опирался на коалицию из социал-демократов, центра и демократов. 11 мая 1921 г., за два часа до истечения срока, новое правительство уведомило союзников, что Берлин принимает все условия ультиматума.

Однако, приняв ультиматум союзников, германское правительство продолжало добиваться сохранения за собой всей Верхней Силезии. Межсоюзная комиссия предложила генералу Феферу, командующему германскими силами, прекратить столкновения с поляками и отозвать свои войска.

Под нажимом британской дипломатии между поляками и немцами было заключено перемирие. Но достигнуть соглашения Германии с Польшей по вопросу о разделе Верхней Силезии не удалось. Поэтому решено было передать спор на рассмотрение Верховного совета союзников. Заседание совета состоялось 8 августа 1921 г. в Париже. По предложению итальянских делегатов Верховный совет постановил перенести верхнесилезский конфликт в Совет Лиги наций. Последний, со своей стороны, передал этот вопрос на рассмотрение подкомиссии в составе четырех непостоянных своих членов: Бельгии, Испании, Бразилии и Китая. Комиссия в таком составе решила судьбу Верхней Силезии, разделив ее между Германией и Польшей. Обширные польские территории, захваченные немцами, сохранились за Германией.

Анкарский договор (20 октября 1921 г.)

В Париже были раздражены поддержкой, которую оказывала Германии английская дипломатия. Тайно от Англии французы начали переговоры с Турцией о заключении нового мирного договора. Переговоры вел в Анкаре председатель французской сенатской комиссии по иностранным делам Франклен-Буйон. Когда англичане узнали о его поездке,

они запросили объяснений в Париже. Бриан ответил, что Франклен-Буйон поехал в Анкару в качестве частного лица по торговым делам.

После поражения греков при Сакарии, Франклен-Буйон подписал 20 октября 1921 г. договор с Турцией. Договор предусматривал прекращение военных действий, эвакуацию французских войск из Киликии, предоставление французам железнодорожной концессии и т. д. Буйон не жалел ни золота, ни лести, чтобы добиться от турок желаемых уступок. В конечном счете он имел целью добиться разрыва кемалистской Турции с Советской Россией. Попутно он не прочь был осложнить и англо-турецкие отношения.

Сепаратный Анкарский договор вызвал серьезное недовольство в Англии. Керзон упрекал французов в том, что односторонним соглашением они нарушили свои союзные обязательства. Французская дипломатия заверяла, что Анкарский договор не направлен против Англии: он касается лишь частных вопросов франко-турецких отношений.

В версальской системе все явственнее обозначались глубокие трещины.

В центре Европы напряженные отношения складывались между Германией, Чехословакией, Австрией. Обострены были взаимоотношения чехов с венграми и поляками. Шла борьба между балканскими странами. Развивалось соперничество Англии и Франции из-за гегемонии в Европе, на Балканах, на Ближнем Востоке. Углублялась вражда между Францией и Германией, Италией и Францией. Все эти противоречия расшатывали версальскую систему. Чтобы сохранить и укрепить ее, отточить ее антисоветское жало, в руководящих сферах Антанты возникла мысль об организации блока государств Центральной и Юго-Восточной Европы, которые были особенно заинтересованы в сохранении послеверсальского status quo. Руководящую роль в этом деле взяла на себя французская дипломатия. Еще 14 августа 1920 г. между Чехословакией и Югославией был подписан в Белграде сроком на два года договор об «оборонительном союзе». 23 апреля 1921 г. Румыния заключила союзный договор с Чехословакией. 7 июня 1921 г. был заключен договор между Румынией и Югославией. Наконец, 31 августа 1922 г. был подписан договор между Чехословакией и Югославией, по которому действие союзного соглашения от 14 августа 1920 г. было продлено на пять лет. Так сложилась Малая Антанта из Румынии, Чехословакии и Югославии — французский страж Версаля на юго-востоке Европы. Польша и Греция к Малой Антанте не примкнули, хотя 3 марта 1921 г. и был подписан договор о румыно-польском союзе.

Однако эти соглашения, не имевшие ничего общего с жизненными интересами народов, не ослабили, а, напротив, обострили противоречия версальской системы, подготовили ее будущий кризис.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В БОРЬБЕ ЗА ДЛИТЕЛЬНУЮ МИРНУЮ ПЕРЕДЫШКУ (1921 г.)

Экономический кризис 1920 г.

Интервенция Антанты потерпела крах. Тем не менее заправилы Антанты отнюдь не намеревались прекращать борьбы против Советской власти. Приходилось, однако, менять методы действий. К этому их вынуждали не только военные победы Советской страны, но и изменение обстановки в самих буржуазных государствах.

В 1920 г. в капиталистическом мире разразился экономический кризис, затронувший прежде всего Японию и США. Затем кризис перекинулся и на другие страны. К апрелю 1921 г. в них насчитывалось 10 млн. безработных и почти 30 млн. полубезработных. Кризис обострил межимпериалистические противоречия, усилил революционное движение во Франции, Италии, Англии. Началась массовая стачка английских горняков. В Мансфельде и ряде других германских городов вспыхнуло восстание. Народные массы обращали взоры к республике Советов, где рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки и, отразив нападение врагов, приступили к мирному хозяйственному строительству. Трудящиеся нашей страны, руководимые партией коммунистов, в сложнейших условиях строили социалистическое общество.

Рост революционного и национально-освободительного движения усиливал враждебность империалистических правительств к России. Не одолев силой Советского государства, реакционные круги Антанты перешли к попыткам изолировать его от внешнего мира и взорвать изнутри. Каждая из империалистических держав стремилась выйти из экономического кризиса прежде всего за счет Советской страны.

Обстановка в Прибалтике и Польше. Кронштадтский мятеж

Особое внимание Антанта уделяла Польше. Подписав договор о прелиминарном мире, Польша не прекратила враждебных действий против Советской Украины и Советской Белоруссии. На южном участке Украинского фронта поляки оставили банды Петлюры, которые продолжали борьбу против Красной Армии.

Разгром Красной Армией Врангеля вызвал переполох в стане покровителей Польши. Антанта попыталась взять дипломатический реванш, вмешавшись в конфликт Польши с Литвой из-за Вильно (ныне — Вильнюс).

По мирному договору, заключенному между РСФСР и Литвой в 1920 г., Вильно было передано литовскому государству. 9 октября 1920 г. генерал Желиговский, опираясь на поддержку Франции, занял г. Вильно. Между Литвой и Польшей было объявлено состояние войны. Советское правительство решительно протестовало против захвата Вильно Польшей. В дело вмешалась Антанта. В Лиге наций в 1921 г. возник так называемый проект Гиманса. Сущность его сводилась к тому, что Виленский округ объявлялся автономным, но вся Литва объединялась с Польшей. Проект объединения Литвы и Польши имел в виду создание нового фронта против Советской России. Поддержанная РСФСР, Литва отвергла проект Гиманса, как и другие решения Лиги наций по «виленскому вопросу». Однако под нажимом французской дипломатии Совет Лиги решил «виленский вопрос» в пользу Польши.

3 марта 1921 г. Румыния заключила военную конвенцию с Польшей; обе стороны обязывались помогать друг другу в борьбе за неприкосновенность своих границ. Польско-румынский союз, заключенный при активном содействии французской дипломатии, явно имел целью подготовить плацдарм для нападения на Советскую республику.

Осуществляя свои замыслы в Прибалтике и Польше, агенты империалистов Антанты одновременно подготовляли контрреволюционное восстание в самой Советской России. В начале марта 1921 г. вспыхнул мятеж в Кронштадте; нити его вели за пределы страны. Захват Кронштадта должен был передать в руки врагов Советской страны ключ к Петрограду. Буржуазная пресса во всю трубила о «народной революции» в Кронштадте, о «волнениях» в Москве и Петрограде, утверждая, будто «крах советского режима неминуем в ближайшем будущем». Империалисты помогали путчистам через Эстонию.

Самый срок мятежа был избран не случайно. В Москву из Анкары прибыла правительственная делегация для заключения договора между РСФСР и Турцией. Находился в Москве и представитель Ирана. В Риге заканчивались переговоры о подписании мирного договора с Польшей. Империалисты хотели во что бы то ни стало сорвать подготовляемые соглашения Советской страны с ближайшими соседями. Попытка эта потерпела крушение. 18 марта мятеж в Кронштадте был ликвидирован. Как раз в этот день был подписан в Риге мир с

Польшей. Не удалось империалистам помешать и переговорам Советского правительства со странами Востока.

Советско-иранский договор (26 февраля 1921 г.)

Первым из соглашений Советской России со странами Востока был договор с Ираном. (До 1935 г. страна именовалась Персией.) В правящих кругах Ирана шла острая борьба двух различных ориентаций — сторонники первой из них держали курс на дружбу с Советской Россией, сторонники второй — выступали за сохранение зависимости страны от Англии. В октябре 1920 г. у власти в Иране стал национальный кабинет. Советское правительство предложило ему заключить дружественный договор. Это предложение произвело на общественность страны огромное впечатление.

«Среди мрака, окутавшего наш политический горизонт, — писала газета «Рехнема», — вдруг со стороны севера и Советской России сверкнули ослепительные молнии. Они... дали нам возможность лучше осмотреться в обстановке, избрать для себя твердый и более уверенный курс».

В ноябре в Москву прибыл полномочный представитель Ирана Али-Гули-хан Мошавер-оль-Мемалек. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР в своем годовом отчете VIII Всероссийскому съезду Советов (декабрь 1920 г.) отмечал: «Начавшиеся в Москве переговоры с Мошавер-оль-Мемалеком исходят из того же принципа невмешательства во внутренние дела другой страны и установления безусловно добрососедских отношений между Россией и Персией. Советское Правительство решило бесповоротно отказаться от хищнической политики царизма в Персии, как и на всем Востоке, и от всех приобретенных царским правительством прав в этих странах, ограничивавших их независимость и самоопределение. Эти именно начала положены в основу вырабатываемого в Москве договора с Персией» [1].

В. И. Ленин внимательно следил за ходом переговоров и в своем докладе на съезде приветствовал «предстоящее подписание договора с Персией, дружественные отношения с которой обеспечены в силу совпадения коренных интересов у всех народов, страдающих от гнета империализма» [2].

Подписание советско-иранского договора состоялось 26 февраля 1921 г. Советское правительство торжественно заявляло об отказе от всех неравноправных договоров, а также от соглашений, заключенных во вред Ирану царским правительством с третьими державами. Ирану возвращались все концессии и имущества, полученные царизмом на его территории. Объявлялись аннулированными долги, числившиеся за Ираном

[1] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 729—730.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 42, стр. 132.

в отношении царской России. Оба правительства согласились в равной степени пользоваться правом свободного плавания по Каспийскому морю. Иранское правительство давало обязательство заключить соглашение о предоставлении РСФСР права эксплуатации рыбных промыслов на южном побережье Каспийского моря.

Желая искренне помочь иранскому народу в развитии экономики, РСФСР безвозмездно передала в полную собственность иранского народа сооруженные русскими шоссейные и железные дороги, телеграфные и телефонные линии, электростанцию, порт, товарные склады, пароходы, баржи и др. — на сумму в 600 млн. руб. золотом.

Ст. 4 договора, основываясь на принципе мирного сосуществования, признавала право каждого народа на свободное разрешение своих политических судеб и объявляла, что каждая из сторон будет строго воздерживаться от вмешательства во внутренние дела другой. Обе стороны обязывались не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, имеющих целью борьбу против России или Ирана.

Особое значение имела ст. 6, в которой предусматривались совместные меры в случае вооруженного вмешательства со стороны империалистов.

Советско-иранский договор, укрепив независимость иранского народа, стал серьезной преградой на пути английских, американских империалистов в их стремлении к порабощению Ирана. Это был первый равноправный договор, подписанный Ираном с великой державой. Он явился примером осуществления ленинских принципов внешней политики: равноправия, уважения суверенитета других народов, невмешательства во внутренние дела другой стороны, бескорыстной помощи в экономическом и культурном развитии и т. д. Советско-иранский договор был одним из первых международных дипломатических документов, закреплявших принцип мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Советско-афганский договор (28 февраля 1921 г.)

Вскоре был заключен советско-афганский договор. События в России оказали глубокое влияние на обстановку в Афганистане, вся внутренняя и внешняя политика которого долгое время контролировалась Великобританией. В феврале 1919 г. к власти пришел молодой и энергичный Аманулла-хан, являвшийся представителем прогрессивных элементов Афганистана и сторонником внутренних реформ в своей стране. 28 февраля он провозгласил политическую независимость Афганистана, немедленно признанную Советской республикой.

Стремясь задушить свободу афганского народа, Англия развязала захватническую войну против Афганистана. Серьезно

озабоченный создавшимся положением, Аманулла-хан 7 апреля в послании на имя председателя ВЦИК писал: «...заявление о единении и дружбе считаю неотложно необходимым во имя объединения, мира и блага человечества» [1].

Афганское правительство направило в РСФСР и Европу специальное посольство во главе с Мухаммедом Вали-ханом, чтобы известить все иностранные державы о независимости Афганистана и установить дипломатические отношения на равноправной основе. Правительства стран Антанты не пустили его ни в одну из столиц. Только Советская Россия объявила о немедленной готовности обменяться посольствами.

Дипломатическая поддержка Советской республики в сочетании с изменившейся после Октябрьской революции международной обстановкой и подъемом национально-освободительного движения на всем Востоке благоприятствовала успеху Афганистана в борьбе за независимость. По Равалпиндскому прелиминарному договору (август 1919 г.) Англии фактически пришлось признать независимость и суверенитет Афганистана.

Вскоре после этого посольство Мухаммеда Вали-хана прибыло в Москву и начало переговоры о заключении договора с РСФСР. Посольство было принято В. И. Лениным. Одновременно в Кабуле такие же переговоры вел Я. З. Суриц — полномочный представитель РСФСР в Центральной Азии, на которого было возложено осуществление дипломатических отношений с независимым Афганистаном.

Касаясь переговоров с Афганистаном, Г. В. Чичерин в «Отчете VII съезду Советов» писал: «...наши совместные переговоры выяснили полное тождество наших интересов в борьбе азиатских народов за самоопределение, против хищного и беспринципного поработителя» [2].

13 сентября 1920 г. в Кабуле состоялось подписание предварительного советско-афганского договора, главной задачей которого было установление мирных, добрососедских отношений между обеими странами. Правительство РСФСР брало на себя материальную и культурную поддержку молодого самостоятельного афганского государства. В 1920 г. Советское правительство подарило афганскому народу оборудованную по последнему слову техники радиотелеграфную станцию. «Пусть это великое изобретение человеческого гения, — отмечалось в ноте НКИД РСФСР, — уничтожит преграды, воздвигнутые природой между нашими странами, и пусть этот дар послужит залогом незыблемости и плодотворности нашего единения» [3].

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 175.
[2] Там же, стр. 620—621.
[3] Там же, стр. 550—551.

28 февраля 1921 г. в Москве состоялось окончательное подписание договора. Каждая из договаривающихся сторон заявляла о признании независимости другой стороны и брала на себя обязательство не вступать с третьей державой в военное или политическое соглашение, которое доставило бы ущерб другой договаривающейся стороне. Обе стороны подтвердили свободу наций Востока на основе самостоятельности и в согласии с общим желанием каждого из его народов. Советская Россия обеспечивала свободный и беспошлинный транзит через свою территорию грузов, закупленных Афганистаном, и обязывалась оказывать денежную и другую материальную помощь этой стране.

Дальнейшее развитие советско-афганских отношений может служить прекрасным примером воплощения в жизнь принципов ленинской политики в отношении государств Востока. В инструкции советским дипломатическим представителям в Афганистане (1921 г.) они излагались следующим образом:

«Наша политика есть политика мира и сотрудничества между всеми народами. В настоящее время, когда восточные народы, как экономически отсталые, болезненно ощущают иностранное экономическое угнетение, Социалистическая Советская Россия является для них естественным другом. Наша политика на Востоке не агрессивна, она есть политика мира и дружбы. Вы должны систематически во всей Вашей работе выдвигать этот основной момент и, в частности, в Кабуле ставить основной целью Вашей деятельности развитие нашей дружбы с Афганистаном. Дружба предполагает взаимное содействие, и, исходя из нашего желания по мере возможности способствовать развитию и процветанию дружественного афганского государства, мы готовы оказывать ему на этом мирном поприще все содействие, какое в наших силах.

Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывают общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самодеятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самодеятельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда...» [1]

Эти ленинские положения легли в основу взаимоотношений СССР с Афганистаном и другими восточными странами.

---

[1] См. сб. статей «Ленин и Восток», стр. 246—247.

Советско-турецкий договор 16 марта 1921 г.

16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор между Советской Россией и кемалистской Турцией. Со стороны РСФСР его подписал Г. В. Чичерин, со стороны Турции — Юсуф Кемаль-бей [1].

Оба правительства в преамбуле объявили, что, «...разделяя принципы братства наций и права народов на самоопределение, отмечая существующую между ними солидарность в борьбе против империализма, равно как и тот факт, что всякие трудности, созданные для одного из двух народов, ухудшают положение другого, и всецело воодушевляемые желанием установить между ними постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон, решили заключить договор о дружбе и братстве...» [2]

Обе стороны, констатируя соприкосновение между национальным освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социальный строй, торжественно признали за этими народами право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления, согласно их желаниям.

Все старые царские договоры, навязанные Турции, были ликвидированы. Советское правительство отказывалось от режима капитуляций. Долги, которые Турция выплачивала царскому правительству, были объявлены аннулированными. Наконец, договором предусматривалось, что вопрос о режиме проливов будет передан на обсуждение стран Черноморского побережья. За Турцией оставались Карс, Ардаган и Артвин.

Этот договор имел большое международное значение. Дружественная позиция Советской России, помощь, оказанная ею Турции, не позволили империалистическим державам изолировать и задушить национально-освободительное движение в Турции. Понимая это, Мустафа Кемаль писал в личном послании В. И. Ленину: «Дружба с Россией является постоянно, как это было и в прошлом, основой политики правительства Великого Национального Собрания Турции» [3].

Турецкий народ горячо одобрял такую политику своего правительства, выражая чувства искренней симпатии и благодарности к советскому народу.

---

[1] 2 января 1922 г. во время пребывания в Анкаре советской делегации во главе с М. В. Фрунзе состоялось подписание договора о дружбе и братстве между Турцией и УССР. Несколько ранее был заключен договор о дружбе между Турцией и закавказскими республиками.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. III, стр. 597.

[3] «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 115.

Установление отношений с Монголией

Отношения Советской России и народной Монголии с самого начала строились на основе доверия, взаимопомощи и братства. В августе 1919 г. Советское правительство опубликовало обращение к монгольскому народу, в котором говорилось: «Русский народ отказался от всех договоров с японским и китайским правительствами относительно Монголии. Монголия есть свободная страна. Русские советники, царские консулы, банкиры и богачи, державшие силой и золотом в своих руках монгольский народ и выжимавшие из него последние соки, должны быть выгнаны из Монголии. Вся власть и суд в стране должны принадлежать монгольскому народу. Ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии» [1].

В то время монгольский народ вел тяжелую борьбу против японских империалистов и их ставленников. В ходе этой борьбы руководители революционных групп, из которых несколько позже возникла Народно-революционная партия Монголии, решили установить связь с Советским государством, с Лениным. Осенью 1920 г. в Москву прибыла монгольская делегация, которая передала Советскому правительству письмо монгольского народа. В письме говорилось: «Мы просим помощи у Великой Советской России. Мы хотим сделать свою страну независимой». Делегация была принята В. И. Лениным, который долго беседовал с ее участниками.

Сопровождавший делегацию Б. З. Шумяцкий в своих воспоминаниях рассказывал: «На вопрос монголов, как он относится к их борьбе за освобождение Монголии от китайской военщины, находившейся под воздействием оккупационных сил так называемого японского экспедиционного корпуса, занявшего тогда советский Дальний Восток, — Владимир Ильич ответил подробным анализом военного положения Монголии. Он указал на ее роль как буфера между двумя борющимися мирами и отметил, что единственным правильным путем для всякого трудящегося этой страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость.

Эту борьбу, — говорил монголам Владимир Ильич, — разрозненно вести нельзя, нужна объединенная организация сил, организация политическая и государственная» [2].

Осенью 1920 г. положение в Монголии осложнилось. На ее территорию вторглись остатки разгромленных Красной Армией банд атамана Семенова, во главе которых стоял барон Унгерн фон Штернберг. При поддержке японцев он объединил силы

[1] Цит. по кн.: *А. Н. Хейфец.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1964, стр. 430.

[2] См. *А. Н. Хейфец.* Ленин — великий друг народов Востока. М., 1960, стр. 139.

монгольских феодалов и установил в стране кровавый террористический режим. Однако и Унгерну, несмотря на помощь Японии, не удалось закрепиться в Монголии. Трудящиеся Монголии создали народную армию для борьбы с белогвардейской диктатурой, а 13 марта 1921 г. на севере страны было образовано временное народное правительство. 10 апреля 1921 г. оно обратилось к правительству РСФСР с просьбой оказать военную помощь в борьбе против белогвардейских банд. На борьбу с Унгерном за освобождение Монголии выступили части Красной Армии. Уже 6 июля 1921 г. ими была освобождена столица Монголии Урга (ныне Улан-Батор). К концу 1921 г. Красная Армия и отряды монгольских патриотов освободили от белогвардейцев всю территорию страны. В ходе совместной борьбы против белогвардейцев укреплялись дружба и сотрудничество обеих стран. 10 сентября 1921 г. правительство Монголии просило Советскую Россию принять на себя посредничество в деле урегулирования взаимоотношений Монголии и Китая [1], а несколько позже для подписания советско-монгольского договора в Москву была направлена чрезвычайная миссия во главе с вождем монгольского народа Сухе-Батором.

Делегация была принята В. И. Лениным, который в ходе беседы сказал: «И впредь мы, Россия и Монголия, должны действовать в политическом отношении, как соседние государства, а в дружественном отношении — как старшие и младшие братья» [2]. Этот ленинский завет определил все дальнейшее развитие советско-монгольских отношений.

5 ноября 1921 г. было подписано соглашение об установлении дружественных отношений между Советской Россией и Монгольской Народной Республикой. После 1924 г., когда МНР стала на путь некапиталистического развития, братские связи между двумя странами еще более укрепились.

Переговоры с Китаем

В своих отношениях с государствами Востока Советское правительство неизменно придерживалось принципов равноправия, уважения суверенитета и национального достоинства всех без исключения стран.

Советская Россия предлагала Китаю вступить в переговоры об установлении дружественных отношений. Однако пекинское правительство не решалось пойти на это. Только в сентябре 1920 г. в Москву прибыла из Китая специальная военно-дипломатическая миссия во главе с генералом Чжан Сы-линем.

В результате переговоров 18 сентября 1920 г. китайское правительство приняло решение о прекращении деятельности

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. IV. М., Госполитиздат, 1960, стр. 332—333.

[2] Цит. по кн.: *А. Н. Хейфец.* Ленин — великий друг народов Востока, стр. 143.

миссии и консульств царского правительства. Все концессии, принадлежавшие царскому правительству, были взяты под контроль китайских властей. Все эти мероприятия были встречены в штыки империалистическими странами, которые видели в них шаг к ликвидации экстерриториальных прав иностранных держав в Китае. 27 сентября правительство РСФСР вновь обратилось к китайскому правительству с предложением об установлении «тесного союза между обеими Великими Республиками» [1].

Однако переговоры, начатые миссией Чжан Сы-линя в Москве, не получили тогда дальнейшего развития. 28 сентября Чжан Сы-линь получил из Пекина указание выехать в Китай. Почти одновременно, уступая нажиму со стороны империалистических держав, китайское правительство 2 октября заключило с Русско-Азиатским банком, находившимся под полным контролем Франции, соглашение, которое предоставляло банку право на эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги.

31 октября состоялась последняя встреча китайской миссии и членов коллегии НКИД, а 2 ноября 1920 г., перед отъездом из Москвы, Чжан Сы-линь был принят В. И. Лениным. Считая приезд китайской миссии шагом к ознакомлению и сближению с Советской республикой, глава Советского правительства выразил уверенность в том, что эта связь упрочится, так как Китай и РСФСР объединяют цели борьбы с игом империализма [2].

Длительное время пекинское правительство вело политику выжидания. Первая делегация РСФСР прибыла в Пекин только в декабре 1921 г. Ряд причин привел пекинское правительство к решению пригласить советских представителей: и разгром интервенционистских войск в России, и мирные договоры с Финляндией и Польшей, и торговое соглашение с Англией — все это свидетельствовало о быстро растущем международном авторитете Советской России. В Пекине, кроме того, побаивались наметившегося сближения Советской России с революционным правительством Сунь Ят-сена на юге страны, а также рассчитывали в ходе переговоров оказать на советскую делегацию нажим в связи с пребыванием частей Красной Армии на территории Внешней Монголии. Основным предметом двусторонних переговоров было положение на КВЖД. Однако позднее китайское правительство заявило, что считает необходимым отложить обсуждение вопроса о КВЖД до предстоящей Вашингтонской конференции, хотя этот вопрос касался только Китая и России. Было очевидно, что за спиной пекинских вла-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. III, стр. 213.
[2] См. «Известия», 9 ноября 1920 г.

стей стояли и оказывали на них давление державы, враждебные Советской России и китайскому народу.

Соглашение с Англией

С каждым годом укреплялись узы дружбы и братства, связывавшие Советскую Россию с народами Востока. Одновременно налаживались деловые отношения нашей страны с капиталистическими государствами. Трудящиеся буржуазных стран решительно требовали признания Советской России, и это оказывало свое воздействие. 16 марта 1921 г. успешно завершились длительные переговоры с английским правительством о заключении экономического и политического соглашения.

Начало этим переговорам было положено вскоре после решения Верховного совета Антанты о снятии блокады с России. Однако в решении союзного совета говорилось о восстановлении торговых отношений с русским народом, «минуя» Советское правительство. Поэтому в качестве органа, ведущего торговлю с заграницей, был выдвинут Центросоюз. В состав делегации были включены Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, В. П. Ногин и работник Центросоюза С. З. Розовский [1]. Переговоры, вскоре принявшие не чисто торговый, а политический характер, велись с перерывами с апреля по ноябрь 1920 г.

В ходе переговоров Красин требовал полного снятия блокады, организации взаимного торгового представительства, прекращения поддержки Польши, которая вела в это время войну против Советской России. Английские представители настаивали на отказе Советского правительства от «поддержки враждебных Англии стремлений в странах Востока», на признании царских долгов.

В конце июня, когда развернулось наступление Красной Армии на польском фронте, и британское правительство прервало переговоры, пытаясь тем самым оказать нажим на Советскую Россию.

9 ноября 1920 г. правительство РСФСР обратилось к правительству Великобритании с нотой, в которой предлагало «дать прямой и скорый ответ на вопрос, готово ли оно... немедленно же приступить к переговорам...» [2]. 18 ноября Ллойд Джордж заявил в палате общин, что основы соглашения с Россией выработаны кабинетом. Наконец, 29 ноября 1920 г. Л. Б. Красину был официально вручен британский проект соглашения. Тем самым переговоры вступили в заключительную фазу, однако британское правительство все еще не оставляло попыток навязать Советской России невыгодные условия. В результате соглашение было подписано только 16 марта 1921 г.

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 676.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. III, стр. 323.

Основное его содержание сводилось к следующему. Правительства РСФСР и Великобритании взаимно обязывались воздерживаться от всяких враждебных действий и пропаганды друг против друга; подданные того и другого государства получали право вернуться на родину; между договаривающимися сторонами возобновлялись торгово-политические отношения, в этих целях они взаимно обменивались торговыми представительствами. Правительство Великобритании обязывалось не предпринимать никаких действий для завладения золотом, имуществом и товарами, принадлежащими Советскому правительству; со своей стороны правительство Советской России в особой декларации, приложенной к договору, выражало готовность уплатить в будущем соответствующее возмещение тем частным лицам, которые поставили товары или оказали другие услуги России. Впрочем, имелось в виду, что разрешение этих вопросов последует по заключении общего мирного договора.

Полуполитическое, полуторговое соглашение от 16 марта 1921 г. означало, что британское правительство де-факто признало Советскую Россию, хотя между обеими странами и оставались открытыми спорные вопросы. 23 марта 1921 г. Ллойд Джордж официально объявил, что англо-советское соглашение означает фактическое признание Советской России.

Советско-английское соглашение впервые официально признавало принцип монополии внешней торговли и, как следствие этого, предусматривало создание государственных торговых представительств с дипломатическими привилегиями для ведения торговых операций между двумя странами. В силу всего этого соглашение с Англией явилось примером для целого ряда торгово-политических соглашений нашей страны с государствами Западной Европы.

Переговоры между Советской Россией и Англией вызвали тревогу в Германии. Всполошились немецкие промышленные круги, опасаясь, что они будут вытеснены с русского рынка. В январе 1921 г. Русско-Германское общество, созданное для развития торговли с Россией, решило послать делегацию в Москву. В рейхстаге раздавались требования возобновить дипломатические и торговые отношения с Советской страной. Но германское правительство не торопилось. 22 января 1921 г. министр иностранных дел Симонс выступил против установления дипломатических отношений с РСФСР. Симонс доказывал, что дипломатические отношения с Россией не могут быть установлены, пока Советское правительство не даст полного удовлетворения за убийство Мирбаха. Довод был явно надуманным: правительство назначило Гельфериха преемником графа Мирбаха в качестве посла в Москве и тем самым инцидент представлялся исчерпанным. Опубликование советско-английского

соглашения от 16 марта 1921 г. заставило германское правительство изменить свою позицию: оно начало переговоры с Советской Россией. К тому же попытки Германии добиться пересмотра репарационного плана в то время были неудачны.

6 мая 1921 г. было заключено временное советско-германское соглашение о возобновлении торговых отношений между обеими странами. Подписано было также дополнительное соглашение об обмене военнопленными и интернированными. Это было первое послевоенное соглашение, в котором Германия выступила в качестве равноправного партнера. Так, медля с официальным признанием Советского государства, правительство Германии старалось в то же время использовать выгоды деловых связей с ним. Соглашение это, означавшее фактическое признание РСФСР Германией, было выгодно и для Советской России. Оно означало удар по планам американских и иных империалистов.

Попытка империалистов использовать голод в России

Советская страна успешно восстанавливала свое хозяйство. Но летом 1921 г. республику постигло новое бедствие — неурожай. Больше 20 млн. человек в Поволжье, областях Украины и Северного Кавказа было охвачено голодом.

Советская власть приняла срочные меры для помощи голодающим. Уже 7 мая 1921 г. В. И. Ленин и нарком внешней торговли Л. Б. Красин направили советскому представительству в Лондоне телеграмму, в которой требовали немедленно закупить до 2 млн. пудов пшеницы [1]. До этого наш импортный план был рассчитан на закупку за границей промышленного и транспортного оборудования, но бедствие в Поволжье заставило покупать в первую очередь продовольствие. Впоследствии Л. Б. Красин писал: «Владимир Ильич лично следил чуть ли не за каждым отходящим из-за границы пароходом и буквально бомбардировал нас телеграммами и записками, умоляя сделать все возможное, чтобы скорее помочь голодающим районам» [2].

Ресурсы молодого Советского государства, истощенные войной и иностранной интервенцией, были невелики. Советское правительство было вынуждено обратиться за помощью к народам всего мира.

6 августа в «Правде» было опубликовано обращение В. И. Ленина к международному пролетариату. В обращении говорилось:

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 109.
[2] *Л. Б. Красин.* Вопросы внешней торговли. М., 1928, стр. 48.

«Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев.

Массы тех и других сами угнетены капитализмом и империализмом повсюду, но мы уверены, что, несмотря на их собственное тяжелое положение, вызванное безработицей и ростом дороговизны, они откликнутся на наш призыв» [1].

И зарубежные трудящиеся пришли на помощь Советской республике. Уже к маю 1922 г. только американские рабочие собрали около 4,5 млн. долл., а помощь пролетариев всех стран выразилась в сумме 1 млрд. марок, что позволило специально созданному Международному комитету рабочей помощи закупить и послать в Россию около 20 тыс. *т* продовольствия и медикаментов [2].

В то же время голод в России оживил надежды империалистов на «автоматический крах» Советской власти. Особую активность проявляли Соединенные Штаты Америки, которые раньше других держав решили использовать ситуацию, созданную голодом. Ряд причин побуждал правящие круги США к такой активности. Во-первых, в 1921 г. в стране продолжался очередной экономический кризис, который особенно больно ударил по сельскому хозяйству. На хлебной бирже в Чикаго осенью 1921 г. пшеница котировалась по цене 99,5 цента за бушель (35,2 *л*); такой низкой цены не существовало с первых дней мировой войны [3]. Поэтому отправка скопившихся запасов хлеба за океан должна была прежде всего помочь искусственно поддержать высокие цены на хлеб в США. Во-вторых, помощь голодающим в России должна была поднять авторитет правительства США внутри страны и за рубежом. В-третьих, доставка продовольствия на места и участие в его распределении сулили известные возможности для экономической, военной и политической разведки.

Все это, вместе взятое, привело к тому, что 23 июля Американская администрация помощи (АРА) выразила согласие организовать помощь голодающим в России, особенно детям.

Руководитель АРА, министр торговли США, будущий президент Г. Гувер характеризовал АРА как совершенно частную организацию. Однако ни для кого не были секретом ни тесная связь АРА с государственным аппаратом США, ни специфический характер ее деятельности. Достаточно упомянуть, что Гувер снабжал американским продовольствием войска бело-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 44, стр. 75.

[2] См. *Д. М. Сташевский.* Экспансія США в Европі під виглядом допомогі. Київ, 1960, стр. 217.

[3] См. «Исторические записки», т. 29, 1949, стр. 5.

гвардейских генералов, одновременно выступая за блокаду Советской республики.

10 августа в Риге начались переговоры между представителями АРА и Советского правительства об условиях оказания помощи. Нашу делегацию возглавлял М. М. Литвинов, от имени АРА выступал У. Л. Браун. Браун начал с того, что выложил на стол требования АРА. В их числе были: невмешательство Советского правительства в деятельность АРА; свобода въезда, выезда и передвижения по России представителям этой организации; право АРА создавать комитеты на местах для распределения продовольствия и т. п.

В ходе переговоров М. М. Литвинов, выполняя указания В. И. Ленина, заявил, что Советское правительство не может признать за АРА «права на экстерриториальность». Советское правительство не могло допустить, чтобы АРА «образовала в Советском государстве совершенно самостоятельное государство...» [1] Тем самым были ясно показаны границы уступок, дальше которых советская делегация не пойдет. 20 августа стороны подписали соглашение, по которому Советское правительство обязывалось создать необходимые условия для деятельности АРА в России: разрешался приезд персонала АРА, он получал право свободных разъездов по служебным делам. Советское правительство принимало на себя все расходы, связанные с помощью, кроме стоимости самих продовольственных грузов и расходов по их доставке в порт назначения. В то же время АРА со своей стороны соглашалась снабжать «пищей, одеждой и медицинской помощью больных и в особенности детей», а ее представители обязывались не заниматься «какой-либо коммерческой или политической деятельностью». Пункт, вызвавший наиболее острые споры, был сформулирован так: «АРА будет иметь право создавать необходимые организации для выполнения своей работы по оказанию помощи без какого-либо правительственного или иного вмешательства. Центральные или местные органы Советской власти имеют право быть в них представлены» [2].

После подписания соглашения представители АРА прибыли в Россию. В наиболее критический момент (июнь 1922 г.) АРА довела число тех, кто получал от нее продовольствие, до 10 млн. человек. Это, разумеется, было немалым подспорьем для голодающих.

Вместе с тем с первых же дней пребывания представителей АРА на нашей земле ее органы стали развертывать антисовет-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 279.

[2] Там же, стр. 283. Подробнее об отношениях советских учреждений с АРА см. *А. А. Макаренко.* Мировой пролетариат — стране Советов. Киев, 1963.

скую агитацию, притягивать к себе силы контрреволюции. Одновременно они начали сбор шпионской информации.

Органам Советской власти пришлось проделать большую работу, чтобы очистить комитеты АРА от контрреволюционных элементов и добиться распределения продовольствия среди действительно голодающих. Представители АРА пытались сопротивляться, угрожая при каждом конфликте прекращением помощи. Дело дошло до того, что в начале 1922 г. Советское правительство поставило полковника Гаскелла, руководителя АРА в России, перед выбором: или АРА прекратит свою подрывную деятельность, или Советское правительство откажется от ее помощи. Гаскелл был вынужден дать обязательство прекратить подрывную деятельность. Тем не менее антисоветские происки АРА, хотя и более скрыто, продолжались.

27 августа 1921 г. было заключено еще одно соглашение о помощи голодающим. Оно было подписано с известным полярным исследователем Фритьофом Нансеном, который выступал в качестве представителя Женевской конференции общественных организаций, созванной по инициативе обществ Красного Креста. Соглашение с Нансеном существенно отличалось от соглашения с АРА. Распределение продовольствия, поставляемого организацией Ф. Нансена, производилось под контролем комитета, состоявшего из представителя Советского правительства и представителя Нансена [1]. На местах комитеты организации Нансена не создавались: распределение продовольствия производилось советскими органами. Вдобавок Ф. Нансен согласился на советское предложение ходатайствовать от его имени перед европейскими правительствами о кредите в 10 млн. ф. ст. Соглашение с Нансеном имело очень большое значение для Советского государства.

Комитет Нансена развернул свою работу, опираясь на меньшие, чем у АРА, средства, полученные в основном от частных пожертвований, но размер пайка его был почти втрое больше аровского (1200 калорий).

На заседании Ассамблеи Лиги наций в сентябре 1921 г. Ф. Нансен предложил державам предоставить Советской России правительственные кредиты. Яркая и взволнованная речь Нансена осталась без отклика. Представители империалистических держав ограничились принятием бессодержательной и по существу издевательской резолюции, не содержавшей никаких пунктов о реальной помощи голодающим.

Деятельность Ф. Нансена была высоко оценена советским народом. Он был избран почетным членом Моссовета, а IX Всероссийский съезд Советов принял специальное обращение, в

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 294.

котором говорилось: «Русский народ сохранит в своей памяти имя великого ученого исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробивавшего путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушие правящих классов капиталистических стран» [1].

Руководители Антанты, подобно правящим кругам США, также пытались использовать голод в России в антисоветских целях. 10 августа Верховный совет принял решение о создании международной комиссии помощи голодающим; возглавил ее Нуланс — один из наиболее ярых организаторов заговоров против Советской страны.

4 сентября 1921 г. Нуланс по телеграфу предложил Советскому правительству принять помощь международной комиссии. Нуланс потребовал, чтобы в Россию была допущена делегация экспертов, уполномоченная «ознакомиться с положением на местах». Ясно было, что затея Нуланса преследует разведывательные цели. В этой связи Советское правительство категорически отказалось разрешить приезд делегации комиссии и тем более допустить какой бы то ни было контроль со стороны иностранных держав за распределением продуктов [2].

Вооруженные нападения на Советскую страну

Одновременно с попытками использовать в своих целях голод в России империалисты инспирировали налеты вооруженных банд на территорию Советской республики. Антанта всячески поддерживала шовинистические круги Финляндии и Польши, укрепляла вооруженные силы этих стран, посылала своих военных инструкторов в их армии. Иностранные инженеры строили укрепления на Карельском перешейке. Польские генералы мечтали о «Великой Польше» от Данцига до Одессы и от Одера до Днепра. Антанта поддерживала кампанию и за создание «Великой Финляндии», простирающейся до Урала. Французское правительство захватило советский Черноморский флот. В Черном море французские суда поддерживали военно-морскую блокаду советского побережья.

Летом 1921 г. финские реакционеры организовали нападение вооруженных банд на Карелию. Офицеры финской армии, проникая в Карелию под фальшивым предлогом проведения отпуска, руководили действиями мятежников.

Одновременно с авантюрой империалистов в Карелии Польша перебросила 2 тыс. петлюровцев через украинскую границу. В течение осени через польскую границу в Белоруссию и на

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 594.

[2] «Международная политика новейшего времени...», ч. 3, вып. I, М., 1928, стр. 115—118.

Украину перешло около 15 банд; 3 банды были переброшены на Украину и из Румынии. Все они были рассеяны и ликвидированы Красной Армией.

В тот же период в Средней Азии было организовано антисоветское выступление басмачей.

Усиливалось и прямое давление на Советскую страну со стороны реакционных кругов Англии и Франции. Использовав фальшивки, сфабрикованные белогвардейцами, руководитель Форин-оффис Керзон обратился к Советскому правительству с вызывающей нотой. Утверждая, что Советская власть и Коминтерн — одно и то же, Керзон приписывал им «антибританскую пропаганду» в Индии, Иране, Турции и Афганистане. Лорд Керзон протестовал даже против советско-афганского договора, в котором предусматривалась денежная помощь независимому Афганистану со стороны РСФСР. Нота Керзона получила достойный отпор. В ответной ноте от 27 сентября 1921 г. Советское правительство, отвергая лживые обвинения Керзона, констатировало ряд враждебных актов со стороны Англии по отношению к Советской России.

Внешнеполитические успехи Советской страны

Попытки империалистов Англии, Франции, США, Японии и других стран сорвать мирное социалистическое строительство в СССР потерпели крушение благодаря героическим победам Красной Армии. Петлюровские, белофинские, польские и басмаческие банды были разгромлены. IX Всероссийский съезд Советов предупредил правительства государств, ставших плацдармом для действий мировой реакции, что, «если они будут в дальнейшем посягать или поддерживать посягательства на целость советской территории и на безопасность советских республик, в таком случае последние, в своей законной и справедливой защите против каждого, покушающегося на безопасность и благополучие республик, вынуждены будут дать ответ, который может стать роковым для нападающего и его пособников» [1].

Конец 1921 и начало 1922 г. принесли Советской России ряд новых соглашений с капиталистическими странами. Еще в 1920 г. Италия, как и Англия, установила деловую связь с советскими кооператорами. Итальянское правительство было заинтересовано в торговле с Советской страной, которая могла снабжать Италию нефтью, углем и рудой. 26 декабря 1921 г. было заключено советско-итальянское торговое соглашение.

---

[1] «Девятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов». Стенографический отчет. М., 1922, стр. 271.

В первой половине 1922 г. Советское правительство заключило еще ряд временных торговых соглашений: с Норвегией, Австрией, Швецией, Чехословакией. Из 14 государств, торговавших в 1921 г. с Советской Россией, почти половина не имела с ней дипломатических отношений.

От широких связей с нашей страной упорно воздерживались США. Советское правительство проявляло исключительную доброжелательность в отношении Соединенных Штатов. «Пусть американские капиталисты не трогают нас, — говорил В. И. Ленин, отвечая на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства «Universal Service» К. Виганда. — Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем». На вопрос: «Препятствия для такого мира?» — Ленин ответил: «Никаких с нашей стороны» [1]. Правительство США продолжало чинить препятствия развитию советско-американских отношений. В ответ на обращение ВЦИК от 20 марта 1921 г. оно заявило, что отказывается от переговоров до тех пор, пока в России не будет восстановлена частная собственность.

Всего за какой-нибудь год после окончания интервенции Советскому государству, приступившему к мирному социалистическому строительству, удалось установить деловые связи, заключить ряд торговых соглашений со странами капитализма, и в том числе с одной из самых крупных из них — с Англией. Эти первые шаги советской дипломатии в мирных условиях были ярким свидетельством практического претворения в жизнь и расширения сферы применения ленинского принципа мирного сосуществования и делового сотрудничества социалистической страны и капиталистических государств.

Договоры со странами Востока на деле подтвердили коренные принципы советской внешней политики — полный отказ от неравноправных соглашений, признание суверенитета и независимости стран, оказание дружеской экономической помощи отсталым и слаборазвитым государствам.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 40, стр. 145—146.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВАШИНГТОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И «ДОГОВОР ДЕВЯТИ ДЕРЖАВ» (ноябрь 1921 г. — февраль 1922 г.)

Англо-американское соперничество

Отпадение Советской России от капиталистического мира и ее успешная борьба за мир, за экономическую и политическую самостоятельность подрывали основы Версаля. С другой стороны, и отказ США ратифицировать Версальский договор значительно сократил сферу действия установленной им системы: ею охватывалась главным образом Западная Европа. Между тем передел мира, начатый войной 1914—1918 гг., не мог считаться законченным без урегулирования тихоокеанской проблемы. А здесь решающее слово оставалось за страной доллара.

Соединенные Штаты Америки вышли из мировой войны мощной державой, которая выиграла от экономического истощения Европы. Они предоставили громадные военные займы многим европейским державам. К ноябрю 1922 г. общая задолженность иностранных правительств Соединенным Штатам достигла с неоплаченными процентами 11,6 млрд. долл. Из них Великобритания задолжала 4,7 млрд. долл., Франция — 3,8 млрд., Италия — 1,9 млрд., Бельгия — около 0,5 млрд.

Таким образом, в результате войны крупнейшие страны Европы надолго оказались данниками заокеанского кредитора.

За годы войны в небывалой степени выросла индустриальная мощь США. В 1920 г. Соединенные Штаты, имевшие всего 6% населения мира, концентрировали у себя 50% мировой добычи каменного угля, 66% — нефти, 60% — меди, 60% — производства алюминия, 85% — автомобилей и т. д.

По мере усиления международно-политического влияния США их правящие круги все активнее стремились к новому переделу мира в соответствии с распределением мирового богатства.

В связи с этим соперничество между США и Англией стало одним из основных узлов империалистических противоречий. Ближайшим объектом соперничества являлись английские доминионы. Американские монополии успешно конкурировали с английскими на рынках Канады, Австралии, Новой Зеландии. Обострились англо-американские противоречия и в крупнейших государствах Южной Америки — Аргентине, Бразилии, Уругвае. При помощи займов и сети своих банков США начали быстро вытеснять Великобританию из этих стран. Еще ранее финансовый и политический контроль США был установлен над целым рядом республик Латинской Америки.

Англо-американское соперничество после войны обострилось и в Китае. Англия располагала в этой стране крупными опорными пунктами в виде концессий, сеттльментов и железных дорог; она обладала рядом важных портов, осуществляла контроль над китайскими таможнями, создавала промышленные и банковские предприятия. Англия закрепляла свои позиции в Китае под лозунгом раздела страны на «сферы влияния».

Сферой английского преобладания являлись главным образом район реки Янцзы и Южный Китай. В противовес Англии Америка выдвигала лозунг «открытых дверей», рассчитывая путем свободного экономического проникновения вытеснить конкурентов.

Империалисты США и Англии вели ожесточенную борьбу за нефть, каучук, хлопок. Их соперничество отражалось и в усиленном строительстве флота. В 1916 г. Америка приняла громадную программу судостроения; со временем она рассчитывала сделать свой военный флот самым крупным в мире.

Как и другие межимпериалистические противоречия, англо-американское соперничество развивалось отнюдь не прямолинейно. Возникали обстоятельства, требовавшие временного сотрудничества обеих стран; в свою очередь оно сменялось новым обострением противоречий.

Временного сотрудничества требовали прежде всего интересы американской мировой торговли. В своей экспансии в другие страны американский капитал после войны нуждался в услугах посреднического аппарата лондонских банков и их отделений за границей, пока сам не создал широкой сети своих опорных пунктов. Временно совпадали интересы Англии и США и в том, чтобы не допустить усиления гегемонии Франции в Европе и не дать Японии утвердить свое господство на Дальнем Востоке.

Японо-американские противоречия

Противоречия США и Японии все более обострялись. За время войны, отвлекшей внимание западных держав от Тихого океана, Япония сильно укрепила свои позиции на Дальнем Востоке. Достаточно вспомнить «21 требование», предъявленное японским правительством Китаю, которые были направлены на превращение этой страны в колонию. По Версальскому миру к Японии отошли бывшие германские владения в Китае — порт Циндао, Шаньдунский полуостров.

Япония не только вытесняла англо-американских конкурентов с китайского рынка, но и проникала на латиноамериканские рынки. Японские товары появились в Мексике, на самом пороге США; соперник начинал угрожать господству доллара и в его собственном доме.

Однако стремление США ликвидировать Советскую власть в России связывало им руки в отношении Японии, продолжавшей интервенцию на Дальнем Востоке. Не имея значительных вооруженных сил в этом районе, американские империалисты до поры до времени не мешали действиям Японии, рассчитывая в дальнейшем с ее помощью укрепить собственные позиции в Сибири и на Дальнем Востоке. Это усложняло американскую политику в отношении японского соперника.

На стороне Японии стояла Англия, связанная с ней старым договором о союзе, продленным в 1911 г. еще на 10 лет. Срок договора истекал в 1921 г. Перед американской дипломатией встала задача добиться расторжения англо-японского договора.

Одним из важных результатов первой мировой войны и особенно Великой Октябрьской революции был невиданный дотоле размах национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Начался и все более углублялся кризис колониальной системы и прежде всего английского империализма, как наиболее крупного колониального эксплуататора. В захваченных и закабаленных Англией странах усилились центробежные тенденции, ставившие под угрозу само существование Британской колониальной империи.

Другой серьезной трудностью для Англии был рост сил американского и японского конкурентов в борьбе за рынки сырья и сбыта. Существенные изменения в позициях колониальных держав были особенно ощутимы на Дальнем Востоке.

Затруднения Англии на Дальнем Востоке

Англия обладала на Тихом океане весьма важными экономическими и стратегическими опорными районами. Здесь находился целый ряд ее доминионов и владений — Австралия, Новая Зеландия, Малайя и т. д. Здесь были Гонконг, считавшийся британскими воротами в Китай, и Сингапур, запиравший подступы к Индии и в Индийский океан.

Кроме того, Англия проявляла большую заинтересованность в Голландской Индии (ныне Индонезия) с ее богатейшими ресурсами, где английские монополии владели огромными плантациями каучука. Нефть Голландской Индии также находилась в руках англо-голландского нефтяного треста «Ройал-датч шелл». Больше трети всего экспорта из Голландской Индии шло в Англию.

В роли конкурента Англии выступали на Дальнем Востоке не одни США. Многолетний союзник Англии Япония, в значительной степени обязанная ей своим возвышением, превращалась в серьезного соперника: японская политика в Азии была направлена и против Вашингтона и против Лондона. Английские промышленники всё с большим раздражением наблюдали проникновение Японии не только в Северный Китай, но и в сферу наибольшего влияния Англии — в долину Янцзы и даже Южный Китай.

В самой Британской империи раздавались голоса против продления англо-японского союза. Особенно настойчиво высказывались в этом смысле влиятельные круги таких доминионов, как Канада, а также в Австралии и Новой Зеландии. Противники союза указывали на опасность усиления конкуренции Японии, они предостерегали, что развитие и углубление противоречий может привести к вооруженному столкновению между Японией и Америкой, в котором Англия в силу ее союза с Японией окажется прикованной к последней.

Созыв Вашингтонской конференции

Разногласиями в Британской империи воспользовалась американская дипломатия. 10 июля 1921 г. государственный секретарь США Юз выступил с заявлением о предстоящем созыве конференции. На конференцию предполагалось пригласить США, Англию, Японию, Францию, Италию, Бельгию, Голландию, Португалию и Китай. Германия, у которой по Версальскому договору отняты были ее владения на Тихом океане, приглашена не была. Советская страна также не получила приглашения в Вашингтон.

Правительство РСФСР заявило официальный протест. «Российское правительство, — гласила нота Наркоминдела от 19 июля 1921 г., — протестует против исключения его из конференции, которая непосредственно его касается, равно как и против всякого намерения какой бы то ни было державы принимать решения, касающиеся Тихого океана, без ведома России» [1].

Наркоминдел протестовал против неприглашения на конференцию и Дальневосточной Республики (ДВР), созданной в качестве буфера между РСФСР и Японией в апреле 1920 г.

11 августа 1921 г. США послали державам официальное приглашение на конференцию. Американская пресса сообщала, что на конференции будет рассматриваться между прочими и вопрос о японской интервенции в Сибири.

Дайренская конференция

Америка с особой подозрительностью следила за действиями Японии в Восточной Сибири. На начало апреля 1920 г. была намечена эвакуация оттуда всех иностранных войск. Но Япония решила иначе. Едва корабли, увозившие американский десант из Владивостока, скрылись за горизон-

[1] «Международная политика новейшего времени...», ч. 3, вып. I, стр. 107.

том, как в ночь на 5 апреля Япония неожиданно напала на русские гарнизоны в Приморье и снова оккупировала этот край. США сочли это вызовом своим собственным экспансионистским интересам. Их не устраивало закрепление Японии в Восточной Сибири.

В начале июля 1921 г., почти одновременно с заявлением Юза о Вашингтонской конференции, в ДВР направилась американская миссия во главе с атташе посольства США в Токио Эбботтом. Скоро и в Чите появился неофициальный дипломатический представитель Америки, член миссии Смит.

Опасаясь открытого осуждения своих действий в Восточной Сибири на Вашингтонской конференции, Япония решила опередить соперников. Поздно ночью японский посол в Пекине, встревоженный приездом Смита в Читу, явился к представителю ДВР и предложил немедленно начать переговоры об установлении нормальных взаимоотношений между обеими странами. При этом японский посол поставил условием переговоров сохранение их в полной тайне.

26 августа 1921 г. открылись переговоры в Дайрене. Делегация ДВР во главе с Ф. Н. Петровым потребовала немедленной эвакуации японских войск. Начались длительные споры.

В октябре 1921 г. японская делегация предъявила представителям Дальневосточной Республики по существу ультимативное требование, состоявшее из 17 пунктов и трех секретных пунктов к ним, принятие которого означало бы экономическое и политическое закабаление Дальневосточной Республики японским империализмом. Япония требовала срыть укрепления по всему тихоокеанскому побережью России; никогда впредь не держать в водах Тихого океана военного флота и уничтожить существующий; сохранять принцип частной собственности в отношении японских подданных, приравняв их в этом отношении к гражданам ДВР; не допускать установления в республике коммунистического режима. Пункт 15 требовал передачи Японии на 80 лет в аренду всего Северного Сахалина [1].

В секретных пунктах было указано, что японское правительство эвакуирует свои войска из Приморья по собственному усмотрению и в срок, который найдет для себя удобным.

Делегаты Дальневосточной Республики не согласились принять к обсуждению эти неслыханные требования. Однако, не желая дать японцам повод заявить в Вашингтоне, что отношения их с ДВР не удается урегулировать по ее собственной вине, они продолжали вести переговоры. Когда открылась Вашингтонская конференция, дайренские переговоры еще продолжались. Дипломатический нажим в Дайрене Япония подкрепила новыми агрессивными актами. Снабдив оружием белогвардейцев, она в конце октября 1921 г. бросила их против Народно-революционной армии.

Противоречия на Вашингтонской конференции

12 ноября 1921 г. открылась Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений. Очевидно, организаторы конференции намерены были использовать в своих целях пацифистские настроения, широко распространившиеся после войны.

Вашингтонская конференция сопровождалась нарочитой шумихой. Заседания ее были объявлены публичными. Выступления делегатов немедленно публиковались в газетах; буржуазная пресса возвещала, что нет больше тайной дипломатии и что весь мир с упованием взирает на конференцию, призванную освободить народы от тяжкого бремени вооружений.

---

[1] См. «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах». М., 1934, стр. 128.

США на конференции были представлены делегацией, возглавляемой государственным секретарем Юзом. Он же был избран и председателем конференции.

Английская делегация возглавлялась Бальфуром. Доминионы и Индия имели самостоятельное представительство; поэтому и считалось, что на конференции присутствует 14 держав.

Французскую делегацию возглавил премьер-министр Бриан. На первом же заседании конференции произошел неприятный инцидент. Для Бриана почему-то не оказалось места за центральным столом: все места были заняты американцами и англичанами. Французскому премьеру пришлось сесть в стороне. Только в конце заседания английского посла пересадили подальше, чтобы уступить место Бриану. Французские делегаты были возмущены: они справедливо увидели в этом инциденте умаление престижа Франции.

Первым оратором выступил Юз. От имени американского правительства он внес предложения: прекратить постройку сверхмощных военных кораблей; исключить из строя определенное число старых судов; принять во внимание существующую силу военного флота держав, представленных на конференции, и установить определенный тоннаж для их линейных судов. Юз предложил в течение 10 лет после подписания соглашения не строить линейных кораблей, по истечении же этого срока строить линейные суда только для замены выбывающих; установить общий тоннаж крупного флота в 500 тыс. для Англии, столько же — для Америки и 300 тыс. — для Японии. Новые линкоры не будут превышать 35 тыс. *т* каждый.

Тоннаж легких судов устанавливался для Англии и Америки по 450 тыс., а для Японии — 270 тыс. Наконец, тоннаж подводных лодок определялся для Америки и Англии по 90 тыс. и для Японии — в 40 тыс. Что касается морских вооружений Италии и Франции, то Юз предложил отложить обсуждение этого вопроса.

Основные мотивы американских предложений были ясны. Рассчитывая догнать Англию по мощности военно-морских сил, США выступали за установление в определенной пропорции предельного тоннажа флотов ведущих морских держав.

По предложению Юза Англия должна была в течение трех месяцев по подписании соглашения прекратить постройку линейных кораблей, исключить из строя 19 и оставить 22; Америка — прекратить постройку, исключить из строя 30 кораблей и оставить 18; Япония — отказаться от постройки 8 кораблей, уничтожить 7 новых линкоров, 10 старых судов и свести число крупных кораблей к 10.

Выступление Юза произвело сенсацию. По рассказу одного из свидетелей, когда Юз говорил, что Англия должна прекратить работы по постройке кораблей типа «Король Георг V», английский адмирал Битти был вне себя. «Лорд Битти, — писал английский журналист Салливэн, — подался вперед в своем кресле, напоминая бульдога, дремавшего на солнце у порога и получившего пинок ногой от дерзкого прохожего...» [1]

На следующем заседании, 15 ноября, Бальфур заявил, что Англия в принципе согласна с предложениями Юза. В заключение Бальфур огласил телеграмму Ллойд Джорджа, в которой было много комплиментов по адресу Юза.

Нетрудно было понять, почему английское правительство решило поддержать американский проект. За время мировой войны Великобритания построила огромный военный флот, который требовал от государства непомерных расходов. При большой задолженности Великобритании

---

[1] *Mark Sullivan.* The great Adventure at Washington. The Story of the Conference. London, 1922, p. 27.

сокращение как личного, так и судового состава флота представлялось для нее только желательным. Кроме того, Англия стремилась к тому, чтобы в составе ее флота были лишь наиболее технически усовершенствованные боевые суда. Особое значение Англия придавала высокоманевренному крейсерскому флоту, опиравшемуся на многочисленные базы. Английская делегация высказалась за усиление своих крейсерских сил, мотивируя это необходимостью охраны морских коммуникаций империи.

Вслед за Бальфуром выступил японский представитель барон Като. Он также заявил, что Япония принимает в принципе предложение о сокращении морских сил. Представитель Франции Бриан согласился с предложением Юза, но добавил, что Францию особенно интересует вопрос об ограничении вооружения сухопутных армий.

Казалось, между державами, явившимися на Вашингтонскую конференцию, существует единодушие. Но декларации официальных делегатов оказались лишь данью дипломатическому приличию. Как только от принципов перешли к конкретному обсуждению вопроса, вскрылись острые разногласия.

Японская делегация вместо пропорции тоннажа крупного флота для США, Англии и Японии 5 : 5 : 3 предложила 10 : 10 : 7. Американцы угрожали, что если Япония будет упорствовать, то они начнут строить по четыре корабля на каждый японский. Тогда японские представители изъявили согласие принять американскую пропорцию, при условии, что Америка не будет строить на Тихом океане военно-морских баз. Юз энергично возразил, что не может дать никаких гарантий на будущее в отношении укреплений на Гавайских островах.

Начались длительные переговоры. Вопреки торжественному заявлению о публичности заседаний дела решались главным образом на закрытых совещаниях трех держав — США, Англии и Японии. Даже Франция не была в курсе всех дел. Тем не менее она действовала активно, отстаивая для себя право построить 10 новых броненосцев тоннажем в 35 тыс. каждый. Италия потребовала для себя такого же тоннажа, как и Франция. Юз предложил для Франции тоннаж в 175 тыс. После упорной борьбы французы заявили, что, не желая привести конференцию к срыву, принимают предложение Америки. В результате длительного обсуждения первоначальный проект Юза принял следующий вид:

США	525	тыс. т
Англия	525	» »
Япония	315	» »
Франция	175	» »
Италия	175	» »

Обсуждение вопроса на этом не кончилось. Оно продолжалось как на заседаниях комиссии, так и на секретных совещаниях.

Поспешность, с которой Англия согласилась на предложение Юза, объяснялась кроме указанных уже мотивов опасением англичан, как бы Америка не сговорилась с Францией. Но принятие предложения Юза ослабляло позиции самой Англии. Великобритания вынуждена была признать равенство своих морских сил с флотом США; флот ее сокращался, в то время как Франция сохраняла огромную сухопутную армию. Поэтому Англия заявила, что приступит к морскому разоружению лишь при условии сокращения Францией ее сухопутных вооруженных сил. Этим маневром английская дипломатия искусно сталкивала США и Францию. Америка не хотела бы ограничивать сухопутные вооружения Франции, чтобы не допустить чрезмерного усиления английского влияния в Европе и держать в узде побежденную Германию. Но вопрос о сокращении сухопутных армий интересовал Америку в другом плане: США стремились к ослаблению вооруженных сил Японии.

Франция выступила с резким протестом против предложения Англии. «Для французов не может быть более жестокой и незаслуженной обиды... — патетически восклицал Бриан. — Если есть страна, решительно стоящая за мир, стремящаяся к нему со всей силой, взывающая к нему со всей верой, то это Франция» [1].

Отказываясь сокращать армию, Бриан подчеркивал на заседании 21 ноября, что она нужна для «спасения» Польши и всей Западной Европы от большевиков.

Против сокращения японской армии выступил адмирал Като. Такие же позиции заняли представители Бельгии и Италии.

Разногласия по вопросу о сокращении сухопутных армий приняли весьма острый характер. Лорд Керзон выступил в Лондоне с резкой речью, прямо направленной против Франции. Он заявил, что Англия не может приносить жертвы в то время, когда другие страны создают новые средства для нападения.

Вопрос о сокращении сухопутных вооружений был передан в особую комиссию. Но и здесь делегациям не удалось прийти к какому-либо соглашению.

Все же 13 декабря 1921 г. был подписан первый договор на Вашингтонской конференции. То был так называемый трактат четырех держав — США, Англии, Японии и Франции о совместной защите «прав» каждого из поименованных государств на островные владения и островные территории в районе Тихого океана. Договор заключался на 10 лет. Ст. 4 знаменовала победу американской дипломатии; она гласила, что после ратификации договора теряет силу англо-японский союзный договор, возобновленный в 1911 г. Правда, английские дипломаты подчеркивали, что договор был не аннулирован, а лишь заменен соглашением четырех держав. Однако японский делегат точнее определил истинный смысл ст. 4. «Во всяком случае, — заявил он английскому представителю на Вашингтонской конференции, — вы устроили союзу (англо-японскому. — *Ред.*) блестящие похороны» [2].

6 февраля 1922 г. был подписан дополнительный договор, разъяснявший один из пунктов «трактата четырех». Он гласил, что понятие «островные владения и островные территории», употребляемое в названном трактате, включает, что касается Японии, Карафуто (т. е. южную часть острова Сахалина), Формозу (Тайвань), Пескадоры (Пэнхуледао) и острова, на которые Япония получила мандат [3].

Таким образом, договор четырех колониальных держав грубо нарушал интересы Советской страны и Китая.

4 февраля 1922 г. Англия, США, Франция и Япония сделали Нидерландам, а 6 февраля и Португалии «тождественное сообщение». В нем указывалось, что, хотя правительства этих стран и не подписали трактата, четыре державы обязуются уважать их права, связанные с нидерландскими и португальскими островными владениями в бассейне Тихого океана.

Делегация Дальневосточной Республики в Вашингтоне

Внезапно непредвиденное обстоятельство нарушило дипломатическое священнодействие четырех держав: в Вашингтон прибыла правительственная делегация Дальневосточной Республики, хотя она и не была официально приглашена на конференцию. Неофициально делегацию возглавлял представитель НКИД РСФСР Языков [4].

---

[1] «Conference on the limitation of armaments, Washington, November 12, 1921—February 6, 1922». Washington, 1922, p. 118.

[2] *A. Toynbee.* A Survey of International Affairs, 1920—1923, Oxford, 1927, p. 490.

[3] «Вашингтонская конференция». М., 1934, стр. 75.

[4] См. *П. М. Никифоров.* Записки премьера ДВР. М., Госполитиздат, 1963, стр. 273.

Немедленно по своем прибытии делегация ДВР опубликовала меморандум. В нем сообщалось, что целью делегации является установление дипломатических и торговых взаимоотношений с Америкой и защита своего права выступить на Вашингтонской конференции, чтобы добиться эвакуации войск японских интервентов.

США весьма не прочь были бы использовать Дальневосточную Республику против Японии. Поэтому они не возражали против приезда делегации. Однако, с другой стороны, американские дипломаты не хотели ставить ДВР в равное положение с другими державами. 22 декабря делегация ДВР была принята Юзом. Делегаты заявили ему, что державы вместе с Японией занимаются на конференции проблемой сокращения вооружений, между тем на Дальнем Востоке по вине японцев льется кровь. Делегация потребовала участия в конференции. Юз пообещал оказать помощь в решении «сибирского вопроса», но допустить делегацию на конференцию отказался. Особенно резко выступили против допущения дальневосточной делегации японцы и французы. Японцы спешно организовали во Владивостоке группу белогвардейцев и направили ее в Вашингтон в противовес делегации ДВР. Прибывшая в Вашингтон делегация меркуловского «правительства» нашла самый радушный прием.

В ответ на японский маневр делегация ДВР опубликовала в начале января 1922 г. ряд важных разоблачительных документов. Среди этих материалов имелось донесение о секретном соглашении между Японией и Францией касательно создания на Дальнем Востоке государства, целиком подчиненного Японии. Была опубликована и французская нота Японии от 2 сентября 1921 г.; ею подтверждалось существование тайного соглашения между Японией и Францией относительно Вашингтонской конференции и наличие дипломатического блока, направленного против Америки. Был, наконец, предан гласности договор, подписанный 12 марта 1921 г. представителями Японии, Франции и белогвардейцев. Оказывалось, что Франция и Япония обязались перебросить из Европы на Дальний Восток армию Врангеля, снабдить ее оружием и помочь ей свергнуть правительство ДВР. Япония в качестве компенсации должна была получить полное господство на Дальнем Востоке.

Разоблачения, сделанные делегацией ДВР, вызвали величайшую сенсацию. Крупнейшие газеты США перепечатывали эти документы. В Америке настаивали на расследовании приведенных фактов. Япония и Франция пытались было доказывать, что опубликованные делегацией ДВР документы являются подложными. Однако сенатор Бора без колебания признал подлинность документов. Он добавил, что приведенные в них разоблачения «вполне соответствуют обычным приемам, с помощью коих вообще проделываются такие вещи».

Американская газета «Нью-Йорк уорлд» уверенно заявляла о существовании официального американского доклада, которым подтверждается тайное соглашение между Францией и Японией.

В прессе появились новые разоблачительные документы. Замалчивать далее агрессивную политику Японии на советском Дальнем Востоке не представлялось возможным. 23 января «сибирский вопрос» был поставлен на заседании дальневосточной комиссии конференции. Первым выступил японский делегат Сидехара. Он утверждал, что дайренские переговоры отнюдь не имеют в виду получить для Японии какие-либо особые преимущества на Дальнем Востоке. Между тем в руках членов комиссии уже была копия японских 17 условий, представленная делегацией ДВР. В длинной речи Сидехара распространялся об уважении Японии к территориальной целостности России. Подтвердил он и обязательство Японии эвакуировать свои войска из России. Однако срока японский делегат и на сей раз не назвал.

В тот же день делегация ДВР опубликовала ответную декларацию, разоблачавшую лживость заявлений Сидехара. Делегация привела 11 случаев за один только 1921 г., когда Япония давала такие обещания и их не выполнила.

На следующий день, 24 января, в дальневосточной комиссии выступил Юз. Приведя данные из истории интервенции в Сибири, он огласил ноту США от 31 мая 1921 г., адресованную Японии. Юз подчеркнул, что он и теперь полностью поддерживает ее положения. После выступления французского делегата дальневосточная комиссия решила внести в протокол декларации Японии и США и огласить их на пленуме конференции.

Обсуждение «сибирского вопроса» на этом кончилось. Но делегация ДВР своими документами разоблачила интервенционистские действия и планы империалистических держав на Дальнем Востоке, содействовала еще большему обострению противоречий между этими странами.

Договор пяти держав

Дальнейшая работа конференции лишь углубила противоречия между Англией и Францией. Лишь после острой и длительной дискуссии 6 февраля 1922 г. между США, Англией, Японией, Францией и Италией был подписан договор пяти держав — об ограничении морских вооружений. Согласно договору для указанных стран было установлено соответственно следующее соотношение размеров линейного флота — 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75.

В конечном счете Англия должна была иметь 20 линейных кораблей общим тоннажем в 558 950 *т*, США — 18 кораблей в 525 850, Япония — 10 кораблей в 301 320, Франция — 10 кораблей в 221 170, Италия — 10 кораблей в 182 800 *т*.

Державы, подписавшие договор, обязались не приобретать и не строить линкоров водоизмещением больше 35 тыс. *т*. Ни один линкор не должен был обладать орудиями калибра свыше 16 дюймов. Общий тоннаж линейных судов, могущий подлежать замене, не должен был превышать: для США и Британской империи — 525 тыс. *т*, для Японии — 315 тыс. и по 175 тыс. *т* для Франции и Италии. Америка, таким образом, добилась отхода Англии от основного принципа британского морского могущества — иметь флот, равный флотам двух самых сильных в мире морских держав.

Вашингтонский договор не содержал никаких ограничений для крейсерского и подводного флота.

Особо был выделен вопрос об укреплениях и морских базах.

Договор установил в этом вопросе status quo, — это означало запрещение, за некоторыми исключениями, создавать новые морские базы в центральной и западной части Тихого океана. В целом США и Англия по соглашению не могли иметь военно-морские базы на расстоянии ближе 5 тыс. *км* к Японии.

Америка была лишена возможности укреплять Филиппины и остров Гуам. Это должно было в скором времени усилить противоречия между Америкой и Японией. С другой стороны, Англия сохраняла за собой право укреплять Сингапур, который является воротами с запада в Тихий океан, что сулило обострение англо-японских противоречий.

В договоре пяти держав было указано, что любая из подписавших его стран может приостановить действие договора на время войны. Если в мирное время какая-либо из этих держав признает, что изменившиеся обстоятельства затрагивают интересы ее обороны, то все державы должны собраться на конференцию в целях пересмотра договора. Эта статья фактически сводила к нулю все соглашение, ибо любая страна, вступившая в войну, получала возможность его нарушить.

Вашингтонский договор, ратифицированный США 17 августа 1923 г., решал по существу лишь вопрос о перераспределении морских сил. На первый план он выдвигал Америку, которая добилась права иметь флот не слабее английского и превосходящий флот Японии. Новое соотношение морских сил было в общем благоприятно и для Японии.

Договор пяти держав не устранял противоречий между ними. Напротив, он создал обстановку, чреватую дальнейшими международными конфликтами.

В тот самый день, когда был подписан договор, 6 февраля 1922 г., те же пять держав подписали соглашение «для защиты на море во время войны жизни нейтральных и невоюющих» и чтобы «предупредить использование во время войны вредоносных газов и химических средств» [1].

Вся буржуазная пресса пыталась представить приведенное соглашение как запрещение подводным лодкам топить торговые суда. Будущее готовило этим бумажным гарантиям жестокое крушение.

Вашингтонская конференция и Китай

Большое внимание уделила Вашингтонская конференция китайскому вопросу. Китай отказался подписать Версальский договор, поскольку бывшие германские владения на китайской территории не были ему возвращены, а отданы Японии. На Вашингтонской конференции китайская делегация поставила вопрос о возвращении Китаю его исконных земель. Американская дипломатия, желая ослабить позиции Японии, поддержала это требование. В конце концов Япония вынуждена была отказаться от некоторых захваченных территорий (Циндао и Шаньдун) и вернуть их Китаю. Однако она сохранила необходимые плацдармы для новой агрессии против китайского народа.

6 февраля 1922 г. участники Вашингтонской конференции подписали соглашение о политике в Китае. «Договор девяти держав» обязывал уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая и соблюдать принцип «открытых дверей», т. е. «равенство открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций». Признание принципа «открытых дверей» нарушало в интересах США английский и японский принцип «сфер влияния». Америка рассчитывала тем самым, вытеснив соперников, утвердить свое господство на китайском рынке.

Декларация держав о целостности и независимости Китая не содержала, однако, для него никаких гарантий, никаких санкций против агрессоров. По существу «договор девяти держав» закреплял сговор империалистических держав о совместном ограблении Китая. Одновременно с договором было подписано соглашение, закреплявшее иностранный контроль над китайскими таможнями.

Формально не были отменены и «21 условие», навязанные Японией Китаю в 1915 г. Японцы настойчиво требовали не возвращаться к «уже решенным вопросам». Барон Сидехара многозначительно предупреждал державы, что отмена «21 условия» может послужить примером «для отмены актов, подписанных другими странами». «Если раз будет признано, — угрожал японский делегат, — что права, торжественно предоставленные в силу трактата, могут в любое время быть взяты обратно на том основании, что они даны вопреки свободной воле того, кто эти права дал, то был бы создан чрезвычайно опасный прецедент, который мог бы иметь далеко идущие последствия для устойчивости существующих международных отношений в Азии, в Европе и где бы то ни было...» [2]

Впрочем, опасаясь, что Америка и Англия за неуступчивость Японии постараются компенсировать себя в других вопросах, японская

[1] «Вашингтонская конференция», стр. 65.
[2] Там же, стр. 102.

дипломатия все же пошла на некоторые уступки и отказалась от некоторых пунктов «21 требования». Она, в частности, обещала не настаивать на преимущественных правах Японии назначать своих советников и инструкторов по политическим, финансовым, военным или полицейским делам в Южной Маньчжурии. Вместе с тем Япония отклонила китайское требование о выводе японских войск из Южной Маньчжурии.

Великие державы рассчитывали закрепить положение Китая как неравноправной, колониальной страны. Им, однако, не удалось ни остановить, ни даже ослабить национально-освободительную борьбу китайского народа. Вашингтонская конференция закончила передел мира на Дальнем Востоке. В этом смысле она дополняла Версаль. Но в 1919 г. в Париже английские и французские дипломаты сумели обойти дипломатов Америки. Напротив, в Вашингтоне представители США добились значительного успеха. Вашингтонская конференция означала, что в мировой политике произошла известная передвижка сил в сторону США. Американская дипломатия выступила в роли инициатора и организатора нового «равновесия сил» на Дальнем Востоке, оказавшегося, впрочем, шатким и кратковременным.

Вашингтонская конференция была направлена против интересов великих тихоокеанских держав — СССР и Китая, против национально-освободительного движения угнетенных народов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ГЕНУЭЗСКАЯ И ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИИ (1922 г.)

1. Дипломатическая борьба вокруг созыва конференции в Генуе

Между страной социализма и окружавшими ее капиталистическими государствами объективно необходимо было установление деловых связей, экономического сотрудничества — одной из практических и взаимовыгодных форм мирного сосуществования. Вопрос заключался лишь в том, когда и какие капиталистические страны первыми осознают эту неизбежность, убедятся в этой необходимости.

Почти три года прошло со времени окончания войны, а Европа все еще билась в тисках хозяйственной разрухи. Число безработных угрожающе росло, особенно в Англии. То, что ей удавалось получать в виде репараций с Германии, уходило на пособия безработным. Если бы Советская Россия могла выступить на рынке в качестве покупателя, в Англии не стало бы безработицы — так рассуждали многие английские промышленники. В конце 1921 г. английская пресса усиленно заговорила об экономическом значении Советской России, о ее военной мощи и о влиянии на Востоке. Все чаще указывалось на необходимость привлечь Россию к участию в оздоровлении мирового хозяйства. Английское правительство иначе, чем французское, отнеслось к советской ноте от 28 октября 1921 г., где Советское правительство, выражая согласие признать на определенных условиях дореволюционные долги, предлагало созвать международную конференцию, которая рассмотрела бы взаимные претензии иностранных держав и России и выработала бы окончательный мирный договор. Обращаясь к Великобритании, Франции, Италии, Японии, США, Советское правительство подчеркивало, что одной из основных целей политики РСФСР является «экономическое сотрудничество с другими державами». Оно напоминало также, что «вопрос о взаимоотношениях между Россией и остальным миром, являющийся первостепенным мировым вопросом, не может быть разрешен без соглаше-

ния с Советским Правительством»[1]. Это заявление усиливало позиции тех кругов на Западе, которые ориентировались на торговлю с Советской Россией.

Маневры германской дипломатии

Английская акция вызвала беспокойство в правящих кругах Германии. Немецкая буржуазия считала, что ей должны принадлежать самые сильные позиции на советском рынке, и видела в лице Англии своего конкурента. Намечавшийся поворот английской политики германская дипломатия попыталась использовать в своих интересах. Англия нуждается в рынке; пусть же предоставят Германии кредиты, облегчат условия репараций, и Германия станет крупнейшим покупателем английских товаров. Таким маневром германская дипломатия надеялась убить сразу двух зайцев: с помощью Англии пробить брешь в Версальском договоре и, с другой стороны, помешать сближению той же Англии с Советской Россией. Германский министр иностранных дел Ратенау начал в Лондоне переговоры с Английским банком о кредитах. Немцы соглашались на высокий процент, если сумма кредитов будет достаточно велика. После трехдневных переговоров Английский банк сформулировал свой ответ в письме, составленном сообща с немцами; в этом документе развивалась мысль, что нельзя предоставить кредиты Германии, придавленной репарационными обязательствами. При публикации документа в печать не попал один секретный пункт: Английский банк предлагал председателю германского Рейхсбанка ни при каких условиях не выдавать остатка своего золотого запаса, если бы Франция потребовала этого в качестве санкции. Английский банк предлагал даже взять на себя защиту остатка золотого запаса Германии.

Чувствуя английскую поддержку, германское правительство сообщило репарационной комиссии, что уплата репараций, предстоящая 15 января и 15 февраля 1922 г., остается под вопросом. Французы немедленно заявили протест. Они требовали прямого и точного ответа на вопрос, когда будут уплачены задержанные взносы. Ратенау снова связался с лондонскими кругами. Там ему дали понять, что можно не уступать: французов не поддержат.

К этому времени в Лондон на обратном пути из Вашингтона заехал премьер-министр Франции Бриан. Ллойд Джордж познакомил его с планом англичан предоставить возможность Советской России и Германии стать покупателями английских товаров. Ллойд Джордж изложил также свой проект «Умиротворения Европы», в котором предусматривался созыв евро-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 445, 446.

пейской конференции с участием Германии и России. Оба премьера решили продолжить переговоры в Канне, где предстояло заседание Верховного совета союзников.

Когда в Лондоне убедились, что английское предложение вызывает в Париже только раздражение, Ллойд Джордж предложил Бриану пакт, гарантирующий Франции на тот же десятилетний срок английскую военную помощь против неспровоцированного нападения Германии. Такое предложение Ллойд Джорджа отнимало у французов возможность отказаться от участия в конференции. Бриан поехал в Канн.

Каннская конференция (январь 1922 г.)

В конференции в Канне (Франция) участвовали страны Антанты. Кроме того, были приглашены представители Германии и наблюдатель от США. Выступая на конференции, Ллойд Джордж предложил созвать международную экономическую конференцию 6 января 1922 г. Верховный совет Антанты в принципе согласился с английским предложением. Страны — участницы конференции признали, что избавление Европы от экономического паралича требует соединенных усилий наиболее мощных стран. Решено было созвать в Генуе в феврале или начале марта экономическую и финансовую конференцию; имелось в виду предложить участвовать в ней всем европейским государствам, в том числе Советской России, Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии. При этом Верховный совет наметил шесть условий, признание которых, по его мнению, содействовало бы успеху всего плана.

Ни одно государство, гласил пункт 1, не может навязывать другому государству систему собственности, внутренней экономической жизни и управления. Однако другие пункты свидетельствовали о том, что западные державы не оставили своих расчетов навязать республике Советов свою волю и свои условия.

Согласно пункту 2 должна быть обеспечена неприкосновенность иностранного капитала, имущества иностранцев, их прав и прибылей.

Третье условие, особенно детально разработанное, было изложено следующим образом:

Действительные гарантии безопасности не могут быть восстановлены до тех пор, пока правительства всех государств, желающих воспользоваться иностранным кредитом, не заявят вполне определенно, что они признают все государственные долги и обязательства, заключенные или могущие быть заключенными или гарантированными государством, муниципалитетами или какими-либо другими общественными организациями, а также обязательство восстановить все принадлежавшее иностранцам имущество или компенсировать их за убытки, при-

чиненные им конфискацией или секвестром их имущества, и систему законодательства и суда, которая беспристрастно ограждала бы права и обязательства, вытекающие из коммерческих и другого рода договоров, и обеспечивала бы их принудительную силу [1].

Четвертым условием было требование организовать финансово-денежное обращение, обеспечивающее ведение торговли. Пункт 5 говорил о воздержании от враждебной другим государствам пропаганды. Пункт 6 призывал все страны принять обязательство воздерживаться от нападения на своих соседей.

Кроме того, пункт 6 содержал указания на условия признания Советской России: «Если Российское правительство в целях обеспечения необходимых для развития русской торговли условий потребует официального признания, Союзные державы могли бы согласиться на это признание лишь в том случае, если бы Российское правительство приняло вышеуказанные условия» [2].

Каннская конференция — хотели или не хотели того ее организаторы — явилась *первым официальным* признанием со стороны Запада возможности мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. И сколько бы ни старались противники мирного сосуществования в наши дни доказывать, что это лишь диктуемая современными условиями линия поведения СССР, не имеющая корней в прошлом, и что якобы нельзя вести ее от В. И. Ленина, трезвомыслящие западные деятели уже в начале 20-х годов понимали идею сосуществования и роль Владимира Ильича Ленина в разработке и проведении этого коренного принципа внешней политики Советской России. Недаром 7 января 1922 г. итальянское правительство по поручению Верховного совета Антанты передало в Москву через советскую торговую делегацию в Риме сообщение о принятой резолюции. «Итальянское Правительство, в согласии с британским правительством, — гласил этот документ, — считает, что личное участие в этой конференции г. Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом становлении Европы» [3].

Независимо от оговорок и попыток выставить предварительные условия само приглашение Советской России, с которой большинство держав не имело еще регулярных отношений, было признанием возможности сосуществования и сотрудничества государств с различным социальным строем.

8 января Г. В. Чичерин ответил, что Советское правительство с удовлетворением принимает приглашение на конферен-

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 58—59.
[2] Там же, стр. 59.
[3] Там же, стр. 48.

цию. Наркоминдел добавлял, что советская делегация будет избрана на чрезвычайной сессии ВЦИК, который снабдит делегацию самыми широкими полномочиями. «Даже в том случае, — гласил советский ответ, — если бы Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин, вследствие перегруженности работой, в особенности в связи с голодом, был лишен возможности покинуть Россию, тем не менее состав делегации, равно как и размеры предоставленных ей полномочий, придадут ей такой же авторитет, какой она имела бы, если бы в ней участвовал гражданин Ленин. Таким образом, ни в коем случае со стороны России не будет каких-либо препятствий к быстрому ходу работ конференции» [1].

Капиталистическая пресса подняла шумиху вокруг предстоящей Генуэзской конференции. Ее называли вторым Парижским конгрессом 1919 г., но в более широком масштабе. Скоро, однако, в этом хоре стали звучать и иные ноты.

Особенно много различных толков было о переговорах с Германией. Выяснилось, что в сенатской комиссии в Париже Пуанкаре произнес резкую речь против Бриана. Бриан-де слишком во многом уступает Ллойд Джорджу, особенно в вопросах эвакуации левого берега Рейна и германских репараций.

Парижские газеты заговорили о поражении французской дипломатии. «Итак, Ленин приглашен сидеть рядом с Брианом!» — негодовали буржуазные журналисты.

В то же время итальянская делегация в Канне заявила протест против переговоров о заключении англо-французского пакта без участия Италии. Ллойд Джордж заверил итальянцев, что «проектируемый пакт не имеет целью исключить Италию из совещания главных союзников или ослабить их тесное согласие с нею...»

Ллойд Джордж напоминал, что Англия вместе с США обещала Франции помощь в случае нападения Германии. Меморандум заявлял, что «честь» обязывает Англию превратить это обещание в обязательство [2].

Англо-французский пакт, беспокоивший не только Италию, но и США, подписан не был. Бриан был внезапно вызван в Париж. Его обвиняли в том, что он шел в Канн, а попал в Каноссу.

Уже эти события показали, что среди западных политических деятелей нет полного единодушия по многим проблемам и, разумеется, по «русскому вопросу». В дальнейшем, в ходе работы Генуэзской конференции, их различия во взглядах и тактике приняли еще более определенный и явный характер.

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 47.
[2] *N. W. Stied.* Mes souvenirs 1914—1922, vol. II, p. 354—358.

12 января Бриан выступил в палате с отчетом о конференции в Канне. Национальный блок палаты 230 голосами выразил Бриану недоверие. Правительству пришлось уйти в отставку. Во главе нового кабинета стал Пуанкаре, прозванный в свое время «Пуанкаре-война».

События во Франции отозвались по всей Европе. Пали правительства в Польше, Австрии, Греции. Итальянское правительство Бономи должно было уступить место новому кабинету. Зашатался и кабинет Ллойд Джорджа, против которого начались выступления в парламенте. Только угроза прихода к власти лейбористов, обозначившаяся на дополнительных выборах, заставила Чемберлена выступить от имени консерваторов в защиту Ллойд Джорджа и за сохранение прежней коалиции.

Маневрирование Франции

Новый премьер Франции сразу же предпринял решительные действия. 6 февраля Пуанкаре отправил в Лондон меморандум по поводу Генуэзской конференции. Он решительно настаивал на расширении пакта о безопасности в духе программы французского национального блока. Тем самым «западноевропейская часть» каннских проектов обрекалась на затяжные переговоры. «Сделанное Великобританией предложение заключить договор о гарантиях для Франции, — писал Ллойд Джордж, — было отвергнуто с презрением; нам сказали очень грубо, что это бесполезно при отсутствии военной конвенции» [1] (т. е. военного союза!).

Непосредственную задачу предстоящей Генуэзской конференции Пуанкаре сводил к дискуссии по «русскому вопросу».

Далее Пуанкаре категорически заявлял, что каннская резолюция не дает оснований для каких бы то ни было изменений договоров по отношению к Германии и другим странам. «Было бы недопустимо, в частности, — говорилось в меморандуме, — чтобы Генуэзская конференция заменила собой Лигу наций в обязанностях, возложенных на последнюю мирными договорами, — обязанностях, которые только Лига и в состоянии выполнить».

С особой резкостью Пуанкаре настаивал на твердой политике в вопросе о репарациях. Что касается долгов, то все державы, особенно те, которые отвергали их признание, — здесь Пуанкаре открыто метил в Советскую Россию — должны не только безоговорочно признать их, но и приступить к практическому выполнению своих обязательств.

В заключение французское правительство настаивало на отсрочке Генуэзской конференции на 3 месяца.

---

[1] *Д. Ллойд Джордж.* Европейский хаос, стр. 30.

Полное сохранение всех договоров версальской системы; никаких уступок в вопросе германских репараций; безоговорочное признание Россией всех долгов — такова была программа французского империализма.

Для того чтобы усилить нажим на Англию, французская дипломатия одновременно предприняла новый маневр. 7 февраля 1922 г. в газете «Тан» появилась статья, направленная против предполагаемых переговоров между Россией и Англией. Статья намекала на возможность русско-французского соглашения. Вся мировая печать подхватила этот намек.

Между тем английское правительство предложило создать комиссию экспертов для подготовки генуэзских решений. Франция ответила согласием. Но при этом она потребовала приглашения экспертов и от Малой Антанты и притом обязательно в Париж. Тон и смысл ответа показывал, что Франция затягивает дело.

В то же время в Париже под председательством Нуланса состоялась в середине февраля конференция кредиторов России. На конференции были представлены Ассоциация британских кредиторов, Главная комиссия для защиты французских интересов, кредиторы из Бельгии, Дании, Японии, США. Конференция потребовала, чтобы союзнические правительства добились от Советской России признания всех долгов, а также принятия шести каннских условий как предварительной платформы для переговоров. Резолюция сыграла свою роль в маневрах французской дипломатии. Англия убеждалась воочию, что соглашение с Россией сопряжено с серьезными затруднениями.

Английская печать, настаивавшая до тех пор на невозможности отсрочить Генуэзскую конференцию, мало-помалу меняла тон. Кое-где стали поговаривать о том, что конференцию, видимо, придется отложить, если того потребует и Италия в связи с министерским кризисом.

Дипломатический маневр Пуанкаре начинал давать результаты. Англия пошла на уступки.

Ллойд Джордж предложил Пуанкаре личную встречу. Она состоялась 25 февраля в Булони. «Оба премьера, — гласило официальное коммюнике, — пришли к полному соглашению относительно политических гарантий, необходимых для предупреждения всякого посягательства на прерогативы Лиги наций, на подписанные Францией договоры и на права союзников в области репараций» [1]. Таким образом, вопрос о германских репарациях исключался из обсуждения в Генуе. Было также принято решение о том, что приглашение Советской России в Геную не будет означать ее признания de-jure.

---

[1] «Правда», 1 марта 1922 г.

С 20 по 28 марта в Лондоне собрались экономические и финансовые эксперты союзников, которые разработали подробный проект резолюций по вопросам, касавшимся восстановления России и Европы. Совершенно обходя вопрос о средствах восстановления, проект в качестве условий выдвигал такие требования, принятие которых фактически вело бы к закабалению России иностранным капиталом.

Западноевропейская пресса была заполнена сообщениями о переговорах между странами Большой и Малой Антанты.

В марте 1922 г. в Варшаве собрались представители Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии. Ими был заключен (сроком на 5 лет) договор, по которому стороны обязывались не заключать никаких договоров, прямо или косвенно направленных против какого-либо из подписавших этот документ государств.

Варшавский договор являлся шагом на пути осуществления давнего плана французской дипломатии создать блок прибалтийских государств под фактическим руководством Польши. Он был направлен в первую очередь против Советской страны. Вместе с тем польско-балтийский блок, контролируемый Францией, мог помешать Англии вступить в соглашение с Германией и Советской Россией [1].

Отношение США к Генуэзской конференции

Правительство США не сразу ответило на приглашение в Геную, переданное через итальянского посла в Вашингтоне. Сторонники конференции рассчитывали, что ее решения помогут восстановлению Европы и тем самым расширят возможности для американских капиталовложений. Противники Генуи опасались попыток со стороны британской дипломатии взять реванш за Вашингтон и объединить Европу против Америки. Скоро появились слухи, что в Генуе будет поднят вопрос о списании военных долгов. 19 января в парижской газете «Матэн» была опубликована статья, автор которой доказывал, что тяжелое положение Франции вызывается отнюдь не военными расходами: на армию она тратит 2 млрд. франков, т. е. одну двенадцатую часть всего бюджета; а на уплату процентов по займам, заключенным в свое время для ведения войны, уходит 13 млрд. «Вот что убивает нас!» — восклицал автор. Итак, заключал он, «из расходного бюджета в 25 млрд. мы должны платить 13 млрд. за то, что нам навязали войну, и еще 2 млрд. за то, что нам не навязали ее опять».

Разговоры о долгах заставили монополистов США насторожиться. 3 февраля 1922 г. американский сенат принял закон о непременном погашении союзниками в течение 25 лет 10-миллиардного долга вместе с причитающимися процентами.

[1] Варшавский договор не был ратифицирован Финляндией и в силу не вступил.

Финансовые круги США вели кампанию против Советской страны, отказавшейся признать долги и тем подавшей «соблазнительный пример» другим государствам. Некоторые капиталисты считали, что возрожденная Россия станет крупным конкурентом США, особенно на нефтяном и сырьевом рынках.

8 марта государственный секретарь США Чарльз Юз сообщил итальянскому правительству об отказе США принять участие в конференции. Формальным мотивом такого решения являлось то, что конференция будет иметь не экономический, а главным образом политический характер.

Одной из главных причин отказа США от участия в Генуэзской конференции явилось враждебное отношение американских империалистов к Советской России, стремление сохранить политику экономической блокады и политического непризнания. Правящие круги США опасались, что Генуя укрепит международные позиции Советской России. Не ограничиваясь формальным отказом от участия в конференции, они всемерно старались ухудшить, осложнить международное положение Советского государства. Еще осенью 1921 г. в США приехал маршал Фош, который вместе с американским военным руководством разрабатывал планы нового вооруженного похода против Советской России. Для переговоров об организации антисоветских провокаций в США побывали также французский генерал Жоффр и белогвардейский атаман Семенов.

Отказавшись участвовать в Генуэзской конференции, правительство США поручило своему послу в Италии Чайлду присутствовать в Генуе в качестве «наблюдателя».

Советская республика перед Генуэзской конференцией

Советская республика активно готовилась к Генуэзской конференции. Советское правительство, конечно, не разделяло тех надежд, которые лицемерно возлагала на конференцию буржуазная пресса. Но было ясно, что, независимо от оговорок и попыток выдвинуть предварительные условия, приглашение Советской России, с которой большинство приглашавших держав не имело еще нормальных отношений, являлось значительным успехом и могло рассматриваться как признание Западом возможности сосуществования государств с различными социальными системами.

Само решение о созыве этой международной конференции свидетельствовало об огромных затруднениях, которые переживал капиталистический мир в попытках разрешить послевоенные противоречия. Это решение означало, что версальская система, созданная без участия Советской России и вопреки ее интересам, не могла обеспечить эффективную стабилизацию обстановки в мире. Фактическое признание Советской власти

облегчило бы дальнейшие переговоры о частных кредитах и о концессиях с крупными предпринимателями западных стран.

«Мы с самого начала, — говорил В. И. Ленин, — заявляли, что *Геную приветствуем и на нее идем;* мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами (пока они еще не совсем развалились) безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только» [1].

Общему фронту капиталистических стран необходимо было противопоставить единство всех советских республик. 17 января Председатель ВЦИК М. И. Калинин и Наркоминдел Г. В. Чичерин обратились с телеграммой к правительствам Украины, Белоруссии, закавказских и среднеазиатских республик, а также ДВР. «Настоящий момент, — гласила телеграмма, — требует создания единого фронта для дипломатической борьбы с капиталистическими правительствами на европейской конференции».

27 января была созвана чрезвычайная сессия ВЦИК. Сессия утвердила состав делегации во главе с В. И. Лениным в качестве председателя; заместителем его сессия назначила народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина. Членами делегации были: народный комиссар внешней торговли Л. Б. Красин, заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов, дипломаты В. В. Воровский и А. А. Иоффе, представители профсоюзов во главе с генеральным секретарем ВЦСПС Я. Э. Рудзутаком, Н. Н. Нариманов и другие представители союзных республик. Постановление сессии ВЦИК облекало делегацию всей полнотой чрезвычайных полномочий, необходимых для решения всех вопросов, которые составят предмет обсуждения на Генуэзской конференции.

22 февраля 1922 г. в Москве было созвано совещание полномочных представителей РСФСР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Белорусской ССР, Бухарской Народной Советской Республики, Грузинской ССР, ДВР, Украинской ССР и Хорезмской Советской Республики. Представители восьми республик подписали протокол, по которому РСФСР поручалось защищать их интересы в Генуе, заключать и подписывать от их имени все договоры и соглашения, как выработанные на самой конференции, так и связанные с ней прямо или косвенно. Председатель ВЦИК М. И. Калинин заверил всех присутствующих на совещании, что «Правительство Российской Республики примет все

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 2.

меры к тому, чтобы интересы всех связанных с ней неразрывными братскими и союзными связями государств были в должной мере защищены на конференции» [1].

Февральское соглашение, закрепившее дипломатическое объединение советских республик, лишало возможности белогвардейские правительства Азербайджана, Армении, Грузии, Украины, с позором изгнанные народами, выступить в Генуе.

Учитывая, что все-таки появление указанного отребья в Генуе не исключено, правительство РСФСР 6 февраля 1922 г. запросило правительство Италии, входят ли в число участвующих в Генуэзской конференции правительства, которые когда-либо существовали на территории Российской империи, были признаны de-jure союзными державами и падение которых никогда не было официально констатировано каким-либо актом признававших их держав. В ноте говорилось: «Не говоря уже о том, что присутствие представителей этих бывших правительств на Генуэзской конференции сделало бы совершенно невозможным какое бы то ни было участие в ней Правительства Российской Республики и Правительств союзных с ней Республик, необходимо отметить, что одна лишь возможность такого предположения может вызвать среди общественности России исключительно серьезную оппозицию по отношению к самой конференции» [2].

Это заявление предупреждало возможные маневры империалистов и напоминало о том, что ни о каких уступках, связанных с малейшим умалением достоинства РСФСР, речи быть не может.

Для того чтобы расширить антиимпериалистический фронт на конференции, РСФСР выступила инициатором приглашения в Геную кемалистской Турции. В телеграммах Наркоминдела от 21 января 1922 г. советским дипломатам в Лондон, Рим и Берлин предлагалось сделать все возможное, чтобы обеспечить приглашение правительства Великого Национального собрания Турции [3]. Советский демарш вызвал крайне раздраженную реакцию Лондона [4].

Выступление РСФСР за участие Турции в Генуэзской конференции еще раз демонстрировало дружеское отношение Страны Советов к странам, борющимся за освобождение от империалистического гнета. Подчеркивая, что участие РСФСР в конференции в Генуе ни в коей мере не изменит политики Советского правительства на Востоке, полпред РСФСР в Иране

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 111.
[2] Там же, стр. 82.
[3] См. там же, стр. 59.
[4] См. там же, стр. 59—60.

указывал: «Народ и Советское Правительство России усматривают свою роль и свое призвание в том, чтобы быть естественными и бескорыстными друзьями и союзниками народов, борющихся за свою полную самостоятельную экономическую и политическую свободу» [1].

Разоблачая предгенуэзские маневры империалистов, советская дипломатия энергично выступала против попыток сорвать готовящуюся конференцию. В связи с появившимися в западной печати сообщениями об отсрочке Генуэзской конференции В. И. Ленин выступил в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением публично разоблачить замыслы империалистов.

25 февраля в газетах было напечатано заявление Италии об отсрочке Генуэзской конференции. Тотчас же В. И. Ленин снова обращается в Политбюро: «...с особенной энергией поддерживаю мое посланное вчера предложение: поручить Чичерину отправить как можно скорей архиядовитую ноту с предложением назначить точный срок...» [2] Приняв предложение Ленина, Политбюро ЦК РКП(б) в тот же день поручило Г. В. Чичерину составить проект ноты Англии и Италии.

Нота была действительно «архиядовитой». Выражая свое изумление по поводу отсрочки конференции почти накануне ее открытия, Советское правительство отмечало, что до сих пор считало себя вправе ожидать, что решения премьер-министров западных стран, принятые в Канне, не будут поставлены в зависимость от случайных причин, таких, как смена кабинетов. Правительство РСФСР указывало, что «не ожидало встретиться с такой непрочностью политических отношений, чтобы изменения состава правительства в отдельных странах, нисколько к тому же не колеблющие сущности их политики, могли оказать влияние на принятые перед всем миром международные обязательства...» [3]

Предупреждая, что российское правительство не может позволить себе роскоши слишком частых отрывов ответственных лиц, назначенных в состав делегации, от их работы для бесплодного ожидания меняющихся решений меняющихся правительств, советская нота выражала надежду, «что Союзные страны при назначении нового срока конференции, оставаясь верными своей обычной осторожности, уделят должное внимание соображениям об обязательности для них решений, принимаемых их представителями, а тем более премьер-министрами, и что им удастся выбрать для конференции место даже вне Советской России с максимальными гарантиями прочности

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 81.
[2] Ленинский сборник XXXVI, стр. 434.
[3] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 114.

правительства страны во избежание дальнейших отсрочек по случайным причинам» [1].

15 марта Советское правительство вновь обратилось к Англии, Франции и Италии по вопросам предстоящей конференции. Отмечая, что оно, как и общественное мнение всего мира, видело в самом факте созыва конференции доказательство, что великие державы поняли бесполезность экономической и политической блокады России и убедились в необходимости восстановления нормальных отношений с ней во имя мира и прочной базы экономического роста всех государств, Советское правительство подчеркивало, что «Российское Правительство, не скрывая от себя коренных различий, существующих между политическим и экономическим режимом Советских Республик и режимом буржуазных государств, считало тем не менее безусловно возможным соглашение, имеющее целью плодотворное сотрудничество тех и других на экономической почве» [2].

Именно поэтому Генуэзская конференция, по мнению Советского правительства, должна радикально отличаться от прежних европейских конференций. На ней не должно быть никакой разницы между победителями и побежденными, между великими и малыми державами, между советскими и буржуазными правительствами. Однако, отмечалось в ноте, судя по сообщениям в прессе, вместо свободного обмена мнениями, Советской России на конференции угрожает новая форма бойкота. Правительства Большой и Малой Антанты собираются явиться на конференцию с готовыми решениями относительно России, с решениями, несовместимыми с суверенитетом Советской республики. «...Изъятие принципа равенства и свободного обмена мнениями между всеми участниками конференции, — предупреждало Советское правительство, — неизбежным своим последствием будет иметь ее неудачу» [3].

Вместе с тем в ноте разоблачалась кампания антисоветской лжи и клеветы в западной прессе, инспирированной официальными кругами.

«Советские Правительства пойдут на конференцию в Геную, — заключала нота, — с твердым намерением вступить в экономическое сотрудничество со всеми государствами, взаимно гарантирующими друг другу неприкосновенность их внутренней политической и экономической организации согласно 1-му параграфу каннских условий» [4].

Это было не просто очередное разоблачение маневров реакционных кругов Запада. Это был новый настойчивый призыв к

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 114.
[2] Там же, стр. 152.
[3] Там же, стр. 153.
[4] Там же, стр. 155.

мирному сосуществованию накануне открытия Генуэзской конференции.

В преддверии Генуи советская дипломатия не только закрепила единение братских республик, но и активно выступила против любых попыток со стороны империалистических держав поставить советскую делегацию в неравноправное положение или навязать ей какое-либо решение, несовместимое с суверенитетом Советского государства.

Роль В. И. Ленина в подготовке и практической разработке позиции советской делегации в Генуе

Всей подготовкой к конференции руководил В. И. Ленин. Несмотря на болезнь и запрещение врачей, Владимир Ильич не упускал из виду ни одной детали подготовительной работы.

Вопрос о его поездке на Генуэзскую конференцию взволновал все слои населения страны. В бесконечном потоке писем во ВЦИК, в Совнарком, в редакции центральных и местных газет трудящиеся протестовали против поездки В. И. Ленина, выражая тревогу за его безопасность и жизнь. В обстановке, накаленной злобной антисоветской кампанией, не исключена была возможность вражеского покушения на главу Советского правительства, как это случилось годом позже с В. В. Воровским. «Берегите Ленина, не пускайте его!» — требовали красноармейцы, рабочие, крестьяне, служащие.

Понимая, что обстановка и болезнь вряд ли позволят ему выехать в Геную, Владимир Ильич еще в январе настоял на том, чтобы в постановлении чрезвычайной сессии ВЦИК о посылке делегации РСФСР на Генуэзскую конференцию специально оговаривалось, что все права председателя делегации в этом случае будут переданы Г. В. Чичерину, как заместителю председателя.

Когда в конце февраля 1922 г. Чичерин выступил с предложением создать президиум делегации из трех человек со всеми правами председателя, В. И. Ленин категорически выступил против, считая, что это отнюдь не усилит работоспособности делегации. «Решительно оспариваю и настаиваю на своем прежнем предложении» [1], — писал он в Политбюро 25 февраля.

Внимательно следя за тем, чтобы никакая случайность не помешала работе делегации, В. И. Ленин неоднократно возвращался к вопросу о распределении обязанностей среди ее членов. Даже по вопросу о подборе экспертов делегации имеется ленинский проект постановления Политбюро ЦК РКП(б), написанный 4 февраля. Предлагая привлечь в качестве эксперта «сменовеховца» Ю. Ключникова, В. И. Ленин считал необходимым обязать каждого, кто намечался на эту должность, под-

[1] Ленинский сборник XXXVI, стр. 434.

готовить статью с подробным освещением вопроса по избранной им специальности [1]. С одной стороны, это давало обстоятельное, всестороннее освещение вопросов предстоящей конференции в печати, с другой — было пробным камнем, на котором проверялась практическая пригодность будущих экспертов.

Придавая вообще большое значение выступлениям в печати накануне Генуэзской конференции, Владимир Ильич в одном из писем в Политбюро и Наркоминдел в марте 1922 г. подчеркивал: «Именно теперь, когда грозит сильно возрасти вероятность срыва французами Генуи, надо сделать из наших статей боевое выступление, т. е. и вполне отчетливый план восстановления России не на капиталистической базе и бичующее обвинение европейских государств в полной беспомощности, растерянности и безголовости» [2]. Это была развернутая программа выступлений в печати.

Сам Владимир Ильич в многочисленных записках и письмах ЦК, статьях и выступлениях того периода раскрыл сущность маневров империалистической дипломатии в связи с конференцией, охарактеризовал расстановку классовых сил и группировок в капиталистических странах перед Генуей, сформулировал основные задачи делегации.

Трезво оценивая обстановку, Ленин указывал, что одного лишь противопоставления капиталистическому фронту единства советских республик недостаточно. Не менее важной задачей было расколоть фронт капитала.

В капиталистическом лагере наметились к тому времени три различные группы. Одна группа была настроена навязать Советской республике кабальные условия соглашения. В. И. Ленин говорил по поводу угроз этой группы: *«По вопросу о Генуэзской конференции нужно строго отличать суть дела от тех газетных уток, которые буржуазия пускает;* ей они кажутся страшными бомбами, но нас они не пугают, так как мы их много видели и они не всегда заслуживают, чтобы на них отвечать даже улыбкой. Всякие попытки навязать нам условия, как побежденным, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать. *Мы, как купцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам и что мы тебе и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль»* [3].

Другая группа капиталистов считала себя заинтересованной в успехе конференции и положительном завершении переговоров. Касаясь взглядов этой группы, В. И. Ленин отмечал: «...они знают, что без тех или иных форм экономических взаи-

---

[1] См. Ленинский сборник XXXVI, стр. 422.
[2] Там же, стр. 449.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 8.

моотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор» [1].

Имелась, наконец, и третья группа. Ее можно было бы назвать пацифистской. В нее входили некоторые видные государственные деятели, лидеры II и II$^1/_2$ Интернационалов и прочие буржуазно-демократические представители. Они носились с идеей «всеобщего примирения» и т. д.

Отнюдь не разделяя этих иллюзий, Советское правительство полностью учитывало горячее стремление народных масс всех стран к всеобщему миру. Поэтому В. И. Ленин предложил развернуть на конференции широчайшую миролюбивую программу, поддержать пацифистов.

«Всех заинтригуем, — писал Ленин Чичерину 14 марта 1922 г., — сказав: «мы имеем широчайшую и полную программу»! Если не дадут огласить, *напечатаем* с протестом.

Везде «маленькая» оговорка: мы-де, коммунисты, имеем *свою* коммунистическую программу (III Интернационал), *но* считаем все же своим долгом как *купцы поддержать* (пусть 1/10 000 шанса) *пацифистов в другом*, т. е. буржуазном лагере (считая *в нем* II и $2^1/_2$ Интернационалы).

Будет и ядовито и «по-доброму» и поможет разложению врага.

При такой тактике мы выиграем *и* при неудаче Генуи. На сделку, невыгодную нам, *не пойдем*» [2].

В. И. Ленин резко выступал против тех, кто разжигал накануне конференции антисоветскую истерию и призывал к диктату по отношению к Советской России. Он напоминал им: «Мы видели угрозы пушками со стороны союзных держав, в руках которых находится почти весь мир. *Угроз этих мы не испугались*» [3]. Не диктовать, а договариваться — вот единственно возможный тон разговора с Советским государством, подчеркивал В. И. Ленин.

Тем, кто надеялся проволочками и отсрочками добиться бóльших уступок от Советской власти, Владимир Ильич твердо отвечал: «Довольно, завтра вы не получите ничего!».

Достигнуть раскола антисоветского фронта, указывал В. И. Ленин, можно было и путем соглашения с отдельными европейскими странами.

В этом смысле на Францию рассчитывать не приходилось. Именно к ней относилось замечание В. И. Ленина о бесплодности угроз. Правящие круги Франции больше других стран были непримиримы в вопросе о признании долгов.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 3.
[2] Ленинский сборник XXXVI, стр. 455.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 5.

Легче было бы опереться на Италию. Она нуждалась в хлебе, угле, минеральной руде, нефтяных продуктах Советской страны. Но Италия не была самостоятельна в своей внешней политике, находясь под давлением великих держав.

Больше других государств в соглашении с Советской страной была заинтересована Англия ввиду мирового характера своих торговых, финансовых и промышленных связей. Владимир Ильич предупреждал ее против надежд на наши односторонние уступки. Вскрывая истинные стремления английской дипломатии, В. И. Ленин так оценивал маневры Ллойд Джорджа: «Ллойд-Джордж, который шумит против Франции, прикрывает этим свое главное стремление — принудить нас платить долги вообще и бывшим собственникам особенно» [1]. И еще: «Я никогда не сомневался, что Ллойд-Джордж действует под давлением английских акул и что Англия не останется без Франции...» [2]

Положительные перспективы сулило соглашение с Германией. Отсюда и вытекала основная позиция Советского правительства накануне Генуэзской конференции. В качестве своего контрагента оно предпочитало иметь дело с такой международной группировкой, где участвовала бы Германия, стремившаяся сбросить иго версальской системы.

Ленинские указания определяли все основные направления работы советской дипломатии накануне и в период Генуи.

Предгенуэзские выступления В. И. Ленина перепечатывались и оживленно комментировались в иностранной печати. На страницах «Виктуар» появилась статья, озаглавленная «Ленинское предупреждение». «Тан» в передовой от 10 апреля 1922 г. приводил выдержки из доклада В. И. Ленина на XI съезде партии, подчеркивая то место, где говорилось о прекращении отступления. Цитировала ленинский доклад и «Манчестер гардиан». Журнал «Эроп нувель» публиковал на своих страницах некоторые выступления В. И. Ленина [3].

В записках членам Политбюро ЦК партии и на имя Г. В. Чичерина В. И. Ленин давал свои рекомендации, тщательно взвешивал все аргументы и предложения. Владимиром Ильичем был написан проект директив ЦК партии для советской делегации.

«Хотя зимой 1921/22 г., — вспоминал Г. В. Чичерин, — Владимир Ильич долгое время жил за городом, но вопросами, связанными с созывом Генуэзской конференции, он близко и горячо интересовался. По этому поводу им был написан ряд

[1] Ленинский сборник XXXVI, стр. 474.
[2] Там же.
[3] См. *Н. Л. Рубинштейн.* Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах. М., Госполитиздат, 1953, стр. 241.

записок, и общее содержание наших выступлений в Генуе было установлено на основании его личных записок» [1].

В. И. Ленин предложил внести в директивы советской делегации в Генуе следующее:

«(1) Аннулирование всех (старых, военных?) долгов;

(2) применение ко всем колониям и зависимым странам и нациям «ирландского» решения [2];

(3) радикальный пересмотр Версальского договора;

(4) предоставление на льготных условиях займов тем странам, кои наиболее разорены войной, будучи при том наиболее слабы в смысле возможности подняться самостоятельно и наиболее важны для мирового хозяйства как эвентуальные поставщики громадного количества продовольствия и сырья;

(5) установление единой международной золотой единицы для денежных систем ряда стран и мер к введению этой единицы;

(6) соглашение ряда стран о мерах борьбы с инфляцией и обесценением денег (указать некоторые из этих мер);

(7) соглашение ряда стран о мерах борьбы с топливным кризисом и о мерах наиболее рационального и экономного использования источников энергии на основе единой планомерной электрификации;

(8) тоже по отношению к наиболее насущным, с точки зрения возможности подвезти сырье и продовольствие, мерам реорганизации и улучшения международного транспорта...

Программа подобного рода должна быть развита в речах, а при невозможности этого напечатана на 3—4 европейских языках и роздана делегатам и прессе (хотя бы в конспективной форме). (Напечатана во всяком случае)...» [3]

Огромное значение имели поправки и замечания к проекту заявления советской делегации на Генуэзской конференции, сделанные Лениным 23 марта 1922 г.

«По поводу представления тов. Чичерина, которое озаглавлено «Элементы первой речи на конференции», предлагаю следующие изменения:

1) Строки 7 и 8 сверху на первой странице — предлагаю говорить о «системах собственности», а не просто о политически-экономических системах.

2) На той же странице, снизу 8 и 9 строки — безусловно выкинуть всякое напоминание о «неизбежном насильственном перевороте и применении кровавой борьбы», вместо этого говорить лишь о том, что мы, коммунисты, не разделяем взглядов

[1] *Г. В. Чичерин.* Статьи и речи... стр. 284.

[2] В 1921 г. Ирландия в результате упорной борьбы получила статут доминиона.

[3] «Правда», 24 апреля 1962 г.

пацифистов, что достаточно известно из коммунистической литературы, но, являясь сюда как купцы, мы безусловно считаем своим долгом всемерно поддержать всякие попытки мирного решения спорных вопросов.

3) На той же странице, снизу 2 и 3 строки — безусловно исключить слова, что наша «историческая концепция включает применение насильственных мер».

4) Страница 2-я, сверху 2 и 3 строки — безусловно исключить слова, что наша историческая концепция безусловно предполагает неизбежность новых мировых войн.

Ни в каком случае подобных страшных слов не употреблять, ибо это означало бы играть на руку противнику. Ограничиваться только указанием на то, что взгляды коммунистов не совпадают со взглядами таких пацифистов, каковыми являются те государства, с которыми мы начинаем переговоры, — государственные работники, подобные Гендерсону, Кейнсу и т. д., но что мы считаем своим долгом в целях достижения желаемого нами экономического соглашения сделать все зависящее от нас для возможно более широкого выполнения хотя бы известной доли этой пацифической программы» [1].

Эти ленинские идеи легли в основу советской программы мира и делового международного сотрудничества, выдвинутой Г. В. Чичериным на первом же заседании Генуэзской конференции.

Одним из основных вопросов, который должен был встать на конференции в первую очередь, был вопрос о долгах. В. И. Ленин подчеркивал, что необходимо установить различие между долгами военными, заключенными царским правительством и Временным правительством, и довоенными займами.

По вопросу о военных займах не предвиделось особых разногласий. Во-первых, ни одна из стран Европы фактически не платила своих долгов, во-вторых, параграфом 116 Версальского договора было формально оговорено право Советской России на значительную долю из той контрибуции в 132 млрд. золотых марок, которую Антанта навязывала Германии. Никто, видимо, не захотел бы особенно настаивать на уплате русскими военных долгов.

Иное значение имел вопрос о довоенных долгах. Общая сумма их составляла до 4,5 млрд. руб. золотом, не считая процентов. Заключенные в частных банках, распределявших русские бумаги главным образом среди мелких держателей, эти довоенные займы затрагивали интересы миллионов людей, вложивших в них свои сбережения. Отказ Советского правительства от оплаты этих обязательств был бы использован врагами

[1] «Правда», 22 апреля 1964 г.

республики для яростной агитации против Страны Советов. Поэтому при известных условиях Советское правительство считало возможным пойти на переговоры относительно уплаты довоенных долгов.

Однако в качестве противовеса оно имело в виду выдвинуть свои собственные контрпретензии, именно — оплату Антантой того ущерба, который причинен был Советской России во время интервенции. Кроме того, В. И. Ленин предложил связать решение вопроса о долгах с предоставлением кредитов, в то же время подчеркивая недопустимость каких-либо уступок империалистам в отношении реставрации капиталистической собственности в Советском государстве.

В переговорах с капиталистами советской делегации предписывалось предлагать каждому в отдельности более выгодные условия, чем консорциуму. Противопоставляя одного капиталиста другому, было легче договориться об условиях, отвечавших интересам Советской республики.

Что касается каннской резолюции, Советское правительство готово было принять ее лишь за основу для переговоров. Советская Россия не собиралась подчиниться всем условиям, которые пытались навязать ей державы Антанты.

Касаясь заявления Ллойд Джорджа, будто непризнание Советским правительством каннских условий угрожает срывом всей конференции, В. И. Ленин писал:

«Формулировка, в которой более «угрожающего», чем точного!

Но ведь вся английская пресса, судя по нашим газетам, много раз заявляла, что для приглашения на... конференцию *не требуется* и *не требовалось предварительного* признания каннских условий и что обратное мнение французов неверно.

...Мне казались бесспорны три факта:

(1) приглашая нас, от нас *не* потребовали точного, ясного, формального заявления, что мы *признаем* каннские условия.

(2) мы этого заявления *не* делали в ответе. И нам *не сообщили*, что наш ответ *не полон*.

(3) *вся* английская буржуазная пресса в споре с французами *признала* необязательность предварительного признания каннских условий» [1].

Особенное значение придавал Владимир Ильич тому вынужденному со стороны Запада признанию возможности мирного сосуществования, которое было зафиксировано в первом пункте каннских условий. Когда в радиотелеграмме председа-

[1] Ленинский сборник XXXVI, стр. 429.

теля Совета министров Италии Бономи, приглашавшей делегацию Советского правительства принять участие в Генуэзской конференции, были пропущены слова «Système de propriété» («система собственности»), В. И. Ленин потребовал официальный текст предложений Бономи, подчеркивая: «...мне важен текст пунктов условий, формулированных ими» [1].

Поручая Инросте «проверить, не стояли ли в какой-либо иностранной газете слова «система собственности»», Владимир Ильич просил прислать ему этот номер. В тот же день Г. В. Чичерин передал ему с запиской номер «Пти Паризьен» от 8 января, где формулировка первого пункта соответствовала тексту резолюции, опубликованной в советской печати. В. И. Ленин сделал на записке Чичерина заметку: «Вернуть т. Чичерину *(и записать)*» [2].

Первый пункт каннской резолюции отрицал за каким-либо государством право диктовать другому принципы, на которых оно должно регулировать свою систему собственности, внутренней экономической жизни и управления. Никаких условий, требовал В. И. Ленин, ущемляющих суверенитет, никаких уступок принципиальных, связанных с завоеваниями Октября, но он настойчиво выступал за расширение деловых связей с капиталистическими государствами. «Нам надо торговать, и им надо торговать. Нам хочется, чтобы мы торговали в нашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду, — говорил В. И. Ленин. — Как развернется борьба, это будет зависеть, хотя и в небольшой степени, от искусства наших дипломатов» [3].

В период подготовки и работы Генуэзской конференции гений В. И. Ленина как дипломата, его прозорливость, необычайно глубокое понимание расстановки сил на международной арене проявились с особой силой.

Балтийская конференция (март 1922 г.)

По пути в Геную советская делегация прибыла в Ригу. Еще в период Варшавской конференции Наркоминдел предложил ее участникам созвать совместную конференцию с Советской Россией. В принципе было решено собраться в Риге. 29 марта 1922 г. в латвийской столице открылась конференция представителей Латвии, Польши, Эстонии, Советской России. Из-за конфликта с Польшей по поводу Вильно литовские представители отказались прибыть в Ригу, финляндские присутствовали только с информационной целью. Конференция рассмотрела три вопроса:

а) возобновление экономической жизни Восточной Европы,

---

[1] Ленинский сборник XXXVI, стр. 409.
[2] Там же, стр. 410.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 70.

б) восстановление торговых сношений между представленными государствами и

в) упрочение мира в Восточной Европе.

Конференция признала желательным согласование действий делегаций этих государств на Генуэзской конференции по всем трем вопросам, высказалась за желательность взаимно гарантировать мирные договоры, заключенные между Россией и Эстонией 2 февраля 1920 г., между Латвией и Россией — 11 августа 1920 г. и между Польшей, Россией, Украиной и Белоруссией — 18 марта 1921 г. Кроме того, делегаты Эстонии, Латвии и Польши выразили мнение, что для восстановления Восточной Европы необходимо юридическое признание Советского правительства.

Страны-участницы договорились об активизации торговых отношений и установлении прямых финансовых связей через свои кредитные учреждения. Конференция высказалась за необходимость поддерживать принцип всеобщего ограничения вооружений и не допускать враждебных действий против соседних государств.

Таким образом, советской дипломатии удалось нанести первый удар по планам организаторов единого фронта капиталистических государств в Генуе.

Советская делегация в Берлине

1 апреля советская делегация прибыла в Берлин. Через день она была принята рейхсканцлером Виртом и министром иностранных дел Ратенау. Заговорив о проекте международного консорциума, советские представители заявили, что считают его враждебным замыслом, тем более что в этом плане особая роль отводилась Германии как орудию для эксплуатации России. Ратенау в ответ сообщил, что его страна уже связана переговорами о консорциуме и выйти из него не может. Правда, она готова дать письменное обязательство не заключать никаких сделок без согласия России. За это Ратенау требовал компенсации, но не указал — какой. При второй встрече он пояснил, что компенсацией могло бы явиться обязательство России при переговорах о концессиях предварительно каждую концессию предлагать Германии. За каждую несущественную уступку от Советской страны немедленно требовали несоразмерной компенсации.

Вскоре немцы предложили официально зафиксировать следующее соглашение: Германия отказывается от возмещения убытков, причиненных ей революцией, исходя из того, что Советская страна не будет платить за такие убытки и другим государствам. Однако в секретном добавлении должно быть сказано, что в случае если Советская страна даст другой державе вознаграждение за эти убытки, то вопрос должен быть

пересмотрен и по отношению к Германии. Советская делегация добивалась полного отказа Германии от возмещения убытков; это могло бы послужить прецедентом для переговоров и с другими государствами в Генуе; но германские представители упорствовали. Мало того, выяснилось, что и этот договор вместе с секретным добавлением будет в Берлине не подписан, а только парафирован. Таким образом, представители Германии вели ни к чему не обязывающие разговоры, а берлинская пресса намеренно раздувала слухи о якобы предстоящем русско-германском договоре, чтобы припугнуть дипломатию Антанты.

Позже заведующий восточным отделом МИД Германии Мальцан в беседе с английским послом признал, что «Ратенау противился подписанию (соглашения. — *Авт.*) ввиду предстоящей Генуэзской конференции. Ратенау фактически был противником восточной ориентации и стоял за более близкую связь с Францией и Англией, в особенности с первой».

Единственно, чего удалось достигнуть в Берлине советским представителям, было взаимное обязательство, что в Генуе обе делегации будут поддерживать тесный контакт.

2. Генуэзская конференция

Открытие конференции в Генуе

6 апреля советская делегация прибыла в Геную. Итальянцы встретили ее любезно. Однако под предлогом охраны они настолько изолировали советских представителей от всяких внешних контактов, что тем пришлось протестовать против столь чрезмерного усердия.

9 апреля состоялось первое свидание советских делегатов с премьер-министром Италии Факта и министром иностранных дел Шанцером. Советская делегация поставила вопрос о приглашении на конференцию Турции. Итальянцы заявили, что конференция является европейской, а Турция — малоазиатская страна. Шанцер сообщил, что конференция предполагает выделить четыре комиссии: политическую, финансовую, экономическую и транспортную. Советская делегация будет допущена только в первую; в остальных комиссиях она будет участвовать лишь после заключения основных соглашений в первой комиссии. Советская делегация заявила решительный протест против такой дискриминации.

После предварительного заседания представителей Антанты советской делегации было предложено во вступительной речи заявить о признании в принципе каннских резолюций, после чего советские представители будут допущены во все комиссии. Советская делегация согласилась принять это условие.

10 апреля во дворце Сан-Джорджо открылось первое пленарное заседание конференции. Всего было представлено 29 стран (с доминионами Англии — 34). То было наиболее широкое собрание представителей европейских держав, когда-либо имевшее место.

Очень большой интерес к конференции проявили финансово-промышленные деятели капиталистического мира. В качестве делегатов, экспертов, наблюдателей в Геную съехались руководители и члены директоратов многих крупных французских, американских, английских, голландских и других банков и концернов.

После избрания председателем конференции премьер-министра Италии Факта он произнес речь об экономической разрухе, охватившей весь мир, где по крайней мере 300 млн. человек не занято производительным трудом. Среди присутствующих, говорил Факта, нет ни друзей, ни врагов, ни победителей, ни побежденных; здесь собрались только нации, желающие отдать свои силы одной цели — «излечению Европы».

В заключение Факта зачитал следующую декларацию: «Настоящая конференция созвана на основе каннских резолюций; резолюции эти были сообщены всем получившим приглашение державам. Самый факт принятия приглашений уже доказывает, что все, принявшие его, тем самым приняли принципы, содержащиеся в каннских резолюциях» [1].

Эта декларация — явно французского происхождения — свидетельствовала о наличии сговора между капиталистическими державами: она буквально повторяла одно из требований известного меморандума Пуанкаре.

После Факта выступил Ллойд Джордж. Он также подчеркнул, что на конференции все равны, но добавил: равенство это заключается в том, что все приняли равные, а именно каннские условия. В дальнейшем Ллойд Джордж остановился на экономической разрухе, справиться с которой, по его мнению, можно только совместными усилиями. В связи с этим он выразил сожаление, что США не участвуют в конференции.

Французский министр иностранных дел Барту поддержал прочих ораторов в вопросе о каннских резолюциях. При этом он категорически заявил, что Франция не допустит обсуждения какого бы то ни было из версальских соглашений. «Генуэзская конференция не является, — говорил Барту, — не может явиться и не явится кассационной инстанцией, ставящей на обсуждение и подвергающей рассмотрению существующие договоры» [2].

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции». М., 1922, стр. 67.
[2] Там же, стр. 72.

Немецкий делегат Вирт стремился убедить делегатов в том, что положение Германии особо тяжелое. Поэтому германская делегация и сочла возможным отложить урегулирование внутренних затруднений и прибыла в Геную в надежде на международную помощь.

После делегата Германии выступил советский представитель Г. В. Чичерин. Он подчеркнул, что Советское правительство, всегда поддерживавшее дело мира, приветствует с особым удовлетворением призывы к установлению мира.

«Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, — заявил Г. В. Чичерин, — Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления» [1].

Чичерин указал, что экономическое восстановление России как крупнейшей державы, обладающей неисчислимыми запасами природных богатств, является непременным условием всеобщего экономического восстановления. Идя навстречу потребностям мирового хозяйства, Советская Россия готова предоставить концессии — лесные, каменноугольные и рудные; она имеет возможность сдать в концессию и большие пространства сельскохозяйственных угодий. Делая эти предложения, советская делегация признает в принципе положения каннской резолюции, сохраняя, однако, за собой право внесения в нее как поправок, так и дополнительных пунктов.

Г. В. Чичерин отметил, что все попытки восстановления мирового хозяйства будут тщетны, пока над Европой и над всем миром будет висеть угроза войны.

«Российская делегация, — говорил советский представитель, — намерена в течение дальнейших работ конференции предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением ее наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной войны и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения» [2].

Установление всеобщего мира должно быть осуществлено, по мнению советской делегации, всемирным конгрессом, созванным на основе полного равенства всех народов и признания

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 191—192.
[2] Там же, стр. 193.

за всеми ими права распоряжаться своей собственной судьбой. Всемирный конгресс должен будет назначить несколько комиссий, которые наметят и разработают программу экономического восстановления всего мира. Работа конгресса будет плодотворной только при участии в нем рабочих организаций. Российское правительство согласно даже принять за исходную точку прежние соглашения держав, лишь внеся в них необходимые изменения, а также пересмотреть Устав Лиги наций, с тем чтобы превратить ее в настоящий союз народов, где нет господства одних над другими и где будет уничтожено существующее ныне деление на победителей и побежденных.

«...Мы готовы, — говорил Г. В. Чичерин, — принять участие в общей работе в интересах как России, так и всей Европы и в интересах десятков миллионов людей, подверженных сверхчеловеческим лишениям и страданиям, вытекающим из нынешней хозяйственной разрухи, и поддержать все попытки, направленные хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства и к устранению угрозы новых войн» [1].

Вся конференция с напряженным вниманием слушала советского представителя. Г. В. Чичерин не читал, а говорил, лишь изредка заглядывая в бумаги, лежавшие на столе. Когда речь, произнесенная на французском языке, подошла к концу, в зале чуть было не вспыхнули аплодисменты. Однако аудитории дали понять, что это «неуместно». Но никто не смог остановить овации, которой разразился зал, когда Чичерин, отстранив переводчика, свободно повторил всю речь па английском языке. Это была реакция и на речь по существу и на лингвистические способности «большевистского наркома» [2].

И форма выступления советского делегата и его содержание — четкость, лаконичность и грандиозность советской, ленинской программы: всеобщее разоружение, мирное сосуществование, полное равноправие и суверенитет всех государств — нарушали намерения западных держав, заранее договорившихся о линии поведения на конференции. «...Все говорили самые хорошие слова, — докладывал III сессии ВЦИК член делегации в Генуе Я. Э. Рудзутак, — но стоило лишь Чичерину заявить, что для того, чтобы сократить расходы, для того, чтобы действительно восстановить хозяйство, действительно добиться восстановления мира, нужно перейти к разоружению, сейчас же все миролюбие было забыто» [3].

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 195.

[2] См. *Н. Н. Любимов, А. Н. Эрлих.* Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963, стр. 45.

[3] Доклад Я. Э. Рудзутака о Генуэзской конференции. «Исторический архив», 1962, № 2, стр. 84.

После Г. В. Чичерина выступил Барту «с кратким, но самым твердым заявлением», как выразился он сам. Он снова напомнил о каннских решениях. Русская делегация, заявил Барту, подняла вопрос о всемирном конгрессе и затронула другие проблемы, которых нет в каннской резолюции. Особенно резко выступил французский делегат против предложения советской делегации о разоружении. «Вопрос этот, — говорил Барту, — устранен; он не стоит в порядке дня комиссии. Вот почему я говорю просто, но очень решительно, что в тот час, когда, например, русская делегация предложит первой комиссии рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны французской делегации не только сдержанность, не только протест, но точный и категорический, окончательный и решительный отказ» [1].

Барту добавил, что такое же категорическое «нет» будет сказано и в том случае, если советская делегация попытается внести в политическую комиссию свои предложения.

Отвечая Барту, Г. В. Чичерин заявил, что о французской точке зрения все знают из выступления Бриана в Вашингтоне. Там он сказал, что причиной, по которой Франция отказывается от разоружения, является вооружение России. Советская делегация предполагала, что раз Россия согласится на разоружение, тем самым будет устранен вопрос, поднятый Брианом.

Предложение осуществить всеобщее или частичное разоружение было исторической инициативой Советской страны, предпринятой по указанию великого Ленина. Первое в мире пролетарское государство предлагало радикальный и надежный путь обеспечения прочного мира. Ему было обеспечено полное понимание всех народов мира, общественные симпатии и поддержка, ибо, как отмечал ВЦИК, «в этом выступлении делегации РСФСР нашли свое выражение интересы и желания не только трудящихся масс России, но и кровные интересы трудящихся всего мира и всех угнетенных и порабощенных народов и наций» [2].

Нет сомнения, что большинство буржуазных делегаций предпочло бы обойти молчанием программу мира, разоружения и делового сотрудничества, выдвинутую Советской республикой. Но Барту своим запальчивым выступлением лишь подчеркнул наиболее важные пункты советского предложения. Тем самым он невольно содействовал их популяризации. «...Наше заявление о разоружении, — отмечал Я. Э. Рудзутак, — и столь резкие ответы Франции, которая стала с пер-

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 83.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 384.

вых шагов бряцать оружием, определенно настроили общественное мнение в нашу пользу» [1].

На Генуэзской конференции был принят такой принцип представительства, по которому во все комиссии входили делегаты каждой из пяти держав — инициаторов конференции, а также Советской России и Германии. Что касается остальных 21 державы, то они совместно избирали по нескольку делегатов в каждую комиссию. На первом же заседании финансовой комиссии французы предложили низвести Россию и Германию на положение остальных держав. Предложение это было единогласно отвергнуто.

«...Фактически, — говорил в своем докладе ВЦИК Я. Э. Рудзутак, — все присутствовавшие там, и журналисты, и все расценивали это как фактическое признание России великой державой, которая принимает участие в работах наравне с остальными великими державами» [2].

Утром 11 апреля открылось заседание политической комиссии. На этот раз, стараясь сгладить неловкость своего вчерашнего выступления, Барту вел себя весьма любезно по отношению к советской делегации. Особенно подчеркивал он свое полное согласие с Англией и Италией. На заседании было решено создать политическую подкомиссию для решения некоторых конкретных вопросов. В подкомиссию вошли кроме держав Антанты, Советской России и Германии представители Румынии, Польши, Швеции и Швейцарии. Советская делегация заявила категорический отвод Румынии, продолжавшей оккупировать Бессарабию. Одновременно Г. В. Чичерин сообщил, что он в письменной форме на имя председателя конференции протестовал против участия в подкомиссии Японии, так как она продолжает занимать своими войсками часть советской дальневосточной территории.

Требования империалистов

Капиталистические державы отвергли советскую программу мирного сосуществования и делового сотрудничества. Выступая в политической подкомиссии, Ллойд Джордж рекомендовал приступить к обсуждению тех конкретных предложений, которые выдвинуты были совещанием экспертов в Лондоне в конце марта. Ллойд Джордж, а вслед за ним и Барту подчеркивали, что доклад экспертов не является официальным документом, но может служить базой для обсуждения.

Доклад экспертов посвящен был двум основным проблемам: переговорам с Россией и восстановлению Европы. Эксперты выдвигали такие предложения, которые означали на деле

[1] «Исторический архив», 1962, № 2, стр. 84.
[2] Там же, стр. 85.

экономическое закабаление Советской страны. В докладе содержались следующие требования к Советскому правительству:

1. Признание всех долгов царского и Временного правительств.

2. Признание финансовых обязательств всех бывших доныне в России властей, как областных, так и местных.

3. Принятие на себя ответственности за все убытки от действий или упущения советского или предшествовавших ему правительств или местных властей.

4. Создание специальной комиссии русского долга и смешанных третейских судов для рассмотрения всех этих вопросов.

5. Все займы, заключенные с Россией после 1 августа 1914 г., будут считаться погашенными по уплате определенных сумм, установленных с согласия сторон.

6. При подсчете этой суммы будут учтены, однако без нарушения соответствующих постановлений Версальского договора, все претензии русских граждан за убытки и ущерб, понесенные ими в связи с военными действиями.

7. Все национализированные предприятия должны быть возвращены иностранным владельцам.

Кроме признания всех долгов и возвращения (реституции) национализированных предприятий доклад экспертов в дополнительных статьях требовал отмены монополии внешней торговли и установления для иностранных подданных в советских республиках режима, подобного режиму капитуляций в странах Востока.

Наконец, эксперты настаивали на прекращении «коммунистической пропаганды» во всех странах.

Империалисты требовали от Советской России уплаты 18 млрд. руб. Это были поистине хищнические домогательства. Антанта рассчитывала при помощи экономических мер добиться того, чего ей не удалось достигнуть путем вооруженной интервенции: восстановления своих позиций в русском народном хозяйстве и перерождения Советской власти. Попытку открытого дипломатического нажима на Советское правительство с целью заставить его сдать командные экономические позиции в своей стране иностранному капиталу всемерно поддерживали США.

Неофициальные представители Америки проявляли большую активность в Генуе, пытаясь предотвратить соглашение любой европейской державы с Советской Россией, добиваясь продолжения изоляции и блокады Советского государства. Америка, по выражению Я. Э. Рудзутака, «присутствовала в Генуе как сторожевой пес, который следит за тем, чтобы ни-

кто не утащил ту кость, которую грызть она считала своим правом» [1].

Понимая под своим «правом» требование признания как довоенных, так и военных долгов, согласия на возврат конфискованной частной собственности владельцам, Чайлд, касаясь задач наблюдателей от США на Генуэзской конференции, писал 7 мая 1922 г. в госдепартамент: «Неофициально, однако, мы должны по возможности поддерживать самую тесную связь (с делегациями других стран), с тем чтобы помешать Советской России заключить какое-либо соглашение, которое могло бы ущемить наши права» [2]. При этом он выражал уверенность, что, «несмотря на возможные затруднения», бельгийская, французская и другие делегации откажутся подписать какое-либо соглашение с советской делегацией [3]. И он имел на это основания, ибо «официальные делегаты конференции, не исключая представителей великих европейских держав, — как сообщал Чайлд в своем дневнике, — постоянно приходили... для дискуссии и за предложениями» в отель, где находились американские наблюдатели.

Советская делегация потребовала перерыва заседания по меньшей мере на два дня. Свое требование она обосновывала необходимостью ознакомиться с докладом экспертов.

Совещание на вилле Альбертис

Советскую делегацию со всех сторон осаждали журналисты. Их было так много, что беседы с ними пришлось перенести в здание университета. Во время перерыва заседания политической подкомиссии советскую делегацию то и дело посещали представители других держав. Советские представители использовали эти встречи для широкого разъяснения своей программы. «Всевозможный контакт с делегациями и журналистами, — сообщал в НКИД Г. В. Чичерин, — отнимает массу времени, но необходим для выяснения ситуации» [4].

Вечером 13 апреля, во время одного из посещений советской делегации, Уайз и Юнг (первый из которых был близок к Ллойд Джорджу, а второй — к Шанцеру) были вызваны к телефону. По возвращении они сообщили, что Ллойд Джордж приглашает представителей советской делегации встретиться до заседания подкомиссии. Причем на встрече кроме него будут Барту, Шанцер и представитель бельгийской делегации. Советская делегация согласилась принять участие в предлагаемом совещании. На встречу поехали Г. В. Чичерин, Л. Б. Красин, М. М. Литвинов.

---

[1] «Исторический архив», 1962, № 2, стр. 93.
[2] «Foreign Relations... 1922», vol. II, p. 789.
[3] Ibid., p. 790.
[4] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 207.

14 апреля, в 10 часов утра, на вилле Альбертис состоялась встреча представителей делегаций Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Советской России.

Открывая заседание, Ллойд Джордж заявил, что вместе с Барту, Шанцером и министром Бельгии Жаспаром они вчера решили организовать неофициальную беседу с советской делегацией, для того чтобы ориентироваться и прийти к какому-нибудь выводу. Что думает Г. В. Чичерин о программе лондонских экспертов?

Глава советской делегации ответил, что проект экспертов абсолютно неприемлем; предложение ввести в Советской республике долговую комиссию и третейские суды является покушением на ее суверенную власть; сумма процентов, которые должна была бы уплачивать Советская власть, равняется всей сумме довоенного экспорта России — без малого полтора миллиарда рублей золотом; категорические возражения вызывает и реституция национализированной собственности. Советская делегация решительно отклонила такого рода претензии и разоблачила их грабительский характер.

Следующим оратором был Ллойд Джордж. Говоря о советских контрпретензиях, он категорически заявил:

«Одно время британское правительство оказывало помощь Деникину и в известной степени Врангелю. Однако то была чисто внутренняя борьба, при которой помощь оказывалась одной стороне. Требовать на этом основании уплаты равносильно тому, чтобы поставить западные государства в положение платящих контрибуцию». Но Ллойд Джордж предлагал выход: при обсуждении военных долгов определить круглую сумму, подлежащую уплате за причиненные России убытки. Другими словами, предложение Ллойд Джорджа сводилось к тому, чтобы претензии частных лиц не противопоставлять государственным контрпретензиям. За советские контрпретензии списать военные долги; согласиться на сдачу промышленных предприятий прежним владельцам в долгосрочную аренду вместо реституции.

Выступивший вслед за Ллойд Джорджем Барту начал с заверений, что на пленуме его неправильно поняли. Он напомнил, что был первым государственным деятелем Франции, который в 1920 г. предложил начать переговоры с Советской Россией. Далее Барту заявил: «Невозможно разбираться в делах будущего до тех пор, пока не разберутся в делах прошлого, — заявлял он. — Как можно ожидать, чтобы кто-либо вложил новый капитал в России, не будучи уверен в судьбе капитала, вложенного ранее... Весьма важно, чтобы Советское правительство признало обязательства своих предшественников как га-

рантию того, что последующее за ним правительство признает и его обязательства».

Затем было решено сделать перерыв до 3 часов.

Глава английской делегации, желая продолжить беседу, пригласил советских представителей на завтрак. «...Ллойд Джордж, — писал Г. В. Чичерин, — удержал нас у себя, чтобы позавтракать вместе с ним... Мы остались... Во время кофе, после завтрака, Ллойд Джордж предложил, чтобы английский министр торговли сэр Сидней Чапман и кто-нибудь от нас попытались выработать согласительную формулу. От нас пошел т. Литвинов» [1]. После перерыва число участников совещания пополнилось премьер-министром Бельгии Тенисом и некоторыми экспертами Англии и Франции.

Открыть заседание в 3 часа дня не удалось. Ожидали Литвинова и Чапмана с формулой соглашения. Пока их не было, Ллойд Джордж предложил советской делегации сообщить, в чем нуждается Советская Россия. Делегация изложила свои экономические требования. Ее засыпали вопросами: кто издает в Советской стране законы, как происходят выборы, кому принадлежит исполнительная власть.

Литвинов и Чапман вернулись, не достигнув соглашения. Тогда Барту спросил, каковы же контрпредложения Советской России? Представитель советской делегации спокойно ответил, что делегация всего два дня изучала предложения экспертов; тем не менее она скоро представит свои контрпредложения.

Барту начал проявлять нетерпение. Итальянский министр Шанцер спросил, принимает ли русская делегация ответственность за довоенные долги; является ли Советское правительство ответственным за потери иностранных граждан, вытекающие из его действий; какие конкретно контрпретензии оно намеревается предъявить?

Ллойд Джордж предложил экспертам поработать еще. «Если этот вопрос не будет разрешен, — предупреждал он, — конференция распадется».

Утром следующего дня состоялось совещание экспертов. Представители советских республик объявили о контрпретензиях Советского правительства: убытки, причиненные народному хозяйству Советской России в результате интервенции и блокады, организованных империалистическими державами, исчислялись в 39 млрд. золотых рублей. Это лишало всякой основы финансовые претензии к Советской республике.

В тот же день, в 4 часа 30 минут, на вилле Альбертис вновь открылось совещание с участием экспертов. Ллойд Джордж

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 218.

заявил, что советская делегация назвала поражающую сумму своих контрпретензий. Если Россия действительно их предъявляет, то он спрашивает, стоило ли ехать в Геную. Далее Ллойд Джордж подчеркнул, что союзники примут во внимание тяжелое положение России, когда речь будет идти о военном долге. Однако они не пойдут на уступки в вопросе о долгах частным лицам. Нет смысла говорить о чем-либо ином, пока не решен вопрос о долгах. Если к соглашению прийти не удастся, то союзники «сообщат конференции, что им не удалось договориться и что нет смысла дальше заниматься русским вопросом». В заключение Ллойд Джордж внес следующее предложение, подготовленное западными державами:

«1. Союзные государства-кредиторы, представленные в Генуе, не могут принять на себя никаких обязательств относительно претензий, заявленных Советским правительством.

2. Ввиду, однако, тяжелого экономического положения России государства-кредиторы склоняются к тому, чтобы сократить военный долг России по отношению к ним в процентном отношении, — размеры которого должны быть определены впоследствии.

3. Тем не менее окончательно должно быть установлено, что для Советского правительства не может быть сделано никаких исключений относительно:

а) долгов и финансовых обязательств, принятых в отношении граждан других национальностей;

б) относительно прав этих граждан на восстановление их в правах собственности или на вознаграждение за понесенные ущерб и убытки» [1].

Началась дискуссия. Советская делегация отказывалась принять сделанное Англией предложение. Тогда Ллойд Джордж заявил, что хотел бы посоветоваться со своими коллегами.

Совещание возобновилось в 6 часов 45 минут. Барту, до этого молчавший, выступил с заявлением: «Необходимо прежде всего, чтобы Советское правительство признало долги. Если Чичерин ответит на этот вопрос утвердительно, работа будет продолжаться. Если ответ будет отрицательным, придется работу закончить. Если он не может сказать ни «да», ни «нет», работа будет ждать».

Ллойд Джордж поддержал ультимативное требование Барту, видимо договорившись с ним об этом заранее. Советская делегация отстаивала свою позицию. В заключение она заявила, что ей необходимо связаться с Москвой. Было решено, что итальянское правительство примет меры к организации связи

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 167.

с Москвой через Лондон; до получения ответа работа политической комиссии должна быть продолжена.

Прессе было сообщено, что дискуссия продолжается.

Рапалльский договор (16 апреля 1922 г.)

Все дни, пока шли переговоры на вилле Альбертис, Генуя переживала тревогу. Журналисты терялись в догадках о том, что происходит за стенами виллы. Нервы всех были напряжены. Делегаты, советники, эксперты, репортеры непрерывно сновали из одного отеля в другой, разнося самые противоречивые слухи. Большинство склонялось к выводу, что советская делегация, видимо, добилась соглашения с Антантой против Германии. Все это заметно беспокоило Ратенау и Мальцана, которых англичане и французы фактически устранили от дел конференции, хотя и заверяли, что Германия не подвергнется никакой дискриминации.

15 апреля Мальцан встречался с советскими представителями и вел переговоры об урегулировании взаимных претензий. Советские делегаты заметили, что лучшим средством решения всех проблем было бы подписать соглашение, предложенное ими 4 апреля в Берлине. Мальцан не дал ответа. Тем не менее германская делегация все больше сожалела о том, что мало использовала пребывание Г. В. Чичерина в Берлине.

О растерянности немцев знали в кругу советской делегации. Поздно ночью член делегации заведующий экономическо-правовым отделом НКИД А. Сабанин позвонил в отель, где разместились германские представители. Поговорив с Мальцаном несколько минут, он попросил его передать рейхсканцлеру Вирту, что Г. В. Чичерин предлагает продолжить переговоры, начатые в Берлине [1].

Дальнейшие события весьма живо изображает бывший английский посол в Берлине лорд д'Абернон в своей книге «Посол мира». Ему в 1926 г. рассказал о них Мальцан:

«...В 2 часа 30 минут ночи Мальцан пришел к Ратенау. Последний ходил взад и вперед по комнате в пижаме, с измученным лицом и с воспаленными глазами. Когда Мальцан вошел, Ратенау сказал: «Вы, вероятно, принесли мне смертный приговор?» — «Нет, известие совершенно противоположного характера», — ответил Мальцан и передал Ратенау всю историю. Последний сказал: «Теперь, когда я знаю истинное положение вещей, я пойду к Ллойд Джорджу, все объясню ему и приду с ним к соглашению». Мальцан возразил: «Это будет бесчестно. Если Вы это сделаете, я немедленно подаю в отставку и уйду от государственных дел...» В конце концов Ратенау присоединился к мнению Мальцана и согласился —

[1] См. *Н. Н. Любимов, А. Н. Эрлих*, Генуэзская конференция, стр. 70.

правда, не совсем охотно — встретиться в воскресенье с русской делегацией. В воскресенье утром состоялось совещание русских с немцами» [1].

Уже по этому короткому рассказу заметно, что Мальцан пытался представить позицию германской делегации в наиболее выгодном свете. В целом картина, нарисованная д'Абернoном со слов Мальцана, считающаяся на Западе «классическим описанием» Рапалльского соглашения, во многом искажает события. Его рассказ не дает даже подлинной картины так называемого «пижамного совещания», когда после звонка А. Сабинина Мальцан поднял на ноги всю немецкую делегацию.

Совещание продолжалось до 3 часов утра. Ратенау все еще противился сепаратному соглашению с русскими, хотя его оппозиция и становилась все слабее. Мальцан и экономический эксперт делегации Рудольф Гильфердинг высказывались за переговоры. Вирт соглашался с ними. Но было одно сомнение: что скажет Берлин? Немцы в Генуе знали, что президент Эберт и социал-демократы будут протестовать против соглашения с большевиками (позднее вопрос о возражениях Эберта был урегулирован в длительной беседе по телефону).

Мальцан умолчал о том, что немцы, с соблюдением всяческих предосторожностей, пытались информировать англичан о своем решении вести переговоры с советскими делегатами. Мальцан не рассказал д'Абернону и о том, как сложно проходили переговоры, когда немецкая делегация, то прекращала переговоры, то вновь возобновляла их, как Г. В. Чичерин спокойно убеждал их бросить колебания.

Первая встреча состоялась утром, в 11 часов, 16 апреля. В резиденцию советской делегации прибыли Ратенау, Мальцан, Гильфердинг и фон Симонс. Переговоры длились около двух часов. Затем немецкая делегация отбыла на званый дипломатический завтрак, а в перерыве был подготовлен текст соглашения. Во второй половине дня немецкая делегация вернулась, и, после обсуждения и согласования текста, Г. В. Чичерин и Вальтер Ратенау подписали советско-германский договор.

Вступая в переговоры с представителями Германии, советские дипломаты выполняли задачу, поставленную перед ними В. И. Лениным, — расколоть единый антисоветский фронт. При этом учитывалось особое положение Германии, которая, тяготясь грабительским Версальским договором, не хотела действовать заодно со странами Антанты. Расчет оказался верным.

---

[1] Посол мира. Страницы из дневника лорда д'Абернона (Берлин, 1920—1926 гг.). Т. I. М., 1931, стр. 213.

По Рапалльскому договору от 16 апреля 1922 г. оба правительства взаимно отказывались от возмещения военных расходов и военных, так же как и невоенных, убытков, причиненных им и их гражданам во время войны. Германия и Советская Россия обоюдно прекращали платежи за содержание военнопленных.

Германское правительство отказывалось от претензий, вытекающих «из мероприятий РСФСР или ее органов по отношению к германским гражданам или их частным правам, при условии, что Правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств».

Дипломатические и консульские отношения между Германией и Советской Россией немедленно возобновлялись. Оба правительства согласились применять принцип наибольшего благоприятствования при урегулировании взаимных торговых и хозяйственных отношений и благожелательно идти навстречу обоюдным экономическим потребностям. Было обусловлено, что договор не затрагивает отношений договаривающихся сторон с другими государствами.

Рапалльский договор явился бомбой, разорвавшейся совершенно неожиданно на Генуэзской конференции. «Это потрясет мир! Это будет сильнейшим ударом по конференции» [1], — воскликнул американский посол в Италии Чайлд, узнав о советско-германском соглашении.

Подписав договор в Рапалло, Советское правительство пробило брешь во фронте империалистических держав против Советской России. Планы восстановления Европы за счет побежденных стран и Советской России рушились. Советская дипломатия, руководимая В. И. Лениным, одержала победу. «...Надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами» [2], — говорил Владимир Ильич. Советские делегаты в Генуе мастерски выполнили это ленинское указание.

Дипломатия Антанты, надеявшаяся поставить на колени Советскую Россию, изъявшая из обсуждения проблему германских репараций как вопрос решенный, потерпела поражение. Напротив, обоим своим участникам Рапалльский договор принес серьезные политические выгоды. Договор положил конец спорным вопросам прошлого. Взамен Брест-Литовского договора, основанного на насилии, он создавал новые взаимоотношения, базирующиеся на принципах мирного сосуществования, обеспечивал обоим государствам полное равенство и возможности экономического сотрудничества. Три основных момента в Рапалльском договоре определили его политическое значение. То было, во-первых, взаимное аннулирование всех претензий;

---

[1] *Richard Child.* A Diplomat Looks at Europe. N. Y., 1925, p. 38.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 3, т. XXV, стр. 498.

во-вторых, восстановление дипломатических отношений между Германией и Россией (после лимитрофов и восточных государств Германия была первой западноевропейской державой, вступившей с Советской Россией в нормальные дипломатические отношения); наконец, в-третьих, экономическое сближение России и Германии, выходивших из изоляции благодаря Рапалльскому договору. Таким образом, разрывалось кольцо экономической и политической блокады вокруг Советской России. С другой стороны, и Германия получала возможность расширить свою торговлю. Для Германии это был первый равноправный договор с великой державой после Версальского мира. Соглашение с Советской Россией помогло германскому государству выйти из состояния внешнеполитической изоляции.

Действие этого договора впоследствии было распространено на союзные с РСФСР республики; между ними и Германией были установлены дипломатические отношения.

Оценивая Рапалльский договор, В. И. Ленин в проекте постановления ВЦИК по отчету советской делегации на Генуэзской конференции отмечал: «Действительное равноправие двух систем собственности *хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел* от частной собственности и порождаемых ею *экономического хаоса* и войн к высшей системе собственности, — дано лишь в Рапалльском договоре» [1].

НКИД по достоинству охарактеризовал Рапалльский договор в «Обзорной записке о международном положении Советской России», которая была составлена в конце апреля 1922 г., т. е. еще до окончания Генуэзской конференции. «Русско-германский договор, — говорится в записке, — в плане наших политических достижений на конференции имеет первостепенное значение. Если в Генуе мы не получили бы ничего, кроме русско-германского договора, то и из-за этого стоило туда прийти» [2].

Высокую оценку Рапалльскому договору дал председатель ВЦИК М. И. Калинин в ноябре 1922 г.:

«Заключив Рапалльский договор, — говорил он, — отвечающий духу и требованиям времени и интересам обеих стран, русский и германский народы явили всему миру пример взаимного бескорыстия и доверия, которые могут служить единственным базисом истинно дружественных отношений народов и указать миру единственный правильный выход из затруднений и хаоса, созданного великой разрушительной и бессмысленной войной» [3].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 193.

[2] «Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования». М., 1963, стр. 187—188.

[3] Там же, стр. 189—190.

Рапалльский договор был важным вкладом в укрепление советско-германских отношений и обеспечение мира в Европе.

«Даже консервативные политические деятели немецкой буржуазии после 1918 года поняли, — говорил Первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт, — что, невзирая на различный общественный строй, хорошие отношения между Германией и Советским Союзом отвечают жизненно важным национальным интересам немецкого народа. Выражением этого была политика Рапалло. К сожалению, рапалльский путь вскоре снова был забыт, и реакционнейшие силы буржуазии заменили его политикой ненависти, вражды и агрессии» [1].

Антанта и Германия

Через два дня после заключения Рапалльского договора правительства стран Антанты, Малой Антанты, а также Польши и Португалии адресовали Германии вызывающую ноту. Они обвиняли Германию в нелояльности, в нарушении каннских резолюций, в том, что немецкие представители «заключили тайно, за спиной своих коллег, договор с Россией». Державы, подписавшие ноту, подчеркивали, что после заключения особого соглашения с Россией Германия не может участвовать в обсуждении общего соглашения между прочими странами и Россией. Таким образом, Антанта фактически исключала Германию из политической комиссии Генуэзской конференции. Пресса подняла невообразимый шум вокруг Рапалльского договора. Репарационная комиссия потребовала немедленной присылки официальной копии этого документа, чтобы судить, не наносит ли советско-германский договор ущерба правительствам, создавшим репарационную комиссию. Дипломаты Антанты утверждали, будто Рапалльский договор нарушает ряд пунктов Версальского договора. 21 апреля после значительных колебаний немцы ответили на ноту Антанты. В германской ноте указывалось, что Рапалльский договор ни в какой мере не затрагивает отношения третьих держав с Россией.

23 апреля союзники послали новую ноту канцлеру Вирту. В нее по предложению Барту была внесена следующая фраза: «Нижеподписавшиеся оставляют за своими правительствами полное право считать недействительными и несостоявшимися все те постановления русско-германского договора, которые будут признаны противными существующим договорам» [2].

Новые предложения советской делегации

Позиция советской делегации в первый период конференции в основном сводилась к следующему. Она отказалась обсуждать условия Антанты, несовместимые с достоинством Совет-

---

[1] «Правда», 1 июля 1963 г.

[2] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 313.

ской страны. Она выдвинула свои контрпретензии по возмещению огромных потерь и убытков, причиненных Советской России иностранной интервенцией. Она предлагала полностью аннулировать военные долги. «Русский народ принес в жертву общесоюзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе, — напоминал меморандум советской делегации от 20 апреля, — он понес огромный имущественный ущерб и в результате войны потерял крупные и важные для его государственного развития территории. И после того, как остальные союзники получили по мирным договорам громадные приращения территорий, крупные контрибуции, с русского народа хотят взыскать издержки по операции, принесшей столь богатые плоды другим державам» [1].

Советская делегация самым категорическим образом высказалась против всякого иностранного вмешательства в судопроизводство или в организацию внешней торговли республики и против какой бы то ни было реституции (возвращения прежним владельцам) национализированных предприятий. Желая, однако, найти почву для соглашения и установления деловых связей с иностранным капиталом, Советское правительство соглашалось признать за пострадавшими иностранными гражданами право на возмещение убытков. Однако непременным условием оно ставило соблюдение взаимности. Таким образом, убыткам иностранных граждан от действий и распоряжений Советской власти был противопоставлен ущерб, причиненный России разорением ее союзными и белогвардейскими войсками.

Соглашаясь на признание довоенных долгов, наша делегация подчеркивала вместе с тем, что Советское правительство в принципе отвергает свою ответственность за обязательства царского правительства и требует отсрочки платежей на 30 лет, да и то лишь при условии предоставления Советской стране займов.

После заключения Рапалльского договора в позицию советской делегации были внесены некоторые коррективы в соответствии с изменившейся обстановкой и соотношением сил. Рапалльский договор углубил противоречия в лагере империалистов. Положение осложнялось тем, что 31 мая наступал срок платежей Германией по репарациям. Англия колебалась. Соглашение с Россией упиралось в проблему частных претензий. В этом вопросе банковские круги Сити проявляли сугубую осторожность.

Перед Советским правительством стояла задача использовать колебания Англии и попытаться еще больше расколоть фронт капиталистических держав.

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 135.

20 апреля Г. В. Чичерин вновь вступил в переговоры с английскими представителями. Ллойд Джордж заявил, что без принятия требования о реституции переговоры представляются излишними. В ответ советская делегация предложила следующую формулу по основному спорному вопросу: «Российское правительство было бы готово вступить в переговоры с бывшими владельцами национализированных промышленных предприятий о предоставлении преимущественного права на концессии в виде аренды на вышеуказанную собственность или удовлетворении их справедливых претензий каким-либо путем по взаимному соглашению».

Англичане заявили, что эта формула неприемлема. Они настаивали на включении в нее следующего общего заявления: «Россия согласна возвратить собственность там, где это возможно...» Затем должна была следовать вышеприведенная формула. Но советская делегация категорически отказалась дать требуемое заверение. Тогда представитель Англии предложил вместо слов «возвратить собственность» вставить «возвратить пользование имуществом», оговорившись, что это также вряд ли будет приемлемо для Ллойд Джорджа.

В тот же день советская делегация направила Ллойд Джорджу письмо, являвшееся ответом на предложения союзников, выдвинутые на вилле Альбертис. Нынешнее экономическое положение России и обстоятельства, приведшие к нему, говорилось в письме, дают России право на полное освобождение ее от всех обязательств путем принятия ее встречных исков. Но советская делегация готова сделать еще шаг по пути к договоренности. Она согласилась бы принять статьи 1, 2 и 3а упомянутого предложения при условии, что, во-первых, военные долги и все проценты по ним будут аннулированы и, во-вторых, что России будет оказана достаточная финансовая помощь. Далее письмо гласило:

«Что касается статьи 3б, то, с оговоркой вышеуказанных условий, русское правительство было бы расположено вернуть прежним собственникам пользование национализированным имуществом, или же, в случае если бы это оказалось невозможным, удовлетворить законные требования прежних собственников либо путем взаимного соглашения, заключенного непосредственно с ними, либо в силу соглашений, подробности которых будут обсуждены и приняты в продолжение настоящей конференции.

Финансовая помощь со стороны других стран абсолютно необходима для экономического восстановления России; до тех же пор не представится никакой возможности взвалить на свою страну тяжесть долгов, которых она не в состоянии будет уплатить.

Русская делегация желает также ясно указать, хотя это само собой очевидно, что русское правительство не сможет взять на себя никаких обязательств в отношении долгов своих предшественников, пока оно не будет официально признано де-юре заинтересованными державами» [1].

На утреннем совещании всех членов политической подкомиссии, за исключением России и Германии, было признано, что ответ советской делегации может в общем служить основой для дальнейших переговоров.

Днем 21 апреля состоялось официальное заседание подкомиссии. Сообщив об утреннем заседании по поводу письма советской делегации, Шанцер предложил учредить комитет экспертов в составе одного представителя от каждой из пяти держав — инициаторов Генуэзской конференции, одного — из нейтрального государства, одного — от всех других стран, примыкающих к Антанте, и представителя России для более глубокого изучения письма советской делегации.

Комитет экспертов собирался четыре раза.

Генуя и борьба нефтяных монополий

Сотни чиновников, прибывших с делегациями на Генуэзскую конференцию, распространяли самые противоречивые сведения о том, что происходит за ее кулисами. В ожидании признания Советской России и восстановления с ней экономических отношений в Геную слетелись представители различных финансовых и промышленных компаний. Особенное возбуждение царило в кругах нефтяных фирм, уже строивших планы захвата и эксплуатации бакинской нефти. Оба мировых треста — англо-голландский «Ройал-датч шелл» и американский «Стандард ойл» — подкупали прессу, чиновников и дипломатов, чтобы иметь возможно более полную информацию о ходе конференции и взвесить действительные шансы на получение бакинских концессий.

Для противодействия английскому плану овладения кавказской нефтью создался американо-франко-бельгийский нефтяной союз, лихорадочно разрабатывавший в помощь дипломатии свои проекты экономического закабаления Советской России. Во время Генуэзской конференции происходил съезд нефтяных магнатов всего мира. Он оказывал за кулисами огромное влияние на делегации капиталистических стран. Представители соперничавших монополистических групп скупали акции бывших русских нефтепромышленных обществ. Чтобы нанести удар своему конкуренту, «Ройал-датч шелл» огласил в прессе, будто бы «Стандард ойл» приобрел контроль в «товариществе братьев Нобель», одном из крупнейших нефтепромышленных

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 168.

предприятий царской России. Общество «Стандард ойл» заставило Эммануила Нобеля выступить с опровержением. Вместе с тем агенты «Стандард ойл» поместили в американской газете сообщение о получении председателем общества заверения от статс-секретаря Юза, что «США не потерпят никакого соглашения, которое исключало бы американский капитал от участия в русских нефтяных концессиях» [1].

В Генуе развертывалось настоящее сражение нефтяных королей.

Монополии США играли немалую роль в готовившемся срыве Генуэзской конференции; они более всего опасались установления делового сотрудничества капиталистических государств с Советской Россией. США добивались применения в отношении Советской страны принципа «открытых дверей», рассчитывая таким путем подчинить своему контролю советскую экономику и прежде всего кавказскую нефть.

28 апреля советская делегация сделала запрос, почему не созываются заседания конференции и ее комиссий. Если перерыв заседаний и отсутствие ответа на письмо от 20 апреля означают, что державы берут назад свое согласие принять это письмо за основу для переговоров, то и русская делегация более не считает себя связанной письмом и возвращается к своей первоначальной точке зрения.

Новый меморандум Антанты

Наконец, 2 мая 1922 г. представители капиталистических держав вручили советской делегации новый меморандум. За это время под нажимом «Комите де Форж» и других реакционных групп Пуанкаре еще больше повернул вправо. Он предложил Барту занять в Генуе более жесткую позицию. Французы приготовили свой вариант меморандума, англичане — свой; после долгой борьбы оба варианта удалось наконец согласовать. Однако препровождая союзнический меморандум советской делегации, Шанцер добавил, что французские делегаты пока воздержались от подписания этого документа: они ожидают инструкций от своего правительства.

Союзники требовали признания всех долгов, кроме военных, и отказывались принять советские контрпретензии. В случае, если их снимет сама Россия, союзники готовы уменьшить свои требования по долгам.

По основному спорному вопросу о национализированной собственности меморандум требовал: «Возвратить, восстановить или, в случае невозможности, возместить потерпевшим все

[1] *Карл Гофман.* Нефтяная политика и англосаксонский империализм. М., 1930, стр. 135.

убытки и ущерб, понесенные вследствие конфискации или реквизиции имущества». Если прежние владельцы не могут быть восстановлены в правах, Советское правительство обязано выдать им компенсацию.

Было совершенно очевидно, что меморандум отступает далеко назад от предложений, выдвинутых самими союзниками на вилле Альбертис. Однако и такого документа Франция не подписала.

6 мая, по возвращении из Парижа, Барту выступил с речью на банкете, данном французскими журналистами в честь своих английских коллег. Он говорил, что Генуэзская конференция подходит к концу.

Многие поняли выступление Барту как сигнал об уходе Франции с конференции. В это время значительно усилилась активность США, опасавшихся сотрудничества других держав с Россией.

Возможно, случайно в том же ресторане, где происходил французский банкет, в тот же день Чайлд завтракал с Ллойд Джорджем. Американец заявил английскому премьеру, что курс, взятый на конференции, опасен для англо-французских добрых отношений, а их необходимо сохранить. Вопрос о германских репарациях более важен, чем дальнейшие переговоры с русской делегацией. Вопрос этот, не обсуждаемый на конференции, приведет к кризису, как только для Германии наступит срок уплаты. В конце концов Чайлд заявил, что Америка поддержит линию Франции. Посол США советовал отложить конференцию, избрать комиссию для обследования России и не заключать сепаратных соглашений с Советским правительством.

8 мая Ллойд Джордж встретился с советскими делегатами, чтобы поговорить с ними о некоторых пунктах меморандума. Пошли слухи, что Англия вступила в соглашение с Россией без участия Франции. Вечером того же дня Ллойд Джордж принял журналистов и заявил, что в случае удовлетворительного ответа со стороны русской делегации переговоры будут продолжаться. Ллойд Джордж добавил: «Когда я вернусь в Англию, два миллиона безработных меня спросят, что я для них сделал».

Немедленно после этого и Барту принял представителей прессы и выступил с примирительной речью. Чувствовалось, что и он боится, как бы ответственность за срыв конференции не пала на Францию.

11 мая советская делегация сообщила свой ответ на меморандум союзников.

В советском меморандуме указывалось, что для разрешения спорных вопросов можно было бы учредить смешанную комис-

сию, работа которой началась бы в установленное время и в определенном по общему соглашению месте.

«Россия, — подчеркивалось в ответе, — и впредь готова в интересах достижения соглашения сделать иностранным державам серьезные уступки, однако, исключительно при том условии, что этим уступкам будут соответствовать равноценные уступки с другой стороны в пользу русского народа.

Для русского народа неприемлемы никакие соглашения, в которых его уступки не компенсируются действительными выгодами для него» [1].

Планы империалистов по экономическому закабалению Советской страны явно терпели провал. Чтобы спасти положение, Ллойд Джордж предложил назначить комиссию для рассмотрения неразрешенных разногласий между Советским правительством и другими правительствами. Эта комиссия должна встретиться с русской комиссией, имеющей те же полномочия. Предметом обсуждения этих комиссий должны были служить вопросы относительно долгов, частной собственности и кредитов. Членам обеих комиссий предлагалось прибыть в Гаагу к 26 июня 1922 г. «...Предполагается участие и Америки, — отмечал в телеграмме в НКИД М. М. Литвинов. — Почувствовав себя разбитыми, союзники решили призвать себе на помощь Америку, чтобы усилить давление на нас не только угрозой всеобщего бойкота, но и посулами больших кредитов» [2]. Кроме того, чтобы ослабить впечатление от предложения советской делегации о всеобщем сокращении вооружений, Ллойд Джордж внес предложение на время Гаагской конференции отказаться от агрессивных актов. С этим не согласились Франция и Япония.

Советская делегация заявила, что отказ от агрессий мог бы иметь серьезное значение лишь в случае принятия советского проекта разоружения или сокращения вооружений. Английское предложение советская делегация дополнила рядом конкретных требований, направленных против белогвардейских банд, которые формировались на территории Франции, Польши и Румынии. Советская делегация настаивала также, чтобы отказ от агрессий распространялся и на Японию, все еще державшую под ударом Дальневосточную Республику.

После долгой дискуссии было принято соглашение, по которому договор о воздержании от актов нападения предусматривал соблюдение status quo и должен был оставаться в силе в течение четырехмесячного периода после окончания работ комиссий.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 371.
[2] Там же, стр. 382.

* *
*

19 мая состоялось пленарное заседание Генуэзской конференции. Была утверждена резолюция о продолжении ее работы в Гааге. Закрывая конференцию, Ллойд Джордж произнес речь, в которой утверждал: «...если мы оглянемся на то, что было достигнуто в Генуе, мы найдем, что мы пожали и собрали недурную жатву». Во всяком случае, подчеркнул английский премьер, она подтвердила ценность подобных международных совещаний. Особо он остановился на позиции России: «Я говорю о меморандуме от 11 мая. Россия нуждается в помощи. Европа и мир нуждаются в продуктах, которые может дать Россия. Россия нуждается в накопленном богатстве и знании, которые мир может предоставить в ее распоряжение для ее восстановления. Россия в течение целого поколения не сможет возродиться без этой помощи» [1].

Как смехотворно выглядит это пророчество в свете грандиозных успехов Советской власти! История подтверждает, что даже видные представители буржуазии, богатые опытом и не лишенные здравого смысла, в лучшем случае могут более или менее правильно догадаться о ближайшем повороте событий, но не в силах предвидеть ход событий, тенденцию их развития на длительный период. Им не хватает для этого правильного понимания объективных законов общественного развития.

Представители других стран также пытались уверить, что Генуэзская конференция принесла успех. Барту отметил не без юмора, что все ожидали «речей о разрыве», а, к счастью, оказалось возможным произносить «заключительные речи».

Г. В. Чичерин откровенно заявил, «что непосредственные результаты конференции не оправдывают великих ожиданий, которые она возбудила среди народов всех стран» [2]. Отказавшись принять конструктивные предложения советской делегации, конференция не смогла сделать «смелого шага в направлении к новым экономическим и политическим методам, к творческой, конструктивной работе, к выработке нового общего подхода» [3], и в этом особую роль сыграло то обстоятельство, что союзные державы сорвали обсуждение вопроса о всеобщем разоружении.

Отстаивая и пропагандируя ленинский принцип мирного сосуществования, глава советской делегации вновь подчеркнул, что так называемая «русская проблема» может быть разрешена только при том условии, если все заинтересованные пра-

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 443—445.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 410.
[3] Там же.

вительства будут рассматривать Советскую страну с точки зрения равноправия, независимо от различия систем собственности.

Г. В. Чичерин выразил пожелание, чтобы этот принцип был признан всеми теми, кто намерен продолжать дискуссию в Гааге. Заставить русский народ, сказал он, принять противоположную теорию так же мало удастся дипломатам, как не удалось это сделать белогвардейцам [1].

В первом широком дипломатическом поединке с капиталистическими державами советская дипломатия, руководимая В. И. Лениным, сумела с честью отстоять интересы страны социализма, обеспечила сохранение ее независимости и суверенитета.

3. Конференция в Гааге

Накануне конференции

Характер и повестка дня предстоящей конференции явились предметом длительных споров между Францией и Англией. Пуанкаре настаивал на созыве предварительного совещания союзных держав. Он считал, что будущая конференция должна быть всего лишь совещанием экспертов. Соглашаясь с этим, Англия считала предварительное определение общей линии нецелесообразным.

Французская дипломатия продолжала требовать выработки предварительного соглашения. Вся парижская пресса заговорила, что Франция, видимо, не пошлет в Гаагу своих представителей или ограничится присутствием на конференции своих «наблюдателей».

Вопрос о Гааге повис в воздухе, но не надолго. Общее напряженное положение в Европе вынуждало руководителей Антанты искать соглашения. 19 июня в Лондоне состоялась встреча Ллойд Джорджа с Пуанкаре на «политическом завтраке», на котором присутствовали Бальфур и Роберт Хорн. На следующий день было опубликовано полуофициальное сообщение о том, что между британскими министрами и Пуанкаре состоялось полное соглашение о сотрудничестве в ходе работы Гаагской конференции. Оба премьера объявили, что задача собирающихся в Гааге экспертов заключается в совместном с русскими обсуждении практических способов разрешения таких проблем, как долги, частная собственность и кредиты. Эксперты должны представить своим правительствам доклады о возможности заключить удовлетворительное соглашение с Россией. Однако и после этого правительства оставляют за собой право действовать по собственному усмотрению.

---

[1] См. «Материалы Генуэзской конференции», стр. 452.

Скоро выяснилось, что в «меню» политического завтрака 19 июня стоял не только «русский вопрос». Пресса сообщала, что в беседе были затронуты также вопросы о репарациях, о Танжере и Ближнем Востоке. Было признано, что репарационная комиссия должна определить фактическое положение германских финансов и выяснить, может ли Германия с помощью иностранного займа сбалансировать свой бюджет и восстановить валюту. После этого состоятся дальнейшие переговоры между правительствами. Вопрос о Танжере, а также о Ближнем Востоке решено было обсудить на франко-испано-британской конференции в конце июля в Лондоне.

Новый мирный шаг Советской страны

В разгар этой дипломатической подготовки Советская страна выступила с новым миролюбивым предложением. 12 июня Советское правительство обратилось к Латвии, Польше, Финляндии и Эстонии с нотой, в которой, указывая, что Генуэзская конференция уклонилась от обсуждения важнейшего вопроса — всеобщего разоружения, предлагало правительствам указанных стран «делегировать своих полномочных представителей на конференцию для совместного обсуждения с представителями России вопроса о пропорциональном сокращении вооруженных сил представляемых ими стран» [1].

«Российское Правительство, — отмечалось в ноте, — не видит... препятствий к тому, чтобы к частному разрешению задачи, не выполненной Генуэзской конференцией, приступили государства, наиболее в ней заинтересованные, желающие жить в дружбе между собой и искренне полагающие, что возникающие между ними спорные вопросы могут разрешаться мирным путем, исключающим необходимость содержания чрезмерных армий» [2].

Имея в виду Румынию, Советское правительство заявляло, что готово вступить в переговоры и с теми соседними странами, с которыми у него имеются еще не урегулированные территориальные и иные вопросы.

В ответных нотах прибалтийские республики, не отвергая прямо инициативы Советского правительства, под разными предлогами уклонялись от окончательного ответа. Зависимые от Антанты страны ждали указания от хозяев, а те послали своих делегатов в Гаагу.

Гаагская конференция (15 июня — 20 июля 1922 г.)

Конференция, как это было задумано еще в Генуе, разделилась на две комиссии — русскую и нерусскую. Последняя объединяла представителей капиталистических стран — участниц Гаагской конференции и состояла из трех подкомиссий (част-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 449.
[2] Там же.

ной собственности, долгов и кредитов). Всего в работах нерусской комиссии принимали участие представители 26 стран: Албании, Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Греции, Дании, Испании, Италии, Латвии, Литвы, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, Румынии, Сербо-Хорватского государства, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швеции, Швейцарии, Эстонии, Японии.

Значительная часть делегатов капиталистических стран собралась в Гааге 15 июня — на 10 дней раньше прибытия советской делегации. Это свидетельствовало о новой попытке создать против Советской России единый фронт.

Почетным председателем конференции был избран министр иностранных дел Голландии ван Картбен, через которого советская делегация поддерживала связь с конференцией до своего прибытия в Гаагу. Фактическим председателем был глава голландской делегации Патэн.

Совещания нерусской комиссии были закрытыми. Журналисты на них не допускались. Делегаты Запада усердно разрабатывали предварительные условия для предъявления Советской стране. В отличие от Генуи делегации держав на Гаагской конференции состояли главным образом из представителей деловых кругов и экспертов.

«Общий характер Гаагской конференции, — писал генеральный секретарь советской делегации в Гааге Б. Е. Штейн, — довольно резко отличался от постановки работы и характера ее в Генуе: в Генуе было торжественно, грандиозно. Там были речи, парады, приемы, тосты, торжества, восстановление Европы, установление всеобщего мира и т. п. В Гааге не было речей, громких фраз, приемов, не было даже восстановления Европы. Считалось молчаливо установленным, что Европа уже восстановлена, что в ней нет уже ни кризиса, ни безработицы, ни репараций, ни бюджетных дефицитов, ни всеобщего хаоса. Об этих вещах условлено было в Гааге не говорить. Точно так же в Гааге не говорили о политических вопросах. Это конференция экспертов, людей дела, которым не до политики. Такова официальная точка зрения. Точка зрения обычного лицемерия, дипломатически условного вуалирования суровой неприкрашенной действительности.

...Объявить конференцию в Гааге конференцией экспертов — значит снять с себя ответственность за ее решения. Это метод страуса, к которому прибегают правительства Европы, не имея ни сил, ни смелости решить вопрос иначе» [1].

Советская делегация прибыла в Гаагу 26 июня. В ее состав входили: М. Литвинов (председатель), Л. Красин и Н. Кре-

[1] *Б. Е. Штейн.* Гаагская конференция. М., 1922, стр. 11—12.

стинский. Глава делегации М. М. Литвинов в первый же день был принят во Дворце мира председателем нерусской комиссии Патэном. Сообщив, что участники конференции разбились на подкомиссии, Патэн предложил советской делегации в свою очередь разделиться на три группы для представительства в подкомиссиях. На это последовал ответ, что советская делегация не считает для себя обязательной процедуру, принятую без ее участия; поэтому она будет присутствовать во всех подкомиссиях в полном составе. Чтобы подчеркнуть, что советская делегация ставит работу конференции в зависимость от решения вопроса о кредитах, М. М. Литвинов предложил созвать третью подкомиссию (о кредитах) в первую очередь. Патэн согласился.

В тот же день советская делегация приняла журналистов, которым в продолжение 10 дней все остальные делегации отказывали в какой бы то ни было информации. Характерно, что первым вопросом, который задали журналисты, был вопрос о состоянии здоровья В. И. Ленина. Последующие вопросы касались отдельных сторон позиции советской делегации.

27 июня состоялось первое заседание подкомиссии о кредитах. Председатель подкомиссии заявил, что в Гааге эксперты присутствуют лишь для изучения вопросов, но не для вынесения каких-либо решений. Затем председатель запросил от российской делегации сведений о кредитах, необходимых для реконструкции России. Та же процедура имела место и во второй подкомиссии — по долгам: председатель подкомиссии сделал ту же оговорку о необязательности решений Гаагской конференции, а затем предложил советской делегации представить данные о бюджете и финансовых мероприятиях России. Не отказываясь представить просимую информацию, советская делегация осведомилась, почему принят такой порядок. Застигнутый врасплох этим вопросом, председатель пояснил, что нельзя говорить о моратории, т. е. об отсрочке уплаты долгов, не зная финансового положения России. Советская делегация немедленно воспользовалась этим: она тут же предложила включить вопрос о моратории в порядок дня. Председатель, поняв, что допустил промах, попытался было исправить ошибку. Но сделано это было весьма неловко: он не нашел ничего лучшего, как заявить, что вопрос о моратории вообще не ставится.

В третьей подкомиссии — о частной собственности — все повторилось по той же программе: сначала председатель подкомиссии Ллойд Гримм (Англия) заявил о том, что в Гаагу съехались только эксперты, затем он запросил сведений о том, какие предприятия Советское правительство может сдать в концессию.

Советская делегация считала — таково было и общее мнение Генуэзской конференции, — что Гаага является продолжением Генуи: Гаагская конференция начнет с того, чем кончила Генуэзская. Как известно, в Генуе Советское правительство, при условии получения кредитов для восстановления расстроенного интервенцией и блокадой народного хозяйства и отказа империалистических стран от уплаты им военных долгов, соглашалось пойти навстречу требованиям Антанты.

Поэтому в Гааге советская делегация сообщила прежде всего, что ей необходим кредит в 3224 млн. золотых рублей, точно указав, для каких отраслей промышленности это требуется. На вопрос, какие предприятия предполагается сдать в концессии или аренду, советская делегация представила подробно разработанный список предприятий. Но скоро выяснилось, что эксперты по-своему понимают свою задачу. Они вновь попытались заставить Советскую Россию признать все долги и полностью вернуть национализированные предприятия прежним владельцам.

Советская делегация подготовила ответы на все вопросы и представила их на следующих заседаниях подкомиссий. Тогда на нее посыпался ряд новых вопросов: какие власти, центральные или местные, ответственны по вопросам транспорта; с кем, в случае соглашения о кредитах, таковое может быть заключено; какие преимущества предполагает Советское правительство предоставить иностранным держателям акций и облигаций определенных железнодорожных линий при эксплуатации этих последних? Какова организация внешней торговли? По получении ответов на заданные вопросы члены подкомиссий снова и снова требовали дополнительных данных.

Советская делегация со своей стороны также потребовала информации. В подкомиссии о долгах она просила представить ей статистические данные о русских долгах по отдельным странам и отдельным категориям, в подкомиссии частной собственности — сведения о сумме иностранных убытков по отдельным странам и т. д.

В то время как советская делегация давала свои ответы с аккуратностью и точностью, поражавшими участников конференции, другие члены подкомиссии под разными предлогами оставляли без ответа большинство вопросов советской делегации.

Делегаты Гаагской конференции и слышать не хотели о том, чтобы пойти на уступки советской делегации. На прямые вопросы советских представителей, будут ли России даны кредиты, кредитная подкомиссия в конце концов заявила, что никакие правительственные кредиты или правительственные

гарантии частных кредитов Советскому правительству предоставлены не будут.

Подкомиссия частной собственности в ответ на заявление советской делегации, что вопрос о возмещении потерь иностранцев может быть решен только при получении кредитов, заявила, что кредиты ее не касаются, ибо являются компетенцией другой подкомиссии. Что же касается частной собственности, то подкомиссия требовала безусловного признания реституции национализированной собственности или безусловной реальной компенсации. При этом председатель подкомиссии Ллойд Гримм разъяснил 29 июня, что, по мнению подкомиссии, никакой реальной компенсации, кроме реституции, быть не может.

В ответ на заявление Ллойд Гримма советский представитель процитировал то место из английского меморандума от 11 июня, в котором английское правительство отказывалось навязывать Советской России ту или иную форму компенсации за конфискованное имущество, считая этот вопрос подлежащим исключительно ведению Советского правительства. Советский делегат вновь выразил готовность своего правительства предоставить бывшим собственникам ряд предприятий в концессию или аренду, имея в виду исключительно «пользу и выгоду Российской республики».

Выступление Ллойд Гримма было неожиданным для многих членов подкомиссии: оно противоречило ранее высказанной точке зрения английского правительства, которое не настаивало на реституции ни в Генуе, ни в своем ответе на меморандум Пуанкаре.

Ясно было, что вопросы решались не в подкомиссиях. Они решались за кулисами конференции, в переговорах с бывшими владельцами национализированных предприятий, нахлынувшими в Гаагу. Это подтверждалось и составом делегаций. Председателем французской делегации был Альфан, директор департамента государственных имуществ Франции. Он же состоял директором бюро «Защиты частной собственности французских граждан в России». В составе французской делегации был Шевильи, бывший владелец резиновых фабрик в России, соучастник Нуланса в организации интервенции. Английской делегацией фактически руководил крупный капиталист Лесли Уркварт, бывший директор правления Русско-Азиатского банка и бывший владелец Кыштымских и Ленских рудников. От Бельгии присутствовали Каттье, директор банка, имевший дело с русскими промышленными акциями, и Вптмер, генеральный секретарь комитета «Защиты бельгийских интересов в России». Польша направила в Гаагу Ястржембского, бывшего директора Русско-Азиатского банка. Японию

представляли директор банка в Токио, владелец русских бумаг Яманучи и директор банка в Иокогаме, имевший интересы в Сибири, Окубо. От Дании присутствовал председатель общества «Защиты датских претензий в России» Андерсон.

Особым влиянием на конференции пользовались представители нефтяных компаний. В Гааге их было еще больше, чем в Генуе. Сюда прибыли наиболее видные нефтяные магнаты. Приехал председатель компании «Ройал-датч шелл» Генри Детердинг. Явились представители «Стандард ойл». Присутствовали вице-президент и секретарь франко-бельгийского синдиката, объединявшего те компании и группы, которые скупили акции кавказских нефтяных промыслов после их национализации Советской властью.

В день открытия Гаагской конференции в Париже состоялось учредительное собрание франко-бельгийского синдиката. Собрание постановило послать делегатов в Гаагу в качестве советников «по русским делам» при французских и бельгийских экспертах.

В Гааге франко-бельгийский синдикат вступил в переговоры с Генри Детердингом и другими представителями компании «Ройал-датч шелл». «Можно подумать, — писали авторы книги «Нефтяные тресты и англо-американские отношения»,— что настоящей Гаагской конференцией было именно это совещание».

Нефтяные короли, видимо, договорились выступать единым фронтом. Во всяком случае, когда советская делегация огласила условия, на которых капиталисты могут получить концессии, а также список этих концессий, в том числе и на некоторые нефтяные промыслы, англичане, французы, бельгийцы единодушно выступили против советского предложения. Впрочем, такое единодушие выдержано было недолго: скоро начались неофициальные переговоры. Советская делегация была приглашена к итальянскому представителю Авеццано, а затем к английскому — Ллойд Гримму. Ее посещали и представители малых держав. Пришли поляки и рассказали, между прочим, что Румыния почему-то не получила советской ноты о разоружении. Явился в советскую делегацию с визитом и сам румынский представитель. Ему было передано официальное предложение о конференции по разоружению.

Тем временем стало ясно, что без удовлетворения своих домогательств по вопросу о национализированной частной собственности западные державы не хотят даже разговаривать о кредитах. Ни одно государство не желало предоставить Советскому правительству кредит. Речь могла идти только о 25 млн. ф. ст., которыми английское правительство распола-

гало в силу уже проведенных законов. Да и в этом случае предстояли серьезные затруднения.

Советскую делегацию запрашивали, является ли представленный список концессий окончательным и соглашается ли российское правительство вернуть иностранцам их бывшую собственность в той или иной форме. Советская делегация ответила, что список концессий может быть расширен, что же касается частной собственности, то ни о какой реституции речи быть не может. Однако советская делегация готова была в каждом конкретном случае обсуждать вопрос о той или иной форме компенсации.

Срыв Гаагской конференции

Непримиримость бывших собственников-иностранцев в вопросе о реституции завела Гаагскую конференцию в тупик. 10 июля председатель французской делегации сделал на заседании подкомиссии частной собственности следующее заявление (в отсутствие советских делегатов): «Гаагский опыт показал невозможность, по вине Советов, прийти к благоприятным результатам. Представители Советов во всех своих выступлениях утверждали принципы и доктрины, несовместимые с принципами, существующими во всем остальном мире. При наличии этих обстоятельств французская делегация просит другие делегации принять во внимание настоящее положение и подтвердить свою солидарность. Продолжение гаагских дебатов является бесполезным» [1].

15 июля Патэн сообщил советской делегации, что председатели всех трех подкомиссий признали бесполезным продолжать переговоры. Однако, если советская делегация выдвинет какое-нибудь «новое предложение», двери конференции остаются открытыми. Услужливая пресса разъяснила, что таким «новым предложением» должно быть согласие советской делегации обсудить вопрос о компенсации за национализированную частную собственность.

Инициаторы Гааги вели дело к срыву конференции, пытаясь при этом свалить вину на советскую делегацию. Активную роль в срыве этой конференции сыграли США. 15 июля американский «наблюдатель» Сассдорф получил указание Юза — информировать делегации других стран о том, что США постараются всеми доступными им средствами не допустить соглашения с Советской Россией [2].

16 июля советская делегация обратилась с письмом к Патэну, в котором изъявила готовность пойти на обсуждение кон-

---

[1] *Б. Е. Штейн.* Гаагская конференция, стр. 31—32.

[2] См. *И. Ф. Ивашин.* Очерки истории внешней политики СССР. М., Госполитиздат, 1958, стр. 115.

кретных форм компенсации бывших собственников-иностранцев при условии, если нерусская комиссия одновременно приступит к обсуждению конкретных предложений о предоставлении Советской России кредитов. Наша делегация просила созвать пленум Гаагской конференции совместно с советскими представителями для обсуждения вопросов дальнейшей работы. Это не устраивало капиталистические державы. Патэн ответил советской делегации, что совместное совещание созвано не будет; советская делегация должна явиться в подкомиссию частной собственности, но лишь затем, чтобы говорить о новых уступках и притом вне всякой связи с кредитами.

Советская делегация категорически отказалась принять такую постановку вопроса. Она продолжала настаивать на созыве пленума конференции, который еще ни разу не собирался. Сообщая о согласии созвать пленум на 19 июля, Патэн подчеркнул, что заседание состоится лишь для того, чтобы выслушать новые советские предложения. Таким образом, отказываясь от всяких уступок, западные делегации в Гааге настойчиво требовали их от советской делегации.

На пленарном заседании, состоявшемся 19 июля, глава советской делегации М. М. Литвинов сформулировал следующее предложение: Советское правительство в принципе соглашается уплатить довоенные долги и реально компенсировать тех иностранцев, бывших собственников в России, которые не получат удовлетворения в форме концессий, партиципации (т. е. участия в смешанных предприятиях) и т. д.

Советский представитель подчеркнул, что не вносит никаких новых предложений, а лишь пробует уточнить позиции обеих сторон. Если делегаты конференции, не имея еще полномочий на предъявление определенных требований, запросят свои правительства об отношении их к его формулировке, то и советская делегация в свою очередь готова запросить указаний Советского правительства. Само собой разумеется, что делегация предпримет этот шаг лишь в том случае, если Советское правительство будет признано de jure, ибо это обстоятельство облегчит возможность получения кредитов от частных лиц и групп.

В тот же день состоялось заседание нерусской комиссии. После продолжительных прений комиссия вынесла резолюцию, в которой отказывалась заявить о своем согласии с советским предложением и запросить свои правительства. Это означало, что члены комиссии фактически не желали продолжать конференцию.

Неожиданное закрытие Гаагской конференции, несмотря на согласие советской делегации пойти навстречу западным дер-

жавам, объяснялось влиянием мощных закулисных сил, главным образом нефтяных концернов. Детердинг выдвинул идею создания единого консорциума, который целиком взял бы все нефтяные концессии в России. Он предложил франко-бельгийскому синдикату принять участие в этой концессии. У Детердинга при этом был двойной расчет. Создавая единую англо-франко-бельгийскую компанию, «Ройал-датч шелл» устранял часть конкурентов в борьбе за концессии на русские нефтяные источники. С другой стороны, вовлекая в единую нефтяную компанию французов и бельгийцев, таскавших в Генуе каштаны из огня для американского нефтяного общества «Стандард ойл», Детердинг тем самым ослаблял американского соперника и переманивал к себе его оруженосцев. Однако французы и бельгийцы колебались. Они все время оглядывались на представителей «Стандард ойл».

После длительных переговоров французы из франко-бельгийского синдиката начали сдаваться и решили было пойти на соглашение с Детердингом. Но тут решительно вмешались представители «Стандард ойл». 20 июля, т. е. уже после окончания конференции, нерусская комиссия приняла следующую резолюцию:

«Конференция обращает внимание всех представленных здесь Правительств на желательность того, чтобы все Правительства не поддерживали своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее иностранным подданным и конфискованное после 7 ноября 1917 г. без согласия их иностранных владельцев или концессионеров, при условии, чтобы всеми Правительствами, принимавшими участие в Гаагской конференции, было на это обращено внимание всех не представленных здесь Правительств и чтобы никакое решение не было принято иначе, как совместно с этими Правительствами» [1].

Правительство США, не представленное на конференции, довело до сведения комиссии, что оно одобряет это предложение. Резолюция была принята. Так маневр Детердинга был сорван американской компанией «Стандард ойл».

И Генуя и Гаага показали, что в капиталистическом мире шла борьба двух тенденций: одна стремилась создать единый фронт против Советской страны, другая — установить с ней деловые контакты. Чем успешнее шло в Советской стране строительство нового общества, чем сильнее становилось его влияние на зарубежный мир, тем упорнее стремились империалистические державы образовать единый антисоветский

[1] «Гаагская конференция. Полный стенографический отчет». М., 1922, стр. 200.

фронт. Но тот же рост и укрепление Советского государства усиливали противоречия в капиталистическом лагере. Некоторые из капиталистических государств считали более благоразумным не идти на открытое столкновение с крепнущей Страной Советов, а искать с ней сближения. В том же 1922 г. Советское правительство заключило ряд двусторонних экономических соглашений с капиталистическими странами. Активные действия советской дипломатии значительно укрепили внешнеполитические позиции и международный престиж Советской державы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

УГЛУБЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ. ОТМЕНА СЕВРСКОГО ДОГОВОРА (1921—1923 гг.)

Ликвидация японской интервенции на Дальнем Востоке

Многочисленные соглашения, дополнявшие отдельные звенья версальско-вашингтонской системы, не обеспечили ее устойчивости. Противоречия между державами-победительницами, между победителями и побежденными и особенно между миром капитализма и миром социализма подтачивали ее основы. Рапалльский договор пробил брешь в антисоветском фронте империалистических держав. Разрешить дипломатическим путем в своих интересах «русский вопрос» им не удалось.

К осени 1922 г. обострилось положение на Дальнем Востоке. После Вашингтонской конференции, где Япония заявила о выводе своих войск из Сибири, она отнюдь не торопилась с выполнением этого обещания. В апреле 1922 г. японские империалисты сорвали Дайренскую конференцию и бросили против Советской России белогвардейские банды, однако своих целей им добиться не удалось. 4 сентября 1922 г. в здании японского консульства в городе Чаньчунь (Маньчжурия) вновь открылись переговоры между Японией и ДВР, делегация которой представляла также интересы и РСФСР. Японские представители настаивали на заключении договора только между Японией и ДВР. Встретив решительное сопротивление, они в конце концов предложили заключить договор с обоими государствами, но только по тем вопросам, которые касались Дальневосточной Республики. В дальнейшем японцы обещали приступить к обсуждению особых торговых соглашений и с РСФСР. Делегация ДВР отклонила это предложение.

Переговоры тянулись. Япония явно выжидала развития нового наступления белогвардейцев. Но открыто сорвать переговоры она не решалась. После напрасных попыток противопоставить интересы ДВР и РСФСР японцы предложили подписать без обсуждения свой старый проект Дайренского договора. Делегация ДВР возразила, что этот проект уже был отвергнут. Переговоры вновь были прерваны.

А тем временем назревали решающие события.

9 октября Красная Армия под командованием В. К. Блюхера нанесла под Спасском сокрушительный удар по белогвардейцам. Остатки разбитых банд в панике отступили к Владивостоку. Опасаясь столкновения с Красной Армией, японские части покинули город. 25 октября 1922 г. наши войска вступили во Владивосток. Трудящиеся Дальнего Востока в ноябре 1922 г. постановили влить ДВР в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики как ее нераздельную часть.

Оценивая дальневосточную победу, Владимир Ильич Ленин отметил заслугу советской дипломатии в этом успехе.

«Прежде всего, — говорил Ленин, — необходимо, конечно, направить наше приветствие Красной Армии, которая на днях показала еще раз

свою доблесть, взяв Владивосток и очистив всю территорию последней из связанных с Советской Россией республик...

Но вместе с тем мы должны также сказать, чтобы сразу же не впасть в тон чрезмерного самохвальства, что здесь сыграли роль не только подвиг Красной Армии и сила ее, а и международная обстановка и наша дипломатия.

Было время, когда Япония и Соединенные Штаты Америки подписывали соглашения о поддержке Колчака. Это время ушло так далеко, что многие из нас, пожалуй, о нем совсем и забыли. Но оно было. И если мы добились того, что подобное соглашение уже невозможно, если мы достигли того, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга и нашей дипломатии» [1].

Ближневосточный кризис

Незадолго перед взятием Владивостока Советское правительство сделало попытку ослабить напряженность и на Ближнем Востоке. 24 сентября 1922 г. Наркоминдел предложил Англии, Франции, Италии, Югославии, Болгарии, Румынии, Греции и Египту созвать конференцию всех стран, в первую очередь черноморских, заинтересованных в урегулировании ближневосточного кризиса.

Советское предложение не встретило поддержки у западных держав. Они рассчитывали иными путями разрешить в своих интересах ближневосточные вопросы. В частности, некоторые влиятельные круги в Лондоне давно стремились к созданию так называемой «Английской средневосточной империи». Это означало бы объединение африканских колоний Англии с Палестиной, Аравией, Сирией, Месопотамией и Индией. Образование такой империи должно было бы усилить позиции Англии в Средиземном море и в Средней Азии. Разгром Турции и получение Англией в 1920 г. мандатов на Палестину и Месопотамию, казалось, открывали путь к осуществлению замыслов английского империализма. Однако кемалистская революция в Турции оказалась неожиданным препятствием.

Попытаться овладеть положением в Турции Англия могла бы с помощью Франции и Италии. Но обе державы, несомненно, потребовали бы за это серьезных компенсаций; английскую дипломатию больше устраивала мысль о возможности бить Турцию руками греков [2]. Правда, здесь возникало опасение, что победа греков может толкнуть турок на сближение с Советской Россией. Поэтому английскими политиками выдвигался и другой план: путем дипломатического соглашения с Турцией превратить ее в сторожа колониальных приобретений Англии на Ближнем Востоке и в барьер против Советской России.

К августу 1922 г. силы греческих интервентов еще не были сломлены, несмотря на ряд поражений, нанесенных им турками. Смирна оставалась в руках греческих войск. Турция, не опасаясь за свой тыл, так как на кавказской границе стояли войска дружественной Советской России, бросила против греков все свои силы.

Контрнаступление турок подготовлялось в строжайшей тайне: войска передвигались ночью; главнокомандующий войсками Мустафа Кемаль выехал из Анкары на фронт, приказав распространить слух, что устраивает прием в своей резиденции. Внешне ничто не предвещало особых перемен на фронте. И вдруг разразилась буря: начав 26 августа стремительное наступление, турецкая армия через пять дней разгромила

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 245—246.

[2] В 1919 г. началась греко-турецкая война, организованная империалистами Антанты для подавления кемалистской революции в Турции.

главные силы греков в районе Афьон-Кара-хисара. 9 сентября турки вошли в Смирну. В плен было захвачено 50 тыс. греков. Турецкие войска шли к проливам и к Константинополю.

15 сентября 1922 г. состоялось заседание английского правительства. Было решено разослать телеграмму всем доминионам с извещением о критическом положении в Малой Азии и просьбой прислать войска.

Правительства Австралии, Новой Зеландии и других доминионов медлили с ответом. Они не хотели быть втянутыми в войну. Положение Англии осложнилось тем, что французские и итальянские отряды покинули свои позиции в Дарданеллах.

Лондон был вынужден вступить в переговоры с кемалистской Турцией. 23 сентября Англия, Франция и Италия обратились с нотой к турецкому правительству, предлагая послать делегатов на конференцию в Венецию или же в какой-либо другой город. На конференции должны были присутствовать делегаты Турции, Великобритании, Франции, Италии, Японии, Румынии, Югославии и Греции. Союзники обещали после заключения мира вывести войска из Константинополя, возвратить Турции Восточную Фракию, включая Адрианополь, и принять ее в Лигу наций. Однако они настаивали на приостановке турецкого наступления в зоне проливов в течение всего времени переговоров. Союзники обязывались добиться отступления греческой армии за линию, которая будет определена командованием войск Антанты. Для решения этого вопроса предлагалось созвать предварительное военное совещание в Мудании или в Измире.

Турция дала согласие на совещание в Мудании. Переговоры начались 3 октября. Английские делегаты выставили явно неприемлемые требования; представители Турции, втайне поддерживаемые французами, не собирались уступать. 11 октября было достигнуто соглашение.

Между турецкими и греческими войсками устанавливалось перемирие. Турция обязывалась не перевозить войск, не производить наборов и не содержать военных сил в Восточной Фракии до заключения и ратификации мирного договора. Войска Антанты оставались вплоть до решения мирной конференции на занимаемых ими позициях. Вдоль проливов на азиатской стороне устанавливалась зона, через границы которой турецким войскам запрещалось переходить.

Разгром греков привел к государственному перевороту в Греции. Король Константин отрекся от престола. Пять министров и главнокомандующий были арестованы и казнены.

События на анатолийском фронте вызвали правительственный кризис и в Англии. 19 октября 1922 г. Ллойд Джордж подал в отставку. На новых выборах в парламент консерваторы получили около 350 мандатов. На смену коалиционному кабинету Ллойд Джорджа 24 октября пришло консервативное правительство Бонар Лоу. Пост министра иностранных дел занял непримиримый противник Советской России лорд Керзон.

Представитель английской аристократии Керзон прошел обычную для английских дипломатов школу. В молодости, по окончании Итонского колледжа и Оксфордского университета, он занимался научной работой, путешествовал, побывал в Индии, Иране, Афганистане, странах Ближнего Востока. В ряде своих книг он бил тревогу по поводу «русской опасности», якобы угрожающей Англии в Индии и на Востоке. В 1886 г. Керзон был избран в палату общин от консерваторов. Заняв в 1891 г. пост товарища министра по делам Индии, лорд Керзон накопил большой практический опыт в колониальных делах, закрепленный затем его многолетней деятельностью в качестве вице-короля Индии.

С уходом Ллойд Джорджа в 1922 г. Керзон получил возможность проводить в английской внешней политике свою линию — линию «твер-

долобых». Все то, что англичане называют «forward policy» — наступательной политикой, было характерно для приемов Керзона. Этому представителю воинствующего британского империализма и была поручена дипломатическая подготовка мирной конференции с Турцией.

Перед конференцией в Лозанне

Конференция, задуманная Керзоном, намечалась на 13 ноября в Лозанне. Согласие турок на участие в конференции было вызвано прежде всего истощением после длительных войн. Турция воевала непрерывно с 1911 по 1922 г. Кроме того, турки рассчитывали на поддержку Советской России. Они рассчитывали использовать англо-французский антагонизм, углубленный Анкарским соглашением между Турцией и Францией. Известную роль играли в их согласии и надежды на США, с которыми турки вели переговоры о предоставлении концессий.

Лорд Керзон, готовя Лозаннскую конференцию, имел далеко идущие планы.

Во-первых, он хотел взорвать советско-турецкий договор от 16 марта 1921 г. в части, касающейся проливов, чтобы отдалить турок от России. Во-вторых, Керзон стремился создать постоянную угрозу Советской России, добившись такого решения вопроса о проливах, при котором английский флот в любой момент мог бы проникнуть в Черное море. Третьей целью Керзона было преодолеть французское влияние в Турции и заставить турок искать только английского покровительства. Четвертая состояла в том, чтобы, внедрившись в Турцию, разрешить в пользу Англии мосульский вопрос.

Для выполнения всех этих целей Керзону нужно было прежде всего отстранить Советскую республику от переговоров и, таким образом, остаться с турецкой делегацией один на один.

Советское правительство, разгадав этот замысел, предприняло контрмеры. Еще 24 сентября 1922 г. оно поставило перед правительствами Англии, Франции, Италии и других стран вопрос о созыве конференции «всех заинтересованных держав, и в первую очередь черноморских государств». Одной из основных задач такой конференции, указывалось в обращении Советского правительства, должно быть признание независимости и суверенитета турецкого народа. Что касается режима проливов, то никакие решения, принятые без участия и вопреки интересам Советской России, не могут быть окончательными и даже продолжительными [1]. Правящие круги капиталистических стран игнорировали это обращение.

Однако совершенно отстранить от ближневосточных дел Советское государство с его возросшим международным авторитетом они не могли.

27 октября 1922 г. временно исполняющий должность британского официального агента в Москве Питерс сообщил Наркоминделу, что Англия, Франция и Италия решили созвать в Лозанне конференцию для заключения мира на Ближнем Востоке. На конференцию кроме указанных трех держав приглашались также Турция, Япония, Румыния, Югославия и Греция. Советскую Россию допускали к участию «в комиссии по территориальным и военным вопросам», и то лишь на те заседания, которые будут специально посвящены вопросу о режиме проливов.

Наркоминдел в ноте от 2 ноября 1922 г. возражал против столь странной системы представительства на конференции. В самом деле, на конференцию приглашалась Япония, не имевшая территориальных интересов на Ближнем Востоке; и вместе с тем вне конференции оставалась

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 594—595.

такая черноморская страна, как Болгария [1]. Разумеется, Советское правительство протестовало и против попытки отстранить его от участия в работе конференции на равных с другими державами условиях.

Опасаясь, что советская делегация не получит возможности развернуть на конференции свою программу, В. И. Ленин решил заранее открыто изложить советскую точку зрения по вопросу о режиме проливов. В день, когда было получено приглашение на конференцию, В. И. Ленин дал интервью корреспонденту английских газет «Обсервер» и «Манчестер гардиан» Фарбману. На вопрос корреспондента: «Какова русская программа разрешения вопроса о проливах?» — глава Советского правительства ответил:

«Наша программа относительно проливов (пока еще приблизительная, конечно) содержит в себе, между прочим:

Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции...

Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это — непосредственный ближайший торговый интерес всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных...

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания» [2].

Не ответив на протест Советской России, лорд Керзон продолжал подготовку конференции. Он спешил набрать как можно больше козырей в дипломатической игре. Среди них немалую роль играл Мосул. Хотя в Мосуле стояли британские войска, однако захват его не имел еще достаточного юридического прикрытия. Путем различных ухищрений, используя свою зарубежную агентуру, Керзон в октябре 1922 г. добился того, что Мосул стал фактически подмандатной территорией Англии.

Вслед за тем перед Керзоном вставала другая дипломатическая задача. Она была нелегкой: нужно было, чтобы французы, которые раньше поддерживали турок против англичан, стали на сторону Англии и начали действовать против Турции.

14 ноября Керзон предложил французам выступить единым фронтом против турок — вплоть до применения военных санкций, но при условии отказа от Анкарского соглашения. Пуанкаре, уже решивший начать оккупацию Рура, боялся раздражить Керзона отказом. Во Франции в это время происходила яростная борьба между сторонниками и противниками Анкарского соглашения. Позицию последних поддерживала керзоновская пресса; она кричала об «унижении» и «ограблении» французов, якобы учиненном кемалистами. Напротив, сторонники Анкарского соглашения, главным образом из лагеря радикал-социалистов, требовали скорейшего примирения с Турцией. Учитывая это, Пуанкаре отозвал французские войска из Чанака (Дарданеллы) и пообещал включить Анкарское соглашение в Лозаннский договор. На самом же деле он собирался похоронить это соглашение. Пуанкаре отнюдь не хотел победы Керзона; напротив, он был заинтересован в длительной борьбе между Англией и кемалистами.

В итоге англо-французских переговоров в Париже, в которые затем включилась и Италия, в печати было опубликовано сообщение о «полном

---

[1] В ходе работы Лозаннской конференции советская делегация выступила и в поддержку справедливых требований Ирана о включении его в число стран — участниц конференции. «Не подлежит сомнению, — отмечалось в ноте советской делегации, — что интересы Персии на Ближнем Востоке гораздо более непосредственны и значительны, чем интересы Японии, которая участвует во всех работах конференции, и чем интересы скандинавских стран, Нидерландов и Испании, которые участвуют в некоторых совещаниях» («Документы внешней политики СССР», т. VI, М., Госполитиздат, 1962, стр. 153).

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 240, 241.

единодушии» союзников в ближневосточных вопросах. Однако в действительности было трудно примирить их противоречивые интересы.

Американский посол в Италии Чайлд рассказывал, что после завершения переговоров союзников он имел беседу с Пуанкаре. Подтвердив сообщение о создании единого фронта, Пуанкаре вслед за этим добавил, что «Франция не послала и не пошлет дополнительных военных частей, чтобы исправить ситуацию, созданную глупостью и интригами другой нации». Пуанкаре добавил, имея в виду Анкарское соглашение, что «Франция — единственная страна, которая уже заключила соглашение с Турцией» [1]. Что касается Муссолини, то, по свидетельству Чайлда, он вообще отрицал наличие договоренности о единстве действий.

Восстанавливая французские финансовые круги и рантье против «капитуляции перед анатолийскими варварами», Керзон тем временем сам вступил в переговоры с турками. Он предлагал им согласиться на английское решение вопроса о проливах за уступки в пользу Турции в других вопросах: безоговорочное возвращение Киликии туркам, ликвидацию Севрского договора.

Лозаннская конференция (20 ноября 1922 г. — 24 июля 1923 г.)

20 ноября в Лозанне открылась конференция по ближневосточным вопросам. Англия была представлена лордом Керзоном, Франция — Пуанкаре, Италия — Муссолини. Присутствовали также делегаты от Турции, Греции, Югославии, Болгарии, Румынии и Японии. США не принимали участия в конференции; они лишь прислали своих «наблюдателей».

Керзон предложил вести работу конференции в трех комиссиях: первой — по территориальным и военным вопросам, второй — о режиме иностранцев и национальных меньшинств и третьей — по финансовым и экономическим вопросам. Сокращенно эти комиссии назывались: политическая, юридическая и экономическая. Турецкий представитель Исмет-паша настаивал, чтобы посты председателя одной из трех комиссий, а также заместителя секретаря конференции были предоставлены туркам. Керзон отверг эти предложения.

Председателем первой комиссии был сам лорд Керзон. Он предложил заняться прежде всего вопросом о европейской границе Турции. Турки требовали установления тех границ, которые были указаны в договоре между Болгарией и Турцией в 1913 г.; что касается Западной Фракии, то они настаивали на проведении там плебисцита. Лорд Керзон старался оставить туркам в Европе как можно меньше территории. Он раздувал слухи о возможности создания против нее блока балканских стран. Однако на самом деле между балканскими странами тут же на конференции вспыхнули острые разногласия. Болгария, приглашенная для участия только в одной комиссии, настаивала на предоставлении ей выхода в Эгейское море и требовала передачи ей района Дедеагача. Глава греческой делегации Венизелос заявлял, что Греция и без того идет на крайние уступки; поэтому он категорически высказался против передачи болгарам Дедеагача. Турки со своей стороны внесли предложение о нейтрализации Дедеагача, поддержав Болгарию против Греции.

Лорд Керзон явно спешил покончить с территориальными вопросами до приезда советской делегации, — ее ждали к началу декабря. 25 ноября на заседании комиссии от имени союзников и всех балканских стран Керзон предложил туркам согласиться на те условия, которые были выдвинуты в ноте союзников от 23 сентября: демилитаризацию границы вдоль реки Марицы на 30 *км* в обе стороны и оставление Западной Фракии за греками. Вместе с тем английский представитель

---

[1] *Richard Child.* A Diplomat Looks at Europe, p. 89.

выступил против требования турок вернуть им Карагач, составлявший железнодорожную станцию Адрианополя.

В заключение Керзон добавил, что все союзники и балканские страны согласились на предлагаемую Турции границу. Турция попросила несколько дней на подготовку ответа.

Мосульский вопрос

С такой же настойчивостью и поспешностью Англия добивалась решения в свою пользу и мосульского вопроса. В этом Керзон был особенно заинтересован, будучи главным акционером «Тэркиш ойл компани», хозяйничавшей в Мосуле.

Турецкие представители решительно высказались за сохранение Мосула в их руках. В борьбе за этот важный нефтяной и стратегический район активно участвовали и США.

В Лозанне, так же как и в Генуе и Гааге, США были представлены большой группой дипломатов, бизнесменов, журналистов. «Наши наблюдатели, — писал один из представителей прессы США, — были далеко не так молчаливы... они выступали перед конференцией почти по каждому вопросу, которым ей приходилось заниматься» [1].

США добивались «свободы Черного моря». «Мы, — заявил Чайлд на конференции, — желаем доступа ко всем свободным водным пространствам мира, и мы не будем удовлетворены, если наши военные корабли не смогут осуществлять свои мирные цели повсюду, где бы ни находились наши граждане и наши суда» [2]. Позицию Америки определяли антисоветские планы и стремление помешать английскому преобладанию в районе проливов. В Лозанну прибыл сенатор Гамильтон-Леви защищать интересы американского нефтяного треста «Стандард ойл». В печати сообщалось, что американцы добиваются у турок железнодорожной концессии в районе Мосула с правом эксплуатации нефтяных источников на расстоянии 20 *км* от железной дороги.

Со своей стороны турецкие представители заверили американцев, что «их правительство желает участия американских капиталов в разработке Мосульских нефтяных месторождений в такой же и даже большей доле, чем любой другой державы» [3].

В разгар закулисной борьбы между нефтяными магнатами выступил американский посол Чайлд. 26 ноября он сделал официальное заявление о позиции США. В обычном для него показном «антиколониалистском» тоне Чайлд отметил, что все прежние соглашения между Англией, Францией, Италией имели целью раздел сфер влияния между ними; это не отвечает требованиям «экономического равенства», которые-де отстаивают США; все державы должны признать принцип «открытых дверей».

Смысл выступления американского наблюдателя был вполне определенным. Было ясно, что Англии придется идти на уступки и разделить плоды победы в мосульском вопросе с американским соперником.

Вопрос о проливах на конференции

Вскоре на первый план выдвинулся вопрос о проливах. 1 декабря в Лозанну прибыла советская делегация во главе с Г. В. Чичериным. В состав делегации входили представители Украины и Грузии.

Еще раньше в Лозанну прибыл член делегации В. В. Воровский. Он установил деловой контакт с главами ряда делегаций. В частности, Воровский встретился с главой делегации Турции Исмет-пашой и достиг

---

[1] Цит. по *Н. Л. Рубинштейн.* Ближний и Средний Восток после первой мировой войны. Лозаннская конференция. М., 1952, стр. 34.

[2] «Lausanne Conference on Near Eastern Affairs. 1922—1923». London, 1923, p. 146.

[3] «Foreign Relations.., 1923», vol. II, p. 900—901.

с ним соглашения о взаимной поддержке интересов обеих стран в ходе конференции.

21 ноября турецкая делегация потребовала равноправного участия делегации Советской России во всех работах конференции. Такое же требование было выдвинуто 27 ноября в ноте советской делегации. Удовлетворительное и эффективное решение вопросов, включенных в повестку дня конференции, подчеркивалось в ноте, «может быть достигнуто лишь при условии, если Россия и ее союзники будут допущены не только для того, чтобы изложить свою точку зрения по тому или иному вопросу, но и для того, чтобы эффективно участвовать во всех дискуссиях, работах и решениях конференции» [1].

Все с нетерпением ждали выступлений советских делегатов. По общему признанию европейской прессы, участие Советской страны в конференции значительно укрепляло позиции турок.

4 декабря на заседании комиссии по проливам выступил с декларацией глава советской делегации Г. В. Чичерин. Приветствуя созыв Лозаннской конференции, имеющей целью установление мира на Ближнем Востоке, советский представитель отметил, что делегация России, Украины и Грузии, к сожалению, не была допущена к участию во всех комиссиях конференции. Чичерин заявил, что советская делегация будет стремиться осуществить следующее: «1) равноправие России и ее союзников с другими державами; 2) ограждение мира и безопасности территорий России и союзных с ней Республик, а также свободы их экономических сношений с другими странами» [2].

Далее глава советской делегации, оставив за собой право подвергнуть рассмотрению все проекты о проливах, изложил основной принцип советской программы: «Постоянная свобода торгового судоходства и мирных морских сообщений в Босфоре, Мраморном море и Дарданеллах должна быть обеспечена безусловно и без каких-либо ограничений. Сохранение мира на Черном море и безопасность его побережья, равно как сохранение мира на Ближнем Востоке и безопасность Константинополя, должны быть ограждены прочными гарантиями; иными словами, Дарданеллы и Босфор как в мирное, так и в военное время должны быть всегда закрыты для военных и вооруженных судов, а также военной авиации всех стран, кроме Турции» [3].

Отметив, что Дарданеллы и Босфор принадлежат Турции, советская делегация высказалась за полное восстановление прав турецкого народа на свою территорию и водные пространства. Далее Г. В. Чичерин объяснил, почему вопрос о проливах представляет жизненный интерес для советских республик. Прежде всего проливы имеют важное экономическое значение: больше 70% всего экспорта зерновых из России до войны шло через порты Черного и Азовского морей. Большое значение имеют проливы и с точки зрения обороны. С того момента, как согласно Мудросскому перемирию военные флоты держав получили возможность входить в Черное море, безопасность советских республик оказалась под угрозой. Державы Антанты снабжали армии Деникина и Врангеля; они в свое время оккупировали Одессу, Николаев, Херсон, Севастополь, Батум и другие прибрежные города Черного моря.

Советский представитель подчеркнул, что открытие проливов для военных кораблей затрагивает интересы не только Советской России и ее союзников, но и турецкого народа.

Советская декларация произвела сильное впечатление. Все ждали ответного выступления Керзона. Но он выдвинул на сцену предварительно

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 20.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Там же.

«обработанных» им представителей балканских стран — Румынии и Болгарии. Румынский представитель Дука от имени своего правительства изложил, по существу, антантовскую точку зрения. В таком же духе выступил и болгарский делегат.

Председатель турецкой делегации Исмет-паша ограничился повторением общих принципов, провозглашенных в Национальном пакте. При этом, возражая против свободы военного судо- и воздухоплавания в зоне проливов, Исмет заявил, что проливы должны быть открыты для мировой торговли, но без ущерба для безопасности Константинополя.

Лорд Керзон не преминул раздраженно заметить Исмет-паше, что русская делегация говорит как будто бы не только от имени России, Грузии и Украины, но и от имени Турции.

Следующее заседание конференции решено было созвать через 3—4 дня. Перерыв был использован западными державами для нажима на турецкую делегацию.

На заседании 6 декабря Керзон выступил с ответной речью, выдержанной в открыто антисоветском духе. По его утверждению, советские республики будто бы стремятся к гегемонии на Черном море, хотят «устранить» все другие державы от участия в контроле над проливами и предоставить этот контроль одной Турции. Лорд Керзон изложил план Антанты. Англия добивалась полной свободы прохода через проливы для военных кораблей, включая вспомогательные суда, для военных транспортов, авиаматок и аэропланов. Керзон настаивал на демилитаризации проливов и ряда островов, прилегающих к проливам. По его предложению, в демилитаризованной зоне не должно было существовать никаких укреплений, никаких постоянных артиллерийских установок и морских баз.

Для осуществления контроля в демилитаризованных зонах Керзон предлагал создать международную комиссию из представителей Франции, Англии, России, США, Японии, Италии, Турции, Греции, Румынии, Югославии и Болгарии под председательством турецкого представителя.

Французский делегат поддержал английскую позицию. Те же положения — менее откровенно — развивал и представитель Италии.

Затем выступил Г. В. Чичерин. Он высмеял Керзона за попытку взять на себя роль защитника черноморских стран. В Нейи, говорил он, Антанта обезоружила Болгарию и лишила ее прав на охрану своей безопасности; здесь же, на конференции, лорд Керзон «заботится» о безопасности Болгарии, добиваясь открытия Черного моря для английских кораблей.

— А разве Румыния является соседкой России со вчерашнего дня? — спрашивал Чичерин. — Между тем она никогда не возражала против закрытия проливов.

«Слушая г. председателя, — говорил глава советской делегации, — я получил впечатление, что основной мыслью его экспозе является создание системы, направленной против России. Мы вам предлагаем мир, а вы растягиваете до бесконечности борьбу против нас... Мы предлагаем вам не борьбу, а мир, основываясь на принципе средостения между нами и на принципе свободы и суверенитета Турции» [1].

Советская делегация в трудных условиях решительно отстаивала интересы своей страны и других черноморских государств от посягательств со стороны империалистов. Характеризуя турецкую позицию, Чичерин сообщал в НКИД: «Исмет-паша частью поет Лазаря, частью упорно борется против Антанты, но как раз в этих пунктах он систематически пасует» [2].

[1] «Годовой отчет за 1923 г. Народного комиссариата по иностранным делам II-му съезду Советов СССР». М., 1924, стр. 18.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 72.

Между тем Англия продолжала вести неофициальные переговоры о проливах с турецкими представителями, обещая им уступки в других вопросах. Нажим англичан оказался небезуспешным.

На заседании 8 декабря выступил Исмет-паша. Он согласился с предложениями проекта союзников о пропуске военных судов, но высказывался за свободу прохода только легких военных кораблей, сопровождающих коммерческие суда. Турки соглашались и на демилитаризацию проливов, за исключением Босфора, на свободный проход для коммерческого флота и лишь требовали гарантировать безопасность проливов, Константинополя и Мраморного моря.

«Общей согласованной игры между ними нет, — писал в НКИД Г. В. Чичерин, оценивая позиции Турции и Англии, — но по отдельным пунктам, по-видимому, соглашение есть» [1].

Кроме того, переговоры по прямому проводу с представителем РСФСР в Турции С. И. Араловым еще перед выездом в Лозанну позволяли Г. В. Чичерину сделать заключение о сильной оппозиции в определенных кругах Турции политике сближения с Советской Россией. 4 декабря глава советской делегации в Лозанне писал М. М. Литвинову: «У Исмета-паши в беседе с нами вырвалось откровенное слово: если он будет настаивать на полном закрытии проливов для военных судов, его дезавуирует Ангора» [2].

На том же заседании выступил с речью Г. В. Чичерин. Советское правительство потребовало закрытия проливов для военных судов. Такое решение представляло для него известные неудобства, так как не позволяло Советской России посылать свой флот из Черного моря в Средиземное и свободно перебрасывать его в Балтийское море или на Дальний Восток. Тем не менее в интересах мира Советская страна шла на это. Идеальным разрешением проблемы было бы полное и повсеместное прекращение всякого рода морских вооружений. Но при имевшихся условиях единственно возможным компромиссом являлось закрытие Турцией проливов для военных судов.

Позиция советской делегации отвечала жизненным интересам черноморских стран. Тем не менее под давлением империалистических держав балканские делегаты заявили о своем согласии с антантовским планом. Лорд Керзон подхватил предложение Турции. Он согласился вести переговоры об известном ограничении военно-морских сил, проходящих через проливы. Для обсуждения военно-технических вопросов Керзон предложил создать комиссию экспертов.

Советский делегат немедленно потребовал включить в сообщение, предполагавшееся к опубликованию в прессе, что советская делегация примет, наравне с Турцией, участие в комиссии экспертов. Англия возражала. Было ясно, что она стремится вести переговоры с турками в отсутствие советских делегатов.

9 декабря глава советской делегации в ноте на имя председателя конференции протестовал против недопущения представителей России в комиссию экспертов. 12 декабря эксперт советской делегации по военно-морским вопросам Е. А. Беренс явился в комиссию экспертов. Оказалось, что там уже несколько дней занимаются согласованием проекта Антанты и турецких предложений. На следующий день советская делегация заявила новый письменный протест.

На заседании комиссии 18 декабря советская делегация внесла новое предложение. Настаивая на запрещении доступа в проливы военных судов в мирное время, советский проект допускал, что в отдельных исключительных случаях и для специально определенных целей турец-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 72.
[2] Там же, стр. 41.

кое правительство будет иметь право разрешать проход через проливы легких военных судов, за исключением подводных лодок. Такое же исключение допускалось для легких военных судов нейтральных стран и во время войны, если сама Турция останется нейтральной [1].

Несмотря на примирительный характер нового советского предложения, и оно было по настоянию Керзона отклонено большинством конференции.

По существу, Англия добилась цели, навязав Турции свой проект режима проливов. Наступил период обсуждения отдельных деталей. И эта работа также происходила за кулисами — в комиссии экспертов, от участия в которой советские представители были отстранены.

В меморандуме от 30 декабря 1922 г. советская делегация, подчеркивая, что она руководствовалась в своей позиции по всем вопросам, поднятым на конференции, «не только чувствами солидарности и взаимной дружбы», которые связывают советский и турецкий народы, «не только непосредственными и прямыми интересами, как в вопросе о проливах, но, кроме того и в особенности, более общим интересом — интересом всеобщего мира», — разоблачала агрессивную политику западных держав в отношении Турции. Советская делегация настаивала на отмене всех нарушающих суверенные права народов статей в различных договорах и трактатах, заключенных после балканских и первой мировой войн [2].

Вопрос о режиме капитуляций

Режим капитуляций или привилегии европейских держав в Турции был установлен еще в средние века [3]. В 1535 г. султан Сулейман Великолепный заключил по этому вопросу соглашение с Франциском I. С течением времени Турции были навязаны и другие соглашения того же рода. Согласно им всякий подданный государства, пользующегося режимом капитуляций, находился под защитой консула своей страны. Он освобождался от местных сборов и налогов. Турецкая полиция без консула или его доверенного лица не имела права проникать в квартиру иностранца или производить у него обыск. Споры между иностранцами разрешались консульскими судами. При тяжбах с турками иностранец обязан был обращаться к турецкому суду, но последний не имел права разбирать дело без консула или его доверенного. Совершенно очевидно, что режим капитуляций был несовместим с суверенитетом Турецкой республики.

Турецкая делегация категорически требовала отмены капитуляций. Союзники настаивали на введении «переходного режима», который по существу сохранял старое положение. Союзники соглашались, например, чтобы все конфликты между иностранцами, проживающими в Турции, разрешались турецкими трибуналами; но эти органы должны были формироваться из европейских юристов, которые будут рекомендованы международным Гаагским трибуналом. Чтобы склонить турок к согласию, Керзон предложил сохранить «переходный режим» на 10 лет. Он угрожал, что в противном случае иностранцы откажутся ввозить свои капиталы в Турцию. Настойчиво убеждал турок пойти на уступки и японский делегат барон Ганши. «Японии, — говорил он, — понадобилось 20 лет для освобождения от капитуляций; поэтому и турки должны примириться с «переходным» режимом».

Турецкая делегация не уступала. Тогда председатель комиссии выдвинул компромиссное предложение: создать в Турции специальную комиссию в составе пяти членов, назначаемых турецким правитель-

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 93—94.
[2] См. там же, стр. 123, 132.
[3] См. «История дипломатии», изд. 2, т. I. М., Госполитиздат, 1959, стр. 256—258.

ством с тем, однако, чтобы трое из них приглашались из международного Гаагского трибунала.

Срыв переговоров

31 января лорд Керзон вручил туркам от имени Англии, Франции и Италии ультимативное предложение подписать выработанный ими проект конвенции о проливах.

Для дополнительного нажима на турок был использован вопрос о Мосуле.

Борьба за Мосул к этому времени стала особенно острой. Исмет-паша требовал народного голосования. Лорд Керзон предлагал передать решение вопроса Лиге наций, от которой исходил мандат на этот район. Французы настаивали на предоставлении им 25% акций нефтяного общества «Тэркиш петролеум». 4 января лорд Керзон и Исмет-паша на частном свидании вновь обсуждали мосульский вопрос. Печать сообщала, что, видимо, вопрос о Мосуле будет снят с обсуждения конференции и урегулирован непосредственно между Англией и Турцией. Но эти сведения не подтвердились.

Потерпев неудачу в переговорах с турками, лорд Керзон быстро переменил тактику. Он решил вступить в переговоры с представителями США и обещал им дать 25% акций «Тэркиш петролеум». Этот ход позволял вывести из игры Францию и еще более затруднить положение Турции, лишив ее поддержки американцев.

Кроме того, лорд Керзон хотел использовать позицию Ирака. В день вручения туркам ультиматума король Хуссейн обратился к Лозаннской конференции с нотой. В ней подчеркивалось, что Ирак до сих пор воздерживался от участия в конференции; теперь, однако, в связи с требованиями турок, король категорически заявляет, что Мосул является неотъемлемой частью арабского государства Ирак.

Для ответа на ультиматум по вопросу о проливах турецкой делегации был дан четырехдневный срок.

1 февраля советская делегация выступила с декларацией, в которой выразила свое резкое несогласие с проектом конвенции и методами его подготовки.

«Это — результат подпольных переговоров, — подчеркнул глава советской делегации. — ...Мы имеем дело с проектом конвенции о проливах, выработанным без участия России, Украины и Грузии» [1]. Во втором своем выступлении в тот же день Г. В. Чичерин указал: «Что касается заявления г. председателя о том, что проект выражает также взгляды Турции, то мы знаем, как при помощи ультиматума и угроз войной ей навязывают эти взгляды... Если какие-либо державы подпишут эту конвенцию без России, Украины и Грузии, вопрос о проливах остается и впредь останется открытым» [2], —предупреждала советская делегация.

Как бы то ни было, Англия считала, что ей удалось добиться выгодного решения относительно проливов, закрепиться в Мосуле. После этого Керзон стал усиленно разжигать франко-турецкие разногласия, ведя дело к срыву переговоров. Для этого были использованы нерешенные финансовый и экономический вопросы, в которых были особенно заинтересованы французы. Французские капиталовложения в Турции превышали 1 млрд. франков, что составляло свыше 50% всех иностранных инвестиций, ей принадлежало более 60% оттоманского долга. Франция выжидала со своими требованиями. Она надеялась, что турки не примут английских условий, и тогда она сможет выступить в роли примирителя. Когда французские делегаты поняли, что Керзон их обошел, было уже поздно. Французская печать стала яростно нападать на Керзона; она злорадствовала по поводу того, что в поединке Чичерина и Керзона

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 173.
[2] Там же, стр. 177, 178.

«рапира Чичерина оказалась длиннее, острее и быстрее». Некоторые газеты заявляли, что Керзон — «злейший враг Турции».

Чтобы исправить положение, французский делегат Бомпар вступил в частные переговоры с Исмет-пашой. Он дал ему понять, что единого фронта, от имени которого лорд Керзон предъявил туркам ультимативные требования, на самом деле не существует. Бомпар заверял, что французская делегация стоит за ведение переговоров с турками не языком ультиматумов, а самым дружественным образом [1]. Вслед за этим французская делегация предложила: 1) чтобы проценты с турецких долгов уплачивались золотом, 2) чтобы турки предоставили Франции концессии преимущественно в районе Багдадской железной дороги.

Турки наотрез отказались удовлетворить требования французов. Исмет-паша спросил французов: а вы платите золотом проценты по своим долгам? На это последовал вызывающий ответ, что право Франции вытекает из ее победы; оно не может быть сопоставляемо с положением побежденной Турции.

Отказавшись принять притязания французов, турецкая делегация, как показывал ход конференции, была вынуждена, особенно в вопросе о проливах, пойти на уступки Англии.

Вместе с тем Турция продолжала отстаивать основные условия, связанные с обеспечением ее государственной независимости: отмену Севрского договора, фактически уже ликвидированного военными победами кемалистов, уничтожение режима капитуляций, сохранение основных турецких территорий и т. д. Настойчивость турецких представителей в защите этих позиций объяснялась тем, что, несмотря на все свои зигзаги, они чувствовали за собой мощную поддержку Советского государства.

«На Лозаннской конференции, — говорил по этому поводу Г. В. Чичерин 12 мая 1923 г. в докладе на экстренном пленуме Моссовета, — противостоят друг другу два мира, и старые западные правительства совершенно неспособны понять те требования полной независимости, политической и экономической, которая является необходимостью, как воздух, пробудившемуся турецкому народу. Громадные дипломатические успехи Турции в Лозанне далеки от того минимума, который для турецкого народа есть необходимость, но они кажутся неимоверно значительными правительствам Запада, у которых эти уступки вырваны. Эти дипломатические успехи Востока в лице Турции были возможны благодаря дипломатическому единству фронта с Советскими республиками» [2].

Одним своим присутствием делегация Советской России со своими союзниками Украиной и Грузией умеряли аппетиты империалистов. Контакты советской делегации с делегацией Турции помогали последней много видеть в подлинном свете. «...Мы обмениваемся с ним (Исмет-пашой. — *Авт.*) мыслями о ходе конференции, — сообщал Л. М. Карахану Г. В. Чичерин, — предостерегаем, открываем ему глаза на маневры Антанты, но непрерывно подчеркиваем, что наша позиция иная, что пропуск военных судов есть враждебный акт против Советской России и что Антанта лишает Турцию плодов ее побед» [3].

Выступления советских делегатов имели огромный резонанс. Мировой общественности было ясно, что только Советская Россия и ее союзники последовательно и настойчиво защищали суверенные права Турции и мир на Черном море. Народы колониальных и зависимых стран вновь и вновь убеждались, что Советская республика решительно ведет

---

[1] *Anton Mohr.* The oil War, L., 1925, p. 167.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 304—305.
[3] Там же, стр. 111—112.

борьбу с империализмом и отстаивает права и интересы порабощенных народов.

4 февраля турецкая делегация отвергла ультиматум союзников. Конференция была прервана.

В тот же день Керзон покинул Лозанну. Его примеру последовали французы. 7 февраля оставила Лозанну и советская делегация. Она предупредила секретариат конференции, что сообщения о месте и дне продолжения конференции следует направлять в Рим, советскому представителю В. В. Воровскому.

Московская конференция по сокращению вооружений

Враждебная политика Керзона по отношению к Советской России отразилась и на позиции прибалтийских стран, а также Польши в вопросе о разоружении. Хотя под давлением масс правительства этих стран согласились участвовать в предлагаемой Советской республикой конференции по разоружению, они и не думали предпринимать какие-либо реальные шаги к решению этой проблемы. «Эти делегации ни минуты не думали о серьезном разоружении, — отмечалось в отчете НКИД РСФСР за 1922 г. — Они ехали в Москву потому, что не могли не ехать»[1]. Инициатива, проявленная в этом отношении Советским правительством, еще раз продемонстрировала его искреннее миролюбие, доказала, как заявил М. М. Литвинов, что «разоружение для нас не просто тема для ораторских упражнений, а самое подлинное серьезное дело»[2].

Конференция открылась 2 декабря. Это была первая международная конференция, собравшаяся на территории государства рабочих и крестьян, что показывало рост его международного престижа.

На конференции присутствовали: делегация Советской России (ее глава М. М. Литвинов был избран председателем конференции), делегации Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Румынское правительство выразило согласие участвовать в конференции, но только при условии признания Советской республикой присоединения Бессарабии к Румынии. Советское правительство отказалось пойти на это. Тогда глава польской делегации заявил, что имеет какие-то полномочия и от Румынии, которые, правда, так и не были им предъявлены.

От имени Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета конференцию приветствовал член Президиума ВЦИК П. Г. Смидович. Он подчеркнул, что государство наше является наиболее энергичным поборником разоружения, и не случайно именно от нашей делегации в Генуе исходила попытка поставить вопросы о всеобщем разоружении, как не случайно и то, что именно Советское правительство было инициатором данной конференции.

«Всмотритесь пристальнее в нашу работу, — говорил П. Г. Смидович, — во всю нашу внутреннюю и внешнюю политику, и вы увидите, что мирная политика наша не зависит от той или другой преходящей конъюнктуры, что в связи с этим принципом мирная наша политика не может и в будущем измениться...»[3]

На первом же пленарном заседании, констатируя, что только отказ империалистических держав рассмотреть в Генуе вопрос о всеобщем и полном разоружении заставил ограничить его сокращением вооружений Советской России и ее западных соседей, советская делегация выразила надежду, что решение и этой задачи, при наличии доброй воли и полного взаимного доверия, даст достаточно ценные результаты.

---

[1] «Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчет НКИД», М., 1923, стр. 50.
[2] «Правда», 30 ноября 1922 г.
[3] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 23.

В своем заявлении правительство РСФСР предлагало конференции установить точный план обоюдного сокращения сухопутных вооруженных сил в течение полутора — двух ближайших лет на 75%, соглашаясь свести численность Красной Армии с 800 тыс. до 200 тыс. Особо отмечая значение вопроса о сокращении морских вооруженных сил, Советское правительство подчеркнуло, что оно не помышляет об использовании флота как орудия агрессивной политики и лучшим доказательством этому является сокращение военно-морского флота России более чем на $^3/_4$ по сравнению с 1917 г., но оно считает нужным располагать морскими вооруженными силами как оружием защиты против возможных нападений со стороны более сильных держав. Правительство РСФСР будет, однако, всегда приветствовать всякое решение конференции, направленное к ускорению достижения всеобщего соглашения по военно-морским вопросам.

Далее предлагалось строгое фиксирование предельной суммы военных расходов.

В заявлении советской делегации был выделен вопрос о взаимной нейтрализации проливов. В заключение отмечалось, что, приняв по поставленным вопросам решения, действительно служащие делу мира, конференция «проложит путь к всеобщему сокращению вооружений, т. е. к той цели, которую Рабоче-Крестьянское правительство России ставит себе в интересах трудящихся своей страны и всего человечества»[1].

Как и следовало ожидать, сразу же выявилось два различных подхода к решению основной задачи конференции. Это был, с одной стороны, подход Советской республики, а с другой — блока Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии. Литва, находившаяся во враждебных отношениях с Польшей из-за виленского конфликта, не примкнула к польско-балтийскому блоку, но это не означало того, что она солидаризировалась с Советской Россией.

Делегаты Польши и прибалтийских стран выдвинули свои контрпредложения, суть которых заключалась в том, что, прежде чем приступить к фактическому разоружению, надо создать «атмосферу доверия» между Советской страной и пограничными государствами путем заключения договора о ненападении. Они стремились с самого начала направить работу Московской конференции на путь бесконечных дискуссий, заведя вопрос о разоружении в лабиринт далеких от конкретных решений «глубоких» исследований проблемы.

Советская делегация, разоблачая эти намерения, заявила: «...перенесение центра внимания и работы конференции на чисто формальные и дипломатическо-технические вопросы договоров, соглашений, резолюций и пр. без предварительного и твердого согласия всех участников разрешить основной вопрос о сокращении вооружений, обрекло бы настоящую конференцию на бесплодность, явную или прикрытую теми или иными второстепенными вопросами по типу международных конференций в Вашингтоне, Генуе и Гааге, не давших народным массам никакого облегчения и устранения опасности военных конфликтов»[2].

Не желая, однако, дать повод для срыва конференции, Советская республика согласилась начать ее работу с обсуждения договора о ненападении. Проект договора был представлен польской делегацией. После долгих обсуждений текст его был согласован. Но советская делегация предупредила, что подпишет его только в том случае, если этот документ явится частью общего договора о разоружении.

Когда приступили к вопросу о численном сокращении армий, польско-балтийский блок предложил к началу 1923 г. сократить их на 25%.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 27—28.
[2] Там же, стр. 40.

Советская республика, заявив, что имеет армию в 800 тыс. человек, соглашалась оставить к началу 1923 г. 600 тыс. Остальные государства не назвали численности своей армии, но сообщили, сколько они будут иметь вооруженных сил после сокращения на 25%. Оказалось, что у Финляндии будет 28 тыс., у Эстонии — 16 тыс., у Латвии —19 тыс., а у Польши — 280 тыс. Из этих данных следовало, что Польша имеет под ружьем 373 тыс. солдат. Между тем само польское правительство в сообщении Лиге наций от 28 июня 1922 г. определило свою армию в 294 тыс. Ясно было, таким образом, что Польша, как и Эстония, Латвия и Финляндия, называет преувеличенные цифры, для того чтобы избежать фактически какого бы то ни было сокращения вооруженных сил. Польша, например, сократила бы свою армию всего на 14 тыс. человек.

Советская делегация не преминула указать дипломатам польско-балтийского блока на явное несоответствие их данных действительному положению вещей. В ответ на это на заседании 11 декабря польская, финляндская, эстонская и латвийская делегации огласили общую декларацию. В ней предлагалось немедленно подписать договор о ненападении, а все вопросы о разоружении передать на рассмотрение комиссии военных экспертов, которая должна была собраться только после ратификации договора о ненападении. Советская делегация возражала. Она предложила продолжать работу по вопросам фактического разоружения на данной конференции. Но польско-балтийский блок упорствовал.

На следующий день состоялось последнее заседание военно-технической комиссии. В заключительном слове М. М. Литвинов отметил: «Совершенно необоснованное предложение прервать работу этой комиссии на несколько месяцев и обусловить ее возобновление подписанием и ратификацией декларативных заявлений, имеющих смысл и значение только в органической связи с общими результатами работ конференции, является, по мнению Российской делегации, плохо замаскированной попыткой срыва данной конференции с целью создания видимости некоторых достижений, что только могло бы ввести в заблуждение жаждущие мира и облегчения от военных тягот народные массы» [1].

Московская конференция наглядно продемонстрировала перед народами всего мира истинный характер политики западных стран и советской внешней политики, искреннее стремление Советской страны к мирному сосуществованию с капиталистическими государствами.

Несмотря на нежелание западных соседей Советской России пойти на сокращение своих армий, X Всероссийский съезд Советов постановил сократить в 1923 г. численность советских вооруженных сил на 25%, после чего численность Красной Армии составляла всего 600 тыс. человек. Это было уже четвертое сокращение с декабря 1920 г. Съезд принял торжественное обращение ко всем народам: «Трудящиеся мира! Все, кто хочет мирного труда, присоединяйте свои усилия к усилиям Советской России, чтобы обеспечить мир, чтобы предохранить человечество от чудовищных и истребительных войн!» [2]

Заключительный акт Лозаннской конференции

9 апреля возобновились переговоры в Лозанне. В. В. Воровский узнал об этом из газет. Он немедленно обратился в генеральный секретариат конференции в Париже с запросом, почему советская делегация не получила уведомления о начале работ конференции. 12 апреля секретариат сообщил, что вопрос о проливах обсуждаться не будет, так как турецкая делегация не потребовала никаких изменений. Секретариат конференции осведомлялся, остается ли в силе заявление Чичерина об отказе подписать конвенцию. В ответ на это В. В. Во-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 64.
[2] «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.», стр. 647.

ровский обратился с нотой протеста к итальянскому правительству как к правительству одной из приглашающих держав, протестуя против произвольного устранения советской делегации от участия в конференции до подписания соглашения о проливах. Указав, что работы комиссии по проливам не закончены, он подчеркнул, что советская делегация никогда и нигде не отказывалась подписать конвенцию о проливах; в выступлении Г. В. Чичерина было лишь констатировано, что представленный проект, выработанный без участия советской делегации, противоречит интересам России и ее союзников [1].

Не получив ответа и имея указания от Г. В. Чичерина прибыть в Лозанну к началу конференции, В. В. Воровский прибыл туда 27 апреля. Ему пришлось столкнуться с чрезвычайными трудностями. Советский делегат и окружавшие его сотрудники и дипкурьеры были лишены швейцарскими властями элементарных дипломатических прав. «Здесь нас конференция не признает делегацией, — писал В. В. Воровский, — и, если я поеду в Рим, вряд ли получу опять визу в Швейцарию, по крайней мере пока длится конференция. К этому и направлена была вся игра англичан и французов, чтобы удалить нас и изолировать турок от нашего влияния» [2].

Швейцарская миссия в Берлине отказала в визе советскому дипломатическому курьеру, который направлялся из Москвы в Лозанну. На запрос В. В. Воровского в швейцарское министерство иностранных дел был получен совет обратиться к генеральному секретарю конференции Массигли. 27 апреля В. В. Воровский направил письмо в генеральный секретариат с просьбой принять необходимые меры для ликвидации инцидента. Оттуда по телефону сообщили, что Воровскому не ответят до тех пор, пока сама Советская Россия не даст ответа на письмо секретариата от 12 апреля.

28 апреля В. В. Воровский получил от Г. В. Чичерина следующее указание: «Опровергайте неверное заявление секретариата Лозаннской конференции о том, что мы якобы отказались подписать конвенцию о проливах. Вопрос о подписании нам не был поставлен, и мы его не касались. Мы говорили, что не согласны с союзным проектом, но о подписании не было речи» [3]. Выполняя это указание и так и не получив ответа из Парижа, В. В. Воровский 30 апреля опубликовал свою переписку с генеральным секретариатом конференции и в сообщении прессе разъяснил позицию Советского правительства. «Я считаю невозможным думать, — заявил Воровский, — чтобы державы-приглашательницы могли прибегнуть к полицейским мерам для удаления России от участия в последней фазе работ комиссии о проливах, что являлось бы вопиющим нарушением условий, на которых России было адресовано приглашение 14 ноября прошлого года». В заключение В. В. Воровский особо остановился на странной позиции швейцарского правительства, которое, «оказывая гостеприимство международной конференции, в которой оно само не участвует, сочло возможным вмешаться в конфликт между Россией и некоторыми из держав-приглашательниц и нарушить, таким образом, принцип беспристрастного отношения ко всем делегациям, соблюдать который оно было обязано» [4].

Только 2 мая генеральный секретариат Лозаннской конференции сообщил В. В. Воровскому, что не может признать его письмо от 27 апреля ответом на поставленный ему 12 апреля вопрос.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 254—256.
[2] *В. В. Воровский.* Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959, стр. 216.
[3] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 272.
[4] *В. В. Воровский.* Статьи и материалы.., стр. 217.

В тот же день В. В. Воровский встретился с Исмет-пашой по поводу положения, создавшегося на конференции. Во второй фазе Лозаннской конференции, говорил впоследствии Г. В. Чичерин, В. В. Воровский вел сложные переговоры с самым тонким тактом, с величайшей осторожностью и в то же время очень активно. Создавшаяся у него близость с представителями восточных народов и организаций принесла нам величайшую пользу.

В этих условиях даже грубое устранение В. В. Воровского от участия в конференции казалось недостаточным ее устроителям. Атмосфера сгущалась. Какие-то хулиганы требовали встреч с Воровским, угрожая ему расправой. В письме в НКИД 9 мая 1923 г. Воровский писал: «Швейцарское правительство, хорошо об этом осведомленное, ибо все газеты полны этим, должно нести ответственность за нашу неприкосновенность. Поведение швейцарского правительства есть позорное нарушение данных в начале конференции гарантий, и всякое нападение на нас в этой архиблагоустроенной стране возможно только с ведома и попустительства властей» [1].

9 мая Советское правительство, учитывая создавшуюся обстановку, отдало распоряжение В. В. Воровскому покинуть Швейцарию. Но 10 мая белогвардеец Конради, совершенно свободно пройдя в гостиницу «Савой», где проживал Воровский, двумя выстрелами в упор убил его. Официальные лица в Лозанне никак не отозвались на подлое убийство члена советской делегации, замечательного человека и блестящего дипломата, недавно заседавшего за одним столом со всеми участниками конференции.

Переговоры в Лозанне без участия советских представителей подвигались медленно. Англия добивалась все больших уступок от Турции, выдвигая вперед в целях нажима делегатов балканских стран, особенно греков. Дело едва не дошло до нового разрыва. Греки упорно отказывались принять на себя ответственность за ущерб, причиненный Турции во время войны, и выплатить репарации. Керзон намеренно раздувал конфликт.

Доведя положение до кризиса, Англия от имени союзников предложила компромисс: Турция отказывается от требования репараций, но взамен получает Карагач и окрестности.

Принятие этого предложения связывало руки туркам при решении других спорных вопросов, например об эвакуации Константинополя, уплате процентов по долгам, возмещениях иностранным обществам за конфискацию их имущества и т. д. Тем не менее Кемаль-паша предложил турецкой делегации принять компромисс, но заявить, что репарация — только один из спорных вопросов, а решению подлежит весь их комплекс. Турецкая делегация сообщила союзникам, что идет на уступки, будучи уверена, что вопросы, оставшиеся открытыми, будут решены в ее пользу.

24 июля 1923 г. был подписан заключительный акт Лозаннской конференции. По мирному договору Турция сохраняла свои основные территории, но отказывалась от всяких прав и привилегий в Аравии, Египте, Судане, Триполитании, Месопотамии, Палестине и Сирии, от островов Лемноса, Самофракии, Митилены, Хиоса, Самоса, Никарии, а также от островов, расположенных не менее чем в трех милях от азиатского берега Турции.

Турция фактически отказывалась от Мосула, согласившись признать будущее решение Лиги наций по этому вопросу.

Режим капитуляций был ликвидирован. Между каждой из союзных держав и Турцией создавался особый смешанный третейский суд в со-

[1] *В. В. Воровский.* Статьи и материалы.., стр. 218.

ставе трех членов, причем каждая сторона должна была назначить по одному члену суда, а председатель назначался по соглашению сторон.

В вопросе о проливах английская дипломатия добилась значительных уступок со стороны Турции: Лозаннская конвенция предусматривала свободу прохода через проливы в мирное и военное время коммерческих и военных (морских и воздушных) судов и демилитаризацию Босфора и Дарданелл, т. е. уничтожение береговых укреплений. Максимум судов, которые любая страна могла провести через проливы в Черное море, не должен был превышать военно-морских сил, принадлежащих самому большому черноморскому флоту. Вместе с тем державы получали право при всяких обстоятельствах посылать в Черное море не более трех судов, из коих ни одно не должно было превышать 10 тыс. *т*.

В Константинополе учреждалась международная комиссия проливов из представителей Франции, Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, СССР, Югославии и Турции. В случае присоединения США к Лозаннскому акту они получали право иметь в комиссии своего представителя.

Таким образом, Англии удалось создать постоянную серьезную угрозу Советской стране: западные военные корабли могли в любой момент появиться перед черноморскими портами Советского государства.

К другим вопросам, по которым было достигнуто соглашение, относились вопросы распределения оттоманского долга, обмена греческого и турецкого населения, срока эвакуации войск Антанты с турецких территорий и т. д.

Мирный договор был подписан Великобританией, Францией, Италией, Японией, Грецией, Румынией и Югославией, с одной стороны, и Турцией — с другой. В день подписания договора к нему присоединились Бельгия и Португалия. За несколько дней до этого, 17 июля, в Москве была получена телеграмма генерального секретаря конференции Массигли, который уведомлял, что 24 июля будут подписаны мирный договор с Турцией и конвенция о проливах. Телеграмма завершалась вопросом, готова ли Советская Россия подписать конвенцию в Лозанне одновременно со всеми странами или в Константинополе не позже 14 августа. Советское правительство в своем ответе повторило свои возражения против западного проекта конвенции о проливах, протестовало против нарушения прав турецкого народа, но заявляло, что, желая использовать все возможности для содействия миру, готово подписать конвенцию. «Несмотря на свое несогласие с предлагаемым для проливов режимом, — говорилось в телеграмме, — Советские Правительства, ставя выше всего интересы мира и улажение международных конфликтов, считают необходимым путем своего участия сделать возможным всеобщее соглашение для осуществления своих миролюбивых стремлений. Они полагают, что своим участием в проведении в жизнь конвенции о проливах они смогут содействовать защите прав и интересов восточных народов» [1]. Одновременно Советское правительство оговаривало право, в случае если практика применения конвенции обнаружит, что она недостаточно гарантирует интересы торговли и безопасности советских республик, поднять вопрос о прекращении ее действия.

В дальнейшем Советский Союз не счел возможным ратифицировать конвенцию о проливах, принятую в Лозанне. Выступая против всяких попыток диктата со стороны империалистов, СССР продолжал твердо защищать интересы мира на Ближнем Востоке.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 392.

Образование СССР

Дипломатическое единство, особенно ярко проявившееся в период Генуи и Гааги, где наши представители встретились с империалистическим блоком и успешно противостояли ему, показало, какой силой являются совместные действия советских республик.

Трудящиеся братских республик, объединенные борьбой за установление и укрепление диктатуры пролетариата, плечом к плечу сражавшиеся против общего врага — блока международной и российской контрреволюции, стремились к еще более тесному сплочению. Великие задачи построения общества, не знающего никаких форм угнетения, и защиты социалистического Отечества требовали не только военного и не только дипломатического объединения, а объединения всех сил, всех ресурсов — экономических, политических и военных. В гуще народных масс родилась и окрепла идея объединения. Это стремление выразила Коммунистическая партия, принявшая в октябре 1922 г. предложение В. И. Ленина о добровольном равноправном объединении советских республик в новое государственное образование — Союз Советских Социалистических Республик, с оставлением за каждой из них права выхода из состава Союза. В течение декабря 1922 г. прошли съезды Советов национальных республик, а также съезд Советов РСФСР, единодушно высказавшиеся за создание СССР. В декабре 1922 г. состоялся I Всесоюзный съезд Советов, утвердивший образование СССР. В его состав вошли РСФСР, Белоруссия, Украина, Закавказская Федерация.

Такое объединение укрепляло и усиливало Советское социалистическое государство. Образование СССР являлось торжеством ленинской национальной политики. Впервые в истории человечества было создано многонациональное государство, основанное не на преобладании или господстве одного народа над другим, не на силе, а на добровольном, братском объединении равноправных наций, сплоченных единством целей.

„Ультиматум Керзона" (8 мая 1923 г.)

Укрепление Советского государства и рост его политического влияния вызывали тревогу у империалистов. Они снова готовились перейти в наступление против СССР.

Всюду, где только можно было, все спорные вопросы, имевшие отношение к Советской стране, решались союзными державами помимо и против нее. В Мемельском порту союзные державы установили международное управление с участием Польши, но без Советского Союза. Вопрос о Восточной Галиции был разрешен в пользу Польши, захватившей Галицию вопреки воле большинства украинского населения. Инспирированная Западом Финляндия обратилась в Лигу наций с просьбой урегулировать «вопрос» о Карелии, хотя по Юрьевскому договору от 14 октября 1920 г. эта область была признана нераздельной частью Советской республики.

Наркоминдел энергично протестовал против каждого из этих враждебных актов. В ноте от 13 марта 1923 г. Наркоминдел отмечал, что, оставляя советские протесты без ответа, Англия, Франция и Италия «тем самым показали, что они все еще не отказались от политики систематической вражды по отношению к России и ее союзникам» [1].

Более того, правительство Англии перешло к прямому вмешательству во внутренние дела Советского Союза.

8 мая английский министр иностранных дел прислал Советскому Союзу ультиматум. Керзон требовал уплатить компенсацию за расстрел в 1920 г. английского шпиона Дэвисона (участника антисоветской диверсионной организации Поля Дукса) и за арест других шпионов. Керзон открыто брал под свою защиту контрреволюционных церковников, покаранных советским судом.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 223.

Английский министр предъявил Советскому правительству клеветническое обвинение в антибританской пропаганде в Индии, Иране, Афганистане. Он выдвигал неслыханное требование — немедленно отозвать советских полномочных представителей из Афганистана и Ирана.

Полностью утратив чувство реальности, Керзон требовал принять все его условия в течение десяти дней и принести извинения английскому правительству. В случае отказа Советского правительства подчиниться этим требованиям нота угрожала разрывом всяких отношений.

Керзон хотел добиться от СССР отказа от проведения независимой внешней политики на Востоке, основанной на признании суверенности и равенства всех больших и малых стран, на сочувствии и поддержке освободительной борьбы угнетенных народов. Английский министр пытался тем самым подорвать авторитет Советской страны в глазах пробуждающихся народов Востока.

«Ультиматум Керзона», опубликованный в международной прессе, усилил антисоветскую кампанию в капиталистическом мире. Сразу же после обнародования ультиматума ряд американских буржуазных газет выступил с провокационными антисоветскими статьями, призывая не вступать ни в какие соглашения с СССР. «Нью-Йорк геральд» выразила даже надежду на развязывание войны против Советской страны. В Лозанне против советской делегации поднялась бешеная кампания. Результатом ее явилось и злодейское убийство советского представителя В. В. Воровского.

Почти одновременно с этим была совершена еще одна антисоветская провокация. В Белое море была направлена британская канонерка, командование которой получило инструкцию «предупредить вмешательство по отношению к английским кораблям вне трехмильной зоны, применяя силу, если это будет необходимо» [1].

В Советской России «ультиматум Керзона» вызвал всеобщее возмущение. По всей стране шли бурные демонстрации, проходившие под лозунгами «Руки прочь от СССР!», «Нас не запугать!». В обстановке возросшей угрозы войны трудящиеся начали собирать деньги на создание большого воздушного флота. Первая эскадрилья, созданная на эти средства, вошла в состав советских военно-воздушных сил под названием «Ультиматум».

Советское правительство решительно отвергло клеветнические обвинения Керзона. В ответной ноте от 11 мая 1923 г. оно заявило, что «путь ультиматумов и угроз не есть путь улажения частных и второстепенных недоразумений между государствами, во всяком случае установление правильных отношений с Советскими Республиками на этом пути недостижимо» [2].

Само собой разумеется, Советское правительство отказалось удовлетворить требование Керзона об отзыве советских представителей из Кабула и Тегерана. Вместе с тем в ноте приводился ряд неопровержимых данных в доказательство антисоветской деятельности английских агентов.

С уничтожающей иронией советская нота комментировала заявление Керзона о посылке золота из России на Восток в целях антибританской пропаганды.

«Мнительность Великобританского Правительства, — гласила нота, — должна быть чрезмерной, чтобы считать, что у Советского Представителя на Востоке не может быть иного употребления деньгам, как для целей антибританской интриги. Великобританскому Правительству

---

[1] См. *Н. Л. Рубинштейн.* Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 годах, стр. 432.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 288.

больше, чем кому-либо другому, известно, если оно правильно информировано, что Советское Правительство добивается и достигает добрых отношений с народами Востока не интригами и золотом, а мерами действительного бескорыстия и доброжелательства к ним» [1].

Советское правительство напоминало Англии, что не позволит разговаривать с собой, как с какой-либо страной, закабаленной Версальским договором.

Вместе с тем, чтобы не давать английским реакционерам повода продолжать свои провокации, Советское правительство предложило созвать конференцию, где авторитетные и полномочные представители обеих сторон могли бы не только разрешить спорные второстепенные вопросы, но и урегулировать англо-советские отношения во всем их объеме.

Наглый «ультиматум Керзона» вызвал возмущение не только в Советском Союзе. Трудящиеся Англии понимали, что от разрыва отношений недалеко и до новой интервенции. По всей Англии нарастал протест против авантюристической политики «твердолобых».

Рабочие Бирмингема, докеры Лондона и других портов Англии пригрозили правительству всеобщей стачкой, если оно рискнет начать войну против СССР. Коммунистическая партия Англии призвала трудящихся к созданию советов действия, и этот призыв получил поддержку многих местных отделений тред-юнионов и других рабочих организаций. Волна гневных протестов против опасных провокаций английских правящих кругов прокатилась и по другим странам. Массы выступали сплоченно и решительно. Все это ослабляло позиции авторов новой антисоветской авантюры и усиливало позиции Советской страны.

В развитии событий, видимо, сыграло роль и еще одно обстоятельство. Через день после вручения «ультиматума Керзона», 10 мая 1923 г., в СССР была получена телеграмма от Пуанкаре, тогдашнего премьер-министра и министра иностранных дел Франции: во Францию приглашалась миссия Советского Красного Креста для решения вопросов, связанных с репатриацией бывших русских солдат. Наркоминдел быстро оценил значение этого послания. В письме секретарю ЦК РКП(б), датированном 10 мая, Г. В. Чичерин писал: «Это (т. е. приглашение нашей комиссии. — *Авт.*) доказывает и то, что выступление Керзона не является частью общего антантовского плана против нас, и кроме того и то, что Франция не прочь воспользоваться нашей размолвкой с Англией, чтобы постараться с наибольшей выгодой для себя сделать с нами какие-нибудь дела». Г. В. Чичерин считал, что «надо максимально ускорить поездку этой комиссии...» [2]. Видя известные разногласия в империалистическом лагере, Советское правительство стремилось всемерно их использовать.

В конце концов Керзон вынужден был отступить. Оказавшись перед твердой позицией Советского правительства, не чувствуя за собой прочного тыла и серьезной поддержки основного союзника по Антанте, Керзон начал искать выход из создавшегося положения. В Лондон был командирован для ликвидации дел и вывоза советского имущества народный комиссар внешней торговли Л. Б. Красин в ранге официального представителя РСФСР в Великобритании. Однако его миссия получила иное истолкование в Англии. В отчете НКИД II съезду Советов СССР говорилось, что приезд Красина в Лондон «был истолкован не только английской публикой, но и самим правительством, как желание с нашей стороны договориться о каком-нибудь компромиссе. Хотя это толкование и не было правильным, но оно сослужило нам службу тем, что мобилизовало общественное мнение не только в рабочей, но даже и

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 291—292.
[2] Там же, стр. 287.

в либерально-буржуазной и торговой среде против непримиримой позиции, занятой лордом Керзоном, и заставило последнего сойти с платформы ультиматума. Он пригласил на разговор т. Красина и, вновь изложив свои претензии, согласился на удлинение срока удовлетворения по ним, тем дав, по существу, понять, что не будет настаивать на буквальном исполнении их» [1]. Это уже было прямое отступление.

Чтобы окончательно выбить почву из-под ног провокаторов войны, Советское правительство решило вновь проявить свое миролюбие. В ноте от 23 мая оно выразило согласие пойти навстречу некоторым желаниям британского правительства. Во-первых, оно предложило заключить с Англией конвенцию, предоставляющую английским гражданам право рыбной ловли в советских водах вне трехмильной морской зоны впредь до урегулирования всего вопроса; во-вторых, уплатить за конфискованные английские рыболовные суда; в-третьих, уплатить компенсацию за арест и расстрел английских шпионов, с той, однако, оговоркой, что согласие на это отнюдь не означает ошибочности примененных репрессивных мер.

После дополнительного обмена нотами, в которых были установлены взаимные обязательства невмешательства во внутренние дела и воздерживания от враждебных актов, оба правительства признали переписку законченной.

Ни одной из намеченных целей Керзону добиться не удалось — ни отказа Советского Союза от самостоятельной внешней политики в Азии, ни ослабления авторитета Советской власти среди народов Востока. Напротив, международные позиции СССР еще более укрепились.

Во время переговоров с Англией Дания заключила с Советской Россией торговый договор. Возобновила торговые переговоры с Советским правительством и Швеция. Из США отправились в Советскую Россию некоторые видные государственные и финансовые деятели. Наконец, и Франция, как уже упоминалось, вступила в контакт с Советским правительством по вопросу о репатриации русских солдат.

В капиталистическом мире явно обозначились новые тенденции по отношению к Советскому государству. «Ультиматум Керзона» был безуспешной попыткой воздвигнуть преграду на этом пути.

В кратком обзоре внешней политики за 1923 г., направленном наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным Совнаркому СССР, говорилось: «Майский ультиматум Керзона был крупнейшей попыткой наших противников за истекший период расшатать наше международное положение, но он, наоборот, показал уже достигнутую нами прочность положения» [2].

---

[1] «Годовой отчет за 1923 г. Народного комиссариата по иностранным делам II-му съезду Советов СССР», стр. 37.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 592.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

УСИЛЕНИЕ ЭКСПАНСИИ США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война и Латинская Америка

Разбирая положение в Латинской Америке перед первой мировой войной, В. И. Ленин писал: «Борьба за южную Америку все обостряется» [1].

Война привела к переделу сфер влияния в Западном полушарии. Германия потеряла здесь свои позиции. Позиции Великобритании и Франции оказались подорванными. Это во многом содействовало усилению влияния США в Латинской Америке. Торговля США с латиноамериканскими странами быстро росла. В 1913 г. торговый оборот между США и Латинской Америкой составил 743 млн. долл., а в 1919 г. он превысил 3 млрд. долл. За годы войны импорт североамериканских товаров в крупнейшую страну континента Бразилию увеличился почти в 4 раза, а экспорт из Бразилии в США — в 2 раза.

Первая мировая война внесла ряд важных изменений в экономическую и политическую жизнь стран Латинской Америки. За время войны заметно росла промышленность. Этому способствовал целый ряд обстоятельств, вызванных войной.

Промышленное развитие военных лет не привело к изменению экономической структуры латиноамериканских стран. Они продолжали оставаться аграрно-сырьевым придатком империалистических держав. Выросла главным образом легкая промышленность, которой, как известно, далеко не достаточно для достижения экономической независимости. Кроме того, вскоре после окончания войны перестали действовать те временные факторы, которые вызывали развитие промышленности Латинской Америки, и национальные предприятия под напором конкуренции крупных иностранных монополий вынуждены были свертывать свою деятельность.

Тем не менее экономический подъем военного времени имел серьезное значение для дальнейшего развития Латинской Аме-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 27, стр. 393.

рики. Он привел к росту рабочего класса, национальной буржуазии и сопровождался усилением демократических тенденций.

Другим следствием первой мировой войны, имевшим большое значение, явилось значительное ослабление Англии, которая уступила первенство в капиталистическом мире Соединенным Штатам Америки. После войны США стали превращаться в центр капиталистической эксплуатации мира.

Соединенные Штаты не были заинтересованы в активном участии Латинской Америки в войне. Поэтому лишь восемь латиноамериканских государств — Бразилия, Коста-Рика [1], Куба, Гватемала, Гаити, Гондурас, Никарагуа и Панама объявили Германии войну. Участие в войне этих государств носило, однако, чисто символический характер. Перу, Уругвай, Боливия, Доминиканская Республика и Эквадор разорвали дипломатические отношения с Германией, а семь стран — Аргентина, Парагвай, Колумбия, Мексика, Чили, Сальвадор и Венесуэла соблюдали нейтралитет.

Латиноамериканские страны участвовали в Версальской мирной конференции, и это в какой-то мере содействовало повышению их роли в международных отношениях. Но, поскольку в текст Версальского мирного договора и в Устав Лиги наций были включены принципы экспансионистской доктрины Монро [2], Мексика отказалась признать Версальский договор и вступить в Лигу наций. 23 апреля 1919 г. министерство иностранных дел Мексики опубликовало специальное заявление о непризнании доктрины Монро, «так как она затрагивает суверенитет и независимость Мексики и поставит народы Америки под принудительную опеку». К 1924 г. все страны Латинской Америки, за исключением Эквадора и Мексики, вступили в Лигу наций, надеясь, что через эту международную организацию они смогут умерить притязания своего северного соседа. Однако вскоре они убедились в беспомощности Лиги наций и либо вышли из нее, либо фактически перестали участвовать в ее деятельности. Наибольшее участие

---

[1] Коста-Рика оказалась в любопытном положении: в стране произошел государственный переворот, а союзные державы не признали новое правительство. Единственным государством, признавшим новое костариканское правительство, была Германия.

[2] Доктрина Монро, провозглашенная в 1823 г., объявляла, что американские континенты не должны «рассматриваться в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой». Со временем от антиколониалистской направленности доктрины Монро не осталось и следа. Принцип «Америка для американцев» стал в понимании империалистов США принципом «Америка для североамериканцев». Доктрина Монро превратилась в орудие экспансии и гегемонии Соединенных Штатов в отношении латиноамериканских стран.

в работе Лиги наций принимала Бразилия, занимавшая в течение нескольких лет (1920—1926 гг.) место непостоянного члена в Совете Лиги.

Октябрьская революция и Латинская Америка

Великая Октябрьская социалистическая революция сыграла огромную роль в пробуждении народов Латинской Америки. Народные массы горячо приветствовали пролетарскую революцию в России. В крупнейших городах проходили демонстрации солидарности, на собраниях и митингах принимались приветствия народам России. Декреты Советского правительства о мире, о передаче земли крестьянам, о национализации фабрик и заводов получили большую популярность среди трудящихся Латинской Америки.

В 1918—1923 гг. во многих странах континента усилилось национально-освободительное движение. По всей Латинской Америке прокатилась волна стачек и крестьянских волнений.

В ноябре 1918 г. забастовали металлисты крупного завода в Буэнос-Айресе (Аргентина). После двухмесячной забастовки хозяева решили с помощью полиции расправиться с забастовщиками. В знак протеста 9 января 1919 г. в городе стихийно началась всеобщая забастовка, охватившая затем ряд других районов страны. Это было боевое крещение аргентинского пролетариата. Крупнейший аргентинский профсоюз ФОРА в декабре 1918 г. принял на своем конгрессе декларацию солидарности с Октябрьской революцией.

Октябрьская революция оказала огромное влияние на Мексику, где в 1910—1917 гг. проходила буржуазно-демократическая революция. В начале 1921 г. в штате Юкатан состоялось вооруженное выступление рабочих под лозунгом: «Да здравствует мексиканская Советская республика». Летом 1921 г. рабочие штата Мичоакан создали Советы.

На Кубе проходили стачки промышленных и сельскохозяйственных рабочих. В июле 1918 г. объявили забастовку моряки и портовые рабочие Уругвая. Забастовка, парализовавшая морской транспорт страны, закончилась победой рабочих. В Чили в 1919 г. высоко поднялась волна стачек, демонстраций и крестьянских волнений. Выступления масс Латинской Америки принимали все более боевой характер.

В 1924 г. на юге Бразилии под руководством Луиса Карлоса Престеса восстал гарнизон города Санто Анджело. В 1924—1927 гг. повстанческие части совершили поход с юга на север страны, ведя бои с превосходящими силами правительственных войск. Легендарный поход «колонны Престеса» явился ярким свидетельством революционных веяний в Латинской Америке.

Как указывает уругвайский историк Франсиско Пинтос, «русская революция оказывала растущее влияние на массы, вдохновляя их своим примером на усиление их боеспособности, вселяя в них все бóльшую уверенность в своих собственных силах».

Для народов Латинской Америки Октябрьская революция была мощным толчком к дальнейшему развертыванию их национально-освободительной борьбы против засилья иностранных империалистов и к подъему на новую, высшую ступень борьбы против реакционной буржуазно-помещичьей олигархии. В этот период возникают коммунистические партии в Аргентине (1918 г.), Мексике (1919 г.), Уругвае (1920 г.), Чили и Бразилии (1922 г.), на Кубе (1925 г.). В последующие годы компартии возникли почти во всех латиноамериканских странах.

С момента победы Великого Октября пролетариат и народы стран Латинской Америки требовали от своих правительств немедленного признания Советской России и установления с ней дипломатических отношений. Особенно массовый характер имели эти требования в Мексике. Народы Латинской Америки горячо поддерживали миролюбивую ленинскую внешнюю политику Советской России. В Бразилии, Аргентине и других странах росло движение по оказанию помощи Советской России.

Расширение позиций США в Латинской Америке

Война 1914—1918 гг. привела к значительному расширению позиций США в Латинской Америке. Речь шла не только об экономической, но и политической экспансии. Многие официальные представители Вашингтона выступали с призывами создать военный союз стран Западного полушария под эгидой США. Наиболее ярко эти идеи выразились в 1914—1915 гг. в планах президента Вильсона и его ближайшего сотрудника полковника Хауза. Вашингтонская дипломатия развила оживленную деятельность, направленную к заключению так называемого «панамериканского пакта». Это был империалистический план организации военной группировки американских государств, которую США рассматривали как первый шаг к установлению своего господства во всем мире.

Однако попытки создать межамериканский военный союз в 1914—1915 гг. потерпели крах в силу ряда обстоятельств. Дело в том, что экономическое влияние США, хотя и обнаруживало тенденцию к быстрому росту, было тогда еще сравнительно невелико. Капиталовложения Англии в Латинской Америке в 1913 г. равнялись 3667 млн. долл., в то время как капиталы США составляли немногим более 1 млрд. долл. Доля Англии во внешнеторговом обороте южноамериканских стран составляла 25,9% против 16,7% США. Организации военного блока мешало и то, что США не удалось в той мере, в какой

они рассчитывали, использовать для давления на другие американские страны угрозу агрессии со стороны Германии, поскольку американские страны считали, что такая угроза не очень реальна, так как Германия была слишком занята в Европе, ведя войну на два фронта. Но американская военщина не отказалась от своих планов межамериканского военного союза, она лишь отодвинула его реализацию и активизировала вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран.

В этот период, как и ранее, США неоднократно высаживали свои войска в странах Латинской Америки и оккупировали их. В 1914 и 1916—1919 гг. войска Соединенных Штатов вторгались на территорию Мексики, причем в 1918 г. — три раза, а в 1919 г. — шесть раз. Не раз подвергались интервенции со стороны США Доминиканская Республика, Гватемала, Никарагуа, Панама, Гаити.

Американская дипломатия издавна была пособником организации военных интервенций против южных соседей США. Во время первой мировой войны, как отмечает чилийский историк Луис Альберто Санчес, «позиция американских дипломатов в Латинской Америке была откровенно интервенционистской. Были случаи, когда судьба отдельных стран решалась в посольствах Соединенных Штатов» [1].

Методы дипломатии США были разнообразны, иногда открытая интервенция чередовалась с тайной организацией государственных переворотов. Но при всех вариантах дело заканчивалось приходом к власти ставленников Вашингтона и укреплением позиций североамериканского капитала в данной стране. Американская дипломатия настойчиво стремилась гальванизировать доктрину Монро, приспособить ее к новым условиям. Еще в 1904 г. президент Теодор Рузвельт заявил в послании конгрессу, что эта доктрина «вынуждает» американское правительство «осуществлять международную полицейскую власть».

Монополии США издавна подкрепляли вооруженными силами экспансию доллара в Латинской Америке.

Большую роль в планах США играл Панамский канал. Осенью 1914 г. он был в основном закончен, однако первая мировая война отодвинула его официальное открытие для прохождения судов до 1920 г. С завершением строительства канала господство США в Панаме и других странах Центральной Америки еще более усилилось.

Острый характер приняли в эти годы отношения США с Мексикой. Благодаря победе буржуазно-демократической рево-

[1] *Luis Alberto Sanchez.* Historia general de America, II. Santiago de Chile, 1944, p. 370.

люции в Мексике в 1917 г. была принята новая конституция. Ст. 27 этой конституции устанавливала неограниченные права нации на все недра и содержащиеся в них богатства. Права иностранных монополий были ограничены. Уже 10 августа 1917 г. госдепартамент США потребовал пересмотра ст. 27 конституции. А 19 октября 1922 г. поверенный в делах США в Мексике Саммерлин потребовал от мексиканского правительства принять проект нефтяного закона, разработанного госдепартаментом. Это наглое вмешательство во внутренние дела Мексики вызвало бурю возмущения в стране. Тем не менее США и в дальнейшем добивались отмены ст. 27 и в течение трех лет не признавали правительство президента Обрегона.

Американские империалисты в борьбе со своими конкурентами, и прежде всего с Англией, захватывали все новые и новые позиции в экономике латиноамериканских стран. Капиталовложения США выросли с 1649 млн. долл. в 1914 г. до 2406 млн. долл. в 1919 г., 3673 млн. долл. в 1924 г. и 5429 млн. долл. в 1929 г., почти догнав английские инвестиции, которые составляли 5889 млн. долл. Экспорт США в латиноамериканские страны с 1914 по 1926 г. вырос с 302 млн. долл. до 872 млн. долл.

Характерным примером нового соотношения сил между США и Англией могла служить Аргентина. В 1913—1930 гг. североамериканские капиталовложения в этой стране росли почти в 16 раз быстрее английских! Однако Англия ценой больших усилий продолжала удерживать здесь важные позиции вплоть до второй мировой войны.

Английские фирмы все еще преобладали в железных дорогах, государственных займах, коммунальном хозяйстве, крупном землевладении страны. Североамериканский капитал устремился главным образом в промышленность (мясную и нефтяную), автотранспорт и дорожное хозяйство, телефонную и телеграфную сеть, воздушный транспорт.

США еще не могли занять здесь первое место, а английский империализм уже не мог преградить дорогу мощному проникновению североамериканского капитала. На основе этого «равновесия сил», полного ожесточенной борьбы, атак и отступлений, и возник этот своеобразный англо-американский экономический кондоминиум. То, что Аргентина подпала под контроль двух империалистических хищников, не сулило ей ничего хорошего. Это означало, главным образом, усиление ограбления трудящихся масс страны. Положение в Аргентине было характерным и для ряда других стран континента.

Англо-американское соперничество проявлялось во всех областях жизни латиноамериканских стран. Шла ожесточенная борьба за рычаги политического и экономического господ-

ства, за влияние на военщину и правящие клики, которые постепенно превращались в агентуру американского империализма, за новые концессии, за льготы и преимущества в области внешней торговли.

Усиление проникновения США в Латинскую Америку вызывало рост недовольства со стороны развивающейся буржуазии латиноамериканских государств. Подъем антиимпериалистического движения привел к бойкоту американских товаров. В политическом отношении это недовольство выражалось в сильной оппозиции со стороны крупных латиноамериканских стран всяким попыткам дипломатии США расширить функции Панамериканского союза (образованного в 1910 г.) или создать новые органы межамериканского сотрудничества, в которых преобладающую роль играл бы Вашингтон. На панамериканских конференциях усилилась критика доктрины Монро и панамериканизма [1], разоблачавшая их экспансионистский характер.

Панамериканские конференции в Сантьяго и Гаване

Рост национальных сил в Латинской Америке и резкое недовольство империалистической политикой США нашли отражение на V панамериканской конференции, состоявшейся в 1923 г. в столице Чили Сантьяго [2]. На конференции присутствовали делегации 18 стран. Не прибыли представители Боливии, Мексики и Перу.

Впервые за всю историю панамериканских конференций делегаты латиноамериканских стран в Сантьяго, вопреки США, выдвинули серьезные политические вопросы. Это прежде всего вопрос о разоружении, о преобразовании Панамериканского союза, о создании Американской лиги наций.

По предложению министра иностранных дел Парагвая Мануэля Гондра был подписан «договор о предотвращении конфликтов между американскими государствами» («договор Гондра»). По этому договору американские республики обязались передавать споры и конфликты, которые нельзя уладить дипломатическим или арбитражным путем, на разрешение специальной международной комиссии в составе пяти граждан американских стран. Договор предусматривал способ назначения членов комиссии и характер ее деятельности. Американская дипломатия использовала «договор Гондра» как орудие борьбы против своих империалистических соперников, имев-

[1] Панамериканизм — империалистическая доктрина США, проповедующая «общность» экономических и политических интересов Соединенных Штатов и эксплуатируемых ими стран Латинской Америки.

[2] В соответствии с постановлением IV панамериканской конференции, состоявшейся в Буэнос-Айресе в 1910 г., очередные панамериканские конференции должны были собираться через каждые пять лет. Однако первая мировая война помешала этому, и очередная, V панамериканская конференция состоялась лишь 13 лет спустя.

ших колониальные владения в Западном полушарии. Во время конференции договор подписали США и 15 латиноамериканских стран. Мексика, Перу, Боливия, Сальвадор и Коста-Рика присоединились позже. Аргентина подписала, но затем отказалась ратифицировать этот договор.

Много внимания конференция уделила обсуждению предложения Уругвая преобразовать Панамериканский союз в Лигу американских государств на основе принципов равенства стран, гарантии их территориальной целостности и национальной независимости. Такой проект не устраивал североамериканских экспансионистов, и делегация США добилась того, что уругвайское предложение было передано в руководящий совет Панамериканского союза «для изучения» и там похоронено.

Годы, прошедшие между V и VI панамериканскими конференциями, характеризовались резким ухудшением отношений между США и странами Латинской Америки. В ряде стран по-прежнему находилась морская пехота США. В 1926—1927 гг. между США и Мексикой вновь возник острый конфликт в связи с принятием мексиканским правительством законодательства, ограничившего деятельность иностранных нефтяных монополий в этой стране. 30 октября 1926 г. государственный секретарь США Келлог направил правительству Мексики ноту, в которой предупреждал о «серьезных последствиях» в случае введения в действие нефтяного закона. Этот конфликт еще более обострился в результате разногласий между правительствами США и Мексики по вопросу о признании правительства Диаса в Никарагуа, пришедшего к власти в результате открытой поддержки США. Дело в том, что 2 мая 1926 г. в Никарагуа вспыхнул мятеж против генерала Эмилиано Чаморро и его приспешников, поставленных у власти монополиями США. Во главе восстания встал бывший конституционный вице-президент Никарагуа Сакаса. Чаморро не сумел подавить восстание и сохранить контроль США над Никарагуа. Американская дипломатия решила его заменить более сильной фигурой. На борту североамериканского крейсера «Денвер» состоялось совещание, в котором приняли участие поверенный в делах США в Никарагуа Лауренс Деннис, командующий морскими операциями в Карибском бассейне адмирал Латимер, наблюдатели Сакаса, представители Чаморро и Адольфо Диас. После совещания Чаморро подал в отставку, и новым президентом Никарагуа был «избран» американский ставленник А. Диас, который через несколько дней был признан США. За 48 часов до этого признания Диас просил госдепартамент США «соблаговолить» отправить морскую пехоту в Никарагуа.

Действия Диаса вызвали гнев и возмущение никарагуанских патриотов. В разных концах страны вновь вспыхнули

бои. 2 декабря повстанцы провозгласили президентом страны Сакаса, США высадили войска в Никарагуа для поддержки своей марионетки. 8 декабря правительство Мексики признало правительство Сакаса. Это стимулировало повстанцев к усилению борьбы. США открыто вмешались в гражданскую войну в Никарагуа, блокируя войска Сакаса в столице повстанцев г. Пуэрто-Кабесас.

И здесь случилось неожиданное. Вооруженные до зубов войска янки завязли в джунглях Никарагуа, разрозненные отряды повстанцев слились в единую армию, которая успешно противостояла превосходящим силам интервентов. Во главе восстания стал национальный герой Аугусто Сесар Сандино. Партизанская война в Никарагуа приняла характер массового антиимпериалистического движения.

Борьба, развернувшаяся в Никарагуа, получила международный отклик. Имя Сандино не сходило со страниц европейских и американских газет. Так, Ромен Роллан в беседе с представителями латиноамериканской печати заявил: «Я присоединяюсь к вашему протесту против того, что происходит в Никарагуа. Нападение на эту страну является частью наступления североамериканского империализма в целях овладения всем американским континентом. Я считаю, что политическое покушение против Никарагуа должно быть самым срочным образом разоблачено...»

Оказавшись перед лицом широкой международной кампании в поддержку Никарагуа, вашингтонские правящие круги вынуждены были пойти на попятную. Они отозвали часть своих войск, а последние отряды морской пехоты США покинули Никарагуа в январе 1933 г.

Когда 16 января 1928 г. в Гаване открылась VI панамериканская конференция, возмущение в странах Латинской Америки агрессивной политикой США было всеобщим.

Вооруженные интервенции США в странах Карибского бассейна подверглись на конференции резкой критике. Делегат Сальвадора Герреро предложил принять резолюцию о том, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние дела другого». Эта резолюция была поддержана Мексикой, Аргентиной, Чили и рядом других стран.

На предложение Сальвадора обрушился глава американской делегации Юз. Американской дипломатии удалось перенести обсуждение резолюции на следующую панамериканскую конференцию и таким образом, по существу, сорвать рассмотрение этого вопроса.

Большое место в работе конференции занял вопрос о статуте Панамериканского союза. США всеми силами стремились сохранить прежний устав союза. Однако латиноамериканские

страны во главе с Мексикой решительно потребовали пересмотра и демократизации устава, с тем чтобы избавиться от бесконтрольного господства США в этой организации. Латиноамериканские делегации помешали США полностью превратить Панамериканский союз в орудие своей политики. В специальной резолюции указывалось, что Панамериканский союз и его руководящий совет не должны выполнять функции политического характера. Все же конференция приняла конвенцию о статуте Панамериканского союза, по которому США удалось сохранить свою гегемонию в этой организации.

Стремясь использовать Панамериканский союз в качестве противовеса Лиге наций, США протащили решение об обязательном третейском разбирательстве всех споров. Этой резолюцией США получали возможность «законно» обосновывать вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран. Европейские державы лишались возможности применять к латиноамериканским странам примирительную процедуру, зафиксированную в Уставе Лиги наций.

На конференции была принята кодификация основных норм международного частного права, получившая название «Кодекса Бустаменте» [1].

Конференция свидетельствовала о дальнейшем ухудшении отношений между США и странами Латинской Америки. Многие правительства латиноамериканских стран подчеркивали непризнание экспансионистской доктрины Монро, на которой США основывали свою внешнюю политику. По словам бывшего президента Гондураса Бонильи, простое упоминание об этой доктрине «считается в странах Латинской Америки оскорблением их достоинства и их суверенитета и в то же время угрозой их независимости».

Прикрываясь доктриной Монро, США решительно ограничивали возможности влияния своих европейских соперников в латиноамериканских странах.

Установление торговых и дипломатических отношений между СССР и странами Латинской Америки

В начале 20-х годов начинают устанавливаться торговые связи между Советским Союзом и некоторыми странами Латинской Америки. Это были на первых порах в основном закупки продовольствия, проводимые Советской Россией.

В официальных и деловых кругах государств южноамериканского континента увеличивался интерес к Советской стране, ее экономическим и торговым возможностям. В мае 1921 г.

---

[1] По имени видного кубинского юриста. Состоит из 437 статей и является наиболее детализированной кодификацией международного частного права. Действует в большинстве стран Латинской Америки.

председателя делегации Российского общества Красного Креста в Праге посетил бразильский консул, который заявил, что вся «Южная Америка имеет самые превратные представления о Советской России, так как информируется лишь французской буржуазной печатью»[1]. Бразильский консул просил разрешения приехать в Россию с целью получения правильной информации, а также установления непосредственных торговых отношений. Со своей стороны консул предлагал выдать визы советским представителям для поездки в Бразилию.

Заместитель наркома иностранных дел РСФСР М. М. Литвинов указал, что Советская страна готова дать бразильскому консулу визу на въезд в Россию, как только будет получена возможность послать советского консула в Бразилию для получения правильной информации[2].

В первые годы советские торговые операции в Латинской Америке осуществлялись через «Амторг», а затем через созданное в 1925 г. акционерное общество «Южамторг», главная контора которого находилась в Буэнос-Айресе. В Латинскую Америку были посланы советские торговые миссии. Вскоре туда отправились корабли, груженные различными товарами из Советской страны.

Импорт из Латинской Америки в Советский Союз составил в 1925—1926 гг. — 6,9 млн. долл., а в 1927—1928 гг. — 18,3 млн. долл. В те же годы экспорт СССР в Латинскую Америку составил 25 тыс. долл. и 1 млн. долл.

Наиболее постоянные торговые связи Советский Союз имел с Аргентиной, Уругваем и Мексикой. В 1926 г. велись переговоры с Бразилией по поводу закупки кофе и кож, а представители чилийской компании по добыче селитры пригласили советского представителя в Чили для изучения возможности торговли между двумя странами.

Торговые связи латиноамериканских стран с Советским Союзом по своему объему далеко не соответствовали потребностям и возможностям обеих сторон. Это объяснялось прежде всего экономической и политической зависимостью стран Латинской Америки от североамериканских и английских империалистов, которые, захватив в свои руки контроль над их внешней торговлей, всеми силами пытались воспрепятствовать развитию деловых связей с СССР, нормализации отношений с ним.

Тем не менее в начале 20-х годов имели место первые контакты по установлению дипломатических отношений между

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. IV, стр. 98.
[2] См. там же, т. IV, стр. 180.

Советской Россией и странами южноамериканского континента.

Посланник Уругвая в Германии Сусвиела Гуарч неоднократно заверял советских представителей в Берлине, что он добивается у своего правительства установления дипломатических отношений с Советской страной [1].

5 октября 1922 г. посланник Панамы в Германии посетил полпреда РСФСР в этой стране и во время беседы поднял вопрос о взаимном обмене дипломатическими представительствами.

Первой латиноамериканской страной, установившей дипломатические отношения с Советской республикой, была Мексика. Следя за борьбой Советской России во имя мира, в защиту угнетенных народов, народные массы Мексики, сами в течение ста лет боровшиеся за независимость, проникались любовью и симпатией к стране социализма.

Под давлением общественности президент Обрегон 15 августа 1922 г. запретил бывшему царскому представителю в Мексике барону Вендхаузену-Розенбергу выполнять консульские функции.

В 1923 г. движение народных масс Мексики за установление дипломатических отношений с Советским Союзом приняло небывалый размах. Правительство Обрегона вступило в переговоры с Советским Союзом.

10 сентября 1923 г. неофициальный представитель НКИД СССР в США Сквирский встретился с поверенным в делах Мексики в США Тельесом. Последний сказал, что было бы желательно поставить вопрос о нормализации советско-мексиканских отношений. Тельес просил выяснить, где бы Советский Союз хотел продолжить переговоры по этому вопросу, в Вашингтоне или в другом месте.

Ответ народного комиссара иностранных дел СССР Г. В. Чичерина был быстрым, выразительным: «К нам многократно обращались посредники от Мексики, например Санчес. Мы всегда заявляли, что готовы на взаимное признание. Потом эти посредники исчезали, последствий не было. Мы и теперь готовы, но пусть это будет серьезно. Лучший путь — Берлин» [2].

16 октября 1923 г. в беседе с полпредом СССР в Германии мексиканский посланник сообщил о желании президента Мексики возобновить с Россией сношения в форме посылки русским и мексиканским правительствами торговых миссий.

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. VII. М., Госполитиздат, 1963, стр. 524.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 443.

Посланник заявил во время беседы: «Генерал Обрегон стремится к сближению с Россией. Мексика заинтересована в этом и экономически, т. к. Россия последнее время закупает некоторые товары, производящиеся в Мексике, например хлопок. Закупает и мексиканский хлопок. Но покупает его не непосредственно в Мексике, а через посредников. Лучше было бы, выгоднее для обеих сторон, установить непосредственные связи» [1].

М. М. Литвинов в письме полпреду СССР в Германии от 25 октября 1923 г. отметил, что Советский Союз может согласиться на возобновление сношений только при условии полного взаимного признания de jure. «...Мы не требуем от Мексики, — писал он, — каких-либо торжественных актов о признании нас де-юре и готовы ограничиться обменом нотами об отсутствии препятствий к немедленному возобновлению дипломатических сношений. Таковой обмен мы будем считать равносильным признанию де-юре обоих правительств» [2].

В феврале 1924 г. советско-мексиканские переговоры о взаимном признании были продолжены. 3 июня 1924 г. был выработан протокол следующего содержания: «Желая восстановить политические и экономические взаимоотношения, обе стороны решили восстановить дипломатические отношения и заявляют о готовности немедленно назначить посланников» [3].

В начале июля посланник Мексики в Берлине Рубио сообщил временному поверенному в делах СССР в Германии, что его правительство предложило, не подписывая никаких протоколов, немедленно приступить к назначению посланника [4]. Такая позиция Мексики, по-видимому, объяснялась тремя обстоятельствами: во-первых, Мексика не хотела показать, что она нуждается в каких-то особых актах для того, чтобы наладить нормальные отношения с другими странами; во-вторых, Мексика не хотела вызывать недовольство правительства Соединенных Штатов Америки, внимательно следившего за ходом мексикано-советских переговоров; в-третьих, правительство Мексики не решалось связывать себя официальным документом.

Советское правительство дало согласие на обмен посланниками.

7 ноября 1924 г. первый советский посланник в Мексике С. С. Пестковский вручил верительные грамоты президенту Соединенных Штатов Мексики генералу Обрегону.

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 479.
[2] Там же, стр. 488.
[3] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 370.
[4] См. там же, стр. 392.

Советский дипломат, выразив чувство восхищения, с которым наш народ следил за мужественной борьбой трудовых масс Мексики за независимость, сказал: «Те общие точки соприкосновения, которые имеются в борьбе и деятельности наших народов и мексиканского народа, вселяют в нас полную уверенность, что впредь отношения между нами и Мексикой могут быть лишь вполне дружественными» [1].

В ответной речи президент Обрегон заявил: «С чувством глубокого удовлетворения отмечаю тот факт, что Мексика и Союз Советских Социалистических Республик установили между собою официальные и политические отношения, и по этому поводу я с удовольствием могу заявить, что с нашей стороны никогда не приходилось преодолевать никаких затруднений для этого возобновления отношений, так как Мексика всегда признавала неоспоримое право всех народов установить у себя такое правительство и такие законы, которые всего более соответствуют их желаниям и стремлениям...» [2].

Прибытие персонала советского полпредства в столицу Мексики было встречено многолюдной демонстрацией трудящихся, выражавших свою солидарность с советским народом.

19 ноября 1924 г. первый посланник Мексики Вадильо вручил верительные грамоты Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину. При этом посланник выразил восхищение народом Советского Союза и дружеские пожелания народа и правительства Мексики народам и правительству СССР [3].

Принимая верительные грамоты, М. И. Калинин подчеркнул, что «народы СССР с глубоким интересом следят за героической борьбой трудящихся масс и Правительства Мексики за самостоятельное и лучшее будущее. Всякий их успех в этой борьбе встречает живой отклик в сердцах трудящихся масс СССР» [4].

Советско-мексиканские отношения стали успешно развиваться. Стремление Мексики к укреплению своей самостоятельности и национальной независимости всегда было близко и понятно советскому народу и встречало со стороны СССР полное понимание и поддержку.

В том же 1924 г. представители Венесуэлы и Аргентины предприняли зондаж по вопросу об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом.

В интервью корреспонденту аргентинской газеты «Ла пасьон» Альваресу дель Вайо в июне 1924 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин заявил: «Мы были

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 536.
[2] Там же.
[3] См. там же, стр. 549—550.
[4] Там же, стр. 549.

бы весьма удовлетворены возобновлением отношений с Аргентиной и со всеми странами Южной Америки. Инициатива любой южноамериканской страны в этом направлении встретила бы с нашей стороны взаимопонимание и поддержку». Затем нарком добавил, что «возобновление отношений Аргентины с Советским Союзом отвечало бы интересам как Советского Союза, так и Аргентины» [1].

Вслед за Мексикой нормализовал свои отношения с СССР Уругвай. Заинтересованность значительной части уругвайской буржуазии в развитии торговых отношений с Советским Союзом, рост симпатий к СССР в широких кругах общественности страны привели к тому, что в результате обмена телеграммами от 21 и 22 августа 1926 г. были установлены дипломатические отношения между Уругваем и Советским Союзом.

Установление дипломатических отношений с Мексикой и Уругваем содействовало укреплению уз дружбы между народами Советского Союза и стран Латинской Америки.

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 391.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

РУРСКИЙ КОНФЛИКТ И «ПЛАН ДАУЭСА» (1923—1924 гг.)

1. Рурский конфликт

Кризис репарационной системы и дипломатия держав

Одной из наиболее сложных международных проблем, оставшихся неразрешенными в Версале, была проблема германских репараций. В условиях глубокого экономического кризиса, который переживал капиталистический мир в первые послевоенные годы, репарационная проблема, быстро обостряясь, вступила в конце 1922 г. в критическую фазу и в начале 1923 г. вылилась в острый военно-политический конфликт в центре Европы.

Немаловажной причиной возникновения рурского кризиса являлись притязания французского империализма. Внешняя политика правительства Пуанкаре, пришедшего к власти в январе 1922 г., с наибольшей полнотой отразила стремление французских правящих кругов использовать победу, одержанную в войне, для утверждения своей военной и политической гегемонии в Европе.

Деятельность предшественника Пуанкаре — Бриана — на посту премьер-министра не удовлетворила агрессивно настроенные круги французской буржуазии: Германия продолжала саботировать выплату репарационных платежей, ее обязательства с каждым днем сокращались, словно шагреневая кожа. Не дали результата также закулисные переговоры, которые вела группа Лушера — Люберзака со Стиннесом и другими германскими промышленниками о создании франко-германского стального и угольного картеля. Содержание этого плана, выдвинутого французской стороной, заключалось в том, чтобы, обеспечив французским компаниям господствующее положение в проектируемом объединении, превратить Рур в угольную базу для французской металлургии, остро ощущавшей недостаток коксующегося угля.

Потерпев неудачу на пути переговоров, руководящие французские круги все более склонялись к тому, чтобы осуществить свои планы силой. К руководству в «национальном блоке» приходит его наиболее реакционное и агрессивное крыло. На пост премьера выдвигается «сильная» фигура Пуанкаре, признанного лидера крайних шовинистических кругов.

Уже в первом выступлении в парламенте 19 января 1922 г. Пуанкаре заявил, что цель нового правительства — заставить Германию выполнить взятые на себя обязательства. «Было бы наиболее скандальной несправедливостью, — заявил он, — если бы страна, которая подверглась непростительной агрессии и десять департаментов которой были разрушены войной, оказалась вынужденной после победы восстанавливать за свой собственный счет руины, которые четыре года войны создали на ее территории... Мы требуем выплаты лишь того, что нам причитается». «Права» Франции Пуанкаре намеревался обеспечить при помощи самостоятельных решительных действий. Политика Берлина давала для этого достаточно предлогов.

Внешнеполитическая ориентация германского монополистического капитала определялась его ненавистью к революции, стремлением укрепить свое классовое господство в Германии и быстрейшим образом восстановить ее военно-промышленный потенциал с помощью иностранного, прежде всего американского, капитала. Играя на антисоветских настроениях западных держав и запугивая их «большевистской опасностью», германские реакционные круги выражали готовность превратить Германию в ударный кулак против Советской России, рассчитывая добиться таким образом облегчения условий Версальского договора.

Одним из выразителей этих тенденций в правительстве Вирта являлся В. Ратенау, с января 1922 г. занимавший пост министра иностранных дел. Будучи одним из руководителей германского электротехнического концерна «АЭГ», близко связанного с американской банковской группой «Кун, Леб и К°», Ратенау был автором проекта создания международного консорциума для эксплуатации богатств Советской России, главная роль в котором отводилась германским капиталистам.

Провозгласив «политику выполнения» Версальского договора, германское правительство фактически вело курс на срыв репараций. «Выполняя, доказать невыполнимость», — такова была избранная им тактика. Пользуясь молчаливым одобрением правительства, германские промышленные и финансовые магнаты саботировали все мероприятия по обеспечению выплаты репараций. Отказываясь от уплаты налогов, организовав «бегство» капиталов за границу и лишив правительство возможности получить кредиты в частных банках, они вызвали возникновение хронического дефицита в государственном бюджете. Правительство покрывало его за счет выпуска Рейхсбанком ничем не обеспеченных бумажных денег, количество которых в обращении росло с головокружительной быстротой. О масштабах инфляции свидетельствовали следующие цифры: к 1 октября 1922 г. курс марки по сравнению с 1 января 1918 г. упал в 100 раз, к 1 ноября 1922 г. — в 200 раз, еще через месяц — в 500 раз.

Будучи формой ограбления монополиями широких народных масс, инфляция являлась в то же время средством сказочного обогащения промышленников. Примером усилившейся в эти годы концентрации капитала может служить возникновение концерна Стиннеса. Спекулируя на разнице валютных курсов, «король Рура» за несколько лет создал гигантское объединение, насчитывавшее более тысячи различных предприятий и фирм, на которых было занято около 600 тыс. рабочих.

Инфляция служила одним из главных орудий германских правящих кругов в борьбе против репарационных обязательств: затрудняя контроль над бюджетом Германии, она создавала возможность для саботажа репараций под предлогом неплатежеспособности и угрозы финансового краха. Открыто призывая к срыву репарационных платежей, германский промышленник Стиннес заявлял, что французская оккупация Рура может оказаться даже выгодной для Германии, так как даст возможность использовать противоречия в лагере победителей. Стиннес толкал германскую дипломатию на путь «политики катастроф».

Разжигая в массах реваншистские настроения, германские националисты развернули бешеную кампанию в рейхстаге против «политики выполнения». Подвергалась резкой критике со стороны Стиннеса и его единомышленников также восточная политика Ратенау, и в частности договор, подписанный в Рапалло. Вместе с представителями тяжелой промышленности, юнкерства с нападками на Рапалло выступили в рейхстаге также лидеры социал-демократии.

28 июня, когда Ратенау из своей виллы в Грюнвальде направлялся в машине в министерство, другая машина, нагнав его на одном из перекрестков, неожиданно преградила дорогу. Шофер резко затормозил.

Раздались выстрелы и взрыв гранаты — Ратенау был убит наповал. Впоследствии выяснилось, что убийцами Ратенау были три члена реакционной монархической «организации С» («Консул»), активные участники капповского путча, за спиной которых нетрудно было различить их подлинного вдохновителя — Стиннеса.

В обстановке растущего в стране напряжения правительство Вирта 12 июля 1922 г. сообщило репарационной комиссии, что оно не в состоянии продолжать выплату репараций и просит предоставить мораторий до конца 1924 г. Репарационная комиссия, возглавлявшаяся представителем Франции, отказалась, однако, рассмотреть просьбу германского правительства.

Обострение франко-германских отношений было с удовольствием воспринято в Лондоне. Английскую позицию в отношении Германии в рассматриваемый период определяли прежде всего экономические интересы. В отличие от Франции английская промышленность избежала разрушительных последствий войны. Главный ущерб, который испытывала английская экономика, был вызван не прямыми последствиями военных действий, а резким сокращением спроса на английские товары на европейском рынке, что было связано с падением покупательной способности населения стран, разоренных войной. В условиях послевоенного экономического кризиса, создавшего в стране двухмиллионную армию безработных, английское правительство одну из своих главных забот видело в нормализации экономических отношений в Европе, с тем чтобы значительно расширить сбыт английских товаров.

Центральное место в этих планах занимала Германия, экономическое восстановление которой сулило английским промышленникам большие прибыли. Эта задача могла быть, однако, разрешена только путем существенного облегчения репарационных обязательств Германии. Английская дипломатия тем более легко соглашалась с таким подходом к проблеме репараций, что большая их доля, а именно 52%, причиталась Франции.

Другой основой, определявшей позицию Англии в германском вопросе в рассматриваемый период, являлись факторы военно-стратегического порядка.

Своим постоянным интересом английские правящие круги считали сохранение «равновесия сил» в Европе, что обеспечивало Англии роль арбитра. В связи с этим французские планы, имевшие целью ослабление Германии и грозившие еще больше изменить в пользу Франции нарушенное в результате войны равновесие в Европе, воспринимались в Лондоне с раздражением и даже тревогой.

Намерение сохранить в лице Германии достаточно сильный противовес Франции сочеталось в английской политике с ее важнейшей установкой, изложенной Ллойд Джорджем еще в «документе из Фонтенбло»: использовать Германию в качестве орудия борьбы против Советской России и растущего революционного движения в Европе.

Противодействие планам Франции в германском вопросе осуществлялось характерным для английской дипломатии методом — чужими руками. Воздерживаясь от открытого вмешательства, Англия начинает все более поддерживать Германию в ее политике саботажа репараций.

Важное место в этой дипломатической игре занимал английский посол в Берлине лорд д'Абернон.

Защищая английские правящие круги от упреков в том, что их политика в рассматриваемый период была далеко «не героической», д'Абернон утверждает, что в конечном итоге она оказалась «успешной» и «принесла необходимое успокоение». «Действительно ли оккупация Рура, которая ускорила конечный кризис германских финансов и временно нарушила жизнь наиболее активной части германской промышленности,

была таким большим несчастьем, как это в то время считали все в Германии? — пишет он. — Если акция Франции ускорила и усилила катастрофу, то не приблизила ли она тем самым момента спасения? Не являлось ли обострение кризиса необходимым шагом на пути к реставрации? Не длилась ли бы борьба вокруг репараций долгие годы, если бы за этим насильственным расстройством всей индустриальной жизни Германии не последовал полный крах? Опустошение, произведенное оккупацией Рура, и вызванный ею кризис всей финансовой организации Германии, возможно, были необходимы, чтобы отрезвить весь мир» [1].

Записи д'Абернона — прекрасная иллюстрация к словам Ф. Энгельса о том, что натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого — «вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правителей и их дипломатов» [2].

Для согласования позиции бывших союзников в связи с просьбой германского правительства о моратории в августе 1922 г. в Лондоне была созвана конференция по репарационному вопросу.

Демарш германского правительства встретил решительное сопротивление со стороны Франции. Заявив, что сами немцы намеренно вызвали финансовый кризис для оправдания саботажа выплаты репараций, Пуанкаре, возглавлявший французскую делегацию, подчеркнул, что его страна может дать согласие на мораторий только при условии получения эффективных гарантий в виде «продуктивных залогов».

Существо программы «продуктивных залогов», подробно изложенной Пуанкаре, сводилось, во-первых, к требованию передать союзникам во владение государственные шахты Рура и общинные леса Рейнской области, эксплуатация которых должна была бы обеспечить доходы, необходимые для покрытия репарационных обязательств Германии; вместе с тем это должно было гарантировать получение Францией германских поставок в натуре (уголь и лес) для восстановления разоренных войной департаментов. Во-вторых, французская программа предусматривала установление таможенных границ на Рейне, включая Рурскую область, и конфискацию в счет репараций определенной части германских таможенных пошлин и налогов. Без эффективных залогов, заявил Пуанкаре, «предоставление моратория... было бы непонятным и очень опасным» [3].

Пуанкаре рвался в Рур.

Следуя разработанной тактике, английская дипломатия решила предоставить Франции возможность увязнуть в затеваемой авантюре. Ллойд Джордж ограничился предупреждением, что в случае самостоятельных акций со стороны Франции Англия будет занимать нейтральную позицию.

Лондонская конференция закончилась безрезультатно: ее участники не смогли принять какого-либо решения. «Нам следует согласиться в том, что между нами нет согласия», — заявил Ллойд Джордж, закрывая конференцию.

Проблема репараций и американская дипломатия

Отказ американского сената ратифицировать Версальский договор и затем победа республиканцев на выборах осенью 1920 г. открыли во внешней политике США полосу так называемого «изоляционизма», охватывающую почти весь период между двумя мировыми войнами.

«Изоляционизм», т. е. невмешательство в европейские дела, провозглашенный в качестве официальной внешнеполитической доктрины, подобно другим лозунгам американской дипломатии, являлся лишь мас-

[1] Посол мира. Страницы из дневника лорда д'Абернона, т. I, стр. 39.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 5, стр. 160.
[3] *E. Weill-Raynal*. Les Reparations allemandes et la France, vol. II. Paris, 1947, p. 203.

кировкой, при помощи которой финансовая олигархия США стремилась скрыть подлинные цели и характер своей политики.

«Мы должны финансировать весь мир, а те, кто финансирует мир, должны... управлять им» — вот те «добрые побуждения», которыми руководствовался еще Вильсон и от которых совершенно не собирались отказываться «изоляционисты». Однако серьезные политические просчеты Вильсона и его неспособность практически осуществить в 1917—1920 гг. широко задуманные планы установления гегемонии США в мировом масштабе, потребовали изменения дипломатической тактики.

Если международные обязательства не обеспечивают для США господства — никаких обязательств перед остальным миром! — сочли в Вашингтоне. Полная «свобода инициативы!» — т. е. полная свобода с максимальной выгодой использовать главный рычаг американской дипломатии тех лет — финансовую зависимость большинства стран капиталистического мира от разбогатевших на войне Соединенных Штатов. Никто не определил лучше сути изоляционизма, чем один из главных его вдохновителей — сенатор Лодж. «Это не изоляционизм, — заявил он в сенате, — а свобода действовать так, как мы считаем нужным и справедливым, не изоляционизм, а просто ничем не связанная и не затрудненная свобода Великой Державы решать самой, каким путем идти» [1].

Выступая под флагом изоляционизма, американская дипломатия вела напряженную борьбу за политические и экономические цели, поставленные крупным капиталом, активно вмешивалась в дела Европы и Азии, боролась повсюду против революции и поддерживала контрреволюцию, посылала своих «наблюдателей» всюду, где доллару угрожала опасность, где за доллар можно купить власть. «Долларовая дипломатия», представляющая собой, по признанию бывшего президента Тафта, «политику замены пуль долларами», — вот что явилось изнанкой изоляционизма. Еще и еще раз подтвердились слова В. И. Ленина, что идеализированная американская республика оказалась на деле «формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов» [2].

Под видом «помощи» в восстановлении разрушенного войной хозяйства монополии США активно боролись за упрочение своих позиций на европейском рынке, за обеспечение наиболее благоприятных условий для финансовой эксплуатации как своих бывших противников, так и бывших союзников, за установление мировой гегемонии. Стремление захватить позиции, ранее принадлежавшие германскому империализму, а также в максимальной степени ослабить и подчинить своему диктату Англию и Францию органически сочеталось с курсом на удушение Советской власти в России, разгром революционного движения в странах Европы и стабилизацию европейского капитализма.

Центральным звеном в осуществлении этой политики являлась Германия. Острая нужда ее в иностранных займах и готовность платить высокие проценты вызывали особенно большой интерес Уолл-стрита.

Однако не могло быть и речи о сколько-нибудь широких американских капиталовложениях в германскую экономику в условиях, когда Германия находилась под постоянной угрозой репрессивных мер со стороны Франции и финансового краха.

Указанные соображения определяли позицию США в репарационном вопросе: они считали необходимым облегчить германские репарационные обязательства. Эта позиция отвечала также и другой задаче — восстановлению покупательной способности Германии, в чем был заинтересован Уолл-стрит, добивавшийся расширения сбыта своих товаров в

---

[1] Цит. по кн.: *Н. Н. Яковлев.* Новейшая история США. М., 1961, стр. 68.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 37, стр. 193.

Европе. В соответствии с этим, в частности, летом 1922 г. при обсуждении репарационной комиссией вопроса о предоставлении Германии иностранного займа США заявили о согласии принять в нем участие, но при условии значительного сокращения германского репарационного долга.

Ход развития событий в Европе вызывал растущее недовольство магнатов Уолл-стрита. Затянувшийся финансовый кризис в Германии пугал их возможностью нового революционного взрыва. От американского посла в Берлине Хугтона поступали тревожные сообщения [1]. «Время не терпит, — писал он в госдепартамент в октябре 1922 г. — Волна большевистского потопа уже ударяет о порог Европы. В отчаянии немцы могут повернуться к большевистскому Востоку. По их мнению, следует ожидать самого худшего, если они не получат быстрой помощи и новой надежды» [2].

Среди правящих кругов США укреплялось намерение взять решение ключевой в Европе репарационной проблемы в свои руки.

Конкретный план действий американской дипломатии был разработан госдепартаментом в сентябре 1922 г. В основе его лежало предложение, выдвинутое американским наблюдателем в репарационной комиссии Бойденом, передать репарационный вопрос на разрешение финансовых экспертов, представляющих различные страны и «не связанных политическими соображениями». Предусматривалось, что в числе их будут, разумеется, и американские «эксперты». Впоследствии этот план получил наименование «плана Юза».

Юз ознакомил со своим предложением Видфельда, предупредив его, однако, что германское правительство должно держать эту информацию в строгой тайне. Дипломатический маневр Юза не только давал германскому правительству ту «спасительную надежду», о которой писал Хугтон, но и был явно рассчитан на то, чтобы побудить Берлин занять еще более неуступчивую позицию в связи с требованиями Франции.

Срочная телеграмма от Бойдена с предложением о немедленном опубликовании американского плана поступила в Вашингтон в середине октября 1922 г. Однако Юз ответил, что время для подобного демарша еще не пришло. Он понимал, что Франция имеет реальные возможности решительно противодействовать осуществлению американского плана.

Отрицательная позиция французского правительства по вопросу о создании комитета экспертов вскрыла всю остроту углубившихся к этому времени американо-французских империалистических противоречий. За фарисейским предложением о создании «беспристрастного» комитета экспертов французские монополии, стоявшие за спиной Пуанкаре, без труда различили стремление американского капитала в сотрудничестве с германскими финансовыми магнатами установить свое господствующее положение в Европе, что в корне противоречило собственным планам французского империализма.

---

[1] Нормализация отношений с Германией явилась одним из первых актов президента Гардинга, сменившего Вильсона в Белом доме в марте 1921 г. В июле 1921 г. было объявлено о прекращении состояния войны с Германией, 25 августа 1921 г. США подписали сепаратный договор с Германией, сохранявший за ними все права, предусмотренные Версальским договором, но отмечавший, что США не связаны теми статьями, которые касаются Лиги наций, территориальных и колониальных вопросов. Стремясь поскорее установить контакт с хозяевами США — монополиями, германское правительство выразило пожелание, чтобы в Берлин в качестве посла был назначен кто-либо «имеющий хозяйственный опыт, понимающий толк в деловых вопросах». Эта просьба вполне отвечала намерениям Уолл-стрита: в Берлин был направлен А. Хугтон — промышленник из Массачусетса. Германским послом в США был назначен О. Видфельд, бывший директор концерна Круппа в Эссене.

[2] Цит. по кн.: *D. B. Gescher.* Die Vereinigten Staaten von Nordamerika und die Reparazionen. 1920—1924. Bonn, 1956, S. 118.

Глубокие противоречия между американскими и французскими монополиями, боровшимися за захват господствующих позиций в Европе, явились одним из важных источников дальнейшего нарастания напряжения во франко-германском конфликте.

Обострение кризиса

Делая ставку на использование растущих англо-французских и американо-французских противоречий, германские промышленные магнаты во главе со Стиннесом вели опасную игру, открыто провоцируя оккупацию Рура.

Попытки правительства Вирта урегулировать репарационный вопрос путем переговоров путали карты Стиннесу. Политический курс Вирта, стремившегося, опираясь на Рапалльский договор, укрепить позиции Германии в отношении держав-победительниц, не устраивал также США и Англию, строивших планы вовлечения Германии в антисоветский блок. После очередной неудачной попытки Вирта добиться согласия союзников на предоставление Германии моратория — германская нота 14 ноября даже не была рассмотрена репарационной комиссией — усилиями Стиннеса кабинет Вирта был свергнут.

Приход к власти правительства Куно [1] в ноябре 1922 г. означал конец «политики выполнения». Новое правительство Германии стало на путь открытого саботажа репарационных обязательств.

В связи с намеченной на январь 1923 г. конференцией союзников по репарационному вопросу с участием стран Малой Антанты в декабре 1922 г. в Лондоне была организована предварительная встреча премьер-министров Англии, Франции, Италии и Бельгии. Ввиду остроты разногласий между ее участниками, конференция проходила при закрытых дверях — не были приглашены даже эксперты.

Повторив в основном уже изложенную в августе программу, предусматривавшую предоставление Франции «продуктивных залогов», Пуанкаре заявил, что французское правительство твердо решило провести ее в жизнь. На этот раз, заявил он, Франция «не намерена исполнять роль простофили». Конечно, реализация залогов связана с трудностями, признал он, но лучше хоть что-нибудь получить, чем ничего! [2]

В отличие от августовской конференции, где предложение Пуанкаре встретило возражения не только со стороны Англии, но и Италии, на конференции в Лондоне фашистская Италия поддержала требования Франции. Позиция Муссолини, пришедшего к власти в результате фашистского «похода на Рим» в октябре 1922 г., определялась стремлением, в зависимости от складывающихся обстоятельств играя то на англо-французских, то франко-германских противоречиях, попытаться реализовать те или иные свои экспансионистские замыслы.

«Франция недовольна тем миром, который она получила, — заявил новоиспеченный итальянский премьер в интервью, данном французской газете «Матен» в ноябре 1922 г., — и она имеет для этого основания... Война не была доведена до естественного конца. Нам следовало ее окончить: вам — в Берлине, нам — в Вене и Будапеште. Надо было взять врага за горло» [3].

В противовес этому английская дипломатия выдвинула так называемый план Бонар Лоу [4], в основе которого лежало предложение пересмотреть общую сумму репарационных обязательств Германии в сторону

---

[1] Вильгельм Куно — лидер Народной партии — партии германского финансового капитала. Являясь генеральным директором крупной германо-американской пароходной компании «ГАПАГ», обслуживавшей линию Гамбург — Америка, Куно был известен своими близкими связями с американским капиталом.

[2] «Ministère des Affaires Etrangères. Documents Diplomatiques». Paris, 1923, p. 36 (В дальнейшем: «Documents Diplomatiques»).

[3] Цит. по кн.: *G. Salvemini*. Mussolini Diplomatico. (1922—1932). Bari, 1952, p. 49.

[4] Бонар Лоу сменил Ллойд Джорджа на посту премьер-министра 24 октября 1922 г.

их снижения. «Каждый из союзников должен пойти на жертвы», — заявил Бонар Лоу. Английское правительство выступило против санкций, предложенных Францией. Острота англо-французских разногласий привела к тому, что конференция на третий день прервала свою работу, не придя ни к каким результатам.

В связи с отклонением союзниками просьбы о моратории 11 декабря, в день закрытия конференции, в германской печати было опубликовано вызывающее заявление Стиннеса, смысл которого сводился к тому, что даже под угрозой оккупации Рура германские промышленники отказывались выплачивать репарации.

Стремясь использовать сложившуюся острую обстановку для того, чтобы ускорить вмешательство США в разрешение репарационной проблемы, германское правительство поручило своему послу в Вашингтоне Видфельду довести до сведения американского правительства «новые и чрезвычайно важные предложения» правительства Куно.

Видфельд поставил вопрос: не согласится ли Морган или какой-либо из находящихся под его руководством банковских синдикатов, в частности связанных с Европой, предоставить Германии заем сроком на четыре года? Заем испрашивался для покрытия расходов, связанных со стабилизацией марки и урегулированием репарационных и прочих обязательств германского правительства, «с тем чтобы Германия снова стала свободным государством».

Кроме того, германское правительство предлагало также начать переговоры о другом займе, который дал бы возможность организовать сотрудничество американского и германского капиталов в отдельных отраслях промышленности (уголь, железо, сталь) в мировом масштабе, а также совместную эксплуатацию ресурсов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Внося это предложение, которое не могло не вызвать живейшего интереса в американских деловых кругах, германская дипломатия отдавала себе отчет в том, что его практическая реализация зависела прежде всего от того, насколько удастся преодолеть те опасения, которые США испытывали за судьбу своих будущих капиталовложений в Европе.

Германия предложила, далее, заключить «пакт мира». Согласно этому проекту, правительства Великобритании, Франции, Италии, Бельгии, с одной стороны, и Германии — с другой, должны были взаимно гарантировать границы на Рейне и торжественно обязаться в течение жизни одного поколения не прибегать к войне друг против друга без специальной санкции на то со стороны своих народов, выраженной путем всеобщего плебисцита. США предлагалось взять на себя роль гаранта этого пакта.

Заключение подобного пакта лишило бы Францию возможности использовать заявления об «угрозе на Рейне» в качестве предлога для осуществления своих экспансионистских планов в отношении Германии, и в частности рейнских провинций. Вместе с тем этот шаг германской дипломатии был рассчитан на то, чтобы дать понять, что германское правительство готово пойти на сближение с западными державами. Проект «пакта мира» на Рейне явился одним из первоначальных вариантов Локарнских соглашений, заключенных около двух лет спустя.

14 декабря Белый дом опубликовал заявление, в котором сообщалось, что американское правительство делает все, что в его силах для того, чтобы содействовать разрешению возникших в Европе трудностей. При этом отмечалось, что в самое ближайшее время будут предприняты соответствующие дипломатические шаги [1].

[1] *Fritz Klein.* Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932. Berlin, 1952, S. 122.

В тот же день Юз пригласил французского посла Жюссерана.

— Верно ли, — спросил Жюссеран, — что американское правительство обсуждало вопрос о возможной оккупации Рура и относится к этому отрицательно?

— А Франция действительно намеревается оккупировать Рур? — задал встречный вопрос Юз.

Юз настойчиво обращал внимание французского посла на опасность и неразумность такого шага.

— Ведь Франция, разумеется, не хочет крушения Германии! — говорил он. — Америка, со своей стороны, не имеет в виду освобождать Германию от ее обязательств. Франция все равно не может получить с Германии больше, чем та способна уплатить, поэтому надо начать с того, чтобы Международная комиссия экспертов (конечно, с участием американских специалистов!) установила платежеспособность Германии.

Кроме того, комиссия экспертов расчистит путь для решения вопроса о международном займе, что является единственной возможностью для скорейшего преодоления финансовых трудностей Франции.

Последнее замечание Юза было наиболее весомым — оно должно было напомнить Пуанкаре, что, если Франция не откажется от своих замыслов в отношении Рура, она не сможет рассчитывать на финансовую помощь со стороны США. При тех трудностях, которые переживала Франция, это было серьезным предупреждением.

Тем временем из Парижа поступали сообщения, что приготовления к захвату Рура идут полным ходом. В конце ноября под председательством президента Мильерана состоялось чрезвычайное заседание французского кабинета с участием военного министра маршала Фоша и председателя репарационной комиссии Барту. Рассматривался план оккупации Рура.

Перспектива объединения рурского угля и лотарингской руды в результате оккупации Рура, что превратило бы Францию в крупнейшего производителя стали в мировом масштабе, вызывала в Вашингтоне растущее беспокойство.

Поскольку Жюссеран хранил молчание и ничего не сообщал о реакции Пуанкаре на соображения, высказанные Юзом в беседе с французским послом, Юз пригласил его вторично и поинтересовался: может быть, Пуанкаре больше устраивает, чтобы США взяли инициативу на себя, к чему США, разумеется, готовы? Во время этой беседы Юз также информировал Жюссерана о предложенном Германией «пакте мира», заявив, что, по его мнению, заключение подобного пакта содействовало бы нормализации обстановки в Европе.

Реакция французского правительства на германское предложение обнаружилась быстро — Пуанкаре назвал «пакт мира» «опасной хитростью», рассчитанной на то, чтобы вызвать разброд среди союзников накануне встречи в Париже. Проект пакта не устраивал французское правительство прежде всего потому, что он лишал его возможности осуществить захват Рура.

26 декабря состоялась еще одна беседа Юза с Жюссераном. В связи с вопросом о предстоявшей в Париже конференции Жюссеран подтвердил намерение Франции, в случае если не будет достигнуто соглашение с Бонар Лоу, обеспечить себе «гарантии».

После этой беседы Юз стал лихорадочно искать решения. Его биограф Пусей следующим образом описывает дальнейшие события.

Среди ночи Юз проснулся, услыхав глас божий. Всевышний подсказал ему, что в своем предстоящем выступлении в Нью-Хейвене Юз должен поднять вопрос о положении в Европе. Поднявшись на рассвете, Юз подготовил в соответствии с этим дополнение к тексту своей речи и в

9 утра зачитал его Гардингу [1]. Указания свыше удивительным образом и в полной мере совпали со взглядами американских монополистов. Гардинг горячо одобрил предложение Юза.

29 декабря его план был обнародован.

Вкратце Юз заявил следующее. Экономическое положение в Европе вызывает тревогу. Ключевым вопросом является проблема репараций, от которой зависит решение всех остальных вопросов. (Юз оговорил, что, разумеется, этого не следует распространять на вопрос о долгах союзников Америке.) Позиция США сводится к тому, что экономика Европы не может быть восстановлена, пока не будет восстановлена экономика Германии.

— США, — продолжал Юз, — не имеют в виду освободить Германию от ответственности за ущерб, нанесенный ее армиями. Но они также не хотят видеть Германию совершенно истощенной. Поэтому США не одобрили бы таких мер, которые, вместо того чтобы обеспечить репарации, будут угрожать катастрофой.

Выходом из положения, по мысли Юза, было бы создание международной комиссии экспертов, которая, «не будучи связана политическими соображениями», подготовила бы предложение на чисто экономической основе, «руководствуясь только своими знаниями и совестью». «Я не сомневаюсь, — добавил Юз, — что выдающиеся американцы выразят согласие принять участие в работе такой комиссии» [2].

Опираясь на свою финансовую мощь, американские монополии открыто претендовали на то, чтобы взять решение европейских проблем в свои руки.

Парижская конференция (2—4 января 1923 г.)

Ко времени открытия Парижской конференции, формально считавшейся продолжением переговоров, начатых в декабре в Лондоне, Пуанкаре уже твердо решил оккупировать Рур [3]. В связи с этим перед французской дипломатией на конференции была поставлена задача — доказать, что Франция «вынуждена» обратиться к насильственным мерам в отношении Германии. Стремясь избежать при этом изоляции Франции, Пуанкаре действовал осторожно: представленный им план был составлен в довольно умеренных тонах, включал ряд предложений, внесенных Италией еще в декабре в Лондоне, и создавал впечатление готовности французского правительства пойти навстречу точке зрения Великобритании [4].

Существо плана сводилось к тому, что французское правительство выражало согласие предоставить Германии частичный мораторий сроком на два года, в течение которого Германия была бы освобождена от части репарационных обязательств при условии передачи союзникам «продуктивных залогов».

Лишь в заключительной части плана упоминалось о санкциях. Предусматривалось, что в случае невыполнения Германией установленных планом обязательств, союзники имеют право: осуществить военную оккупацию округов Эссена и Бохума, а также какой-либо другой части Рурского бассейна и установить таможенную границу между оккупированной территорией и остальной частью Германии.

Встречный проект, выдвинутый Бонар Лоу, был составлен не менее тонко и рассчитан на то, чтобы сделать соглашение совершенно невозможным, свалив при этом всю вину на Пуанкаре.

---

[1] *M. J. Pusey.* Charles Evans Hughes, vol. 2. N. Y., 1951, p. 582.

[2] «Foreign Relations... 1922», vol. II, p. 199—202.

[3] *J. Laroche.* Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré. 1913—1926. Paris, 1957, p. 169.

[4] «Documents Diplomatiques», p. 172, 183.

— Следует думать не о том, сколько надо получить с Германии, — заявил Бонар Лоу, — а о том, сколько она может заплатить. Конечно,— продолжал он, — кое-что можно получить путем конфискации имущества должника, но действительно значительные суммы можно получить только в том случае, если будет восстановлена германская платежеспособность [1].

Исходя из этого, Бонар Лоу предлагал предоставить Германии мораторий сроком на 4 года с освобождением ее на этот период от всех репарационных обязательств и без предоставления каких-либо залогов.

В качестве одного из основных аргументов в пользу своего предложения Бонар Лоу намекал на опасность социальных потрясений в Германии. «Противоречило бы всему историческому опыту, — говорил он, — если бы после столь необычайной инфляции не последовал политический и социальный кризис, результаты которого трудно предусмотреть. Не будем провоцировать этой катастрофы» [2].

Другим существенным моментом английского плана было предложение создать для контроля за германскими финансами международный комитет финансовых экспертов с участием представителей союзников, США, Германии и одного из нейтральных государств. Реализация этого должна была привести практически к упразднению репарационной комиссии, руководящее положение в которой занимала Франция. Связь этого предложения с выступлением Юза бросалась в глаза [3].

В дополнение английский план предусматривал некоторое сокращение французской доли репараций (с 52 до 42%); в определенной мере он ущемлял интересы Италии и Бельгии.

Английский план вызвал решительные возражения со стороны Франции и Бельгии; с ними солидаризировалась также Италия, хотя и менее твердо. Критикуя английский план, итальянский делегат делла Торретта отметил в вопросе о моратории, что он идет дальше, чем просят сами немцы. Основное возражение Италии было связано с тем, что по английскому плану Италия, по существу, должна была передать Англии в порядке взаимных расчетов все то, что она рассчитывала получить с Германии в порядке репараций, и, таким образом, оставалась с пустыми руками. Итальянский делегат поддержал французское требование о предоставлении «продуктивных залогов» [4].

4 января, когда были выяснены позиции сторон, Пуанкаре поставил вопрос ребром: если Англия согласна присоединиться к точке зрения Бельгии, Италии и Франции, то соглашение может быть достигнуто немедленно; если же она будет настаивать на проекте Бонар Лоу, бесполезно продолжать дискуссию.

Английская дипломатия, казалось, терпела поражение.

Комментируя итоги конференции, французская печать отметила, что в результате ее «сердечное согласие» («entente cordiale») в англо-французских отношениях уступило месту «сердечному разрыву» («rupture cordiale»). Те, кто думал так, были недалеки от истины.

[1] «Documents Diplomatiques», p. 142.

[2] Ibidem.

[3] В середине декабря 1922 г. английское правительство сделало попытку привлечь США к участию в работе Парижской конференции. В личном послании Бонар Лоу, переданном Юзу, содержался осторожно сформулированный вопрос, не желает ли Америка принять участие в январской конференции в Париже, хотя бы в качестве наблюдателя. Предвидя, что американское предложение о создании комитета экспертов будет встречено Пуанкаре в штыки, и опасаясь, что на конференции может всплыть вопрос о долгах, правительство США уклонилось от принятия английского предложения.

[4] «Documents Diplomatiques», p. 172.

Оккупация Рура и германская политика «пассивного сопротивления»

Завершая приготовления к оккупации Рура, французские правители изыскивали формальный предлог для вторжения в пределы Германии. Такой предлог был найден в тексте Версальского договора. В разделе, трактующем вопрос о репарациях, одна из статей, касающаяся полномочий и порядка работы репарационной комиссии, предусматривала, что в случае намеренного уклонения Германии от выполнения репарационных обязательств державы-победительницы имеют право принять в отношении Германии меры, которые «могут состоять в актах экономических и финансовых запретов и репрессалий и вообще в таких других мерах, которые подлежащие Правительства сочтут, как вынужденные обстоятельствами» [1].

Английская дипломатия была склонна трактовать статью в том смысле, что она предусматривает принятие только мер экономического и финансового характера. Однако французское правительство, за неимением лучшего, сочло, что статья дает достаточные основания для задуманной им акции. Необходимо было лишь, чтобы комиссия констатировала «намеренное» невыполнение Германией ее обязательств.

Обвинить Германию в срыве репарационных платежей Франция не имела возможности, так как в результате компромисса, найденного на августовской конференции в Лондоне [2], Германия практически получила отсрочку платежей на полгода. Тогда было решено использовать то, что Германия задержала некоторые товарные поставки, в частности пиломатериалы и телеграфные столбы. 26 декабря 1922 г. представитель Франции в репарационной комиссии Барту, занимавший пост ее председателя, предложил комиссии официально констатировать недовыполнение Германией предусмотренных поставок.

Заседание комиссии превратилось в дуэль между Барту и английским представителем Бредбюри. Понимая, в каких целях Барту требует подобной констатации, Бредбюри выступил в защиту Германии, доказывая, что товарная недостача является «почти микроскопической» и что германское правительство повинно лишь в том, что запоздало на несколько недель перезаключить контракты с лесопоставщиками. При этом он сделал ядовитое замечание в адрес Барту. «Со времен Трои, — заметил он, — причиной гибели которой была хитрость с использованием деревянного коня, история еще не знала подобного использования лесоматериалов» [3].

Формально, однако, Бредбюри был вынужден признать факт недовыполнения Германией товарных поставок. Это было констатировано в решении комиссии. Затем Барту вынес на голосование пункт резолюции, отмечавшей, что недовыполнение имело намеренный характер. Решение было принято голосами Франции, Бельгии и Италии.

9 января 1923 г. под сильнейшим нажимом Барту репарационная комиссия большинством голосов констатировала намеренное невыполнение Германией поставок угля.

В тот же день французский посол в Берлине де Маржери и бельгийский поверенный в делах явились к германскому министру иностранных дел Розенбергу и вручили ему идентичные ноты, сообщая о мерах, которые французское и бельгийское правительства решили принять в связи с невыполнением Германией поставок леса и угля.

---

[1] «Версальский мирный договор». М., 1925, стр. 91.

[2] Бельгийское правительство согласилось принять в счет очередных репарационных платежей за остававшиеся месяцы 1922 г. германские казначейские векселя, подлежавшие оплате в валюте в течение 6 месяцев.

[3] *A. Toynbee.* A Survey of International Affairs 1920—1923, p. 191—192.

Французское правительство, в частности, оговорив, что оно «не намерено прибегать к военным операциям или оккупации политического характера», сообщало, что в Рур будет направлена комиссия инженеров в целях установления контроля над деятельностью германского Угольного синдиката и обеспечения строгого выполнения программы поставок. Одновременно сообщалось, что в Рур будут направлены войска «только для охраны комиссии и гарантии выполнения ею поставленных перед ней задач». Германскому правительству предлагалось сотрудничать с комиссией во избежание принятия принудительных мер.

11 января французские и бельгийские войска вступили на территорию Рура. Пять французских и две бельгийские дивизии, усиленные танками и артиллерией, заняли основные центры Рурского бассейна — Эссен, Бохум и Дортмунд.

Почти одновременно со вступлением оккупационных войск в район Эссена Стиннесу было передано приглашение «Комите де Форж» начать переговоры с французскими промышленниками.

12 января германское правительство направило Франции и Бельгии формальный протест. Германский посол в Париже и посланник в Брюсселе были немедленно отозваны [1].

В сложившейся обстановке германские промышленники избрали в качестве средства борьбы против действий французских империалистов в Руре политику саботажа — «пассивного сопротивления». Она была провозглашена Куно в его выступлении в рейхстаге 13 января 1923 г. Германия не имеет возможности оказать активное противодействие нарушению Францией Версальского договора, заявил он, однако «германское правительство не в состоянии сдержать пассивное сопротивление народа...». Одновременно с этим германское правительство заявило, что до тех пор, пока оккупация Рура не будет прекращена и не будут ликвидированы ее последствия, оно отказывается вести какие-либо переговоры с репарационной комиссией и выполнять свои обязательства перед державами, вызвавшими это положение.

Политика «пассивного сопротивления» была рассчитана на то, чтобы превратить «продуктивные залоги», захваченные Францией, в «непродуктивные» и заставить Пуанкаре отступить. 13 января германское правительство заявило о прекращении всех платежей и поставок Франции и Бельгии; было объявлено, что на всей оккупированной территории имеют силу только распоряжения германской администрации; рабочие и служащие шахт, предприятий и железнодорожного транспорта, а также их владельцы призывались к саботированию мероприятий оккупационных властей. Правительство взяло на себя финансирование кампании «пассивного сопротивления», выплачивая промышленникам все убытки, связанные с ее проведением.

Мероприятия германского правительства были использованы Францией для расширения зоны оккупации и усиления военного контроля. Оккупационные власти взяли на себя административные функции, предприятия и шахты были заняты войсками, работа железнодорожного транспорта налажена с помощью французского персонала. В результате репрессивных мер последовали многочисленные кровопролитные столкновения с гражданским населением, тысячи людей были арестованы или высланы за неподчинение военным властям [2].

По требованию французского правительства репарационная комис-

---

[1] *L. Zimmermann.* Deutschen Aussenpolitik in der Ära der Weimarer Republik, Berlin, 1958, S. 145.

[2] *F. Schuman.* War and Diplomacy in the French Republic. N. Y., 1931, p. 290; *Max von Stockhausen.* Sechs Jahre Reichskanzlei. Bonn, 1954, S. 61.

сия 26 января 1923 г. констатировала в своем решении «полный отказ Германии от выполнения репарационных обязательств» [1].

Протесты правительства Куно Париж отклонял, в ряде случаев не удостаивая их даже рассмотрением.

Позиция Советского правительства в связи с событиями в Руре

Советский Союз явился единственным государством, которое заявило решительный протест в связи с оккупацией Рура. Позиция Советского правительства, последовательно отстаивающего интересы мира и выступающего в защиту суверенных прав народов, против военных авантюр империалистов, была изложена в Обращении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к народам всего мира, принятом 13 января 1923 г. — сразу же после получения Советским правительством первых сведений о захвате французскими и бельгийскими войсками германской территории.

«В этот критический момент, — говорилось в документе, — Рабоче-Крестьянская Россия не может молчать. Верная своей всегдашней борьбе против империализма, своей всегдашней защите права народов на самоопределение и своим призывам к разоружению, она и на этот раз подымает свой голос негодования и протеста против совершаемого правительством Франции преступления» [2].

Отмечая, что в основе происходивших событий лежали хищнические интересы империалистических держав, стремящихся к угнетению и порабощению народов, Обращение подчеркивало, что оккупация Рурской области являлась одним из последствий грабительского Версальского договора, против «жестокого безумия» которого Советское правительство не раз решительно протестовало.

Указывая, что империалисты Франции, снова бросив меч на весы истории, взяли на себя тягчайшую ответственность за последствия этого дерзкого насилия, Обращение ВЦИК констатировало, что вместе с Францией ответственность несут также и другие империалистические державы. «Ее союзники, — говорилось в цитируемом документе, — могли помешать и не помешали совершению преступления. Они либо принимают активное участие в захвате Рурской области, либо предательски умыли руки, ограничившись словесными протестами и бесплодными демонстрациями. И потому они тоже повинны в преступлении» [3].

В заключение, энергично протестуя против подавления законных прав германского народа, Советское правительство предостерегало народы от нависшей над Европой угрозы кровопролитий.

В ноте Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, направленной 17 января 1923 г. посольству Германии в Москве, отмечалось, что российское правительство, выражая глубокое сочувствие русских трудящихся масс германскому народу, «с неослабным вниманием следит за дальнейшим ходом событий, полное веры в духовную мощь германского народа, которая даст ему возможность преодолеть тяжелые препятствия, поставленные преступной волей французского и бельгийского правительств на пути его исторического развития» [4].

Оккупация Рура возлагала на плечи германского народа новые тяготы, угрожала ему нищетой и неслыханным угнетением. Трудящиеся Советского Союза, верные принципам интернационализма, оказали в эти дни значительную материальную помощь горнякам Рура. Президиум ВЦСПС постановил выделить в этих целях 100 тыс. руб. золотом, крупные суммы были посланы шахтерами Донбасса и Урала. В марте гер-

---

[1] *D. B. Gescher.* Die Vereinigten Staaten von Nordamerika und die Reparazionen, S. 159.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 150.

[3] Там же, стр. 151.

[4] Там же, стр. 158.

манским рабочим было передано 1400 *т* ржи; вскоре после этого в Германию прибыли еще два советских парохода с продовольствием.

Реакционные круги Германии, пытаясь ослабить впечатление, произведенное бескорыстной помощью советского народа, препятствовали распределению прибывшего из СССР хлеба. Однако эти попытки оказались тщетными. Гамбургские портовые рабочие решили безвозмездно разгрузить пароход с русским хлебом, предназначенным для рурских рабочих. Конгресс фабрично-заводских советов Рейнско-Рурской промышленной области в марте 1923 г. от имени 5 млн. рабочих принял послание к трудящимся Советской страны, в котором выражал горячую благодарность за братскую помощь. «Присланные вами деньги и хлеб, — говорилось в этом послании, — будут нашим оружием в нашей тяжелой борьбе на два фронта — против наглого французского империализма и против немецкой буржуазии».

Помощь рабочим Рура была оказана также трудящимися Лондона, Парижа, Праги, Рима, Варшавы, Амстердама, Гааги и других городов.

Позиция США и Англии

Пристально наблюдая за развитием событий в Руре, госдепартамент занял выжидательную позицию. Неудача с предложением о создании комитета экспертов свидетельствовала о том, что Юз поторопился. Теперь он решил повременить до тех пор, когда можно будет действовать наверняка. Его не поколебали нападки со стороны тех кругов, которым не терпелось поскорее прибрать к рукам европейские рынки.

— Надо выждать, когда Европа созреет для того, чтобы принять американское предложение [1], — разъяснял Юз свою точку зрения председателю внешнеполитической комиссии сената Лоджу.

В поисках средств нажима Хугтон предложил использовать растущие финансовые трудности Франции. Оккупация — это действие силы, писал он в госдепартамент 6 марта 1923 г., и воздействовать на нее можно только силой. «И если не вооруженной силой в виде армий, то ей надо противопоставить силу экономическую, в виде угрозы краха... Франк очевидно представляет собой слабое место. Если бы было возможно, чтобы Англия, или мы, или оба государства совместно прямым или косвенным путем устранили или преодолели ту искусственную поддержку, которая сейчас предоставляется франку, франк падет» [2].

Но закулисные попытки повлиять на Пуанкаре через прибывшего в Рим на сессию Международной торговой палаты главу американского Стального треста Р. Гари остались безуспешными.

В Лондоне первые месяцы 1923 г. также характеризовались стремлением выждать некоторое время; подтолкнув Пуанкаре на опасную авантюру, «коварный Альбион» ожидал результатов. «Английская политика состоит в том, — заявил заместитель английского министра иностранных дел Кроу в беседе с американским поверенным в делах в Лондоне в начале января, — чтобы выждать, когда Франция утратит те иллюзии, которые она связывает с проводимой ею политикой» [3].

Форин-оффис считал себя заинтересованным в том, чтобы «рурский эксперимент», начатый Францией, был доведен до конца. А для этого надо заверить Францию, уже начинавшую испытывать трудности в Руре, что со стороны Англии, своего лояльного союзника, она во всяком случае может не опасаться каких-либо помех. «Мое правительство, — заявил

---

[1] Ch. E. Hughes Papers, container 4b, Febr., 1, 1923. Memorandum for senator Lodge; цит. по кн.: *D. B. Gescher.* Die Vereinigten Staaten von Nordamerika und die Reparazionen, S. 161.

[2] *D. B. Gescher.* Die Vereinigten Staaten von Nordamerika und die Reparazionen, S. 87—88.

[3] Цит. по кн.: *D. B. Gescher.* Die Vereinigten Staaten von Nordamerika und die Reparazionen, S. 160.

английский король Георг V в своей тронной речи 13 февраля 1923 г., — ни в коей мере не хочет увеличивать трудностей союзников, хотя оно не может ни одобрить, ни принять участия в этих действиях» [1].

Второй, неофициальной, стороной английской политики в связи с конфликтом в Руре было поощрение Германии к сопротивлению. Записи д'Абернона дают возможность в полной мере оценить те мотивы, которыми при этом руководствовался Форин-оффис. Оценивая общую обстановку в Центральной Европе и проблему выбора Англией ее политического курса, английский посол в Берлине считал очевидным, что «существенный интерес Англии заключается в том, чтобы предотвратить крушение Германии. До тех пор, пока Германия является связанным целым, существует, в большей или меньшей степени, баланс сил в Европе; но как только Германия рушится, этот баланс исчезает; Франция приобретает неоспоримый военный и политический контроль, основанный на ее армии и военных союзах. Многие из тех соображений, которые были обоснованными в 1914 г. в отношении Германии, в настоящее время обоснованны в отношении Франции» [2].

Как показали последующие события, английская политика тех лет сильно переоценивала угрозу, существовавшую для Британской империи со стороны Франции. В то же время ненависть к Советскому государству толкала английские правящие круги на проведение близорукой политики возрождения промышленной и военной мощи германского империализма, что менее чем через два десятилетия привело Англию на порог национальной катастрофы.

Содействуя углублению франко-германского конфликта и выжидая подходящего момента для того, чтобы выступить в качестве арбитра, английская дипломатия стремилась укрепить свои отношения с США. В этих целях английское правительство устранило один из основных вопросов, осложнявших в этот период отношения между Лондоном и Вашингтоном: 31 января 1923 г. в результате поездки Болдуина за океан был наконец урегулирован вопрос об английском долге Америке [3].

Тем временем Франция испытывала все более серьезные трудности, связанные с авантюрой в Руре. Становилось очевидным, что захват «продуктивных залогов» не дает ожидаемых результатов. Несмотря на репрессивные меры военных властей, поставки угля и кокса из Германии заметно сократились и едва оправдывали оккупационные издержки, достигшие колоссальных размеров. Началось быстрое падение франка, росли цены. В парламентских кругах все чаще выражалось беспокойство по поводу перспектив оккупации. Только играя на шовинистических настроениях, Пуанкаре удавалось отводить интерпелляции по вопросу о Руре. Не теряя надежды, что удастся сломить германское сопротивление, Пуанкаре начал подумывать о поисках выхода из создавшегося положения.

Среди определенной части французских промышленно-финансовых кругов возникло опасение, что затянувшийся кризис в Руре не только грозит окончательно разрушить англо-французскую Антанту, но, главное, может настолько обострить франко-германские отношения, что сделает

---

[1] «Times», 14. II. 1923.

[2] *D'Abernon.* «An Ambassador of Peace. D'Abernon Diary», vol. II. London, 1924, p. 238.

[3] Англо-американские переговоры о консолидации английского долга начались 8 января 1923 г. в Вашингтоне; 31 января английское правительство согласилось с предложениями, подготовленными американской стороной. 28 февраля соглашение вступило в силу после утверждения законопроекта президентом США. Соглашение предусматривало, что английский долг фактически сокращался на 30%, остающаяся часть подлежала уплате в течение 62 лет. С финансовой точки зрения соглашение было невыгодным для Англии, так как в последующем США оказались вынужденными согласиться на сокращение французского долга на 60% и итальянского — на 80%.

невозможным осуществление давно лелеемых планов объединения французской и германской тяжелой промышленности. Это и порождало мысль: нельзя ли как-либо договориться с Англией и с ее помощью добиться прекращения «пассивного сопротивления» Германии?

В первых числах апреля французский эмиссар Лушер прибыл в Лондон. Переговоры велись в обстановке строгой секретности. Новый французский план представлял собой попытку сочетать английские предложения, направленные на экономическое восстановление Германии с экспансионистскими претензиями французских промышленных кругов. Одним из главных пунктов плана было требование о превращении Рейнской области в автономное государство в рамках Германии, но обеспеченное международными гарантиями.

Английское правительство сочло план совершенно неудовлетворительным; д'Абернон оценивал его как «фантастический, циничный и неприемлемый». По-видимому, не без ведома Форин-оффиса сведения о французских предложениях неожиданно проникли в печать, вызвав политический скандал, после чего переговоры были прерваны. Пуанкаре поспешил отмежеваться от миссии Лушера.

20 апреля 1923 г. Керзон сделал официальное заявление о позиции Англии в связи с углублением рурского кризиса. Он высказал мнение, что Германия должна сделать первый шаг и представить свои предложения Франции и Бельгии.

Два принципиально новых момента содержалось в этом заявлении. Во-первых, что репарационный вопрос должен быть передан на рассмотрение комитета экспертов и, во-вторых, что Франция и Германия должны представить друг другу взаимные гарантии. Оба эти пункта были весьма знаменательны. Формально присоединяясь к предложению Юза о создании комитета экспертов, Англия, таким образом, ради создания единого фронта с США против Франции соглашалась открыть путь для вторжения американского капитала в Европу.

Во Франции речь Керзона была встречена с нескрываемым раздражением. Французский посол в Лондоне немедленно довел до сведения английского правительства, что Пуанкаре никогда не подчинится решению комитета экспертов [1].

В Берлине, наоборот, заявление Керзона вызвало живейший интерес и одобрение. Германская дипломатия решила, не теряя времени, использовать новую ситуацию. Под предлогом уточнения точки зрения Керзона по вопросу о возможном германском предложении Куно направляет в Лондон ряд своих доверенных лиц, располагавших личными связями среди английских правящих кругов. Этот демарш был рассчитан на то, чтобы побудить английское правительство усилить свое вмешательство и изолировать Францию на предстоящих переговорах [2].

Новые германские предложения

2 мая 1923 г. германское правительство направило союзникам и США ноты, содержащие новые предложения. Заранее предполагая, что они сразу будут отвергнуты Францией, германское правительство рассчитывало, что Англия и США все же вынудят Пуанкаре начать переговоры на

---

[1] «Зачем мне нужен комитет экспертов? — говорил Пуанкаре Бенешу, находившемуся летом 1923 г. в Париже. — Я сам прекрасно знаю германскую платежеспособность. Сегодня она нуль. В будущем году дело будет обстоять иначе. Эксперты никогда не смогут оценить германское *желание* платить» (цит. по кн.: *D. B. Gescher.* Die Vereinigten Staaten von Nordamerika und die Reparazionen, S. 183).

[2] В частности, своему другу, торговому советнику Реушу, который через посредство одного из лондонских банков должен был вступить в контакт с самим Бонар Лоу, Куно поручил сообщить следующее: Германия может продолжать сопротивление не более чем несколько недель. Германское правительство не остановится перед тем, чтобы ради этого полностью расходовать те резервы, которые предназначались для погашения репарационных платежей. В этой оборонительной борьбе Германия, таким

их основе. Германия вполне откровенно старалась обеспечить себе выгодные позиции, сформулировав условия, которые означали полный пересмотр проблемы репараций. Вместо установленной в Лондоне в 1921 г. общей суммы репараций в 132 млрд. марок Германия предлагала ограничить ее обязательства 30 млрд. марок, причем выплата последних 10 млрд. из этой суммы оговаривалась рядом условий, ставивших вообще под сомнение то, что они будут выплачены. Если это предложение союзники сочтут неприемлемым, германское правительство предлагало передать вопрос на рассмотрение комитета экспертов в соответствии с предложением Юза.

Одновременно с этим Германия предлагала заключить соглашение о гарантиях на взаимной основе. Этот пункт был намеренно изложен в такой редакции, которая оставляла открытым вопрос о границах Германии на востоке, где германские правящие круги не желали отказываться от своих притязаний.

В довольно резком тоне в ноте отмечалось, что исходным условием осуществления перечисленных предложений должна быть предварительная эвакуация Рура. До этого германское правительство отказывалось прекратить сопротивление.

Расчет Берлина оказался, однако, ошибочным. Вместо того чтобы привести к изоляции Франции, германские предложения усилили позиции Пуанкаре, дав ему возможность квалифицировать их как «лишь слегка завуалированное, но систематическое восстание против Версальского договора». Отклонив германские предложения, французское и бельгийское правительства заявили, что их принятие «неизбежно повело бы к полной и окончательной ликвидации этого договора и необходимости составления другого, а также к моральному, экономическому, политическому и военному реваншу Германии». В ответ на требование эвакуации Рура франко-бельгийское заявление подчеркивало, что до прекращения сопротивления никакие германские предложения рассматриваться не будут.

Помимо того что неловкий дипломатический демарш Берлина затруднял осуществление расчетов Форин-оффиса на ускорение разрешения репарационной проблемы, нежелательными для Англии оказались германские предложения о значительном сокращении общей суммы репарационных обязательств Германии — в ноте от 2 мая они были значительно снижены даже по сравнению с планом Бонар Лоу, представленном им на Парижской конференции в январе. Это уже затрагивало английские интересы.

В беседе с итальянским послом, состоявшейся 3 мая, Керзон заметил, что «союзники должны быть настороже и не поддаваться игре германского правительства, имеющего целью вызвать еще бо́льшие расхождения между ними, что, по-видимому, является его намерением» [1].

Керзон предложил Пуанкаре совместно подготовить ответ на германскую ноту. Помимо желания оказать определенное давление на германское правительство и заставить его более внимательно прислушиваться к советам из Лондона Керзон стремился в возможной степени

образом, исчерпает те источники, которые должны были в будущем обеспечить выплаты ею репараций. Поэтому в интересах кредиторов Германии позаботиться о том, чтобы эта борьба была скорее прекращена.

Наступил момент, когда вмешательство необходимо, иначе катастрофа будет неминуемой, «внутреннее положение может роковым образом обостриться, в результате чего коммунизм усилится и одержит верх». Необходимо, чтобы Англия и США в соответствии с декабрьским предложением Юза срочно созвали конференцию экспертов (*L. Zimmermann.* Deutschen Aussenpolitik in der Ära der Weimarer Republik, S. 173—174).

[1] «I Documenti Diplomatici Italiani. Settima serie: 1922—1935», vol. II. Roma 1955, № 18, p. 11. (В дальнейшем: DDI.)

исправить ошибку, допущенную Берлином, и предупредить резкий ответ французского правительства на германскую ноту. Сам факт участия Франции в подготовке совместного ответа уже являлся бы косвенным согласием ее на дальнейшие переговоры, что и являлось целью Форин-оффиса. Пуанкаре, однако, ответил решительным отказом. Зная о закулисной деятельности д'Абернона, в Париже считали германскую ноту делом рук английской дипломатии.

Форин-оффису пришлось ограничиться посылкой самостоятельного ответа Германии. 13 мая Керзон сообщил в ответной ноте, что германские предложения явились для него «большим разочарованием». Отмечая, что содержащаяся в германских предложениях общая сумма репараций является недостаточной и гарантии ее уплаты слишком неопределенными, английское правительство предлагало Германии «представить более серьезные и ясные доказательства своей готовности платить, чем это было до сих пор».

Конец англо-французской Антанты

Пересмотренные германские предложения, подготовленные при участии английской дипломатии, были направлены союзным правительствам 7 июня. Германское правительство обходило молчанием наиболее острые вопросы: о предварительных условиях переговоров, о прекращении «пассивного сопротивления», о гарантиях безопасности и др. Главный акцент делался на то, что в создавшихся условиях Германии не остается ничего иного, как просить о созыве международной конференции, с тем чтобы вопрос о платежеспособности Германии был рассмотрен беспристрастными экспертами. Под давлением Англии и Бельгии французское правительство было вынуждено согласиться на совместное обсуждение вопроса.

Позиция Франции, настаивавшей в качестве предварительного условия для переговоров с Германией на отказе от «пассивного сопротивления», создавала трудную ситуацию для английской дипломатии. Не отвергая в принципе предложения Пуанкаре, Форин-оффис просил французское правительство уточнить, что оно понимает под прекращением «пассивного сопротивления»? В осторожной форме английское правительство выдвигало ряд возражений против французской позиции.

Только через две недели, 29 июня, в Лондон был направлен ответ французского правительства. Этот ответ являлся одним из наиболее характерных документов французской дипломатии того периода, когда французский империализм, претендуя на гегемонию в Европе, вступил в острую схватку со своими недавними союзниками — Англией и США. Вместе с тем ряд соображений, выдвинутых французским правительством, были не лишены оснований.

«Англия имеет совершенно ошибочное представление в отношении Германии, — говорилось во французской ноте. — Франция познала на собственном печальном опыте, что Германия, как нация, держит слово только под давлением необходимости и только когда отдает отчет, что она имеет дело с превосходящей силой... Если Англия выступает теперь как посредник, Германия наверняка объявит, что она оказалась более сильной и что она навязала союзникам свою волю. Она будет выполнять свои будущие обещания не лучше, чем в прошлом. Германия сначала должна почувствовать, что она действительно побеждена...

Поскольку Германия ничего не будет делать без принуждения, его следует продолжать и осуществлять без проявления слабости» [1].

Не вступая в спор с Пуанкаре, английское правительство предложило рассмотреть подготовленный Форин-оффисом проект совместного ответа Германии. Париж ответил отказом.

---

[1] Цит. по кн.: *C. Bergmann.* The History of Reparations. London, 1927, p. 198.

К этому времени для Пуанкаре стало очевидным, что оккупация Рура не дала ни угля, ни выплаты репараций, ни безопасности. Тем не менее французское правительство упрямо продолжало прежний курс.

«Око за око, зуб за зуб, — говорилось во французской ноте. — В точном соответствии с прецедентом, созданным Германией в 1871 г., Рур будет освобожден только тогда, когда Германия заплатит. Рейх должен быть доведен до такой степени лишений, чтобы он предпочел выполнение Версальского договора тем условиям, которые создает оккупация. Германское сопротивление должно быть прекращено без предварительных условий и без какой-либо компенсации» [1].

В своей ноте французское правительство ни словом не упомянуло об английском проекте ответа Германии. В Лондоне это было воспринято как оскорбление. Вскоре был опубликован английский ответ.

Английское правительство отмечало, что даже угроза войны в отношении Германии уже ничего не дала бы, так как ее платежеспособность была уничтожена в результате оккупации Рура. Продление оккупации ничего не даст — об этом свидетельствует тот факт, что в текущем году дела идут хуже, чем в прошлом. Репарационная комиссия в настоящем ее виде, без участия США, превратилась лишь в инструмент франко-бельгийской политики. Дело может в конце концов дойти до того, что вынудит английское правительство в интересах скорейшего разрешения проблемы репараций пойти на самостоятельные действия. В создавшихся условиях английское правительство не может рекомендовать Германии прекратить «пассивное сопротивление» [2].

Никогда еще вся глубина противоречий между недавними союзниками не обнажалась с такой прямотой и резкостью. Это был полный крах «сердечного согласия».

Итальянская авантюра на Корфу

Оккупация Францией Рура создавала, казалось, благоприятные возможности для новых маневров итальянской дипломатии. Прежде всего она попыталась использовать обострение франко-германских отношений. Подтолкнув Пуанкаре к осуществлению его агрессивных планов в отношении Германии, Муссолини в доверительном плане предложил Берлину свое сотрудничество против Франции. Одновременно итальянское правительство предложило Германии продать ей оружие [3]. Германское правительство, однако, не считало нужным в то время принять эти предложения.

Как выяснилось впоследствии, итальянская дипломатия вела весьма сложную игру: поддерживая сопротивление Веймарской республики против Франции с целью обострить обстановку в Европе, Муссолини снабжал деньгами Гитлера, поощряя его к ликвидации Веймарской республики.

Однако главную ставку в тот момент итальянская дипломатия делала на использование англо-французских противоречий.

Внимательно наблюдая за событиями, связанными с кризисом в Руре, Муссолини рассчитывал использовать обострение англо-французских противоречий для осуществления своих притязаний на Балканах. 27 августа 1923 г. группа членов международной комиссии, занимавшейся демаркацией греко-албанской границы, находясь на греческой территории в районе Янины, подверглась нападению неизвестных лиц [4]. Генерал

---

[1] Цит. по кн.: *C. Bergmann.* The History of Reparations, p. 200.

[2] См. там же, p. 202.

[3] Сообщение об этом дипломатическом зондаже со стороны фашистской Италии появилось в немецкой газете «Форвертс» 29 декабря 1927 г. Сведения эти не были опровергнуты ни германским МИД, ни Италией.

[4] Демаркационная комиссия действовала по поручению Конференции послов, которая представляла собой межсоюзнической орган, заменивший после 20 января Верховный совет мирной конференции.

Теллини, два его спутника и шофер — все четверо итальянцы — были убиты. Организаторы покушения остались неизвестными; нельзя, однако, не отметить, что с точки зрения итальянской дипломатии это событие произошло как раз в нужный момент.

Муссолини немедленно принимает решение использовать ситуацию для захвата острова Корфу. Для осуществления этого итальянская дипломатия проводит весьма несложную подготовку. 28 августа, несмотря на то что формально итало-греческие отношения еще не были установлены после переворота в Греции, имевшего место в сентябре 1922 г., итальянский посол явился к греческому министру иностранных дел и заявил ему резкий протест [1].

На следующий день в Афины был направлен грозный ультиматум. Италия требовала срочного расследования с участием итальянских властей, смертной казни для виновных и оплаты ущерба в размере 50 млн. лир. Все это должно было сопровождаться унизительной процедурой: греческий флот, спустив флаги, должен был произвести салют перед итальянским флагом. Признав свою ответственность в связи с тем, что инцидент произошел на греческой территории, правительство Греции в своем ответе выразило согласие принести Италии свои извинения в форме, совместимой с его национальным достоинством, а также выплатить компенсацию семьям погибших; оно возражало, однако, против тона и некоторых пунктов итальянского ультиматума.

Под тем предлогом, что греческое правительство «по существу полностью отвергло справедливые требования» Италии, итальянское правительство 31 августа в качестве «репрессивной меры» неожиданно оккупировало остров Корфу. Итальянский флот бомбардировал старый форт и высадил войска. Итальянский флаг был поднят над старой крепостью под звуки артиллерийского салюта военных кораблей [2]. Муссолини переслал донесение командующего флотом адмирала Солари королю Виктору-Эммануилу III. В тот же день он заявил, что Италия не покинет острова, пока Греция не выполнит всех ее требований.

Совершенно очевидно, что, затевая авантюру на Корфу, Муссолини рассчитывал поставить Европу перед совершившимся фактом. Выгодное стратегическое положение острова дало бы возможность Италии одним ударом захватить господствующее положение на Адриатическом море. Муссолини, однако, допустил крупный просчет, переоценив то значение, которое Англия придавала итальянской поддержке в репарационном вопросе. Несмотря на острую ситуацию в Руре, где английская дипломатия стремилась с помощью Италии осуществить дипломатическую изоляцию Франции, Англия не была намерена допустить, чтобы Италия укрепилась на Адриатике. Немедленно вслед за высадкой итальянских войск на Корфу греческое правительство обратилось с жалобой в Лигу наций. Это обращение получило полную поддержку английского правительства.

Начиная с этого момента итальянская дипломатия делала отчаянные усилия для того, чтобы выбраться из того трудного и опасного положения, в котором она оказалась в результате авантюристического шага Муссолини. Перспектива обсуждения вопроса в Лиге наций настолько беспокоила итальянского диктатора, что он был готов скорее пойти на выход Италии из Лиги наций, чем перенести «унизительную» процедуру обсуждения в Женеве, которая могла серьезно подорвать его престиж.

---

[1] DDI, Settima serie. 1922—1935, vol. II, № 192, p. 129.

[2] Как вскоре выяснилось, салюты в честь одержанной «победы» оказались безосновательными: старый форт давно не использовался в военных целях и служил лишь прибежищем для беженцев из Малой Азии. По свидетельству одного из очевидцев, в результате обстрела было около 100 жертв, из которых 20 убитых, в том числе 16 детей (*G. Salvemini.* Mussolini Diplomatico. (1922—1932), p. 64).

Проявляя уже с первых дней своего «ученичества» на посту премьера свойственные ему наглость и трусость, Муссолини поспешил заявить, что бомбардировка и оккупация Корфу не являлись военным актом, что конфликт между Грецией и Италией связан лишь с защитой последней своего престижа, являющейся «внутренним делом» страны. На этом основании итальянское правительство заявило, что Лига наций не компетентна рассматривать данный вопрос.

Французское правительство решило использовать представившийся случай для того, чтобы оторвать Италию от Англии и обеспечить себе ее поддержку в германском вопросе. Французская печать в умеренных тонах и с симпатией к Италии комментировала события на Корфу. В ответ на просьбу греческого правительства поддержать его обращение в Лигу наций французское правительство заявило, что оно рекомендует Греции договориться непосредственно с Италией и прежде всего советует ему воздержаться от каких-либо актов, которые могли бы изменить «миролюбивые намерения Италии». Муссолини не замедлил откликнуться на этот дружественный шаг: итальянское агентство печати опубликовало коммюнике, выражавшее глубокую признательность французскому правительству за солидарность с Италией и предсказывавшее дальнейшее тесное сотрудничество «двух латинских сестер».

Что касается Англии, то она стремилась разрешить конфликт, защитив свои позиции в Адриатике и одновременно сохранив возможность дальнейшего сотрудничества с фашистским диктатором. Характерно, что с первых же дней конфликта английское правительство, разъясняя свои позиции в беседах с представителями Рима, отмечало, что вопрос был поставлен перед Лигой наций исключительно по инициативе Греции и что английское правительство «не в состоянии» остановить его дальнейшее рассмотрение, но что, несмотря на это, позиция английского правительства не только не враждебна Италии в какой-либо мере, но даже сохраняет прежний дружеский характер. Вскоре, убедившись, что Муссолини согласен ликвидировать инцидент при сохранении возможности спасти свое лицо, Форин-оффис информировал его, что лорду Сесилю направлены указания «умерить свою деятельность и свои выступления» в связи с обсуждением вопроса о Корфу.

Заседание Совета Лиги наций было отложено, и вопрос срочно передан на рассмотрение Конференции послов под тем предлогом, что демаркационная комиссия действовала по ее поручению. Здесь, в закулисных условиях, быстро было выработано компромиссное решение, благоприятное для Италии. Греческому правительству была направлена нота, в которой Конференция послов от своего имени сформулировала условия, на которых она предлагала урегулировать инцидент. Они предусматривали, что Греция должна будет принести державам — участницам Конференции послов свои извинения и компенсировать понесенный Италией ущерб, хотя размер компенсации был установлен несколько меньшим, чем требовала Италия. Итальянское правительство согласилось с предложенными условиями, Греция также сообщила, что принимает их.

27 сентября итальянские войска эвакуировались с острова Корфу.

Революционный кризис в Германии и прекращение «пассивного сопротивления»

Политика «пассивного сопротивления», являясь формой борьбы германской буржуазии за свои империалистические интересы, создала германским промышленникам новые возможности обогащения посредством финансовых афер на падающей валюте и наступления на жизненный уровень трудящихся. Колоссальные средства, отпускаемые правительством на финансирование «пассивного сопротивления», достигавшие 200 млн. золотых марок в месяц, также попадали в их карманы.

Что касается рабочих, находившихся под двойным гнетом — «своих» и иностранных эксплуататоров, то их положение было невыносимым. В Руре и других частях Германии рабочий класс поднялся на борьбу против французской оккупации, а также против антинародной политики правительства Куно. Стало очевидным, что германская буржуазия, используя рурский конфликт для получения высоких прибылей и вместе с тем предавая интересы страны, фактически вступала в сговор с французскими империалистами для подавления революционного движения германского пролетариата. Поэтому Коммунистическая партия Германии выдвинула лозунг: «Бейте Куно и Пуанкаре и в Руре и на Шпрее!» [1]. Осенью 1923 г. рабочее движение достигло особенно широкого размаха. Начавшаяся в первых числах августа забастовка берлинских рабочих вскоре охватила всю страну. В Руре бастовало 400 тыс. человек. Правительство Куно было сметено. Новое правительство, сформированное 12 августа, возглавил Густав Штреземан, лидер Народной партии.

Напуганная размахом рабочих выступлений, грозивших перерасти в революцию, германская буржуазия поспешила пойти на соглашение с французским империализмом, чтобы в случае необходимости опереться на его штыки.

17 сентября германское правительство неофициально довело до сведения французского правительства, а также Англии, Италии и США, что экономическое положение Германии требует прекращения «пассивного сопротивления». Однако это должно быть сделано в такой форме, которая была бы «приемлема с точки зрения внутриполитического положения и которая даст возможность возродить хозяйственную жизнь в Рурской области без больших потрясений и избежать сильных беспорядков. В противном случае ответственность за хаос... падет на Францию».

26 сентября германское правительство объявило о прекращении «пассивного сопротивления». Французские войска были оставлены в Руре.

Между тем борьба рабочего класса Германии продолжала приобретать все больший размах и остроту. В Саксонии и Тюрингии в октябре 1923 г. были созданы рабочие правительства, в Гамбурге вспыхнуло восстание под руководством Э. Тельмана.

Развязав себе руки ликвидацией конфликта в Руре, правительство Штреземана обрушило суровые репрессии на рабочий класс. Власть в стране была фактически передана в руки военного командования, революционные выступления германских рабочих жестоко подавлены. Реакция наглела. 8 ноября в Мюнхене гитлеровцы организовали фашистский путч. Он был, однако, быстро ликвидирован: германская буржуазия тогда еще не нуждалась в Гитлере. В конце ноября к власти пришло правобуржуазное правительство В. Маркса, в котором Штреземан сохранил пост министра иностранных дел. Революционный подъем 1923 г. закончился временным поражением. Германская крупная буржуазия, сохранив свое господство с помощью правых лидеров социал-демократии, торжествовала победу.

Страх германских правящих кругов перед революцией заставил их искать защиты у французских империалистов. Стиннес обратился к французскому командующему генералу Дегуту с просьбой использовать французские войска против немецких рабочих в Руре. Снова оживилась деятельность сепаратистов. Ради спасения своего классового господства германская реакция была готова пойти на новое национальное предательство — на отделение от Германии Рейнско-Вестфальской области, чтобы использовать ее как плацдарм контрреволюции.

---

[1] См. *В. Д. Кульбакин.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962, стр. 186—187, 190, 192—193.

Французские правящие круги активно поддерживали германских сепаратистов. Вновь воскрешались планы создания прирейнского буферного государства и ослабления Германии путем ее расчленения. Одним из лидеров рейнских сепаратистов был бургомистр Кёльна Конрад Аденауэр. «Либо мы прямо присоединимся к Франции, либо же станем Западногерманской республикой — третьего не дано», — заявил он в одном из выступлений. 21 октября 1923 г., опираясь на французские штыки, сепаратисты провозгласили «Рейнскую республику». Франция поспешила признать ее временное правительство. В середине октября Бавария также фактически отделилась от Германии, баварские власти вступили в переговоры с французским правительством. «Если райху, казалось, угрожал развал, разве не следовало на оккупированных территориях вступить в переговоры с населением?» — оправдывал впоследствии Пуанкаре свои действия.

Тем временем французские промышленники начали новый тур переговоров со своими германскими коллегами. 23 ноября МИКУМ [1] заключает со Стиннесом соглашение о совместной эксплуатации угольных шахт в Руре. С каждой проданной тонны угля германская сторона обязывалась выплачивать Франции в счет репараций по 10 франков.

Франция стремилась в полной мере реализовать одержанную победу.

2. «План Дауэса»

Вмешательство США и Англии

Революционный кризис, назревавший в Германии осенью 1923 г., а также угроза, что Франция, используя сложившуюся обстановку, извлечет все выгоды из своей победы в Руре, вызвали сильнейшее беспокойство в Вашингтоне и Лондоне. 8 октября, выступая в Монреале, Ллойд Джордж, предупредив об опасности, которой чревата для буржуазного мира обстановка в Германии, высказался за немедленное претворение в жизнь «плана Юза». Днем позже новый президент США Кулидж, сменивший умершего Гардинга, подтвердил в заявлении для прессы, что правительство США считает свои прежние предложения остающимися в силе. Началась активная дипломатическая переписка.

В памятной записке, переданной госдепартаменту 13 октября, английское правительство, выражая свою тревогу по поводу того, что не только Германия, но и вся Европа двигаются к экономической «катастрофе», сообщало о своем намерении, в случае согласия на то правительства США, немедленно обратиться к нему от имени европейских союзников с просьбой официально или неофициально участвовать в обсуждении репарационной проблемы в соответствии с предложением, сделанным Юзом в декабре 1922 г. [2]

Предвидя возражения со стороны Франции, английское правительство одновременно ставило вопрос: согласятся ли США принять участие в подобном обсуждении также и в том случае, если не все европейские державы проявят единодушие? В противном случае, примут ли США участие, если обсуждение будет предложено в рамках репарационной комиссии или какого-либо органа, который будет ею создан?

США не замедлили сообщить в Лондон о своем согласии принять участие в экономической конференции, на которой были бы представлены все европейские союзники, заинтересованные в германских репарациях,

---

[1] MICUM — Mission Interalliée de Contrôle des Usines et Mines — франко-бельгийская контрольная комиссия в Руре.

[2] «Foreign Relations... 1923», vol. II, p. 68—70.

оговорив, однако, три условия: 1) США не намерены освобождать Германию от ответственности за войну и от выполнения «справедливо» возложенных на нее обязательств; 2) решения конференции не будут иметь обязательного характера и будут опираться только на деловой авторитет экспертов; 3) не будет устанавливаться никакой связи между проблемой репараций и долгами союзников Америке [1].

Ответ был составлен с учетом изоляционистских настроений конгресса и оставлял за США свободу рук. В то же время пункты 1 и 2 должны были затруднить для Франции попытки уклониться от американского посредничества. Указание на консультативный характер конференции позволяло американской дипломатии отвести возможные возражения Пуанкаре о том, что ее созыв противоречил бы Версальскому договору. Пункт 3 не нуждался в комментариях — всевластие бизнеса накладывало неизгладимый след на стиль дипломатии.

Впервые выразив готовность принять участие в международной конференции по репарационному вопросу, американское правительство отмечало, однако, что ее созыв при отсутствии согласия на это со стороны всех заинтересованных европейских государств не дал бы возможности прийти к окончательным решениям. Что касается участия США в комитете экспертов, который был бы создан репарационной комиссией, Юз выразил на это свое согласие.

Опираясь на состоявшийся обмен мнениями, Форин-оффис не замедлил довести до сведения европейских союзников соответствующие предложения. Новый английский премьер Болдуин, сменивший Бонар Лоу в мае 1923 г., выступая в Плимуте 25 октября, патетически обратился к Пуанкаре с просьбой «подумать, дважды подумать, трижды подумать, прежде чем отклонить это предложение».

Госдепартамент также решил оказать нажим на Париж. В беседе с французским поверенным в делах Лабуайе 22 октября Юз обратил внимание на серьезность положения в Германии, которое, заявил он, «скоро может достигнуть такой стадии, когда вообще уже никаких репараций получить с Германии будет нельзя». Американское общественное мнение, продолжал Юз, впервые переходя на подобный тон, «не сможет понять» дальнейшее затягивание вопроса Францией.

Следуя рекомендациям из Лондона, германское правительство 24 октября направило репарационной комиссии ноту, в которой, заявляя о своей готовности возобновить выплату репарационных платежей Франции и Бельгии, просило, ссылаясь на Версальский договор, изучить ее ресурсы и определить платежеспособность [2].

После прекращения Германией «пассивного сопротивления» это заявление Берлина лишало Францию возможности продолжать обструкционистскую политику, которую она проводила в репарационной комиссии начиная с января 1923 г. Заседание комиссии для рассмотрения германской ноты было назначено на 26 октября. Обстановка снова стала напряженной.

Накануне заседания, 25 октября, Юз дал указание Уайтхаузу и американскому наблюдателю в репарационной комиссии Логану «использовать каждую возможность для того, чтобы разъяснить французскому правительству, что в США рассматривают положение в Германии как весьма серьезное и считают необходимым немедленное принятие соответствующего финансового плана».

---

[1] «Foreign Relations... 1923», vol. II, p. 70—73.

[2] Ст. 234 Версальского договора устанавливала, что «Репарационная комиссия должна будет после 1 мая 1921 г. изучать от времени до времени ресурсы и платежеспособность Германии и, дав представителям этой страны справедливую возможность быть выслушанными, она будет иметь все полномочия продлить период и изменить форму платежей...» («Версальский договор», стр. 85).

Однако в лице Пуанкаре госдепартамент и Форин-оффис встретили упорного и изощренного в юридических тонкостях противника. Вынужденное в силу обстоятельств пойти на обсуждение репарационной проблемы, французское правительство, уклонившись от предложенной конференции, ухватилось за мысль, что вопрос может быть передан на рассмотрение комитета экспертов, который действовал бы по поручению репарационной комиссии. Тактическая линия французской дипломатии сводилась к тому, чтобы, привязав создание названного комитета к соответствующим положениям Версальского договора, строго ограничить его функции и оградить, таким образом, предусмотренные договором права Франции от покушения со стороны союзников.

В своем ответе от 26 октября французское правительство, заявляя о согласии на создание комитета экспертов, разъясняло, что создание этого комитета не будет означать какого-либо ущемления прав репарационной комиссии. Французское правительство сводило дело, по существу, к тому, что комитет имел бы право подготовить рекомендации для комиссии лишь по вопросам, касающимся формы выплаты Германией репараций, но не их объема и срока выплаты. В ноте отмечалось далее, что Франция никогда не согласится на какое-либо сокращение общей суммы германских обязательств, установленной в мае 1921 г.[1]

Ответ, направленный в Лондон, был одновременно доведен до сведения госдепартамента. В нарушение установившейся практики французский поверенный в делах, зачитав Юзу документ, не позаботился вручить его государственному секретарю. Беседа закончилась сухо. Выслушав Лабуайе, Юз заметил, что позиция США ясна из материалов, опубликованных в прессе[2].

Дипломатический ход Пуанкаре в связи с предложением о созыве комитета экспертов вызвал возмущение в Вашингтоне. Еще в 1922 г. Дж. П. Морган решительно заявил, что он не примет участия в международной экономической конференции, если ее компетенция будет «искусственно ограничена». Юз, разумеется, придерживался того же мнения.

Настроение, которое в эти дни господствовало в госдепартаменте, хорошо иллюстрирует запись Кастла, сделанная им в дневнике 2 ноября. Отмечая, что Франция «быстро теряет симпатии» США, Кастл высказывал мнение, что правительству Соединенных Штатов следовало исходить из того, что позиция Франции делала получение репараций невозможным, в результате чего выплата Европой долгов Америке оказывалась под угрозой. «...Если Франция не займет более разумной позиции, — писал он, — мы будем вынуждены предъявить наши претензии. Тогда из франка посыплются искры...»

В связи с тем, что английское правительство взяло на себя подготовку проекта повестки дня заседания комитета экспертов, французское правительство внесло в английский проект существенные поправки. Они сводились к следующему: 1. Изучение вопроса комитетом экспертов должно касаться платежеспособности Германии только в настоящее время или в течение короткого ближайшего срока. 2. Эксперты не должны поднимать вопрос о сокращении общей суммы репараций. 3. Комитет не должен поднимать вопрос о законности оккупации Рура[3].

В беседе с Жюссераном, который сообщил эти замечания французского правительства, Юз согласился, что комитет экспертов не будет уполномочен заниматься политическими аспектами проблемы оккупации

---

[1] *E. Weill-Raynal.* Les Réparations allemandes et la France, p. 502—503.

[2] Юз имел в виду ответ американского правительства от 15 октября на английские предложения от 13 октября 1923 г. Публикация ответа была приурочена к моменту возобновления работы репарационной комиссии 26 октября 1923 г.

[3] «Foreign Relations... 1923», vol. II, p. 90.

Рура; что же касается пункта 1, то он резко заявил, что «не понимает», что имеет в виду Пуанкаре. США явно добивались согласия Франции на пересмотр, а следовательно, уменьшение общей суммы репараций. Не желая идти на это без предварительного согласия США на соответствующее сокращение французского долга, правительство Пуанкаре, сославшись на то, что согласно Версальскому договору репарационная комиссия имела право принимать решения об отсрочке германских платежей не более как до 1930 г., предложило, чтобы компетенция комитета экспертов в отношении установления платежеспособности Германии также была ограничена этим сроком.

В тот же день английский представитель в репарационной комиссии выдвинул более эластичную формулировку, предусматривавшую, что комитет экспертов будет создан с целью «изучения платежеспособности Германии и подготовки предложений финансового характера для обеспечения указанных платежей». Барту немедленно внес редакционную поправку, вставив фразу: «...в пределах полномочий репарационной комиссии», и снова оговорил, что речь идет о платежеспособности Германии «в настоящее время». В связи с тем, что Италия и Бельгия были готовы поддержать английскую формулу, французский представитель напомнил соответствующую статью Версальского договора, предусматривающую, что в создавшейся ситуации решение может быть принято только при единодушном голосовании всех членов комиссии. Договориться о формуле, определяющей компетенцию комитета, не удалось [1].

Тем временем поступили сообщения о подготовке соглашения между МИКУМ и Стиннесом. В беседе с Кастлом Юз заметил, что не удивился бы, если бы после этого Франция вообще перестала интересоваться репарациями, поскольку она добилась того, к чему стремилась — «схватила Германию за горло». «Теперь ей будет безразлично, будет ли она изолирована или нет, и она уже не будет больше толковать о святости договоров» [2].

9 ноября американское правительство официально заявило, что считает создание комитета экспертов для целей, ограниченных в соответствии с условиями, выдвинутыми Францией, совершенно бесполезным. Переговоры были прерваны.

США навязывают Франции «план Юза»

Позиция Франции в репарационном вопросе серьезно осложнила ее положение среди союзников. Англия заявила, что позиция Франции была нелояльной и что она потеряла к ней доверие. Италия после провала авантюры на Корфу снова сблизилась с Англией и шла в фарватере ее политики; Бельгия, несмотря на финансовую зависимость от Франции, выразила свое согласие с американским предложением. Пуанкаре оказался в изоляции, и союзники не замедлили дать это почувствовать.

Внешнеполитические осложнения и все более резкая критика, которой подвергалось правительство в парламенте, делали позицию Пуанкаре, особенно в связи с приближающимися выборами, весьма шаткой. Положение усугублялось назревающим финансовым кризисом. Американские и английские банки начали выбрасывать на рынки в больших количествах французскую валюту, способствуя дальнейшему падению франка [3].

---

[1] *R. C. Dawes.* The Dawes Plan in the Making. N. Y., 1925, p. 289.

[2] Цит. по кн.: *D. B. Gescher.* Die Vereinigten Staaten von Nordamerika und die Reparazionen, S. 201.

[3] Финансовая буря разразилась несколько позже, в феврале — марте 1924 г. Резкое падение франка вызвало панику на валютном рынке. Все язвы французских финансов оказались обнажены. Пуанкаре вынужден был дать объяснение финансовой комиссии. «Если справедливо, что управлять — значит предвидеть, — писал французский официоз «Тан» 21 января 1924 г., — то правительство совершило тяжкую ошибку. Финансовая программа, кое-как состряпанная за двадцать четыре часа, свидетельствует о его растерянности». Обвиняя правительство в «безволии и бездеятель-

Оказавшись на грани банкротства, французское правительство было вынуждено просить финансовой поддержки извне. И просить пришлось у того самого Моргана, с которым довольно недавно Пуанкаре обошелся высокомерно. Теперь условия диктовал Морган. Франция получила краткосрочный заем в 100 млн. долл., но за это от нее фактически потребовали полной капитуляции в вопросе о созыве комитета экспертов. В связи с этим английская газета «Дейли ньюс» 14 марта злорадно писала, что речь идет о мероприятии, которое рассчитано на то, чтобы дать возможность Франции вздохнуть, привести в порядок свои дела и «окончательно отказаться от дискредитировавшей себя политики умиротворения Европы при помощи силы».

Кредиторы оказались, однако, достаточно «великодушны» и дали возможность Пуанкаре спасти свое лицо. Сделано это было следующим образом. По инициативе Франции, получившей одобрение Логана, репарационная комиссия приняла 30 ноября решение о создании двух комитетов: одного для изыскания средств сбалансирования германского бюджета и другого для определения размеров вывезенных из Германии капиталов. Незадолго перед тем Барту попросил правительство США назначить своих экспертов для участия в работе комитетов.

Смысл этого дипломатического хода заключался в том, что Франция наконец соглашалась с американским предложением о передаче репарационной проблемы на рассмотрение комитета экспертов, однако на этот раз предложение формально вносилось не США, а репарационной комиссией, где председательствовал Барту, которая действовала как бы по своей инициативе.

«В настоящем виде, — отмечал Бергман, — резолюция звучала совершенно безобидно даже для ушей Пуанкаре. Ни слова не было сказано об изучении платежеспособности Германии, установлении репарационного долга или об оккупации Рура» [1]. Вместе с тем, отмечал он далее, поручения экспертам были сформулированы так эластично, что позволяли достигнуть той цели, «к которой стремились многие члены комиссии с начала 1922 г.» Понимал ли тогда Пуанкаре подлинное значение резолюции репарационной комиссии? Это остается вопросом. Во всяком случае, он с ней согласился, писал Бергман.

Бергман, видимо, желал казаться более наивным, чем был на самом деле. Очевидно, ему было известно письмо Барту на имя Логана, в котором французское правительство, уточняя толкование принятой формулы, признавало за создаваемыми комитетами право на изучение всей проблемы репараций в целом [2]. Кроме того, было сделано «чрезвычайно доверительное сообщение, что французы не будут возражать против изучения всей репарационной проблемы, включая даже сокращение долга», хотя формально вопрос так не должен был ставиться. На этих условиях Вашингтон дал согласие на участие американских экспертов в работе комитетов. Забрав, по существу, в свои руки всю проблему, США продолжали подчеркивать «неофициальный» характер своего участия.

ности» в течение двух лет, даже крайне правые требовали его немедленной отставки (см. *Эдуард Эррио*. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936. М., 1958, стр. 181—184).

[1] *C. Bergmann*. The History of Reparations, p. 221.

[2] В письме Барту от 5 декабря говорилось: «В том, что касается стабилизации валюты, экспертам будет предложено прежде всего определить условия, которые должны быть созданы для того, чтобы валюта могла быть стабилизирована, и затем установить меры, которые должны быть последовательно приняты, чтобы все эти условия были осуществлены».

В ответном письме от 12 декабря Логан, отметив, что американское правительство принимает к сведению это разъяснение Барту, выразил от его имени надежду, что «благодаря этим комитетам будет найдено практическое и справедливое решение рассматриваемой проблемы». Речь шла, таким образом, о проблеме репараций в целом. Французское правительство не опровергло этого заявления Логана.

Выработанный около года назад госдепартаментом план — выждать время и затем нанести удар по французским финансам — был наконец осуществлен.

Подготовка «плана Дауэса»

В соответствии с решением репарационной комиссии от 30 ноября 1923 г. было создано два комитета экспертов в составе представителей США, Англии, Франции, Италии и Бельгии. Председателем первого комитета, которому поручалось рассмотрение методов сбалансирования германского бюджета и обеспечения стабильности валюты, был назначен Чарлз Дауэс, американский банкир, директор одного из банков группы Моргана в Чикаго. В годы первой мировой войны, имея ранг бригадного генерала, Дауэс возглавлял организацию снабжения американской армии в Европе. Вторым американским представителем в первом комитете был Оуэн Юнг, генеральный директор компании «Дженерал электрик», также контролируемой Морганом.

Перед своим отъездом в Европу «беспристрастные» эксперты получили подробный инструктаж от Юза, который подчеркнул, что задачей комитета является рассмотрение «всех элементов» проблемы, которая передается на его рассмотрение [1].

Во главе второго комитета, которому было поручено определение размеров германских капиталов, эмигрировавших за границу, и изыскание путей для их возвращения, был поставлен английский финансист Мак Кенна.

В выработке предложений первого комитета непосредственное участие принимали многие видные представители американского крупного капитала — Т. Ламонт, А. Гарриман, Г. Гувер и др., а также немецкий финансист Шахт, незадолго до этого ставший президентом Рейхсбанка.

Оба комитета приступили к работе в середине января 1924 г. в Париже. Первый комитет, несмотря на формальное признание Дауэсом ограничений, предусмотренных ст. 234 Версальского договора, фактически взял на себя изучение всей репарационной проблемы в целом, хотя и не формулировал этого официально в своей повестке дня. «Каким образом удалось добиться сотрудничества французских членов комитета и прежде всего согласия Пуанкаре на такое расширение проблемы — это вопрос, на который, учитывая характер случая, нельзя получить определенного ответа» [2],— отмечал Бергман, деликатно умалчивая о роли Дж. П. Моргана, находившегося за кулисами. Как писал Шахт в своих мемуарах, американцы уже располагали таким весом в переговорах, что никто не смел им противоречить [3].

9 апреля 1924 г. оба комитета представили свои доклады репарационной комиссии. Предложения первого комитета, изложенные в объемистом документе, насчитывающем около двухсот страниц, и получили наименование «плана Дауэса».

Центральное место в «плане Дауэса» заняли мероприятия, имевшие целью укрепление основ буржуазного строя в Германии и создание благоприятных условий для внедрения в ее экономику американского капитала. Проблема репараций, для урегулирования которой «план Дауэса» и был предложен, фактически оказалась отодвинутой на задний план.

Основные вопросы, рассмотренные в плане, можно свести к следующим: 1. Стабилизация германской валюты. 2. Источники покрытия репараций. 3. Проблема трансфера. 4. Экономическое единство Германии. 5. Мораторий и размеры ежегодных платежей Германии.

Особое внимание, которое уделили составители плана вопросу стабилизации германской валюты, было непосредственно связано с расчетами

[1] *R. Dawes.* The Dawes Plan in the Making, p. 21.
[2] *C. Bergmann.* The History of Reparations, S. 230.
[3] *J. Schacht.* Mémoires d'un magicien, vol. I. Paris, 1954, p. 209.

на интенсивные капиталовложения в германскую экономику, давно уже вынашивавшимися в деловых кругах США и Англии, — ведь устойчивая валюта является главным предварительным условием каких-либо инвестиций. Кроме того, возникновение новой инфляции в Германии не только грозило бы обесценить будущие американские и английские капиталовложения, но и было невыгодно для США и Англии также с точки зрения их конкурентной борьбы с Германией на мировых рынках. Как известно, огромное усиление эксплуатации трудящихся и ограбление широких слоев населения в капиталистических странах с инфляционной валютой, обеспечивая громадные прибыли монополистам этих стран, значительно облегчают их борьбу со своими конкурентами.

В целях стабилизации германской марки план предусматривал предоставление Германии крупного международного займа (800 млн. марок), большая часть которого должна была быть размещена в США. Задаче обеспечения стабильности германской валюты были подчинены все основные положения «плана Дауэса».

Важное значение имел вопрос об источниках покрытия репараций. В этом вопросе комитет экспертов руководствовался тем принципом, что реальное обеспечение выплаты Германией репараций могло быть достигнуто лишь путем ее хозяйственного восстановления. В качестве главного источника покрытия репараций имелись в виду доходы государственного бюджета (предусматривалось введение высоких косвенных налогов на предметы широкого потребления — сахар, табак, пиво, ткани, обувь). Главное бремя репараций возлагалось, таким образом, на плечи германских трудящихся.

Меньшая доля платежей должна была покрываться за счет прибылей германских железных дорог и промышленных компаний. Это решение имело целью, в частности, ослабить конкурентоспособность некоторых германских фирм в области добывающей и обрабатывающей промышленности и судоходства. Та часть американских монополий, которой в наибольшей степени угрожала германская конкуренция, пыталась создать определенные гарантии против опасного усиления своего противника.

Практически предусматривалось, что эта часть репарационных платежей будет обеспечиваться ежегодными взносами в счет погашения специальных облигаций, выпущенных акционерным обществом железных дорог на сумму 11 млрд. марок и промышленными компаниями на сумму в 5 млрд. марок. Ежегодный взнос из расчета 6% годовых должен был составлять 960 млн. марок. Следует отметить, что и эта часть репараций, в копечном счете, также покрывалась германскими трудящимися.

Для предупреждения новой инфляции в Германии, которая могла бы возникнуть в результате перевода ею за границу крупных сумм в порядке выплаты репараций, «план Дауэса» предусматривал установление соответствующего контроля над переводом германских платежей за границу. Кроме того, под иностранный контроль ставились также государственный бюджет Германии, система денежного обращения и в значительной степени система кредита.

Финансовый контроль сосредоточивался в руках генерального агента по репарациям, являвшегося председателем комитета по трансферу. Учреждение этой системы контроля оставляло за репарационной комиссией лишь чисто номинальные функции. Добившись впоследствии назначения на должность генерального агента по репарациям своего представителя [1], США оттеснили Францию, игравшую главную роль в репарационной комиссии, и поставили весь сложный механизм «плана Дауэса» под свой контроль.

---

[1] Первоначально на должность генерального агента по репарациям был назначен О. Юнг, а затем — бывший заместитель министра финансов США П. Джильберт.

В остром противоречии с устремлениями США находилось то, что Рурская область продолжала оставаться под французской оккупацией. Для устранения этого противоречия американская дипломатия предприняла следующий ход. Не поднимая формально вопроса о прекращении военной оккупации Рура, Дауэс потребовал, чтобы французские власти полностью перестали вмешиваться в экономическую жизнь оккупированных территорий. Под давлением американского и английского представителей комитет принял решение, что платежеспособность Германии может быть восстановлена только при условии ее экономического и фискального единства. Это означало полный отказ Франции от принципа «продуктивных залогов», на котором до этого времени была построена вся политика Пуанкаре в рурском вопросе.

«План Дауэса» не фиксировал ни общей суммы репараций, ни окончательного срока их выплаты и устанавливал лишь размеры ежегодных платежей Германии. Исходя из того, что Германии понадобится четыре года для стабилизации своей экономики и финансов, авторы плана предоставили ей на этот срок частичный мораторий. Практически это выразилось в том, что размеры репарационных платежей на протяжении этих лет были значительно снижены и должны были лишь постепенно увеличиться с 1 млрд. марок в 1924/25 г.[1] до 2,5 млрд. марок в 1928/29 г. В дальнейшем ежегодные репарационные платежи должны были исчисляться, исходя из основы в 2,5 млрд. марок, в зависимости от «индекса благосостояния» Германии, который устанавливался комитетом экспертов.

Новый план предусматривал, таким образом, значительное сокращение общих репарационных обязательств Германии. По сравнению со схемой 1920 г., по которой Германия начиная с 1931/32 г. должна была выплачивать по 6 млрд. марок ежегодно, платежи по новой схеме были уменьшены более чем в 2 раза. По подсчетам финансистов, при условии функционирования «плана Дауэса» на протяжении 60 лет (т. е. не считая первых четырех лет частичного моратория, до 1988 г.) общая сумма репарационных платежей составила бы менее 50 млрд. марок против 132 млрд. марок, утвержденных союзниками в 1921 г.[2]

Что касается итогов работы второго комитета, то он быстро пришел к выводу о невозможности установить точно размер эмигрировавшего из Германии после окончания войны капитала, поскольку банки, охраняя тайну бизнеса, отказывались сообщать сведения о депонированных в них вкладах. Указанная им приблизительная сумма в 2 млрд. марок имела целью выявить необоснованность утверждений Пуанкаре, не раз заявлявшего в своих выступлениях, что величина германских капиталов, «бежавших» от выполнения Версальского договора, составляла около 8 млрд. марок.

Лондонская конференция 1924 г.

Эпилогом борьбы, развернувшейся в связи с рурским кризисом, явилась Лондонская конференция 1924 г. Она проходила уже в новых международно-политических условиях. Глубоко обеспокоенные острым социальным кризисом в Германии, империалистические державы считали необходимым объединить усилия для борьбы с революционным движением в Западной Европе. Это требовало скорейшего разрешения репарационной проблемы и устранения тем самым фактора, способствовавшего обострению внутриполитического положения в капиталистических странах.

Корабль Западной Европы выводился из зоны опасных бурь под флагом пацифизма и умиротворения. Внешне все выглядело так, будто

[1] К этому следует добавить, что 800 млн. марок из этой суммы фактически покрывались за счет предоставленного Германии займа и лишь 200 млн. марок за счет ее собственных средств.

[2] *E. Weill-Raynal.* Les Réparations allemandes et la France, p. 617—618.

наконец-то Европа обретает долгожданный мир: Германия, прекратив сопротивление, и Франция, отказавшись от своей «победы» в Руре, вступают на путь лояльного сотрудничества. В действительности, однако, играя на стремлении народных масс к миру, организаторы пацифистской шумихи применяли наиболее удобную маскировку восстановления Германии как оплота европейской реакции под видом вовлечения ее «в семью европейских народов». Вместе с тем пацифистские речи должны были служить утешением для французской буржуазии, переживавшей горечь выявившейся в конечном счете неудачи похода на Рур.

В мае 1924 г. во Франции пришло к власти правительство «левого блока» во главе с Эдуардом Эррио. Рассчитывая поправить французские финансы за счет германских репарационных платежей, новое правительство искало решения вопроса на основе соглашения с США и Англией.

Временное поражение революционного германского пролетариата в конце 1923 г. создавало предпосылки для капиталистической стабилизации в Германии; однако монополии страны нуждались для этого в крупных вложениях иностранного капитала, которые могли быть получены только из США. Привлечь Соединенные Штаты к финансированию капиталистической стабилизации в Европе стремилось также правительство Макдональда, пришедшее к власти в Англии в результате выборов в декабре 1923 г. Оно связывало с этим расчеты на использование германских рынков и воссоздание «европейского равновесия». Сложившаяся к началу 1924 г. обстановка благоприятствовала, таким образом, осуществлению экспансионистских замыслов, давно вынашивавшихся американскими финансовыми и промышленными королями.

Для утверждения плана урегулирования репарационной проблемы, подготовленного комитетом экспертов, была созвана новая конференция в Лондоне.

Конференция открылась 16 июня. Ее участниками были державы — кредиторы Германии — Англия, Франция, Италия, Бельгия, Япония, а также Греция, Югославия, Румыния, Португалия. США официально не участвовали в конференции и были представлены послом в Лондоне Келлогом, а также Логаном, располагавшими «ограниченными полномочиями». Вместе с тем как бы «случайно» в Лондон съехались в это время наиболее крупные представители американского финансового мира — Дж. П. Морган, Т. В. Ламонт, министр финансов Меллон, глава банкирского дома «Кун, Леб и К°» Отто Кун и др.

В отличие от Парижской мирной конференции 1919 г., где американская дипломатия потерпела поражение в попытках навязать Западной Европе свою программу, на Лондонской конференции 1924 г. заокеанские банкиры, оставаясь за кулисами, фактически были господами положения. «В Лондоне на минуту приподнялся занавес, обычно скрывающий сцену от взоров народа. И мы увидели на ней «деус экс махина» современной политики, подлинного хозяина демократий, считаемых суверенными: финансиста, денежного туза», — заявил во французском парламенте один из участников конференции.

Прибыл в Европу и Юз, но не в качестве государственного секретаря, а в роли президента «Ассоциации американских юристов», сопровождаемый эскортом в составе двух тысяч американских и канадских юристов. Юз развернул энергичную деятельность. Большое значение, в частности, имела его поездка в Париж, где он встречался с Эррио и Пуанкаре и вынудил французское правительство пойти на ряд новых уступок. Направившись затем в Берлин, он добился также согласия германского правительства на принятие «плана Дауэса». Юз сообщил об этом Келлогу по телефону еще до прибытия германской делегации в Лондон.

Будучи главным кредитором «плана Дауэса», США диктовали участникам конференции, и прежде всего Франции, свои условия. Это проявл-

лось и в том, что Францию вынудили согласиться на приглашение германской делегации не только к подписанию ряда соглашений с союзниками, но и к участию в их подготовке.

Стремясь оградить будущие американские капиталовложения в Германии от опасности новых социальных потрясений в стране и от угрозы повторного вторжения Франции в Рур, дипломатия США выдвинула требование, чтобы Франция впредь была лишена возможности самостоятельно осуществлять санкции против Германии. В связи с этим одним из наиболее важных и острых вопросов на конференции явился вопрос о санкциях, и в частности о праве констатации факта возможного уклонения Германии от выполнения обязательств.

Первоначально при рассмотрении вопроса в одной из комиссий конференции французской дипломатии удалось добиться согласия, что этот вопрос останется в пределах компетенции репарационной комиссии, правда с обязательным участием в ее заседаниях представителя США. Французской дипломатии, таким образом, казалось, удалось «продать» вторично то, что было уступлено еще раньше, — право на представительство в репарационной комиссии было предоставлено США еще Версальским договором.

Английское правительство по тактическим соображениям согласилось с французским предложением. Что касается США, то подобное решение вопроса, оставлявшее за Францией возможность самостоятельного применения санкций, их совершенно не устраивало.

Добиваясь установления полного контроля за решением вопроса о санкциях, США пригрозили, что они прекратят финансовую помощь Франции[1] и откажутся от предоставления Германии репарационного займа, с чем французское правительство связывало надежды на быстрое возобновление Германией репарационных платежей. «...Прежде чем согласиться вложить часть своих сбережений в ценные бумаги, вроде облигаций предполагаемого займа, — заявил О. Юнг представителям печати, — американский гражданин должен быть уверен, что экономическое развитие страны, получающей заем, не будет нарушено непредвиденным или неоправданным вмешательством извне... и что платежи в счет погашения займа ни в коем случае не будут использованы иностранной державой не по назначению». Одновременно с этим был сделан намек, что США намерены также потребовать от Франции погашения ее военного долга, не считаясь ни с какими обстоятельствами.

Французская дипломатия капитулировала: 31 июля французское правительство согласилось с тем, что при рассмотрении вопроса о применении санкций репарационная комиссия в отличие от первоначального проекта могла принимать решение не большинством голосов, а лишь единогласно. В случае, если бы репарационная комиссия не пришла к единодушному мнению, новое французское предложение предусматривало передачу вопроса в арбитражную комиссию из трех членов, два из которых назначались сторонами в споре, а третий — председатель — был бы представителем США. Стороны обязывались принять решение арбитражной комиссии как окончательное.

Дипломатия доллара добилась своего — США получали право вето, их роль в вопросе о санкциях становилась решающей. Формально сохраняя право на применение санкций в случае намеренного уклонения Германии от выполнения обязательств, Франция фактически лишалась возможности осуществить их без согласия США и Англии.

Как только вопрос о санкциях был улажен, США заметно ослабили давление на Францию: краткосрочный заем, предоставленный в марте,

[1] Заем в 100 млн. долл. был предоставлен Франции банком Моргана в марте 1924 г. на срок до 19 сентября 1924 г.

был превращен в долгосрочный, настойчивые требования о выплате военных долгов утихли.

Другим важным вопросом, вокруг которого на конференции развернулась острая борьба, был вопрос о военной эвакуации Рура. Пользуясь тем, что формально этот вопрос не был включен в повестку дня, французская дипломатия попыталась выдвинуть возражения. Германское правительство, со своей стороны, настаивало на военной эвакуации Рура. США стали полностью на сторону германских монополий. Снова пригрозив отказом в предоставлении репарационного займа, американские дипломаты заставили Францию отступить и в этом — она обязалась вывести войска из Рура в течение года.

Основным итогом Лондонской конференции, закончившей работу 16 августа 1924 г., было принятие «плана Дауэса». Решения конференции были оформлены в виде ряда приложений к заключительному коммюнике. Они содержали соглашения между германским правительством и союзными державами по вопросам, касающимся претворения в жизнь «плана Дауэса», о германских товарных поставках и по вопросу об экономической эвакуации Рура. Вопрос о выводе французских и бельгийских войск из Рура не был включен, по формальным соображениям, в официальные решения конференции. Соглашение по этому вопросу было осуществлено в виде обмена нотами между Францией, Бельгией и Германией, состоявшегося в день закрытия конференции.

Политическое значение «плана Дауэса»

Пользуясь тем, что формально «план Дауэса» касался только условий и порядка выплаты Германией возложенных на нее репарационных обязательств, буржуазная историческая наука обычно изображает его как чисто техническое решение сложного узла финансово-экономических проблем. Акцентируя внимание на вопросах сбалансирования германского бюджета и стабилизации валюты, буржуазные фальсификаторы утверждают, что создатели плана совершенно «игнорировали политические аспекты проблемы» и стремились «отделить репарационную проблему от сферы международной политики» [1].

Подобные утверждения не выдерживают серьезной критики. «План Дауэса» в действительности явился одной из важных вех в формировании и проведении в жизнь того опасного для дела мира политического курса западных держав во главе с США, который был рассчитан на ускоренное восстановление военно-промышленного потенциала германского империализма и превращение Германии в ударную силу для борьбы против революционного движения в Европе и прежде всего против Советского Союза. «План Дауэса» противоречил интересам немецкого народа; он ухудшал положение трудящихся и укреплял германские монополии.

Являясь своего рода прообразом «плана Маршалла», принятый на Лондонской конференции «план Дауэса» отражал стремление правящих кругов США укрепить позиции капиталистической системы в Европе и во всем мире, обеспечить утверждение господства американского монополистического капитала в Германии, усилить финансовую зависимость Англии, Франции, Италии и других стран от Соединенных Штатов, посадить Европу на американский паек и диктовать ей свою волю [2].

Соблазненные перспективой колоссальных доходов, которые сулило финансирование восстановления германской военно-промышленной базы, правящие круги США и Англии вместе с тем не могли не ставить перед

---

[1] См., напр., *C. G. Haines, R. J. S. Hoffman.* The Origins and Background of the Second World War. N. Y., 1947, p. 159; *F. Schuman.* War and Diplomacy in the French Republic, p. 289.

[2] См. *Н. Иноземцев.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., Госполитиздат, 1960, стр. 230.

собой вопроса: не приведет ли этот курс к возрождению Германии как опасного для них конкурента на мировых рынках? И как всегда после 1917 г. — и заметим, как всегда неудачно, — подобные проблемы буржуазный мир пытался разрешить за счет Советского Союза, стремясь таким образом сочетать прибыль в политике с прибылью в звонкой монете. Авторы «плана Дауэса» близоруко рассчитывали избавить американские и английские монополии от конкуренции германских товаров, направив их на восток — в Советский Союз.

Расчеты на захват советского рынка при помощи дауэсизированной Германии органически входили в ткань «плана Дауэса» и являлись предметом оживленного обсуждения в деловых кругах буржуазной Европы и Америки. «...Самым полезным делом для мировой торговли, — заявил английский премьер Болдуин в своем выступлении в ноябре 1924 г., — было бы развить торговлю с Россией при содействии Германии, с тем чтобы Германия излишки своего экспорта и то, что нужно ей для уплаты процентов по нашим долгам Америке, реализовала на русском рынке, вместо того чтобы выбрасывать эти массы экспортного товара в нашу страну или же в наши колонии».

Надежды международной реакции использовать «план Дауэса» для превращения Советского Союза в аграрно-сырьевой придаток Германии, а через нее — и мирового капитала были сорваны советским народом. Коммунистическая партия нашей страны взяла твердый курс на претворение в жизнь ленинской программы индустриализации и построения социализма в СССР.

В проведении политики дауэсизации Германии между США, Англией и Францией не было единства. Подготовка и обсуждение «плана Дауэса» на Лондонской конференции выявили глубокие противоречия между империалистическими державами.

Свидетельствуя о крахе попыток французского империализма добиться господства в Европе, «план Дауэса» отражал политику активного вмешательства США в решение европейских проблем в целях установления гегемонии доллара в этом районе. Вместе с тем, фиксируя сложившееся к рассматриваемому времени соотношение сил в капиталистическом мире, «план Дауэса» явился соглашением, достигнутым между американскими, английскими, французскими и германскими монополиями на единой для них платформе — платформе борьбы против революции.

Союз империалистов всех стран доказал «многими крупнейшими, величайшими эпизодами в мировой истории, что выше интересов отечества, народа и чего угодно капитал ставит охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся...» [1], — указывал В. И. Ленин. Именно этот союз империалистов и лежал в основе «плана Дауэса».

«План Дауэса» обеспечил широкий приток иностранного, в первую очередь американского, капитала в германскую экономику. Американские кредиты и картельные связи с монополиями Уолл-стрита оказали существенную помощь германским монополиям в расширении и модернизации производства, в воссоздании военно-промышленного потенциала, что явилось первой и важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии. Опираясь на экономическую помощь и политическую поддержку США, германский монополистический капитал усилил борьбу с демократическими силами внутри страны, а впоследствии привел к власти фашизм.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 36, стр. 328—329.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И РЯДОМ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ, АЗИИ И АМЕРИКИ (1924—1925 гг.)

Международное положение Советского Союза к 1924 г.

21 января 1924 г. умер Владимир Ильич Ленин, основатель Коммунистической партии и Советского государства, руководитель внутренней и внешней политики нашей страны. Смерть любимого вождя трудящихся явилась величайшей утратой для рабочих и крестьян Советского Союза. Советская страна погрузилась в траур. Глубокую скорбь нашего народа разделяли зарубежный пролетариат, трудящиеся всего мира, потерявшие в лице В. И. Ленина своего вождя и учителя. Смерть Ленина вызвала оживление в лагере империалистов, вселив в них надежду на раскол внутри партии и ослабление Советского государства. Отмечая это, ЦК РКП(б) в своем обращении «К партии. Ко всем трудящимся» писал: «Пусть злобствуют наши враги по поводу нашей потери. Несчастные и жалкие! Они не знают, что такое наша партия! Они надеются, что партия развалится. А партия пойдет железным шагом вперед. Потому, что она — Ленинская партия» [1].

В своих трудах, статьях и выступлениях В. И. Ленин разработал целую программу деятельности советской дипломатии. Ленинское наследие представляет собой сокровищницу важнейших теоретических и практических указаний, которые определили основы, задачи и перспективы внешней политики Советского государства на длительный исторический период. Великий Ленин завещал нашей партии руководствоваться в международных отношениях принципом мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Он завещал партии свято хранить верность пролетарскому интернационализму. Вождь Советского государства учил, что пролетариат не может вести борьбу за социализм и отстаивать свои национальные интересы без самого тесного и полного союза трудящихся всех стран. В. И. Ленин разработал стратегию и тактику

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., Госполитиздат, 1954, стр. 806.

советской, подлинно народной дипломатии, советовал сочетать принципиальную и решительную политику с осторожной и гибкой дипломатией, призывал использовать в интересах социализма коренные противоречия между нашими империалистическими противниками, затруднять соглашения между ними, направленные против первого в мире государства рабочих и крестьян. Владимир Ильич выражал глубокую научно обоснованную уверенность в том, что капиталистические государства вынуждены будут стать на путь мирного сосуществования и развития деловых связей с Советским государством.

В одной из своих последних речей В. И. Ленин, рассматривая отношения между Советским государством и капиталистическими странами, говорил, что «экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении» [1]. Ленинское предвидение полностью оправдалось.

Определяющей чертой международной обстановки, сложившейся к 1924 г., как отметил XIV съезд партии, было закрепление и расширение мирной передышки, превратившейся в целый период мирного сосуществования СССР с капиталистическими странами.

В 1924 г. мир стал свидетелем серьезных изменений, происшедших в отношениях между капиталистическими государствами и Советским Союзом. Эти изменения диктовались, в первую очередь, укреплением международного и внутреннего положения Советской России. СССР отразил все наскоки империалистических государств, полностью очистил свою территорию от иностранных интервентов и белогвардейских банд. Это отрезвляюще действовало на правящие круги западных держав, заставляло их менять отношение к Советской стране.

В 1924 г. в «Известиях» появилась карикатура советского художника Бориса Ефимова, которая изображала акт дипломатического признания СССР следующим образом: приемная народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина. У входа в кабинет наркома стоит часовой с винтовкой. У двери — длинная очередь иностранных дипломатов, каждый из них держит в руках документ о дипломатическом признании СССР своим правительством. Часовой, пропуская дипломатов в кабинет Чичерина, накалывает эти документы на штык своей винтовки. Карикатура образно показывала, что дипломатическое призна-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 301.

ние СССР в значительной степени явилось следствием побед советского народа над интервентами и белогвардейцами.

В открытой схватке двух систем одержал победу социализм и потерпел поражение капиталистический строй. Были доказаны великая жизнеутверждающая сила и превосходство социалистической системы.

Укрепилось и внутреннее положение Советской республики. Близилось к концу восстановление народного хозяйства страны. Правда, имелись еще и серьезные трудности. В стране насчитывалось более миллиона безработных, имело место расхождение в ценах на промышленные и сельскохозяйственные товары, и крестьяне с трудом могли приобретать дорогие фабричные товары. Была еще значительной частная торговля.

Однако партия развернула энергичную борьбу за преодоление хозяйственных трудностей, и XIII съезд РКП(б), состоявшийся в мае 1924 г., отметил большой экономический подъем в стране и укрепление позиций социализма в народном хозяйстве. Государственная и кооперативная промышленность занимала господствующее положение в экономике страны и составляла 81%, в то время как на долю частной промышленности приходилось лишь 19%. Успешно восстанавливался железнодорожный транспорт, расширялся товарооборот между городом и деревней. Партия давала решительный отпор враждебным вылазкам троцкистов, пытавшихся сбить ее с позиций ленинизма.

Надежды мировой реакции на перерождение в условиях нэпа советского строя в строй капиталистический не осуществились.

В то же время положение капиталистических стран продолжало ухудшаться. Версальский мир и другие договоры версальской системы не могли принести и не принесли народам ни мира, ни свободы, ни материального благосостояния, которых они ждали. Кризис, разразившийся к концу 1920 г., имел своим результатом глубокое расстройство хозяйственной жизни, массовую безработицу и обнищание трудящихся. В капиталистических странах усиливалась тенденция к расширению экономических связей с СССР, однако отсутствие нормальных дипломатических отношений между СССР и многими иностранными государствами мешало развитию торговли между ними, лишало ее правовой и политической базы, делало торговые операции рискованными для обеих сторон.

Существующее положение было невыгодно для капиталистических государств. Не имея в СССР дипломатических представителей и консульских чиновников, эти страны не могли получать экономической информации о положении в Советском Союзе, его потребностях и возможностях. Капиталистические

фирмы, торговавшие с нашей страной, были лишены защиты со стороны соответствующих дипломатических представителей. В Англии, например, были случаи, когда крупнейшие фирмы отказывались от выгодных сделок с советскими представителями именно из-за отсутствия нормальных дипломатических отношений с СССР. Деловые круги Запада видели, что государства, установившие дипломатические отношения с СССР[1], например Германия, вели свою торговлю с Советским Союзом в более благоприятных условиях. Нормализация дипломатических отношений с СССР была, таким образом, необходимым шагом на пути развития экономических отношений между государствами двух систем. Нелепость политики «непризнания» СССР становилась все более очевидной для руководящих капиталистических кругов.

В 1924 г. крупные капиталистические державы стали одна за другой устанавливать дипломатические отношения с СССР. Советское правительство со своей стороны заняло в этом вопросе активную позицию. Оно не просто ожидало признания со стороны капиталистических стран. Своей политикой оно стремилось приблизить нормализацию отношений с ними.

Установление дипломатических отношений между СССР и Англией

Первым государством, установившим в 1924 г. дипломатические отношения с СССР, была Англия. Экономическое положение ее в 20-е годы было нелегким. Соединенные Штаты Америки с каждым годом все больше вытесняли Англию с мировых рынков. Внутри Британской империи усилились центробежные силы; Канада и Австралия экономически сближались с Соединенными Штатами и удалялись от Англии, перед которой со всей остротой встал вопрос о значительном расширении внешней торговли. В поисках новых рынков сбыта сырья Англия наталкивалась на мощных конкурентов — США, Японию, быстро восстанавливавшую свои силы Германию. Проблему рынков Англии было трудно решить без экономического сближения с СССР, которое в свою очередь зависело от нормализации дипломатических отношений между двумя странами.

В 1924 г. к власти в Англии пришло новое правительство. Премьер-министром и министром иностранных дел стал лидер лейбористской партии Рамсей Макдональд. Отношение Макдональда и его окружения к социалистическому строю в СССР было отрицательным. По утверждению некоторых, близко знавших Макдональда людей, у него существовал «комплекс

---

[1] До 1924 г. СССР имел дипломатические отношения с 10 странами: Эстонией, Латвией, Литвой, Финляндией, Польшей, Ираном, Афганистаном, Турцией, Монголией и Германией.

страха» по отношению к СССР. Во всяком случае никто не мог бы «упрекнуть» его в симпатии к Советскому Союзу. Однако он понимал необходимость нормализации отношений между двумя странами. В своей книге «Внешняя политика рабочей партии» Макдональд писал: «Когда отказ в дипломатическом признании какого-либо народа связан с отказом от торговли с этим народом, то это безумие обходится весьма дорого». Лидеры лейбористской партии в своей предвыборной платформе обещали избирателям установить дипломатические отношения с СССР, что сыграло немаловажную роль в их успехе на выборах. Требование улучшения советско-английских отношений было очень популярным среди английских трудящихся. Конгресс британских тред-юнионов, объединявший в то время свыше 4 млн. человек, вынес в 1923 г. решение о дипломатическом признании СССР. Можно было ожидать, что первым шагом нового правительства в области внешней политики будет признание СССР, поскольку это полностью отвечало бы интересам страны и соответствовало бы предвыборным обещаниям лейбористов. Но правительство Макдональда под воздействием реакционных кругов попыталось оттянуть возобновление дипломатических отношений с СССР, с тем чтобы в ходе предварительных переговоров навязать нашей стране ряд кабальных условий, в частности добиться от Советского правительства уплаты долгов царского и Временного правительств и отмены национализации собственности иностранных граждан в СССР. Правда, такая политика явилась нарушением избирательной платформы лейбористской партии, которая обещала нормализовать отношения с СССР без всяких предварительных условий. Но Макдональда это мало смущало; он не раз говорил, что «обещания, данные вчера, не обязательны для социалиста сегодня» [1].

В английской печати появились явно инспирированные правительством сообщения о том, что формальному признанию Советского правительства будет предшествовать посылка в СССР специальной комиссии из английских промышленников, представителей министерства иностранных дел и министерства торговли, которые должны будут подготовить соглашение между двумя странами о восстановлении отношений. Комиссия должна была рассмотреть ряд проблем, в том числе вопрос о старых долгах России и о частной собственности, об отношении Советского государства к договорам царского и Временного правительств и др. Однако Советское правительство отвергло предварительное урегулирование вопроса о долгах и других так называемых спорных вопросов в качестве «платы» за признание СССР. Оно выступало за нормализацию дипломатиче-

[1] «Labour Monthly», 1924, vol. 6, № 10, p. 597.

ских отношений без выставления странами каких-либо предварительных условий, считая, что все спорные или неурегулированные проблемы должны быть решены после признания.

12 января 1924 г. Макдональд обратился с письмом к официальному представителю СССР в Англии, в котором предлагал, чтобы Советское правительство еще до установления дипломатических отношений заявило о признании им в принципе частных претензий и готовности «назначить комитет, который бы незамедлительно занялся этими вопросами» [1].

Тем самым была сделана еще одна попытка навязать Советскому государству условия признания и добиться от него односторонних уступок. Советское правительство не могло пойти на это. В письме на имя Макдональда официальный представитель СССР, отметив, что «на русский народ оказывается давление в форме политической изоляции», заявил, что Советское правительство согласно сразу же после признания сообщить правительству Великобритании о согласии «создать смешанную русско-британскую комиссию, которая немедленно приступит к рассмотрению спорных вопросов экономического и финансового характера» [2].

Затягивание признания СССР со стороны правительства Макдональда вызвало недовольство трудящихся. В Лондоне был созван большой митинг протеста. 29 января 1924 г. к Макдональду была направлена делегация, которая от имени полутора миллионов лондонских рабочих потребовала немедленного признания Советского правительства, угрожая в противном случае массовой демонстрацией. В заявлении делегации говорилось: «Рабочие не в состоянии понять, почему правительство тянет с признанием, в то время как либеральные и лейбористские кандидаты публично обещали придерживаться политики, направленной к признанию СССР... Если лейбористское правительство примет софизмы консервативного кабинета в отношении вопроса о долгах и отложит признание, то это будет означать распад рабочего движения в стране на многие годы» [3].

Правительство Макдональда, которое называло себя рабочим, побоялось в первые же дни после прихода к власти столкнуться с массами английских трудящихся и пошло на попятную. Давление пролетариата ускорило развитие событий. 1 февраля 1924 г. английское правительство заявило о признании СССР. В своей ноте на имя Г. В. Чичерина оно высказывало пожелание заключить в целях развития дружественных отношений между двумя странами конкретные практические соглашения и просило Советское правительство направить в Лондон

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 33.
[2] Там же, стр. 27.
[3] «Daily Herald», 30. I. 1924.

своих представителей для выработки англо-советского договора, в котором были бы урегулированы все нерешенные вопросы.

2 февраля 1924 г. II съезд Советов СССР заслушал внеочередное сообщение народного комиссара иностранных дел о признании СССР Англией и принял постановление, в котором приветствовал этот акт. В документе говорилось: «Результатом соединенных усилий миролюбивой политики Советского Правительства под руководством В. И. Ленина и громко выраженной упорной воли английского народа явилось, наконец, установление нормальных отношений между двумя странами в форме, достойной великих народов обеих стран и закладывающей фундамент для их дружественного сотрудничества...

II Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик заявляет, что сотрудничество народов Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик неизменно останется одной из первых забот Союзного Советского Правительства... II Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик протягивает дружественную братскую руку английскому народу...» [1].

Установление дипломатических отношений между СССР и Англией заложило фундамент разрешения путем переговоров спорных и неурегулированных вопросов в целях сближения стран, укрепления экономических связей между ними на пользу обоим государствам. Нельзя вместе с тем не отметить, что, устанавливая отношения с СССР, английское правительство прибегло к дипломатическим маневрам, имевшим целью протащить с заднего хода прежние принципы в отношении СССР, которыми руководствовалось консервативное правительство. Недаром Макдональд и члены его кабинета твердили о том, что они будут соблюдать «преемственность» внешней политики страны. Макдональд заверял английскую буржуазию: «Мы не будем новым правительством. Мы будем лейбористским правительством, придерживающимся тех же самых принципов, которые стали традиционными и историческими в деятельности нашего министерства иностранных дел» [2].

Именно возвратом к старым принципам политики вражды с СССР явились некоторые пункты английской ноты от 1 февраля 1924 г. Так, английское правительство заявило о признании Советского правительства «в качестве Правительства де-юре на территориях бывшей Российской империи, которые признают его власть». Английские буржуазные газеты всерьез обсуждали вопрос, следует ли считать советской территорией Грузию, в которой вспыхнул меньшевистский мятеж, или Бес-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 59.
[2] «Times», 9. I. 1924.

сарабию, которая, дескать, «добровольно» отделилась от Советской России. Английская формулировка ставила под сомнение суверенные права Советского правительства, давала предлог Англии вмешиваться во внутренние дела нашей страны, и в частности поддерживать возможные контрреволюционные выступления на советской территории. Кроме того, английское правительство в своей ноте отмечало, что «признание Советского Правительства России автоматически вводит в силу все договоры, заключенные между обеими странами до Русской революции, за исключением тех, которые потеряли юридическую силу» [1]. С помощью этой туманной формулы английское правительство пыталось навязать Советскому государству аннулированные им грабительские договоры, заключенные царским правительством. Не были приемлемы для Советского правительства также и некоторые другие пункты английской ноты.

Перед советской дипломатией встала сложная задача — наилучшим образом отстоять интересы СССР и в то же время не затянуть нормализации отношений с Англией. Вступление в споры с английским правительством вызвало бы длительную переписку и безусловно оттянуло бы установление нормальных отношений. Советская дипломатия избрала другой путь. Она предпочла дать свою интерпретацию ноте английского правительства и тем самым вынудила английское правительство либо согласиться с этой интерпретацией, либо оспаривать ее, но тогда взять на себя всю ответственность за затягивание нормализации отношений. Советское правительство в ответной ноте от 8 февраля выразило удовлетворение признанием de jure Англией правительства СССР, «чья власть распространяется на все территории бывшей Российской империи, за исключением территорий, отделившихся с согласия Советского Правительства и образовавших самостоятельные государства» [2]. Это уточнение защищало суверенные права Советского Союза, и английская дипломатия вынуждена была его принять, признав тем самым, в частности, что юрисдикция СССР распространяется на Закавказье и на Бессарабию.

Подчеркнув свою готовность обсудить и решить в дружественном духе все вопросы, прямо или косвенно вытекающие из факта признания, Советское правительство предложило прийти к соглашению по старым договорам, которые были либо денонсированы, либо потеряли юридическую силу в результате послевоенных событий, и, таким образом, отказалось признать автоматическое введение в силу всех ранее существовавших между двумя странами договоров. Английское правительство

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 53.
[2] Там же, стр. 54.

вынуждено было согласиться с точкой зрения советской стороны. Однако маневры Лондона продолжались.

1 февраля 1924 г. Р. Макдональд обратился с личным письмом к Г. В. Чичерину. В письме предлагалось обменяться послами лишь после урегулирования всех спорных вопросов, с тем чтобы до этого стороны были представлены поверенными в делах. Отвечая на письмо, Чичерин писал Макдональду: «Я не могу скрыть того, что я был сильно изумлен Вашим заявлением, что послов придется назначить после достижения основного соглашения по нерешенным между нами вопросам. Это было для меня неожиданностью. Нас отовсюду уверяли, что краткая отсрочка с назначением послов вызывается исключительно техническими соображениями, без всякой связи с основными политическими вопросами, стоящими перед нами. Для наших народов назначение послов имеет моральное значение, оно апеллирует к их чувствам. Эту отсрочку нигде не поймут, она будет истолкована как признак того, что что-то происходит за кулисами, она явится поводом к бесчисленным подозрениям и домыслам. Возникнет, например, естественное подозрение, что Британское Правительство пытается таким образом оказать на нас давление. Это создаст крайне неблагоприятное впечатление, так как наши народы знают, что путем давления на нас нельзя достигнуть никакого успеха» [1].

Эта переписка показывает, с какими большими трудностями столкнулась советская дипломатия при нормализации отношений с Англией. И тем не менее она сумела добиться успеха.

Установление дипломатических отношений между СССР и Англией было исключительно важным актом. Оно означало признание социалистического строя и возможности мирного сосуществования двух систем со стороны самой крупной европейской капиталистической державы. Нормализация советско-английских отношений была тем более важной для отношений двух стран и для мира в Европе, что ни с одним государством у СССР не было столько столкновений, как с Англией. В 1924 г. верх взяла политика мира. Нормализация отношений произошла на основе признания полного равноправия и уважения суверенитета друг друга, без всяких односторонних уступок со стороны СССР.

Советско-английские договоры от 8 августа 1924 г.

Установление дипломатических отношений открывало перспективы для дальнейшего развития отношений между двумя странами. На повестку дня встал вопрос об урегулировании ряда нерешенных проблем и создании благоприятных условий для расширения экономических связей

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 99.

между Англией и СССР. С этой целью в Лондоне 14 апреля 1924 г. была созвана англо-советская конференция. В состав советской делегации вошли М. М. Литвинов и Н. М. Шверник, члены ВЦИК, представители основных наркоматов и профсоюзов. Английскую делегацию возглавлял Понсойнби. В первом заседании конференции принял участие Макдональд.

Советское правительство придавало переговорам с Англией большое значение. Вопрос о переговорах и их программа были обсуждены на Пленуме Центрального Комитета партии в конце марта — начале апреля 1924 г., который одобрил решение, принятое Политбюро в связи с англо-русскими переговорами.

На первом заседании конференции глава делегации СССР изложил позицию советской стороны и подчеркнул, что делегация, следуя указанию своего правительства, употребит «все усилия для того, чтобы довести до успешного конца начатую конференцию». Он подчеркнул, что принцип невмешательства является для СССР «гарантией против попыток, которые могут быть сделаны в новой форме, чтобы заставить нас отказаться от нашего социалистического строя: национализации крупной промышленности, национализации земли, монополии внешней торговли и нового социалистического законодательства». Советский делегат дал понять, что СССР не пойдет на уступки в этих вопросах. Вместе с тем делегация выразила готовность обсудить все спорные вопросы (довоенные договоры, взаимные претензии и кредиты и др.), нерешенность которых препятствует тесному сотрудничеству между двумя странами.

Противоположной была позиция английской стороны. В день открытия переговоров правительство Макдональда опубликовало меморандум банкиров, полученный им почти за два месяца до конференции. Банкиры рекомендовали заставить Советское государство безоговорочно признать все долги прежних русских правительств, возместить бывших английских собственников, чье имущество было национализировано Советским правительством. Макдональд воспользовался этими требованиями как средством давления на советскую делегацию. Повторив в своем выступлении на конференции требования банкиров, он предложил также возобновить прежние договоры, существовавшие между Россией и Англией, прекратить «антибританскую пропаганду», якобы проводимую Советским Союзом, и выдвинул целый ряд других, совершенно неприемлемых требований. В заключение Макдональд в угрожающем тоне заявил, что если соглашение между Англией и СССР не будет заключено на этой конференции, то его не удастся достигнуть и в будущем.

Шейлоковские требования банкиров, поддержанные Макдональдом, вызвали отпор не только со стороны советской деле-

гации, но и со стороны английских трудящихся и даже либеральных кругов Англии. Против вмешательства лондонского Сити в дипломатические переговоры резко выступила английская коммунистическая партия, профсоюзы, объединенные в «движение меньшинства», многие тред-юнионы. 27-й конгресс профсоюзов Шотландии справедливо квалифицировал меморандум как «грубое нарушение прав суверенного государства». Член парламента либерал Кенворти, выступая в палате общин, назвал меморандум банкиров беспринципной дерзостью [1].

На втором пленарном заседании конференции были образованы 4 комиссии для практического рассмотрения всех спорных вопросов. Советская сторона, стремясь найти разумный компромисс, внесла предложение о возможных способах удовлетворения некоторых претензий английских частных лиц. Советское правительство соглашалось, в случае предоставления ему долгосрочного займа, гарантированного английским правительством, уплатить общую (паушальную) сумму по претензиям, связанным с предвоенными долгами. Советская делегация указывала, что большая часть займа будет потрачена в самой Англии на закупку машинного оборудования и других товаров, необходимых для восстановления экономики СССР. Советское правительство предложило также компенсировать концессиями бывших владельцев национализированной собственности в СССР из числа английских граждан, причем выразило согласие на ведение с каждым из них переговоров.

Советские предложения открывали путь к урегулированию взаимных претензий. Однако английская делегация отказалась пойти им навстречу.

Осложнялся и вопрос о займе. Макдональд заявил, что заем не дело английского правительства, и предложил советской стороне вступить в непосредственные переговоры с финансистами и кредиторами. Однако переговоры с так называемыми держателями займов и представителями банков не дали результатов. Лишь обещание английского правительства гарантировать заем, предоставляемый СССР, вывел переговоры из тупика [2].

Переговоры продолжались, но дело подвигалось вперед с большим трудом. Критический момент наступил 4 августа. Заседание конференции в этот день продолжалось более 20 часов. Особенно глубокие расхождения вызвала ст. 14 проекта договора между СССР и Англией. Согласно этой статье, английское правительство готово было гарантировать заем СССР на английском рынке при условии, если Советское правительство

---

[1] «Parliamentary Debats. House of Commons», vol. 175, col. 1874.
[2] См. «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 498.

признает «обоснованные претензии» английских промышленников, чья собственность была национализирована в СССР. Таким образом, Советское правительство должно было взять на себя обязательство удовлетворить все претензии английских промышленников, причем их обоснованность будет определяться не Советским государством, а английской стороной. Эта формулировка имела своей целью протащить прежние неприемлемые предложения английского правительства. Советская делегация предложила уточнить ст. 14 договора и после слов «обоснованные претензии» добавить: «и принятые Советским правительством». Утром 5 августа Понсойнби заявил, что в таком случае конференция прекращается. В официальном коммюнике было сказано: «Переговоры прекращены, и договор не будет подписан».

Известие о прекращении переговоров взволновало английских трудящихся. 6 августа на многих заводах в Лондоне раздались гудки, призывавшие к прекращению работы. Трудящиеся потребовали от правительства Макдональда немедленного возобновления переговоров. Группа левых лейбористских лидеров, понимая, что провал переговоров может вызвать отставку кабинета, потребовала срочного созыва заседания исполкома лейбористской партии. На заседание, состоявшееся в тот же день, были приглашены члены советской делегации. Они дали согласие участвовать в заседании, чтобы рассказать членам исполкома, в чем состоит суть разногласий. На этом не имевшем прецедента в истории дипломатии совещании члены советской делегации разъяснили причины срыва конференции, изложили и обосновали точку зрения советской стороны. Справедливость предлагаемого Советским правительством соглашения была настолько очевидна, а недовольство народных масс действиями правительства Макдональда настолько велико, что исполком лейбористской партии признал правильными и отвечающими интересам Великобритании советские предложения. Создалось любопытное положение: руководящий орган лейбористской партии одобрил точку зрения советской делегации и тем самым осудил как неправильную позицию своего правительства. Исполком постановил созвать заседание кабинета и добиться одобрения формулировки, принятой исполкомом партии, что и было сделано на следующий день. А 8 августа 1924 г. был дописан общий договор между Великобританией и СССР и торговый договор между двумя странами.

Важнейшей частью договора была статья о претензиях и займе. Вопрос о довоенных долгах разрешался в договоре компромиссом на основе взаимных уступок. Советское правительство согласилось на известных условиях, при предоставлении

ему Англией займа, частично удовлетворить британских держателей довоенных займов. В свою очередь английское правительство признало, что такой шаг со стороны СССР не может быть истолкован как отказ от декрета об аннулировании займов. Вопрос о военных займах Англии царскому и Временному правительствам связывался в договоре с вопросом о советских контрпретензиях за ущерб, причиненный интервенцией [1]. Оба эти вопроса были практически сняты с повестки дня на неопределенное время.

В торговом договоре, заключенном в тот же день, Англия признавала монополию советской внешней торговли; стороны договорились о предоставлении друг другу режима наибольшего благоприятствования. Заключенные договоры открывали путь к широкому и взаимовыгодному деловому сотрудничеству двух стран, к «новым отношениям между СССР и крупнейшей мировой капиталистической державой» [2].

12 августа председатель советской делегации на конференции огласил ряд деклараций; первая и наиболее важная была посвящена всеобщему разоружению.

В декларации отмечалось, что только политика, твердо направленная к разоружению, может создать условия, при которых национальные вопросы могут быть разрешены не с помощью силы, а в соответствии с интересами народных масс. Советское правительство, которое уже значительно сократило численность Красной Армии, выражало готовность пойти и дальше по пути разоружения, если и другие государства также согласятся на это со своей стороны. «Советская делегация, — говорилось в заявлении, — была бы счастлива услышать от Британской делегации о готовности Великобритании созвать в ближайшем же будущем международную конференцию по разоружению» [3].

Подписание советско-английских договоров было с глубоким удовлетворением встречено трудящимися Англии и Советского Союза. В адрес Советского правительства, народного комиссариата иностранных дел поступали многочисленные поздравительные телеграммы. Так, рабочие Мытищинского вагоностроительного завода, приветствуя заключение договоров, писали: «Красная дипломатия показала всему мировому пролетариату, как следует защищать интересы рабочих и крестьян».

---

[1] См. текст советского меморандума по вопросу о претензиях в кн. «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 243—250.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 415.

[3] Там же, стр. 426.

Враги СССР подняли против договоров яростную кампанию. Особые нападки вызвало согласие правительства Макдональда гарантировать заем Советскому Союзу. Значительную роль в этой кампании играло, как это ни странно, само министерство иностранных дел, официально подчиненное Макдональду.

Заведующий восточным отделом МИД Англии Грегори, впоследствии осужденный за мошенничество с ценными бумагами, представил Макдональду сфабрикованную белогвардейцами фальшивку, известную под именем «письма Зиновьева» (занимавшего в то время пост Председателя Исполкома Коммунистического Интернационала), в котором английская компартия призывалась к «насильственному ниспровержению» существующего в Англии строя. Британский премьер, имея возможность без труда установить, что подброшенные материалы являются фальшивкой, не сделал этого, а обратился с резким письмом к советскому послу в Англии, предъявив самые тяжкие обвинения Советскому правительству. Но белогвардейская фальшивка оказала весьма плохую услугу самому Макдональду и его партии. «Письмо Коминтерна» стало накануне выборов главным козырем консерваторов против лейбористов, официально выступавших за ратификацию англо-советских договоров. На выборах в октябре 1924 г. лейбористская партия потерпела поражение, а консервативный кабинет Болдуина отказался от ратификации англо-советских договоров.

Немалую роль в срыве договоров сыграли США. Общий договор исходил из идеи аннулирования военных долгов, а Соединенные Штаты не хотели создавать такого прецедента, ибо тогда они могли потерять миллиарды, которые ссудили Европе. Американская дипломатия стремилась пресечь распространение в европейских странах, особенно во Франции и Англии, идеи аннулирования долгов. Этим в первую очередь и объясняется ее закулисная деятельность, направленная на срыв советско-английских договоров. Реакционная американская печать вела злобную кампанию против советско-английских соглашений, развязно утверждая, что их подписание было ошибкой правительства Макдональда. Долларовая пресса с подозрительной осведомленностью предсказывала, что английское правительство не ратифицирует договоры. Отказ правительства Болдуина ратифицировать заключенные договоры усложнил англо-советские отношения и нанес серьезный ущерб национальным интересам самой Англии. Однако английские правящие круги не смогли предотвратить процесса нормализации отношений между Советским Союзом и другими странами Европы.

Нормализация отношений между СССР и рядом других стран

Вслед за Англией завершила давно начатые переговоры о нормализации отношений с Советским государством Италия, которая была более ряда других стран заинтересована в нормализации отношений и развитии экономического сотрудничества с СССР. Италия нуждалась в получении советского зерна, угля, нефти. Накануне первой мировой войны свыше 40% потребляемого зерна Италия ввозила из России. В 20-е годы Италия вынуждена была импортировать зерно из США и Аргентины, покупая его по более высоким ценам. Кроме того, продолжительность рейса грузовых пароходов из США в Италию в среднем составляла около месяца, в то время как рейс от Николаева или Одессы до итальянских портов длился около 10 дней. Транспортные расходы отражались на стоимости зерна. Муссолини не мог также не считаться с движением в стране в пользу нормализации отношений с СССР. Положение Муссолини в парламенте не было достаточно прочным. На выборах 1924 г. за оппозиционные партии голосовало около 3 млн. человек. В итальянский парламент было избрано около 70 коммунистов и социалистов. В этих условиях Муссолини вынужден был прибегать к левым фразам, рассчитывая нажить политический капитал на разговорах о дружбе с Советским Союзом. Переговоры об установлении отношений между СССР и Италией начались еще в сентябре 1923 г. Советское правительство согласилось предоставить Италии некоторые преимущества и льготы при заключении с ней торгового договора. Переговоры об установлении дипломатических отношений и о торговом договоре велись одновременно. Итальянские представители пытались уклониться от признания советской монополии внешней торговли, и советским дипломатам пришлось потратить много времени на то, чтобы разъяснить бесплодность этих попыток.

Обстановку еще более осложняли происки французской дипломатии, стремившейся сорвать итало-советские переговоры. Французский посол в Риме Баррер сделал письменное представление Муссолини, в котором пытался доказать, что никакие экономические выгоды, ожидаемые Италией от договора с СССР, не смогут возместить политического ущерба, который она якобы наносит себе и своим друзьям признанием Советского государства. После прихода к власти правительства Макдональда началось согласование позиций итальянской и английской дипломатии по вопросу о признании СССР, что еще больше замедлило ход переговоров.

После установления дипломатических отношений между СССР и Англией Муссолини поспешил с признанием. Первоначально он предполагал подписать договор с СССР 10 февраля,

1 февраля, узнав о признании СССР Англией, Муссолини заторопился и стал настаивать на подписании соглашения не позднее 3 февраля.

М. М. Литвинов так описывал действия Италии. Муссолини «стал терроризировать нашу делегацию, пугая ее скандалом и прочее. Такой же нажим он производит на нас здесь (в Москве. — *Авт.*) через маркиза Патерно, который по три раза в день просит свидания, умоляя нас не откладывать подписания» [1].

7 февраля 1924 г. был подписан советско-итальянский торговый договор, и в тот же день итальянское правительство сделало заявление об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом. В торговом договоре признавалась государственная монополия внешней торговли СССР; в нем впервые в международной практике СССР определялось правовое положение торгпредства СССР в Италии, предоставлялись право экстерриториальности торгпредству и право дипломатического иммунитета торгпреду и некоторым руководящим работникам торгпредства.

Оценивая закончившиеся переговоры, заместитель народного комиссара иностранных дел СССР писал полпреду СССР в Англии: «От Италии мы получили полное безоговорочное признание. Вначале предполагалось говорить о признании лишь во вступлении к торговому договору, в каком случае признание было бы обусловлено подписанием договора. Мы, однако, использовали затруднительное положение, в которое Муссолини попал в результате признания со стороны Англии, и мы заставили его послать отдельную ноту, в которой признание дается независимо от подписания договора» [2].

Муссолини сообщал Советскому правительству, что Макдональд предлагал назначить в Москву от Англии и Италии лишь поверенных в делах, а не послов [3]. Однако итальянское правительство не приняло этого предложения и решило направить в Москву своего представителя в ранге посла.

В тот же период, в феврале и марте 1924 г., дипломатические отношения с СССР установили Норвегия, Греция, Австрия и Швеция, а в июне того же года — Дания.

В марте 1923 г. возобновило переговоры с Советским Союзом пекинское правительство. 31 мая 1924 г., несмотря на упорное противодействие Франции и США, правительство Китая под нажимом масс подписало «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой».

---

[1] АВП СССР, ф. 069, оп. 8, п. 11, д. 4, л. 12.
[2] АВП СССР, ф. 011, оп. 4, п. 101, д. 1, л. 3—4.
[3] См. «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 59.

Важное международное значение имела нормализация отношений между СССР и Мексикой — одной из крупнейших стран американского континента. (Подробнее об этом см. главу XIII.)

6 августа 1924 г. были установлены официальные отношения между СССР и Хиджазом (Геджасом) — первым арабским государством, вступившим в дипломатические отношения с нашей страной. Позднее, в 1926 г., Хиджаз объединился с султанатом Неджда. Объединенное государство стало называться королевством Хиджаза, Неджда и присоединенных областей (с 1932 г. оно приняло название Саудовской Аравии).

Советский Союз 16 февраля 1926 г. первым признал новое государство [1]. В ответной телеграмме король Хиджаза и султан Неджда Абдель Азиз Ибн-Сауд выразил правительству Союза ССР от имени правительства благодарность, «а также полную готовность к отношениям с правительством Союза Советских Социалистических Республик и его гражданами, какие присущи дружественным державам» [2].

Нормализация советско-французских отношений

Позже других стран Европы на путь нормализации отношений с СССР вступила Франция, правящие круги которой на протяжении многих лет проводили открыто антисоветскую политику. Советское государство, напротив, с первых лет своего существования стремилось к улучшению отношений с Францией, считая, что это выгодно для обеих стран с точки зрения как политических, так и экономических, торговых интересов. «Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно, особенно ввиду того, что торговые интересы России настоятельно требуют сближения с этой сильнейшей континентальной державой» [3], — указывал В. И. Ленин.

В 1923—1924 гг. внешнеполитические позиции Франции значительно ухудшились. Рурская авантюра дорого обошлась стране, подорвав ее финансы. Империалистическая политика правительства Пуанкаре вызывала растущее недовольство внутри страны. Резкой критике подвергалась и его политика в отношении СССР. После конференций в Генуе и Гааге во Франции все более росло стремление к восстановлению сначала экономических, а затем и политических отношений с Советской страной. Широкие слои французской общественности выступали за скорейшее урегулирование отношений с Советской Россией.

---

[1] См. «СССР и арабские страны. 1917—1960 гг.». М., Госполитиздат, 1961, стр. 61.

[2] Там же, стр. 62.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 45, стр. 237.

Выражением этих настроений явился визит Э. Эррио, лидера партии радикал-социалистов, в Москву в сентябре 1922 г. Советское правительство радушно отнеслось к приезду французского политического деятеля. Заместитель народного комиссара иностранных дел Л. М. Карахан в письме в ЦК РКП(б) писал, что приезд Эррио будет справедливо «рассматриваться как симптом нашего стремления... искать с ней (Францией. — *Авт.*) соглашения» [1]. Эррио побывал в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде (Горьком), посетил Нижегородскую ярмарку, Путиловский завод, другие заводы и фабрики, ряд музеев. На него произвели большое впечатление самоотверженные усилия советского народа по восстановлению экономики. Перед отъездом Эррио заявил, что он будет поддерживать идею немедленного возобновления торговых отношений с Россией [2]. Визит Эррио в Москву был важным шагом на пути нормализации отношений Франции с Советской Россией.

В 1923 г. наметился поворот в сторону сближения с СССР во французских торгово-промышленных кругах, которые в отличие от иных буржуазных политиков подходили к оценке обстановки более трезво. Ряд торговых палат и советов департаментов, орган деловых кругов Франции «Энформасьон» стали высказываться за возобновление отношений с Советской страной.

В июле 1923 г. в Москву прибыла делегация торговых кругов Франции во главе с государственным представителем при парижской бирже Дюверже. Затем в Москву приехал сенатор де Монзи, крупный адвокат и делец. После посещения Советского Союза де Монзи выступает за признание СССР, имея при этом в виду прежде всего добиться от Советского правительства уплаты военных и довоенных долгов.

Все это оказывало влияние на политику Парижа в вопросе о признании СССР. Особенно важны были два обстоятельства. Во-первых, давление деловых кругов, заинтересованных в расширении торговли с СССР, и, во-вторых, ухудшение международного положения Франции и обострение ее отношений с Англией после оккупации Рура. Борьба между сторонниками и противниками признания СССР приняла ожесточенный характер.

22 декабря 1923 г. Пуанкаре сделал Советскому Союзу официальное предложение о восстановлении дипломатических и экономических отношений. Однако в качестве предварительного условия восстановления отношений он потребовал признания долгов царского и Временного правительств, а также

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. V, стр. 565—566.
[2] Там же, стр. 756, прим. 136.

вознаграждения бывших держателей русских ценностей и бывших владельцев имущества, национализированного СССР. Разумеется, такое предложение не могло быть принято Советским правительством. Вместе с тем были сделаны шаги, для того чтобы дать понять Франции, что установление нормальных дипломатических отношений с СССР отвечает ее собственным интересам.

1 января 1924 г. была опубликована беседа народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина с сотрудником «Известий» о советско-французских отношениях, а примерно три недели спустя интервью наркома внешней торговли СССР Л. Б. Красина. Г. В. Чичерин сообщил, что отношения Советского Союза с рядом европейских государств, в том числе с Англией и Италией, значительно улучшаются, и лишь одно французское правительство продолжает враждебную политику в отношении СССР. В интервью подчеркивалось, что Советское правительство широко открыло двери представителям французских торгово-промышленных и финансовых кругов, однако наши попытки достигнуть экономического сближения с Францией в результате политики французского правительства не достигают цели. «В то время как большинство европейских государств уже вступило в договорные сношения с СССР и все более развивают с нами политические и экономические связи, во Франции отсутствуют элементарные гарантии для экономических отношений с нами... Я принужден сознаться, — говорил Г. В. Чичерин, — что пока это положение дел продолжается, я не вижу выхода из тупика, в который попали наши экономические отношения с Францией...

Пока же по вине нынешнего Французского правительства у нас нет с Францией отношений, хотя сколько-нибудь приближающихся к нормальным, нам приходится поневоле мириться не только с невозможностью дальнейшего развития торговых отношений, но с ограничением уже существующих отношений, и в результате заявлений французского премьера по вопросу об обеспеченности наших товаров и вкладов мы вынуждены рекомендовать нашим хозяйственным органам величайшую осмотрительность и предусмотрительность при рассмотрении предложений французских фирм и французских обществ» [1].

Л. Б. Красин, развивая ту же мысль, подчеркнул, что советская внешняя торговля движется вперед богатырским шагом, независимо от того, как относится к этому французский премьер, и страдает от отсутствия торговых отношений с СССР в первую очередь сама Франция [2].

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. II. М., 1944, стр. 825.

[2] См. «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 38—39.

Советское правительство отозвало свою торговую делегацию из Парижа, отказалось от участия в Лионской ярмарке впредь до создания нормальных условий для торговли с Францией.

Эти действия Советского правительства способствовали усилению движения среди французских промышленников за нормализацию советско-французских отношений и ускорили восстановление дипломатических отношений между двумя странами. В мае 1924 г. во Франции состоялись парламентские выборы, принесшие победу так называемому «левому блоку». К власти пришло правительство во главе с Эррио. Эдуард Эррио, буржуазный демократ, поборник франко-советского сотрудничества, пользовался заслуженным признанием и авторитетом в стране. В своей избирательной программе радикал-социалистическая партия, возглавляемая Эррио, выдвинула пункт об установлении дипломатических отношений с Советской Россией, что было встречено в народных массах Франции с большим одобрением. Сам Эррио писал, что «отсутствие каких-либо официальных отношений с правительством, фактически в течение семи лет сохранявшим власть в России, создавало ненормальное положение, идущее во вред нашим подданным» [1].

15 июля 1924 г. Эдуард Эррио обратился к Г. В. Чичерину с нотой, в которой сообщал, что французское правительство намерено в короткий срок подготовить восстановление нормальных отношений с Советской Россией.

Однако под нажимом влиятельных антисоветских сил французское правительство медлило с установлением дипломатических отношений. Эррио заявил, что, прежде чем возобновить сношения с СССР, должны быть приняты «известные меры предосторожности» и собраны различные сведения. Французское правительство пыталось использовать время, чтобы навязать Советскому Союзу предварительное урегулирование некоторых спорных вопросов, в частности вопроса о долгах царской России и займах. Для изучения всех проблем, связанных с нормализацией отношений между двумя странами, была учреждена специальная комиссия под руководством де Монзи (консультантом комиссии был один из наиболее активных организаторов антисоветской интервенции бывший французский посол в России Нуланс). Комиссия предложила признание СССР de jure с рядом оговорок.

Осложняло нормализацию советско-французских отношений и давление Вашингтона, развернувшего ожесточенную кампанию против соглашения между Францией и СССР. Госу-

[1] *Эдуард Эррио.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936, стр. 253.

дарственный секретарь США Юз предостерегал Францию от признания СССР, заявляя, что этот акт будет «ошибкой».

Однако вопрос о нормализации отношений с СССР настолько назрел, что откладывать его дальше французские правящие круги уже не могли. Как заявил видный французский политический деятель Пенлеве, «в настоящее время кабинет, который откажется признать СССР, не сможет удержаться у власти». 28 октября 1924 г. Эррио от имени совета министров Франции направил в Москву ноту, в которой сообщал, что правительство Франции признает СССР de jure и предлагает «установить теперь же нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза путем взаимного обмена послами». Эррио предложил принять в Париже советскую делегацию для переговоров по общим и экономическим вопросам. В ноте Эррио указывалось, что «отныне невмешательство во внутренние дела станет правилом, регулирующим взаимоотношения между нашими двумя странами» [1]. В своем ответе Советское правительство приветствовало французское предложение о полном восстановлении нормальных дипломатических сношений между двумя странами и изъявляло готовность безотлагательно начать переговоры с целью дружественного разрешения стоящих перед обоими государствами вопросов. «Подобно Французскому Правительству, — говорилось далее в ноте, — Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР считает, что взаимное невмешательство во внутренние дела обеих сторон является необходимым условием отношений с другими государствами вообще, и в частности с Францией...» [2]

Признание СССР Францией означало, что на путь нормализации отношений с первой в мире страной социализма стало государство, правители которого находились в ряду главных организаторов антисоветской интервенции и блокады. Так потерпела поражение буржуазия страны, которая пригрела у себя многих белогвардейцев, финансировала и снабжала оружием панскую Польшу и боярскую Румынию, натравливая их на СССР. Изменение позиции Франции в отношении СССР рано или поздно должно было сказаться и на отношении к СССР ряда других европейских государств, шедших в фарватере французской политики.

Советско-японское соглашение от 20 января 1925 г.

К концу 1924 г. из крупных капиталистических держав только Япония и США продолжали политику «непризнания» Советского Союза.

Советское правительство стремилось построить отношения с Японией на основе мира и взаимного сотрудничества. Япон-

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 515.
[2] Там же, стр. 516.

ские империалисты, однако, продолжали вести враждебную СССР политику, удерживали незаконно захваченный ими Северный Сахалин, истребляя его природные богатства, вывозя в больших количествах древесину и каменный уголь.

В Японии, так же как и в других странах, широкие общественные круги все настойчивее требовали нормализации экономических и политических отношений с СССР.

Весной 1923 г. Советское правительство поручило дипломатическому представителю СССР в Китае начать переговоры с Японией о нормализации отношений. Советское правительство предложило установить советско-японские дипломатические отношения, заключить двусторонний договор, охватывающий все вопросы политических и экономических отношений между двумя странами, и установить окончательный срок оставления Японией Северного Сахалина.

Японские представители на переговорах выдвинули программу, имевшую целью закрепить захват Северного Сахалина и навязать Советскому Союзу невыгодные ему экономические соглашения. Японская сторона предлагала два варианта «решения» сахалинского вопроса: а) продажа русской части Сахалина Японии за 150 млн. иен, б) предоставление японскому обществу долгосрочных концессий на эксплуатацию нефтяных, угольных и лесных богатств острова, а также железных дорог. Выдвигалось требование о предоставлении концессий и в других районах Дальнего Востока, а также признание обязательств и долгов царского правительства и возвращение национализированной частной собственности японским подданным.

Эти условия в целом были заведомо нереальны, но японская сторона продолжала настаивать на них, фактически ведя дело к срыву переговоров.

1 сентября 1923 г. в Японии произошло огромное землетрясение, которое уничтожило до 70% всей промышленности Токио и большую часть судостроительных заводов в Иокогаме. Советское правительство пришло на помощь японскому народу, направив в Японию пароход «Ленин» с продовольствием и санитарными отрядами. Когда пароход прибыл в Иокогаму, японские власти предложили передать им все пожертвования для распределения среди населения, потребовав вместе с тем, чтобы пароход оставил порт, не заходя в японские территориальные воды. Несмотря на такое отношение японского правительства, Советский Союз и в дальнейшем продолжал оказывать помощь японскому народу, отпустив для пострадавших от землетрясения 200 тыс. руб. золотом. Еще около 120 тыс. руб. золотом дали сборы, проведенные среди населения СССР. Впоследствии японское правительство выразило благодарность за глубокие симпатии и большую помощь советского народа

Японии в эти тяжелые для нее дни. Префектура Токио на своем заседании выразила благодарность русскому народу за помощь во время беспрецедентного разрушительного землетрясения [1].

Благородная советская акция способствовала усилению в Японии тенденции к нормализации отношений с СССР. Многие японские политики считали, что эта нормализация позволит расширить внешнюю торговлю страны и будет способствовать выходу Японии из экономического кризиса, который она переживала начиная с 1920 г.

В мае 1924 г. в Японии пришло к власти новое правительство во главе с Като. После некоторых колебаний оно поручает своему послу в Пекине начать переговоры с Советским Союзом. 14 мая 1924 г. в Пекине начались советско-японские переговоры. Помимо ранее выдвинутых Японией условий, Япония настаивала на том, чтобы Советское правительство признало все договоры, заключенные Россией при царском режиме. По-прежнему камнем преткновения оставался вопрос о Северном Сахалине. Все это тормозило переговоры. Только 20 января 1925 г. в Пекине была заключена советско-японская конвенция, согласно которой обе стороны восстановили дипломатические и консульские отношения друг с другом. Конвенция исходила из принципа невмешательства во внутренние дела договаривающихся сторон и предусматривала, что ни одна из сторон не допустит присутствия на ее территории организаций или групп, претендующих на статус правительства какой-либо части территории другой страны. Японское правительство согласилось на эвакуацию своих войск с Северного Сахалина к 15 мая 1925 г. В свою очередь Советское правительство пошло навстречу Японии и согласилось предоставить ей концессии на Северном Сахалине, в частности на эксплуатацию 50% площади нефтяных месторождений.

Ст. II советско-японской конвенции предусматривала, что договор, заключенный в Портсмуте 5 сентября 1905 г., остается в силе. В протоколе, приложенном к конвенции, Советское правительство сделало оговорку о том, что это «никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора». Такая оговорка давала юридические основания Советскому правительству впоследствии поставить вопрос о возвращении южной части Сахалина и Курильских островов Советскому государству.

Надо заметить, что Портсмутский договор не устанавливал точно прав японских рыболовных промышленников в своих во-

[1] АВП СССР, ф. 69, оп. 12, д. 17а, п. 34, л. 25—26, 28.

дах. Царское правительство заключило с японским правительством в 1907 г. особую конвенцию. Вопрос о рыболовных участках играл очень большую роль во взаимоотношениях между двумя странами. Вплоть до 1924 г. японские капиталисты, нарушая конвенцию 1907 г., хищнически вели в больших масштабах лов рыбы в советских водах. Этому был положен конец временным соглашением между двумя странами, заключенным в 1924 г. Окончательное урегулирование вопроса о рыболовстве Советское правительство поставило в зависимость от подписания общего соглашения. Новая рыболовная конвенция была подписана в январе 1928 г.

Советско-японская конвенция 1925 г. обеспечила СССР продолжительную мирную передышку на Дальнем Востоке, дала возможность укреплять экономическую и военную мощь Дальнего Востока и создавала условия для развития нормальных отношений между двумя крупнейшими тихоокеанскими державами.

Советско-американские отношения

В 1924—1925 гг. все крупные капиталистические державы, за исключением Соединенных Штатов Америки, установили дипломатические отношения с Советским Союзом. Лишь американское правительство под воздействием крайне реакционных кругов американской буржуазии систематически отклоняло все советские предложения, направленные к нормализации отношений.

Дипломатическое признание СССР американские правящие круги ставили в зависимость от коренного изменения социально-экономического строя Советской России. Правительство СССР не раз заявляло, что эти надежды являются беспочвенными и что оно не допустит никакого вмешательства Америки во внутренние дела России. Г. В. Чичерин говорил по этому поводу: «Вашингтон должен понять, и чем скорей, тем лучше, что Советская власть окончательно установилась в России и что возможность какой-либо перемены существующей формы правления в России совершенно исключена».

В 1923—1924 гг. в Соединенных Штатах Америки усилилась тяга торгово-промышленных кругов, в особенности тех, которые непосредственно имели дела с Россией, к нормализации дипломатических отношений между двумя странами. В 1923 г. в Америку приехал представитель Всероссийского текстильного синдиката В. П. Ногин для закупки крупной партии американского хлопка. Эта сделка заинтересовала американцев, тем более что в связи с только что пережитым экономическим кризисом вопрос о рынках сбыта стоял для США довольно остро. Советский Союз стремился из года в год расширять свои закупки в Соединенных Штатах, однако дальнейшее

развитие советско-американской торговли в значительной степени упиралось в то, что между странами не было дипломатических отношений и что американское правительство чинило всяческие препятствия ввозу советских товаров.

В условиях, когда все большее число крупных предпринимателей США выступало за нормализацию дипломатических отношений и когда во многих странах Европы наметилась тенденция к нормализации отношений с СССР, американские реакционные круги и послушное им правительство приняли энергичные меры с целью воспрепятствовать дальнейшему развитию событий. Президент Кулидж обратился 6 декабря 1923 г. к конгрессу с посланием, в котором заявил, что правительство США не намерено вступать в сношения с правительством, отказывающимся от признания международных обязательств, т. е. с правительством СССР, хотя известно, что Советское правительство всегда строго выполняло взятые на себя обязательства. Условием какого бы то ни было изменения отношения к СССР правящие круги США ставили широкие уступки со стороны Советского Союза, в том числе компенсацию американских бизнесменов, имущество которых было национализировано, и уплату долгов Временного правительства. Только при этих условиях правительство США соглашалось оказать России экономическую и моральную помощь [1].

Ознакомившись с посланием Кулиджа, Советское правительство отправило ему телеграмму с предложением совместно обсудить все вопросы, выдвинутые президентом. В основу переговоров СССР предлагал положить принципы невмешательства во внутренние дела и взаимности при урегулировании денежных претензий [2].

18 декабря Юз выступил в сенате с ответной речью, текст которой был переслан в Москву через американского представителя в Эстонии. Государственный секретарь США заявил, что не может быть и речи о переговорах с Советским Союзом, так как правительство и президент США остаются на позициях непризнания СССР. В своей речи Юз не остановился перед прямыми измышлениями, ссылаясь на какую-то «инструкцию» Коминтерна о том, как в США лучше устроить революцию. Чтобы разоблачить обман, народный комиссар иностранных дел СССР предложил третейский суд для разбора обвинения Юза, но государственный секретарь уклонился от этого предложения. Позиция Соединенных Штатов Америки имела целью не только запугать общественность США «красной опасностью» и тем самым сделать невозможным сближение между двумя

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. VI, стр. 628—629.
[2] См. там же, стр. 547.

странами, но и охладить стремление и других капиталистических государств к нормализации отношений с Советским государством. США всячески мешали успеху переговоров Советского Союза с Англией, Францией, Китаем и другими странами о нормализации отношений.

В сентябре 1924 г. Юз выступил с очередной антисоветской декларацией, которая, по выражению Г. В. Чичерина, была пропитана «стремлением уничтожить и стереть с лица земли советский строй» [1]. Она еще раз подтверждала, что американское правительство неуклонно действует, как отмечалось в заявлении народного комиссара иностранных дел СССР по поводу выступления Юза, в качестве главной силы «мировой реакции и мирового империализма в борьбе против колониальных народов и прямо или косвенно против Советской республики» [2].

Что касается Советского Союза, то он даже в этих сложных условиях продолжал держаться линии на расширение отношений с Америкой. В январе 1924 г. по инициативе англо-советского торгового общества АРКОС в США было организовано акционерное общество «АРКОС-Америка». В том же 1924 г. в Нью-Йорке было организовано новое акционерное общество «Амторг», при посредничестве которого производилась значительная доля операций по сбыту советских товаров в США и закупке американских товаров.

Позиция официального Вашингтона в отношении СССР встретила решительное осуждение не только в других странах, но и в самих Соединенных Штатах, среди широких масс и значительной части промышленных кругов США. Сенаторы Лафолетт и Бора, полковник Купер и другие деятели возглавили кампанию за признание СССР. Они были весьма далеки от симпатий к коммунизму, но справедливо считали, что политика «непризнания» СССР бьет по национальным интересам самих США. На заседании сенатской комиссии в декабре 1923 г. Бора заявил, что Советское правительство не причастно к каким-либо попыткам ниспровержения американского правительства. В статье в «Нью-Йорк таймс», опубликованной 29 декабря 1923 г., сенатор Бора писал: «Образ действия союзников по отношению к России после войны является небывалым в истории международных отношений примером недальновидности, жестокости и несправедливости».

Несмотря на предпринятые ими энергичные меры, США не удалось помешать нормализации отношений между СССР и капиталистическими странами. В 1925 г. Советский Союз имел

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 471.
[2] Там же, стр. 469.

дипломатические отношения уже с 22 государствами различных континентов, в том числе со всеми великими державами, за исключением США.

Советское правительство добилось ликвидации дипломатической изоляции СССР. Однако было бы неправильным считать, что задачи советской дипломатии в те годы сводились лишь к получению актов признания СССР со стороны капиталистических стран. На пути установления нормальных отношений с иностранными государствами стояли немалые трудности и препятствия, которые приходилось преодолевать в тяжелой борьбе. Империалистические государства — Англия, Франция, Италия и др. — пытались получить от СССР в качестве платы за его «признание» односторонние уступки, обставляли нормализацию отношений многочисленными оговорками. При заключении торговых соглашений они пытались игнорировать государственную монополию внешней торговли СССР, отказывались предоставить иммунитет торгпредствам СССР и их сотрудникам. Пойдя навстречу странам, желавшим нормализовать отношения с СССР и сделав им некоторые уступки в отдельных вопросах, советская дипломатия достойно защитила интересы Советского государства.

Ленинский курс Коммунистической партии и Советского правительства обеспечивал быстрый рост международного авторитета СССР. «Благодаря этой политике, — отмечал XIV съезд ВКП(б), — в области *международной* Советский Союз получил ряд новых признаний со стороны капиталистических государств, заключил с ними ряд новых торговых договоров и концессий, увеличил свой внешний товарооборот и укрепил свое международное положение» [1].

Нормализация дипломатических отношений между СССР и многими капиталистическими странами явилась наглядным подтверждением правильности и жизненности ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Объективные законы международного развития оказались сильнее стремления империалистической реакции изолировать и уничтожить СССР.

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, М., Госполитиздат, 1954, стр. 193.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ЛОКАРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (1925 г.)

С 1924 г. в обстановке временного отлива революционного движения в Западной Европе начинается период частичной стабилизации капитализма, т. е. период некоторого укрепления экономических и политических позиций мировой буржуазии. Капиталистическое производство и торговля, оправившись от послевоенного хаоса и разрухи, достигли, а затем и превысили довоенный уровень. Ведущим империалистическим державам удалось сговориться по вопросу об ограблении побежденной в войне Германии (принятие «плана Дауэса»), об установлении сфер влияния в Китае и т. п.

Буржуазная пропаганда на все лады трубила о том, что «план Дауэса» означает успех дела «умиротворения» Европы и что наступает эра «нового расцвета» капитализма.

Коммунистическая партия Советского Союза, анализируя международную обстановку, разоблачила несостоятельность этих «теорий», показала непрочность стабилизации капитализма, ее относительный и временный характер. Частичная стабилизация капитализма вела не к ослаблению, а к усилению всех противоречий капиталистической системы, и в первую очередь между великими державами. Особенно острыми стали противоречия между США, активно укреплявшими свои позиции в Европе, и Англией. Рос франко-германский антагонизм.

Женевский протокол

На протяжении ряда лет после подписания Версальского договора Франция старалась добиться гарантий безопасности своих границ, считая это жизненной необходимостью.

В 1924 г. вопрос о гарантиях безопасности не сходил с повестки дня Лиги наций. Среди многих проектов мирного урегулирования международных конфликтов в кругах Лиги родился англо-французский план всеобщего международного договора о взаимных гарантиях. Пришедшее к власти в Англии лейбористское правительство Макдональда демонстрировало свое миролюбие перед рабочим классом, чтобы обеспечить себе поддержку на предстоящих парламентских выборах. Француз-

ское правительство стремилось создать хотя бы видимость какого-нибудь успеха во внешней политике, чтобы сгладить впечатление от своих неудач на Лондонской конференции 1924 г., утвердившей «план Дауэса».

Выработанный Лигой наций проект протокола о мирном разрешении международных конфликтов был утвержден в Женеве 2 октября 1924 г.

В ст. 2 Женевского протокола устанавливалось, что его участники «ни в коем случае не должны прибегать к войне ни между собой, ни против любого государства, которое приняло бы все определенные в протоколе обязательства», за исключением «случаев сопротивления актам агрессии или же, когда они действуют в согласии с Советом или Ассамблеей Лиги наций, сообразно положениям Устава и настоящего протокола».

Принятие протокола Лигой наций больше всего устраивало Францию, так как в нем содержались гарантии сохранения территориального status quo, установленного Версальским договором, в частности гарантии границ восточноевропейских союзников Франции. Это могло считаться своего рода компенсацией Франции со стороны английского правительства за ее согласие на «план Дауэса».

Одобрение протокола Лигой наций сопровождалось большой шумихой. Правительства Англии и Франции сразу же объявили Женевский протокол «великой хартией мира», способной якобы обеспечить сотрудничество народов. Однако официальные восторги не могли скрыть продолжавшегося углубления англо-французских противоречий, из-за которых Женевский протокол не вступил в силу и оказался мертвой буквой.

Франция поспешила первой подписать протокол. Но английское правительство не торопилось. Пришедший на смену правительству Макдональда консервативный кабинет С. Болдуина — О. Чемберлена отказался подписать протокол. Английские консерваторы, сторонники «независимой политики» Англии, решили не связывать себя обязательствами, зафиксированными в Женевском протоколе.

Разорвав в октябре 1924 г. заключенные в августе того же года правительством Макдональда с Советским правительством общий и торговый договоры, кабинет Болдуина направил деятельность своей дипломатии на создание антисоветского западного блока с участием в нем Германии.

На заседании Совета Лиги наций 12 марта 1925 г. Чемберлен сообщил, что Англия не ратифицирует протокол. Эррио писал впоследствии в своих мемуарах: «Протокол был похоронен. Не оставалось ничего другого, как извлечь хотя бы что-нибудь из специального пакта, предложенного Германией, рекомендованного Остином Чемберленом и в принципе приня-

того Италией и Бельгией». Под «специальным пактом» Эррио имел в виду предложенный Германией проект Рейнского гарантийного пакта, который в тот момент обсуждался в столицах Англии и Франции.

Германский меморандум о Рейнском пакте

Германская дипломатия внимательно следила за ходом переговоров в Лиге наций о Женевском протоколе. Она была достаточно осведомлена о направлении внешнеполитического курса английских правящих кругов. Английский посол в Берлине лорд д'Абернон часто общался с министром иностранных дел Германии Штреземаном и, как он сам об этом позже писал, достиг с ним полного взаимопонимания.

19 января 1925 г. статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Шуберт писал германскому послу в Лондоне: «Недавно лорд д'Абернон во время беседы затронул вопрос о безопасности. Он подчеркнул, что, по его мнению, мы поступили бы благоразумно, если бы безотлагательно взяли на себя инициативу в этом вопросе. При этом, однако, он не советовал производить одновременных демаршей в Париже и Лондоне и предложил, чтобы мы прежде всего обратились к нему с конкретным предложением в форме доверительного меморандума; при этом нам следовало бы исходить из той мысли, которая лежала в основе Рейнского пакта, предложенного в декабре 1922 г. тогдашним рейхсканцлером Куно. В дополнение к этому можно было бы еще заключить общий договор об арбитраже между Германией и Францией» [1].

20 января 1925 г. германский меморандум был передан британскому правительству. В соответствии с советами д'Абернона в меморандуме повторялась основная мысль проекта гарантийного пакта, предлагавшегося в 1922 г. рейхсканцлером Куно. Однако, чтобы сделать проект более привлекательным для Франции, в меморандум было включено предложение о заключении еще одного пакта, который «мог бы, например, заключаться в том, что государства, имеющие интересы на Рейне, взаимно обязались бы строго соблюдать территориальный статус-кво на Рейне» [2]. Кроме того, германское правительство соглашалось, чтобы участники предлагаемого пакта гарантировали также «выполнение обязательства о демилитаризации Рейнской области, которое Германия взяла на себя согласно ст. 42 и 43 Версальского договора» [3].

В Берлине рассчитывали заручиться официальной английской поддержкой своего предложения до направления его французскому правительству.

---

[1] «Локарнская конференция 1925 г.» М., Госполитиздат, 1959, стр. 27.
[2] Там же, стр. 33.
[3] Там же.

28 января французский премьер Эррио выступил в палате депутатов с резкой речью по германскому вопросу. «Франция не может отказаться от военной оккупации Рейнской области, так как это ее единственная гарантия», — говорил Эррио. Англия и Америка отклонили предложение Фоша в Версале о создании укрепленной линии вдоль Рейна. Они обещали заключить с Францией пакт о совместной обороне; теперь Франция вправе требовать выполнения этого обещания. «Дайте нам отвести кинжал, постоянно направленный на нас, пока вы разговариваете о мире!» — закончил свою речь Эррио под бурные рукоплескания палаты.

Одобрение депутатов встретило и заявление премьер-министра о том, что ст. 169 Версальского договора осталась мертвой буквой и что разоружение Германии — чистая фикция. Германия сохранила гораздо большие запасы военного снаряжения, чем это нужно для рейхсвера. Рейхсвер, по существу, занимается восстановлением кадров старой армии, ее генерального штаба и главного командования.

Германские политики учитывали, что в сложившейся обстановке правительство Франции нуждается в том, чтобы представить общественности страны такое урегулирование вопросов безопасности, которое было бы равноценно гарантийным пактам, выработанным в Версале в 1919 г. Штреземан считал необходимым по возможности скорее проявить инициативу с германской стороны.

9 февраля правительство Германии передало французскому правительству текст меморандума с предложениями о заключении Рейнского пакта. Аналогичные предложения были направлены несколькими днями позже бельгийскому и итальянскому правительствам.

Много лет спустя Эррио, вспоминая об этом меморандуме, писал: «Теперь ясно, что этот текст лег в основу Локарнских соглашений; для нас он представлял большой интерес, поскольку формально гарантировал *статус-кво* на Рейне (а следовательно, возвращение Эльзаса Франции) и казался очень удобным в качестве первого вклада в дело протокола» [1].

20 февраля Эррио сообщил германскому послу в Париже, что французское правительство с интересом восприняло меморандум от 9 февраля, но что изучение содержащихся в нем предложений «не может быть продолжено, пока Франция не представит их на рассмотрение своим союзникам и не достигнет с ними соглашения в целях создания системы безопасности в рамках Версальского договора».

---

[1] *Эдуард Эррио.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936, стр. 239.

В английском правительстве в эти дни обсуждались различные планы сколачивания антисоветского западного блока с привлечением в него Германии. Наибольшую известность приобрел план, подробно разработанный Остином Чемберленом в его секретной записке от 20 февраля 1925 г. Главной особенностью этого документа, который вскоре стал достоянием гласности, была его антисоветская направленность. Советская Россия, писал Чемберлен, «нависла, как грозовая туча, над восточным горизонтом Европы — угрожающая, не поддающаяся учету, но прежде всего обособленная... Россия не только не является фактором стабильности, она скорее — один из самых опасных моментов, порождающих нашу неуверенность; поэтому необходимо определить политику безопасности вопреки России и даже, пожалуй, именно из-за России».

В записке Чемберлена нашли свое выражение самые сокровенные замыслы реакционных кругов Великобритании. Г. В. Чичерин писал в газете «Известия» 30 июня 1925 г.: «Вся кампания гарантийного пакта была начата Англией в связи с желанием изолировать СССР, оторвать от него Германию, создать против него единый фронт, получить возможность при удобном случае возобновить против него систему блокады» [1].

Ставя перед собой задачу сколачивания антисоветского блока, английская дипломатия хорошо понимала, что осуществить эту цель ей удастся только в том случае, если Франция и Германия будут участниками одного пакта. Англия рассчитывала, с одной стороны, изолировать Советский Союз, а с другой — добиться изоляции Франции, порвать связи между нею и ее военными союзниками на востоке Европы, противопоставить Франции Германию и сохранить за собой роль арбитра во франко-германских противоречиях. В этой связи весьма показательна следующая запись английского посла в Берлине лорда д'Абернона, сделанная им в своем дневнике: «Прямая выгода Англии менее заметна, но не прямая выгода — сделаться арбитром между Францией и Германией — предоставляет нам громадные возможности. Это делает нас решающим фактором в европейской политике. Второе последствие пакта — это устранение опасности для Германии попасть в руки России».

Постоянную поддержку Англии в осуществлении ее антисоветских планов оказывали США. «Поездка Болдуина в Америку в марте 1923 г. и заключение соглашения с Америкой о признании Англией своего долга закрепили связь между обеими странами и обеспечили Англии полную поддержку Америки во всех европейских начинаниях, — писал полпред СССР во Франции Л. Б. Красин в НКИД 17 мая 1925 г. — ...Америка избе-

[1] *Г. В. Чичерин.* Статьи и речи.., стр. 393.

гает, однако, непосредственного вмешательства в политические дела Европы, и руководящая роль здесь принадлежит всецело Англии, за которой стоит поддержка Америки» [1].

В ходе длительных англо-французских переговоров Англия настойчиво убеждала французское правительство в необходимости принять германские предложения.

При этом английское правительство подчеркивало антисоветскую направленность проектируемого пакта.

Французским реакционным кругам импонировала идея антисоветского блока, однако вместе с тем они хотели путем заключения гарантийного пакта укрепить свои военные союзы в Восточной Европе и тем самым увеличить свое политическое влияние на континенте. Поэтому они добивались пересмотра ряда положений, содержавшихся в германском меморандуме, и предлагали, чтобы арбитражные договоры, которые будут заключены Германией с Польшей и Чехословакией, были связаны с Рейнским гарантийным пактом в единое целое. Это было, однако, одним из тех требований французов, удовлетворить которые Англия наотрез отказывалась.

Опираясь на поддержку английской дипломатии, правительство Германии категорически заявило, что предлагаемый им договор не должен означать признания границ Германии с ее восточными соседями — Польшей и Чехословакией. В письме к германскому послу в Москве Брокдорфу-Ранцау от 19 марта 1925 г. Штреземан особенно подчеркивал это обстоятельство: «...мы, начиная с первого дипломатического совещания, в качестве непременного условия для нашего сотрудничества в вопросе безопасности совершенно определенно выдвигали требование не принимать таких решений, которые в какой-либо форме были бы направлены к признанию наших границ на Востоке» [2].

Согласие германского правительства на заключение с Польшей, Чехословакией и другими своими соседями арбитражных договоров было маневром, которым оно рассчитывало ввести эти страны в заблуждение видимостью обеспечения безопасности их границ с Германией. Сам же Штреземан писал по этому поводу Брокдорфу-Ранцау: «В действительности подобные арбитражные договоры, как бы много в них ни говорилось о стремлении к миру, не являются реальным препятствием для сохранения политических целей, которые нам следует преследовать в отношении наших восточных границ» [3].

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VIII. М., Госполитиздат, 1963, стр. 311.

[2] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 55.

[3] Там же, стр. 55—56.

О том, какие именно «политические цели» имел в виду Штреземан, можно судить по его секретному письму к бывшему германскому кронпринцу от 7 сентября 1925 г. «На мой взгляд, — писал Штреземан, — перед германской внешней политикой на ближайший период стоят три большие задачи: во-первых, благоприятное для Германии разрешение репарационного вопроса и обеспечение мира, как предпосылки для будущего укрепления Германии. Во-вторых, я отношу сюда защиту немцев, живущих за границей, т. е. тех 10—12 миллионов соотечественников, которые в настоящее время живут в чужих странах, под иноземным ярмом. Третья крупная задача — исправление восточных границ, возвращение Германии Данцига, Польского коридора и исправление границы в Верхней Силезии. В перспективе — присоединение немецкой Австрии, хотя я вполне отдаю себе отчет в том, что это не только принесет пользу, но и весьма осложнит «проблему Германской империи»» [1].

Напрасно искало французское правительство поддержки у своего британского союзника в вопросе о признании Германией неприкосновенности границ восточноевропейских союзников Франции. Это противоречило политическим целям Великобритании, озабоченной в тот момент именно тем, чтобы направить взоры германского империализма на восток. Чемберлен писал 18 марта английскому послу в Берлин: «Мы не примем на себя никаких новых обязательств относительно каких-либо границ, за исключением границ между Германией, с одной стороны, и Францией и Бельгией — с другой» [2].

Отказ Англии от гарантии польско-германской и чехословацко-германской границ, а также ее возражения по ряду других важных условий будущего гарантийного пакта ставили Францию и ее восточных союзников в трудное положение.

Министр иностранных дел Польши Скшиньский разъезжал по европейским столицам, добиваясь гарантий для польских границ с Германией. В Берлине приняли меры, чтобы нейтрализовать деятельность польской дипломатии. Статс-секретарь Шуберт уверял д'Абернона, что «польский вопрос — больше русский вопрос, чем немецкий» и, следовательно, опасность Польше грозит не со стороны Германии, а со стороны СССР.

Сильное давление оказывал на Польшу британский Форинофис. «Я объяснил Скшиньскому, — говорил Чемберлен, — что

---

[1] *Gustav Stresemann.* Vermächtnis, Bd II, S. 553.

[2] *Ch. Petrie.* The Life and Letters of the Right Hon. Sir Austin Chamberlain, vol. II. London, 1940, p. 267.

гарантийный пакт, обеспечивающий Польшу со стороны Германии, позволил бы ей лучше следить за своими интересами в том, что касается России».

Дипломатия Чехословакии также подверглась обработке. 1 апреля 1925 г. министр иностранных дел Бенеш заявил, что чехословацкое правительство «согласно в принципе рассматривать германские предложения и договоры об арбитраже».

В феврале 1925 г. в Германии произошли значительные внутренние изменения. 28 февраля умер президент Эберт. Его сменил старый фельдмаршал Гинденбург. Это означало не только усиление реакционно-монархических настроений. Программная речь нового президента в рейхстаге о Данциге (Гданьске), Польском коридоре и Верхней Силезии окрылила германских империалистов. В то же время в связи с продлением французской оккупации Кёльнской зоны в германском народе разжигались шовинистические настроения.

Все это требовало скорейшего ответа на германское предложение. Однако в апреле 1925 г. во Франции произошел правительственный кризис, в результате которого на смену правительству Эррио пришел кабинет Пенлеве — Бриана. Только 12 мая 1925 г. новый министр иностранных дел Франции Бриан направил в Лондон проект ответной ноты Германии.

Правительство Англии согласилось с требованием Франции, чтобы вступление Германии в Лигу наций было «основным условием пакта безопасности», — это полностью соответствовало английским планам. Кроме того, в Лондоне учитывали, по словам Штреземана, что принадлежность Германии к Лиге наций «способствовала бы в большей степени, нежели заключение одного только арбитражного договора, тому, чтобы успокоить волнения Польши и утешить Францию, оплакивающую кончину Женевского протокола». Как правильно угадывал Штреземан, «Англия хотела бы положить конец осложнениям на континенте, дабы развязать себе руки для достижения других своих целей». Сам Штреземан не стал ставить точки над «i» и не пояснил, о каких «своих целях» помышляла Великобритания, но Брокдорф-Ранцау, в письме к которому содержались цитируемые слова германского министра иностранных дел, сделал к этому месту письма пометку: «Разумеется, против Советской России» [1].

Два года спустя, в июне 1927 г., английский журнал «Фортнайтли ревью», известный своей близостью к Форин-оффису, еще более определенно поведал своим читателям, что «одной из основных побудительных причин допущения Германии в Лигу

[1] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 57.

наций была уверенность или, по крайней мере, мысль о том, что, став членом Лиги наций, Германия сама порвет с СССР или будет оторвана от него и свяжет себя с остальной Европой против большевистской опасности».

Пошло навстречу Франции английское правительство и в том, что «пакт, предложенный Германией, ни в коей мере не может противоречить Версальскому договору».

Вместе с тем правительство Великобритании выступило против явно выраженного стремления Франции связать своего британского партнера более действенными обязательствами по пакту, и прежде всего в отношении польских и чехословацких границ с Германией. В своем ответе Бриану от 28 мая 1925 г. Чемберлен вновь повторил, что основным принципом, которым руководствуется английское правительство, «есть и должно быть то, что всякое новое обязательство, которое оно принимает на себя, должно быть конкретным и ограничиваться задачей сохранения существующего территориального порядка на западной границе Германии». Форин-оффис отказался также поддержать предложение Франции о том, что арбитражные договоры и Рейнский пакт должны образовать одно неделимое целое.

...Переговоры о гарантийном пакте, писал Г. В. Чичерин, принимают характер франко-английского единоборства при большой близости между Англией и Германией.

Поправки английского правительства были настолько категорическими, что французское правительство вынуждено было принять их, чтобы на будущей конференции не оказаться один на один с Германией. К такому решению толкали Францию также господствующие политические тенденции во французских реакционных кругах, стремившихся, подобно английским империалистам, к организации единого антисоветского блока.

16 июня посол Франции в Берлине вручил Штреземану ответ союзных держав на германские предложения. В этот же день текст ответа был сообщен Бельгии и Италии.

Италия и гарантийный пакт

В англо-французских переговорах Италия участия не принимала. В ответ на ноту Бриана Муссолини заявил, что, поскольку пакт касается исключительно рейнской границы, он не представляет для Италии непосредственного интереса и итальянское правительство предпочитает оставить за собой свободу действий.

В этот период итальянскую дипломатию беспокоил вопрос о Южном Тироле. В начале 1925 г. он привел даже к итало-германскому конфликту. 6 февраля 1925 г. Муссолини заявил в

сенате, что не признает за тирольскими немцами прав национального меньшинства. В той же речи Муссолини угрожающе подчеркнул, что «Италия не только никогда не уберет своего знамени с Бреннера, но, если это потребуется, она скорее перенесет это знамя за Бреннер». Германская дипломатия не сочла возможным пойти на обострение — ей приходилось до поры до времени избегать конфликтов. Следующая речь Муссолини как будто звучала более миролюбиво. Тем не менее и в ней сквозил определенный расчет. Германия в это время выступила с предложением гарантийного пакта, и итальянская дипломатия надеялась добиться согласия немцев гарантировать и итало-австрийскую границу, установленную Сен-Жерменским договором. 20 мая Муссолини открыто заявил: «Нужно гарантировать не только границу на Рейне, но и границу на Бреннере».

Французы, добивавшиеся гарантии восточных и южных границ Германии, ухватились за заявление Муссолини, видя в этом поддержку своей позиции против Англии, однако решительный отказ английского правительства рассеял всякие надежды Муссолини на возможное участие в качестве равноправного партнера в англо-французских переговорах.

Французская дипломатия пыталась использовать недовольство Рима, вызванное позицией Англии, в своих интересах. Через свою официальную прессу она предложила итальянцам заключить особый гарантийный пакт для восточных и южных границ Германии. В этом пакте предусматривалось участие Италии, Чехословакии, Польши, Австрии и Германии. Для самой Франции предназначалась роль гаранта.

Но Италия, не без воздействия Англии, отказалась от такого договора. Заключение такого гарантийного пакта, по мнению Рима, облегчило бы Франции создание под своим покровительством придунайской конфедерации, в чем Италия усматривала угрозу своим интересам.

В Лондоне учли, что Италия опасается связать себя с Францией, но что она отнюдь не прочь получить более выгодные предложения со стороны английской дипломатии. Англия исходила из того, что если Италия не будет участвовать в гарантийном пакте, то тогда она окажется вне созданного европейского блока и может пойти на сближение с Советским Союзом. В случае подписания Италией Рейнского пакта она включается в группировку европейских держав и лишается возможности самостоятельно «фрондировать». Британская дипломатия выбрала вторую возможность и предложила Италии стать вместе с ней вторым гарантом Рейнского пакта. Итальянцы приняли это предложение.

Подготовка конференции и позиция США

Подготовка конференции по Рейнскому пакту проходила без видимого участия Соединенных Штатов. Это, однако, ни в коей мере не означало, что США стояли в стороне от англо-франко-германских переговоров. Напротив, американские правящие круги пристально следили за этими переговорами, проявляли к ним самый живой интерес и активно воздействовали на весь их ход. «...Американский финансовый капитал, рассматривающий Европу как большую колонию, из которой он может извлекать огромные барыши, весьма рьяно трудился над заключением Локарнского договора» [1], — отмечал руководитель германских коммунистов Э. Тельман в своей речи в рейхстаге против этого договора 24 ноября 1925 г.

XIV съезд ВКП(б) отметил «небывало возросшую роль Северо-Американских Соединенных Штатов, граничащую с их мировой финансовой гегемонией».

К концу 1925 г. задолженность европейских капиталистических стран Соединенным Штатам вместе с процентами составляла, по американским подсчетам, 20 млрд. долл. Огромным потоком американский капитал устремился в Европу, особенно в Германию. Судьба этих капиталов беспокоила Уолл-стрит. Лорд д'Абернон писал в своем дневнике: «Америка рассуждает следующим образом. Если Германия не платит Франции, Франция не может платить Америке, если святость финансовых обязательств нарушается, требования Америки будут игнорироваться... С другой стороны, пока не достигнуто всеобщее умиротворение, никто не будет платить никому» [2]. Это обстоятельство в значительной степени определяло позицию США в отношении гарантийного пакта. Американские правящие круги видели в Рейнском договоре политические гарантии для своих капиталовложений в Европе, они рассматривали этот договор как продолжение и развитие «плана Дауэса».

Американский историк У. А. Уильямс признает, что «Локарно было политическим выражением американо-английской политики, которая была обеспечена экономически американскими займами Германии» [3].

Президент США Кулидж 3 июля 1925 г. публично высказался в поддержку гарантийного пакта, а позже, в своем послании конгрессу от 8 декабря 1925 г., т. е. уже после подписания Локарнских соглашений, признал вмешательство США в выработку этого пакта.

---

[1] *Э. Тельман.* Избранные статьи и речи. 1919—1928, т. I. М., 1957, стр. 196—197.

[2] Lord d'Abernon's Diary, vol. III, p. 60.

[3] «Science and Society», 1958, vol. XXII, № 1, p. 12.

Определяющую роль в позиции США играла общая антисоветская направленность их внешней политики. Они упорно продолжали придерживаться курса «непризнания» СССР. Усматривая в сотрудничестве Германии с Советским Союзом угрозу своим интересам в Европе, империалисты Соединенных Штатов прилагали всяческие усилия к тому, чтобы содействовать отрыву Германии от СССР, изолировать и окружить Советский Союз.

На Вильгельмштрассе прекрасно знали об этом. В письме Брокдорфу-Ранцау от 19 марта 1925 г. Штреземан писал: «...как американское правительство, так и американские партии, учитывая наше современное положение, отнеслись бы к вступлению (Германии. — *Авт.*) в Лигу наций с полным пониманием, а американские деловые круги даже приветствовали бы этот акт» [1].

США оказывали Англии действенную поддержку в ускорении созыва конференции по заключению гарантийного пакта путем нажима на Францию и Германию.

В разгар англо-франко-германских переговоров о гарантийном пакте, в июле 1925 г., в Берлине встретились представители крупнейших монополий США, Англии и Германии — директор американского Федерального резервного банка Б. Стронг, директор Английского банка М. Норман и президент германского Рейхсбанка Я. Шахт. Имея в виду совещание трех банкиров, Штреземан писал в своем дневнике: «... как будто бы создается некий англо-американо-германский финансовый трест, предпосылкой которого, конечно, является осуществление пакта безопасности. Эти миллиарды нам крайне нужны» [2].

Визит Стронга и Нормана в Берлин имел решающее значение для исхода переговоров о Рейнском пакте. Известный английский обозреватель, выступавший под псевдонимом Авгура, писал в декабре 1925 г.: «Летом не было уверенности, что Германия станет добиваться пакта о безопасности. Однако... Монтегю Норман и Бенджамин Стронг... прибыли в Берлин и оказали поддержку президенту Рейхсбанка Шахту. Германскому правительству и германским политическим деятелям было сказано, что они не получат дальнейших кредитов для восстановления Германии до тех пор, пока не победит идея пакта» [3].

Оказывая давление на Германию и требуя от нее некоторых незначительных уступок Франции, США, действуя совместно с Англией, добивались также того, чтобы и Франция была более умеренной в своих требованиях и не сорвала заключения га-

[1] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 60.
[2] *Gustav Stresemann.* Vermächtnis, Bd II, S. 154.
[3] «Fortnightly Review», December, 1925, p. 749.

рантийного пакта. Американский посол в Лондоне Хаутон в мае 1925 г. недвусмысленно пригрозил закрытием американских кредитов для тех правительств, которые откажутся подписать гарантийный пакт, предложенный Германией и одобренный Англией [1].

Г. В. Чичерин говорил по поводу выступления Хаутона: «...так как золото после мировой войны главным образом сосредоточено в подвалах американских банков, так как Америка есть главный кредитор и главный возможный кредитор в будущем для всего мира, то совершенно ясно, что эта угроза финансового нажима может сыграть решающую роль в международных отношениях» [2].

Под нажимом американских и английских монополий «некоторые германские сомнения или возражения против пакта о безопасности были сняты» [3]. Франции, заинтересованной в финансовой поддержке США, также пришлось изменить свою позицию.

В августе 1925 г. Франция и Бельгия вывели свои войска из Рура, а также из Дюссельдорфа, Дуисбурга и Рурорта, лишившись тем самым важных средств воздействия на Германию. Позиции же Германии все больше усиливались.

Французскому правительству пришлось отказаться от попыток отсрочить созыв конференции до того времени, «когда достаточно сблизятся точки зрения союзников и Германии». 24 августа 1925 г. в ноте Штреземану, выдержанной в весьма мягких тонах, Бриан «в согласии со своими союзниками» приглашал германское правительство вступить в переговоры.

31 августа — 4 сентября 1925 г. по инициативе Англии в Лондоне состоялось совещание юридических экспертов Англии, Франции, Германии. На совещании присутствовал также наблюдатель от Италии. Цель совещания, писал Чемберлен, состояла в том, чтобы «поставить немцев в равное положение с нами, дать Штреземану возможность заранее знать общий характер тех предложений, которые мы сделаем...»

На Лондонском совещании Германия благодаря оказанной ей английским представителем поддержке добилась дальнейших уступок со стороны Франции, в частности того, чтобы заключением гарантийного пакта исключалась возможность введения Францией войск в Рейнскую демилитаризованную зону без разрешения Совета Лиги наций в случае германо-польской или германо-чехословацкой войны. Англичане не сдержали своего обещания, данного Чемберленом Бриану в июне 1925 г.,

---

[1] «The New York Times», 5. V. 1925.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 294—295.
[3] «Daily Telegraph», 21. VII. 1925.

и не поддержали Францию в этом весьма важном для нее вопросе.

Результаты переговоров экспертов оставляли Франции мало надежд на поддержку со стороны Англии на предстоящей конференции. «Английское правительство уже начинает занимать положение арбитра Европы, от которого зависит предоставить тот или другой выигрыш, с одной стороны, Франции, с другой стороны, Германии»[1], — писал Г. В. Чичерин в августе 1925 г.

Локарнская конференция (5—16 октября 1925 г.)

15 сентября 1925 г. французский посол в Берлине де Маржери вручил Штреземану ноту своего правительства, в которой Германии предлагалось сообщить свое отношение к созыву конференции министров иностранных дел для выработки Рейнского пакта. 26 сентября германские послы в Париже, Брюсселе, Лондоне и Риме передали ответную ноту Штреземана о согласии Германии на созыв конференции.

Конференция открылась 5 октября 1925 г. в швейцарском курортном городке Локарно. Сюда прибыли делегации Англии, Франции, Бельгии, которые возглавлялись министрами иностранных дел. Делегацию Германии возглавили рейхсканцлер Лютер и министр иностранных дел Штреземан. Италия направила на конференцию своего представителя в Лиге наций Шалойя и только к подписанию соглашений явился Муссолини. Спустя несколько дней после начала заседаний на конференцию приехали министры иностранных дел Польши и Чехословакии — Скшиньский и Бенеш.

По прибытии в Локарно представители держав выступили с широковещательными миролюбивыми декларациями. Но ими и ограничилась официальная «добыча» прессы. Заседания конференции происходили при закрытых дверях. Участники совещания отказались даже от принятой в таких случаях практики — ведения общих протоколов. Каждая делегация сама делала для себя необходимые записи. О ходе работ публиковались лишь краткие официальные сообщения. Редакции газет различных стран и направлений, пославшие в Локарно сотни своих журналистов, требовали от них, чтобы любой ценой они добывали какую-нибудь информацию. Поэтому в газетах ежедневно появлялись самые сенсационные сообщения.

На первом же заседании конференции Чемберлен предложил, чтобы в дальнейшем заседания проводились без председателя, «на основе полного равноправия». Уже этим жестом Чемберлен, к неудовольствию Франции, демонстрировал свое

---

[1] *Г. В. Чичерин.* Статьи и речи..., стр. 433.

явное расположение к германской делегации как равноправному участнику конференции.

Чемберлен, задававший тон на конференции, стремился таким образом организовать ее работу, чтобы поскорее можно было принять согласованные решения по наиболее важным спорным вопросам. С этой целью устраивались неофициальные встречи глав конференции. Как сообщала пресса, «наибольший успех был достигнут в мирной беседе Бриана с Лютером в деревенской гостинице в Асконе 8 октября и во время прогулки по озеру в моторной лодке 10 октября с участием Чемберлена, Бриана, Лютера и Штреземана вместе с их секретарями и юрисконсультами».

В первую очередь на конференции был подвергнут обсуждению проект Рейнского гарантийного пакта, выработанного на совещании экспертов в Лондоне. И сразу же обнаружились серьезные разногласия среди ее участников. Наиболее острые дебаты происходили по двум главным статьям лондонского проекта — ст. 6, посвященной арбитражным договорам с Польшей и Чехословакией и затрагивающей вопрос о гарантии их границ с Германией, и ст. 11, касавшейся вступления Германии в Лигу наций. Обе эти статьи больше всего беспокоили Францию.

Выступая с разъяснением французской точки зрения по поводу ст. 6, Бриан использовал все возможности своего красноречия. Стараясь добиться гарантии границ восточноевропейских союзников Франции, он апеллировал к чувствам и разуму немецких дипломатов и даже грозил отказом от пакта. С подчеркнутой твердостью Бриан заявил, что если «от Франции хотят потребовать, чтобы она отказалась от своих обязательств по отношению к восточным друзьям и от гарантии, то пакт не может быть заключен».

Впрочем, примирительно добавил французский представитель, он «весьма сомневается» в том, что имеется расхождение по существу; его не должно быть, если руководствоваться духом Устава Лиги наций.

Германские дипломаты оставались глухими к доводам французского министра иностранных дел. У них на этот счет были самые строгие инструкции, в которых было записано, что «арбитражные договоры с восточноевропейскими государствами следует сформулировать таким образом, чтобы вопросы о границах ни при каких обстоятельствах не подпадали под обязательную процедуру арбитража» [1]. Зная к тому же, что Англия в этом вопросе не поддерживает Францию, Лютер и Штреземан наотрез отказались уступить требованиям Бриана.

[1] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 160.

Штреземан заявил, что Германия учла потребность восточных государств в обеспечении их безопасности, предложив заключить с ними арбитражные договоры. «Германское правительство, — подчеркнул Штреземан, — желает заключения пакта, но не следует требовать ничего, выходящего за рамки необходимого».

Не удалось французам добиться на конференции и неограниченного права ввода своих войск в Рейнскую демилитаризованную зону в случае германо-польской войны. По условиям пакта Франция могла это сделать только с разрешения Совета Лиги наций.

Эти уступки со стороны Франции ставили под угрозу территориальную неприкосновенность союзных с ней стран — Польши и Чехословакии, наносили серьезный ущерб престижу и влиянию Франции на европейском континенте и подрывали систему ее военных союзов в Центральной Европе. 15 октября 1925 г. Г. В. Чичерин, находившийся в тот момент в Берлине, телеграфировал в Москву: «...Франция уступила по всей линии, немецко-польская граница не гарантируется, однако Франция без Совета Лиги наций не может постановить помочь Польше. В Польше настроение крайне подавленное; это есть предательство ее Францией» [1].

На заседании 8 октября конференция приступила к рассмотрению вопроса о вступлении Германии в Лигу наций. В этом вопросе, который для Англии и Франции являлся политически самым важным, Германия столкнулась с их единой позицией. Остин Чемберлен сразу же заявил: «Что касается Великобритании, то это именно тот вопрос, которому она придает наибольшее значение... Не может быть и речи о заключении пакта без одновременного вступления Германии в Лигу наций» [2].

Усилия Англии в этом направлении полностью поддерживала Франция, несмотря на наличие серьезных разногласий между этими двумя странами по ряду важных вопросов. Настаивая на вступлении Германии в Лигу наций, западные державы рассчитывали, что таким образом им будет легче всего оторвать Германию от СССР и использовать ее в своих антисоветских замыслах.

Настаивая на вступлении Германии в Лигу наций, Англия и Франция вместе со всеми союзниками рассчитывали на безоговорочное выполнение ею обязательств по ст. 16 Устава Лиги наций. Эта статья обязывала членов Лиги активно участвовать в тех «карательных мерах», которые Лига наций могла пред-

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 629.
[2] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 307—308.

принять против «нарушителей мира». Господствующее положение Англии и Франции в Лиге наций давало им возможность в любой момент объявить таким «нарушителем мира» Советский Союз и тем самым принудить Германию к участию в авантюрах западных держав против СССР. Эти державы настаивали, чтобы Германия в соответствии с обязательствами, предусматриваемыми ст. 16, принимала участие в трех возможных видах антисоветских акций Лиги наций: 1) прямое участие Германии в войне против СССР; 2) косвенное участие ее в военных действиях (т. е. пропуск войск западных держав через германскую территорию); 3) участие Германии в экономических санкциях (т. е. разрыв экономических и торговых отношений с Советским Союзом).

Со своей стороны Германия, зная о стремлении стран Антанты привлечь ее к активным действиям против Советского Союза, не желала связывать себя такого рода далеко идущими обязательствами. Не могла она не учитывать и позиции правительства СССР.

Советская дипломатия, вовремя распознавшая замыслы западных держав, направленные на создание замкнутой антисоветской группировки держав с участием Германии, приняла необходимые меры для того, чтобы уменьшить опасность возможных коллективных выступлений этих держав против СССР. 8 апреля 1925 г. народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин в беседе с германским послом в Москве Брокдорфом-Ранцау подчеркнул, что привлечение Германии к участию в группировке западных держав предполагает использование ее в коллективных мерах против Советского Союза. «...Вступление Германии в Лигу наций, — заявил он, — есть лишь составная часть общей комбинации, означающей объединение с Антантой против нас...». Г. В. Чичерин указал также, что «маневр Германии и Англии сознательно направлен на изолирование СССР» [1].

В этих условиях германские представители в Локарно не решились дать западным державам обещания на участие в будущей войне против СССР.

Выступая 8 октября, Штреземан заявил, что «прямое военное участие невозможно вследствие состояния разоруженности... Для прямого военного участия Германии необходимо было бы по крайней мере более мощное вооружение ее военных сил, а это при существующем положении невозможно». Отклонил Штреземан и косвенное участие Германии в военных действиях. Он объяснил это тем, что, «если бы Германия была вынуждена допустить проход иностранных войск через свою

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 211.

территорию, возникли бы громадные внутриполитические и внешнеполитические трудности» [1]. Весьма настойчиво добивались западные державы согласия Германии на ее участие в экономических санкциях против Советского Союза. Как отмечал Брокдорф-Ранцау в разговоре с Г. В. Чичериным 28 июня 1925 г., правительства Антанты подчеркивают, что они ни в коем случае не могут пойти навстречу Германии в «экономических мероприятиях», так как «какая-нибудь финансовая или торговая блокада могут быть проведены только при всеобщем проведении» [2].

Представители Германии обращали внимание делегатов Англии и Франции на те опасные для Германии последствия, с которыми связано ее участие в экономических санкциях против СССР. «Германия в настоящее время бессильна и должна поэтому во что бы то ни стало избегать таких ситуаций, которые могут навлечь на нее объявление войны. Однако на бойкот, объявленный России с немецкой стороны, Москва, несомненно, ответит объявлением войны» [3].

В качестве наиболее веского аргумента Штреземан использовал угрозу «большевизации» Европы. Он указывал, что в случае войны между Германией и СССР советские войска могли бы «наводнить всю Германию, и большевизм мог бы распространиться вплоть до Эльбы» [4]. Отказываясь принять точку зрения западных держав, Штреземан заявлял, что «каждая страна должна иметь возможность в каждом отдельном случае самостоятельно определять размер участия в действиях Лиги наций, вытекающих из ст. 16» [5].

Такая постановка вопроса не удовлетворяла руководителей внешней политики Англии и Франции, строивших свои планы с учетом самого активного участия Германии в «карательных мерах» Лиги наций против Советского Союза. Нейтральная Германия в рамках Лиги их мало устраивала, поэтому они всеми способами старались заставить германских представителей согласиться с их условиями. «Невозможно, — заявлял Бриан, обращаясь к немецким делегатам, — одной ногой стоять в Лиге наций, а другой ногой или по крайней мере носком ноги — в другом лагере» [6].

Следом за Брианом и в поддержку его выступил глава бельгийской делегации Вандервельде. Упрекая германских представителей за их отказ от участия в экономических санкциях в

---

[1] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 185.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 397.
[3] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 185.
[4] Там же, стр. 186.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 188.

отношении Советского Союза, Вандервельде сказал, что вступление Германии в Лигу наций с подобной оговоркой «не будет bona fide (искренним. — *Ред.*) и она явится бездеятельным членом» [1].

Лютер и Штреземан, проявляя разумную осторожность, продолжали стоять на своем. Желая во что бы то ни стало втянуть Германию в блок западных держав, пусть даже с оговорками, представители Англии и Франции решили уступить.

Участники конференции согласовали текст своего коллективного письма относительно ст. 16, адресованного Германии, в котором заявляли, что «каждое из государств — членов Лиги обязано лояльно и действенно сотрудничать для того, чтобы добиваться соблюдения Устава и противодействовать любому акту агрессии в той мере, в какой это совместимо с его военным положением, и с учетом его географического положения». Это письмо 16 октября было парафировано главами всех делегаций, включая делегации Польши и Чехословакии.

Позиция Германии в вопросе об условиях вступления ее в Лигу наций объяснялась ее желанием обеспечить для себя свободу политической активности, с тем чтобы маневрировать между западными державами и Советским Союзом, с которым Германии очень важно было развивать торгово-экономические связи. Германской буржуазии было невыгодно отказываться от использования экономических возможностей Советского Союза. Существенную роль во всем этом играла позиция широких масс трудящихся Германии, требовавших укрепления дружественных отношений с Советским Союзом. Рабочий класс страны во главе с Коммунистической партией Германии развернул широкую кампанию против подготавливаемого антисоветского сговора. Руководители германского пролетариата Эрнст Тельман, Вильгельм Пик, Клара Цеткин и другие, разоблачая антисоветскую сущность Локарно, призывали народные массы к активной борьбе против империалистов, за мир и к защите Советского Союза.

Итоги Локарнской конференции

В итоге работ Локарнской конференции были приняты следующие акты: 1) заключительный протокол конференции, 2) гарантийный пакт между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией (Рейнский пакт), 3) арбитражное соглашение между Германией и Бельгией, 4) арбитражное соглашение между Германией и Францией, 5) арбитражный договор между Германией и Польшей, 6) арбитражный договор между Германией и Чехословакией, 7) соглашение между Францией и Польшей, 8) соглашение между Францией и Чехословакией.

[1] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 190.

Договор между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией содержал обязательства подписавших его держав соблюдать территориальное status quo, установленное Версальским миром. Ст. 1 гласила, что договаривающиеся стороны «гарантируют индивидуально и коллективно... сохранение территориального «статус-кво», вытекающего из границ между Германией и Бельгией и между Германией и Францией, и неприкосновенность указанных границ, как они установлены по мирному договору или во исполнение мирного договора, подписанного в Версале 28 июня 1919 г., а также соблюдение положений ст. 42 и 43 указанного договора относительно демилитаризованной зоны» [1].

В ст. 2 Германия и Бельгия, а также Германия и Франция взаимно обязывались не предпринимать никакого нападения или вторжения и не прибегать к войне друг против друга. Исключение составляли лишь случаи, когда дело шло об осуществлении «права на законную оборону» или действий, вытекающих из ст. 16 Устава Лиги наций, а также из соответствующих решений, принятых общим собранием или Советом Лиги наций.

В случае возникновения спорных вопросов, которые не могут быть решены обычным дипломатическим путем, договор обязывал передавать их согласительной комиссии или третейскому разбирательству. При несоблюдении какой-либо из держав принятых сторонами обязательств прочие участники договора обязывались немедленно предоставить свою помощь той стороне, против которой направлен неспровоцированный акт агрессии.

В силе оставались все постановления Версальского договора о демилитаризации Рейнской зоны, а также решения Лондонской конференции 1924 г. («план Дауэса»).

Локарнская конференция закончилась 16 октября 1925 г. Появившись перед публикой, ожидавшей на улице окончания конференции, бельгийский делегат продемонстрировал только что подписанные документы. На радостях были пущены ракеты. Город и лодки на озере были иллюминированы. Чемберлен в беседе с представителями печати заявил, что «Локарно осветит сердца и умы людей». Он счастлив тем, продолжал английский министр, что дружба с Францией укреплена, решимость Англии защищать неприкосновенность французских и бельгийских границ торжественно заявлена и что произошло примирение с Германией. Редакционной статье о Локарно «Таймс» дал высокопарное заглавие «Достигнут мир и соблю-

[1] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 485.

дена честь». Консервативная «Дейли мейл» приветствовала гарантийный пакт как «пакт примирения».

Все эти пышные миролюбивые фразы были всего-навсего дымовой завесой, с помощью которой организаторы конференции пытались скрыть истинный характер выработанных в Локарно соглашений и тем самым ввести в заблуждение мировую общественность.

Однако некоторые деятели Англии и других стран — участниц конференции не делали секрета из того, что в действительности произошло в Локарно. Заместитель министра колоний Великобритании Ормсби Гор прямо заявил: «В Локарно европейские державы соединились для защиты западной цивилизации против самой мрачной силы, какую когда-либо знала европейская история».

Не стал связывать себя дипломатическими условностями, характеризуя итоги конференции, и английский посол в Вашингтоне Говард. «Локарнский договор, — похвалялся он, — наносит удар коммунизму».

Английская дипломатия, поддерживаемая из Вашингтона, могла быть довольна итогами Локарно. Она отклонила невыгодные для себя требования Франции, Германии, Польши и Италии. Она помешала непосредственным переговорам Франции с Германией. Ее рукой Германия была введена в Лигу наций в качестве противовеса Франции и участника того «концерта европейских держав», в котором дирижерская палочка сохранялась за британской дипломатией.

Локарнские соглашения нашли широкую поддержку и одобрение в руководящих кругах буржуазных партий Англии, а также у правых лейбористов. Только одна партия этой страны, партия коммунистов, вела последовательную и непримиримую борьбу против этих соглашений, справедливо считая их не пактами мира, а пактами подготовки войны против первого в мире социалистического государства.

Правящие круги Франции изображали Локарнские соглашения чуть ли не как свое достижение. Пенлеве, например, заявил в палате депутатов 3 ноября 1925 г., что Франция извлекла из Локарно все выгоды. Еще более восторженно высказался по возвращении в Париж Бриан: «Это наконец мир. Наша безопасность обеспечена лучше, чем когда-либо» [1]. Однако Локарно никак нельзя было отнести к разряду побед французской дипломатии, и это понимали более дальновидные политики. Старый и опытный дипломат Франции Жюль Камбон, узнав о результатах Локарнской конференции, с горькой иронией сказал: «Разве вы не видите, что, несмотря на всех

[1] «Temps», 21. X. 1925.

этих женевских шутов, поздравляющих друг друга по поводу Локарно, ничто в сущности не изменилось?.. Если наша безопасность зависит от Лиги наций, то нам поистине будет плохо» [1].

В самом деле, французской дипломатии не удалось добиться обещанных ей когда-то англо-американских гарантий. Ей пришлось мириться с тем, что в Локарнском пакте Франция и Германия рассматривались как политически равноправные стороны. Гарантами, блюстителями этого пакта, в некотором роде арбитрами становились торжествующая Англия и покровительствуемая ею Италия, лишь недавно отклонившая сотрудничество с Францией. В довершение всего ни Англия, ни Италия не пожелали распространить свои гарантии на восточные границы Германии; там в самом тревожном соседстве с ней оставались союзники Франции — Чехословакия и Польша. Таким образом, Локарно стало для Франции поражением; оно свидетельствовало об ослаблении ее позиций и крахе широких гегемонистских планов французского империализма на европейском континенте.

Центральный орган французских коммунистов «Юманите», разъясняя трудящимся массам смысл локарнского сговора империалистов, писал: «Локарнский акт — это первый очень важный шаг к созданию англо-европейского блока, острие которого направлено против Советского Союза» [2].

Рабочий класс, трудящиеся Германии решительно выступили против Локарнских соглашений. 2 декабря 1925 г. коммунистическая газета «Ди роте фане» писала: «Локарно подписано — долой Локарно».

Германский империализм был удовлетворен результатами Локарно. В отличие от Версальского договора Локарнские соглашения были заключены с Германией как с равноправной стороной. Германия вводилась в Лигу наций. Ей предоставлялось постоянное место в Совете Лиги наций как одной из великих держав.

Германские круги, мечтавшие о реванше, связывали с Локарнским договором свои надежды на осуществление вынашиваемых ими планов. «Я вижу в Локарнском пакте средство для сохранения рейнских земель и возможность для возврата немецких земель на востоке» [3], — писал 27 ноября 1925 г. Штреземан, представлявший Германию в Локарно.

Германский империализм умело использовал в своих интересах англо-французские противоречия и теперь, находясь в

---

[1] *G. Tabouis.* They Called Me Cassandra. N. Y., 1942, p. 66.
[2] «L'Humanité», 18. X. 1925.
[3] *Gustav Stresemann.* Vermächtnis, Bd. II, S. 246.

ряду равноправных членов «концерта европейских держав», мог более решительно и настойчиво добиваться ликвидации стеснявших его последствий версальской системы.

Особое значение имели итоги Локарнской конференции для империалистических кругов Соединенных Штатов. «США, — писала «Правда» 20 октября 1925 г., — вели себя при переговорах о пакте более сдержанно, чем во время переговоров о «плане Дауэса». Но выступление американского посланника в Берлине г. Шермана, вмешательство американского посла Хаутона в переговоры в Лондоне, позиция, занятая американской печатью, — все это свидетельствует об участии и непосредственной заинтересованности США в Локарнском мире».

Локарнские соглашения считали в Вашингтоне политическим венцом «плана Дауэса». «Конференция в Локарно, — заявил в конгрессе государственный секретарь США Ф. Келлог, — выдающееся достижение... Она естественно следовала за работой Комитета Дауэса, за Лондонской и Парижской конференциями и завершила их работу» [1].

Локарно, по расчетам империалистов США, обеспечивало сохранность их капиталовложений в Европе и давало надежду на выплату им европейскими государствами колоссальной суммы военных долгов. Черчилль, занимавший в то время пост канцлера казначейства Великобритании, в своей речи в парламенте в марте 1926 г. говорил, что после консолидации всех долгов США получат в общей совокупности сумму, равную 60% всех германских репараций. «Репарации, — говорил Черчилль, — фактически будут оплачены европейскими нациями, истощенными и опустошенными войной, и этот поток золота будет непрерывно струиться через Атлантический океан к богатой благоденствующей великой американской республике».

Упорно проводя «жесткий курс» в отношении нашей страны, Соединенные Штаты приложили немало усилий к тому, чтобы способствовать созданию в Локарно антисоветской группировки европейских держав. На следующий день после Локарнской конференции «Нью-Йорк таймс» в передовой статье писала, явно выдавая желаемое за действительное: «Следствием установления мира и безопасности в Западной Европе являются политическая и моральная изоляция Советской России».

Империалисты США всемерно добивались изоляции СССР, рассчитывая, что она поможет им усилить политическое и экономическое давление на Страну Советов и подорвать международное революционное движение.

---

[1] «Congressional Record, 1925», vol. 67, part. 1, p. 906.

VI расширенный Пленум Исполкома Коминтерна в своих решениях отметил, что «главенствующее положение американского капитализма во всем мире стало бесспорным», что на Локарно лежит «неизгладимая печать гегемонии американского империализма» [1].

1 декабря Локарнские соглашения были окончательно подписаны в Лондоне. Вскоре они были ратифицированы парламентами стран, участвовавших в пакте.

Включение Германии в «европейский концерт» создавало кое у кого иллюзию, будто Европа становится на путь умиротворения. В действительности же Локарнские соглашения не только не ослабили, но, напротив, усилили и обострили противоречия, существовавшие между крупнейшими державами Европы.

Разоблачая антисоветское существо Локарно, XIV съезд ВКП(б) отмечал: «Относительная стабилизация и так называемое «замирение» Европы под гегемонией англо-американского капитала привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые «гарантийные договоры», острием своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры, прикрываемые якобы пацифистской Лигой наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны» [2].

Переговоры о заключении советско-германского политического договора

Подписание Германией гарантийного Рейнского пакта и вступление в Лигу наций ставило под сомнение ее верность «политике Рапалло», открывавшей перспективы дружественных отношений и взаимовыгодного экономического сотрудничества Германии с Советским Союзом. Однако в ряде дипломатических бесед, в переписке с Советским правительством германское правительство всячески заверяло его в неизменности своей «лояльной и благожелательной к СССР» позиции.

Например, 22 апреля 1925 г. рейхсканцлер Лютер в ответ на поставленный ему полпредом СССР вопрос о перспективах советско-германских отношений в связи с возможным вступлением Германии в Лигу наций и с заключением Рейнского пакта сказал, что «сближение Германии и России, экономическое и политическое, диктуется объективным положением вещей».

---

[1] «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., Партиздат, 1933, стр. 531.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, стр. 194—195.

28 июня 1925 г. германский посол в Москве передал Г. В. Чичерину заверения президента Гинденбурга, рейхсканцлера Лютера и Штреземана, что «при всяких обстоятельствах, во всяком случае Германия будет продолжать поддерживать нынешние дружественные отношения с СССР». Но фактами подобные заверения подтверждались мало.

Разумеется, наиболее трезво мыслящие германские политики, к числу которых, в частности, принадлежал посол Германии в Москве Брокдорф-Ранцау, представляли себе опасность возможного ухудшения советско-германских отношений в результате подписания Германией Локарнских соглашений. В секретной записке о результатах Локарнской конференции от 7 ноября 1925 г. Брокдорф-Ранцау писал: «Наше отношение к России коренным образом изменится вследствие нашего вступления в Лигу наций, и притом изменится навсегда... Локарнские соглашения означают, что Германия ориентируется на Запад; во всяком случае — а это и является решающим для наших отношений с Востоком — наше вступление в Лигу наций будет с русской стороны расценено именно так» [1].

В Советском Союзе учитывали, что подписание Германией гарантийного пакта, хоть и с оговоркой о ст. 16, создавало определенную угрозу образования единого антисоветского фронта западных государств в области как политических, так и экономических отношений.

В меморандуме германскому правительству от 2 июня 1925 г. правительство СССР указывало: «...для советско-германских отношений роковым явится не только участие самой Германии в военных и экономических санкциях против СССР, но и то, если Германия, не участвуя сама в этих экзекуциях, санкционирует в том или другом случае своим голосованием применение санкций другими членами Лиги наций».

Вовремя распознав цели инициаторов Локарно, стремившихся «использовать Германию как сотрудницу в осуществлении своих планов вообще и вражеских замыслов против СССР в частности» [2], Советское правительство приняло энергичные меры к тому, чтобы удержать Германию от активного участия в антисоветском блоке, сохранить существовавшие в то время между Советским Союзом и Германией дружественные отношения.

Советское правительство исходило при этом из того, что среди правящих кругов Германии в ту пору было широко распространено мнение о необходимости нормальных политических и экономических связей с СССР; значительная часть германской буржуазии, несмотря на ее большой крен в сторону

[1] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 500.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 687.

Запада, была заинтересована в сближении с Советским Союзом. Миролюбивая политика СССР находила горячую поддержку среди широких масс трудящихся Германии, активно выступавших за дружбу и сотрудничество со страной социализма.

Еще в декабре 1924 г. Г. В. Чичерин от имени правительства СССР предложил Брокдорфу-Ранцау заключить советско-германское политическое соглашение, по которому СССР и Германия взяли бы на себя «обязательство не вступать ни в политические, ни в экономические блоки, договоры, соглашения или комбинации с третьими державами против другой договаривающейся стороны». Далее предлагалось, чтобы СССР и Германия приняли обязательство «в дальнейшем координировать свои действия по вопросу о вступлении в Лигу наций или о посылке в Лигу наций наблюдателя». Существо предлагавшегося соглашения состояло в «гарантии или обязательстве о невступлении во враждебные комбинации».

Несмотря на обещания Штреземана начать переговоры о предложенном Г. В. Чичериным пакте, германское правительство долгое время не давало ясного и определенного ответа на инициативу правительства СССР, будучи занято дипломатическим торгом со странами Антанты.

1 июля 1925 г. представители МИД Германии изложили Г. В. Чичерину предложения германского правительства об общих принципах германо-советских отношений. Однако эти предложения не имели формы политического договора, на чем настаивал Советский Союз. Берлин предлагал ограничиться тем, чтобы предпослать будущему советско-германскому экономическому соглашению, переговоры о заключении которого в то время велись, политическое вступление (преамбулу), где зафиксировать решение обоих правительств «развивать дальше свои взаимоотношения в духе Рапалльского договора и во всех политических и экономических вопросах, касающихся совместно обеих стран, в постоянном дружественном контакте между собой стремиться к взаимному соглашению, исходя из соображений [необходимости] работать для всеобщего мира в Европе...»

Правительство СССР, однако, стремилось к четко сформулированной договоренности о политических взаимоотношениях обеих стран. Советская дипломатия продолжала свои усилия в этом направлении.

В начале октября 1925 г. Г. В. Чичерин прибыл на лечение в Германию. Советское правительство воспользовалось этой поездкой народного комиссара иностранных дел, чтобы выяснить перспективы советско-германских отношений и, в частности, обсудить вопрос о заключении политического и экономического договоров с Германией.

Советско-германский экономический договор (12 октября 1925 г.)

Заключение советско-германского экономического договора было предусмотрено в Рапалльском договоре 1922 г. Переговоры по этому вопросу были начаты еще в середине 1923 г. Весь ход переговоров показывал, однако, отсутствие у германской делегации стремления к скорейшему достижению согласованных решений. Немцы явно не желали подписывать торговый договор с Советским Союзом до урегулирования вопроса о гарантийном пакте с западными державами.

Советскому правительству пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы расчистить путь к достижению договоренности. К августу 1925 г. почти все спорные вопросы были урегулированы и, казалось, не было никаких препятствий, чтобы в самое ближайшее время подписать выработанный сторонами текст советско-германского договора.

Однако в ноте от 14 сентября германское посольство предложило Советскому правительству образовать согласительную комиссию «для рассмотрения и разрешения» старых и необоснованных претензий к СССР со стороны германских фирм и лиц.

В ответной ноте посольству Наркоминдел подчеркивал, что он «не может не выразить своего изумления по поводу того, что, по мнению Германского Посольства, частные интересы нескольких весьма ограниченных в объеме своей деятельности германских фирм и граждан способны создавать благоприятную или неблагоприятную атмосферу для договора, имеющего весьма существенное значение для всего комплекса народнохозяйственных отношений обеих стран».

В результате усилий правительства СССР, направленных к успешному завершению переговоров, благодаря настойчивости и гибкости, проявленным советской дипломатией, 12 октября 1925 г. состоялось подписание советско-германского экономического договора.

Выступая на пресс-конференции в Берлине, Г. В. Чичерин подчеркивал, что торговый договор с Германией является «не только важным признаком дружественных отношений между Советским Союзом и Германией, но и практической необходимостью, соответствующей жизненным интересам обеих сторон» [1]. Этот договор, регулировавший ряд важных экономических и юридических вопросов, был актом, далеко выходящим из рамок обычного торгового договора.

В преамбуле к договору говорилось, что стороны желают «упрочить свои дружественные отношения и с этой целью

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 560.

установить основы для практической совместной работы в экономической области и в области международных правоотношений».

В общих постановлениях договора были изложены основные условия, регулирующие экономические отношения между Германией и СССР. Затем следовало соглашение о поселении и общеправовой защите. Далее в договоре содержались экономическое соглашение (в качестве самостоятельных частей в это соглашение входили также соглашение о правах торгового представительства и ветеринарная конвенция), соглашения о железнодорожном сообщении, о мореплавании, о налогах, о третейских судах по торговым и другим гражданским делам, об охране промышленной собственности.

Одновременно с договором были подписаны две конвенции — консульская и о правовой помощи в гражданских делах.

Большое значение для развития советско-германских экономических связей имела договоренность о предоставлении Советскому Союзу кредита для финансирования советских заказов в Германии на сумму в 106 млн. марок.

Весьма знаменательным являлся тот факт, что советско-германский экономический договор был заключен в самый разгар локарнских переговоров. Конечно, идя на заключение этого договора, Германия прежде всего заботилась об упрочении своих экономических связей с Советским Союзом, придавая им в тот период особо важное значение. В условиях, когда вооруженные силы Германии еще только восстанавливались, всякого рода военные комбинации могли иметь для ее правящих кругов лишь перспективное значение. В то же время германская дипломатия охотно пользовалась угрозой своего дальнейшего сближения с СССР в целях давления на политику западноевропейских держав.

Подписание советско-германского договора явилось несомненным успехом советской дипломатии, так как этим самым был нанесен первый удар по политике Локарно, направленной на изоляцию СССР.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ВОСТОКА И ПОЗИЦИИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ (1922—1927 гг.)

1. Китайская революция и международные отношения на Дальнем Востоке

Борьба империалистических держав против китайской революции

4 мая 1919 г. свыше 3 тыс. пекинских студентов вышли на улицы столицы, требуя от правительства не признавать Версальский договор, по которому устанавливался японский контроль над провинцией Шаньдун.

Вскоре по всей стране началось массовое антиимпериалистическое движение. Одной из форм борьбы был бойкот иностранных, преимущественно японских, товаров. Несмотря на декрет пекинского правительства о запрещении бойкота, продажа японских товаров резко сокращалась. Во многих городах Китая прошли забастовки.

Беспомощность пекинских властей перед выступлениями масс встревожила империалистические державы. Они всемерно старались помешать дальнейшему развертыванию народного движения. Для укрепления своих позиций в Китае империалистические державы использовали различные милитаристские клики, грабившие и разорявшие страну.

Происки империалистов и их агентуры вызывали растущее возмущение масс; борьба против засилья иностранцев, за национальные интересы страны ширилась с каждым днем. Одним из ее результатов был рост влияния революционного, республиканского правительства во главе с Сунь Ят-сеном, созданного в Кантоне (Гуаньчжоу) осенью 1917 г. В апреле 1921 г. Сунь Ят-сен был провозглашен президентом республики южных провинций Китая.

Таким образом, в тот период в стране существовало два центра, два правительства. Власть пекинского правительства распространялась на неопределенную территорию, менявшуюся в зависимости от того, какие генералы поддерживали его в тот или иной момент. Кантонское правительство контролировало территорию Южного Китая [1].

В противоположность США, Англии, Японии и другим капиталистическим странам Советская Россия занимала по отношению к Китаю неизменно дружественную позицию. Успешное завершение, несмотря на все трудности, советско-китайских переговоров 1923—1924 гг. свидетельствовало о настойчивом стремлении советской стороны улучшить отношения с Пекином. Однако феодально-милитаристское пекинское правительство, зависимое от империалистических держав, фактически продолжало идти в фарватере их антисоветской политики. Совсем по-иному складывались отношения Советской страны с правительством Сунь Ят-сена, позиции которого с весны 1923 г. значительно укрепились. Кантонское правительство проводило политику дружбы и союза с СССР. Советское правительство со своей стороны оказывало ему всемерную поддержку и помощь [2].

[1] См. *М. С. Капица.* Советско-китайские отношения. М., Госполитиздат, 1958, стр. 34.

[2] См. там же, стр. 138.

Антиимпериалистическая борьба китайского народа нарастала. Под давлением масс пекинское правительство обратилось к Лиге наций с просьбой помочь ему добиться возврата захваченных Японией портов и освободиться от неравноправных торговых договоров[1]. Обращение в Лигу наций не дало результатов: там верховодили те же империалистические державы, которые были заинтересованы в сохранении своих привилегий в Китае. Тем не менее, боясь новой вспышки народного возмущения в Китае, японское правительство в апреле 1923 г. вынуждено было дать согласие на созыв конференции по вопросу о возвращении Порт-Артура и Дальнего.

Вместе с тем империалисты продолжали тактику шантажа и угроз. В апреле 1923 г. в результате переговоров между японским послом Ханихара и государственным секретарем США Юзом была достигнута договоренность о прекращении действия соглашения Лансинг — Исии от 2 сентября 1917 г. Оба правительства отказывались, таким образом, от каких бы то ни было ограничительных формул в определении своей политики в отношении Китая. В качестве предлога для перехода империалистов в наступление был использован инцидент в Линьчане.

В начале мая 1923 г. на станции Линьчан, в провинции Шаньдун, группа бандитов напала на поезд и в качестве заложников захватила свыше 100 пассажиров китайцев и 28 иностранцев. Дуайен дипломатического корпуса, объединявшего представителей капиталистических стран, вручил пекинскому кабинету ультимативное требование освободить задержанных иностранцев в течение трех дней. Согласно нормам международного права дипломатический корпус не является какой-либо организацией, имеющей право выступать коллективно перед правительством страны пребывания[2]. Однако в Китае империалистические державы использовали дипкорпус для оказания дополнительного давления на правительство, грубо вмешиваясь во внутренние дела страны.

Япония, Франция, США и Италия направили китайскому правительству меморандум, требуя расследования инцидента, наказания виновных и возмещения убытков[3]. Западная печать требовала ввода войск в важнейшие стратегические пункты страны, разоружения кантонской армии, установления контроля над финансами, передачи в ведение иностранцев контроля над полицией, снятия шаньдунского губернатора.

Особенно вызывающе держали себя американцы. Военный министр США опубликовал сообщение, в котором заявил о готовности в случае надобности добиваться вооруженной силой выполнения решений, которые будут приняты госдепартаментом или миссией США в Китае[4]. Спустя несколько дней, 20 мая, американский посланник в Китае заявил о возможности установления опеки держав над Китаем[5]. 21 мая дипломатический корпус заявил правительству Пекина об отказе выполнить обещание об отмене экстерриториальности, а также об отсрочке созыва конференции для обсуждения вопроса о контроле над сбором пошлин.

Затем Китаю был представлен явно завышенный иск на сумму свыше 600 тыс. долл. за ущерб, причиненный иностранцам. Предложение Китая об учреждении объединенной комиссии для рассмотрения предъявленных исков было отклонено.

Глава пекинского правительства Цао Кунь капитулировал. Все основные требования империалистических держав были приняты. Это вызвало огромное возмущение китайской общественности. Газета «Чеиьбао»

---

[1] «Manchester Guardian», 5. XII. 1923.

[2] Международная практика допускает коллективные выступления дипкорпуса лишь по церемониальным (протокольным) вопросам: принесение поздравлений, выражение соболезнований и т. п.

[3] «Times», 10. V. 1923.

[4] Ibidem.

[5] См. «Известия», 23 мая 1923 г.

17 октября 1923 г. писала: «Согласие на требование держав об увольнении шаньдунского дудзюна (губернатора. — *Авт.*) знаменует собой начало вмешательства иностранных держав в чисто внутренние дела Китая». Говоря о китайской дипломатии и ее сложном традиционном церемониале, газета отмечала: «Наши дипломаты весьма бережно относятся к вопросам этикета на каком-нибудь президентском приеме, но они легко уступают в вопросах чести, достоинства и суверенитета Китая» [1].

Вопреки обещаниям, которые западные державы дали на Вашингтонской конференции, — пересмотреть неравноправные договоры и отменить экстерриториальность иностранных подданных и иностранных предприятий, они под различными предлогами затягивали решение этого вопроса. В сентябре 1923 г. США предложили другим державам отсрочить намеченную на 1 ноября конференцию для пересмотра договоров ввиду «хаотического положения» в Китае. Была использована также ссылка на то, что Франция отказалась ратифицировать Вашингтонский договор впредь до урегулирования с Китаем вопроса об уплате контрибуции по протоколу 1901 г.

Монополистические круги ни в какой мере не хотели поступаться своими незаконно захваченными привилегиями. 21 октября 1923 г. конференция американских торговых палат в Китае потребовала увеличить военные и морские силы в этой стране, выработать совместно с союзниками программу действий и отказаться от пересмотра вопроса о праве экстерриториальности. Позиция монополий США, Англии, Франции, Италии и Японии оказывала определяющее влияние на позиции дипломатических ведомств этих держав.

Их действия были направлены на то, чтобы не только упрочить контроль над пекинским правительством, но и распространить его на ту часть страны, которая контролировалась правительством Сунь Ят-сена. Однако планы империалистов строились на песке.

Летом 1924 г. в Китае начала развертываться первая революционная гражданская война. По инициативе китайских коммунистов был установлен единый фронт между компартией и гоминданом. Национальная буржуазия юга в тот период поддерживала революцию, поскольку засилье иностранного капитала ущемляло ее интересы и мешало развертыванию ее деятельности. Империалистические державы принимали все меры к тому, чтобы подавить освободительное движение китайского народа, нанести удар по центру революции — Кантону. Английское правительство, а с ним и другие империалистические державы стали на путь провокаций с целью создать повод для прямого вооруженного вмешательства.

Когда в декабре 1924 г. Сунь Ят-сен приехал в Тяньцзинь, французский консул запретил китайскому населению сеттельмента провести приветственную манифестацию [2].

Поддержка Советским Союзом освободительной борьбы китайского народа

Единственной страной, выступившей в поддержку китайской революции и за развитие дружественных контактов с революционным правительством Кантона, был Советский Союз. Еще весной 1918 г. завязалась переписка между Сунь Ят-сеном и народным комиссаром по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичериным. Отвечая на приветствие южнокитайского парламента, которое было подписано Сунь Ят-сеном, Г. В. Чичерин писал 1 августа 1918 г.: «...наш успех есть ваш успех, наше уничтожение есть ваше уничтожение.

Сомкнем теснее наши ряды в великой борьбе за общие интересы пролетариата всего мира» [3].

---

[1] См. «Известия», 19 октября 1923 г.
[2] См. «Известия», 12 декабря 1924 г.
[3] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 416.

31 октября 1920 г. Г. В. Чичерин от имени Советского правительства направил письмо Сунь Ят-сену с предложением возобновить торговые отношения. В ответ Сунь Ят-сен писал: «В настоящее время для меня по географическим условиям невозможно вступить в эффективные торговые отношения с Вами... Москва должна подождать, пока я не покончу с реакционерами и контрреволюционерами... Тем временем я хотел бы вступить в личный контакт с Вами и другими друзьями в Москве. Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования» [1].

В октябре 1922 г. Г. В. Чичерин в интервью о положении на Дальнем Востоке подчеркнул, что «Советская Россия — единственное крупное государство, готовое всячески поддерживать полную независимость Китая во всех отношениях и полный расцвет его самостоятельного развития. Она с величайшей симпатией следит за борьбой китайского народа против иностранного гнета...» [2] В начале 1923 г. состоялись встречи советского дипломатического представителя в Пекине А. А. Иоффе с Сунь Ят-сеном. Результаты переговоров были закреплены в совместном коммюнике от 27 января 1923 г. Советский полпред, подчеркивалось в документе, заявил, что «самой насущной и важной задачей Китая является его национальное объединение и приобретение полной национальной независимости. В этом великом деле ...Китай пользуется самой горячей симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России». В свою очередь Сунь Ят-сен одобрил политику Советского правительства в отношении Китая.

Осенью 1923 г. Сунь Ят-сен направил в СССР делегацию для изучения опыта партийной и советской работы и знакомства с военной системой СССР.

Новый полпред в Пекине Л. М. Карахан по приезде в Китай писал Сунь Ят-сену 8 сентября 1923 г.: «Как бы ни мешали империалисты нашей дружбе, которой они враждебны, она станет фактом. Мы глубоко убеждены, что Союз Советских Социалистических Республик и Китай должны крепко взять друг друга за руки, чтобы заставить империалистов отказаться рассматривать нас как страны, годные лишь для порабощения и ростовщической эксплуатации... Дружба двух великих стран будет лучшим залогом их свободного и мирного развития» [3]. В ответ на поздравление, направленное советским полпредом I съезду гоминдана в январе 1924 г., Сунь Ят-сен писал: «Конференция твердо рассчитывает на сочувствие всех народов и благодарна русскому народу, который первый выразил эти чувства. Оба народа, китайский и русский, должны работать, совместно идя по пути свободы и справедливости» [4]. Своими главными политическими установками Сунь Ят-сен считал союз с Советской Россией, союз с Компартией Китая и опору на рабочих и крестьян.

Дружеские связи между СССР и кантонским правительством успешно развивались. Советский народ оказывал всемерную помощь и поддержку революционному Китаю. В Китай по просьбе Сунь Ят-сена направились советские специалисты, которые знакомили китайцев с опытом социалистического строительства в СССР, помогали готовить офицерские кадры. Военной академии Хуанпу было поставлено необходимое снаряжение. Приветствуя экипаж советского корабля «Воровский», Сунь Ят-сен писал: «Связи между СССР и Китайской народной республикой весьма тесны... Мы взаимно будем еще крепче поддерживать друг друга, энергично устранять все преграды, чтобы совместно идти к великому единению».

[1] «Советско-китайские отношения. 1917—1957». Сборник документов. М., 1959, стр. 53.
[2] «Известия», 25 октября 1922 г.
[3] «Советско-китайские отношения», стр 66.
[4] Там же, стр. 77.

Советский народ решительно выступал против вмешательства империалистов в дела Китая и их угроз задушить революционное движение. Профсоюзные организации СССР в сентябре 1924 г. создали общество «Руки прочь от Китая!».

VI съезд профсоюзов СССР от имени 6400 тыс. организованных рабочих, приветствуя китайских трудящихся, призвал «рабочих всех стран начать энергичную борьбу против вмешательства в китайские дела...» Приветствие заканчивалось словами: «Да здравствует братский союз между рабочими Запада, СССР и Дальнего Востока! Руки прочь от Китая!»

Советский народ гневно осуждал зверства империалистов в Китае. Профсоюзы СССР в ответ на обращение Всекитайской федерации профсоюзов об оказании помощи китайскому народу усилили материальную помощь бастующим китайским рабочим и семьям убитых.

Китайский народ высоко ценил интернациональную помощь и поддержку их борьбы против иностранного империализма и внутренней реакции.

Постепенно налаживались советско-китайские торговые связи. В феврале 1925 г. между представителями кантонских торговых организаций и советским Нефтесиндикатом был подписан договор на поставку нефтепродуктов Южному Китаю. Это имело немаловажное значение для обеспечения Южного Китая горючим и маслами, учитывая фактическую блокаду, организованную Англией и США [1].

Незадолго до своей смерти Сунь Ят-сен направил письмо ЦИК СССР, в котором подчеркнул: «Я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем, свободном Китае друга и союзника и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку» [2]. 13 марта 1925 г. ЦК РКП(б) выразил глубокую скорбь по поводу кончины Сунь Ят-сена и заявил о своей уверенности в том, что его великое дело будет жить в сердцах рабочих и крестьян Китая.

Поддержка советским народом борьбы трудящихся Китая вызывала злобу и ярость империалистических держав. Дипломатия этих стран не нашла ничего лучшего, как прибегнуть к злостным измышлениям о том, что-де революционное движение в Китае «организовано Москвой». С такой клеветой в июне 1925 г. выступило, в частности, американское агентство Ассошиэйтед Пресс. Вскоре с наглой антисоветской речью выступил английский министр по делам Индии лорд Биркенхед. Он потребовал разрыва дипломатических отношений с СССР. Одновременно в Балтийском море были проведены демонстративные военные маневры английского флота.

Советское правительство расценило все эти действия как поиски повода для развязывания серьезного конфликта. Г. В. Чичерин дал достойную отповедь развязному выступлению Биркенхеда. Нарком подчеркнул, что часть английских консерваторов, «желая сохранить иностранное иго над китайским народом, ищет козла отпущения, имея в виду общественное мнение своих стран». Г. В. Чичерин показал лживость и вздорность заявлений английских министров. «Я не скрываю, — заявил он, — что наше правительство и наша общественность сочувствуют борьбе китайского народа за достижение этой цели, т. е. за полное свое освобождение и независимость и за создание у себя централизованного демократического строя, но сочувствие отнюдь не означает вмешательство во внутренние дела другого государства, и наша политика самым строгим и тщательным образом избегает всего, что могло бы быть истолковано как

[1] См. *М. И. Сладковский*. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957, стр. 216.

[2] «Известия», 14 марта 1925 г.

такое вмешательство» [1]. Г. В. Чичерин подчеркнул, что не кто иной, как империалистические державы оказывают в Китае поддержку то одному, то другому генералу, увековечивая таким образом в Китае междоусобицу и делая невозможным создание демократического строя.

Правящие круги империалистических держав, вмешиваясь во внутренние дела Китая, беспрестанно ущемляя национальные права китайского народа, в то же время пытались обвинить Советский Союз во «вмешательстве» в связи с тем, что он поддерживал правительство Сунь Ят-сена. Этим они рассчитывали помешать развитию дружественных советско-китайских отношений. Но поддержка Советским правительством борьбы китайского народа за демократию и за освобождение от иностранного гнета носила целиком и полностью правомерный с точки зрения международного права характер.

Известно, что переписка между Чичериным, Караханом и Сунь Ятсеном продолжалась вплоть до смерти последнего. В 1926 г. при южнокитайском правительстве, переехавшем в Ухань, было аккредитовано советское дипломатическое агентство. Однако пекинское правительство не заявляло каких-либо протестов против этих мер Советского Союза. Все это лишний раз показывало вздорный характер вымыслов, распространявшихся буржуазной пропагандой и правящими кругами империалистических держав. С полным основанием Г. В. Чичерин заявлял: «...наше правительство считает, наоборот, торжество китайской демократии тем исходом, который будет наиболее полезным и целесообразным и с точки зрения отношения Китая к другим государствам.

Но если наше правительство сочувствует такому исходу, то основным его принципом по отношению к Китаю во всяком случае является полное и последовательное уважение к суверенным правам китайского народа и к суверенной власти китайского государства... Китайский народ является господином своей судьбы и должен таковым являться — вот наш основной принцип...» [2]

Маневры империалистической дипломатии. Реакционный переворот Чан Кай-ши

Бессильное правительство Цао Куня, опозорившее себя соглашением по линьчанскому конфликту и другими столь же предательскими действиями, вскоре пало. Новый кабинет возглавил Дуан Цзи-чжуй.

12 декабря 1924 г. державы, подписавшие Вашингтонское соглашение девяти держав, заявили новому пекинскому правительству о своем согласии оказать ему поддержку, оговорив, однако, что условием этой поддержки является обязательство «уважать и должным образом исполнять все договоры, конвенции и другие обязательства, принятые на себя бывшим правительством маньчжурской династии и республиканским правительством, а также все права, привилегии и право неприкосновенности, которыми пользуются в Китае иностранцы...» Чтобы как-то смягчить циничный тон ноты, далее говорилось, что «державы будут стремиться к практическому осуществлению в кратчайший срок тех мер, которые предусматриваются Вашингтонскими договорами и резолюциями» [3]. Пекинское правительство, рассчитывавшее опереться главным образом на поддержку иностранных держав, не только дало положительный ответ на эту ноту, но и выразило благодарность за готовность держав оказать ему помощь [4].

Договорившись с пекинскими властями, империалистические державы перешли к открытой вооруженной борьбе против китайского народа. США, Англия, Франция, Италия и Япония направили в порты

---

[1] «Известия», 2 июля 1925 г.
[2] «Советско-китайские отношения», стр. 105.
[3] «Известия», 14 декабря 1924 г.
[4] «The Times», 27. XII. 1924.

Китая свои военные корабли. 30 мая 1925 г. в Шанхае английская, японская и американская полиция расстреляла демонстрацию китайских студентов и рабочих. 41 человек был убит, 120 ранено.

Государственный секретарь США Келлог в телеграмме американскому консулу в Шанхае Кэннингхэму одобрил варварские меры, принятые американским консулом и командующим войсками «для предотвращения дальнейшего распространения беспорядков». 4 сентября Келлог направил пекинскому правительству ноту, в которой требовал подавления беспорядков и пропаганды, направленной против иностранцев [1].

23 июня 1925 г. английская и французская полиция в Кантоне открыла огонь по мирной демонстрации. Португальские войска поддержали французов и англичан. Свыше 100 человек было убито и тяжело ранено. Все это вызвало новую волну гнева в стране. Вспыхнувшая в июне 1925 г. всеобщая забастовка в Гонконге (Сяньчане) продолжалась свыше 16 месяцев. Часть китайских рабочих покинула Гонконг и вступила в вооруженные отряды самообороны, которые формировались в Кантоне. Бастовали рабочие Шанхая, Кантона, Нанкина.

Высоко поднялась волна стачек, митингов и демонстраций. Под нажимом масс пекинское правительство в июне 1925 г. вновь обратилось к иностранным державам с настойчивой просьбой пересмотреть неравноправные договоры. Китайский МИД взывал к благоразумию империалистических держав, указывая, что, пока «неравноправие и исключительные привилегии (иностранцев. — *Авт.*) сохраняются в силе, всегда будут оставаться поводы для недовольства, могущего вызвать трения и нарушить сердечные отношения между Китаем и иностранными державами...» В ноте напоминалось, что державы обещали Китаю гарантировать его положение великой страны еще при вступлении Китая в мировую войну [2].

Японский посланник в Пекине Иосидзава получил инструкцию от своего правительства посоветовать своим коллегам в Китае занять примирительную позицию в отношении китайских предложений «с целью внести успокоение в создавшийся кризис» [3]. Вскоре в печати появилось сообщение о скором созыве таможенной конференции. Однако США, как и ранее, выступили против переговоров. В Китай прибыл американский посланник Мак Муррей — опытный дипломат, занимавший до этого пост заместителя государственного секретаря. 8 июля 1925 г. он заявил представителям печати, что «время для созыва такой конференции еще не наступило» [4].

Однако обстановка в стране продолжала накаляться, и американским дипломатам пришлось изменить тактику.

В октябре 1925 г. в Пекине открылась таможенная конференция, которая приняла в принципе предложение Китая о признании его таможенной автономии с 1929 г., однако отказалась удовлетворить требования Китая о немедленном введении надбавок на 2,5% к существующему низкому таможенному тарифу. Такие итоги не могли, конечно, удовлетворить китайскую буржуазию и представителей других общественных кругов.

В связи с успешным продвижением войск кантонского правительства на север империалистические державы прибегали наряду с военными мерами к новым формам дипломатического маневрирования.

16 декабря 1926 г. английский поверенный в делах в Пекине вручил представителям держав меморандум.

Лицемерно ссылаясь на то, что оно якобы «отклоняет всякую связь с какой бы то ни было группой» в Китае, английское правительство заявляло о своем намерении «в пределах возможности идти навстречу

[1] См. *В. Я. Аварин.* Борьба за Тихий океан. М., Госполитиздат, 1952, стр. 186.
[2] См. «Известия», 26 июня 1925 г.
[3] «The Times», 27. VI. 1925.
[4] «Известия», 9 июля 1925 г.

законным требованиям китайского народа», и, в частности, о своей готовности «признать права Китая на тарифную автономию, как только Китай сам установит и обнародует новые национальные тарифы».

Лондон предлагал, «чтобы державы согласились на немедленное и безоговорочное представление вашингтонских добавочных налогов» [1]. Чем был вызван этот шаг? Правящие круги Англии, как показывал меморандум, учитывали сложившуюся обстановку, при которой промежуточные группировки, усиленно поддерживаемые британским капиталом, оказались бессильными в борьбе с кантонским правительством. Они не смогли подавить революционные выступления китайского народа. Влияние Англии в Китае резко падало.

Британские дипломаты рассчитывали путем второстепенных уступок привлечь на свою сторону китайскую национальную буржуазию и тем самым способствовать разложению и ослаблению сил освободительной революции. Помимо всего прочего англичане рассчитывали, что в дальнейшем западные державы смогут отказаться от сделанных ими уступок.

В английских планах была и еще одна сторона — территории, о которых шла речь в меморандуме, являлись сферой приложения капитала других империалистических держав, особенно Японии. Поэтому вся тяжесть новых налогов должна была лечь на них.

Со своей стороны Япония считала, что если ей удастся задавить революционное движение в Центральном Китае, и особенно в Шанхае, силами своих войск и верных ей группировок, то результатами безусловно воспользуется Англия. Поэтому японцы удерживали своего ставленника Чжан Цзо-лина от открытого выступления против революционных войск кантонского правительства, надеясь, что, сохраняя свои силы в Маньчжурии, Чжан Цзо-лин обеспечит там позиции Японии.

В связи с английским меморандумом министр иностранных дел Японии Сидэхара заявил на сессии парламента, что «китайцам надлежит самим решить вопрос, кто примет бразды правления или какая внутренняя политика является здравой и мудрой». Сидэхара заявил далее, что Япония «не возражает» против взимания дополнительных пошлин, предусмотренных Вашингтонским соглашением, но с той оговоркой, что нужно «иметь разумную уверенность в том, что упомянутые дополнительные пошлины не будут непосредственно или косвенно обращены на цели гражданской войны или предназначены для удовлетворения частных интересов какой-либо группировки» [2].

Сидэхара лицемерно говорил об уважении к «суверенитету и территориальной целостности Китая». Вместе с тем японский министр подчеркнул необходимость защиты «законных и основных интересов и прав Японии всеми разумными средствами, имеющимися в распоряжении правительства».

Декларация Сидэхара, конечно, очень отличалась от известных японских требований в отношении Китая, которые были предъявлены ранее. Это было известным признанием успехов революционного движения китайского народа и их прямым следствием.

Соединенные Штаты занимали внешне особую позицию, стараясь, чтобы основное острие борьбы китайского народа было обращено против Англии. Но правящие круги США относились к революционному движению не менее враждебно, чем другие капиталистические страны. Особенно активно начала действовать американская дипломатия после того, как кантонские войска взяли Шанхай. Американское правительство дополнительно послало в Китай военные суда и морскую пехоту. Был выработан план широкой интервенции («желтый план») силами международного корпуса при участии 15 тыс. американских солдат.

[1] «Новый Восток», 1927, № 16—17, стр. XV—XVII.
[2] Там же, стр. XXI.

Английская, американская и японская дипломатия прилагала активные усилия к тому, чтобы создать единый фронт борьбы против китайской революции. Тем не менее США не сочли возможным отнестись одобрительно к английскому меморандуму. 26 января 1927 г. государственный секретарь Келлог заявил, что до создания прочного национального китайского правительства нет необходимости в каких бы то ни было новых декларациях.

Франция и Япония также не поддержали английский меморандум. Они понимали, что Англия не прочь сделать уступки Китаю за счет их интересов. Однако логика борьбы привела империалистов к совместным действиям против китайской революции. Проявилось это прежде всего в том, что Англия, Япония и США добились, чтобы враждовавшие между собой милитаристы Чжан Цзо-лин, Сунь Чуань-фан, Чжан Цзун-чан и Ян Си-шань, каждый из которых был связан с какой-либо империалистической державой, создали в декабре 1926 г. объединенную армию для расправ с революционным народом. Главнокомандующим армией стал Чжан Цзо-лин, остальные главари милитаристов — его заместителями. Империалистические державы снабжали их армию оружием, поддерживали их действия своим флотом. Военные корабли США и Англии крейсировали по Янцзы, мешая продвижению Национально-революционной армии. В декабре 1926 г. с кораблей был высажен десант в Ханькоу. В начале 1927 г. США перебросили в китайские воды большую часть своего азиатского флота. В Шанхае были высажены воинские части США, Японии, Франции, Италии, Голландии, Испании, Португалии. Волонтерский корпус был послан Англией [1].

Стараясь выслужиться перед иностранными империалистами, китайские милитаристы организовывали одну за другой провокации против СССР. В сентябре 1926 г. в Харбине они захватили суда и имущество КВЖД. В феврале 1927 г. в Нанкине был захвачен советский пароход «Памяти Ленина», который контрреволюционеры затем взорвали, а команду вместе с советскими дипломатическими курьерами посадили под арест [2]. Это было грубейшим нарушением международно-правовых норм. 6 апреля 1927 г. солдатами Чжан Цзо-лина был совершен налет на Советское полпредство в Пекине с целью спровоцировать конфликт с СССР. Эта наглая провокация была проведена при участии английских офицеров, по указанию английского посла в Китае и с согласия дуайена дипкорпуса — представителя Нидерландов.

Вместе с тем империалистические державы активизировали военные выступления против китайских революционных сил. 24 марта 1927 г. два американских корабля — «Ноа» и «Престон» и британский корабль «Эмеральд» подвергли жестокому обстрелу Нанкин, как только город был занят национально-освободительными войсками. Было убито 2 тыс. жителей. Началась открытая англо-американская интервенция в Китае.

Вмешательство империалистов послужило сигналом для китайской крупной буржуазии и тесно связанных с ней правых кругов гоминдана, которые группировались вокруг генерала Чан Кай-ши.

Чан Кай-ши еще в начале революции установил контакты с шанхайскими банкирами, которые затем направили его к Сунь Ят-сену. Он стал начальником военной академии, собирая вокруг себя элементы, ориентировавшиеся на крупную буржуазию. После смерти Сунь Ят-сена в 1925 г. Чан Кай-ши решил любой ценой добиться власти. В марте 1927 г.

---

[1] *H. B. Morse* and *H. F. Mac Nair.* Far Eastern International Relations. Boston and N. Y., 1931, p. 738.

[2] См. *М. С. Капица.* Советско-китайские отношения, стр. 168—169. Дипкурьеры были освобождены только в июле 1927 г., а команда судна — лишь в начале 1928 г.

в результате восстания рабочих Шанхай был освобожден от господства милитаристов. Чан Кай-ши, ставший к тому времени главнокомандующим гоминдановской армией, прибыл в Шанхай и вступил в переговоры с шанхайскими банкирами и промышленниками о создании нового правительства. Шанхайская буржуазия снабдила своего ставленника деньгами: Чан Кай-ши было вручено 30 млн. долл.[1] 12 апреля 1927 г. при поддержке империалистических держав он совершил контрреволюционный переворот: была разоружена рабочая гвардия, разгромлены профсоюзы, расстреляна рабочая демонстрация. Начались аресты коммунистов. 18 апреля в Нанкине Чан Кай-ши образовал реакционное правительство из правых гоминдановцев. Центром революции стал Ухань.

Империалисты Англии и США ликовали. В мятежном генерале они видели «своего человека» в Китае. Английская дипломатия немедленно заявила о поддержке Чан Кай-ши. Министр иностранных дел Остин Чемберлен с трибуны палаты общин торжественно обещал помощь Чан Кай-ши.

Когда Чан Кай-ши собрался в поход против революционных сил, японские дипломаты всячески доказывали «правомерность» стремления нанкинского правительства объединить Китай силой оружия. Кроме того, японцы надеялись столкнуть Чан Кай-ши с его конкурентами Сунь Чуань-фаном и Чжан Цзун-чаном, а затем, добившись их взаимного ослабления, подчинить своему контролю. Вскоре, однако, японская дипломатия сменила тактику. Стало ясно, что Чан Кай-ши делает ставку на США. Еще в марте 1926 г. американская дипломатия установила связи с Чан Кай-ши, обещая ему широкую поддержку. В ноябре 1926 г. «о дружбе с Америкой» заявил и сам Чан Кай-ши в интервью иностранным корреспондентам.

В это время усиливается влияние американского империализма на правые круги гоминдана. В Китай едут многочисленные экономические, финансовые и другие американские миссии, которые изучали возможности проникновения монополий США в экономику Китая. Американские советники заняли важные посты в нанкинском правительстве. США первыми заключили с правительством Чан Кай-ши соглашение о признании таможенной автономии. Взамен они получили от Чан Кай-ши ряд новых концессий и привилегий.

Видя укрепление позиций конкурентов, Япония решила более активно поддержать своих ставленников. 31 мая 1927 г. ее войска высадились в Шаньдуне, заняв Циндао. Это явилось серьезной поддержкой армии северных милитаристов, отступавшей под натиском Уханьской армии. В июле американцы высадили в Тяньцзине 3 тыс. солдат морской пехоты с артиллерией и танками.

Такие действия империалистических держав ободрили контрреволюционные элементы гоминдана. В июле 1927 г. руководство гоминдана заявило о разрыве с Коммунистической партией, открыто став на сторону контрреволюции.

В результате измены китайской буржуазии и военного вмешательства империалистов китайская революция потерпела временное поражение.

В тот период усиливают борьбу народы Индии и Индокитая. Индонезийцы с оружием в руках выступили против голландских колонизаторов, подняв восстание на Яве и Суматре. Особый размах приняли события в Марокко и Сирии.

---

[1] См. *Г. Е. Ефимов.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., Госполитиздат, 1951, стр. 267.

2. Борьба народа Марокко против испанских и французских колонизаторов

Борьба рифов против испанских колонизаторов

После окончания первой мировой войны Испания активизировала свою экспансию в Марокко[1]. Колонизаторы начали продвижение в район, где жило одно из крупнейших рифских племен — джибала. Рифы избегали столкновений с испанцами. Вождь рифов Абд эль-Керим, понимая трудность открытой борьбы против хорошо вооруженных захватчиков, стремился избежать войны. Однако пассивная позиция рифских руководителей лишь прибавляла наглости испанской военщине. Был распущен слух о том, что престарелый Абд эль-Керим признал себя побежденным. Возмущенный рифский вождь поклялся изгнать пришельцев с территории страны.

Однако вскоре Абд эль-Керим внезапно заболел и умер. Вину за его смерть возлагают на испанских агентов. Во главе рифов стал его старший сын Мухаммед ибн Абд эль-Керим аль-Хаттаби, более двух лет проведший ранее в испанском застенке.

В начале 1921 г. испанская армия численностью в 24 тыс. человек начала продвигаться в глубь территории рифских племен, занимая одно селение за другим. Как и отец, Абд эль-Керим хотел избежать войны, считая, что не располагает достаточными силами для успешного сопротивления. Он неоднократно предлагал командующему испанскими войсками генералу Сильвестру заключить мир.

Испанская военщина не хотела и слышать о мирном соглашении. «Я обещаю Вашему Величеству, — гордо заявил королю генерал Сильвестр на банкете в Вальядолиде, — быть 25 июля у Альхусемасской бухты»[2].

Однако при первом же столкновении рифы нанесли серьезное поражение испанцам. Марокканские наемники, входившие в состав испанской армии, перешли на сторону рифов.

Воодушевленные успехом, рифы перешли в наступление, и в бою под Анвалем (21—26 июля 1921 г.) разгромили испанский экспедиционный корпус, захватив около 30 тыс. ружей, более 100 пушек, около 300 пулеметов и много другого военного снаряжения, продовольствия, медикаментов.

«Испанцы дали нам за ночь все то, чего нам не хватало, чтобы вести большую войну», — говорил впоследствии Абд эль-Керим[3].

Победа рифов над испанцами произвела огромное впечатление на население всей Северной Африки. Она укрепила уверенность рифов в возможности освободиться от колонизаторов, способствовала созданию боевого союза племен и их сплочению вокруг Абд эль-Керима.

19 сентября 1921 г. Национальное собрание провозгласило независимость Рифа и образовало правительство во главе с Абд эль-Керимом, избранным президентом республики.

Новое государство заявило о своем желании установить дружественные отношения со всеми державами. Была создана дипломатическая служба во главе с министром иностранных дел Мухаммедом Азарканом. Значительную роль в руководстве внешней политикой играл и сам Абд эль-Керим, который получил европейское образование и хорошо разбирался в международных отношениях.

---

[1] К началу первой мировой войны Испания укрепилась на марокканском побережье Средиземного моря, однако население ряда внутренних горных районов Марокко оказывало сопротивление захватчикам. Центром борьбы была горная область Риф, населенная свободолюбивыми кочевыми племенами (численностью около полумиллиона человек).

[2] *Бласко Ибаньес.* Разоблаченный Альфонс XIII. М.—Л., 1925, стр. 38—40.

[3] См. *Н. С. Лучкая.* Республика Риф. М., 1959, стр. 51—52.

Готовясь к борьбе с испанскими колонизаторами, рифское государство вело активную дипломатическую деятельность. Она строилась прежде всего на использовании противоречий между основными колониальными державами, боровшимися за господство в Марокко: Испанией, Францией и Англией. Зная стремления французских империалистов проникнуть в испанские владения, Абд эль-Керим стремился получить их поддержку в борьбе против Испании.

Республика Риф нуждалась прежде всего в оружии. Дипломатия европейских стран сразу же попыталась использовать это в своих империалистических интересах.

Испанский делец Эчевариетта, тайный уполномоченный испанского правительства, предлагал рифским вождям деньги и вооружение, если они нападут на французскую зону Марокко. В свою очередь агенты французской разведки в начале войны снабжали рифов оружием, чтобы ослабить позиции Испании в Марокко и изгнать испанцев из Танжера. Впоследствии, когда рифы вынуждены были воевать против Франции, французская печать публиковала многочисленные сведения о поставках оружия рифским войскам английскими и немецкими фабрикантами [1].

Англичане поставляли рифам оружие для того, чтобы помешать французам захватить Танжер и создать угрозу Гибралтару. Обещала помощь рифам и Италия, надеясь помешать укреплению французских позиций в Марокко и Северной Африке вообще. Однако поставки оружия из этих стран не играли определяющей роли, тем более что вскоре они стали сокращаться. Основным источником оружия для рифов оставались военные трофеи, захваченные в боях с испанцами.

Разгром под Анвалем не изменил намерений правящих кругов Испании. Испанские капиталисты, заинтересованные в эксплуатации марокканских природных богатств, настаивали перед правительством на продолжении военных операций. Требовали продолжения войны и военные круги: они жаждали реванша, надеясь восстановить престиж испанской армии.

В октябре 1921 г. испанские захватчики возобновили наступательные операции, однако в середине февраля следующего года они были разгромлены и отброшены к Мелилье [2].

Время относительного затишья правительство Рифа использовало для активной дипломатической деятельности. Рифские дипломаты стремились добиться признания республики европейскими державами, а также их посредничества для заключения мира с Испанией.

Летом 1922 г. правительство Рифа поставило перед французскими властями Марокко вопрос о признании республики и заключении с ней торгового соглашения. Однако эти предложения были отклонены.

Делегация, которую Абд эль-Керим направил в Англию, возглавлялась его младшим братом. В специальном письме, которое везла делегация английскому правительству, вождь рифов просил оказать ему содействие в организации переговоров с Испанией. Абд эль-Керим заявлял о своей готовности открыть доступ на территорию республики для промышленников и торговцев всех государств на равных правах, без различия наций и вероисповеданий [3]. (Аналогичные письма были направлены правительствам Франции, США и папе римскому.) Но и английские официальные власти отказались иметь дело с миссией Республики Риф. Англичане опасались, как бы успех рифских племен не послужил примером для населения Египта и других английских колоний и зависимых стран.

---

[1] «Memoires d'Abd el-Krim recnellis par J. Roger-Mathieu». Paris, 1927, p. 161—162.

[2] Подробное описание хода военных действий и политики Рифского государства см. в кн.: *Н. С. Лукин*. «Республика Риф».

[3] См. *Б. Пурецкий*. Марокко. М., 1925, стр. 95.

Между тем испанская дипломатия, используя старый метод «разделяй и властвуй», вела тайные переговоры с вождем племени джибала ар-Райсуни. Испанцы хотели привлечь на свою сторону этого вождя и использовать одно из крупнейших марокканских племен в войне против Республики Риф. Эти маневры подкреплялись действиями войск. Испанцы бросили против джибала 30-тысячную армию. Испанским агентам удалось подписать соглашение с ар-Райсуни. Он согласился не только подчиниться колонизаторам, но и содействовать им в наведении «порядка» в испанской зоне. За это он получил 8 тыс. ружей, 2 пушки, а также жалованье в 300 тыс. песет в месяц [1].

В это время в Испании развернулись бурные события. Народные массы требовали прекращения войны. После того как новое наступление, предпринятое испанцами в мае, провалилось, Мадрид был вынужден возобновить мирные переговоры с рифами. Испанию представлял генеральный секретарь испанского протектората в Марокко Диего Сааведра, Республику Риф — министр иностранных дел Мухаммед Азаркан.

Рифы настаивали на признании своей независимости. Испанцы соглашались на автономию рифских племен в рамках испанского протектората. В письме, которое было направлено испанской стороной, указывалось, что она согласна обсудить лишь вопрос о некоторых переменах в управлении и экономическом положении рифских племен. Испанцы сделали попытку подкупить племенную знать рифов, предлагая обсудить вопрос о должностях и чинах, которые будут предоставлены Абд эль-Кериму и руководителям племен.

Испанские представители потребовали принятия их условия в 48 часов. Ультиматум был решительно отвергнут. В ответном письме Азаркан заявил, что правительство Рифа считает себя независимым в политическом и экономическом отношениях. Поэтому вопрос о признании или непризнании суверенитета Рифа не может быть предметом каких-либо споров. Правительство республики, заявил он, никогда не пойдет на уступки и будет защищать свою независимость всеми находящимися в его распоряжении средствами. Азаркан подчеркивал, что Риф всегда готов урегулировать разногласия с Испанией при условии признания национальной независимости и суверенитета республики [2].

По вине испанской стороны переговоры были сорваны.

В сентябре 1923 г. в Испании была установлена военно-фашистская диктатура генерала Примо де Ривера. Смена правительства не изменила политики. За спиной диктатуры стояли те же монополии, что и раньше.

Используя затишье в военных операциях, в начале 1924 г. Абд эль-Керим обратился к Англии с просьбой выступить посредником для заключения мира с Испанией.

Обращение осталось без ответа. В июне 1924 г. рифская армия начала генеральное наступление. Успехи рифов вызвали большой подъем в марокканских племенах. В тылу у испанских войск вспыхнули восстания. Возникла реальная возможность сбросить в море испанскую армию и очистить всю страну от захватчиков.

Абд эль-Керим в сентябре 1924 г. еще раз предложил испанскому правительству начать мирные переговоры. В числе условий, предлагавшихся Республикой Риф, были восстановление границ в соответствии с франко-испанским договором 1912 г. и полная независимость Рифа.

Вместо ответа испанское правительство, перегруппировав свои войска, возобновило военные операции. Но и на этот раз наступление 100-тысячной армии окончилось полным провалом. Испанским войскам пришлось отступить. Они смогли удержаться лишь в прибрежных районах.

---

[1] См. *Н. С. Лупкая.* «Республика Риф», стр. 78.
[2] Там же, стр. 79—81.

Командование Рифа, однако, допустило серьезную ошибку. Как и после Анвальской битвы в 1921 г., оно не завершило разгрома испанской армии и оставило в ее руках плацдарм.

В ноябре 1924 г. испанцы предложили Абд эль-Кериму 20 млн. песет за выступление против Франции и разрешение оккупировать некоторые пункты на побережье Рифа. Испанцы хотели поссорить Республику Риф с Францией и заставить рифов, таким образом, вести войну на два фронта.

Абд эль-Керим разгадал коварный смысл этих предложений. Он понимал, что Испания не хотела мира, а намеревалась лишь получить некоторую передышку для того, чтобы подавить внутри страны растущее возмущение авантюристической политикой диктатуры, провести пополнение армии. Переговоры, как и следовало ожидать, закончились безрезультатно.

Между тем Республика Риф значительно укрепила свое военно-политическое положение. Под руководством Абд эль-Керима оказались объединенными не только племена самого Рифа, но и вся западная половина испанского Марокко. Было создано централизованное мусульманское государство с 50-тысячной армией, с территорией в 20 тыс. *кв. км* и с полумиллионом жителей.

Франко-рифская война

После установления протектората Франции в 1912 г. в восточной части Марокко местное население не переставало оказывать сопротивление французским колонизаторам. Горные и пустынные районы оставались вне контроля французских властей. Оставались независимыми также и территории юго-западной и южной части Марокко.

Создание Республики Риф и ее успехи благоприятствовали борьбе марокканских племен против французских властей. Французские империалисты считали, что дальнейшее укрепление Республики Риф вызовет еще больший подъем национально-освободительной борьбы в Марокко. Видя неудачи Испании, французское правительство развернуло широкую подготовку к нападению на молодое марокканское государство.

Париж игнорировал многочисленные обращения и письма Абд эль-Керима, в которых он предлагал Франции установить дружественные отношения. 4 апреля 1923 г. министр иностранных дел Рифа Азаркан направил письмо французскому генеральному резиденту в Марокко маршалу Лиоте. Азаркан выражал надежду на то, что Франция признает Республику Риф и устаповит с ней добрососедские отношения [1]. Однако маршал отказался принять посланца. В течение 1923 г. представители Рифской республики неоднократно обращались к французским властям с предложениями установить мирные отношения. Они предлагали также заключить выгодное для французов соглашение о предоставлении им концессий на разработку ценных ископаемых. Однако все эти предложения были отвергнуты.

Весной 1924 г. Лиоте двинул свои войска в долину реки Уэрги [2], которая была расположена вблизи границы между французской и испанской зонами. Этот район еще с 1912 г. был предметом споров между Францией и Испанией. В результате переговоров было решено, что граница между французской и испанской зонами пройдет по долине реки Уэрги. Однако демаркация границ не была проведена, поскольку этот район находился под контролем племен, которые сохранили свою независимость.

Вместе с тем Лиоте послал в столицу Рифа Аджир арабского купца Хамлиши для ведения неофициальных переговоров с рифами о границе в

[1] *Hubert-Jacques.* L'Aventure Riffaine et ses dessous politiques. Paris, 1927, p. 22—24.

[2] В племенном отношении население долины реки Уэрги было родственно населению Республики Риф. Этот район поддерживал тесные экономические связи с нею, поставляя хлеб в горные районы республики.

долине реки Уэрги. Рифская сторона заявила, что племена, населяющие долину, фактически уже присоединились к республике и платят налоги. Однако рифы не хотели давать французам предлог для начала военных действий. Поэтому они заявили о готовности урегулировать пограничный спор посредством переговоров.

9 мая 1924 г. переговоры были продолжены в Фесе. Рифское правительство заявило о своем согласии вывести войска с той территории, которую французская администрация считает своей, с тем условием, что ему будет дано определенное время для политической подготовки этой меры. Миролюбивое предложение рифов было отвергнуто. Французский представитель дал наглый и вызывающий ответ: французское правительство «не спрашивает ничьего согласия занять в любое время бесспорно ему принадлежащую территорию» [1].

Французская сторона отказалась обсуждать проблему границ. 27 мая французские войска форсировали Уэргу и вскоре, преодолевая сопротивление рифов, оккупировали весь этот район. Военная операция давно подготовлялась парижскими властями. Переговоры они вели лишь с целью камуфляжа своих истинных намерений.

Французское правительство постаралось обеспечить невмешательство в его действия со стороны Англии. Премьер-министр Эррио заявил в парламенте, что Франция не намерена вмешиваться в англо-египетский конфликт. В свою очередь Остин Чемберлен, посетивший Францию, сообщил Эррио, что Англия согласна на французскую интервенцию против Республики Риф и возражает лишь против какого-либо передела Марокко.

Позиция Лондона определялась тем обстоятельством, что именно в этот период обострилась борьба египетского и индийского народов против английского империализма. Успехи рифов показывали народам этих стран верный путь борьбы с колонизаторами. Английское правительство рассчитывало также на поддержку Франции в египетском и мосульском вопросах.

Однако позиция правительства не встречала полной поддержки внутри Англии. Определенные круги английской буржуазии видели во Франции прежде всего соперника в борьбе за влияние на африканском континенте. Они рассчитывали использовать рифов для ослабления французских позиций в Марокко. В Англии был создан специальный англо-рифский комитет. Его возглавил офицер Гордон Каннинг. Комитет располагал неофициальной поддержкой правящих кругов, которые использовали его для давления на Францию.

Абд эль-Керим хотел избежать войны с Францией, располагавшей вооруженными силами большей численности, чем все население Республики Риф.

Во второй половине марта 1925 г. представители рифов встретились с французами и заявили о своем желании мирным путем решить спорные вопросы. Рифы предложили создать комиссию для установления точных границ между французской зоной и территорией республики. Французы ответили отказом [2].

Абд эль-Керим пытался добиться мирного соглашения и с Испанией. Примо де Ривера не мог вести активных военных операций против Рифа, так как отозвал из Марокко значительную часть войск для подавления внутренних волнений. Однако он не хотел соглашения с рифами.

Приход к власти правительства Пенлеве во Франции усилил позиции сторонников агрессивных действий против Республики Риф. 22 апреля 1925 г. Франция начала крупные военные операции в долине реки Уэрги. Развернулись сражения, в которых рифы нанесли ряд поражений фран-

---

[1] *Hubert-Jacques.* L'Aventure Riffaine et ses dessous politiques, p. 37.
[2] Ibid., p. 80—81.

цузским войскам, несмотря на то, что те располагали авиацией, артиллерией и танками, а рифы имели лишь легкое стрелковое вооружение.

Неудачи на фронтах заставили французское правительство искать поддержки у Испании. Неофициальный представитель Франции Мальви в середине мая встретился с Примо де Ривера. Было достигнуто соглашение о созыве франко-испанской конференции. Но Мадрид не был готов к возобновлению войны против рифов. Параллельно с переговорами с Францией испанское правительство попыталось дипломатическим путем навязать республике договор, который бы обеспечил Испании широкую возможность для будущих военных действий в Марокко.

Вновь на сцене появился Эчевариетта. 18 июня 1925 г. он сообщил рифским представителям условия мира. Испания соглашалась признать автономию Рифа под властью Абд эль-Керима, выплатить выкуп за испанских пленных. За это испанцы требовали предоставить им право создать порт в Альхусемасе, строить железные дороги и установить международный контроль над эксплуатацией рифских рудников [1].

Абд эль-Керим отклонил эти условия. Рифы продолжали требовать признания своей независимости. Все попытки навязать им капитуляцию закончились неудачей. Это ускорило соглашение между Францией и Испанией. 22 июня 1925 г. было подписано морское соглашение, согласно которому обе державы брали на себя обязательство установить контроль над рифским побережьем [2].

В ходе переговоров испанское правительство требовало также пересмотра Танжерского статута и превращения международного порта Танжер в испанский порт. Французская делегация не считала возможным согласиться с этим. Стороны достигли соглашения о военном сотрудничестве обеих держав в Марокко и установлении блокады Республики Риф с целью лишить ее поставок оружия, боеприпасов и продовольствия. 18 июля были выработаны совместные франко-испанские условия мира с рифами, фактически требовавшие от рифского правительства признать себя зависимым от Франции и Испании [3].

Соглашение двух крупных держав ухудшало положение рифов.

Французское командование сосредоточивало крупные силы в Марокко. Французская авиация производила варварские бомбардировки мирного населения, стараясь запугать народ. Французские власти прибегли и к политическим маневрам. Они попытались использовать в борьбе против Республики Риф султана Марокко и феодальную верхушку, с тем чтобы не допустить перехода на сторону рифов оставшихся непокоренными племен. Широко используя подкуп и шантаж, французские власти старались посеять смуту и раскол среди марокканских племен.

Между тем Абд эль-Керим продолжал наносить удары по французским войскам, добиваясь одного успеха за другим.

В июле 1925 г. главнокомандующим войсками в Марокко был назначен Петэн. Буржуазная пропаганда прославляла реакционного маршала как «спасителя» Франции в первой мировой войне. Назначение Петэна свидетельствовало о серьезном беспокойстве правящих кругов Франции поражениями своей армии (французские части в Марокко к этому времени насчитывали 150 тыс. человек) [4].

Абд эль-Керим обратился с воззванием к народам Алжира и Туниса, призывая совместно выступить против французских и испанских захватчиков. Он предлагал создать независимую мусульманскую республику, которая бы объединила все народы Северной Африки. Однако народы этих районов не были готовы к вооруженному выступлению.

---

[1] «Temps», 7. VII. 1925.
[2] *Hubert-Jacques.* L'Aventure Riffaine et ses dessous politiques, p. 330.
[3] См. *Н. С. Лупкая.* Республика Риф, стр. 127—128.
[4] См. *М. В. Фрунзе.* Европейские цивилизаторы и Марокко. Избранные произведения. М., 1950, стр. 553.

Добиваясь мира, Абд эль-Керим направил письмо французскому парламенту. «Мы призываем французскую нацию, — писал вождь рифов, — остановить непрерывное истребление маленького народа, который предпочитает смерть неволе» [1].

Призыв Абд эль-Керима остался без ответа.

В начале сентября испанцы высадили под прикрытием военных кораблей и авиации десант в районе Альхусемаса. Одновременно началось генеральное наступление французских войск в районе Феса. Рифам пришлось сражаться на два фронта. 30 сентября испанцы захватили столицу Рифа город Аджджир.

В эти трудные дни Абд эль-Керим предпринял новую попытку заключить мир. Его представитель в Танжере передал испанскому правительству предложение начать переговоры о сепаратном мире. Примо де Ривера отверг это предложение, потребовав безоговорочной капитуляции рифов.

Не хотело мира и французское правительство. Оно довело численность своих войск в Марокко до 200 тыс. человек. Премьер-министр Пенлеве в двадцатых числах сентября писал маршалу Петэну: «Абд эль-Керим является бунтовщиком, с которым мы не будем вести переговоры. Мы должны с большой энергией продолжать военные действия, которые мы начали успешно, до тех пор, пока Абд эль-Керим не капитулирует» [2].

Используя период дождей осенью и зимой 1925/26 г., когда обе стороны не могли вести активных военных операций, Абд эль-Керим попытался завязать мирные переговоры с Францией через председателя англо-рифского комитета Каннинга. В конце октября 1925 г. Каннинг возобновил неофициальные переговоры с Пенлеве.

Каннинг попытался убедить Абд эль-Керима отказаться от требования признания независимости Рифа и согласиться на предлагаемую правительствами Франции и Испании автономию. Рифский президент, хотя и не без колебаний, настаивал на своих условиях. Он не хотел ради достижения мира жертвовать независимостью.

Вскоре французские и испанские колонизаторы, добившиеся огромного численного и технического перевеса над войсками рифов, отказались от своих предложений, которые передали ранее через Каннинга.

Весной 1926 г. развернулись последние сражения между рифами и французскими и испанскими войсками. В армию рифов вступило все население, способное носить оружие.

В феврале 1926 г. рифское правительство попыталось сделать еще одну попытку достичь мира. Каид Хадду посетил гражданского контролера Габриэлли, с которым и ранее поддерживался контакт, и сообщил ему, что Абд эль-Керим хотел бы получить условия мира от Франции и Испании.

Абд эль-Керим опубликовал обращение к французскому народу: «Мы открыто заявляем о том, что желаем мира... Неужели вы хотите, чтобы о преимуществах вашей цивилизации перед испанской мы могли судить лишь... по большему калибру ваших морских орудий или по большей успешности ваших воздушных бомбардировок?» [3].

Французское командование с целью выиграть время для подготовки решающего наступления согласилось возобновить переговоры о перемирии. Французы выдвинули четыре условия: признание рифами верховной власти султана, разоружение рифских племен, возвращение пленных и изгнание Абд эль-Керима.

Несмотря на всю тяжесть этих условий, рифское руководство согласилось вести переговоры. Делегаты Рифа 18 апреля 1926 г. встретились с

[1] *P. Semard.* La Guerre du Rif. Paris, 1926, p. 135—137.
[2] *Laure.* La Victoire franco-espagnole dans le Rif. Paris, 1927, p. 102—103.
[3] «L'Afrique française», 1926, № 5, p. 261.

французскими и испанскими представителями. По требованию французской стороны рифы прекратили на время переговоров оборонительные работы. Однако французские колонизаторы вероломно оккупировали район на правом берегу реки Уэрги с целью занять более выгодные позиции для перехода в наступление. Испанцы высаживали свои подкрепления в бухте Альхусемас.

Рифские делегаты заявили о том, что они настаивают на сохранении Республики Риф на принципах автономии во главе с Абд эль-Керимом, со своими вооруженными силами и национальными органами управления.

26 апреля начались официальные переговоры в Уджде.

Глава французской делегации генерал Симон потребовал принятия до заключения мира четырех предварительных условий: обмен пленными, передача некоторых стратегических позиций франко-испанским войскам, разоружение племен и создание постоянной смешанной полиции [1]. А на следующий день генерал Симон потребовал изгнания Абд эль-Керима.

Рифы соглашались: допустить миссию Красного Креста с медикаментами и продовольствием к военнопленным; признать духовную, но не политическую власть султана; разоружить племена, но с сохранением вооруженных сил для поддержания порядка. Вместе с тем они отказались принять контроль или опеку со стороны властей протектората [2].

Эти оговорки не были приняты французами и испанцами. Французское правительство еще 27 апреля дало указание генералу Симону «прервать 1 мая переговоры, если к этому времени выяснится невозможность заставить рифскую делегацию согласиться на условия...» [3]

Затем срок ультиматума был продлен до 7 мая. Позиция рифов осталась без изменений. 6 мая генерал Симон заявил, что считает переговоры прерванными, поскольку не приняты условия, предъявленные франко-испанской стороной. Франция и Испания не хотели идти ни на какие уступки и компромиссы.

На следующий день французские и испанские войска перешли в наступление. Развернулись ожесточенные бои. Используя огромное превосходство в силах и технике, войска интервентов сумели расчленить и окружить рифские племена.

Понимая, что дальнейшее сопротивление бесполезно, вождь рифов решил капитулировать. Французские и испанские самолеты 26 мая подвергли бомбардировке селение, где находился Абд эль-Керим. «Я поражен, — сказал Абд эль-Керим французским офицерам, окружавшим его, — что самолет на этот раз убил мужчин. Обычно они убивают женщин. Ваша цивилизация — цивилизация огня. У вас большие бомбы, следовательно, вы цивилизованны. У меня только ружейные патроны — следовательно, я варвар» [4].

На рассвете 27 мая Абд Эль-Керим выехал в расположение французских войск. Один из французских офицеров так описывает этот заключительный эпизод борьбы:

«...В два часа ночи Абд эль-Керим при сиянии луны садится на коня. Наши спахи окружают его. Царит полное молчание. В момент, когда эскорт трогается в путь, какие-то люди, присевшие на корточки в тени, бросаются, чтобы поцеловать стремена побежденного. Они умоляют его дать им приказ, совет... Он — молчаливый, суровый, с глазами, обращенными в пространство, удаляется, не произнеся ни слова» [5].

---

[1] «Temps», 8. V. 1926.
[2] *Laure.* La Victoire franco-espagnole dans le Rif, p. 215.
[3] Цит. по кн.: *Н. С. Луцкая.* Республика Риф, стр. 181.
[4] Там же.
[5] См. «Новый Восток», 1926, № 13—14.

После капитуляции Абд эль-Керима военные действия еще продолжались. Многие племена не хотели капитулировать.

Сопротивление отдельных племен Марокко французским колонизаторам продолжалось вплоть до 1934 г.

В июне 1926 г. в Париже открылась конференция победителей. Переговоры проходили в обстановке секретности. Протоколы не были опубликованы. Однако из отрывочных сообщений корреспондентов и позднее опубликованных мемуаров видно, что французские представители добивались территориальных приобретений в области Риф и пересмотра Танжерского статута. Однако испанская делегация воспротивилась французским притязаниям. Франция, по-видимому, смогла бы преодолеть сопротивление Испании, если бы в дипломатическую борьбу не вмешались другие державы. Английская, американская и итальянская дипломатия активно поддержали Испанию. Нажим этих стран сыграл определяющую роль. Французской дипломатии пришлось отступить.

10 июля 1926 г. был подписан договор между Испанией и Францией, согласно которому границу между французской и испанской зонами должна была определить смешанная комиссия в соответствии с соглашением 1912 г. Французам удалось настоять на том, чтобы французские войска оставались в Рифе до тех пор, пока испанские силы не сменят их. Запрещалась продажа оружия и боеприпасов племенам. Абд эль-Керима было решено сослать на остров Реюньон.

28 августа Абд эль-Керим и все члены его семьи, включая брата и дядю, были отправлены в ссылку. Так закончился один из важных этапов борьбы марокканских племен за свою свободу и независимость. В боях против рифов участвовали совместные вооруженные силы двух крупных европейских держав — Франции и Испании общей численностью до 300 тыс. человек, снабженных первоклассной по тому времени техникой. Им противостояло 60—70 тыс. бойцов, вооруженных лишь винтовками.

Поражение рифов в вооруженной схватке с колонизаторами объяснялось и другими причинами. Французские колониальные власти широко использовали подкупы и раздавали различные подачки и привилегии феодальной верхушке, привлекая ее на свою сторону. Империалистические державы на короткий срок сумели преодолеть острые противоречия перед лицом антиимпериалистической борьбы народов Марокко. Единый фронт империалистов, организовавших блокаду, мешал рифам в достаточном количестве получать оружие и иную помощь из других стран.

Несмотря на террор колонизаторов, народы стран Востока, и в первую очередь арабы Алжира и Туниса, проявляли чувство братской солидарности и симпатии с борющимся Марокко. Общественные организации и Коммунистическая партия Алжира, Тунисская национальная партия развернули активную деятельность по организации митингов и забастовок в поддержку рифов. Активно боролась против колониальной войны в Марокко Французская коммунистическая партия, поддержанная широкими слоями трудящихся.

Советский Союз искренне сочувствовал этой борьбе, демонстрируя братскую солидарность с племенами Марокко, сражавшимися за свободу. На тысячах митингов, прошедших по Советской стране, советские люди гневно осуждали разбойничьи действия колонизаторов, требовали прекращения империалистической интервенции и насилий, чинимых «французскими империалистами-угнетателями в Марокко» [1].

[1] «Правда», 14 июня 1925 г.

3. Борьба сирийского народа против французских колонизаторов

Восстание друзов

После первой мировой войны Сирия, бывшая ранее провинцией Турции, превратилась во французскую колонию. Включение Сирии в систему Французской империи и отрыв ее от прежних рынков вызвали кризис в экономике страны. Множество мелких предприятий закрылось. Рабочие оказались на улице, мелкие хозяева — разоренными. Особенно тяжелые последствия имела денежная реформа: французское правительство предоставило право банкам Сирии и Ливана выпускать сирийские банкноты, на которые должна была принудительно обмениваться египетская валюта, которая ранее господствовала в стране. Злоупотребление эмиссией привело к тому, что бумажные деньги все более обесценивались. Это вызвало многочисленные банкротства, нанесло тяжелый ущерб интересам местного населения. Зато сирийские банкиры, колониальная администрация и их покровители в Париже получали колоссальные прибыли.

Было перестроено управление страной. Сирия была разделена на несколько небольших «штатов», во главе которых были поставлены французские наместники и губернаторы. В 1924 г. «штаты» Дамаск и Алеппо были объединены в сирийское государство, управляемое французским верховным комиссаром. Главой марионеточного правительства французы назначили помещика Субхи Баракат. На политические организации и партии Сирии были обрушены жестокие репрессии. Однако террор не смог предотвратить выступлений народа. В 1920—1924 гг. произошло шесть крупных восстаний, не считая мелких разрозненных выступлений.

В этих условиях французское правительство попыталось сманеврировать. Прежде всего оно заменило верховного комиссара ультрареакционера и клерикала генерала Вейгана «радикалом» и «атеистом» Саррайлем.

Прибыв в Сирию, генерал Саррайль использовал любой случай, чтобы подчеркнуть свою «антиклерикальную» позицию. В своих речах он заявлял, что уважает все верования, когда они искренни. Генерал провел ряд показных либеральных мер, в том числе даже разрешил образование буржуазно-националистической «партии народа».

Впрочем, либерализм нового французского наместника продолжался недолго. При первых же признаках усиления народного движения были изданы драконовские законы против печати. Едва успев легализоваться, «народная партия» подверглась преследованию, руководители ее были арестованы, а лидер партии Шахбандер был вынужден бежать в Трансиорданию [1].

Эти меры колонизаторов еще более накалили обстановку. Особое возмущение вызвало постановление об отмене ограничений размеров арендной платы, что было выгодно лишь крупным помещикам. По приказу Саррайля французские колониальные войска расстреляли демонстрантов. Эти события явились прологом к общесирийскому восстанию.

Освободительному движению сирийцев способствовали успехи первого в мире социалистического государства. Война Франции против рифов, заставившая французский империализм перебросить в Марокко крупные силы, привела к сокращению численности его войск в Сирии.

Центром восстания стал горный район, где проживали племена друзов, насчитывавшие 50—70 тыс. человек.

Находясь на стыке территории Сирии, Ирака и песков, сирийская пустынная территория Джебель-Друз имела важное стратегическое значение, благодаря своему господству над соседними областями.

[1] См. об этом подробнее в кн.: «Очерки по истории арабских стран». М., 1959.

Французские власти вели себя здесь особенно вызывающе. Они предприняли ряд карательных экспедиций, начали раздел общинных земель. Колонизаторы арестовали семь вождей крупных племен, заманив их к себе вероломным путем. Арестованные были объявлены заложниками. Это переполнило чашу терпения, и 18 июля 1925 г. друзы начали вооруженное восстание. Они сожгли губернаторский дом и осадили гарнизон города. Попытки французских властей овладеть положением закончились неудачей.

В центре территории друзов в г. Сувейде была образована «Всеобщая национальная лига». Она провозгласила создание национального правительства [1]. Его возглавил шейх одного из друзских горных селений — Султан эль-Атраш. (Султан эль-Атраш уже имел опыт борьбы против французских колонизаторов: он руководил восстанием в 1922 г.) Султан эль-Атраш установил контакт с представителями «партии народа».

В начале августа друзы нанесли поражение французским карателям и захватили большие трофеи: пушки, пулеметы, 2 тыс. ружей, обозы с продовольствием и боеприпасами и т. п. Захваченное оружие позволило друзам вооружить новые отряды крестьян. Французское командование бросило против друзов авиацию, но в горных районах это не принесло ожидаемых результатов. В целях выигрыша времени для подвоза войск из метрополии Саррайль предложил друзским вождям начать переговоры.

Французские власти предложили друзам сдать оружие и выплатить контрибуцию. В начале переговоров Султан эль-Атраш выдвигал минимальные требования: эвакуация французских войск с территории друзов, ограничение контроля над жизнью друзских племен, восстановление сожженных деревень и свобода торговли оружием. В ходе переговоров, опираясь на успехи повстанцев, Султан эль-Атраш потребовал в качестве предварительного условия прекращения военных действий, эвакуации французских войск из Сирии и предоставления независимости всей стране. Он опубликовал манифест к сирийскому народу, в котором призывал народ подняться на священную войну за свободу.

«Вспомните ваших предков, — говорилось в манифесте, — вашу историю, ваших героев, вашу национальную честь!.. Империалисты захватили наши богатства, завладели ресурсами нашей страны. Они воздвигли вредные границы между частями нашей единой родины и раздробили нас на народности, религиозные группы и мелкие государства». Воззвание заканчивалось словами: «Да живет свободная и независимая Сирия!» [2].

Повстанцы попытались установить контакты с рифами и племенами Саудовской Аравии. Пламя восстания разгоралось. Это вызвало беспокойство в Париже. В сентябре 1925 г. командующим французскими войсками в Сирии был назначен генерал Гамелен. Он предпринял наступление крупными силами на территорию друзов. Ему удалось захватить г. Сувейду, но решающего успеха он не добился. Друзы сохранили армию. Во всех поселениях контроль остался в руках восставших.

Воспользовавшись ослаблением постоянных гарнизонов, сирийцы подняли восстания и в других районах страны. В борьбу включались новые слои населения. Основную силу восставших составляло крестьянство. Однако рабочие принимали активное участие в вооруженных схватках с оккупантами, поддерживали повстанцев стачками и забастовками.

В первых рядах борцов за свободу выступали коммунисты. В восстании участвовала также городская мелкая буржуазия, учащаяся молодежь, интеллигенция. Национальная буржуазия Сирии на первых порах поддерживала восстание, стремясь подчинить его своему руководству.

---

[1] См. «Известия», 12 сентября 1925 г.

[2] См. «Очерки по истории арабских стран», стр. 158.

Однако значительная часть буржуазных кругов отошла от борьбы при первых же неудачах повстанцев.

Стремясь запугать народ, колонизаторы прибегли к зверским расправам. Были совершены массовые казни на улицах Дамаска. «Парад трупов» послужил сигналом к новому всеобщему выступлению. 18 октября 1925 г. партизаны и восставшие жители Дамаска захватили ряд районов города. Тогда по приказу Саррайля французская армия начала обстрел Дамаска из тяжелых орудий и бомбардировку города авиацией. В течение двух суток древний исторический город с его замечательными памятниками искусства и архитектуры был превращен в груду развалин [1]. Погибло около 25 тыс. жителей, в том числе много женщин и детей.

Этот варварский акт не сломил воли сирийцев. Значительная часть населения города ушла в национально-освободительную армию, численность которой к ноябрю 1925 г. достигла 40 тыс. бойцов. В ходе боев большинство французских гарнизонов, дислоцированных в Сирии, к началу ноября 1925 г. были разгромлены. Под контролем французов остались лишь большие города — Дамаск, Алеппо, Хомс и Хама.

Варварская бомбардировка Дамаска — крупного памятника мировой цивилизации вызвала возмущение мировой общественности. Дипломатия империалистических держав — соперников Франции в борьбе за влияние на страны Ближнего Востока — постаралась использовать это для нажима на позиции Франции в Северной Африке. Была предпринята серия сложных дипломатических маневров. Англия вручила ноту правительству Франции, в которой требовала возмещения ущерба, нанесенного бомбардировкой Дамаска британским подданным и их имуществу [2].

Государственный секретарь США Келлог заявил, что Соединенные Штаты предъявят Франции требования о возмещении ущерба, нанесенного американскому имуществу, «если окажется, что французские войска бомбардировали Дамаск без предупреждения» [3].

Партнеры Франции по колониальному разбою давали понять: бомбардировка бомбардировкой, это дело ваше, а вот за свое имущество мы встанем горой!

Вслед за тем французам был нанесен новый удар: мандатная комиссия Лиги наций 23 октября 1925 г. отказалась утвердить ежегодный отчет Франции как державы-мандатария по управлению Сирией и предложила французскому правительству представить специальный доклад о сирийских событиях.

Французские колонизаторы поняли, что хватили через край. Тогда всю вину за происходившие в Сирии события попытались свалить на Саррайля. На него была возложена также ответственность за ущерб, причиненный британским и американским подданным [4]. 31 октября он был отозван.

В начале ноября 1925 г. верховным комиссаром Франции в Сирии был назначен опытный дипломат де Жувенель. Свою деятельность Жувенель начал с поездки в Лондон. Там он встретился с министром иностранных дел Чемберленом и министром по делам колоний Эмери. Французский представитель постарался запугать своих собеседников угрозой распространения волнений на английские подмандатные территории. Ему было известно, что восстание в Сирии все больше беспокоило английские правящие круги: освободительная борьба сирийцев находила отклик в Палестине и Ираке. Арабская национальная партия в Мосуле выпустила манифест с призывом «помочь сирийским братьям» [5]. Напуган-

---

[1] «Morning Post», 30. X. 1925.
[2] См. «Правда», 31 октября 1925 г.
[3] «Известия», 30 октября 1925 г.
[4] «Morning Post», 19. XI. 1925.
[5] «Правда», 13 ноября 1925 г.

ный восстанием сирийцев английский верховный комиссар в Палестине лорд Плюмер приказал открывать огонь по всем, кто переходит границу и отказывается сдать оружие. Блокирована была граница и с Трансиорданией.

Жувенель использовал все это для того, чтобы добиться соглашения с английским правительством.

Говоря об итогах переговоров с Жувенелем, Чемберлен заявил в палате общин: «Французское и британское правительства выразили желание, чтобы их дружественные отношения и тесное сотрудничество касались всех вопросов, которые относятся к общим интересам... К таким вопросам относится положение в Сирии, Ираке и Палестине...» В заключение Чемберлен, однако, добавил: «Вопрос о военных действиях английских войск против друзов не ставился» [1].

Чемберлен, разумеется, умолчал о том, что Англия обещала помочь французам подавить сирийское восстание в обмен на поддержку Парижем притязаний Англии на Мосул.

Франко-английское соглашение быстро сказалось и в Лиге наций. Генеральный секретарь Лиги англичанин Эрик Друммонд отказался принять представителя сирийского освободительного движения, который просил содействия Лиги наций [2].

Фактически ничем кончилась и работа постоянной комиссии Лиги наций по мандатам.

Вначале японская и голландская делегации заявили себя сторонниками самоуправления Сирии, надеясь завоевать авторитет в странах Ближнего Востока. Им противостоял франко-английский блок, поддержанный Бельгией и Португалией. Сирийская делегация выехала в Рим, где проходила работа комиссии, представив убедительные свидетельства бесчинств и насилий французских колонизаторов. Но сирийцев никто не хотел слушать. Их материалы не были приняты во внимание. Вскоре голландский и японский делегаты отказались от своей позиции: взяли верх опасения за собственные колонии. В докладе, который комиссия представила Совету Лиги наций в марте 1926 г., было лишь отмечено, что проведенная французскими властями в Сирии денежная реформа нанесла вред экономике Сирии, и поставлено в вину Франции «отсутствие последовательности в управлении Сирией, частая смена комиссаров и частая административная реорганизация». В заключение комиссия заявила, что Франция якобы стремится способствовать созданию в Сирии «самоуправляющегося государства» [3]. Это был удар по надеждам сирийского народа. Освободительная борьба усиливалась.

На помощь Франции пришли США. В Бейрут были направлены два американских миноносца якобы для защиты американских граждан, послала свои корабли и Италия [4]. Действительная их цель заключалась в том, чтобы помешать повстанческим войскам выйти к ливанскому побережью.

Французская дипломатия старалась внести раскол в ряды арабских националистических организаций. В середине ноября 1925 г. в Париже Жувенель начал переговоры с лидерами сирийских националистов. Сирийскую сторону представлял исполком сирийско-палестинского конгресса [5]. В начале переговоров представители конгресса потребовали от Франции принятия следующих условий: отмена мандата и признание независимости Сирии; вступление Сирии в Лигу наций; предоставление

---

[1] «Manchester Guardian», 27. XI. 1925.
[2] См. «Daily Express», 10. XII. 1925.
[3] «Manchester Guardian», 3. IV. 1925.
[4] «Morning Post», 5. XI. 1925.
[5] Сирийско-палестинский конгресс был создан в 1921 г. В него входили различные буржуазно-националистические партии Сирии, Ливана и Палестины.

Ливану возможности создания своего независимого правительства; установление формы правления по желанию свободно избранного Учредительного собрания; заключение франко-сирийского договора на 20—30 лет для определения французских привилегий в Сирии.

Сирийские представители соглашались на сохранение оккупационных войск и военно-морской базы Франции в Ливане, на заключение военного союза с Францией и сохранение за французским капиталом своих позиций в экономике Сирии. Французская сторона медлила с ответом. В конце ноября 1925 г. переговоры были перенесены в Каир. Исполком сирийско-палестинского конгресса вручил Жувенелю новый меморандум. Сирийцы требовали создания независимого сирийского государства, образования временного национального правительства, проведения выборов в Учредительное собрание, которое определит конституционную систему и срок эвакуации французских войск из Сирии после создания национального правительства [1].

Оттягивая ответ, Жувенель надеялся посеять рознь между отдельными сирийскими племенами. 1 декабря 1925 г. он прибыл в Бейрут, где начал устанавливать контакты с феодалами и купцами, щедро давая обещания предоставить им различные привилегии, запугивая революционными последствиями дальнейшего продолжения войны и т. п. 22 декабря делегаты от дамасских купцов и феодалов вручили Жувенелю меморандум, содержавший значительно меньшие, чем ранее, требования. Из меморандума было исключено условие формальной отмены мандата и лишь выдвигались требования образования временного правительства, проведения свободных выборов в Учредительное собрание и всеобщей амнистии [2].

Французский империализм переживал в это время ряд трудностей. Неудачи в войне в Марокко, широкие антивоенные выступления трудящихся в метрополии осложняли его положение.

Жувенель стремился путем лавирования и демагогических обещаний ослабить фронт национально-освободительной борьбы. Он попытался натравить христианскую часть населения против повстанцев-мусульман. Султан эль-Атраш выпустил воззвание, где подчеркнул, что восстание носит национальный, а не религиозный характер [3].

В начале 1926 г. Жувенель издал декрет об амнистии тем повстанцам, которые сложат оружие и вернутся в свои дома. К вождям, которые сдадутся, он обещал не применять смертной казни. Другой декрет провозглашал созыв представительного совета, создаваемого путем выборов в тех районах, где не было осадного положения. В остальных районах предполагалось провести выборы лишь после наведения там «порядка». Представительный совет должен был одобрить будущую конституцию, основанную на правах державы-мандатария.

Арабские лидеры отвергли декреты Жувенеля. Выборы в Алеппо, назначенные на январь 1926 г., подверглись всеобщему бойкоту. Не привели к успеху и переговоры Жувенеля с руководством национально-освободительной армии. Султан эль-Атраш еще в декабре 1925 г. опубликовал заявление о том, что «национальная революция только началась» и что он может принять мир лишь на условиях признания независимости и единства Сирии, всеобщей амнистии, создания временного правительства, одобренного повстанцами, равноправного франко-сирийского договора, компенсации за убытки, причиненные французскими войсками [4].

Мужественная борьба сирийцев вызвала большие симпатии народов Северной Африки. В Палестине, Тунисе и Алжире проходили демонстра-

---

[1] «Daily Telegraph», 23. XII. 1925.
[2] «The Times», 23. XII. 1925.
[3] См. «Правда», 11 февраля 1926 г.
[4] См. «Очерки по истории арабских стран», стр. 175—176.

ции и забастовки в знак солидарности с восставшей Сирией. Однако эти выступления носили разрозненный характер и не смогли оказать существенной помощи сирийским повстанцам.

Весной 1926 г. французская армия заканчивала войну в Марокко. Французское командование смогло высвободить значительные людские силы (около 70—80 тыс. человек) и современную военную технику для ведения карательных операций в Сирии. Это дало возможность Жувенелю заговорить языком ультиматумов. Он заявил, что отныне примет от «мятежников» лишь безоговорочную капитуляцию. Феодалы и национальная буржуазия, испугавшись размаха народной борьбы, окончательно дезертировали из лагеря национально-освободительного фронта. Вскоре Жувенель сформировал послушное сирийское «правительство» с участием деятелей националистической «партии народа».

Французские власти могли больше не применять камуфляж миролюбия. В мае 1926 г. они начали крупные военные операции против восставших. Основной удар был нанесен по центру восстания — Джебель-Друз. В этот район, где жило не более 60 тыс. человек, было брошено свыше 10 тыс. французских солдат. Применяя тактику «выжженной земли», колонизаторы уничтожали посевы, угоняли скот, грабили имущество, сжигали деревни, стараясь оставить повстанцев без снаряжения и питания.

В апреле французы заняли столицу друзского государства Сувейду, а в июне — Салхад, один из центров восстания. Одновременно было развернуто наступление в Ливане, Северной Сирии и окрестностях Дамаска. Несмотря на численное превосходство французов, мощь их техники, повстанцы, возглавляемые Султаном эль-Атрашем, продолжали героическую борьбу против захватчиков. Лишь осенью 1926 г. французам удалось разбить наиболее крупные отряды партизан. В мае 1927 г. Султан эль-Атраш с группой в 600 партизан вынужден был уйти в Трансиорданию.

Огромное военное и техническое превосходство Франции, получившей поддержку со стороны других империалистических держав, позволило ей подавить национально-освободительное восстание в Сирии. В тот период империалисты еще могли позволить себе не считаться с резкими протестами мирового общественного мнения и безнаказанно расправляться с национально-освободительным движением в колониальных и зависимых странах.

Героическая борьба сирийского народа в 1925—1927 гг. имела, однако, крупное международное значение. Она способствовала дальнейшему обострению общего кризиса капитализма и углублению кризиса колониальной системы. Восстание в Сирии обогатило арабские народные массы опытом национально-освободительной борьбы, содействовало росту влияния прогрессивных сил, способных возглавить дело освобождения народа.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПРОВАЛ ПОПЫТОК ОБРАЗОВАНИЯ АНТИСОВЕТСКОГО ФРОНТА в 1925—1927 гг.

Империалистические противоречия после Локарно

Правящие круги западных держав изображали итоги Локарнской конференции как серьезный успех дела «умиротворения Европы». Штреземан, Чемберлен и Бриан были награждены Нобелевскими премиями мира. Локарнские договоры вслед за Версальским договором и «планом Дауэса» были объявлены «инструментом мира». Газета «Правда», разоблачая эти лицемерные утверждения, писала: «Версаль — инструмент мира, план Дауэса — инструмент мира, Лига наций — инструмент мира: вся наша Земля какое-то кладбище инструментов мира...» Правящие круги империалистических стран вводили в заблуждение массы декларациями о своем желании добиться мира в Европе.

В действительности Локарнские соглашения не только не оздоровили обстановку в Европе, но, напротив, привели к ухудшению международных отношений, организации новых блоков и группировок и в конечном счете явились шагом на пути к новой мировой войне.

Все более обострялись отношения между Англией и США. После «плана Дауэса» возросла роль американского капитала в европейских странах, в частности в Германии; в то же время происходило все более явственно отступление Великобритании под натиском американского империализма.

Особенно обострились отношения после Локарно между Англией и Францией. В Локарно Франция вынуждена была согласиться с английской позицией и пренебречь собственными интересами и интересами своих восточноевропейских союзников. Английская пресса, не стесняясь, писала, что после Локарно Франция и побежденная Германия находятся в одинаковом положении. Министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен подчеркивал, что после Локарно «нет больше союзников, этот военный термин следует вычеркнуть из политического лексикона».

Учитывая обстановку, Франция стала на путь сближения с Германией. Германская дипломатия умело использовала эти новые тенденции французской политики, надеясь решить в свою пользу ряд важных экономических и политических проблем. Наметилось франко-германское хозяйственное сближение.

В свою очередь Англия, чтобы помешать реализации нового курса Франции и желая сохранить роль арбитра в европейских делах, активизировала свою политику сотрудничества с Германией. В конечном счете от Локарнских соглашений выиграла лишь Германия, которая еще настойчивее стала требовать ревизии Версальского договора.

Англо-итальянское сближение после Локарно

Англо-итальянское сближение явилось серьезным фактором европейской политики после Локарно. Италия охотно шла навстречу Англии, поскольку Локарно ничего осязательного ей не дало. Муссолини пришлось удовлетвориться предложением Англии стать ее согарантом в Рейнском пакте. Однако за поддержку английской политики Муссолини рассчитывал получить более ощутимые выгоды. Еще в ноябре 1919 г. итальянское правительство обращалось к Англии с просьбой предоставить ему ряд экономических и политических позиций в Эфиопии. Тогда это обращение было отвергнуто. Теперь Англия, заинтересованная в сближении с Италией, соглашалась пойти навстречу ее притязаниям.

В начале декабря 1925 г. состоялось свидание Чемберлена с Муссолини в Рапалло, на котором были обсуждены проблемы, связанные с разделом Эфиопии. Во время переговоров был также подвергнут рассмотрению вопрос о совместных действиях против СССР. Муссолини заверил Чемберлена, что он весьма охотно принял бы участие в международном соглашении «против распространения коммунизма».

14—20 декабря произошел обмен нотами между британским послом в Риме Грэхемом и Муссолини по вопросу об Эфиопии. Британское правительство заявляло, что оно «готово поддержать шаги итальянского правительства с целью получения от Эфиопии концессии на постройку и эксплуатацию железной дороги от границы Эритреи до границы Итальянского Сомали». Лондон выражал готовность «признать исключительное экономическое влияние Италии на западе Абиссинии». Практически правительство Англии предлагало Италии поделить сферы влияния в Эфиопии. Остин Чемберлен дал обещание не препятствовать Муссолини в случае вторжения Италии в Эфиопию[1]. Взамен «дуче» обещал поддержать усилия Англии, желавшей

[1] *G. Salvemini.* Prelude to World War II. London, 1953, p. 75.

получить от эфиопского правительства концессии на постройку плотины на озере Тана и автодороги к ней.

Спустя 10 лет Муссолини в интервью, данном им газете «Пти журналь», признал: «В 1925 г. я подписал с сэром Рональдом Грэхемом договор, который... фактически разделил Абиссинию между Италией и Британией» [1].

Циничность этой сделки, типичной для империалистических держав, усугублялась тем, что делилась территория суверенного государства, лишь за два года до этого вступившего в члены Лиги наций. Естественно, что регент Эфиопии Тафари Маконнен (впоследствии император Хайле Селассие I) заявил решительный протест перед Лигой наций против англо-итальянской сделки.

Англо-итальянская сделка вызвала недовольство империалистов других стран. Против нее, в частности, выступили Франция и США, которые сами претендовали на усиление влияния в Эфиопии. Соединенные Штаты проявили большой интерес к постройке плотины у озера Тана. Крупная американская фирма предложила правительству Эфиопии свои услуги в строительстве плотины. Под влиянием Англии намечавшееся соглашение было сорвано, но и самой Англии из-за сопротивления США и Франции пришлось отказаться от попыток получить эту концессию. В результате обычных для женевской дипломатической биржи закулисных переговоров Тафари Маконнену пришлось вскоре взять свой протест обратно, но Италия и Англия на время для вида отказались от своих планов, выступив с заверениями, что они не хотели раздела Эфиопии.

В январе 1926 г. между Англией и Италией было заключено соглашение по вопросу о долгах. Англия предоставила Италии ряд серьезных льгот по выплате долгов, образовавшихся в годы первой мировой войны. Это соглашение несколько улучшило финансовое положение Италии. Английская дипломатия способствовала заключению также «договора о дружбе» между Италией и Испанией, подписанного 16 октября 1926 г.

Противодействуя Англии и Италии, французская дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы восстановить свои позиции на Балканах и в Средиземном море. С этой целью она вступила в переговоры с рядом балканских стран, а также с Турцией. 30 мая 1926 г. была подписана франко-турецкая конвенция. Англия ответила на этот шаг заключением договора с Турцией от 5 июня того же года. Через несколько дней был заключен франко-румынский договор, а позднее — договор Франции с Югославией. Правда, Италия заключила 16 сентя-

---

[1] *G. Salvemini.* Prelude to World War II., p. 76.

бря 1926 г. договор о сотрудничестве с Румынией, но последняя по-прежнему оставалась в составе Малой Антанты.

Одновременно итальянская дипломатия усилила нажим и на Албанию. В результате между Италией и Албанией был подписан 27 ноября 1926 г. неравноправный Тиранский пакт. Этим пактом Италия предоставила свою «помощь» Албании и под этим предлогом получала право в случае необходимости ввести на ее территорию свои войска. Албании запрещалось без санкции Рима заключать соглашения с третьими державами.

Спустя год Тиранский пакт был дополнен протоколом об итало-албанском военном союзе, который устанавливал итальянский контроль над албанской армией. Тиранский пакт и протокол по существу вели к установлению итальянского протектората над Албанией. Во Франции и Югославии это вызвало взрыв негодования. Не ограничиваясь официальными протестами, Франция ответила на выступление Италии заключением военного союза с Югославией в ноябре 1927 г. Югославская пресса требовала признания СССР. «На Балканах господствуют Англия и Италия. Малая Антанта разрознена. При таких условиях Югославия должна искать дружбы. Путь к этому лежит через установление дипломатических отношений с Россией», — писала хорватская газета «Югославский Ллойд».

Позиции Италии в Юго-Восточной Европе были еще более усилены заключением 5 апреля 1927 г. договора о дружбе с Венгрией.

Успехи внешней политики Рима, достигнутые при содействии Англии, способствовали дальнейшему развитию агрессивности итальянского империализма.

Муссолини усердно пропагандировал культ войны. Провозгласив содержанием своей внешнеполитической деятельности борьбу за создание «Великой Италии», он возвещал «восстановление Римской империи». Муссолини проповедовал необходимость будущей агрессии как средства спасения страны от краха. «Мы или расширимся, или взорвемся», — говорил он. Лигу наций как творение Версаля Муссолини демонстративно игнорировал, хотя Италия официально состояла ее членом.

Дипломатия фашистской Италии широко использовала шантаж и угрозы, плела интриги и сеяла распри между своими соседями и возможными противниками. Огромные средства тратились ею на подкуп иностранной прессы, содержание в других странах политических бандитов и террористов, готовивших убийства зарубежных деятелей, стоявших на пути экспансионистских замыслов итальянской буржуазии.

Итальянская буржуазия — магнаты военной промышленности, владельцы крупнейших металлургических заводов, верфей и пароходных линий, монополисты резиновой промышленности,

промышленности искусственного шелка, крупные аграрии — непосредственно диктовала внешнеполитический курс фашизму. Некоторые ее представители участвовали в итальянском правительстве. Это были, например, финансовый магнат Вольпи — губернатор Ливии; монополист резиновой промышленности Альберт Пирелли — министр без портфеля; крупный судовладелец и сахарозаводчик Чиано, ставший впоследствии министром иностранных дел. Все они получали огромную долю военных прибылей и рьяно выступали за экспансию в Европе и Африке.

Важнейшая задача, которая была возложена на фашизм итальянским финансовым капиталом, заключалась в подготовке страны к новому туру войн, который должен был, по его замыслу, превратить Италию в мировую колониальную империю. Итальянский фашизм усиленно готовился к завоеванию господства на Средиземном море. Муссолини любил повторять, что на Средиземном море Италия может быть либо властительницей, либо пленницей. Программа действий итальянской дипломатии предусматривала установление господствующего положения Италии на Средиземном море и преобладания ее на Балканах, пересмотр мандатов, изменение границ между французскими и итальянскими колониями в Африке. Борьба Италии за господство на Средиземном море встречала противодействие со стороны других держав.

Охраняя кратчайший путь в Индию, Англия усиленно укрепляла свои важнейшие стратегические позиции на Средиземном море: Гибралтар, Мальту, Кипр, Суэц, Александрию, Хайфу, Аден и другие порты. Наиболее опасным соперником в Средиземном море после войны англичане считали Францию. Для Франции этот район также представлял важнейший путь к ее колониальным владениям в Северной и Экваториальной Африке. Франция также стремилась укрепить свои морские базы, расположенные поближе к английским. Ведя борьбу против Франции, Англия использовала Италию, оказывая ей дипломатическую поддержку. Силы Франции и Италии приблизительно уравновешивали друг друга. Такое неустойчивое равновесие вполне соответствовало интересам британского империализма. Оно обеспечивало «имперский путь» в Индию не в меньшей степени, чем самый сильный британский флот. С другой стороны, такое равновесие и напряженные отношения между двумя крупнейшими средиземноморскими державами уменьшали для Англии опасность сближения между ними, а также чрезмерного усиления одной из них.

Выходы из Средиземного моря находились в руках Англии, владевшей Гибралтаром и Суэцем. В этом заключалась одна из главных причин, заставлявших Италию идти на союз с Англией или во всяком случае до определенного момента не обо-

стрять отношений с ней. В то же время ни Италия, ни Англия не собирались поступиться в пользу друг друга своими интересами, и союз между ними не мог быть длительным и прочным, так как между обеими государствами существовали коренные противоречия. Великобритания была заинтересована в сохранении существующего положения на Средиземном море, в Азии и Африке. Италия, наоборот, желала изменить его в свою пользу и все более активно действовала в этом направлении.

Политика Германии после Локарно

Германские правящие круги по-своему толковали Локарнские соглашения. Выступая на заседании рейхстага 24 ноября 1925 г., Штреземан уверял германскую буржуазию, что так называемый «дух Локарно» означает для Германии новую фазу борьбы против Версальского договора, за возрождение экономической и военной мощи Германии. «Локарно, — говорил Штреземан, — означает возрождение немецкой свободы» [1].

Французский журналист Жорж Блондель, часто встречавшийся со Штреземаном, рассказал в своей книге «Триумф германизма» о замыслах Берлина в этот период. «Считая себя, вероятно, первым дипломатом в Европе, — писал Блондель, — Штреземан надеялся достигнуть при помощи дипломатии нужных ему результатов. Он понимал, что новая война была бы сейчас для Германии катастрофой. Он пытался подготовить почву для пересмотра договоров и такой организации Европы, в которой Германия играла бы главную роль» [2]. В основе этих планов была одна цель — уничтожение Версальского договора.

В своей политической игре германские дипломаты умело использовали США, которые были заинтересованы в известном ослаблении Англии и Франции в целях расширения американской экспансии в Европе. Англо-американские и англо-французские противоречия в тот период были более сильными, чем противоречия между США и Германией. Американские монополии поддерживали требования Германии. Посол США в Англии Хаутон высказался за необходимость присоединения к Германии Австрии и ряда других территорий на востоке и юге Европы, выступал за ликвидацию межсоюзнической комиссии, военного контроля над Германией и за досрочную эвакуацию Рейнской области. Германская дипломатия, используя поддержку США, вместе с тем ставила своей задачей вытеснение в будущем американских монополий сначала с рынков самой Германии, а затем и Европы и установление своего господства на континенте. В осуществлении этих целей германское правительство придавало особое значение своему участию в Лиге наций.

[1] *Gustav Stresemann.* Vermächtnis, Bd II, S. 245.
[2] *George Blondel.* Le Triomphe de germanisme, p. 35.

Вступление Германии в Лигу наций, хотя оно и сопровождалось известными оговорками в смысле ее военных обязательств, западные державы рассматривали как определенную гарантию того, что им удастся направить экспансию германского милитаризма на восток. В связи с этим 12 декабря 1926 г. был снят военный контроль с Германии и была упразднена межсоюзническая комиссия, контролировавшая выполнение Германией военных статей Версальского договора.

Свидание в Туари

Во время сессии Лиги наций, 17 сентября 1926 г., скрываясь от газетных корреспондентов, Штреземан и Бриан окольными дорогами добрались до Туари (близ франко-швейцарской границы). За завтраком в маленьком деревенском отеле они обсудили отношения между Францией и Германией, сложившиеся после Локарно.

Бриан начал беседу с заявления о том, что попытки частичного урегулирования франко-германских отношений бесполезны. Необходимо кардинальное разрешение всех вопросов, касающихся обеих стран. Французского министра иностранных дел интересовало, может ли Германия пойти навстречу Франции по ряду экономических и финансовых вопросов. Штреземан ответил, что соглашение возможно лишь в том случае, если Рейнская область будет эвакуирована полностью и притом возможно быстрее. Он предложил очистить Рейнскую область от оккупационных войск к 30 сентября 1927 г. Бриан выразил на это принципиальное согласие.

«Итак, я могу констатировать, — осведомился Штреземан, — что вопрос идет не о сокращении сроков эвакуации, а о немедленном очищении всей области.

Бриан. Само собой. Все должно быть приведено в порядок, и как можно скорей.

Штреземан. Что касается Саарской области, то выкуп рудников Саара предусмотрен Версальским договором». После некоторых споров удалось договориться относительно стоимости саарских рудников — она была определена в размере около 300 млн. золотых марок.

Затем собеседники перешли к вопросу об отношениях с СССР. Высказав убеждение в скором падении Советской власти, Бриан предложил своему собеседнику организовать совместную франко-германскую эксплуатацию ресурсов России. Впоследствии Штреземан вынужден был сообщить советскому послу об этих переговорах. Штреземан, однако, попытался изобразить их в виде невинного обмена мнениями о необходимости приобщить Советский Союз к делу «хозяйственного оздоровления Европы» [1].

---

[1] АВП СССР, ф. 082, оп. 9, п. 23, д. 8, л. 40.

В ходе переговоров Штреземан от имени германского правительства согласился в обмен на обещание Бриана об эвакуации левого берега Рейна выплатить Франции крупную сумму в счет репараций. Совет министров Франции и немецкий кабинет одобрили результаты переговоров в Туари, но реализация достигнутого соглашения натолкнулась на большие трудности.

Перспектива экономического сближения Франции с Германией вызвала беспокойство в английских правящих кругах. Как отмечал Штреземан в той же беседе с советским послом, «банковские круги, в частности Английский банк, против финансовой стороны соглашения между Францией и Германией» [1]. Англия попыталась перехватить инициативу экономического сближения с Германией. По предложению английской дипломатии в небольшом английском городке Ромси 8—10 октября 1926 г. состоялось совещание представителей английских и германских химических концернов. Английские монополии не пошли в Ромси на широкое сотрудничество, но постарались свести на нет экономическое сотрудничество германских и французских монополий.

В правящих кругах Франции также развернулась острая борьба по вопросу о «политике Туари», и в частности вокруг обещаний Бриана эвакуировать Рейнскую область. Значительная часть прессы обвинила Бриана в отступничестве от Версальского договора. 1 ноября 1926 г. французский посол в Берлине посетил Штреземана и сообщил ему о возникших во Франции препятствиях на пути реализации «политики Туари». Посол заметил, что вопросы, затронутые в Туари, касаются не только Франции и Германии, они интересуют и другие страны, подписавшие Локарнские соглашения. Лишь вопрос о рудниках Саара является частным делом Германии и Франции. Но и здесь общественное мнение Франции не подготовлено к тому, чтобы этот вопрос разрешить чисто финансовым путем. «Я возразил послу, — писал в дневнике Штреземан, — что в Туари не только ставился вопрос о саарских рудниках, но обсуждался весь комплекс вопросов... Для меня Туари было лишь увертюрой к большой европейской политике». Очевидно, увертюра была разыграна неудачно. По крайней мере вскоре один из двух партнеров, Бриан, не только отказался от дальнейшей совместной игры с Германией, но и публично отрекся от своих заявлений в Туари. В ноябре 1926 г. Бриан заявил в парламенте, что в Туари он и Штреземан не заключали никакого соглашения.

---

[1] АВП СССР, ф. 082, оп. 9, п. 23, д. 8, л. 41.

Советско-германские отношения после Локарно

В сложной международной обстановке, чреватой военной опасностью, Советское правительство еще более усилило внимание к вопросам сохранения мира и обеспечения государственных интересов Советского Союза. XIV съезд РКП(б), состоявшийся в декабре 1925 г., выдвинул в качестве основной задачи партии проведение в жизнь ленинского плана социалистической индустриализации страны, который мог быть успешно выполнен только в условиях мира. Учитывая, что капиталистические государства под руководством Англии и Соединенных Штатов Америки сколачивали блоки с целью организовать нападение на Советскую страну, съезд дал директиву ЦК партии не поддаваться на провокации и вести настойчивую борьбу за мир во всем мире.

Советской дипломатии, выполнявшей указания партии, нужно было умело использовать противоречия в лагере империалистических государств для того, чтобы сорвать их планы. С величайшей осторожностью и твердостью Советское правительство отражало наскоки империалистических держав, противодействовало их антисоветским махинациям. Одним из основных факторов, определявших в то время международное положение в Европе, являлись взаимоотношения СССР с Германией. Англия и Франция рассчитывали, что Германия займет видное место в антисоветском блоке государств, станет его ударной силой.

Именно к этому были направлены Локарнские соглашения. Однако они не означали еще окончательного оформления антисоветского блока, и советская дипломатия старалась добиться определенного сближения СССР с Германией. Как известно, еще во время локарнских переговоров Германия заключила с Советским Союзом широкий экономический договор, регулировавший ряд важнейших хозяйственных и юридических вопросов; одновременно германский государственный «Дейче банк» подписал с нашим торгпредством в Берлине соглашение о предоставлении СССР краткосрочных кредитов. Затем начались переговоры о предоставлении гарантированных правительством кредитов. Однако от СССР требовали больших процентов. Советская сторона не пошла на это, проявила твердость и в дальнейшем добилась успеха. В апреле 1926 г. было подписано соглашение о гарантировании германским правительством долгосрочного кредита на сумму в 300 млн. марок. Это был самый большой кредит, когда-либо до этого предоставлявшийся Советскому Союзу иностранным государством. Он содействовал притоку советских заказов в германскую промышленность и тем самым уменьшению безработицы в Германии.

На базе экономического сотрудничества развивались и политические отношения между двумя государствами.

В эти годы советская дипломатия выдвинула позитивную программу заключения договоров о ненападении и нейтралитете со своими соседями, ближними и дальними. Договоры содержали статьи о нейтралитете, ненападении и неучастии договаривающихся сторон во враждебных коалициях. Это было новым явлением в практике внешней политики, и советские предложения имели особенно большое значение, поскольку они выдвигались в тот момент, когда Англия пыталась вовлечь соседние с СССР страны в антисоветский блок.

Еще в конце 1924 г. Советское правительство выдвинуло перед германским правительством идею заключения нового договора между двумя странами. Воспользовавшись поездкой Г. В. Чичерина на лечение в Германию, Советское правительство поручило ему в личных беседах с немецкими руководителями выяснить вопрос о возможности заключения двустороннего договора о нейтралитете в противовес Локарнским соглашениям. Первоначально советское предложение не предусматривало обязательства нейтралитета, ограничиваясь лишь обязательством ненападения и неучастия во враждебных друг другу коалициях. После подписания Германией Локарнских соглашений обязательство неучастия в блоках, направленных против СССР, было уже недостаточным и Советское правительство дополнило свой проект обязательством нейтралитета.

В беседе, состоявшейся между советским народным комиссаром иностранных дел и рейхсканцлером Германии Лютером в начале ноября 1925 г., последний возражал против пункта о нейтралитете, ссылаясь лишь на то, что этот пункт противоречит Уставу Лиги наций [1]. Советские дипломаты без большого труда парировали это утверждение, указывая, что еще в 1922 г. между Чехословакией и СССР был заключен договор о нейтралитете, причем Лига наций не заявляла по поводу этого никаких протестов, и что аналогичные договоры заключались и между другими государствами, участниками Лиги наций.

Переговоры о советско-германском договоре велись в течение нескольких месяцев. Представители Германии пытались вести двойную игру, затягивая переговоры и уклоняясь от принятия советских предложений, в частности, долго не соглашаясь гарантировать нейтралитет Германии.

Советское правительство, правильно оценив обстановку, проявило необходимую настойчивость. Германия была заинтересована в сближении с СССР. Штреземан при всей своей ненави-

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 658.

сти к советскому строю понимал, что участие Германии в антисоветских комбинациях может привести ее к катастрофе. Он видел, что сближение с Советским Союзом укрепляет внешнеполитические позиции Германии. Поэтому Штреземан, лавируя и заигрывая с западными державами, в то же время не отказывался от улучшения отношений с СССР. Многие другие политические деятели и промышленники страны понимали, что в их интересах иметь нормальные отношения с СССР. Дирксен, занявший после смерти Брокдорфа-Ранцау пост германского посла в СССР, писал о «внутренней необходимости вести со стороны Германии политику, дружественную России» [1]. Все это побудило немецкое правительство снять часть своих возражений.

Тем не менее трудностей было немало. Германская сторона предлагала подписать соглашение не в виде договора, а в виде протокола, проект которого был к тому же очень расплывчатым и ни к чему не обязывающим документом. Эта форма была мало приемлемой для советской стороны, ибо декларативных положений, да еще не в виде договора, а в виде лишь протокола, в той международной обстановке было явно недостаточно. Кроме того, германская сторона стремилась ограничить статью о нейтралитете оговоркой, предусматривавшей нейтралитет лишь в случае, если другая договаривающаяся сторона будет вовлечена в конфликт, «без провокации с ее стороны», такая оговорка ослабляла силу договора и в известной степени ставила под сомнение миролюбивый характер советской внешней политики.

Советским дипломатическим представителям пришлось вести упорную борьбу, чтобы обеспечить подписание приемлемого для СССР договора.

24 апреля 1926 г. договор между СССР и Германией был подписан. Ст. 1 установила, что основой взаимоотношений между двумя странами остается Рапалльский договор 1922 г. Ст. 2 обязывала каждую сторону соблюдать нейтралитет, если другая договаривающаяся сторона, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав. Оговорка «несмотря на миролюбивый образ действий» была лучше той, которую первоначально предлагала Германия, но, конечно, она несколько ослабляла обязательства сторон, так как давала Германии определенную возможность отказа от своих обязательств; эта формулировка явилась компромиссом между советской и немецкой точками зрения. Ст. 3 договора обязывала обе стороны не примыкать к коалиции третьих держав, имеющей целью подвергнуть эко-

[1] «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 24.

номическому и финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон [1]. Очень важным был также обмен нотами между Советским и германским правительствами, произведенный при подписании договора. Германское правительство зафиксировало в своей ноте обязательство после вступления в Лигу наций со всей энергией противодействовать каким-либо стремлениям в Лиге наций, которые, в противоречии с идеей Лиги наций о мирном урегулировании международных разногласий, были бы односторонне направлены против СССР. Германское правительство констатировало, что «принадлежность Германии к Лиге наций не может быть препятствием к дружественному развитию отношений» между Германией и СССР [2]. Далее в ноте заявлялось, что в случае вступления Германии в Лигу наций она не будет считать для себя обязательным участие в санкциях Лиги, предпринятых на основе ст. 16 Устава Лиги наций. Это создавало известные гарантии, что Германия не будет осуществлять в Лиге наций политики, направленной против СССР. Констатация в договоре указанных условий явилась следствием активной и твердой позиции советской дипломатии. В ответной ноте Советское правительство приняло к сведению германское заявление и со своей стороны высказало уверенность, что «оба Правительства будут в своих переговорах руководствоваться точкой зрения необходимости сохранения всеобщего мира» [3].

Заключение советско-германского договора имело немалое значение для сохранения мира в Европе и на многие последующие годы. Нашей дипломатии удалось в значительной мере притупить антисоветское жало Локарно, сорвав попытки англо-американских империалистов превратить Германию в послушное орудие своих антисоветских планов. Именно поэтому западные политики были крайне недовольны заключенным договором, рассматривая его как поражение своей политики натравливания Германии на СССР.

Советско-германский договор 1926 г. укрепил внешнеполитическое положение как Советского Союза, так и Германии. Характерно, что этот документ приветствовали представители всех основных партий и группировок страны, и в отличие от большинства других внешнеполитических актов германского правительства договор с СССР, почти не встретив оппозиции в рейхстаге, был необычайно быстро ратифицирован.

Заключение договора с Германией, разумеется, ни в коей мере не означало, что Советское правительство разделяло или

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. IX, М., Политиздат, 1964, стр. 251.
[2] См. там же, стр. 252.
[3] См. там же, стр. 254.

одобряло курс германских правящих кругов в европейских делах. Народный комиссар иностранных дел СССР в письме полпреду СССР в Германии предписывал сообщить французским представителям, что советско-германский договор никоим образом не направлен против Франции. Указывая, что германский народ в настоящее время является жертвой угнетения и что поэтому наша идеология поддержки угнетенных народов толкает нас к тому, чтобы быть на стороне Германии, он писал, что, «если когда-нибудь наступит совсем другое положение и возрожденный германский милитаризм захочет раздавить, смести с лица земли более слабую Францию, мы точно так же будем на стороне Франции, которая тогда будет народом обижаемым, подвергающимся угрозе». Как известно, Советский Союз выполнил это обещание, и впоследствии, когда к власти в Германии пришли гитлеровцы, был по инициативе Советского правительства заключен советско-французский договор о взаимопомощи, направленный против фашистской агрессии.

Улучшение отношений между СССР и прибалтийскими государствами

После подписания Локарнских соглашений партия и Советское правительство считали необходимым заключить договоры о ненападении и нейтралитете и с другими западными странами, в первую очередь со своими соседями.

В начале 1926 г. Советское правительство предложило Польше подписать соглашение с обоюдным обязательством не вступать ни в какие комбинации, враждебные другой стороне. Однако польское правительство уклонилось от подписания соглашения. СССР обратился также к Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии с предложением каждой из них заключить договор о ненападении. Тогда польская дипломатия выдвинула контрпредложение подписать один общий гарантийный договор: между СССР, с одной стороны, и всеми упомянутыми странами — с другой, что означало бы противопоставление Советскому Союзу прибалтийских государств под эгидой Польши. Под нажимом со стороны Польши правительства Латвии, Эстонии, Финляндии дали неопределенный ответ на советское предложение, однако они не приняли и польскую идею общего гарантийного договора. Помешали серьезные противоречия между Польшей и прибалтийскими государствами, в первую очередь спор Литвы и Польши из-за Вильно, а также боязнь гегемонии Польши в этом районе Европы.

Советская политика мира приносила свои плоды. 28 сентября 1926 г. в Москве был подписан договор о взаимном ненападении и нейтралитете между СССР и Литвой[1]. Отношения

[1] «Документы внешней политики СССР», т. IX, стр. 446—448.

этих стран стали успешно развиваться. Когда в 1927 г. между Польшей и Литвой обострился конфликт из-за Вильно, Советское правительство выступило за сохранение мира в Восточной Европе, сделав предостережение Пилсудскому и одновременно рекомендовав Литве избегать всяких шагов, которые могли бы повести к обострению конфликта. В результате такой политики Советского Союза мир в этой части Европы был сохранен.

В июне 1927 г. Советский Союз заключил торговый договор с Латвией, предоставивший обеим странам особые льготы и создавший прочную базу для расширения торговли и улучшения политических взаимоотношений. Английская дипломатия, ранее предпринимавшая упорные попытки помешать советско-литовскому сближению, приняла срочные меры к тому, чтобы не допустить ратификации договора между Латвией и СССР. Близкая к министерству иностранных дел Англии газета «Дейли телеграф» писала, что если Латвия ратифицирует договор, то может возникнуть серьезный кризис. «Финансовые деловые круги западных держав рассматривали бы Латвию, имевшую тесные связи с Москвой, как сомнительное поле для помещения своих капиталов», — угрожала газета. Несмотря на эти угрозы, латвийское правительство, заинтересованное в развитии экономических связей с СССР, в ноябре 1927 г. ратифицировало договор.

В Прибалтике сталкивались тогда две внешнеполитические линии — Советского Союза, стремившегося к обеспечению мирных отношений со своими соседями, уважавшего их суверенитет, и англо-американского империализма, рассматривавшего прибалтийские страны как орудие своей антисоветской интервенционистской политики.

Советская дипломатия, отстаивавшая мирные отношения со своими соседями и учитывавшая национальные интересы прибалтийских государств, одержала верх над экспансионистскими устремлениями английской и американской реакции. Мир в Прибалтике был сохранен, и отношения между Советским Союзом и большинством прибалтийских государств продолжали успешно развиваться на взаимовыгодной основе.

Договоры СССР о дружбе и нейтралитете со странами Среднего Востока

Англия и другие империалистические государства усиливали антисоветские происки среди восточных соседей СССР, в первую очередь в Турции, Афганистане и Иране. Английские империалисты стремились ликвидировать тесные политические и экономические связи этих стран с Советским Союзом, превратить их территории в плацдарм для антисоветской интервенции. Англия стремилась использовать затруднения восточных государств, в том

числе финансовые трудности Турции, угрожая ей бойкотом в случае отказа принять участие в антисоветском фронте. Но коренные интересы Турции, боровшейся за свою самостоятельность и независимость, толкали ее в сторону укрепления отношений с СССР. К тому же локарнские переговоры совпали с обострением англо-турецких отношений из-за Мосула.

Советское государство в своих отношениях с восточными странами исходило из того, что они страдают от гнета империализма и что вследствие этого коренные интересы Турции, Афганистана, Ирана и СССР, против которого империалистические государства стремились сколотить единый блок, совпадают, и это создает возможности для развития дружественных отношений между Советским Союзом и его восточными соседями. Советское государство не искало в этих, как и в других странах, каких-либо преимуществ, оно не выдвигало по отношению к ним никаких территориальных или других притязаний.

Г. В. Чичерин в одном из своих писем так характеризовал советскую политику на Востоке в то время: «На всем Востоке, вплоть до Дальнего Востока, наша политика одна — национальное освобождение азиатских народов, без вмешательства в их дела... Наша политика на Востоке... есть исключительно политика национального освобождения всех народностей».

СССР предпринял многочисленные шаги для сохранения и развития дружественных отношений с Турцией. Советское правительство оказывало ей большую поддержку в борьбе за независимость и прогресс. Г. В. Чичерин отмечал в то время: «Только дружественные отношения с Россией создали для Турции то крепкое дипломатическое положение, которое позволило ей столько отвоевать в Лозанне... и сейчас позволяет дальше держаться твердой линии. Если бы Турция лишилась дружественных отношений с Россией, она оказалась бы целиком в руках Антанты» [1].

Это понимали тогда и турецкие политические деятели. В беседе с полпредом СССР в Турции председатель совета министров Турции Фетхи-бей 6 января 1925 г. заявил: «Дружба с Советским Союзом была и остается основой нашей политики. Другая политика была бы безумием».

В январе 1925 г. начались переговоры между Турцией и СССР о заключении договора о дружбе и нейтралитете [2]. После Локарно обе стороны форсировали переговоры, понимая, что Локарнские соглашения направлены против них. Заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов в беседе с турецким

---

[1] АВП СССР, ф. 0131, оп. 8, п. 149, д. 393, л. 3.

[2] «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 766,

послом в Москве 21 ноября 1925 г. говорил: «Локарно диктует сближение между теми странами, против которых оно направлено, и общую политику в отношении Лиги наций. Попытки Франции и Англии столковаться по вопросам о Сирии, Палестине и Ираке также являются, очевидно, плодом Локарно. Мы хотели бы еще больше усилить нашу дружбу со странами Востока и в первую очередь с Турцией. Мы рады отметить такое же стремление со стороны турецкого правительства» [1].

Советская дипломатия пошла навстречу отдельным пожеланиям турецкого правительства, и 17 декабря 1925 г. в Париже был подписан договор о ненападении и нейтралитете. Ст. I договора предусматривала, что в случае военного выступления со стороны одной или нескольких третьих держав против одной из договаривающихся сторон другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет по отношению к первой. Ст. II договора обязывала обе стороны воздерживаться от всякого нападения на другую и не принимать участия ни в каком союзе или соглашении политического характера с одной или несколькими третьими державами, направленном против другой договаривающейся стороны. Договор еще более укрепил дружественные отношения, существовавшие тогда между СССР и Турцией.

Советский Союз придавал серьезное значение турецко-иранскому сближению. Советское правительство внимательно рассмотрело просьбу Турции содействовать заключению гарантийного пакта между нею и Ираном. Г. В. Чичерин так характеризовал в письме членам коллегии НКИД позицию СССР в этом вопросе: «Из этих предложений турецкого правительства для нас вытекает роль примирителя между Турцией и Персией. Эта роль... вполне соответствующая принципам нашей политики. В противоположность Англии, подзадоривающей каждое восточное государство против другого восточного государства, мы будем выступать как сила, примиряющая их между собой» [2].

Стремясь сплотить народы угнетенных стран в их борьбе за независимость против империализма, Советская страна содействовала заключению договора между Турцией и Ираном в апреле 1926 г., который устранял различные спорные вопросы между двумя странами и усиливал фронт борьбы против империализма.

Советское правительство приняло меры к дальнейшему улучшению отношений с Афганистаном. С этой страной нас связывает многолетняя дружба, у колыбели которой стоял

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. VIII, стр. 676.
[2] АВП СССР, ф. 0132, оп. 8, п. 152, д. 422, л. 44.

великий Ленин. Правящие круги империалистических государств использовали любые поводы, чтобы вбить клин между этими двумя соседними государствами. В конце 1925 г. возник вопрос об определении государственной принадлежности острова Урта-Тургай на Аму-Дарье. Этот остров принадлежал раньше России; во время гражданской войны его заняли афганские войска. В 1925 г. группа таджиков, эмигрировавших ранее в Афганистан и возвращавшихся на родину, прибыла на остров и, встретив сопротивление афганских солдат, обезоружила их и вынудила уйти с острова. Инцидент усиленно раздувался английской дипломатией.

Советское правительство приняло меры для самого благожелательного урегулирования отношений с дружественным СССР государством. Исходя из дружественных отношений между народами двух соседних стран, СССР согласился на передачу острова Урта-Тургай в полное владение Афганистана. Действия советской дипломатии показали, что даже острые спорные вопросы можно успешно решить, когда государства руководствуются чувствами уважения интересов друг друга и стремятся к взаимопониманию.

Заключенный 31 августа 1926 г. в Пагмане советско-афганский договор о нейтралитете и взаимном ненападении [1] открыл новую страницу в истории добрососедских отношений между двумя странами. Договор обязывал Советский Союз и Афганистан соблюдать нейтралитет в случае войны или военных действий между одной из договаривающихся сторон и одной или несколькими третьими державами, не нападать друг на друга и не принимать участия во враждебных друг другу военных или политических коалициях, финансовом или экономическом бойкоте, направленном против другой договаривающейся стороны. Советско-афганский договор шел дальше аналогичных договоров, заключенных Советским Союзом в те годы с другими странами, так как предусматривал не только неприсоединение к войне друг против друга, неучастие в коалициях и т. д., но и некоторые позитивные акции дружественного порядка. Так, ст. II договора, вошедшая впоследствии в советско-афганский договор 1931 г., предусматривала: «...В случае, если линия поведения третьей державы или третьих держав по отношению к одной из договаривающихся сторон будет носить враждебный характер, другая договаривающаяся сторона обязуется не только не поддерживать такую линию поведения, но обязана на своей территории противодействовать ей и вытекающим из нее враждебным действиям».

---

[1] См. «Документы внешней политики СССР», т. IX, стр. 406—408.

Газета «Известия» писала 2 сентября 1926 г.: «Только что подписанный договор о ненападении и нейтралитете является *новым доказательством* необоснованности надежды, возлагаемой английской дипломатией на возможность ссоры между СССР и государствами Востока. Этот же договор является ответом на ряд интриг, направленных на то, чтобы вбить клин между СССР и Афганистаном».

Значительно окрепли экономические связи между двумя странами, расширился круг афганского купечества, связанного с советскими внешнеторговыми организациями, советские специалисты руководили строительством в Афганистане телеграфных линий. Была установлена воздушная пассажирская связь между Ташкентом и Кабулом [1].

Благоприятно развивались и отношения СССР с Ираном. Империалистические государства, в особенности Англия, отводили Ирану в своих планах окружения СССР большую роль. Английские правящие круги стремились превратить Иран в одно из звеньев цепи английских владений и протекторатов — Египет — Палестина — Трансиордания — Ирак — Индия и использовать Иран в борьбе против СССР. Через шахиншахский банк и другие каналы англичане оказывали всяческое давление на иранские коммерческие круги, запугивая их и заставляя отказываться от экономических отношений с Советским Союзом. Усиливали происки в Иране и США.

Тесно связанный с американскими нефтяными компаниями финансовый советник иранского правительства Мильспо, пользовавшийся весьма широкими полномочиями, вел враждебную СССР деятельность. Мильспо стремился воспрепятствовать развитию советско-иранских отношений, и в частности торговли между двумя странами. Происки американских и английских империалистов находили отклик в реакционных кругах Ирана, враждебно относившихся к СССР.

Советское правительство предприняло ряд важных шагов для развития дружественных отношений с Ираном. Они встретили поддержку среди значительной части помещиков и купцов Ирана, недовольных английским хозяйничаньем, вмешательством США в дела страны и разрывом торговых связей с Советской Россией. Реза-шах вынужден был пойти на расширение советско-иранской торговли.

В середине 1925 г. СССР предложил Ирану заключить договор о гарантии и нейтралитете.

В беседе с советским послом 14 января 1926 г. Реза-шах отметил, что «у советско-персидской дружбы много врагов, кото-

[1] См. «СССР. Год работы правительства» (Материалы к отчету за 1927/28 г.), стр. 6.

рые пытаются сорвать ее путем создания бесчисленных препятствий во всех делах и вопросах, которые разрешаются между обоими дружественными государствами... Можно сказать, что почти все европейские державы пытаются сорвать советско-персидскую дружбу... Интересы же Персии, — отмечал он, — лежат как раз в том, чтобы эту дружбу укреплять» [1]. Справедливые слова!

Нет сомнения, что подобные устремления целиком и полностью соответствовали национальным интересам Ирана.

Переговоры продолжались в течение двух лет и привели к успеху. 1 октября 1927 г. был подписан советско-иранский договор, в котором указывалось, что советско-иранский договор от 26 февраля 1921 г. остается основой взаимоотношений между Ираном и СССР. Помимо обязательства ненападения и нейтралитета новый договор содержал также статью, в силу которой каждая из договаривающихся сторон обязывалась «не участвовать ни фактически ни формально в политических союзах или соглашениях, направленных против безопасности на суше или на море другой договаривающейся стороны, равно как и против ее целостности, ее независимости или ее нейтралитета». Стороны отказывались от участия в экономическом бойкоте и блокаде, организуемых третьими державами против одного из договаривающихся государств. Заключенный договор укреплял дружественные отношения между двумя соседними народами и вместе с тем не представлял угрозы для каких-либо других государств. В беседе с министром иностранных дел Ирана, состоявшейся после заключения договора, советский полпред в Иране подчеркивал, что советская дипломатия отнюдь не против того, чтобы Иран находился в хороших отношениях с другими странами, и в частности с Англией. «Мы хотим лишь одного, — говорил он, — чтобы эти отношения не были направлены против нас» [2].

Одновременно с заключением этого пакта был урегулирован ряд важных хозяйственных вопросов между СССР и Ираном, в том числе об эксплуатации рыбных промыслов, о порте Пехлеви, а также было заключено торговое соглашение, предоставлявшее Ирану ряд льгот и способствовавшее быстрому развитию экономических связей между СССР и Ираном.

Отношения СССР с Японией в это время также развивались благоприятно и привели позднее, в 1928 г., к заключению первой советско-японской рыболовной конвенции и договоров о рыболовных концессиях.

Советский Союз неизменно руководствовался в отношении стран Востока принципами равноправия, уважения их суверен-

[1] АВП СССР, ф. 094, оп. 10, п. 190, д. 13, л. 161.
[2] АВП СССР, ф. 094, оп. 11, п. 193, д. 705, л. 60.

нитета и независимости, принципами мира, дружбы и бескорыстной помощи народам, боровшимся за самостоятельное развитие. У советской дипломатии не было и нет в отношении стран Азии или любых других стран никаких эгоистических намерений и агрессивных вожделений. Восточные государства понимали, что в то время как Англия и США стремятся поработить их, Советский Союз является их опорой в борьбе за полное освобождение. Эти страны правильно оценивали проводимую Коммунистической партией и Советским государством политику дружбы и поддержки угнетенных народов.

Происки английских и американских империалистов в пограничных с СССР восточных странах не принесли результатов. Иран, Афганистан и Турция, понимая свои коренные национальные интересы, не дали вовлечь себя в орбиту политики США и Англии и продолжали улучшать отношения со своим северным соседом. Они вели тогда курс на сотрудничество с СССР, который давал им возможность добиваться успехов в деле укрепления своей независимости вопреки противодействию империалистических держав. 1925—1927 годы были годами дальнейшего расширения дружественных связей между СССР и восточными странами.

Обострение англо-советских отношений

Улучшение отношений СССР со странами Востока и рост национально-освободительного движения серьезно тревожили правящие круги колониальных держав, и в первую очередь Великобритании. Английские империалисты боялись революционизирующего влияния СССР на колониальные и зависимые страны, главным образом на Китай и Индию.

В стране росла безработица, внешняя торговля страны переживала серьезный кризис. Экономическое положение Англии было тогда более тяжелым по сравнению с другими капиталистическими державами. «Поставленный в необходимость конкуренции с континентом Европы, а равно и с САСШ, угрожаемый со стороны колониальных движений Востока, английский империализм, естественно, становится лидером реакционных империалистических сил» [1], — отмечалось в решении объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле — августе 1927 г.

Внутри правящих кругов Англии не было единства по вопросу о политике в отношении СССР. Некоторые слои английской буржуазии сознавали, что вражда с Советским государством никогда не приносила пользы Англии. К их числу принадлежали круги торговой и промышленной буржуазии, связанной с экспортом товаров в СССР, владельцы машиностроительных заводов, в особенности предприятий текстильного

[1] «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, стр. 360.

машиностроения и электротехнической промышленности, а также судовладельцы, заинтересованные в расширении связи с советскими внешнеторговыми организациями. Не было единства в вопросе об отношении к СССР даже среди английской финансовой буржуазии; некоторая часть финансистов лондонского Сити выступала за продолжение торговых операций с СССР.

Выражая позицию этих кругов, газета «Дейли экспресс» писала 6 апреля 1927 г.: «Какая польза от разрыва? Что мы от этого выиграем?.. Это подлило бы масла в пламя враждебных чувств между нациями, а ведь история неоднократно нам доказывала, что народы, находящиеся во вражде сегодня, превращаются в союзников завтра».

Однако сторонники ухудшения отношений с СССР приобретали все больший вес как в парламенте, так и в правительстве. К ним принадлежали монополисты, не связанные с англо-советской торговлей, колониальные круги, прежде всего владельцы капиталов, инвестированных в Китае, Индии и других странах Востока, бывшие заимодатели царской России и владельцы предприятий, национализированных декретами Советской власти, объединенные в «Ассоциацию британских кредиторов». К Ассоциации примкнул и Генри Детердинг, глава «Ройял-датч шелл», владевший значительным числом нефтяных предприятий в царской России и скупивший акции бежавших за границу русских промышленников. Группа кредиторов царской России была немногочисленной, но располагала большими денежными ресурсами и значительным влиянием на правительство. Ее поддерживали крупные землевладельцы, заинтересованные в вытеснении недорогих высококачественных советских сельскохозяйственных продуктов с английского рынка, а также представители военной и химической промышленности. Английский трудовой народ всегда решительно протестовал против антисоветского агрессивного курса, который навязывала стране реакция. Однако, нанеся во время общей стачки и забастовки углекопов 1926 г. поражение рабочему классу, английские империалисты решили, что им удалось ослабить сопротивление трудящихся страны антисоветской внешней политике.

В октябре 1926 г. конгресс консервативной партии в Скарборо принял резолюцию, призывавшую к разрыву торговых и дипломатических отношений с СССР. Особенно бурную деятельность в деле обострения отношений с СССР развили министр финансов Уинстон Черчилль, министр иностранных дел О. Чемберлен и министр по делам колоний Бпркенхед. Черчилль, выступая с речью на митинге в Александр-паласе, заявил: «Я лично надеюсь, что доживу до того дня, когда мы покончим с дружескими отношениями с Советской Россией».

В кулуарах парламента велась подготовка к разрыву англо-советских отношений и аннулированию торгового соглашения 1921 г.

Советская дипломатия последовательно выступала за сохранение нормальных отношений с Великобританией и их расширение. В заявлении представителям прессы в Берлине 6 декабря 1926 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин говорил: «Мы протягиваем Англии руку миролюбия, но эта рука повисает в воздухе» [1]. Советским представителям за границей была дана инструкция принять все необходимые меры к улучшению отношений с Англией. В январе 1927 г. Наркоминдел дал указание поверенному в делах СССР в Англии о том, что «дипломатического разрыва необходимо избегать во что бы то ни стало» [2]. В письме подчеркивалась необходимость расширения экономических связей с Англией и размещения в ней ряда заказов. В условиях развертывавшейся в Англии шумной антисоветской кампании Советское правительство проявило хладнокровие и выдержку. «Несмотря на все тревожные известия из Англии, — сообщал в Лондон заместитель наркома иностранных дел, — мы здесь за время кризиса сохраняли полное спокойствие» [3]. Советская дипломатия вместе с тем приняла меры, имевшие целью разъяснить общественному мнению Англии и других стран, кто является действительным виновником ухудшения отношений между двумя государствами. 4 февраля 1927 г. Наркоминдел сделал заявление об англо-советских отношениях, в котором подчеркивал, что их обострение не принесет пользы ни одной стороне и ударит по интересам не только Великобритании в целом, но и тех финансово-промышленных групп, которые требуют разрыва отношений с СССР.

19 февраля 1927 г. группа членов ЦИК обратилась к Президиуму ЦИК СССР с запросом об отношениях с Англией. Члены ЦИК предлагали Народному комиссариату по иностранным делам доложить на сессии ЦИК о состоянии отношений между двумя странами. Такое сообщение было сделано два дня спустя, 21 февраля. В нем подчеркивалось, что заявления английского правительства о нарушении Советским Союзом договора 1921 г. не имеют под собой никаких оснований. НКИД подчеркнул, что английское министерство иностранных дел не сообщило ни одного конкретного случая нарушения Советским государством договора 1921 г., сводя все дело к голословным нападкам. Касаясь революционных событий в Китае,

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. IX, стр. 565.
[2] АВП СССР, ф. 069, оп. 11, п. 30, д. 1, л. 3.
[3] Там же.

заявление указывало, что «национально-революционное движение в Китае является законным выражением неизбежного и мощного исторического процесса создания национального китайского государства».

Советское правительство предложило Великобритании возобновить переговоры, прерванные с приходом консерваторов к власти, и выдвинуло программу урегулирования взаимных претензий. Однако правящие круги Англии отказались пойти по этому пути. 18 февраля 1927 г. Чемберлен заявил послу СССР в Англии, что «он считает нежелательным начинать переговоры при отсутствии уверенности в положительном их исходе» [1]. В качестве предварительного условия Чемберлен выдвинул ряд неприемлемых требований, в том числе признание Советским Союзом долгов.

23 февраля английское правительство вновь заявило о якобы имеющем место нарушении советской стороной соглашения 1921 г. В ноте не приводилось ни одного факта в подтверждение этого. Тем не менее в заключении ноты говорилось о возможном разрыве англо-советского торгового соглашения и дипломатических отношений. Это было, по выражению газеты «Таймс», «объявление дипломатической войны» СССР. Значительная часть английской буржуазной прессы квалифицировала ноту как «бесполезный шаг», «холостой выстрел», ибо советская дипломатия в опубликованных еще до вручения ноты заявлениях дала исчерпывающий ответ на голословные обвинения, выдвинутые впоследствии британской нотой.

Содержавшиеся в ноте утверждения были, таким образом, опровергнуты еще до того, как она увидела свет. Это было успехом советской дипломатии. Ответная советская нота, врученная 26 февраля 1927 г., проникнутая спокойствием, выдержкой и чувством достоинства, еще раз вскрыла несостоятельность английских обвинений. В ней указывалось, что угрозы не запугают СССР. Такой твердый ответ вызвал растерянность в Лондоне.

Однако английские правящие круги не отказались от своих планов. Они с еще большей энергией повели дело к разрыву отношений с СССР. На сессии Совета Лиги наций в марте 1927 г. они попытались сколотить антисоветский блок буржуазных государств. Английские дипломаты стремились заручиться в своих антисоветских действиях поддержкой Германии и Франции. Чемберлен пытался склонить Германию к экономическому и финансовому бойкоту СССР, рекомендуя ей отказать Советскому Союзу в кредитах [2].

---

[1] АВП СССР, ф. 069, оп. 11, п. 30, д. 3, л. 96.

[2] *Gustav Stresemann.* Vermächtnis, Bd III, Berlin, 1937, S. 148—153.

Однако Штреземан дал понять, что Германия не считает возможным отказаться от своей прежней линии в отношении СССР.

Еще менее успешной была попытка склонить на свою сторону Францию. Как раз в это время наметилось оживление в советско-французских отношениях. Точки зрения СССР и Франции по вопросу о долгах на проходившей в то время двусторонней конференции по рассмотрению спорных вопросов значительно сблизились. В этих условиях Бриан уклонился от установления слишком тесных контактов с Чемберленом [1].

Весной 1927 г. английские правящие круги сделали еще одну попытку ускорить создание антисоветского блока.

Провоцирование военного конфликта Китая с СССР

6 апреля 1927 г. китайская полиция совершила налет на здание полномочного представительства СССР в Пекине. Было арестовано несколько сотрудников полпредства, помещения полпредства подверглись обыску и разгрому. Инициаторами и руководителями налета явились Англия и США. Дипломатический квартал в Пекине, в котором находилось и здание советского полпредства, пользовался дипломатической неприкосновенностью. Однако на его территории оказался вооруженный отряд китайской полиции. Как стало известно, дипломатический корпус, в котором наиболее влиятельную роль играли американские и английские представители, дал разрешение китайским полицейским вступить на территорию дипломатического квартала и произвести обыск в советском полпредстве. Дуайен дипкорпуса в Пекине голландский посланник выдал разрешение на налет, заручившись согласием английского и американского коллег [2].

Английский посланник в Китае подстрекал милитариста Чжан Цзо-лина, хозяйничавшего в Северном Китае, к открытым военным действиям против СССР. Он советовал Чжан Цзолину «решительно расправиться» с советскими гражданами, арестованными при налете на посольство, втайне надеясь, что такие действия еще больше обострят советско-китайские отношения. Английские дипломаты пытались также использовать предательство Чан Кай-ши, захватившего власть в результате реакционного переворота, для того чтобы сколотить союз между ним и Чжан Цзо-лином, направленный против революционных сил Китая и против СССР.

Цель налета на советское полпредство заключалась в том, чтобы втянуть Советский Союз в конфликт с Китаем, а также доказать путем фабрикации документов, якобы найденных при

---

[1] *Gustav Stresemann.* Vermächtnis, Bd. III, S. 148—153.

[2] АВП СССР, ф. 04, п. 90, д. 28, л. 28.

обыске, будто Советский Союз вмешивается в дела других стран, в том числе в дела Китая. Это, по мысли инициаторов налета, должно было вызвать ненависть к Советскому Союзу и тем самым облегчить создание антисоветского блока.

9 апреля 1927 г. Советское правительство заявило энергичный протест против налета и потребовало удаления полиции с территории советского полпредства, освобождения его сотрудников, возвращения похищенных бумаг, вещей и денег. В мае 1927 г. заместитель наркома иностранных дел СССР дал интервью, в котором было показано, что большинство «документов», будто бы найденных в полпредстве, были очевидными фальшивками.

Даже иностранные журналисты отмечали, что опубликованные материалы являлись фальшивыми. Так, корреспондент «Берлинер тагеблатт» писал: «Подлинность наиболее компрометирующих документов крайне сомнительна... Опубликованные... документы вызывали просто смех и не имеют никакого значения».

Еще менее выполнимой оказалась другая задача налета, заключавшаяся в том, чтобы втянуть Советский Союз и Китай в войну друг с другом, заставить СССР в ответ на разграбление посольства и арест советских граждан бросить свои вооруженные силы против Чжан Цзо-лина.

Советское правительство не поддавалось на провокацию. Оно выставило требование лишь восстановления прежнего положения посольства и освобождения всех его служащих. В ноте от 9 апреля 1927 г. Советское правительство заявило, что оно «исходило, исходит и будет исходить в своей политике из интересов трудящихся масс всего мира, в том числе и из интересов масс китайского народа и рабочего класса всех стран».

Так сорвалась попытка английских и американских империалистов втянуть СССР в войну с Китаем.

Налет на АРКОС и советское торгпредство

Но английские империалисты не унимались. Они стали искать другого случая, для того чтобы обострить англо-советские отношения. Объективно для этого не было никаких причин. Наоборот, в апреле — мае 1927 г. были достигнуты определенные успехи в укреплении деловых связей между обеими странами. 11 мая 1927 г. было подписано соглашение о предоставлении одним из крупнейших лондонских банков — «Мидленд бэнк» кредита советским внешнеторговым организациям в размере 10 млн. ф. ст. Наметились сдвиги в расширении контактов между английскими и советскими политическими деятелями. Ряд видных английских политических деятелей — лидер либералов Ллойд Джордж, видный лейбористский лидер Гендерсон и др. высказали желание посетить

Советскую страну. Реакционные круги Англии решили оказать противодействие этой тенденции. Ллойд Джордж в начале мая 1927 г. говорил советскому послу, что, по его мнению, в ближайшее время вероятен новый нажим со стороны крайне правого крыла консервативной партии на Чемберлена и Болдуина в русском вопросе [1]. В эти дни уже полным ходом шла подготовка налета на АРКОС [2].

12 мая 1927 г. в половине пятого вечера в здание АРКОСа и торговой делегации Советского Союза в Англии ворвался отряд английской полиции. Полицейские прежде всего бросились в шифровальный отдел, взломали дверь и, силой проникнув в отдел, избили работавших там сотрудников. Затем агенты полиции взломали сейфы и захватили дипломатическую почту. Обыск проводился с нарушением элементарных правовых норм. Большинство сотрудников АРКОСа и торгпредства было удалено из помещения, и обыск производился в их отсутствие.

Английское правительство заявило, что обыск в торгпредстве был будто предпринят для того, чтобы обнаружить какой-то мифический документ, якобы пропавший из военного министерства несколькими месяцами ранее. Под этим предлогом во время обыска была вскрыта почта, которая в тот день была получена из Москвы. Разумеется, никаких компрометирующих материалов и тем более «пропавшего» документа обнаружено не было. Джойнсон Хикс, министр внутренних дел Англии, непосредственный организатор налета, заявил в палате общин, что «обыск не был достаточно успешным».

Английская общественность была возмущена наглой полицейской акцией консерваторов, нанесшей серьезный ущерб советско-английским отношениям. «Налет на АРКОС был возмутительным и бессмысленным актом, — писала 21 мая 1927 г. английская газета «Манчестер гардиан», — обыск в помещении русской торговой делегации был грубым нарушением условий англо-советского торгового соглашения 1921 г.»

Советское государство приняло немедленные меры по защите своих интересов. В день налета исполняющий обязанности поверенного в делах СССР в Англии вручил английскому министерству иностранных дел ноту, в которой протестовал против нарушения английским правительством обязательств, взятых на себя по торговому соглашению 1921 г.

17 мая НКИД направил на имя английского правительства ноту протеста. В ней указывалось, что английское правитель-

[1] АВП СССР, ф. 069, оп. 11, п. 30, д. 3, л. 182—183.

[2] АРКОС — сокращенное название акционерного англо-русского кооперативного общества, через которое осуществлялась большая часть торговли СССР с Англией. Акционерами АРКОСа были главным образом советские государственные организации.

ство стремится довести напряженность в советско-английских отношениях до крайнего предела. Продолжение торговых отношений, заявляло Советское правительство, возможно лишь при условии точного выполнения английским правительством торгового соглашения и при гарантировании советским хозяйственным органам возможности спокойной и нормальной работы. Предупреждения советской стороны не были приняты во внимание английским правительством. Оно стремилось к разрыву отношений с СССР.

Разрыв Англией дипломатических отношений с СССР

Советская дипломатия сделала еще одну попытку предотвратить разрыв, обратив внимание английской стороны на его отрицательные последствия прежде всего для самой Великобритании. 17 мая Совнарком СССР принял постановление о внешней торговле, в котором предложил Народному комиссариату внешней и внутренней торговли проводить заграничные операции «по общему правилу лишь в тех странах, с которыми Союз ССР имеет нормальные дипломатические отношения». Это постановление было серьезным предупреждением тем кругам Англии, которые надеялись на продолжение англо-советской торговли при отсутствии дипломатических отношений между двумя странами. 25 мая 1927 г. народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микоян сделал заявление представителям печати, в котором подчеркнул, что надежды консервативных кругов Англии нанести своими враждебными действиями непоправимый ущерб экономике Советского Союза не оправдаются; СССР хорошо подготовился к разрыву отношений и перенесет его без больших затруднений.

Но «твердолобые» продолжали идти напролом. 23 мая состоялось заседание английского кабинета, на котором было окончательно одобрено решение разорвать дипломатические связи с СССР. Правые лейбористские лидеры в парламенте не только не оказали сопротивления опасной политике консерваторов, но и фактически содействовали ей, стараясь притупить бдительность английского рабочего класса, успокаивая и уверяя его, что разрыва не будет.

27 мая 1927 г. министр иностранных дел Великобритании Чемберлен вручил советскому поверенному в делах ноту о разрыве англо-советских дипломатических отношений. Нота содержала необоснованные обвинения СССР в антианглийской пропаганде и грязные инсинуации относительно шпионажа, будто бы проводившегося сотрудниками АРКОСа.

В своем ответе, врученном временному поверенному в делах Великобритании в СССР на следующий день, Советское правительство решительно отвергло все обвинения английской

стороны как бездоказательные и ни на чем не основанные. Оно вместе с тем указало в своей ноте на факты неоднократных нарушений английским правительством соглашения 1921 г. В ноте отмечалось, что основной причиной разрыва является поражение консервативного правительства в Китае и попытка прикрыть его антисоветской диверсией.

Советская нота отмечала, что правительство Англии пошло на разрыв, «жертвуя интересами широких масс Британской империи и даже английской промышленности».

Порывая отношения с СССР, английские правящие круги рассчитывали добиться политической и экономической изоляции Советской страны. Они полагали, что многие государства последуют английскому примеру и тем самым международное положение Советского Союза будет ослаблено, а его влияние на международной арене, в особенности на Востоке, уменьшится.

Многие английские политические деятели отдавали себе отчет в том, что в связи с разрывом отношений с СССР возрастает опасность войны. Ллойд Джордж в своем выступлении на следующий день после разрыва сказал: «Мы выпустили последнюю стрелу из колчана, в котором осталась лишь громовая стрела войны».

Английские империалисты готовили против Советского Союза войну, с помощью которой они хотели разрешить не только свои многочисленные трудности, но вместе с тем и великий исторический спор между капиталистической и социалистической системами в пользу капитализма. Как указывалось в резолюции IX съезда Компартии Великобритании, «действительная причина разрыва состояла в подготовке войны против Советского Союза».

XV съезд ВКП(б) в своей резолюции по отчетному докладу Центрального Комитета партии обратил особое внимание на роль английских правящих кругов в военных приготовлениях западных стран против СССР, подчеркнув, что «капиталистическое развитие в целом обнаружило тенденцию сократить исторические сроки мирной «передышки»...» [1].

Как отмечал съезд, обстановка осложнялась тем, что как раз в этот период активизировала свою деятельность троцкистская оппозиция, пытавшаяся навязать партии капитулянтский, антиленинский путь. Однако ЦК ВКП(б) и Советское правительство, давая решительный отпор троцкистам, продолжали вести твердую и осмотрительную политику, стойко защищая интересы Советского рабоче-крестьянского государства.

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, стр. 435.

Провокация в Польше 4 июня 1927 г., через несколько дней после разрыва Англией отношений с СССР, лондонский журнал «Экономист» писал: «Никто, конечно, не предполагает, что Великобритания сама нападет на Россию, но в Европе опасаются, что Великобритания будет подстрекать Польшу и других соседей России напасть на нее и поддержит их при нападении».

Английские империалисты использовали авантюристские тенденции кругов польской реакции, мечтавшей о захвате украинских и белорусских земель. Они установили тесное сотрудничество с Пилсудским по вопросам внешней политики, обещая ему поддержку в его антикоммунистическом курсе.

Английские правящие круги открыто подстрекали Польшу напасть на СССР. В целях вовлечения Польши в войну против СССР было организовано злодейское убийство советского полпреда в Польше П. Л. Войкова. 7 июня 1927 г. его смертельно ранил русский белогвардеец польский подданный Б. Коверда[1]. П. Л. Войкову не было оказано своевременной помощи. Он был доставлен в больницу спустя час после ранения и в тот же день скончался.

Убийство советского полпреда имело далеко идущие цели. Газета «Дейли геральд» справедливо называла убийство советского посла не только преступлением, но и провокацией: «Отношения между Варшавой и Москвой постепенно улучшались. Для тех, которые надеялись, что англо-русский разрыв поведет к объединенным действиям против СССР, крайне необходимо было уничтожить эти хорошие отношения и вновь зажечь войну между обеими странами».

После злодейского убийства П. Л. Войкова английские империалисты еще более усилили нажим на Польшу, призывая ее к выступлению против СССР. Их поддержали США, предоставившие Польше значительные займы. Были возобновлены переговоры ряда американских фирм с Польшей об отправке в страну большого количества станковых пулеметов.

Советская дипломатия приняла все меры к тому, чтобы не допустить дальнейшего ухудшения советско-польских отношений. В связи с убийством Войкова СССР заявил протест против действий польского правительства, не принявшего необходимых мер для борьбы с преступными террористическими организациями. В то же время Советское правительство проявило стремление мирным путем урегулировать конфликт. Польское правительство выразило сожаление по поводу убийства. Между правительствами обеих стран были возобновлены переговоры

---

[1] Впоследствии правительство США предоставило убийце П. Л. Войкова американское гражданство.

относительно договора о ненападении. Конфликт с Польшей был предотвращен в значительной степени благодаря продуманной политике мира, активности и гибкости советской дипломатии.

Большую роль в предотвращении антисоветского выступления Польши сыграло движение польских трудящихся, руководимых коммунистами, против войны, за развитие дружественных отношений с СССР. Более 50 тыс. трудящихся Варшавы участвовало в траурном шествии за гробом погибшего на посту советского дипломата. Десятки делегаций рабочих Варшавы посетили полпредство СССР и выразили сочувствие советскому народу. Против обострения отношений с СССР выступили многие политические деятели Польши, сознававшие большую политическую и экономическую заинтересованность своей страны в развитии связей с Советским государством.

Попытки Англии вовлечь Германию и Францию в антисоветский блок

Известный английский журналист, скрывавшийся под псевдонимом Авгур, так охарактеризовал планы Великобритании в отношении СССР: «Лучшей политикой против общего врага является политика единого фронта». Основной силой этого блока должна была стать Германия. Авгур уверял, что Англия, стремясь заинтересовать Германию в проведении антисоветского курса, пойдет на досрочную отмену ряда статей Версальского договора, ликвидацию ограничения в вооружениях, пересмотр «плана Дауэса». Отдельные группы немецкой буржуазии выступили за участие в антисоветском блоке. К их числу относился союз «Стальной шлем», находившийся в тесной связи с националистическими и военными кругами Германии, и правое крыло католического центра.

Но такие настроения разделялись лишь небольшой, наиболее реакционно настроенной частью буржуазии. Основная часть немецкой буржуазии высказалась за сохранение с Советским Союзом отношений, основанных на договоре 1926 г.

Немецкая буржуазная пресса подчеркивала важность для Германии экономических связей с Советским Союзом. Экспорт Германии в СССР рос из года в год, и в 1925—1926 гг. он возрос по сравнению с предыдущим годом на 300 млн. руб. с лишним. Немецкая буржуазия надеялась расширить экономические отношения с СССР за счет вытеснения английских фирм! Значительно увеличилось количество предложений со стороны немецких фирм о продаже товаров советским внешнеторговым организациям. Советская сторона, всегда выступавшая за расширение экономических связей с Германией, пошла навстречу немецким фирмам. Советская дипломатия приняла ряд мер для укрепления сотрудничества с Германией. Она исходила при этом из того, что Германия была «прямо заинте-

ресована в оттяжке событий, ибо динамика развития» вела «к несомненному абсолютному и относительному росту экономического и политического веса Германии» и что она была «больше других стран заинтересована в развитии экономических связей с СССР» [1].

В июне 1927 г. состоялась встреча Г. В. Чичерина со Штреземаном, во время которой обсуждался вопрос о расширении советско-германских отношений.

Советский посол сообщал в Наркоминдел 15 июня 1927 г.: «Настроение Германии в связи с разрывом Англии с нами определилось в общем в благоприятную для нас сторону, и правительство и все сколько-нибудь значащие слои населения за соблюдение строжайшего нейтралитета в споре между нами и Англией. Настроение изменилось еще более в нашу пользу после убийства Войкова. Общественное мнение Германии было целиком на нашей стороне» [2].

16 июня Г. В. Чичерин был с прощальным визитом у премьер-министра Германии Маркса. Немецкий премьер был подчеркнуто дружелюбен. Он подчеркивал единодушное желание правительства и всех слоев германского народа сохранить прежние отношения с Советским Союзом. Выразив надежду, что Германия не будет когда-либо поставлена перед необходимостью выбирать между коалицией западных держав и СССР, Маркс сказал Чичерину, что даже если такая необходимость настанет, то он думает, что Германия все-таки сумела бы сохранить нейтралитет.

23 июля 1927 г. Штреземан заявил на заседании рейхстага, что Германия не намерена участвовать в походе против СССР, что она будет по-прежнему сохранять нейтралитет. После убийства П. Л. Войкова английское МИД запросило Штреземана о том, разрешит ли Германия проход английских войск через свою территорию в Польшу. Германия затянула ответ, дождавшись урегулирования отношений между Польшей и СССР, когда надобность в ответе отпала сама собой [3].

Англия усиленно стремилась привлечь к активному участию в антисоветской политике Францию, располагавшую большой и первоклассной армией и имевшую значительное влияние на восточноевропейские страны. Военному сотрудничеству с Францией Англия в тех условиях придавала особое значение, поскольку в распоряжении антисоветского блока была бы мощная военная машина французского империализма. Английские дипломаты предприняли ряд шагов к сближению с Францией.

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, стр. 363.
[2] АВП СССР, ф. 082, оп. 10, п. 28, д. 5, л. 85.
[3] *R. L. Buell.* Europa, A History of Ten Jears, L. 1929, p. 289.

Их планам в известной степени способствовала международная обстановка. Революция в Китае усилила тревогу французских правящих кругов за Индокитай и другие французские колонии, внутри Франции реакционные силы начали поход против компартии.

Вместе с тем определенные круги французской буржуазии опасались, что создание антисоветского блока под руководством Англии приведет к усилению ее роли в европейских делах. Они опасались также, что вовлечение Германии в этот блок может произойти за счет пересмотра Версальского договора, в первую очередь в ущерб Франции и ее союзников. Англо-французские разногласия в политике по отношению к Германии и поражение французской дипломатии в Локарно усиливали напряжение в отношениях между обеими странами. Тем не менее английская дипломатия упорно пыталась обеспечить участие Франции в антисоветском блоке. Такие попытки делались в мае 1927 г., когда в Лондон были приглашены французский президент Думерг и министр иностранных дел Бриан.

Во время встречи Чемберлена с Брианом в Лондоне в мае 1927 г. английский министр иностранных дел пытался склонить Францию к участию в антисоветских акциях, взамен этого обещая Франции «свободные руки» по отношению к Германии (оккупация Рейна и т. д.) [1].

В Женеве переговоры были продолжены. Однако, как сообщил советскому полпреду Штреземан, беседовавший по этому поводу с Брианом, последний заявил Чемберлену, что «французское правительство ни в коем случае не собирается менять своей политики по отношению к СССР в результате разрыва между Англией и СССР» [2].

Советская дипломатия в свою очередь постаралась парализовать происки английской дипломатии, приняв действенные меры к улучшению отношений с Францией. На происходивших в то время советско-французских переговорах о долгах и кредитах советская делегация, желая достичь соглашения с Францией, заявила в мае 1927 г., что она принимает ряд французских предложений. В целях скорейшего достижения соглашения советская сторона внесла предложение по урегулированию вопроса о долгах и кредитах, пойдя на большие уступки Франции и взяв на себя обязательство уплатить в погашение долгов в течение ряда лет значительные суммы. Советские предложения были одобрительно встречены многочисленными кругами французских кредиторов и мелких держателей займов, к их принятию склонялось и большинство членов французской

[1] АВП СССР, ф. 165а, оп. 7, п. 139, д. 231, л. 53.
[2] Там же, оп. 7, п. 139, д. 225, л. 54.

делегации. Хотя переговоры о долгах и не дали результатов, но они сыграли положительную роль в развитии советско-французских отношений.

Французское правительство испытывало колебания в отношении СССР. С одной стороны, оно потребовало от СССР отозвать своего посла, якобы виновного во вмешательстве во внутренние дела Франции, предприняло бойкот советских внешнеторговых финансовых операций, а французский банк попытался захватить советское золото, вывезенное в США. С другой стороны, французское правительство заявило о том, что вопрос о разрыве отношений с СССР не ставился ни на один момент. В середине 1927 г. Советское правительство получило заверения от Бриана и Пуанкаре, что Англии не удастся увлечь Францию на путь авантюр и разрыва с СССР [1].

Сохранение советско-французских дипломатических отношений содействовало расширению экономических связей между странами. После разрыва Англией дипломатических отношений с СССР множество советских заказов было перемещено из Англии во Францию.

Антисоветская политика США

Принимая решение о разрыве дипломатических отношений с СССР, английские правящие круги имели перед собой пример США, проводивших антисоветскую политику и отказывавшихся признать Советское государство. Соединенные Штаты поддержали английские планы разрыва отношений с СССР. В начале 1927 г. государственный секретарь США Келлог, говоря в сенате о целях и политике Советского Союза в Мексике и Латинской Америке, заявлял, что этим странам грозит распространение «советского коммунизма». НКИД в специальном заявлении отметил полную несостоятельность и провокационный характер этих домыслов американского правительства.

30 мая 1927 г. в речи, произнесенной на парижском кладбище в честь американских солдат, погибших во время мировой войны, посол США во Франции Геррик призывал к крестовому походу против СССР. Многое указывало на то, что речь была произнесена послом с ведома и согласия американского правительства. Английские газеты справедливо указывали, что американский посол не сделал бы такого шага, не имеющего прецедента в летописи дипломатии, не обсудив его тщательно со своим правительством.

После разрыва отношений Соединенные Штаты по-прежнему поощряли Англию к проведению антисоветской политики и сами упорно продолжали не признавать Советское государство. В апреле 1928 г. государственный секретарь США Кел-

[1] АВП СССР, ф. 04, п. 90, д. 50270, 1927, л. 34.

лог вновь подтвердил, что американское правительство считает «невозможным установление нормальных отношений с Советским правительством» [1].

Небезынтересно вместе с тем отметить, что деловые круги Соединенных Штатов Америки использовали разрыв англо-советских отношений в своих целях. Некоторые американские фирмы постарались занять место Англии на рынках Советского Союза. Уже в мае 1927 г., через несколько дней после налета на АРКОС, американской компанией и советской организацией Металлоимпорт была заключена сделка на продажу СССР значительного количества цветных металлов, приобрести которые ранее намечалось в Англии. В конце мая американское правительство официально заявило о том, что оно не будет чинить препятствий торговле между СССР и США. В середине июля 1927 г. было сообщено о заключении четырех соглашений между советским Нефтесиндикатом, с одной стороны, и «Стандард ойл» и «Вакуум ойл» — с другой [2].

Американская печать недвусмысленно намекала, что американские фирмы сумеют извлечь большие выгоды из англо-русского разрыва. Газеты призывали американские монополии захватить советские заказы, предназначавшиеся Англии, придерживаясь формулы: «Сентименты неуместны в коммерческом мире... Бизнес есть бизнес». В 1928 г. Амторгом был заключен договор с «Дженерал электрик компани», согласно которому Советскому Союзу предоставлялся кредит на 5 лет для закупки американских товаров. В начале 1929 г. был заключен контракт с Фордом о техническом сотрудничестве американской компании с советскими организациями в строительстве автозавода в Горьком. Значительно возрос в те годы советско-американский экспорт и импорт. В 1929 г. в выполнении советских заказов участвовали сотни предприятий 36 штатов Америки. Советско-американские экономические связи были многообразны и не ограничивались лишь торговлей. В середине 1929 г. 25 американских фирм имели с советскими организациями контракты о технической помощи [3]. США, подстрекавшие Англию к разрыву отношений с СССР и сами продолжавшие следовать нелепой политике «непризнания» Советской страны, вместе с тем использовали напряженность в

---

[1] «Советско-американские отношения 1919—1933 гг. (Сборник документов по международной политике и международному праву № 9)». М., 1934, стр. 63.

[2] См. *В. Иванов, В. Леонян.* В интересах народов. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г. М., Госполитиздат, 1957, стр. 18—19.

[3] *Hans Heumann.* We can do business with Russia. Chicago — N. Y., 1945, p. 55—57.

англо-советских отношениях, чтобы занять место Англии на рынках Советского Союза.

Крах попыток создания антисоветского фронта

Попытки английских империалистов создать единый антисоветский фронт оказались безуспешными. Ни одно из государств, если не считать зависимой от Англии Канады, не разорвало отношений с Советским Союзом. По выражению английского журнала «Нью стейтсмен», политика интервенции и санитарного кордона «потерпела чудовищный провал».

Разрыв Англией дипломатических отношений с Советским государством показал, что английская дипломатия и те, кто направлял ее действия, в значительной степени потеряли чувство реального. Ее расчеты на то, что она не останется одинокой и что предпринятый ею шаг вызовет отголосок во всей Европе и приведет к созданию антисоветского блока государств, не оправдались.

Неудачей закончились также и попытки империалистов подорвать или затормозить социалистическую индустриализацию, на что они серьезно рассчитывали, идя на разрыв с СССР. Советский Союз успешно создавал свою промышленность. В 1928 г. советский народ под руководством партии приступил к осуществлению первого пятилетнего плана, в ходе которого были созданы первенцы социалистической индустрии — гиганты металлургии, химии, энергетики и машиностроения. В то же время Англия терпела большой экономический ущерб в результате разрыва отношений с СССР. Советские заказы в этой стране значительно снизились. В 1927—1928 гг. они сократились по сравнению с 1925—1926 гг. почти в 4 раза. Английская «Бритиш рашн газет» в статье «Цена англо-советского разрыва» писала, что только в первые месяцы после разрыва английская торговля потерпела ущерб в сумме 27 млн. ф. ст. «Мы лишились одного из самых крупных покупателей — СССР» [1], — с горечью отмечал известный английский экономист, директор Лондонского экономического института профессор Пейш.

Сокращение англо-советской торговли в результате недальновидной политики консервативного кабинета тяжело отразилось на положении английского пролетариата и вызвало его серьезное недовольство. Орган Независимой рабочей партии «Нью-лидер» писал в своей передовой: «В результате разрыва... Болдуин не столько нанес удар России, которая может торговать с Германией и Америкой, сколько английскому рабочему классу» [2]. Налицо был серьезный просчет английской

[1] См. «Правда», 5 октября 1927 г.
[2] «New Leader», 27. V. 1927.

дипломатии. Уже в конце 1927 г. консервативное правительство начало зондировать почву о возможности нормализации англо-советских отношений.

В декабре 1927 г. в Женеве состоялась встреча Чемберлена с М. М. Литвиновым. Во время свидания Чемберлен вновь поднял вопрос о мнимом вмешательстве во внутренние дела Англии, а также об «антианглийской пропаганде» на Востоке и о деятельности Коминтерна [1]. Советский представитель вынужден был разъяснить Чемберлену еще раз, что СССР не вмешивается во внутренние дела других государств, и отвергнуть нелепые утверждения английской стороны.

Хотя переговоры оказались безуспешными, но сам факт этой встречи свидетельствовал о провале английской политики изоляции СССР и о намечавшихся сдвигах в английской политике в отношении Советского Союза.

Противоречия между империалистическими государствами оказались настолько острыми, а заинтересованность капиталистических стран в экономических и политических связях с СССР настолько большой, что Англии, несмотря на поддержку со стороны США, не удалось образовать антисоветского фронта государств.

«...Правильная политика Центрального Комитета, — подчеркивалось в резолюции XV съезда ВКП(б), — обеспечила в труднейших условиях отчетного периода укрепление международной мощи СССР, повышение роли нашей страны как фактора международного мира, рост авторитета СССР как очага всемирного революционного движения» [2].

Руководимая и направляемая партией, советская дипломатия сумела использовать заинтересованность отдельных государств в развитии мирных отношений с нашей страной и расстроить интервенционистские замыслы англо-американских правящих кругов. Их планам организации антисоветского блока с Германией в качестве ударной силы советская дипломатия противопоставила концепцию договоров о ненападении, нейтралитете и неучастии в коалициях, враждебных договаривающимся странам. СССР удалось заключить договоры о ненападении с некоторыми западными соседями, а также с Турцией и пограничными с СССР государствами Востока. Тем самым были обеспечены благоприятные внешнеполитические условия для социалистического строительства в нашей стране.

---

[1] АВП СССР, ф. 04, п. 38, д. 538, л. 13.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, с. 433.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

РОСТ ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ И ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ (1927—1929 гг.)

1. Обострение борьбы за рынки сбыта и источники сырья

Наступившая в середине 20-х годов частичная стабилизация капитализма не только не устранила непримиримые противоречия между капиталистическими державами, но еще больше обострила их. Рост производства, которое к 1927 г. в некоторых странах превысило довоенный уровень, восстановление мирового товарооборота усилили борьбу ведущих капиталистических держав за рынки сбыта, источники сырья, сферы влияния и новый передел мира.

Соединенные Штаты в этот период все более открыто добиваются мирового господства. В поисках новых рынков и источников сырья они устремляются в страны Латинской Америки и Азии, Африки и Европы.

Экономическая экспансия США, как и в предыдущие годы, прежде всего угрожает владычеству Британской империи. США теснят Англию повсюду, даже на рынках ее собственных колоний. В то же время Великобритания всеми силами и средствами пытается не только уберечь свои позиции, но и расширить их. Противоречия и борьба между двумя великими державами принимали в конце 20-х годов настолько острый характер, что многие политические деятели и публицисты Запада не исключали возможность англо-американской войны. Известный американский публицист Людвелл Денни писал в 1929 г.: «В современном мире, который становится все более тесным, нет места для двух таких крупных, враждебных и грабительских империй, как Великобритания и Америка. Или Великобритания добровольно признает гегемонию Америки, или эта гегемония будет утверждена в кровавых боях».

Одновременно с американо-английским соперничеством растут противоречия между Англией и Францией, традиционная борьба которых за гегемонию в Европе разгорается с новой силой.

В борьбу за новый передел мира включаются империалисты Германии, Японии и Италии. Германия, восстановившая свое

хозяйство благодаря огромной поддержке иностранного, главным образом американского, капитала настойчиво требует ликвидации Версальского договора. Империалистическая Япония, также недовольная Версалем, готовится к осуществлению обширной агрессивной программы на Дальнем Востоке. Планы японских милитаристов установить свое господство в Азии приводят к обострению ее противоречий с США и Англией на Тихом океане. Фашистская Италия, не удовлетворенная результатами первой мировой войны, поскольку обещания союзников, данные Италии при вступлении ее в войну, не были выполнены, настаивает на перераспределении колоний и мандатных территорий, требует для себя рынков сбыта и источников сырья.

Борьба за преобладание в Средиземном море

В конце 20-х годов продолжается острая борьба между Англией, Францией и Италией за господство в Средиземном море. Особенно большую активность развивает здесь Италия, сделавшая колониальную экспансию главной целью своей дипломатии.

Экспансионистские устремления Италии в сторону Африки вызывают беспокойство Франции, которая не может не усмотреть в них прямую угрозу своим североафриканским владениям. Французы стремятся не допустить укрепления влияния Италии в этом районе. Английская дипломатия, опасавшаяся усиления Франции на морских путях из Европы в Азию и Африку, продолжает курс на сближение с Италией. Благодаря поддержке английской дипломатии Италия смогла завершить переговоры с Эфиопией выгодным для себя соглашением. 2 августа 1928 г. был подписан итало-эфиопский договор «о дружбе». Тем самым Италия рассчитывала успокоить тревогу, которую испытывали правительство и народ Эфиопии, а тем временем укрепить в этой стране свои экономические позиции и подготовиться к ее военному захвату.

Одержав эти дипломатические успехи, Италия стремится укрепить свое влияние в странах Арабского Востока. Она заключает 2 сентября 1926 г. договор «о дружбе и торговле» с Йеменом и признает «полную и абсолютную независимость Йемена». Кроме того, она делает попытки распространить свое влияние в Сирии, Палестине, Ираке и Египте. Это вызывает противодействие Англии. Британская дипломатия оказывала Италии помощь, когда речь шла об ослаблении позиций ее крупнейшего в Европе соперника — Франции, но всякий раз выступала против таких действий со стороны Италии, в которых она усматривала угрозу своим собственным интересам. В частности, она весьма ревниво относилась к любым попыткам соглашений арабских государств с Италией и особенно

к усилиям итальянцев внедриться в Сирию, Палестину и Египет.

В 1927 г. в Египте усилилось движение за национальное освобождение. Английская дипломатия стремилась путем незначительных уступок Египту закрепить договорным порядком зависимость этой страны от Англии. Весной 1927 г. по приглашению английского правительства в Лондон прибыли египетский король Фуад и премьер-министр Сарват-паша. Во время этого визита между Чемберленом и Сарват-пашой были начаты переговоры об англо-египетском договоре. Позднее переговоры были продолжены в Каире. В итоге был выработан текст договора, основные статьи которого закрепляли пребывание на территории Египта британских вооруженных сил, обязывали Египет не проводить неугодной Англии внешней политики и предоставляли Англии ряд других важных гарантий сохранения ее господства в Египте.

Когда проект «договора Сарвата» стал известен партии египетских националистов Вафд, она выступила против него, заявив, что это соглашение «несовместимо с независимостью и суверенитетом Египта и, больше того, узаконивает оккупацию страны британскими войсками». Из-за усилившегося в стране недовольства проектом англо-египетского договора Сарвату пришлось 4 марта 1928 г. уйти в отставку, а к власти пришло правительство, сформированное вафдистами, во главе с Нахас-пашой.

Отказ египтян подписать договор вызвал в Лондоне резкое недовольство. Британия решила показать Египту свою силу, использовав в качестве повода для этого начатое еще до отклонения Египтом «договора Сарвата» обсуждение в египетском парламенте так называемого «закона о собраниях». Англичане предъявили Египту ультиматум, требуя, чтобы этот закон не рассматривался в парламенте, так как его принятие якобы создало бы «угрозу жизни и имуществу иностранцев». В подкрепление ультиматума английское правительство направило к берегам Египта военно-морскую эскадру. Под давлением грубой силы и ничем не прикрытого вмешательства Англии во внутренние дела Египта правительство Нахас-паши капитулировало и «отложило» обсуждение «закона о собраниях» в парламенте. Вскоре после этого, в июне 1928 г., английские правящие круги добились отставки неугодного им правительства.

С приходом в Англии к власти лейбористского правительства были возобновлены англо-египетские переговоры о заключении договора (август 1929 г.). Новый проект договора отличался от текста, выработанного ранее Чемберленом и Сарват-пашой. Хотя оккупация Египта сохранялась, но английские войска должны были находиться теперь не в Каире и Алексан-

дрии, а в зоне Суэцкого канала. Египетское правительство соглашалось взамен удаления английских офицеров и командующего из египетской армии на посылку в Египет британской военной миссии, «советами которой оно должно было руководствоваться».

Окончательное подписание договора должно было состояться после утверждения его парламентами. Созванный специально для этой цели египетский парламент, где по-прежнему были сильны вафдисты, и на этот раз отказался ратифицировать англо-египетский договор.

Борьба за господство на Тихом океане

Основным объектом империалистических противоречий на Тихом океане по-прежнему оставался Китай. Наиболее обширные позиции занимал в Китае английский империализм. Из великих держав Англия была на первом месте по капиталовложениям в Китае, преобладающее положение занимала она также в судоходстве и торговле Китая. Жестокие расправы британского империализма с революционными массами Китая, особенно в период революции 1924—1927 гг., вызывали справедливый гнев и возмущение китайского народа. Опасаясь, что дальнейшее развитие китайской революции может привести к утрате Британией ее позиций в Китае, английская дипломатия вынуждена была маневрировать, прибегая временами к обманным «миролюбивым» заявлениям о готовности пойти в отношении Китая на некоторые уступки.

Затруднения Англии всячески старались использовать ее основные соперники — Япония и США. Для империалистической Японии Китай всегда был огромным рынком сбыта, богатейшим источником сырья и сферой приложения ее капиталов. К 1927 г. японские капиталовложения только в Маньчжурии составляли сумму в 2,5 млрд. иен. На Китай приходилось более $^1/_3$ всего японского экспорта.

Заметно активизировали свою деятельность на Тихом океане, и в частности в Китае, в 20-х годах Соединенные Штаты Америки. Хотя американские капиталовложения в Китае не могли еще в эти годы равняться с английскими и японскими, но они значительно превышали довоенные размеры американских инвестиций в этой стране и увеличивались быстро, причем материальные возможности у империалистов США были несравненно бо́льшими, чем у их конкурентов.

Борьба между США, Японией и Англией в Китае с каждым годом разгоралась. В ходе борьбы соперники меняли свою тактику, маневрировали, но цели их оставались прежними: каждый из них стремился добиться преобладающего положения,

Опираясь на Чан Кай-ши и близкие к нему круги, Соединенные Штаты стремятся в этот период привлечь на свою сторону и объединить всех новых и старых милитаристов, пользовавшихся поддержкой Японии и Англии, и воспрепятствовать проникновению в Китай этих двух государств.

Но не собирались отказываться от своих планов в Китае и японские монополии. В апреле 1927 г. в Японии пришло к власти правительство, выражавшее интересы наиболее реакционных милитаристских кругов страны во главе с генералом Танака, который сразу же провозгласил в отношении Китая политику «крови и железа». В начале июля Танака направил в Шаньдун японские войска, чтобы воспрепятствовать продвижению Народно-революционной армии на север. В своем секретном меморандуме от 25 июля 1927 г., адресованном императору, Танака наметил обширную агрессивную программу японского империализма. «...Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права... Для того чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать этот район как базу для проникновения в Китай под предлогом развития нашей торговли. Будучи же вооружены обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Но захват контроля над Маньчжурией и Монголией явится лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на азиатском континенте» [1].

Учитывая рост влияния США в Китае, японские империалисты рассматривают их в качестве своего основного соперника. В меморандуме Танака по этому поводу говорится: «Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты...» [2].

В январе 1928 г. Япония предприняла новую вооруженную попытку оккупировать Северный Китай. Однако из-за поднявшегося в связи с этой агрессией мощного антияпонского движения в Китае и в силу ряда других обстоя-

---

[1] «История войны на Тихом океане» (Перевод с японского), т. I. М., 1957, стр. 338—339.

[2] Там же, стр. 338.

тельств попытка Японии закрепиться в Северном Китае кончилась тогда провалом.

Морское соперничество империалистических держав

Противоречия трех великих держав — США, Англии и Японии — углублялись и обострялись не только в результате их борьбы за преобладание в Китае. Интересы этих держав сталкивались и в борьбе за господство во всем бассейне Тихого океана.

Расширение американской экспансии в Китае вызывает серьезное беспокойство Японии и Англии и приводит к временному сотрудничеству этих государств в вопросах, связанных с Тихим океаном. В то же время отношения между Соединенными Штатами и Англией в этот период ухудшаются. Особенно резко обозначился антагонизм США и Англии в вопросе о морских вооружениях. На Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. было выработано соглашение об общем тоннаже линейного флота пяти великих держав. Новое обострение противоречий между этими государствами толкало их в обход решений Вашингтонской конференции продолжать гонку вооружений. Соревнование великих держав в области вооружений состояло теперь в лучшей боеспособности военных судов, в оснащении их новейшей техникой, в модернизации старых судов. Происходит усиленное строительство, особенно в Англии, крейсеров, ограничение количества которых не было предусмотрено Вашингтонскими соглашениями. Ведется строительство морских баз как средства усиления мощи военно-морских сил держав (американцы еще в 1922—1924 гг. строят Пирл-Харбор, англичане расширяют свою военно-морскую базу в Сингапуре). Превосходство Англии в крейсерах и начатое ею большое строительство новых судов тревожило США. 20 июня 1927 г. по инициативе Соединенных Штатов в Женеве открылась морская конференция США, Англии и Японии. Франция и Италия от участия в Женевской конференции отказались.

Соединенные Штаты Америки настаивали на полном равенстве в морских вооружениях с Великобританией, так как по своей мощи американский военно-морской флот значительно отставал от английского. Англия же не могла добровольно согласиться на утрату преобладающего положения в области вооружений и добивалась сохранения и дальнейшего укрепления своего господства на морях. Япония была заинтересована в сохранении существующего положения, которое давало ей преимущество по крейсерам в отношении США.

В силу непримиримых противоречий США, Англии и Японии конференция кончилась безрезультатно. Единственно, о чем смогли договориться ее участники, это о созыве новой

морской конференции ранее срока, установленного Вашингтонским соглашением. После провала Женевской конференции гонка морских вооружений еще больше усилилась.

2. «План Юнга»

Требования пересмотра Версальского договора

Изменившееся соотношение сил на мировой арене, обострение противоречий между ведущими капиталистическими державами, в том числе и по германскому вопросу, достигнутое Германией в Локарно «равноправие» с недавними победителями открывали перед германским империализмом новые возможности. Общее недовольство населения страны кабальными условиями Версальского договора и огромными репарационными обязательствами, возложенными на Германию по «плану Дауэса», облегчало ведение реваншистской пропаганды. Вопрос о ликвидации Версальского договора становится основным внешнеполитическим лозунгом Берлина. Германские пропагандисты действовали все более активно, их деятельность поощрялась правительством и щедро финансировалась хозяевами монополий.

Усиленная кампания велась за возвращение Германии отнятых у нее в результате войны колоний. Такие требования раздавались из залов различных конференций и со страниц печати, с профессорских кафедр и парламентских трибун.

В конце 1927 г. выходивший в Гамбурге внешнеполитический журнал «Europäische Gespräche» провел опрос среди влиятельных деятелей страны о том, должна ли Германия проводить колониальную политику. Значительная часть приславших ответы высказалась за возврат Германии колоний. Среди поборников этого были члены рейхстага, бывшие министры, генералы, профессора, дипломаты. Обербургомистр Кёльна Конрад Аденауэр в своих ответах на анкету писал: «Германский рейх должен обязательно стремиться к колониальным приобретениям. В самом рейхе слишком мало места для большого населения... нам нужно иметь для нашего народа больше пространства и, стало быть, колонии... Мы никогда не должны упускать из виду цель владеть беспрепятственно собственными колониями» [1].

На возвращении Германии колоний решительно настаивал также президент Рейхсбанка, один из будущих покровителей Гитлера Шахт. С открытым требованием колоний и «жизненного пространства» выступали члены германского правительства. «Германия не может реализовать свои потенциальные

[1] «Europäische Gespräche», 1927, № 12, S. 611.

возможности внутри четырех стен своего рейха» [1], — говорил, например, министр юстиции Кох-Везер.

Германская пропаганда усиленно подчеркивала, что вопрос о возврате колоний является вопросом национальной чести, политического, экономического и культурного равноправия Германии в международных отношениях.

Значительное распространение получают в конце 20-х годов требования присоединения к Германии Австрии и Саара, Мемеля и Данцига, изменения германских границ с Польшей, Данией и Бельгией. Штреземан добивается в Лиге наций принятия резолюции, которая разрешает немецким национальным меньшинствам «устанавливать связи со своим германским отечеством». В Германии издаются карты, на которых границы германской нации выходят за пределы рейха и распространяются на районы французской Эльзас-Лотарингии, итальянского Южного Тироля, Судетской области.

Разумеется, руководители внешней политики Германии учитывали, что сразу реализовать свою программу ликвидации последствий Версальского договора им не удастся. Поэтому они с еще большим рвением, чем раньше, добиваются прежде всего вывода оккупационных войск из Рейнской области.

Помощь США германскому империализму

Большое значение для усиления Германии имела всесторонняя поддержка, которую оказывали ей США. Штреземан имел все основания заявить в 1928 г., что внешняя политика Германии в послевоенный период «нигде не находила более искреннего признания, чем в Соединенных Штатах» [2].

Империалисты США оказывали Германии огромную экономическую помощь. Американские банки и тресты, действуя с ведома и при согласии правительства, в послевоенный период вложили в германскую экономику и предоставили Германии кредиты, исчисляемые миллиардами долларов, которые она использовала для восстановления и развития своего военно-промышленного потенциала.

Основным мотивом такой политики США являлось их стремление направить возрожденный германский империализм против Советского Союза, а также использовать его как бастион против революционного движения в странах Европы. Кроме того, в условиях обострившихся в этот период противоречий с Англией и Францией Соединенные Штаты надеялись с помощью восстановившего свою мощь германского империализма

---

[1] *E. Koch-Weser.* Deutschlands Außenpolitik in der Nachkriegszeit 1918—1929. Berlin, 1929, S. 123.

[2] Zehn Jahre. Deutsche Geschichte 1918—1928. Berlin, 1928, S. XI.

ослабить позиции этих стран и расширить за их счет свою экспансию в Западную Европу.

Германский империализм умело использовал в своих интересах оказываемую ему Соединенными Штатами помощь, тем более что правящие круги Англии и Франции, вопреки национальным интересам своих народов, также поощряли восстановление военного и экономического потенциала Германии, надеясь использовать ее в антисоветских целях.

Только в 1924—1929 гг., по данным, приведенным германским публицистом А. Норденом, в германскую промышленность было вложено не менее 63 млрд. германских марок, причем из них более 30 млрд. приходилось на иностранные займы, полученные главным образом от США [1]. На поступающие из-за границы средства Германия смогла в значительно более короткие сроки восстановить и обновить свою тяжелую промышленность. Президент Национальной ассоциации промышленников США Джон Е. Эджертон заявлял: «Некоторые промышленные группы в Германии были восстановлены целиком на наши деньги». Именно в эти годы в Германии создаются такие гигантские тресты, как «ИГФарбениндустри» (1925 г.) и «Ферейнигте штальверке» (1926 г.), сыгравшие позднее значительную роль в подготовке и развязывании второй мировой войны.

Широкий размах получают в конце 20-х годов картельные связи германских и американских монополий. В 1926—1929 гг. оформляются союзы «ИГФарбениндустри» с крупнейшими компаниями Уолл-стрита — Фордом, Дюпоном, Рокфеллером, Меллоном. В тот же период «Ферейнигте штальверке» (Стальной трест) заключает картельные соглашения с американскими банками «Чейз нейшнл бэнк» и «Диллон, Рид энд компани»; концерн Круппа с «Дженерал электрик»; оптический концерн «Карл Цейс» с фирмой «Бауш энд Ломб» и т. д. «Германские и американские тресты так тесно переплелись, что уже никто не мог бы сказать, где кончаются одни и начинаются другие» [2].

Благодаря постоянному притоку в страну американских капиталов и тесному сотрудничеству германских монополий с монополиями США промышленное производство Германии уже в 1927 г. достигло довоенного уровня, а по некоторым видам (производство стали и чугуна, добыча угля) даже превысило его. Быстрыми темпами развивалась химическая и машиностроительная промышленность, которые по некоторым показателям к 1929 г. опередили аналогичные отрасли промышленности Англии, Франции и США. Германское судостроение поставляло своему торговому флоту суда, которые часто

---

[1] См. *А. Норден.* Уроки германской истории. М., 1948, стр. 75.

[2] *Гершл Д. Мейер.* Неизбежна ли гибель Америки? М., 1950, стр. 37.

по своим техническим данным превосходили суда американского и английского флотов. Такое же положение к концу 20-х годов было и в области гражданской авиации. Значительно возрос как в абсолютных цифрах, так и в отношении его доли в мировой торговле германский экспорт, объем которого к 1929 г. также превысил уровень 1913 г. Все это вновь выдвинуло Германию в ряд могущественных держав капиталистического мира и превратило ее в опасного конкурента стран-победительниц.

«Прошло всего лишь одно десятилетие после войны, которую Англия якобы выиграла, а Германия якобы проиграла. И вот Германия снова завоевывает мировой рынок, снова строит торговый флот, снова проникает с помощью картелей в промышленные предприятия других стран и в общем становится еще более грозным соперником Англии, чем была до войны» [1]. Грозным соперником становилась Германия и для Соединенных Штатов, которые, подобно Англии и Франции, вынуждены были уступать германскому империализму свои позиции на многих мировых рынках в различных частях света, в том числе в Центральной и Южной Америке.

Быстрое возрождение экономической мощи Германии, ее крепнущие связи с американскими монополиями создавали почву для перевооружения страны, которое велось сначала тайно и в сравнительно небольших масштабах, а затем все более открыто. Создается армия, численность которой в несколько раз превышает размеры германских вооруженных сил, установленные Версальским договором.

«План Юнга»

Опираясь на поддержку Соединенных Штатов, германские правящие круги усиленно добивались пересмотра репарационного «плана Дауэса», который становился для Германии все более обременительным.

Сложившаяся в тот период международная обстановка благоприятствовала Германии, поскольку правящие круги стран-победительниц также были обеспокоены последствиями дальнейшего проведения в жизнь «плана Дауэса». Они не могли не учитывать, что непопулярность «плана Дауэса» в Германии и в связи с этим рост революционных выступлений трудящихся масс Германии, на плечах которых лежала вся тяжесть репарационных платежей, делали, по существу, весьма затруднительной его реализацию. Кроме того, руководители западных держав понимали, что германские империалисты, умело использовавшие иностранную помощь для восстановления военно-промышленного потенциала Германии, могли в один прекрасный день сами покончить с «планом Дауэса».

[1] *Л. Денни.* Америка завоевывает Британию. Рекорд экономической войны. М. — Л., 1930, стр. 29.

Соединенные Штаты не находились в числе претендентов на германские репарации. Для США, являвшихся главным кредитором Германии и вложивших в нее огромные капиталы, непосредственный интерес представляло своевременное получение процентов на вложенные в Германию средства и, следовательно, укрепление ее экономического положения. Поэтому в Вашингтоне соглашались на пересмотр репарационной проблемы. Кроме того, у Соединенных Штатов имелись серьезные опасения, что Англия и Франция при поддержке других союзных стран могли договориться с Германией по репарационному вопросу без участия американских представителей.

22 декабря 1928 г. правительства Англии, Франции, Японии, Италии, Бельгии и Германии пришли к соглашению об учреждении комитета экспертов по репарационному вопросу, причем было решено привлечь к участию в работе комитета также американских представителей. Комитет начал свою работу 9 февраля 1929 г. в Париже. Председателем был избран американский эксперт Оуэн Юнг, один из авторов «плана Дауэса». Кроме него от США в комитете участвовали такие крупные фигуры, как Джон П. Морган, Т. Ламонт и Т. Перкинс. Не удивительно поэтому, что американские эксперты играли руководящую роль.

На первых заседаниях с докладами об экономическом и финансовом положении Германии и о ходе выполнения «плана Дауэса» выступили германские представители. Заявив, что Германия не в состоянии платить по 2,5 млрд. марок ежегодно, Я. Шахт настаивал на снижении размеров и изменении сроков репарационных платежей. Предложение Шахта встретило решительные возражения со стороны экспертов держав-кредиторов — Франции и Англии. Американские эксперты высказывались за снижение репарационных платежей.

Работа комитета из-за серьезных расхождений между тремя группами его участников не раз заходила в тупик. В конце концов германские эксперты согласились в принципе с проектом, предложенным Юнгом, который по сравнению с «планом Дауэса» означал снижение общего размера репарационных обязательств Германии. Французские и бельгийские эксперты были этим недовольны. Тогда Юнг предложил такое распределение германских платежей между державами-кредиторами, которое в известной мере компенсировало бы Францию, Бельгию и Италию за счет Англии: доля Англии сокращалась с 23 до 19% общей суммы репараций.

Однако британская сторона категорически отказалась принять предложенный Юнгом новый план распределения репарационных платежей,

Длительной была борьба в комитете вокруг предложения Юнга о создании особого Банка международных расчетов, который должен был заменить репарационную комиссию и другие органы, учрежденные «планом Дауэса». Настаивая на создании такого банка, США стремились положить конец положению, при котором Англия и Франция, пользуясь отсутствием в «плане Дауэса» точно обусловленного порядка международных расчетов (перевода валюты), могли воздействовать на Германию путем давления или же обещанием тех или иных льгот. На банк возлагалось регулирование получения и распределения германских репарационных платежей и осуществление контроля над операциями по переводу иностранной валюты из Германии за границу.

Соглашение по «плану Юнга» в целом между экспертами было достигнуто 7 июня 1929 г. Средний ежегодный размер германских платежей в течение первых 37 лет (с 1 сентября 1929 г. по 31 марта 1966 г.) устанавливался в сумме 1988 млн. марок.

К этой сумме добавлялись еще платежи по займу, заключенному Германией в 1924 г. в связи с принятием «плана Дауэса». В течение следующих 22 лет Германия должна была вносить платежи, равные сумме ежегодных погашений державами-кредиторами их военных долгов. Репарационные платежи разбивались на две части: безусловную, не подлежащую отсрочке (в сумме 660 млн. марок), и часть, которая могла быть отсрочена в случае экономических затруднений Германии, но не более чем на два года.

Гаагская конференция

Работа комитета экспертов закончилась, но предстояли еще острые схватки между странами — участницами этого комитета на международной конференции по введению «плана Юнга» в действие. Эта конференция открылась в Гааге 6 августа 1929 г. На ней были представлены 12 государств: Франция, Англия, Германия, Бельгия, Италия, Япония, Чехословакия, Югославия, Польша, Румыния, Греция и Португалия.

С речью о задачах конференции выступил министр иностранных дел Франции Бриан. С обычным пафосом он заявил, что в успехе конференции заинтересованы не только участвующие в ней страны, но и все человечество. Штреземан выразил надежду, что Гаагская конференция послужит задачам организации всеобщего мира и что «экономические результаты конференции должны повлечь за собой и политические последствия».

Так лирически звучали речи дипломатов. Но вот заговорили «деловые люди», и от дипломатической идиллии не осталось и следа.

В первый же день работы конференции министр финансов Англии Сноуден в весьма резких выражениях заявил, что Англия не может принять «план Юнга» в его первоначальной редакции и высказывается против намеченной им схемы германских репарационных поставок. Сноуден настаивал на увеличении доли Англии по ежегодным платежам Германии с 409 млн. до 457 млн. золотых марок. Он требовал резкого сокращения срока для натуральных поставок Германии в счет репараций, так как от этого страдала английская промышленность, а также выплаты Англии 120 млн. марок из числа германских платежей, не подлежащих отсрочке.

Непримиримая позиция Сноудена превратила весь дальнейший ход конференции в торг между Англией и ее четырьмя партнерами — Францией, Италией, Бельгией и Японией. Германская делегация в течение этого торга занимала пассивно-выжидательную позицию; она рассчитывала при первой же возможности использовать разногласия союзников в своих интересах.

Были созданы две комиссии — финансовая, которая занималась рассмотрением репарационной проблемы, и политическая, где обсуждались вопросы о досрочной эвакуации Рейнской области.

В финансовой комиссии разгорелись бурные споры. На первом же заседании комиссии 8 августа 1929 г. Сноуден вновь заявил, что Англия вступила в войну не ради материальных интересов, а «для поддержки договорных прав и защиты безопасности других держав». Сноуден предложил пересмотреть схему распределения платежей, намеченную «планом Юнга». «Палата общин, — заявил он, — никогда бы не ратифицировала «плана Юнга» в его нынешней форме».

Представитель Франции Шерон настаивал на принятии «плана Юнга» без изменений. 9 августа перед представителями печати выступил Бриан с прямыми обвинениями в адрес английской делегации. Когда Сноудену передали, что французские делегаты считают его упорство блефом и ожидают уступок, он ответил: «Если они лелеют иллюзии такого рода, то им придется подождать... Я лично готов уехать в любое время, если не будет больше смысла оставаться».

Французская пресса обвиняла Сноудена в том, что он хочет «подвести мину под „план Юнга“». Англо-французский конфликт разгорался. Тогда американский банкир Ламонт (из группы Моргана) посетил британского премьер-министра Макдональда и попросил его рекомендовать Сноудену, чтобы он занял более умеренную позицию. Вместо этого британское правительство отправило Сноудену телеграмму, выражая ему благодарность за твердость его позиции. Сноуден стал в Англии

чуть ли не национальным героем. Его требования поддерживали руководители других политических партий — Ллойд Джордж и Черчилль. Сам Сноуден в одном из интервью заявил: «В этом конфликте на карту поставлен престиж Великобритании. Речь идет о том, чтобы вернуть Англии ее место в международной политике. За последние годы английская дипломатия оказалась до того слабой, что Англия не в состоянии была удержать свои позиции. Настало время, когда Англия вновь заявляет свои права».

Франции пришлось волей-неволей отступать. В результате продолжительной борьбы между Францией, Италией, Бельгией и Японией, с одной стороны, и Англией — с другой, английские претензии в значительной части были удовлетворены. В политической комиссии было достигнуто предварительное соглашение о досрочной эвакуации Рейнской области.

Согласно Версальскому договору третью зону предстояло освободить только в 1935 г.[1] Но английская делегация в пику французам заявила, что намерена закончить эвакуацию Рейнской области к концу 1929 г. Ее поддержали бельгийцы. Бриан был поставлен в затруднительное положение.

29—30 августа обменом нотами между министрами иностранных дел оккупирующих держав (Англии, Франции и Бельгии) и Германии было заключено соглашение о сроках и методах эвакуации Рейнской области. Три министра договорились начать эвакуацию этой области в сентябре 1929 г. Бельгийские и британские войска должны были очистить Рейнскую область в 3-месячный срок с момента эвакуации. Французские войска к этому сроку должны были очистить вторую зону. В результате торга французы добились согласия на продление срока эвакуации третьей зоны. Они обещали вывести из нее свои войска не позже 30 июня 1930 г.

31 августа 1929 г. участники Гаагской конференции подписали протокол, принципиально одобривший «план Юнга». После этого делегаты направились из Гааги в Женеву на сессию Лиги наций. Конференция была прервана.

Вновь открылась Гаагская конференция 3 января 1930 г. Германскую делегацию вместо умершего Штреземана возглавил его преемник Курциус. Во главе делегации Франции стоял новый французский премьер Тардье. Министр иностранных дел Великобритании Гендерсон в Гаагу на этот раз не приехал. Кроме стран, участвовавших в первой части Гаагской конференции, на ее заключительную сессию прибыли также деле-

---

[1] По условиям Версальского договора Рейнская область была разбита на три зоны, которые подлежали оккупации на срок в 5, 10 и 15 лет.

гаты Австрии, Венгрии и Болгарии, так как предстояло урегулировать вопрос о негерманских (восточных) репарациях. Вновь были созданы две комиссии — комиссия германских репараций и комиссия восточных репараций.

20 января 1930 г. вопросы о германских и негерманских репарациях были урегулированы. В тот же день состоялось торжественное подписание всех достигнутых в Гааге соглашений.

В отличие от «плана Дауэса» «план Юнга» установил общий размер репараций, подлежащих уплате Германией, в 113,9 млрд. марок. Размер ежегодных платежей подвергся значительному снижению: он был определен на ближайшие 37 лет в сумме около 2 млрд. марок ежегодно. По истечении этого срока размер платежей мог быть пересмотрен или сохранен в прежнем объеме. Таким образом, страны-победительницы стремились сохранить в своих руках рычаг давления на Германию и ее внешнюю политику.

Серьезным изменениям подвергся порядок взимания репараций. Система облигаций, установленная «планом Дауэса», отменялась. Впредь репарации должны были выплачиваться только за счет прибылей железных дорог и государственного бюджета. Отчисления прибылей промышленности отменялись. Отменялся также финансовый контроль и контроль за экономикой Германии. Это было новым ударом по версальской системе.

3. Вопрос о разоружении в Лиге наций. Советская делегация в Женеве

Гонка вооружений и пацифистская дипломатия Лиги наций

Рост противоречий в империалистическом лагере сопровождался гонкой вооружений главных империалистических держав. Государства, недовольные Версалем (Германия, Италия, Япония), активно готовились к новому переделу мира и прилагали все усилия к скорейшему восстановлению или быстрому развитию своей военной мощи.

Державы-победительницы (Англия, Франция, США) стремились не только сохранить свои военные преимущества, но и усилить их, борясь одновременно за военное преобладание по отношению друг к другу. Армии стран-победительниц и нейтральных государств увеличились после первой мировой войны на 1183 тыс. человек, росли их военные приготовления. Вместе с тем происходил качественный рост «могущества средств, заготовляемых теперь великими державами для новой бойни, которая грозит оставить далеко за собой ужасы

последней войны»[1]. Речь шла о моторизации, механизации и химизации военного дела, о быстром развитии военной промышленности в основных капиталистических странах.

Гонка вооружений, чреватая новыми военными столкновениями, не могла не вызывать растущего беспокойства широких народных масс, в памяти которых еще не изгладились огромные бедствия и жертвы недавно отгремевшей войны. Правящие круги империалистических держав понимали опасность этого для осуществления своих агрессивных планов. Их особенно тревожило быстрое распространение в массах идей прочного, демократического мира, которые были провозглашены Великой Октябрьской социалистической революцией и находили все больший отклик во многих странах. Вместе с тем обострение борьбы в империалистическом лагере толкало крупнейшие державы к попыткам ограничить рост вооружений конкурирующих стран, с тем чтобы добиться для себя тех или иных военных и политических преимуществ.

Все это и послужило основой той пацифистской дипломатической деятельности Лиги наций, которую она развивала в течение более десяти лет в различных комиссиях, комитетах, на сессиях Совета и Ассамблеи Лиги, а также на специальной конференции по разоружению. «Миротворцы» Лиги наций пытались миролюбивыми декларациями, широковещательным обсуждением вопросов разоружения замаскировать военные приготовления главных империалистических держав, прикрыть ту острую борьбу, которая велась между ними.

В многочисленных проектах по разоружению нашло отражение, например, то, что правящие круги Франции боролись за военную гегемонию в Европе, опираясь, прежде всего, на могущество своей многочисленной сухопутной армии. В то же время правящие круги Англии стремились ограничить сухопутные силы Франции, поощряли перевооружение Германии, чтобы уравновесить силы основных держав в континентальной Европе и обеспечить себе роль арбитра между ними. США, как вытекало из всей их послевоенной политики, хотели ограничить господство возглавляемой Англией и Францией Лиги наций в Европе, ослабить военно-морскую мощь Англии и Японии, а также мощь сухопутной армии Франции, обеспечить экономическое и военное восстановление Германии и усилить свое влияние в мире в целом.

Германия использовала в своих целях обсуждение вопросов разоружения, выдвигая настойчивые требования разоружения держав-победительниц, а затем, когда ей стала очевидной не-

---

[1] «СССР в борьбе за разоружение». Советская делегация на IV сессии подготовительной комиссии по разоружению. М., 1928, стр. 47, 48.

возможность достичь этого, — требования восстановления своих вооружений под флагом уравнения в правах.

Правящие круги Италии, особенно после прихода к власти Муссолини, желали ослабить позиции Франции в Европе и поэтому шли на сближение с Германией и Англией.

Японские империалисты, мечтавшие о завоевании господства на Дальнем Востоке и вытеснении Англии и США из этого района, добивались прежде всего усиления своей военно-морской мощи.

Эти цели главных империалистических держав и определяли в основном их линию поведения во время многолетних дискуссий по вопросам разоружения в комиссиях и комитетах Лиги наций.

Давление общественного мнения, требования народов приступить к практическому решению проблемы разоружения вынуждали, однако, дипломатов империалистических государств проводить различные маневры, чтобы скрыть истинные цели своей политики. Вся деятельность Лиги наций в вопросах разоружения была подчинена этой задаче. По мере обострения противоречий между империалистическими державами и роста военной опасности поле этих маневров пацифистской дипломатии империалистов сужалось. Она все более разоблачала себя.

Политика империалистических государств в вопросах разоружения

Требования разоружения были столь настойчивы, что в ст. 8 статута Лиги наций ее составители должны были записать: «Сохранение мира требует сокращения национальных вооружений». Однако это сокращение, как указывалось далее, имелось в виду довести «до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением». Ограниченный характер сокращения вооружений, предусматривавшийся статутом Лиги, соответствовал планам ведущих держав, не помышлявших приступать к действительному разоружению.

В первые годы существования Лиги ее деятельность в области разоружения сводилась к бесчисленным обсуждениям вопроса о составлении плана так называемого всеобщего разоружения, включая вопросы стабилизации и уменьшения военных бюджетов, и попыткам распространения на все государства положений Вашингтонского договора об ограничении морских вооружений.

С этой целью Советом Лиги наций 19 мая 1920 г. была создана постоянная консультативная комиссия военных экспертов, а затем (25 февраля 1921 г.) — временная смешанная комиссия по вопросам разоружения.

Вся работа комиссий, Совета и собраний Лиги сосредотачивалась вокруг общих и схоластических споров относительно критериев разоружения. Такая линия руководителей Лиги наций опиралась на вынесенную 27 сентября 1922 г. Собранием Лиги XIV резолюцию, где говорилось, что «при современном состоянии мира большое число правительств не могло бы взять на себя ответственность за серьезное сокращение вооружений, если бы взамен не получило достаточной гарантии безопасности своих стран». Тезис о необходимости получить гарантии безопасности, прежде чем приступать к сокращению вооружений, стал основным аргументом всех противников разоружения.

Чтобы как-либо прикрыть бесплодность своих «миротворческих» усилий, руководители Лиги наций провели в декабре 1925 г. решение о создании подготовительной комиссии к конференции по разоружению и о приглашении в состав этой комиссии СССР. Советское правительство 16 января 1926 г. ответило согласием участвовать в работе по разоружению, но заявило о невозможности направить советскую делегацию в Женеву, где должна была заседать комиссия, до нормализации швейцарско-советских отношений. Поскольку в среде руководителей Лиги были явные противники участия СССР в переговорах по разоружению, они отнюдь не были заинтересованы в быстрой ликвидации швейцарско-советского конфликта (вызванного убийством в Лозанне В. В. Воровского), и подготовительная комиссия провела свои три сессии без участия Советского Союза.

С самого начала работы подготовительной комиссии обнаружился различный подход к задачам и плану ее работы со стороны двух руководящих держав Лиги — Англии и Франции. В то время как Англия стремилась добиться сокращения сухопутных и воздушных вооружений Франции, чтобы ослабить ее позиции на континенте Европы, Франция выдвигала предложения, ведущие к сокращению морских вооружений, что ударяло прежде всего по позициям Англии. Германия же демагогически выступала за общее разоружение, но одновременно подчеркивала, что в случае отказа от такого общего разоружения она должна получить право вооружаться наряду со всеми. США, хотя и не занимали ведущей роли в переговорах, проявляли, однако, большую заинтересованность в сокращении вооружений континентальной Европы, стремясь избежать мер по сокращению морских вооружений, которые составляли основу вооруженной мощи этой заокеанской державы. Другими словами, как писала в то время «Правда», «каждый из участников конференции помышляет вовсе не о том, чтобы разоружить *себя,* но о том, чтобы разоружить *другого* и, таким

образом, стать самому в *вооруженном* отношении сильнее... Торг пошел не по вопросу о «разоружении», а по вопросам «равновесия» вооруженных сил различных держав, причем каждая из держав склонна толковать «равновесие» именно в свою пользу» [1].

В результате трех сессий подготовительной комиссии не было выработано ни одного предложения о действительном разоружении, хотя велись многочисленные дискуссии, бесконечные заседания самой комиссии и ее подкомиссий. На III сессии комиссии весной 1927 г. глава английской делегации лорд Сесиль внес наконец проект конвенции о разоружении, а в противовес ему глава французской делегации Поль Бонкур внес свой проект договора о сокращении вооружений. Однако оба проекта не намечали никаких конкретных цифр сокращения вооружений и включали в то же время множество оговорок, позволяющих правительствам уклоняться от выполнения даже ограниченных обязательств, если бы они и были приняты.

Британский проект оказался неприемлем для большинства европейских стран, в первую очередь для Франции, ибо он имел в виду уменьшение прежде всего сухопутных вооружений своих возможных противников при сохранении в целом военной мощи Великобритании. Французский проект, исходивший из принципа, что «сокращение вооружений должно находиться в соответствии со всеобщими условиями безопасности и с особыми условиями каждого государства» [2], предполагал распространить ограничения лишь на кадровый состав армии и был неприемлем для Великобритании и США, которые имели небольшие наемные армии. Кроме того, авторы французского проекта вновь выдвигали предлагавшийся ими ранее пункт о создании международной армии или по крайней мере об установлении международного контроля над национальными армиями, рассчитывая использовать это против Германии и СССР.

В результате длительной дискуссии подготовительная комиссия смогла лишь свести механически два обсуждавшихся проекта в единый документ, причем по ряду важнейших статей оставались формулы, приведенные в обоих проектах, а к ряду статей делались многочисленные оговорки, фиксировавшие непреодоленные разногласия сторон. В проекте не было никаких конкретных цифр. Каждому государству предоставлялось право произвольно определять свой уровень вооружений

---

[1] «Правда», 20 мая 1926 г.

[2] «Société des Nations. Documents de la Commission preparatoire de la Conférence du desarmament», serie IV, p. 361.

в зависимости от многих факторов. Другими словами, подготовительная комиссия не смогла сделать никакого реального шага вперед в области разоружения и продолжала топтаться на месте.

В конце августа 1927 г., за несколько дней до открытия очередной, VIII Ассамблеи Лиги наций, постоянные представители Англии и Франции — лорд Сесиль и де Жувенель подали в отставку. В своем заявлении премьеру Великобритании Болдуину Сесиль открыто признавал, что его отставка связана с неудачей работы подготовительной комиссии и что эта неудача являлась в значительной мере следствием позиции английского правительства в вопросах разоружения. Лорд Сесиль писал: «Мы будем иметь на берегах Женевского озера девятую, десятую, двенадцатую сессии... совещаться в течение многих лет... пока война, к несчастью, не прервет эти работы». Так влиятельный английский деятель оценивал итоги и перспективы работы в области разоружения.

Фальшивые пацифистские маневры ведущих западных держав, верховодивших в Лиге наций, в этой области были крайне затруднены включением в борьбу за разоружение Советского Союза, который после длительных проволочек со стороны ведущих западных держав смог наконец в результате урегулирования швейцарско-советского конфликта принять участие в работе подготовительной комиссии, собравшейся 30 ноября 1927 г. на свою IV сессию.

Участие СССР в подготовительной комиссии

Еще до открытия IV сессии подготовительной комиссии позиция СССР в вопросах разоружения была изложена в заявлении главы советской делегации М. М. Литвинова. Он опроверг тенденциозные утверждения и слухи об этой позиции, распространявшиеся за границей. Заявив, что Советское правительство никогда не скрывало своего недоверия «к готовности и способности капиталистических стран к уничтожению системы войн между народами, а следовательно, и к осуществлению разоружения», глава советской делегации подчеркивал, что это недоверие оправдано не только всей историей международных отношений после мировой войны 1914—1918 гг., но и семилетней бесплодной работой Лиги наций.

Со своей стороны с самого начала существования Советское государство прилагало все усилия, чтобы добиться осуществления каких-либо шагов в области всеобщего разоружения или хотя бы частичного, но действительного разоружения. «Достаточно вспомнить, — говорилось в заявлении, — первый декрет Советского правительства от 8 ноября 1917 г. о мире, предло-

жение советской делегации на Генуэзской конференции 1922 г. о включении в порядок дня вопроса о всеобщем разоружении и, наконец, созыв Советским правительством в том же 1922 г. в Москве конференции с участием западных соседей СССР», на которой советской стороной был представлен конкретный и обоснованный план пропорционального сокращения вооруженных сил. Советский Союз настаивает на необходимости полного и всеобщего разоружения, поэтому «советская делегация явится в Женеву со своей собственной самостоятельной программой... и будет бороться против попыток отвлекаться в сторону третьестепенных вопросов и бесплодных резолюций...»

На первом же заседании IV сессии 30 ноября 1927 г. советская делегация выступила с декларацией, в которой по поручению правительства СССР изложила основные принципы полного и всеобщего разоружения, а именно:

«а) роспуск всего личного состава сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил и недопущение их существования в какой бы то ни было скрытой форме;

б) уничтожение всех, находящихся как в войсках, так и на складах, военных и общего назначения, оружия, боевых припасов, средств военно-химической борьбы и прочих средств вооружения и средств истребления;

в) ликвидацию всех военно-морских и военно-воздушных судов;

г) прекращение сборов для обучения военному делу как в армии, так и в общественных организациях;

д) издание законов об отмене военной службы как обязательной, так и добровольной и путем вербовки;

е) издание законов, воспрещающих сборы обученных резервов;

ж) уничтожение крепостей, морских и воздушных баз;

з) ликвидация военных заводов и военно-производственных установок на заводах общей промышленности;

и) прекращение отпуска средств на военные цели как по государственному бюджету, так и по бюджетам различных общественных организаций;

к) расформирование военных, военно-морских и военно-воздушных министерств, упразднение генеральных штабов и всякого рода военных управлений, учреждений и заведений;

л) запрещение в законодательном порядке военной пропаганды и военного обучения населения и военного воспитания молодежи как государственными, так и общественными организациями;

м) прекращение в законодательном порядке патентирования различных видов вооружения и средств истребления в целях лишения стимула к изобретению этих средств;

н) издание законов, рассматривающих нарушение какого-либо из вышеперечисленных условий как тягчайшее государственное преступление;

о) отмена всех законодательных актов как государственного, так и международного значения, противоречащих высказанным выше положениям, или внесение в них соответствующих изменений» [1].

Осуществление этой широкой программы разоружения отвечало чаяниям всех народов, создавало надежные гарантии безопасности для каждой страны и полностью соответствовало интересам мира. Декларация СССР предлагала приступить к реализации этого предложения немедленно, но в случае отказа капиталистических государств от этого выдвигала предложение, чтобы полное разоружение было проведено одновременно всеми договаривающимися государствами последовательными этапами в течение 4 лет, причем первый этап разоружения должен был быть осуществлен возможно скорее.

Вместе с тем советская делегация заявила, что она готова принимать участие во всех обсуждениях вопроса о сокращении вооруженных сил, поскольку будут предложены практические меры, реально направленные к разоружению. Другими словами, представители СССР выражали готовность наряду с защитой своего радикального предложения о полном и всеобщем разоружении сотрудничать в разработке любого предложения, ставящего на практическую почву решение вопросов разоружения. Советская делегация представила также меморандум по вопросу о размерах бедствий, причиненных войной 1914—1918 гг. и вновь угрожающих миру в связи с надвигавшейся новой войной.

Хотя руководители Лиги наций и не имели намерений обсуждать проект, внесенный СССР, они вынуждены были реагировать на него, чтобы попытаться ослабить огромное впечатление, которое он оказал на всех присутствующих и на международное общественное мнение. Выступая по поручению президиума «в порядке вежливости», французский делегат Поль Бонкур не без иронии выразил благодарность советской делегации за ее «ценные предложения». «Советская делегация, — говорил Поль Бонкур, — своим появлением в Женеве дает образец неоценимого сотрудничества, ибо в ее лице мы имеем строгого судью, который не дает нам почить на лаврах». Но советский проект, по словам Бонкура, был слишком прост: флот пустить ко дну, аэропланы взорвать, солдат распустить по домам... Лига наций, продолжал он, не может согласиться со «столь упрощенным» подходом к сложному вопросу разоруже-

[1] «СССР в борьбе за разоружение», стр. 40.

ния, которым она занимается во всех деталях длительное время.

После выступлений германского делегата Бернсдорфа, в силу определенных соображений поддержавшего советский проект, и делегатов Чехословакии и Греции, поддержавших тезисы Поля Бонкура, подготовительная комиссия перенесла обсуждение советского предложения на V сессию комиссии и поспешно перешла к рассмотрению вопроса о создании Комитета безопасности, с которым руководители Лиги наций пытались связать всю проблему разоружения с целью всемерно затормозить ее решение. Советская делегация, подвергнув критике позиции западных государств в этом вопросе, ограничилась направлением в созданный Комитет безопасности своего наблюдателя.

На V сессии подготовительной комиссии в марте 1928 г. ее участники вынуждены были вновь заняться рассмотрением советских предложений о полном и всеобщем разоружении, тем более что Советское правительство за месяц до начала сессии разослало проект детально разработанной конвенции по этому вопросу. Таким образом, СССР вновь ставил крупнейшую международную проблему современности в практической плоскости и вынудил капиталистические страны выявить свое отношение к ней. Это вызвало крайнее раздражение в империалистических кругах. Выступая по советскому проекту, представитель Великобритании лорд Кашендэн занялся поиском «скрытых мотивов» этого шага Советского правительства и злобно изображал его как демагогическую пропаганду. Кашендэн бросил Советскому Союзу ряд обвинений, в том числе обвинение во вмешательстве во внутренние дела других стран, и провокационно спрашивал, имеет ли советский проект в виду только международные конфликты или также гражданские войны и внутренние восстания. Неуклюжее выступление Кашендэна вызвало недовольство даже в части буржуазной печати, которая характеризовала его как «акт саморазоблачения».

Американец Гибсон в своем выступлении отразил беспокойство США тем, как бы советский проект не стал предметом детального рассмотрения в комиссии. Гибсон поспешил заявить, что американское правительство не может поддержать «радикальные предложения о немедленном и полном разоружении» и что, по его мнению, путь успешного завершения деятельности подготовительной комиссии «лежит только через продолжение наших прежних работ».

Итальянский делегат де Маринис критиковал советский проект главным образом за то, что́ в нем отсутствовало, а не за то, что́ в нем содержалось. Он утверждал, что одно военное разоружение не гарантирует прочного мира. Нужно-де обеспе-

чить экономическую и социальную безопасность. Поскольку же в советском проекте он не нашел гарантий этой безопасности, всеобщее разоружение невозможно.

Представитель Японии Сато утверждал, что советский проект противоречит духу и букве статута Лиги наций. Греческий делегат Политис пытался юридически обосновать несовместимость советского проекта со ст. VIII Устава Лиги наций. Делегат Польши Сокаль невольно признал популярность советского проекта, заявив, что простые его идеи понятны «людям улицы», но неприемлемы для Лиги наций.

Представитель Франции Клозель (Поль Бонкур предпочел уклониться от обсуждения советского проекта, не приехав вовсе на сессию) повторил избитые антисоветские измышления, не найдя никаких аргументов против проекта, представленного СССР.

В своей речи глава делегации СССР дал ясный ответ всем критикам советского проекта, показав, что в основе их критики лежит нежелание западных держав сделать какие-либо практические шаги в области разоружения. Он подчеркнул в заключение, что «мы продолжаем верить, что всеобщее и немедленное разоружение является единственной эффективной гарантией мира, отвечающей не только отдаленным идеалам, но и насущным современным требованиям человечества» [1].

Усилиями империалистических держав советский проект был отклонен, причем в резолюции подготовительной комиссии указывалось, что работа комиссии должна будет вестись «по намеченному уже пути», что означало, что речь могла идти лишь о частичном разоружении. Учитывая результаты рассмотрения советского проекта конвенции о немедленном, полном и всеобщем разоружении, советская делегация внесла новый проект конвенции о сокращении вооружений, основанный на принципе прогрессивного сокращения всех видов вооружений соответственно составу и численности вооруженных сил различных государств.

Несмотря на то что этот проект вполне соответствовал тому курсу работы, который был только что подтвержден подготовительной комиссией, большинство ее решительно воспротивилось немедленному обсуждению этого проекта и перенесло его на рассмотрение VI сессии комиссии.

Активные действия СССР, направленные на то, чтобы, несмотря на сопротивление империалистических кругов западных держав, добиться осуществления идеи полного и всеобщего разоружения, встретили горячее одобрение в широких народ-

---

[1] «В борьбе за мир». Советская делегация на V сессии комиссии по разоружению. М., 1928, стр. 33.

ных массах всех стран. ЦИК СССР, заслушав отчет НКИД о переговорах в Женеве, одобрил деятельность советской делегации и поручил правительству СССР «отстаивать и в дальнейшем программу полного разоружения, не пренебрегая ни малейшей возможностью достижения хотя бы частичных и временных положительных результатов в этой области» [1].

Последовавшая затем VI сессия подготовительной комиссии (с 15 апреля по 6 мая 1929 г. и с 6 ноября по 9 декабря 1930 г.) вновь выявила саботаж дела разоружения со стороны ведущих капиталистических государств и их отрицательное отношение к советским предложениям. Более того, руководители Лиги наций повели дело к прекращению работы подготовительной комиссии. Бесславная пятилетняя деятельность комиссии, проведшей 118 заседаний, закончилась принятием бессодержательной конвенции о разоружении, которая, имея 60 статей, сопровождалась 49 оговорками различных государств, подрывавших вконец ее значение. Тем не менее организаторы Лиги объявили подготовительную работу законченной и стали готовиться к новому туру переговоров, — уже в рамках Всемирной конференции по разоружению, которой и были направлены все «труды» подготовительной комиссии.

4. Пакт Бриана — Келлога и Московский протокол

Кульминационным достижением пацифистской дипломатии явился так называемый пакт Бриана — Келлога об отказе от войны как орудия национальной политики.

Инициатива заключения этого пакта принадлежала Франции. Воспользовавшись приездом в Париж в связи с десятой годовщиной вступления США в мировую войну нескольких тысяч американских волонтеров, сражавшихся на Западном фронте, Бриан выступил 6 апреля 1927 г. со специальным заявлением о дружественных чувствах французов к США и о готовности Франции подписать с США «любое взаимное обязательство, чтобы поставить — по американскому выражению — войну вне закона». 20 июня 1927 г. Бриан передал американскому послу в Париже официальную ноту с проектом франко-американского договора о «вечной дружбе». Подписанием такого декларативного соглашения с Соединенными Штатами Франция рассчитывала поднять свой пошатнувшийся международный престиж, обеспечить условия урегулирования своих долговых обязательств с Америкой и упрочить свои военно-политические позиции в Европе.

---

[1] «Известия», 22 апреля 1928 г.

Американская дипломатия решила использовать идею Бриана в своих интересах. Возросшая после войны экономическая мощь Соединенных Штатов усиливала стремление Вашингтона к укреплению и расширению своего влияния на всю мировую политику. Руководитель государственного департамента США Келлог стремился создать Соединенным Штатам положение международного арбитра и противопоставить создаваемый им «инструмент мира» женевскому синедриону, где американским представителям приходилось довольствоваться ролью наблюдателей. Американцы не могли, разумеется, забыть, какое дипломатическое поражение они потерпели, когда Англия и Франция сумели воспользоваться всеми плодами победы над Германией и превратить детище президента Вильсона — Лигу наций — в послушное орудие своего собственного господства. Поэтому в период предвыборной кампании предполагаемый пакт стал изображаться как плод мирной инициативы самого американского правительства.

28 декабря 1927 г. Келлог сообщил Бриану, что правительство США с удовлетворением принимает французское предложение, но не считает возможным заключить договор о «вечном мире» с одной лишь Францией. По мысли Келлога, необходимо было «достигнуть присоединения всех главных держав к пакту, посредством которого эти державы отказались бы от войны как орудия национальной политики». Такой многосторонний договор, несомненно, грозил ослабить значение ранее заключенных Францией договоров, подорвать французскую систему союзов и наносил бы известный урон престижу Лиги наций, противопоставляя ей новое объединение европейских держав, подписавших пакт.

В последовавшей затем дипломатической переписке французская дипломатия старалась устранить нежелательные для нее изменения в первоначальном проекте пакта. Келлогу было предложено заключить между Францией и США такой договор, который означал бы отказ не от войны вообще, а лишь от всякой наступательной войны. В дальнейшем к нему могли бы присоединиться и все остальные государства. Во французской ноте имелась также характерная оговорка, что новый пакт не упраздняет заключенных ранее союзов и не аннулирует обязательств, содержащихся в Уставе Лиги наций, в Локарнских соглашениях и других международных актах. Было очевидно, что французская дипломатия стремится оставить за Францией право применения вооруженной силы в целях своей внешней политики.

Американское правительство заявило, что оно не может принять французских предложений. Госдепартамент настоял на том, чтобы ознакомить другие великие державы с амери-

кано-французской переписки по этому вопросу. 13 апреля 1928 г. послы Соединенных Штатов в Англии, Германии, Италии и Японии вручили правительствам этих стран ноты тождественного содержания с запросом об их отношении к франко-американской полемике. Они представили также первоначальный проект Бриана, дипломатическую американо-французскую переписку и американский проект договора о запрещении войны.

Первой ответила Германия. В ноте от 27 апреля она поспешила высказаться в пользу американского проекта. Германская дипломатия следовала своей обычной тактике: демонстрировать «миролюбие» Германии, усыплять международную бдительность и отвлекать внимание стран-победительниц от вооружения Германии.

Британская дипломатия, обеспокоенная активностью США, решила укрепить англо-французские отношения. Чемберлен в ноте от 19 мая 1928 г., указывая на «отсутствие существенных противоречий» между обоими проектами, солидаризировался с французским проектом. Однако британское правительство сохраняло за собой право особого истолкования обязательств пакта в отношении таких стран, где у Великобритании имеются «особые интересы». Британское правительство пыталось вместе с тем превратить новый пакт в блок против СССР. В ноте Чемберлена содержалось, например, положение о том, что «универсальность договора была бы во всяком случае трудно достижимой и, может быть, даже неподходящей, ибо имеются некоторые государства, правительства которых еще не признаны всеми и которые едва ли находятся в положении, могущем обеспечить поддержание доброго порядка и безопасности в пределах их территорий».

Таким образом, Америка оказалась перед лицом объединенного фронта англо-французской дипломатии. Но в том случае, когда речь заходила об СССР, американское правительство само действовало по отношению к нему откровенно враждебно. Как свидетельствовал позднее Самнер Уэллес, бывший заместителем государственного секретаря США в период второй мировой войны, государственный секретарь Келлог и президент Кулидж «были настолько под влиянием своей ненависти к коммунизму, что все вопросы, имеющие отношение к СССР, выбрасывались за борт» [1].

Американское правительство решило пойти на уступки, и проект был изменен в соответствии с основными требованиями Франции и Англии. Текст пакта предусматривал отказ от войны как национальной политики лишь между участниками

[1] *Sumner Welles.* The Time for Decision. London, 1944, p. 245.

пакта, а не между всеми странами. В состав первоначальных участников пакта кроме шести великих держав (США, Франция, Великобритания, Германия, Италия и Япония) были включены участники Локарнских соглашений и британские доминионы, которые дали согласие на подписание его.

Церемония подписания пакта Келлога состоялась 27 августа 1928 г. в Париже с участием представителей Англии, Бельгии, Германии, Италии, Польши, Франции, Чехословакии и Японии. В ст. I пакта говорилось, что участники пакта «отказываются в своих взаимоотношениях от войны в качестве орудия национальной политики», а ст. II говорила, что «урегулирование или разрешение всех разногласий или конфликтов независимо от характера их происхождения, которые могут возникнуть между ними, должны осуществляться только мирными средствами» [1].

Ст. III провозглашала, что пакт открыт для присоединения всех других государств. Эта статья явилась следствием активных выступлений Советского правительства на последнем этапе подготовки пакта.

Отношение СССР к пакту Бриана — Келлога

5 августа 1928 г. состоялась беседа наркома иностранных дел СССР Г. В. Чичерина с представителями печати о позиции Советского правительства в отношении пакта Бриана — Келлога. В беседе было отмечено, что устранение СССР от переговоров о пакте вскрывает истинный смысл этого международного акта. «...В действительные цели инициаторов этого пакта, — заявил народный комиссар, — очевидно, входило и входит стремление сделать из него орудие изоляции и борьбы против СССР. Переговоры по заключению так называемого пакта Келлога, очевидно, являются составной частью политики окружения СССР, стоящего в данный момент в центре мировых международных отношений» [2]. Народный комиссар подчеркнул также, что значение пакта обесценено оговорками, внесенными Францией и Англией, а также тем обстоятельством, что он не подкреплен обязательствами по разоружению. В заключение Г. В. Чичерин заявил, что еще можно поправить положение, вступив в переговоры с Советским Союзом, и что желание или нежелание инициаторов пакта вести переговоры с Союзом ССР «будет служить доказательством того, что именно служит их действительной целью — мир или подготовка войны» [3].

---

[1] «Foreign Relations... 1928», vol. I, p. 155.

[2] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, М., 1945, стр. 257.

[3] Там же, стр. 258.

Выступление Советского правительства, разоблачавшее истинные цели империалистических кругов США, Англии и Франции, вызвало широкий отклик в иностранной печати, в парламентах и общественных кругах. Правительства этих стран вынуждены были заявить, что СССР будет также приглашен подписать пакт Келлога. По получении такого приглашения Наркоминдел СССР в ноте от 31 августа 1928 г. выразил сожаление, что «инициаторы Парижского пакта не сочли нужным привлечь Советское правительство к участию в переговорах, предшествовавших этому пакту», что в пакте отсутствуют какие-либо обязательства в области разоружения, а равным образом что подписать пакт не приглашены такие державы, как Китай, Турция и Афганистан. Советская нота отмечала неопределенность и неясность формулировки «воспрещения войны», допускающей различное толкование.

Однако, отмечая все недостатки пакта Бриана — Келлога, Советское правительство 6 сентября 1928 г. заявило о своем согласии подписать его. В советской ноте указывалось, что этот пакт «объективно налагает известные обязательства на державы перед общественным мнением и дает Советскому правительству новую возможность поставить перед всеми участниками пакта важнейший для дела мира вопрос — вопрос о разоружении, разрешение которого является единственной гарантией предотвращения войны».

Московский протокол (9 февраля 1929 г.)

Пакт Бриана — Келлога мог вступить в силу лишь после ратификации его всеми без исключения государствами, подписавшими пакт в Париже. Между тем первоначальные участники пакта стали затягивать его ратификацию. Желая ускорить введение пакта в действие, Советское правительство обратилось к своим соседям, в первую очередь к Польше и к прибалтийским государствам, с предложением считать пакт Келлога обязательным и вступившим в силу даже в том случае, если другие государства его не ратифицируют. Правительства этих государств медлили с ответом. Однако они не могли не учитывать настроений народных масс своих стран, требовавших установить отношения мира и добрососедства с Советским Союзом.

Считая, что многие антисоветские интриги и провокации проистекали от неурегулированности взаимоотношений СССР и Румынии, захватившей Бессарабию, советская дипломатия, оставаясь на позиции непризнания незаконных территориальных захватов, предложила и румынскому правительству подписать протокол о досрочном введении в действие пакта Келлога. Несмотря на противодействие враждебных СССР сил,

румынское правительство сочло нужным принять советское предложение.

Советская политика мира и дружественного делового сотрудничества со всеми странами независимо от их политического строя, при одном лишь условии взаимности давала свои плоды. 9 февраля 1929 г. в Москве был подписан протокол о немедленном введении в действие Парижского договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Московский протокол подписали СССР, Эстония, Латвия, Польша, Румыния. 1 апреля 1929 г. к нему присоединилась Турция и 5 апреля — Литва.

К этому времени уже 44 государства примкнули к пакту Бриана — Келлога. 24 июля 1929 г. он вошел в силу. Особое значение имело то обстоятельство, что его подписали не только крупнейшие капиталистические государства, но и СССР. Как писал позднее польский юрист Зигмунт Войцеховский, «этот пакт сделался видимым символом возможности и необходимости мирного сосуществования государств независимо от их общественного и политического строя» [1].

Пакт Бриана — Келлога не мог, разумеется, устранить коренных причин обострения международной обстановки, связанных с ростом империалистических противоречий, и далеко не оправдал тех надежд, которые возлагались на него даже буржуазным общественным мнением. Ход дальнейших международных событий убедительно подтвердил справедливость критики этого пакта со стороны Советского правительства, подчеркивавшего, что отсутствие в нем каких-либо мер разоружения и других реальных гарантий сохранения мира лишало его «реального содержания». Империалистические державы на деле продолжали свою агрессивную политику.

---

[1] *Зигмунт Войцеховский.* Проблема коллективной безопасности в Европе в 1919—1939 гг. Материалы научной сессии Польской Академии наук. Варшава, 1955 г., стр. 26.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929—1933 гг. И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБОСТРЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг.

В конце 1929 г. в капиталистическом мире начался глубочайший экономический кризис. Разрушительное воздействие его на хозяйство многих стран было огромно.

Кризис развивался неравномерно. С наибольшей силой он поразил США, сосредоточившие в своих руках около половины всего промышленного производства и потребления капиталистических стран. По сравнению с 1929 г. промышленное производство в годы кризиса сократилось в США на 46,2%, в Германии — на 40,6, в Японии — на 36,7, во Франции — на 32,9, в Англии — на 23,8%. Исключительные трудности испытывала экономика колониальных и зависимых стран.

В результате кризиса Англия, Япония, Германия, США и другие капиталистические государства отказались от золотого стандарта. Американское правительство 6 марта 1933 г. издало распоряжение о закрытии всех банков. Потерпела крах даже федеральная банковская система, осуществлявшая свою деятельность при помощи и под контролем правительства. Национальный доход США сократился с 1929 по 1933 г. более чем в 2 раза (с 87,4 млрд. долл. до 39,6 млрд.) [1]. В мае 1931 г. прекратил операции один из крупнейших европейских банков — «Кредит аштальдт» в Вене, а в июле 1931 г. — второй по значению банк Германии — «Донат банк».

Кризис привел к колоссальному росту безработицы. В 1933 г. в Соединенных Штатах насчитывалось 17 млн. безработных, в Германии — 7,5 млн., в Англии — 4 млн., в Японии — 3 млн. Общее количество безработных в мире, включая и колониальные страны, составило 40 млн. человек.

Кризис положил конец временной стабилизации капитализма. Революционные настроения охватили значительную часть рабочего класса и крестьянства. Резко обострилась классовая борьба. В ряде стран, особенно в Германии, монополистическая буржуазия стала искать спасения в фашизации политического режима и в усилении внешней экспансии. «Важнейшим результатом мирового экономического кризиса является обнажение и обострение противоречий, присущих мировому капитализму», — констатировалось в политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду партии.

Обострение борьбы за рынки сбыта и сферы приложения капиталов

Кризис нарушил международную торговлю. Ее объем сократился на 56% по сравнению с 1929 г. Монополисты, стремясь сохранить старые и захватить новые рынки сбыта, всячески мешали торговле своих соперников. Развернулась настоящая торговая и таможенная война между основными капиталистиче-

[1] «Historical statistics of the United States, 1789—1945». Washington, 1949, p. 12.

скими странами. Американское правительство в июне 1930 г. повысило таможенные тарифы (в среднем на 40—50%). Это вызвало ответные мероприятия со стороны 40 стран. В конце 1931 и начале 1932 г. в Англии был издан ряд законов, вводивших высокие пошлины (от 10 до 100%) на большинство ввозимых промышленных товаров и продукты сельского хозяйства. В августе 1932 г. конференция стран Британской империи приняла систему имперских преференций, ограничивавшую иностранный ввоз. Политика протекционизма позволила английским правящим кругам создать широкий торговый блок, в который вошли страны Британской империи и ряд других государств, сбывавших свои товары в Англии. В 1931 г. Англия, многие страны Европы, Латинской Америки, Юго-Восточной и Центральной Азии образовали так называемый стерлинговый блок (в качестве основной валютной единицы был признан фунт стерлингов). В результате английская буржуазия получила благоприятные возможности для борьбы с американскими монополиями на международных рынках. Американские политики с раздражением квалифицировали все эти меры «как типичный пример экономического империализма», «экономической агрессии» [1].

Но американский империализм, располагавший наиболее мощным производственным аппаратом, и сам стремился к внешнеторговой экспансии, к переделу мировых рынков в свою пользу. Свое контрнаступление США повели под флагом борьбы с дискриминацией в международной торговле, за соблюдение принципа «равных возможностей». Американская дипломатия попыталась использовать задолженность Англии по военным займам (4,6 млрд. долл.) в целях нажима. Во время переговоров с Англией в 1932 г. правительство США, настаивая на роспуске стерлингового блока, поставило одним из условий уменьшения суммы долгов и предоставления отсрочки по взносам отмену пошлин на американские товары и отказ от части имперских преференций. Англичане отказались принять эти требования. В ответ в США развернулась резкая антианглийская кампания. Тон задал президент Гувер, заявивший, что Англия хочет захватить американские рынки [2].

Английские правящие круги продолжали требовать уменьшения военного долга и продления отсрочки по платежам. Они предложили созвать конференцию всех заинтересованных стран. Гувер отклонил эту идею, опасаясь единого фронта должников. Тогда в 1933 г. Англия, как и большинство других должников США, прекратила выплаты по военным долгам и тем самым фактически аннулировала свою задолженность.

В 1933 г. США попытались использовать для наступления на имперский торговый блок лондонскую мировую экономическую конференцию. Американские представители выдвинули проект всеобщего десятипроцентного снижения пошлин в качестве первого шага к «либерализации» мировой торговли. Но этот проект был отвергнут. Конференция выявила такие острые противоречия между капиталистическими странами, что организаторы поспешили ее закрыть [3].

США навязали латиноамериканским странам ряд договоров «о наибольшем благоприятствовании». В конце 1933 г. в Монтевидео состоялась VII панамериканская конференция. Она приняла резолюцию, рекомендовавшую всем странам — участницам союза расширять торговые связи посредством максимального снижения таможенных пошлин.

Ожесточенная война за рынки между США и Англией охватила многие районы земного шара — Южную Америку, Азию, Ближний и Средний Восток, английские колонии и доминионы. На Тихом океане экономиче-

---

[1] *L. Amery.* The Washington Loan agreements. London, 1946, p. 92.
[2] Ibid., p. 93—95.
[3] См. журнал «Внешняя торговля», 1934, № 6.

ские интересы Соединенных Штатов и Англии остро сталкивались в Китае, Индонезии, Малайе. В результате американский империализм потерял первое место в международной торговле, завоеванное им в 20-х годах. Лидерство вновь вернулось к Англии, которая удерживала его вплоть до второй мировой войны.

Но сама Англия вынуждена была отступать под натиском Японии в странах Юго-Восточной Азии. Так, например, Япония заняла второе место в импорте Индии. В то же время усилилась американо-японская борьба за контроль над Китаем.

Мировой кризис обнажил противоречия между победителями в первой мировой войне — Англией, Францией и США, и побежденными, главным образом Германией. Однако эти противоречия до прихода гитлеровцев к власти и выдвижения ими откровенно агрессивной программы не являлись главными. Англо-американские противоречия до 1937 г. определяли расстановку сил на мировой арене.

В то время как капиталистические страны переживали жесточайший экономический кризис, Советский Союз развивал промышленность и сельское хозяйство такими темпами, каких не знал капитализм даже в пору своего относительного расцвета. Объем советского промышленного производства с 1929 по 1933 г. увеличился более чем вдвое. Расчеты империалистов на провал пятилетнего плана и «перерождение» Советской власти рухнули. Социалистическая система хозяйства ярко демонстрировала свои неисчерпаемые возможности. Идея превосходства социалистического строя над капиталистическим все шире проникала в сознание трудящихся масс всего мира.

Все эти обстоятельства наложили отпечаток на развитие отношений между страной социализма и капиталистическим лагерем. Агрессивные круги буржуазии усилили подрывную деятельность против СССР, активизировали подготовку новой антисоветской интервенции, надеясь посредством войны выйти из кризиса.

Захват КВЖД и разрыв советско-китайских отношений

Совершив в 1927 г. контрреволюционный переворот, Чан Кай-ши превратил Китай в арену антисоветских провокаций. Гоминдановские лидеры приняли активное участие в борьбе против Советского государства. Таким образом они надеялись поднять свой престиж в глазах иностранной и китайской буржуазии, остановить начавшийся в 1929 г. новый революционный подъем в Китае.

В начале 1929 г. преемник Чжан Цзо-лина — «молодой маршал» Чжан Сюэ-лян, контролировавший северо-восточные провинции Китая (Маньчжурию), вынужден был признать власть Чан Кай-ши. Гоминдановцы получили прямой доступ к советским границам. В июле 1929 г. в Пекине Чан Кай-ши посоветовал своему маньчжурскому сатрапу выступить против СССР, в частности захватить Китайско-Восточную железную дорогу. Чжан Сюэ-лян охотно согласился с советами Чан Кай-ши, рассчитывая захватом КВЖД укрепить свои позиции в северо-восточных провинциях.

Американские правящие круги толкали гоминдановцев на захват КВЖД. Предоставление займа Китаю на железнодорожное строительство в сумме 120 млн. ф. ст. они поставили в зависимость от китайской позиции в вопросе о КВЖД. Об этом было сообщено представителю китайского правительства, прибывшему в Вашингтон для подписания соглашения [1].

Активную антисоветскую деятельность развернули и правящие круги Англии. Английская пресса публиковала вымыслы о создании на КВЖД

---

[1] «Observer», 21. VII. 1929.

«нелегальной военной организации», о концентрации на границах с Китаем частей Красной Армии и т. д. Английские консулы в Северной Маньчжурии заверяли китайских милитаристов, что внутреннее положение Советского Союза настолько-де непрочно, что он «не в состоянии» защищаться. Французские дипломаты и пресса также склоняли Чжан Сюэ-ляна к захвату дороги.

10 июля 1929 г. китайские власти захватили телеграф КВЖД, закрыли советские хозяйственные учреждения, заменили рабочих и служащих дороги белогвардейцами, осуществили массовые аресты советских железнодорожников и т. д. К границе были подтянуты войска Чжан Сюэ-ляна и отряды белогвардейцев. Правительство СССР 13 июля заявило решительный протест по поводу этих провокационных действий, потребовало освобождения арестованных граждан и отмены всех незаконных распоряжений китайских властей. Желая мирно урегулировать конфликт, Советское правительство было готово вступить в переговоры по всему комплексу вопросов о КВЖД.

Поощряемые западными державами, гоминдановцы не приняли советских предложений. Советское правительство 17 июля отозвало из Китая своих дипломатических, консульских и торговых работников и прервало железнодорожную связь между двумя странами. Была усилена охрана советских границ.

Империалисты решили вмешаться в советско-китайский конфликт. Государственный секретарь США Стимсон, ссылаясь на пакт Келлога, заявил о необходимости третейского разбирательства. Французский министр иностранных дел Бриан 19 июля предложил советскому полпреду в Париже посредничество для урегулирования конфликта. 21 июля с таким же предложением к заместителю наркома иностранных дел обратился французский посол в Москве Эрбетт. Советское правительство не поддержало акцию французской дипломатии ввиду отказа гоминдановцев восстановить нарушенную ими нормальную правовую базу отношений с СССР. 22 июля в этом духе и был дан ответ Эрбетту.

Американские правящие круги попытались использовать советско-китайский конфликт для осуществления своих давних планов по установлению контроля над КВЖД. 25 июля 1929 г. Стимсон пригласил к себе послов Англии, Франции, Италии, Японии, Германии и предложил им создать нейтральную комиссию, которая бы взяла на себя управление дорогой. Правительства Англии, Италии и Франции поддержали план Стимсона [1].

Иную позицию заняли Япония и Германия. Японские правители не хотели усиления влияния США на северо-востоке Китая. Переход КВЖД под контроль союзной комиссии в условиях гоминдановского режима чрезвычайно усилил бы позиции американских монополий. Японский посол заявил Стимсону, что он не верит в то, что Советское правительство хочет вернуть КВЖД с помощью силы. Не поддержала американское предложение и Германия, считавшая нежелательным ухудшение своих отношений с СССР. В условиях экономического кризиса германская экономика остро нуждалась в торговле с СССР.

Так попытка американской дипломатии сколотить единый антисоветский фронт капиталистических держав закончилась неудачей. Разрыв отношений между СССР и Китаем, развал хозяйства на КВЖД в результате действий военщины нанесли большой ущерб китайской торговле. Коммерсанты начали требовать от китайского правительства восстановления прежнего положения. 22 июля уполномоченный МИД Китая Цай Юнь-шэн посетил советского генконсула в Харбине и предложил ему начать переговоры об урегулировании конфликта.

---

[1] *D. J. Dallin.* The Rise of Russia in Asia. New Haven, 1949, p. 263, 264.

25 июля Советское правительство заявило о своем согласии начать переговоры. При этом оно настаивало на освобождении арестованных советских граждан и признании китайскими властями необходимости восстановления положения на дороге в соответствии с соглашением 1924 г.

1 августа Цай Юнь-шэн, действовавший по указаниям Чжан Сюэляна, потребовал легализации положения, создавшегося на дороге в результате насильственных действий китайских властей. В то же время войска китайских милитаристов и белогвардейские банды систематически нарушали границу, обстреливали советские суда и т. д.

19 августа Советское правительство через посредство Германии, взявшей на себя защиту интересов СССР в Китае, потребовало от Чан Кай-ши и Чжан Сюэ-ляна разоружения белогвардейцев и предотвращения нападения китайских частей на советскую территорию.

28 августа 1929 г. германский посол в Москве Дирксен по поручению нанкинского правительства передал М. М. Литвинову проект совместной декларации о мерах по урегулированию конфликта [1]. Советское правительство согласилось подписать эту декларацию с небольшими поправками.

Однако гоминдановцы в ноте от 9 сентября отклонили поправки, предложенные СССР, а затем, 13 сентября, взяли назад свои предложения и потребовали изменения Пекинского и Шэньянского соглашений 1924 г. о КВЖД.

Гоминдановская дипломатия все время лавировала, прибегая к самым низкопробным приемам: то она отказывалась от своих предложений, то пыталась шантажировать Советское правительство и т. п. Гоминдановцы не решались честно и открыто пойти на урегулирование спровоцированного ими же конфликта; они оглядывались на ведущие капиталистические державы, забывая об интересах своей страны.

Между тем нападения на советскую территорию учащались. Гоминдановцы игнорировали многочисленные протесты Советского правительства. Советское правительство было вынуждено прибегнуть к силе. 17 ноября части Особой Дальневосточной армии под командованием В. К. Блюхера, отбив наступление китайских милитаристов, нанесли им сокрушительный удар. Это отрезвляющим образом подействовало на Чжан Сюэ-ляна.

21 ноября Советское правительство получило предложение китайской стороны о возобновлении переговоров. Правительство СССР вновь указало, что оно стоит за мирное разрешение конфликта. Но оно по-прежнему настаивало в качестве предварительного условия на восстановлении положения, существовавшего на КВЖД до конфликта, на освобождении советских граждан и т. д. [2]

Американская дипломатия вновь попыталась организовать коллективный демарш Англии, Франции, Японии, Германии и Италии. Однако германские и японские правящие круги не поддержали США [3]. Не дала результата и попытка нанкинского правительства получить поддержку со стороны Лиги наций.

1 декабря 1929 г. начались советско-китайские переговоры в Никольск-Уссурийске. Советская страна, разгромив войска китайских милитаристов, не использовала своего военного превосходства и слабости Китая для навязывания последнему каких бы то ни было новых условий и получения привилегий или для разрешения проблем, не связанных непосредственно с возникновением конфликта. Советский Союз добивался лишь восстановления положения, существовавшего до конфликта. 3 декабря был подпи-

---

[1] «Советско-китайский конфликт 1929 г.» Сборник документов. М., 1930, стр. 41.
[2] См. «Известия», 28 ноября 1929 г.
[3] *H. B. Morse* and *H. F. Mac Nair*. Far Eastern International Relations, p. 766.

сан протокол об урегулировании конфликта. Вновь вступило в действие соглашение 1924 г.

Такой исход не устраивал американских политиков. По инициативе Стимсона 1 декабря правительства США, Англии и Франции опубликовали заявление, в котором обвинили СССР в нарушении пакта Бриана — Келлога. В ответе Советского правительства указывалось, что оно не имеет никаких захватнических планов в отношении Китая. Миролюбие советской внешней политики было доказано всей ее историей. Поэтому правительство СССР рассматривало вмешательство третьих держав как недружелюбный акт. Оно выразило удивление по поводу того, что американское правительство, которое не желает поддерживать официальных отношений с Советским правительством, сочло возможным обращаться к нему с советами и «указаниями» [1].

Выступая на сессии ЦИК СССР 4 декабря, М. М. Литвинов заявил: «Мы думаем, что находимся на пути к прочному улажению конфликта на КВЖД, а вместе с тем и к устранению возможностей дальнейшего искусственного насаждения недоверия и вражды между советским и китайским народами, стремящимися жить не только в мире, но и в искренней дружбе и взаимном уважении» [2].

22 декабря 1929 г. в Хабаровске был подписан протокол, предусматривавший восстановление мирных отношений на границе и ряд конкретных мер по возобновлению деятельности КВЖД. Была достигнута договоренность о созыве конференции для восстановления дипломатических отношений.

Антисоветская политика западных держав

Провал антисоветской авантюры на Дальнем Востоке ничему не научил реакционные круги в западных странах. В 1930—1931 гг. они спровоцировали одну за другой клеветнические кампании о мнимом «советском демпинге», о применении якобы «принудительного труда» в СССР для производства дешевых экспортных товаров и т. д. Эти кампании должны были идеологически обосновать новую антисоветскую интервенцию, планы которой в спешном порядке разрабатывались генеральными штабами Франции и ее союзников.

Одновременно империалисты попытались организовать экономическую блокаду СССР. Франция, например, запретила ввоз ряда советских товаров. По ее примеру другие капиталистические страны также осуществили дискриминационные меры в отношении советского экспорта. Защищая интересы нашего государства, Совнарком СССР 20 октября 1930 г. принял постановление «Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с СССР». Советские внешнеторговые организации сократили свои закупки в этих странах, ограничили использование их судов и осуществили ряд других ответных мер.

Вопрос об антисоветских кампаниях в буржуазных странах обсуждался на VI съезде Советов СССР в марте 1931 г. Съезд разоблачил провокационный смысл клеветнических вымыслов о «советском демпинге» и «принудительном труде», обязал правительство ограничить импорт из тех стран, которые проводили дискриминационную политику в отношении советского экспорта.

Вскоре правительства ряда буржуазных государств, и прежде всего Франции, поняли, что дискриминационные меры в отношении СССР наносят ущерб их собственным интересам. В годы кризиса значение устойчивого и все более расширявшегося советского рынка чрезвычайно возросло, заинтересованность влиятельных кругов капиталистических стран в советских заказах затрудняла происки международной реакции.

[1] «Известия», 4 декабря 1929 г.
[2] *М. Литвинов.* Внешняя политика СССР. М., 1937, стр. 41.

Полный крах потерпела и лживая пропагандистская кампания по поводу «принудительного труда». Ее разоблачили зарубежные рабочие делегации, посетившие Советский Союз.

Центром антисоветской политики стал с 1929 г. Париж. Это объяснялось рядом причин. В 1929 г. к власти в Англии пришли лейбористы — главным образом благодаря лозунгу восстановления отношений с СССР. Продолжая по существу политику, выгодную крупному английскому капиталу, они тем не менее боялись разоблачить себя и не могли открыто возглавить антисоветскую кампанию. США и Германия переживали тяжелый экономический кризис и были заняты преодолением внутренних затруднений. В то же время империалистическая Франция усилила свое влияние в Европе, и в фарватере ее политики следовал ряд европейских государств. С другой стороны, Франция вступила в полосу кризиса позднее, чем Англия, США и Германия.

Выступив в роли инициатора антисоветского крестового похода, французские правящие круги надеялись на поддержку всей международной реакции. Вместе с тем они хотели упрочить свои позиции в экономической и политической областях.

В сентябре 1929 г. французский министр иностранных дел Бриан, выступая на Ассамблее Лиги наций в Женеве, выдвинул план «объединения Европы». Это был план создания под эгидой Франции политического блока европейских государств, направленного против СССР. «Пан-Европу» французские империалисты пытались представить в качестве средства укрепления мира и борьбы с экономическим кризисом.

Капиталистические державы не имели ничего против антисоветской направленности проекта Бриана. Однако Германия, Италия и Англия отнюдь не собирались способствовать усилению Франции.

Когда 10 сентября Бриан пригласил на завтрак глав государств и министров иностранных дел 27 европейских государств, германский делегат граф Бернсдорф в вежливых выражениях дал понять, что Германия хотела бы получить в обмен за поддержку проекта согласие на досрочную эвакуацию франко-английских войск из Рейнской зоны. Другие министры туманно заявили, что они информируют свои правительства и изучат вопрос.

Французская дипломатия не собиралась отказываться от своих гегемонистских планов. Она развернула активную военно-дипломатическую деятельность в странах Восточной Европы. Фашистский диктатор Польши Пилсудский получил крупные займы от Франции и с помощью французской военной миссии перевооружал свою армию. Под руководством французского генерала Гуро весной 1930 г. проводилась спешная реорганизация румынской армии. Французские офицеры систематически посещали прибалтийские страны. Были приведены в боевую готовность остатки банд Колчака, Деникина, Врангеля.

Выполняя указания ЦК ВКП(б), советская дипломатия стремилась не допустить создания единого антисоветского фронта европейских держав, и прежде всего включения в него Германии. Она отдавала себе отчет в том, что, как говорил народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов в своем докладе на сессии ЦИК СССР 4 декабря 1929 г., «в Германии имеются лица, группы, организации и даже партии, которые ставят своей целью радикальное изменение политики Германии в сторону антисоветских махинаций» [1]. Но советская дипломатия умело использовала то обстоятельство, что наша страна была самым крупным импортером германской промышленной продукции. Советский вывоз из Германии увеличился с 353,9 млн. марок в 1929 г. до 625,8 млн. марок в 1932 г. Советские представители указывали германскому правительству,

[1] «Известия», 5 декабря 1929 г.

что его участие в антисоветских махинациях неизбежно отрицательно скажется на советско-германских политических и экономических отношениях.

В мае и июне 1930 г. в Москве и Берлине были обсуждены взаимные претензии и решены многие спорные вопросы. В совместном советско-германском коммюнике от 14 июня было подчеркнуто взаимное желание «преодолеть возникшие затруднения в духе Рапалльского договора и других действующих между ними (т. е. СССР и Германией. — *Авт.*) договоров... и в продолжающемся развитии международных отношений следовать политике, которую они вели на основе этих договоров в течение многих лет» [1].

Германия опасалась усиления Франции в Европе. Она учитывала также сдержанное отношение к проекту Бриана в Англии и США, видевших в планах Бриана попытку создания континентального блока в противовес США и Англии.

Поэтому германское правительство дало очень неопределенный ответ на обращение Бриана, сопроводив его многочисленными оговорками. В частности, в германской ноте был подвергнут критике основной тезис Франции — создание антисоветского блока европейских государств при сохранении установленного Версальским договором режима в Европе. Германия предложила привлечь к работе европейской организации Советский Союз и Турцию. Позиция Германии в значительной мере определила провал «пан-Европы».

Советская дипломатия активно разоблачала истинный характер французского проекта, использовала в борьбе против готовящегося объединения капиталистических государств межимпериалистические противоречия (прежде всего франко-германские и франко-итальянские).

Французскому правительству не удалось осуществить свои планы. Европейская комиссия Лиги наций, которая должна была обсудить проект «объединения Европы», под давлением общественного мнения пригласила на свои заседания советскую делегацию. Однако французская дипломатия добилась, чтобы представители СССР участвовали только в экономической комиссии.

Наркоминдел СССР заявил 6 февраля 1931 г., что Советский Союз принимает приглашение. Вместе с тем советская нота выражала недоумение по поводу того, что вопрос об участии европейских государств в коллективе, претендующем на название «пан-Европы», определяется не географической принадлежностью к Европе, а соображениями социально-экономического порядка. Тем более что СССР занимал территорию, составляющую около 45% всей Европы и превышающую в два раза территорию Франции, Бельгии, Румынии, Югославии, Швейцарии, Испании, Голландии, Швеции, Дании, Норвегии, вместе взятых. Наркоминдел заявил решительный протест против дискриминации СССР в вопросе «объединения Европы».

Советская делегация смогла принять участие в заседаниях комиссии лишь 18 мая 1931 г. Она разоблачила буржуазную клевету на внешнеторговую политику Советского Союза, нелепые попытки возложить на него ответственность за возникновение кризиса. Не ограничиваясь этим, советская делегация предложила заключить международный договор об экономическом ненападении. Это предложение было поддержано прогрессивной мировой общественностью, встревоженной обострением торговой, валютной и таможенной войны между главными капиталистическими державами.

5 ноября 1931 г. специальный комитет одобрил советский проект резолюции, констатировавший «возможность мирного сосуществования

[1] «Известия», 14 июня 1930 г.

государств, имеющих различную экономическую и социальную структуру». Резолюция говорила о том, что государства в своих экономических отношениях должны исходить лишь из потребностей хозяйственной жизни и не принимать в расчет соображения, вытекающие исключительно из различий политических и социальных систем.

Одобрение советской резолюции, составленной в духе ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем, свидетельствовало о росте международного авторитета СССР и провале антисоветских планов французской дипломатии.

Борьба империалистов за господство на море

Глубокие противоречия империалистов в борьбе за господство на морях дали себя знать на Лондонской морской конференции в январе — апреле 1930 г. Главными участниками ее были Англия, США, Япония, Франция и Италия.

Наиболее острая борьба разыгралась между Италией и Францией. Итальянский делегат настаивал, чтобы флот его страны по всем категориям судов не уступал французскому. Но Бриан не хотел об этом и слышать. Равенство флотов с Италией дало бы последней огромное преимущество: Франция считала необходимым держать флот по меньшей мере в двух морях (Северном и Средиземном), тогда как у Италии не было такой необходимости.

Французская дипломатия обусловливала свое согласие на сокращение программы военно-морского строительства получением дополнительных гарантий безопасности в форме, например, заключения средиземноморского пакта о ненападении и взаимной гарантии, в которой приняла бы участие и Англия. Глава британской делегации Макдональд отверг французский проект. Не захотели взять каких-либо обязательств в отношении гарантий и США. Этого только и нужно было французам. Адмирал Дарлан сказал американскому журналисту: «Мы совсем не склонны к самоубийству» [1]. Соглашения между Италией и Францией так и не было достигнуто. Ссылаясь на это, Франция и Италия не взяли на себя новых обязательств в отношении ограничения своего военно-морского строительства. Военщина ликовала. Французский адмирал Виолет в кругу своей делегации с восторгом говорил: «Сегодня нет никаких потерь! Французский флот вышел невредимым из крупнейшего в современной истории морского сражения. Ура адмиралу Бриану!..» [2]

Острый конфликт возник из-за позиции Японии. Японская делегация настаивала на предоставлении права иметь такое количество тяжелых крейсеров и вспомогательных судов, тоннаж которых составил бы 70% тоннажа судов таких же типов в США. Кроме того, она требовала установить тоннаж японского подводного флота в 78 тыс. *т*. Американцы не соглашались, конференции опять грозил срыв.

Начались закулисные переговоры между японским представителем Мацудайра и американским делегатом Ридом. Япония вынуждена была отказаться от части своих требований. Мацудайра согласился с тем, чтобы Япония имела по отношению к США 60% тяжелых крейсеров, 70% легких крейсеров и эсминцев и одинаковое количество подводных лодок (водоизмещением в 52,7 тыс. *т*).

После длительных и ожесточенных споров 22 апреля 1930 г. был подписан договор, который предусматривал, в частности, распространение вашингтонских норм на крейсеры и эсминцы при сохранении равенства подводного флота Англии, США и Японии. Франция и Италия отказались ограничить число своих крейсеров и подводных лодок. Со-

---

[1] *Женевьева Табуи.* 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 111.
[2] Там же, стр. 113.

глашение явилось победой США. Англия оказалась в худшем положении, так как ее разбросанные по всему свету владения не давали ей возможности собрать весь флот в каком-либо одном месте.

Японские военно-морские круги отвергали всякий компромисс с США. Участие Японии в решениях Лондонской конференции привело к правительственному кризису. Высший военный совет решил значительно усилить японскую морскую авиацию с целью «восполнить» ограничение численности крейсеров и подводных лодок. Военщина и шовинистические организации начали травлю правительственных деятелей, одобривших Лондонское соглашение. В ноябре 1930 г. был смертельно ранен премьер-министр Хамагути.

Между тем военные расходы правительства Хамагути (в 1929—1931 гг.) фактически были больше, чем при правительстве военщины, возглавляемом генералом Танака. Военные расходы в бюджете Японии составляли в эти годы 29%, а в Англии — 24, в США — 21, во Франции — 22, в Италии — 24%.

Японские империалисты форсировали подготовку к войне с Китаем, видя в ней выход из политических и экономических трудностей, вызванных мировым кризисом.

Агрессивные тенденции германской политики

Мировой экономический кризис германские правящие круги решили использовать для того, чтобы полностью освободиться как от военного, так и от экономического контроля и ограничений Версальского договора и других соглашений послевоенного периода. Как и ранее, они рассчитывали на поддержку американских империалистов.

Принятие «плана Юнга» (январь 1930 г.) означало ликвидацию контроля союзников над Германией. Германские милитаристы получали неограниченные возможности для развития военной индустрии. Более того, они добились досрочного вывода союзных войск из Рейнской области в 1930 г. В том же году социал-демократическое правительство Мюллера приняло решение о строительстве «карманных крейсеров».

Германские правящие круги все более открыто нарушали военные статьи Версальского договора, ограничивавшие закупки и производство запрещенных видов вооружений за границей, тайное их производство в самой Германии, расширение бюджета рейхсвера и др. Правительствам США, Англии и Франции все это было, разумеется, хорошо известно.

В меморандуме постоянного заместителя министра иностранных дел Англии Роберта Ванситтарта от 12 мая 1930 г. отмечалось, что германское правительство ставило перед собой следующие задачи: восстановление Германии в качестве мировой державы (т. е. получение колоний и мандатов), присоединение Австрии, перевооружение германской армии (достижение, по крайней мере, паритета с Польшей), изменение польско-германской границы [1]. Германские дипломаты не считали нужным скрывать свои цели. Так, например, английский посол в Берлине Румбольдт 3 июля 1930 г. сообщал в Лондон о своей беседе с министром иностранных дел Германии Курциусом. Курциус «в исключительно энергичных выражениях заявил, что Германия не может оставаться довольной существующими границами на востоке», и подчеркнул, что «нынешняя германо-польская граница является неудовлетворительной» [2].

Агрессивные, реваншистские тенденции во внешней политике Германии резко усиливались по мере развития мирового экономического кризиса. Именно в этот период были задуманы, например, аншлюс (присоединение) Австрии и другие территориальные захваты, осуществленные после прихода фашистов к власти.

---

[1] «Documents on British Foreign Policy», Second series, vol. I, p. 603 (Далее: DBFP).

[2] Ibid., № 311, p. 490—491.

Сен-Жерменский договор от 10 сентября 1919 г. запрещал объединение Германии с Австрией, Женевский протокол от 4 октября 1922 г. не допускал даже их экономического союза. Однако германские правящие круги ждали лишь благоприятной международной обстановки для осуществления своих замыслов.

19 марта 1931 г. Курциус и австрийский вице-канцлер Шобер подписали соглашение о таможенном союзе между Германией и Австрией. Соглашение предусматривало уничтожение таможенных границ, установление единого таможенного закона и согласованных тарифов.

Шобер и Курциус хотели прикрыть явное нарушение международных соглашений заявлениями о необходимости оздоровления европейской экономики путем «региональных соглашений». При этом они ссылались на французское предложение о создании общеевропейского союза и даже грозили сближением с СССР в случае отрицательной позиции западных держав.

Франция потребовала немедленной отмены соглашения. Французские финансовые круги прекратили помощь австрийским банкам, переживавшим серьезные трудности.

Однако Великобритания заняла иную позицию. Английский министр иностранных дел Гендерсон в беседе с германским послом сказал, что английское правительство полностью принимает заверения Германии в том, что в основе ее соглашения с Австрией лежат экономические, а не политические мотивы.

По предложению Великобритании Совет Лиги наций, обсуждавший этот вопрос на майской сессии 1931 г., передал спор на рассмотрение Гаагского третейского суда. Однако решение суда оказалось на руку Франции. 5 сентября 1931 г. третейский суд объявил таможенный союз противоречащим ранее взятым Австрией обязательствам. За два дня до этого решения правительства Австрии и Германии сами заявили об отказе от соглашения о таможенном союзе. Провал попытки аншлюса озлобил милитаристские германские круги и дал новый повод для раздувания реваншистской пропаганды.

В то же время события показали германской дипломатии, что Англия рассматривала вопрос о независимости Австрии в качестве своего рода разменной монеты в англо-германских отношениях.

Англо-германские и франко-германские переговоры 1931 г. Мораторий Гувера

В июне 1931 г. германский рейхсканцлер Брюнинг вступил в переговоры с Англией и Францией. Переговоры в Лондоне начались с вопроса о так называемых «карманных линкорах», построенных Германией формально в рамках Версальского договора, установившего предел водоизмещения в 10 тыс. *т*. В действительности эти новейшие корабли превосходили по своим боевым качествам линкоры французского флота и английские тяжелые крейсеры. Франция заявила по этому поводу протест германскому правительству.

В ходе беседы с английским министром иностранных дел Гендерсоном Курциус передал ему специальный меморандум о «карманных линкорах». В то же время германский министр нашел нужным поднять вопрос о восточных границах. Он категорически заявил, что Германия не может взять на себя каких-либо обязательств в этом вопросе. Как явствует из британской документации, Гендерсон ни разу в течение всей беседы не возразил своим германским собеседникам. Что касается репараций, то английские политики не хотели отказываться от них.

Из Лондона германские министры поехали в Париж. Стремясь укрепить свои позиции в Восточной Европе, французское правительство предложило Брюнингу заем в 100 млн. долл. для преодоления экономических трудностей, но потребовало отказа Германии от таможенного союза с Австрией, а также объявления так называемого политического

моратория на 10 лет. В течение этого периода Германия должна была воздерживаться от ревизии договоров и признать окончательными свои восточные границы с Польшей и Чехословакией [1].

Однако гарантия восточных границ Германии не входила в расчеты правящих кругов США и Англии. Поэтому американская дипломатия высказалась против французского проекта, объявив его невыполнимым. Английские политики присоединились к американской позиции. Робкая попытка Франции ограничить германскую экспансию и укрепить позиции своих союзников на востоке была сорвана объединенными усилиями Соединенных Штатов и Англии [2].

По совету американских дипломатов президент Гинденбург обратился к Гуверу с просьбой предоставить Германии отсрочку по репарационным платежам и другим долгам. Президент США опубликовал обращение об отсрочке платежей по репарациям и межправительственным долгам сроком на один год («мораторий Гувера»). Англия и Италия согласились с этим предложением. Франция обусловила свое согласие отсрочкой выплаты межсоюзных военных долгов.

«Мораторий Гувера», вступивший в силу летом 1931 г., явился еще одним шагом к полной отмене репараций. Ссылаясь на кризис, Германия отказывалась от уплаты репараций и после истечения срока моратория. В июне 1932 г. в Лозанне была созвана репарационная конференция.

Преемник Брюнинга на посту рейхсканцлера фон Папен развернул бурную закулисную деятельность. Встречаясь то с Макдональдом, то с Эррио, вновь возглавившим французское правительство с 3 июня 1932 г., он описывал бедственное положение германской экономики, говорил о волнениях среди населения страны, запугивал угрозой революции. «Один шаг отделяет нас от бездны, — заявил фон Папен. — Настал момент, когда надо действовать» [3]. Его призывы нашли отклик у англичан. Макдональд во время чая в английском посольстве 11 июня сказал Эррио, что он сторонник полной отмены репараций во имя восстановления европейской экономики. Эррио заявил, что не следует позволять Германии укрепляться за счет Франции и Англии и нарушать экономическое равновесие ради ее выгоды. Он считал, что Германия может продолжать платежи [4].

Германская дипломатия удвоила усилия в отношении французских представителей. Папен предложил Эррио широкую программу франко-германских соглашений взамен отказа от репараций. Он говорил о возможности прямого антикоммунистического договора между Францией и Германией, о контактах генеральных штабов, обещал без предварительного обсуждения с Францией не выдвигать проблемы объединения с Австрией и т. д. В заключительной беседе 29 июня в качестве последнего козыря он выдвинул предложение заключить таможенный союз и военное соглашение между Германией и Францией. Проницательный политик Эррио знал цену этим предложениям. Он рассказал о них Макдональду. Британский премьер был возмущен, но не изменил своей позиции.

Конференция приняла решение о том, что Германия внесет последний заключительный взнос в сумме 4 млрд. марок. Однако эти деньги так и не были уплачены.

«Мораторий Гувера» не остановил валютного кризиса.

Вопрос о ревизии Версаля был открыто поставлен на повестку дня. В Европе назревал политический кризис.

---

[1] *P. Schmidt.* Statist auf diplomatischer Bühne. 1923—1935. Bonn, 1949, S. 219.
[2] Ibidem.
[3] См. *Эдуард Эррио.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936, стр. 399.
[4] См, там же, стр. 389—390.

Борьба советской дипломатии за сохранение мира

ЦК ВКП(б) и Советское правительство в условиях обострения международной обстановки вели последовательную борьбу за мир и упрочение сотрудничества с другими странами. Советская дипломатия осуществила активные меры по укреплению отношений с соседями СССР.

Глава турецкого государства Кемаль считал дружбу с Советским Союзом гарантией независимости Турции. 17 декабря 1929 г. был подписан протокол о продлении договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете с Турцией. В 1930 г. Москву посетил министр иностранных дел Турции Рюштю Арас. В итоге дружественных переговоров было заявлено, что «не существует ни одного вопроса, который мог бы омрачить доброе согласие между двумя странами». Стороны констатировали, что советско-турецкие отношения «приобретают все более и более близкий и дружественный характер». Оба государства заявили о своем стремлении «сделать эти отношения еще более тесными и сердечными» [1].

На следующий год Турцию посетил народный комиссар иностранных дел СССР Литвинов. В заявлении представителям печати он отметил тесные дружеские отношения и взаимное доверие между двумя странами. Литвинов заявил, что советско-турецкие отношения «могут и должны служить образцом взаимоотношений между другими государствами» [2]. В итоге советско-турецких переговоров в Анкаре 30 октября 1931 г. был подписан протокол о новом продлении договора 1925 г. и относящихся к нему протоколов.

В июне 1931 г. был продлен советско-германский договор 1926 г. о нейтралитете.

Советское правительство предложило Польше, Латвии, Эстонии, Финляндии и Румынии заключить договоры о ненападении. Обращаясь с такими предложениями к странам, правящие круги которых на протяжении долгого времени проводили антисоветскую политику и отказывались от урегулирования отношений с восточным соседом, Советское правительство учитывало серьезные изменения в международной обстановке. Советское государство превратилось в мощную индустриальную державу. Другим моментом, определявшим новую расстановку сил на международной арене, являлся рост реваншизма в Германии. При этом германские правящие круги не скрывали своих агрессивных замыслов в отношении государств Восточной Европы.

В первой половине 1932 г. были подписаны договоры о ненападении с Финляндией, Латвией, Эстонией и Польшей. Переговоры с Румынией не дали положительных результатов. Румынское правительство настаивало на признании аннексии Бессарабии. СССР, конечно, не мог на это согласиться.

Заключенные Советским Союзом договоры предусматривали ненападение, сохранение нейтралитета в случае, если другая сторона явится объектом агрессии третьих держав, взаимное неучастие в каких-либо враждебных договорах и коалициях. Стороны обязались разрешать спорные вопросы дипломатическим путем или посредством согласительной процедуры, разработанной в специальных конвенциях. В советско-финляндском договоре, подписанном в январе 1932 г., было дано определение нападающей стороны. Впоследствии это определение было развито Советским правительством в его предложениях, внесенных в Лигу наций.

В ноябре 1932 г. был подписан советско-французский договор о ненападении. Это было явным поражением французской реакции, на протяжении многих лет проводившей оголтелую антисоветскую политику. В условиях резкого усиления реваншистских тенденций в политике

---

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 442.
[2] Там же, стр. 508.

Германии, настойчивых требований ревизии Версаля со стороны Италии и Венгрии французские правящие круги вынуждены были принимать меры, способные укрепить международное положение Франции.

Советско-французский договор предусматривал, что стороны не будут препятствовать развитию внешней торговли и вмешиваться во внутренние дела. Оба государства обязывались «не допускать на своей территории ни военных организаций, имеющих целью вооруженную борьбу против другой Стороны, ни организаций, присваивающих себе роль правительства или представителя всех или части ее территории»[1].

Пункты о невмешательстве во внутренние дела имели немалое значение для Советского государства. Известно, что на территории Франции находились тогда многочисленные белогвардейские организации, пользовавшиеся покровительством французских властей.

Заключение и возобновление договоров о ненападении с рядом стран явилось важным успехом советской дипломатии в ее борьбе против создания антисоветских блоков. Эти договоры серьезно укрепили международное положение Советского Союза.

XVI съезд Коммунистической партии, состоявшийся летом 1930 г., поручил Центральному Комитету «и впредь вести *твердую и решительную политику мира и укрепления братской связи и солидарности рабочих и трудящихся масс СССР с рабочими и трудящимися капиталистических стран и колоний*»[2].

Советская дипломатия направляла всю свою практическую деятельность к тому, чтобы выполнить эту директиву партии.

* *
*

Мировой кризис привел к обострению противоречий между империалистическими государствами, между победителями и побежденными, между колониями и метрополиями. Все это обострило напряженность в международных отношениях. Версальско-вашингтонская система стояла перед крахом. Германский империализм все настойчивее добивался ликвидации военных ограничений, наложенных на него Версальским договором, ставил вопрос о равноправии в вооружениях и пересмотре границ. Япония приступила к захвату Маньчжурии. Так складывались условия для новых военных столкновений с целью передела мира.

---

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 567.
[2] «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. III, стр. 12.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОЧАГА ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1931—1933 гг.)

Влияние мирового кризиса на Японию

Мировой экономический кризис привел к обострению внутренних социальных конфликтов в Японии, усилил ее соперничество с США, Англией и другими капиталистическими странами. Господство феодальных пережитков в деревне, низкий жизненный уровень городского населения определяли крайнюю узость внутреннего рынка. Около одной трети продукции шло на экспорт. Между тем в результате кризиса объем японского экспорта снизился на 32%, импорта — на 30%. Сокращение внешней торговли оказало катастрофическое влияние на японскую экономику. Падение цен, по отдельным наиболее важным товарам достигавшее 60%, тяжело отразилось на положении трудящихся. Число безработных и полубезработных достигло 3 млн. Попытки правительства и монополистов переложить тяготы кризиса на плечи народа встретили решительное сопротивление со стороны рабочих и крестьян.

В годы кризиса активизировали свою деятельность компартия, профсоюзы и другие демократические организации. В городах и деревнях, на заводах и улицах бурлила могучая волна возмущения и протеста. Стачки и забастовки сопровождались кровавыми столкновениями с полицией.

Особенно напряженная обстановка сложилась в японских колониях. В Корее процент безработных был в 2 раза выше, чем в Японии. Рабочие-корейцы получали вдвое меньшую зарплату, чем японцы. Трудовые и арендные конфликты в Корее переплетались с борьбой за национальную независимость. Острые социальные конфликты на Тайване вылились в 1930 г. в народное восстание против японского господства.

Углубление кризиса, обострение социальной борьбы повергли в панику буржуазию и помещиков. Они стали приходить к выводу о необходимости установления в стране военно-фашистской диктатуры и осуществления широкой внешней экспансии.

В сентябре 1930 г. офицеры из центрального аппарата армии, группировавшиеся вокруг подполковника Хасимото,

организовали тайное общество, названное ими «Обществом цветения вишни». Программа общества предусматривала установление военной диктатуры и захват Маньчжурии (Северо-Восточного Китая) и Монголии.

В правящих кругах все более резко выступали против политики лавирования министра иностранных дел Сидэхара, декларировавшего «принципы сотрудничества» и «мирной политики». По своей сущности политическая линия Сидэхара не противоречила планам экспансии. Сидэхара, возглавлявший дипломатическое ведомство в различных кабинетах Японии с 1924 г., возражал лишь против необдуманных авантюр и развязывания войны без всесторонней подготовки. Но «дипломатия Сидэхары» в конце концов утратила способность сдерживать энергичную деятельность милитаристов, направленную на скорейшее развязывание агрессии.

Военная и дипломатическая подготовка захвата Северо-Восточного Китая

Северо-восточные провинции Китая и Монголия давно привлекали взоры японских империалистов. Маньчжурия была важным рынком сбыта и источником сырья (уголь, чугун, бобы и др.) для Японии. Основные иностранные капиталовложения в Маньчжурии принадлежали Японии (около 1,5 млрд. иен).

Между тем под влиянием кризиса сократился японский экспорт в Китай, возросло сопротивление китайского народа японскому проникновению. Английская и американская буржуазия с целью вытеснения Японии из Маньчжурии стала поддерживать строительство конкурировавшего с Дальним порта Хулудао и железной дороги, параллельной ЮМЖД. Это вызывало злобу империалистических кругов Японии. Они считали своей первоочередной задачей ликвидацию антияпонского движения в Маньчжурии, изгнание иностранного капитала и превращение этого района в свою колонию и плацдарм для дальнейшей экспансии в Китае и против СССР. Военно-фашистские круги с их лозунгами активной захватнической политики получали все большую поддержку со стороны господствующих классов. Это сказалось на развитии событий. Хотя назначенный на 12 марта 1931 г. военно-фашистский мятеж в силу ряда причин не состоялся, однако было сформировано новое правительство, в котором военным министром был назначен генерал Минами, тесно связанный с фашистскими элементами в армии.

4 августа 1931 г. на инструктивном совещании командиров дивизий Минами призвал вооруженным путем разрешить вопрос о Северо-Восточном Китае и Монголии[1]. Заявление военного министра было подхвачено всей японской буржуазной

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. I, стр. 185.

пропагандой. Военно-фашистские круги заявляли, что только война может вывести страну из кризиса.

Усилилась антисоветская пропаганда под лозунгом защиты Маньчжурии «от большевистской угрозы». В прессе была опубликована речь одного из руководителей военного министерства — генерала Койсо, произнесенная им на заседании кабинета министров 7 июля 1931 г. «Русская угроза снова возросла, — клеветнически утверждал генерал, — выполнение пятилетки создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения» [1].

Антисоветская кампания прежде всего предназначалась для правящих кругов западных держав. Она была призвана создать впечатление, будто острие японской политики направлено только против СССР и Япония не угрожает интересам других держав в Китае. Японские дипломаты были уверены, что антисоветские лозунги будут сочувственно встречены в Вашингтоне, Лондоне и Париже.

Все же дипломатическая служба Японии осуществила ряд дополнительных отвлекающих маневров. По японской инициативе в Лондоне начались переговоры о новом разделе Китая на сферы влияния. В США была направлена большая группа японских журналистов для широкой пропаганды в пользу улучшения японо-американских отношений и разжигания антисоветских настроений. В августе 1931 г. представитель японских монополий граф Окура провел серию бесед с руководителями американских банковских кругов и лидерами конгресса. Он открыто призывал объединиться против СССР [2].

Антисоветская кампания японцев встретила благоприятный отклик в правящих кругах США. Американская дипломатия постоянно стремилась вбить клин в советско-японские отношения. Государственный секретарь США Стимсон весной 1931 г. говорил: «Наши страны обеспечили крепкую и длительную дружбу. Океан скорее не разделяет, а соединяет нас» [3].

17 сентября 1931 г. японский посол Дебуци посетил государственного секретаря США Стимсона с обычным визитом. Сообщив Стимсону о своем отъезде в отпуск, посол выразил уверенность в том, что до его возвращения в феврале 1932 г. не возникнет никаких «сложных вопросов», требующих его присутствия в Вашингтоне. Стимсон и Дебуци обсудили взаимоотношения между странами и пришли к выводу, что в течение

---

[1] Цит. по кн.: «Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов». М., Партиздат, 1932, стр. 59.

[2] См. *Г. Н. Севостьянов.* Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931—1933). М., 1953, стр. 78—79.

[3] «New York Times», 29. IV. 1931.

многих лет они не были столь дружественными, как в это время. А спустя 48 часов Стимсон пригласил Дебуци и попросил его отложить отпуск и остаться на своем посту.

В тот же день американский посол в Японии Форбс посетил министра иностранных дел Сидэхара и обсудил с ним вопрос о положении в Маньчжурии.

Чем же все это было вызвано? Дело в том, что ситуация на севере Китая осложнялась с каждым часом. Только слепой мог не заметить истерической милитаристской кампании японской прессы. В госдепартамент поступали тревожные сообщения от посланника США в Китае Джонсона [1]. Американская разведка уже в марте 1931 г. располагала данными о том, что Япония вскоре вторгнется в Маньчжурию. Однако правящие круги США не думали всерьез препятствовать японскому выступлению. Они верили в неизбежность столкновения Японии с Советским Союзом из-за КВЖД, проходившей по территории Северо-Восточного Китая. Предполагалось, что военный конфликт на Дальнем Востоке смягчит кризис в США, отвлечет внимание Японии от других районов, где сталкивались их интересы.

Японская дипломатия активно способствовала подготовке нападения. Подобно тому как это было перед нападением на Россию в 1904 г., были начаты переговоры с нанкинским правительством об урегулировании разногласий. Это имело целью обеспечить внезапность нападения. Японский посланник несколько раз заявлял о том, что ход переговоров дает основание надеяться на урегулирование всех спорных вопросов, касающихся Северо-Восточного Китая.

Японскую дипломатию вполне устраивал также антисоветский характер политики Чан Кай-ши, препятствовавшего объединению усилий СССР и Китая для сохранения мира на Дальнем Востоке. Нанкинское правительство и шэньянские власти не выполнили взятых на себя обязательств по Хабаровскому протоколу 1929 г. В северо-восточных провинциях продолжалась активная деятельность белогвардейских организаций и вооруженных банд, провоцировавших конфликты между СССР и Китаем [2].

По вине нанкинского правительства советско-китайская конференция, предусмотренная Хабаровским протоколом, после долгих отсрочек, открылась лишь в октябре 1930 г. Но китайская сторона тормозила ее работу. Предложения советских представителей о восстановлении дипломатических отношений

[1] «Papers relating to the Foreign Relations of the United States, Japan 1931—1941», vol. I. Washington, 1943, p. 5—6. (В дальнейшем: «Foreign Relations, Japan»).

[2] См. «Известия», 9 октября 1930 г.

и развитии торговли не были приняты. Нанкинская дипломатия не хотела касаться политических взаимоотношений обеих держав, игнорируя нараставшую угрозу нападения со стороны Японии [1]. В результате советско-китайские отношения не были нормализованы в 1930—1931 гг. Недальновидные правители Китая поставили страну в состояние изоляции как раз в то время, когда над ней нависли тучи войны.

Захват Японией Северо-Восточного Китая

Японская военщина ждала лишь удобного случая, чтобы начать нападение. В августе 1931 г. в Маньчжурии были убиты японский разведчик капитан Накамура и его спутник, которые, переодевшись в гражданское платье, тайно разъезжали по стране. Командование Квантунской армии предъявило ряд жестких требований Чжан Сюэ-ляну. В Японии поднялась бешеная кампания против Китая. Премьер-министр Вакацуки и министр иностранных дел Сидэхара, зная неподготовленность Японии к серьезной войне и опасаясь внутренних и международных осложнений, на первых порах заняли пассивную позицию, чем фактически предоставили свободу действий военным лидерам. Сидэхара знал о подготовке Квантунской армии к нападению и не высказывал возражений против линии, которую вел военный министр Минами [2].

18 сентября в 10 часов вечера в Лютяогоу, севернее Шэньяна, у линии ЮМЖД, принадлежавшей японцам, произошел взрыв, инсценированный японской разведкой. Немногие обратили на него внимание, решив, что происходят очередные маневры японских войск, охранявших дорогу. Никому и в голову не могло прийти, что этот незначительный взрыв явится сигналом к войне. Как впоследствии констатировала международная комиссия Литтона, взрыв был настолько незначительным, что не помешал своевременному прибытию поезда, следовавшего в южном направлении со станции Чанчунь [3].

Спустя час после взрыва японские части в Шэньяне (Мукден) начали нападение на казармы китайских войск. В ту же ночь японские войска осуществили нападение на китайские казармы в Чанчуне, Сыпингае, Гунчжулине и других городах. 21 сентября в Маньчжурию вступила японская бригада из Кореи.

В Северо-Восточном Китае была дислоцирована 100-тысячная армия Чжан Сюэ-ляна, которая имела возможность дать

---

[1] См. *М. С. Капица*. Советско-китайские отношения, стр. 240—246.

[2] АВП СССР, ф. 436-б (фонд Международного Военного трибунала для Дальнего Востока), оп. 2, п. 5, д. 3, л. 378.

[3] «Report of the Comission of Inquiry (Litton Report), League of Nations». Geneva, 1932, p. 30.

отпор захватчикам (японцев было около 14 тыс.). Однако еще 11 сентября 1931 г. Чан Кай-ши приказал китайским войскам не вступать в столкновения с японской армией. Как только начались военные операции, он дал по телеграфу вторичный приказ Чжан Сюэ-ляну во избежание расширения инцидента не оказывать сопротивления. Часть войск Чжан Сюэ-ляна была отведена на юг, часть разоружена японцами.

Гоминдановское правительство сосредоточивало все внимание и силы не на отражении японской агрессии, а на борьбе против демократического движения. С 1930 г. чанкайшистское правительство стало организовывать один за другим походы против освобожденных районов, находившихся под контролем революционных сил. Последний перед нападением Японии — третий по счету — поход был совершен в июле 1931 г. 300-тысячная гоминдановская армия не добилась успеха.

Позиция западных держав

Китайский народ требовал организации решительного отпора японским захватчикам. Это не входило в намерения Чан Кай-ши. 22 сентября он обратился к народу и армии с призывом «соблюдать спокойствие и выдержку», не оказывать сопротивления японским войскам. Китайские помещики и компрадоры больше всего боялись подъема национально-освободительного движения, которое могло привести к победе демократических сил в стране. Авантюрист по своему складу и воззрениям, Чан Кай-ши и его внешнеполитический аппарат предпочитали дипломатическое маневрирование, явно переоценивая его значение.

Китайское правительство официально обратилось к Лиге наций с просьбой предпринять эффективные шаги для прекращения военных действий. Получив это обращение, 21 сентября генеральный секретарь Лиги наций Друммонд запросил правительство США, как участника пакта Келлога, не собирается ли оно предъявить Японии обвинение в нарушении пакта. Ответ Стимсона носил неопределенный характер, из которого все же можно было понять, что США не намереваются предпринимать каких-либо шагов против агрессора.

На следующий день Совет Лиги наций приступил к обсуждению жалобы китайского правительства. Японский представитель Иосидзава заявил, что события в Маньчжурии носят местный характер, и инцидент может быть разрешен путем непосредственных переговоров между Японией и Китаем. Обсуждение было отложено, и Друммонд направил правительствам Японии и Китая телеграммы идентичного содержания, в которых предлагалось приложить усилия к тому, чтобы не допустить дальнейшего расширения инцидента и немедленно отозвать войска на ранее занимаемые позиции.

Оттягивая время с целью завершения оккупации Маньчжурии, японское правительство 23 сентября заверило Лигу наций в том, что «Япония не имеет никаких территориальных притязаний в Маньчжурии и в самый кратчайший срок отведет свои войска из зоны железной дороги» [1]. Эти голословные заверения были приняты. Заправилы Лиги наций — Англия и Франция, так же как и США, не собирались принимать каких-либо серьезных мер против Японии.

Японская дипломатия стремилась создать впечатление, будто японская армия действует вопреки воле правительства и императора.

Американский поверенный в делах в Токио Невиль передавал в госдепартамент сообщения в духе той информации, которую японские политики искусно распространяли через свою агентуру. Невиль, в частности, писал 22 сентября: «Мне представляется, что министр иностранных дел и, возможно, другие министры были на этот раз искренне удивлены действиями армии» [2].

Ложная информация о коренных разногласиях между милитаристами и «умеренными» правящими кругами и необходимости в связи с этим относиться к Японии особенно осторожно, чтобы не толкнуть «умеренных» в лагерь «экстремистов», усиленно распространялась и в последующие годы, вплоть до нападения Японии на Пирл-Харбор. Это служило весьма удобным прикрытием для политики «умиротворения» агрессии, которая осуществлялась США, Англией и Францией. По признанию Стимсона, американские государственные деятели во время захвата Японией Северо-Восточного Китая были заняты «мыслью о необходимости соблюдать осторожность, чтобы не разжечь страсти в Японии» и не прибегать «ни к чему такому, что хоть отдаленно напоминало бы угрозы или открытую критику со стороны Америки» [3].

Дебуци был доволен, когда Стимсон заявил ему, что американская сторона рассматривает инцидент как результат «экстремистских действий» Квантунской армии. Японская дипломатия приветствовала такой оборот дела.

24 сентября госдепартамент США направил идентичные ноты Японии и Китаю с призывом не расширять конфликта в Маньчжурии. Тем самым американское правительство ставило на одну доску и агрессора и его жертву.

В Токио не замедлили этим воспользоваться. На следующий день было опубликовано заявление японского правитель-

---

[1] Цит. по кн.: «История войны на Тихом океане», т. I, стр. 190.
[2] «Foreign Relations, Japan», vol. I, p. 4.
[3] *Г. Стимсон.* Дальневосточный кризис. М., 1938, стр. 21, 22.

ства, в котором содержались обвинения по адресу Китая в нарушении международных договоров. Это якобы и вынудило Японию «прибегнуть к силе в целях защиты жизни и имущества японских подданных». Японское правительство не брало каких-либо обязательств о выводе войск и прекращении военных действий [1].

Это не смутило правящие круги США и Англии. Помощник государственного секретаря США Кэстл сказал на пресс-конференции, что заявление «показало искренность и продемонстрировало намерение урегулировать конфликт дружественным путем» [2]. Англия надеялась на то, что японская агрессия в Китае ограничится Северо-Востоком, где Англия не имела существенных интересов, а затем повернет на север, против СССР.

Советская страна решительно выступила в защиту китайского народа. Советский Союз публично осудил японскую агрессию. 25 сентября 1931 г. газета «Правда» опубликовала статью «Военная оккупация Маньчжурии», в которой вскрыла истинный характер развернувшихся событий и решительно осудила действия Японии. «Никакие семейные распри между разными кликами и группами в лагере японских империалистов, — писала газета, — не меняют того главного и решающего факта, что за военную оккупацию в Маньчжурии, за разгул японской военщины, за попирание суверенных прав китайского народа несут ответственность японские правящие круги... Трудящиеся СССР следят за борьбой в Китае с величайшим вниманием. Их сочувствие на стороне китайского народа».

30 сентября Совет Лиги наций принял лицемерную резолюцию, призывавшую обе стороны не допускать дальнейшего расширения инцидента. В ней не был установлен срок вывода японских войск и не содержалось каких-либо решительных требований к Японии. Неудивительно поэтому, что японский представитель голосовал за резолюцию. Резолюция Совета Лиги предварительно была согласована с американским представителем на сессии Лиги наций — американским консулом в Женеве Джильбертом. Правительство США официально одобрило это решение, сообщив, что оно, «действуя независимо от Лиги, будет всячески поддерживать ее усилия в урегулировании дальневосточной проблемы» [3].

---

[1] См. «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. III, М., 1932, стр. 17—19.

[2] «New York Herald Tribune», 26. IX. 1931.

[3] Congressional Record, vol. 76, part. 4, p. 208.

В японском правительстве исчезли всякие колебания. В Маньчжурию стали прибывать новые соединения оккупационных войск. Миролюбивые заверения японской дипломатии, на которые не скупились ее представители, делались с целью отвлечь внимание Лиги наций и мирового общественного мнения от дальнейшего продвижения захватчиков.

Японская военщина действовала все более бесцеремонно. Через неделю после резолюции Лиги наций командующий японскими войсками в Маньчжурии генерал Хондзе заявил, что Япония не признает власти Чжан Сюэ-ляна. 8 октября японская авиация подвергла бомбардировке г. Цзиньчжоу. Более того, японский представитель Иосидзава представил Лиге наций «жалобу» по поводу развития антияпонского движения в Китае.

Нанкинская дипломатия, продолжая лавировать, в первой декаде октября попыталась осуществить неофициальные мирные переговоры с Японией. Чан Кай-ши направил в Токио своего уполномоченного. Гоминдановский посланец заявил Сидэхара о согласии Чан Кай-ши на фактическую уступку Северо-Восточных провинций при условии гарантирования целостности 18 провинций Китая. Японцы не согласились: их целью было в конечном счете подчинение всего Китая.

Япония продолжала расширять зону оккупации. 4 ноября 1931 г. захватчики начали продвижение на север, на Цицикар, в направлении советских границ.

Японская реакционная печать открыто писала, что Северо-Восточный Китай нужен Японии в качестве плацдарма для войны против СССР. Это окрылило империалистические круги Запада. Им казалось, что начинают сбываться расчеты на столкновение Японии с Советским Союзом.

5 ноября китайское правительство уведомило председателя Совета Лиги наций французского министра иностранных дел Бриана о том, что японцы приближаются к Цзиньчжоу и что с целью избежать военного столкновения гоминдановские власти согласны на создание в этом районе нейтральной зоны и на отход китайских войск к Шаньхайгуаню, т. е. к Великой китайской стене. Китайское правительство соглашалось на то, чтобы эта зона была временно занята войсками Англии, Франции, Италии и других государств под наблюдением Лиги наций.

Бриан уведомил китайского и японского представителей о том, что Совет Лиги считает целесообразным направить в район Цзиньчжоу представителей держав — членов Совета для выяснения на месте сложившейся обстановки. Япония заявила, что она предпочитает вести непосредственные переговоры с китайским правительством. Вместе с тем японское правитель-

ство соглашалось на создание нейтральной зоны, обещая не занимать этот район «до тех пор, пока японским войскам или японским подданным не будет угрожать опасность...» [1]. Это было, по существу, издевательство над Лигой наций, однако члены Совета Лиги принялись убеждать китайскую делегацию согласиться на эвакуацию собственной территории.

16 ноября в третий раз Совет Лиги начал обсуждать маньчжурский вопрос.

Гоминдановская дипломатия уже имела все основания считать, что Лига наций неспособна остановить агрессию. Дело заключалось не только в недостатках Устава, но и в прямом нежелании английского и французского правительств противодействовать японским захватчикам.

Однако правительство Чан Кай-ши скорее для успокоения китайского народа, нежели для получения эффективной поддержки, потребовало применения к Японии ст. 16 Устава, предусматривавшей возможность экономических санкций. Эффективность санкций в значительной мере зависела от позиции США: на долю США падало около одной трети японской внешней торговли. В заседаниях Совета Лиги принял участие американский представитель — посол в Англии Чарлз Дауэс. Вместо поддержки просьбы Китая он стал оказывать давление на китайского представителя, с тем чтобы последний снял свое предложение о санкциях. Дауэс имел твердые инструкции президента Гувера, который впоследствии писал: «Я все время сопротивлялся применению каких-либо санкций; я считал возможным лишь обращаться к общественному мнению» [2].

В конце концов решение о применении ст. 16 не было одобрено: ни одно государство не настояло на принятии реальных мер пресечения агрессии. Почти месяц шла дискуссия в Совете. В итоге 10 декабря была принята резолюция о создании «комитета пяти» для изучения обстановки на месте. В комиссию, возглавляемую англичанином лордом Литтоном, бывшим вице-королем Индии, вошли главным образом представители колониальной администрации: американец — генерал Маккэй, француз — генерал Клодель, немец — д-р Шнее и итальянец — Альдрованди-Маскотти, бывший посол в Берлине.

Решение о создании комиссии было принято по предложению японского представителя. «Изучение» комиссией обстановки давало Японии дополнительное время для завершения намеченных военных операций.

---

[1] «Международные отношения на Дальнем Востоке. 1840—1949», М., Госполитиздат, 1956, стр. 438.

[2] Цит. по кн.: *W. S. Myers.* The Foreign Policies of Herbert Hoover (1929—35). N. Y. — London, 1940, p. 168.

Дальнейшее развитие японской агрессии

Американское правительство охотно предоставляло Японии играть роль жандарма в Китае и ударной силы против Советского Союза.

Однако развитие японской экспансии в южном направлении вызвало в США тревогу. Там были сосредоточены их крупные инвестиции. Американская буржуазия не собиралась сдавать позиции в Китае своим японским соперникам.

12 октября 1931 г. Сидэхара сообщил американскому поверенному в делах Невилю, что Япония хочет вести переговоры с правительством Чан Кай-ши. Стимсон заявил, что это совпадает с его усилиями по урегулированию конфликта в Маньчжурии [1]. Через день японский посол Дебуци сообщил помощнику государственного секретаря Кэстлу об условиях, предъявляемых Китаю: прекращение всех форм антияпонской деятельности, свобода экономического предпринимательства и поселений японцев в Северо-Восточном Китае, признание договоров, ранее заключенных между Японией и Китаем в отношении этого района.

Американская дипломатия попыталась взять под свой контроль намечаемые переговоры. Кэстл спросил Дебуци о возможности участия в переговорах американского наблюдателя. Спустя два дня посол заявил Стимсону о неприемлемости американского предложения. Отказ Японии вызвал раздражение в США. Американской дипломатии не удалось стать верховным арбитром в японо-китайских отношениях. Тогда она стала добиваться заверений от Токио в том, что японские действия не будут расширяться в южном направлении далее Цзиньчжоу.

Американский посол Форбс, сообщая в Вашингтон о своей беседе с Сидэхара, писал: «Министр иностранных дел занял дружественную и уступчивую позицию. Он заявил, что премьер, военный министр, начальник штаба и он согласны, чтобы в направлении Цзиньчжоу не предпринималось никаких военных действий...» [2] Цена этих заверений вскоре стала ясна. В конце декабря японцы предприняли новое наступление и 3 января 1932 г. заняли Цзиньчжоу, несмотря на повторные предупреждения со стороны американского правительства. Американцы, стремясь сохранить свое влияние в Китае и показать Японии, что США не отказываются от своих позиций в этой стране, выступили со специальным заявлением.

7 января 1932 г. государственный секретарь США Стимсон направил идентичные ноты Японии и Китаю, в которых излагалась позиция американского правительства в отношении японских захватов в Китае. Американское правительство заяв-

---

[1] «Foreign Relations, Japan», vol. I, p. 22, 27.
[2] АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 6, д. 5, л. 141.

ляло, что оно не признает и не будет признавать договоров или созданных де-факто положений, «которые могут нанести ущерб договорным правам США или их граждан в Китае, в том числе тем из них, которые связаны с суверенитетом, независимостью, территориальной и административной целостностью Китайской республики, а также международной политикой, относящейся к Китаю и известной под названием политики «открытых дверей»». США заявляли также «о непризнании любого положения, договора или соглашения, находящегося в противоречии с обязательствами Парижского пакта», т. е. пакта Бриана — Келлога [1].

Заявление США (получившее известность как «доктрина Стимсона») носило декларативный характер. Американское правительство не намеревалось предпринимать каких-либо реальных шагов для организации отпора японской экспансии. Более того, американские монополии с ведома правительства продолжали снабжать Японию военным снаряжением во все возрастающем объеме [2].

Выдвижением «доктрины Стимсона» американская дипломатия хотела лишь предупредить Японию о том, что США не намерены отказываться от своих позиций в Китае. «Доктрина непризнания» являлась вместе с тем инструментом, с помощью которого американские реакционные круги пытались, остановив японскую агрессию на юг, направить ее в желаемом направлении — против СССР. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что провозглашение «доктрины Стимсона» сопровождалось подстрекательскими заявлениями американских официальных лиц. Ссылкой на пакт Бриана — Келлога США надеялись получить поддержку других стран, являющихся участниками этого соглашения.

Однако американская дипломатия допустила просчет.

11 января 1932 г. было опубликовано коммюнике английского правительства, в котором указывалось, что, поскольку японские представители в Лиге наций, а также премьер-министр Японии заявили в октябре 1931 г. о признании принципа «открытых дверей», постольку «правительство его величества не сочло необходимым адресовать официальную ноту японскому правительству, подобную ноте американского правительства...» Не поддержала американскую позицию и Франция.

Сложившаяся ситуация показалась японцам благоприятной. 16 января 1932 г. Япония направила США ответную ноту, в которой заявляла о своем намерении уважать принцип «открытых дверей».

[1] «Foreign Relations. Japan», vol. I, p. 76.

[2] «U. S. Congress. Senate Report on Public Bills, Part 3, 74 congress, 2-d session», pp. 164, 905.

«Японское правительство, — говорилось в ноте, — считает эту политику («открытых дверей». — *Авт.*) кардинальным элементом дальневосточной политики и лишь сожалеет о том, что ее эффективность серьезно снижается в результате того неустойчивого положения, которое существует во всем Китае» [1].

Уверенная в своей безнаказанности, японская военщина решила расширить сферу своих операций. 28 января 1932 г. японцы атаковали предместье Шанхая Чапей. Это был удар по крупнейшему торговому и промышленному центру Китая, по порту мирового значения. В случае успеха Япония подчиняла себе богатейший район Китая, издавна облюбованный английскими и американскими монополиями.

Американская дипломатия попыталась стать арбитром в урегулировании дальневосточного кризиса. 2 февраля 1932 г. государственный департамент США выступил с проектом «урегулирования» вопроса о Шанхае. Американцы предлагали прекратить военные действия в Шанхае, создать «нейтральную зону» и начать переговоры с участием «нейтральных наблюдателей» [2]. 6 февраля Япония отвергла американское предложение о посредничестве. Английское правительство не поддержало инициативу США, предлагавших совместный демарш в Токио и Нанкине.

Разногласия между основными конкурентами, их нежелание всерьез препятствовать расширению японской экспансии в Китае, позволили японцам 18 февраля провозгласить «независимость» Маньчжурии, а 9 марта объявить о создании марионеточного государства Маньчжоу-Го. В то же время Япония продолжала военные операции в Шанхае.

3 марта 1932 г. открылась сессия Ассамблеи Лиги наций. Японцы в этот день прекратили бои в Шанхае, встретив серьезное сопротивление со стороны китайской 19-й армии, поддержанной всем населением города. 11 марта Ассамблея приняла резолюцию о создании «комитета 19-ти», которому поручалось продолжать «примирительную процедуру».

Борьба советской дипломатии за мир на Дальнем Востоке

Продвижение японских войск к советским границам создавало угрозу безопасности Советского Союза. В ноябре 1931 г. японские войска пересекли КВЖД. Буржуазная печать подняла крикливую кампанию о неизбежности войны между СССР и Японией.

Как раз в эти годы советский народ, преодолевая многочисленные трудности, осуществлял грандиозный план индустриализации страны и перевода миллионов мелкособственни-

---

[1] «Foreign Relations, Japan», vol. I, p. 76—77.
[2] Ibid., p. 174.

ческих крестьянских хозяйств на путь коллективизации. Это был один из труднейших этапов в жизни СССР. Влиятельные круги ведущих капиталистических держав стремились использовать обстановку для организации военных провокаций и новой интервенции против СССР. От Советского правительства требовалась крайняя бдительность и осторожность, для того чтобы не позволить империалистам втянуть СССР в войну.

Советский Союз, решительно осуждая агрессивные действия Японии, одновременно осуществлял серию гибких дипломатических мер, чтобы не допустить новой интервенции против СССР.

Заместитель наркома иностранных дел СССР посетил китайского представителя Мо Дэ-хоя сразу же как только стало известно о японских агрессивных действиях и заявил, что конфликт в Маньчжурии усиливает необходимость возобновления отношений между двумя странами. Но китайский дипломат отказался даже обсуждать этот вопрос [1]. Зато временное центральное рабоче-крестьянское правительство, созданное на территории демократических районов Китая, торжественно заявило в ноябре 1931 г. о солидарности с СССР.

14 ноября 1931 г. Наркоминдел СССР обратил внимание японского посла в Москве на недобросовестную антисоветскую кампанию, систематически проводимую военными кругами в Маньчжурии с целью осложнения отношений между СССР и Японией. Советское правительство напомнило о заверениях японского посла, что интересам СССР не будет нанесен ущерб событиями в Маньчжурии [2].

19 ноября 1931 г. вице-министр иностранных дел Японии Нагаи сообщил советскому поверенному в делах, что японские войска имеют приказ не наносить КВЖД какого-либо ущерба [3].

Однако эти миролюбивые заверения не соответствовали действиям японских властей. Оккупация Маньчжурии сопровождалась активизацией деятельности белогвардейских организаций и отрядов, руководимых бывшим атаманом Семеновым и шпионом-диверсантом Радзиевским.

В декабре 1931 г. к власти пришло правительство Инукаи, призванное осуществлять более «динамичную» внешнюю политику. Военным министром был назначен лидер военно-фашистского движения генерал Араки, связанный с «новыми» концернами, настаивавшими на активизации экспансии в Китае. Наряду с этим в правительство вошли и более умеренные деятели, в частности, министром иностранных дел был назначен

---

[1] См. «Известия», 15 ноября 1931 г.
[2] Там же.
[3] «Известия», 21 ноября 1931 г.

японский посол во Франции Иосидзава, который в 1924—1925 гг. вел переговоры об установлении отношений с СССР. Советская дипломатия решила использовать проезд Иосидзавы через Москву для того, чтобы попытаться нормализовать отношения с Японией. Во время встречи с Иосидзава 31 декабря 1931 г. М. М. Литвинов сделал предложение о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией.

Позднее советский полпред в Токио А. А. Трояновский и другие советские представители использовали каждый подходящий случай, чтобы поставить вопрос о пакте перед японскими политическими деятелями.

Предложение СССР широко обсуждалось в Японии. Демократические круги, прогрессивная пресса требовали заключения пакта. Однако фашистские и шовинистические организации, поддерживаемые военщиной, добились своего. В конце 1932 г. японское правительство официально отклонило советское предложение под тем предлогом, что СССР и Япония являются участниками пакта Бриана — Келлога и подписание нового соглашения было якобы излишним.

Активные шаги советской дипломатии затрудняли японской военщине подготовку общественного мнения страны к военному конфликту с СССР.

Советское правительство стремилось создать единый фронт держав, заинтересованных в сохранении status quo на Дальнем Востоке. Критикуя Лигу наций за бездействие, Советский Союз высказывался в пользу эффективных мер коллективной безопасности. В ответ на телеграмму генерального секретаря Лиги наций Друммонда, предложившего СССР принять участие в работе консультативного комитета Лиги наций, Наркоминдел заявил, что СССР поддерживает лишь такие предложения, которые действительно направлены на установление справедливого мира, и не позволит себя втянуть в войну, которой жаждут империалистические государства.

Советское правительство заявляло о своей готовности «солидаризироваться со всякими действиями и всякими предложениями международных органов и отдельных правительств, направленными к скорейшему и справедливому разрешению конфликта и консолидации мира на Дальнем Востоке» [1]. Советская дипломатия стремилась убедить правительство Чан Кай-ши в том, что только объединенными усилиями Китая и СССР можно остановить дальнейшее развитие японской агрессии. Это возымело действие.

Китайский представитель на Женевской конференции по разоружению Ян Хой-цин 26 июня 1932 г. передал М. М. Лит-

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 588.

винову письмо, предлагая обсудить вопрос о заключении пакта о ненападении. Советский представитель ответил согласием.

12 декабря 1932 г. посредством обмена нотами были восстановлены дипломатические и консульские отношения между двумя странами.

Восстановление отношений между СССР и Китаем японская дипломатия расценила как свое крупное поражение и как серьезное предостережение со стороны СССР. Япония решила оказать нажим на СССР и Китай, чтобы не допустить дальнейшего сближения этих двух стран.

24 апреля 1933 г. в беседе с заместителем народного комиссара иностранных дел японский посол заявил, что заключение советско-китайского пакта не может не оказать влияния на отношение общественного мнения Японии к СССР. В ответ советский дипломат заметил, что он не думает, чтобы такой миролюбивый шаг, как заключение пакта с Китаем, мог повлиять на японо-советские отношения. Советский представитель использовал начатый послом разговор для того, чтобы еще раз заявить, что СССР готов подписать пакты о ненападении со всеми соседними государствами, в том числе и с Японией [1].

Подписание советско-китайского пакта могло рассматриваться в Японии как принципиально новая линия Китая в отношении СССР. Этого как раз и боялись гоминдановцы. Поэтому при первом же нажиме со стороны японцев они пошли на попятную: отказались от заключения соглашения о торговле и договора о ненападении.

Усилия Советского Союза по созданию фронта борьбы с агрессией и сохранению мира на Дальнем Востоке не были поддержаны. Советское правительство, учитывая враждебную политику Японии, приняло необходимые меры к укреплению своих дальневосточных границ и обороноспособности страны. Это отрезвляющим образом подействовало на японскую военщину.

Доклад комиссии Литтона и уход Японии из Лиги наций

Комиссия Литтона, созданная в декабре 1931 г., начала свою деятельность весной 1932 г. с посещения не Китая, а... США и Японии. В середине марта 1932 г. комиссия прибыла в Шанхай. Только в апреле «расследователи» добрались до Маньчжурии.

«Доклад Литтона» был опубликован в октябре 1932 г. В нем признавалось, что Маньчжурия является составной частью Китая и связана с ним в экономическом и культурном отношениях. Фактически только присутствием японских войск объяснялось существование «независимого» маньчжурского «госу-

---

[1] АВП СССР, ф. 0146, п. 153, д. 564, л. 93, 94.

дарства». Тем не менее авторы доклада пытались доказать наличие «особых» интересов Японии в Маньчжурии. Вместе с тем в докладе указывалось на нарушение Японией Устава Лиги наций, пакта Бриана — Келлога и «договора девяти держав». Комиссия не обошлась без антисоветских выпадов, делая вопреки фактам намеки на опасность «со стороны североманьчжурских границ» [1]. Выводы и предложения комиссии диктовались стремлением поделить влияние в Северо-Восточных провинциях Китая между Японией, с одной стороны, и США, Англией и Францией — с другой. Считая, что «коммунистическая партия в Китае стала соперником национального правительства», доклад призывал империалистические державы «к сотрудничеству» во имя национальной реконструкции, т. е. фактически к совместной интервенции против освободительного движения.

Комиссия не предлагала восстановления status quo, хотя считала необходимым формально сохранить суверенитет Китая над Маньчжурией, которая должна получить широкую автономию, охраняемую империалистическими державами. Для этой цели предлагалось организовать специальный корпус жандармерии с участием иностранных инструкторов, а также назначить «советников» для контроля над финансовой, экономической и политической жизнью Китая. В докладе предлагалось придерживаться «договора девяти держав», а также соблюдать принцип «открытых дверей» не только в правовом отношении, но и в торговле, промышленности и банковском деле [2]. Предлагалось также, чтобы переговоры между Японией и Китаем по урегулированию конфликта происходили при участии наблюдателей от третьих держав.

Таким образом, весь доклад Литтона и его рекомендации должны были обеспечить сотрудничество империалистических держав для подавления национально-освободительного движения китайского народа и превращения Северо-Восточного Китая в базу для антисоветской интервенции.

Советское правительство разоблачило подлинные цели комиссии Литтона. «Правда» писала, что комиссия старалась «создать конфликт между Японией и СССР... подвести базис сотрудничества империалистов против Китая и СССР» [3].

Представитель Японии в Лиге наций Мацуока, когда началось обсуждение доклада, решительно отверг все предложения комиссии Литтона, заявив, что маньчжурская проблема для японского народа — «дело жизни или смерти». Это выступле-

[1] «Report of the Commission of Inquiry (Lytton Report), League of Nations», p. 36, 37, 113, 125.

[2] Ibid., p. 125.

[3] «Правда», 4 ноября 1932 г.

ние не встретило отпора со стороны западных держав. Более того, английский министр иностранных дел Саймон отверг обвинения против Японии. Он настойчиво призывал считаться с создавшимся «реальным положением» в Северо-Восточном Китае. Мацуока с восторгом отозвался о речи Саймона, который «сумел за полчаса несколькими фразами изложить все то, что он, Мацуока, пытался выразить в течение последних десяти дней» [1].

По инициативе английского представителя 9 декабря 1932 г. Ассамблея передала доклад в «комиссию 19-ти» для выработки предложений об урегулировании конфликта. Начались длительные закулисные переговоры. Они шли в Токио между английским послом Крейги и японским министром иностранных дел Утида, и в Женеве — между генеральным секретарем Лиги англичанином Друммондом и японским делегатом Сигемура. В результате был составлен проект резолюции, из которого было исключено всякое упоминание «о непризнании Маньчжоу-Го».

Американская дипломатия не осталась в стороне. 14 января 1933 г. американские послы в Лондоне и Париже сообщили английскому и французскому правительствам, что США настаивают на одобрении Лигой наций выводов комиссии Литтона. Об этом же заявил 17 января 1933 г. президент Ф. Рузвельт.

Между тем Япония расширяла зону своих действий. В начале января 1933 г. она захватила Шаньхайгуань — ворота в Центральный Китай. Стремясь спасти престиж Лиги наций и оказать некоторое давление на Японию, 24 февраля 1933 г. Ассамблея приняла резолюцию, признающую незаконным захват Маньчжурии. Резолюция призывала Японию эвакуировать войска из Маньчжурии: она подтверждала суверенитет Китая над Северо-Восточными провинциями; обязывала членов Лиги наций не признавать de jure и de facto Маньчжоу-Го «ввиду несовместимости этого признания с основными принципами существующих международных обязательств»... Резолюция предлагала создать в Маньчжурии правительственную организацию, обладающую широкой автономией, но признающую «особые права и интересы» Японии [2].

Японцы не собирались считаться с Лигой наций. Мацуока раздраженно заявил «о расхождении во взглядах со всеми членами Лиги наций по вопросу о мире на Дальнем Востоке». Вслед за тем Мацуока и члены японской делегации покинули зал заседаний Ассамблеи. При возвращении Мацуока в Япо-

---

[1] «Survey of International Affairs for 1932», p. 493.
[2] «League of Nations. Journal officiel», vol I. Geneva, 1932, p. 325.

нию ему была устроена восторженная встреча, как национальному герою.

27 марта 1933 г. японское правительство уведомило генерального секретаря Лиги наций о своем выходе из организации. Это решение мотивировалось глубоким расхождением во взглядах Японии и Лиги наций в отношении принципов, «коим надлежит следовать, для того чтобы установить прочный мир на Дальнем Востоке».

В феврале 1933 г. японцы вторглись в провинцию Жэхэ и вскоре ее оккупировали, а затем начали продвигаться в провинцию Хэбэй. Но даже в этой ситуации гоминдановское правительство не изменило своей позиции лавирования и пассивного выжидания. 29-я армия, оборонявшая эти районы, не получила поддержки и потерпела поражение. К концу мая 1933 г. японские части подошли к Пекину и Тяньцзину.

31 мая 1933 г. в местечке Тангу, около Тяньцзина, китайские представители подписали перемирие с японским командованием (так называемое «соглашение в Тангу»). Правительство Чан Кай-ши признавало контроль японцев над Северо-Восточными провинциями и частью Северного Китая. Соглашение означало завершение первого этапа японской экспансии на азиатском материке.

Отвергнув резолюцию Лиги наций и выйдя из Лиги наций, Япония фактически порвала со всеми международными соглашениями, фиксировавшими определенное равновесие сил, сложившееся на Дальнем Востоке после первой мировой войны и закрепленное Версальским и Вашингтонским соглашениями. Япония начала новый передел мира, создав на Дальнем Востоке очаг войны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ. СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ВСЕОБЩЕМ И ЧАСТИЧНОМ РАЗОРУЖЕНИИ (1932—1934 гг.)

Международная обстановка перед созывом конференции по разоружению и подготовка к ней

Агрессия Японии в Китае ухудшила и без того напряженную международную обстановку. Соперничество и противоречия между США и Японией на Дальнем Востоке, между США и Англией, между Англией и Францией и Италией в Европе и в районах их колониальных владений, наконец, между Германией и государствами — победителями в первой мировой войне обострялись, а гонка вооружений становилась все более интенсивной и опасной. Версальско-вашингтонская система договоров трещала по всем швам. Борьба за рынки сбыта и сырья, за влияние в различных районах мира оказывала все возраставшее воздействие на развитие международных отношений. Шла ожесточенная борьба между трудом и капиталом, между империалистическими государствами и угнетенными народами колоний.

Империалистические державы, стоявшие во главе Лиги наций, стремились разрешить свои противоречия за счет СССР, пытаясь сколотить единый фронт против Советского государства и подорвать его растущую экономическую и политическую мощь организацией экономической блокады, всякого рода антисоветских провокаций и клеветнических кампаний. Вместе с тем в целях обмана и дезориентации масс заправилы Лиги предпринимали демонстративные шаги в пользу мира.

В этой обстановке началась подготовка к созыву Международной конференции по разоружению, которая неоднократно откладывалась под предлогом незаконченности работы подготовительной комиссии, заседавшей в Женеве начиная с 1926 г. За время работы подготовительной комиссии, проведшей к концу 1930 г. 6 сессий, военный бюджет крупнейших империалистических держав возрос на 27%. Доклад комиссии, представленный Совету Лиги наций, к которому был приложен проект конвенции об ограничении вооружений, сопровождаемый многочисленными оговорками участников подготовитель-

ной комиссии, подвергся резкой критике со стороны советской делегации, которая отказалась присоединиться к нему. Как заявил глава советской делегации в интервью представителю ТАСС 27 ноября 1930 г., «вырабатываемые проекты конвенции, на которые комиссия, состоящая из представителей 30 государств, потратила около 5 лет и которые в нынешнем виде могли быть не хуже составлены в течение недели несколькими добросовестными чиновниками, могут быть рамкой для дискуссии скорее об отказе от разоружения, чем о действительном сокращении вооружений» [1].

Тем не менее этот порочный проект конвенции предназначался для рассмотрения Международной конференции по разоружению, созывавшейся по решению Совета Лиги 2 февраля 1932 г.

После длительной закулисной борьбы между главными западными державами, а также переписки между правительствами ряда государств, в которой участвовал и Советский Союз, настаивавший на принципе равноправия при подготовке и проведении конференции, Совет Лиги наций назначил 22 мая 1931 г. председателя конференции — министра лейбористского правительства Англии Артура Гендерсона. Вслед за этим Совет Лиги утвердил состав участников конференции — всех членов Лиги наций (55 государств), а также СССР, США, Турцию, Мексику, Бразилию, Египет, Афганистан, Эквадор и Коста-Рику, не являвшихся в то время членами Лиги.

17 февраля 1931 г. генеральный секретарь Лиги наций разослал всем государствам — участникам конференции письмо, в котором предложил сообщить данные, касающиеся вооружений государств.

26 апреля Советское правительство первым из всех правительств представило данные о советских вооружениях, оговорив, что они предназначены исключительно для Международной конференции по разоружению. Вместе с тем Советское правительство по собственной инициативе обменялось данными о вооружениях с Великобританией, Францией, Германией, Италией, Польшей, Литвой, Латвией и Финляндией.

Хотя подготовка созыва конференции по разоружению шла полным ходом, гонка вооружений не ослабевала. Беспокойство общественности ряда стран и невозможность для некоторых из них угнаться за более мощными соперниками в гонке вооружений вынудили правительство Италии выступить с предложением о «перемирии в вооружениях» на время деятельности конференции. Это предложение, выдвинутое 8 сентября 1931 г.

---

[1] «Сборники документов по международной политике и международному праву», вып. I, М., 1932, стр. 9.

на XII Ассамблее Лиги наций итальянским министром иностранных дел Гранди, после длительного обсуждения было принято, хотя и в ослабленном виде, Ассамблеей с поручением запросить правительства всех стран, участвующих в конференции по разоружению, «готовы ли они принять на годичный срок... такое перемирие в вооружениях» [1].

21 октября 1931 г. народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов сообщил генеральному секретарю Лиги наций о готовности Советского Союза «принять на себя одновременно с другими правительствами и на тех же самых основаниях обязательство не увеличивать вооружений на все время конференции по разоружению» [2]. Несмотря на явную недостаточность и ограниченность этой меры, Советское правительство поддержало ее в целях укрепления мира и создания благоприятной атмосферы к предстоящей международной конференции.

Империалистические державы между тем продолжали свои военные приготовления, готовясь к новой схватке. На Дальнем Востоке Япония оккупировала часть китайской территории, а затем начала провокации на КВЖД и против МНР. Германия все более настойчиво добивалась равноправия в вооружениях и запугивала западные державы опасностью большевизма, предлагая свои услуги по борьбе с этой «опасностью» в Европе. Англия, Франция и США не только попустительствовали этим агрессивным приготовлениям, но и, по существу, содействовали им, хотя между самими этими державами росли противоречия, чреватые опасностями для мира в Европе и во всем мире.

«Советский Союз, — писала газета «Известия» 7 декабря 1931 г., — единственное государство, которое искренне добивается разоружения и предотвращения войны, потому что страна строящегося социализма — это единственная страна, политика которой основана на охране интересов трудящихся, на действительном укреплении мира».

Первый этап конференции по разоружению; позиции главных ее участников

2 февраля 1932 г. в Женеве открылась Международная конференция по разоружению, на которую прибыли представители более чем 60 государств. Вступительная речь председателя конференции Артура Гендерсона, как отмечала даже английская печать, «не содержала ни одного намека на созидательную или продуманную политику». С одной стороны, он говорил о необходимости

---

[1] «Société des Nations Journal Officiel Supplement special», № 93, p. 161.

[2] «Сборники документов по международной политике и международному праву», вып. I, стр. 134—135.

быстро обеспечить «значительное сокращение и ограничение всех национальных вооружений». С другой — призывал, явно сомневаясь в успехе конференции, обеспечить «непрерывность» прогресса к конечной цели, для чего рекомендовал «собирать аналогичные конференции в разумно короткие промежутки времени» [1].

С самого начала конференции обнаружился различный подход главных ее участников к основным задачам в области разоружения. Французская делегация, возглавлявшаяся премьер-министром Андре Тардье, выдвинула 5 февраля свой проект «разоружения» (так называемый «план Тардье»), основным элементом которого явилась идея «интернационализации», или передачи в распоряжение Лиги наций, бомбардировочной авиации, дальнобойной артиллерии, линейных судов свыше 10 тыс. *т* и больших подводных лодок, а также создание международных полицейских сил «для предотвращения войны». Вместе с тем французский проект предлагал так называемую «гуманизацию» войны и дополнительные гарантии безопасности путем заключения договоров и создания новых военных союзов.

Весь смысл «плана Тардье» состоял в стремлении к французской гегемонии в Европе под вывеской Лиги наций. Поскольку этот план предусматривал создание международной армии под эгидой Лиги, он имел определенную антисоветскую направленность, ибо СССР был единственным крупным государством в Европе, которое в то время не было членом Лиги.

«План Тардье» был поддержан лишь Польшей, Чехословакией и Бельгией, которые находились в прямой политической и экономической зависимости от Франции. Другие великие державы выдвинули собственные предложения, расходившиеся с французскими.

Германия выступила с требованием «уравнения» в правах на вооружение, хотя и прикрывала это требование призывами к всеобщему разоружению. Глава германской делегации Брюнинг заявил на конференции: «Германское правительство, как и германский народ, просит, чтобы разоружение стало всеобщим. Германский народ требует равенства прав и равенства безопасности всех народов». Германская делегация предложила распространить требования Версальского договора о количественном и качественном ограничении вооружений Германии на все страны. Италия поддержала эти требования, направленные против гегемонии Франции.

---

[1] «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la réduction et la limitation des armaments. Série A. Compte rendu seances pleniéres», vol. I. Genève, 1932, p. 40.

Позиция Англии была внутренне противоречивой. Она опасалась усиления Франции и пыталась добиться «восстановления равновесия» в Европе, поддерживая германское требование «равноправия» в вооружениях. Выступивший 8 февраля 1932 г. глава английской делегации Джон Саймон выдвинул предложения, предусматривавшие уничтожение подводного флота, химических средств войны, отмену всеобщей воинской повинности, одобрение Вашингтонского и Лондонского соглашений о морских вооружениях и рекомендовавшие образование постоянной комиссии для дальнейшего контроля над вооружениями. Английская делегация предложила положить в основу работы конференции проект конвенции, выработанный подготовительной комиссией.

Делегация США, поддержавшая в основном предложения Англии, особо подчеркнула вопросы «качественного разоружения», требуя в первую очередь уничтожения танков, подвижной тяжелой артиллерии и газов. Она особенно ратовала за присоединение Франции и Италии к Лондонскому соглашению 1930 г., что обеспечивало сохранение морских вооружений США при их сокращении у других морских держав.

Таким образом, на первом же этапе конференции обнаружились серьезные противоречия в позициях основных империалистических держав, которые стремились ослабить военную мощь друг друга, но не намеревались сделать реальные шаги к действительному разоружению.

«Империалисты хотят превратить женевскую конференцию, — писала «Правда» 12 февраля 1932 г., — в огромную дымовую завесу, которая должна скрыть от общественного мнения трудящихся всех стран бешеную подготовку новой мировой войны, вступлением к которой являются события на Дальнем Востоке».

В этих условиях программа разоружения, выдвинутая советской делегацией, явилась единственной программой, способной продвинуть вперед дело разоружения всех государств, действенной программой укрепления всеобщего мира.

Позиция СССР на конференции по разоружению

11 февраля 1932 г. глава советской делегации нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов выступил на пленарном заседании конференции и изложил позицию Советского Союза в вопросах разоружения. «Мы стоим, — сказал он, — перед проблемой разоружения, которая должна получить практическое решение без дальнейших отсрочек и проволочек, без уклонения в сторону изучения новых и новых предварительных условий»[1]. Он напомнил, что с первых дней

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 528.

своего существования Советское государство «осудило войну в качестве орудия национальной политики» и «строго и последовательно проводило линию мирного и лояльного сотрудничества с другими государствами».

Указав на то, что конференция открылась под грохот пушек и авиационных бомб на Дальнем Востоке, М. М. Литвинов подчеркнул, что нельзя считать серьезным препятствием возникновению новых войн ограничение или сокращение вооружений. Советская концепция безопасности, продолжал оратор, отличается от концепций других делегаций, которые имеют в виду обеспечить тому или иному государству, подвергшемуся нападению, максимальные шансы победы. «Советская же делегация полагает, что мы должны стремиться к тому, чтобы сделать самое войну невозможной, ибо от нее страдают народные массы как победивших, так и побежденных стран, и более того — народные массы всего мира, как мы в этом убедились на примере последней войны» [1].

Руководствуясь этим подходом к проблеме разоружения, советская делегация подвергла убедительной критике выдвинутый французским правительством проект, показав, что этот план является своего рода предварительным условием для какого-либо сокращения вооружений, причем условием, которое превратило бы настоящую конференцию в подготовительную, могущую потребовать не меньше времени, чем многолетняя работа подготовительной комиссии. Что же касается главного предложения «плана Тардье» — создания международной армии под эгидой Лиги наций, то, как оценила его советская общественность, это был план «безопасности от разоружения» [2].

Подвергнув критике и другие предложения западных держав, советский дипломат напомнил, что СССР уже выдвинул в подготовительной комиссии проект конвенции о полном разоружении, осуществляемом в течение четырех лет, и если бы это предложение было принято тогда, когда оно было внесено, «дальневосточные события не могли бы произойти, не было бы угрозы новой войны и переживаемый ныне миром экономический кризис наверное был бы менее острым».

Глава советской делегации вновь подчеркнул, что «идея полного всеобщего разоружения отличается от других схем своей простотой, легкой осуществимостью и легкостью контроля его осуществления» [3]. Поэтому делегация СССР настаивала на принятии принципа всеобщего и полного разоружения в качестве основы для работы конференции.

---

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 530.
[2] «Известия», 17 февраля 1932 г.
[3] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 533.

Вместе с тем советская делегация заявила, что она не питает иллюзий насчет судьбы своего проекта конвенции о всеобщем и полном разоружении и не стоит на позиции — либо полное разоружение, либо никакого. Поэтому она подтвердила свою готовность «обсуждать любые предложения, направленные к сокращению вооружений», напомнив делегатам конференции, что она внесла в подготовительную комиссию свой исправленный проект частичного разоружения, считая проект подготовительной комиссии совершенно недостаточным. Советский проект конвенции о частичном разоружении предусматривал полное уничтожение наиболее агрессивных типов вооружений, включая танки и сверхдальнюю артиллерию большой мощности, военные корабли свыше 10 тыс. *т* водоизмещением, судовую артиллерию калибром свыше 12 дюймов, авианосцы, военные дирижабли, тяжелые бомбардировщики, а также все средства химической и бактериологической войны. Советская делегация рекомендовала прогрессивно-пропорциональный метод сокращения вооружений, как наиболее беспристрастный и справедливый, предусматривая вместе с тем некоторые льготы и изъятия в пользу слабейших стран.

В заключение она заявила, что «будет горячо поддерживать всякие предложения, наиболее приближающиеся к ее собственным или идущие дальше. Она будет поддерживать равноправие всех участников конференции и одинаковую безопасность для всех государств» [1].

Представитель СССР в своем первом же выступлении обратил внимание конференции на всеобщую тревогу, которую вызывает надвигающаяся опасность войны, и подчеркнул, что устранить эту опасность можно в нынешней обстановке не частичными решениями, а кардинальными мерами всеобщего и полного разоружения. «Нужно создать, — говорил он, — безопасность от войны. Эта безопасность не может быть достигнута обходными путями, а исключительно прямым путем всеобщего и полного отказа от вооружения» [2].

18 февраля советская делегация распространила для рассмотрения на конференции проект резолюции, заключительная фраза которой гласила: «Конференция решает положить в основу своих работ принцип всеобщего и полного разоружения» [3]. Принцип, предложенный в советском проекте, был поддержан по разным мотивам делегациями Турции, Ирана и Германии. Глава турецкой делегации Тефик Рюштю Арас го-

---

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 534.
[2] Там же, стр. 535—536.
[3] Там же.

ворил о симпатии, с которой турецкое правительство относится к советскому предложению, ибо оно считает, что с принятием его «все другие предложения отпадут сами собой».

Однако большинство делегаций было решительно против советского предложения. В качестве представителей этого большинства выступили делегаты Греции (Политис) и Испании (Мадариага), которые говорили о «гибельных результатах», к которым якобы может привести метод всеобщего и полного разоружения.

Английский делегат Саймон внес в генеральную комиссию свой проект резолюции, которая призывала продолжать обсуждение «в рамках проекта конвенции о сокращении и ограничении вооружений» и сохраняла за всеми делегациями «полную свободу развивать собственные предложения во время последующих дебатов». Это предложение и было принято конференцией, после чего советская делегация начала борьбу за каждый шаг, направленный к действительному сокращению вооружений.

Советские предложения и идея всеобщего и полного разоружения вызвали широкую поддержку во всем мире. Ряд видных деятелей различных стран высказался в пользу этих предложений, этой идеи. Среди них были: Бертран Рассел, Понсойнби, Ленсбери, известный физик Альберт Эйнштейн и многие другие.

В ходе последующей работы генеральной комиссии конференции и ряда технических комиссий советская делегация упорно отстаивала принципы и предложения, ведущие к реальному материальному разоружению, и разоблачала маневры крупных империалистических держав, которые выдвигали нередко различные, подчас широковещательные проекты, оказывавшиеся на деле лишь средством ослабления своих потенциальных противников и сохранения и даже усиления своих военных преимуществ.

Особенно показателен в этом смысле был маневр США. 22 июня 1932 г. американский делегат Гибсон выдвинул предложения президента США Гувера, выглядевшие на первый взгляд довольно радикально. Гувер предлагал «сократить на $^1/_3$ размеры всех сухопутных армий, превышающие полицейский фактор» [1], уничтожить танки, тяжелую артиллерию, бомбардировщики, запретить химическую войну, сократить на $^1/_3$ количество и тоннаж линкоров, на $^1/_4$ тоннаж авианосцев, крейсеров и эсминцев, определенный по Вашингтонскому и Лон-

[1] «Société des Nations. Actes de la Conférence pour la réduction et la limitation des armaments. Série B. Proces-verbal de la Commission générale», vol. I, p. 122.

донскому морским соглашениям, а также на $^1/_3$ договорный тоннаж подводных лодок. Все эти меры в случае их принятия значительно ослабляли Францию, Англию, Японию и ряд европейских государств, в то время как военная мощь США затрагивалась в меньшей мере.

Когда советская делегация внесла в предложенную 11 июля Саймоном общую расплывчатую резолюцию поправки, в которых были отражены важнейшие конкретные предложения США (о сокращении всех вооружений на $^1/_3$, об уничтожении бомбардировочной авиации и танков, об ограничении калибра артиллерии и др.), то при голосовании большинство капиталистических государств (30) проголосовало против них (при 4 «за» и 18 воздержавшихся). Лицемерие США было разоблачено, ибо американская делегация голосовала заодно с другими противниками советских поправок, хотя они воспроизводили важнейшие предложения президента США. Стало очевидным для всех, что выдвижение широковещательного проекта Гувера было лишь предвыборным маневром (в США предстояли президентские выборы), предпринятым под давлением общественного мнения.

После отклонения советских поправок организаторы конференции вынуждены были заняться переделкой самого проекта резолюции, ибо перед всем миром было обнажено нежелание империалистических держав сделать реальные шаги к разоружению. Появившийся в результате длительных закулисных переговоров (в которых участвовали Аллен Даллес от США, Кадоган от Англии и Массигли от Франции) новый проект резолюции, предложенный министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем, не отличался определенностью и конкретностью в основных вопросах разоружения.

Естественно, что советская делегация подвергла этот проект решительной критике и высказалась против него, поскольку он представлял собою шаг назад в работе конференции. В выступлении главы советской делегации 21 июля 1932 г. была дана и общая оценка работы конференции за первые шесть месяцев ее заседаний. Советская делегация показала нежелание главных держав приступить к реальным мерам разоружения, непрекращающуюся с их стороны подготовку к войне, что и составляло основную причину топтания конференции на месте. «То упорное сопротивление, — говорил М. М. Литвинов, — на которое на нашей конференции наталкиваются даже предложения о минимальных мерах разоружения, указывает на то, что правительства, несмотря на пацифистский договор об отказе от войны, несмотря на обилие международных конференций, продолжают верить в войну как средство национальной политики, что они предпочитают говорить друг с другом

даже о мире и о международной солидарности в полном вооружении». Поэтому, заключал глава советской делегации, «Советское правительство не видит основания ослаблять свою пропаганду всеобщего мира через полное всеобщее разоружение» [1].

23 июля 1932 г. первая сессия конференции по разоружению закончилась в обстановке растущих империалистических противоречий, наглядным показателем которых являлась все более агрессивная позиция Германии, требовавшей «равноправия» в вооружениях.

Требования Германии «равноправия» в вооружениях. Немецкая делегация покидает конференцию

В ходе первой сессии конференции германская делегация неоднократно выдвигала свои претензии «равноправия» в вооружениях, ссылаясь на «чувство национальной гордости» и требования «международной справедливости». Как свидетельствовал Уинстон Черчилль, в кругах западных держав уже в то время готовился пересмотр соответствующих статей Версальского договора, что было известно германскому правительству и стимулировало кампанию за отказ от обязательств Версаля, которая развертывалась национал-социалистами в самой Германии. В своих мемуарах Черчилль писал: «В Женеве заседала в это время конференция по разоружению, а крикливая кампания против унизительного версальского диктата способствовала растущему преуспеянию Гитлера. После зрелого размышления Брюнинг набросал далеко идущий план пересмотра мирного договора. В апреле 1932 г. он отправился с ним в Женеву, где неожиданно встретил благосклонный прием. В результате его бесед с Макдональдом, Стимсоном и Норманом Дэвисом создалось впечатление, что соглашение может быть достигнуто. Как ни странно, за основу этого соглашения принимался принцип «равенства вооружений» между Германией и Францией, правда, с оговоркой о возможности различного его истолкования [2]. Однако до оформления этого плана ввиду возражений Франции не дошло вплоть до окончания первой сессии конференции. Это побудило Германию к ряду шагов с целью отмены версальских ограничений явочным порядком.

В связи с прениями во французской палате депутатов о военном бюджете германский военный министр генерал фон Шлейхер выступил 26 июля 1932 г. с речью по радио, в которой резко критиковал политику Франции и заявил, что, если

---

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 543.

[2] *Winston S. Churchill.* The second World War, vol. I. London, 1948, p. 57.

Германии отказывают в признании равноправия в вооружениях, она сама позаботится о своей безопасности. На другой день германский канцлер фон Папен заявил представителям прессы, что Германия будет настаивать не только на «моральном равноправии», но и на фактической возможности иметь современное вооружение. Вызывающие выступления Шлейхера и Папена подняли бурю негодования во Франции. Французская демократическая печать предостерегала, что «германские вожди возбуждают массы идеей войны за реванш» и что «Германия теперь желает делать совершенно открыто то, что она последние 10 лет творила втайне».

Французский посол в Берлине Франсуа-Понсэ по поручению своего правительства потребовал объяснений. Министр иностранных дел фон Нейрат хладнокровно ответил, что генерал фон Шлейхер выразил единодушное мнение германского кабинета и всей страны. 29 августа Нейрат в присутствии военного министра Шлейхера вручил Франсуа-Понсэ меморандум, в котором французскому правительству предлагалось начать переговоры «о равноправии в вооружениях», с тем чтобы отменить военные ограничения Версаля. Франция отклонила 11 сентября это требование, заявив, что она неправомочна вести сепаратные переговоры по этому вопросу. Французский официоз «Тан» писал, что Германия хочет вооружения и полной свободы маневрирования, чтобы «добиться удовлетворения своих территориальных требований и разрушить то, что было создано договорами» [1].

Англия в основном поддержала Францию. Не получив удовлетворения своих требований, Германия отказалась участвовать в заседаниях бюро конференции по разоружению, которые были назначены на 21 сентября, выполнив, таким образом, свою угрозу уйти с конференции.

Правительство США шло навстречу требованиям Германии и рекомендовало Англии оказать Германии известную поддержку, запугивая в то же время Францию. Италия открыто поддержала Германию. Опасаясь изоляции, Франция пошла на уступки, и 11 декабря 1932 г. на совещании пяти держав в Женеве (США, Англии, Франции, Италии и Германии) было достигнуто соглашение о том, что Германии будет предоставлено «равноправие в рамках системы безопасности, одинаковой для всех стран». После этого Германия возвратилась на конференцию по разоружению, но ненадолго. В 1933 г. она окончательно покинула конференцию по разоружению и вслед за Японией заявила о своем выходе из Лиги наций [2].

---

[1] «Temps», 17. XI. 1932.

[2] Подробнее об этом см. в главе двадцать третьей.

Второй этап конференции. Советский проект декларации об определении агрессии

По возобновлении работы конференции 11 ноября 1932 г. правительство Франции выдвинуло новый план организации мира, так называемый «конструктивный план Эррио — Поль Бонкура». В основе своей этот проект предусматривал сохранение военного status quo в Европе с обеспечением гегемонии Франции, сложную систему гарантий безопасности и установление единообразной системы призыва в армию, базирующейся на краткосрочной (трехмесячной) всеобщей воинской повинности. Он содержал также старое французское предложение о международных вооруженных силах в виде соединений военной авиации, создаваемой на основе вербовки добровольцев различных национальностей. Французский план не затрагивал вовсе колониальных войск, позволяя Франции сохранять большую колониальную армию из долгосрочно служащих. Положения проекта, касающиеся морских вооружений, были направлены против стремления Италии добиться паритета с Францией, а предложение о создании «Европейского союза воздушного транспорта» имело в виду ограничение растущей гражданской авиации Германии и контроль за ней.

«План Эррио — Поль Бонкура» был поддержан европейскими малыми странами, находившимися в сфере французского влияния — Чехословакией, Югославией, Бельгией, но встретил решительное сопротивление со стороны Италии, Германии и Англии.

Советская делегация, выступившая 6 февраля 1933 г. с критикой французского плана, указала, что этот план, выдвигая вновь общие вопросы безопасности в качестве первостепенного условия каких-либо шагов в области разоружения, приводит к тому, что «после четырех лет работ Подготовительной комиссии по разоружению и на втором году существования самой конференции мы оказываемся отброшенными к тому этапу, на котором мы находились пять лет тому назад, и вынуждены вновь оставить на заднем плане вопросы разоружения и заняться проблемой безопасности»[1]. Вместе с тем советская делегация, подчеркнув необходимость скорейшего продвижения вперед и в вопросе о безопасности государств и учитывая возросшую угрозу фашистской агрессии, призвала конференцию рассмотреть советский проект декларации об определении нападающей стороны, поскольку при решении вопроса об обеспечении безопасности нельзя обойтись без ясного и точного определения агрессии.

---

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 578.

Советский проект декларации об определении нападающей стороны, представленный 6 февраля 1933 г., явился важным международным документом, вокруг которого развернулось обсуждение как на самой конференции, так и вне ее, между различными правительствами.

Этот проект включал прежде всего определение, что нападающим государством в международном конфликте будет признано то, которое совершит первым одно из следующих действий:

«a) Которое объявит войну другому государству;

b) Вооруженные силы которого, хотя бы и без объявления войны, вторгнутся на территорию другого государства;

c) Сухопутные, морские или воздушные силы которого бомбардируют территорию другого государства или сознательно атакуют суда или воздушные суда этого последнего;

d) Сухопутные, морские или воздушные силы которого будут высажены или введены в пределы другого государства без разрешения правительства последнего или нарушат условия такового разрешения, в частности, в отношении времени или расширения района их пребывания;

e) Которое установит морскую блокаду берегов или портов другого государства» [1].

В советском проекте было подчеркнуто, что никакие соображения политического, стратегического или экономического порядка не могут служить оправданием для нападения. С целью полностью устранить какую-либо неясность в этом вопросе и лишить агрессоров какого-либо повода для совершения агрессии советский проект перечислял такие выдвигавшиеся не раз мотивы внутреннего положения страны, против которой совершались нападения, как отсталость народа в политическом, экономическом или культурном отношении, недостатки, приписываемые его управлению, опасность, могущая грозить жизни или имуществу иностранцев, революционное движение, гражданская война, беспорядки и забастовки, а также установление или сохранение в этом государстве того или иного политического, экономического или социального строя.

В документе указывались и такие мотивы внешнеполитического характера, как нарушение международных договоров, нарушение прав и интересов в области торговли, концессий или всякой иной экономической деятельности, разрыв дипломатических или экономических отношений, меры финансового и экономического бойкота, отказ от долгов, воспрещение или ограничение иммиграции или изменение режима иностранцев, нарушение привилегий для официальных представителей другого

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 583.

государства, отказ в пропуске вооруженных сил, следующих на территорию третьего государства, мероприятия религиозного и антирелигиозного характера и, наконец, различные пограничные инциденты, обычно выдвигаемые в качестве предлога для совершения агрессии.

В случае угрожающих действий какого-либо государства, гласило советское предложение, могут быть приняты меры дипломатического и иного характера для мирного разрешения международных споров, но должен быть вовсе исключен переход границы, т. е. военные действия против другого государства.

Проект, выдвинутый СССР, был от начала до конца проникнут идеей мирного сосуществования, ибо он провозглашал такие принципы, как неприкосновенность границ любого государства — большого и малого, невмешательство в дела, в развитие, в законодательство и в администрацию другого государства. Он был расценен мировой общественностью как важный шаг Советской страны в интересах укрепления всеобщего мира и безопасности народов. Английский журнал «Уикэнд ревью» от 11 февраля 1933 г. писал, что предложения СССР «являются слишком практичными, чтобы державы могли принять их, но авторы их заслуживают нашу благодарность за то, что они внесли в нашу среду струю свежего воздуха».

Большинство представителей капиталистических государств, выступивших при обсуждении в политической комиссии советской декларации, вынуждено было в той или иной форме поддержать основные принципы ее, а Комитет безопасности после длительных и острых прений одобрил основные идеи советского проекта. Лишь представитель Англии Антони Иден выступил с критикой советской декларации, пытаясь подкрепить свою позицию тем, что точное определение агрессии якобы вообще невозможно. Эта позиция была расценена как желание Англии сохранить свободу действий в случае войны.

Всеобщим мнением, однако, было то, что, как писала «Правда», «советская декларация означает новый этап борьбы за мир, разоружение и подлинную безопасность от войны» [1].

Поскольку организаторы конференции затягивали окончательное принятие на пленарном заседании одобренного Комитетом безопасности проекта декларации об определении агрессии, Советское правительство предприняло шаги с целью придания этому определению действенности, как международно-правовому документу. Во время происходившей в Лондоне международной экономической конференции Советскому Союзу удалось подписать (3—5 июля 1933 г.) Конвенцию об опреде-

[1] «Правда», 9 февраля 1933 г.

лении агрессии с 10 капиталистическими государствами (Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Турция, Иран, Афганистан, Чехословакия, Югославия).

Крах конференции по разоружению

Последним буржуазно-пацифистским планом, выдвинутым перед конференцией по разоружению, был английский план, получивший название «плана Макдональда», оглашенный на конференции 16 марта 1933 г. Этот план, явившийся своеобразным синтезом предшествовавших западных проектов, продолжал в основном развитие идей так называемого «качественного разоружения» и устанавливал некоторые предельные цифры сухопутных вооруженных сил лишь европейских стран без какого-либо обоснования их определенными критериями. В морских вооружениях предлагалось подтвердить обязательства по Вашингтонскому и Лондонскому соглашениям, а в авиации предлагалось такое сокращение воздушных сил, по которому Англия получала большие преимущества перед Францией и Италией.

Президент США Франклин Рузвельт призвал глав 53 государств, к которым он обратился, поддержать «план Макдональда». В условиях обострения обстановки в Европе, вызванного подготовкой агрессии со стороны гитлеровской Германии, и развязанной на Дальнем Востоке Японией войны против Китая конференция приняла в июне 1933 г. «план Макдональда» за основу будущей конвенции по разоружению. Однако реального движения к разоружению конференция не осуществила. Гонка вооружений не только не ослабевала, а, наоборот, принимала все бóльшие масштабы. Военная угроза продолжала расти.

С 29 мая по 11 июня 1934 г. была проведена — уже без участия Германии — последняя сессия конференции. Ллойд Джордж в своей статье накануне открытия этой сессии писал: «По всеобщему мнению, конференция по разоружению скоро будет переложена с больничной койки на катафалк. Врачи собираются для последней консультации» [1]. В этой обстановке требовались новые усилия, чтобы противостоять агрессивным приготовлениям гитлеровской Германии и фашистской Италии, чтобы объединить силы, заинтересованные в сохранении мира, и дать им новый стимул к борьбе.

В своей речи на конференции, произнесенной 29 мая, советский представитель справедливо напомнил всем присутствующим, что опасность новой войны «может коснуться одних раньше, других позже, но от нее не уйти. Я знаю, — говорил он, — что есть политики, вся мудрость которых состоит в том, чтобы прокладывать этой опасности пути в сторону от себя в

[1] «Berliner Börsen-Zeitung», 27. V. 1934.

надежде, что, избрав одно направление, эта опасность его никогда не изменит. Тщетные надежды! История не знает таких случаев, когда империалистические государства, склонные к завоеваниям и расширению своего господства, облюбовали бы лишь одну страну света — юг, запад, восток или север. Укрепившись в одном направлении, они с окрепшими и увеличенными силами бросались на новые завоевания в других, а чаще всего во всех направлениях. Перед лицом такой опасности ни одно государство в интересах самосохранения не может умыть руки и отказаться от сотрудничества в общем международном деле предотвращения этой опасности» [1].

В этих целях Советское правительство внесло предложение о превращении конференции по разоружению в «постоянную и регулярно собирающуюся Конференцию мира», которая непрерывно заботилась бы об обеспечении безопасности государств, о предупреждении войн и сохранении всеобщего мира.

Международная общественность горячо поддержала инициативу СССР. Особо благожелательное отношение к этому предложению было отмечено во Франции и странах Малой Антанты.

В Англии, однако, искали путей соглашения с гитлеровской Германией и готовы были идти на сговор с ней на базе германского довооружения. Вот почему министр иностранных дел Англии Джон Саймон выступил открыто против советского предложения и рекомендовал... закрыть конференцию по разоружению, «внеся некоторый реализм в наш идеализм». После длительных закулисных переговоров между Англией и Францией был достигнут компромисс, и 8 июня на конференции была принята резолюция, предложенная Барту, в которой рекомендовалось принять возможные меры к возвращению Германии на конференцию, продолжить работу вокруг проблемы обеспечения безопасности, а советское предложение передать на рассмотрение правительств.

Этим фактически и завершилась работа Международной конференции по разоружению. В ходе этой конференции Советский Союз продемонстрировал перед всем миром подлинно миролюбивый характер своей политики, разоблачил фальшивые маневры империалистических держав и выдвинул предложения о всеобщем и полном разоружении, которые сплачивали прогрессивные силы всех стран в борьбе против агрессии, за мир и безопасность народов.

---

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 702.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ОЧАГА ВОЙНЫ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В БОРЬБЕ ЗА СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1933—1935 гг.)

1. Фашистская Германия на путях подготовки новой войны

Захват гитлеровцами власти в Германии

30 января 1933 г. гитлеровцы захватили власть в Германии.

Установление фашистской диктатуры произошло в условиях резкого обострения классовых противоречий в период экономического кризиса 1929—1933 гг. В Германии создалась тогда особенно сложная и напряженная обстановка. Германский империализм с помощью американских и иных кредитов за годы временной стабилизации капитализма восстановил свою экономическую мощь. Он стремился воспользоваться этим для того, чтобы ликвидировать Версальский договор, вернуть себе потерянные после первой мировой войны территории и колонии. Более того, германские империалисты брали курс на радикальный передел земного шара.

Вместе с тем Германия оказалась одной из стран, наиболее сильно пораженных мировым экономическим кризисом. За годы кризиса ее национальный доход снизился на 40,5%. Армия безработных насчитывала 8 млн. человек. Быстро нарастал революционный подъем. Классовые бои становились все более ожесточенными. На выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г. германские коммунисты получили 6 млн. голосов.

В этих условиях германские монополисты решили поставить у власти гитлеровцев. Ставка была сделана не случайно. Фашистская партия, возглавлявшаяся Гитлером и демагогически именовавшая себя партией национал-социалистов, открыто выступала с шовинистическими лозунгами войны за господство германской расы, разжигала ненависть к другим народам, призывала к жестоким репрессиям против коммунистов и подавлению рабочего движения.

Круг финансовых и промышленных магнатов, щедро финансировавших фашистскую партию и содействовавших ее приходу к власти, был широким. К ним следует отнести прежде всего главу Стального треста Фрица Тиссена, выделившего

для нацистской партии 100 тыс. золотых марок [1]. «Угольный король» Эмиль Кирдорф опекал фашистскую партию с 1923 г., ежегодно передавая ей миллионы марок [2]. Финансовый магнат Альберт Гугенберг давал Гитлеру по 2 млн. марок в год [3]. Президент Рейхсбанка Яльмар Шахт сыграл особую роль в установлении связи Гитлера с финансовыми тузами страны. Не отставали от своих коллег Георг фон Шницлер — директор «ИГ Фарбениндустри», Фридрих Флик — крупнейший промышленник и многие другие. Фашистские главари хорошо сознавали, во имя чего покровительствовали им индустриальные короли. В феврале 1932 г. на съезде в Дюссельдорфском клубе промышленников Гитлер пообещал участникам съезда, если они окажут ему содействие в захвате власти, предоставить им такие военные заказы, каких они еще не знали. Один из руководителей съезда, Фриц Тиссен, ответил на эти обещания возгласом, полным энтузиазма: «Хайль Гитлер!».

19 ноября 1932 г. группа видных монополистов обратилась к президенту Гинденбургу с меморандумом, в котором содержалась просьба призвать Гитлера к власти, создать «диктаторское правительство». Этот документ был обнаружен в Кельне в 1945 г. в сейфе барона Курта фон Шлейхера; его подписали хозяева немецкой металлургии, угольной, химической и судостроительной промышленности, финансовые магнаты — представители более 160 крупнейших компаний с капиталом более 1,5 млрд. марок [4].

Значительную роль сыграла поддержка нацистов рейхсвером. Генерал Курт фон Шлейхер, находившийся у власти с лета 1932 г., всячески потворствовал фашистской партии. 26 января 1933 г. состоялась встреча Шлейхера с командующим рейхсвером Гаммерштейном. Через два дня, вручая Гинденбургу прошение об отставке, Шлейхер посоветовал президенту поручить формирование нового правительства национал-социалистской партии, рассматривая такой шаг как наиболее «благоприятную возможность» для Германии [5]. Сговор реакционной военщины с воротилами монополий привел Гитлера к власти.

Назначение Гитлера рейхсканцлером было встречено поразному в западных кругах. Английская консервативная пе-

---

[1] *G. F. Hallgarten.* Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt am Main, 1955, S. 75.

[2] *Peter Nelken.* Hinter den Kulissen des Hitlerkrieges. Berlin, 1946, S. 106.

[3] *F. Thyssen.* I paid Hitler. N. Y., 1942, p. 98.

[4] «Dokumentation der Zeit». Berlin, 1953, S. 3014—3015.

[5] *K. Bracher.* Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart — Düsseldorf, 1955, S. 723.

чать, соблазняемая антибольшевистскими посулами фюрера, успокоительно заверяла общественность, что период предвыборной агитации и ее неизбежных «преувеличений» кончился; новый германский кабинет станет теперь на путь «конструктивной политики». Американская реакционная печать также утверждала, что канцлерство Гитлера «не возбуждает серьезных опасений относительно последствий в международных отношениях».

Иные настроения господствовали во Франции. Парижская пресса, включая правую, почти единодушно оценивала новый германский режим как «инструмент войны». «С точки зрения международной, — писала «Фигаро» 31 января 1933 г., — приход Гитлера представляет серьезную опасность. Он является искрой, которая может взорвать пороховую бочку». Еще более откровенно формулировал эти опасения орган националистов «Ордр». «Если люди, определяющие судьбы Германии, — писала газета, — решаются поставить во главе страны правительство, состоящее из типичнейших представителей пруссачества, то это свидетельствует о том, что они мало считаются с Францией и полагают, что пришел момент показать миру истинное лицо Германии».

Захватив власть, фашистская клика перешла к действиям. Вечером 28 февраля 1933 г. был обнародован чрезвычайный декрет «В защиту народа и государства». Этот и другие последовавшие за ним декреты отменяли важнейшие основные права, предусмотренные конституцией Германии. Многие статьи конституции объявлялись недействительными. Устанавливался список драконовских наказаний за малейшие нарушения декретов. За неповиновение фашистскому режиму предусматривались каторжная тюрьма и смертная казнь. 14 июля 1933 г. указом имперского кабинета нацистская партия была признана единственной политической партией в Германии, а все другие партии были объявлены вне закона. С 1 декабря 1933 г. фашистская партия стала правительственной организацией Германии [1].

Ознаменовав свой приход к власти диким террором, фашисты обрушили лавину преследований в первую очередь на Коммунистическую партию. Тысячи и тысячи борцов за народное дело были замучены, расстреляны, заключены в концлагеря. Гитлеровцы бросили за решетку славного вождя германских трудящихся Эрнста Тельмана.

---

[1] После смерти Гинденбурга выборы президента были отменены. Должности президента и канцлера были объединены в лице Гитлера, который получил также права верховного главнокомандующего вооруженными силами Германии.

Альберт Эйнштейн, Генрих Манн, Анна Зегерс и многие другие выдающиеся представители науки и культуры Германии вынуждены были покинуть родину.

Американский посол в Берлине Уильям Додд так описывает эту атмосферу разнузданного нацистского террора: «Животные — единственные счастливые существа, которых я встречаю здесь... В то время, когда людей сотнями убивают без суда или без всяких доказательств виновности, когда население буквально трепещет от страха, животные пользуются неприкосновенными правами, о которых люди не могут и мечтать. Да, тут уж поневоле захочешь стать лошадью!»[1] Нацистских главарей Додд называл «невежественными и тупыми фанатиками», «истеричными крикунами», преступниками без чести и совести, готовыми «прибегнуть к самым бесчеловечным методам», для того чтобы установить варварский «новый порядок» в Европе и во всем мире. Как известно, позднее, в 1937 г., У. Додд вынужден был покинуть пост посла в Берлине, поскольку его отношение к гитлеровскому режиму расходилось с точкой зрения руководителей госдепартамента.

Но не только на коммунистов обрушились репрессии фашистских правителей. Их жертвами стали и другие демократические организации и партии.

Вслед за коммунистами были брошены в тюрьмы и концлагеря тысячи и тысячи немецких социал-демократов.

Усердно помогала фашистам захватить власть католическая партия центра — главная опора буржуазного строя в Германии, предшественница правящей партии ФРГ — Христианско-демократического союза. Лидеры партии, и в их числе Конрад Аденауэр, доказывали, что именно эта партия вместе с национал-социалистами должна составить ядро так называемой «национальной концентрации», цель которой — подавление революционного рабочего движения и осуществление активной реваншистской политики. Вопиющим предательством интересов нации со стороны лидеров партии центра явилось голосование за предоставление правительству Гитлера чрезвычайных полномочий, имевшее место 23 марта 1933 г.[2] Тем самым Гитлер получил в свои руки «парламентское решение», при помощи которого он окончательно ликвидировал какую-либо законность в стране.

В тяжелейших условиях фашистского разгула Коммунистическая партия Германии продолжала борьбу, смело и реши-

[1] «Дневник посла Додда. 1933—1938». М., 1961, стр. 15.

[2] *E. Matthias, R. Morsey.* Das Ende der Partien 1933. Düsseldorf, 1960, S. 321, 424; *K. Bracher, W. Saner, G. Schulz.* Die Nationalsozialistische Machtergreifung. Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933—1934. Köln, 1960, S. 82, 145.

тельно разоблачала внутреннюю и внешнюю политику фашизма. «Наш долг неустанно разоблачать перед народными массами, — говорил Эрнст Тельман, — авантюристскую политику безудержного вооружения, проводимую германскими фашистами, этими убийцами, разжигающими интервенционистскую войну против Советского Союза и одновременно реваншистскую войну...» [1]

В январе 1933 г. на последнем легальном плакате, который Компартия расклеила в городах Германии, были начертаны грозные слова предостережения: «Гитлер — это война! Война — это разрушение Германии!»

Установление в Германии кровавого фашистского режима вызвало тревогу и протесты трудящихся во многих странах. В обращении Компартии Франции, УВКТ и Союза коммунистической молодежи «На помощь трудящимся Германии», опубликованном 3 февраля 1933 г., подчеркивалось, что «Гитлер у власти — это ожесточенная борьба против немецких трудящихся, противодействующих войне» [2]. Коммунисты США в своем заявлении от 1 февраля 1933 г. разоблачали американских империалистов как активных участников в установлении фашистской диктатуры в Германии. Заявление гласило: «Гитлер пришел к власти при помощи финансовых кругов американской Уолл-стрит, которые стремятся обеспечить американские инвестиции в Германии путем подавления германских революционных масс» [3].

С самого начала господства фашизм выявил свою сущность как террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее агрессивных элементов финансового капитала. Международная обстановка серьезно осложнилась. Германский империализм вновь выступал в зловещей роли зачинщика войны.

Фашистские планы мирового господства

Захватив власть, гитлеровцы приступили к реализации давно разработанной ими программы подготовки новой мировой войны в целях установления своего мирового господства.

В обвинительном заключении Международного трибунала по делу главных германских военных преступников отмечалось, что цели и задачи фашистского режима, установленного в

---

[1] *Вилли Бредель.* Эрнст Тельман. Политическая биография. М., 1955, стр. 111—112.

[2] Цит. по кн.: «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937)». М., 1961, стр. 57.

[3] Цит. по кн.: «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937)», стр. 7.

Германии, «сводились к тому, чтобы любыми средствами... включая и незаконные средства, причем имелось в виду в конечном счете прибегнуть к угрозе силой, применению силы и агрессивной войне, достичь следующего: 1) отмены и уничтожения Версальского договора и его ограничений относительно военных вооружений и военной активности Германии; 2) овладения территориями, утраченными Германией в результате первой мировой войны 1914—1918 гг., и другими территориями в Европе, которые, по заявлению нацистских заговорщиков, должны принадлежать так называемой «германской расе»; 3) захвата других территорий на континенте Европы и на других континентах, на которые нацистские заговорщики предъявляли претензии за счет соседних и других стран, как на необходимое для «германской расы» «жизненное пространство»» [1].

Данная программа не являлась секретом; она была изложена Гитлером еще в 1924 г. в его книге «Майн кампф», этой мрачной «библии людоедов». Касаясь целей внешней политики фашистской партии, он писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила 600 лет назад. Мы кладем конец извечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем свой взгляд к землям на востоке... Мы переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания».

Провозглашая открыто агрессивную политику на востоке, Гитлер, разумеется, и не думал отказываться от захватов в Западной Европе. Однако он предпочитал не афишировать до поры до времени эту часть своих разбойничьих планов, стремясь ввести в заблуждение западные державы.

Раушнингу Гитлер разъяснял: «Нам нужна Европа и ее колонии. Германия — только начало...». Но он, Гитлер, не начнет войны немедленно после взятия власти. Наоборот, он будет сначала даже смягчать конфликты, подписывать любые договоры и соглашения, вести политику «примирения» со всеми недавними врагами. Я буду двигаться этапами, пояснял нацистский главарь. Однако в конечном счете, считал он, «меч будет все решать».

Разбойничьи аппетиты гитлеровцев поистине не знали границ. «Не провинции, а геополитические категории, — нагло заявлял Гитлер, — не национальные меньшинства, а континенты, не поражение, а уничтожение противника, не союзники, а сателлиты, не перемещение границ, а перетасовка государств

[1] «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. I. М., 1952, стр. 35.

всего земного шара, не мирный договор, а смертный приговор — такими должны быть цели великой войны» [1].

«Научным» обоснованием и оправданием агрессивных войн, к которым лихорадочно готовилась гитлеровская Германия, служила немецко-фашистская расовая «теория».

Сознание немцев систематически отравлялось угаром шовинизма, воспеванием войны и насилия. Фашистская пропаганда твердила: «На развалинах мира водрузит свое победное знамя та раса, которая окажется самой сильной и превратит весь культурный мир в дым и пепел».

Германский фашизм выступал, таким образом, не только как буржуазный национализм, но и как звериный шовинизм, как «правительственная система политического бандитизма» [2].

Гитлер и его сообщники считали, что установить мировое господство можно будет, «если в центре нашего развития... будет создано мощное, твердое, как сталь, ядро из 80-ти или 100 млн. немцев». В это ядро включались кроме Германии Австрия, Чехословакия, часть Польши. Вокруг него — система малых и средних вассальных государств: Польша, Финляндия, Венгрия, Сербия, Хорватия, Румыния, а также Прибалтика, Украина, Белоруссия и другие территории. Все эти земли должны были быть заселены немцами. Славяне должны были быть частью истреблены, частью выселены; остальные — обезземелены и превращены в батраков или чернорабочих немецкой «расы господ». Таким хотели видеть фашисты свой «тысячелетний рейх».

Свои захватнические аппетиты гитлеровские главари рассчитывали удовлетворить прежде всего за счет СССР. Вместе с тем они мечтали расправиться с Францией, ликвидировать независимость Великобритании, утверждая, что она охвачена «гангреной декаданса» и должна погибнуть. Малым государствам Западной Европы была уготована участь провинций рейха.

Гитлеровцы мечтали о владычестве «новой Германии» на всех континентах. Соединенные Штаты Гитлер предполагал расчленить. Латиноамериканский континент целиком включался в зону «жизненного пространства» Германии.

Став на путь подготовки новой войны за передел мира, фашистское правительство Германии лицемерно твердило о своем «миролюбии». В первом же воззвании «К германской нации» возвещалось, что новое правительство во главе с Гитлером «преисполнено сознания важности задачи содействовать сохра-

---

[1] Цит. по кн.: *H. E. Fried.* The Guilt of German Army. N. Y., 1943, p. 10.

[2] *Георгий Димитров.* Избранные произведения, т. I. М., Госполитиздат, 1957, стр. 377.

нению и укреплению мира, в котором человечество нуждается теперь больше, чем когда бы то ни было». Впрочем, цели внешней политики Германии определялись туманными и двусмысленными формулировками: «Утверждение права на жизнь» и «Восстановление свободы». Правительство Германии, говорилось в декларации от 1 февраля 1933 г., считает своим долгом добиваться отмены «дискриминации страны» в международных делах, добиваться необходимого «равноправия», как важнейшего условия, «обеспечивающего мир».

В целях обмана мирового общественного мнения главари фашистской Германии не прочь были выдать себя за сторонников европейского мира. Так, Гитлер заявил о своем желании прийти к соглашению с Францией. Английским и американским представителям он сообщил о своей готовности начать переговоры с этими странами о разоружении.

Не скрывали в Берлине только одного — своих намерений бороться против «опасности большевизма». Антикоммунизм стал официальной государственной доктриной фашистской Германии. Главари немецких фашистов весьма определенно демонстрировали свою готовность «покончить с мировым коммунизмом», «ликвидировать Советский Союз», «выполнить историческую миссию защиты западной цивилизации» и т. д.

Все эти заверения гитлеровской дипломатии с одобрением воспринимались в реакционных кругах Лондона, Парижа и Вашингтона. Лорд Ротермир, владелец реакционной газеты «Дейли мейл», писал еще в 1930 г.: «Переход политического влияния в Германии к национал-социалистам выгоден и для всей остальной Европы, ибо таким образом воздвигается еще один оплот против большевизма» [1].

То, что политика фашистской Германии, имевшая целью подготовку и развязывание новой мировой войны, серьезно угрожала жизненным интересам всех стран, не могло не быть известно правительствам западных держав. Об этом свидетельствуют донесения послов, заявления государственных и политических деятелей США, Англии и Франции, многочисленные архивные документы.

Так, например, видный английский консервативный деятель Дафф-Купер, посетив в 1933 г. Германию, указывал на агрессивные устремления фашистского правительства: «Германия проводит подготовку к войне в таком масштабе и с таким энтузиазмом, которые не знают примера в истории» [2].

---

[1] Цит. по кн.: *Женевьева Табуи.* 20 лет дипломатической борьбы, стр. 116.

[2] *Duff Cooper.* Old Men Forget. The Autobiography. London, 1954, p. 182.

Однако, одержимые ненавистью к социализму, правящие круги Англии и США ничего не хотели замечать, кроме антисоветской заостренности политики фашистских главарей. А между тем гитлеровская Германия на всех парах развертывала подготовку к завоеванию мирового господства. Этот курс был продиктован интересами германских монополий.

20 февраля 1933 г. в имперской канцелярии в присутствии Шахта состоялось совещание Гитлера и Геринга с крупными промышленниками Германии. Изложенные Гитлером основные черты программы подготовки новой мировой войны преисполнили присутствующих на конференции руководителей ведущих монополистических объединений таким восторгом, что они тут же ассигновали 3 млн. марок в фонд нацистской партии. Крупп фон Болен унд Гальбах взял слово, чтобы «выразить Гитлеру благодарность от имени 25 присутствующих промышленников за то, что он дал... такое ясное представление о своих идеях» [1].

Об огромной поддержке, которую германские промышленники оказали фашистской военной программе завоевания мирового господства, можно судить по свидетельству Густава Круппа. Он писал: «В результате многих лет тайной работы был заложен научный и массивный фундамент для того, чтобы снова начать работать для германских вооруженных сил в назначенный час без потери времени или утраты опыта... Я считаю, что могу здесь сказать, что германские промышленники с энтузиазмом шли по этому новому пути, что они рассматривали великие намерения фюрера, как свои собственные... и стали его верными последователями» [2].

Антисоветские призывы Гитлера вызывали одобрение монополистических кругов империалистических стран. «С Гитлером можно вести дела», — заявили Додду представители американских банков «Чейз нейшнл бэнк» и «Нейшнл сити бэнк» Уинтроп Олдрич и Генри Манн после интимной беседы с Гитлером, во время которой он поделился с ними своими планами форсированного вооружения Германии.

Многие американские фирмы принимали активное участие в производстве вооружения для фашистской Германии. Рокфеллеровский трест «Стандард ойл» продолжал расширять свои связи с «ИГ Фарбениндустри» — одним из основных поставщиков вермахта. Между американским концерном «Дюпон де Немур» и «ИГ Фарбениндустри» происходил регулярный обмен информацией относительно новейших изобретений в области искусственного каучука и синтетического азота; были

[1] См. *Альберт Норден.* Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства. М., 1948, стр. 170—171.

[2] «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. I, стр 293—294.

заключены «джентльменские соглашения» о производстве красителей [1].

Большую роль в финансировании германской тяжелой индустрии играли крупнейшие финансовые группы США — Моргана (финансирование германской электротехнической и авиационной промышленности), Рокфеллера (обмен патентами и финансирование «ИГ Фарбениндустри» и ряда отраслей военной промышленности), Меллона (тесное сотрудничество с «Ферейнигте алюминиумверке»). Активную финансовую помощь немецким монополиям оказывали также «Дженерал моторс» и банковские фирмы «Диллон Рид энд компани», «Шредер бэнкинг корпорейшн оф Нью-Йорк», «Чейз нейшнл бэнк» и др. Министр военно-морского флота США Нокс говорил, что в 1934 и 1935 гг. Гитлеру поставлялись «сотни первоклассных авиационных моторов, изготовляемых в США» [2].

Правящие круги Соединенных Штатов Америки не препятствовали постоянному увеличению поставок американскими фирмами («Юнайтед эйркрафт корпорейшн» и др.) военных самолетов фашистской Германии.

Активно вооружали вчерашнего врага Британии английские монополии и банки: «Империал кемикл индастрис», «Виккерс-Армстронг», «Хиггинс энд К°» и др.

Небезынтересны в этом отношении слова У. Додда о том, что «военные промышленники во всем мире являются главной причиной напряженности в Европе». Додд удостоверял, что американские фирмы «продали Германии большое количество оружия, за которое было уплачено золотом... Англичане тоже не лучше. Они сами нарушили Версальский договор, продавая Германии самолеты и другую военную технику» [3].

Итак, одной из важнейших причин быстрого роста германского военного потенциала была колоссальная помощь со стороны американских и английских монополий. На протяжении многих лет они предоставляли хозяевам Рура крупные займы и кредиты, обменивались с ними патентами на новейшие изобретения, подписывали различные секретные соглашения.

Коварные методы и приемы фашистской дипломатии

Главной и неизменной целью фашистской дипломатии было создание наиболее благоприятных внешнеполитических условий для завоевания гитлеровской Германией мирового господства. Фашистская дипломатия способствовала военным приготовлениям Германии, активно участвовала в политическом планировании и подготовке агрессивных войн,

[1] См. *Н. Иноземцев.* Внешняя политика США в эпоху империализма, стр. 308.

[2] См. там же, стр. 309.

[3] «Дневник посла Додда. 1933—1938», стр. 5, 7.

постоянно при этом нарушая и попирая международные договоры, соглашения и свои же собственные заверения.

Фашистская дипломатия играла на антисоветских настроениях реакционных кругов западных стран. В начале апреля 1933 г. в Берлин прибыл видный американский дипломат Норман Дэвис. В беседе с ним Гитлер спекулировал на «опасности коммунизма» и враждебном отношении Запада к СССР. Все это пришлось по душе Дэвису, который не преминул заявить Гитлеру, что США относятся с пониманием к его политике.

Вскоре после беседы Дэвиса с Гитлером на вопрос, заданный Розенбергу: «Как Германия сегодня относится к СССР?», последовал ответ: «Отношение Германии к определенным другим странам зависит от того, какова будет точка зрения англосаксонских держав в отношении Германии» [1]. «Западные демократии» пользовались любым случаем, чтобы заверить фашистскую Германию в своей поддержке.

Фашистская дипломатия ставила целью добиваться раскола среди своих противников, изолировать будущую жертву, успокаивать общественное мнение ложными заявлениями о миролюбии и мнимыми «гарантиями».

При осуществлении своих первых агрессивных акций Гитлер и его окружение опасались применения санкций. Поэтому после очередного захватнического акта фашистские политики и пресса проявляли большую нервозность и торопились заверить общественное мнение, что Германия «желает только мира» и что «никаких более претензий она не имеет». Однако вскоре в Берлине убедились, что агрессивные шаги фашистской Германии совершаются при молчаливом или открытом одобрении Вашингтона, Лондона, Парижа. Это придало еще больше наглости фашистским дипломатам.

Дипломатическая деятельность гитлеровской Германии характеризовалась открытым бандитизмом. Международный договор или соглашение заключались с одной только целью: усыпить бдительность очередной жертвы агрессии.

Для фашистской дипломатии не существовало каких-либо международно-правовых, моральных или иных ограничений в применении средств, методов и приемов для достижения поставленных перед ней целей. В ход широко пускались ложь, обман, вероломство, запугивание. Характерным орудием фашистской дипломатии стал террор, направленный против неугодных Берлину политических и государственных деятелей. «А знаете ли вы, — говорил Женевьеве Табуи германский посол в Париже Ролланд Кестер, — что в Берлине некоторые нацисты утверждают, что с помощью пяти или шести... политиче-

[1] «Правда», 17 апреля 1933 г.

ских убийств Германия могла бы обойтись без расходов на войну и добиться в Европе всего, чего только пожелала бы!» [1]

Нацисты придавали большое значение деморализации «вражеской нации». «Добьемся ли мы морального поражения противника перед войной? — спрашивал Гитлер. — Вот вопрос, который меня интересует. Везде, в самой вражеской стране, мы будем иметь друзей, которые нам помогут. Мы сможем их обеспечить. Смятение чувств, конфликты, нерешительность, паника — вот что будет нашим оружием».

Гитлеровцы насаждали повсюду своих агентов — «туристов», «дельцов» и т. п., которые должны были разжигать мятежи и волнения, вызывать панику, усыплять бдительность противника. «Наша стратегия, — поучал Гитлер одного из своих приближенных, — будет состоять в том, чтобы разрушить врага изнутри, заставить его разбить самого себя своими руками». Для этого, считал он, годилось все — провокации, диверсии, заговоры. Один из доверенных советников Гитлера, статс-секретарь Вильгельм Чеплер, заявлял: «В наших интересах — разжигать максимальный беспорядок в Европе» [2].

При нацистской партии был создан специальный орган — иностранный отдел. Основная его функция заключалась в том, чтобы сплотить «двенадцать миллионов заграничных немцев» в нацистскую подпольную армию и осуществлять руководство подрывной деятельностью в странах пребывания.

Германские монополии предоставили в распоряжение гитлеровцев свои средства, международные связи и аппараты заграничных филиалов для осуществления дипломатического шпионажа и широкой подрывной деятельности. Фриц Тиссен свидетельствует, что крупнейший немецкий концерн «ИГ Фарбениндустри» «помогал нацистам, оплачивал их агентов по пропаганде за границей. Это, кстати сказать, делали и многие другие концерны. Все эти расходы компенсировались соответствующими счетами в марках в Германии, и, таким образом, нацисты были в состоянии использовать огромные суммы в иностранной валюте, остававшиеся за границей. Это, между прочим, одна из причин, почему иностранным государствам так трудно было открыть пути, по которым финансировалась нацистская пропаганда» [3].

По своему содержанию и существу фашистская дипломатия была антинациональной. Послеверсальские проблемы немецкого народа использовались гитлеровцами для разнузданной демагогии, которой прикрывались агрессивные внешнеполити-

[1] *Женевьева Табуи.* 20 лет дипломатической борьбы, стр. 190.

[2] См. *И. Гольдштейн* и *Р. Левина.* Германский империализм. М., Госполитиздат, 1947, стр. 403.

[3] *F. Thyssen.* I paid Hitler, p. 226.

ческие акты. В соответствии с этими требованиями и были подобраны Гитлером такие дипломаты «новой школы», как Риббентроп, Папен, Абец и другие политические интриганы, авантюристы, шпионских дел мастера.

Гитлер еще до прихода к власти оценил Риббентропа, бывшего офицера, позднее коммивояжера по сбыту вин, а точнее торгового агента и политического разведчика. В 1934 г. он получил назначение на пост начальника иностранного отдела национал-социалистской партии. Правда, немецкое министерство иностранных дел в тот период приказало своим отделам не допускать никаких сношений с Риббентропом. Но он не растерялся. При своем отделе он организовал разведывательное бюро, которое впоследствии стало известно как «бюро Риббентропа». Там он собрал своих людей — офицеров в отставке, обедневших дворян, сомнительных девиц и проходимцев всякого рода. Обучив их ремеслу шпионажа, он спустил всю эту свору на чиновников министерства иностранных дел и на государственных деятелей других стран. Вскоре к нему потекли всевозможные документы из министерства и всяческая информация из различных государств.

Фашистская дипломатия была орудием вероломства и международного разбоя, орудием попрания всех и всяческих договоров и норм международного права.

Попытка сговора Англии и Франции с Германией и Италией и подписание «пакта четырех»

События в Германии вызвали активизацию антисоветских происков реакционных кругов западных держав. Возник вопрос о военно-политическом союзе Англии и Франции с фашистскими государствами Германией и Италией. Инициаторы его полагали, что при помощи такого союза удалось бы урегулировать, в частности, острые франко-германские противоречия, а главное — «изолировать Советский Союз от Западной Европы», подготовить почву для совместного выступления против него.

В марте 1933 г. Муссолини предложил Англии, Франции и Германии подписать соглашение о «сотрудничестве четырех держав во всех европейских и внеевропейских, в том числе и колониальных, вопросах». Проектируемый «пакт четырех» устанавливал возможность пересмотра мирных договоров «законными путями», в соответствии со ст. 19 Устава Лиги наций. Весьма существенным был третий параграф будущего пакта, в котором участники его единодушно подтверждали «равенство прав» Германии в области вооружений. Содержание пакта обязывало участников его проводить согласованную политику во всех спорных международных вопросах. Муссолини пригласил в Рим для обсуждения проекта «пакта четырех» Макдональда и министра иностранных дел Англии Джона Саймона.

23 марта Макдональд информировал палату общин о римских переговорах. Он говорил о необходимости предоставления Германии равенства в вооружениях и права пересмотра договоров в соответствии со ст. 19 Устава Лиги наций. Выступление премьера подверглось резкой критике. Черчилль сравнил путешествие Макдональда в Рим с паломничеством Генриха IV в Каноссу. Вероятно, заметил Черчилль, это посещение доставило Муссолини «такое же удовольствие, какое получил 1000 лет тому назад папа от смиренного прихода кающегося императора».

Попытку отстоять идею «пакта четырех» сделал Саймон. Он заявил, что «сотрудничество» между четырьмя державами не приведет к ревизии Версальского договора. «Ведь попытка мирным путем изменить тот или иной пункт лучше, чем явное нарушение его», — с наигранным простодушием говорил Саймон.

Общественное мнение было обеспокоено и во Франции. На смену кабинету Поль Бонкура пришло правительство Даладье, который сохранил за собой и портфель военного министра. Под влиянием успокоительных заверений руководителей армии, и в первую очередь ярого монархиста и крайнего реакционера генерала Вейгана, заместителя председателя Высшего совета обороны Франции, а также под нажимом французской реакции Даладье продолжал политику попустительства захватническим планам фашистской Германии. Но и среди правящих кругов Франции раздавались разумные голоса, предупреждавшие о большой опасности «пакта четырех».

Росло недовольство восточных союзников Франции. Значительная часть печати Польши осуждала «пакт четырех», резко выступая против пересмотра мирных договоров и перевооружения Германии, открыто стремившейся к реваншу. В апреле 1933 г. польский посол в Париже передал французскому правительству меморандум о вооружениях Германии. В нем предлагалось обсудить на двусторонней основе вопрос о самых решительных мерах, направленных на то, чтобы воспрепятствовать дальнейшему вооружению Германии и силой оружия укрепить версальскую систему. Правительство Франции отклонило это предложение.

Опасная дипломатическая комбинация, затеянная реакционными кругами Италии и Англии, получила поддержку со стороны Соединенных Штатов Америки. В опубликованном 9 июня 1933 г. заявлении Вашингтона «пакт четырех» характеризовался как «доброе предзнаменование» [1].

---

[1] «Roosevelt's Foreign Policy 1933—1941. Franklin D. Roosevelt's Unedited Speeches and Messages». N. Y., 1942, p. 22.

15 июля 1933 г. в Риме пакт между Англией, Францией, Германией и Италией о «согласии и сотрудничестве» был подписан. Так в обход Лиги наций, вопреки действовавшим международным соглашениям сколачивался блок, представлявший собой попытку сговора двух империалистических группировок: Англии и Франции, с одной стороны, и Германии и Италии — с другой. В определенной степени это был зародыш политики «умиротворения» фашистских агрессоров. Однако в конечном счете попытка четырех держав примирить свои противоречия не удалась. Серьезные разногласия между участниками пакта все более нарастали. Резкое недовольство проявляли страны Малой Антанты и Польши. В итоге «пакт четырех» так и не был ратифицирован.

Уход Германии с конференции по разоружению и из Лиги наций

Когда после трехмесячного перерыва международная конференция по разоружению возобновила свою работу, германский министр иностранных дел фон Нейрат 15 сентября 1933 г. вновь потребовал, чтобы «равноправие» Германии в области вооружений было признано всеми странами. Он угрожал, что в противном случае «неизбежен провал идеи разоружения со всеми трагическими последствиями».

Пока в Женеве велись бесплодные дебаты в поисках компромисса, в Берлине предпринимались новые вызывающие шаги. Фашистская печать, официальные лица раздували кампанию за немедленное аннулирование Версальского договора.

6 октября 1933 г. германское правительство обратилось к английскому и итальянскому правительствам с нотой, в которой заявляло, что «Германия желает получить либо полную свободу, либо подвергнуться таким же качественным ограничениям, как и другие страны».

Этот ответ вызвал новые переговоры. Представители западных держав в Женеве напрасно пытались смягчить германскую позицию. Немецкая делегация, действуя в соответствии с инструкциями из Берлина, ни в чем не уступала.

12 октября председатель конференции по разоружению Артур Гендерсон получил длинную телеграмму, подписанную фон Нейратом, о том, что ввиду невыполнения конференцией «своей единственной задачи, состоящей в осуществлении всеобщего разоружения», Германия решила «покинуть конференцию по разоружению и организацию Лиги наций».

Реакция на эту телеграмму описана Женевьевой Табуи: В Женеве переполох. Джон Саймон, весь красный от гнева, называет Германию «взбесившейся собакой», он даже намерен поставить вопрос о «достоинстве» членов Лиги и советует им «дать твердый ответ». «Главное — не следует обострять поло-

жение, — высказывает свое мнение делегат Соединенных Штатов Норман Дэвис. — Рано или поздно Германия признает свои заблуждения, и она возвратится на конференцию и в Женеву... Немного терпения, господа!» [1].

Гитлеровцев вполне устраивало желание западных дипломатов во что бы то ни стало «не обострять положение». Они продолжали идти напролом.

Робкие попытки Саймона предложить Германии новые уступки в целях достижения компромисса не дали результатов.

19 октября 1933 г. германское правительство сделало официальное заявление о выходе из Лиги наций. В связи с этим Гитлер обратился к германскому народу с воззванием, в котором лицемерно пытался оправдать этот шаг «миролюбием и чувством чести». Он заявил о невозможности «участвовать в работах конференции, где немецкую нацию третировали как бесправную и второразрядную».

Уход Германии с конференции по разоружению и ее заявление о выходе из Лиги наций означали первую фазу заговора фашистских главарей против всеобщего мира.

Маневры фашистской Германии в отношении Англии и Франции. Вовлечение Польши в орбиту германской политики

Выход Германии из Лиги наций Гитлер представлял как «шаг к действительной ликвидации войны». Фашистская пресса утверждала, что это «закладывает краеугольный камень нового европейского порядка, основанного на равноправии и сотрудничестве всех держав».

Под прикрытием миролюбивой фразеологии Гитлер предпринял попытку дипломатического торга с версальскими державами.

Франции было сделано предложение заключить с Германией сепаратное соглашение о вооружениях. Гитлер при этом убеждал французов, что единственное желание «национал-социалистской Германии — навсегда уничтожить вражду между Германией и Францией». В своих публичных выступлениях и особенно в беседах с иностранными корреспондентами Гитлер уверял, что Германия не имеет никаких территориальных споров с Парижем и, «если бы Саарская область была возвращена Германии, исчез бы всякий повод для исправления границ».

Крайне правые группировки Франции, связанные с Комите де Форж, были заинтересованы в укреплении экономических и политических связей с германским финансовым капиталом. Но широкие массы и большая часть французской буржуазии были настроены против соглашения с гитлеровской Германией.

---

[1] *Женевьева Табуи.* 20 лет дипломатической борьбы, стр. 199.

При новом кабинете Сарро, который пришел в октябре 1933 г. на смену правительству Даладье, сторонники соглашения с Германией усилили кампанию за немедленные переговоры с Берлином. «Следует ли оттолкнуть протянутую нам руку, устранить возможность прямых переговоров, прибегать к посредникам, проводить в будущем политику бездействия? — вопрошал 18 ноября 1933 г. один из лидеров радикальной партии, Рош. — Отнюдь нет. Придет время, когда решительные люди должны будут сделать то, на что не решаются дипломаты, скованные предрассудками, и государственные деятели, связанные устаревшими формулами».

Другой французский реакционер, де Бринон, политический редактор газеты «Энформасьон», также всячески ратовал за сближение с Германией. В одном из своих интервью Гитлер заверял де Бринона, что осуществить мир и добиться соглашения с Францией он, Гитлер, может скорее и успешнее, чем Штреземан или Брюнинг. Он вновь подчеркнул, что, за исключением саарского вопроса, между Францией и Германией нет разногласий, — судьбу Эльзас-Лотарингии он считает окончательно решенной. С Польшей соглашение будет достигнуто. Если для умиротворения Европы и Франции нужен дополнительный залог безопасности в форме оборонительного союза Франции с Англией, заявил Гитлер, он не будет возражать против него: «Я нисколько не возражаю против такого союза, так как не намерен нападать на своих соседей» [1].

Под давлением прогитлеровских кругов французское правительство решило «выслушать германские предложения». В Берлине состоялись свидания Гитлера с французским послом Франсуа-Понсэ. Во время их бесед (24 ноября и 11 декабря 1933 г.) с германской стороны были выдвинуты следующие предложения:

1. Немедленная передача Германии Саарской области.

2. Увеличение численного состава германской армии до 300 тыс. человек с годичным сроком службы. Предоставление Германии права иметь вооружение, соответствующее численности этой армии, включая тяжелую артиллерию, танки, истребительную и бомбардировочную авиацию.

3. Установление международного контроля над вооружением военизированных обществ стран на условиях равноправия.

4. Заключение пакта о ненападении со всеми соседями Германии сроком на 10 лет.

Германские предложения были незамедлительно сообщены в Париж. Их обсуждение привело к еще большему обострению внутренней борьбы во Франции.

[1] *Fernand de Brinon.* France-Allemagne 1918—1934. Paris, 1934, p. 74.

Заверяя Францию в дружественных чувствах, гитлеровские пропагандисты одновременно усиленно внушали немецкому народу ненависть к французской «расе негроидов».

Провокационную деятельность осуществляла фашистская дипломатия и по отношению к другим западноевропейским странам. Важным звеном этой деятельности была Польша, которую гитлеровцы считали необходимым оторвать от Франции.

Во время переговоров 3 мая 1933 г. между польским посланником в Берлине Высоцким и Гитлером последний уверял, что хочет мира с Польшей. В совместном германо-польском коммюнике было объявлено, что фюрер «подтвердил намерение германского правительства действовать в строгих рамках существующих договоров».

Этот маневр возник в связи с той антисоветской миссией, какую в это время выполнял Розенберг в Англии. Излагая в Лондоне «большой план» Гитлера, Розенберг предложил европейским державам удовлетворить Польшу за счет СССР. Об этих предложениях стало известно из беседы Хоутона, корреспондента канадской газеты «Стар», с секретарем германского посольства в Лондоне графом Бисмарком.

«Я интервьюировал сегодня, — писал Хоутон в газете «Стар» 13 мая 1933 г., — графа Бисмарка, потомка железного канцлера. Он состоял советником при Розенберге во время пребывания последнего в Англии.

На мой вопрос:

— Будет ли Германия воевать когда-либо с Францией?

— Никогда, — ответил Бисмарк. — Мы не нуждаемся в Эльзас-Лотарингии.

— Неужели вы надеетесь получить обратно Польский коридор без войны?

— Конечно. Польша скоро увидит, что Франция ее покинула. Тогда она вынуждена будет отказаться от Польского коридора в обмен на права вольной гавани для Данцига и на возможные территориальные компенсации, — сказал Бисмарк.

— На Украине?

— Что-нибудь в этом роде, — ответил Бисмарк.

— Но СССР не допустит этого.

— Мы парализуем СССР, сосредоточив против него ненависть и силы всего мира, — ответил Бисмарк».

Предложения Розенберга не остались без отклика в Англии. Часть влиятельной консервативной печати одобрила план «компенсации» Польши за счет Украины. Издатель «Дейли мейл» лорд Ротермир одобрил «стремление Германии искать выход к слабо заселенным районам Западной России».

В те же дни Гитлер обсуждал со своими единомышленниками вопрос о роли Польши в случае войны против СССР. Он говорил в беседе с Раушнингом, что Германия еще не в состоянии вести войну с целью пересмотра границ, но она должна к этому готовиться.

«Я сделаю все уступки, чтобы иметь свободные руки для продолжения моей политики, — заявлял фашистский главарь. — Я гарантирую все границы, я заключу всякие пакты о ненападении и дружбе, которых от меня потребуют. Было бы с моей стороны ребячеством не воспользоваться этими средствами на том основании, что я когда-нибудь должен буду нарушить свои обязательства, хотя бы и самые торжественные...

— Рассчитываете ли вы вступить в союз с Польшей для того, чтобы напасть на Россию? — спросил Раушнинг Гитлера.

— Может быть... — ответил Гитлер и, помолчав, добавил:

— Советская Россия — большой кусок. Им можно и подавиться. Не с нее я буду начинать».

В той же беседе Гитлер заявлял: «Я ни одного мгновения серьезно не думаю о соглашении с Польшей... Польша нужна лишь до тех пор, пока мне могут угрожать на Западе».

Готовясь к войне, гитлеровцы подыскивали «товарищей по оружию». В первую очередь Гитлер стремился сблизиться с Италией.

Вскоре после захвата власти гитлеровская дипломатия предприняла шаги, направленные к достижению соглашения с Италией. В начале марта 1933 г., по сведениям, полученным польской прессой, в Локарно происходило совещание представителей Германии с итальянскими фашистами. Выступая от имени Гитлера, Розенберг всячески расписывал перспективы германо-итальянского сотрудничества и совместных действий двух фашистских стран против СССР. Наступление на Украину и на Кавказ всецело отвечает интересам Италии, заверял Розенберг. Оно может обеспечить Италии значительную долю в украинском хлебном экспорте. В расчленении Советского Союза заинтересованы «не только Германия и Италия, но и весь цивилизованный мир». Однако сговору будущих союзников по агрессивному блоку мешали конкретные препятствия: вопросы о Южном Тироле, судьбе Триеста и аншлюсе.

Правительство Дольфуса, поставленное у власти клерикальной реакцией, ликвидировало последние остатки буржуазной демократии в Австрии — 15 марта 1933 г. была упразднена парламентская система и провозглашен фашистский «авторитарный» режим. Была распущена рабочая вооруженная организация «Шуцбунд», запрещена Коммунистическая партия. Проблема аншлюса волновала широкие круги общественности страны.

Во время переговоров Геринга в Риме и Папена в Ватикане весной 1933 г. идея аншлюса подверглась совместной атаке со стороны Муссолини и папы римского. Что касается Муссолини, то он опасался приближения Германии к итальянскому Тиролю, Адриатике, балканским странам. Все это привело к провалу итало-германских переговоров. К тому же сам Муссолини носился с планом создания Дунайской конфедерации под главенством Италии.

После римских переговоров Дольфус заявил, что в Риме «Австрия имеет друга, на которого может рассчитывать». Между сторонниками итальянского фашизма и гитлеровской агентурой усилилась грызня. В результате в Австрии были запрещены фашистские организации немецкого толка, а их главари изгнаны из Вены. Они нашли убежище в Мюнхене, откуда при помощи радио и печати повели яростную агитацию, требуя свержения Дольфуса и присоединения Австрии к Германии.

За всеми этими событиями внимательно следили в Париже и в Лондоне. Однако никаких активных действий в защиту Австрии англо-французская дипломатия не предпринимала. С согласия Франции и Англии Муссолини обратился к Гитлеру, указывая на остроту создавшегося для Австрии положения. Германское правительство ответило ему самыми успокоительными заверениями. Но уже 7 августа статс-секретарь Бюлов резко заявил французскому и английскому дипломатическим представителям, что германское правительство не может допустить никакого иностранного вмешательства в австро-германский спор. Муссолини был вне себя. Он рассчитывал сделать австрийский вопрос предметом торга между Римом и Берлином. Итальянская фашистская печать подняла крик о том, что дипломаты Англии и Франции «все испортили» своим неуместным выступлением в Берлине.

После посещения Дольфусом Муссолини, 19 августа 1933 г. было опубликовано коммюнике о «полном согласии обеих сторон в вопросе о независимости Австрии». Муссолини продолжал разыгрывать роль покровителя Австрии.

В начале 1934 г. австрийские власти приступили к завершению разгрома рабочих организаций под предлогом раскрытия «большевистско-марксистского заговора». Разгром был организован хеймвером — так именовались вооруженные отряды (общей численностью более 100 тыс. человек), получавшие субсидию от итальянских фашистов и являвшиеся орудием итальянской политики в Австрии. Хеймвер требовал от Дольфуса фашизации страны по итальянскому образцу. Муссолини ставил условием своей помощи Австрии «очищение» ее от социал-демократов и коммунистов. В середине февраля 1934 г.

итальянские войска были сконцентрированы на австрийской границе на случай гражданской войны. В Вене в те дни началась всеобщая стачка. Рабочие австрийской столицы с оружием в руках давали отпор реакции. Правительственные войска и фашистские организации присоединились к хеймверовцам. Три дня шли кровопролитные баррикадные бои, но силы были слишком неравны. К вечеру 15 февраля 1934 г. рабочие отряды потерпели поражение.

17 марта 1934 г. был подписан итало-австро-венгерский пакт (так называемые «Римские протоколы»), которым устанавливался принцип контакта и консультаций между сторонами с целью «осуществления согласованной политики». Фактически этот пакт превращал австрийского канцлера в марионетку в руках Муссолини. Австрия и Венгрия становились подголосками фашистской Италии.

Политическая обстановка в Австрии все более осложнялась. Подготовляя аншлюс, гитлеровская агентура широко применяла методы запугивания и провокаций. Дольфус продолжал ориентироваться на итальянский фашизм.

Внутри страны правительство Дольфуса не имело прочной основы. Жестокая расправа, учиненная в феврале 1934 г. над рабочими, парализовала решающую силу, которая могла бы отстоять независимость страны. Этим не преминули воспользоваться гитлеровцы.

Террористическая деятельность австрийских нацистов еще более усилилась и велась уже почти открыто. Доставка взрывчатых веществ из Германии в Австрию приняла такие размеры, что правительство Дольфуса издало декрет, грозивший смертной казнью за хранение этих материалов. 20 июля 1934 г. был назначен суд в Вене над семью нацистскими террористами, подпавшими под действие этого закона. Накануне суда мюнхенское радио в передаче на Австрию предупреждало, что за судьбу этих нацистов ответят своими головами Дольфус и члены его правительства.

После кровавой ночи «длинных ножей» 30 июня 1934 г., когда Гитлер расправился в Германии со своими противниками, Дольфус не чувствовал себя в безопасности в Вене и намеревался уехать в Италию. Но не успел. 25 июля 1934 г. отряд нацистов ворвался в здание австрийской радиостанции и под угрозой расстрела заставил диктора объявить об отставке кабинета Дольфуса и об образовании фашистского правительства Ринтелена. В то же время другая банда нацистов проникла в кабинет Дольфуса и нанесла канцлеру смертельные ранения.

Однако первая попытка захвата власти австрийскими гитлеровцами закончилась неудачей. Муссолини заявил, что Ита-

лия будет «еще энергичнее» защищать независимость Австрии. Вечером 25 июля он отдал приказ об отправке четырех дивизий на Бреннер и на границу Каринтии. Одновременно послы Англии и Франции выступили в Берлине с представлениями правительству, напоминая о международных гарантиях независимости Австрии. При сложившейся дипломатической ситуации Гитлер вынужден был бить отбой.

Новый австрийский канцлер Шушниг на заседании Лиги наций 12 сентября 1934 г. напыщенно заявил о твердой решимости Австрии защищать свою свободу. Однако этой «твердой решимости» не было ни у него, ни у Англии и Франции. Державы ограничились лишь словесными заверениями. Тучи над Австрией продолжали сгущаться.

2. Внешняя политика СССР в условиях назревания военной опасности

XVII съезд ВКП(б), собравшийся в январе — феврале 1934 г., констатировал не только крах временной стабилизации капитализма и неизбежность обострения всех его противоречий, но и назревание новой мировой войны.

Агрессивная политика гитлеровской Германии и милитаристской Японии, создававших в Европе и на Дальнем Востоке очаги войны, означала серьезную угрозу для Советского государства. Принимая необходимые меры по повышению обороноспособности страны, правительство СССР в сложной международной обстановке продолжало отстаивать интересы всеобщего мира и безопасности народов. По указанию ЦК партии советская дипломатия вела линию на расширение деловых связей с другими государствами, используя для этого каждую благоприятную возможность.

Международная экономическая конференция. Советская программа экономического сотрудничества

В период работ Женевской конференции по разоружению, в которой Советский Союз принял деятельное участие, в Лондоне была созвана Международная экономическая и финансовая конференция. На этой конференции, начавшейся 12 июня 1933 г., обсуждались такие вопросы, как мировой экономический кризис и меры борьбы с ним.

Представители СССР, отметив большие возможности быстро развивающейся советской экономики, предложили широкую программу экономического сотрудничества в деле уменьшения последствий кризиса. В заявлении советской делегации, сделанном М. М. Литвиновым, было указано, что при наличии длительных кредитов, нормальных условий для советского экспорта

и других благоприятных факторов СССР готов разместить в короткий срок за границей заказы на сумму примерно в 1 млрд. долл. Советский Союз заявил о возможности закупить в ближайшее время приблизительно на 100 млн. долл. цветных металлов, на 200 млн. долл. черных металлов, примерно на 100 млн. долл. текстильного, кожевенного сырья и каучука, примерно на 400 млн. долл. оборудования, на 50 млн. долл. потребительских товаров и т. д. [1]

При этом советские представители разъяснили, что базой внешней торговой политики СССР являются следующие принципы: 1. Экономическая связь между странами мира, и в особенности между крупнейшими из них, независимо от существующих в них социально-политических систем; 2. Взаимная выгода, доверие к покупателям и к продавцам, основанное на объективной платежеспособности и доказанное на деле выполнением торговых и финансовых обязательств; 3. Свобода выполнения официальными представителями торгующих стран необходимых формальных функций, связанных с торговлей; 4. Законное общение между представителями правительств и гражданами торгующих стран; 5. Подчинение иностранцев юрисдикции страны их пребывания [2].

15 июня делегация СССР предложила отменить все мероприятия, «имеющие характер экономической агрессии и дискриминации, как-то: специальные пошлины, установленные для товаров, происходящих из какой-либо одной страны, запрет или особые условия ввоза и вывоза из какой-либо страны и в страну и бойкот торговли какой-либо страной» [3].

СССР внес на обсуждение проект протокола об экономическом ненападении. Проект, предложенный делегацией 20 июня, предусматривал признание всеми правительствами необходимости прекращения экономической агрессии как важного условия мирного сотрудничества всех государств независимо от их политико-экономических систем.

Советские предложения произвели большое впечатление на мировое общественное мнение. Однако они не получили поддержки со стороны делегаций капиталистических стран. Вместе с тем между участниками конференции обнаружились серьезные разногласия. Делегация США была отозвана с конференции ввиду больших разногласий внутри делегации и расхождений ее с английской позицией.

Министр хозяйства Германии Гугенберг выступил с меморандумом, в котором содержался открытый призыв к другим

[1] См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 633.

[2] «Известия», 23 апреля 1933 г.

[3] «СССР в борьбе за мир». М., 1935, стр. 105.

капиталистическим державам совместными усилиями положить конец «революции и внутренней разрухе, которые нашли свою исходную точку в России». Гугенберг настаивал на возвращении Германии колоний и предоставлении «лишенному территории» немецкому народу новых земель, где «эта энергичная раса могла бы расселиться» [1].

Правительство СССР обратилось 22 июня 1933 г. к германскому правительству с нотой протеста. В ней указывалось, что «подобные враждебные заявления стоят в резком противоречии с обязательствами, принятыми на себя германским правительством по договору о дружбе и нейтралитете, заключенному в Берлине 24 апреля 1926 г.» [2] Берлин отклонил советский протест, однако там поняли, что хватили через край. Гугенберг был отозван с конференции. Немецкая делегация вскоре также вернулась в Берлин.

Международная экономическая конференция в Лондоне потерпела неудачу. Однако выдвинутая на ней советская программа международного экономического сотрудничества еще более подняла авторитет СССР, вновь показала искреннее миролюбие Советской державы.

Внешнеполитические связи Советского государства расширялись. Летом 1933 г. были восстановлены нормальные дипломатические отношения с Испанией. 2 сентября 1933 г. был подписан советско-итальянский пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете сроком на 5 лет.

«Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон, — гласила ст. 4, — обязуется не входить ни в какое соглашение политического или экономического порядка и ни в какую комбинацию, направленные против одной из них» [3]. Советская дипломатия не случайно добилась включения этой статьи в текст договора. При наличии фашистского режима, установленного в Германии, необходимо было попытаться, хотя бы на время, задержать процесс консолидации реакционных сил в Европе.

Пойдя на заключение пакта, Муссолини рассчитывал поднять международный престиж Италии.

Установление дипломатических отношений между СССР и США

Важным политическим событием явилось установление дипломатических отношений между СССР и Соединенными Штатами Америки — главной страной капитализма, правящие круги которой на протяжении длительного времени выступали вдохновителями «непризнания» Советского Союза. Этот акт, с одной стороны, свидетель-

[1] См. «Известия», 24 июня 1933 г.

[2] Там же.

[3] «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций», вып. VIII. М., 1935, стр. 8—10.

ствовал о росте влияния СССР на мировой арене, с другой — фиксировал несостоятельность многолетней политики американских официальных кругов в отношении нашей страны.

Этот шаг в немалой степени был вызван обострением международной обстановки в 30-х годах, когда в результате развития германской и особенно японской агрессии создалась прямая угроза для интересов США. Сыграли свою роль и рост симпатий американской общественности к Советскому государству, усиливавшееся в стране движение с широким участием рабочих, фермеров, интеллигенции в пользу признания СССР.

Значительная часть американских деловых кругов проявляла в условиях затянувшегося экономического кризиса большую заинтересованность в советском рынке. Их соображения были изложены в проекте резолюции, внесенном еще в 1932 г. в комиссию по иностранным делам палаты представителей. «Поскольку Советское правительство,—говорилось в резолюции,— является устойчивым, и поскольку все нации признали и установили дипломатические и торговые отношения с Советским правительством России, и поскольку Советское правительство России неоднократно выражало свое желание установить дружественные отношения с Соединенными Штатами, и поскольку в результате отсутствия дружественных отношений Соединенных Штатов с Советским правительством России граждане Соединенных Штатов отстранены от прибыльного торгового обмена, в котором преуспевают правительства и народы других стран, — будет решено сенатом и палатой представителей просить президента США дать указание государственному секретарю вступить в переговоры с Советским правительством России по вопросу об установлении дружественных дипломатических и торговых отношений между США и Россией»[1]. Эта резолюция не была принята, но сам факт ее обсуждения свидетельствовал о росте тенденции к признанию СССР, прокладывавшей себе путь в ходе острой и напряженной внутриполитической борьбы.

Со своей стороны Советский Союз неизменно выступал за нормализацию отношений с Соединенными Штатами Америки. В октябре 1933 г. состоялся обмен письмами между президентом США Франклином Делано Рузвельтом и Председателем ЦИК СССР М. И. Калининым.

В своем послании от 10 октября 1933 г. Рузвельт выражал сожаление по поводу того, что два великих народа, «между которыми существовала свыше столетия выгодная для обеих сторон счастливая традиция дружбы», не имеют нормальных

[1] См. «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1939 гг.», т. I. М., 1961, стр. 417—418.

отношений. Рузвельт предлагал начать советско-американские переговоры. Эта инициатива свидетельствовала о реализме мышления и дальновидности нового американского президента.

В ответном письме М. И. Калинин указал, что отсутствие нормальных отношений между США и СССР «неблагоприятно отражается не только на интересах заинтересованных двух государств, но и на общем международном положении, увеличивая элементы беспокойства, усложняя процесс упрочения всеобщего мира и поощряя силы, направленные к нарушению этого мира» [1]. М. И. Калинин сообщил, что правительство СССР принимает предложение о начале переговоров и с этой целью направляет в США народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова.

В начале ноября 1933 г. в Вашингтон прибыла советская делегация. Вскоре начались переговоры. Активное участие в них принимал Рузвельт.

В ходе переговоров оба правительства обязались придерживаться принципа невмешательства в дела друг друга, строго воздерживаться от всяких актов, имеющих целью возбуждение или поощрение вооруженной интервенции против другой договаривающейся стороны. Они обязались также не создавать, не субсидировать и не поддерживать военные организации и группы, имеющие целью борьбу против политического и социального строя обоих государств.

Что же касается вопроса о взаимных материальных претензиях обеих сторон, то были выработаны принципы, на которых после восстановления нормальных отношений могло бы состояться соглашение по этому вопросу. Советское правительство, проявляя добрую волю, решило, не дожидаясь урегулирования всей этой проблемы в целом, отказаться от некоторых своих претензий к США, в частности от требования возмещения убытков, причиненных американской интервенцией в Сибири. Основным условием урегулирования вопроса о старых долгах было, с одной стороны, согласие правительства США признать советские контрпретензии и установить некоторую приблизительную сумму, являющуюся разницей между взаимными претензиями, и, с другой стороны, предоставить Советскому правительству на приемлемых условиях заем.

16 ноября 1933 г., в день установления дипломатических отношений между СССР и США, Ф. Рузвельт писал: «Надеюсь, что отношения, ныне установленные между нашими народами, смогут навсегда оставаться нормальными и дружественными и что наши народы впредь смогут сотрудничать ради своей взаимной пользы и ради сохранения мира во всем мире» [2].

[1] «Известия», 21 октября 1933 г.
[2] «Известия», 18 ноября 1933 г.

Установление дипломатических отношений с СССР благоприятствовало сохранению мира, но отнюдь не означало готовности американских правящих кругов пойти на широкое экономическое и политическое сотрудничество с социалистической державой в целях обуздания фашистских агрессоров.

Вступление СССР в Лигу наций. Советские предложения по организации системы коллективной безопасности в Европе

Несмотря на всю сложность обстановки в Европе, советская дипломатия, следуя директивам партии, продолжала исходить в своей политике из возможности объединения усилий миролюбивых держав в борьбе против угрозы фашистской агрессии. Советское правительство настойчиво искало средства обеспечения коллективной безопасности.

В сентябре 1934 г. Советский Союз принял приглашение 30 государств вступить в Лигу наций [1]. Правительство СССР хорошо видело многочисленные пороки и недостатки этой организации. Однако после выхода из Лиги Германии и Японии появились определенные возможности использовать ее в качестве орудия, хотя и несовершенного, для борьбы против агрессии, для пропаганды идей мира и разоблачения провокаторов войны.

В заявлении советского представителя М. М. Литвинова подчеркивалось, что СССР вступил в Лигу наций с единственной целью и единственным обещанием всемерно сотрудничать с другими народами в деле сохранения неделимого мира. «Я знаю, — сказал Литвинов, — что Лига наций не имеет в своем распоряжении средств полного упразднения войн. Я убежден, однако, и в том, что при твердой воле и дружном сотрудничестве всех ее членов весьма многое может быть сделано и в каждый данный момент для максимального уменьшения шансов войны. Но это является достаточно почетной и благородной задачей, осуществление которой принесет неисчислимые блага человечеству.

Над этой задачей Советское правительство не переставало работать в течение всего времени своего существования. Отныне оно хочет объединить свои усилия с усилиями других государств, представленных в Лиге».

Возможному агрессору надо было противопоставить подавляющую комбинацию сил и таким путем воспрепятствовать успеху действий, направленных на подготовку и развязывание

[1] 15 сентября 1934 г. Совет Лиги наций принял решение о предоставлении СССР постоянного места в Совете. Вступая в Лигу, Советское правительство считало необходимым предупредить всех членов этой организации, что оно не принимает на себя ответственности за их предшествующие решения и за договоры, заключенные ими без участия СССР.

новой мировой войны. Особое значение в этом могли иметь региональные пакты взаимопомощи с участием широкого круга европейских государств.

Эта точка зрения Советского государства была положительно оценена прежде всего во Франции, которой непосредственно угрожало фашистское нападение. Подписанный правительством Эррио 29 ноября 1932 г. советско-французский договор о ненападении служил хорошей основой для дальнейшего сближения между обеими странами.

31 октября 1933 г. Поль Бонкур поставил вопрос о возможных совместных контрмерах со стороны СССР и Франции в случае усиления подготовки Германии к войне. В декабре 1933 г. Наркоминдел СССР выступил с предложениями, в которых предусматривалось, что СССР не возражает против заключения в рамках Лиги наций регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии; согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши; независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и по возможности материальную помощь также в случаях военного нападения, не предусмотренного самим соглашением [1].

В то время Франция стояла на пороге важных событий. Вечером 6 февраля 1934 г. на улицах Парижа произошло выступление французских фашистов, руководимых полковником де ла Рокком и поддержанных начальником парижской полиции Кьяппом. Сплоченность и единство действий французских левых партий и рабочих организаций обрекли выступление фашистов на провал. 12 февраля в Париже была проведена грандиозная демонстрация пролетарской солидарности. Она послужила толчком к развитию широкого демократического движения в стране, завершившегося в дальнейшем созданием Народного фронта.

В новом кабинете, явившемся результатом компромисса между правыми партиями и центром, портфель министра иностранных дел получил Луи Барту.

Луи Барту, хотя он и состоял членом правой партии, был выразителем того внешнеполитического курса, который диктовался трезвым учетом угрозы гитлеровской агрессии, национальными интересами Франции.

По мнению Барту, защита Франции против фашистской опасности должна была опираться на систему союзов, заклю-

[1] См. «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 149—159.

чепных с Польшей, Чехословакией, Румынией и Югославией. Он старался сохранить и франко-английское сотрудничество, опасаясь, однако, как бы Франция, по выражению Клемансо, не оказалась в роли лошади, а Англия — в роли наездника.

Тревога Барту и его сторонников относительно растущей угрозы со стороны германского милитаризма находила подтверждение в многочисленных фактах.

В марте 1934 г. французское правительство получило дополнительные сведения о форсированном перевооружении Германии. Численность личного состава германских вооруженных сил, включая военизированные организации СС, СА, «Гитлерюгенд», национал-социалистский моторизованный корпус, национал-социалистский авиационный корпус, «Трудовой фронт» и «Организацию Тодта», достигла почти одного миллиона человек. Расходы на рейхсвер в 1934—1935 гг. возрастали с 344,9 млн. до 574,5 млн. марок.

17 апреля 1934 г. французское правительство направило Великобритании ноту, в которой вновь ставило вопрос о безопасности Франции, которую оно не отделяло от безопасности других европейских держав. «Фактически, — гласила нота, — германское правительство, не ожидая результатов переговоров, пожелало поставить нас перед своим решением продолжать перевооружение во всех видах и в том объеме, который оно определяет по собственному усмотрению, пренебрегая постановлениями Версальского договора».

Английская дипломатия, на словах поддерживая идею системы коллективной безопасности в Европе, на деле помогала гитлеровцам срывать организацию такой системы.

В этих условиях СССР и Франция совместно выступили за заключение договора о коллективном отпоре агрессору. В течение 1934 г. советская дипломатия вела переговоры с Францией о заключении Восточного пакта. По предложению Луи Барту пакт должен был включать Германию, СССР, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию и Чехословакию. Участники пакта в случае нападения на одного из них должны были автоматически оказывать стороне, на которую совершено нападение, военную помощь. Франция брала на себя гарантию выполнения пакта, не будучи его непосредственным участником. Из такого положения следовало, что в случае, если бы кто-либо из участников пакта отказался выполнить постановление о помощи стране, на которую напали, Франция обязана была бы сама выступить против агрессора.

В мае 1934 г. в ответ на французские предложения Наркоминдел констатировал готовность обсудить с Францией вопрос о подписании отдельного пакта. После ряда бесед к концу июня

удалось окончательно разработать франко-советский проект Восточного пакта.

27 июня 1934 г. проект Восточного пакта был передан французским правительством английскому. Проектом предусматривалось заключение двух соглашений о взаимопомощи, связанных между собой в единую систему: пакта взаимопомощи между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией, Эстонией, Финляндией, Латвией, Литвой и франко-советского пакта о взаимопомощи.

Германия категорически отказалась стать участником пакта. Фашистское правительство утверждало, что у него существует «страх перед советской агрессией», что «пакт служит делу окружения Германии». Трудно было придумать что-либо более нелепое!

Стремясь заручиться поддержкой Англии, Барту посетил Лондон. Однако в Лондоне его ожидал холодный прием. Посол Франции Корбэн сказал Барту: «Ваше превосходительство, англичане будут считать вас лицом, внушающим некоторое подозрение. Предложение заключить пакт с Россией будет очень плохо принято...» Слова посла полностью оправдались.

14 сентября 1934 г. заявило о своем отказе принять участие в Восточном пакте правительство Польши. Поездка Барту по столицам Восточной Европы не увенчалась успехом. В значительной мере все это объяснялось противодействием английской дипломатии.

Характеризуя отношение Англии к организации системы коллективной безопасности в Европе, советское полпредство сообщало в НКИД: «Английское правительство по существу всегда относилось к Восточному пакту недоброжелательно... Восточный пакт должен был бы сильно укрепить наши международные позиции, обезопасить нашу западную границу и облегчить наше положение на Дальнем Востоке... Восточный пакт, который неизбежно должен был бы сцементировать все французские связи на Востоке и в сильнейшей степени гарантировать безопасность самой Франции, способствовал бы чрезвычайному росту французского международного могущества. Именно поэтому британская дипломатия не могла относиться с горячностью к Восточному пакту» [1]. 19 июня 1934 г. глава советского дипломатического представительства в Лондоне заявил постоянному заместителю английского министра иностранных дел Ванситтарту, что общественное мнение Советского Союза «приписывает Англии подталкивание не только Японии, но и Германии к войне с нами и этим только объясняет сопротивление Англии Восточноевропейскому пакту» [2].

[1] «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 157.
[2] Там же.

Заключение договора о коллективном обеспечении безопасности в Европе, выдвинутого СССР совместно с Францией, было сорвано усилиями гитлеровской Германии, Польши и Англии.

Учитывая это, советская дипломатия предприняла действенные меры для заключения договора о взаимопомощи с Францией, а также для улучшения отношений с рядом соседних стран.

9 июня 1934 г. были восстановлены дипломатические отношения между СССР, Чехословакией и Румынией [1].

Договоры СССР о взаимопомощи с Францией и Чехословакией

Гитлеровская дипломатия прибегала к самым гнусным средствам для того, чтобы не допустить осуществления любых планов создания системы коллективной безопасности в Европе.

Вслед за убийством румынского министра иностранных дел Дука 9 октября 1934 г. были умерщвлены в Марселе Барту и Александр, король Югославии. Убийцы — гитлеровские наемники, участники хорватской фашистской организации усташей. Во главе их стоял капитан австрийской службы Анте Павелич. Между гитлеровцами и хорватскими головорезами существовали теснейшие связи. Павелич со своим бандитским аппаратом обосновался в Берлине. Нацисты щедро финансировали его. Нити марсельского убийства вели через немецкого майора Шпейделя (являвшегося военным атташе в Париже) в Берлин и Рим. В силу этого французские реакционные круги постарались замять расследование преступления.

Преемником Барту на посту министра иностранных дел был Пьер Лаваль. К 1930 г. Лаваль, в прошлом мелкий адвокат, уже нажил аферами миллионы, он был владельцем нескольких провинциальных газет, доходнейшего поместья «Ла Корбьер» в Нормандии, увесистого пакета акций минеральных вод Виши.

Заняв кресло Барту, Лаваль определил направление своей дипломатической деятельности следующими словами: «Что касается меня, то я обладаю здравым смыслом, и нам в первую очередь нужно начать урегулирование отношений с Италией и Германией».

Однако общественность Франции не разделяла этих устремлений. Известный французский публицист Пертинакс писал 20 октября 1934 г.: «Барту погиб, выполняя задачу; он стремился объединить друзей мира, желая, чтобы количество их

---

[1] Ранее, 4 февраля 1934 г., были установлены дипломатические отношения СССР с Венгрией, а 23 июля 1934 г. — с Болгарией. 17 сентября того же года состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Албанией.

было по возможности велико. Дело сближения с Советским Союзом продвинулось уже так далеко, что необходимо решение. Время колебаний прошло».

Сторонники сближения с СССР, поддержанные широкими слоями французского народа, направляли свои усилия на завершение дела, начатого Барту. В стране ширилось мощное движение против фашистской угрозы, за создание Народного фронта, за мир и демократию. Выступая на съезде радикал-социалистов в октябре 1934 г., министр воздухоплавания Пьер Кот заявил: «Мы осуществили франко-советское сближение. В балансе сил Европы этот факт является слишком значительным элементом, чтобы его можно было обойти молчанием».

Вынужденный считаться с настроениями французской общественности, Лаваль произносил с присущим ему лицемерием успокоительные речи по этому вопросу. Одновременно по различным каналам он давал понять правителям фашистской Германии и Польши, что намерен войти с ними в контакт в целях осуществления планов, направленных против СССР. Им вынашивался проект соглашения о тройственном гарантийном пакте между Францией, Польшей и Германией. Однако обстановка не благоприятствовала реализации такого рода сговора. До поры до времени Лавалю пришлось отказаться от своих замыслов.

В результате энергичных действий Советского правительства удалось добиться подписания 5 декабря 1934 г. франко-советского соглашения, по которому стороны обязались придерживаться следующего: в своих сношениях с правительствами, приглашенными участвовать в Восточном пакте, и в особенности с теми из них, которые до сих пор не выразили своего принципиального согласия присоединиться к пакту, оба правительства не согласятся на переговоры, которые имели бы целью заключение ими многосторонних или двусторонних соглашений, могущих нанести ущерб подготовке к заключению Восточного регионального пакта, или соглашений, с ним связанных, или же заключение соглашений, противных духу, которым руководствуются оба правительства.

Далее в соглашении отмечалось, что эти обязательства будут действительны на весь период текущей дипломатической акции или всяких других последующих акций, которые, исходя из той же общей концепции и из той же цели, могли бы ее заменить. Оба правительства обязались не отказываться от этих акций иначе как по обоюдному соглашению.

Подобная гарантия преемственности и действенности франко-советского дипломатического сотрудничества должна была содействовать успеху международных переговоров и «способ-

ствовать усилению духа взаимного доверия в отношениях между правительствами обеих стран» [1].

Основной смысл советской инициативы сводился к тому, чтобы затруднить вовлечение Франции в переговоры о каких бы то ни было соглашениях, способных ослабить значение Восточного пакта или противодействовать ему.

11 декабря 1934 г. Чехословакия присоединилась к франко-советскому соглашению. Тем самым советской дипломатии удалось не только расстроить заключение агрессивного пакта между Францией, Германией и Польшей, но и сделать важный шаг вперед в деле безопасности Европы. Стала более реальной перспектива успешного исхода переговоров о заключении франко-советского договора о взаимной помощи.

Советская дипломатия стремилась к тому, чтобы обеспечить полную взаимность обязательств; придать пакту такую форму, которая исключала бы возможность всякого извращенного толкования его существа; заранее установить одинаковое понимание обеими сторонами пределов обязательств, которые они принимают на себя [2]. Особое внимание было уделено вопросу о характере и эффективности взаимной помощи между участниками пакта, исходя из того, что в условиях усиления агрессивных устремлений фашистских государств только соглашения, основанные на военной поддержке, в состоянии обеспечить мир и всеобщую безопасность.

Решая эти задачи, советскому полпреду в Париже В. П. Потемкину и другим советским дипломатам пришлось преодолеть значительные трудности. Лаваль, ведя переговоры о заключении пакта, всячески стремился устранить принцип автоматизма взаимной помощи в случае агрессии. Лаваль добивался подчинения решения вопроса о помощи жертве агрессии сложной и запутанной процедуре Лиги наций. Однако ему не удалось навязать свою точку зрения.

2 мая 1935 г. в Париже был подписан договор о взаимопомощи между Францией и СССР. Договор состоял из пяти статей, а также протокола.

Ст. 1 договора гласила: «В случае, если СССР или Франция явилась бы предметом угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и соответственно СССР обязуются приступить обоюдно к немедленной консультации в целях принятия мер для соблюдения постановлений статьи 10 Устава Лиги наций» [3]. В развитие этого

[1] «Известия», 20 декабря 1934 г.

[2] См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 28—29.

[3] Ст. 10 Устава Лиги наций устанавливала: «Члены Лиги обязуются уважать и охранять против всякого внешнего нападения тер-

обязательства ст. 3 подчеркивала, что в том случае, если СССР или Франция, «несмотря на искренние мирные намерения обеих стран», явятся «предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства», они обязуются «оказать друг другу немедленно помощь и поддержку, действуя применительно к статье 16 Устава».

Договор был подписан на пять лет с возможностью его автоматического продления.

Вскоре, 13—15 мая, состоялся визит Лаваля в Москву. Глава французского правительства был принят И. В. Сталиным и другими советскими руководителями. Это свидетельствовало о том, какое важное значение правительство СССР придавало улучшению советско-французских отношений. Обе стороны заявили о своей готовности продолжать усилия по созданию регионального Восточноевропейского пакта.

Как Лаваль понимал обязательства Франции, основанные на «искреннем сотрудничестве», вскоре выяснилось. По возвращении из Москвы Лаваль остановился в Польше. Здесь он разъяснил министру иностранных дел Беку, что франко-советский пакт имеет целью не столько привлечь помощь Советского Союза или помогать ему против возможной агрессии, сколько предупредить сближение между Германией и Советским Союзом.

Советско-французский договор о взаимной помощи Лаваль рассматривал как орудие в своей политике сделки с гитлеровской Германией. В те дни он доверительно говорил своему другу Грумбаху: «Я подписываю франко-русский пакт для того, чтобы иметь больше преимуществ, когда я буду договариваться с Берлином!»

Антисоветская политика Лаваля проявлялась и в систематическом уклонении его от заключения военной конвенции, без которой пакт о взаимной помощи лишался конкретного содержания. Конвенция так и не была подписана.

Среди демократической общественности Франции и других стран пакт, подписанный с СССР, вызвал самое горячее одобрение. В программе Народного фронта, в выработке которой инициативу проявила Французская коммунистическая партия, содержалось требование о распространении на Восточную и Центральную Европу «системы пактов, которые открыты для

риториальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства». Ст. 15 (§ 7) предусматривала, что в том случае, «когда Совету не удастся достигнуть принятия его доклада всеми его членами, кроме представителей спорящих сторон, члены Лиги оставляют за собой право поступать, как они считают подходящим, для сохранения права и правосудия».

всех; в соответствии с принципами франко-советского договора»[1].

Франко-советский договор вызвал беспокойство английских правящих кругов, которые пустили в оборот лживую версию об «угрозе изоляции» Англии и требовали в качестве ответной меры немедленного соглашения Англии с фашистской Германией.

16 мая 1935 г. состоялось подписание советско-чехословацкого договора о взаимопомощи. При этом в протоколе подписания договора (ст. 2) было оговорено, что участники договора придут на помощь друг другу только в том случае, если Франция придет на помощь государству, ставшему жертвой агрессии. Таким образом, действие советско-чехословацкого договора ставилось в зависимость от поведения Франции. Интересно то, что эта оговорка был сделана по настоянию министра иностранных дел Чехословакии Бенеша.

Договоры с Францией и Чехословакией могли стать основой для действенного отпора агрессорам. Но этого не случилось. В правящих кругах Парижа и Праги, так же как и Лондона, возобладали сторонники политики сговора с гитлеровцами. Французское и чехословацкое правительства начали саботировать заключенные с СССР договоры и в дальнейшем оставили их без практического применения.

[1] «L'Humanité», 11. I. 1936.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АГРЕССИЯ ГЕРМАНСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА И БОРЬБА СССР ЗА ЕЕ ПРЕСЕЧЕНИЕ (1935—1937 гг.)

Плебисцит в Сааре

В то время как Советский Союз вел борьбу за обеспечение мира и коллективной безопасности в Европе, западные державы предпринимали действия совсем в ином направлении. Политика попустительства агрессорам, начало которой было положено «пактом четырех», продолжалась. Это нашло отражение и в саарском вопросе.

13 января 1935 г. жители Саарской области должны были путем плебисцита решить, останется ли эта область под контролем Лиги наций, будет ли она присоединена к Франции или войдет в состав Германии.

Фашистская агентура развернула бешеную кампанию за присоединение Саара к Германии. Еще в 1934 г. внешнеполитическое бюро Риббентропа поставило во главе своей французской секции одного из активнейших эмиссаров «фюрера» — Отто Абеца. Задачей его было организовать гитлеровскую «пятую колонну» во Франции. Женатый на француженке, вхожий в круги крупных французских промышленников и финансовой знати, Абец энергично принялся за дело. Он налаживал связи с влиятельными людьми и главарями реакционных организаций, заискивал, требовал, запугивал. В кругу своих французских покровителей Абец без устали доказывал, что Германия — «единственный защитник Европы против большевизма».

В конце ноября 1934 г. в Париж прибыл Риббентроп, которому Лаваль оказал самый предупредительный прием.

Плодом встречи Риббентропа — Лаваля явилось соглашение по вопросу о плебисците в Саарской области. В частности, Риббентроп добился от Лаваля обещания отказаться от требования дополнительного плебисцита в Сааре через 10 лет, если первым туром вопрос об этой области будет решен в пользу Германии. Применяя свою обычную тактику, Риббентроп заверил собеседника, что после проведения плебисцита Германия не будет иметь к Франции никаких территориальных претензий.

Уступая нажиму из Берлина, французские правящие круги, видимо, рассчитывали найти поддержку со стороны Германии в более крупных вопросах.

За два дня до плебисцита Лаваль публично заявил, что «Франция не заинтересована в его исходе». Нетрудно представить, какое впечатление произвело это заявление французского министра иностранных дел на те группы населения Саарской области, которые вели борьбу за присоединение к Франции. Местные власти в Сааре покровительствовали немецко-фашистской организации «Дейче фронт». С помощью гестаповцев был организован террор против тех, кто выступал против включения Саара в состав Германии. В таких условиях гитлеровцам не стоило больших усилий добиться нужного им решения этого вопроса.

Из 539 тыс. голосовавших 477 тыс. высказались за присоединение Саара к Германии; свыше 46 тыс. подали голос за сохранение прежнего управления области под контролем Лиги наций; только 2 тыс. голосовали за ее присоединение к Франции.

Исход плебисцита был предрешен и позицией Англии и Италии. Английская дипломатия выступала против сохранения в Сааре управления Лиги наций, заявляя, что оно обременяет Лигу слишком ответственными обязательствами. Что же касается итальянской дипломатии, то она заняла в саарском вопросе позицию стороннего наблюдателя. В Риме заявляли, что саарский вопрос не имеет общеевропейского значения: он касается только Франции и Германии.

Лиге наций оставалось лишь подтвердить то, что произошло. Согласно ее решению с 1 марта 1935 г. Саарская область переходила к Германии.

Итоги плебисцита в Саарской области воодушевили фашистов. Забыв о своих недавних заверениях, они стали заявлять о своих притязаниях и на другие территории, требуя возвращения Германии всех «немецких областей». Газета «Мюнхенер цейтунг» писала: «Теперь мы отобрали Саарскую область; мы отберем и Эльзас-Лотарингию, и Данцигский коридор, и Мемельскую область, и немецкую Чехию». Центральный орган фашистской партии «Фелькишер беобахтер» требовал проведения голосования в «Восточном Сааре», именуя так Мемельскую область.

Одностороннее расторжение Германией военных статей Версальского договора

Итоги саарского плебисцита обсуждались на совещании Гитлера с его ближайшими сотрудниками. Их общее мнение было таково, что пришла пора пойти на риск открытого нарушения Версальского договора, и прежде всего в вопросе вооружения Германии.

Политика милитаризации Германии становилась все более явной и интенсивной. Лондон, Вашингтон и Париж на протяжении

длительного времени получали достоверную информацию о массовом производстве в Германии различных видов современного вооружения. Уже к лету 1934 г. в Германии выпускались бомбовозы новейших марок. Заводы Круппа к этому времени ассигновали 24 млн. марок на расширение и улучшение производства оружия.

Американские, английские и французские монополии продолжали оказывать помощь фашистскому рейху в расширении военной промышленности. Монополисты США сыграли решающую роль в строительстве немецкими авиационными фирмами за границей новейших военных заводов. Американские фирмы поставляли фашистской Германии военные самолеты и моторы. Воротилы «Шнейдер-Крезо» различными путями осуществляли продажу танков, орудий и пулеметов. Их английские коллеги обильно снабжали немецкую военную промышленность стратегическими материалами, самолетами, авиационными моторами, танками и различными другими видами оружия.

Все это позволило гитлеровской Германии уже к началу 1935 г., нарушив условия Версальского договора, довести численность своих регулярных вооруженных сил до 480 тыс. солдат, не считая различные полувоенные формирования, где миллионы юношей проходили военную подготовку.

Милитаристская политика правителей Германии фактически поощрялась правительствами западных держав. Так, в коммюнике переговоров между Англией и Францией от 3 февраля 1935 г. сообщалось, что оба правительства выразили готовность отменить путем соглашения часть V (военные статьи) Версальского договора. Берлин, разумеется, мог только приветствовать такую инициативу Лондона и Парижа.

20 февраля 1935 г. правительство СССР направило в Лондон и Париж ноту, в которой подчеркивало, что мир неделим и что отдельные соглашения, к которым стремится английская и французская дипломатия, не содействуют укреплению безопасности в Европе.

Английская дипломатия продолжала добиваться соглашения с Германией. 21 февраля 1935 г. министр иностранных дел Джон Саймон направил в Берлин ноту о будущих англо-германских переговорах. Через несколько дней он сообщил палате общин о своем намерении встретиться с Гитлером. Визит в Берлин был назначен на 6 марта. Однако гитлеровцы уже не видели особой необходимости в переговорах. В связи с этим Берлин попросил отложить визит английского министра иностранных дел. Позднее Саймон все же получил уведомление от немецкого министра иностранных дел о том, что Гитлер готов его принять 24 марта.

Пока Саймон готовился к поездке в Берлин, представитель МИД Германии вручил 16 марта 1935 г. английскому, французскому, польскому и итальянскому послам текст «Закона о воссоздании сил национальной обороны».

В тот же день корреспонденты иностранных газет были приглашены на «чрезвычайно важную» пресс-конференцию в германское министерство пропаганды. Геббельс выступил с заявлением о том, что правительство Германии не признает больше военных постановлений Версальского договора. Новый военный закон, изложенный им на пресс-конференции, состоял из трех параграфов: «§ 1. Служба в вооруженных силах происходит на основе всеобщей воинской повинности. § 2. Немецкая армия мирного времени (включая военную полицию) состоит из 12 корпусов и 36 дивизий. § 3. Министру рейхсвера следует представить дополнительные законопроекты о регулировании всеобщей воинской повинности» [1].

Фашистская Германия, таким образом, приступила к открытой ликвидации Версальского договора. Действия Германии вызвали сильную тревогу у общественности Англии и Франции. Однако правые круги и их печать делали вид, что ничего особенного не произошло. Консервативные газеты успокаивали своих читателей: «Паника была бы абсурдом. Чего нельзя предупредить, необходимо признать как факт». Пресса Бивербрука заявляла: «Принудительные меры в отношении Германии не должны быть предприняты, Локарно было ошибкой, а Восточное Локарно было бы еще большей ошибкой».

Опасаясь, что английская политика открытых уступок гитлеровской Германии может быть направлена не только против СССР, но и против Франции, Лаваль, маневрируя, вынужден был поднять вопрос о коллективном протесте. Им было внесено предложение в Лигу наций обсудить положение в связи с нарушением Германией Версальского договора. Однако эта инициатива не получила поддержки со стороны Англии. 18 марта 1935 г. Саймон без консультации с Парижем направил в Берлин новую ноту. В ней он в весьма деликатной форме отметил, что односторонние действия Германии могут вызвать «беспокойство в Европе». Саймон желал получить заверения, что «германское правительство еще желает визита для целей, ранее согласованных». Такое подтверждение ему было дано.

Немецкие газеты, выражая мнение официальных кругов, с удовлетворением писали, что английское правительство проявило «должное понимание обстановки». В связи с этим с топорной прямотой сообщалось, что теперь Саймон будет принят в Берлине в намеченный срок.

---

[1] «Reichsgesetzblatt. 1935», Bd I, S. 375.

Во время бесед с Саймоном 24—26 марта 1935 г. Гитлер заявил, что только национал-социализм сможет «сохранить Германию, а также всю Европу от самой страшной катастрофы» — от большевизма. Но это станет возможным, пояснил он, если Германия будет вооружена [1]. Гитлер резко выступил против каких бы то ни было соглашений о коллективной безопасности в Европе. Саймон и Иден почтительно выслушали разглагольствования главаря фашистов, сделанные в довольно вызывающем тоне.

Позднее просочились сведения, что во время переговоров Гитлер потребовал возвращения Германии прежних колоний и выгодного для себя соглашения о морских вооружениях. Речь шла о желании Германии иметь 35% тоннажа английского военно-морского флота. Руководители Форин-оффис в принципе согласились на это, не пожелав учесть того, что усиление немецких военно-морских сил, сосредоточенных в Северном море, создаст реальную угрозу прежде всего самой Великобритании.

Проводя политику уступок германским милитаристам, руководители английской внешней политики продолжали делать вид, что они озабочены укреплением мира в Европе. Поэтому в Лондоне ответили согласием на приглашение правительства СССР, направленное лорду хранителю печати Антони Идену [2], посетить Москву для обмена мнениями по создавшейся ситуации.

28 марта 1935 г. Иден прибыл в Москву. Он имел длительную беседу с руководителями Советского государства. На приеме в честь Идена, состоявшемся в тот же день, народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов сказал: «Я полагаю, что сотрудничество между нашими двумя государствами, замыкающими Европу с Запада и Востока и вливающимися также в другие континенты, может иметь решающее значение в деле сохранения мира...» [3] В опубликованном сообщении отмечалось, что в отношениях между Англией и СССР нет таких противоречий и трудностей, которых нельзя было бы преодолеть в интересах мира и создания системы коллективной безопасности [4].

[1] *P. Schmidt.* Statist auf diplomatischer Bühne. 1923—1935, S. 285—286.

[2] Представитель группы так называемых «молодых консерваторов», состоящей преимущественно из родовитой и чиновной молодежи, Антони Иден начал свою политическую карьеру в 1926 г. в качестве парламентского секретаря Остина Чемберлена. В 1931 г. был назначен заместителем министра иностранных дел; в 1934 г. стал лордом хранителем печати; в 1935 г. вошел в состав кабинета в качестве министра без портфеля по делам Лиги наций; позднее занимал пост министра иностранных дел Англии.

[3] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 22.

[4] «Правда», 1 апреля 1935 г.

Несмотря на хорошо подобранные слова, произнесенные Иденом в Москве, начало дружескому сотрудничеству между СССР и Англией не было положено. В Лондоне упорно продолжали нажимать на антисоветскую педаль, стремясь вовлечь Германию в такую дипломатическую комбинацию, следствием которой явился бы ее военный конфликт с СССР.

Из Москвы Иден направился в Варшаву, где попытался выяснить отношение руководителей Польши к идее коллективной безопасности в Европе. Но Пилсудский не пожелал распространяться на эту тему. Он ворчливо посоветовал англичанам «заниматься лучше своими колониями, а не европейскими делами». Так по крайней мере злорадно сообщала гитлеровская печать.

Конференция в Стрезе. Англо-германское морское соглашение

Конференция в Стрезе (Италия) была созвана по инициативе французской дипломатии, встревоженной вызывающей позицией Германии в вопросе о вооружениях. Она открылась 11 апреля 1935 г. В конференции участвовали от Италии — Муссолини, от Франции — Фланден и Лаваль; от Великобритании — Макдональд и Саймон.

На конференции был заслушан французский меморандум, содержавший протест перед Лигой наций против нарушения Германией V части Версальского договора. Однако конференция ограничилась самой примирительной резолюцией: три державы выражали сожаление по поводу нарушения Германией Версальского договора.

Когда участники конференции приступили к обсуждению вопроса о том, следует ли принять какие-либо санкции против Германии, Саймон недвусмысленно высказался против этого.

При обсуждении вопроса об отношении к предполагаемым пактам о взаимопомощи — восточному и центральноевропейскому — Саймон передал мнение Гитлера о нежелательности и даже опасности такого рода пактов. Лаваль, ранее объявивший о своем намерении ехать в Москву для подписания франко-советского пакта о взаимопомощи, осведомился о том, каково может быть отношение Германии к заключению многостороннего договора о ненападении, если его участники заключат между собой отдельные договоры о взаимопомощи.

Саймон этого не знал. Тогда из Стрезы в Берлин через английского посла Фиппса был послан соответствующий запрос. Ответ не заставил себя ждать. Германское правительство не возражало против таких договоров, хотя и считало их «внутренне противоречивыми».

Заключительная декларация конференции в Стрезе гласила, что Англия, Франция и Италия будут противодействовать «всеми возможными средствами всякому одностороннему отказу от договоров, который может поставить мир под угрозу». На деле же участники конференции, собравшиеся вскоре после акции фашистской Германии, разорвавшей военные статьи Версаля, примирились с этим агрессивным шагом. Конференция вынесла решение о том, что она «приняла во внимание желание, выраженное государствами, военное положение которых определено договорами Сен-Жерменским, Трианонским и Нейиским, пересмотреть это положение...»

Результатом Стрезы явилось лишь коммюнике самого общего характера. И все же дипломаты Франции и Англии сделали вид, что достигли больших успехов в упрочении мира. Англо-французская печать затрубила, что агрессорам отныне противопоставлен «фронт Стрезы».

15 апреля 1935 г. открылась чрезвычайная сессия Совета Лиги наций.

С обстоятельной речью на сессии выступил 17 апреля 1935 г. глава советской делегации М. М. Литвинов. Подчеркнув, что «мы стоим на точке зрения равноправия народов и их бесспорного права на безопасность и на все средства, обеспечивающие эту безопасность», он заявил: «...признавая равноправие в вооружениях, мы должны исходить из предположения, что это вооружение будет использовано исключительно в оборонительных целях, для защиты существующих границ и собственной безопасности». «Как быть, — продолжал советский представитель, — если государство, требующее или берущее себе право на вооружение, находится под исключительным руководством людей, которые объявили во всеуслышание программу своей внешней политики, состоящую в политике не только реванша, но и безграничного завоевания чужих территорий и уничтожения независимости целых государств?..»

Выход один: сплотить воедино все силы, выступающие против аггессии. Усилия Советского правительства, подчеркнул Литвинов, направлены к «созданию такого международного порядка, при котором максимально затруднилось бы нарушение мира...» [1]

Предложение советской делегации принять резолюцию, которая расширила бы границы мира, охраняемого Лигой, встретило раздраженные возражения со стороны Саймона. Английский министр иностранных дел «с некоторой горячностью», как отмечала «Таймс», просил Совет «остаться на почве практических вопросов». В поддержку Саймона выступил Лаваль. Ту

[1] *М. Литвинов.* Против агрессии. М., 1938, стр. 9—10.

же позицию занял и итальянский делегат барон Алоизи. Не упустил случая сделать выпад против принципов коллективной защиты мира и польский дипломат.

17 апреля 1935 г. сессия Совета Лиги наций приняла резолюцию, в которой принятие германским правительством военного закона от 16 марта 1935 г. было признано нарушением Версальского договора. Считая, что одностороннее расторжение международных обязательств может создать опасность для дела сохранения мира, Совет Лиги постановил поручить особой комиссии разработать предложения по уточнению экономических и финансовых мероприятий, которые должны быть применены в дальнейшем в случае нарушения какой-либо державой своих международных обязательств.

Но даже это никого ни к чему не обязывающее решение вызвало гнев в Берлине. 20 апреля 1935 г. германское правительство заявило протест английскому правительству по поводу резолюции Совета Лиги, объявив, что Лига наций не имеет никакого права быть «судьей Германии».

Фашистская Германия продолжала вооружаться. 5 апреля 1935 г. посол США в Германии Уильям Додд записал в своем дневнике: «Я по телеграфу сообщил государственному секретарю Хэллу факты, свидетельствующие об угрозе войны; нацистское правительство ведет себя агрессивно. Ответственное, или, вернее, безответственное, трио в составе Гитлера, Геринга и Геббельса, так плохо знающее историю, способно на любое безрассудство. Все они убийцы по складу ума»[1].

27 апреля 1935 г. фашистское правительство Германии объявило о том, что 12 подводных лодок, по 250 *т* водоизмещением каждая, в ближайшем будущем будут спущены на воду. Гитлеровская дипломатия рассчитывала тем самым упрочить свои позиции в переговорах с Англией о морских вооружениях.

Угрозы силой перемежались в практике фашистской дипломатии, как и ранее, с миролюбивыми декларациями.

21 мая 1935 г. Гитлер изложил 13 пунктов «программы мира», якобы долженствующей урегулировать взаимоотношения Германии с другими государствами. «Фюрер» заявил о своей готовности заключить двусторонние договоры о ненападении со всеми соседями, кроме Литвы; от пактов о взаимопомощи он отказывался категорически. Предлагая великим державам «моральное разоружение», Гитлер яростно восставал против договора о взаимопомощи между СССР и Францией. В этой же речи он утверждал, что Версальский договор не был выполнен другими державами.

---

[1] «Дневник посла Додда. 1933—1938», стр. 303.

«Программа мира», изложенная фашистским правителем, была подтверждена делом в тот же день, в манере, вполне обычной для гитлеровцев. Германское правительство опубликовало закон... о всеобщей воинской повинности, который должен был довести численность вооруженных сил в течение года до 700 тыс. человек при 2 тыс. самолетов, 3500 пушек, 3 тыс. танков и т. д.

Под аккомпанемент лязга гусениц танков и рева самолетов возрождаемого вермахта в Лондоне 2 июня 1935 г. возобновились англо-германские переговоры.

К этому времени в английском кабинете произошли серьезные перемены. Макдональд был отодвинут на второстепенный пост. Кресло премьер-министра занял Болдуин. Министром иностранных дел стал Самуэль Хор, известный своими антисоветскими настроениями.

В итоге переговоров 18 июня 1935 г. было подписано англо-германское морское соглашение. Английское правительство полностью удовлетворило требования Гитлера, чтобы «мощь германского флота составляла 35% в отношении к совокупной морской мощи Британской империи».

Англия располагала в тот момент военно-морским флотом общим тоннажем в 1201,7 тыс. Следовательно, Германии было предоставлено право довести свой флот до 420,6 тыс. *т*. Имелось же у нее налицо, без учета устаревших судов, лишь 78,6 тыс. *т*. Таким образом, английское правительство разрешило Германии увеличить тоннаж ее флота более чем в 4 раза.

Вопреки Версальскому договору, Германия получила право строить подводные лодки в размере до 45% тоннажа подводного флота Великобритании. Соглашение устанавливало, что в случае, если Германия пожелает превысить данный предел, она должна информировать о своем решении британское правительство. Таким образом, подводный флот Германии фактически не ограничивался.

Англо-германское военно-морское соглашение явилось двусторонним нарушением Версальского договора. С благословения Англии была официально санкционирована политика нарушения Германией своих международных обязательств. Для Германии создавалось весьма благоприятное положение в Северном и Балтийском морях. Соглашение в корне противоречило государственным интересам Англии. Оно носило резко выраженный антисоветский характер. Не случайно за океаном это соглашение расценили как продолжение политики окружения СССР[1].

---

[1] «Foreign Relations... 1935», vol. II, p. 337—338.

Лондонское соглашение било и по интересам Франции. Германия получила право создать военный флот, почти равный французскому, но значительно более современный. Военные приготовления Берлина росли день ото дня.

Итало-эфиопская война и позиции империалистических держав

Будучи, подобно Германии и Японии, заинтересованной в вооруженном переделе мира, вступила на путь открытого нарушения мира и фашистская Италия. Жертвой ее захватнических устремлений стала Эфиопия — единственная в то время независимая страна африканского континента, расположенная вблизи от районов, где были сосредоточены французские колониальные интересы.

Началу агрессивных действий против Эфиопии предшествовали переговоры между Францией и Италией. В начале января 1935 г. Лаваль прибыл в Рим. Здесь он имел четыре совещания с Муссолини. Результатом их, помимо подписанной 7 января 1935 г. общей декларации о франко-итальянском сотрудничестве, была также конвенция о взаимном уважении территориальной целостности государств Центральной Европы и консультативный франко-итальянский пакт.

Только позднее, 15 апреля 1935 г., было опубликовано официальное соглашение Лаваля с Муссолини об «исправлении» франко-итальянской границы в Африке. Италия получала 22 *км* береговой линии против Баб-эль-Мандебского пролива. С точки зрения завоевательных планов Муссолини в Африке это имело весьма существенное значение. Кроме того, Италии передавался остров Думейра и предоставлялось 20% акций железной дороги, соединяющей французский порт Джибути со столицей Эфиопии Аддис-Абебой.

Как стало известно впоследствии, Муссолини открыл Лавалю свой план захвата Эфиопии. Лаваль не возражал. Больше того, он вполне определенно дал понять Муссолини, что французское правительство не будет препятствовать осуществлению его замысла. Руки Муссолини были развязаны. Нападение на мирное африканское государство становилось для него теперь лишь вопросом времени.

В декабре 1934 г. итальянские войска атаковали эфиопский отряд, находившийся в оазисе Уал-Уал, расположенном в 100 *км* от границы, в глубине страны. Создалась угроза расширения конфликта. На границах с Эфиопией стали концентрироваться войска.

Агрессивные действия фашистской Италии заставили серьезно встревоженное правительство Эфиопии 11 мая 1935 г. обратиться в Лигу наций, настаивая на том, чтобы Лига в соответствии со ст. 16 Устава предприняла действенные меры

в защиту Эфиопии. Однако к этому времени уже была согласована единая линия Лондона и Парижа. Соглашение Муссолини — Лаваля было одобрено правительством Великобритании. В этом факте лишний раз сказалась недальновидность английской дипломатии. Она не учитывала, что удар по Эфиопии направлен также против Британской империи, ее коммуникаций из Европы в Индию, в Азию.

Известный английский журналист Дж. Прайс приводит следующий любопытный факт: Муссолини перед вторжением в Эфиопию спросил Макдональда, как отнесется Англия к этому шагу. Макдональд ответил Муссолини следующее: «Англия — леди. Женщинам нравятся активно-наступательные действия мужчин, но при условии соблюдения секретности. Поэтому действуйте тактично, и мы не будем вмешиваться» [1].

Что касается Лаваля, то он всячески укреплял свои связи с Муссолини. Париж и Рим обменялись военно-морскими и военно-воздушными миссиями. Нанесли друг другу визиты начальник французского генерального штаба Гамелен и итальянский маршал Бадольо. Реакционная французская печать вела активную проитальянскую кампанию. Разумеется, это стоило Муссолини немалых денежных затрат. «Один из высших чиновников Кэ д'Орсэ говорил мне, — свидетельствует Андрэ Симон, — что во время абиссинского конфликта агенты Муссолини роздали французским газетам и различным фашистским организациям более 135 миллионов франков» [2].

Правительство Эфиопии тщетно взывало к Лиге, добиваясь защиты и помощи. На сентябрьской сессии 1935 г. эфиопский делегат просил Совет Лиги немедленно применить ст. 16 Устава Лиги и принять все меры для предотвращения войны. Совет Лиги наций образовал «комитет пяти»; ему было дано поручение найти способы мирного разрешения итало-эфиопского конфликта. «Комитет пяти» вооружился материалами, представленными ему в Париже, Лондоне и Риме. Исходя из них, он выработал предложения, по существу означавшие уступки в пользу Италии за счет Эфиопии. Однако Муссолини уже не хотел удовлетвориться этим.

В конце сентября 1935 г. негус Эфиопии Хайле Селассие I информировал Лигу наций о действиях, предпринимаемых его правительством для того, чтобы не дать фашистской Италии предлога для нового нападения. Эфиопские войска уже несколько месяцев были отведены на 30 *км* от границы. Однако ни эти миролюбивые действия правительства Эфиопии, ни ли-

---

[1] *G. Price.* Extra-Special Correspondent. London, 1957, p. 242.
[2] «О тех, кто предал Францию». Сборник. М., 1941, стр. 82.

цемерные усилия Лиги наций не смогли предотвратить интервенцию Италии против Эфиопии.

3 октября 1935 г. вооруженные силы Италии вторглись в Эфиопию. Началась итало-эфиопская война.

Великие державы располагали реальными средствами для того, чтобы предупредить агрессию Италии против Эфиопии или прервать начавшуюся интервенцию. Однако усилия Франции, Англии, США и других буржуазных государств шли в ином направлении. Весьма характерной в этом смысле была позиция Соединенных Штатов Америки.

31 августа 1935 г. была принята совместная резолюция палаты представителей и сената, запрещавшая поставку американского оружия воюющим сторонам (так называемый «закон о нейтралитете»).

Внешне «закон о нейтралитете» был направлен на то, чтобы оградить Соединенные Штаты от участия в войнах, которые могли возникнуть за пределами этой страны. Но на деле закон предусматривал нейтралитет США по отношению к жертвам агрессии, а не к агрессорам, которым этот закон был на руку.

Через два дня после того, как итальянские войска напали на Эфиопию, 5 октября 1935 г., Белый дом запретил вывоз оружия в Италию и Эфиопию. Нетрудно догадаться, что это решение наносило удар не по агрессору, который вряд ли остро нуждался в приобретении оружия за рубежом, а по жертве агрессии — Эфиопии, не располагавшей своей военной промышленностью и испытывавшей острую нехватку в оружии. В эфиопской армии имелось, например, всего 10—15 самолетов.

Запрещая продажу оружия воюющим странам, «закон о нейтралитете» не ограничивал торговлю стратегическими материалами.

Именно это обстоятельство больше всего отвечало интересам как американских монополий, так и стран-агрессоров. Вскоре после вторжения итальянских войск в Эфиопию объем торговли между Италией и США во много раз увеличился. Экспорт нефти из США в Италию, в которой она очень нуждалась, возрос в 1935 г. по сравнению с 1934 г. на 140%. В итальянские колонии, расположенные в Африке, ввоз нефти и нефтепродуктов увеличился в несколько десятков раз. США весьма энергично снабжали Италию и другими важными видами стратегического сырья — железным ломом, сталью, хлопком, а также грузовиками.

В феврале 1936 г. американский конгресс внес в «закон о нейтралитете» некоторые существенные поправки и продлил срок его действия. Запрещение продажи оружия воюющим сторонам было вновь подтверждено. Запрещалась перевозка воен-

ных грузов на американских судах во время войны. Американским гражданам не разрешалось совершать путешествия на кораблях воюющих стран. Однако, исходя из доктрины Монро, конгресс США постановил, что «закон о нейтралитете» не применяется к американским государствам в случае их войны с неамериканскими державами.

Но и новый закон не устанавливал эмбарго на вывоз в воюющие державы стратегических материалов. Нельзя не согласиться с признанием Самнера Уэллеса, который писал, что в итало-эфиопской войне роль Соединенных Штатов Америки мало чем отличалась от той роли, которую играли Англия и Франция [1]. Государственный секретарь США К. Хэлл впоследствии признавал, что, «если бы были применены тотальные санкции, Муссолини был бы тотчас остановлен» [2].

«Законы о нейтралитете», принятые в США, содействовали развитию агрессии фашистских государств. Не кто иной, как Гитлер, со всей откровенностью признавал, что «Америка для нас не опасна, так как ею приняты законы о нейтралитете» [3].

Агрессия фашистской Италии против Эфиопии явилась вызовом мировому общественному мнению. Во многих странах нарастало мощное движение против провокаторов войны. Лига наций оказалась вынужденной учесть эти настроения. 7 октября 1935 г. Совет Лиги признал Италию агрессором.

В связи с этим решением члены Лиги в соответствии со ст. 16 Устава обязаны были применить против Италии санкции. Состоявшаяся вскоре сессия Ассамблеи Лиги приняла решение о создании координационного комитета, которому поручено было разработать санкции против агрессора. В свою очередь, координационный комитет образовал «комитет 18-ти», который рекомендовал членам Лиги осуществить следующие действия: 1. Наложить эмбарго на экспорт оружия в Италию; 2. Не предоставлять Италии займов и кредитов; 3. Прекратить импорт итальянских товаров; 4. Наложить эмбарго на некоторые виды экспорта в Италию; 5. Оказывать поддержку друг другу в применении санкций.

Серьезным недостатком системы санкций, намеченной Лигой наций, было отсутствие требований о применении по отношению к Италии ограничений военного характера. Экономические санкции также являлись недостаточными, так как не касались наиболее важных для Италии видов военно-стратегического сырья.

---

[1] *Sumner Welles.* The Time for Decision, p. 57.
[2] «The Memoirs of C. Hull», vol. I. N. Y., 1948, p. 471.
[3] «Survey of International Affairs. The World in March 1939». London, 1952, p. 529.

Когда Лига оказалась вынужденной приступить к обсуждению вопроса о применении против Италии запрета на ввоз нефти, в Лондоне и Париже забеспокоились. Это беспокойство было вызвано прежде всего тем, что в декабре 1935 г. 10 государств — членов Лиги наций дали согласие не вывозить нефть в Италию. В числе этих государств были СССР, Румыния, Ирак и Голландия, на долю которых приходилось 74,5% итальянского импорта нефти. Покровители агрессора бросились на помощь. Английские и французские представители в Лиге наций приняли все меры к тому, чтобы затянуть обсуждение вопроса о «нефтяных санкциях» против Италии.

Тем временем 9 декабря 1935 г. в Париже было подписано секретное соглашение между премьером Франции Пьером Лавалем и английским министром иностранных дел Самуэлем Хором. В разработанном ими проекте «мирного урегулирования» негусу предлагалось «уступить» Италии всю провинцию Огаден, восточную часть провинций Тигре и Харар. В обмен Эфиопии предлагалось получить от Италии узкую полосу территории Южной Эритреи с выходом к морю в Ассабе. Так как за Францией сохранялись монопольные права на железную дорогу Джибути — Аддис-Абеба, то эта полоса, по выражению газеты «Таймс», была бы просто «коридором для верблюдов». В дополнение к этому Эфиопия должна была принять к себе на службу итальянских советников и предоставить Италии исключительные экономические привилегии. Это был шаг на пути к ликвидации независимости Эфиопии.

Несмотря на то что соглашение Хора — Лаваля было секретным, содержание его проникло в печать. Сговор двух министров вызвал взрыв возмущения во всех странах. Хор был вынужден подать в отставку. Тем не менее дипломатические представители Англии в Риме и Аддис-Абебе получили из Лондона предписание добиваться там согласия на предложения Лаваля — Хора.

Скандальные разоблачения в связи с соглашением Хора — Лаваля вызвали бурный взрыв негодования во Франции. Лавалю пришлось поставить вопрос о доверии правительству. Кабинет получил большинство всего в 20 голосов. Между тем силы Народного фронта во Франции все более крепли. Было ясно, что кабинет Лаваля доживает последние дни. Действительно, в январе 1936 г. его правительство вынуждено было подать в отставку. Правда, положение мало изменилось. На смену Лавалю пришел Альбер Сарро; министром иностранных дел был назначен Фланден. Он, как и многие члены кабинета, был сторонником политики «умиротворения» агрессоров.

Борьба СССР за пресечение итальянской агрессии в Эфиопии

В противоположность капиталистическим державам Советский Союз решительно выступил против колониальных захватов, в защиту права и суверенитета эфиопского народа. На протяжении всего периода итало-эфиопского конфликта Советское государство настойчиво призывало к единству действий против агрессора, что являлось «вернейшим средством ликвидировать конфликт, возникший на почве стремления к колониальной экспансии, грозящей территориальной целостности и национальной независимости одного из членов Лиги...» [1]

Советская дипломатия, опираясь на нормы международного права, требовала от членов Лиги наций неукоснительного выполнения взятых ими на себя по Уставу обязательств. Советский представитель в своих выступлениях в Лиге наций настаивал на том, чтобы «не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги и осуществить задачу, которая является смыслом существования Лиги».

Искреннее стремление Советской страны оказать помощь героическому народу Эфиопии нашло свое выражение в предложениях, внесенных СССР в Лигу наций, об эффективных средствах борьбы против агрессора. При полной поддержке Советского правительства путем индивидуального опроса всех государств — членов Лиги наций 11 октября 1935 г. было принято решение о применении санкций против Италии. (За необходимость применения санкций высказалось 50 государств, против — 4.)

Продолжая борьбу за принятие Лигой наций действенных мер против фашистской Италии, советская дипломатия внесла в координационную комиссию предложение о запрещении ввоза нефти в страну, совершившую агрессию. Однако англо-французская дипломатия путем закулисных махинаций всячески препятствовала включению этих предложений в перечень применяемых санкций.

В ноте НКИД, врученной 22 ноября 1935 г. итальянскому послу в Москве, были разоблачены попытки некоторых членов Лиги наций третировать Эфиопию как «неполноценное» государство. В ноте отмечалось: «Советское правительство считает неправильным положение о том, что Абиссиния должна составить исключение и не пользоваться всеми теми правами, которые предоставлены Лигой наций другим ее членам. С точки зрения Советского правительства, все члены Лиги должны пользоваться полным равноправием в случае нападения, неза-

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 65.

висимо от расовых и других признаков». В ноте далее подчеркивалось, что «иная линия поведения означала бы отрицание основ Лиги наций, отрицание коллективной организации безопасности, поощрение агрессии в дальнейшем и отрицание возможности проявления международной солидарности в деле сохранения и укрепления всеобщего мира, являющемся основой политики Советского правительства и ради которого оно вступило в Лигу наций» [1].

Империалистическим державам удалось добиться того, что советский план эффективной борьбы против агрессора не был принят. Отказ большинства членов Лиги наций, и в первую очередь представителей Англии и Франции, поддержать советские предложения дорого обошелся человечеству. Агрессивные силы сделали новый шаг по пути разжигания нового мирового пожара.

Итальянская армия творила свое черное дело в Эфиопии. Плохо вооруженный народ отчаянно боролся за свою независимость. Эфиопские войска оказывали итальянцам упорное сопротивление. В январе 1936 г. они даже нанесли захватчикам несколько поражений. Взбешенные фашисты ответили на это свирепой бомбардировкой госпиталей и учреждений Красного Креста. В марте итальянские самолеты применили против беззащитных селений и городов Эфиопии ядовитые газы.

20 апреля 1936 г. после долгого бездействия собрался наконец Совет Лиги наций. Поистине драматическим было выступление перед членами Совета Лиги негуса Хайле Селассие, нарисовавшего картину трагедии маленькой свободолюбивой страны.

«...Соглашение Лаваля — Муссолини, — подчеркнул негус, — препятствует Лиге наций применять санкции, мешает ей выступить против тех льгот, которые получил Муссолини для перевозки войск и оружия по Суэцкому каналу! С другой стороны, Лига наций не хочет даже снять эмбарго на поставки оружия для моей страны... Народ Эфиопии никогда не покорится. Сегодня он задает вопрос пятидесяти двум государствам: какие меры предполагают они принять, чтобы дать ему возможность продолжать борьбу?»

Вопрос остался без ответа. Лига наций бездействовала. Более того, представители западных держав пытались «доказать», что санкции против Италии бесполезны и даже опасны: война в Эфиопии продолжается. Не вызовут ли дальнейшие санкции войну и в Европе? Такова была, в частности, точка зрения Н. Чемберлена, высказанная им в речи 10 июня 1936 г. 18 июня Иден объявил о решении английского кабинета пред-

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 74.

ложить отмену санкций, поскольку-де они не дали того результата, какого от них ожидали в качестве способа воздействия на Италию.

Одно государство за другим отказывалось от применения санкций к Италии и возобновляло с ней нормальные отношения. Голос Советского Союза в защиту Эфиопии звучал одиноко в стенах Лиги наций. 30 июня 1936 г. Лига собралась на чрезвычайную сессию. В Женеву вновь прибыл негус. Но напрасно взывал он к представителям западных государств — членов Лиги, которые всего 8 месяцев назад обещали ему помощь и поддержку. Английские и французские дипломаты продолжали гнуть свою линию. Они заявили, что после занятия Аддис-Абебы итальянскими войсками приостановить дальнейшее наступление Италии могли бы только военные санкции. Но, по их мнению, нельзя идти на риск европейской войны.

4 июля 1936 г. Лига наций постановила отказаться от дальнейшего применения санкций. Эфиопия была принесена в жертву итальянскому агрессору.

Выступая 1 июля 1936 г. на пленуме Лиги наций, советский представитель указал, что «Лига наций не смогла обеспечить одному из своих сочленов в соответствии со статьей 10 Устава его территориальную неприкосновенность и политическую независимость и ныне в состоянии лишь выразить ему платоническое сочувствие» [1].

Советский Союз настаивал на том, чтобы учесть провал Лиги наций в вопросе о противодействии агрессии Италии, разработать конструктивную программу упрочения мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Расторжение Германией Локарнских соглашений и оккупация Рейнской зоны

Не встречая отпора со стороны западных держав, гитлеровцы действовали все более открыто, устраняя все, что хоть в какой-то мере мешало осуществлению их агрессивных замыслов.

Германия искала повода нарушить Локарнские соглашения. Как известно, эти соглашения имели антисоветскую направленность, подталкивая Германию на восток. Вместе с тем их условия не допускали вооружения ее западных границ, которое Гитлер считал необходимым для осуществления захватнических планов в Европе. Прямое нарушение локарнских обязательств Германией создавало в первую очередь непосредственную угрозу безопасности Франции. Но в Берлине были убеждены, что Сарро с Фланденом не окажут серьезного противодействия германской акции. Для маскировки замышляемого нарушения локарнских обязательств было

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 170.

заявлено о том, что франко-советский пакт якобы с ними несовместим.

Правительство Гитлера рассчитывало на поддержку со стороны английских реакционных кругов. С 30 января по 4 февраля 1936 г. один из влиятельных сторонников сближения с Германией, маркиз Лондондерри, посетил Геринга и Гитлера. Принимая этого гостя в своем охотничьем замке, Геринг доказывал ему необходимость немедленного укрепления Рейнской области. В свою очередь Гитлер говорил Лондондерри о том, что «Москву нужно подвергнуть карантину». По возвращении в Лондон Лондондерри послал через Риббентропа письмо, в котором намекал, что информация о пожеланиях германского правительства встречена благоприятно.

Английское правительство отнюдь не собиралось мешать Гитлеру в вопросе о ремилитаризации Рейнской области. Антони Иден телеграфировал английскому послу в Париже Кларку, который в предварительном порядке обсуждал с Фланденом этот вопрос: «...поскольку демилитаризованная зона была создана в основном ради безопасности Франции и Бельгии, именно правительства этих двух стран должны решить, насколько она для них важна и какую цену они готовы заплатить за ее сохранение...» Иден предостерегал посла против бесед о возможных совместных действиях, считая предпочтительным заблаговременно вступить в переговоры с Гитлером об отказе союзников от своих прав в Рейнской зоне [1].

Подготовка в Германии к ремилитаризации Рейнской области началась с обсуждения этого вопроса на совещании «рабочего комитета» имперского совета обороны 26 июня 1935 г., созванного начальником генштаба генералом Рейхенау. Выступивший с информацией генерал Иодль сообщил о предварительных мерах, принятых командованием по указанию Гитлера, к введению войск в Рейнскую область. Он потребовал, чтобы все распоряжения по этому вопросу отдавались только в устной форме [2].

План захвата и ремилитаризации Рейнской зоны имел шифрованное название «операции Шулунг». В директиве имперского министра обороны от 2 мая 1935 г., адресованной главнокомандующему армией Фричу, главнокомандующему флотом Редеру и имперскому министру авиации Герингу, подчеркивалось, что «операция после передачи слов «выполнять Шулунг» должна быть проведена неожиданным ударом с молниеносной быстротой». Приказ о «неожиданном и одновременном» вводе немецких войск в Рейнскую зону был подписан генералом

---

[1] См. «Международная жизнь», 1963, № 3, стр. 106—107.
[2] *J. Wheeler-Bennet.* Die Nemesis der Macht, S. 370.

Бломбергом 2 марта 1936 г. Правители фашистской Германии понимали, что это была рискованная авантюра, так как соотношение сил все еще было в пользу французской армии. Впоследствии генерал Иодль признал: «У нас было неспокойное чувство игрока, поставившего на карту всю свою карьеру».

7 марта 1936 г. в министерство иностранных дел Германии были приглашены послы Англии, Франции, Бельгии и Италии. Здесь Нейрат передал им меморандум германского правительства, в котором заявлялось, что, поскольку Франция «нарушила» Локарнские соглашения, заключив договор с Советским Союзом, Германия решила восстановить свой «полный и неограниченный суверенитет» в Рейнской области. В меморандуме далее говорилось, что германское правительство готово заключить пакт о ненападении с Францией и Бельгией сроком на 25 лет; согласно оно и на подписание с западными державами пакта о военно-воздушных силах. Германия может даже вернуться в Лигу наций, «если вопросы о колониальном равенстве и об отделении пакта Лиги наций от Версальского договора станут предметом дружественных переговоров». Нейрат сообщил послам об отказе Германии от Локарнских соглашений и занятии ею Рейнской зоны.

В тот же день более 30 тыс. немецких солдат вступили в Рейнскую область.

Действия Германии в Рейнской зоне вызвали оживленную дискуссию в дипломатических кругах Запада. Полемизировали по вопросу о том, решатся ли Франция и Англия применить санкции против Германии. Бурная реакция во французской столице как будто позволяла прийти к выводу о том, что санкции будут применены.

Заседания французского кабинета, начавшись 7 марта, продолжались почти непрерывно трое суток. Премьер Сарро торжественно утверждал, что его правительство полно решимости «отстаивать основные гарантии французской и бельгийской безопасности». В том же тоне прозвучали выступления и некоторых членов кабинета. Однако гора родила мышь. Французское правительство приняло решение ничего не предпринимать до тех пор, пока Совет Лиги наций не вынесет своего решения.

Болдуин и Иден выступили с осуждением одностороннего отказа Германии от обязательств по Локарнскому пакту. Однако, по мнению английского правительства, шаг, совершенный Германией, не представлял по существу военных действий и не давал оснований для вооруженного конфликта.

14 марта в Лондоне открылись заседания Совета Лиги наций. Начались бесконечные словопрения, в которых дипломаты западных держав стремились скорее оправдать, чем осудить германскую акцию.

Советский представитель подверг резкой критике выдвинутое Берлином утверждение о «несовместимости» франко-советского договора с Локарнским пактом. Всему миру известно, заявил он, что ни Советский Союз, ни Франция не имеют никаких претензий на германские земли и не стремятся к изменению границ Германии. Если Германия не совершит нападения ни на Францию, ни на Советский Союз, пакт о взаимопомощи, заключенный между этими двумя странами, никогда не будет приведен в действие. Однако сама Германия явно преследует захватнические цели. Ради них немецкие войска заняли и Рейнскую зону. Совершенно очевидно, что Германия готовится к нападению на СССР.

Представитель СССР осудил тенденцию Запада к коллективной капитуляции перед агрессором и призвал к решительным действиям по обузданию тех сил, которые толкали мир к новой войне.

Спустя 13 дней после начала событий Совет Лиги приступил к голосованию вопроса: нарушила ли Германия границы Рейнской зоны? Большинство членов Совета все же нашло в себе смелость утвердительно ответить на этот вопрос, уточнив, однако, что их ответ не означает «порицания» или «осуждения» Германии, а является лишь «констатацией факта». Совет Лиги наций принял резолюцию, которая ограничилась признанием факта нарушения Германией ст. 43 Версальского договора и Локарнского соглашения.

В тот же день состоялось совещание представителей государств, подписавших Локарнский договор. Представитель Берлина отсутствовал. Совещание также подтвердило нарушение Германией локарнских обязательств. Тем не менее было постановлено, если Германия примет предложение четырех держав о приостановке ремилитаризации Рейнской зоны, вступить в переговоры о пересмотре в дипломатическом порядке статуса этой области.

Вопреки очевидным фактам в Лондоне, Париже и Вашингтоне все еще лелеяли надежду на то, что «шалости» Гитлера на Западе не имеют серьезного значения: войну фашистская Германия готовит и развяжет только в одном направлении — в направлении Советского Союза. Иного хода событий дипломатия империалистических держав не предполагала.

Нарушитель договоров снова остался безнаказанным. 21 марта 1936 г. Гитлер торжествующе провозгласил в Гамбурге, что «дух Версальского договора уничтожен». На следующий день он заявил в Бреслау, что «в Европе должен возникнуть новый порядок». Спустя каких-нибудь несколько лет народы на собственном горьком опыте убедились, что означал для них этот гитлеровский «новый порядок»!

Нацисты бешеными темпами вооружали Германию. Сооружались военные укрепления, строились мосты и автострады, ведущие к границам Франции, Бельгии и Голландии, увеличивалась армия. 24 августа 1936 г. был опубликован закон о продлении срока службы в германской армии с одного года до двух лет.

К концу 1936 г. в Германии насчитывалось 14 армейских корпусов и 1 кавалерийская бригада. Регулярная армия достигала численности 700—800 тыс. человек. В 1936 г. вермахт имел уже не менее 1500 танков. Германская промышленность выпускала более 100 танков в месяц. Громадные средства затрачивались на создание военной авиации. В 1936 г. военно-воздушный флот рейха насчитывал 4500 самолетов, из них 1900 — первой линии. По всей Германии была развернута широкая сеть аэродромов, число которых превышало 400. Спешно осуществлялась программа военно-морского строительства, узаконенная англо-германским морским соглашением.

Правящие круги капиталистических стран, и в особенности Англии и Франции, основные усилия направляли не на разоблачение агрессивных действий фашистских держав и отпор им, а на убеждение общественного мнения своих стран в том, что никакой реальной опасности новой войны не существует. Это была политика обмана народов Западной Европы. И она проводилась в то время, когда фашистская Германия открыто вела подготовку новой бойни, увеличивала вооруженные силы, воспитывала своих подданных в духе расовой ненависти, превознося до небес культ насилия и войны.

Тем не менее передовые слои общества отдавали себе отчет в масштабах опасности, нависшей над миром. В ряде стран ширилось антифашистское, антивоенное движение. Грозным предостережением звучал голос коммунистических партий, смело разоблачавших фашистских агрессоров и их покровителей. «*Германские фашисты,* — говорилось в резолюции VII конгресса Коминтерна (лето 1935 г.), — *являющиеся главными поджигателями войны,* стремящиеся к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны, за счет своих соседей. Авантюристические планы германских фашистов простираются весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии, на аннексию Австрии, на уничтожение самостоятельности прибалтийских стран, которые они стремятся превратить в плацдарм для нападения на Советский Союз...»

Конгресс подчеркнул необходимость единства действий рабочего класса против опасности фашизма и войны, призвал все

народы к мобилизации сил на помощь странам, борющимся за свою независимость, против агрессии империалистов.

Конференция в Монтре о режиме черноморских проливов

Агрессия фашистской Италии в Эфиопии обострила обстановку во всем Средиземноморском бассейне. В связи с этим важное значение приобретал и вопрос о черноморских проливах.

Со времени Лозаннской конференции 1923 г. международное положение Турции изменилось. Решения этой конференции уже не соответствовали новой международной обстановке. Они не обеспечивали безопасности Турции и других черноморских государств. Основным недостатком решений, принятых в Лозанне, являлось то, как об этом неоднократно говорили советские представители, что они оставляли проливы открытыми для прохода военных кораблей любого государства.

Между тем Муссолини постоянно твердил, что его «взоры обращены на восток». Италия лихорадочно вооружалась. На островах Додеканез, особенно на острове Лерос, а также на Родосе, в непосредственной близости от турецких берегов, возникла мощная военно-морская и авиационная итальянская база. Итало-турецкие отношения обострялись. В декабре 1935 г. английская дипломатия в интересах защиты владений Британской империи заключила с Турцией, а также с Грецией и Югославией «джентльменское» соглашение о взаимной помощи на Средиземном море в случае итальянской агрессии.

Турция еще в 1933 г. заявила о желательности пересмотра Лозаннской конвенции в отношении вооружения проливов. Опираясь на помощь СССР, как известно не ратифицировавшего конвенцию, турецкое правительство решило вновь поставить вопрос о пересмотре решений, принятых в Лозанне. 10 апреля 1936 г. оно обратилось к державам, участвовавшим в лозаннских переговорах, с формальным предложением произвести указанный пересмотр и в короткий срок добиться урегулирования режима проливов, с соблюдением условий, охраняющих неприкосновенность турецкой территории и наиболее благоприятных для развития торгового мореплавания между Средиземным и Черным морями.

Нотой от 16 апреля 1936 г. Советское правительство ответило согласием на турецкое предложение. При этом оно отметило, что разделяет опасения правительства Анкары насчет необеспеченности всеобщего мира. Поэтому оно считает естественным стремление Турции укрепить свою безопасность путем соответственного изменения режима проливов.

Конференция по пересмотру режима черноморских проливов проходила в Монтре (Швейцария) с 22 июня по 20 июля

1936 г. На ней присутствовали делегаты от девяти государств, участвовавших в лозаннских переговорах 1922—1923 гг. Только Италия отказалась прислать своих представителей, ссылаясь на то, что участниками конференции проводятся против Италии экономические санкции. Когда же эти санкции были отменены, правительство Муссолини выдвинуло тот аргумент, что в силе остаются еще направленные против Италии средиземноморские соглашения о взаимопомощи между Англией, Турцией, Грецией и Югославией. Италия не желала участвовать в пересмотре Лозаннской конвенции путем дипломатических переговоров. Она предпочитала следовать примеру гитлеровской Германии, в одностороннем порядке нарушавшей международные договоры, когда в этом возникала нужда.

Советская дипломатия добивалась такого разрешения вопроса о проливах, при котором в максимальной степени были бы обеспечены интересы СССР и других черноморских стран. Главные споры на конференции велись по двум вопросам — о проходе военных кораблей черноморских держав через проливы и о допущении в Черное море военных флотов других государств. Советские представители предлагали, чтобы черноморские страны, для которых проливы являются важнейшим путем сообщения со Средиземным морем и океанами, были поставлены в особое положение и могли проводить через проливы любые свои корабли.

Враждебную позицию в отношении черноморских держав занимала Англия. Ее представители заявили о готовности удовлетворить требования Турции о ремилитаризации проливов. Однако они настаивали на признании Черного моря открытым международным морем, возражая против каких бы то ни было ограничений входа в проливы военных кораблей нечерноморских держав. Суть английских предложений заключалась и в том, чтобы закупорить советский военно-морской флот в Черном море.

Позиция английской дипломатии в вопросе равенства нечерноморских и черноморских держав была поддержана японской делегацией. Ее представители заявили, что готовы принять любые, самые жесткие ограничения для прохода через проливы иностранных военных кораблей, лишь бы черноморские страны подчинены были таким же условиям.

Правительство Турции стремилось к закрытию проливов для всякого иностранного военного флота. В итоге кулуарных переговоров с англичанами председатель турецкой делегации министр иностранных дел Арас отказался от собственного проекта конвенции и заявил, что за основу обсуждения принимает британский проект.

Представителям СССР пришлось предупредить участников конференции, что Советский Союз не даст своего согласия на условия, наносящие ущерб его государственным интересам. Для всех было ясно, что без подписи Советского правительства любая конвенция о проливах останется фикцией. Англия в конце концов вынуждена была согласиться с основными советскими предложениями. Затем сняла свои возражения и Турция.

20 июля 1936 г. участники конференции подписали новую конвенцию о проливах. Требование Турции о восстановлении ее прав в зоне проливов было полностью удовлетворено. Международная комиссия проливов распускалась. Наблюдение и контроль за проходом судов через проливы возлагались на Турцию. Она получала право покончить с демилитаризацией проливов.

Конвенция подтвердила лозаннское решение о полной свободе прохода через проливы коммерческих судов всех стран. В отношении же военных судов было проведено различие между черноморскими и нечерноморскими державами. Военным судам черноморских государств предоставлялось право свободного прохода через проливы. Таким образом, Советский Союз получил право в мирное время проводить через проливы свои военные корабли и подводные лодки.

Для нечерноморских государств были установлены известные ограничения. Им было разрешено проводить в Черном море только легкие надводные корабли, малые боевые и вспомогательные суда. Максимальный тоннаж судов, одновременно проходящих через проливы, был ограничен 15 тыс. *т*, а их численность — девятью единицами. Общий же тоннаж находящихся в Черном море военных судов всех нечерноморских держав не должен был превышать 30 тыс., а судов одной из держав — 20 тыс. *т*. Предельная продолжительность пребывания военных судов нечерноморских стран в Черном море ограничивалась 21 днем. На время войны, если Турция не участвует в таковой, воспрещался проход через проливы военных кораблей любой воюющей державы. В случае участия Турции в войне проход через проливы подчинялся усмотрению турецкого правительства; последнее имело право ввести это положение в действие также и в том случае, если Турция окажется под непосредственной угрозой войны.

Конвенция заключалась на 20 лет с автоматическим продлением, если ни один из участников за два года до истечения этого срока не денонсирует ее. Несмотря на ряд недостатков конвенции (в частности, уравнение положения черноморских и нечерноморских воюющих держав при нейтралитете Турции

в войне), она имела положительное значение и явилась успехом советской дипломатии.

Подготовка и начало фашистского мятежа в Испании

Одной из наиболее крупных и трагических по своим последствиям диверсий фашистских государств и их агентуры против мира явился мятеж генерала Франко в Испании.

16 февраля 1936 г. в стране проходили выборы в кортесы (парламент). Благодаря объединенным действиям всех антифашистских и демократических партий, сплотившихся в Народный фронт, силы реакции потерпели серьезное поражение. Было создано республиканское правительство Асаньи, который стал позднее президентом Испанской республики.

Однако крайне правые круги не намеревались складывать оружия. Опираясь на поддержку извне, генералы Франко и Годед, стоявшие во главе генштаба испанской армии, в которой монархистские и реакционные элементы сохраняли сильные позиции, приступили к подготовке контрреволюционного мятежа.

По всей Испании была создана сеть тайных организаций. В казармах и старых крепостных зданиях устраивались склады оружия и боеприпасов. Кандидат в военные диктаторы генерал Санхурхо отправился в Берлин для получения указаний. Испанские заговорщики учитывали особенности обстановки, сложившейся к тому времени в Европе, и настроения правящих кругов империалистических государств.

Вслед за Испанией движение Народного фронта одержало победу во Франции. По инициативе французских коммунистов демократические организации страны сплоченно выступили на выборах в парламент в апреле — мае 1936 г. В результате победы левых во Франции было создано правительство Народного фронта.

Реакционные круги Запада были серьезно встревожены успехами демократических сил в Испании и Франции. «Если зараза коммунизма, — писала английская консервативная газета «Дейли мейл» 16 июня 1936 г., — распространяющаяся сейчас в Испании и Франции, перекинется на другие страны, то самыми полезными друзьями для нас оказались бы два правительства — германское и итальянское, уничтожившие эту заразу на своей земле».

В первой половине мая 1936 г. Томасу Джонсу, доверенному лицу премьер-министра Великобритании Болдуина, было сделано предложение посетить Германию в качестве «частного лица». Предложение было принято, и 16 мая Джонс встретился в Берлине с Риббентропом. На следующий день английский гость был любезно принят Гитлером. Джонс откровенно сооб-

щил ему, что, по мнению английских правящих кругов, победа Народного фронта во Франции сделала «особенно важным» сближение позиций Германии и Англии. Гитлер охотно поддержал своего собеседника и заявил, что он, в свою очередь, намерен содействовать осуществлению общего плана [1]. Переговоры Джонса с Гитлером были одобрены 22 мая 1936 г. в узком кругу на даче английского премьер-министра в Чекерсе.

Что имел в виду фашистский главарь, обнаружилось довольно скоро. Уверенные в том, что им не помешают, Германия и Италия при пособничестве Португалии стали разжигать гражданскую войну в Испании, стремясь покончить с республиканским строем и привести к власти профашистский режим.

Подготовка мятежа велась усиленными темпами. Подробные указания заговорщикам о методах захвата власти в Мадриде шли от иностранного отдела национал-социалистской партии Германии. Для главарей испанской фаланги организовывались специальные курсы и доклады. Особое внимание уделяли эмиссары Розенберга острову Майорка, который был превращен в центр подготовки военно-фашистского путча.

Итальянский «дуче» обещал испанской реакции помощь. Для начала он предполагал передать мятежникам 10 тыс. винтовок, 20 тыс. ручных гранат, 200 пулеметов и 1,5 млн. песет.

18 июля 1936 г. радиостанция Сеуты передала условную фразу — сигнал к началу действий: «Над всей Испанией безоблачное небо». Так начался мятеж против республиканского правительства Испании. Фашисты выступили в Испанском Марокко, на Канарских и Балеарских островах. Любопытно, что Франко перелетел с Канарских островов в Северную Африку, чтобы участвовать в руководстве мятежом, на английском самолете, пилотируемом капитаном по имени Биб. В установленный час самолет приземлился на одном из аэродромов Канарских островов. Офицер английских военно-воздушных сил Биб высадил генерала Франко в Тетуане [2].

В тот же день под руководством генерала Мола началось выступление мятежников на севере Испании, в Наварре, Старой Кастилии. Контрреволюционеры подняли голову в Барселоне, Севилье, Сарагосе и других городах.

Высадив десант в Кадисе, мятежники начали продвижение по территории Испании. 19 июля 1936 г. они захватили Севилью. Франко стал во главе мятежа, заменив Санхурхо, разбившегося при аварии самолета.

---

[1] См. «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1939 гг.», т. I, стр. 456.

[2] См. *Х. Гарсиа.* Испанский народ в борьбе за свободу и демократию, против фашизма. М., Госполитиздат, 1956, стр. 103.

С первого же дня мятежа завязались бои с мадридской рабочей милицией и войсками, оставшимися верными правительству. В Мадрид прибыл вооруженный отряд астурийских горняков. Тысячи испанских антифашистов были подняты на ноги Народным фронтом. На сборные пункты добровольцев явилось свыше 300 тыс. мужчин и женщин, желавших отправиться на фронт. «Не находясь в эти дни в Испании, — писала вождь испанских коммунистов Долорес Ибаррури, — трудно, невозможно представить себе всю степень героизма нашего народа. Матери не плакали, провожая своих детей, которые шли, чтобы встретиться со смертью. Женщины требовали от мужчин жертвенной храбрости. Они предпочитали быть вдовами героев, чем женами трусов».

Итало-германская интервенция в Испании и политика «невмешательства» западных держав

Под предлогом охраны жизни и собственности германских граждан гитлеровское правительство немедленно отправило к берегам Испании две военные эскадры. Официальное решение об оказании помощи Франко в Берлине приняли 25 июля 1936 г. Гитлер был уверен, что ни Англия, ни Франция не будут реально противодействовать этому шагу Германии. К тому же он полагал, что победа Франко — вопрос нескольких недель.

Помощь мятежникам со стороны фашистской Германии ширилась с каждым днем. 30 июля 1936 г. в Тетуан (Испанское Марокко) прибыли 20 германских самолетов «Юнкерс», предназначенных для переброски в Испанию марокканских частей, выступивших против республиканского правительства. В начале ноября 1936 г. Гитлер направил в распоряжение Франко воздушный корпус «Кондор», в котором насчитывалось более 100 боевых самолетов и 4500 человек личного состава. За период интервенции немецкие специалисты обучили в особых лагерях около 56 тыс. франкистских пехотинцев, танкистов и артиллеристов [1].

За все это, конечно, надо было платить. Вскоре после начала мятежа генерал Франко подписал с фашистской Германией соглашение, по которому создавалась компания под названием «Исма». Компания сосредоточивала в своих руках монополию экспорта испанской железной руды со всей территории, находившейся под контролем мятежников. За один только месяц после вступления в силу этого соглашения в октябре 1936 г. было вывезено в Германию 10 750 *т* марганца, вольфрама, меди и других ценных металлов. 28 ноября 1936 г. фашистская Италия также заключила секретное соглашение

[1] *M. Merkes.* Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkrieg, 1936—1939. Bonn, 1961, S. 33—34.

с Франко, по которому получала право контроля над экономическими ресурсами Испании, право свободно пользоваться портами, дорогами и т. д.[1]

Фашистская Италия, как и гитлеровская Германия, направляла в Испанию свои войска. За три месяца после начала мятежа фашистские правители Германии и Италии с помощью своей авиации перебросили в Испанию свыше 24 тыс. солдат-марокканцев, 400 *т* военных материалов и 462 раза бомбили испанские города. Всего за три года войны в Испанию было послано 250 тыс. итальянских и около 50 тыс. немецких солдат и офицеров.

Наглая и открытая итало-германская интервенция не встречала никакого противодействия со стороны Англии, Франции и США. Реакционные круги этих стран видели главную угрозу в Народном фронте Испании. Разгромить демократические силы в Испании и в других странах Европы, «канализировать» фашистскую агрессию против Советского Союза — вот что определяло главное содержание политики Вашингтона, Лондона и Парижа. Под флагом защиты Европы, защиты мира была провозглашена политика «невмешательства» в испанские дела, означавшая на деле пособничество мятежникам и их покровителям в Берлине и Риме.

25 июля 1936 г., после поездки премьера нового французского правительства Леона Блюма в Лондон, в Париже было объявлено о намерении Франции воздержаться в одностороннем порядке от поставок оружия законному испанскому правительству. 15 августа 1936 г. состоялся обмен нотами между правительствами Англии и Франции. Оба правительства обязались запретить экспорт оружия и военных материалов в Испанию и ее владения. Политика «невмешательства» начала действовать.

Большую активность в проведении политики «невмешательства» проявляли правящие круги США. В январе 1937 г. сенат и палата представителей приняли резолюцию, по которой запрещалась продажа оружия «воюющим сторонам в Испании». Кроме того, правительство США запретило выезд в Испанию тех американцев, которые в качестве добровольцев хотели оказать помощь испанскому народу[2] (что, впрочем, не помешало мужественным борцам «бригады Линкольна» принять участие в защите Испанской республики).

Что же касается продажи нефти и различных видов горючего, в которых остро нуждались франкисты, то закон, приня-

---

[1] См. *Хосе Гарсиа.* Испания Народного фронта. М., 1957, стр. 40.

[2] «Peace and War. U. S. Foreign Policy 1931--1941. U. S. Department of State Publication 1938». Washington, 1943, p. 353—354.

тый в США, не затрагивал этих вопросов. Франко на протяжении всего периода гражданской войны в Испании регулярно получал нефть и нефтепродукты из США. Вот конкретные цифры: в 1936 г. фашистские мятежники получили из США 344 тыс. *т*, в 1937 г. — 420 тыс., в 1938 г. — 478 тыс., а в 1939 г. — 624 тыс. *т* нефти и горючего. Более того, американские монополисты «великодушно» осуществляли поставки горючего франкистам и в кредит, сумма которого достигла 6 млн. долл. [1]

В то же время резолюция сената и конгресса США отказывала в средствах защиты жертве агрессии — республиканской Испании. Когда дипломатический представитель законного испанского правительства обратился с запросом в госдепартамент США о возможности приобретения в США некоторого количества боеприпасов, им был получен официальный ответ от заместителя государственного секретаря Филиппса, гласивший, что «правительство США рассматривало бы такую покупку как нежелательную». Таким образом, правящие круги США явились инициатором политики, фактически означавшей блокаду Испанской республики.

Со временем эта политика получала все более зловещий смысл. 1 мая 1937 г. конгресс принял третий «закон о нейтралитете». В отличие от первых двух президенту предоставлялась возможность решать вопрос о продаже той или иной стране некоторых материалов за наличный расчет, причем покупатель должен был транспортировать их собственными средствами, по принципу «плати и вези сам».

Нетрудно понять, что республиканская Испания не располагала ни валютными средствами, ни океанским флотом, чтобы воспользоваться «услугами» США. Что же касается франкистов, то с помощью Германии и Италии им фактически были предоставлены весьма благоприятные возможности для ввоза стратегических материалов и военных товаров.

Монополии США хотели видеть в генерале Франко стража и проводника своих интересов в Испании. В испанскую промышленность были вложены крупные американские капиталы. В Испании действовали филиалы фирм «Форд моторс Иберика», «Армстронг», «Корк», «Стандард электрик», «Интернейшнл телефон энд телеграф корпорейшн», «Файрстоун континентал» и др. Этим прежде всего и определялась политика правящих кругов США в испанских делах.

Европейскими апостолами политики «невмешательства» были правящие круги Англии и Франции. Они усердно проводили эту недальновидную политику, хотя интервенционист-

[1] *H. Feis.* The Spanish Story. N. Y., 1948, p. 269.

ские действия Германии и Италии на испанской земле были рассчитаны не в последнюю очередь на то, чтобы, укрепившись в этом районе, создать Франции угрозу с тыла и держать под ударом важнейшие коммуникации Англии и Франции в Атлантике и Средиземноморье.

Английский дипломат Джеффри Томпсон в своих мемуарах подробно описывает пресловутую политику «невмешательства», проводившуюся Англией. В частности, он приводит такой факт: «Для нас в Валенсии казалось нелепым, что контроль над морским побережьем Испании от Малаги в северном направлении был поручен немцам. Их карманный линкор «Дейчланд» и эсминцы обеспечивали Франко и итальянцев разведывательными данными и направляли на цель их бомбардировщики. На этих кораблях развевался специальный флаг комитета по «невмешательству» с соответствующей эмблемой. Мы всегда думали, что тот, кто изобрел эту эмблему, обладал довольно циничным чувством юмора» [1].

Оценивая политику «невмешательства», английский буржуазный историк Уильям Макелви в книге «Злосчастные годы Англии. 1918—1940» называет ее фарсом. «Эта политика, — подчеркивает автор, — проводилась исключительно в интересах врагов и нарушителей мира» [2]. Он приходит к выводу, что «борьба в окопах Мадрида была борьбой во имя дела либерализма и демократии, а не большевизма» [3].

Во Франции в те годы существовало правительство, опиравшееся на Народный фронт. Во главе этого правительства стоял Леон Блюм — лидер Французской социалистической партии, рядовые члены которой, как и широкие массы французских трудящихся, требовали эффективной помощи Испанской республике. Однако под нажимом реакционных кругов и в силу собственных убеждений Блюм не занял во внешнеполитических делах ту позицию, которая была провозглашена программой Народного фронта. Он проявлял непоследовательность, двуличие, скатываясь все больше вправо. По его инициативе французское правительство разорвало торговое соглашение 1935 г., по которому республиканское правительство Испании могло закупать оружие у Франции на сумму в 100 млн. франков в год.

Леон Блюм считал основой своей политики сохранение англо-французского сотрудничества во всех областях, и в частности в испанских делах. Он не смел действовать без согласования своей позиции с руководителями английской политики.

---

[1] *G. Thompson.* Front Line Diplomat. London, 1959, p. 121.
[2] *W. McElwee.* Britain's Locust Years. 1918—1940. London, 1962, p. 255.
[3] Ibid., p. 256.

Сперва Блюм встречал в Лондоне холодный и недоверчивый прием. Там он казался прежде всего эмиссаром ненавистного Народного фронта. Но после нескольких бесед отношение английских политиков к французскому премьеру изменилось. Их подкупили мягкость, уступчивость, гибкость этого лидера французских социалистов. Англичанам нетрудно было понять, что в лице Леона Блюма перед ними — французское издание Макдональда. Общий язык был найден.

Когда в Париж по заданию премьер-министра Испанской республики Негрина прибыл генеральный комиссар республиканской Испании Альварес дель Вайо, он стал свидетелем одного из самых циничных проявлений политики «невмешательства» в действии. Дель Вайо должен был любой ценой получить оружие для немедленного вооружения четырех дивизий. «Победа зависит, — сказал Негрин Альваресу дель Вайо, — от успеха вашей миссии, ибо единственная надежда быстро получить оружие — это Франция».

Но миссию постигла неудача. События в Испании принимали все более трагическую окраску.

Борьба СССР в защиту Испанской республики

Советская страна оказала действенную поддержку испанскому народу, героически сражавшемуся против франкистов и итало-германских фашистских интервентов. Трудящиеся СССР стояли во главе прогрессивных сил, помогавших республиканской Испании. В телеграмме вождю испанских коммунистов Хосе Диасу, опубликованной в газете «Правда» в октябре 1936 г. за подписью Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина, указывалось: «Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества» [1].

По всему Советскому Союзу прокатывались мощные волны поддержки героических борцов против фашизма. 3 августа 1936 г. свыше 100 тыс. трудящихся столицы пришли на Красную площадь с лозунгами: «Руки прочь от революционной Испании!», «Окажем материальную поддержку борцам — трудящимся Испании!». В течение нескольких дней советскими людьми было собрано 12 млн. руб. К октябрю 1936 г. эта сумма достигла 56 млн. руб. На эти средства в Испанию были отправлены десятки пароходов с продовольствием, медикаментами, одеждой.

Советские добровольцы сражались в Испании в частях интернациональных бригад. В помощь испанской республикан-

[1] «Правда», 16 октября 1936 г.

ской армии были посланы летчики и танкисты, советская боевая техника.

Движение солидарности охватило многие страны мира. Тысячи людей из 54 стран, объединенных ненавистью к фашизму, с оружием в руках помогали испанскому народу отстаивать свободу и независимость.

Советская дипломатия использовала все возможности для разоблачения истинного смысла действий западных держав в отношении республиканской Испании. 9 сентября 1936 г. в Лондоне начал свою работу Международный комитет по вопросам невмешательства в дела Испании. В этот комитет вошли и представители Советского Союза, подчеркнув при этом необходимость того, чтобы «немедленно же была прекращена помощь, оказываемая некоторыми государствами мятежникам против законного испанского правительства» [1].

В начале октября республиканское правительство Испании опубликовало Белую книгу об итало-германской интервенции в Испании и о помощи, оказываемой извне испанским мятежникам. Представитель СССР в комитете по невмешательству вручил 7 октября 1936 г. председателю заявление о фактах нарушения нейтралитета со стороны Германии, Италии и Португалии. В связи с этим от имени правительства СССР советский делегат внес предложение установить контроль над португальскими портами. Это предложение было отклонено председателем комитета лордом Плимутом; он заявил, что не считает целесообразным созывать комитет для обсуждения вопроса о действиях Португалии. Между тем португальское правительство оказывало широкое содействие мятежникам и итало-германским интервентам.

23 октября 1936 г. советский полпред в Лондоне И. М. Майский сделал председателю Международного комитета по невмешательству заявление, в котором предлагал признать и восстановить право испанского правительства на закупку вооружения. В ноте указывалось, что, поскольку «вследствие нарушения соглашения создалось привилегированное положение для мятежников» и «не желая оставаться в положении людей, невольно способствующих несправедливому делу, Правительство Советского Союза видит лишь один выход из создавшегося положения: вернуть правительству Испании права и возможности закупать оружие вне Испании, каковыми правами и возможностями пользуются теперь все правительства мира, а участникам соглашения предоставить продавать или не продавать оружие Испании» [2].

---

[1] «Известия», 6 августа 1936 г.

[2] «Известия», 24 октября 1936 г.

Советское правительство указало, что если эти условия не будут приняты, то оно не станет считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения.

Советский Союз сделал необходимые выводы из сложившейся ситуации. Исходя из того, что ранее достигнутые соглашения были грубо нарушены западными державами, СССР заявил, что в соответствии с общепризнанными нормами международного права он будет продавать оружие законному правительству Испанской республики. СССР предоставил Испании кредит в 85 млн. долл. Весь советский народ, все прогрессивное человечество приветствовали подлинно интернационалистскую политику социалистического государства.

27 ноября 1936 г. испанский министр иностранных дел Альварес дель Вайо обратился к Лиге наций с требованием в кратчайший срок рассмотреть факты нарушения Германией и Италией их международных обязательств и оказать испанскому народу помощь в его борьбе за независимость. Обращение Испании как члена Лиги наций в Совет Лиги являлось ее неотъемлемым правом. Однако Совет Лиги наций не склонен был отозваться на обращенный к нему призыв.

В поддержку испанского представителя выступил только советский представитель В. П. Потемкин. «Факты, изложенные в прекрасной, полной достоинства речи делегата Испанской республики, — заявил он 11 декабря 1936 г., — чрезвычайно серьезны. Они установлены с неотразимой убедительностью... Налицо поддержка, оказываемая извне мятежникам, поднявшим бунт против законного правительства, свободно избранного народом и защищающего дело демократии. Это — не что иное, как интервенция в пользу мятежников, осуществляемая иностранными державами». Советский представитель подчеркнул далее, что после признания Германией и Италией «правительства» Франко вооруженная интервенция в Испании приняла особо опасную форму и чревата серьезными международными осложнениями. Совет Лиги наций, потребовал советский представитель, должен предотвратить катастрофу, угрожающую делу всеобщего мира.

Империалистическое большинство Лиги не поддержало предложений СССР. 12 декабря 1936 г. Совет Лиги наций принял чисто академическую резолюцию о необходимости «изучить положение».

Предложения советской дипломатии о единстве действий миролюбивых стран в борьбе против растущей угрозы фашистской агрессии не встречали поддержки в Лондоне, Вашингтоне и Париже. Бездеятельность правящих кругов Англии и Франции могла лишь убедить Гитлера в том, что эти государства

«не следует принимать всерьез и можно пойти на риск любой игры и с тем же успехом, если только действовать энергично» [1].

Образование «оси» Берлин—Рим

Фашистские государства действовали все более нагло. Германию и Италию сближала общая захватническая платформа. В этот период создались условия для осуществления давно задуманного Гитлером и Муссолини агрессивного союза — «оси» Берлин — Рим. В октябре 1936 г. итальянский министр иностранных дел Чиано вел в Берлине переговоры с Гитлером и Риббентропом. Они закончились заключением официального соглашения между Италией и Германией 25 октября 1936 г. Основное содержание соглашения сводилось к следующему: Германия формально признавала аннексию Эфиопии Италией. Устанавливалась общая линия поведения Германии и Италии в комитете по невмешательству. Было закреплено соглашение о признании «правительства» Франко.

Фашистские державы договорились о разграничении сфер экономической экспансии на Балканах и в Дунайском бассейне. Была достигнута договоренность об еще большем усилении военной помощи испанским мятежникам. В целом «ось» Берлин — Рим намечала исходные позиции для обширной программы разбойничьих действий фашистских государств на международной арене.

В сентябре 1936 г. Шахт признал в разговоре с американским послом в Берлине, что Гитлер готовит агрессивную войну против СССР. Шахт имел в виду, в частности, совещание гитлеровского кабинета, состоявшееся 4 сентября 1936 г. На второй странице протокола совещания было записано выступление Геринга, заявившего: «Столкновение с Россией неизбежно» [2]. В том же месяце Гитлером был создан комитет четырехлетнего плана, целью которого было в короткий срок сделать Германию способной вести большую войну. Геринг был назначен ответственным за осуществление этого плана.

Подготовка к новой мировой войне велась совместными усилиями Германии и Италии. Однако вскоре стало очевидно, что планы Берлина и Рима встречают полное одобрение в Токио. 25 ноября 1936 г. в Берлине было подписано соглашение между Германией, Италией и Японией, известное под названием «Антикоминтерновский пакт». Этим был оформлен складывавшийся в 30-х годах блок агрессивных государств.

---

[1] *M. Merkes.* Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkrieg, 1936—1939, S. 176.

[2] См. «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. I, стр. 290—291.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

США И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В 30-е ГОДЫ. ПОЛИТИКА «ДОБРОГО СОСЕДА»

В конце 20-х — начале 30-х годов североамериканские монополии продолжали экспансионистскую политику в Латинской Америке, прокладывая себе путь вооруженными интервенциями, применяя политику «большой дубинки» и т. п. Однако открытые и грубые формы агрессии усиливали ненависть к США в латиноамериканских странах, что создавало угрозу их позициям в этих районах. Поэтому в правящих кругах США стали все чаще выдвигаться требования пересмотра и изменения средств и методов экспансии в Южной Америке, прикрытия ее маской панамериканской «солидарности» и «защиты демократии и порядка».

В 1930 г. был опубликован меморандум заместителя государственного секретаря США Кларка, в котором делалась попытка обелить доктрину Монро и завуалировать ее сущность как орудия империалистической политики США. Меморандум Кларка объявил новую, активную программу политики «добрососедства и сотрудничества» США с латиноамериканскими странами. Вскоре после опубликования «меморандума Кларка» госдепартамент разослал правительствам латиноамериканских стран ноты, в которых заверял, что правительство Гувера якобы против вмешательства в их внутренние дела и что в политике по отношению к ним США руководствуются «гуманными принципами» и «искренней дружбой».

Официально политика «доброго соседа» была провозглашена Франклином Д. Рузвельтом, вступившим на пост президента США в 1933 г. Рузвельт заявил: «Я призываю наш народ вести политику «доброго соседа» — соседа, который безусловно уважает себя и поэтому уважает права других, соседа» [1]. Представители правящих кругов США утверждали, что основой этой политики являлись принципы «невмешательства во внутренние дела» других государств, «равенства наций» и «уважения суверенных прав» всех народов.

Многие американские историки и государственные деятели пытались и пытаются доказать, что политика «доброго соседа» и связанные с ней мероприятия внешней политики правительства США проводились главным образом с целью противодействия фашистской Германии и для защиты свободы и демократии в Западном полушарии. На самом же деле, как показывают исторические факты, провозглашение политики «доброго соседа» прежде всего означало некоторое изменение методов и средств политики США в Латинской Америке (при сохранении ее экспансионистского характера) в соответствии с обстановкой, сложившейся к 30-е годы, и было обусловлено и ускорено рядом факторов. Важнейшим из них был мировой экономический кризис 1929—1933 гг.

---

[1] *F. D. Roosevelt.* On our Way. N. Y., 1934, p. 259.

Мировой экономический кризис и Латинская Америка

Мировой кризис с особой силой обрушился на страны Латинской Америки. Экономическая слабость этих стран, их роль аграрно-сырьевого придатка развитых империалистических держав, многочисленные пережитки феодализма — все это определило особый характер разразившегося здесь экономического кризиса. Его разрушительные действия усиливало также и то, что в большинстве стран Южной Америки углублялось противоречие между развитием капитализма в промышленности и сохранением докапиталистических отношений в сельском хозяйстве. Экономический кризис в Латинской Америке принимал буквально катастрофические формы. Инфляция охватила все страны континента; многие из них оказались не в состоянии уплатить долги США. Без работы остались 50—75% трудящихся.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел к ослаблению позиций США в Латинской Америке. Их капиталовложения в 1929 г. составляли 5587 млн. долл., а в 1936 г. — 2803 млн.[1] Стоимость экспорта Соединенных Штатов в Южную и Центральную Америку снизилась с 911 млн. в 1929 г. до 195 млн. долл. в 1932 г.

Потери Англии в Латинской Америке были гораздо меньшими. В 1932 г. Южная Америка сократила свою торговлю с США на 42%, а с Англией — лишь на 11%. Воротилы английского Сити использовали кризис для контрнаступления на позиции Уолл-стрита в Латинской Америке и добились серьезных успехов. В 1933 г. англичане с большой прибылью, почти за бесценок скупали акции своих конкурентов. Уменьшение капиталовложений и падение экспорта не только подрывали позиции США в Латинской Америке, но и обостряли течение экономического кризиса в самих Соединенных Штатах. Путем демагогических деклараций, с помощью введенной вместе с политикой «доброго соседа» системы двусторонних торговых соглашений с латиноамериканскими странами и т. п. монополии США надеялись сбить с толку народы Латинской Америки и вновь усилить там свои политические и экономические позиции. Они опирались при этом на силы внутренней реакции.

В период экономического кризиса в Латинской Америке, как поганки после дождя, возникали диктатуры. В 1930 г. при содействии североамериканских империалистов в Боливии была установлена диктатура генерала Гариндо. При поддержке монополий США были также установлены диктатуры генерала Урибуру в Аргентине и генерала Варгаса в Бразилии. Английские империалисты привели к власти в Перу диктаторский режим полковника Серро. Государственные перевороты были отражением соперничества империалистов в Латинской Америке и ожесточенной борьбы внутри господствующих классов этих стран.

Под влиянием обострения классовых противоречий правящие круги латиноамериканских стран включились в антикоммунистическую, антисоветскую кампанию, затеянную мировой реакцией.

В августе 1931 г. аргентинское правительство в провокационных целях организовало налет в Буэнос-Айресе на помещение «Южамторг». Служащие «Южамторга» были арестованы. Вскоре выяснилось, что за спиной аргентинских налетчиков стояли крупные империалистические державы. В январе 1930 г. мексиканское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР, мотивируя это «коммунистическими интригами», которые будто бы велись в некоторых странах против Мексики «по указанию Москвы». В заявлении Наркоминдела СССР о причинах разрыва Мексикой дипломатических отношений с СССР говорилось: «Повод слишком смешной, чтобы на нем долго останавливаться, но так как никаких других причин для разрыва отношений не существует

[1] *P. R. Olson* and *C. A. Hickman*. Pan American Economics. N. Y., 1943, p. 421.

и мексиканским правительством не приведено, то остается предположить, что мексиканское правительство в данном случае действовало под давлением внешних сил»[1].

В декабре 1935 г. разорвало дипломатические отношения с СССР правительство Уругвая.

В качестве «обоснования» своего решения уругвайское правительство сослалось на то, что миссия СССР в Уругвае будто бы «подстрекала и оказывала свою помощь коммунистическим элементам соседнего государства».

Показав полнейшую несостоятельность подобных обвинений, полпред СССР в Монтевидео направил МИД Уругвая ноту, в которой, в частности, говорилось:

«Я утверждаю самым категорическим образом, что Миссия СССР в Монтевидео выполняла исключительно и строго лишь те функции, которые предусмотрены и допущены нормами международного публичного права, и что наша Миссия никогда не имела никакого отношения к внутренним событиям в Уругвае и никогда не принимала участия в борьбе между партиями Уругвая или других стран Америки. Не предрешая дальнейших действий моего правительства, я уже сейчас энергично протестую против выдвинутых против Советского правительства и возглавляемой мною Миссии обвинений...»[2]

24 января 1936 г. по просьбе правительства СССР Совет Лиги наций рассматривал вопрос о действиях Уругвая. В резолюции, принятой Советом, отмечалось, что уругвайское правительство оказалось не в состоянии представить какие-либо доказательства своих обвинений против советской дипломатической миссии.

Под влиянием экономического кризиса в странах Латинской Америки происходила перегруппировка политических сил и начался новый подъем демократического, антиимпериалистического движения. В Чили произошло грозное восстание во флоте (1931 г.). В начале 30-х годов в Мексике развернулась массовая кампания за восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом. Начался революционный подъем на Кубе (1933 г.). Росло влияние коммунистических партий, развивалось профсоюзное движение. В 1930—1931 гг. были созданы компартии в Эквадоре, Перу, Колумбии, Парагвае, Сальвадоре, Гватемале, Панаме, Венесуэле и Коста-Рике, позднее — в Гаити и Пуэрто-Рико.

Американские монополии видели в демократическом, антиимпериалистическом движении трудящихся масс смертельную угрозу для своих капиталов и прибылей, и политика «доброго соседа» должна была, по их мысли, служить одним из важнейших средств борьбы против народного движения в латиноамериканских странах. Вместе с тем политика «доброго соседа» была известным отступлением США перед натиском выросших демократических и национальных сил Латинской Америки.

Понимая, что в новой обстановке, складывавшейся в Южной Америке, применение старых, открытых форм экспансионистских действий, сопровождавшихся военной интервенцией, вводом войск, становится затруднительным, США стали все шире применять целый ряд методов замаскированной интервенции: блокаду, финансовое давление, непризнание неугодных правительств, заговоры. При этом США активно блокировались с крайне реакционными кругами латиноамериканских стран.

Политика «доброго соседа», проводившаяся под флагом «солидарности» и «братства» народов Нового Света, явилась по существу новым изданием старой империалистической политики и преследовала цель эффективной борьбы против национально-освободительного движения в Западном полушарии и ослабления конкуренции других империали-

[1] «Известия», 2 февраля 1930 г.
[2] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 78.

стических держав. Кроме того, правительство Соединенных Штатов надеялось при помощи этой политики усилить свои военно-стратегические позиции в Латинской Америке.

VII панамериканская конференция в Монтевидео (1933 г.)

На созванной в декабре 1933 г. VII панамериканской конференции США объявили о своем желании улучшить отношения со странами Латинской Америки. Глава делегации Соединенных Штатов государственный секретарь Хэлл заявил на конференции, что США будто бы отказались от политики интервенции и вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран. Стремясь предотвратить создание на конференции блока государств, направленного против США, североамериканская делегация была вынуждена подписать предложенный Аргентиной пакт о ненападении и примирении, известный под названием «пакт Сааведра Ламаса» (по фамилии аргентинского министра иностранных дел).

«Пакт Сааведра Ламаса» осуждал агрессивные войны и устанавливал принципы урегулирования споров мирным путем, используя специальную примирительную процедуру. Ст. 3 провозглашала отказ от вооруженного и дипломатического вмешательства во внутренние и внешние дела государств — участниц пакта. Вопреки США Аргентина добилась обсуждения и принятия антивоенного пакта VII панамериканской конференцией [1].

Главным вопросом конференции в Монтевидео был вопрос о праве США на интервенцию. Несмотря на искусные маневры вашингтонских дипломатов, конференция по предложению Кубы и Гаити приняла резолюцию против интервенции. В ст. VIII резолюции говорилось, в частности, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние и внешние дела другого государства». США пошли на то, чтобы подписать резолюцию, осуждавшую интервенцию. Это лишний раз свидетельствовало об изменении их тактики в отношении Латинской Америки.

Среди экономических вопросов, обсуждавшихся на конференции, главным был вопрос о пошлинах. США добились принятия резолюций, благоприятствовавших развитию их экономических отношений с Латинской Америкой. Было решено постепенно снижать тарифы и устранять другие препятствия, тормозившие внешнюю торговлю.

Боливийско-парагвайская и колумбийско-перуанская войны

На конференции в Монтевидео много говорилось о двух войнах, развернувшихся в тот момент в Латинской Америке.

Летом 1932 г. началась длительная и кровопролитная война между Боливией и Парагваем. Она велась за область Чако (территория около 400 тыс. *кв. км*), расположенную между реками Парагвай и Пилькомайо. В основе конфликта лежали англо-американские противоречия и пограничные споры, происходившие в течение десятилетий.

В 1921 г. американский концерн «Стандард ойл» получил в Боливии большую концессию на добычу нефти (площадь свыше 3 млн. *га*). Пять лет спустя на границе боливийского района Чако была найдена нефть. Началась борьба за эту территорию. Поскольку Боливия не имеет выхода к морю, монополии США потребовали разрешения соорудить нефтепровод через территорию Парагвая. Этому решительно воспротивилась Великобритания, и под ее нажимом Парагвай категорически отказался дать такое разрешение. Тогда Боливия стала претендовать на территорию парагвайского Чако.

[1] К 1936 г. пакт ратифицировали все страны Западного полушария, а также многие европейские государства. Однако пакт практического значения не имел, ибо США фактически игнорировали его.

Об ответственности американских нефтяных монополий за развязывание войны было официально заявлено на заседании конгресса США в мае 1934 г. Вот что сказал тогда сенатор Лонг: ««Стандард ойл компани оф Нью-Джерси»... пожелала иметь нефтяную концессию и сочла нужным приобрести территорию Чако... «Стандард ойл» в Соединенных Штатах и интересы ее филиалов виновны в развязывании этой войны» [1]. Подготовка боливийской армии к нападению на Парагвай проводилась с ведома и согласия правительства США и лично президента Гувера. Американские дипломаты подстрекали Боливию, изображая ее жертвой, а Парагвай — агрессором. Перед началом военных действий посол США в Чили вел переговоры о доставке оружия в Боливию. Со своей стороны английский империализм усиленно вооружал Парагвай.

В 1932 г. началась война, в ходе которой в конце 1934 г. боливийская армия потерпела поражение. Парагвайские войска овладели большей частью Чако.

Лига наций неоднократно, но безрезультатно занималась боливийско-парагвайской войной. Позиция СССР в отношении этой войны, развязанной английскими и американскими империалистами, была сформулирована в выступлении советского представителя на заседании Ассамблеи Лиги наций. Делегат СССР М. М. Литвинов подчеркнул важность проблемы, которая не умалялась отдаленностью театра военных действий. Он заявил: «Решения, которые мы здесь примем, могут иметь весьма важные последствия в разбирательстве более серьезных конфликтов...» [2]. Практические предложения СССР были направлены на то, чтобы придать объявленному Лигой наций эмбарго на продажу оружия воюющим сторонам более действенный характер путем запрещения не только поставок и продажи, но и транзита вооружения. Советская делегация настаивала на том, чтобы постановления Ассамблеи по этому вопросу носили решительный и твердый характер и чтобы была проявлена твердость в деле их проведения в жизнь.

В апреле 1935 г. истощенные до предела Боливия и Парагвай (с обеих сторон было убито около 100 тыс. и ранено 150 тыс. человек при общей численности населения Боливии и Парагвая 4 млн. человек) согласились на посредничество 6 американских стран, и в том числе США. Военные действия были прекращены в июне 1935 г., и сразу же в Буэнос-Айресе состоялась мирная конференция с участием посредников. Но окончательно мирный договор был подписан лишь 21 июля 1938 г. По договору почти три четверти Чако перешло к Парагваю.

США, поддерживавшие в войне Боливию, стали теперь «сотрудничать» и с Парагваем, получив от него концессию почти на всю территорию парагвайского Чако.

Другой войной в Западном полушарии была война между Колумбией и Перу. Она была порождена еще более сложными империалистическими противоречиями, чем война парагвайско-боливийская. В Перу господствовала проанглийски настроенная клика полковника Серро, пришедшего к власти в 1930 г. Одновременно в Перу все больше проникал японский капитал. Здесь была одна из наиболее сильных японских позиций в Латинской Америке.

В тот период все шире развертывалась борьба между Англией и Японией, с одной стороны, и Соединенными Штатами — с другой, за Тихий океан. В начале 30-х годов США пытались сколотить тихоокеанский блок и включить в него все латиноамериканские страны побережья Тихого океана. Одним из препятствий на пути создания такого блока была позиция правительства Перу, за спиной которого стояли Англия и Япония. Англия не хотела усиления США на Тихом океане. Включение Перу

[1] «Congressional record», vol. 58, p. 9942—9943.
[2] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 756.

в блок под руководством Соединенных Штатов также было нежелательно и для Японии. Япония, завязшая в войне в Китае, увеличивала закупку стратегического сырья в Перу и предоставила ей заем в 20 млн. долл. Японо-перуанское сближение нашло свое выражение в посещении перуанской военной миссией Токио.

Так в борьбе против США объединились Англия и Япония, интересы которых в Перу временно совпали.

Межимпериалистическая борьба привела к столкновению между Перу и Колумбией, руками которой американские дипломаты стремились свергнуть перуанское правительство Серро.

Были еще и внутренние причины войны, которыми, кстати, характеризовался и боливийско-парагвайский конфликт. Кризис, безработица, страшная нужда, существовавшие в обеих странах, колебали почву под ногами правительств этих стран, и им нужно было какое-то сильное средство для того, чтобы отвлечь массы от революции. В то же время война давала повод расправиться с прогрессивно настроенными элементами под лживым лозунгом необходимости национального единства и разжечь шовинизм среди народа.

Война между Перу и Колумбией началась из-за спорной пограничной области Лорето с маленьким портом на реке Амазонке Летисия.

Военный атташе США в Бразилии находился на фронте в Летисии, где негласно руководил военными операциями колумбийских войск. Тихоокеанский флот США проводил маневры. Госдепартамент США начал оказывать дипломатический нажим на правительство Перу. 25 и 31 января 1933 г. государственный секретарь Стимсон направил Перу ноты, в которых категорически требовал прекращения войны.

Девять месяцев продолжалось кровопролитие. Воюющие стороны потеряли 70 тыс. только убитыми. Война закончилась перемирием, заключенным в 1933 г. Перуанское правительство Серро пало, и к власти пришло правительство Бенавидеса, ориентировавшееся на США. В 1934 г. при посредничестве Лиги наций было заключено первое соглашение о передаче области Лорето Колумбии. Это была вторая война, показавшая обострение англо-американского и американо-японского соперничества в Латинской Америке.

Усиление экспансии США в Латинскую Америку

Введение политики «доброго соседа» сопровождалось заменой старых, откровенно разбойничьих приемов методами замаскированной экспансии, финансового шантажа, организации заговоров. Это, разумеется, нисколько не изменило захватнической, циничной, антинародной сущности политики империализма янки.

В 1934 г. по приказу американского посланника был расстрелян национальный герой никарагуанского народа, неустрашимый борец за независимость всех стран Латинской Америки Аугусто Сесар Сандино. Не добившись разгрома партизанских отрядов Сандино вооруженным путем, империалисты США прибегли к гнусной провокации. 21 февраля 1934 г. Сандино под предлогом переговоров пригласили в президентский дворец. А в это время на заседании военного трибунала предатель Сомоса заявил: «Я прибыл из посольства США, где только что состоялось совещание во главе с американским посланником Артуром Блисс Лейном, который мне заявил, что правительство Вашингтона рекомендует и настаивает на ликвидации Аугусто Сесара Сандино». Приказ был выполнен. По выходе из президентского дворца Сандино был схвачен и расстрелян.

Вскоре после этих событий Сомоса — убийца генерала Сандино — был произведен американцами в президенты Никарагуа. Хозяева платили своим слугам.

В 1935—1937 гг. американские империалисты подготовили в Бразилии фашистский переворот генерала Варгаса. В 1938 г. они организовали мятеж против прогрессивного режима Карденаса в Мексике. Мятежники были снабжены американским оружием. Все эти действия характеризовались усилением сближения между монополиями США и реакционной буржуазно-помещичьей верхушкой латиноамериканских стран.

Черные дела усиленно прикрывались теперь демократической либеральной фразеологией. Сладкозвучные заверения, которые то и дело раздавались из Вашингтона, оказывали определенное влияние и на некоторую часть латиноамериканцев, которые временно оказались в плену лживой демагогии о так называемой «добрососедской» политике США.

Политика «доброго соседа» велась с невиданным пропагандистским размахом. Резко увеличилось количество радиопередач и специальных изданий на испанском языке, усилился обмен студентами. В Латинскую Америку хлынул поток самых различных американских миссий. Наконец, Голливуду было дано указание — выпускать фильмы, которые не вызывали бы недовольства латиноамериканских народов и прославляли бы «традиционную» дружбу между США и странами Латинской Америки. Уолл-стрит мог чувствовать себя удовлетворенным. Проведение политики «доброго соседа» давало ему определенные плоды.

Экспорт США в Южную и Центральную Америку с 215 млн. долл. в 1933 г. увеличился до 569 млн. долл. в 1939 г., а импорт за тот же период — с 316 млн. до 518 млн. долл.

В 1934 г. в США был принят закон о двусторонних торговых соглашениях, по которому президент США получил право снижать до 50% тарифы на ввозимые товары. На основе этого закона за годы до начала второй мировой войны США заключили 22 соглашения о снижении таможенных тарифов, причем 11 — со странами Латинской Америки.

Другим средством усиления американской экспансии в Западном полушарии явилось создание Экспортно-импортного банка в 1934 г. Создание этого банка тесно связано с проблемой инвестиций США в Латинской Америке в 30-х годах. Если до кризиса 1929—1933 гг. вложения США в этом районе равнялись 5,5 млрд. долл., то в 1939 г. они снизились до 3,7 млрд. долл.[1] Ряд латиноамериканских стран отказывался платить проценты по полученным ранее займам.

Экспортно-импортный банк, за которым стояло непосредственно североамериканское государство, а не частные компании, обладал огромными возможностями давления на страну, которая получала у него заем. И что самое важное, банк имел весьма значительные денежные средства. Достаточно сказать, что с 1934 до 1945 г. банк предоставил займы на общую сумму в полмиллиарда долларов 18 латиноамериканским странам.

В годы перед второй мировой войной крупный капитал США стремился привлечь латиноамериканские капиталы путем организации «смешанных» предприятий совместно с латиноамериканскими компаниями. Господствующее положение во всех «смешанных» предприятиях принадлежало североамериканским монополиям, которые обычно сосредоточивали в своих руках более 50% акций «смешанных» предприятий, являясь фактически их полными хозяевами.

Важной акцией США в Южной Америке был созыв в декабре 1936 г. в столице Аргентины Буэнос-Айресе внеочередной чрезвычайной панамериканской конференции «по поддержанию мира».

Панамериканская конференция в Буэнос-Айресе

Еще до конференции в Буэнос-Айресе правящие круги США предприняли ряд шагов, направленных на то, чтобы продемонстрировать латиноамериканским странам свое «миролюбие». В 1934 г. было заключено соглашение с Гаити о выводе войск из этой страны,

[1] См. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 4 — 5, стр. 228.

По американо-панамскому соглашению 1936 г. формально ликвидировалось «право» США на интервенцию в Панаме. Одновременно США приняли кое-какие меры для ликвидации боливийско-парагвайской войны, продолжение которой могло привести к революционным взрывам в странах Латинской Америки, и прежде всего в Боливии и Парагвае.

На конференции в Буэнос-Айресе выявились две цели империализма США: с одной стороны, создать межамериканский военно-политический блок, с другой стороны, вовлечь страны Западного полушария в политику попустительства фашистским агрессорам.

Американская делегация в Буэнос-Айресе, в которую входили видные государственные деятели США, внесла предложение о создании постоянного комитета министров иностранных дел Западного полушария. Предлагалось, чтобы этот комитет периодически, раз в два года, собирался на совещание. Комитет, по замыслу его авторов, должен был следить за выполнением пактов, договоров, заключенных между странами и связанных главным образом с ненападением, арбитражем и т. д.

США предложили на конференции проект договора о нейтралитете, пытаясь распространить свое законодательство о нейтралитете на весь американский континент. Североамериканский проект предусматривал создание постоянной межамериканской консультативной комиссии по реализации политики нейтралитета, применения в случае конфликта торговых ограничений в отношении враждующих стран. Предусматривалось и введение эмбарго на вывоз оружия в воюющие страны.

Вокруг этих предложений развернулась острая борьба. Политика «нейтралитета» была в конце концов выражена общей декларацией, однако каждая страна получила полную свободу действовать в соответствии с ее договорными обязательствами. Латиноамериканские страны должны были консультироваться в случае угрозы извне «относительно времени и способа, которым они, если они этого желают, могут сотрудничать в определенных действиях, направленных на сохранение мира на американском континенте».

Главный итог конференции в Буэнос-Айресе США усматривали в принятии принципа консультации между странами в случае необходимости. Идея взаимопомощи американских государств против других государств, находящихся вне Западного полушария, впервые была одобрена, а тем самым в принципе принята идея военного блока, который американские империалисты сколачивали во время второй мировой войны.

На конференции в Буэнос-Айресе был принят и ряд других решений, среди которых следует отметить решение о строительстве панамериканской автострады. В последующие годы этот вопрос приобрел для США важное значение. В настоящее время эта автострада, соединяющая США и все страны Латинской Америки, в основном построена.

Результаты конференции в Буэнос-Айресе в определенной мере укрепили панамериканскую систему, что США считали особенно необходимым ввиду обострения обстановки в Южной Америке.

Рост антиимпериалистического движения в Латинской Америке

Национально-освободительное движение продолжало неудержимо нарастать. Так, например, в Чили был образован Народный фронт. В Боливии была конфискована собственность «Стандард ойл». Наконец, в 1938 г. мексиканское правительство провело национализацию всех нефтяных богатств, принадлежащих иностранным компаниям. Это вызвало особую тревогу американских империалистов, опасавшихся, что пример Мексики окажется заразительным.

Национализация нефти в Мексике была встречена в американской и английской буржуазной печати злобным воем. Империалистические нефтяные монополии начали сразу же бойкотировать мексиканскую

нефть. Иностранные специалисты покинули Мексику, чтобы оставить ее нефтяную промышленность без какой-либо технической помощи. Судовладельцы США отказывались предоставить Мексике флот для перевозки нефти. (Как известно, и в этой и в других латиноамериканских странах национального флота почти нет.) Действия североамериканских монополий были поддержаны официальными кругами США. Именно в этот момент США инспирировали мятеж генерала Седильо против законного мексиканского правительства.

Но атакам империалистов трудящиеся Латинской Америки противопоставили свой объединенный фронт. В сентябре 1938 г. по инициативе мексиканской Конфедерации труда в Мексике собрался конгресс рабочих организаций Латинской Америки. На этом форуме были представлены рабочие 13 стран, присутствовали посланцы рабочих организаций США. Основная цель конгресса состояла в установлении сотрудничества между всеми профсоюзными организациями Латинской Америки. В результате работы конгресса была создана Конфедерация трудящихся Латинской Америки.

В Уставе конфедерации указывалось: «Основная задача рабочего класса Латинской Америки заключается в достижении полной экономической и политической независимости стран Латинской Америки и в ликвидации полуфеодальных систем, существующих в этих странах».

Сам факт создания рабочего объединения, вокруг которого сплотились все прогрессивные профсоюзы Латинской Америки, означал крах попыток империализма США вместе с желтыми лидерами АФТ и КПП образовать в Латинской Америке организацию труда, послушную воле американских монополий.

В годы перед второй мировой войной в ряде латиноамериканских стран широкие народные массы поддерживали проводившуюся коммунистическими партиями политику создания единого фронта для борьбы против реакции и фашистской опасности. В 1938 г. в Чили у власти находилось правительство Народного фронта. Народный фронт успешно действовал в Бразилии, Аргентине, Мексике и на Кубе.

Таким образом, 1938 год и начало 1939 г. характеризовались новым подъемом национально-освободительной борьбы в Латинской Америке.

Конференция в Лиме

В декабре 1938 г. в столице Перу Лиме собралась VIII панамериканская конференция. В Лиму прибыли делегации всех стран Латинской Америки. Делегацию США возглавлял государственный секретарь Хэлл. В ее составе были Лэндон — кандидат в президенты от республиканской партии на выборах 1936 г., несколько послов, советники, а также представители АФТ и КПП.

Одним из вопросов, рассматривавшихся Лимской конференцией, был вопрос, поставленный США и в основном повторявший их проект, выдвинутый в Буэнос-Айресе, о создании консультативного органа министров иностранных дел стран Западного полушария.

Однако, как и на предыдущей конференции, США натолкнулись на сопротивление ряда стран, главным образом Аргентины, Уругвая и Чили. Предложение США о создании постоянного консультативного органа из министров иностранных дел американских республик принято не было. Вашингтонский проект предлагал, чтобы все американские страны начали консультацию между собой в случае угрозы извне. Аргентина внесла проект, поддержанный рядом латиноамериканских стран, в котором соглашалась на консультации и рекомендовала проводить их в случае угрозы как со стороны континентальной державы, так и не континентальной. Таким образом, под понятие угрозы подпадали сами США. Проект Аргентины был направлен против США, и американская дипломатия по этому вопросу оказалась в довольно затруднительном положении.

Одновременно делегации Чили и Мексики внесли предложение принять декларацию о запрещении дипломатической поддержки денежных претензий частных лиц против иностранных правительств.

В результате сильного нажима на представителей латиноамериканских стран американской делегации удалось добиться на конференции бóльших результатов по этому вопросу, чем в Буэнос-Айресе. 24 декабря 1938 г. была принята так называемая «Декларация американских принципов» (Лимская декларация).

В вводной части декларации отмечалось «сходство» республиканских институтов американских государств, их «уважение» к принципам международного права, к «суверенности» американских республик и «отсутствие в их политике религиозных и расовых предубеждений».

Основное содержание декларации было изложено в 3-м и 4-м пунктах. Пункт 3 гласил: «Если миру, безопасности и территориальной целостности американских стран будет угрожать опасность, то они, признавая общую заинтересованность, придадут эффективность своей солидарности путем координации пожеланий каждой суверенной страны. Это должно проводиться при помощи консультации, предусматриваемой договорами, находящимися в действии, и декларациями, принятыми на панамериканских конференциях. В то же самое время будут приниматься меры, которые необходимы в каждом отдельном случае. Это предполагает, что правительства американских стран будут действовать независимо и самостоятельно, как равные суверенные государства» [1].

Пункт 4 предусматривал, что для содействия консультации министры иностранных дел в случае необходимости и по инициативе одного из них будут встречаться в различных столицах американских стран.

Лимская декларация содействовала сколачиванию военно-политического блока в Западном полушарии под эгидой США. Она юридически закрепляла принцип необходимости проведения консультаций министров иностранных дел стран Южной Америки.

Другим важным вопросом был вопрос об отношении латиноамериканских стран к европейским событиям. Следует вспомнить дату конференции в Лиме — она проходила через несколько месяцев после мюнхенского сговора, в тот период, когда Испанская республика истекала кровью в неравной борьбе, навязанной ей немецко-итальянскими фашистами. Правящие круги США занимали позицию фактического попустительства агрессорам. Латиноамериканские правительства в большинстве своем поддерживали позиции США, считая, что страны Западного полушария должны находиться в стороне от какого-либо вовлечения в европейские события.

На конференции в Лиме встал вопрос о том, какую позицию займет Латинская Америка в драматической борьбе между силами демократии и фашизма. Народы континента требовали решительного обуздания агрессоров в Европе и помощи республиканскому правительству в Испании. В 1938 г. в США был проведен опрос об отношении к испанской войне. 75% опрошенных высказалось за помощь республиканской Испании. Однако империалистические круги США, Англии и Франции продолжали политику «невмешательства».

Когда на конференции в Лиме делегация Кубы внесла проект резолюции, рекомендовавшей всем правительствам стран Латинской Америки обратиться с коллективным посредничеством к республиканскому правительству Испании и к Франко для прекращения гражданской войны, то США решительно выступили против этого предложения.

Вся демократическая печать Латинской Америки рассматривала как поддержку фашистского режима Франко такие акции США, как, напри-

[1] «Conferencias Internationales Americanos. Primer suplem 1938—1942», p. 97—98.

мер, запрещение ввоза военных материалов в Мексику по тем мотивам, что Мексика помогала Испании; одобрение наглого заявления фашистского диктатора Гватемалы Убико о том, что Гватемала предоставит свои берега для военно-морских баз Германии и Италии, если Мексика не прекратит помощи Испании и т. д., США использовали все средства на конференции в Лиме, чтобы навязать латиноамериканским странам политику «невмешательства», а вернее попустительства агрессии.

Межимпериалистические противоречия в Латинской Америке

К концу 30-х годов США еще не добились вытеснения своих империалистических конкурентов из Латинской Америки. Большинство стран этого района находилось в фарватере политики Вашингтона по отношению к странам Европы. Но несмотря на быстрый рост влияния США, около $^2/_3$ латиноамериканской торговли и иностранных капиталовложений находились в руках других империалистических государств. 1938—1939 годы были временем острейшей борьбы между империалистическими державами за влияние в Латинской Америке. В ходе мировой войны, тучи которой все больше сгущались над миром, США рассчитывали коренным образом изменить соотношение сил в Латинской Америке, укрепить и усилить там свое господство.

Фашистские государства готовили агрессию, чтобы переделить мир, захватить колонии и рынки силой оружия. Американские монополии вынашивали план установления мировой гегемонии другими средствами. Придерживаясь политики «нейтралитета», США исходили из того, что англо-французской дипломатии с помощью США удастся натравить гитлеровскую Германию на Советский Союз и в результате ослабления или краха двух крупнейших государств США в нужный момент смогут выступить на мировой арене в качестве арбитра.

С другой стороны, правящие круги США сознавали, что развязывание войны в Европе, отвлечение сил западноевропейских конкурентов, использование угрозы германского вторжения в Америку могут облегчить дело монопольного господства Соединенных Штатов в Западном полушарии, организации военно-политического союза в этом районе под эгидой Вашингтона. Стремление безраздельно хозяйничать в Латинской Америке было одним из основных факторов, определявших внешнюю политику США перед второй мировой войной.

Борьба за рынки сбыта и сырья, за вывоз капитала в Латинскую Америку все усиливалась. Новым моментом в этой борьбе явилось активное наступление на латиноамериканские рынки германских и японских монополий. Уже в 1934 г. Германия заключает торговые соглашения с Аргентиной, Бразилией, Чили. В 1935 г. Шахт разработал план торговли с Латинской Америкой в крупных масштабах. Важнейшим орудием Германии в борьбе за рынки Южной Америки были клиринговые соглашения. За товары, купленные у латиноамериканских стран, Берлин платил не валютой, имевшей международное хождение, а особыми марками, на которые эти страны могли купить товары только у Германии. Таким образом, правящие круги Германии рассчитывали втянуть в орбиту своего экономического влияния латиноамериканские страны, так же как они это сделали с балканскими странами.

В 1938 г. экспорт из Германии в Гватемалу и Сальвадор возрос по сравнению с 1937 г. в 2 раза. В 1939 г. четверть всего импорта Чили, Бразилии, Перу, Эквадора, Никарагуа и Коста-Рики поступала из Германии. В Чили, например, Германия продавала товаров в 2 раза больше, чем Англия, и столько же, сколько США. К 1939 г. Бразилия закупала в Германии свыше 25% всего импорта, а в США — 23%.

Используя возросшее экономическое влияние в этом районе Западного полушария, германские империалисты быстро расширяли свои по-

зиции в Латинской Америке. Особенно сильным было их влияние в Бразилии, Аргентине, Колумбии, Уругвае, Чили, Гватемале, Коста-Рике.

На протяжении многих лет гитлеровская агентура в лице дипломатов, например германского посланника в Мексике Колленберга, создавала в Латинской Америке свои опорные пункты. Дипломатические представители Берлина не гнушались никакими средствами. Так, расследование подготовки фашистского путча в Уругвае, проведенное в 1940 г. правительственной комиссией, установило, что путчисты располагали складом оружия, готовили диверсионные акты, организовали ударные отряды с целью создания германских «протекторатов» в Уругвае, а затем и в Чили, Аргентине, Боливии.

Другим проводником германской политики в Латинской Америке была многочисленная «пятая колонна», в которую входили немцы, специально засланные гитлеровской разведкой в Западное полушарие. Особенно много немцев проживало в Бразилии и Аргентине. С 1890 г. до начала второй мировой войны в Латинскую Америку эмигрировало до 12 млн. немцев. В Бразилии к началу второй мировой войны насчитывалось 800 тыс. немцев и свыше 100 тыс. из них являлись членами нацистской партии. В стране было 2 тыс. немецких школ, 2300 различных немецких обществ. В Аргентине насчитывались 203 немецкие школы, 301 германское общество, 102 нацистские организации и более 40 тыс. членов нацистской партии.

Германский генеральный штаб посылал в страны Латинской Америки военные миссии для обучения армии и подготовки национального командного состава в этих странах. По сути дела, в генеральных штабах некоторых государств Латинской Америки существовали ячейки берлинского генштаба, являвшиеся центрами шпионажа. Гитлеровцам удалось захватить видные посты в полицейских органах Бразилии, Аргентины, Парагвая и других стран.

Большую активность в Латинской Америке развивала Япония. Используя методы демпинга, она все глубже проникала на новые рынки; ее доля в импорте Латинской Америки в 1935 г. равнялась 3,7% против 0,1% в 1913 г. По ряду отдельных стран эта цифра была значительно выше. Например, в такой стране, как Эквадор, на Японию приходилось в 1938 г. 7,4% ввоза. Панама, Гондурас, Доминиканская Республика и Парагвай получали из Японии свыше 14% своего импорта. За семь лет — 1931—1938 гг. — японский экспорт в Гондурас вырос почти в 40 раз. Японский капитал в Бразилии равнялся 25 млн. долл., что составляло 1% всех иностранных капиталовложений в Бразилии.

Хотя английские торговые позиции были сильно подорваны германской конкуренцией, Англия продолжала оставаться упорным противником США в Латинской Америке.

Позиции Лондона в Латинской Америке базировались на английских капиталовложениях и на английском флоте. Однако налицо были факты, указывавшие на ослабление этих позиций и особенно на возможность резкого ухудшения их в случае значительных затруднений для Британской империи, например в случае войны в Европе. Показательно было то, что Англия почти не производила новых инвестиций в этом районе.

Таковы были позиции империалистических государств в Латинской Америке накануне второй мировой войны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

АГРЕССИЯ ЯПОНИИ В КИТАЕ

Захватнические планы японского империализма

Во второй половине 30-х годов обострилась внутриполитическая обстановка в Японии. Активизировались военно-фашистские группировки, ставившие целью сформировать правительство военных и установить в стране фашистский режим. С другой стороны, парламентские выборы 1936 г. показали рост влияния пролетарских организаций. Это вызвало тревогу среди крайних националистов и фашистски настроенных «молодых офицеров» — они решили действовать.

26 февраля 1936 г. кучка «молодых офицеров», входивших в состав военно-фашистской группировки «императорского пути» («Кодоха»), с помощью обманутых ими солдат токийского гарнизона подняла путч. Путчисты убили бывшего премьер-министра Сайто, министра финансов Такахаси, генерального инспектора военного обучения генерала Ватанабэ и захватили ряд правительственных зданий. Однако они не получили поддержки со стороны всех частей токийского гарнизона. Командование флота, опасаясь усиления влияния армии, выступило против путча.

После подавления путча группировка «императорского пути», в которой решающую роль играли генералы Араки и Мадзаки и стоявшие за ними «новые концерны», хозяйничавшие в Маньчжурии, была оттеснена на задний план и верх в военном министерстве и армии взяла «группа контроля» («Тосейха») во главе с генералами Нагата, Муто и Тодзио. Они рассчитывали упрочить власть путем постепенной ликвидации «сверху» конституции, парламента, партий и других институтов буржуазной демократии и установления диктатуры военщины. Эта группировка имела тесные связи с финансовой олигархией и с придворной бюрократией.

Новое правительство сформировал бывший министр иностранных дел Хирота, связанный с махрово-шовинистическими

кругами. Правительственная программа отвечала требованиям военных. В бюджете на 1937 г. только прямые военные расходы составили более 40%.

7 августа 1936 г. совет пяти министров[1] принял решение, известное под названием «Основные принципы национальной политики». Это был стратегический план агрессии, который последовательно осуществлялся японским правительством в последующие годы. Задачи внешней политики Японии, как отмечалось в «Основных принципах», заключались в том, чтобы превратить империю «в стабилизирующую силу в Восточной Азии», подготовиться к борьбе против Советского Союза и обеспечить готовность «встретить во всеоружии Англию и Америку». Наряду с этим ставилась задача расширения «национального и экономического продвижения на юг, в особенности в район стран Южных морей». Программа предусматривала увеличение «расположенных в Маньчжоу-Го и Корее контингентов войск», с тем чтобы они были в состоянии нанести первый удар по вооруженным силам СССР на Дальнем Востоке, намечала усиление мощи флота «до такой степени, которая обеспечила бы ему господствующее положение против морского флота США в западной части Тихого океана». Авторы документа указывали на необходимость тесного взаимодействия дипломатии и армии[2].

«Основные принципы» явились известным компромиссом между армией и флотом. Руководящие армейские круги выдвигали в то время на первый план задачу осуществления экспансии в северном направлении, против СССР. Японская военщина хотела ограничить сферу действия Квантунской армии пределами Маньчжурии и готовить ее к войне против Советского Союза. Руководители военно-морского флота настаивали на первоочередности продвижения в район Южных морей, с тем чтобы там получить необходимое сырье и обеспечить тылы для последующей экспансии на севере. Компромиссное решение совета пяти министров предусматривало наряду с полным захватом Китая осуществление как требований, выдвигаемых руководством армии — наступление на север, так и руководством флота — наступление на юг. В целях укрепления вооруженных сил армейские лидеры выработали «шестилетний план военной подготовки» (на 1937—1942 гг.).

---

[1] В целях большей концентрации власти в руках небольшой группы представителей финансовой олигархии и придворной бюрократии в правительстве был создан совет пяти министров (премьер-министр, министры иностранных дел, военный, морской и финансов). Совет фактически выполнял функции всего кабинета; на его заседаниях обсуждались и важнейшие вопросы внешней политики.

[2] См. «История войны на Тихом океане», т. II, стр. 340—342.

Переговоры о заключении «антикоминтерновского пакта»

Планируя войну с СССР, японские милитаристы понимали, что Японии одной не удастся одержать победу. Военно-фашистские круги толкали правительство на дальнейшее сближение с Германией. Их стремление найти союзников по антисоветской агрессии совпадало с планами гитлеровских правителей.

Гитлер считал, что помощь со стороны Италии недостаточна для Германии в случае столкновения с Англией и Францией. Гитлеровская дипломатия решила искать себе партнера на Дальнем Востоке. Союз с Японией имел для правящих кругов Германии ряд выгод. В Берлине надеялись, что сближение с Японией, имевшее прежде всего антисоветскую направленность, не вызовет возражений со стороны Англии, Франции и США и даст возможность под флагом антикоммунизма осуществить некоторые захватнические планы Германии. Гитлеровцы считали, что, имея союзником Японию, они смогут угрожать Англии и Франции войной не только в Северном и Средиземном морях, но и на Дальнем Востоке. В свою очередь, вступая в союз с Германией, японские империалисты рассчитывали получить от нее помощь в своей агрессивной политике, направленной против СССР, Китая, Англии и США. Необходимость в мощном союзнике особенно выявилась в связи с неудачами японской экспансионистской политики в отношении Монгольской Народной Республики.

Вначале японские милитаристы попытались политикой угроз добиться уступок от МНР и постепенно подчинить ее своему контролю, но позиция правительства МНР, отстаивавшего национальные интересы страны, была тверда и непреклонна. Тогда Япония предприняла попытку достичь своих целей путем прямого военного нападения. Монгольская Народная армия осенью 1935 г. успешно отразила нападение японо-маньчжурских войск. В начале 1936 г. Япония вновь напала на МНР. Однако и на этот раз захватчики получили достойный отпор. 12 марта 1936 г. Советский Союз заключил пакт о взаимопомощи с Монгольской республикой, что оказало отрезвляющее воздействие на японских милитаристов.

Возросшее экономическое и военное могущество СССР, укрепление его международных позиций, нашедшее, в частности, выражение в заключении пактов о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, делали для японских правящих кругов совершенно ясным, что на осуществление их экспансионистских планов в Тихоокеанском бассейне они могут рассчитывать, лишь приобретя сильного союзника в Европе.

В июне 1935 г. один из подручных Риббентропа — Гак посетил японского военного атташе в Берлине полковника

Осима. Гак дал понять, что он действует по указанию Риббентропа и германского правительства [1]. Визит именно к военному атташе (а не к японскому послу) не был случайностью: Осима пользовался влиянием в милитаристских кругах Японии и являлся активным сторонником гитлеровского режима.

Гак предложил Осима заключить германо-японский военный союз, направленный против Советского Союза. Японский генеральный штаб, куда обратился Осима, сообщил, что он не возражает против предложения Германии, но желает более подробно изучить вопрос. С этой целью в Берлин был направлен специальный представитель, который в декабре 1935 г. вступил в переговоры с гитлеровцами.

Приход к власти правительства Хирота в марте 1936 г. не изменил хода событий. Но под давлением проанглийской и проамериканской группировок в руководящих кругах страны возникли сомнения в целесообразности открытого военного союза с Германией. Однако сторонники союза с гитлеровцами и их единомышленники в Берлине не унимались. Свои планы они решили осуществить под пропагандистским прикрытием.

К середине 1936 г. Германия представила проект соглашения, названного Риббентропом «антикоминтерновским пактом», с секретным приложением. Наименование нового соглашения было рассчитано на то, чтобы японо-германское сближение не вызвало какого-либо беспокойства империалистических соперников Японии [2].

Японских милитаристов вполне устраивала антисоветская направленность германской политики, широкое использование ею жупела «коммунистической угрозы» для маскировки глобальных захватнических планов. В заключении министерства иностранных дел Японии, представленном правительству 24 июня 1936 г., подчеркивалась общность антисоветских целей Германии и Японии. Однако японская дипломатия отдавала себе отчет в том, что Япония не готова к войне с СССР. Ввиду этого в документе указывалось: «Коалиция не должна раздражать Советский Союз, и усилия коалиции не должны привести к войне против Советского Союза» [3]. В заключении японского МИД говорилось о необходимости иметь в виду то, что в 1936 г. истекал срок действия рыболовной конвенции.

За год до этого японское правительство потребовало пересмотра рыболовной конвенции, полной ликвидации системы

---

[1] АВП СССР, ф. 436-б, д. 13, л. 122.

[2] Японский посол в Берлине Мусякодзи впоследствии предложил английскому правительству присоединиться к пакту, чтобы тем самым лишний раз подчеркнуть его антисоветский характер. В 1937 г. аналогичное предложение гитлеровцы сделали Польше.

[3] АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 20, д. 57, л. 118.

торгов на рыболовные участки и закрепления за японцами на 12 лет всех находящихся у них в аренде участков. Это требование было отвергнуто Советским правительством. Переговоры о заключении рыболовной конвенции не привели к результатам в 1935 г. Они продолжались и в 1936 г. Японские правители не хотели, чтобы о переговорах с Германией стало известно до подписания пакта. Они рассчитывали к этому времени заключить новую рыболовную конвенцию с Советским Союзом. Однако эти расчеты были сорваны Советским правительством, которое своевременно получило информацию о готовящемся сговоре. Это было одним из славных дел действовавшей в Японии группы разведчиков-антифашистов, возглавлявшейся Рихардом Зорге.

14 ноября заведующий 2-м восточным отделом НКИД в беседе с поверенным в делах Японии в СССР спросил его, насколько справедливы слухи о японо-германском соглашении. Поверенный ответил, что «министерство иностранных дел поручило ему официально опровергнуть эти слухи, как не соответствующие действительности» [1].

16 ноября министр иностранных дел Арита в беседе с советским полпредом пошел еще дальше. Отрицая заключение какого-либо антисоветского соглашения, Арита заявил, что Япония стремится установить тесные дружественные отношения с СССР и что переговоры, которые ведутся с третьим государством, ни прямо, ни косвенно не повлияют на японо-советские отношения. Такое заявление не помешало Арита спустя неделю, 25 ноября, на заседании Тайного совета прямо заявить: «Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Японией и Германией».

Лицемерные заверения японских дипломатов не ввели в заблуждение Советское правительство. 18 ноября 1936 г. ТАСС сообщило, «что переговоры с третьим государством, которые признал г. Арита, велись с Германией и привели к парафированию соглашения. Хотя в этом соглашении, подлежащем опубликованию, говорится о борьбе с коммунизмом, на самом деле это соглашение является прикрытием для секретного германо-японского договора о согласованных действиях Японии и Германии в случае нахождения одной из них в войне с третьим государством».

На следующий день полпред СССР в Японии посетил Арита и заявил ему, что разъяснения японских представителей о характере германо-японского соглашения Советское правительство считает неудовлетворительными. Полпред в заключение

---

[1] «Правда», 18 ноября 1936 г.

сказал, что это соглашение может нанести тяжелый ущерб советско-японским отношениям [1].

25 ноября 1936 г. «антикоминтерновский пакт» был подписан. В окончательном тексте была учтена японская поправка о том, что обязательства сторон ограничиваются информацией о деятельности Коминтерна и ведением совместной борьбы против него. Однако в секретном соглашении было сказано, что пакт направлен прежде всего против Советского Союза [2].

В преамбуле секретного соглашения, так же как и в тексте «антикоминтерновского пакта», содержались демагогические рассуждения об «угрозе» участникам пакта со стороны «мирового коммунизма». Стороны взаимно обязывались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и в тесном сотрудничестве вести борьбу против него. Ст. 2-ая пакта рекомендовала «любым третьим государствам, внутреннему спокойствию которых угрожает деятельность Коммунистического Интернационала, принять оборонительные меры в духе этого соглашения». Стороны взяли на себя обязательство принимать суровые меры и «против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей действующих в пользу» Коммунистического Интернационала.

По условиям секретного соглашения стороны обязывались в случае «неспровоцированного нападения или угрозы нападения на одну из них со стороны СССР не предпринимать ничего, что облегчило бы положение СССР» и «немедленно приступить к обсуждению мер для охраны своих общих интересов» (ст. 1). В течение срока действия договора (5 лет) Германия и Япония обязывались «без взаимного соглашения не заключать с СССР никаких политических договоров, противоречащих духу данного соглашения» [3].

Заключение «антикоминтерновского пакта» японская военщина восприняла как сигнал к организации новых антисоветских выступлений. Японским милитаристам не терпелось показать партнеру по агрессивному блоку свое усердие. 26 ноября 1936 г., на следующий день после подписания «антикоминтерновского пакта», советскую границу у озера Ханко перешло японское воинское подразделение (около батальона). В результате разгоревшегося сражения налетчики были отброшены.

---

[1] См. «Правда», 21 ноября 1936 г.

[2] Текст секретного соглашения стал известен лишь в 1947 г., во время Токийского процесса над главными японскими военными преступниками, и был опубликован в 1949 г. в американском издании германских трофейных документов («Documents on German Foreign Policy, 1918—1945», Series D, vol. I, № 463, p. 734. В дальнейшем: DGFP).

[3] DGFP, Series D, vol. I, № 463, p. 734.

В декабре 1936 г. Япония признала режим генерала Франко. Спустя год, в ноябре 1937 г., к «антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия. Таким образом, было достигнуто политическое единство трех фашистских стран, которое привело впоследствии к заключению трехстороннего военного союза. Блок Германии, Японии и Италии сыграл решающую роль в развязывании второй мировой войны. Правящие круги Англии, Франции и США своей политикой «невмешательства» и натравливания агрессоров на СССР во многом способствовали созданию и укреплению этого блока.

Надо заметить, что в тот период ряд представителей «старых концернов», основных монополистических группировок Японии, и придворных кругов считали политику открытого сближения с Германией слишком рискованной. В правящих кругах Японии была тогда распространенной точка зрения о необходимости «полюбовно договориться» с западными державами. Многие политические деятели хотели использовать до конца политику попустительства агрессорам, проводимую США, Англией и Францией, не допуская обострения отношений с этими державами. Они опасались, что слишком резкие повороты в политике Японии и Германии могут вызвать возмущение общественного мнения на Западе и привести к падению влияния или даже устранению тех сил, которые осуществляли «политику умиротворения». За соглашение с Англией выступали влиятельные круги, представленные ближайшими советниками императора. Фактически за придворной группировкой (Сайондзи, Мацудайра и другие) стояли крупные японские монополисты. Об этом говорит хотя бы то, что Сайондзи являлся братом барона Сумитомо, владельца третьего по величине концерна Японии.

В сговоре с Лондоном и Вашингтоном были заинтересованы группы японской буржуазии, имевшие тесные связи с английскими и американскими промышленными, торговыми и банковскими кругами. Они понимали, что японская военная экономика во многом зависела от рынков сбыта и источников сырья в колониях Британской империи, от английских кредитов, необходимых для военного производства. Проанглийские настроения, а также глубокое беспокойство общественности по поводу все большего сближения Японии с гитлеровской Германией нашли отражение в отрицательных комментариях ряда крупных газет по поводу пакта. В декабре 1936 г. Геринг заявил официальный протест Осима в связи с «враждебной Германии» позицией японской прессы [1].

---

[1] АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 17, д. 47, л. 48.

Большие расходы на вооружение и строительство военных предприятий, на содержание войск в Маньчжурии породили в Японии финансовые затруднения. Финансовые трудности усилили позиции сторонников соглашения с Англией и заставили японскую дипломатию прибегнуть к ряду маневров. В марте 1937 г. новый министр иностранных дел Сато высказал неодобрение по поводу заключения пакта и подчеркнул необходимость договориться с Англией, как с мировой колониальной империей. Слова Сато были благоприятно встречены в Лондоне. В конце марта 1937 г. Иден оценил в палате общин речь Сато как «отрадное явление» и заявил, что английское правительство также стремится к дружественным отношениям с Японией. Японская экспансия наносила серьезный удар по английским капиталистам, имевшим в одном Китае инвестиций на сумму в 1486,5 млн. долл.[1]

В мае 1937 г. делегация Торгово-промышленной палаты Японии посетила США. Она была принята рядом руководящих государственных деятелей, в том числе президентом Франклином Рузвельтом. В июне делегация прибыла в Англию, где начала торговые переговоры. Шли переговоры и по дипломатической линии — между японским послом и Иденом.

Английские правящие круги готовы были признать господствующее положение Японии в Северо-Восточном (Маньчжурия) и Северном Китае, надеясь сохранить свои позиции в Центральном и особенно Южном Китае. Японским планам благоприятствовала и американская политика «нейтралитета», фактически помогавшая агрессивным державам готовить мировую войну.

Нападение Японии на Китай

В правящих кругах Японии были острые противоречия по вопросу о направлении агрессии. Основные же цели, сформулированные в решении совета пяти министров от 7 августа 1936 г., не вызывали возражений. Военные круги, связанные с Квантунской армией и стоявшие за их спиной «новые концерны», хозяйничавшие в Маньчжурии, усиленно готовились к расширению агрессии в Китае. Они выдвинули так называемый «курс на покорение Северного Китая». Японские милитаристы добивались установления особого режима (наподобие Маньчжоу-Го) в пяти провинциях Северного Китая, граничащих с Маньчжурией. В решении совета пяти министров говорилось, что «в данном районе необходимо создать антикоммунистическую, прояпонскую, проманьчжурскую зону, стремиться к приобретению стратегических ресурсов и расширению транспортных

[1] «China Economist», May 10, 1948.

сооружений», подготовив Японию таким путем к возможной борьбе против Советского Союза и «создав базу для реализации японо-маньчжуро-китайского сотрудничества» [1].

Цель японской политики, таким образом, заключалась в фактическом отторжении от Китая вслед за Маньчжурией пяти северных провинций. Японские вооруженные силы в Китае к этому времени значительно превысили ту норму, которой Япония добилась после восстания ихэтуаней для охраны своего посольства, консульств и сеттльментов в Тяньцзине, Пекине и других городах Китая. Японская агентура организовала сепаратистские выступления монгольской феодальной верхушки в провинции Чахар. Феодальные князья требовали создания «автономной системы» по типу Маньчжоу-Го.

Постоянные уступки гоминдановского правительства японцам вызывали растущее негодование китайского народа. 1 августа 1935 г. Коммунистическая партия Китая обратилась с призывом ко всем патриотическим, военным и политическим организациям с предложением образовать единый национальный антияпонский фронт и объединить все усилия для народной войны против захватчиков.

Под давлением народных масс осенью 1936 г. начал складываться единый антияпонский фронт в Северо-Западном Китае в результате установления контакта между КПК и маньчжурской армией Чжан Сюэ-ляна. Между тем Чан Кай-ши готовил новый (шестой) поход на север. Он потребовал от Чжан Сюэ-ляна и командующего Северо-западной армией выступления против китайских революционных сил. Тогда обе армии подняли восстание. 12 декабря 1936 г. Чан Кай-ши был арестован восставшими офицерами в г. Сиань. Восставшими была опубликована программа борьбы против Японии и выдвинуто требование о прекращении гражданской войны.

Военный министр нанкинского правительства Хэ Ин-цинь объявил о карательном походе на северо-запад. Японские милитаристы и их агентура немедленно попытались воспользоваться этим для разжигания гражданской войны в Китае. В этих условиях ЦК КПК командировал своего представителя в Сиань, для того чтобы убедить решительно настроенных офицеров в необходимости отказаться от их требования предать Чан Кай-ши суду. Представитель КПК убеждал Чан Кай-ши в необходимости прекратить гражданскую войну и пойти по пути совместной борьбы против Японии. Сложившаяся обстановка толкала руководство гоминдана к пониманию того, что дальнейшее продолжение гражданской войны ставит под уг-

---

[1] «История войны на Тихом океане», т. II, стр. 67.

розу позиции гоминдановцев в стране. Действия японских захватчиков в северо-восточных районах и на севере Китая показывали, что японцы совсем не желают оставить Китай Чан Кай-ши, что они хотят сами хозяйничать в Китае, превратив его в японскую колонию. В этих условиях Чан Кай-ши согласился оказать некоторое сопротивление японской агрессии.

С другой стороны, заключением союза с Коммунистической партией Чан Кай-ши надеялся воспользоваться для того, чтобы столкнуть японских милитаристов с китайской Красной армией и истощить в этой борьбе вооруженные силы китайской демократии. Чан Кай-ши дал обязательство прекратить гражданскую войну. Под этим условием он был освобожден. Сианьские события явились поворотным пунктом в истории организации национального антияпонского фронта в Китае.

Исключительно важную роль в решении оказать сопротивление Японии сыграла также твердая и последовательная позиция СССР, который дал решительный отпор провокаторам войны в 1935—1936 гг. в Приморье и на границах МНР.

В сплочении китайского народа японская военщина видела угрозу своим экспансионистским планам. Она торопилась с нападением на Китай, рассчитывая помешать консолидации национальных сил китайского народа.

7 июля японские милитаристы, спровоцировав столкновение с китайскими частями у моста Лугоуцяо, близ Пекина, начали захватническую войну в Китае, рассматривая ее как подготовку к агрессии против СССР. Начальник штаба Квантунской армии генерал Тодзио говорил по этому поводу: «Если рассматривать теперешнюю обстановку в Китае с точки зрения подготовки войны с СССР, то наиболее целесообразной политикой является нанесение прежде всего удара... по нанкинскому правительству, что устранило бы угрозу нашему тылу...» [1]

Правящая клика Японии стремилась представить происходящие в Китае события как результат «незаконных действий китайской стороны». Более того, премьер-министр Коноэ на чрезвычайном заседании кабинета 9 июля 1937 г. заявил, что Япония якобы стремится не расширять конфликт. Однако 11 июля кабинет министров принял решение об отправке войск в Китай и отсрочке демобилизации в ряде военных округов. 17 июля был утвержден дополнительный бюджет на чрезвычайные военные расходы. Все свидетельствовало о том, что Япония стремилась использовать инцидент для того, чтобы с помощью оружия захватить весь Северный Китай.

---

[1] Цит. по кн. *С. А. Голунский.* Суд над главными японскими военными преступниками. М., 1947, стр. 14.

Японская агрессия и позиция западных держав

Уже первые дни войны показали нежелание западных держав остановить новую японскую агрессию. В заявлении госдепартамента США от 12 июля 1937 г. говорилось: «Японский посол и советник китайского посольства каждый в отдельности посетили сегодня государственный департамент и передали свою информацию относительно событий в Северном Китае. В процессе беседы обоим было дано понять, что вооруженный конфликт между Японией и Китаем нанес бы тяжелый удар делу мира и мирового прогресса» [1]. Так и агрессор и его жертва ставились на одну доску. 16 июля Хэлл опубликовал декларацию, фактически рассчитанную на обман общественного мнения. Декларативно осуждая японскую политику в Китае, США на деле попустительствовали агрессору, снабжая Японию всеми необходимыми для ведения войны материалами.

Известный политический деятель США, бывший государственный секретарь, а затем военный министр Стимсон прямо говорил в 1937 г.: «Агрессия Японии активно поддерживается усилиями нашей страны. Она не только поддерживается, но наша помощь столь эффективна и столь преобладающа, что без нее даже теперь агрессия могла бы быть остановлена и прекращена».

19 июля 1937 г. Иден в палате общин попытался преуменьшить значение японо-китайского конфликта, сославшись на заверения сторон об их желании локализовать события. Однако заявление японского правительства от 11 июля отнюдь не свидетельствовало о желании Японии предотвратить дальнейшее развитие военных действий. Иден сообщил также о контакте английского правительства с правительствами США и Франции в целях посредничества. Ни о каком осуждении действий Японии не было и речи.

США и Англия опасались победы национально-освободительного фронта в Китае. Об этом откровенно говорили многие политические деятели и влиятельные журналисты.

Правительство США, исходя из «закона о нейтралитете», 14 сентября 1937 г. запретило вывозить вооружение, амуницию или военное снаряжение на судах США в страны, участвующие в конфликте. Это вполне устраивало Японию, имевшую огромный флот, и ставило Китай в тяжелое положение [2].

---

[1] «Foreign Relations, Japan», vol. I, p. 319.

[2] В первом полугодии 1937 г. Китай вывез из США товаров на сумму 115 млн. долл. Во втором полугодии 1937 г. импорт сократился до 73 млн. долл. В 1938 г. падение было значительно бо́льшим. Япония в 1937—1939 гг. приобрела различных товаров в США, по официальным, несомненно заниженным, данным, на 760,9 млн. долл. («Statistical Abstract of the United States, 1940». Washington, 1941, p. 512).

Япония установила блокаду Китая. Со стороны моря в Китай практически ввозить товары было нельзя; впоследствии было закрыто и большинство сухопутных коммуникаций. Япония же продолжала покупать у США в больших размерах оружие, сырье, нефть, металлолом вплоть до 1941 г.

Японские капиталисты, как, например, Аюкава, Икэда и др., так же как и в период русско-японской войны, заверяли американских дельцов в том, что они готовы предоставить американскому капиталу широкое поле деятельности в захваченных Японией районах.

Президент США Рузвельт 5 октября выступил в Чикаго с известной речью, в которой призвал к созданию «карантина» против агрессоров.

На следующий день госдепартамент США опубликовал заявление, в котором признал, что действия Японии нарушают пакт девяти держав и пакт Келлога. Это заявление должно было создать у мирового общественного мнения впечатление, будто США принципиально осуждают японскую агрессию. Однако вскоре последовал ряд официальных разъяснений, которые успокоили японских милитаристов.

Японский посол в США Сайто посетил Хэлла. «Япония, — заявил посол, — высоко ценит спокойное и разумное отношение американского правительства к происходящим событиям». Сайто спросил, не намерено ли правительство США проводить какой-либо другой курс в дальнейшем. В ответ руководитель госдепартамента поспешил заверить посла, что «в настоящее время США не имеют в виду никаких особых шагов и будут следовать и далее проводимому курсу политики».

Гитлеровская Германия неодобрительно отнеслась к выступлению японцев. В Берлине опасались, что дальнейшее проникновение Японии в Китай приведет к ущемлению германских интересов. Германия по размеру капиталовложений в Китае уступала лишь Японии и Англии. Фашистские политики опасались, что Япония, увязнув в Китае, потеряет свое значение в качестве союзника Германии.

С другой стороны, между гитлеровцами и гоминдановским правительством в эти годы наметилось взаимопонимание. Германское правительство рассчитывало, что Чан Кай-ши сумеет подавить демократическое движение в стране. Берлин снабжал Чан Кай-ши вооружением и снаряжением. Германские военные советники руководили операциями гоминдановских армий против китайской Красной армии[1]. Зная о профашистских и антисоветских настроениях Чан Кай-ши и его окружения, гит-

[1] DGFP, Series D, vol. I, № 576, p. 852; № 577, p. 854.

леровцы надеялись в будущем использовать гоминдановцев и против Советского Союза.

Китайская дипломатия попыталась получить поддержку Германии против Японии. В этих целях Чан Кай-ши решил припугнуть гитлеровцев своим намерением сблизиться с Советским Союзом. В беседе с германским послом в Китае Траутманом он заявил, что «еще не заключил никаких соглашений с Россией, но положение сейчас изменилось». Расчет оказался верным. Германский МИД предупредил японцев, чтобы они «не ожидали, что Германия будет приветствовать их действия». В Берлине были даже склонны считать, что выступление Японии противоречило «антикоминтерновскому пакту». По мнению германской дипломатии, действия Японии препятствовали «объединению Китая, таким образом помогая распространению коммунизма в Китае» [1]. Гитлеровцы опасались, что лозунг защиты отечества сплотит китайский народ вокруг патриотических сил страны и в конечном итоге позиции Чан Кай-ши будут ослаблены.

В июле 1937 г. Вейцзекера посетил японский посол Мусякодзи. Посол стал жаловаться на то, что Германия перестала ценить «антикоммунистические достижения Японии в Китае». Мусякодзи, как замечал Вейцзекер, упорно старался доказать, что «Япония ведет антикоммунистическую работу в Китае» в интересах Германии. Выслушав посла, Вейцзекер вновь повторил, что Германия не может «помогать японским действиям, которые могут привести» к «поощрению коммунизма в Китае» и сближению его с Советским Союзом.

В конечном счете Япония пригрозила аннулированием «антикоминтерновского пакта», если Германия не прекратит поставок военных материалов Китаю. Но и это не подействовало. Официально 18 октября 1937 г. по указанию Гитлера Геринг приказал прекратить всякие поставки Китаю, но спустя два дня распорядился тайно их продолжить [2]. Против прекращения поставок резко выступили военные промышленники: они не хотели терять выгодного покупателя. Только спустя год, когда японцы захватили Северный, а затем и Центральный Китай, Берлин изменил свою позицию. Японское правительство заявило, что Германия получит соответствующие компенсации в области своих экономических интересов в Китае в обмен на отзыв военных советников и прекращение поставок оружия. Германские военные советники в июле 1938 г. были отозваны из Китая. Были прекращены и поставки оружия.

---

[1] АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 8, д. 13, л. 173—174.
[2] DGFP, Series D, vol. I, № 500, p. 768; № 504, p. 772.

Помощь Советского Союза китайскому народу в борьбе против японской агрессии

Агрессия Японии в Китае создавала угрозу не только Советскому Союзу, но и ведущим капиталистическим державам, имевшим интересы на Тихом океане. Советское правительство стремилось сплотить силы держав, заинтересованных в сохранении status quo на Тихом океане, и организовать коллективный отпор японской агрессии. Этой цели могло служить заключение регионального тихоокеанского пакта, который бы изолировал Японию.

В конце 1933 г. М. М. Литвинов в беседе с американским послом Буллитом выдвинул идею заключения пакта о ненападении между СССР, США, Китаем и Японией. По мнению Советского правительства, было бы целесообразным, чтобы инициатива исходила от США.

12 марта 1934 г. Буллит сообщил в Наркоминдел, что президент Рузвельт высказался за подписание многостороннего тихоокеанского пакта о ненападении, расширив число участников за счет Англии, Франции и Голландии [1]. Спустя несколько дней Буллит сказал М. М. Литвинову, что Рузвельт готов рассмотреть вопрос об общем тихоокеанском пакте о ненападении, но подчеркнул, что президент едва ли обратится к державам с таким предложением [2]. В дальнейшем американское правительство не высказало своего окончательного мнения по поводу советского предложения. Уклончивую позицию заняла и Англия.

Советское правительство не оставляло надежд на организацию совместных с США, Англией и Китаем коллективных действий, направленных в защиту мира на Дальнем Востоке.

Летом 1937 г. обстановка на Дальнем Востоке стала еще более опасной. Было ясно, что Япония готовится к новому вторжению в Китай. Советское правительство предприняло новые шаги для сохранения мира. 5 июня советский полпред в Китае Д. В. Богомолов по поручению своего правительства посоветовал китайскому правительству обратиться к тихоокеанским державам (Англия, СССР, США, Япония, Франция) с предложением заключить региональный пакт взаимопомощи. Советский Союз, заявил полпред, поддержит это предложение. Если с тихоокеанским пактом ничего не получится, СССР готов обсудить вопрос о заключении договора взаимопомощи с Китаем [3]. Гоминдановское руководство уклонилось от принятия советского предложения.

---

[1] АВП СССР, ф. 0129, оп. 17, п. 129, д. 342, л. 33—34.
[2] Там же, л. 13—14.
[3] АВП СССР, ф. 0100, оп. 21, п. 183, д. 5, л. 60, 61.

Советский Союз вновь решил обратиться к США. 21 июня 1937 г. М. М. Литвинов поручил советскому полпреду в США А. А. Трояновскому еще раз позондировать отношение американского правительства к возможности заключения тихоокеанского пакта.

При прежнем обмене мнениями правительство США высказывалось в том плане, что пакт потеряет свое значение, если Япония откажется в нем участвовать. М. М. Литвинов поручил полпреду передать мнение Советского правительства по этому вопросу: пакт о ненападении без Японии «будет иметь значение известной солидарности между нами, в особенности, если в пакт будет включен пункт о консультации в случае угрозы одному из участников пакта» [1].

Однако американское правительство и на этот раз не захотело поддержать советскую инициативу. 29 июня 1937 г. Рузвельт сказал советскому полпреду: «Пактам веры нет. Главная гарантия — это сильный флот... Посмотрим, как выдержат японцы морское соревнование» [2].

Особое значение Советское правительство придавало совместным действиям СССР и Китая, направленным на то, чтобы предотвратить возникновение войны на Дальнем Востоке.

В беседах с советским полпредом члены гоминдановского правительства соглашались с его доводами о том, что улучшение советско-китайских отношений создает неодолимое препятствие японской агрессии. Но в то же время гоминдановские реакционеры не хотели установления дружественного сотрудничества между СССР и Китаем. Лишь после нападения Японии гоминдановцы под давлением народных масс вынуждены были пойти на некоторое сближение с Советским государством.

21 августа 1937 г. Советское правительство заключило с Китаем пакт о ненападении. По этому договору стороны обязались не нарушать суверенитета и не применять силу в отношениях друг с другом и в случае нападения третьей державы не оказывать ей ни прямой, ни косвенной поддержки и помощи. Договор был заключен сроком на 5 лет с последующим автоматическим продлением его на три года в том случае, если он не будет денонсирован.

Советское правительство всемерно помогало китайскому народу в борьбе с японскими захватчиками. Что касается правительства Чан Кай-ши, то оно пошло на заключение договора прежде всего потому, что народные массы Китая настойчиво требовали укрепления отношений с СССР.

---

[1] АВП СССР, ф. 05, оп. 17, п. 115, д. 90, л. 15.
[2] АВП СССР, ф. 059, п. 286, д. 2735, л. 282.

Гоминдановцы старались умалить значение договора. Они твердили иностранным дипломатам, что были вынуждены принять помощь СССР, оказавшись перед лицом серьезных трудностей.

Советско-китайский договор восприняли в Японии как предупреждение со стороны Советского Союза. В беседе с послом США Грю 1 сентября 1937 г. министр иностранных дел Хирота не скрывал своего раздражения. Он заявил, что ему «кажется крайне неудачным, что СССР и Китай избрали именно этот момент и обстановку для того, чтобы заключить пакт».

Мировая печать расценила советско-китайский договор как дипломатическое поражение Японии. Надежды японских правящих кругов на изоляцию Китая не оправдались. Советский Союз оказал Китаю серьезную дипломатическую поддержку в Лиге наций, требуя организации коллективного отпора японской агрессии.

21 сентября 1937 г. на пленарном заседании Лиги наций М. М. Литвинов подверг критике политику попустительства агрессии со стороны империалистических держав, выразил огромную тревогу народов СССР и других стран по поводу безнаказанных и наглых действий японских захватчиков в Китае. Призывая к организации коллективного отпора японской агрессии, он говорил: «Я убежден, что Лига наций... может оказать как Испании, так и Китаю более сильную помощь, чем эти страны скромно от нее просят... Я твердо убежден, что решительная политика Лиги в одном случае агрессии избавила бы нас от всех остальных случаев» [1].

Несколько дней спустя Советское правительство заявило решительный протест против бомбардировок Нанкина японской авиацией, считая их незаконными и противоречащими общепризнанным принципам международного права. Правительство СССР отвергло требование японских властей об эвакуации советского посольства из Нанкина. В «комитете 23-х», специально созданном Лигой наций для обсуждения вопроса о японской агрессии, советский представитель энергично поддержал предложение об осуждении бомбардировок японской авиацией китайских городов. 27 сентября комитет принял соответствующую резолюцию.

Надеясь использовать японскую агрессию в антисоветских целях, западные державы не хотели принимать каких-либо решительных мер для пресечения захватнических действий Японии. Настойчивые требования советской делегации оказать

---

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 309, 310.

поддержку Китаю не встретили одобрения со стороны других государств.

Наступление японских войск на Шанхай и Нанкин, неприкрытое стремление японцев вытеснить из этих важнейших центров Китая другие империалистические страны, захватив их торговые и промышленные предприятия, ликвидировав привилегии, вынудили Лигу наций косвенно осудить японскую агрессию. Ассамблея Лиги наций 6 октября 1937 г. приняла резолюцию, в которой говорилось, что она «выражает моральную поддержку Китаю и рекомендует, чтобы члены Лиги воздерживались от каких бы то ни было действий, могущих ослабить силы сопротивления Китая и увеличить его трудности в настоящем конфликте, и обдумали, как они могут индивидуально оказать помощь Китаю» [1]. Государственный департамент США заявил о своей солидарности с позицией Лиги наций.

При всей ограниченности резолюции, отсутствии в ней конкретных мер, направленных на прекращение агрессии, решение Лиги наций предоставляло возможность ее членам оказывать реальную помощь Китаю в борьбе против японских захватчиков. Однако эти возможности не были использованы капиталистическими державами.

Дальнейшее наступление японцев проходило по-прежнему в условиях полного бездействия участников «договора девяти держав», которые взяли на себя обязательство «уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную целостность Китая». США с 1938 г. начали предоставлять Китаю займы. Однако займы предоставлялись за поставки стратегического сырья. Первый заем в 25 млн. долл. в 1938 г. был предоставлен под поставки тунгового масла, три займа на сумму в 95 млн. долл. в 1940 г. были даны под поставки олова, вольфрама и сурьмы. Тяжелое положение Китая американские монополии спешили использовать для скупки важнейшего стратегического сырья, установления контроля над китайской экономикой.

Только Советский Союз оказывал широкую и бескорыстную материальную помощь сражающемуся Китаю. Советское правительство предоставило 1 марта 1938 г. Китаю заем в сумме 50 млн. ам. долл., затем 1 июля того же года — 50 млн. долл. и, наконец, 10 июля 1939 г. еще в 150 млн. долл. Советский Союз поставлял Китаю самолеты, танки, артиллерию и другое оружие, боеприпасы, снаряжение, горючее, транспортные средства и т. д.

---

[1] «League of Nations. Journal officiel», Special Supplement, 1937, № 169, pp. 148—149.

Через северо-западные провинции Китая непрерывным потоком поступало советское оружие, бензин, грузовые машины. Советское правительство разрешило выехать в Китай добровольцам. В Китай прибыли советские военные советники (в том числе прославленные впоследствии советские полководцы В. И. Чуйков и П. С. Рыбалко) и летчики-добровольцы. Отряды советских летчиков героически сражались против японских захватчиков под Ханькоу, Чунцином, Ланьчжоу, Чэнду, Сианью и другими городами.

Попытки японской дипломатии добиться прекращения поставок вооружения Китаю были отвергнуты Советским правительством. М. М. Литвинов заявил японскому послу Сигемицу 4 апреля 1938 г., что продажа оружия, в том числе самолетов, Китаю находится в полном соответствии с общепринятыми нормами международного права. Лига наций, как указывалось, в своем решении от 6 октября 1937 г. призывала своих членов «индивидуально оказать помощь Китаю». Представитель СССР дал отпор попыткам посла добиться отзыва из Китая советских добровольцев. Он подчеркнул, что в китайской армии служили волонтеры из разных стран и японское правительство не заявляло по этому поводу никаких претензий. «Претензии японского правительства, — с иронией заметил Литвинов, — тем более непонятны, что, по уверению японских властей, в Китае нет сейчас войны и Япония вовсе не воюет с Китаем, а то, что в Китае происходит, квалифицируется Японией лишь как «инцидент» более или менее случайный...» [1]

Советское правительство продолжало оказывать Китаю поддержку в Лиге наций и на международных конференциях, выступало в защиту гражданского населения против варварских бомбардировок японской авиации. Так, 17 июня 1938 г. СССР сделал представление Японии по поводу бомбардировки мирного населения и незащищенных городов Китая японской авиацией. Указывалось, в частности, что бомбардировка Кантона явилась совершенно неоправданным актом жестокого насилия над мирным, беззащитным населением. Такие действия вызвали глубочайшее возмущение общественного мнения всех стран земного шара.

Брюссельская конференция

В Брюссельской конференции, созванной по инициативе Лиги наций в ноябре 1937 г., приняли участие страны — участницы Вашингтонской конференции 1921—1922 гг., кроме Японии, не пожелавшей явиться на это международное совещание. Были приглашены также и некоторые другие государства. Советское правительство приняло приглашение, заявив,

[1] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 345—346.

что оно всегда готово оказать поддержку любой инициативе, направленной на сохранение мира.

На конференции было представлено 19 государств. Накануне ее открытия госдепартамент США заявил, что «конференция должна заставить Японию отказаться от избранного ею в настоящее время пути», но «в то же время она должна дать Японии политические и экономические гарантии», предоставив ей сырье и рынки. Американская дипломатия хотела добиться от Японии прекращения войны в Китае, угрожавшей американским интересам. Но она не собиралась применять каких-либо санкций. Англия также надеялась достичь соглашения с японскими империалистами.

Тайные замыслы организаторов конференции выявились сразу же, как только делегаты съехались в Брюссель. Перед открытием конференции Иден заявил, что инициатива созыва принадлежит США. Американцы опровергли это в небывало резких выражениях, заявив, что США говорили лишь о месте конференции. Получилось конфузное положение: никто не хотел брать на себя роль главного инициатора. Английская дипломатия заставила бельгийцев взять на себя эту роль. Однако бельгийский министр иностранных дел Спаак, оправдываясь перед японским послом в Бельгии Курусу, все время повторял, что только неизбежные обстоятельства сделали Бельгию главным действующим лицом и что это отнюдь не соответствует ее желаниям [1].

Советская делегация требовала применения коллективных мер к агрессору. Она предложила применить санкции против Японии, не останавливаясь даже перед крайними мерами. Однако советские предложения приняты не были. Предложение Китая об экономических санкциях против Японии было поддержано лишь Советским Союзом.

Не принимая советского предложения о коллективных мерах борьбы против агрессора, американская и английская делегации «доказывали», что в предотвращении агрессии заинтересован в первую очередь СССР, так как около его границ развертывается война. Дипломаты США и Англии убеждали советских представителей, что, если Советский Союз выступит, война будет прекращена. Япония, мол, немедленно посчитается с таким могущественным государством, как СССР.

Советская делегация разоблачила попытки сговора западных держав за счет Китая и СССР и сорвала маневры империалистической дипломатии, рассчитанные на провоцирование советско-японской войны. Правительство СССР не дало

[1] См. *Киесава Киеси.* История японской дипломатии (на яп. яз.). Токио, 1941, стр. 521—522.

втянуть нашу страну в военный конфликт в условиях, когда все другие капиталистические страны были готовы поддержать Японию.

Брюссельская конференция ограничилась принятием декларации от 24 ноября, предлагавшей Китаю и Японии «прекратить враждебные действия и прибегнуть к мирным методам». Резолюция призывала Японию к соблюдению Вашингтонского договора [1].

Конференция показала нежелание западных держав оказывать сколько-нибудь серьезное противодействие японской агрессии в Китае.

Китайско-японские переговоры о мире. Посредничество Германии

Исходя из своих империалистических расчетов, гитлеровцы предприняли ряд дипломатических шагов с целью прекращения войны в Китае. В конце октября 1937 г. германские послы Траутман (в Нанкине) и Дирксен (в Токио) предложили Китаю и Японии свои посреднические услуги для заключения мира. Но в Токио ждали со дня на день захвата столицы Китая Нанкина и не проявили к предложениям немцев особого интереса. Все же министр иностранных дел Хирота 3 ноября сообщил Дирксену японскую «программу мира». Эта грабительская программа предусматривала фактическое отторжение от Китая Внутренней Монголии и создание демилитаризованной зоны на значительной части Северного Китая, снижение пошлин на японские товары и т. д. [2]

5 ноября Траутман неофициально передал эти условия Чан Кай-ши. Тот колебался, опасаясь возмущения масс [3]. Однако захват японцами Нанкина, неудача Брюссельской конференции усилили капитулянтские настроения гоминдановской верхушки. 2 декабря Чан Кай-ши заявил Траутману, что он принимает японские условия как основу для мирных переговоров [4].

Когда об этом стало известно в Токио, в японском правительстве развернулась острая борьба по поводу мирных условий. Руководители генштаба, а также Угаки, Икэда и другие политические деятели высказывались за заключение мира с Китаем. Однако военный министр Сугияма, министр иностранных дел Хирота, министр внутренних дел Суэцугу требовали расширения операций в Китае. Под давлением этой группировки 14 декабря в оккупированных районах Северного

---

[1] «Brussels Conference. Acts of the Conference». Brussels, 1937, p. 75—80.

[2] DGFP, Series D, vol. I, № 514, p. 778.

[3] Ibid., № 516, p. 780.

[4] Ibid., № 528, p. 788.

Китая был создан марионеточный режим под названием «Временное правительство Китайской республики». Военщина не случайно назвала это правительство «временным». Она намеревалась создать всекитайское марионеточное правительство. Японские условия, сообщенные Дирксену для передачи китайской стороне, состояли в следующем:

1. Признание Маньчжоу-Го; аннулирование советско-китайского пакта о ненападении и присоединение Китая к «антикоминтерновскому пакту».

2. Создание демилитаризованных зон во Внутренней Монголии, Северном Китае и около Шанхая; образование «независимого правительства» в Северном Китае под номинальным китайским суверенитетом и автономия Внутренней Монголии, признание Маньчжоу-Го.

3. Заключение соглашения о тесном экономическом сотрудничестве между Японией, Китаем, Маньчжоу-Го.

4. Уплата контрибуции и компенсации за разрушенную собственность, оплата оккупационных расходов и т. д.[1]

Принятие этих кабальных требований закрепило бы японское господство в северо-восточных и северных китайских провинциях, обеспечило бы полный контроль японских монополий над экономикой Китая и превращение этой страны в орудие борьбы против СССР.

11 января 1938 г. условия были дополнены требованием расквартирования японских войск в ряде районов Северного Китая, Внутренней Монголии и Центрального Китая[2]. Это означало бессрочную оккупацию обширных территорий страны.

Японские предложения вызвали разногласия в китайских правящих кругах. Гоминдановцы просили совета у германских дипломатов, но те получили из Берлина указание воздерживаться от высказывания своего мнения. Германия не хотела портить отношения ни с той, ни с другой стороной. Однако гитлеровцы воспользовались просьбой гоминдановцев для того, чтобы оказать на них определенный нажим в своих внешнеполитических целях. Траутману были даны указания предостеречь гоминдановского министра иностранных дел от какого-либо сближения с СССР и получения от него помощи, угрожая в противном случае «пересмотреть» отношение Германии к Китаю[3]. Были предприняты некоторые шаги и в Токио. Дирксен обратил внимание японского правительства на риск,

---

[1] DGFP, Series D, vol. I, № 540, p. 803; № 547, p. 812.
[2] См. «История войны на Тихом океане», т. II, стр. 353.
[3] DGFP, Series D, vol. I, № 546, p. 811.

связанный с развитием революционного движения в Китае в случае продолжения войны [1].

С советами гитлеровцев японское правительство не хотело в то время считаться. 12 января 1938 г. японцы ультимативно потребовали от Китая ответа в трехдневный срок. Чан Кай-ши через Траутмана запросил разъяснений по поводу японских условий, находя их «слишком широкими и общими». 16 января 1938 г. Япония опубликовала официальное заявление, в котором отказывалась признавать китайское правительство и высказывала надежду «на создание и укрепление в Китае нового правительства». Это был открытый курс на превращение всего Китая в подобие Маньчжоу-Го.

Японо-английские и китайско-японские переговоры

Захват гитлеровцами Австрии в марте 1938 г., германская шовинистическая кампания против Чехословакии, поставившая уже в мае 1938 г. Европу на грань войны, приковывали внимание Англии и Франции к европейским проблемам. На Дальнем Востоке английская и американская дипломатия вела политику сговора с Японией. В апреле 1938 г. английское правительство дало согласие на установление японского контроля над китайскими таможнями. Япония фактически закрыла судоходство по Янцзы. США продолжали снабжать японцев военными материалами. Такая позиция укрепляла влияние проанглийских и проамериканских элементов в правительстве Японии.

Опираясь на поддержку кругов и представителей монополий, тесно связанных с англо-американским капиталом, премьер-министр Коноэ в мае 1938 г. реорганизовал свой кабинет с целью завершить войну в Китае дипломатическими средствами.

Новый министр иностранных дел Угаки 17 июня на своей первой же пресс-конференции сделал заявление, в котором подчеркнул необходимость улучшить отношения с Англией. Вместе с тем он поощрял провокации японских военных властей на советско-маньчжурской границе, демонстрируя тем самым свою солидарность с западными державами.

19 июня Угаки имел беседу с послом Англии Крейги. Крейги предложил посредничество в японо-китайском конфликте, если обе стороны выскажут соответствующее желание. Однако такой вариант не устраивал японские правящие круги: они стремились полностью изолировать Китай, чтобы вынудить его к капитуляции.

В переговорах с Угаки Крейги требовал беспрепятственного английского контроля над северным районом Шанхая, свободы навигации по Янцзы, ликвидации ограничений деятельно-

[1] DGFP, Series D, vol. I, № 558, p. 821.

сти некоторых принадлежащих англичанам или контролируемых ими концернов и др. Угаки обещал быстро решить эти вопросы. Крейги вновь заговорил о британском посредничестве. На этот раз Угаки дал понять, что японское правительство не исключает возможности обсуждения этого предложения.

Предлагая посредничество для прекращения войны в Китае, английское правительство, разумеется, отнюдь не заботилось о мире — оно пеклось прежде всего об интересах Сити.

В июне 1938 г. между гоминдановцами и японским правительством начались неофициальные переговоры. Их исходным пунктом послужила поздравительная телеграмма видного гоминдановского деятеля Чжан Цюня, направленная Угаки в связи с назначением его на пост министра иностранных дел. Гоминдановца не смутило то обстоятельство, что речь шла о министре воевавшей с Китаем страны! Переговоры со стороны гоминдановцев вел председатель исполнительного юаня Кун Сян-си. За основу были взяты прежние предложения японцев. Было исключено лишь требование контрибуции.

Правительство Чан Кай-ши согласилось с тем, чтобы японские гарнизоны оставались в течение определенного срока в Тяньцзине, Пекине, Циндао и Шанхае, оно готово было предоставить специальные экономические и коммерческие выгоды Японии в Северном Китае. Не возражали китайские представители и против фактического сохранения за Японией Маньчжурии.

Кун Сян-си высказал пожелание, чтобы в качестве посредника выступили Англия или США. 4 августа китайский посол в Лондоне обратился с таким предложением к Галифаксу.

Надеясь обеспечить за собой руководящую роль в мирном урегулировании, английское правительство в то же время попыталось подготовить совместное выступление с Францией и США и привлечь к нему германскую дипломатию. Такая тактика, несомненно, была связана с политикой «умиротворения» Германии, которую проводили Англия, Франция и США.

Нельзя при этом не напомнить и другое важное обстоятельство: в конце июля — начале августа 1938 г. резко обострились советско-японские отношения в связи с крупной провокацией японской военщины в районе озера Хасан.

29 июля японские войска вторглись на советскую территорию в районе озера Хасан. В этом нападении участвовало до 38 тыс. человек. Они встретили решительное сопротивление частей Красной Армии, которые вскоре перешли в наступление. С 6 по 9 августа наши войска полностью очистили советскую территорию. Японская авантюра провалилась.

Военный министр генерал Итагаки просил санкции императора на посылку новых войсковых соединений на советско-маньчжурскую границу. Речь шла, таким образом, о расширении конфликта — фактически о большой войне против Советского Союза. Однако Коноэ и Угаки и придворные круги боялись, не закончив войны в Китае, ввязываться в новый, еще более тяжкий конфликт.

В этой ситуации идея Галифакса об участии в посредничестве гитлеровцев должна была придать антисоветскую окраску «добрым услугам» Запада, побудить японских империалистов к более активным действиям против СССР. Более того, английское правительство в дни наибольшего обострения советско-японских отношений выступило с настойчивыми призывами к прекращению войны в Китае, стремясь развязать руки японским милитаристам. Но сокрушительное поражение захватчиков у озера Хасан и урегулирование советско-японского конфликта изменило настроение в Форин-оффисе. 13 августа Галифакс сообщил Крейги, что торопиться с предложением добрых услуг не стоит.

Английская инициатива не встретила поддержки и в США. Американская дипломатия не хотела, чтобы урегулирование японо-китайского конфликта проходило под контролем Англии.

Попытка Англии достичь прекращения войны в Китае на условиях, выгодных английским монополиям, не принесла никаких результатов.

Антисоветская политика Японии. Срыв японо-английских и японо-китайских переговоров

Советский Союз прилагал активные усилия к тому, чтобы пресечь развертывание германской агрессии в Европе. Вместе с тем он старался всеми мерами сохранить мир на своих дальневосточных границах. Еще 4 апреля 1938 г. Советское правительство предложило правительству Японии разрешить путем переговоров все спорные вопросы. Предложение СССР не встретило положительного отклика в Токио.

В Японии велась разнузданная антисоветская, милитаристская кампания. Буржуазные газеты почти каждый день писали о кризисе в отношениях между Японией и СССР, сообщали вымышленные сведения о нарушениях границы советскими пограничниками и т. д. Японские власти чинили препятствия советскому судоходству, не выполняли обязательств по платежам за КВЖД и т. д. В нарушение условий Портсмутского договора они установили запретные зоны в Лаперузовом проливе.

Фашистские общества, тесно связанные с военщиной, организовывали демонстрации на улицах Токио под лозунгами:

«Похоронить дипломатию заигрывания с Англией», «Долой переговоры Угаки — Крейги», «Долой Угаки».

Военные круги настаивали на принятии предложения Германии, сделанного в январе 1938 г., об усилении «антикоминтерновского пакта» и превращении его в военный союз. При этом они считали, что этот блок должен быть направлен не только против СССР, но и против Англии и Франции.

Все это не могло не повлиять на позицию Угаки. В беседе с Крейги 18 августа, ссылаясь на общественное мнение страны, Угаки отказался удовлетворить претензии Англии. Однако он предложил «англо-японское сотрудничество в оккупированных районах» [1]. Фактически речь шла о сепаратном англо-японском соглашении, направленном против Китая, а также США и Франции. Но английская буржуазия опасалась, что такое соглашение подорвет позиции английского капитала в китайской экономике. Не без оснований опасались в Англии и американской реакции на сговор с Японией, угрожавший позициям США. Поэтому Угаки не получил прямого согласия Англии на предложение о «сотрудничестве».

В августе началось наступление японских войск на Ханькоу, а в октябре — на Гуанчжоу (Кантон). Военные действия, таким образом, охватили не только Центральный, но и Южный Китай, районы, являвшиеся центрами экономического влияния Англии. Эти операции сорвали мирные переговоры, которые велись с гоминданом.

Прекращение переговоров с Чан Кай-ши означало отказ от политики сближения с Англией, которую проповедовал Угаки. Автору ее пришлось уйти в отставку.

Японская агрессия и Лига наций

В феврале и мае 1938 г. Совет Лиги наций принял две резолюции, подтверждавшие решение Ассамблеи от 6 октября 1937 г. — о необходимости оказания помощи Китаю и призывавшие к его выполнению. Эти резолюции были лишены практического значения и не дали никаких результатов.

Для успокоения народных масс Китая, требовавших принятия эффективных мер в борьбе с Японией, гоминдановское правительство решило вновь обратиться в Лигу наций, используя очередную сессию Ассамблеи в сентябре 1938 г.

1 сентября китайский посол в Лондоне посетил Галифакса и заявил, что китайский вопрос должен быть в повестке дня Совета и Ассамблеи Лиги наций и что китайское правительство вновь обращается к ст. 17 Устава. Посол, кроме того, сказал Галифаксу, что его правительство намерено просить о помощи Китаю путем предоставления пособий миллионам бе-

[1] DBFP, Third series, vol. VIII, № 31, p. 27.

женцев, которые лишены всех средств к существованию, и выделения средств для реконструкции китайской промышленности. Китай намеревался также просить у Лиги техническую помощь. Галифакс в ответ заявил, что, по его мнению, эта акция не даст «какой-либо пользы Китаю», но может принести вред Лиге [1].

Узнав о китайских намерениях, японское правительство решило оказать соответствующее давление на Лондон и Париж, чтобы не допустить принятия Лигой наций решений, выгодных Китаю. Однако в Токио напрасно беспокоились. Английские и французские представители сделали все возможное, чтобы отговорить китайских представителей от обращения к Лиге наций. Советнику японского посольства в Лондоне Окамото 20 сентября успокоительно заявили в Форин-оффис: «Кажется неизбежным, что просьба (Китая. — *Авт.*) будет отклонена» [2].

Предложение китайского правительства о применении к Японии экономических санкций было отвергнуто под давлением Англии и Франции. Совет Лиги одобрил доклад, не предусматривавший никаких мер помощи Китаю.

«Этот доклад не соответствует тому, чего Китай имел право ожидать от Лиги наций, — заявил советский представитель 30 сентября 1938 г. — Такими докладами агрессоров не удержать и агрессию не приостановить... Мое правительство было бы готово пойти дальше этого доклада и принять участие в коллективных мероприятиях, которые позволили бы Лиге наций выполнить все свои обязательства перед Китаем. Индивидуальными мерами немного можно сделать для приостановления агрессии, если эти меры не будут проводиться другими членами Лиги» [3].

Лозунг «нового порядка» в Азии

Политика попустительства агрессору со стороны Англии, Франции и США толкала милитаристские круги Японии к новым опасным для дела мира акциям. 3 ноября японское правительство опубликовало так называемую «Декларацию о новом порядке».

Целью Японии провозглашалось «установление нового порядка, который обеспечит постоянную стабильность в Восточной Азии». Именно в этой декларации впервые официально была употреблена формула «нового порядка» в Азии. В декларации заявлялось, что национальное правительство Китая должно отказаться от прежних принципов в политике, обно-

---

[1] DBFP, Third series, vol. VIII, № 67, p. 58—59.
[2] Ibid., № 106, p. 95.
[3] «Правда», 2 октября 1938 г.

вить свой состав и участвовать в строительстве «нового порядка» [1].

Декларация провозгласила открытый курс на установление монопольного господства Японии в Китае. Это заявление сформулировало цели японского империализма, которые сохранялись вплоть до конца второй мировой войны, хотя и меняли свою внешнюю форму. Коноэ, правда, в пропагандистских целях вставил в свою речь традиционные фразы об уважении «законных прав» третьих держав и возможности сотрудничества с ними. Однако он добавил следующее: «Япония уверена в том, что другие державы верно поймут ее цели и политику и будут проводить свою политику в соответствии с новой обстановкой в Восточной Азии» [2].

7 ноября Япония направила ноту английскому правительству, которая не оставляла сомнений в том, что и Южный Китай японская военщина решила прибрать к своим рукам. Японский МИД просил английское правительство «принять решительные и неотложные меры» на территории будущих военных операций — Гуанси, Хубэй, Хунань, Цзянси, а именно: прекратить полеты гражданских самолетов, предупредить, что британские подданные могут посещать эти районы лишь на свой страх и риск. Японское правительство требовало предоставления информации о британских правах и интересах в этих районах и высказывало пожелание о выезде оттуда всех англичан [3]. Это был открытый удар по английским интересам. Однако Форин-оффис в ответ ограничился лишь протестами. 6 декабря заместитель министра иностранных дел заявил в палате общин, что Великобритания намерена защищать свои интересы в Китае.

Дальше формальных протестов не шло и американское правительство. Более того, весной 1938 г. США отозвали свои войска из Шанхая и Тяньцзина.

Введенное американским правительством «моральное эмбарго» на торговлю с Японией не мешало ей получать необходимое горючее, железный лом и другие материалы вплоть до 1941 г. Это была весьма слабая реакция на провозглашенный японцами открыто экспансионистский лозунг «нового порядка» в Азии.

Японские милитаристы не без успеха копировали разбойничий образ действий своего фашистского союзника в Европе.

22 декабря Коноэ выступил с новым заявлением об урегулировании японо-китайского конфликта и планах «нового по-

[1] DBFP, Third series, vol. VIII, № 195, p. 177—178.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., № 222, p. 207—208.

рядка» в Восточной Азии. В этом заявлении были сформулированы новые японские условия мира. Они сводились к требованиям: 1) признания Маньчжоу-Го; 2) заключения между Японией и Китаем «соглашения об обороне против коммунизма», предполагавшего пребывание на китайской территории японских вооруженных сил и создание особых антикоммунистических районов во Внутренней Монголии; 3) японо-китайского экономического сотрудничества, обеспечивающего Японии использование природных ресурсов Северного Китая и Внутренней Монголии и др. [1]

Японские правящие круги отдавали себе отчет в сложности своего положения в случае решительных экономических санкций со стороны Англии и США. Шаг за шагом вытесняя иностранные монополии из Китая, японская дипломатия лавировала, идя на незначительные уступки западным державам. Министры иностранных дел Угаки, Коноэ, Арита, японские послы, так же как и представители правящих кругов, в беседах с английскими и американскими дипломатами и государственными деятелями неизменно обещали сохранить «равные возможности», делали заманчивые обещания о привлечении иностранного капитала для освоения Китая. Все эксцессы экспансионистской политики Японии они стремились свалить на «непослушную» военщину, намекая, что умеренные «деятели не теряют надежд на возвращение к власти», что «их нужно поддержать извне посредством уступок» и т. д.

Со своей стороны английские и американские правящие круги хорошо видели затруднения, переживаемые Японией. Крейги, например, пришел к обоснованному выводу, что «любое эмбарго на японский экспорт в настоящих условиях дало бы немедленный и гибельный эффект для всей ее экономики» [2]. Такие же последствия имела бы задержка с предоставлением кредитов и займов.

Но эти меры так и не были осуществлены. Английские и американские правящие круги опасались, что решительные шаги против агрессора могут нарушить их планы, имевшие основной целью направить Японию против СССР.

---

[1] См. «История войны на Тихом океане», т. II, стр. 362—364.
[2] DBFP, Third series, vol. VIII, № 382.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1935—1939 гг.)

Борьба империалистов на Ближнем и Среднем Востоке

Все туже завязывался узел империалистических противоречий и в обширном районе Ближнего и Среднего Востока, в непосредственной близости от южных границ Советского Союза.

В значительной степени этот район считался на Западе традиционной сферой влияния и колониальных интересов Великобритании. Английские войска оккупировали Египет. Во главе Судана стоял британский генерал-губернатор. Палестиной, Трансиорданией и до 1932 г. Ираком англичане управляли в качестве мандатариев Лиги наций. От Адена, перешедшего в 1937 г. под непосредственное управление английского министерства колоний, и до Кувейта все княжества и султанаты южной и восточной части Аравийского полуострова являлись британскими протекторатами. Почти весь юг Ирана был концессией английской нефтяной компании. Ближневосточные владения были одним из главных звеньев Британской империи. Они обеспечивали английскую гегемонию на Ближнем и Среднем Востоке и служили как бы огромной перемычкой между английскими колониями в Африке и в Южной и Юго-Восточной Азии. Английские военные и военно-морские базы на Кипре и Мальте, в Александрии, Хайфе, Адене, Бахрейне и на юге Ирака подпирали английское колониальное господство в этом районе. В середине 30-х годов большая часть английского флота — до 144 боевых кораблей — находилась в Средиземном море, в постоянной готовности продемонстрировать силу британской имперской политики.

Франция, этот давний соперник Англии на Ближнем Востоке, имела мандат Лиги наций на Сирию и Ливан. Французскому капиталу принадлежали также важные позиции в Египте. Из общей суммы иностранных инвестиций в этой стране, размер которых в 1937 г., по официальным данным, составлял 150 млрд. франков, на долю Франции приходилось 40 млрд. франков.

Мировой экономический кризис обострил борьбу английских и французских империалистов за рынки, источники сырья и стратегические позиции в этой части земного шара. В начале 30-х годов англо-французское соперничество на Ближнем и Среднем Востоке осложнилось появлением новых сильных конкурентов. Здесь возобновилась германская экспансия, заметно активизировался итальянский империализм, появились представители японских монополий.

Важным объектом междуимпериалистической борьбы на Ближнем и Среднем Востоке была иранская и арабская нефть. Разведанные запасы нефти здесь составляли значительную часть всех ее запасов в капиталистическом мире. Вся иранская нефть была в руках англичан, причем английскому правительству принадлежал решающий голос в правлении «Англо-Иранской нефтяной компании». Акции «Иракской нефтя-

ной компании» были поделены между английскими (52%), французскими (23,75%) и американскими (23,75%) монополиями, причем для Франции участие в разработке иракской нефти было ее единственным значительным капиталовложением в области заморских нефтяных ресурсов [1].

В борьбе за средневосточную и аравийскую нефть в 30-х годах большую активность проявляла дипломатия доллара. Нефть Ирана, Ирака и Аравии дразнила аппетиты нефтяных магнатов США, которые в погоне за колониальными сверхприбылями рвались к Персидскому заливу и в Междуречье.

В 1931 г. США признали Ибн Сауда в качестве «короля Неджда, Хиджаза и присоединенных областей», как называлась до 1932 г. Саудовская Аравия, а два года спустя было подписано соглашение о предоставлении США в Саудовской Аравии режима наиболее благоприятствуемой страны.

В декабре 1934 г. после упорной шестилетней борьбы с английскими конкурентами, пользуясь прямой поддержкой государственного департамента США, «Стандард ойл оф Калифорниа» — одно из многочисленных предприятий Рокфеллеров — закрепила за собой концессию на нефть Бахрейнских островов. Американские бизнесмены не обратили при этом никакого внимания на заявление иранского правительства, протестовавшего против их сделки с шейхом Бахрейна. В 1936 г. на островах Бахрейн американцы построили нефтеперегонный завод, рассчитанный также на переработку нефти из Саудовской Аравии. «Стандард ойл оф Калифорниа» подписала с правительством Ибн Сауда соглашение, по которому получила концессию на разведку и добычу пефти в районе восточного побережья Аравийского полуострова и на севере Саудовской Аравии, а всего на площади в 932 тыс. *кв. км* (60,6% всей территории страны). 1 мая 1939 г. Ибн Сауд и его двор присутствовали при торжественном отплытии из построенного на берегу Персидского залива порта Рас-Таннура первого американского танкера с саудовской нефтью. В том же году «Стандард ойл оф Калифорниа», «Арабиэн стандард ойл компани», «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Соккони вакуум» создали «Арабиэн-Американ ойл компани» (АРАМКО), получившую право на эксплуатацию нефтяных ресурсов на площади, охватывавшей три четверти всей территории Саудовской Аравии. АРАМКО стала выступать как сила, оказывающая прямое влияние на политику США в районе Ближнего Востока.

В современной американской литературе часто делается попытка утверждать, что действия США в арабских странах в 30-е годы якобы не имеют ничего общего с традиционной колониалистской политикой в этом районе таких держав, как Великобритания и Франция.

На самом же деле США, так же как и другие капиталистические державы, действовали на Ближнем и Среднем Востоке с колониалистских позиций. Так, например, стоило египетскому правительству заявить в 1934 г. о своем намерении обложить проживающих в Александрии иностранцев муниципальными сборами, как американская миссия в Каире направила в МИД Египта ноту, напоминавшую, что еще в конце прошлого столетия, когда в Александрии учреждался муниципалитет, США пользовались в Египте капитуляционными привилегиями. Нота обвиняла египетское правительство в попытке нарушить режим капитуляций и предупреждала, что проживающие в Александрии американские граждане могут и не подчиняться распоряжениям муниципальных властей [2].

---

[1] См. *Майкл Брукс.* Нефть и внешняя политика. М., 1949, стр. 114.

[2] «Foreign Relations... Diplomatic Papers 1935», vol. I. Washington, 1953, p. 583.

С большим рвением американская дипломатия в 1934—1935 гг. пыталась навязать Афганистану фактически неравноправный договор, по условиям которого американцы пользовались бы на афганской земле особыми привилегиями. Эти американские домогательства были отвергнуты афганским правительством.

Проникновение Германии, Италии и Японии в страны Ближнего и Среднего Востока

Готовясь развязать новую мировую войну, фашистские агрессоры рвались в страны Ближнего и Среднего Востока, чтобы овладеть здесь важными стратегическими позициями, стать на горло имперским коммуникациям Англии и Франции. С приходом Гитлера к власти германские дипломатические представительства в странах Ближнего и Среднего Востока превратились в центры шпионской и заговорщической деятельности третьего рейха, а каналы торговых и экономических связей Германии с этими странами стали широко использоваться для целей политической и идеологической экспансии и подготовки к новой мировой войне. Гитлеровцы стремились к захвату Ближнего и Среднего Востока, мечтали о создании огромной колониальной империи в Африке и Азии. «Мы должны стать колониальной державой, — говорил в 1934 г. Гитлер Раушнингу. — На Востоке мы должны распространить наше господство... до Ирана». Гитлеровцы намеревались использовать Турцию, Иран и Афганистан как плацдармы для нападения на Советский Союз с юга.

В не меньшей степени, чем империалистов Англии, Франции и США, их привлекала ближневосточная нефть. 10 августа 1939 г. во время встречи с Далерусом Геринг, пугая англичан коммунистической опасностью, открыто потребовал, чтобы в качестве «сферы экономического интереса» Германии были предоставлены богатые нефтью территории на Ближнем Востоке [1].

Рынки этого района, занимавшие значительное место в мировой торговле тех лет (так, в 1938 г. в арабские страны, Иран и Турцию, было ввезено товаров на 416 млн. долл., тогда как в Индию и Бирму — на 370 млн. долл., а в Китай — на 360 млн. долл.), привлекали пристальное внимание германских, итальянских и японских монополий.

Германский экспорт в Турцию, Египет, Палестину, Сирию, Иран и Ирак в 1933—1937 гг. возрос с 81,5 млн. до 250 млн. рейхсмарок; в 1937 г. Германия поглощала 14% экспорта стран Ближнего и Среднего Востока и обеспечивала 18% их импорта. Используя, по признанию гитлеровского журнала «Orient Nachrichten», методы, которые «далеко не всегда могут быть признаны правоверными с точки зрения торговых отношений», гитлеровская Германия укреплялась на рынках Ближнего и Среднего Востока в ущерб английскому и французскому влиянию.

В предвоенные годы в странах Ближнего и Среднего Востока действовали многочисленные отделения немецких банков, торговых фирм, агентств печати, под вывеской которых укрывались шпионские организации и агенты национал-социалистской партии; имелись влиятельные и богатые немецкие колонии (только в Сирии проживало около 2 тыс. немцев). Немецким колонистам в Палестине принадлежала значительная земельная собственность.

Германские и итальянские империалисты пытались использовать в своих целях справедливую борьбу арабских народов против колониального гнета, за национальную независимость и суверенитет. Они намеревались занять место «старых» колониальных господ — Англии и Франции — и подчинить себе арабские народы, заставить их и впредь томиться в оковах колониального рабства. «Не существует никаких сомнений насчет того, что народы арабских стран разделили бы судьбу

[1] DBFP, Third series, vol. VI, p. 756—757.

подвергшихся нападению европейских народов, если бы гитлеровской Германии удалось осуществить свои планы» [1].

Пытаясь расположить к себе общественное мнение арабских стран, Германия, в частности, использовала принадлежавшее ей место члена комиссии Лиги наций по мандатам. Немецкий член этой комиссии Руппель выступил «за упразднение всех мандатов» и критиковал французскую политику в Сирии и Ливане. Вслед за тем он предпринял в мае 1935 г. «частную» поездку по Сирии, Ливану и Палестине, где встречался с представителями националистических кругов. Поездка этого «не совсем обычного туриста» вызвала недовольство и демарши французских властей, так что германскому консульству в Бейруте даже пришлось опубликовать специальное коммюнике для оправдания целей его визита [2].

Заигрывание с крайне правыми элементами буржуазно-помещичьих кругов в арабских странах, спекуляция на лозунгах борьбы против английского и французского колониального господства, сколачивание фашистских организаций, таких, как «Молодой Египет» или «Сирийская национал-социалистская партия», подготовка кадров шпионов и диверсантов составляли отличительные черты деятельности германских дипломатических и консульских представителей на Арабском Востоке в годы, предшествовавшие второй мировой войне.

В Египте, Палестине, Ираке, Сирии гитлеровцам удалось завербовать на свою сторону кое-кого из видных феодалов, военных и духовенства, но в целом широкие массы арабских стран не поддались на удочку фашистских заговорщиков. Демократические и прогрессивные организации в арабских странах, и в первую очередь коммунистические партии Сирии, Ирака и Палестины, сыграли важную роль в разоблачении гитлеровских планов на Ближнем Востоке.

Правительство Италии стремилось к захвату всей Северной Африки, включая Египет, к овладению Суданом, Аравийским полуостровом, южными районами Турции, а также Сирией.

В марте 1937 г. Муссолини предпринял поездку в Ливию, во время которой, подражая Вильгельму II, объявил себя «защитником ислама». «Пополо д'Италия» писала по этому поводу: «мусульманский мир всегда нуждался в едином вожде и покровительстве. Эту роль выполняли халифы со времени смерти пророка Мохаммеда вплоть до ликвидации Оттоманского халифата революционной кемалистской Турцией в 1924 г. Оказавшийся вакантным после упразднения халифата пост покровителя ислама должен быть ныне занят дуче...» [3]

Гитлеровская печать подзадоривала Муссолини на решительные акции в районе Средиземного моря. При этом в Берлине шумом об «италомусульманской солидарности» рассчитывали отвлечь внимание Италии от Дунайского бассейна и Балкан, ослабить итальянскую активность в Австрии и Венгрии и обострить англо-итальянские отношения. В то же время для Германии это было средством нажима на Англию и Францию. Так, например, «Берлинер тагеблатт» заявляла, что во французских интересах было бы «сузить свои позиции в Средиземном море и в Северной Африке в пределах, продиктованных жизненными требованиями фашистской империи» [4].

Особое место в конкурентной борьбе империалистов за арабские рынки занимало в 30-е годы острое англо-японское соперничество

---

[1] «От Риббентропа до Аденауэра». Документация о боннском министерстве иностранных дел. Министерство иностранных дел Германской Демократической Республики. Берлин, 1961, стр. 26.
[2] «L'Orient», 6. V. 1935.
[3] «Il Popolo d'Italia», 20. III. 1937.
[4] «Berliner Tageblatt», 7. XII. 1938.

в связи с японским проникновением на Ближний Восток. Использовав оружие демпинга, японские монополии выступили в 20-х — начале 30-х годов на ближневосточных рынках, а особенно в Египте, с товарами массового потребления (текстиль, металлоизделия и т. п.), предлагая их по бросовым ценам. Только за 10 лет, с 1922 по 1932 г., импорт японских товаров в Египте возрос почти вчетверо и продолжал неуклонно расти в предвоенные годы. Для самой Японии доля египетского хлопка составила в 1933—1934 гг. до 37% всего импортируемого ею хлопка. В Японии была создана «Египетско-Японская коммерческая ассоциация», объединившая в целях завоевания египетского рынка экспортеров и импортеров. В свою очередь египетские помещики — хлопководы и экспортеры хлопка проявили большую заинтересованность в расширении торговли с Японией, поскольку Англия частично перенесла закупки хлопка из Египта в Судан, где британские монополии создали в 20-х годах новую сырьевую базу для своей текстильной промышленности.

Японское вторжение на египетский рынок вызвало ожесточенное сопротивление со стороны Англии, которая направляла в своих интересах таможенную политику зависимого от нее египетского правительства. Под английским давлением переговоры о торговом договоре между Японией и Египтом, начатые приехавшей в Каир японской делегацией, зашли в тупик, и когда после двухмесячных напоминаний японский делегат Косама попросил в июне 1936 г. об их возобновлении, египетский министр финансов по рекомендации своего английского советника отклонил это предложение. Два дня спустя в Каире был обнародован декрет о повышении импортных пошлин, ударивший по ввозу японского текстиля, и после почти полугода бесплодных переговоров японская делегация покинула Египет.

Японская экспансия, впрочем, тревожила не только англичан, но и итальянцев. Японский посол в Риме Сугимура заявил в начале 1935 г. Муссолини, что, как Япония надеется, Италия в своих действиях в отношении Эфиопии учтет наличие японских «экономических интересов» в этой стране. Как уверял советского полпреда Б. Е. Штейна заместитель министра иностранных дел Италии Сувич, «итальянская акция» в Эфиопии была, «в частности, направлена против японской экспансии, которая стремится сделать из Абиссинии свой опорный пункт для дальнейшего продвижения к Средиземному морю через Баб-эль-Мандебский пролив» [1].

Защищая свои позиции на Ближнем Востоке, англичане в середине 30-х годов предприняли ряд шагов, имевших целью противодействовать экспансии Италии и Германии в арабских странах.

Но в целом, если говорить об общей линии поведения британских властей в арабских странах, зависевших тогда от Англии, германское и итальянское политическое проникновение в эти страны развивалось при попустительстве с английской стороны. По свидетельству американского обозревателя Альберта Вайтона, побывавшего накануне войны на Арабском Востоке, *«нацисты начали свою деятельность в этом районе с благословения или, по крайней мере, с молчаливого одобрения англичан* (курсив мой. — *Авт.*)». Вайтон писал: «В Багдаде еще в 1937 г. англичане знали, что германский посланник д-р Гробба предпринимал более чем нормальные дипломатические усилия, чтобы расположить к себе иракцев. В Каире англичане также имели подробные сведения о деятельности нацистов, но, как мне сказал видный представитель английского посольства, решили не препятствовать германским фашистам, чтобы таким образом противодействовать коммунистической пропа-

[1] АВП СССР, ф. 0132, оп. 19, п. 214, д. 984, л. 159 об.

ганде». «Не нужно забывать, — иронизировал Вайтон, — что Англия в каждом углу видит большевистскую опасность» [1].

Слепая ненависть к национально-освободительному и демократическому движению, за которым английским и французским колонизаторам везде мерещились коммунисты и «рука Москвы», создала благоприятные условия для деятельности агентов Гитлера и Муссолини. «Классовые чувства и собственнические инстинкты, кажется, совершенно их ослепили», — сетовал на британских политиков английский военный обозреватель Лиддел Гарт, также отмечавший, что из-за попустительства фашистской активности германские и итальянские фашисты могли на протяжении предвоенных лет «без всяких помех» [2] действовать в районе Средиземного моря.

Так же обстояло дело и в подмандатных Франции странах Леванта. Колониальная администрация в Сирии и Ливане почти сплошь состояла из лиц, связанных с фашистским движением в самой Франции и позднее переметнувшихся к Виши. В окружении французского правителя Леванта графа де Мартеля, в прошлом активного участника интервенции против Советской России, было много платных немецких агентов [3]. Вице-председатель комиссии по иностранным делам французского парламента Габриэль Пери отмечал, что германские и итальянские агенты встречали снисходительное отношение и поддержку со стороны французской администрации в Сирии и Ливане [4].

Политическая стратегия английских и французских империалистов на Ближнем и Среднем Востоке была подчинена задачам изоляции Советского Союза. В Турции, Иране и Афганистане английские и французские дипломатические представители занимались подрывной деятельностью против Советского Союза. Английские и французские власти в арабских странах всячески препятствовали стремлению арабских народов к установлению прямых отношений с СССР. Французские власти закрыли советское торговое бюро в Бейруте. По английской указке из Палестины были высланы представители АРКОСа и «Руссотюрка», а из Египта — представители советских внешнеторговых организаций, занимавшихся закупкой хлопка непосредственно у египетских экспортных фирм, что нанесло существенный удар по интересам египетской внешней торговли, так как египетский хлопок после этого направлялся в СССР через Ливерпуль. Египетские деловые круги требовали в 1936—1937 гг. установления торговых и дипломатических отношений Египта с Советским Союзом. Вопрос этот поднимался, в частности, Александрийской торговой палатой и комиссией по торговым делам египетского сената. «Если бы у нас установились нормальные торговые отношения с Россией, то от этого мы имели бы большую выгоду», — заявил в печати один из крупнейших египетских капиталистов, Асад Басили-паша [5]. Но эти разумные и обоснованные требования египетских деловых кругов были отвергнуты под давлением англичан. «Разве в наших интересах содействовать развитию торговли СССР на Востоке», — заявил английский советник египетского министерства внутренних дел Кин Бойд. Англо-египетская полиция создавала многочисленные и противоречащие элементарным нормам международного права и статусу канала препятствия при проходе советских судов по Суэцкому каналу, мешала снабжению кораблей водой, топливом и продовольствием, запрещала командам сходить на берег.

---

[1] «Asia», 1939, № 7, p. 419.
[2] *Liddel Hart.* Europe in Arms. London, 1936, p. 110.
[3] См. *В. Луцкий.* Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке. Ташкент, 1943, стр. 46.
[4] «L'Humanité», 10. V. 1937.
[5] «Аль Мокаттам», 18. VI. 1937.

Англо-французские империалисты намеревались использовать свои военные базы в странах Леванта, в Палестине, Ираке и Египте для нанесения удара по южным районам Советского Союза. Англо-французские дипломаты обрабатывали турецких, иранских и афганских представителей, чтобы втянуть эти страны в свои антисоветские комбинации. Турецкий дипломат Якуб Кадри Караосманоглу рассказывал в своих мемуарах о том, как его знакомый французский посол «при каждой встрече твердил» ему о необходимости «готовиться ко второму крымскому походу» [1].

Борьба империалистов на Ближнем и Среднем Востоке, их военные приготовления создали в этом районе к середине 30-х годов обстановку тревоги и напряженности. Агрессия итальянского фашизма против Эфиопии приблизила мировую войну к границам арабского мира. А когда Италия перевооружила свои военные базы на Додеканезских островах, в непосредственной близости от юго-западного побережья Турции, стала проявлять подозрительный интерес к Сирии и Киликии, а затем в апреле 1939 г. захватила Албанию, народы Ближнего и Среднего Востока ощутили реальную угрозу войны.

Дипломатические акции Великобритании на Ближнем Востоке

К концу 20-х годов английской дипломатии удалось несколько стабилизировать позиции британского империализма в Ираке и в районе Персидского залива. Подписанный 30 июня 1930 г. в Лондоне Гемфрисом и Нури Саидом англо-иракский договор о дружбе и союзе по существу сохранял британское господство над Ираком. Договор вступал в силу с 1932 г., когда Ирак был принят в члены Лиги наций, и предусматривал «вечный мир между сторонами, тесный союз, сердечные взаимопожелания, добрые отношения и откровенную консультацию по всем вопросам внешней политики». Но вот как выглядели на деле эти «сердечные отношения». По условиям договора Англии «разрешалось» иметь в Ираке две базы военно-воздушных сил и держать на них свои войска, за которыми сохранялась свобода передвижения по всей иракской территории. Иракская армия оставалась под контролем британской военной миссии, офицеры могли обучаться за границей только в Англии, а иракское правительство могло приглашать к себе на службу из числа иностранцев только британских чиновников. К договору прилагались ноты о том, что британский посол в Багдаде будет пользоваться старшинством перед всеми дипломатическими представителями в Ираке.

11 февраля 1934 г. в столице Йемена — Санаа после почти пятнадцатилетних англо-йеменских переговоров, во время которых английская сторона не раз «подкрепляла» свои аргументы массированными воздушными бомбардировками йеменских городов и спровоцировала конфликт между Саудовской Аравией и Йеменом, был подписан англо-йеменский договор о дружбе и взаимном сотрудничестве. В том же году был продлен так называемый Джиддинский договор о дружбе и добрых намерениях, заключенный Англией с Ибн Саудом в 1927 г. Одновременно английская дипломатия пыталась сколотить нечто вроде союза или арабской федерации под своим верховенством. В этих целях она стремилась примирить враждовавшие династии хашимитов и саудитов. В феврале 1930 г. в Персидском заливе на борту английского крейсера «Неарк» в присутствии британского верховного комиссара в Ираке Гемфриса состоялась примирительная встреча Ибн Сауда с королем Ирака Фейсалом I, которая закончилась подписанием ирако-неджского протокола о прекращении враждебных действий между этими двумя странами, взаимном признании и обмене дипломатическими представителями. Обе стороны решили создать смешанную пограничную комиссию для урегули-

[1] *Я. К. Караосманоглу.* Дипломат поневоле. Стамбул, 1955, стр. 149 (на турец. яз.).

рования пограничных конфликтов и передавать разногласия на английский арбитраж.

Характерно, что эти или подобные акции британской дипломатии на Арабском Востоке нередко осуществлялись офицерами британской разведки. Имена генерала Клейтона, подполковников Гемфриса, Джекоба, О'Рилли стоят на соглашениях, заключенных Англией с арабскими странами. Уже после второй мировой войны, оценивая деятельность генерала Клейтона, лондонская газета «Трибюн» писала, что Клейтон «является основной фигурой Англии на Ближнем Востоке; он делает политику для Бевина и лейбористского правительства так же, как он делал ее для Чемберлена и консерваторов» [1]. Британские интересы в арабском мире представляли и такие авантюристы, как командир Арабского легиона в Трансиордании Джон Глабб-паша. Как признавал Абдалла Джон Филби — личный советник короля Ибн Сауда, арабы не доверяли английской политике, видели в ней угрозу своей независимости и жизненным интересам.

Использование разведывательного аппарата и агентуры из числа местных политиканов было отличительной чертой английской дипломатии на Востоке. Одной из наиболее зловещих фигур был, например, иракский государственный деятель и дипломат Нури Саид-паша, неоднократно занимавший пост премьер-министра и министра иностранных дел. Уже в годы первой мировой войны он выполнял поручения английской разведки. Осуществляя политические планы британского империализма, Нури Саид подготовил и подписал от имени Ирака англо-иракский договор 1930 г., а в 1931 г. выступил как инициатор панарабской федерации под эгидой Лондона. В апреле 1931 г. Нури Саид подписал с сыном Ибн Сауда эмиром Фейсалом договор о дружбе и добрососедских отношениях. Ибн Сауд, однако, отклонил предложение Нури Саида объединить оба государства в арабскую федерацию и лишь в общей форме в этом договоре было заявлено о желании сторон «сплотить всю арабскую нацию». В 1935 г. Нури вел переговоры с Ираном об ирано-иракской границе и в 1936 г. подписал ирако-саудовский договор о дружбе. В 1936—1939 гг. Нури Саид выполнял функции «посредника» между Высшим арабским комитетом Палестины и Англией, склоняя арабских палестинских лидеров к принятию английских условий и плана раздела Палестины. Морис Петерсон, бывший в конце 30-х годов британским послом в Ираке, вспоминает в своих мемуарах о Нури Саиде как о «преданном и искреннем приверженце связей с Англией» и, между прочим, рассказывает о том, что Нури Саид снабжал его личной конспиративной информацией о положении в Ираке, даже когда находился вне этой страны [2].

Борьба арабских народов за независимость

Накануне второй мировой войны империалисты еще оставались хозяевами положения на Арабском Востоке, но устои их колониального господства уже были основательно поколеблены бурями национально-освободительных движений первого послевоенного десятилетия. Победа кемалистской революции в Турции, восстания в Египте и Ираке, мужественная борьба народов Сирии и Палестины против навязанных им мандатных режимов оставили глубокий след в настроениях народных масс. Продолжалась борьба народа Ливии против итало-фашистской оккупации.

Мировой экономический кризис начала 30-х годов и в этом районе мира обострил противоречия между метрополиями и колониями, углубил трещины в самом основании британской и французской колониальных империй на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

[1] См. «Красная звезда», 11 февраля 1949 г.
[2] *M. Peterson.* Both sides of the Curtain. London, 1950, p. 142, 141.

В ноябре — декабре 1935 г. Египет был охвачен всенародной борьбой против британского колониального господства. В январе — феврале 1936 г. волна антифранцузских выступлений прокатилась по Сирии и Ливану. В апреле 1936 г. началось восстание арабского населения Палестины. В октябре 1936 г. националистически настроенные офицеры совершили в Ираке переворот против проанглийского правительства. Необходимо также упомянуть антиколониальные выступления в Марокко (ноябрь 1936 г.), в Алжире и Тунисе (конец 1936 г. — начало 1937 г.).

Национально-освободительное антиимпериалистическое движение арабских народов в середине 30-х годов оказало большое влияние на международные отношения в этом районе. Оно повлияло и на дипломатию империалистических держав, вынудив их к перемене тактики и ряду уступок арабским народам.

Антиимпериалистическое движение в Сирии, Палестине, Египте и в странах Магриба выдвигало на первый план идею арабского единства как действенного оружия в борьбе арабов за свое национальное освобождение. Под давлением общеарабского народного освободительного движения правительства некоторых арабских стран заключили между собой ряд договоров и соглашений, укреплявших связи между ними.

2 апреля 1936 г. в Багдаде был подписан договор о дружбе и арабском братстве между Ираком и Саудовской Аравией, открытый для любой другой арабской страны. 20 апреля 1937 г. к этому договору присоединился Йемен. В ноябре 1936 г. было заключено саудовско-египетское соглашение, положившее конец десятилетнему спору между этими странами и оформившее их взаимное дипломатическое признание. В мае 1937 г. был подписан ирако-сирийский договор о добрососедстве. Устанавливался обмен дипломатическими и консульскими представителями между арабскими странами, что ломало те преграды, которые были установлены между ними колонизаторами. Англичане и французы не были заинтересованы в установлении прямых контактов между арабскими государствами. Находившейся в вассальном подчинении у англичан Трансиордании было разрешено иметь своих консульских представителей в соседних арабских странах лишь в 1934 г., через 12 лет после того, как над ней был установлен английский мандат.

Форин-оффис пытался использовать стремление арабских народов к единству, для того чтобы сколотить послушный Лондону реакционный панарабский союз монархов и таким образом изменить характер и содержание национально-освободительной борьбы в этом районе.

Англо-египетский договор 1936 г. и борьба народных масс Египта за независимость

Борьба за господство над кратчайшими морскими и воздушными путями из Европы на Дальний Восток и в Африку особенно обострилась после японской интервенции в Китае и вторжения фашистской Италии в Эфиопию. Над имперскими коммуникациями Великобритании нависала новая угроза. Морское могущество Англии на Средиземном море было поколеблено итальянцами, а на Дальнем Востоке британские имперские позиции расшатывались под натиском японского империализма, уже приступившего к созданию «сферы великого азиатского процветания». Новая международная обстановка требовала от британской дипломатии позаботиться об укреплении британских позиций в Египте — в самом центре, или, как тогда говорили, в солнечном сплетении имперских коммуникаций.

Как уже говорилось, Египет, хотя и получил в 1922 г. фиктивную «независимость», но продолжал оставаться под английской военной оккупацией; руководство египетской внешней политикой фактически принадлежало британскому верховному комиссару в Каире; «отношения особого порядка» между Англией и Египтом, определенные

во времена Керзона и Алленби, оставляли «в исключительной компетенции английского правительства» право военной оккупации всей страны, охрану путей сообщения Великобритании на территории Египта, «защиту интересов иностранцев и национальных меньшинств» и т. д. Что касается Судана, то он еще в конце XIX в. был превращен в британский заповедник. «Новое положение Египта», созданное в 1922 г. Керзоном и Алленби, было, по хвастливым утверждениям английских политиков, британской «доктриной Монро для Египта».

Провозгласив отмену британского протектората над Египтом, английское правительство стремилось навязать этой стране кабальный «союзный» договор, по которому в обмен на фиктивную независимость египетский парламент легализовал бы сохранение английского колониального господства. Вопрос о таком договоре стал с тех пор главным пунктом англо-египетских отношений. С английской стороны делалось все, чтобы навязать Египту фактический британский протекторат под вывеской «тесного союза», а со стороны египетских националистов не раз выражалась готовность к подписанию с Англией союзного договора, но при условии эвакуации из Египта британских войск и «восстановления прав» Египта в Судане или «единства долины Нила».

Все представлявшиеся английской стороной проекты такого договора предусматривали «союз», который дал бы Англии право содержать на египетской территории свои войска и использовать по своему усмотрению порты, аэродромы и все средства сообщения и связи Египта. Ни один из этих проектов не ограничивал ни численности английских войск, которые после заключения договора оставались бы в Египте уже «с согласия» египетского правительства и парламента, ни районов их размещения, ни сроков их пребывания на египетской земле. Эти проекты в той или иной форме предусматривали оставление в английских руках контроля над египетской армией и внутренней политикой египетского правительства.

После того как итальянская агрессия против Эфиопии поставила под угрозу английские позиции в Египте, на Красном море и в Восточной Африке, английские власти в спешном порядке приступили к укреплению западных границ Египта. В Египет перебрасывались английские войска, оружие и боеприпасы. Началось строительство новых аэродромов, подземных хранилищ для оружия и боеприпасов, а также стратегических дорог, линий связи. Эти военные приготовления вызывали тревогу в египетском народе.

Придворная камарилья Египта симпатизировала Муссолини. Однако египтяне не желали испытывать на себе тех ужасов итальянской оккупации, которым подвергался народ соседней Ливии. Вместе с тем египетские националистические круги стремились использовать внешнеполитические трудности Англии для того, чтобы добиться от англичан уступок. В конце 1935 г. пять партий, отражавших разные течения египетского национального движения, предъявили верховному комиссару в Египте Лемпсону меморандум с предложением заключить англо-египетский договор «на основе соблюдения интересов Египта». В меморандуме указывалось, что для Египта «является существенно необходимым устранение путем заключения договора таких препятствий, как существование европейской администрации в египетском управлении, режим капитуляций, недопущение Египта в Лигу наций и запрещение Египту иметь свои вооруженные силы для своей обороны».

Это обращение египтян было встречено в штыки. В английских правящих кругах заявляли, что заключение такого договора «явилось бы безумием со стороны английского правительства». 31 декабря 1935 г. последовал официальный ответ из Лондона. В лаконичной телеграмме Идена Лемпсону сообщалось, что английское правительство находит

несвоевременным приступать к переговорам о договоре. Отказ английского правительства вызвал в Египте взрыв возмущения. Снова начались демонстрации, полиция применила оружие, были убитые и раненые. Английская дипломатия пыталась расколоть в общем-то довольно слабый фронт египетских партий. Лемпсон начал обрабатывать лидеров этих партий поодиночке, но неудачно.

После новых народных демонстраций в Египте английское правительство пошло на некоторые уступки. 20 января 1936 г. английский верховный комиссар в Каире объявил египетскому правительству и лидеру партии Вафд Нахас-паше о своей готовности начать обсуждения в целях достижения договоренности об англо-египетском соглашении. Затем английское правительство предложило начать переговоры с обсуждения военных вопросов.

13 февраля 1936 г. в Каире был опубликован королевский рескрипт о назначении под председательством Нахас-паши делегации из шести вафдистов и пяти представителей других партий и двух независимых для переговоров с английским правительством.

2 марта состоялось официальное открытие переговоров, которые с перерывом тянулись до 12 августа. 26 августа 1936 г. англо-египетский договор о союзе был подписан.

Договор предусматривал прекращение оккупации Египта английскими вооруженными силами, обмен дипломатическими представителями между Англией и Египтом на уровне послов, обещание англичан поддержать просьбу Египта о приеме его в Лигу наций и установление между Англией и Египтом союзных отношений. Англии разрешалось держать в районе Суэцкого канала 10 тыс. своих войск и авиацию, причем по истечении 20-летнего периода предполагалось начать англо-египетские переговоры для обсуждения вопроса о том, «не является ли далее необходимым присутствие британских сил» в зоне Суэцкого канала и может ли египетская армия «обеспечить своими собственными средствами свободу и полную безопасность навигации по каналу».

Договор обеспечивал Англии выгодные в финансовом отношении условия размещения ее войск на египетской территории. Египетское правительство обязывалось на свои средства построить стратегические дороги, поддерживать ряд аэродромов для обеспечения британских нужд, оплатить $^4/_5$ стоимости строительства казарм для английских войск в зоне Суэцкого канала. В Египет «приглашалась» английская военная миссия, а британским военным властям предоставлялось право «на посылку партии офицеров в штатской одежде в Западную Пустыню для изучения местности и составления тактических планов».

Особое значение имела ст. 11 договора, по которой восстанавливался режим кондоминиума в Судане, отмененный в одностороннем порядке английским правительством в 1925 г. При этом сохранялся порядок назначения английского генерал-губернатора в Судане.

Английское правительство признавало в этом договоре, что существующий в Египте режим оккупации «не находится более в соответствии с духом времени и с настоящим положением Египта», и отказывалось от своих претензий «на защиту иностранцев в Египте».

Заключение англо-египетского договора не вызвало у египетского народа никакого энтузиазма. Как отмечалось английскими наблюдателями, такое «безразличное отношение... удивило даже тех, кто считал, что хорошо понимает темперамент египтян» [1]. Однако удивляться было нечему. Как заявил впоследствии на заседании египетского парламента один из тех, кто подписал англо-египетский договор, — Нокраши-паша,

---

[1] «Great Britain and the East», 3. IX. 1936, p. 332.

этот договор «никогда не соответствовал национальным чаяниям египтян» [1].

Даже в английском парламенте отмечались явно неравноправный дух этого договора и лицемерие тех, кто называл его договором о союзе. Английские консерваторы не считали нужным скрывать, что переименование британского верховного комиссара в Каире в посла не внесет существенных изменений в его положение до тех пор, пока Египет будет оставаться под английской оккупацией. При ратификации англо-египетского договора в палате общин говорили о том, что будущий британский посол в Египте должен быть деятелем типа британских губернаторов в индийских провинциях.

«Через двадцать лет мы, англичане, будем судьями последней инстанции при решении вопроса о способности египетской армии защищать свою территорию» [2], — пророчествовал в палате общин при ратификации договора депутат Сэндис. Г-н Сэндис продолжал заседать в палате общин, когда двадцать лет спустя, в 1956 г., египетский народ, истинный судья последней инстанции, вынес приговор об окончательной и бесповоротной ликвидации английского господства на своей земле.

Борьба сирийского народа за независимость. Франко-сирийский договор 1936 г.

Заключение в 1932 г. англо-иракского договора повлияло на положение в Сирии. Каким бы ограниченным и неравноправным ни был этот договор, он обеспечивал вступление Ирака в Лигу наций и предоставлял иракской правящей верхушке определенные привилегии, о которых в условиях мандатного режима соответствующие сирийские круги могли только мечтать.

Обстановка в стране накалилась до такой степени, что даже верховный комиссар Франции в Леванте де Мартель рекомендовал своему правительству пойти на уступки. Французское правительство согласилось, и 16 ноября 1933 г. де Мартель и премьер-министр Сирии Хакки эль-Азм подписали в Дамаске договор, по которому французское правительство признавало «независимость» Сирийской Республики. Однако договор содержал такие оговорки, что, по существу, менялась только вывеска, а Сирия по-прежнему оставалась под французским господством.

Вопреки надеждам де Мартеля, этот договор еще более осложнил положение в Сирии. Посыпались многочисленные протесты, начались бурные демонстрации. Когда стало ясным, что сирийский парламент откажется ратифицировать договор, де Мартель, не дожидаясь окончания дебатов, распустил его и, взяв договор назад, заявил, что в Сирии восстанавливается status quo, т. е. французское мандатное управление.

Однако вернуться к старому было уже невозможно. Обстановка на Ближнем Востоке складывалась все более неблагоприятно для колониальных держав. Росли силы национально-освободительного движения и в самой Сирии. В начале 1936 г. Сирию охватила всеобщая политическая забастовка, продолжавшаяся 6 недель. Де Мартель оказался вынужденным возобновить переговоры с сирийскими националистами и 1 марта 1936 г. подписал с ними в Бейруте соглашение, предусматривавшее начало франко-сирийских переговоров о новом договоре.

Это соглашение включало следующие пункты:

1. Сирийская делегация немедленно выезжает в Париж для заключения франко-сирийского договора;

2. Новый франко-сирийский договор обеспечит Сирии не меньше прав, чем англо-иракский договор Ираку;

---

[1] «Аль Ахрам», 11. VIII. 1945.
[2] «Parliamentary Debates...», vol. 318, № 16, col. 293, 326.

3. Франция не возражает против единства Сирии при условии соблюдения прав меньшинств;

4. Прекращается забастовка, объявляется амнистия, восстанавливаются конституция и парламентская жизнь.

Франко-сирийские переговоры начались в Париже 31 марта и продолжались до сентября. Проект согласованного договора устанавливал трехлетний переходный срок для отмены мандата и вступления Сирии в Лигу наций (вместо четырехлетнего по договору 1933 г.). Джебель-Друз и Латакия (так называемая область алауитов) воссоединялись с Сирией. Франция отказывалась от своих претензий на управление «общими экономическими интересами» Сирии и Ливана (таможня, связь, валюта), от претензий на «гарантию» прав этнических и религиозных меньшинств в Сирии, от требования выплаты Сирией оккупационных и прочих расходов французских властей за период мандата. Сроки и районы оккупации ограничивались, но на неопределенное время за Францией сохранялись две военно-воздушные базы, право использования сирийской территории для передвижения французских войск. Сирийская армия оставалась под руководством французской «учебной миссии».

В Джебель-Друзе и Латакии на пятилетний срок оставались французские войска. Договор содержал положения о гарантиях интересов французских концессионеров в Сирии.

22 декабря 1936 г. франко-сирийский договор был подписан и 27 декабря единогласно ратифицирован сирийским парламентом. Однако правительство Франции под давлением реакционных кругов затянуло ратификацию, а в январе 1939 г. официально заявило о своем отказе от этого договора.

Положение в Ливане, по признанию французской колониальной администрации, существенным образом отличалось от положения в Сирии.

Старинные, восходившие к середине XVII в. франко-ливанские связи, влияние католицизма, искусно подогревавшиеся распри между населяющими эту страну многочисленными религиозными общинами и в общем профранцузские тенденции влиятельной маронитской верхушки — все это принималось французами во внимание и не было случайностью, что резиденция французского верховного комиссара в странах Леванта находилась в Бейруте.

Однако и здесь дух времени давал себя знать. Колониальной администрации не раз приходилось «приостанавливать» действие той весьма куцей конституции, которая была разработана для Ливана в Париже, смещать министров и президентов. В 1932—1933 гг. парламентская жизнь в Ливане была прервана и лишь в январе 1934 г. французы разрешили вновь собраться ливанскому парламенту, который, по оценке одного современника, «скорее походил на закрытый клуб для нотаблей, чем на представительное учреждение»: он состоял всего из 25 депутатов, в числе которых 7 были назначены французским верховным комиссаром.

В январе 1936 г. ливанский парламент избрал нового президента республики — Эмиля Эдде, известного своей профранцузской ориентацией. Как стало позже известно, неожиданную помощь в избрании Эдде, которому при первом туре голосования не хватило одного голоса, принесли англичане, давшие команду одному из «своих людей» в ливанском парламенте голосовать за Эдде против лидера партии «Конституционный блок» шейха Бешара эль-Хури.

Не желая отставать от своих сирийских соседей, ливанский парламент потребовал от французских властей начать переговоры о заключении франко-ливанского договора. В октябре 1936 г. начались двусто-

ронние переговоры, закончившиеся подписанием 13 ноября договора, который был четыре дня спустя ратифицирован ливанским парламентом. Договор предусматривал прекращение в принципе мандатного режима, вступление Ливана через 3 года в Лигу наций в качестве суверенного государства. Вместе с тем договор предусматривал сохранение французских войск на ливанской территории и французский контроль над аэродромами и морскими базами, а также над ливанскими финансами, над ведомством иностранных дел и органами безопасности.

Но и эти выгодные условия оказались недостаточными для французских империалистов. Договор не был ратифицирован французским парламентом и не вступил в силу.

Борьба народа Палестины за независимость. Лондонская конференция «круглого стола»

Накануне войны обострились противоречия колониальных держав по палестинскому вопросу и усилилась борьба арабского населения Палестины за независимость. Создавая «еврейский национальный очаг» в Палестине, английское правительство имело в виду получить для себя новую опору в этом районе против развивающегося национально-освободительного движения и воздвигнуть сионистскую стену между арабами Египта и арабами Ирака. В самой Палестине английская колониальная политика в годы после первой мировой войны была направлена на организацию столкновений между арабами и еврейскими иммигрантами, на разжигание шовинистической вражды. Британские колониальные власти поощряли еврейскую иммиграцию в Палестину и захват сионистскими организациями земель, принадлежавших арабским крестьянам. С 84 тыс. в 1922 г. еврейское население Палестины увеличилось к 1937 г. до 460 тыс. человек [1]. В 1916 г. евреям-иммигрантам принадлежало 42,1 тыс. *га* пахотной земли, в 1927 г. — 90,3 тыс., а в 1936 г. — 139,4 тыс. *га* лучших земель.

Колониальные власти предоставляли сионистским организациям значительные привилегии и назначали их представителей на командные посты в местной администрации. В свою очередь сионистские лидеры поддерживали колониалистские устремления британского империализма. Лидер экстремистского крыла сионизма — так называемых ревизионистов — Владимир Жаботинский был в числе наиболее ярых приверженцев плана превращения Палестины в британский доминион [2].

На палестинском вопросе спекулировала не только британская дипломатия, но и США, использовавшие сионистские организации для укрепления своих позиций на «святой земле». Даже гитлеровцы, преследуя евреев в Германии и временно захваченных странах Европы, зарабатывали на еврейской эмиграции в Палестину и заключали по этому вопросу сделки с Еврейским агентством и другими сионистскими организациями на весьма выгодных для третьего рейха финансовых условиях. Дело приняло такой оборот, что германский генеральный консул в Иерусалиме был вынужден в середине 1937 г. докладывать в Берлин, что «поощрение эмиграции германских евреев в Палестину подрывает в местных арабских кругах симпатии к Германии» [3].

Народные арабские восстания против английского господства и за независимость Палестины в 1929 и 1933 гг. были жестоко подавлены, но в 1936 г. началось новое восстание, получившее поддержку во всех арабских странах. Английское правительство было вынуждено прибегнуть к маневрам. В Палестину была направлена специальная королевская комиссия под председательством лорда Пила, которой было поручено «обследовать положение в стране и представить рекомендации». Комис-

---

[1] По данным французского географа П. Гуру, в 1882 г. в Палестине проживало всего 24 тыс. евреев.

[2] *Eliahu Ben-Horin.* The Middle East. Crossroads of History. N. Y., 1943, p. 120.

[3] DGFP, Series D, vol. V, p. 742.

сия пробыла в Палестине с 15 ноября 1936 г. по 15 января 1937 г. и по возвращении в Лондон опубликовала в июле 1937 г. свой доклад, ставший известным как «проект Пила».

«Проект Пила» вызвал протесты и возмущение как в арабских, так и в еврейских кругах Палестины. Он предусматривал сохранение английского колониального господства над Палестиной и предлагал разделить эту страну на множество микроскопических территорий с различным международным статусом, но по существу на три зоны — английскую, арабскую и еврейскую. Королевская комиссия, в частности, предложила, чтобы Иерусалим, Вифлеем, а также эвентуально Назарет и Галилея оставались под постоянным британским мандатным управлением. Как заявил лидер английских либералов Сэмюэль, «проект Пила» имел в виду создать «Саар, Польский коридор, полдюжины Данцигов и Мемелей на территории размером в Уэльс». План королевской комиссии встретил возражения и со стороны ряда европейских государств, стремившихся укрепить свои позиции на Ближнем Востоке за счет Англии. Возражал также и Ватикан, дипломатические представители которого высказывались за выделение так называемых «святых мест» Палестины в автономную единицу, управляемую не светской, а духовной властью [1]. К тому же комиссия предлагала «обмен населением», что означало бы насильственное переселение около 250 тыс. арабов в Трансиорданию.

Чтобы отвлечь внимание арабской общественности от этого плана, англичане параллельно выдвинули еще один проект, якобы исходящий из арабских источников. В июне 1937 г. печать обошло сообщение о том, что глава регентского совета Египта принц Мохаммед Али обратился к английскому правительству с письмом, в котором предлагал объединить Палестину и Сирию в одно государство («вернуть Сирии Палестину») в целях создания арабской конфедерации. Форин-оффис заявил, что предложение Мохаммеда Али «будет тщательным образом изучено», а проанглийская ближневосточная печать подняла вокруг него шумиху. Однако проект Мохаммеда Али явно не устраивал французскую сторону, увидевшую в нем очередной трюк британской игры, направленной на ослабление французской позиции в Сирии. Парижская «Тан» поспешила заявить, что «момент не благоприятствует созданию подобной конфедерации, тем более что все арабские страны поглощены вопросами внутреннего строительства».

Арабское восстание возобновилось. Английское правительство в апреле 1938 г. после многих кровопролитных столкновений с арабами направило в Палестину комиссию экспертов во главе с Вудхедом для проведения в жизнь планов колонизаторов.

Состоявшийся в октябре 1938 г. в Каире конгресс арабских парламентов резко осудил и «проект Пила» и деятельность комиссии Вудхеда. Английское правительство оказалось вынужденным заявить, что мандат на Палестину «пережил себя», что все планы раздела Палестины неосуществимы, и объявило о своем решении передать палестинский вопрос на обсуждение конференции «круглого стола» в Лондоне. На конференцию собрались лидеры арабских политических партий Палестины и делегаты арабских государств: Египта, Саудовской Аравии, Йемена, Трансиордании. Прибыли также представители Еврейского агентства, но арабские делегаты отказались сесть с ними за один стол и признать их полномочия, что по существу предопределило исход конференции. Английское правительство предприняло попытку вести переговоры порознь с арабами и евреями и предложило план решения палестинского вопроса, по которому в случае достижения соглашения английский мандат на Палестину сохранялся бы еще на десятилетний «переходный»

[1] *Eliahu Ben-Horin.* The Middle East. Crossroads of History, p. 236.

период, после чего могло быть образовано «независимое» арабско-еврейское палестинское государство с фактическим сохранением над ним британского контроля. Английский проект предусматривал также сохранение за Англией права держать на территории Палестины свои войска и военные базы.

Арабы отвергли этот план, требуя немедленного предоставления Палестине независимости. Делегаты Еврейского агентства отклонили план, возражая против образования арабско-еврейского государства и ограничения иммиграции евреев в Палестину. Лондонская конференция «круглого стола» закончилась ничем, что, кстати говоря, вполне устраивало английское правительство.

Турецкая дипломатия в 30-х годах

В борьбе за господство на Ближнем и Среднем Востоке империалистические державы большое значение придавали Турции.

В самой Турции на рубеже 30-х годов усиливалось влияние реакционных компрадорских кругов, тянувших страну в сторону сближения с империалистическим Западом, выступавших за развитие тесных финансово-экономических связей с монополиями Германии, Англии и США. По существу вопрос о внешнеполитическом курсе Турции был вопросом о путях развития турецкой экономики и турецкого государства. Президент Кемаль Ататюрк и группа близких к нему людей, стоявшая у руководства правящей Народно-республиканской партии, выступала за развитие национальной турецкой экономики, опирающейся на государственный сектор и использование внутренних ресурсов страны. Осуществление задачи независимого развития Турции связывалось Ататюрком и его ближайшими сотрудниками с проведением самостоятельной внешней политики, опирающейся на дружбу с Советским Союзом. Они подчеркивали, что внешнеполитическая линия правительства, основывающаяся на дружбе с Советским Союзом, имеет национальный характер. Эти «дружественные отношения, установленные в годы национально-освободительной борьбы, имеют большое значение и должны сохраняться и укрепляться», — говорил в одном из своих программных выступлений перед турецким меджлисом соратник Ататюрка премьер Иненю. Однако с течением времени все больший вес в правящих кругах Турции приобретали элементы, ориентировавшиеся на Запад и не считавшиеся с национальными интересами страны.

Стремление Ататюрка проводить независимую внешнюю политику вызывало раздражение дипломатии западных держав, опасавшихся, что его пример повлияет на позицию других стран Востока. На Турцию оказывали постоянный нажим. В начале 30-х годов ее отношения с западными державами отличались известной напряженностью. С территориальными претензиями выступала фашистская Италия, которая, несмотря на итало-турецкий договор о дружбе (1928 г.), укрепила расположенный в непосредственной близости от турецких берегов Додеканезский архипелаг и создала военную базу на острове Родос, менее чем в 20 *км* от Турции. «Пока эти укрепления существуют, Турция не может быть спокойна в отношении Италии», — говорил генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Нуман Менеменджиоглу. Еще более осложнило внешнеполитическое положение Турции усиление германской экспансии на Балканах и на Ближнем Востоке после прихода Гитлера к власти.

Под влиянием реакционных компрадорских кругов, а также в условиях больших экономических трудностей, связанных с мировым экономическим кризисом, турецкое правительство шло на расширение политических и экономических связей с империалистическими державами. В 1930 г. турецкая дипломатия сделала первый со времени урегу-

лирования мосульского вопроса заметный крен в сторону сближения с Англией. Активизировались связи Турции с Францией и особенно с Германией. В феврале 1930 г. был подписан франко-турецкий договор о дружбе и арбитраже, а в мае того же года — турецко-германский торговый договор.

Заботясь о безопасности с запада, Турция урегулировала свои отношения с Грецией. В октябре 1930 г. были заключены греко-турецкий договор о дружбе, нейтралитете и арбитраже, а также конвенция о торговле и мореплавании и протокол об отказе от соперничества в морских вооружениях. В 1933 г. в Анкаре было подписано греко-турецкое соглашение о взаимной гарантии общих границ против внешнего нападения, и в феврале следующего года Турция стала участницей Балканской Антанты. Турцией был признан захват Италией Эфиопии, а в Балканской Антанте турецкая дипломатия не раз поддерживала проитальянские акции королевского югославского правительства.

Турецкое правительство играло активную роль в подготовке так называемой «Ближневосточной Антанты», целью которой было создание у южных границ СССР политической группировки стран под британским влиянием. Сколачивание нового союза началось в октябре 1935 г., когда министры иностранных дел Турции, Ирана и Ирака, съехавшиеся в Женеву для участия в заседаниях Совета Лиги наций, парафировали текст пакта, и завершилось 8 июля 1937 г. в Саадабадском дворце иранского шаха в Тегеране. Одновременно был подписан протокол о создании постоянного совета Ближневосточной Антанты. Четвертым участником этого пакта, названного Саадабадским, был Афганистан. Саадабадский пакт не сыграл сколько-нибудь заметной роли в развитии международных отношений в этом районе. Уже накануне второй мировой войны участники этого блока занимали по меньшей мере различные внешнеполитические позиции, и Саадабадский пакт бесславно скончался.

И Франция и Англия пытались изолировать Турцию от Советского Союза. По свидетельству турецкого политического обозревателя и историка А. Ш. Эсмера, «англичане делали все, чтобы оторвать Турцию от СССР»[1]. Более того, в английских правительственных кругах были не прочь предоставить гитлеровской Германии «свободу рук» против СССР и в Черноморском бассейне. И в Берлине не замедлили воспользоваться этим.

Проникновение германского империализма в Турцию

Еще в годы Веймарской республики германские дипломаты использовали пронемецкие настроения в руководящих военных кругах Турции и, спекулируя на «отсутствии» у послеверсальской Германии колониальных интересов, продвинули в Турцию большое количество своих военных и других специалистов в качестве экспертов и советников. «Пусть все остальные занимаются здесь политикой, а нам оставят только экономику», — не раз говорил германский посол в Анкаре Надольный, маскируя такими заявлениями действительный характер своей деятельности. Ко времени прихода Гитлера к власти в Турции уже были готовы кадры для политического и идейного германского влияния. В апреле 1935 г., использовав экономические трудности Турции, Германия навязала турецкому правительству клиринговые соглашения, с помощью которых резко увеличила ввоз в Турцию промышленных изделий и вывоз стратегического сырья. Накануне второй мировой войны Германия контролировала больше половины внешнеторгового оборота Турции. Последней предоставлялись займы и кредиты, германские капиталы вкладывались в горнодобывающую промышлен-

---

[1] *A. S. Esmer.* Siyasî tarih (1919—1939). Ankara, 1953, s. 227.

ность страны. В 1938 г. германские займы Турции достигли 87 млн. лир, что составляло 48% ее внешнего долга. Как писала турецкая газета «Тан» («Заря»), Германия довела Турцию «до такого положения, что осуществляются все те монопольные условия, которых индустриальная держава обычно добивается от колоний... С тех пор как все наши связи с внешним миром стали низводиться к связям с одной Германией, наша страна стала терять свою экономическую независимость и превращаться в придаток Германии» [1]. Стремясь еще больше подчинить себе Турцию, Берлин шел на расширение кредитов. В 1938 г. в Анкару был направлен германский министр хозяйства Функ, пообещавший новый кредит на сумму 150 млн. марок.

Закрепощая Турцию экономически, Германия стремилась превратить ее в один из своих опорных пунктов на Востоке, сделать инструментом своей политики. Германская активность в Турции, как и в других странах Ближнего Востока, была составной частью подготовки гитлеровцами войны против СССР.

При этом и в Турции гитлеровцы широко использовали оружие антикоммунизма и спекулировали на страхе турецких правящих кругов перед ростом демократических и прогрессивных настроений турецкого народа. Посетивший в ноябре 1936 г. Турцию Шахт от имени Гитлера заверял турецких руководителей в том, что «немцы не против СССР, а против коммунизма».

Больших успехов гитлеровская дипломатия в Турции достигла после того, как главой турецкого правительства стал Джелаль Баяр, выражавший интересы компрадорских кругов страны, ярый сторонник западной ориентации турецкой внешней политики.

В июне — июле 1938 г. под предлогом ведения экономических турецко-германских переговоров в связи с аншлюсом Австрии в Берлин был направлен генеральный секретарь МИД Турции Нуман Менеменджиоглу. В доверительной беседе с германским поверенным в делах в Анкаре Менеменджиоглу подчеркнул, что его миссия имеет целью подчеркнуть стремление турецкого правительства к усилению дружбы с Германией, поскольку переговоры по собственно экономическим вопросам могли бы состояться и в Анкаре, как это обычно делалось в отношениях с другими странами [2].

Нельзя не отметить, что в турецких правящих кругах в то время проявлялось стремление противодействовать односторонней прогерманской ориентации. Тот же Менеменджиоглу, дипломатическая деятельность которого в общем заслужила похвальные отзывы гитлеровцев [3], вынужден был заявить своим берлинским собеседникам, что «некоторые круги в Турции пытаются избежать чрезмерной односторонней экономической ориентации Турции на Германию» и отклонить предложения Риббентропа о заключении договора о нейтралитете, хотя и заверял его в намерении турецкого правительства развивать особо дружественные отношения с Германией и не присоединяться к антигерманской коалиции [4].

Когда Гитлер вознамерился в 1938 г. назначить своим послом в Турцию фон Папена, то Ататюрк отклонил эту кандидатуру. Ему была хорошо известна прошлая деятельность Папена как шпиона, провокатора и диверсанта. Лишь после смерти Ататюрка фон Папен был принят как германский посол в Анкаре.

---

[1] Цит. по кн.: *А. Ф. Миллер.* Очерки новейшей истории Турции. М.—Л., 1948, стр. 186.
[2] DGFP, Series D, vol. V, № 551, p. 737—738.
[3] Franz von Papen Memoirs, London, 1952, p. 449—450.
[4] DGFP, Series D, vol. V, № 546, p. 727; № 548, p. 730—732.

Англо-германская борьба за влияние в Турции

Встревоженная стремительными темпами германского проникновения на Ближний Восток, английская дипломатия стала добиваться укрепления своего влияния в Турции. В 1936 г. Турцию с неофициальным визитом посетил английский король Эдуард VIII, которому был оказан подчеркнуто дружественный прием, что было воспринято как признак стремления турецкого правительства к развитию отношений с Англией. Это в определенной мере объяснялось страхом Турции перед угрозой итальянской агрессии.

В 1937 г. Англия предоставила Турции заем в 3 млн. ф. ст. В 1938 г. Турция получила английский заем в 16 млн. ф. ст. и в турецкие города стали прибывать английские специалисты и эксперты. Стремясь подорвать экономические позиции Германии в этой стране, англичане предложили Турции во время строительства Карабюкского металлургического комбината оборудование, которое было на 30% дешевле немецкого. В прениях в палате общин при обсуждении вопроса о втором кредите Турции говорилось, что соглашение о кредите продиктовано англо-германским соперничеством и имеет целью в случае войны обеспечить участие Турции на стороне Англии в качестве союзника на Средиземном море.

Английские усилия приносили известные результаты. К сближению с Англией Турцию толкало стремление перестраховаться на случай нападения со стороны Италии. 13 мая 1939 г., через пять недель после итальянского вторжения в Албанию, в Анкаре была подписана англо-турецкая декларация о сотрудничестве и взаимной помощи в случае агрессии в районе Средиземного моря и взаимных консультациях по обеспечению безопасности на Балканах.

В июле 1939 г. генеральный секретарь турецкого МИД Менеменджиоглу заявил Папену, что «на Средиземном море Турция в любом конфликте автоматически займет место на стороне Великобритании». Правда, при этом он заверил Папена, что на Балканах турецкая сфера интересов не связана с ее обязательствами по Балканскому пакту [1].

Одновременно турецкая правящая верхушка продолжала активно сотрудничать с Германией. Берлин посетила специальная турецкая делегация, в составе которой был заместитель начальника генштаба Турции. Делались и другие дружественные жесты в сторону Германии. Англо-германская борьба за влияние в Турции все более обострялась.

Александреттский вопрос

Усиление германской активности на Балканах и Ближнем Востоке и определенное сближение Турции с Англией шли параллельно с ослаблением позиций Франции в этом районе, что не могло не учитывать турецкое правительство, считавшее себя обойденным при разрешении с Францией вопроса о южных границах Турции. Когда в сентябре 1936 г. был парафирован франко-сирийский договор, в турецкой печати началась резкая антифранцузская кампания, во время которой Францию обвиняли в нарушении принятых обязательств в отношении так называемого Александреттского санджака — небольшого района площадью в 5,5 тыс. *кв. км* со смешанным арабо-турецко-армянским населением. Этот район на побережье Искендерунского залива Средиземного моря, оккупированный англичанами в 1918 г., уже после Мудросского перемирия, был затем ими вместе с Киликией передан французам. По договору Франклен-Буйона в 1921 г. Александреттский санджак остался под французским управлением, но при условии образования в нем «специального административного режима». Эти условия были затем подтверждены Лозаннским договором 1923 г. и франко-турецким договором 1926 г., а с 1929 г. в санджаке была введена

[1] DGFP, Series D, vol. VI, p. 846.

финансовая и административная автономия под французским управлением. На протяжении 15 лет, с 1921 по 1936 г., Турция не возвращалась к этому вопросу, хотя население санджака несколько раз восставало против французских колониальных властей.

9 октября 1936 г. турецкое правительство обратилось к Франции с нотой, в которой потребовало предоставления Александреттскому санджаку такого же статуса, который был обещан Сирии и Ливану. В Анкаре не скрывали, что конечной целью этих требований являлось включение санджака в состав Турции. Выступая 1 ноября 1936 г. на открытии турецкого парламента, Кемаль Ататюрк заявил: «Главный большой вопрос, который в настоящее время занимает нашу нацию, — это судьба Искендеруна, где настоящим хозяином являются истинные турки, Антакья и ее долина. На этом мы должны серьезно и решительно стоять...»

Ответная французская нота отклоняла турецкие требования. Нотная переписка продолжалась до тех пор, пока Франция не предложила передать спор в Лигу наций. Тем временем в санджаке начались волнения, произошли стычки части турецкого населения с полицией. Несмотря на посылку международной комиссии наблюдателей, положение обострялось, причем в Турции росли требования любой ценой добиться «воссоединения санджака». В Берлине и Риме были явно довольны обострением франко-турецких отношений и тем, что внимание турецкого общественного мнения отвлечено от других проблем. Форин-оффис не прочь был подтолкнуть Турцию к решительным действиям, стремясь использовать трудное положение Франции для того, чтобы еще более ослабить ее влияние в странах Леванта. При этом английская дипломатия воспользовалась спором из-за Александреттского санджака для разжигания в арабских странах антитурецких настроений и инспирации выступлений печати этих стран против политики Турции на Ближнем Востоке и в районе Средиземноморья.

В январе 1937 г. Совет Лиги наций выработал новый статут Александреттского санджака. Санджак признавался «самостоятельной единицей», обладающей независимостью во внутренних делах и объединенной в таможенном и валютном отношении с Сирией, на которую возлагалось также осуществление внешних сношений санджака. Применение этого статута должно было осуществляться под контролем Лиги наций. Санджак должен был быть демилитаризован, а его территориальная целостность гарантирована Турцией и Францией.

29 мая 1937 г. Совет Лиги наций утвердил конституцию и статут Александреттского санджака. Одновременно в Женеве были подписаны франко-турецкие соглашения о санджаке, ратифицированные затем Великим национальным собранием Турции. Турецкий премьер заявил, что «эта проблема нашла благополучное разрешение». Однако положение в районе Александретты вскоре стало еще более напряженным. В связи с проведением выборов в парламент санджака турецкое правительство обвинило французские власти и наблюдателей Лиги наций в «ущемлении прав» турецкого населения санджака, а руководители местной турецкой общины отказались от участия в выборах. С французской и сирийской стороны последовали ответные обвинения турок в нападениях на другие национальные общины и в подстрекательстве к беспорядкам. Французские колониальные власти действовали так, как будто их целью было еще более углубить конфликт, а комиссия Лиги наций ограничивалась «наблюдением». Весной 1938 г. в санджаке началась вооруженная борьба между турками и арабами.

На исход дела решающее влияние оказали события в Европе, особенно захват Австрии гитлеровской Германией. В этой напряженной обстановке Франция почувствовала необходимость договориться с Турцией и согласилась на ввод в санджак турецких войск.

5 июля 1938 г. турецкие войска вступили в санджак. Парламент санджака провозгласил создание нового государства под названием «Хатай», избрал президентом депутата турецкого меджлиса и образовал состоявшее исключительно из турок правительство.

Стремление Турции к приобретению Александреттского санджака было использовано англо-французской дипломатией как одно из средств нажима на турецкое правительство, чтобы побудить его к активному сотрудничеству с Англией и Францией. Санджак был обещан Турции как плата за ее участие в англо-французском военно-политическом блоке, и 23 июня 1939 г. одновременно с подписанием в Париже франко-турецкой декларации о взаимной помощи (идентичной с англо-турецкой декларацией по этому же вопросу) в Анкаре было подписано соглашение о передаче Турции Хатая (Александреттского санджака), который превратился в один из вилайетов страны. Сирийское правительство отказалось признать переход Александреттского санджака к Турции.

Состояние советско-турецких отношений накануне войны

В первой половине 30-х годов отношения между Турцией и СССР отличались духом дружбы и добрососедства. Был установлен деловой личный контакт между руководителями Наркоминдела СССР и турецкого МИД, основывавшийся на Одесском соглашении между Г. В. Чичериным и Тефиком Рюштю Арасом о постоянном и тесном контакте между советским и турецким правительствами и взаимном обмене информацией.

В октябре 1931 г. Турцию посетил народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов, а в апреле — мае 1932 г. в Москве принимали турецкую правительственную делегацию во главе с председателем совета министров Турции Исметом Иненю, состоявшую из нескольких групп: промышленной, сельскохозяйственно-кооперативной, по ознакомлению с вопросами здравоохранения и просвещения, журналистской. Каждая из этих групп получила детальную информацию по всем интересующим ее вопросам и имела возможность непосредственного ознакомления с практикой экономического и культурного строительства в СССР.

В сообщении ТАСС об укреплении советско-турецких отношений говорилось, что во время бесед Иненю и Араса с советскими руководителями «была установлена полная общность взглядов, позволившая констатировать, что политика тесного сотрудничества обеих стран в прошлом вполне себя оправдала и что складывающаяся международная обстановка, как и интересы всеобщего мира, диктует необходимость не только сохранения, но и расширения этого сотрудничества». Как указывалось в сообщении, особое внимание во время переговоров было уделено проблемам экономической и культурной связи между Турцией и СССР и было достигнуто принципиальное соглашение о мерах практического контакта. Для приобретения Турцией новейших видов оборудования советского производства Советским правительством был открыт долгосрочный кредит в размере 8 млн. долл. [1]

В октябре 1933 г. Анкару посетила с ответным визитом советская правительственная делегация.

В январе 1934 г. между СССР и Турцией было подписано кредитное соглашение. По приглашению турецкого правительства в Анкару были направлены советские эксперты, которые помогли разработать план развития текстильной промышленности, построить крупные текстильные комбинаты в Кайсери и Назилли. Национальные турецкие кадры для этих предприятий были обучены в Советском Союзе. Укреплялись также и советско-турецкие культурные связи.

---

[1] См. «Правда», 8 мая 1932 г.

7 ноября 1935 г. в Анкаре был подписан протокол о продлении на 10 лет действия советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете.

Если со стороны СССР желание развивать советско-турецкие отношения в духе дружбы и добрососедства было совершенно искренним и определялось общими принципами советской политики, то с турецкой стороны в этот период давали себя знать опасные колебания.

Усиление экономической и политической зависимости Турции от Германии и Англии не могло не сказаться на позиции Анкары в отношении Советского Союза. Отхода Турции от дружественных связей с СССР настойчиво добивалась набиравшая силу реакционная часть турецких правящих кругов. Реакционеры, среди которых было немало профашистски настроенных пантюркистов и пантуранистов, связывали свои планы с подготовкой империалистами войны против Советского Союза. Многие из пантуранистов и пантюркистов состояли на службе у иностранных разведок и выполняли их задания по организации шпионской и подрывной деятельности против Советского Союза, против развития советско-турецкого сотрудничества.

Забывая, что укрепление международного авторитета Турции в 20-х годах объяснялось также и тем, что ее поддерживал Советский Союз, Арас и некоторые другие турецкие дипломаты не раз становились на путь двойной игры. Во время конференции в Монтре Арасу уже не удалось скрыть того, что он, заявляя публично о дружбе с Советским Союзом, на деле передал тогда турецкую политику в отношении СССР под контроль Англии, что противоречило национальным интересам самой Турции. В феврале 1937 г. состоялась миланская встреча министров иностранных дел Турции и Италии, которая комментировалась в мировой прессе как недружественный акт в отношении СССР.

Разумеется, такие действия турецких дипломатов не могли не отразиться на состоянии отношений между обеими странами, подрывали в советских кругах доверие к искренности турецкого правительства.

Характеризуя внешнеполитическую линию турецкого правительства в этот период, «Правда» в редакционной статье писала: «На одном этапе с Турцией сближаются одни империалистические державы, на другом — другие. Это сближение иногда носит более длительный, иногда менее длительный характер. Имеются государства-агрессоры, готовящие новую бойню. Их «сближение» с Турцией преследует агрессивную цель как по отношению к самой Турции, так и по отношению к другим странам, для нападения на которые Турция, по мысли этих агрессоров, может быть в той или иной степени использована» [1].

Когда в конце октября 1937 г. в Турции произошла смена правительства и вместо Иненю на пост премьера пришел Джелаль Баяр, он даже не счел необходимым упомянуть в своей правительственной декларации о турецко-советских дружественных отношениях. Правительство Баяра брало курс на подчинение турецкой внешней политики интересам Запада, особенно гитлеровской Германии.

10 ноября 1938 г. скончался Кемаль Ататюрк. Президентом Турецкой республики был избран Исмет Иненю. Произошли изменения и в составе правительства: министром иностранных дел вместо Араса был назначен Шюкрю Сараджоглу, а несколько позже Баяр был заменен на посту премьера Сайдамом. Для участия в похоронах Ататюрка, к которому в советских кругах относились с большим уважением, как к руководителю национально-освободительной борьбы турецкого народа, в Анкару была направлена советская правительственная делегация.

---

[1] «Правда», 12 июля 1937 г.

Новый президент Турции просил советскую делегацию передать Советскому правительству, что он будет проводить политику укрепления дружественных отношений с СССР и что Турция никогда не окажется в одном лагере с врагами Советского Союза [1]. Аналогичные заверения давал советскому полпреду в Анкаре и Сараджоглу. Турецкое правительство информировало СССР о своих переговорах с Германией по вопросу о Конвенции о проливах, а также о переговорах с Англией относительно обеспечения безопасности и борьбы с агрессией. Турецкая сторона приняла во внимание сделанное ей заявление о том, что Советский Союз не видит необходимости ни в присоединении Германии к подписанной в Монтре Конвенции о проливах, ни в заключении двустороннего турецко-германского соглашения о проливах. Турецкое правительство ответило правительству Германии, что подписать с ним соглашение о проливах для Турции не представляется возможным [2].

Миссия Потемкина

В интересах дальнейшей борьбы за мир и безопасность в районе Балкан и Ближнего Востока Советское правительство 16 апреля 1939 г. предложило президенту Иненю организовать взаимную консультацию советских и турецких представителей, чтобы наметить возможные меры для защиты от агрессии. В тот же день Сараджоглу уведомил советского поверенного в делах в Анкаре об одобрительном отношении турецкого правительства к этому предложению и, сославшись на невозможность для себя прибыть лично в Москву, высказал пожелание о том, чтобы в Анкару приехал заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин, незадолго перед тем посетивший Турцию во главе советской правительственной делегации на похоронах Ататюрка. Сараджоглу также попросил довести до сведения Советского правительства, что со стороны Англии и Франции Турции было сделано предложение о заключении «некоторого рода союза», которое изучается турецким правительством, желающим, чтобы и Советский Союз был участником проектируемого союза [3].

28 апреля 1939 г. В. П. Потемкин прибыл в Анкару. Встречи советского представителя с Иненю и Сараджоглу показали, что турецкое правительство серьезно обеспокоено угрозой агрессии фашистской Италии на Средиземном море, а также обстановкой на Балканах. При этом оно считало, что прямое покушение на черноморские проливы было тогда «наиболее вероятным со стороны Германии». Турецкие руководители заявили, что они хотели бы заручиться определенными гарантиями и поддержкой со стороны СССР, избегая вместе с тем каких-либо шагов, способных вызвать недовольство со стороны гитлеровцев, и уклоняясь от обязательств оказывать своим эвентуальным союзникам помощь, в случае нападения на них в других местах.

Поездка Потемкина в Анкару с информационными целями имела важное значение. Она помогла противодействовать усилившимся в то время происках гитлеровцев в Турции.

В опубликованном в связи с этим визитом сообщении говорилось, что «взаимный обмен мнений установил наличие общности взглядов и стремления к укреплению дружбы между обоими государствами в интересах всеобщего мира» [4]. Однако в условиях начавшейся второй мировой войны отношение Турции к СССР резко изменилось. «Накануне второй мировой войны наши пути с Советским Союзом разошлись» [5], — отмечает турецкий историк Эсмер.

---

[1] АВП СССР, ф. 0132, оп. 22, п. 226, д. 1143, л. 44.
[2] DGFP, Series D, vol. V, №№ 535, 536, 537, 548, 550.
[3] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 21, д. 222, л. 43.
[4] «Известия», 8 мая 1939 г.
[5] «Улус», 17. V. 1965.

Англо-иранский нефтяной конфликт и заключение нового англо-иранского соглашения

27 ноября 1932 г. иранское правительство известило директорат Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК) [1] о своем решении аннулировать предоставленную в 1901 г. концессию на изыскание и добычу нефти.

По свидетельству современников, в Англии это известие произвело впечатление разорвавшейся бомбы. В Тегеране сообщение об аннулировании концессии АИНК вызвало всеобщий энтузиазм. В течение нескольких дней иранская столица была иллюминирована. Был открыт бесплатный доступ в кинотеатры. Ликующие толпы людей заполнили улицы.

Аннулирование иностранной нефтяной концессии в Иране стало событием первостепенной политической важности. Дело в том, что АИНК являлась одной из крупнейших по тому времени мировых монополий. Ее биржевой капитал в конце 20-х годов оценивался более чем в 84 млн. ф. ст. Она имела несколько десятков дочерних компаний на различных континентах земного шара и оставалась при этом чисто английским предприятием. Контрольный пакет акций АИНК принадлежал английскому правительству.

В самом Иране компания была в полном смысле государством в государстве. Сфера ее действий охватывала площадь в 1294,5 тыс. *кв. км*, т. е. почти всю территорию страны (за исключением пяти северных провинций). Весь руководящий и технический персонал состоял из англичан или иностранцев, местные жители использовались лишь в качестве чернорабочих.

Поскольку по истечении срока концессии все предприятия и имущество компании должны были перейти в собственность иранского государства, компания старалась производить минимальные затраты на территории концессии, строила предприятия, в основном вне Ирана, и перенесла центр тяжести своей работы на территории концессии, на эксплуатацию нефтескважин, на разведочное бурение и транспортирование нефти к берегу Персидского залива. В результате хищнической эксплуатации природных богатств Ирана АИНК получала огромные колониальные сверхприбыли. С 1911 по 1933 г. ею было добыто на иранских промыслах свыше 70 млн. *т* сырой нефти. Заявив о расторжении концессионного договора, иранское правительство бросило вызов сильному и не привыкшему считаться с интересами малых стран противнику, проявило изрядную политическую смелость.

Обосновывая свое решение аннулировать концессию, иранское правительство отмечало, что заключенный в 1901 г. под нажимом Англии концессионный договор противоречил интересам Ирана и что, как показывали факты, «чем больше расширялась деятельность АИНК, тем большей опасности подвергались иранские интересы». При этом, говорилось в иранском заявлении, сумма концессионных платежей иранскому правительству исчислялась компанией неправильно, а его представителям не разрешалось контролировать счета компании; несмотря на неоднократные жалобы иранского правительства, компания не вносила платежей во время войны 1914—1918 гг. и отказывалась уплачивать подоходный налог; чрезмерные расходы, производимые АИНК в других частях мира, также наносили ущерб интересам нефтяной промышленности; цена нефти в Иране была чрезмерно высокой.

Объявив, что с 27 ноября 1932 г. концессия АИНК считается недействительной, шахиншахское правительство заявило о своем стремлении «обеспечить иранские интересы соответственно взглядам иранского правительства на основе равноправия и справедливости и с необходимыми гарантиями обеспечения этих интересов».

[1] До 1935 г. компания называлась «Англо-Пэршнко».

Британское правительство расценило аннулирование концессии как покушение на свои господствующие позиции на Среднем Востоке. Директорат АИНК ответил Тегерану, что он не признает права иранского правительства на отмену концессионного соглашения, а британский посланник в Иране 2 декабря 1932 г. заявил, что правительство его величества не потерпит никакого вмешательства в дела компании со стороны иранских властей. В Персидский залив для подкрепления находившейся там группы британских военных судов был направлен крейсер «Энтерпрайз». Лондонские газеты подняли шум «о росте бандитизма» в районах расположения основных предприятий АИНК. «Правдивы ли эти сообщения или они представляют собой пропаганду, — писал лондонский корреспондент «Нью-Йорк таймс», — но они создают атмосферу, при которой в один прекрасный день «инцидент» может послужить поводом к решительным действиям Англии». В европейской печати появились сообщения о том, что английская разведка начала организовывать восстания племен на юге Ирана. Обычная в подобных случаях для капиталистической печати клевета по адресу Советского Союза была на этот раз настолько нелепой, что даже президент АИНК Джон Кадмен счел необходимым публично опровергнуть слухи о том, что иранское правительство действовало по наущению Москвы.

Защищая свои законные права, иранское правительство отвело предложение Англии о рассмотрении дела в Гаагском международном трибунале, заявив, что этот трибунал не может рассматривать конфликт между правительством и коммерческим предприятием, и обратилось в Совет Лиги наций с информацией о давлении и угрозах со стороны английского правительства.

Апеллировала к Лиге наций и Англия. 14 декабря 1932 г. британский представитель обратился к генеральному секретарю Лиги наций с телеграммой, в которой просил передать спор между правительствами Великобритании и Ирана в Совет Лиги наций согласно ст. 15 Устава Лиги. При этом если в маньчжурском конфликте Великобритания всячески тормозила применение ст. 15 Устава Лиги, то в данном вопросе она использовала эту статью, чтобы навязать ускоренную процедуру рассмотрения своей «жалобы» на Иран, что не осталось незамеченным для общественных кругов. Женевский корреспондент «Экономиста» писал, что в кругах Лиги «нас (т. е. англичан. — *Авт.*) упрекали, что мы ведем обычную империалистическую игру против маленького государства».

Обсуждение англо-иранского конфликта в Совете Лиги наций началось 26 января 1933 г. Англию представлял Джон Саймон, который не постеснялся обвинить иранское правительство «в нарушении международного права и незаконных действиях». Представитель Ирана Давер выступил с убедительным обоснованием действий своего правительства.

Совет Лиги передал спор на международный арбитраж. В феврале 1933 г. обе стороны согласились на переговоры «при сохранении в силе соответствующих юридических точек зрения». Иранское правительство дало заверение, что «во время ведения переговоров и вплоть до окончательного урегулирования работа и операции общества в Персии будут продолжаться таким же порядком, как они велись до 27.XI—1932 г.».

Переговоры между АИНК и иранским правительством велись в Тегеране с 3 по 29 апреля 1933 г., когда было заключено соглашение о предоставлении компании новой концессии. 28 мая 1933 г. оно было ратифицировано меджлисом и шахом.

Это соглашение было известным успехом Ирана. В политическом плане права компании были несколько урезаны. Соглашение распространялось не только на концессию АИНК, но и на все ее дочерние компании и подконтрольные общества, где компания участвовала своим капиталом свыше 50%. Иранское правительство добилось согласия компании на оплату налогов в размере 4 шиллингов за каждую тонну нефтепродуктов, как реализованных внутри страны, так и экспортированных, и 20% отчислений от прибылей, остающихся после выплаты гарантированного дивиденда. Все эти отчисления, вместе взятые, должны были обеспечить иранскому правительству ежегодный доход от концессии от 1 млн. до 2 млн. ф. ст., а также ряд других платежей в счет старых претензий. Компания обязалась в дальнейшем набирать квалифицированных рабочих, технический и коммерческий персонал из иранского населения, выплачивать 10 тыс. ф. ст. ежегодно на обучение иранских студентов нефтяному делу.

С другой стороны, Англо-Иранская нефтяная компания имела основания быть удовлетворенной итогами переговоров: она сумела добиться сохранения концессии, хотя площадь ее и была сокращена. Нефтяные богатства Ирана оставались в английских руках. Компания получила ряд существенных таможенных льгот, причем ее нефтяной экспорт был освобожден от каких бы то ни было платежей, за исключением государственных налогов.

Усиление германской активности в Иране

Осенью 1932 г. европейскую печать обошло сообщение из Бейрута о самоубийстве в окрестностях ливанской столицы одного из директоров иранского Национального банка, немца Фогеля. Прибывший в Ливан по подложному паспорту, Фогель разыскивался полицией по требованию иранских властей. Проведенная незадолго перед тем ревизия в Национальном банке Ирана обнаружила разительные факты злоупотреблений со стороны руководивших банком немецких «экспертов» — Фогеля и главного директора Линденблатта. Состоявшийся над Линденблаттом суд был одним из самых громких уголовных процессов, когда-либо происходивших в Иране. На суде выяснилось, что приглашенный весной 1928 г. во главе группы немецких финансовых специалистов «спасать» иранскую казну от истощения, Линденблатт на деле оказался предводителем банды мошенников, на протяжении ряда лет разворовывавших иранскую казну и прикрывавших свои действия фальшивыми бухгалтерскими записями и публикацией подложных балансовых ведомостей. При этом немецкие «эксперты» не скупились на льготные кредиты за счет Национального банка для дворцовой клики. По их совету депонированные в Лондоне государственные резервы Ирана были переданы в распоряжение Национального банка, после чего почти половина их была переведена в Германию. Возможно, именно поэтому немецкое руководство Национальным банком Ирана «было самым сильным активом в германской позиции в Персии»[1], — как писал о нем в своих мемуарах тогдашний германский посланник в Тегеране фон Блюхер.

Германское влияние в иранских правящих кругах было настолько сильным, что Линденблатт отделался небольшой отсидкой, а на пост главного директора иранского Национального банка был приглашен другой немецкий эксперт — Хоршиц-Хорст. Германский капитал уже в начале 30-х годов занимал господствующее положение в ряде важнейших отраслей иранской экономики.

Иранская реакция приветствовала приход Гитлера к власти. По свидетельству жившего в Иране американца Хааса, нацистская Герма-

---

[1] *W. von Blücher.* Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen, 1949, S. 193.

ния казалась Реза-шаху «даром, посланным небом, чтобы уменьшить его страх... перед большевизмом и распространением большевистской пропаганды в стране» [1].

Реза-шах стремился копировать гитлеровские порядки; он заявлял германскому посланнику фон Блюхеру: «Авторитарная форма правления в настоящее время является единственно возможной. В противном случае народы погрузятся в коммунизм... Прежние германские правительства не удовлетворяли обоснованные персидские желания. Из-за этого страдали германо-персидские отношения. Но нынешнее германское правительство проявило понимание Персии и персидских желаний... С тех пор как нынешнее германское правительство находится у власти, началось благоприятное развитие в персидско-германских отношениях». Кстати, самого фон Блюхера Реза-шах не относил к числу тех, кто проявлял понимание «персидских желаний». По указанию шаха иранский посланник в Берлине пожаловался Риббентропу на Блюхера, и в начале 1935 г. германским посланником в Тегеран был назначен опытный гитлеровец Ганс Сменд.

В германскую дипломатическую миссию были направлены матерые нацисты, и она стала центром разведки и пропаганды третьего рейха в Иране. В Тегеране был открыт так называемый «коричневый дом» — главный очаг распространения в Иране фашистской идеологии. На немецкие деньги в Иране была организована фашистская партия под руководством старого агента немецкой разведки Сейф Азаза. На средства фирмы «Сименс Шуккерт» с 1933 г. в Тегеране стал выходить еженедельник «Иран-е бастан» («Древний Иран»). Гитлеровцы, однако, потерпели неудачу в этом предприятии — в 1937 г. из-за отсутствия читателей фашистский листок закрылся.

Иранские власти поощряли фашистскую пропаганду и охотно приглашали в Иран всевозможных «экспертов» из гитлеровской Германии. К началу второй мировой войны в Иране находилось несколько тысяч германских «специалистов», среди которых были профессиональные шпионы, диверсанты или пропагандисты. Чтобы расположить к себе иранцев, гитлеровское правительство издало специальный декрет, по которому признавало их «чистокровными арийцами» и освобождало от действия ограничительных положений нюрнбергских расистских законов.

В конце ноября 1936 г. в Тегеран по приглашению иранского правительства прибыла германская миссия во главе с Шахтом. Шахт был принят Реза-шахом, который приветствовал его, вскидывая руку на фашистский манер. В конце 1937 г. в Иране побывал руководитель «Гитлерюгенда» Бальдур фон Ширах, которому иранское правительство оказало торжественную встречу. В ответ на визит Шахта в Германию был направлен председатель меджлиса Хасан Эсфендиари, принятый Гитлером и другими нацистскими главарями.

В 1935 г. Германия использовала валютные затруднения Ирана, чтобы заключить с ним клиринговое соглашение, которое открыло ей широкие возможности в иранской внешней торговле. В 1938—1939 гг. Германия занимала первое место во внешней торговле Ирана.

Успеху германского проникновения в иранскую внешнюю торговлю способствовала недружественная политика Ирана в отношении СССР. Иранское правительство нарушало свои обязательства по советско-иранскому торговому договору и в июне 1938 г. отказалось возобновить этот договор. В январе 1939 г. было подписано новое немецко-иранское клиринговое соглашение. В конечном счете Иран в результате осуществления этих соглашений оказался должен Германии около 32 млн. марок и был вынужден погашать большую часть этой задолженности твердой

[1] *W. S. Haas.* Iran. N. Y., 1946, p. 222—223.

валютой, а немецкие фирмы захватили в свои руки ключевые позиции в иранской экономике.

Накануне войны гитлеровцы попытались подобраться и к иранской нефти. В октябре 1938 г. под руководством немца Гранеса в Иране было создано управление по разведке нефти, туда прибыла группа немецких технических специалистов.

Укрепление независимости Афганистана и становление новой афганской дипломатии

В конце 20-х годов Афганистан пережил тяжелую и кровопролитную гражданскую войну, вызванную английским вмешательством. Правительство короля Надир-шаха, которому к концу 1929 г. удалось подавить мятежные банды реакционеров, переживало большие трудности. Страна была разорена, столицу дважды разграбили мятежники, подверглись разграблению и такие крупные города, как Джелалабад и Мазари-Шариф, в казне не было денег. Начавшийся мировой экономический кризис усугубил переживавшиеся Афганистаном трудности, так как капиталистические страны, с которыми он вел торговлю, понизили цены на афганское сырье и пытались навязать Афганистану кабальные условия при закупках необходимых ему промышленных изделий.

Только Советский Союз продолжал торговать с Афганистаном на взаимно выгодных и равноправных условиях, покупая около половины производимых в стране товаров и обеспечивая треть афганского импорта. Позиция строгого невмешательства во внутренние дела Афганистана во время происходившей там междоусобицы была высоко оценена патриотическими афганскими кругами. В общих интересах Советского Союза и Афганистана афганское правительство ликвидировало действовавшие на севере страны банды басмачей.

Стремление правительств Советского Союза и Афганистана к дружественному сотрудничеству нашло свое выражение в советско-афганском договоре о нейтралитете и взаимном ненападении, который был подписан в Кабуле 24 июня 1931 г. Этот договор основывался на принципах мирного сосуществования государств с различным социальным строем. В ст. 7 договора указывалось, что разрешение всех могущих возникнуть между Советским Союзом и Афганистаном «споров или конфликтов, какого бы характера и какого бы происхождения они ни были, должно всегда изыскиваться только в мирных средствах» [1]. В начале 30-х годов между Советским Союзом и Афганистаном был заключен также ряд других соглашений, способствовавших развитию делового сотрудничества обеих стран.

Укрепляя свою независимость, афганское правительство стало в июле 1933 г. участником международной конвенции об определении агрессии, предложенной Советским правительством. Этим актом Афганистан повысил свой международный авторитет и продемонстрировал твердое намерение осуществлять миролюбивую внешнюю политику.

Империалистические державы пытались в своих интересах использовать трудности, с которыми приходилось сталкиваться правительству Надир-Шаха. Они поощряли сепаратистские настроения вождей племен, плели интриги среди реакционных феодалов и духовенства, а также афганской эмиграции в Европе. В результате этих происков в начале 1933 г. в Берлине был убит старший брат короля — посол Афганистана в Германии, а 8 ноября того же года от пули террориста погиб Надир-шах. Королем стал его сын Мухаммед Захир-шах, с именем которого связаны развитие советско-афганских дружественных отношений и внешняя политика Афганистана на протяжении вот уже более тридцати лет.

Афганское правительство стремилось также избавиться от засилья в стране компрадоров и иностранного торгового капитала. Оно создало

[1] «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. III, стр. 500.

национальные торговые организации — ширкеты, которые установили прямые связи с фирмами других государств.

Настойчивые попытки укрепиться в Афганистане предпринимали гитлеровская Германия и империалистическая Япония, стремившиеся подчинить себе эту страну и использовать ее для осуществления своих антисоветских планов, а также для нанесения удара с севера по британским позициям в Индии.

Поставлявшиеся по демпинговым ценам японские товары в середине 30-х годов заполнили афганский рынок, вытесняя отсюда товары английского происхождения. В 1934 г. в Кабуле была открыта японская дипломатическая миссия. Японские дипломаты не скрывали своего намерения установить связи с проживавшими в Афганистане выходцами из России и начали вербовать из них наемников для шпионажа и диверсий против СССР. Японские дипломаты так далеко зашли в этой неблаговидной деятельности, что вскоре афганское правительство выслало из Кабула японского военного атташе.

Гитлеровская Германия использовала экономические трудности афганского правительства, чтобы навязывать ему своих «специалистов» и «советников», особенно в полиции и армии. В 1938 г. Германия предоставила Афганистану заем в размере 8 млн. марок на закупку вооружения и боеприпасов. Гитлеровцы старались проникнуть в северные районы Афганистана, поближе к советской границе.

Любопытно отметить, что правители рейха, по-видимому, не особенно полагались на свои дипломатические кадры. В архивах гитлеровского министерства иностранных дел были найдены директивы немецкой миссии в Кабуле о необходимости избегать встреч с советскими дипломатами и «под вежливыми предлогами отказываться от посещения приемов, устраиваемых советскими дипломатическими представителями» [1].

Афганское правительство, проявляя политическую дальновидность и реализм, не поддалось нажиму фашистских агрессоров, не позволило втянуть Афганистан в их опасные политические комбинации. 29 марта 1936 г. в Москве был подписан протокол о продлении на 10 лет договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном. Таким образом, как советская, так и афганская стороны показали, что империалистическим державам не удалось помешать развитию дружественных советско-афганских отношений.

Важное значение имело также развитие советско-афганской торговли и экономических связей. Советские внешнеторговые организации поддержали Афганистан на мировых рынках, что не раз вынуждало капиталистические фирмы идти на уступки афганским ширкетам. С помощью Советского Союза в Афганистане в 30-х годах был построен ряд предприятий, в том числе хлопкоочистительный завод в Кундузе, одно из первых крупных предприятий национальной промышленности страны.

В сложный и ответственный момент кануна второй мировой войны Советский Союз и Афганистан были связаны договором, обеспечившим поддержание между ними дружественных отношений и во многом способствовавшим сохранению мира в этой части земного шара, тому, что афганский народ избежал ужасов второй мировой войны.

---

[1] DGFP, Series D, vol. VI, № 138, p. 173.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ЗАХВАТ АВСТРИИ И МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ (1938 г.). ПОЛИТИКА ПООЩРЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ СО СТОРОНЫ АНГЛИИ, ФРАНЦИИ И США

Назревание предвоенного политического кризиса в Европе

Во второй половине 1937 г. начался новый мировой экономический кризис, который особенно сильно поразил США. Оказались втянутыми в трясину кризиса Англия и Франция. Менее пострадали государства агрессивного фашистского блока — Германия, Италия и Япония, ставшие на путь милитаризации. Вот показатели промышленного развития главных капиталистических стран (в % к 1929 г.) [1]:

Годы	США	Англия	Франция	Германия	Япония	Италия
1937	103	124	82	116	169	99
1938	81	116	76	123	185	98

Таким образом, кризис еще больше усилил неравномерность экономического развития капиталистических стран. Особенно вырвались вперед Германия и Япония. По объему промышленной продукции Германия вышла на второе место после США. По чугуну доля Германии в мировом производстве достигала 22%, по стали — 24, по каменному углю — 17, по машиностроению — 14%.

Еще более внушительной была доля Германии в промышленной продукции Европы в 1938 г. — 32,6%, в то время как доля Англии равнялась 23,7%, а Франции — 11,2%. Превратившись в самую мощную промышленную державу капиталистической Европы, Германия успешно конкурировала с США, Англией и Францией на европейском рынке, а также в Латинской Америке. Удельный вес Германии в торговле со странами Латинской Америки возрос с 11,5% в 1933 г. до 17,1% в 1938 г. Германия вела настоящую торговую войну с США. «Война, — говорил сенатор Рейнольдс в конгрессе США, — в которую мы

[1] «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», т. I. М., 1960, стр. 129.

вовлечены сегодня, грозит стать величайшей войной, в которой мы когда-либо участвовали». Но не только Германия вела экономическое наступление на позиции американского и английского империализма. Не меньшему натиску подвергались позиции США и Англии на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии со стороны Японии.

Экономический кризис конца 1937 г. привел к дальнейшему обострению борьбы между империалистическими странами за рынки сбыта и источники сырья. Агрессивные державы — Германия, Италия и Япония — развернули борьбу за новый передел мира. Возглавляла блок агрессоров гитлеровская Германия, сделавшая основой своей внешней политики планы неограниченной агрессии.

Для каждого политика, не ослепленного ненавистью к СССР, было ясно, что в результате оформления военно-политического союза агрессивных держав проблема сохранения мира путем организации коллективного отпора агрессии стала актуальной, как никогда, и что осуществить эту задачу возможно только при активном участии Советского Союза.

Однако реакционные правящие круги западных держав, и прежде всего Англии, Франции и США, не хотели сотрудничать с СССР. Более того, они продолжали вынашивать планы использования Германии и Японии для борьбы против Советского Союза, стремясь их руками если не уничтожить, то значительно ослабить СССР и подорвать его растущее влияние. Это было главной причиной политики попустительства агрессорам, проводившейся западными державами под флагом «невмешательства».

Второй причиной, обусловившей эту политику, была боязнь того, что поражение в войне агрессивных государств или даже их дипломатическое поражение могло бы привести к краху фашизма, в котором западные державы видели барьер против рабочего и демократического движения.

В силу всех этих соображений господствующие круги Англии, Франции и США предпочитали жертвовать национальными интересами своих стран ради своих узкоклассовых интересов.

Фашистские правители хорошо знали причины, по которым англо-франко-американские «умиротворители» старались сговориться с ними. Гитлеровцы использовали страх буржуазии ведущих капиталистических держав перед социализмом и рабочим классом для достижения своих захватнических целей. Обстановка в Европе все более накалялась. Целью номер один фашистского «фюрера» стал захват Австрии и Чехословакии.

Гитлер считал, что, «по всей вероятности, Англия и, возможно, Франция молча уже отказались от Чехословакии и что

они уже привыкли к мысли о том, что в один прекрасный день этот вопрос будет разрешен Германией»[1]. Более того, гитлеровцы были уверены, что германское вторжение в Австрию и Чехословакию, если его соответствующим образом подготовить и найти подходящий повод, сойдет им с рук безнаказанно. Этим и объяснялась позиция Гитлера, не торопившегося пойти на заключение широкого англо-германского соглашения, к которому стремился Лондон.

Попытки Англии добиться сговора с агрессивными державами

Заключив с Германией в 1935 г. морское соглашение, Англия положила начало пересмотру в пользу Германии военных статей Версальского договора.

Проводя тот же курс, английское правительство было готово предоставить Германии новые долгосрочные займы, а также договориться о разграничении сфер влияния и рынков сбыта. Такая попытка была сделана британским МИД через промышленника Рикенса в начале 1937 г. В беседе с фон Папеном 9 февраля 1937 г. Рикенс развивал план включения Германии в мировое хозяйство путем предоставления ей рынков сбыта и долгосрочного займа на льготных условиях для стабилизации германской экономики. Рикенс говорил: «Существенным является включение Германии вновь в процесс мирового хозяйства. Это может быть достигнуто:

а) Путем выпуска достаточно долгосрочного (около 40 лет) займа с незначительной процентной ставкой, причем одна часть должна быть предоставлена в золоте для того, чтобы обеспечить международную стабильность в достаточной степени обесценившейся (уже) марки. Заем должен быть использован как для консолидации германских внешних долгов, так и для расширения германских рынков.

б) Помимо этого займа, в странах, где германский рынок особенно сокращается, должны быть сильно снижены пошлины».

Рикенс также обещал гитлеровской Германии не только долгосрочный льготный заем, но и то, что «наряду с этим займом найдет место урегулирование колониального вопроса таким образом, чтобы, не нарушая существенно британских интересов в Африке, коллективно компенсировать Германию где-нибудь на западном побережье Африки»[2].

По словам Рикенса, Англия была бы также согласна и на таможенную унию между Германией и Австрией.

---

[1] «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. I, стр. 612.

[2] Историко-дипломатический архив МИД СССР (в дальнейшем: ИДА), ф. 150, д. 66. Запись беседы Папена с Рикенсом от 9 февраля 1937 г. Опубликовано в журнале «История СССР», 1962, № 3, стр. 5—6.

Правительство Чемберлена и его политика сговора с Гитлером

В мае 1937 г. к власти в Англии пришел Невиль Чемберлен. Характеризуя Чемберлена, его политику, Ллойд Джордж говорил в беседе с советским полпредом в Англии: Чемберлен — это «узкий, ограниченный и бесплодный человек. Настоящая рыба с холодной головой, как я его охарактеризовал во время последних дебатов в парламенте».

Что касается основной идеи внешнеполитического курса Чемберлена, то Ллойд Джордж охарактеризовал его так: ««Генеральный план» Чемберлена сводится к следующему: в течение ближайшего года добиться замирения с Германией и Италией и заключить пакт четырех» [1]. Весьма примечательно, что аналогичное определение существа внешнеполитического курса Чемберлена дал и гитлеровский посол в Англии Дирксен.

«Во внешней политике целью Чемберлена, — писал Дирксен, — являлась попытка добиться соглашения с тоталитарными государствами» [2]. Особой заботой британского премьера было достижение широкого англо-германского соглашения. Ради этого он направил в ноябре 1937 г. в Германию своего ближайшего сотрудника лорда Галифакса. Встреча Галифакса с Гитлером состоялась в Оберзальцберге 19 ноября 1937 г. Английское правительство одобрило деятельность фашистского диктатора по ликвидации демократии и разгрому революционного демократического рабочего движения в Германии, в результате чего, по словам Галифакса, она «по праву может считаться бастионом Запада против большевизма». Английское правительство видело в этом «великие заслуги фюрера» и было готово содействовать созданию условий для «всестороннего и откровенного обсуждения всех вопросов, интересующих обе страны» [3]. От имени английского правительства Галифакс заявил, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения, но что изменения надо производить только на основе разумного урегулирования» [4].

Галифакс говорил далее о согласии удовлетворить притязания Гитлера за счет Австрии, Чехословакии и Данцига при условии, что перекройка политической карты Европы в пользу Германии произойдет «мирным путем» и постепенно.

Английское правительство, заявил Галифакс, считает желательным начать официальные переговоры между Англией и

---

[1] АВП СССР, ф. 011, 1937 г., п. 1, д. 48306, л. 48.

[2] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II. М., Госполитиздат, 1948, стр. 173. (В дальнейшем: «Документы и материалы...»)

[3] «Документы и материалы...», т. I, стр. 15.

[4] Там же, стр. 23.

Германией. Однако Гитлер ответил, что «Англия владеет четвертой частью мира, что Франция имеет колониальную империю... Одной лишь Германии заявляют, — продолжал он, — что она ни при каких условиях не может иметь колонии» [1]. По словам Гитлера, именно колониальный вопрос и являлся единственным спорным вопросом между Германией и Англией. Поэтому он предложил начать англо-германские переговоры по урегулированию данного вопроса. Английское правительство это не устраивало. Оно готово было щедро платить Берлину тем, что ему не принадлежало, — чужим добром. Гитлеровцы же хотели получить кое-что и с самой Англии. Все это помешало открытию англо-германских переговоров по широкому кругу вопросов.

Английские предложения, сделанные Галифаксом в беседе с Гитлером, свидетельствовали о стремлении правительства Чемберлена добиться сепаратного соглашения с гитлеровской Германией, которое гарантировало бы владения и безопасность Британской империи ценою «уступки» Австрии, Чехословакии и Данцига. Не менее важной целью соглашения должна была быть изоляция Советского Союза и отстранение его от решения вопросов европейской политики.

Несмотря на то что в беседах Галифакса с фашистским главарем не было достигнуто каких-либо конкретных соглашений, они имели определенное значение: Гитлер получил ясное подтверждение готовности Англии за соглашение с Германией «отдать» последней Австрию, Чехословакию и Данциг. В Берлине решили перейти от слов к делу.

26 января 1938 г. в беседе с британским послом Гендерсоном гитлеровский министр иностранных дел Нейрат заявил, что Германия не потерпит вмешательства Англии в отношения с Австрией. Английское правительство не реагировало на это вызывающее заявление Нейрата, хотя имело все основания отклонить его, сославшись на соответствующие статьи Версальского и Сен-Жерменского договоров. Более того, Форин-оффис сделал вид, что не замечает угрозы, нависшей над Австрией в результате заключения Берхтесгаденского протокола от 12 февраля 1938 г., по которому Шушниг согласился предоставить австрийским нацистам полную свободу действий и включить их в австрийское правительство. Несмотря на ясно заявленное требование Гитлера о включении в состав рейха 10 млн. немцев, проживавших вне пределов Германии, Чемберлен продолжал прежнюю линию на сговор с агрессором.

В своей речи, произнесенной в палате общин 28 февраля, он угодливо заявил, что «мероприятия австрийского прави-

[1] «Документы и материалы...», т. I, стр. 27.

тельства, последовавшие за встречей в Берхтесгадене 12 февраля, по мнению правительства его величества, не противоречат обязательствам, принятым на себя Австрией по Сен-Жерменскому договору».

Захват Германией Австрии. СССР — за коллективный отпор агрессорам

Уклоняясь от переговоров с англичанами, гитлеровцы стали форсировать свои планы захвата Австрии. Опираясь на австро-германское соглашение 1936 г., они развернули широкую пропагандистскую кампанию за присоединение Австрии к Германии. Вместе с тем в Берлине приступили к разработке плана военного вторжения в Австрию. Директива о подготовке такого плана была утверждена военным министром 24 июня 1937 г. под кодовым названием «план Отто». В самой тесной связи с «планом Отто» находился план организации путча, разрабатывавшийся вожаками австрийских гитлеровцев — Тавсом, Леопольдом, Зейсс-Инквартом и др. Путчисты предусматривали провокационное нападение на германскую миссию в Вене и даже — в случае необходимости — убийство фон Папена в качестве «оправдания» вторжения войск гитлеровской Германии. Но и после того, как правительству Шушнига стал известен этот план, оно не сделало надлежащих выводов и не пресекло деятельность нацистов в стране. Этим воспользовалась австрийская агентура Берлина для развертывания своей подрывной деятельности.

Назначение английским послом в Берлин Гендерсона, которое состоялось в конце 1937 г., явилось новым подтверждением упорного стремления английских правящих кругов к соглашению с Гитлером: ни для кого не было секретом, что Гендерсон — один из наиболее убежденных сторонников соглашения с фашистской Германией.

А. Иден в своих воспоминаниях подтверждает, что Гендерсон «не только не пытался остановить нацистов, но и постоянно подыскивал для них оправдания — нередко заодно с ними. Свою враждебность он приберегал для чехов. В конце концов он уверовал, что ему предназначено судьбой обеспечить прочный мир между нами (т. е. Англией. — *Авт.*) и нацистами».

Беседа Гендерсона с Гитлером 3 марта 1938 г. показывала, что в Лондоне хотели достигнуть не какой-то разовой сделки, а широкого соглашения между Англией и Германией. Гендерсон, в частности, подчеркивал, что «дело идет не о торговой сделке, а о попытке установить основу для истинной и сердечной дружбы с Германией, начиная с улучшения обстановки и кончая созданием нового духа дружественного понимания».

Гендерсон дал понять о желании Англии содействовать успокоению Европы, чему, по его мнению, «может содейство-

вать ограничение вооружений и умиротворение в Чехословакии и Австрии». «Что касается колоний, — говорится в записи беседы Гитлера с Гендерсоном от 3 марта 1938 г., — то английский посол заявил о серьезной готовности английского правительства не только рассмотреть колониальный вопрос, но и продвинуться на пути к его разрешению» [1].

В ответ на это Гитлер сказал, что он не допустит вмешательства третьих стран в урегулирование отношений Германии с теми странами Центральной Европы, в которых имеется большое количество немецкого населения [2]. Гитлер при этом назвал Австрию и угрожающе заявил, что если Англия будет противодействовать германским попыткам произвести там «урегулирование», то Германия будет воевать. Гендерсон поспешил заверить, что он является сторонником аншлюса.

Наиболее влиятельные лица из ближайших советников Чемберлена при встречах с гитлеровскими дипломатами указывали, что Англия, не возражая против захвата Австрии, пойдет на это только за определенную плату: Гитлер должен был дать обязательство не трогать колониальные владения Великобритании. Кроме того, англичане настаивали, чтобы перекройка карты Европы в пользу гитлеровской Германии была произведена по возможности без больших потрясений, так сказать, мирными средствами. В беседе с советником германского посольства в Лондоне Т. Кордтом 10 марта 1938 г. Галифакс выразил надежду, что Германия «добьется возможно большего успеха в отношении Чехословакии и Австрии без применения силы» [3].

Почти то же самое говорил и министр по координации национальной обороны в правительстве Чемберлена лорд Инскип в беседе с Риббентропом 11 марта. Из разговора с Инскипом, сообщал Риббентроп в Берлин, «я хотел бы подчеркнуть следующую позицию по австрийскому вопросу: Инскип сказал, что австрийский вопрос можно было бы разрешить в немецком духе, если бы Германия проявила терпение. В истории народов не является решающим, совершается ли подобное дело в 2 или 3 месяца или в 2 или 3 года. Он может с уверенностью сказать, что британский кабинет не принял бы никакого решения о военном вмешательстве Англии, если австрийский вопрос будет решен в немецком духе. Но было бы иначе, если бы Германия попыталась насильственно решить вопрос, точнее — предприняла бы разрешение вопроса военным путем» [4]. Уже

---

[1] «Документы и материалы...», т. I, стр. 59.
[2] См. там же, стр. 62.
[3] DGFP, Series D, vol. I, № 148, p. 271.
[4] «Akten DAP», Serie D, Bd. I, S. 224—225.

накануне аншлюса германский посол в Лондоне попытался выяснить позицию видных английских деятелей, включая и премьер-министра, на случай захвата Австрии Германией. Об итогах этого Риббентроп сообщил Герингу во время телефонного разговора утром 13 марта. Риббентроп отмечал, что Чемберлен «серьезно стремится к соглашению». «Я сказал ему, — сообщал далее Риббентроп, — что согласие между Англией и Германией окажется гораздо более легким после того, как разрешен австрийский вопрос. Я полагаю, что он того же мнения» [1]. Дальнейшие события подтвердили, что Риббентроп правильно оценивал позицию Чемберлена.

Что же касается позиции Франции в отношении аншлюса, то гитлеровское правительство не ожидало и с этой стороны никаких неприятностей. В Берлине хорошо знали, что без поддержки Англии Франция не решится на какие-либо акции в поддержку независимости Австрии.

10 марта после сообщения группенфюрера СС Кеплера, занимавшегося австрийскими делами, о решении Шушнига провести в Австрии плебисцит, Гитлер отдал распоряжение о подготовке немедленного военного вторжения в Австрию. Тогда же последовали распоряжения о закрытии германской границы в Зальцбурге и о прекращении железнодорожного сообщения между Германией и Австрией.

На рассвете 12 марта гитлеровские войска вторглись в Австрию. Австрийские вооруженные силы получили приказ не оказывать сопротивления наступающим частям. На следующий день новое австрийское правительство, которое возглавил гитлеровский агент Зейсс-Инкварт, вынесло решение о присоединении Австрии к Германии. 14 марта Гитлер подписал акт об «объединении» Австрии с рейхом. Австрия как независимое государство перестала существовать.

Англия и Франция, являвшиеся государствами — гарантами независимости Австрии, фактически ничего не предприняли, чтобы ее защитить. Единственное, что их беспокоило — это общественное мнение, и поэтому английское и французское правительства предписали своим послам в Берлине вручить ноты протеста, в которых осуждалось германское «давление» на Австрию. Эти ноты носили явно показной характер, и гитлеровцы их попросту игнорировали.

Захват Германией Австрии не поколебал намерений Чемберлена достигнуть соглашения с Гитлером. В беседе с чехословацким посланником в Лондоне Масариком, которая состоялась 12 марта 1938 г., Галифакс, сменивший Идена на посту министра иностранных дел Англии, говорил, имея в виду ан-

[1] «Документы и материалы...», т. I, стр. 96.

шлюс как свершившийся факт: «Я весьма многому научился в последние дни, но я не хочу окончательно отказываться от надежды, что все-таки с Германией когда-либо можно будет договориться»[1].

Только СССР решительно осудил аншлюс и выступил с предложениями организовать коллективный отпор фашистской агрессии. В заявлении Советского правительства от 17 марта 1938 г. отмечалось, что австрийский народ в результате военного вторжения насильственно лишен политической, экономической и культурной независимости[2]. В заявлении говорилось далее об опасности, нависшей над народами других стран Европы. СССР подчеркнул, что он готов «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью прпостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни». Советское правительство заявляло также о своей готовности «приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира». Английское правительство отвергло советское предложение, заявив, что созыв предлагаемой конференции для принятия «согласованных действий против агрессии не обязательно окажет, по мнению правительства его величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира».

Англо-итальянское соглашение от 16 апреля 1938 г.

Ввиду того что гитлеровцы и после захвата Австрии не проявляли желания возобновить переговоры с англичанами, правительство Чемберлена решило добиваться соглашения с фашистской Италией, рассчитывая этим оказать давление на Берлин. В этой связи Гарольд Никольсон говорил в беседе с чехословацким журналистом в июне 1938 г.: Чемберлен надеется, что «после соглашения с Италией будет легче договориться с Германией». Муссолини не заставил себя долго упрашивать, так как надеялся получить английские

---

[1] ИДА, ф. 162. Запись беседы чехословацкого посланника в Лондоне Я. Масарика с лордом Галифаксом, состоявшейся 12 марта 1938 г. Документ был захвачен немцами в архиве МИД Чехословакии. В распоряжении Историко-дипломатического архива имеется немецкий перевод, обнаруженный в делах бывшего германского министерства иностранных дел.

[2] См. «Известия», 18 марта 1938 г.

займы, необходимые для осуществления программы вооружений.

Чемберлен решил сам отправиться к фашистскому «дуче». По англо-итальянскому соглашению, подписанному в Риме, между Англией и Италией устанавливались «добрососедские» отношения. Англия сделала ряд серьезных уступок фашистскому диктатору. В частности, она признала захват Эфиопии Италией и легализовала итальянскую интервенцию в Испании, согласившись на то, что итальянские «добровольцы» будут выведены из Испании без точно указанного срока.

Поощряемое Лондоном, французское правительство нанесло Испанской республике удар в спину, закрыв франко-испанскую границу и лишив республиканское правительство возможности распоряжаться золотым запасом, находившимся во Франции.

Когда испанское правительство обратилось в Лигу наций с просьбой осудить итало-германскую интервенцию и применить в соответствии со ст. 16 Устава Лиги наций коллективные санкции против агрессоров, оно не нашло поддержки со стороны Англии и Франции. В течение трех дней министр иностранных дел республиканского правительства Испании Альварес дель Вайо добивался принятия решения о применении санкций против агрессоров. Однако англо-французские умиротворители бесповоротно решили принести Испанию в жертву фашистам. Французский журналист А. Симон писал, что «это было зрелище, исполненное пафоса и трагизма. Наконец резолюция, предложенная Совету сеньором дель Вайо, была поставлена на голосование. «Нет», произнесенное среди мертвой тишины лордом Галифаксом и Жоржем Боннэ, прозвучало как пощечина. Напряжение в зале становилось невыносимым. Один только советский представитель поддержал республиканскую Испанию. Рядом со мной послышались рыдания корреспондентки одной швейцарской газеты. Сеньор дель Вайо и его спутник вышли с заседания смертельно бледные, но с высоко поднятой головой. У входа в отель явно смущенный Боннэ пытался объяснить обступившим его журналистам, что не мог поступить иначе: «Но Франция не допустит, чтобы Испания сделалась добычей захватчиков!» Кто-то воскликнул: «Вы умертвили Испанию!» Побледневший Боннэ поспешно ретировался» [1].

28 февраля 1939 г. Англия признала правительство Франко de jure. Соответствующие шаги сделало также французское правительство. Несколько позднее, 2 апреля, признали Франко и США. Правительства Англии и Франции потребовали от

[1] «О тех, кто предал Францию». Сборник, стр. 142.

республиканского правительства Испании прекратить сопротивление и капитулировать. В начале марта в Мадриде произошел контрреволюционный переворот, а 28 марта 1939 г. Мадрид был занят войсками Франко.

Ликвидация Испанской республики, осуществленная с помощью Англии, Франции и США, облегчила фашистской Германии и Италии дальнейшие акты агрессии. За Эфиопией, Австрией и Испанией наступила очередь Чехословакии.

Подготовка Германии к захвату Чехословакии

В качестве предлога для развертывания кампании ненависти против Чехословакии и вмешательства в ее внутренние дела были использованы так называемые «фольксдейчи», судетские немцы, жившие в пределах Чехословакии и являвшиеся ее гражданами [1]. Орудием Берлина была фашистская партия судетских немцев во главе с Гейнлейном. Гейнлейновцы развили активную подрывную деятельность на деньги, получаемые ими из Германии. Уже в апреле 1937 г. гейнлейновцы по указке из Берлина потребовали предоставления автономии Судетской области. Затем это требование периодически предъявлялось правительству Чехословакии во все более ультимативной форме. Притязания гейнлейновцев были использованы в Лондоне для оказания нажима на чехословацкое правительство. 19 ноября 1937 г. в беседе с чехословацким посланником Масариком английский министр внутренних дел Самуэль Хор говорил: «Все же я надеюсь, что Бенеш удовлетворит справедливые требования судетских немцев, чтобы тем самым отнять у немцев всякую возможность прямых или косвенных нападок» [2].

Чехословацкие представители вполне обоснованно упрекали правящие круги Англии в том, что они поддерживали Гейнлейна против Чехословакии. «Я, как и весь наш народ, — говорил Масарик Галифаксу 12 марта 1938 г., — нахожусь под впечатлением того, что вы всегда были на стороне Гейнлейна независимо от того, был ли он прав или нет, нам это тяжело переносить. Вы, вероятно, сейчас понимаете, что уступки Гейнлейну не изменят политики Берлина, имеющей в настоя-

[1] В Чехословакии, главным образом в Судетской области, проживало в то время свыше 3 млн. немцев, составлявших $^1/_5$ всего ее населения. Немецкое население не подвергалось какой-либо дискриминации. В чехословацком парламенте немцы имели своих депутатов, и до марта 1938 г. их представители входили в состав правительства республики.

[2] Письмо чехословацкого посланника в Лондоне Я. Масарика президенту Бенешу от 19 ноября 1937 г. Документ был захвачен немцами в архиве МИД Чехословакии. В распоряжении ИДА имеется немецкий перевод, обнаруженный в делах бывшего германского министерства иностранных дел.

щее время те же цели, как и в период 1914 г.: Берлин — Багдад, через Вену — Прагу — Бухарест. Если Берлин проглотит Чехословакию, то вы окажетесь в весьма неприятном положении, а многие государственные деятели у вас этого еще не осознали».

Между тем Берлин действовал все более нагло. Гейнлейновцы провоцировали кровавые столкновения между немцами и чехословаками в Судетах, раздували кампанию угроз, запугивания, террора. Гитлер рекомендовал гейнлейновцам все время наращивать требования к чехословацкому правительству с таким расчетом, чтобы сделать невозможным достижение какого бы то ни было соглашения. 18 марта германский посланник в Праге Эйзенлор телеграфировал в Берлин о том, что он сообщил Гейнлейну и Франку указания германского правительства и рекомендовал при этом вести дело к тому, чтобы добиться постепенного отхода Чехословакии от системы пактов [1].

Берлин использовал Гейнлейна для развертывания античехословацкой пропаганды и в самой Англии. С этой целью в Лондоне было организовано пресс-бюро Гейнлейна, в котором его агенты подвизались в качестве корреспондентов. Гейнлейн совершил три поездки в Лондон, где имел беседы с министрами и крупнейшими политическими деятелями, в том числе с Черчиллем и лидерами оппозиции. Как сообщал в июне 1938 г. чехословацкий журналист Х. Рипка, «Черчилль весьма выразительно и в категорической форме подчеркнул, что мы должны так или иначе договориться с Гейнлейном...», который произвел на него «хорошее впечатление».

Майский кризис Чехословакии

Чехословацкое правительство было расположено пойти на серьезные уступки гейнлейновцам ради достижения соглашения. В частности, оно амнистировало и выпустило на свободу 1200 сторонников Гейнлейна, осужденных за подрывную деятельность против республики. В Судетской области Гейнлейну было разрешено провести выборы и т. д. Тем не менее Гейнлейн прервал переговоры с чехословацким правительством. В это время Гитлер намеревался добиться капитуляции правящих кругов Чехословакии угрозой применения силы, а заодно припугнуть правительства Англии и Франции, с тем чтобы они перешли к более активным методам воздействия на Чехословакию.

В мае германские войска стали стягиваться к чехословацкой границе. Правительство Чехословакии ответило на это мобилизацией, которая прошла исключительно быстро и организованно. Чехословацкая армия в полной боевой готовности при-

[1] См. «Документы и материалы...», т. I, стр. 100.

двинулась к границе, ожидая сигнала, чтобы дать отпор нападению фашистов.

Все это вызвало в Лондоне тревогу. В беседах с Масариком Галифакс настойчиво убеждал его, что необходимо «предотвратить войну», удовлетворив требования судетских немцев. Все же английское правительство было вынуждено дать указание Гендерсону запросить Берлин, какую цель преследует сосредоточение немецких войск у границ Чехословакии. В ответ Риббентроп заявил, что Англии нечего беспокоиться: происходят обычные «передвижения местного характера».

Однако тут же Риббентроп, упомянув о гибели двух немцев на чехословацкой границе, разразился угрозами по адресу Чехословакии. «Они (т. е. чехи. — *Авт.*), уверял он меня, будут уничтожены, и женщины и дети все вместе, — записывал слова Риббентропа Гендерсон. — Когда я заметил, что смерть двух немцев является, конечно, прискорбным фактом, но что лучше смерть двоих, чем гибель сотен тысяч на войне, — он ответил, что каждый немец готов умереть за свою родину» [1].

Скрепя сердце британское правительство сочло необходимым предупредить немцев, что дальнейшая концентрация германских войск у границы Чехословакии неминуемо вызовет мобилизацию вооруженных сил Франции, и тогда и Великобритании не удастся более остаться в стороне. После этого Риббентроп окончательно утратил самообладание. Явно стремясь запугать своего собеседника, он заявил, что если начнется война, то виновницей ее будет Франция, а Германия, как и в 1914 г., примет вызов [2].

Это был, как подтвердили дальнейшие события, грубый шантаж, ибо в то время гитлеровская Германия к войне не была готова, тем более к такой войне, в которой ей противостояли бы Англия и Франция, а также Советский Союз. В том, что СССР готов оказать помощь Чехословакии, гитлеровское правительство не сомневалось. Не удивительно поэтому, что, несмотря на всю свою браваду, Гитлер при сложившейся ситуации не решился на прямое военное нападение.

В свою очередь английское и французское правительства опасались вооруженного конфликта между Германией и Чехословакией прежде всего потому, что чехословацкая армия была в состоянии дать решительный отпор захватчикам, и это могло иметь серьезные последствия для самого существования гитлеровского режима, в котором англо-французские реакционные круги видели барьер против революционного и демократического движения в Европе. Именно в силу этих причин Англия и

---

[1] *N. Henderson.* Failure of a Mission, p. 136.
[2] Ibidem.

Франция постарались добиться отмены мобилизации чехословацкой армии и получить согласие правительства Бенеша — Годжи на новые уступки гейнлейновцам. Следует отметить, что кое-кто среди английских дипломатов считал необходимым отдать Гитлеру Чехословакию и как можно скорее. К их числу относился, например, советник английского посольства в Каире Смарт. Гитлеровский посланник в Каире Ов-Вахендорф писал Дирксену 19 мая, что жена Смарта в присутствии своего мужа, который тоже принимал активное участие в разговоре, заявила: «Жаль, что вы не заняли Праги в то время, когда вы вошли в Вену. Во всяком случае, если вы вообще собираетесь занять ее, я надеюсь, что вы это сделаете скоро, потому что через 2 месяца ситуация в Лондоне может оказаться гораздо менее благоприятной» [1].

Активную деятельность развивали и такие представители «клайвденской клики», как маркиз Лондондерри, генерал Гамильтон. Они выступали с публичными заявлениями, в которых поддерживали гитлеровские притязания к Чехословакии и требовали соглашения с фашистской Германией.

В связи с этим Гитлер направил в Лондон через своего адъютанта капитана Видемана личное послание Чемберлену. В целях поощрения деятельности в Англии сторонников сближения и сотрудничества с фашистской Германией гитлеровские дипломаты разрабатывали планы расширения англо-германского сотрудничества в области культуры, надеясь использовать его для ведения фашистской и антикоммунистической пропаганды в Англии.

Подготовка англо-французской сделки с Гитлером за счет расчленения Чехословакии

Чехословакии отводилась роль разменной монеты в подготовлявшейся англо-германской сделке.

Английский посланник в Праге Ньютон писал Галифаксу 15 марта 1938 г.: «В случае возникновения войны ни мы, ни Франция не смогли бы спасти Чехословакию от вторжения, и все, на что мы могли бы надеяться, — это на восстановление после длительной борьбы того status quo, который уже показал свою несостоятельность». «Германия... никогда не согласится на то, чтобы на ее фланге находилась потенциально враждебная Чехословакия». Исходя из этого, он делал вывод о том, что «нынешнее политическое положение Чехословакии» является «совершенно нездоровым» [2]. В телеграмме от 17 марта английский посол в Берлине Гендерсон телеграфировал Галифаксу: «Я безогово-

[1] ИДА, ф. 330. Письмо Ов-Вахендорфа Дирксену от 19 мая 1938 г.
[2] DBFP, Third series, vol. I, № 86, p. 55—56.

рочно и полностью разделяю взгляды, высказанные г-ном Ньютоном»[1].

Майский кризис побудил английское правительство активизировать свои попытки сговора с Берлином. Вместе с тем оно пыталось договориться с Францией, которая, как известно, была связана с ЧСР пактом о взаимной помощи, об общей линии поведения в чехословацком вопросе.

Лондон начал добиваться, чтобы французское правительство отказалось от поддержки Чехословакии в ее противодействии гитлеровскому нажиму. Наиболее сильным средством воздействия Англии на Францию был, бесспорно, отказ прийти на помощь Франции в случае, если бы последняя оказалась в состоянии войны с Германией из-за Чехословакии. 28—29 апреля в Лондоне состоялись англо-французские переговоры, задача которых заключалась в выработке общей политики в отношении Чехословакии. Довольно быстро стороны пришли к соглашению.

Согласно принятым решениям, английское правительство должно было «объяснить германскому правительству, что оно делает все возможное, чтобы добиться мирного решения судетских трудностей, и просило д-ра Бенеша внести в это свой вклад». Кроме того, английское и французское правительства решили предпринять демарш в Праге, чтобы «обеспечить максимум уступок со стороны д-ра Бенеша». Правда, делалась оговорка о том, что если Англии и Франции не удастся достигнуть мирного урегулирования судетского вопроса и если Германия все же попытается прибегнуть к силе, то она должна будет считаться с опасностью того, что Франция может быть вынуждена вмешаться, и Англия не гарантирует, что и она останется в стороне. 4 мая английский посол в Берлине получил указание сообщить германскому правительству, что Англия «оказывает энергичное воздействие на чехословацкое правительство с целью добиться от него предельных уступок, с тем чтобы достичь широкого и прочного соглашения с судетскими немцами»[2].

Это сообщение полностью соответствовало фактам. Так, например, 7 мая Ньютон сделал заявление чехословацкому министру иностранных дел Крофта, главная цель которого заключалась в том, чтобы запугать правительство Чехословакии, внушив ему мысль о необходимости удовлетворения всех требований гейнлейновцев, которые, как известно, были по существу требованиями Берлина. Именно поэтому в заявлении ставились под сомнение расчеты Чехословакии на помощь

[1] DBFP, Third series, vol. I, № 86, p. 56.
[2] Ibid., № 172, p. 244.

СССР. «По разным причинам представляется сомнительным, — говорилось в заявлении, — чтобы Россия могла бы оказать сколь-нибудь значительную помощь, если она вообще ее окажет»; английское правительство пришло-де к заключению, что «имеется мало надежды на то, чтобы Франция и Советский Союз могли помешать военной оккупации Чехословакии со стороны Германии». В заявлении также говорилось, что целью английского правительства является доказать правительству ЧСР «абсолютную необходимость направить все усилия на устранение опасного положения и на достижение соглашения с судетскими немцами» [1].

Чемберлен по-прежнему стремился к «умиротворению Европы» через соглашение с Италией и Германией за счет малых стран.

Характерно, что уже на первых порах английское правительство поставило перед Чехословакией вопрос не только о судетских немцах, но и о будущем статусе чехословацкого государства, исходя из установки о том, что «нынешнее политическое положение Чехословакии не может быть постоянно сохранено». Англичане выдвинули идею нейтрализации Чехословакии. Об этом говорил заведующий отделом Форин-оффиса Стрэнг в беседах с Ньютоном в Праге 26 и 27 мая 1938 г. В свою очередь Ньютон заявил: «С германской точки зрения важно порвать особые связи Чехословакии с Советской Россией и Францией». Ньютон заявил далее, что «вопрос о судетских немцах является по сути дела ширмой и что, как следует из «Майн кампф», истинное направление германской территориальной экспансии — восточное» [2].

Следовательно, английская дипломатия отдавала себе отчет, что судетский вопрос для Гитлера — это только подходящий предлог для того, чтобы уничтожить Чехословакию как независимое государство. Но осуществление этой цели, полагали в Лондоне, должно проходить поэтапно: вначале расчленение Чехословакии и отрыв от нее Судетской области, затем нейтрализация ЧСР путем ликвидации ее союзных связей с СССР и Францией, что практически означало бы превращение Чехословакии в зависимое от Германии государство.

Английское правительство стало зондировать почву о возможности нейтрализации Чехословакии. Как сообщил советскому полпреду министр иностранных дел ЧСР Крофта в беседе, состоявшейся 30 мая, накануне у него был английский посланник и зондировал этот вопрос, а вслед за ним с этим же вопросом приходил итальянский посланник. Крофта высказал

---

[1] DBFP, Third series, vol. I, № 195, p. 267, 269.
[2] Ibid., № 349, p. 405.

понимание того, что этот «маневр направлен на достижение отрыва Чехословакии от СССР». Тогда же НКИД дал распоряжение полпреду указать «на опасность предложения о нейтрализации Чехословакии» [1].

Английское правительство считало, что существо чехословацко-германской напряженности заключается не столько в положении немецкого населения в Чехословакии, сколько в обязательствах о помощи, полученных ею от Франции и Советского Союза. Поэтому Галифакс предлагал Чехословакии изменить свои договорные отношения с Францией и Советским Союзом. 9 июня в меморандуме Форин-оффиса по вопросу о возможности нейтрализации Чехословакии предлагалось договоры о взаимопомощи с Францией и СССР заменить предоставлением Чехословакии гарантий со стороны Германии, Франции и СССР. 18 июня такое же предложение сделал английский посол в Париже Фиппс министру иностранных дел Франции Боннэ. Франция на первых порах отвергла английское предложение о нейтрализации Чехословакии, однако правительство Чемберлена не оставляло этой идеи. Гендерсон в своем донесении в Лондон 22 июля подчеркивал: «Не может быть умиротворения в Европе, пока Чехословакия будет связана с Москвой и будет враждебна Германии» [2].

Хотя французское правительство отвергло идею нейтрализации Чехословакии, однако оно ничего не предпринимало, чтобы ее защитить. Оно не пожелало и серьезно обсудить этот вопрос с Советским правительством, несмотря на то что, как указывалось в чехословацко-советском пакте о взаимопомощи, СССР обязан оказывать Чехословакии помощь только тогда, когда эту помощь окажет Франция. Характеризуя политику Франции в этом вопросе, полпред СССР в Париже писал 27 июля в НКИД: «Теперешнее правительство меньше всего свою чехословацкую политику строит в расчете на помощь СССР. Ни одно решение, которое до сих пор принималось по чехословацкому вопросу... ни разу с нами предварительно не обсуждалось и не согласовывалось и доводилось до нашего сведения (и то не всегда) лишь постфактум. Несмотря на наличие советско-французского пакта, на наличие параллельных пактов с Чехословакией, взаимно между собой связанных и друг друга дополняющих, руководители французской внешней политики ни разу по-серьезному... не предложили приступить к практическому обсуждению вопроса, вытекающего из наших пактов». Полпред отмечал далее, что «Даладье как с единственным реальным союзником считается только с одной

[1] АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 128, д. 166, л. 17.
[2] DBFP, Third series, vol. I, № 534, p. 618.

Англией... сотрудничество с Англией является наиболее стабильным и наиболее устойчивым элементом во всей системе французской внешней политики последнего времени. Сменявшие друг друга кабинеты в центре своей внешней политики неизменно ставили сотрудничество с Англией» [1].

Почти такую же по существу характеристику французской политики по чехословацкому вопросу давал английский посол в Париже в письме Галифаксу от 23 мая 1938 г. «Боннэ повторил мне, — сообщал Фиппс, — что он с готовностью может оказать на чехословацкое правительство любое давление, которое вы сочтете желательным, с тем чтобы добиться мирного решения судетского вопроса... Он сказал далее, что, если Чехословакия будет действительно неразумной, французское правительство может заявить, что Франция считает себя свободной от своих уз. Г-н Боннэ заявил, что французское правительство желает лишь, чтобы его не ставили перед ужасной альтернативой либо нарушить свои обязательства, либо начать вторую мировую войну» [2].

Но правительство Бенеша — Годжи продолжало надеяться, что ему удастся договориться с английским и французским правительствами и заручиться их поддержкой ценой определенных уступок в судетском вопросе. Что же касается Советского Союза, то Бенеш не хотел прибегать к его помощи и не проявлял никакого желания привлечь СССР к участию в переговорах. Летом 1938 г. создалось такое положение, когда СССР фактически был отстранен от участия в решении этой острейшей проблемы европейской жизни. Именно так и характеризовалась в телеграмме наркома иностранных дел от 1 августа политика Англии и Франции, которые решали чехословацкий вопрос, игнорируя СССР. В телеграмме полпредам в Прагу, Берлин, Лондон, Париж от 11 августа нарком писал о том, что неизвестно, чтобы сама Чехословакия когда-либо указывала своим западным «друзьям» на необходимость привлечения СССР [3].

Высказывания президента Чехословакии Бенеша в беседе с английским посланником в Праге Ньютоном 18 мая 1938 г. совершенно ясно свидетельствовали о том, что он рассматривал отношения с Советским Союзом как второстепенную внешнеполитическую задачу Чехословакии и в случае согласия Франции не прочь был отказаться от чехословацко-советского пакта о взаимопомощи и связей с СССР: «Отношения Чехословакии с Россией всегда были и всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании.

[1] АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 128, д. 160, л. 62.
[2] DBFP, Third series, vol. I, № 286, p. 357.
[3] АВП СССР, ф. 05, оп. 18, п. 128, д. 166, л. 24.

Нынешние связи Чехословакии с Россией целиком вытекают из франко-русского договора, и если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет. Чехословакия будет всегда следовать за Западной Европой» [1], — говорил Бенеш.

Такая позиция вполне устраивала Лондон. Дирксен писал в Берлин 14 июля, что правительство Чемберлена не возражает против того, чтобы «отстранить Советскую Россию от всякого обсуждения вопроса об урегулировании европейских проблем» [2].

Тем временем в целях оказания дальнейшего нажима на Чехословакию туда прибыл Ренсимен — уполномоченный Чемберлена, один из магнатов лондонского Сити. Весьма знаменательно, что с приездом Ренсимена гейнлейновцы активизировали свою подрывную работу. Ренсимен и его ближайший сотрудник Эштон Гуэткин бесцеремонно вмешивались во внутренние дела Чехословакии, требуя немедленно удовлетворить притязания гейнлейновцев.

Достижение англо-германского соглашения по австрийским долгам от 1 июля 1938 г. повело к улучшению отношений между Англией и Германией. Дирксен считал, что в результате этого соглашения значительно улучшилась атмосфера для продолжения англо-германских переговоров. Он решил использовать это обстоятельство, чтобы начать переговоры.

В конце июля он имел беседы с Горацием Вильсоном — одним из влиятельных советников Чемберлена и с самим Чемберленом. Как сообщал Дирксен, Чемберлен, предупреждая германское правительство от поспешных шагов, заявил о готовности Англии сделать все, чтобы удовлетворить германские требования.

В то же время через дипломатические каналы, через печать и другими способами гитлеровцами велась пропаганда неизбежности германо-чехословацкой войны в случае, если Чехословакия не выполнит требований их судетской агентуры. Именно с этой целью Риббентроп послал 3 августа германскому посольству в Лондоне инструкцию, в которой была намечена линия поведения в беседах, затрагивающих чехословацкую проблему. Согласно этой инструкции немцы должны были всячески подчеркивать серьезность положения, чтобы англичанам было ясно, что Германия уже отвергает идею плебисцита в Судетской области и полна решимости добиваться расчленения Чехословакии и присоединения Судет к рейху. Советник германского посольства в Лондоне Кордт, исполнявший обязанности поверенного в делах в августе 1938 г., действовал в соот-

[1] DBFP, Third series, vol. I, № 229, p. 314.
[2] DGFP, Series D, vol. II, № 290, p. 486.

ветствии с этой инструкцией. Докладывая Вейцзекеру о своей беседе с Вильсоном, Кордт писал 23 августа:

«Согласно данным мне указаниям я *не*[1] упоминал о плебисците в Судето-Немецкой области, как о возможном выходе. Но по ходу всей беседы у Вильсона не могло остаться ни малейшего сомнения, что мы никогда не согласимся с таким решением вопроса, при котором это государство сохранило бы без изменений свою нынешнюю форму»[2].

Учитывая уроки майского кризиса, гитлеровское правительство в последующие три месяца не говорило открыто о вторжении в Чехословакию, хотя по существу оно вело против этой страны необъявленную войну. Как выяснилось позднее на Нюрнбергском процессе, для провоцирования конфликтов на чехословацкой границе Гитлер создал так называемый «добровольческий корпус», укомплектованный из судетских гитлеровцев и отборных головорезов из эсэсовских дивизий, вооружил его австрийским оружием, взятым из трофейных складов. На протяжении лета и осени 1938 г. «добровольческий корпус» спровоцировал свыше 300 кровавых инцидентов на чехословацкой границе. Одновременно Берлин развернул ожесточенную кампанию по подрыву международного положения Чехословакии.

Таков был аккомпанемент, под который проходили секретные англо-германские переговоры. Чемберлен, Галифакс, Вильсон в своих беседах с Дирксеном и другими германскими представителями постоянно отмечали, что «решение чехословацкой проблемы» может быть достигнуто только с согласия Англии. Но свое согласие на это правительство Чемберлена обусловливало заключением широкого англо-германского соглашения, по которому оно хотело получить твердые гарантии того, что Гитлер по удовлетворении своих захватнических планов в Юго-Восточной Европе не выступит против Великобритании.

«Они (англичане. — *Авт.*), — писал Кордт Вейцзекеру в донесении от 23 августа 1938 г., — несомненно, готовы также сделать все от них зависящее, чтобы удовлетворить наши желания, но, конечно, за плату...»[3]

По словам Кордта, Г. Вильсон говорил, что если Англии и Германии удастся договориться, то чехословацкую проблему можно будет разрешить даже вопреки сопротивлению Чехословакии и Франции. В своем письме к Дирксену от 1 сентября 1938 г. Кордт приводил следующие слова Г. Вильсона: «Если мы вдвоем — Великобритания и Германия — договоримся отно-

[1] Подчеркнуто в оригинале.
[2] ИДА, ф. 330. Письмо Кордта Вейцзекеру от 23 августа 1938 г.
[3] «Документы и материалы...», т. II, стр. 36.

сительно урегулирования чешской проблемы, то мы просто устраним сопротивление, которое могли бы оказать Франция и сама Чехословакия этому решению вопроса» [1].

Что касается Франции, то правительство Чемберлена было уверено, что французское правительство присоединится к любому решению, которое будет выработано англичанами. Достаточно сослаться на донесение Фиппса Галифаксу от 10 сентября, в котором сообщалось следующее: «Г-н Бонне повторил мне то, что он столь часто говорил, а именно, что французское правительство примет и поддержит любой план урегулирования судетского вопроса, который выдвигает правительство его величества или лорд Ренсимен» [2].

Однако все усилия Чемберлена довести англо-германские переговоры до успешного конца оказались безрезультатными. В ходе переговоров Гитлер постепенно расширял объем требований к Чехословакии, стремясь сделать невозможным какое-либо соглашение между чехословацким правительством и партией судетских немцев.

Европа вновь стояла на пороге драматических событий.

3 сентября Гитлер созвал совещание для обсуждения плана «Грюн» (нападение на Чехословакию), на котором было принято решение о приведении германской армии в боевую готовность к 28 сентября. После этого Германия почти открыто начала проводить военные приготовления, рассчитывая таким путем шантажировать правящие круги Англии и Франции. К середине сентября эта политика принесла определенные успехи: Чемберлен предложил приехать к Гитлеру для личной встречи. Фашистский «фюрер» дал свое согласие. 15 сентября Чемберлен вылетел в Германию.

Провожать Чемберлена на аэродром прибыли министры английского правительства. Характеризуя настроения присутствовавших на аэродроме высокопоставленных англичан, Кордт пишет, что все они, «и особенно лорд Галифакс, своим поведением старались показать нам, немцам, что они с искренней радостью встретили немедленный и сердечный ответ фюрера на обращение британского премьер-министра» [3]. Свидание Чемберлена с Гитлером происходило в Берхтесгадене и продолжалось 3 часа.

Во время берхтесгаденской встречи Гитлер решил действовать напрямик — он потребовал отторжения западных и северо-западных земель Чехословакии и передачи их Германии. Чемберлен дал на это свое согласие. Так политика «умиротво-

---

[1] «Документы и материалы...», т. II, стр. 48.
[2] DBFP, Third series, vol. II, p. 287.
[3] «Документы и материалы...», т. II, стр. 54.

рения» приводила ко все более позорным актам капитулянтства перед фашистскими агрессорами.

Вернувшись в Лондон, Чемберлен 18 сентября 1938 г. совместно с французским правительством сформулировал условия англо-французского ультиматума Чехословакии, предъявленного затем правительству Бенеша — Годжи. Англия и Франция настаивали, чтобы Чехословакия согласилась удовлетворить территориальные требования Гитлера, а также расторгнуть договор о взаимопомощи с СССР. Англо-французский ультиматум вызвал гнев и возмущение чехословацкого народа. Правительство Бенеша — Годжи было вынуждено считаться с этим: в своем ответе от 21 сентября оно формально отклонило позорные англо-французские требования. Однако Гитлер предъявлял все бóльшие требования, шантажируя Чемберлена и Даладье угрозой войны. 22—23 сентября при новой встрече с Чемберленом в Годесберге Гитлер выдвинул требование о том, чтобы из Судетской области были немедленно выведены чехословацкие войска и полиция, после чего область немедленно займут германские войска. В случае невыполнения этих требований Гитлер пригрозил, что «он будет вынужден искать военного решения вопроса» [1].

Новые требования Гитлера были предметом обсуждения на англо-французском совещании в Лондоне 25 сентября. Хотя Даладье охарактеризовал эти требования как «расчленение Чехословакии и германское господство в Европе» [2], тем не менее ни Даладье, ни Чемберлен не отвергли их и усиленно продолжали поиски путей соглашения с Гитлером.

Борьба СССР против фашистской агрессии и мюнхенской политики западных держав

В критические дни, когда решалась судьба Чехословакии, только Советский Союз показал себя истинным поборником мира и верным другом чехословацкого народа. Советское правительство твердо заявило о своей неизменной верности советско-чехословацкому договору.

Опубликованные в СССР и Чехословакии новые документы из истории Мюнхена подтверждают, что Советское правительство неоднократно подчеркивало готовность выполнить союзнический долг по договору с Чехословакией — оказать ей помощь в случае нападения на нее.

Так, в беседе с чехословацким посланником в СССР Фирлингером заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин 15 марта 1938 г. говорил о намерении Советского Союза согласно пакту о взаимопомощи оказать помощь Чехословакии

---

[1] DBFP, Third series, vol. II, № 1040, p. 478.
[2] Ibid., № 1093, p. 524.

в случае, если бы она подверглась нападению немецко-фашистского агрессора. «Что касается Советского Союза, — заверил он чехословацкого посланника, — то никто и никогда не мог еще упрекнуть его в уклонении от принятых им на себя международных обязательств» [1]. То же самое заявил 16 марта народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов. «На вопрос американских журналистов, что намерен предпринять СССР в случае нападения на ЧСР, — сообщал Фирлингер, — Литвинов вчера заявил, что, само собой разумеется, СССР выполнит свои союзнические обязательства» [2].

28 марта 1938 г. советская военная делегация, находившаяся в Чехословакии, сообщила начальнику генерального штаба чехословацкой армии о том, что СССР окажет помощь Чехословакии в случае нападения на нее.

В апреле Советское правительство вынесло решение, согласно которому СССР обязывался вместе с Францией и Чехословакией принять все меры для обеспечения безопасности последней [3]. Готовность СССР оказать помощь Чехословакии публично подтвердил председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин 26 апреля 1938 г.

В дни майского кризиса народный комиссар иностранных дел СССР вновь подтвердил (25 мая) решимость Советского Союза в случае нападения на Чехословакию оказать последней необходимую помощь [4].

Отношение Советского правительства к чехословацко-германскому конфликту было подробно изложено в речи М. М. Литвинова, произнесенной в Ленинграде 23 июня 1938 г. В ней говорилось:

«Наши пакты с Францией и Чехословакией, помимо оказания помощи в случае войны, имеют также целью предотвращение или уменьшение самой опасности войны в определенных частях Европы. Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехословакией, всему миру должно быть ясно, что советско-чехословацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наиболее, если не единственно крупным фактором, разряжающим атмосферу вокруг Чехословакии. Необходимо сказать, что, обещая помощь жертве агрессии, Советское правительство не использует эту помощь в качестве средства давления на эту жертву, с тем чтобы побудить ее капитулировать перед агрессором и действовать таким образом, чтобы какая-либо помощь ей была излишней. Наша общая политика мира

[1] «Новые документы из истории Мюнхена». М., Госполитиздат, 1958, стр. 17.
[2] Там же, стр. 18.
[3] См. там же, стр. 26.
[4] См. там же, стр. 41—45.

заставляет нас, естественно, желать, чтобы конфликты, возникающие у Чехословакии с ее соседями, разрешались мирным путем, но мы строго воздерживаемся от каких-либо непрошеных советов чехословацкому правительству, ибо мы верим в его миролюбие и считаем, что оно само является судьей в вопросах, касающихся внутреннего устройства своего государства, что оно само найдет разумные пределы уступок, совместимых с престижем, суверенитетом и независимостью государства, что в международном разрезе Чехословакия является обороняющейся стороной и что ответственность за последствия во всяком случае будет нести сторона нападающая» [1].

Не менее ясные заявления о своей позиции в отношении помощи Чехословакии Советское правительство сделало 25 июня [2].

Готовность Советского правительства выполнить свои союзнические обязательства перед Чехословакией народный комиссар иностранных дел СССР подтвердил в беседе с германским послом в Москве 22 августа. Он твердо заявил Шуленбургу о том, что «чехословацкий народ как один человек будет бороться за свою независимость, что Франция в случае нападения на Чехословакию выступит против Германии, что Англия, хочет ли этого Чемберлен или нет, не сможет оставить Францию без помощи и что мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией» [3].

Как свидетельствует Шуленбург в сделанной им записи этой беседы, М. М. Литвинов разоблачил истинную цель, которую преследовало гитлеровское правительство, выдвигая вопрос о судетских немцах. Нарком прямо заявил, что «Германия не столько озабочена судьбами судетских немцев, сколько стремится к ликвидации Чехословакии в целом. Она хочет захватить эту страну». По его словам, если дело дойдет до войны, то Франция и Англия выступят против Германии, и тогда Советский Союз, который обещал Чехословакии поддержку, «сдержит свое слово и сделает все, что в его силах» [4].

В ответ на запрос французского правительства о том, сможет ли СССР оказать помощь Чехословакии и какую именно в случае, если Польша и Румыния будут возражать, народный комиссар иностранных дел дал ответ 2 сентября в беседе с поверенным в делах Франции в СССР Пайяром.

---

[1] *М. М. Литвинов.* К современному международному положению. М., Госполитиздат, 1938, стр. 20—21.

[2] См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 59—60.

[3] Там же, стр. 66.

[4] DGFP, Series D, vol. II, № 396, p. 630.

М. М. Литвинов напомнил ему о том, что «Франция обязана помогать Чехословакии независимо от нашей помощи, в то время как наша помощь обусловлена французской, и что поэтому мы имеем большее право интересоваться помощью Франции... при условии оказания помощи Францией, мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути. Если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига наций вынесет решение об агрессии. Это и предусматривается советско-чехословацким пактом».

«Что касается определения конкретной помощи, — говорил далее народный комиссар, — мы считаем для этого необходимым созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий. Трудно представить себе общую защиту Чехословакии тремя государствами без предварительного обсуждения практических мер их военными экспертами. Мы готовы участвовать в таком совещании» [1]. Кроме того, народный комиссар от имени СССР предложил созвать совещание государств, заинтересованных в сохранении мира, на котором предполагалось принять общую декларацию против агрессора. «Мы считаем, — заявил он французскому поверенному в делах, — что в настоящий момент такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации, которая, несомненно, получит моральную поддержку со стороны Рузвельта, имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры» [2].

Уже в то время было ясно, что французское правительство предпринимало запросы в Москве о возможной позиции СССР с одной целью — оправдать подготовляемое совместно с Англией предательство Чехословакии. В целях разоблачения этой недостойной игры народный комиссар иностранных дел внес предложение изложить на пленуме Лиги наций позицию СССР: «Ввиду распространяемых французами злостных выдумок о нашей позиции, повторяемых теперь и английской прессой

[1] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 70—71.

[2] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 71—72. Из донесения Ньютона в Лондон от 6 сентября видно, какую негативную реакцию вызвали эти советские предложения о совместном выступлении в защиту Чехословакии как у Боннэ, так и у английского посланника в Праге, который полностью одобрял политику Чемберлена в чехословацком вопросе. Ньютон сообщал Галифаксу в этой связи, что «его превосходительство (Боннэ. — *Авт.*) отнюдь не в восторге от этой идеи. Мне трудно представить себе что-либо, что могло бы больше взбесить Гитлера, и я сказал ему это».

с целью оправдать намечаемое англо-французское предательство, — писал он, — предлагаю в предстоящем выступлении в Ассамблее огласить суть ответа, данного мной Пайяру». Получив согласие правительства, М. М. Литвинов в своей речи 21 сентября на пленуме Лиги дал подробное изложение позиции СССР в чехословацком вопросе. «Мы намерены, — сказал он, — выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное ведомство, — отмечал далее нарком, — готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом. Независимо от этого мы считали бы, однако, желательным постановку вопроса в Лиге наций пока хоть о статье 11, с целью, во-первых, мобилизации общественного мнения и, во-вторых, выяснения позиции некоторых других государств, пассивная помощь которых была бы весьма ценной. Необходимо, однако, — подчеркнул оратор, — сперва исчерпать все меры предотвращения вооруженного конфликта, и одной из таких мер мы считаем немедленное совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша».

«Избежать проблематической войны сегодня, — сказал в заключение М. М. Литвинов, — и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценою удовлетворения аппетитов ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств — не значит действовать в духе пакта Лиги наций. Премировать бряцание оружием и обращение к оружию для разрешения международных проблем, иначе говоря премировать и поощрять наступательный сверхимпериализм в до сих пор неслыханных формах — не значит действовать в духе пакта Келлога — Бриана» [1].

Свою верность идее коллективной защиты мира путем организации отпора агрессору и готовность выполнить свои договорные обязательства в отношении Чехословакии Советское правительство также продемонстрировало 20 сентября в ответе на запрос правительства Бенеша от 19 сентября. Последнее запросило, окажет ли СССР помощь Чехословакии в соответствии с советско-чехословацким пактом о взаимопомощи или в случае обращения ее в Лигу наций.

Советское правительство дало четкий и ясный положительный ответ на эти вопросы во время встречи Фирлингера с заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным 20 сентября. «Потемкин только что сообщил мне ответ на первый вопрос — готов ли СССР оказать немедленную и действен-

[1] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 125, 126.

ную помощь, если Франция останется верной пакту. Правительство отвечает: да, немедленно и действенно. На второй вопрос — готов ли СССР выполнить свои обязательства согласно ст. ст. 16 и 17 в случае обращения в Лигу наций — правительство отвечает: да, в любом отношении» [1].

22 сентября 1938 г. В. П. Потемкин на вопрос чехословацкого посланника о том, «могло ли бы правительство СССР, в случае нападения Германии на Чехословакию, оказать помощь последней, не дожидаясь решения Совета Лиги наций», дал положительный ответ [2].

Несмотря на предельно ясное изложение позиции СССР по чехословацкому вопросу, англо-французские «умиротворители» не унимались, продолжали умышленно извращать ее. Делалось это для того, чтобы оправдывать свою политику грубого нажима на Чехословакию, от которой они добивались безоговорочного удовлетворения всех притязаний Гитлера. Поэтому народный комиссар иностранных дел еще раз изложил позицию Советского правительства в своей речи, произнесенной на заседании политического комитета Лиги наций 23 сентября. Он подробно остановился на обязательствах СССР по чехословацко-советскому договору, отметив, что СССР имел все основания отказаться от этого договора после того, как Чехословакия фактически приняла англо-французский ультиматум, включавший эвентуально денонсирование советско-чехословацкого пакта. «Тем не менее, — подчеркнул нарком, — Советское правительство, не ищущее предлогов, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств, ответило Праге, что в случае помощи Франции в указанных чехословацким правительством условиях вступит в силу советско-чехословацкий пакт» [3].

Итак, чехословацкое правительство не имело никаких оснований сомневаться в том, что СССР выполнит свои обязательства по пакту и окажет ей помощь в случае нападения Германии. Более того, Советский Союз, будучи готовым выполнить свои договорные обязательства, выдвинул к своей западной границе 30 стрелковых дивизий, привел в боевую готовность авиацию и танковые части. Для отправки в Чехословакию были подготовлены 246 бомбардировщиков и 302 истребителя, сосредоточенных в двух особых военных округах — Белорусском и Киевском [4]. 23 сентября Советское правительство предупредило правительство панской Польши, что в случае, если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, то СССР

---

[1] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 105.
[2] АВП СССР, ф. 011, оп. 2, д. 61722, 1938, л. 43.
[3] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 135—136.
[4] АВП СССР, ф. 048-а, оп. 23, п. 284, т. I, д. 28, л. 120—121.

будет считать это актом агрессии и без предупреждения денонсирует пакт о ненападении с Польшей.

Продолжая свою борьбу за сохранение мира, Советское правительство 28 сентября 1938 г. вновь выступило с предложением о немедленном созыве международной конференции для обсуждения мер предупреждения агрессии и предотвращения новой мировой войны.

Особенно важно подчеркнуть, что Советский Союз был готов оказать военную помощь Чехословакии *даже без участия Франции* при условии, что сама Чехословакия окажет сопротивление агрессору и попросит о советской помощи. Этот факт Бенеш был вынужден признать в 1939 г. в беседе с дочерью Т. Манна. Об этом имеется убедительное свидетельство К. Готвальда, содержащееся в его статье, опубликованной в 1949 г. Высоко оценивали позицию СССР и его готовность оказать помощь Чехословакии на всех этапах чехословацкого кризиса и другие чехословацкие деятели. Так, например, шеф-редактор «Прагер прессе» Лаурин в беседе с полпредом СССР заявил 29 июля 1938 г. о том, что «Крофта прямо в теплых выражениях говорил о сдержанной и достойной позиции СССР, чрезвычайно помогающей Чехословакии в ее борьбе против всеобщего нажима» [1]. Чиновник министерства иностранных дел Чермак заявил в беседе с сотрудником полпредства СССР, что «поведение СССР безукоризненно и к его голосу следовало прислушиваться более внимательно... Ни один честный чехословак не может упрекнуть СССР и всегда будет ему только благодарен за добрую волю и готовность оказать помощь Чехословакии» [2].

Как только стали известны англо-французские условия, предъявленные пражскому правительству, вся Чехословакия буквально забурлила от гнева. По всей стране прокатилась мощная волна патриотических митингов и демонстраций, участники которых требовали отставки правительства Бенеша — Годжи и объявления всеобщей мобилизации для отпора гитлеровским агрессорам. Повсеместно чехословацкий народ заявлял о своей решимости стать на защиту родины. Демонстранты посылали делегации в советское полпредство в Праге, которые принял полпред С. С. Александровский. Как сообщал Александровский в НКИД, он заверил делегации, что «СССР дорожит Чехословацкой республикой и интересами ее трудящихся, а потому готов помочь защитой от нападения. Путь к оказанию помощи усложнен отказом Франции, но СССР ищет путей и найдет их, если Чехословакия подвергнется нападению и будет вынуждена защищаться» [3].

[1] АВП СССР, ф. 011, оп. 2, п. 18, д. 61686, л. 211.
[2] Там же, л. 236.
[3] «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 129—130.

Но правительство Бенеша — Годжи думало не об организации защиты страны, а о том, как скрыть от народа свою капитулянтскую позицию перед немецко-фашистскими агрессорами и их англо-французскими пособниками. Исходя из узкоклассовых интересов наиболее реакционных кругов чехословацкой буржуазии, оно боялось призвать народ к отпору фашистской Германии и не хотело воспользоваться помощью СССР. Оно предпочло предать национальные интересы своей страны.

Мюнхенское соглашение (29—30 сентября 1938 г.)

Зная капитулянтские настроения Лондона и Парижа, а также правительства Бенеша, Гитлер уже не считал нужным стесняться. 26 сентября он выступил в берлинском Спортпаласе с новыми угрозами против Чехословакии. «Если к 1 октября, — бесновался «фюрер», — Судетская область не будет передана Германии, я, Гитлер, сам пойду, как первый солдат, против Чехословакии».

Очередной сеанс политического шантажа возымел свое действие. Рано утром 26 сентября президент США призвал Гитлера и Бенеша «разрешить спор мирным путем». На следующий день президент США обратился к правительствам Англии, Франции, Германии, Италии и Чехословакии с новым «посланием мира», в котором содержалось предложение о созыве международной конференции. СССР не был назван в числе ее участников [1]. Практически это означало, что в правящих кругах США одобряли англо-французскую политику сговора с Гитлером за счет Чехословакии, а также устранения СССР от решения вопросов европейской политики.

Документы подтверждают, что правительство Бенеша — Годжи, исходя из узкоклассовых интересов, не захотело воспользоваться советской помощью и предпочло пожертвовать национальными интересами чехословацкого народа и государства. Капитулировав, оно выдало страну Гитлеру. Для оформления этой сделки и была созвана в Мюнхене 29—30 сентября 1938 г. конференция четырех держав (Англии, Франции, Германии и Италии).

Около часу дня 29 сентября Гитлер произнес перед собравшимися одну из своих наиболее наглых и циничных речей, требуя признания своего «права» на захват значительной части Чехословакии. Это была программа разбоя среди бела дня.

Без всякого участия Чехословакии Даладье и Чемберлен решили ее судьбу, подписав 30 сентября договор с Гитлером, означавший чудовищное предательство Чехословакии. Представитель чехословацкого правительства был вызван туда лишь для того, чтобы выслушать приговор.

---

[1] См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 391.

Мюнхенское соглашение предусматривало отторжение от Чехословакии Судетской области и передачу ее Германии. Таким образом, Гитлер добился осуществления всех своих требований, которые он предъявлял к Чехословакии, т. е. расчленения этой страны. Мюнхенское соглашение предусматривало также удовлетворение необоснованных территориальных притязаний по отношению к Чехословакии со стороны правительств хортистской Венгрии и панской Польши. В результате расчленения Чехословакия потеряла почти $^1/_5$ своей территории, около $^1/_4$ населения и половину мощностей тяжелой промышленности. Теперь германская граница проходила в 40 *км* от Праги.

Мюнхенское соглашение содержало обязательство Англии и Франции участвовать в «международных гарантиях» новых чехословацких границ, определение которых входило в компетенцию этой «международной комиссии». Гитлер также обязывался «уважать» неприкосновенность новых границ Чехословацкого государства. Однако для всех была ясна истинная цена этих заверений.

Циничное предательство Чехословакии со стороны правящих кругов Англии и Франции, для которых Чехословакия была разменной монетой в империалистическом торге с Гитлером, свершилось. Сбылось то, что предвидел в 1923 г. народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин, который писал тогда полпреду РСФСР в Чехословакии Юреневу: «Я уже писал Вам в прошлый раз о том, что должны же чехи когда-нибудь понять, что Франция смотрит на них только как на разменную монету и при первом удобном случае заплатит ими за какую-нибудь политическую сделку» [1].

Участвовавший в Мюнхенской конференции в составе английской делегации Киркпатрик пишет в своих мемуарах о позиции Франции следующее: «Французы, включая Даладье, решили достичь соглашения любой ценой. Они представляли собой смешную группку людей, которые не испытывали ни капли стыда из-за участия в расчленении их союзника» [2].

В Мюнхене был подписан не только смертный приговор Чехословакии. В Мюнхене был также выдан аванс Гитлеру в целях поощрения германской агрессии в Восточную Европу, против СССР.

Видный английский буржуазный историк Уиллер-Беннет справедливо пишет, что «смысл Мюнхенского соглашения заключался в том, чтобы уничтожить Чехословакию как самостоятельный военный, политический и экономический фактор и

---

[1] АВП СССР, ф. 04, п. 276, д. 53960, л. 82—84.
[2] «The Sunday Times», 31. V. 1959.

подготовить условия для дальнейшей экспансии Германии в сторону Польши и России» [1].

Сразу же после Мюнхенской конференции англо-французские пособники «фюрера» усиленно стали распространять фальшивую версию о том, будто Советский Союз был причастен к мюнхенскому сговору четырех держав. Советское правительство тогда же категорически опровергло эту злостную ложь. В сообщении ТАСС от 2 октября 1938 г. в этой связи говорилось: «Парижский корреспондент агентства Юнайтед Пресс сообщает в Нью-Йорке, что будто бы правительство СССР уполномочило Даладье выступать на конференции четырех держав в Мюнхене от имени СССР. ТАСС уполномочен сообщить, что Советское правительство никаких полномочий г-ну Даладье, разумеется, не давало, равно как не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям. Означенное сообщение агентства Юнайтед Пресс является нелепой выдумкой от начала до конца» [2].

Авторы этих провокационных вымыслов ставили целью прикрыться именем СССР от критики демократического общественного мнения всех стран, осуждавшего предательство мюнхенских «умиротворителей». «Сейчас те же Франция и Англия, — говорилось в телеграмме В. П. Потемкина полпреду СССР в Лондоне, — пускают в широкое обращение мошенническую выдумку, будто держали нас в курсе своего сговора с Гитлером в чехословацком вопросе и чуть ли не согласовывали с нами решений Мюнхенской конференции. Мы опровергаем это жульничество через ТАСС» [3]. Однако лжецы не унимались. Тогда ТАСС 4 октября выступил с новым сообщением по этому же вопросу. В нем подчеркивалось, что «никаких совещаний и тем более соглашений между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбах Чехословацкой республики и об уступках агрессору не происходило» [4].

Разоблачая позорную сделку западных держав с агрессором, «Правда» писала о Мюнхенском соглашении: «Весь мир, все народы отчетливо видят: за завесой изящных фраз о том, что Чемберлен в Мюнхене якобы спас всеобщий мир, совершен акт, который по своему бесстыдству превзошел все, что имело место после первой империалистической войны» [5].

Правительства Англии и Франции смогли осуществить сговор с Гитлером за счет Чехословакии потому, что правящие круги США не только им не противодействовали, но и поддер-

---

[1] «Foreign Affairs», October 1946, p. 38.
[2] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 395.
[3] АВП СССР, ф. 059, п. 331, д. 3130, л. 82.
[4] «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 395.
[5] «Правда», 4 октября 1938 г.

жали их политику самым активным образом. Дипломатические представители США одобряли все действия Лондона и Парижа при подготовке мюнхенской сделки и сами участвовали в ее подготовке. Правительство США не нашло ни единого слова для осуждения гитлеровской агрессии. Более того, его предложение о созыве конференции с участием агрессоров было недвусмысленным одобрением проводившейся Англией и Францией политики поощрения Гитлера к нападению на СССР. Это же подтверждал и факт посылки Чемберлену поздравления в связи с подписанием Мюнхенского соглашения.

После Мюнхена Чемберлен был уверен, что добился осуществления своей цели — сговора с Гитлером. Одновременно с «решением» «чехословацкого вопроса» в Берлине согласились наконец подписать англо-германский договор о ненападении в форме двусторонней декларации. Тем самым Чемберлен получал от Германии письменное обязательство о ненападении.

6 декабря 1938 г. в Париже была подписана Риббентропом и Боннэ франко-германская декларация, в которой говорилось, что между Францией и Германией нет территориальных споров, и содержалось обязательство развивать мирные и добрососедские отношения между обеими странами. Таким образом, эта декларация была не чем иным, как пактом о ненападении между Францией и Германией.

Правящие круги Англии и Франции торжествовали — прикрываясь лживыми фразами о «спасении» мира в Европе, они сделали все, чтобы «канализировать» гитлеровскую агрессию на восток.

В воззвании компартий 10 европейских стран, Канады и США от 9 октября 1938 г. был показан классовый смысл сделки англо-французской реакции с фашистскими державами. Воззвание призывало прогрессивные силы всего мира к борьбе против опасной политики англо-французских мюнхенцев. «Мюнхенское предательство не спасло мир, — говорилось в воззвании, — а лишь поставило его под угрозу, ибо оно нанесло удар союзу сил мира во всех странах и поощрило фашистов тем больше усугубить свои требования, что они чувствуют теперь поддержку со стороны реакционных кругов различных стран» [1].

30 сентября 1938 г. в Мюнхене был совершен один из самых позорных актов открытого бандитизма в международной политике. Европа сделала еще один шаг к войне.

---

[1] «Коммунистический Интернационал», 1938, № 10, стр 126.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ДВУХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ КОАЛИЦИИ (1938—1939 гг.)

Дальнейшее обострение империалистических противоречий

Агрессивные акты Германии, Италии и Японии все более обостряли обстановку в Европе и на Дальнем Востоке. Международная напряженность усугублялась экономическим кризисом, охватившим страны капитала.

Экономика фашистских государств, быстро продвигавшихся по пути милитаризации, была затронута кризисом в гораздо меньшей мере, чем экономика западных держав.

По темпам роста вооружений Германия обогнала США, Англию и Францию; последние две державы она опередила и по уровню производства. Германские монополии начали серьезно теснить своих соперников на рынках Европы, Азии и Африки. Они успешно конкурировали с США и Англией в ряде стран Латинской Америки.

Регулирование внешней торговли, прекращение выплаты процентов и погашений по американским займам, закрытие и вытеснение ряда американских предприятий — все эти меры гитлеровского правительства наносили серьезный ущерб интересам монополий США. Однако монополистические группы Моргана, Рокфеллера, Дюпона, Форда продолжали сотрудничать с гитлеровцами, способствовали развитию германской военной промышленности и накоплению стратегических запасов. Курс на сотрудничество с германскими милитаристами, проводившийся правящими кругами США, Англии и Франции, вел к дальнейшему усилению военно-экономического потенциала Германии.

В сентябре 1938 г. гитлеровцы закончили составление документа, определявшего основные направления их стратегии. Германия, говорилось в документе, нуждается «не только в достаточных колониальных владениях, но и в том, чтобы обеспечить свои морские коммуникации и выход к океану». Авторы отдавали себе отчет, что оба эти условия «могут быть выполнены лишь вопреки англо-французским интересам и ограничат их положение как мировых держав. Нельзя рассчитывать на то, что это может быть осуществлено мирным путем». Речь шла об ускоренной подготовке большой войны [1].

Монополии западных стран начинали осознавать неизбежность вооруженной борьбы за свои интересы, но они не теряли надежду «политическим путем», т. е. путем сговора, прежде всего за счет СССР, а также Китая и других стран, на время разрешить противоречия с фашистскими государствами.

18 октября 1938 г. главный экономический советник английского правительства Лейт-Росс обратился к германской экономической делегации, находившейся в то время в Англии, с предложением созвать

[1] См. «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. I, стр. 371.

конференцию Англии, Франции, Италии и Германии для обсуждения вопроса об «экономическом сотрудничестве» [1].

Члены правительства Чемберлена — министр внутренних дел Хор, министр транспорта Бюргин изложили Дирксену основное содержание проектируемого соглашения. Хор настаивал на создании военного союза держав — участниц Мюнхенской конференции в целях «гарантии» против Советского Союза.

Сведения об этих переговорах, проникшие в печать, вызвали беспокойство в Париже. Французские политические круги опасались, как бы соглашение не было достигнуто за их счет. Боннэ вызвал английского посла в Париже Фиппса и дал ему понять, что приступать к «общему урегулированию» следует лишь после заключения франко-германского соглашения о взаимных гарантиях границ [2].

Англо-германские переговоры не дали результатов. Выявились острые разногласия по ряду экономических проблем. Гитлеровцы требовали отмены высоких тарифов на ввоз немецкой продукции в Англию и страны Британской империи. Английские представители, в свою очередь, говорили о «нелояльной» немецкой конкуренции. Они имели в виду правительственные субсидии германским промышленникам с целью повышения их конкурентоспособности.

Английские дипломаты, пытаясь смягчить разногласия, призывали своих партнеров к «более широким рамкам политического умиротворения». Однако старания Лейт-Росса оказались безуспешными. Гитлеровцы не хотели идти на соглашение военно-политического характера. Как раз в это время они вели переговоры с Японией о заключении военного союза, направленного не только против СССР, но и против Англии и Франции.

В целях укрепления в английских и французских правящих кругах надежд на войну Германии против Советского Союза гитлеровцы начали осенью 1938 г. крикливую кампанию под лозунгами «освобождения» Украины и создания «независимого» украинского государства на базе Закарпатской Украины. Дипломатия Англии и Франции не разглядела истинных целей этой пропагандистской шумихи.

Более того, французские политики воспользовались ею, чтобы вновь показать Берлину свое нежелание выполнять обязательства по франко-советскому договору о взаимопомощи. Выступая 14 декабря 1938 г. в сенатской комиссии по иностранным делам, Боннэ заявил, что франко-советский пакт остается в силе, но французское правительство, однако, резервирует свою позицию на тот случай, если СССР «не сможет противостоять слишком сильному сепаратистскому движению, имеющему целью образовать независимую Украинскую республику» [3].

Усиление угрозы войны и англо-французская дипломатия

Отношения между Францией и Англией в этот период оставались довольно сложными. Англия неоднократно заверяла французов в своей готовности помочь в случае нападения Германии. Однако английская дипломатия стремилась ослабить позиции Франции как великой державы в Европе и на Ближнем Востоке. Этого аспекта английской политики старались не замечать руководящие французские деятели тех лет — Блюм, Боннэ, Даладье, Фланден, Рейно и др.

Во второй половине ноября 1938 г. состоялась встреча Чемберлена с Даладье. В центре переговоров стоял вопрос о готовности обеих стран к войне.

Английская армия состояла в то время из пяти дивизий, из которых лишь одна была механизированной. При наличии таких сил Ан-

[1] DGFP, Series D, vol. IV, № 257, p. 315—316.
[2] DBFP, Third series, vol. III, № 283, p. 250.
[3] «Journal Officiel», 14. XII. 1938.

глия, конечно, не могла оказать существенной помощи Франции на континенте. Впрочем, английское правительство считало основной функцией своих сухопутных войск защиту Британских островов и создание гарнизонов в стратегически важных пунктах Британской империи. Главное внимание уделялось укреплению противовоздушной обороны [1].

Еще в сентябре 1938 г. в дни чехословацкого кризиса французское правительство запросило Лондон, на какую военную помощь оно может рассчитывать. По словам Боннэ, ответ был такой: в первые шесть месяцев войны помощь выразится в отправке двух немоторизованных дивизий и 150 самолетов [2].

По темпам своего вооружения Англия значительно отставала от Германии. В 1938 г. гитлеровцы израсходовали на вооружения 1710 млн. ф. ст., или четверть всего национального дохода, а Англия — 358 млн. ф. ст. (7% национального дохода) [3]. Что касается французской армии, то она все более утрачивала свое превосходство над германской.

При обсуждении вопроса о состоянии вооружений Даладье подчеркнул два момента: усиленное строительство гитлеровцами укреплений на французской границе и позицию Италии, как слабого члена фашистского триумвирата. Даладье сообщил, что французское правительство развертывает военное производство. В 1938 г., по его словам, Франция располагала 2600 самолетами и надеялась производить в дальнейшем ежемесячно по 400 самолетов. В свою очередь Чемберлен заявил, что к концу лета 1939 г. английская промышленность будет выпускать 700—800 самолетов в месяц [4].

Чемберлен и Галифакс узнали от своих французских коллег, что они готовятся подписать соглашение с Германией, аналогичное англо-германской декларации.

Во время этой встречи Чемберлен высказал мнение, что Франция и Англия должны предоставить Германии свободу рук (имелось в виду на востоке). Даладье согласился с предложением Чемберлена.

Французский и британский премьер-министры изображали, что они верят в вымыслы гитлеровской пропаганды о каком-то сепаратистском движении на Советской Украине.

Чемберлен спросил, какова будет позиция Франции, если СССР потребует у нее поддержки на том основании, что Германия провоцирует сепаратистское движение на Украине. В ответ Боннэ пояснил, что французские обязательства в отношении России вступят в силу лишь в случае прямого нападения Германии на русскую территорию [5].

Дипломатия западных держав продолжала тешить себя надеждами на советско-германскую войну в самом ближайшем будущем. Послы и чиновники иностранных ведомств Англии и Франции стремились в своих сообщениях начальству в соответствующем духе истолковывать происходившее в Европе. Так, английский дипломат Огильви Форбс 29 декабря 1938 г. сообщил из Берлина, что Германия вынуждена будет в ближайшее время ввязаться в новую авантюру. Из этого факта он делал вывод, угодный Галифаксу. «Вероятно, — писал он, — что акция будет предпринята в восточном направлении» [6]. Английский военный атташе Макфарлан в донесении, приложенном к сообщению Форбса, писал о скорой «германской акции на Украине». Правда, он не исключал и возможность германского наступления на западе.

---

[1] *Ch. L. Mowat.* Britain between the Wars, 1918—1940, London, 1955, p. 627.
[2] *G. Bonnet.* De Washington au Quai d'Orsay, p. 360—361.
[3] *Ch. L. Mowat.* Britain between the Wars, 1918—1940, p. 628. Черчилль в своих мемуарах называет такие цифры военных расходов Англии: в 1937—1938 гг. — 234 млн. ф. ст., в 1938—1939 гг. — 304 млн. и в 1939—1940 гг.—367 млн.
[4] DBFP, Third series, vol. III, № 325, p. 289—290.
[5] Ibid, p. 306—307.
[6] Ibid., № 505, p. 545.

Подобные суждения были широко распространены и в американских правящих кругах. Правительство США одобрительно отнеслось к Мюнхенскому соглашению, рассматривая его, прежде всего, как антисоветское. Однако с течением времени американская дипломатия стала опасаться, что прямой контакт ведущих капиталистических держав Европы, установленный в Мюнхене, мог приобрести характер антиамериканского объединения. Особое беспокойство в Вашингтоне вызвали сообщения о начавшихся осенью 1938 г. переговорах между Англией и Германией по экономическим и колониальным проблемам. Осознавая возраставшую угрозу со стороны Германии, США приняли решение укрепить свои вооруженные силы. Развернулась активная пропагандистская кампания за укрепление обороны Западного полушария.

Ф. Рузвельт в беседе с финансовым советником Бернардом Барухом указал на необходимость организации «массового производства оружия, в частности доведения выпуска самолетов до 24 тыс. в год»[1]. США переходили к стратегии двух флотов — Атлантического и Тихоокеанского. Временная атлантическая эскадра была преобразована в постоянную и значительно усилена. В бюджете на 1938/39 г. были предусмотрены невиданные в истории страны военные ассигнования, превышавшие 1 млрд. долл. Было решено увеличить флот США на 20%[2].

Японо-германские переговоры о военном союзе

Политика, проводимая США, Англией и Францией в международных делах, дала возможность Германии, Японии и Италии безнаказанно осуществить ряд агрессивных акций. Однако правящие круги фашистских держав рассматривали эти акции лишь как начало осуществления более широких планов передела мира, учитывая перспективу столкновения с их империалистическими конкурентами и войны с СССР.

«Антикоминтерновский пакт» не содержал определенных обязательств военного характера. Поэтому в правящих кругах Германии и Японии возникло стремление консолидировать свои силы посредством заключения военно-политического союза. Такой договор должен был объединить два фашистских государства для совместной борьбы против СССР, а также против США, Англии и Франции. Соглашение с Японией с точки зрения гитлеровской дипломатии было необходимо и для разрешения существенных японо-германских противоречий, связанных прежде всего с борьбой за влияние в Китае.

Германия добивалась, чтобы Япония предоставила ей «более благоприятное положение по сравнению с третьими государствами» в Китае. Однако это требование не было удовлетворено. Японцы вытесняли немецких промышленников и торговцев из оккупированных районов, запрещали их деятельность. В «Отчете о состоянии германских экономических интересов в районах Китая, занятых Японией», датированном 24 июля 1938 г., содержался следующий вывод: «Германские фирмы полностью вытеснены японскими из тех районов, где они прежде были крупнейшими поставщиками. Нужно опасаться, что то же самое произойдет и во всех других отраслях, где находятся японские монополии»[3].

Стремясь сохранить свои интересы в Китае и вместе с тем улучшить отношения с Японией, гитлеровцы в феврале 1938 г. признали Маньчжоу-Го, а в июле их военные советники были отозваны из гоминдановской армии. В том же месяце прекратились и поставки оружия.

Весьма острым был и вопрос о судьбе бывших германских владений на Тихом океане. Реваншистские лозунги гитлеровцев, требовав-

[1] *W. Langer* and *S. Gleason*. The Challenge to Isolation, 1937—1940. N. Y., 1953, p. 38.
[2] «The Public Papers and Adresses of F. D. Roosevelt», 1938, p. 70.
[3] АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 8, д. 14, стр. 232.

ших возвращения колоний, серьезно беспокоили их японских конкурентов по территориальным захватам. 27 ноября 1937 г. заместитель министра колоний Хагивара заявил, что «требование о возвращении Германии подмандатных территорий в Южных морях не имеет под собой никакой базы. Мандатные территории в Южных морях являются неотъемлемой частью Японии» [1].

Гитлеровское правительство выразило недовольство выступлением Хагивара. Германский посол в Токио заявил министру иностранных дел Арита, что Германия «стремится начать международное обсуждение своих колониальных притязаний» и она «не ожидает от своих друзей отказа в помощи в этом вопросе, а заявления, подобные выступлению Хагивара, вызывают у нас раздражение» [2].

Тогда японцы предложили Германии формально вернуть ей тихоокеанские владения, а затем немедленно получить их обратно за определенный выкуп. Германский посол, излагая высказывание представителя военно-морских сил Японии Маеда, писал в Берлин: «Японская политика в отношении мандатов в районе Южных морей абсолютно ясна. Япония ни при каких условиях, даже рискуя потерять дружбу Германии, не уйдет с тихоокеанских островов» [3].

Такая постановка вопроса не удовлетворяла фашистских руководителей. Однако Риббентроп считал момент не подходящим для решения этого вопроса. Несмотря на повторное предложение посла Того в мае 1938 г. приступить к переговорам на базе переуступки островов Японии, германское правительство воздержалось от окончательного определения своей позиции. Гитлеровская дипломатия рассчитывала добиться выгодных ей решений в ходе переговоров с Японией о заключении военного союза. Но вопрос о бывших территориальных владениях Германии был настолько острым, что соглашение было достигнуто лишь при подписании военного союза — «пакта трех» в сентябре 1940 г.

Японо-германские переговоры о заключении военно-политического союза начались в январе 1938 г. Они были продолжены в июне того же года в беседах между Риббентропом и японским военным атташе в Берлине Осима. Гитлеровский министр убеждал Осима в необходимости заключения «оборонительного союза, в силу которого договаривающиеся стороны должны безоговорочно вступить в войну с противником, напавшим на одну из договаривающихся сторон» [4].

Обсуждение вопроса о германо-японском союзном договоре состоялось на совете пяти министров (премьер Коноэ, министр иностранных дел Угаки, министр финансов Икэда, военный министр Итагаки и морской министр Ионай) в дни наибольшего обострения советско-японских отношений, вызванного провокацией японской военщины в районе озера Хасан. Армейские руководители требовали использования против СССР крупных военных сил. Однако Коноэ, Угаки и придворные круги боялись, не закончив военные операции в Китае, ввязываться в войну с Советским Союзом. Они хотели прежде всего урегулировать отношения с Англией, Францией и США. Это наложило свой отпечаток и на решение вопроса о заключении германо-японского пакта. Совет пяти министров поручил Осима продолжить переговоры.

Японо-германские переговоры в Италии

Еще во время Мюнхенской конференции Гитлер поставил перед Муссолини вопрос об участии в союзном военном договоре с Японией. Муссолини дал принципиальное согласие на это. 28 октября 1938 г. в Риме состоялось совещание министров иностранных дел Германии и Италии. Муссолини говорил Риббентропу: «Мы должны создать не просто оборо-

[1] См. АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 8, д. 14, стр. 227—228.
[2] См. там же, стр. 230.
[3] DGFP, Series D, vol. I, № 555, p. 818.
[4] АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 8, д. 13, л. 265.

нительный союз. В нем нет нужды, так как никто не собирается нападать на тоталитарные державы. Вместо этого мы хотим создать союз для того, чтобы переделать карту мира» [1].

Однако в Риме опасались столкновения с США. Там понимали, что военный блок трех держав с участием Японии создает непосредственную угрозу американским интересам на Тихом океане и это неминуемо сделает США врагом Италии. Между тем итальянская экономика во многом зависела от американских монополий, из США Италия получала крупные займы, сырье и горючее.

Не хотел Муссолини и открытого разрыва с Англией. Английское правительство шло навстречу его притязаниям в Средиземном море и на Ближнем Востоке, оно проводило вместе с Францией политику все новых и новых уступок агрессорам. И это придало смелости Муссолини. 1 января 1939 г. он заявил Чиано о своем решении принять германское предложение о превращении трехстороннего «антикоминтерновского пакта» в союз. «Дуче» добавил, что он хотел бы подписания союзного договора в январе [2]. Эта дата была не случайной: в начале января 1939 г. Чемберлен и Галифакс должны были приехать в Рим. Заключением союзного договора Муссолини хотел продемонстрировать английским политикам солидарность стран «оси».

Во время своего пребывания в Риме Чемберлен заявил Муссолини, что он имеет сведения о подготовке Гитлером нового удара в ближайшем будущем. «Имеются различные предположения о характере такого шага, — говорил он. — Некоторые думают, что он будет предпринят в направлении Украины; другие — что, хотя это и может явиться конечной целью, но ему будет предшествовать внезапная атака на западе». Английский премьер-министр спросил, «сможет ли дуче дать ему какие-либо заверения, которые что-то сделали бы для уменьшения его беспокойства по этому весьма важному вопросу» [3].

Муссолини лицемерно заверил своего собеседника, что возможность германского нападения на западе «абсолютно исключена» [4].

Встреча с английскими деятелями убедила итальянских фашистских главарей, что дальнейшая активизация их агрессивной политики не встретит серьезного сопротивления. Риббентроп, Осима и Чиано путем непосредственных консультаций выработали текст тройственного пакта. Проект его предусматривал политическую и экономическую поддержку в случае, если «одной из держав будут угрожать», а также взаимную помощь в случае нападения со стороны других держав [5].

Обязательства помощи со стороны Германии и Италии распространялись на Северо-Восточный Китай (Маньчжоу-Го). Секретный дополнительный протокол обязывал участников соглашения выяснить «возможности конфликтов и каким образом и в каких пределах договаривающиеся державы окажут друг другу поддержку, помощь и содействие в зависимости от географических условий». Стороны обязались «не заключать сепаратного перемирия или мира». Будущий договор получал приоритет над другими обязательствами и соглашениями [6].

Риббентроп и Чиано были уверены, что осталась лишь техническая сторона дела. Они назначили подписание пакта на 28 января. Однако они слишком поспешили.

В начале февраля 1939 г. в Рим, а затем и в Берлин прибыла специальная японская миссия, возглавляемая послом Ито. Она вновь потребовала, чтобы договор был направлен лишь против СССР.

---

[1] «Chiano's diplomatic Papers», p. 245—246.
[2] АВП СССР, ф. 436-б, д. 65, л. 3.
[3] DBFP, Third series, vol. III, № 500, p. 525.
[4] Ibidem.
[5] АВП СССР, ф. 436-б, д. 47, л. 151, 152.
[6] Там же, л. 153.

Итальянское правительство использовало новую ситуацию для того, чтобы ускорить заключение двустороннего итало-германского союза. Союз с гитлеровской Германией должен был, по мысли Муссолини, оградить Италию от каких-либо нежелательных и опасных действий других держав, чьи интересы страдали в результате итальянской экспансии в Средиземном море.

Подготовке обеих стран к войне были посвящены беседы Геринга с Муссолини и Чиано 16 апреля 1939 г. «Дуче, — записано в меморандуме об итогах встречи, — объявил, что он считает общую войну неизбежной. Он только задает себе вопрос, когда для держав оси наступит наиболее благоприятный момент и кто захватит в свои руки инициативу в таком конфликте». Геринг заявил, что они «должны еще подождать немного, пока их вооружения не будут по отношению к вооружениям демократических стран в более благоприятном положении».

Обе державы обязались «увеличивать свои вооружения», начать переговоры о координации действий с целью совместного обеспечения нужд войны. Было решено также принять меры для разработки планов общих действий воздушных и морских сил. Это был прямой шаг к заключению военного блока между Италией и Германией.

Затяжка с разрешением вопроса о тройственном пакте из-за позиции Японии все более утверждала Муссолини в нецелесообразности такого союза. И когда в конце апреля 1939 г. Чиано сообщил ему о том, что «японцы настаивают на своих оговорках к трехстороннему союзу» и что «подписание отложено на неопределенное время» диктатор ответил, что он этому «очень рад» [1]. В начале мая 1939 г., во время встречи Риббентропа с Чиано, было принято решение о двустороннем союзе. 8 мая было опубликовано соответствующее официальное коммюнике.

Дальнейший ход японо-германских переговоров

Непредвиденная Риббентропом задержка с подписанием тройственного союзного договора объяснялась острой борьбой, развернувшейся в среде японских правящих кругов по вопросу о дальнейшем направлении экспансии. Вступление в военный блок с фашистской Германией должно было втянуть Японию уже в ближайшем будущем в борьбу за передел мира с вытекающим отсюда неизбежным конфликтом с великими державами, господствовавшими в районе Тихого океана, — США и Англией.

Направленность пакта только против СССР могла бы, по мысли японских политиков, облегчить задачу разгрома Китая без серьезных помех со стороны США, Англии, Франции, стремившихся спровоцировать японо-советскую войну.

3 января 1939 г. ушел в отставку кабинет Коноэ. Важной причиной отставки были разногласия по вопросу о союзе с Германией. Новое правительство возглавил Хиранума, один из руководителей фашистской группировки «Кокухонся». Он поддержал требование высших армейских кругов о заключении военного союза с Германией и Италией без ограничения сферы его действия.

Однако морской министр Ионай и министр иностранных дел Арита, за которыми стояли весьма влиятельные круги, продолжали выступать против всестороннего соглашения с Германией и Италией, рассчитывая с помощью западных государств добиться подчинения большей части Китая, где как раз в это время оживилась деятельность капитулянтов.

В начале марта 1939 г. послы в Берлине и Риме — Осима и Сиратори получили из Токио инструкции, в соответствии с которыми они должны были заявить о согласии Японии с общей идеей пакта, но потребовать ограничения обязательства помощи только случаем войны с

[1] «The Ciano's diaries». N. Y., 1946, p. 72.

СССР. Осима и Сиратори тайно информировали Риббентропа и Чиано о позиции японского правительства. В то же время послы сообщили в Токио о своем отказе передать предложения об изменении германо-итальянского проекта и вновь, как и в феврале, после встречи с Ито, настаивали на принятии первоначального предложения. Они заявили, что уйдут в отставку в случае другого решения японского правительства. Обо всем этом были информированы Риббентроп и Чиано [1].

Тем временем на Тихом океане произошли новые примечательные события.

В марте 1939 г. Япония заявила об установлении своего суверенитета над большим морским пространством, в котором расположены острова Наньвэй (Спратли), в 700 милях на юго-запад от Манилы. Эти острова имели важное значение в качестве стоянок для флота и авиационных баз. Захваты островов Хайнань и Спратли уже нельзя было объяснить войной в Китае. Японские военно-морские базы приблизились к Индокитаю, Малайе, Филиппинам и Индонезии.

Западные державы не оказали серьезного противодействия японским захватам и это дало лишний козырь сторонникам принятия германских предложений по вопросу о заключении широкого военного союза. В начале апреля японское правительство направило в Берлин компромиссный проект договора с Германией и Италией. Требование японской стороны ограничить обязательства помощи только случаем войны с СССР было выражено здесь уже в более слабой форме. Японцы настаивали лишь на том, чтобы после подписания и опубликования пакта они могли вручить английскому, французскому и американскому послам декларацию следующего содержания: договор является развитием «антикоминтерновского пакта»; стороны рассматривают в качестве врага СССР; Англия, Франция и США не подразумеваются в качестве объектов соглашения [2].

Осима и Сиратори сообщили в Токио, что и новое пожелание японского правительства они считают неприемлемым, и вновь конфиденциально информировали о ходе дела Риббентропа и Чиано. Во время бесед с ними японские послы, не имея никаких указаний из Токио и надеясь на поддержку премьера Хиранума и военного министра Итагаки, заявили о намерении Японии принять участие в войне и в том случае, если Германия и Италия начнут военные действия против Англии и Франции. Узнав об этом, Арита потребовал, чтобы заявление Осима и Сиратори было дезавуировано. Хиранума и Итагаки отказались его поддержать.

Несмотря на секретный характер японо-германо-итальянских переговоров, в Лондоне получили о них сведения уже в ноябре 1938 г. Однако никаких решительных шагов с целью не допустить военного союза держав «оси» английское правительство не предприняло. Английские дипломаты лишь подчеркивали свое стремление добиться «мирного урегулирования» японо-английских противоречий в Китае и высказывали надежду на возможность достижения широкого англо-японского соглашения в отношении Китая.

Линия английской дипломатии была сформулирована в письме постоянного заместителя министра иностранных дел Кадогана к Крейги в следующих словах: «Наша позиция должна заключаться скорее в том, чтобы показать себя вообще индифферентными к тому, присоединится или не присоединится Япония к союзу оси» [3].

В Форин-оффисе прекрасно знали, что дело обстоит далеко не так, однако тактики не меняли.

---

[1] АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 8, д. 13, л. 265.
[2] Там же, стр. 266.
[3] DBFP, Third series, vol. IX, № 103, p. 98.

О переговорах между Японией и Германией стало известно в начале 1939 г. и в США. Американский посол в Токио Грю 9 февраля 1939 г. направил обстоятельный доклад Хэллу. Ответ Хэлла был предельно осторожен. Грю было поручено от своего имени предупредить японское правительство против заключения такого союза [1]. Американское правительство не сделало ни одного решительного шага. Хэлл отстаивал ту точку зрения, что лучше всего ограничиться полумерами, некоторыми предупреждениями и расширением «морального эмбарго».

В Вашингтоне фактически не хотели срыва японо-германских переговоров, рассчитывая ограничить сферу действия японо-германо-итальянского союза лишь борьбой против СССР.

Формирование англо-французского союза

Как английские, так и французские правящие круги надеялись, что Гитлер направит свою агрессию на восток и у них будет достаточно времени для укрепления вооруженных сил, которые понадобятся в конце советско-германской войны для того, чтобы продиктовать ее ослабевшим участникам условия, отвечающие интересам западных держав.

Захват Австрии, а затем расчленение Чехословакии резко изменили соотношение сил в Европе в пользу Германии. Она превращалась во все более опасного противника для Англии и Франции. В западных столицах стали получать тревожные сообщения.

Так, 24 января 1939 г. английский военный атташе в Берлине Макфарлан писал в Лондон, что, по общему мнению, активная германская интервенция против Украины в ближайшем будущем маловероятна [2]. 30 января 1939 г. английское правительство получило сигнал от военного атташе в Париже. Он сообщил, что, по данным французского генштаба, Гитлер скорее начнет наступление против Запада, а не Востока [3].

Захват Чехословакии лишил Францию поддержки чешской армии, состоявшей из 21 регулярной дивизии и 15—16 дивизий второго эшелона, а также линии чехословацких горных крепостей, которая в случае войны потребовала бы от Германии развертывания до 30 дивизий. В руки гитлеровцев попали заводы Шкода — второй по значению арсенал Центральной Европы. Эти заводы с августа 1938 г. по сентябрь 1939 г. выпустили почти столько же военной продукции, сколько все заводы Англии за такое же время [4].

В январе 1939 г. английское правительство информировало Рузвельта о том, что оно располагает сведениями о возможности германского нападения на западные страны до операций на востоке.

Однако Макфарлан и особенно Гендерсон, оставаясь в плену старых иллюзий, советовали пойти на новые уступки гитлеровцам. Макфарлан рекомендовал «протянуть руку» Германии, помочь ей в преодолении экономических трудностей ради «политических мотивов». Гендерсон 9 марта 1939 г. предлагал правительству еще раз официально заявить гитлеровцам о том, что в случае войны с СССР Англия будет сохранять по меньшей мере нейтралитет. «Континентальное будущее Германии лежит на востоке», — писал он.

Япония в тот период вела переговоры с Германией о военном союзе. Однако японские политики и дипломаты уверяли англичан в том, что этот союз для них не опасен. Когда 17 января и 10 февраля 1939 г. английская газета «Ньюс кроникл» поместила нашумевшие статьи известного журналиста Камминга, в которых сообщалось о готовности Японии заключить военный союз с Германией и Италией, министр иностранных дел Японии пригласил к себе Крейги и старался

[1] *W. Langer* and *S. Gleason*. The Challenge to Isolation, 1937—1940, p. 53; «Foreign Relations, Japan», vol. II, pp. 162, 163.
[2] DBFP, Third series, vol. IV, № 23, p. 23.
[3] Ibid., № 58, p. 54.
[4] *Winston S. Churchill*. The second World War, vol. I, p. 302.

уверить его в отсутствии каких-либо антианглийских настроений и планов у японского правительства. Он повторял трафаретные фразы о том, что «целью всякого нового пакта (как и настоящего) будет защита против коммунистической деятельности», что союз не затрагивает британские интересы и т. д. [1]

В связи с сообщениями печати о контактах советского и английского правительств по вопросам сохранения мира и безопасности Арита 29 марта 1939 г. вновь пригласил к себе Крейги. Японский министр счел возможным заявить, что английское правительство «допустило ошибку, не присоединившись к «антикоминтерновской ассоциации» и что оно делает дальнейшую ошибку, надеясь на военную помощь Советской России» [2].

Несмотря на демагогические заверения фашистских дипломатов, правящие круги западных стран начинали все более остро чувствовать возрастание угрозы со стороны Германии: 6 февраля Чемберлен выступил с заявлением об англо-французском единстве. «Общность интересов, связывающих Францию и нашу страну, такова, — говорил он, — что всякая угроза жизненным интересам Франции, откуда бы она ни исходила, неизбежно заставила бы нашу страну прийти на помощь Франции» [3].

21 марта президент Франции Лебрен прибыл в Лондон. 21—22 марта состоялись встречи Боннэ с Галифаксом. Галифакс, подводя итоги обмена мнениями, сокрушался: «Имеется мало шансов на мир в Европе до тех пор, пока нацисты остаются у власти». Обсуждались меры взаимной помощи в войне с Германией. Галифакс высказал убеждение в том, что если Франция и Великобритания займут твердую линию, то тем самым они, по-видимому, поддержат Польшу. Галифакс и Боннэ заявили о «выдающемся значении Польши» в борьбе с Германией.

На следующий день, 22 марта, в беседе принял участие Чемберлен. Он напомнил слова Даладье в ноябре 1938 г. о том, что в конце весны 1939 г. Франция будет выпускать по 400 самолетов в месяц. Боннэ, сославшись на трудности производства, сообщил, что в прошлом месяце французская промышленность дала 100 самолетов. К июлю или августу это число увеличится до 250—300 машин. Кроме того соответствующие заказы сделаны в США.

Чемберлен заметил, что американцы не уделяют внимания военной авиации, и тут же похвастался тем, что Англия производит до 600 самолетов в месяц вместо 250 в сентябре 1938 г. Однако Чемберлен отказался продать французам самолеты, а также оказать им помощь в налаживании собственного авиационного производства.

В ходе переговоров Боннэ настаивал на том, чтобы помощь со стороны Англии в случае войны была оказана в определенный срок. 22 марта 1939 г. в Лондоне состоялся обмен нотами. Они содержали обязательства взаимной помощи в случае войны. Это явилось оформлением англо-французского военного союза.

Предложение Китая о военном союзе

27 марта 1939 г. китайский посол в Лондоне посетил Галифакса и заявил ему, что настал момент для совместных военных действий Англии, Франции и Китая против Японии. Посол указал, что агрессия Японии угрожает английским и французским колониальным владениям: в случае войны в Европе коммуникации западных держав будут поставлены под удар; захват японцами острова Хайнань ясно показывает направление развития событий.

---

[1] DBFP, Third series, vol. VIII, № 491, p. 460.
[2] Ibid., № 586, p. 536, примечание № 1.
[3] «Keesing's contemporary Archives, 1937—40», vol. 3, p. 3438.

Помимо Англии и Франции к подготовке совместной кампании против Японии «в подходящий момент» может быть приглашен Советский Союз, а США должны «предпринять параллельные действия».

Со своей стороны, чунцинское правительство предполагало «предоставить все людские ресурсы и материалы, имеющиеся в его распоряжении, в то время как другие правительства-участники предоставят морские и воздушные силы» [1].

Китайскому послу был дан отрицательный ответ: «Обстановка на Дальнем Востоке еще не достигла стадии, при которой предложения китайского правительства с пользой могут быть изучены» [2].

Галифакс в письме послу в Чунцине Керру откровенно объяснил причины отказа от предложения Китая. «Британские позиции на Дальнем Востоке, — писал он, — в случае общего европейского пожара будут зависеть в огромной степени от позиции, занятой Японией, от того, как долго Япония останется нейтральной, даже и недоброжелательно нейтральной. Мы сделаем все возможное, чтобы предотвратить ее активное выступление на стороне враждебных держав. Ради этой цели мы должны избежать слишком открытого сотрудничества с китайским правительством в его борьбе с Японией».

14 апреля чунцинское правительство сделало аналогичное предложение госдепартаменту. Это предложение фактически даже не рассматривалось в США. В американском ответе, данном 1 мая 1939 г. в устной форме, лишь напоминалось, что «американская позиция в отношении сотрудничества и параллельных действий хорошо известна».

Правящие круги США опасались, что сколько-нибудь решительные меры с их стороны могут разрушить все хитросплетения дипломатии западных держав, стремившейся направить японскую агрессию против СССР.

Военные мероприятия Англии, Франции и США

Дипломатические действия английского и французского правительств по укреплению своих политических позиций в Европе касались лишь малых стран, от которых, разумеется, нельзя было ждать существенной помощи.

В то же время английская и французская дипломатия затягивала переговоры с СССР, хотя было ясно, что соглашение с СССР — единственный путь к положительному изменению соотношения сил в Европе. 12 мая была подписана англо-турецкая декларация о взаимной помощи в случае агрессии в районе Средиземного моря. В декларации говорилось, что «в ожидании заключения окончательного соглашения английское и турецкое правительства заявляют, что в случае акта агрессии, могущего привести к войне в районе Средиземного моря, они будут готовы к тому, чтобы эффективно сотрудничать и предоставить взаимно друг другу всестороннюю помощь». Аналогичная декларация была подписана Францией 23 июня 1939 г.

Наряду с дипломатическими акциями английское, французское и американское правительства укрепляли свои вооруженные силы.

В апреле 1939 г. были увеличены вдвое по сравнению с 1938 г. ассигнования на вооружения в Англии. В июне бюджетные расходы на военные цели еще более возросли. Пересмотру подверглись и основные стратегические установки. Английское правительство решило создать экспедиционный корпус для действий в Европе, состоящий из 19 пехотных и 2 кавалерийских дивизий [3]. 15 апреля 1939 г. в Англии была введена обязательная воинская повинность.

В конце марта — начале апреля 1939 г. во Франции состоялось совещание начальника английского имперского штаба генерала Горта с

[1] DBFP, Third series, vol. IX, № 6, p. 6.
[2] Ibid., p. 7.
[3] *Ch. L. Mowat.* Britain between the Wars, 1918—40, p. 630.

французским главнокомандующим генералом Гамеленом. В середине мая Гамелен посетил Англию. Военные переговоры должны были продемонстрировать сплочение Англии и Франции перед угрозой германского нападения. Однако как военные, так и дипломатические мероприятия имели своей главной целью успокоить народы Англии и Франции, оказать давление на Германию и в конечном итоге добиться соглашения с ней. «Создать возможность соглашения на базе не слабости, а силы», — так заявил Черчилль польскому послу Рачинскому.

Германский посол в Лондоне Дирксен очень хорошо понимал истинный характер маневров Франции и Англии.

Он писал в Берлин, что «возникшие за последние месяцы связи (Англии. — *Авт.*) с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией» [1].

Развертывание вооруженных сил западных держав подвигалось медленно.

Весной и летом 1939 г., по словам Леопольда Эмери, Чемберлен весьма неохотно санкционировал необходимые меры подготовки вооруженных сил, срочного осуществления которых настоятельно требовала сложившаяся обстановка.

Факты свидетельствовали об отсутствии у английского и французского правительств намерений выполнить свои обязательства в отношении Польши, Румынии, Греции, защитить независимость и целостность этих государств.

В августе 1939 г. в ходе переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции английский представитель заявил, что Англия может выставить против агрессора лишь 5 пехотных и одну механизированную дивизию. Английская авиация насчитывала 3 тыс. самолетов первой линии, французская — 2 тыс. Французская армия могла быть развернута до 110 дивизий. Однако укрепления (так называемая «линия Мажино») были доведены лишь до бельгийской границы. Из 110 дивизий 20 были предназначены для обороны Туниса, Корсики и несения службы на «линии Мажино». Германская авиация имела превосходство над франко-британской авиацией. Гитлеровская армия располагала и бо́льшим количеством танков.

Без Советского Союза остановить агрессию было весьма трудно. Но сотрудничества с ним как раз и не хотели правители Англии и Франции. Отрицательную позицию в отношении СССР занимали и Соединенные Штаты.

Некоторые американские политические деятели отдавали себе отчет в том, что главную опасность для политических и экономических позиций США представляют Германия и ее союзники. Сенатор-демократ Рейнольдс заявил в сенате в январе 1939 г.: «Германия заинтересована в экономическом проникновении во всем мире. Она пытается осуществить экономическое проникновение в Южную и Центральную Америку, а также в Мексику...» [2]

Агрессивные планы германских фашистов не были секретом для Белого дома. Президент Рузвельт в конце марта 1939 г. информировал членов своего кабинета о следующем: по имеющимся у него достоверным сведениям, Гитлер заявил, что «в течение 1939 г. его целью является укрепление позиций в Центральной Европе. В 1940 г. он двинется против Франции и одновременно низведет Англию из второстепенной

---

[1] См. «Документы и материалы...», т. II, стр. 142.
[2] «Congressional record», vol. 84, part. 1, p. 377.

державы в третьестепенную. Затем в 1941 г. он направит свое внимание на США» [1].

Американское правительство расширяло военное производство. На 1939/40 бюджетный год прямые военные расходы составили небывалую сумму — 2 млрд. долл. При обсуждении вопроса о новых ассигнованиях конгрессмены откровенно высказывали свои надежды на то, что укрепление тихоокеанских владений США увеличит шансы на соглашение с Японией.

15 апреля американское морское министерство приказало флоту, который был сконцентрирован для маневров в Атлантике, вернуться на свою тихоокеанскую базу в Сан-Диего. Передвижение флота было произведено по просьбе английского правительства. 21 марта Галифакс просил осуществить эту операцию для того, чтобы успокоить Австралию, которая настойчиво требовала посылки английских кораблей из Средиземного моря к Сингапуру.

В свою очередь французы были обеспокоены захватом Албании итальянцами. Они настаивали на сохранении основных сил английского флота в Средиземном море.

Передвижение флота имело целью оказать непосредственную военную поддержку англо-французскому блоку и осуществить нажим на те круги в Японии, которые выступали за всеобъемлющий военный союз с Германией.

Однако действенных мер, направленных на пресечение агрессии, Вашингтоном принято не было.

В мае — июне 1939 г. в конгрессе рассматривался вопрос об отмене закона о нейтралитете. Но палата представителей и сенат оставили закон в силе. Это решение было с удовлетворением встречено в Берлине, Риме и Токио.

Английское правительство неоднократно обращалось с просьбой поддержать его в Тяньцзине, где японцы организовали блокаду английской концессии. Однако США не направили даже письменного протеста японским властям. Нота протеста обсуждалась в Вашингтоне в течение июня и июля, но так и не была послана Японии [2]. Госдепартамент ограничился лишь устными предупреждениями.

Американский империализм в то время предпочитал играть роль третьей силы между двумя складывающимися группировками, извлекая из этого выгоды для себя. Используя напряженную обстановку в Европе, американцы попытались захватить некоторые французские владения.

В июне военно-морские круги США, и в частности адмирал Леги, предложили президенту взять в аренду у Франции остров Фанарава, чтобы предотвратить захват его японцами в случае войны и использовать в качестве базы подводных лодок для нападения на Панамский канал. Рузвельт принял это предложение. Американский посол в Париже Буллит добился согласия французского правительства. Осуществлению соглашения помешала война, хотя Буллит и настаивал на оккупации острова.

Американские правящие круги не планировали вступления в войну против блока фашистских государств на первом ее этапе. Они надеялись дождаться взаимного ослабления воюющих держав, а затем, создав подавляющий перевес сил в свою пользу, вмешаться в конфликт, чтобы продиктовать свою волю, установить «американский мир». С другой стороны, американская реакция не теряла надежд на германо-советскую или японо-советскую войну, активно провоцируя Германию и Японию на военное выступление против Советского государства.

[1] «The Public Papers and Adresses of F. D. Roosevelt», p. 70.
[2] Ibid., p. 155.

Маневры германской и японской дипломатии

Германская и японская дипломатия использовала стремление правящих кругов США, Англии и Франции пойти на сговор с фашистскими державами для внесения раскола в лагерь своих западных противников.

15—16 марта 1939 г. было заключено соглашение между Федерацией британской промышленности и «Рейхсгруппеиндустри», представлявшее собой картельный договор о разделе мировых рынков между английскими и германскими монополиями. Соглашение имело и антиамериканскую направленность, поскольку оно говорило о взаимной помощи в борьбе «с конкуренцией со стороны промышленности какой-либо другой страны» [1].

Накануне нового тура англо-германских экономических переговоров, 11 марта 1939 г., французское правительство предложило Германии заключить обширное франко-германское экономическое соглашение, предусматривающее расширение торговли между двумя странами, создание совместных компаний для деятельности во французских колониях и т. д. [2]

Такие планы вызывали тревогу в США и затрудняли военно-политическое сближение трех западных держав.

В апреле 1939 г. начались советско-англо-французские переговоры о способах противодействия агрессии. Японские правящие круги, как и германские, понимали, что сотрудничество между СССР, Англией и Францией укрепило бы коллективную безопасность в Европе и Азии. Японская дипломатия начала оказывать нажим на английское и французское правительства. Арита в беседах с дипломатами США, Англии и Франции резко говорил о Советском Союзе и в то же время ясно давал понять, что заключение союза между Японией и гитлеровской Германией он ставит в прямую зависимость от исхода советско-англо-французских переговоров.

В беседе с Грю 18 мая 1939 г. Арита заявил, что Япония «стремится избежать принятия европейских обязательств», но в случае европейской войны она, возможно, будет не в состоянии избежать участия в ней. Если Великобритания и Франция заключат союз с СССР, Япония, возможно, будет вынуждена пересмотреть свою позицию в отношении тоталитарных держав. «Если война возникнет в Европе, — говорил Арита, — и США окажутся втянутыми, позиция, занятая Россией, возможно, решит, может ли быть сохранен мир между Японией и США» [3].

Таким образом, участие СССР в войне на стороне Англии и Франции могло привести, по словам Арита, к японо-американскому конфликту. Давление со стороны Японии, отрицательная позиция США способствовали срыву московских переговоров в тревожные летние месяцы 1939 г.

Германо-итальянский союз и переговоры с Японией

Германия и Италия продолжали настаивать на безоговорочном вступлении Японии в военный союз трех держав.

Осима сообщил Арита 5 мая, что его посетил Риббентроп и задал в связи с переговорами о пакте следующий вопрос: «Когда одна из договаривающихся сторон начнет войну против какой-нибудь третьей страны, и даже при условии, если Япония не будет оказывать военной помощи (Германия и Италия не ожидают военной помощи от Японии, раз Япония не может этого сделать), можно ли будет считать, что Япония находится в состоянии войны». Осима ответил на этот вопрос утвердительно [4].

---

[1] *C. Kreider.* The Anglo-American Trade Agreement. Princeton, 1943, p. 77—78.
[2] DGFP, Series D, vol. IV, № 398, p. 512.
[3] DBFP, Third series, vol. IX, № 94, p. 91.
[4] АВП СССР, ф. 436-б, д. 69, л. 364.

Премьер Хиранума на совещании пяти министров 9 мая одобрил ответ Осима Риббентропу. Требование Арита, поддержанное морским министром Ионай, о необходимости отказаться от заявления посла он игнорировал. Таким образом Япония соглашалась, чтобы ее рассматривали как страну, готовую принять участие в войне в случае военных действий между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией, с другой.

С целью дальнейшего нажима на Японию Риббентроп в начале второй декады мая официально поставил в известность Осима о готовящемся подписании германо-итальянского союзного договора.

Гитлеровский министр предложил заключить секретный трехсторонний пакт, одновременно с подписанием германо-итальянского договора. Стремясь устранить опасения Японии, Риббентроп заявил, что трехсторонний пакт явится «лучшим средством удержать Америку от вступления в войну».

Он подчеркнул далее, что «консолидация ее (Японии. — *Авт.*) положения в Восточной Азии и особенно в Китае зависит прежде всего от превосходства держав оси над западными державами». Если бы этого превосходства не существовало, Япония быстро бы это почувствовала [1].

22 мая союзный договор (так называемый «Стальной пакт») между Германией и Италией был подписан.

В преамбуле договора наряду с болтовней об «обеспечении мира» говорилось о решимости двух держав «выступить объединенными силами за обеспечение их жизненного пространства». Обе стороны обязались оказывать друг другу «политическую и дипломатическую поддержку» для того, чтобы предотвратить «угрозу безопасности или другим жизненным интересам» (ст. 2). Ст. 3 прямо говорила о том, что если одна из договаривающихся сторон «будет втянута в военный конфликт с одной или с многими державами, то другая договорная сторона выступит сейчас же на помощь в качестве союзника». Оба государства решили углубить свое сотрудничество в военной и военно-хозяйственной областях. Для этой цели создавались постоянные комиссии.

Итало-германский договор приблизил мировую войну. Гитлеровский генеральный штаб разрабатывал планы молниеносной войны против Англии и Франции. Начиная с весны между Муссолини и Франко велись переговоры о захвате Гибралтара. Усилила свою деятельность фашистская агентура в Норвегии, подготовляя изнутри захват этой страны немцами.

Гитлеровцы торопились с осуществлением своих планов. Они опасались быть обойденными в гонке вооружений, которая охватила все капиталистические страны. К середине 1939 г. германо-итальянский блок имел перевес в наступательном оружии — танках и авиации. Внешнеполитическая ситуация также благоприятствовала агрессорам.

Вопрос о безоговорочном вступлении Японии в военный союз с Германией и Италией все еще оставался открытым. Берлин усилил нажим на Японию.

5 июня Отт сообщил Риббентропу о новой уступке японцев: «Япония согласна принять участие в войне против Франции и Англии, но с некоторой оговоркой, по которой Япония хочет обеспечить за собой право вступить в войну в благоприятный для нее момент» [2].

Военно-фашистские элементы в Японии, стремившиеся получить поддержку со стороны гитлеровцев, торопили правительство с заключением союзного договора с Германией, настаивали на удовлетворении всех германо-итальянских требований.

---

[1] АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 8, д. 13, лл. 278—279.
[2] Там же, д. 14, л. 308.

7 августа 1939 г. военный министр Итагаки посетил премьера Хиранума и потребовал вновь рассмотреть вопрос о тройственном пакте. «По мнению армии, — заявил он, — изменение в обстановке вызывает необходимость в заключении наступательного и оборонительного союза». В противном случае Итагаки угрожал отставкой.

Однако вскоре, когда было получено сообщение о подписании советско-германского пакта о ненападении [1], все правительство Хиранума ушло в отставку. Оно сгоряча расценило советско-германское соглашение как измену Германии «принципам антикоминтерновского пакта» и отказ от военного союза с Японией. «Японская пресса и общественное мнение были потрясены текстом пакта о ненападении» [2], — телеграфировал Отт в Берлин.

Арита передал Отту копии инструкций, которые он послал Осима: «1. Известить германское правительство, что правительство Японии поняло заключение пакта о ненападении таким образом, что оно окончательно аннулирует теперешние переговоры о пакте трех держав. 2. Японское правительство заявляет, что заключение Германией с Россией пакта о ненападении является серьезным нарушением секретного соглашения, связанного с антикоминтерновским пактом между Японией и Германией. Поэтому оно выражает строгий протест немецкому правительству» [3].

Получив телеграмму 26 августа 1939 г., Осима остался верен себе. В Токио он телеграфировал, что уже вручил ноту протеста. Однако в действительности он передал ее со значительным опозданием, лишь 18 сентября, когда острота момента прошла и эффективность ноты была значительно ослаблена.

Германская дипломатия не собиралась отказываться от тесных связей с японской военщиной. Довольно откровенно Риббентроп сказал об этом Осима, который подал в отставку.

Обосновывая необходимость для Японии поддерживать Германию, Риббентроп прибег к старому, уже не раз использовавшемуся аргументу: «Если Германия потерпит поражение, — говорил он Осима перед его отъездом, — то широкая мировая коалиция западных демократий... будет противодействовать любой экспансии со стороны Японии и, в частности, вытеснит ее с ее позиций в Китае». С другой стороны, «положение Японии будет окончательно упрочено победами Германии, в которых мы можем быть уверены, если Япония будет поддерживать существующие отношения с Германией и будет укреплять их» [4].

Гитлеровцы стремились толкнуть Японию на юг, поскольку в то время борьба против СССР не входила в их ближайшие задачи. Они хотели переключить внимание англичан, французов и американцев на Японию и тем облегчить возможность быстрейшего разгрома западных держав в Европе.

В канун второй мировой войны, несмотря на временную неудачу переговоров о заключении германо-японского соглашения, Германия имела союзный договор с Италией и всегда могла рассчитывать на поддержку Японии. Ряд фашистских государств — Испания, Венгрия и другие присоединились к «антикоминтерновскому пакту». Германо-итальянский договор о военном союзе сблизил две фашистские державы в целях передела мира и развязывания войны на европейском континенте.

Им противостоял англо-французский блок, включавший Польшу, Грецию и Турцию. Надежды на сговор с Германией, от которых не хотела отказаться англо-французская дипломатия, тормозили подготовку этих стран к борьбе с германо-итальянской агрессией.

[1] См. главу тридцатую.
[2] АВП СССР, ф. 436-б, оп. 2, п. 8, д. 13, л. 282.
[3] Там же, л. 282—283.
[4] Там же, л. 286.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ В 1939 г. БОРЬБА СССР ЗА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВОЙНЫ

1. Резкое усиление военной угрозы в Европе. Англо-франко-советские переговоры

Захват Чехословакии Германией и позиция западных держав

В марте 1939 г. Германия, используя благоприятную обстановку в Европе, приступила к захвату оставшейся части Чехословакии. Немецко-фашистской агентурой был организован сепаратистский путч в Братиславе, в результате которого возник конфликт между Чехией и Словакией.

13 марта Гитлер вызвал к себе премьера смещенного словацкого правительства Тисо и заявил ему, что руководители словацких фашистов должны решительно выступить против чехов. Если Словакия, продолжал Гитлер, не провозгласит себя немедленно независимым государством, то ее оккупирует Венгрия. В свою очередь Риббентроп сообщил о сосредоточении венгерских войск на словацкой границе. Тисо охотно обещал выполнить все требования[1]. 14 марта фашистский словацкий парламент по приказу Гитлера провозгласил самостоятельность словацкого государства.

Случаем решили воспользоваться и сепаратисты в Закарпатской Украине, образовавшие свое «правительство» и обратившиеся к Гитлеру с просьбой о признании и поддержке.

Это, однако, не входило в тактические планы гитлеровцев. Германский посланник в Будапеште сообщил Хорти, что Венгрия может беспрепятственно напасть на Закарпатскую Украину. После этого венгерская армия без особых усилий сломила сопротивление кучки украинских националистов, которые, полагаясь на обещания немецких фашистов, данные им за несколько месяцев до этого, рассчитывали, что последние воспрепятствуют оккупации Закарпатской Украины Венгрией. Но в Берлине решили захватить добычу покрупнее.

В ночь на 15 марта немецкие войска вступили на территорию Чехословакии. Они натолкнулись в ряде мест на сопротив-

---

[1] DGFP, Series D, vol. IV, № 202, p. 243—245.

ление чешских воинских частей, которые в тяжелых условиях проявили мужество и героизм в борьбе против фашистских захватчиков. Однако сопротивление чехов было дезорганизовано и сломлено в результате предательской политики чешских лидеров — президента Гаха и министра иностранных дел Хвалковского, которые в это время прибыли в Берлин и начали переговоры с Гитлером. В беседе с фашистским фюрером Гаха сам выразил сомнение в необходимости существования Чехословакии в качестве самостоятельного государства. В ответ на это Гитлер заявил, что он дал приказ германским войскам о вторжении в Чехословакию и включении ее в состав германского рейха. Он потребовал, чтобы Гаха гарантировал, что вторжение будет проходить беспрепятственно. Когда Гаха попытался возразить, Гитлер стал угрожать ему тем, что германская военная машина готова немедленно уничтожить Чехословакию. Гаха и Хвалковский, совершив акт национального предательства, приняли ультиматум Германии, обязались разоружить чехословацкую армию и передать оружие и военное снаряжение гитлеровцам. Они также подписали договор, в котором заявляли, что передают судьбу чехословацкого народа и страны в руки «фюрера» [1].

Германия присоединяла к себе Чехию и Моравию в качестве протектората, а в Словакии было создано марионеточное правительство, полностью зависящее от воли Берлина.

Западные державы хорошо знали о подготовке гитлеровского нападения на Чехословакию с целью ее окончательного захвата. Однако они не препятствовали этому. Более того, Английский и французский послы в Берлине 13 марта 1939 г. рекомендовали чехословацкому правительству воздерживаться от каких-либо действий против немцев в Чехословакии и установить непосредственный контакт с Берлином [2].

Министерство иностранных дел Великобритании заявило 13 марта, что у него нет оснований вмешиваться в развитие событий в Чехословакии, и выступило против каких-либо попыток остановить Гитлера путем обращения к Италии и другим участникам Мюнхенского соглашения.

15 марта представитель английского правительства дал отрицательный ответ на вопрос французского посла, предпримет ли Англия какие-либо шаги в случае, если Гитлер выступит против Чехословакии. При этом английское правительство ссылалось на то, что уже нельзя предотвратить осуществление германских планов.

---

[1] DGFP, Series D, vol. IV, № 228, p. 263—269; № 229, p. 270.
[2] DBFP, Third series, vol. IV, № 220, p. 232.

Не случайно поэтому грубое нарушение Гитлером взятых на себя в Мюнхене обязательств сошло ему совершенно безнаказанно.

Накануне захвата Чехословакии, 14 марта, министр иностранных дел Франции Боннэ говорил английскому послу, что Чехословацкое государство «не способно» к самостоятельному существованию [1].

15 марта министр иностранных дел Англии Галифакс в свою очередь заявил французскому послу, что для западных держав захват Германией Чехословакии даже создает определенные выгоды: отныне покончено с их обязательствами предоставлять Чехословакии гарантии, которые стали для западных стран «несколько тягостными» [2].

Лишь под давлением общественного мнения, возмущенного как захватом Германией Чехословакии, так и отношением к этому руководителей Англии и Франции, французское правительство заявило в Берлине формальный протест против нарушения Германией Мюнхенского соглашения, отметив, что оно не может признать новой обстановки, созданной в Чехословакии действиями Германии.

Для английского правительства, однако, и такое выступление казалось слишком смелым шагом: оно не только не заявило протеста, но премьер-министр Англии Чемберлен даже отказался обещать в палате общин, что такой протест будет сделан.

Лишь позднее и также под нажимом общественности ряда стран министр иностранных дел Галифакс заявил, что захват Германией Чехословакии является нарушением Мюнхенского соглашения и не имеет законных оснований [3].

Совершенно иной позиции придерживалось Советское правительство. Отстаивая принцип коллективной безопасности, СССР считал необходимым принять все меры для того, чтобы предотвратить войну, объединив свои усилия с усилиями всех государств Европы, заинтересованных по тем или другим причинам в сохранении мира, в том числе с крупнейшими из них — Англией и Францией.

10 марта 1939 г. открылся XVIII съезд Коммунистической партии нашей страны. Большое место в отчетном докладе о работе Центрального Комитета ВКП(б), сделанном от имени ЦК партии И. В. Сталиным, было уделено международному положению СССР и политике коллективной безопасности. В докладе была разоблачена политика правящих кругов Анг-

---

[1] DBFP, Third series, vol. IV, № 234, p. 243; «Documents diplomatiques 1938—1939». Paris, 1939, № 64, p. 66.

[2] DBFP, Third series, vol. IV, № 280, p. 273.

[3] Ibid., № 308, p. 291.

лии, Франции и Соединенных Штатов Америки, попустительствовавших агрессии и стремившихся превратить начавшуюся войну в столкновение Германии и Японии с СССР. Съезд еще раз подтвердил верность Советского правительства политике коллективной безопасности. Было подчеркнуто, что Советский Союз по-прежнему выступает в поддержку народов и государств, которые, став жертвами агрессии, отстаивают свою независимость. Съезд поставил перед советской внешней политикой и советской дипломатией задачу проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами, в то же время соблюдая осторожность и не давая провокаторам войны втянуть нашу страну в конфликт [1].

Советское правительство в своей ноте от 18 марта, резко осудив захват Германией Чехословакии, заявило, что эти действия усилили опасность всеобщему миру, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе и нанесли новый удар чувству безопасности народов [2].

Следует упомянуть, что в день захвата Чехословакии советский полпред в Англии И. М. Майский выступил перед Британской ассоциацией станкостроителей. По поручению своего правительства он обратил внимание на то, что речь идет не о мире любой ценой, а о мире, базирующемся на законе и предусматривающем принятие мер, направленных на пресечение агрессии гитлеровской Германии. Полпред подчеркнул, что для такого рода совместных действий СССР и Великобритании по существу нет сколько-нибудь серьезных препятствий [3].

Все английские газеты привели большие выдержки из советского заявления. Особый интерес вызвало то, что, несмотря на мюнхенскую политику Великобритании, имевшую цель сговориться с гитлеровской Германией против Советского Союза, Советское правительство высказывало готовность пойти на радикальное улучшение своих отношений с Великобританией, вплоть до совместных действий двух стран в деле защиты мира и международного порядка.

30 марта английский посол Кеннард сообщил польскому министру иностранных дел Беку о намерении его правительства дать односторонние гарантии Польше посредством оглашения в парламенте специальной декларации.

Польское правительство ответило согласием.

31 марта Чемберлен заявил в парламенте, что в случае угрозы независимости Польши английское правительство ока-

---

[1] См. «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Стенографический отчет, М., Госполитиздат, 1939, стр. 14—15.

[2] См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 411.

[3] «Известия», 17 марта 1939 г.

жет ей «полную поддержку», и сообщил, что французское правительство стоит на той же позиции [1]. Однако ни Англия, ни Франция не дали Польше твердых обязательств, которые могли бы убедить гитлеровцев в том, что нападение на Польшу будет означать войну с западными державами.

3 апреля в Лондон приехал Бек, который был принят Чемберленом, Галифаксом и королем. Вскоре Чемберлен сообщил парламенту о новом польско-английском соглашении. Оно предусматривало, что Польша и Англия окажут друг другу взаимную помощь в случае какой-либо прямой или косвенной угрозы независимости одной из этих стран. Чемберлен сказал, что «обязательства, которые берут на себя обе стороны, не должны помешать ни польскому, ни английскому правительствам вступать в соглашение с другими странами...» [2]

Заявление от 6 апреля было таким же расплывчатым и неопределенным, как и декларация от 31 марта. Оно предоставляло возможность обеим державам заключать соглашения с другими правительствами. Эта важнейшая оговорка давала возможность и Польше и Англии при определенных условиях пойти на соглашение с Гитлером.

Англия, как известно, вскоре начала тайные переговоры с гитлеровскими эмиссарами. Оговорка Чемберлена устраивала и Бека, надеявшегося на компромисс с Германией. Бек в беседе с Галифаксом 4 апреля 1939 г. подтвердил еще раз, что он не согласится на сотрудничество с СССР. «Какое-либо соглашение о взаимной помощи между Польшей и Советской Россией, — говорил Бек, — вызвало бы немедленную враждебную реакцию в Берлине...» [3]

Секретные англо-германские переговоры вызвали в английских правящих кругах стремление не торопиться с оформлением союзных отношений. Лондон всячески затягивал выработку, а затем и заключение союзного договора с Польшей.

Французское правительство поддержало маневры Чемберлена. 10 апреля польский посол в Париже Лукашевич попросил Боннэ согласовать обязательства Франции и Англии. Через три дня Даладье в заявлении прессе подтвердил франко-польский союзный договор 1921 г. и солидаризировался с гарантиями, данными Польше Великобританией [4].

Французская декларация была столь же малообязывающей, как и декларация Чемберлена. Французское правительство не хотело конкретизировать свои обязательства перед Польшей,

---

[1] «Parliamentary Debates», vol. 345, № 77, 3/III—1939.

[2] «Blaubuch», Doc. № 18.

[3] Цит. по кн.: *В. Т. Фомин.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., Госполитиздат, 1952, стр. 72.

[4] «The Jellow Book», № 99.

хотя договор 1921 г. уже не соответствовал новым условиям, сложившимся в Европе в связи с реальной угрозой агрессии со стороны Германии и Италии.

Французское министерство иностранных дел передало 12 мая польскому послу протокол о взаимопомощи «в случае, если одна из сторон окажет вооруженное сопротивление прямой или косвенной угрозе». Однако в протоколе содержалась оговорка, что обязательства Франции и Англии должны совпадать. Польские правители потребовали, чтобы при подписании протокола в него было включено дополнительное положение о том, что «Данциг представляет жизненный интерес для Польши» [1].

Боннэ сразу же обратился в Лондон. Здесь заявили, что Англия не брала на себя таких обязательств и не собирается их брать.

В середине мая в Париж приехал польский военный министр Каспржицкий. В ходе бесед с ним выяснилось, что польско-германская граница не укреплена. Польский министр самодовольно заявил: «У нас нет укреплений, так как мы собираемся вести маневренную войну и вторгнуться в Германию с самого начала военных действий» [2].

Переговоры Гамелена с Каспржицким закончились 17 мая заключением военного соглашения, в котором указывалось: «С того момента, когда главные германские усилия будут направлены против Польши, Франция развернет наступательные действия против Германии своими основными силами (начиная с 15-го дня после начала общей мобилизации во Франции)» [3].

Обязательства Франции, как видим, содержали ряд оговорок, дававших ей возможность оттягивать срок вооруженного выступления на помощь Польше. Но и эти условия оказались неприемлемыми для французского министерства иностранных дел.

После вмешательства Боннэ Гамелен в письменной форме сообщил польскому министру, что военная конвенция вступит в силу только после заключения нового политического соглашения.

Между тем Англия тормозила дальнейшие переговоры с Польшей о заключении соглашения. Не торопилась и Франция. В начале июня правительство Чемберлена заявило, что надо подождать завершения переговоров с СССР, а потом выработать окончательный текст англо-польского договора.

---

[1] *G. Bonnet.* De Washington au Quai d'Orsay, p. 151.

[2] Ibid., p. 191.

[3] *General Gamelin.* Servir, Le proloque du drame (1930—1939), vol. II. Paris, 1946, p. 421.

Подготовка гитлеровской агрессии против Польши и позиция западных держав

Следующей после Австрии и Чехословакии в перечне объектов гитлеровской агрессии стояла Польша. «Обычно считается установленным, — писал Вейцзекер Риббентропу в секретном меморандуме от 20 июня 1936 г., — что после того, как чехословацкий вопрос будет разрешен, следующей в списке будет Польша».

Готовясь к большой войне во имя захватнических целей германского империализма, фашистская Германия планировала ее на первом этапе как войну против западных держав. «Урегулирование» с Польшей рассматривалось гитлеровцами как важный шаг в подготовке к этой войне, необходимый с точки зрения укрепления стратегических и экономических позиций рейха.

Дипломатическая акция в отношении Польши была начата германским МИД вскоре после Мюнхенской конференции. В беседе с польским послом в Берлине Липским 24 октября 1938 г. Риббентроп заявил о необходимости «разрешить спорные вопросы» между Польшей и Германией. Выдвинутые им требования включали передачу Германии Данцига (Гданьска), являвшегося «вольным городом», но входившего в таможенные границы Польши, а также предоставление Германии права на сооружение экстерриториальной транспортной магистрали, пересекающей «польский коридор». Играя на антисоветских настроениях правящих кругов буржуазно-помещичьей Польши, гитлеровцы в качестве компенсации сулили ей часть Советской Украины [1].

Трагедией польского народа явилось то, что в те дни у власти в стране находилась антинародная фашистская клика Мосцицкого — Рыдз-Смиглы и Бека, предававшая интересы страны. Строя планы спасения прогнившего буржуазно-помещичьего режима в Польше путем участия в тех или иных антисоветских авантюрах, польские правящие круги пошли на прямое национальное предательство. Отказавшись от помощи Советского Союза, интересы которого совпадали с интересами польского народа в борьбе против агрессии германского империализма, польское правительство взяло курс на участие в сговоре западных держав с Германией, хотя было очевидно, что эта сделка будет осуществлена за счет самой Польши.

Охотно реагируя на антисоветские посулы гитлеровцев, польское правительство не могло, однако, не отдавать себе отчета, что польский народ был бы крайне возмущен осуществлением предательской сделки, предлагавшейся Риббентропом.

---

[1] См. *В. Т. Фомин.* Агрессия фашистской Германии в Европе. М., 1963, стр. 564.

«По внутриполитическим причинам, — заявил Липский Риббентропу 19 ноября 1938 г., передавая ответ польского правительства, — для министра иностранных дел Бека было бы трудно согласиться на присоединение Гданьска к Германии». Вместе с тем польское правительство заявило о своей готовности далеко пойти навстречу германским требованиям.

Создав себе заблаговременно предлог для предъявления Польше в дальнейшем новых требований, германская дипломатия, следуя избранной ею тактике — бить врагов поодиночке, выжидала время. В своих выступлениях гитлеровцы продолжали заверять Польшу в «дружеских» чувствах.

Тон германской дипломатии, однако, резко изменился сразу же после захвата Германией Праги. Реакция западных держав на ликвидацию Чехословакии создала у гитлеровцев глубокое убеждение, что они так же безнаказанно могут разделаться и с Польшей.

21 марта 1939 г. Германия снова повторила свои требования, но уже в ультимативной форме. Одновременно с возобновлением переговоров с Польшей гитлеровцы резко усилили подрывную деятельность своей агентуры в Данциге, подготавливая фашистский путч с целью захвата города.

Под давлением народных масс, требовавших оказать решительный отпор гитлеровским агрессорам, польское правительство заявило, что оно не допустит захвата Данцига, и провело частичную мобилизацию.

Берлин продолжал нагнетать напряженность. 3 апреля Гитлер утвердил так называемый «Белый план», предусматривавший готовность германской армии к нападению на Польшу в любой момент начиная с 1 сентября. На секретном совещании командного состава армии и флота 23 мая 1939 г. фашистский главарь объявил, что он принял решение вторгнуться в Польшу «при первом удобном случае» [1].

Новые акты фашистской агрессии и изменение тактики англо-французской дипломатии

22 марта гитлеровцы заставили литовских правителей подписать договор о передаче Германии Мемельской области с портом Мемель (Клайпеда) на Балтийском море. Одновременно Германия предъявила Румынии ультиматум, требуя подчинения ее хозяйства своим промышленным нуждам. При этом гитлеровское правительство угрожало Румынии отнять у нее Трансильванию в пользу Венгрии. Нажим подействовал. Румыния приняла ультиматум, и 23 марта был заключен кабальный германо-румынский хозяйственный договор, поставивший румынскую экономику на службу военной машине Германии.

---

[1] DGFP, Series D, vol. VI, № 433, p. 576.

7 апреля 1939 г. итальянские войска вторглись в Албанию. 14 апреля Рим объявил о включении Албании в состав итальянского государства. Наконец, 28 апреля 1939 г. гитлеровское правительство заявило о расторжении англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 г. и об аннулировании германо-польского пакта о ненападении от 26 января 1934 г.

В результате этих агрессивных актов опасность новой войны в Европе резко возросла. Предательство, совершенное западными державами в отношении Чехословакии, не умиротворило германских фашистов. Прочного сговора с германским фашизмом Западу достигнуть явно не удалось. Гитлер заявил претензии на бывшие немецкие колонии, захваченные Англией и Францией по Версальскому договору, а затем открыто предъявил территориальные требования к Польше. Фашисты не хотели согласовывать в дальнейшем свою захватническую политику в Европе с «западными державами». Отношения между европейскими государствами стали еще более напряженными и вступили в полосу предвоенного политического кризиса.

При создавшихся условиях английскому и французскому правительствам становилось все труднее и труднее отклонять советские предложения об организации системы коллективной безопасности в Европе, и они были вынуждены маневрировать, менять тактику.

Как уже говорилось, 31 марта 1939 г. английское правительство в одностороннем порядке предоставило «гарантии» независимости Польше, а 13 апреля — Греции, Румынии и Турции [1]. Позже аналогичные «гарантии» Польше предоставила и Франция. Как показали последующие события, политика односторонних «гарантий», проводимая правительствами Англии и Франции, имела своей целью воспрепятствовать осуществлению советских предложений по созданию системы коллективной безопасности в Европе и по существу не предусматривала действительной защиты малых стран.

Тогда же правительства Англии и Франции обратились к СССР с предложением начать переговоры о коллективных ме-

[1] 31 марта в 12 часов дня Чемберлен пригласил к себе советского посла и, ознакомив его с английским проектом гарантий Польше, спросил, может ли он, премьер-министр, заявить парламенту, что гарантии, данные Польше Великобританией, находят одобрение со стороны Советского Союза. Посол заявил, что у него нет физической возможности за столь короткий срок снестись со своим правительством и он не может дать на свою ответственность такое заверение (см. *И. М. Майский.* Кто помогал Гитлеру (Воспоминания). М., 1962, стр. 99—100). Английское правительство пыталось, используя напряженную международную обстановку, связать Советское правительство таким заявлением, которое вынудило бы его в последующем дать гарантии этим странам и тем самым дало бы возможность навязать Советскому Союзу неравноправный договор.

рах для пресечения гитлеровской агрессии. Задачей этого маневра было добиться обходными путями компромиссного соглашения с фашистской Германией. Заявление западных держав преследовало двоякую цель: с одной стороны, побудить Гитлера быть более уступчивым в переговорах с Англией, угрожая ему союзом с Москвой; с другой стороны, обмануть народы Англии и Франции, которые все настойчивее выступали за создание эффективного барьера против гитлеровской агрессии, и показать, будто английское и французское правительства стремятся к тому же. Подобным же расчетам должны были служить и англо-французские гарантии. Они носили расплывчатый характер, допускали произвольное толкование и оставляли незащищенными целые районы Европы — Финляндию и прибалтийские страны, тем самым как бы подсказывая фашистской Германии направление агрессии.

Интересные мысли относительно существа английских гарантий высказал министр иностранных дел Румынии Гафенку, который откровенно отмечал, что эти гарантии преследовали отнюдь не цель спасения Польши и Румынии: «Давая Польше гарантии, прежде чем было заключено точное соглашение с СССР, Англия играла на руку тем, кто был заинтересован в предотвращении образования союза между Лондоном и Москвой» [1]. Эти гарантии имели также цель предотвратить и возможный союз Польши и Румынии с СССР или во всяком случае обращение их за помощью к Советской стране.

Итак, правящие круги западных стран сознавали, что дипломатическая тактика, которую они раньше применяли в переговорах с Германией, стремясь достичь с ней соглашения, уже не может дать должных результатов. По их мнению, нужны были новые, более эффективные средства давления на Берлин. Они полагали, что угроза заключения союза между Англией, Францией и СССР явится таким средством, которое сможет заставить Германию стать на путь соглашения с западными странами. С другой стороны, их маневры объяснялись также и возросшей антивоенной активностью народных масс. Английская общественность настойчиво требовала объединения усилий с Советским Союзом для отпора агрессору. Это нашло свое отражение и в беспокойстве многих членов английского парламента за судьбы мира в Европе. Корреспондент ТАСС, присутствовавший 14 марта 1939 г. на заседании палаты общин, сообщал, что события в Чехословакии произвели глубокое впечатление на членов парламента. Они заставили некоторых де-

[1] *G. Gafenko.* Last Days of Europe. New Haven, 1948, p. 145.

путатов, которые раньше относились враждебно к Советскому Союзу, изменить свое мнение относительно сотрудничества с СССР. «СССР вполне может обойтись без Англии, — говорили парламентарии, — но Англия не может обойтись без Советского Союза». Капитан Сандерс, член парламента, бывший финансовый секретарь военного министерства во втором лейбористском правительстве, заявил корреспонденту ТАСС, что расчленение Чехословакии диктует необходимость установления тесного сотрудничества между Англией и СССР [1]. В еще большей степени эти настроения охватили различные круги Франции, над которой нависла непосредственная угроза гитлеровского вторжения.

Английские предложения Советскому Союзу о гарантиях Румынии и Польше

18 марта 1939 г. английский посол в Москве Сиидс в беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым заявил по поручению своего правительства, что имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией [2], и спросил, какова будет в случае агрессии против Румынии позиция Советского Союза. Когда ему с советской стороны был задан встречный вопрос о том, а какой будет при таких обстоятельствах позиция Англии, Сиидс уклонился от ответа, заметив, что географически Румыния ближе к Советскому Союзу, чем к Англии, намекая тем самым, что именно Советский Союз в первую очередь должен принять на себя обязательства в отношении защиты Румынии. Таким образом, английское правительство стремилось подтолкнуть СССР к односторонней дипломатической акции против Германии, которая повела бы к резкому ухудшению советско-германских отношений.

В тот же день Советское правительство предложило Великобритании немедленно созвать конференцию представителей Англии, Франции, СССР, Турции, Польши и Румынии, как наиболее заинтересованных государств в предотвращении агрессии. По мнению Советского правительства, такое совещание дало бы наибольшие возможности для выяснения действительного положения и определения позиций всех его участников. С психологической точки зрения такую конференцию, по мнению Советского правительства, лучше всего было бы созвать в Бухаресте. Однако оно готово было согласиться на любой пункт, который будет признан удобным всеми участниками совещания. Реализация советского предложения способствовала бы сплочению держав, которым угрожала опасность агрессии. Созыв конференции шести мог бы облегчить принятие реаль-

[1] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, д. 304, л. 7. Письмо корреспондента ТАСС от 15 марта 1939 г.

[2] См. «Известия», 22 марта 1939 г.

ных мер против агрессии и активизировать борьбу народов за коллективную безопасность в Европе.

21 марта английское правительство ответило, что оно считает созыв конференции преждевременным. Понимая, что подобное объяснение совершенно неубедительно, Галифакс в беседе с советским послом в Великобритании выдвинул и другие аргументы. Он заявил, что «английское правительство не могло бы сейчас найти достаточно ответственного человека для посылки на такую конференцию», а также что «рискованно созывать конференцию, не зная, чем она кончится», на что советский посол возразил Галифаксу, сказав, «что если СССР, Англия и Франция будут единодушны, то конференция не может кончиться неудачно» [1].

Однако удачный исход конференции не входил в расчеты английского правительства, и именно поэтому оно и не приняло советского предложения.

21 марта Спидс вручил народному комиссару проект декларации, которую английское правительство предполагало подписать совместно с СССР, Францией и Польшей. Проект гласил: «Мы, нижеподписавшиеся... заявляем, что, поскольку мир и безопасность в Европе являются делом общих интересов и забот и поскольку европейский мир и безопасность могут быть затронуты любыми действиями, составляющими угрозу политической независимости любого государства, наши соответственные правительства настоящим обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть принимаемы для общего сопротивления таким действиям».

Советское правительство дало Англии немедленный ответ. 23 марта полпред СССР в Великобритании сообщил в Форинофис, что, хотя Советское правительство находит данную декларацию недостаточно эффективной, оно тем не менее согласно подписать ее. Кроме того, СССР выдвинул встречное предложение, которое сводилось к тому, чтобы декларация была подписана не второстепенными лицами, а премьер-министрами и министрами иностранных дел четырех держав с целью усилить ее влияние на международные отношения в Европе. Советской стороной было предложено также, чтобы балканские, прибалтийские и скандинавские государства были «приглашены присоединиться к декларации после ее опубликования» [2] и тем самым фронт государств, выступавших против агрессии, расширился бы. Создавалась реальная возможность подписания декларации, которая хотя сама по себе и не могла предотвратить агрессию,

---

[1] См. *И. М. Майский.* Кто помогал Гитлеру, стр. 97.
[2] DBFP, Third series, vol. IV, № 490, p. 471.

но открывала путь к переговорам и достижению важных соглашений.

Французские правящие круги считали, что советское предложение может быть принято. Генеральный секретарь МИД Франции Леже заявил 24 марта, что Франция одобряет предложение о созыве совещания для подписания декларации.

Тогда в Лондоне стали бить отбой.

1 апреля 1939 г. английское правительство заявило, что оно считает вопрос о декларации... отпавшим, и в течение двух недель не возвращалось к вопросу о переговорах, потеряв, казалось, интерес к ним.

Однако в дальнейшем, в значительной степени под влиянием критики в палате общин и давления со стороны широких слоев общественности, английское правительство приняло решение возобновить переговоры, и 15 апреля Галифакс обратился к Советскому правительству с предложением дать Польше и Румынии односторонние гарантии, аналогичные тем, которые дал Лондон. Английское правительство запрашивало Советский Союз, готов ли он сделать публичное заявление в указанном смысле [1].

Это предложение было неприемлемым для Советского Союза по нескольким причинам.

Во-первых, английское предложение ставило Советский Союз в неравное положение с Англией и Францией.

Англия, Франция и Польша были связаны обязательствами, правда не выраженными еще в виде соглашения о взаимной помощи друг другу, в случае нападения Германии на одну из договаривающихся сторон. СССР имел пакт о взаимной помощи только с Францией. Но военная конвенция между двумя странами не была заключена, и СССР едва ли мог надеяться на конкретную помощь с ее стороны. Таким образом, СССР должен был прийти на помощь государствам, в то же время не рассчитывая на их поддержку в случае немецко-фашистской агрессии. Такие действия могли лишь содействовать нападению Германии на советскую территорию, ибо гитлеровцы знали, что если бы они, например, напали на Польшу, то им оказали бы отпор четыре державы — СССР, Англия, Франция и Польша, а напав на СССР через Прибалтику, они встретили бы отпор лишь со стороны Советского Союза.

---

[1] Предложение, сделанное Советскому Союзу французским правительством, шло значительно дальше и предусматривало на основе взаимности, что СССР предоставит Франции немедленную помощь и поддержку, если она окажется в состоянии войны с Германией вследствие своей помощи Польше или Румынии, и соответственно Франция при аналогичных обстоятельствах окажет Советскому Союзу немедленную помощь и поддержку.

Во-вторых, английское предложение фактически оставляло за западными державами право определять, какая помощь и в каких формах может быть истребована от СССР. Создавалось парадоксальное положение: тяжесть отпора агрессору должна была лечь на плечи СССР в силу его географического положения, а вопрос о фактическом отпоре агрессору и сроке начала такого отпора предоставлялось решать Англии и Франции.

В-третьих, предложение Англии не предусматривало заключения военной конвенции, которая зафиксировала бы размеры и условия вооруженной помощи, а без этого всякое соглашение было бы малоэффективным.

В-четвертых, предложение Англии ни в коей мере не могло служить реальным средством предотвращения мировой войны. Таким средством могло явиться лишь объединение сил главных европейских держав — Англии, Франции и СССР — для решительной борьбы с агрессией. Только твердая уверенность агрессора в том, что эти три государства противопоставили бы ему всю свою преобладающую военную мощь, могла побудить его отказаться от развязывания войны. Гарантии же двум государствам при отказе в помощи другим, в частности прибалтийским, имели цель не предотвращение войны, а стремление направить удар агрессора в сторону прибалтийских государств и СССР.

Тем не менее, стремясь использовать малейшую возможность для заключения соглашения, Советское правительство без промедления дало ответ на английское предложение. Советская позиция сводилась к следующему:

1. Три государства заключают между собой соглашения сроком на 5—10 лет о взаимной помощи друг другу, включая военную помощь в случае агрессии в Европе против другой договаривающейся стороны.

2. Англия, Франция и СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

По мнению Советского правительства, политическое соглашение должно было быть подписано одновременно с военной конвенцией [1].

Советское правительство считало, что Англия, Франция и СССР должны взять обязательство после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры, не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего согласия всех трех держав.

---

[1] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945», т. I, стр. 165.

Советские предложения устраняли недостатки, которые имелись в английском проекте, и создавали возможность заключения настоящего эффективного союза с целью предотвращения войны. Их отличала полная взаимность обязательств всех участников соглашения. Предложенный СССР проект соглашения отвечал интересам всех трех договаривающихся держав. Он предусматривал обуздание гитлеровской агрессии вне зависимости от того, в каком направлении она будет предпринята.

Расхождение в позициях Англии и Франции по вопросу о союзе с СССР

Исход тройственных переговоров зависел как от Англии, так и от Франции. Ранее уже отмечалось, по каким причинам Англия начала переговоры с СССР. Следует добавить, что эти действия в немалой степени были предприняты Англией под нажимом из Парижа. Известный английский политический деятель И. Маклеод, хорошо знавший Чемберлена, пишет, что «Чемберлен не хотел начинать переговоры с Советами. Он начал их под сильным давлением французского правительства» [1].

Французское правительство формально уже было связано заключенным с СССР в 1935 г. договором о взаимной помощи, направленным против агрессии гитлеровской Германии. В силу своего географического положения Франция, значительно больше чем Англия опасавшаяся нашествия гитлеровских полчищ, искала себе союзников, которые могли ей помочь в схватке с ее смертельным врагом — германским милитаризмом. Многие французские деятели понимали, что единственно надежным союзником Франции является СССР. Полпред СССР в Париже Я. З. Суриц так оценивал позицию Франции весной 1939 г.: «Даладье при всех своих недостатках (а их у него очень много)... все-таки легче, чем Чемберлен, пошел бы навстречу нашим контрпредложениям... Вот сейчас, например, французское правительство настаивает перед британским, чтобы оно приняло за основу наши предложения о тройственном пакте взаимопомощи, сделанные 17 апреля... Вся беда в том, что Франция в наши дни не имеет самостоятельной внешней политики, все зависит от Лондона» [2].

29 апреля 1939 г. английское правительство направило в Париж свои возражения против французского предложения, в которых указало, что трехстороннее соглашение, предлагаемое французским правительством, вызывает серьезные трудности.

---

[1] *Macleod.* Neville Chamberlain. London, 1961, p. 273.

[2] Цит. по кн.: *И. М. Майский.* Кто помогал Гитлеру, стр. 111—112.

Французское правительство начало колебаться. 30 апреля министр иностранных дел Боннэ заявил английскому послу в Париже Фиппсу, что он готов присоединиться к английским предложениям при условии, что английское правительство сумеет убедить Советское правительство принять их. Но оно сомневается в этом [1].

Английское правительство, на деле не желая соглашения с СССР об отпоре агрессору, стремилось вместе с тем продолжать переговоры, чтобы, как выразился Галифакс, «не отдаляя от себя Россию, все время держать ее в игре».

Поэтому политика английского правительства сводилась к тому, чтобы, как писал тот же Галифакс, «не упуская шанса получения помощи со стороны России во время войны», в то же время «не подвергать мир опасности провокации насильственных действий со стороны Германии» [2], т. е. ни в коем случае не обострять отношений с Германией и не закрывать дорогу к сговору с ней. Как отмечалось во время беседы Кадогана с французским послом в Лондоне, «простое отклонение (советских предложений. — *Авт.*) дало бы возможность советскому правительству поставить правительства Англии и Франции в неудобное положение» [3].

Английский ответ от 8 мая в несколько видоизмененной форме повторял предыдущее английское предложение. Англия настаивала на том, чтобы СССР одобрил одностороннюю декларацию о помощи Англии и Франции в случае вовлечения их в военные действия при исполнении принятых ими на себя обязательств в отношении Польши и Румынии. Английский проект не предусматривал никакой помощи Советскому Союзу, если бы последний оказался вовлеченным в военные действия при исполнении взятых на себя обязательств по гарантированию государств Восточной Европы. «Известия» в статье «К международному положению» так характеризовали положение, в которое бы попал СССР, если бы он принял английский проект: «Не имея пакта о взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей, СССР обязывается оказать помощь всем этим трем государствам, не получая от них никакой помощи, причем в случае агрессии, направленной прямо против СССР, последний вынужден обходиться только лишь своими собственными силами» [4].

---

[1] DBFP, Third series, vol. V, № 318, p. 377—378.
[2] Ibid., № 285, p. 331; № 304, p. 357.
[3] Ibid., № 240, p. 260.
[4] «Известия», 11 мая 1939 г.

Новые предложения о заключении тройственного союза и гарантии государствам Центральной и Восточной Европы

Советское правительство внимательно рассмотрело английские предложения и 14 мая дало им развернутую оценку. В своем заявлении оно обращало внимание на то, что английские предложения не основаны на принципе взаимности, а там, где нет взаимности, не может быть, естественно, и настоящего сотрудничества. Далее констатировалось, что английские предложения ставят СССР в неравноправное положение, так как не предусматривают обязательства Англии и Франции о гарантировании СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессора. Английское правительство распространяло гарантии восточноевропейских государств, граничащих с СССР, лишь на Польшу и Румынию, ввиду чего северо-западные границы со стороны Финляндии, Эстонии и Латвии оставались неприкрытыми [1]. В советском заявлении подчеркивалось, что эти обстоятельства «могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза». Ясно, что правительство СССР не могло признать предложения Англии подходящей основой для организации фронта сопротивления агрессору. Оно еще раз подчеркнуло, что должен быть заключен эффективный пакт о взаимной помощи против агрессии между Англией, Францией и СССР, предусматривающий гарантии со стороны трех великих держав для государств Центральной и Восточной Европы, включая Латвию, Эстонию, Финляндию, а также заключено конкретное соглашение между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам.

Англичане и французы были поставлены перед выбором: или пакт о взаимопомощи или крах переговоров.

16 мая 1939 г. советский полпред в Лондоне имел беседу с постоянным заместителем министра иностранных дел Англии, в которой заявил, что переговоры достигли такой стадии, когда английскому правительству необходимо пересмотреть свою позицию. Советский представитель дал ясно понять, что СССР имеет в виду необходимость заключения пакта о взаимной помощи между тремя государствами и включение в него гарантий прибалтийским странам, пограничным с СССР [2]. Твердая позиция Советского правительства была одной из главных причин, заставивших английские и французские правящие круги предпринять некоторые шаги к пересмотру своей позиции.

---

[1] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945», т. I, стр. 166.

[2] DBFP, Third series, vol. V, № 527, p. 564.

22 мая министр иностранных дел Великобритании представил правительству меморандум об англо-советских переговорах, где излагалась позиция сторон, рассматривался французский план, а также преимущества и отрицательные моменты заключения тройственного пакта для Англии. По мнению Форин-оффиса, пакт о взаимопомощи трех стран — и в этом авторы меморандума видели «главное неудобство» пакта — будет означать, что правительство его величества окончательно откажется от всех надежд добиться урегулирования с Германией [1]. Таким образом, Форин-оффис продолжал считать главной целью внешней политики Англии урегулирование отношений с Германией, а переговорам с Москвой отводилась подчиненная роль — они ни в коем случае не должны были мешать достижению сговора с Германией. К числу негативных последствий заключения пакта авторы меморандума относили и то, что пакт мог бы отрицательно повлиять на англо-японские отношения.

В меморандуме, между прочим, говорилось: «Желательно заключить какое-либо соглашение с СССР о том, что Советский Союз придет к нам на помощь, если мы будем атакованы с Востока, не только для того, чтобы заставить Германию воевать на два фронта, но также, вероятно, и потому (и это является самым существенным)... что если война начнется, то следует постараться втянуть в нее Советский Союз...» [2]

Английская дипломатия ставила своей задачей втянуть в войну СССР, а самой фактически остаться в стороне, т. е. спровоцировать советско-германское столкновение. Это была все та же мюнхенская политика, проводившаяся в новых условиях.

Исходя из желания вовлечь СССР в военный конфликт и поняв, что при помощи предложения о гарантиях это сделать не удастся, английское и французское правительства решили продолжить переговоры о заключении тройственного союза. 27 мая 1939 г. английский посол в Москве Спидс и французский поверенный в делах Пайяр вручили советским представителям новые предложения Англии и Франции.

Предложения эти предусматривали, на каких условиях и в каких случаях СССР должен оказать помощь и поддержку Англии и Франции и какую помощь эти державы должны оказать Советскому Союзу. Они предусматривали помощь Советскому Союзу со стороны Англии и Франции в случае нападения Германии на СССР или в случае оказания Советским Союзом помощи европейской стране, которая бы попросила об этом. Оказание помощи связывалось с Уставом Лиги наций.

---

[1] DBFP, Third series, vol. V, № 589, p. 649.
[2] Ibid., p. 646.

Англо-французский проект соглашения не предусматривал заключения военной конвенции, хотя только военное соглашение могло сделать его действительно полезным для всех его участников. Опыт франко-советского договора о взаимной помощи 1935 г., не подкрепленного, как известно, по вине французского правительства такой конвенцией, служил лучшим доказательством этого. Вместо заключения военной конвенции англо-французский проект предусматривал «согласование методов» взаимной помощи и консультации сторон, причем предполагалось, что сначала будут обсуждены «метод и объем такой консультации», а уже потом проводиться консультация по существу. Как показал опыт второй мировой войны, когда многие государства Европы были захвачены Гитлером в течение нескольких недель, предлагаемые многостепенные консультации имели бы весьма малое значение.

Кроме того, англо-французский проект обходил вопрос об обязанностях Польши и Румынии в отношении СССР. Он не предусматривал пропуска советских войск через их территории [1].

Советский проект договора о взаимной помощи — реальный путь к соглашению

Для того чтобы поставить переговоры о соглашении на практическую почву, Советское правительство 2 июня 1939 г. вручило английскому и французскому послам в Москве конкретный проект соглашения. Он предусматривал, что стороны обязуются оказывать друг другу помощь, если одно из договаривающихся государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате: 1) агрессии со стороны этой державы против любого из договаривающихся государств, 2) агрессии со стороны европейской державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, 3) в результате помощи, оказанной одним из трех этих государств европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета [2].

Советский проект был направлен на обеспечение мира в Европе. Он исходил из полного равноправия всех его участников. Советское правительство относилось с полным уважением и к обязательствам по гарантии границ Польши, Бельгии, Турции и Греции, которые приняли на себя Англия и Франция, и к безопасности самих Англии и Франции. Советское правительство шло, таким образом, далеко навстречу интересам Англии и Франции, рассматривая их как своих союзников. В советском проекте пакта выдвигалось положение о том, что меха-

[1] Согласно записи М. Лукашевича, польского посла в Париже в 1936—1939 гг., новые английские условия были выработаны Англией вместе с Польшей.

[2] АВП СССР, ф. 06, оп. 1-а, п. 32, д. 16, л. 33—34; д. 10, л. 1—4.

низм взаимной помощи приводится в действие государствами — участниками договора по совместному решению немедленно, «независимо от какой бы то ни было процедуры прохождения вопросов в Лиге наций» [1]. Тем самым договор приобретал ту эффективность, без которой невозможен был успешный отпор вооруженному до зубов противнику, применявшему к тому же метод неожиданных вероломных нападений.

15 июня английское и французское правительства направили Советскому правительству свои замечания и поправки к советскому проекту пакта. Ознакомление с этими замечаниями не оставляло сомнений в том, что ни в Лондоне, ни в Париже не хотели связывать себя обязательствами об оказании помощи Советскому Союзу, если он будет втянут в войну с гитлеровской Германией в связи с нападением последней на соседние с СССР прибалтийские страны и Финляндию. В то же время западные державы добивались того, чтобы Советский Союз немедленно оказал помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения агрессора на какую-либо из этих стран и вовлечения в войну Англии и Франции. Вместо конкретных обязательств об оказании помощи СССР английское и французское правительства всего лишь изъявляли готовность консультироваться с ним по этому вопросу. Английское и французское правительства отказывались подписать с СССР военную конвенцию, ссылаясь на трудности ее заключения. В английских замечаниях говорилось: правительство «сомневается, чтобы оказалось возможным в сравнительно короткий срок прийти к конкретному военному соглашению, которое охватывало бы все возможные обстоятельства. Оно озабочено тем, чтобы заключить соглашение с Советским правительством без дальнейших промедлений, и с ужасом думает о том, как отразилась бы на положении в Европе отсрочка вступления в силу такого договора до заключения военного соглашения» [2].

Английская сторона предложила сначала подписать договор и условиться, что в определенное время после заключения договора будет установлен контакт между штабами трех государств. Не обязывая ни к чему Англию и Францию, это содействовало бы вовлечению СССР в войну без конкретных обязательств со стороны Англии и Франции по оказанию военной помощи СССР. Таким образом, июньские англо-французские предложения были для Советского правительства новым подтверждением нежелания Англии и Франции пойти на равноправное и искреннее сотрудничество.

---

[1] АВП СССР, ф. 06, оп. 1-а, п. 32, д. 16, л. 33—34.
[2] DBFP, Third series, vol. VI, № 35, p. 38.

Вызывал сильное сомнение в действительных намерениях английского и французского правительств и их отказ принять советское предложение зафиксировать в проекте договора о взаимопомощи обязательство заключать перемирие или мир только по совместному согласию. В своем ответе от 16 июня Советское правительство особо подчеркнуло это обстоятельство.

Правящие круги Англии и Франции желали, когда начнется война, иметь свободные руки для сепаратных переговоров с агрессором. Последующие события мировой войны, когда английские правящие круги вели за спиной Советского Союза сепаратные переговоры с гитлеровской Германией, показывают, что их возражения против советских предложений не являлись случайными.

Вопрос о гарантиях прибалтийским государствам и косвенной агрессии

Предложения Англии и Франции были неудовлетворительными также и потому, что они не обеспечивали безопасности прибалтийских государств и оставляли нерешенным вопрос о так называемой косвенной агрессии. Согласно этим предложениям Советский Союз должен был оказать немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции, между тем как эти последние не брали на себя обязательств по оказанию Советскому Союзу немедленной помощи в случае, если СССР будет вовлечен в войну с агрессором в связи с нападением последнего на граничащие с СССР Латвию, Эстонию и Финляндию. С этим Советское правительство, разумеется, не могло согласиться.

24 июня посол Англии в Москве Сиидс, оценивая в телеграмме Галифаксу создавшееся положение, отмечал, что переговоры зашли в тупик. «...Мне думается, что мы исчерпали все средства для того, чтобы прийти к соглашению по критическому вопросу о гарантиях другим государствам при помощи аргументации и искусства формулировок... Я полагаю, что мы должны теперь решить определенно, принять ли принципы, изложенные в статье I советского предложения от 2 июня (о взаимной помощи в результате агрессии против одной из перечисленных восьми европейских государств. — *Авт.*), или заключить просто договор о взаимной помощи против прямой агрессии» [1]. Английский посол довольно верно оценивал факты. А. А. Жданов в статье, напечатанной в «Правде» 29 июня под названием «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР», констатировал, что англо-франко-со-

[1] DBFP, Third series, vol. VI, № 139, p. 160.

ветские переговоры продолжаются уже 75 дней, из которых 59 ушли на проволочки со стороны англичан и французов. В то же время английская дипломатия, когда ей действительно нужны были договоры о взаимной помощи, умела обеспечивать их заключение в кратчайшие сроки. Именно так были заключены договоры о взаимной помощи Великобритании с Турцией. «Факт недопустимой затяжки и бесконечных проволочек в переговорах с СССР, — говорилось в статье, — позволяет усомниться в искренности подлинных намерений Англии и Франции...» [1]

На советское предложение от 16 июня, которое предусматривало гарантии прибалтийским государствам, Англия и Франция затянули ответ более чем на две недели, вручив его лишь 1 июля 1939 г. После нескольких месяцев проволочек Англия и Франция наконец согласились с принципом оказания помощи в случае, если одна из держав будет вовлечена в военное столкновение в результате агрессии со стороны европейской державы, «направленной против какого-либо другого европейского государства, независимость или нейтралитет которого одна из трех заинтересованных стран считает себя вынужденной защищать против такой агрессии» [2].

Новые предложения Англии и Франции содержали также проект соглашения, не подлежащего опубликованию, в котором указывалось, что «статья 1 договора, подписанного сегодня, должна будет применяться к следующим европейским государствам: Эстонии, Финляндии, Латвии и Польше, Румынии, Турции, Греции, Бельгии, Люксембургу, Нидерландам и Швейцарии» [3]. Эти предложения представляли собой шаг вперед, так как Англия и Франция соглашались гарантировать прибалтийские государства.

Но оставался по-прежнему нерешенным вопрос о так называемой косвенной агрессии, т. е. агрессии без открытого вторжения на чужую территорию. Положение, сложившееся в прибалтийских государствах, заставляло опасаться именно косвенной агрессии.

Прибалтийские государства сами не были в состоянии защитить свою независимость от агрессора и больше других нуждались во внешней поддержке [4]. Будучи вынужденными в ходе

---

[1] «Правда», 29 июня 1939 г.

[2] DBFP, Third series, vol. VI, № 151, p. 173; № 207, p. 230—232.

[3] DBFP, Third series, vol. VI, № 206, p. 229—230.

[4] В английской печати усиленно распространялись слухи о том, что будто предоставление трем прибалтийским державам помощи великими странами означало бы для них потерю суверенитета. Это, разумеется, не имело ничего общего с действительностью. Даже сильные государства в то время искали друг у друга помощи против гитлеровской агрессии.

переговоров сдавать одну позицию за другой, английские правящие круги упорно настаивали на исключении упоминания «косвенной агрессии», что было связано именно с проблемами гарантий прибалтийским государствам. Поэтому в своем заявлении от 3 июля 1939 г. Советское правительство, приняв английские статьи, дополнило ст. 1 договора, указав, что обязательства трех стран действуют не только в случае прямой, но и в случае косвенной агрессии, направленной против какой-либо европейской страны. Советское правительство включило в протокол добавление, которое гласило, что ст. 1 договора «должна будет применяться как в случае прямой агрессии, так и в случае косвенной агрессии, под которой понимается внутренний переворот или поворот в политике в угоду агрессору, — к следующим европейским государствам: Эстонии, Финляндии, Латвии, Польше, Румынии, Турции, Греции, Бельгии» [1].

На данной стадии переговоров вопрос о косвенной агрессии стал играть основную роль. Точное и недвусмысленное определение косвенной агрессии, предложенное Советским Союзом, исключало возможность использования прибалтийских государств для нападения на СССР и затрудняло для правящих кругов западных стран сговор с гитлеровской Германией и выдачу ей по примеру Чехословакии других европейских государств, в которых были сильны прогитлеровские элементы.

8 июля 1939 г. Англия и Франция вручили народному комиссару иностранных дел СССР памятную записку, которая являлась ответом на советские предложения от 1 июля.

В отношении косвенной агрессии предлагалось следующее определение: «Слово «агрессия» должно пониматься в том смысле, что оно распространяется на такие действия, на которые соответствующее государство дало свое согласие под угрозой применения силы со стороны другой державы и которое связано с отказом этого государства от своей независимости или своего нейтралитета» [2]. Это определение не могло считаться удовлетворительным, так как агрессор всегда мог сослаться на то, что та или другая территория оккупирована им с «согласия» соответствующего правительства.

Не желая давать действенных гарантий прибалтийским государствам и своевременно заключить военную конвенцию и не сумев навязать Советскому правительству таких условий, которые привели бы к советско-германскому столкновению, английское правительство утратило всякий интерес к достижению соглашения с СССР. Газета «Дейли уоркер» сообщила 10 июля

---

[1] АВП СССР, ф. 06, оп. 1-а, д. 1, л. 64—66.
[2] DBFP, Third series, vol. VI, № 253, p. 277; № 279, p. 308—309.

1939 г., что английский кабинет по предложению Саймона обсуждал вопрос о том, чтобы установить определенный срок для завершения переговоров с СССР и, если к этому времени соглашение не будет подписано, прекратить переговоры, поскольку они стали мешать перспективам соглашения с Германией. В разговоре с Боннэ английский посол в Берлине Гендерсон заявил 10 июля, что «переговоры с Россией достигли такой стадии, когда они потеряли «чувство реальности»». Отмечая, что Гитлер легче придет к соглашению с западными державами, если «положение не будет осложнено участием России», Гендерсон писал, что «важно прекратить переговоры (с СССР. — *Авт.*) любым путем возможно скорее» [1]. Того же мнения придерживался и Сиидс, который в телеграмме от 12 июля Галифаксу указывал, что в случае разрыва переговоров целесообразнее в качестве предлога использовать скорее вопрос о косвенной агрессии, чем статью относительно одновременного подписания военного и политического соглашения [2].

Английский представитель на переговорах Стрэнг писал в министерство иностранных дел Англии 20 июля 1939 г.: «В переговорах мы в настоящее время имеем перед собой такую альтернативу. Мы можем принять советскую точку зрения относительно неделимости военного и политического соглашения и разорвать переговоры на вопросе о косвенной агрессии, или мы можем принять советское определение косвенной агрессии и разорвать на статье 6 (о военных и политических переговорах. — *Авт.*), или мы можем не принимать обеих статей и разорвать на этом... Или мы можем принять советский проект статьи 6, начать сразу военные переговоры и продолжать тем временем наши усилия достичь соглашения по вопросу определения косвенной агрессии» [3], т. е. тянуть переговоры. По-видимому, французское правительство обратилось к лорду Галифаксу с просьбой принять советское предложение об одновременном заключении военной конвенции и политического соглашения.

В этих условиях английское правительство решило принять последний из намеченных Стрэнгом вариантов и заявить о своем согласии на предложение СССР об одновременном вступлении в силу военного и политического соглашения. Вместе с тем Лондон продолжал настаивать на своем определении косвенной агрессии. В качестве последней «уступки» английское правительство согласилось 21 июля начать военные переговоры,

---

[1] DBFP, Third series, vol. VI, № 296, p. 331.
[2] Ibid., № 297, p. 332.
[3] Ibid., № 376, p. 423—424.

не дожидаясь окончательного соглашения по статьям и протоколу, обсуждавшимся в то время [1].

К концу июля 1939 г. в политических переговорах объективно наметились некоторые возможности заключения соглашения: стороны договорились о том, что будут предприняты военные переговоры, а по вопросу о косвенной агрессии советская и французская точки зрения практически совпадали. Это показывало, что правительство СССР дало правильное определение косвенной агрессии и что это определение полностью соответствовало международному праву и было приемлемо как для социалистического, так и для буржуазного государства. В конце июля практически вопрос стоял не о непреодолимых разногласиях между советской делегацией, с одной стороны, и англо-французской — с другой, а между советской точкой зрения, которую разделяла французская делегация, и английской позицией. Если бы английское правительство в этих условиях не пошло бы наперекор Франции и СССР и приняло бы советскую формулу косвенной агрессии, как это сделала Франция, политические переговоры в июле 1939 г. могли бы быть успешно завершены. Но это не входило в планы английской стороны. Английский посол в Москве получил строгие инструкции оказать энергичное давление на советских представителей, заставив их принять английское определение косвенной агрессии [2].

В то же время в палате общин парламентский заместитель министра иностранных дел Батлер заявил, что английское правительство принимает все меры к ускорению ликвидации разногласий между СССР и Англией, главным из которых является вопрос о том, «должны ли мы посягать на независимость балтийских государств или нет». Англия считает, что великие державы «не должны этого делать и именно в этом разногласии кроются главные причины затяжки переговоров». В несколько более замаскированных выражениях ту же мысль высказал 31 июля и Чемберлен.

ТАСС от имени Советского правительства 2 августа заявило, что Батлер «допустил искажение позиции Советского правительства. На самом деле, разногласия состоят не в том, чтобы посягать или не посягать на независимость балтийских стран, ибо обе стороны стоят за гарантию этой независимости, а в том, чтобы в формуле о «косвенной агрессии» не оставить никакой лазейки для агрессора, покушающегося на независимость балтийских стран. Одна из причин затяжки переговоров состоит

[1] DBFP, Third series, vol. VI, № 378, p. 429.
[2] «Foreign Relations... 1939», vol. I, p. 292.

в том, что английская формула оставляет такую лазейку для агрессора» [1].

В тот же день Народный комиссариат иностранных дел обратил внимание английского посла в Москве на заявление Батлера. Послу было указано, что в то время, когда три правительства стараются найти разрешение вопроса о косвенной агрессии, советская точка зрения публично искажается английскими официальными лицами. Принеся свои извинения, посол сослался на то, что ему не известен точный текст заявления Батлера.

Неделей раньше, 23 июля 1939 г., английское и французское правительства официально заявили, что они согласны на одновременное вступление в силу военного и политического соглашения. 25 июля Галифакс информировал Сиидса, что английское правительство готово немедленно приступить к переговорам военных миссий в Москве. Но одновременно, стремясь оттянуть начало переговоров, Галифакс сообщил советскому полпреду, что только назначение военных миссий и снабжение их инструкциями займет по крайней мере неделю или 10 дней [2].

Затягивая переговоры с СССР, английские правящие круги тем временем вели секретные переговоры с Германией, которым они придавали гораздо большее значение.

Англо-германские тайные переговоры

Подготовка к переговорам с Германией началась еще весной 1939 г. В середине мая видный деятель консервативной партии Друммонд-Вольф в переговорах с сотрудником германского МИД Рютером заявил, что Англия готова отказаться в пользу Германии от большинства своих прав в Восточной и Юго-Восточной Европе и что политика Англии в отношении сотрудничества с Германией после Мюнхена не изменилась.

В июне 1939 г. в Лондон для участия в работе международного комитета по делам беженцев прибыл Г. Вольтат, немецкий чиновник для особых поручений. Здесь с Вольтатом вел переговоры Г. Вильсон — ближайшее доверенное лицо английского премьера. Публикаторы английских дипломатических документов указывают, что запись беседы между Вольтатом и Вильсоном, состоявшейся в июне 1939 г., найти в архивах Форинофиса не удалось. Но некоторое представление об этой беседе дает другая встреча Вольтата — с английским дипломатом Эштоном Гуэткином, во время которой обсуждались широкие планы англо-германского экономического сотрудничества [3]. Пе-

---

[1] «Известия», 2 августа 1939 г.

[2] DBFP, Third series, vol. VI, № 435, p. 478; № 444, p. 484.

[3] См. *Г. Л. Розанов.* Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.). М., 1961, стр. 465—466.

реговоры Вильсона с Вольтатом носили столь важный характер, что последний по прибытии в Берлин немедленно доложил о них Герингу, после него, по мнению Вольтата, результаты переговоров были доложены также Гитлеру.

В том же месяце состоялась беседа Адама Тротт цу Зольца (позднее — сотрудника министерства иностранных дел Германии) с Лотианом, Галифаксом и другими английскими политиками. Во время беседы с Лотианом, который, по словам Тротт цу Зольца, имел большое влияние на Чемберлена, немецкий представитель вынес впечатление, что «лорд Лотиан и его друзья действительно готовы уступить Германии в вопросе о протекторате над Восточной Европой и предоставить ей свободу рук в экономическом отношении в Восточной Европе» [1].

Асторы, которые, по словам Тротт цу Зольца, имели доступ к Чемберлену в любое время, организовали 8 июня его встречу с премьером. Чемберлен заявил немецкому представителю, что он по-прежнему желает мирного урегулирования с Германией. «Со дня, когда он (Чемберлен. — *Авт.*) занял пост премьера, он продолжает считать, что единственное решение европейской проблемы возможно лишь по линии Берлин — Лондон» [2], — писал Тротт цу Зольц. Чемберлен дал понять собеседнику, что он готов продолжить политику Мюнхена и, таким образом, принести в жертву переговоры с СССР.

6 июля 1939 г. личный секретарь Риббентропа Э. Кордт нанес визит Сардженту, помощнику заместителя министра иностранных дел Великобритании. Во время беседы Кордт заявил, что все усилия английского правительства достичь соглашения с Германией при помощи речей или используя другие каналы не будут иметь ни малейшей надежды на успех, пока не будут так или иначе закончены англо-франко-советские переговоры [3].

Начиная переговоры в Москве, англичане хотели, как уже отмечалось, оказать влияние на Германию. Но Берлин потребовал прекращения переговоров с СССР в качестве условия возможной сделки в будущем, и Англия фактически все больше уступала этому требованию.

30 июня Дирксен сообщал, что в правящих кругах Великобритании растут сомнения в полезности для Англии «политики окружения» [4], т. е. политики коллективной безопасности. 24 июля в донесении, направленном министру иностранных дел Германии, он сообщал, что влиятельные государственные деятели Англии готовы отказаться от идеи коллективной безопас-

[1] DGFP, Series D, vol. VI, № 497, p. 681.
[2] Ibid., p. 682.
[3] DBFP, Third series, vol. VI, № 259, p. 287.
[4] DGFP, Series D, vol. VI, № 593, p. 818.

ности и одобрить «конструктивный курс» в отношении Германии и что они разработали предложения, базирующиеся на политике «умиротворения» и разделе сфер влияния. По мнению английских государственных деятелей, добавлял Дирксен, шаги по реализации этих планов должны быть сохранены в величайшей тайне.

В середине июля 1939 г. английская дипломатия обратилась к Германии с предложением объявить своего рода перемирие в печати обеих стран, т. е. прекратить взаимные нападки и критику друг друга. Это «перемирие» должно было облегчить переход Англии к политике тесного сотрудничества с Германией и подготовить к нему английское общественное мнение.

В Лондоне разработали конкретную программу соглашения с Германией и довели ее до сведения германских руководителей во время вторичного посещения британской столицы Вольтатом 18—21 июля. Программа, разработанная Вильсоном, была одобрена Чемберленом и сводилась к заключению пакта о ненападении и невмешательстве, который «служил бы до некоторой степени маскировкой для разграничения сфер интересов великих держав» [1]. При этом предусматривалось, что Англия освободилась бы от обязанностей в отношении Польши, т. е. выдала бы Польшу на милость Германии, и от «политики окружения», т. е. от политики коллективной безопасности и союза с СССР, и согласилась бы предоставить Германии свободу рук на востоке и юго-востоке Европы [2]. Это был проект соглашения о разделе сфер влияния в мировом масштабе за счет ряда стран. Проект соглашения предусматривал привлечение к нему Италии и Франции. Таким образом, восстанавливалась идея пакта четырех, направленного против Советского Союза. Как писал Дирксен, Англия проводила «параллельную политику»: «одновременно с непрерывно увеличивающимся разочарованием по поводу переговоров с Россией усиливалась тенденция к конструктивной политике в отношении Германии» [3].

В августе, накануне открытия московских переговоров, английское правительство использовало и новые пути для достижения сговора с фашистскими руководителями. 8 августа 1939 г. английская газета «Дейли уоркер» сообщила, что Англия сделала предложение Гитлеру созвать конференцию пяти

---

[1] «Документы и материалы...», т. II, стр. 216.

[2] См. там же, стр. 224.

[3] Советское правительство знало, что Англия ведет переговоры с Германией с целью соглашения с ней. Это не скрывал в беседе с советским представителем в Берлине Г. А. Астаховым министр иностранных дел Германии Риббентроп. Слухами о предстоящем англо-германском соглашении была полна иностранная печать (см. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. I, стр. 174).

держав — Англии, Германии, Франции, Италии и Польши — для обсуждения способов удовлетворения Гитлера и присоединения Данцига к Германии. Конференция не предусматривала участия Советского Союза. План конференции активно обсуждался правительствами Великобритании и Германии, о предстоящей конференции был информирован Вашингтон. В Данциг выехал английский профессор Гарри Райли, который в интервью со шведским корреспондентом газеты «Афтон-Бладет» заявил: «Мы в Англии никоим образом не убеждены в том, что Данциг является жизненно важным для Польши» [1]. В дипломатических кругах многих стран считали, что миссия профессора Райли аналогична миссии Ренсимена в Прагу в 1938 г. и что английские дипломаты предполагают выдать Гитлеру Польшу, как в свое время они выдали ему Чехословакию.

Именно в это время Гендерсон предложил направить в Германию генерала Айронсайда с личным письмом от Чемберлена к Гитлеру. На заморского инспектора вооруженных сил выбор пал не случайно. Как говорилось в проекте письма к Гитлеру, последний мог бы «обсудить с ним как солдат с солдатом... существующую ситуацию» [2]. В письме Чемберлена к Гитлеру предлагались двусторонние польско-германские переговоры с последующим участием Великобритании, если это будет необходимо. Чемберлен обещал Германии успешное урегулирование и других проблем. Английское правительство замышляло новый Мюнхен, цель которого заключалась в том, чтобы, пожертвовав Польшей, втянуть Советский Союз в войну с фашистской Германией.

Военные переговоры между СССР, Англией и Францией в августе 1939 г.

Август 1939 г. проходил в нарастающей тревоге: тень войны быстро надвигалась на Европу. Почти ежедневно газеты сообщали о различных инцидентах, провоцировавшихся гитлеровцами в Данциге. Берлин вел безудержную антипольскую кампанию, фашистские газеты под огромными заголовками помещали бесчисленные фальшивки о польских «зверствах» в отношении немцев, проживавших в Польше. Каждый день можно было ожидать взрыва.

Не объявляя открыто, Германия фактически полным ходом вела мобилизацию и, по подсчетам французского посольства в Берлине, к середине августа должна была иметь под ружьем около 2 млн. человек. Спешно заканчивалась уборка урожая, для ускорения которой на полях работали школьники. На восток тянулись эшелоны с войсками — германские войска кон-

[1] «Daily Worker», 8. VIII. 1939.
[2] DBFP, Third series, vol. VII, № 118, Enclosure, p. III.

центрировались в районах Силезии и Восточной Пруссии. Французская разведка сообщала об активизации гитлеровцев на западных границах; с французской стороны граница находилась под усиленным наблюдением.

В середине августа Черчилль в сопровождении начальника французского генерального штаба Гамелена посетил французские укрепления на южном участке границы с Германией. Французские часовые сидели скрючившись в окопах наблюдательных пунктов, глубокие подземные казематы «линии Мажино» загружались боеприпасами. Противоположный берег Рейна казался безлюдным, мосты были разведены или заминированы. У аппаратов круглосуточно дежурили французские офицеры, готовые взорвать их по первому сигналу. Высказывались опасения, что гитлеровцы могут обойти «линию Мажино» с юга, на проходах к Базелю устанавливались тяжелые орудия.

Дыхание приближавшейся опасности чувствовалось и в западных столицах. В Париже на улицах рыли траншеи, витрины магазинов закладывались мешками с песком. Но город, как обычно в августе, был малолюден. «Высший свет» разъехался по курортам. В Лондоне на виду у германского посольства расположился полк противовоздушной обороны. До английского правительства дошли сведения, что Гитлер готовит внезапную воздушную атаку на Лондон.

Во французских деловых кругах царило беспокойство. Французские буржуа были озабочены — они боялись войны, боялись поражения, так как знали, что Франция была плохо подготовлена в военном отношении. Боялись они и победы, ибо крах фашистской Германии означал бы крушение позиций реакции в Европе, укрепление демократических прогрессивных сил. В памяти вставало лето 1936 г., занятие заводов французскими рабочими. Воспоминание заслоняло угрозу, нависшую со стороны фашистского рейха: все что угодно, только не Народный фронт! В глубине души буржуа надеялись на новый Мюнхен за счет Польши. Много было и откровенных пораженцев. «Гитлер восстановит порядок в доме. Что́ в том, если французская территория будет оккупирована вермахтом, если мы будем навсегда избавлены от кошмара занятия заводов», — считали многие финансисты и промышленные магнаты.

Такова была обстановка, в которой 12 августа в Москве по предложению Советского правительства начались переговоры между военными миссиями СССР, Англии и Франции.

Англо-франко-советские военные переговоры являлись одним из наиболее важных международных событий кануна второй мировой войны. Тогда еще не поздно было остановить агрессора и предотвратить войну.

Советский Союз придавал большое значение подготовке переговоров и назначению достаточно авторитетных и полномочных делегаций, которые могли бы со знанием дела обсудить вопросы военного сотрудничества и принять соответствующие решения.

В Лондоне знали о советской позиции. Тем не менее главой делегации в Москву был назначен адмирал в отставке Реджинальд Планкетт Эрл Дракс — второстепенный военный деятель. Это еще раз подтверждает, что английское правительство не ставило своей целью заключение военной конвенции. Именно так оценивал действия Великобритании немецкий посол в Лондоне. 1 августа 1939 г. он сообщал в Берлин: «Невозможно отказаться от впечатления, что с английской стороны переговоры будут вестись главным образом для того, чтобы получить реальное представление о силе советской армии... Это впечатление усиливается при ознакомлении с составом английской военной миссии. Ни один из трех представителей не имеет специальной подготовки, позволяющей ему вести переговоры об оперативных мероприятиях». Во главе французской делегации был назначен также малоизвестный военный — генерал Думенк.

В настоящее время мы располагаем инструкциями, которые были даны английской делегации. Английская сторона в то время тщательно старалась сохранить их в строгой тайне. В одном из разделов инструкции подчеркивалось, что «до момента заключения политического соглашения миссия должна... вести переговоры очень медленно, следя за развитием политических переговоров» [1].

Английское правительство взяло курс на затягивание переговоров, хотя знало о намерениях Германии в августе — сентябре развязать агрессию [2]. Инструкции предписывали делегации «обращаться с русскими сдержанно». В них говорилось, что «в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколько возможно более общими формулировками, что-нибудь вроде декларации политического характера, которая была бы одобрена, отвечала бы этим условиям». В инструкциях указывалось, что если СССР потребует, чтобы французское и британское правительства сделали Польше, Румынии или прибалтийским государствам предложения, которые повлекли бы за собой сотрудничество с Советским правительством или его генеральным штабом, то миссии не должны брать на себя каких-либо обязательств. Из инструкций, дан-

[1] DBFP, Third series, vol. VI, p. 763.
[2] См. «Международная жизнь», 1959, № 2, стр. 146.

ных английской военной миссии, видно, что Великобритания не хотела точного, ясного, определенного соглашения о военном сотрудничестве с СССР в борьбе против германской агрессии.

Это понимали и сами участники переговоров. Ознакомившись с инструкцией Драксу, английский посол в Москве Сиидс писал министру иностранных дел Англии Галифаксу: «При таких условиях я полагаю, что военные переговоры едва ли приведут к каким-либо результатам, за исключением того, что они вновь вызовут у русских сомнение в нашей искренности и желании заключить конкретное и определенное соглашение» [1]. Но это еще не все. Опасаясь, чтобы военная миссия не пошла слишком далеко навстречу предложениям СССР, английское правительство дало указание своему посольству в Москве «сдерживать миссию», чтобы ни в коем случае не допустить успеха в переговорах [2].

Совершенно по-другому отнеслось к переговорам Советское правительство. Оно назначило членами военной миссии деятелей, которые могли в силу данных им полномочий принимать важнейшие решения. Возглавил военную миссию народный комиссар обороны маршал К. Е. Ворошилов.

Советское правительство дало указание сообщить английской и французской военным миссиям план развертывания вооруженных сил СССР на его западных границах. Советские планы учитывали координацию действий сухопутных и военно-воздушных сил трех государств. Они предусматривали, какие конкретные силы будут выставлены Советским Союзом в случае войны по тому или другому варианту. Английский представитель на переговорах Стрэнг, вернувшись в Лондон, в беседе с американским поверенным в делах Джонсоном заявил, что «русские относятся серьезно к военным переговорам» [3].

Член советской военной миссии начальник Генерального штаба Красной Армии Б. М. Шапошников изложил три варианта совместных действий армий СССР, Англии и Франции против агрессора [4]. Советское правительство брало на себя обязательство выставить против агрессора в Европе 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий (пушек и гаубиц), 9—10 тыс. танков, от 5 тыс. до 5,5 тыс. боевых са-

---

[1] DBFP, Third series, vol. VI, № 647, p. 682.

[2] См. *Джеймс Харвей* и *Кэтрин Худ*. Британское государство. М., 1961, стр. 282.

[3] «Foreign Relations... 1939», p. 295.

[4] Адмирал Дракс подготовил проект военной конвенции, однако он был составлен, по признанию самого Дракса, в самых общих выражениях, и к тому же вообще не был вручен советской стороне.

молетов (без вспомогательной авиации), т. е. бомбардировщиков и истребителей.

В случае нападения агрессоров на Англию и Францию СССР должен был выставить 70% от тех вооруженных сил, которые бы выставили Англия и Франция против главного врага — Германии. В этом случае предусматривалось обязательное участие в войне Польши, которая должна была бы сосредоточить на своих западных границах 40—45 дивизий.

В случае нападения агрессора на Польшу и Румынию эти страны должны были выставить на фронт все свои силы, а СССР столько вооруженных сил, сколько Англия и Франция непосредственно против Германии. Разумеется, участие в войне СССР могло быть осуществлено при этом, как подчеркивал Б. М. Шапошников, только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и по возможности с Литвой, а также с Румынией о пропуске наших войск, ибо для советских войск не имелось другого пути войти в соприкосновение с противником и, таким образом, принять участие в войне [1].

Позже генерал Думенк во время одной из бесед с главой советской военной миссии признал, что заявление Шапошникова являлось «превосходной базой для заключения военной конвенции».

Выступления адмирала Дракса и маршала Бернета показали, что западные страны не желали заключения конкретного соглашения, а лишь тянули время.

Главным вопросом переговоров был вопрос о проходе советских войск через территорию Польши, поскольку СССР не имел общих границ с Германией.

Правительства Англии и Франции ожидали, что Советское правительство поставит указанный вопрос, и готовились к ответу. Это видно из того, что в инструкциях, данных английской делегации, ей предписывалось руководствоваться тем, что Польша, может быть, будет готова принять помощь русскими воздушными силами и материалами, но не желает вступления советских войск на польскую территорию [2].

Английское правительство оказывало серьезное давление на генерала Думенка, советуя ему не ставить вопроса о пропуске советских войск через Польшу, т. е. прямо ориентировали его на срыв переговоров. П. Рейно, известный французский политический деятель, являвшийся в 1939 г. министром финансов, в книге «В центре схватки» пишет, что Чемберлен рекомендовал Думенку избежать обсуждения вопроса о пропуске советских войск через Польшу [3].

[1] См. «Международная жизнь», 1959, № 3, стр. 139—141.
[2] DBFP, Third series, vol. VI, p. 772.
[3] *Reynaud.* Au coeur de la mêlée. Paris, 1951, p. 305.

Если бы Англия и Франция действительно хотели заключения эффективного соглашения с СССР о взаимной помощи, то *именно они* должны были бы поставить этот вопрос, потому что без его разрешения СССР не мог оказать помощи их союзнику — Польше. Наоборот, если бы СССР не хотел оказывать эффективной помощи Англии и Франции, то в его интересах было бы избежать постановки данного вопроса. Парадоксальность положения заключалась в том, что Советский Союз, честно относясь к переговорам, отстаивал те позиции, которые должны были бы отстаивать Англия и Франция, если бы они хотели заключения соглашения. Дракс во время переговоров заявил советским представителям: «Если Польша и Румыния не потребуют помощи от СССР, они в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит, как с ними поступить» [1]. Заявление адмирала Дракса свидетельствовало о том, что его вполне устраивало, чтобы Красная Армия ввязалась в войну при неблагоприятных для нее условиях, когда Польша и Румыния будут разбиты Германией.

17 августа председательствующий К. Е. Ворошилов заявил, что «дальнейший ход наших заседаний сейчас целиком зависит от получения советской военной миссией ответов на ее вопросы военным миссиям Англии и Франции... Если за сегодняшний и завтрашний день не будет получено ответа от правительств Англии и Франции, нам, к сожалению, придется прервать на некоторое время наши заседания в ожидании этого ответа» [2].

По предложению адмирала Дракса следующее заседание было назначено на 21 августа [3]. Когда 21 августа открылось очередное заседание, председательствующий Дракс сказал, что следовало бы еще раз отложить заседание на 3—4 дня. Глава советской военной миссии заявил: «...очевидно, нет практической необходимости собираться до того, как будут получены ответы английской и французской миссиями от своих правительств...»

Руководители советской делегации вынуждены были констатировать, что совещание прекращает свою работу «на более или менее продолжительный период времени» [4].

В середине августа французское правительство поставило перед польским правительством вопрос о проходе через терри-

---

[1] «Международная жизнь», 1959, № 2, стр. 156.

[2] «Международная жизнь», 1959, № 3, стр. 153.

[3] Член английской миссии маршал авиации Бернет писал в Лондон 16 августа: «Я понимаю, что политика правительства заключается в том, чтобы возможно дольше затянуть переговоры, если мы не можем добиться приемлемого договора» (DBFP, Third series, vol. VII, p. 600).

[4] «Международная жизнь», 1959, № 3, стр. 156, 158.

торию Польши Красной Армии, но последнее категорически отказалось дать свое согласие. Бесспорно, что польское реакционное правительство несло ответственность за политику, которая привела Польшу к катастрофе. Но еще бóльшая ответственность падала на правительства Англии и Франции, которые не стремились повлиять на Польшу, с тем чтобы она приняла советское предложение.

Известный английский политический деятель Ллойд Джордж предлагал поставить условием предоставления помощи Польше ее согласие принять помощь СССР. Но это предложение было отвергнуто английским правительством, представитель которого заявил, что договор с Польшей будет заключен вне зависимости от предполагаемого договора с СССР.

Не может быть двух мнений о том, что польские правящие круги, зависимые от Англии и Франции, прислушались бы к советам из Лондона. Это признавали и сами английские и французские политические деятели. Председатель совета министров Франции Даладье заявлял, что Англия и Франция имели средства воздействовать на польское правительство в вопросе о «передвижении русских войск через Польшу» [1].

Поль Бонкур также считал, что возможно было добиться согласия Польши и Румынии на проход советских войск. Ставя вопрос, были ли использованы Францией средства давления на Бека, Бонкур отвечает: «Я опасаюсь, что нет».

Английский министр иностранных дел Галифакс в беседе с министром иностранных дел Румынии Гафенку признавал, что «он не оказывал никакого давления на Польшу с целью побудить ее к взаимопониманию с Советским Союзом...» [2]

Английский историк профессор Немир в книге «Дипломатическая прелюдия» пишет, что англо-французские предложения, не предусматривавшие право прохода советских войск через польскую территорию, были выработаны Англией вместе с Польшей [3].

20 августа французский посол в Москве запросил у своего правительства разрешения «дать окончательный принципиальный ответ русской делегации с целью продвинуть вперед военные переговоры» [4]. 21 августа польское правительство еще раз подтвердило свою отрицательную позицию в отношении прохода советских войск. Тем не менее на следующий день из Парижа было дано указание генералу Думенку заявить, что Франция согласна на проход советских войск через польскую территорию в случае войны с Германией.

---

[1] «Annexe au procès-verbal», t. I, 1951, p. 48.
[2] *G. Gafenco.* Last Days of Europe, p. 117.
[3] *L. Namier.* Diplomatic Prelude, 1938—1939. London, 1948, p. 176.
[4] *G. Bonnet.* De Washington au Quai d'Orsay, p. 284.

22 августа вечером Думенк встретился с главой советской делегации и сообщил о наличии у него документа французского правительства, являющегося ответом на запрос СССР. Уже в начале беседы выяснилось, однако, что никаким документом французская миссия не располагает. Советский представитель спросил далее Думенка об отношении польского и румынского правительств к проходу советских войск, информированы ли они о переговорах или ответ получен Думенком непосредственно от французского правительства, без предварительной информации Румынии и Польши. Генерал Думенк, прекрасно зная, что указанный ответ дан Францией вопреки ответам Польши и Румынии с целью затянуть переговоры и сорвать заключение советско-германского договора (о предстоящем заключении которого уже было объявлено в печати), заявил, что «он не знает, какие переговоры имели место между двумя правительствами» [1].

Лишь 23 августа, после сообщения о прибытии в Москву Риббентропа польское правительство выразило согласие, но не на проход советских войск, а всего лишь на то, чтобы изучить вопрос о советской военной помощи [2]. Но и это согласие было обусловлено рядом оговорок. «Польское правительство, — говорилось в заявлении Бека 23 августа, — согласно, чтобы генерал Думенк сделал следующее заявление: «Мы уверены ныне, что в случае совместных действий против немецкой агрессии сотрудничество между Польшей и СССР, технические условия которого еще следует определить, не исключено (или возможно)»» [3].

Предпринятая Францией и Англией в двадцатых числах августа попытка показать, что отношение Польши к сотрудничеству с СССР изменилось и стало якобы положительным, имела целью не разрешить трудности в переговорах, а сорвать предстоящее заключение договора о ненападении между СССР и Германией. Если бы Советское правительство не разглядело этой провокации и согласилось подписать договор, то оно вынуждено было бы вступить в войну, не имея фактически права прохода своих войск через территорию Польши. Германия, расправившись с Польшей, тогда же, в сентябре 1939 г., встретилась бы с советскими войсками, а Англия и Франция остались бы в стороне.

Одновременно с военными переговорами в Москве Англия активизировала свои попытки добиться соглашения с Герма-

---

[1] DBFP, Third series, vol. VII, p. 610.

[2] *J. Bouvier* et *J. Gacon.* La vérité sur 1939. La politique extérieure de l'U.R.S.S. d'octobre 1938 à juin 1941. Paris, 1953, p. 135.

[3] *G. Bonnet.* Défense de la Paix, Fin d'une Europe. Genève, 1948, p. 290.

нией, переговоры с которой велись параллельно англо-франко-советским переговорам.

Советско-японский конфликт

Международное положение СССР еще более осложнялось обстановкой на Дальнем Востоке. В то время, когда Гитлер готовил вторжение в Польшу, Япония фактически уже вела войну против СССР.

В мае 1939 г. значительные подразделения японских войск перешли границу Монгольской Народной Республики в районе озера Буир-Нур и реки Халхин-Гол. Стремясь оправдать свои действия, японские власти выдвинули необоснованные территориальные претензии к МНР. Верный своим обязательствам, Советский Союз в соответствии с договором 1936 г. пришел на помощь братской Монголии. 20 августа 1939 г. советско-монгольские войска перешли в наступление и в ходе боев полностью разгромили японскую 6-ю армию, которая потеряла 50 тыс. человек. 9 сентября 1939 г. японский посол в Москве посетил НКИД СССР и заявил о готовности японского правительства заключить перемирие.

15 сентября 1939 г. в Москве между советскими и японскими представителями было подписано соглашение, в силу которого 16 сентября войска обеих сторон прекращали военные действия, оставаясь на позициях, которые они занимали 15 сентября. Стороны условились также, что в целях установления границы между МНР и Маньчжоу-Го будет создана смешанная комиссия с участием двух представителей от СССР и МНР и двух от Маньчжоу-Го и Японии. Таким образом, вновь перед всем миром было продемонстрировано, что Советское правительство неуклонно выполняет принятые на себя договорные обязательства.

Западные державы попытались использовать советско-японский конфликт. В конце июля 1939 г., когда бои в районе Халхин-Гол еще продолжались, английское правительство заключило с японским правительством соглашение, известное под названием соглашения Арита — Крейги, по имени японского министра иностранных дел и английского посла в Токио. Этим соглашением Англия признала «законность» японской агрессии в Китае и те захваты, которые были осуществлены Японией в этой стране. Англия фактически обязалась не помогать Китаю в борьбе против захватнических действий Японии. Соглашение Арита — Крейги представляло собой дальневосточный вариант Мюнхена. Оно явилось незамаскированным поощрением Японии к дальнейшим военным авантюрам против СССР и МНР.

Тучи военной угрозы все более сгущались над нашей страной.

Переговоры СССР с Англией и Францией по вине последних оказались безрезультатными. Они лишь подтвердили полное нежелание западных держав сотрудничать с Советским Союзом в борьбе против гитлеровской агрессии. Советскому Союзу угрожала перспектива одновременной войны на двух фронтах — на Западе и на Дальнем Востоке, войны, в которой Советское государство, не располагая союзниками, имело бы против себя весь капиталистический мир. Поэтому долг Советского правительства заключался в том, чтобы изыскать и использовать все возможности предотвращения втягивания нашей страны в войну.

Советско-германский пакт о ненападении

Перед Советским Союзом встала дилемма: либо оказаться перед объединенным блоком Германии, Италии, Японии, Англии и Франции, который, несомненно, в скором времени развязал бы войну против СССР, и таким образом столкнуться один на один с антисоветской коалицией всех крупнейших империалистических держав, либо принять предложение Германии, сделанное ею СССР, и заключить с ней договор о ненападении и таким образом получить хотя бы временную передышку, сорвать планы английских, французских и американских империалистов по образованию единого антисоветского фронта вместе с фашистской Германией и Италией. Иного выхода не было.

Многие английские и французские политические и военные деятели, участники переговоров в Москве, оценивая события, признавали, что СССР хотел заключить союз с Англией и Францией и что соглашение его с Германией было вынужденным шагом Советского правительства [1].

30 мая 1939 г. статс-секретарь МИД Германии Вейцзекер заявил советскому поверенному в делах в Германии Г. А. Астахову, что имеется возможность улучшить советско-германские отношения, если СССР не будет идти по пути «окружения» Германии вместе с Англией и Францией. Он не скрывал, что Германия готовится к войне с СССР. Советское правительство ответило, что решение вопроса об отношениях Германии с СССР зависит в первую очередь от самой Германии [2], т. е.

---

[1] Английский посол в Москве Сиидс в телеграмме от 29 августа 1939 г., т. е. неделю спустя после подписания советско-германского договора о ненападении, сообщал в Лондон, что «имеются основания полагать, что инициатива (заключения пакта. — *Авт.*) исходила действительно от Германии и явилась несколько неожиданной и что до тех пор, пока Риббентроп действительно не прибыл в Москву, Советское правительство не знало о точном существе его предложений» (DBFP, Third series, vol. VII, № 499, p. 385).

[2] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. I, стр. 174.

дало понять немецкому правительству, что оно не откажется от коллективной безопасности и переговоров с Англией и Францией и что улучшение отношений между двумя странами возможно лишь при изменении политики Германии в отношении СССР. 3 августа 1939 г. Риббентроп в беседе с Астаховым заявил, что между СССР и Германией нет неразрешимых вопросов на «протяжении всего пространства от Черного до Балтийского моря», и предложил подписать советско-германский протокол. Все еще рассчитывая на возможность добиться успеха в переговорах военных миссий, Советское правительство в то время отвергло предложение Германии. Лишь в ответ на телеграмму германского правительства от 20 августа 1939 г. Советский Союз дал согласие принять в Москве министра иностранных дел Германии. О том, что события развивались именно так, свидетельствуют не только опубликованные в СССР материалы, но и американские материалы об опросе гитлеровских политиков и дипломатов. Они подтверждают, что еще в начале августа 1939 г. Гитлер сомневался в возможности заключения договора о ненападении с СССР [1]. Вейцзекер в своих мемуарах отмечал, что до начала августа 1939 г. Гитлер опасался, что он получит в Москве отказ.

Эти сведения полностью подтверждают свидетельства советских документов о том, что СССР отклонил в начале августа предложение, сделанное Германией, о заключении договора о ненападении. Советский Союз исключительно лояльно относился к трехсторонним переговорам, честно их вел и искренне хотел достижения соглашения [2] и лишь политика Англии и Франции вынудила его пойти на заключение соглашения с Германией.

Конечно, Советское правительство, идя на этот вынужденный шаг, прекрасно понимало, что рано или поздно германские фашисты нападут на СССР. Но даже временное продление мира было очень важным для Советского Союза, принимая во внимание крайне тяжелую обстановку, сложившуюся летом 1939 г., когда война началась бы при самых неблагоприятных для СССР обстоятельствах.

Основное содержание советско-германского пакта, подписанного 23 августа 1939 г., сводилось к следующему:

1. Обе договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия

[1] «Foreign Affairs», October 1946, vol. 28, № 1.

[2] Уильям Стрэнг в своей книге «Англия в международных отношениях», изданной в 1961 г., пишет: «Вероятно, русские приняли окончательное решение сблизиться с немцами не раньше 20 августа, за несколько дней до подписания советско-германского договора» (*Strang.* Britain in World Affairs, Henry VII — Elizabeth II. London, 1961, p. 326).

и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

3. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать ни в какой группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

4. В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися сторонами по вопросам того или другого рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем, в порядке дружественного обмена мнениями или, в нужных случаях, путем создания комиссии по урегулированию конфликтов.

Советско-германский пакт о ненападении заключался на срок в десять лет.

Заключение советско-германского пакта сорвало планы провокаторов войны втянуть СССР в вооруженный конфликт с Германией в крайне невыгодной для Советского Союза обстановке, в условиях его полной изоляции. Заключая пакт, Советское правительство не только действовало в интересах советского народа, но и выполняло свой интернациональный долг перед международным пролетариатом, охраняя безопасность страны социализма. Подписывая договор с Германией, Советский Союз получил дополнительный, более чем на полтора года, период подготовки страны к обороне. Заключение советско-германского пакта явилось серьезным ударом по мюнхенской политике правящих кругов Англии, Франции, США и расстроило складывавшийся антисоветский империалистический фронт западных держав.

2. Фашистская Германия развязывает вторую мировую войну

Германская дипломатия завершает подготовку к нападению на Польшу

Сорвав переговоры с Советским Союзом, западные державы открыли путь германской агрессии против Польши. У гитлеровцев укрепилось убеждение, что, подобно тому, как это было с Чехословакией, война против Польши не превратится в мировую войну.

23 августа данцигские фашисты в нарушение статуса «вольного города» провозгласили гитлеровского агента — гауляйтера Форстера «главой государства». Фашистская провокация в Данциге была рассчитана на то, чтобы, вызвав ответные дейст-

вия Польши, обвинить ее в «агрессии» и под этим предлогом развязать против нее войну. Командованию вермахта было сообщено решение, что «день X», т. е. день начала вторжения в Польшу, назначается на 26 августа [1]. Германская военная машина пришла в движение. Однако 25 августа, получив сведения о подписании в Лондоне англо-польского договора, а также в связи с сообщением Муссолини о том, что в случае возникновения вооруженного конфликта с западными державами Италия из-за состояния ее военной подготовки не сможет немедленно выступить на стороне Германии, Гитлер неожиданно отменил отданный приказ. Срочно вызванный к «фюреру» Кейтель получил указание немедленно приостановить военные приготовления против Польши. «Мне нужно время для переговоров», — сказал Гитлер Герингу. Он объяснил, что хочет посмотреть, «нельзя ли устранить английское вмешательство» [2].

Приказ о приостановке нападения был отдан буквально в последнюю минуту — связные офицеры были вынуждены догонять на машинах войска, находящиеся уже на марше. «Почти вышедшие на исходные позиции части мы едва успели отвести назад» [3], — отмечает в своих воспоминаниях Гудериан. В нескольких случаях приказ не успел дойти вовремя и на некоторых участках германо-польской границы фашистские войска начали предусмотренные планом вторжения «специальные операции» — перестрелку, разрушение туннелей и другие провокации. Однако польское командование не отдавало себе отчета в том, что это было прелюдией к большому наступлению.

25 августа Гитлер вызвал к себе Гендерсона. Он вновь попытался апеллировать к соглашательским настроениям в Лондоне и Париже. Сообщив, что «польские провокации» стали нестерпимыми и что Германия намерена при любых обстоятельствах «разрешить» вопрос о своих восточных границах «в интересах европейского мира», Гитлер высказал ошеломленному Гендерсону неожиданное предложение. Указав, что он всегда являлся сторонником англо-германского соглашения, «фюрер» предложил не только гарантировать существование Британской империи, но и обеспечить ей в случае необходимости германскую помощь, где бы она ни понадобилась. Подчеркнув в заключение беседы, что это его последняя попытка договориться с Англией, Гитлер пояснил Гендерсону, что германские предложения будут направлены в Лондон, как только будет разрешена польская проблема [4].

---

[1] DGFP, Series D, vol. VII, p. 560.
[2] «Trial of the Major War Criminals», vol. X, p. 271.
[3] *H. Guderian.* Erinnerungen eines Soldaten, Bonn, 1953, S. 58.
[4] DGFP, Series D, vol. VII, № 265, p. 279—281.

Французскому послу Кулондру в конце того же дня Гитлер заявил для передачи Даладье, что он желает поддерживать с Францией хорошие отношения и что ему «мучительна» мысль, что из-за Польши ему придется воевать. «Я желаю избежать конфликта с вашей страной, — заявил он. — Я не нападу на Францию, но, если она вступит в конфликт, я пойду до конца» [1].

Параллельно с официальными заявлениями английскому и французскому послам, гитлеровцы обратились к закулисным приемам с целью создать впечатление, что Германия действительно стремится к соглашению с западными державами. Эмиссар Геринга Далерус снова начал курсировать между Лондоном и Берлином. 27 августа, прибыв тайно в Лондон, он передал Чемберлену новые гитлеровские предложения.

Предлагая заключение пакта между Германией и Англией и беря на себя обязательство защищать Британскую империю германскими вооруженными силами в любом пункте, где бы это ни понадобилось, Гитлер требовал передачи Германии Данцига, Польского коридора, обеспечения равноправия германского меньшинства в Польше, а также решения вопроса о предоставлении Германии колоний. При этом Гитлер соглашался «гарантировать» польские границы.

Германская дипломатия ловко играла на антисоветских настроениях английских правящих кругов — ее предложения были составлены явно в тон той программе, которая была выдвинута Англией в ходе секретных переговоров с Германией летом 1939 г. и предусматривала заключение пакта о ненападении между Англией и Германией и предоставление последней в качестве сферы для колониальной эксплуатации обширных пространств России и Китая.

Позиция Италии

В ответ на запрос из Берлина относительно итальянских потребностей в вооружении и сырье Муссолини направил Гитлеру длинный перечень, который, по словам Чиано, «убил бы быка, если бы он мог читать». Для отражения возможного нападения Англии и Франции в случае вступления Италии в войну, последняя требовала 7 млн. *т* керосина, 6 млн. *т* угля, 150 зенитных батарей. Доставка этих материалов потребовала бы 17 тыс. поездов. При вручении списка итальянский посол в Берлине Аттолико совершил намеренную ошибку, заявив, что Италия требует, чтобы указанные материалы и снаряжение были предоставлены ей немедленно.

Решение итальянского диктатора оставаться «сидеть у окна» в назревавшем в Европе конфликте было принято после долгих колебаний. «Дуче» раздирали противоречивые чувства —

---

[1] «Documents diplomatiques 1938—1939», p. 312, 313.

боясь упустить удачный момент, он бредил армиями и сражениями; опасаясь недовольства Гитлера, был готов выступить немедленно. С другой стороны, он знал, что армия находилась в жалком состоянии, что вооружение ее устарело, офицерские кадры плохо подготовлены. Приходилось считаться также и с настроениями итальянского народа, не скрывавшего своего недовольства перспективой вовлечения в войну из-за союза с Германией. «Мобилизованные крестьяне проклинали «этих чертовых немцев»», — отмечал в своем дневнике Чиано.

Признав невозможность удовлетворить итальянские требования, Гитлер, не настаивая на участии Италии в военных действиях, просил Муссолини временно не открывать решения Италии сохранять нейтралитет и проводить демонстративные военные меры с целью сковать франко-английские силы.

«Дуче» принял эти условия. Однако в критическую минуту, 31 августа, за спиной своего партнера по «оси» итальянская дипломатия нарушила обещание. Пригласив английского посла Лорена, Чиано, словно невольно выдавая движение сердца, воскликнул: «Неужели вы еще не поняли, что мы никогда сами не начнем войны против вас?» [1] Лорен поспешил передать эту новость в Лондон.

Вынашивая авантюристические планы завоеваний, итальянский империализм, давно страдавший, по выражению Бисмарка, «несварением желудка», вынужден был отказаться от соблазнительной перспективы использовать в своих интересах назревавший военный конфликт между западными державами и Германией и на первом этапе войны занял выжидательную позицию.

Англо-французская дипломатия предлагает сделку за счет Польши

Предложения, сделанные Гитлером в беседе с Гендерсоном, были внимательно изучены в Лондоне и Париже и были восприняты как свидетельство того, что «фюрер» серьезно намерен вступить на путь переговоров. Гендерсон сообщил в Лондон, что слова Гитлера произвели на него впечатление «полной искренности».

Рассчитывая на новый Мюнхен — за счет Польши, — Чемберлен и Даладье настоятельно предлагали польскому правительству воспользоваться представившейся возможностью для начала переговоров с Германией. В связи с высказанным Гитлером желанием «устранить слабость» на германских восточных границах в результате наличия там разнородных меньшинств, Англия и Франция потребовали, чтобы Польша направила в Берлин свои предложения об обмене населения. Бек принял это предложение. Было решено, что соответст-

[1] *G. Ciano.* Journal Politique. 1939—1943. Paris, 1948, vol. I, p. 144.

вующая инициатива будет предпринята через какого-либо посредника.

В своем ответе Гитлеру Даладье поспешил заявить о стремлении Франции к «искреннему сотрудничеству» с Германией и выражал уверенность, что возникший кризис может быть разрешен мирными средствами. Нисколько не смущаясь тем, что после захвата Австрии и Чехословакии разбойничья сущность политики германского фашизма была уже совершенно очевидна, Даладье в конце письма воздавал хвалу Гитлеру, как вождю, направляющему Германию по пути мира «к полному выполнению ее миссии в общем деле цивилизации». Даладье предупреждал «фюрера» об опасности социальных последствий, к которым могла бы привести война между Германией и Францией.

Вручая Гитлеру письмо французского премьера, Кулондр также сделал акцент на «общности интересов» Германии и западных держав.

Подготавливая сделку с германским фашизмом, французская реакция обрушила репрессии на прогрессивные силы страны; правая печать открыто требовала соглашения с Гитлером и вела бешеную кампанию против коммунистов. 25 августа были закрыты газеты «Юманите» и «Се Суар»; это являлось первым шагом на пути к запрету коммунистической партии.

Пока Кулондр уговаривал Гитлера согласиться на переговоры, Лондон полным ходом вел закулисные переговоры с Берлином через Далеруса; было решено, что официальный ответ английского правительства на германские предложения от 25 августа будет вручен только после того, как через Далеруса будет сообщено об английской реакции на предложения, доставленные шведским посланником.

28 августа Гитлеру было вручено послание английского правительства. Это был искусно составленный документ, содержавший все необходимое, чтобы в случае нужды оправдаться перед общественным мнением и вместе с тем дать ясно понять Гитлеру, что ради соглашения с Германией Англия готова пойти на уступки — за счет Польши, разумеется.

В начале письма отмечалось, что английское правительство имеет обязательства перед Польшей, «которыми оно связано и которые намерено выполнять». Во второй части, однако, содержалось интересное пояснение. «Правительство Его Величества, — говорилось в пункте 6 письма, — надеется, что германский канцлер не сочтет, что из-за того, что Правительство Его Величества скрупулезно учитывает свои обязательства в отношении Польши, оно не стремится использовать все свое влияние для того, чтобы содействовать достижению решения, кото-

рое было бы приемлемым как для Германии, так и для Польши»[1].

Предлагая приступить к прямым переговорам между Германией и Польшей, английское правительство выдвигало условия, чтобы были соблюдены «существенные» интересы Польши и чтобы соглашение, которое будет достигнуто, было обеспечено международной гарантией. Что следовало понимать под «существенными» интересами Польши, в письме не указывалось. Слова же о международных гарантиях могли означать, как показал опыт Мюнхена, лишь одно: что Гитлер и Чемберлен будут за столом, а Польша — на столе. Английское правительство сообщало, что Польша дала согласие на переговоры.

Касаясь вопроса о взаимоотношениях между Германией и Англией, Лондон выражал полное согласие обсудить германские предложения как только будет урегулирован германо-польский конфликт.

Получив английское послание, Гитлер заявил, что рассчитывает дать ответ в тот же день. Гендерсон при этом заметил, что он не спешит. «Но зато я спешу», — ответил «фюрер».

Гитлер действительно торопился. То, что он хотел выяснить, предпринимая демарш 25 августа, стало для него очевидным: несмотря на заключение договора с Польшей, Англия откровенно предлагала сделку за ее счет и искала соглашения с Германией путем дальнейших уступок гитлеровцам.

Сообщения военной разведки также были благоприятными: по данным на 27 августа, во Франции на границе с Германией не было замечено никаких изменений в расположении войск. В Англии, где 23 августа были начаты мобилизационные мероприятия, имелось налицо только 5 дивизий и не было никаких признаков подготовки к отправке войск на континент.

После беседы с Гендерсоном утром 28 августа Гитлер во второй половине дня отдал приказ начать нападение на Польшу 1 сентября.

Развязывание фашистской агрессии против Польши

Германская дипломатия приступила к проведению очередной провокации, разработанной Риббентропом и Гиммлером. Гитлеровцы рассчитывали, накалив обстановку до предела, предъявить Польше требования, которые были бы расценены англо-французскими мюнхенцами как «умеренные» и приемлемые, что должно было расколоть общественное мнение на Западе и облегчить Лондону и Парижу отказ от выполнения обязательств, данных ими Польше. Вместе с тем в Берлине хотели иметь возможность обвинить Польшу в отказе принять «справедливые» германские требования и

[1] DGFP, Series D, vol. VII, № 384, p. 384.

использовать это как формальный предлог для вооруженного нападения.

Вечером 29 августа Гитлер пригласил Гендерсона и вручил ему текст германского ответа на английские предложения. «Желая дать Англии доказательство искренности намерения Германии установить на длительный срок дружеские отношения с Англией», Гитлер заявил о согласии на прямые переговоры с Польшей, но требовал, чтобы польский уполномоченный прибыл на следующий же день, 30 августа, мотивируя это остротой обстановки.

Беседа с Гендерсоном проходила бурно — Гитлер разыгрывал крайнее раздражение и, ссылаясь на появившиеся в германской печати сообщения об убийстве в Польше 6 немцев, сообщил, что генштаб торопит его принять решение. «Армия и авиация готовы к нанесению удара, и они готовы уже с 25 августа... Неделя уже потеряна, и они не могут терять еще одну, так как плохая погода... может сыграть в пользу противника». В соседней комнате находились Кейтель и Браухич, как бы в ожидании приказа.

Гитлер резко отвел замечание английского посла о том, что срок для прибытия польского уполномоченного слишком мал, указав, что для прибытия в Берлин из Варшавы на самолете достаточно 90 минут. В ответ на вопрос, будут ли оказаны польскому представителю почести, на которые он имеет право, Гитлер ответил «успокоительно»: они будут приняты «с такой же официальной вежливостью как Шушниг и Гаха» [1].

С целью еще больше дезориентировать английское правительство, утром того же дня Геринг через Далеруса передал в Лондон успокоительное заверение, что «мир будет обеспечен».

Дневник Гальдера помогает установить, как планировался гитлеровцами дальнейший ход событий. Запись от 29 августа гласит: «30.8. Поляки в Берлине.

31.8. Разрыв.

1.9. Применение силы» [2].

Игра гитлеровцев велась так грубо, что даже Гендерсон, известный своими пронацистскими симпатиями, усомнился в том, что затеваемые переговоры могут что-либо дать. Он понял: Гитлер согласится вести переговоры с Польшей только в том случае, если будет заранее уверен, что польское правительство подчинится всем его требованиям.

Однако и это не встревожило мюнхенцев в Лондоне и Париже. Запутавшись в антисоветских интригах, англо-француз-

---

[1] «Foreign Relations... 1939», vol. I, p. 383.

[2] DGFP, Series D, vol. VII, p. 567.

ская дипломатия продолжала обольщаться перспективой нового сговора с Германией за счет Польши.

«...Похоже на то, что Гитлер не хочет общеевропейской войны и, возможно, согласен на переговоры», — заявил Боннэ Буллиту после получения германского ответа от 25 августа.

Даладье считал, что Гитлер шантажирует и в конечном итоге не пойдет на риск войны с западными державами; Чемберлен был убежден, что удастся договориться: 30 августа он заявил начальнику английского генерального штаба генералу Айронсайду, что войны не будет.

Поэтому мюнхенцами была разработана следующая тактика: удовлетворить гитлеровские притязания к Польше, заставив ее пойти на переговоры с Германией на выдвинутых гитлеровцами условиях, а плату за это получить «в соседней комнате» — на специальной конференции, которая затем была бы созвана для разрешения вопросов, касающихся взаимоотношения Германии с западными державами.

Англо-французская дипломатия с циничной бесцеремонностью готовила принесение Польши в жертву. В письме от 28 августа Лондон потребовал, чтобы поляки дали согласие немедленно вступить в переговоры с Германией; 29 августа в связи с решением польского правительства объявить мобилизацию английский и французский послы потребовали ее отсрочки (практически мобилизация была задержана на два дня), ссылаясь на то, что это помешало бы происходящим англо-германским переговорам.

Польское правительство, предавая интересы страны, покорно шло на поводу у западных держав, содействуя приближению катастрофы.

Характерный факт: получив германский ультиматум, срок которого истекал 30 августа, Форин-оффис в течение целого дня обдумывал ответ и держал польское правительство в неведении относительно требований, выдвинутых Германией о присылке польского уполномоченного. Только в ночь на 31 августа английский посол Кеннард сообщил Беку содержание германских предложений и текст нового английского ответа. Одновременно он передал официальное английское требование, чтобы Польша заявила о готовности немедленно вступить в переговоры с Германией. Бек выразил согласие, но, учитывая важность вопроса, вынужден был получить санкцию правительства и обещал дать ответ 31-го в полдень.

Вечером 30 августа английский посол в Берлине получил текст ответа английского правительства. Гендерсон появился с ним у Риббентропа всего за несколько минут до полуночи, т. е. до истечения установленного гитлеровцами срока явки поль-

ского представителя. В своем ответе английское правительство предлагало срочно приступить к практической организации прямых переговоров между Польшей и Германией, отмечая, однако, невозможность осуществить это в тот же день.

Вручая документ, Гендерсон пояснил, что вместо немедленной присылки в Берлин польского уполномоченного английское правительство предлагает сначала подготовить переговоры через обычные дипломатические каналы и подчеркнул готовность Англии быть посредником. В случае, если германские условия представят «разумную основу» для решения проблемы, английское правительство обещало оказать соответствующее давление на Варшаву.

Смысл этого предложения был ясен: английская дипломатия решила крепко держать свой товар в руках, не выпуская его, пока не получит подходящую цену. Она подготавливала, таким образом, «добропорядочную» сделку по формуле: «do ut des» [1]. Однако беседа Гендерсона с Риббентропом приняла неожиданный оборот. Подготавливая разрыв, Риббентроп держался в высшей степени вызывающе. Постоянно прерывая в оскорбительном тоне английского посла и переходя на крик, Риббентроп заставил Гендерсона забыть пресловутую английскую сдержанность. По свидетельству Шмидта, личного переводчика Гитлера, присутствовавшего на беседе, дело чуть не дошло до потасовки [2].

В конце беседы Риббентроп зачитал на немецком языке германские предложения в 16 пунктах об урегулировании германо-польского конфликта. Рассчитывая, что их текст будет ему вручен, Гендерсон не старался усвоить их на слух и попросил затем передать ему документ. Но Риббентроп ответил отказом. Гендерсон, думая, что плохо расслышал, повторил просьбу. Однако Риббентроп снова отказал: «Они уже в некоторой степени устарели, поскольку польский представитель не явился» [3].

Как отмечалось, в это самое время английский посол в Варшаве Кеннард настаивал перед Беком, чтобы Польша приняла германские предложения о переговорах, которые в Берлине уже были объявлены «устаревшими».

Последние сутки августа были насыщены дипломатическими переговорами между западноевропейскими столицами. Как отмечает в своих мемуарах Боннэ, телеграф не справлялся, и для передачи секретных депеш приходилось пользоваться телефоном. Он мог бы добавить, что телефонные кабели,

---

[1] «даю, чтобы ты дал» *(лат.)*.
[2] *P. Schmidt.* Sur la scène internationale. Paris, 1950, p. 219—220.
[3] Ibid., p. 221.

соединяющие Париж и Варшаву, проходили по территории Германии и что все разговоры перехватывались гитлеровцами. Вот что они могли, например, узнать, подключившись в 10 часов 20 минут утра к кабелю, соединявшему французское посольство в Берлине с Парижем: «...Германское правительство очень недовольно, что оно еще не получило никакого ответа от Польши, — сообщал Кулондр. — Можно опасаться, что оно даст приказ о немедленном нападении, если ответ не поступит в первой половине дня». Дальше Кулондр настаивал на том, чтобы польское правительство немедленно поручило Липскому вступить в переговоры, снабдив его всеми полномочиями для подписания соглашения.

Через полчаса это указание было сообщено по телефону в Варшаву — Боннэ потребовал от Ноэля срочно предпринять энергичный демарш перед польским правительством; затем Ноэль сообщил в Париж, что Бек обещает дать ответ в полдень [1].

«Поляки затягивают дело, перехвачены телефонные разговоры», — записывал Гальдер через несколько часов после этого в своем дневнике.

Маневры англо-французской дипломатии убеждали гитлеровцев, что они могут действовать безбоязненно, в 6.30 утра германский генштаб получил окончательный приказ о нападении на Польшу 1 сентября.

Вскоре после полудня Липский получает указание встретиться с Риббентропом и сообщить, что польское правительство благожелательно рассматривает предложение о прямых германо-польских переговорах. Однако польское правительство побоялось предоставить Липскому полномочия на переговоры.

В час дня Липский просил приема у Риббентропа. Вейцзекер спросил у Липского, желает ли он видеть рейхсминистра в качестве специального уполномоченного? Липский ответил, что он просит аудиенции в качестве посла для передачи сообщения своего правительства.

В 16 часов германский генштаб запрашивает, не меняет ли демарш Липского намеченных планов. Ему сообщают, что приказ о нападении на Польшу 1 сентября остается в силе.

В 18.30 Риббентроп принял Липского; выслушав его, Риббентроп задал ему единственный вопрос: имеет ли он полномочия для немедленного начала переговоров? Когда Липский ответил отрицательно, Риббентроп заявил, что продолжение беседы является бесполезным.

---

[1] См. *G. Bonnet.* Fin d'une Europe. De Munich à la guerre. Paris, 1948, p. 329—330.

В 21 час на Вильгельмштрассе были приглашены послы Англии, Франции и США и ознакомлены с германскими «предложениями», которые якобы были подготовлены для польского уполномоченного.

Одновременно эти «предложения» были изложены в передачах берлинского радио, причем было сообщено, что «фюрер» собирался сделать Польше «великодушное» предложение, но та не прислала своего уполномоченного. Правительство рейха сообщало, что считает, таким образом, его предложения отвергнутыми.

В ночь на 1 сентября гитлеровцы осуществили еще одну кровавую провокацию. Используя группу заключенных, знавших польский язык, эсэсовцы инсценировали нападение на радиостанцию в пограничном с Польшей городке Глейвице. Перед включенным микрофоном было сделано несколько выкриков на польском языке и сделано несколько выстрелов. Заключенные затем были расстреляны.

На рассвете 1 сентября германские войска вторглись на территорию Польши.

Англо-французский демарш. Итальянские предложения о посредничестве

О гитлеровской агрессии в Париже и Лондоне узнали рано утром — послы сообщали из Варшавы о вторжении германских войск на всем протяжении польской границы. Польское правительство немедленно поставило вопрос о выполнении Англией и Францией их обязательств по договорам с Польшей.

Общественное мнение в обеих странах было решительно настроено в пользу немедленного выступления в поддержку Польши. Многие французы и англичане не могли не сознавать, какая опасность возникла бы для Франции и для Англии в случае, если бы Польша была отдана Гитлеру, после чего, захватив также и остальные страны Центральной и Юго-Восточной Европы, он повернул бы против западных держав.

Иные настроения были, однако, у английского и французского правительств. Поздно вечером 1 сентября английский и французский послы, посетив Риббентропа, вручили ему идентичные ноты. Содержание указанных нот чрезвычайно своеобразно. Сообщив о том, что им известно о вторжении германских войск на польскую территорию, английское и французское правительства заявляли: как «им кажется», создавшиеся условия требуют выполнения взятых ими в отношении Польши обязательств. В связи с этим, говорилось в нотах, если германское правительство не представит «удовлетворительных заверений», что оно приостановит военные действия против Польши и готово вывести свои войска с польской тер-

ритории, Англия и Франция приступят к выполнению своих обязательств.

Пока германские самолеты бомбили польские города, а польские послы обивали пороги в Лондоне и Париже, добиваясь выполнения «гарантами» Польши их обязательств, англо-французская дипломатия лихорадочно изыскивала закулисные пути для осуществления своих планов. Наибольшую активность проявляла французская дипломатия, установившая в эти дни близкий контакт с Римом.

31 августа Муссолини обратился к Англии и Франции с предложением о созыве 5 сентября конференции для пересмотра статей Версальского договора, «которые являются причиной настоящих осложнений».

Ответ на это предложение Муссолини получил утром 1 сентября, уже после начала военных действий Германии против Польши. Франция приняла итальянский проект, оговорив лишь необходимость приглашения на конференцию также и Польши. Лондон тоже дал согласие, хотя выразил некоторый скептицизм.

По предложению Италии французское правительство запросило Бека о согласии Польши на созыв конференции.

К концу дня, когда Ноэль получил указание обратиться с этим вопросом к Беку, война в Польше уже была в полном разгаре. Варшава с рассвета подвергалась непрерывным налетам. В связи с визитом Ноэля Бек с противогазом через плечо поднялся из бомбоубежища в свой кабинет. Во время приема французского посла Беку сообщили по телефону, что германские самолеты сбросили поблизости парашютный десант. Обстановка для обсуждения вопроса о конференции была мало подходящей.

«Война идет уже полным ходом, — ответил Бек на вопрос Ноэля, — сейчас речь идет не о конференции, а о совместных действиях, которые должны быть осуществлены союзниками, чтобы ее остановить» [1].

Не дожидаясь ответа из Варшавы, французское правительство через своего посла в Риме настаивало, чтобы Муссолини предпринял новые дипломатические шаги с целью «воздействовать» на Гитлера. «Уступая настояниям Франции, мы зондируем Берлин о возможности созыва конференции», — записывал Чиано в своем дневнике 2 сентября.

Стремительно развивая наступление в Польше, гитлеровцы делали вид, что они готовы согласиться на переговоры. В беседе с Аттолико 2 сентября Риббентроп заявил, что решение вопроса зависит прежде всего от того, являются ли анг-

[1] *L. Nöel.* L'agression allemande contre la Pologne. Paris, 1946, p. 475.

лийская и французская ноты, врученные ему накануне вечером, ультиматумом или нет. Кроме того, для изучения вопроса и подготовки более детальных предложений требуется время. Поэтому окончательный ответ Германии будет дан через 1—2 дня.

Узнав о позиции Берлина, Чиано немедленно связался по телефону с Боннэ и Галифаксом. Оба поспешили заявить, что упомянутые ноты не являются ультиматумами; Галифакс, однако, высказал мнение, что оставление войск на занятых позициях будет недостаточным и что необходим отвод германских войск из Польши.

Получив официальное сообщение, что Англия и Франция согласны на конференцию, но при условии предварительного отвода войск, Чиано в разговоре с Боннэ, состоявшемся вечером 2 сентября, высказал мнение, что Гитлер не пойдет на это. Через 20 минут после разговора Чиано с Боннэ итальянский посол в Берлине сообщил Риббентропу, что в связи с предварительным условием, которое выдвинуто западными державами, Муссолини считает свое предложение о посредничестве отпавшим[1].

Англия и Франция вступают в войну

Обращения польского правительства к Англии и Франции об оказании помощи с каждым часом становились все более настоятельными. Со 2 сентября фашистская авиация начала варварские налеты на города и села Польши, расстреливая из пулеметов стариков, женщин, детей. Польское правительство сообщало об огромных жертвах среди мирного населения. Героизм и мужество польских летчиков не могли противостоять громадному численному и техническому превосходству немецко-фашистской авиации.

События в Польше с первого же часа показали подлинную цену англо-французских «гарантий»: отвечая иезуитскими отговорками на призывы о помощи, англо-французская дипломатия продолжала изыскивать предлог для того, чтобы избавиться от своих обязательств перед Польшей.

В 3 часа дня 2 сентября состоялось заседание обеих палат французского парламента. В правительственном заявлении Даладье сообщил о мобилизации, объявленной накануне.

Приведя перечень гитлеровских обещаний и последовавших актов агрессии, показав, что Гитлер больше не заслуживает доверия, Даладье в то же время заявил о готовности французского правительства «использовать до конца» все возможности для мирного урегулирования конфликта в условиях «свободных переговоров». «С точки зрения логики это было

[1] DGFP, Series D, vol. VII, p. 525.

абсурдом, — отмечает один из французских буржуазных историков. — Если, как он (Даладье. — *Авт.*) указал, Гитлер был ненасытен, если опыт предшествовавших лет доказал, что с ним бесполезно договариваться, нельзя было понять, почему французское правительство делало все, чтобы заставить Польшу ему уступить...» «Вместо того, — продолжает историк, характеризуя позицию Даладье, — чтобы ясно сделать вывод о необходимости разрыва и объявления войны, тем более, если хотели оказать полякам эффективную помощь прежде, чем это будет слишком поздно, вместо того, чтобы честно указать Ассамблее на ее ответственность, он снова вилял, и больше, чем когда-либо».

Следует отметить, что большая часть депутатов французской палаты была настроена в пользу соглашения с Германией, многие из них были прямыми капитулянтами. «Представители народа» боялись собственного народа больше, чем Гитлера.

Английский парламент, заслушавший 1 сентября вызвавшее недоумение туманное заявление Чемберлена о позиции английского правительства, снова собрался вечером 2 сентября. По свидетельству очевидцев, редко можно было наблюдать палату общин в таком возбужденном состоянии. Все ожидали объявления войны.

Чемберлен, однако, сообщил, что ответ Германии на английскую ноту еще не получен, и заявил, что «если германское правительство согласится на отвод войск, тогда правительство Его Величества будет готово рассматривать положение как оставшееся таким же, каким оно было до того, как германские войска пересекли польскую границу».

Капитулянтская политика Чемберлена вызывала резкое недовольство. Видя неизбежность войны с Германией, большая часть английских буржуазных политических деятелей, в том числе Черчилль, Эмери, Иден и др., считали необходимым скорейшее объявление войны Германии, что дало бы, в частности, возможность английскому флоту запереть германские военные суда, и прежде всего подводные лодки, в их портах, прежде чем они успеют выйти в Атлантику для нанесения ударов по английским коммуникациям.

Английское правительство было вынуждено действовать. В 9 часов утра 3 сентября Гендерсон передал германскому представителю английский ультиматум.

Несмотря на то что прошло более 24 часов после вручения ноты английского правительства от 1 сентября, говорилось в ультиматуме, ответ еще не получен, но германское нападение на Польшу продолжается. Если до 11 часов утра 3 сентября английское правительство не получит удовлетворительных

заверений, то оно будет считать себя с этого часа в состоянии войны с Германией.

С английским ультиматумом в руках Шмидт явился к Гитлеру, у которого в это время находился и Риббентроп. Шмидт медленно перевел документ. Гитлер сидел словно окаменев. Потом неожиданно резко обратился к Риббентропу:

— Что теперь делать?

Лица Геринга, Геббельса и других гитлеровцев выражали растерянность.

Гитлеровская дипломатия сделала последнюю попытку оттянуть вступление Англии в войну. Было решено срочно направить Геринга в Лондон для ведения переговоров и заключения соглашения с Англией. Личный самолет Геринга, находившийся на ближайшем аэродроме, был подготовлен для отлета до истечения срока английского ультиматума. По поручению Геринга Далерус связался с Лондоном.

Английское правительство, однако, зная настроения в стране и парламенте, не посмело отказаться от своего ультиматума. Форин-оффис вынужден был сообщить Далерусу, что, прежде чем решать вопрос о визите Геринга, английское правительство желает получить ответ на свою ноту.

Геринг и Далерус ожидали указания Гитлера, когда поступило сообщение, что Чемберлен, выступая по радио в 11 часов 15 минут, объявил о состоянии войны между Англией и Германией.

Вопрос о полете Геринга в Лондон отпал.

2 сентября, когда английское правительство оказалось вынужденным решить вопрос о предъявлении Германии ультиматума, согласование срока одновременного представления ультиматума обоими правительствами вызвало серьезные разногласия между Лондоном и Парижем.

Ссылаясь на необходимость завершить мобилизацию без угрозы воздушного нападения со стороны Германии, а также указывая на необходимость эвакуации детей из Парижа, французский совет министров принял решение, что французский ультиматум будет предъявлен только в 12 часов дня 3 сентября и что военные действия начнутся не раньше, чем в ночь на 5 сентября.

Характеризуя дипломатию Боннэ в эти дни, интересное замечание делает в своих мемуарах Ноэль. «Несмотря на объявленную мобилизацию, — пишет он, — у меня еще оставались определенные подозрения. Я знал, каково было настроение многих членов правительства, и в частности Боннэ, который должен был в соответствии со своим характером сохранить тайную мысль найти в последний момент какое-либо удачное

средство, чтобы уклониться от формальных обязательств, под которыми он подписался от имени Франции».

Лишь в 12 часов 20 минут 3 сентября Кулондр передал Риббентропу ультиматум французского правительства, срок которого истекал в 17 часов.

Вторая мировая война началась.

* *
*

Современная эпоха есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе. История дипломатии 1917—1939 гг., изложенная в настоящем томе, отражает особенности первого этапа современной эпохи, характеризовавшегося тем, что Советский Союз на протяжении этого периода являлся единственным социалистическим государством, находившимся во враждебном капиталистическом окружении.

Изучение данного периода показывает, что буржуазная дипломатия оказалась неспособной обеспечить справедливое мирное урегулирование после окончания первой мировой войны; сразу же после ее окончания дипломатия буржуазных государств, прикрываясь лозунгами мира, занялась подготовкой новых войн. Направляемая алчными интересами империалистических монополий, их ненавистью к первому в мире социалистическому государству, лишенная научной основы, буржуазная тайная дипломатия, пытаясь повернуть вспять развитие исторического процесса, плела многочисленные интриги и заговоры против Советского Союза; стремление к удушению и ликвидации социалистического государства явилось той почвой, на которой строились различные дипломатические комбинации, вынашивались планы военных авантюр.

Особенно ярко это проявилось в канун второй мировой войны, в условиях резкого углубления и обострения империалистических противоречий. Пытаясь разрешить трудности капиталистического мира за счет Советского Союза, правящие круги Англии, Франции и США под видом «невмешательства» и «умиротворения» проводили политику поощрения фашистских держав, рассчитывая направить их действия против СССР. Буржуазная дипломатия проявила редкое двуличие и коварство и вместе с тем ни с чем не сравнимую близорукость. Национальная катастрофа Франции, тяжелые удары, которые фашистские державы нанесли Англии и США в начале второй мировой войны, явились своего рода «Пирл Харбором»

буржуазной дипломатии, который стал возможным только в результате ее классового ослепления и который знаменовал полный провал расчетов ее вдохновителей. На совести буржуазной дипломатии — если можно говорить о ее совести — сотни миллионов человеческих жизней, неисчислимые бедствия, которые принесла народам вторая мировая война.

Коренным образом отличается от тайной, двуличной и хищной буржуазной дипломатии советская социалистическая дипломатия, проникнутая благородными гуманистическими идеалами, верно служащая делу коммунизма и мира.

Отражая интересы всего советского народа, советская внешняя политика полностью отвечает интересам всех других народов. В этом — источник огромной силы и действенности советской дипломатии, чего не имеет и не может иметь дипломатия буржуазных государств. Советские предложения об укреплении всеобщего мира, о всеобщем разоружении, о создании системы коллективной безопасности получили горячую поддержку широчайших народных масс во всех странах.

Поскольку Советский Союз в предвоенный период был единственным государством, проводившим активную миролюбивую политику, а рабочий класс капиталистических стран, который мог бы сплотить вокруг себя большинство народов и сорвать планы провокаторов войны, был расколот, вторую мировую войну предотвратить не удалось. Но великой заслугой советской дипломатии является то, что она своевременно разгадала и разоблачила преступные маневры империалистов, способствовала сплочению народов в борьбе против фашизма.

В наши дни, в новых исторических условиях, проблема войны и мира является самым острым, самым жгучим вопросом современности. Известно, что в результате коренных изменений в международной обстановке фатальной неизбежности войны более не существует. Однако силы реакции и войны не отказались от своих человеконенавистнических планов, они продолжают подталкивать человечество на грань термоядерной катастрофы. Неизменно следуя ленинским принципам мира и мирного сосуществования, Советский Союз вместе с другими социалистическими странами ведет напряженную борьбу против империалистической агрессии, против угрозы новой войны, последовательно осуществляя линию на сплочение и единство всех миролюбивых сил, поддерживая все организации и партии, стремящиеся к предотвращению войны. Изучение истории дипломатии в период между двумя мировыми войнами, основанное на объективном изучении фактов, дает всем силам, выступающим за мир и свободу народов, новое и ценное оружие.

[1] Ввиду недостатка места библиография по истории дипломатии в новое и новейшее время будет помещена в завершающем томе издания.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абец — 585, 608
д'Абернон — 217, 282, 283, 345, 346, 358, 359, 361, 407, 409, 411
Абд эль-Керим, Мухаммед — 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451
Авгур — 416, 487
Авеццано — 300
Аденауэр — 366, 500, 576
Азаркан — 443, 445, 446
Айронсайд — 787, 805
Александр, король Югославии — 603
Александровский, С. С. — 738
Алексеев — 28, 71
Алленби — 690, 691
Али Мохаммед — 696
Альдрованди-Маскотти — 547
Альтфатер, В. М. — 75
Альфан — 299
Алоизи — 615
Аманулла-хан — 222, 223
Андерсен — 32
Андерсон — 300
д'Аннунцио — 11
Араки — 551, 654
Аралов, С. И. — 100, 191, 314
Арас, Рюштю — 536, 563, 630, 698, 702, 703
Арита — 658, 681, 747, 749, 750, 752, 756, 757, 758, 795
Ар-Райсуни — 445
Асанья — 632
Асквит — 33
Астахов, Г. А. — 786, 796, 797
Аттолико — 800, 809
Аюкава — 665

Баварский, Леопольд — 74
Баденский, Макс — 34, 115
Бадольо — 618
Бальфур — 111, 122, 136, 140, 141, 147, 242, 243, 294
Барк — 14, 27, 28
Барух — 746
Барту — 272, 275, 276, 278, 279, 280, 281, 286, 290, 291, 293, 351, 354, 369, 370, 572, 600, 601, 602, 603, 604
Басили-паша — 687
Батлер — 783, 784
Бахметев — 43
Бахметьев, Б. — 43, 52, 140, 188
Баяр, Джелаль — 699, 703
Бевин — 689
Бек — 606, 762, 763, 765, 766, 793, 794, 801, 805, 806, 807, 809
Бекер — 139
Бекир-Сами-бей — 215, 216
Белл — 161
Бенавидес — 647
Бенкендорф — 17, 28
Бенеш, Э. — 359, 412, 418, 565, 607, 721, 724, 725, 728, 729, 732, 736, 738, 739
Бергман — 370, 371
Беренс, Е. А. — 314
Бернет — 791, 792
Бернсдорф — 516, 530
Бертело — 71
Берти — 181
Бетман-Гольвег — 19, 32, 33, 34, 39, 47
Бивербрук — 611
Биерер — 126, 127
Биркенхед — 437, 478
Бисмарк — 66, 590, 801
Битти — 242
Биценко, А. А. — 67, 75
Бобинский — 84
Богомолов, Д. В. — 667
Бойден — 348
Болдуин — 358, 367, 377, 391, 406, 409, 483, 492, 513, 616, 626, 632
Бомпар — 317
Бонар Лоу — 201, 307, 349, 350, 351, 352, 353, 359, 360, 367
Бономи — 254, 269

Боннэ — 720, 727, 728, 731, 735, 742, 744, 745, 752, 761, 763, 764, 774, 782, 805, 806, 807, 810, 812
Бора — 245, 403
Борден — 172
Блисс Лейн — 160, 647
Бломберг — 626
Блондель — 463
Блюм — 635, 637, 638, 744
Блюхер, В. К. — 305, 528
Блюхер — 707, 708
Брайан — 22
Бранденштейн — 105
Братиану — 25
Браун — 233
Браухич — 804
Бредбюри — 354
Брейтер — 133
Бриан — 33, 47, 214, 216, 218, 242, 243, 244, 250, 251, 253, 254, 275, 343, 412, 413, 417, 419, 422, 425, 458, 464, 465, 481, 489, 490, 505, 506, 507, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 527, 529, 530, 531, 546, 549, 552, 554, 736
Брокдорф-Ранцау — 145, 157, 158, 159, 160, 161, 410, 412, 416, 421, 422, 429, 430, 468
Бронский, М. Г. — 102
Брусилов, А. А. — 13, 25, 65
Брюнинг — 534, 535, 560, 566, 589
Буклер — 172
Буллит — 175, 176, 177, 178, 667, 755, 805
Бурбон, Сикст — 46
Бургонь, де — 214
Буржуа — 146, 147, 154
Буриан — 108, 111
Бухарин — 89
Бьюкенен — 16, 41, 42, 44, 45
Бюлов — 10, 11, 592
Бюргин — 744

Вадильо — 341
Вайтон — 686, 687
Вакацуки — 542
Вали-хан, Мухаммед — 223
Вангенгейм — 7
Вандервельде — 422, 423
Вандерлип — 29
Варбург — 32
Варгас — 643, 648
Васильчикова — 32
Вацетис, И. И. — 191
Вейган — 200, 586
Вейцзекер — 666, 730, 765, 796, 797, 807
Вендхаузен-Розенберг — 339
Венизелос — 17, 23, 24, 46, 310
Веселаго — 121
Виганд — 237
Видеман — 724
Видфельд — 348, 350
Виктор-Эммануил III, итальянский король — 363
Вильгельм II — 9, 46, 58, 66, 74, 88, 91, 107, 108, 115, 116, 119, 685
Вильсон, Вудро — 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 70, 97, 98, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 119, 128, 134, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 152, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 186, 189, 331, 347, 348, 519
Вильсон, Гораций — 729, 730, 784, 785, 786
Вилья — 35, 36, 37
Вирт — 217, 270, 286, 344, 345, 349
Войков, П. Л. — 486, 488
Войцеховский, Зигмунт — 523
Вольпи — 462
Вольтат — 784, 785, 786
Воровский, В. В. — 52, 258, 262, 311, 318, 320—321, 322, 325, 511
Ворошилов, К. Е. — 790, 792
Высоцкий — 590
Врангель — 198, 199, 207, 279, 312, 530

Габриэлли — 449
Гак — 656, 657
Гальдер — 804, 807
Галлер — 198
Галлиени — 16
Галифакс — 676, 677, 678, 679, 714, 715, 717, 718, 719, 720, 721, 723, 724, 727, 728, 730, 731, 735, 745, 748, 752, 753, 755, 761, 763, 770, 771, 774, 779, 782, 784, 785, 790, 793, 810
Гамелен — 453, 618, 754, 764, 788
Гаммерштейн — 574
Гамильтон — 724
Гамильтон-Леви — 311
Ганецкий, Я. С. — 99
Гардинг — 348, 352, 366, 433
Гарибальди, Д. — 12
Гариндо — 643
Гарриман — 371
Гаррис — 179
Гаскелл — 234
Гафенку — 768, 793
Гаха — 760, 804

Геббельс — 611, 615, 812
Гейнлейн — 721, 722
Гельферих — 109, 230
Гемфрис — 688, 689
Гендерсон — 267, 482, 507, 534, 558, 559, 587, 715, 716, 717, 723, 724, 727, 751, 782, 787, 799, 801, 803, 804, 805, 806, 811
Георг V, английский король — 17, 358
Геринг — 581, 592, 615, 625, 641, 660, 666, 684, 718, 749, 785, 799, 800, 804, 812
Геррик — 490
Гертлинг — 66, 76, 82, 91, 115
Гефер — 217
Гибсон — 516, 564
Гильфердинг — 283
Гиманс — 154, 220
Гиммлер — 803
Гинденбург — 34, 66, 76, 88, 91, 108, 115, 117, 158, 161, 412, 429, 535, 574, 575
Гинтце — 115
Гирс — 7
Гитлер — 214, 362, 365, 500, 566, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 609, 610, 612, 613, 615, 616, 620, 624, 625, 627, 632, 633, 634, 640, 641, 666, 684, 687, 697, 698, 699, 700, 707, 708, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 722, 723, 724, 726, 730, 731, 732, 735, 737, 739, 740, 741, 742, 747, 748, 751, 754, 759, 760, 761, 763, 766, 768, 777, 782, 785, 786, 787, 788, 795, 797, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 808, 809, 810, 811, 812
Глабб-паша — 689
Говард — 425
Годед — 632
Годжа — 724, 728, 732, 738, 739
Гольц — 105
Голубович — 85, 87
Гондра — 334
Готвальд, К. — 738
Гофман — 67, 68, 76, 79, 81, 83, 84, 86, 92, 93, 94, 109, 135
Гвиннер — 19
Грабский — 199
Гранес — 709
Грегори — 391
Грей — 8, 17, 28, 39
Гренер — 118, 131, 157, 158
Грумбах — 606
Грэхем — 459, 460
Грю — 669, 751, 756
Гуарч — 339
Гувер — 232, 371, 525, 535, 547, 564, 565, 642, 646
Гугенберг — 574, 595, 596
Гудериан — 799
Гучков — 42
Гуэткин — 729, 784

Давер — 706
Даладье — 586, 589, 727, 732, 739, 740, 741, 744, 745, 752, 763, 773, 793, 800, 801, 802, 805, 810, 811
Даллес, А. — 565
Даймлер — 203
Далерус — 684, 800, 802, 804, 812
Дауэс — 371, 372, 373, 376, 377, 405, 406, 415, 424, 427, 458, 500, 503, 504, 505, 508, 547
Дафф-Купер — 580
Дебуци — 544, 548
Дегутт — 365
Дель Вайо, Альварес — 638, 640, 720
Деннн, Л. — 494
Деникин — 171, 177, 178, 180, 181, 182, 183, 185, 194, 198, 279, 312, 530
Деннис, Л. — 335
Денстервиль — 130
Детердинг — 300, 303, 478
Диас, Адольф — 335
Диас, Хосе — 638
Дирксен — 468, 528, 673, 674, 714, 724, 729, 730, 744, 754, 785, 786
Довбор-Мусницкий — 69
Догени — 36
Додд — 576, 581, 582, 615
Дольфус — 591, 592, 593
Джекоб — 689
Джемаль-паша — 6, 7
Джильберт — 372, 545
Джолитти — 11
Джонс — 632, 633, 790
Дракс — 789, 790, 791, 792
Друммонд-Вольф — 784
Друммонд, Эрик — 455, 543, 555
Дуан Цзи-чжуй — 438
Дука — 313, 603
Дукс — 324
Думенк — 789, 791, 793, 794
Думерг — 29, 489
Дутов — 71, 72, 83
Духонин — 62, 63, 64, 69
Дэвис — 153, 566, 583, 588
Дэвисон — 324
Дюверже — 395
Дюпон — 502, 743

Ефимов, Б. Е. — 379

Жаботинский — 695
Жанен — 178
Жданов, А. А. — 779
Желиговский — 220
Жоффр — 16, 24, 257
Жувенель, де — 454, 455, 456, 457, 513
Жюссеран — 351, 368

Захир-шах, Мухаммед — 709
Зегерс, А. — 576
Зейсс-Инкварт — 716, 718
Зиновьев — 391
Зорге, Р. — 658

Ибаррури, Д. — 634
Ибн-Сауд, султан Неджда — 394, 683, 688, 689
Иден — 612, 613, 623, 625, 626, 661, 664, 672, 691, 716, 718, 811
Извольский — 44
Икэда — 665, 673, 747
Иненю — 697, 702, 703, 704
Инскип — 717
Инукаи — 551
Иодль — 625, 626
Ионай — 747, 749, 757
Иосидзава — 439, 543, 546, 552
Иосиф, эрцгерцог австрийский — 71
Иоффе, А. А. — 67, 75, 93, 103, 258, 436
Исии — 434
Исмет-паша — 310, 311, 313, 314, 316, 317, 322
Итагаки — 677, 747, 750, 758
Ито — 748, 750

Кадмен — 706
Кадоган — 565, 750, 774
Каледин — 70, 71, 72, 83, 105
Калинин, М. И. — 258, 285, 341, 597 598, 733
Калпашников — 70, 71
Камбон — 425
Каменев, Л. Б. — 75
Камминге — 751
Каннинг — 447, 449
Капп — 210
Кар — 210
Караосманоглу — 688
Карахан, Л. М. — 52, 75, 93, 317, 395, 436, 438
Карден — 35
Карденас — 648
Карранса — 35, 36, 37
Карелин, В. А. — 84
Карл, император австрийский — 46, 108
Карлотти — 64
Картбен, ван — 296
Каспржицкий — 764
Кастл — 368, 369
Каттье — 299
Като — 21, 123, 243, 244, 400
Каудрей — 36
Кашен, М. — 186
Кашендэн — 516
Кейнс — 267
Кейтель — 799, 804
Келлог — 335, 374, 427, 439, 441, 454, 490, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 527, 529, 543, 549, 552, 554, 665, 736
Кемаль-бей — 225
Кемаль-паша, Мустафа (Ататюрк) — 56, 210, 213, 214, 216, 225, 306, 322, 536, 697, 699, 700, 701, 703, 704
Кемп — 71, 121, 126
Кеннан — 72
Кеннард — 762, 805, 806
Кенворти — 388
Кеплер — 718
Керзон — 194, 199, 200, 204, 205, 216, 218, 236, 244, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 322, 324, 325, 326, 327, 359, 360, 361, 690, 691
Керенский — 45, 47, 48
Керт — 63
Кестер — 583
Кин, Бойд — 687
Кирдорф — 574
Киркпатрик — 740
Китченер — 16
Кларк — 625, 642
Клейтон — 689
Клемансо — 72, 111, 117, 137, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 157, 158, 159, 160, 161, 173, 181, 182, 183, 192, 193, 601
Клодель — 547
Клозель — 517
Ключников, Ю. — 262
Коверда — 486
Колленберг — 653
Кольби — 204, 205, 207
Колчак — 171, 175, 177, 178, 179, 180, 186, 198, 530

Коноэ — 663, 675, 677, 680, 681, 747, 749
Конради — 322
Константин, король греческий — 17, 24, 46, 307
Кордт, Т. — 717, 729, 730, 731
Корнилов — 47
Кот, П. — 604
Кох-Вевер — 501
Красин, Л. Б. — 52, 201, 229, 231, 258, 278, 296, 326, 327, 396, 409
Краснов — 107, 109
Крейги — 555, 675, 676, 677, 678, 681, 750, 751, 752, 795
Крестинский — 296—297
Кривошеин — 15
Крофта — 725, 726, 738
Крупп — 348, 502, 581, 610
Крыленко, Н. В. — 63
Кулидж — 366, 402, 415, 520
Кулондр — 800, 802, 807, 813
Кун, Бела — 190—191, 192, 193
Кун, Отто — 374
Куно — 349, 350, 355, 356, 359, 365, 407
Кун Ся-си — 676
Купер — 403
Курусу — 672
Курциус — 507, 534
Кэннингхэм — 439
Кэстл — 545, 548
Кьяпп — 600
Кюльман — 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 91

Лабуайе — 367, 368
Лаваль — 603, 604, 605, 606, 608, 609, 611, 613, 614, 617, 618, 621, 623
Ламас, Сааведра — 645
Ланкен — 47
Ламонт — 371, 374, 504, 506
Лансинг — 38, 70, 71, 98, 116, 126, 129, 141, 142, 146, 168, 177, 184, 188, 206, 207, 434
Лаурин — 738
Латимер — 335
Лебрен — 752
Леже — 771
Лейт-Росс — 743, 744
Лемпсон — 691, 692
Ленин, В. И. — 5, 12, 18, 20, 21, 30, 38, 42, 43, 45, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 76, 81, 82, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 107, 109, 121, 124, 125, 130, 133, 165, 167, 169, 176, 177, 183, 184, 189, 190, 191, 192, 193, 195, 196, 198, 202, 203, 208, 213, 214, 221, 223, 225, 226, 227, 228, 231—232, 233, 237, 252, 253, 258, 260, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 275, 283, 284, 285, 294, 297, 305, 309, 324, 328, 347, 377, 378, 379, 384, 394, 474.
Ленсбери — 564
Ленсдаун — 33
Либкнехт, К. — 20, 79, 135, 136
Лиддел Гарт — 687
Линденблатт — 707
Линкольн — 635
Лиоте — 446
Липский, В. — 75, 765, 766, 807
Литвинов, М. М. — 52, 170, 184, 229, 233, 258, 278, 280, 292, 296, 297, 302, 314, 318, 320, 338, 340, 387, 393, 472, 493, 513, 528, 529, 530, 536, 552—553, 559, 561, 565, 594, 598, 612, 614, 646, 667, 668, 669, 671, 702, 733, 734, 735, 736, 769
Литтон — 542, 547, 553, 554, 555
Логан — 367, 370, 374
Ллойд Гримм — 297, 299, 300
Ллойд Джордж — 13, 14, 16, 27, 29, 33, 45, 46, 122, 128, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 157, 160, 171, 172, 175, 177, 178, 201, 202, 203, 209, 210, 211, 214, 216, 229, 230, 242, 250, 251, 253, 254, 255, 265, 268, 272, 276, 278, 279, 280, 281, 282, 288, 291, 292, 293, 294, 307, 345, 346, 366, 482, 483, 485, 507, 571, 714, 793
Локкарт — 67, 126, 129, 131, 132, 133
Лонг — 646
Лондондерри — 625, 724
Лоуренс — 26
Лотиан — 785
Лукашевич — 763, 777
Луначарский, А. В. — 103
Лушер — 343, 359
Львов — 139
Люберзак — 343
Люберсак, де — 101
Людендорф — 34, 47, 76, 88, 91, 108, 109, 110, 115, 116, 117, 118, 157, 210, 214
Люксембург, Р. — 20, 135
Лютер — 419, 423, 428, 429, 467
Лютцов — 134

Мадариага — 564
Мадеро — 35
Мадзаки — 654
Маеда — 747
Майский, И. М. — 639, 762, 767
Мак-Аду — 38
Макдональд — 381, 382, 383, 384, 386, 387, 388, 389, 391, 393, 405, 406, 506, 535, 566, 571, 585, 586, 613, 616, 618, 638
Макензен — 71
Маккио — 11
Мак-Келли — 180
Мак-Кенна — 27, 28, 371
Маккэй — 547
Макино — 141, 147
Маклаков — 52
Маклеод — 773
Мак Муррей — 439
Макфарлан — 745, 751
Мальви — 448
Мальцан — 271, 282, 283
Малинов — 111
Манн, Генрих — 576, 581
Манн, Томас — 738
Маржери, де — 354, 418
Маринис, де — 516
Маркин, Н. Г. — 57
Маркс, Вильгельм — 365, 488
Маркс, Карл — 51, 165
Мартель, де — 687, 693
Мартенс, Л. К. — 187, 188, 189, 198
Мартин — 127
Масарик — 718, 719, 721, 723
Масловский-Мстиславский — 67
Массигли — 565
Мацудайра — 660
Мацуока — 554, 555
Меллон — 374, 502, 582
Менсдорф — 73
Менеменджиоглу — 697, 699, 700
Меринг, Ф. — 20
Микоян, А. И. — 484
Мильнер — 29, 72, 117
Мильеран — 16, 210, 211, 214, 351
Мильспо — 475
Милюков — 32, 42, 43, 44, 45
Минами — 539, 542
Мирбах — 109, 130, 230
Михаил, брат Николая II — 41
Михаэлис — 47
Михельсон — 28
Мицкявичус-Капсукас — 84
Мо Дэ-хой — 551
Мола — 633
Мольтке — 66
Монзи, де — 395, 397
Морган — 14, 28, 29, 37, 38, 215, 350, 368, 370, 371, 374, 375, 504, 506, 582, 743
Мосцицкий — 765
Мошавер-оль-Мемалек — 221
Мумм — 109
Муссолини — 11, 310, 349, 362, 363, 364, 392, 393, 413, 414, 418, 459, 460, 461, 462, 510, 585, 586, 592, 593, 596, 613, 617, 618, 620, 623, 629, 630, 641, 685, 686, 687, 691, 698, 719, 747, 748, 749, 757, 799, 800, 801, 809, 810
Мусякодзи — 657, 666
Мэрфи — 112
Мюллер — 161

Набоков — 45
Нагаи — 551
Нагата — 654
Надир-шах — 709
Надольный — 698
Накамура — 542
Нансен, Ф. — 234, 235
Нариманов, Н. Н. — 258
Нахас-паша — 496, 692
Невиль — 544, 548
Негрин — 638
Нейрат — 567, 587, 626, 715
Немир — 793
Нератов — 43, 58
Николай II — 15, 32, 34, 41, 42, 58, 67
Никольсон — 719
Нитти — 210
Нобель — 289, 290
Ногин, В. П. — 401
Нокраши-паша — 692
Нокс — 122, 178, 282
Норден — 502
Норман — 416
Ноэль — 807, 809, 812
Нуланс — 72, 124, 129, 172, 235, 255, 299, 397
Нури Саид — 110, 688, 689
Ньютон — 724, 725, 726, 728, 735

Обрегон — 333, 339, 340, 341
Обухов — 67
О'Греди — 184
Окамото — 679
Окубо — 300
Олдрич — 581
Олич — 67
О'Рилли — 689
Орландо — 141, 142, 150, 156, 157

Ормсби Гор — 425
Осима — 657, 660, 747, 748, 749, 750, 756, 757, 758
Отт — 716, 757, 758

Павел, великий князь — 109
Павелич — 603
Павлович — 75
Падеревский — 142, 172
Пайяр — 734, 736, 776
Палеолог — 16, 41, 42
Папен — 40, 535, 567, 585, 592, 699, 700, 713, 716
Патек — 199
Патэн — 296, 297, 301, 302
Паунсфот — 36
Пашич — 23
Пейдж — 39, 72
Пейш — 492
Пенлеве — 398, 412, 425, 447, 449
Пери, Г. — 687
Перкинс — 504
Пертинакс — 603
Першинг — 37
Пестковский, С. С. — 340
Петлюра — 219
Петерсон — 689
Петров, Ф. Н. — 241
Петровский, Г. И. — 93
Петэн — 448, 449
Пик, В. — 20, 423
Пико — 26, 150
Пил — 695, 696
Пилсудский — 202, 471, 486, 530, 613
Пинтос — 331
Пирелли — 462
Питерс — 308
Пишон — 72, 172
Плимут — 639
Покровский — 29, 32, 75
Политис — 517, 564
Поллит, Г. — 186
Поль Бонкур — 512, 515, 516, 517, 568, 586, 600, 793
Понсойнби — 387, 389, 564
Попов — 75
Потемкин, В. П. — 605, 640, 704, 732, 736, 737, 741
Прайс — 618
Престес, Луис Карлос — 330
Примо де Ривера — 445, 447, 448, 449
Проктор — 122
Протопопов — 32
Пуанкаре — 46, 142, 254, 255, 272, 290, 294, 299, 309, 310, 326, 343, 346, 348, 349, 351, 352, 353, 355, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 373, 374, 394, 395, 490
Пуль — 125, 169
Пусей — 351

Радзиевский — 551
Радославов — 23
Райли — 787
Рассел — 564
Распутин — 32
Ратенау — 19, 250, 270, 282, 283, 344, 345
Раушнинг — 591, 684
Рачинский — 754
Реза-шах — 475, 708
Рейно — 744, 791
Рейнольдс — 754
Рейхенау — 625
Ренсимен — 729, 731, 787
Рехберг — 214
Риббентроп — 585, 608, 625, 632, 641, 656, 657, 699, 708, 717, 718, 723, 729, 742, 747, 748, 749, 750, 756, 757, 758, 759, 765, 766, 785, 786, 794, 796, 797, 803, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 812, 813
Рибо — 27, 44, 45
Рикенс — 713
Ринтелен — 593
Рипка — 722
Робеспьер — 515
Робинс — 60, 97
Розенберг — 67, 94, 354
Розенберг А. — 583, 590, 591, 633
Розовский — 229
Рокк, де ла — 600
Рокфеллер — 36, 502, 582, 683, 743
Роллан, Р. — 336
Росбах — 134
Ротермир — 580, 590
Рош — 589
Рубио — 340
Рудзутак, Я. Э. — 258, 274, 275, 276, 277
Рузвельт, Теодор — 332
Рузвельт, Франклин — 555, 571, 597, 598, 642, 661, 665, 667, 668, 735, 746, 751, 754, 755
Руппель — 685
Рут — 48
Рыбалко, П. С. — 671
Рыдз-Смиглы — 765

Сааведра, Д. — 445
Сабанин — 282, 283

Савинков — 129
Савов — 112
Садуль — 101
Сазонов — 7, 8, 9, 16, 17, 18, 23, 26, 27, 32, 43
Сайкс — 26, 150
Саймон — 555, 561, 564, 572, 585, 587, 610, 611, 612, 613, 614, 706, 782
Сайондзи — 142, 660
Сайто — 654, 665
Сакаса — 335, 336
Саландра — 10, 11
Саммерлин — 333
Самойло, А. — 75
Самуэли, Т. — 193
Сандерс — 769
Сандино — 336, 647
Сан-Джулиано, ди — 9
Санхурхо — 632, 633
Санчес — 332, 339
Сапата — 35, 36
Сараджоглу — 703, 704
Сарват-паша — 496
Сарджент — 785
Саррайль — 452, 453, 454
Сарро — 589, 621, 624, 626
Сассдорф — 301
Сато — 517, 661
Седильо — 650
Сеймур — 36
Сейф, Азаза — 708
Сект — 211
Семенов — 226, 257, 551
Серро — 643, 647
Сесиль — 72, 114, 364, 513
Сигемицу — 671
Сигемура — 555
Сидехара — 245, 246, 247, 440, 539, 542, 548
Сиидс — 769, 770, 776, 779, 782, 784, 790, 796
Сильвестр — 443
Сименс — 19
Симон, А. — 618, 720
Симон — 450
Симонс — 211, 215, 216, 230, 283
Синклер — 36
Сиратори — 749, 750
Сиссон — 129
Сокаль — 517
Сокольников — 67, 93
Соловьев, Ю. Я. — 52
Сомоса — 647
Соннино — 141, 172, 173
Свинхувуд — 103, 104
Скавениус — 172
Сквирский — 339
Скшиньский — 411, 418
Скоропадский — 109
Смидович, П. Г. — 318
Смит — 127, 241
Смэтс — 73
Сноуден — 506, 507
Спаак — 672
Сталин, И. В. — 606, 638, 761
Сташков — 67
Стивенсон — 48
Стимсон — 527, 529, 543, 544, 548, 549, 566, 647, 664
Стиннес — 212, 343, 344, 345, 349, 350, 355, 365, 366, 369
Стронг — 416
Стрэнг — 726, 782, 790, 797
Стучка, П. И. — 84
Сфорца — 216
Субхи Баракат — 452
Сугимура — 686
Сугияма — 673
Сулейман Великолепный, султан турецкий — 315
Сумитомо — 660
Сунь Чуань-фан — 441, 442
Сунь Ят-сен — 228, 433, 435, 436, 437, 438, 441
Суриц, Я. З. — 223, 773
Сухе-Батор — 227
Сушон — 8
Суэцугу — 673
Сэндис — 693

Табуи — 70, 583, 587
Тавс — 716
Такахаси — 654
Талаат — 6, 75
Танака — 498
Тардье — 137, 151, 507, 560, 562
Тафт — 347
Тевфик-паша — 215
Теллини — 363
Тельес — 339
Тельман, Э. — 365, 415, 423, 575, 577
Тенис — 280
Терещенко — 44, 45
Тирпиц — 33
Тиссен — 573, 574, 584
Тисо — 759
Того — 747
Тодзио — 654, 663
Томпсон — 637
Торретта делла — 353
Траутман — 666, 673, 674, 675
Трепов — 32
Тротт цу Зольц — 785
Троцкий — 84, 85, 89, 91, 95, 120, 121
Трояновский, А. А. — 552, 668

У*айз* — 278
Уайзман — 120
Уайтхауз — 367
Убико — 652
Угаки — 673, 675, 676, 677, 678, 681, 747
Уиллер-Беннет — 740
Уильямс — 415
Ульбрихт, В. — 286
Унгерн — 226, 227
Унгерн-Штернберг — 52
Уолкер — 112
Урах — 109
Уркварт — 299
Утида — 555
Уэллес — 520
Уэрта — 35, 36

Ф*акта* — 272
Фалькенгайн — 13
Фахреддин-бей — 9
Фердинанд, царь болгарский — 24, 112
Фердинанд, король румынский — 71
Фейсал I, король Ирака — 688, 689
Филби — 689
Филиппс — 636
Фиппс — 613, 727, 728, 731, 744, 774
Фирлингер, З. — 732, 733, 736
Фогель — 707
Форбс — 548, 745
Форд — 491, 502, 743
Форстер — 798
Фош — 72, 118, 119, 135, 136, 137, 141, 142, 145, 147, 148, 171, 257, 351, 408
Фланден — 613, 621, 624, 625, 744
Флик — 574
Франклен-Буйон — 217, 218, 700
Франко — 632, 633, 634, 635, 636, 637, 640, 641, 651, 660, 720, 721, 722, 757
Франсуа-Понсэ — 567, 589
Франц-Иосиф, император австрийский — 46
Франше д'Эспере — 16, 112, 115
Френч — 16
Фрич — 625
Фрунзе, М. В. — 225
Фрэнсис — 42, 70, 71, 97, 98, 120, 126, 129
Фуад, король Египта — 496
Функ — 699

Х*аас* — 707
Хагивара — 747
Хадду, Каид — 449
Хайле Селассие I, император Эфиопии — 460, 618, 623
Хакки-паша — 75
Хакки эль-Азм — 693
Ханихара — 434
Харитонов, П. А. — 15
Хасимото — 538
Хауз — 35, 36, 39, 114, 144, 147, 150, 153, 177, 331
Хаутон — 417, 427, 463
Хвалковский — 760
Хей — 36
Хикс — 483
Хилл — 129
Хиранума — 749, 750, 757, 758
Хирота — 654, 657, 669, 673
Холл — 121
Хондзе — 546
Хор — 616, 621, 721, 744
Хорн — 294
Хорти — 194, 759
Хоршиц-Хорст — 707
Хоутон — 590
Хугтон — 348, 357
Хуссейн, король Ирака — 316
Хэ Ин-цинь — 662
Хэлл — 615, 620, 645, 650, 664, 665, 751

Ц*ао Кунь* — 434, 438
Цай Юнь-шэн — 527, 528
Цеплит — 75
Церетели — 51
Цеткин, К. — 20, 423
Циснерос — 63

Ч*айлд* — 257, 278, 284, 291, 310, 311
Чаморро — 335
Чан Кай-ши — 441, 442, 481, 498, 526, 528, 543, 546, 547, 548, 552, 556, 662, 663, 665, 666, 668, 673, 675, 676, 678
Чемберлен, Невиль — 623, 714, 715, 717, 718, 719, 720, 724, 726, 727, 729, 730, 731, 732, 734, 735, 739, 741, 742, 744, 745, 748, 752, 754, 761, 762, 763, 764, 773, 783, 785, 786, 787, 791, 800, 801, 803, 805, 811, 812
Чемберлен, Остин — 254, 406, 409, 411, 413, 417, 418, 419, 420, 424, 442, 447, 454, 455, 458, 459, 478, 480, 481, 483, 484, 489, 493, 496, 520, 612, 689

Чеплер — 584
Чермак — 738
Чернин — 34, 46, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 84, 87, 88
Черчилль — 16, 175, 427, 478, 507, 566, 586, 722, 754, 788, 811
Чиано — 462, 641, 698, 748, 749, 750, 800, 801, 809, 810
Чичерин, Г. В. — 52, 56, 60, 61, 67, 93, 99, 100, 102, 190, 213, 223, 225, 252, 258, 260, 262, 264, 265, 266, 267, 269, 273, 274, 275, 276, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 288, 293, 294, 311, 312, 313, 314, 316, 317, 320, 321, 322, 326, 327, 339, 341, 379, 383, 386, 396, 397, 401, 403, 409, 413, 417, 418, 420, 421, 422, 429, 430, 431, 435, 436, 437, 438, 467, 472, 473, 479, 488, 521, 702, 740
Чжан Сы-линь — 227, 228
Чжан Сюэ-лян — 526, 527, 528, 542, 543, 546, 662
Чжан Цзо-лин — 440, 441, 481, 482, 526
Чжан Цзун-чан — 441, 442
Чжан Цюнь — 676
Чуйков, В. И. — 671

Ш*алойя* — 418
Шанцер — 271, 278, 279, 280, 289, 290
Шапошников, Б. М. — 790, 791
Шарпантье — 121
Шаумян, С. Г. — 102
Шахбандер — 452
Шахт — 371, 416, 500, 504, 574, 581, 641, 652, 699, 708
Шевильи — 299
Шейдеман — 34, 46, 159
Шерман — 427
Шерон — 506
Шинда — 141
Шобер — 534
Шверник, Н. М. — 387
Шлейхер — 566, 567, 574
Шлиффен — 30, 64
Шмидт — 806, 812
Шпейдель — 603
Шнее — 547
Шницлер — 574
Штейн, Б. Е. — 296, 686
Штреземан — 365, 407, 408, 410, 411, 412, 413, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 426, 429, 430, 458, 463, 464, 465, 467, 468, 481, 488, 489, 501, 505, 507, 589
Штюрмер — 32
Шуберт — 407, 411
Шуленбург — 734
Шумяцкий, Б. З. — 226
Шушниг — 715, 716, 718, 804

Щ*ербачев* — 71, 105

Э*берт* — 119, 159, 210, 217, 283, 412
Эбботт — 241
Эдде — 694
Эдуард VIII, английский король — 700
Эджертон — 502
Эйзенлор — 722
Эйнштейн, А. — 564, 576
Эль-Атраш, Султан — 453, 456, 457
Эль-Хури — 694
Эмери — 454, 754, 811
Энвер-паша — 6, 7, 8, 110
Энгельс, Ф. — 346
Энкель — 104
Эрбетт — 527
Эррио — 374, 395, 397, 398, 406, 407, 408, 412, 447, 535, 568
Эрхардт — 134, 210
Эрцбергер — 118, 119, 135, 157
Эсмер — 698, 704
Эсфендиари — 708
Эчевариетта — 444, 448

Ю*ань Ши-кай* — 22
Юденич — 179, 182
Юз — 153, 172
Юз, Чарльз — 240, 241, 242, 243, 245, 246, 257, 290, 301, 336, 348, 351, 352, 353, 357, 359, 360, 366, 367, 368, 369, 371, 374, 398, 402, 403, 434
Юнг — 278, 371, 372, 375, 504, 506, 507, 508
Юренев — 740
Юрьев, А. М. — 72, 120, 121, 122, 125

Я*гов* — 6, 210
Языков — 244
Яманучи — 300
Ямато — 498
Ян Си-шань — 441
Ян Хой-цин — 552

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. **Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны** (акад. *Хвостов В. М.*) 5

Выступление Японии. Выступление Турции. Выступление Италии. Взаимоотношения держав Антанты в 1914—1915 гг. Захватнические планы держав Антанты. Захватнические планы Германии. «21 требование» Японии к Китаю. Вступление в войну Болгарии. Выступление Румынии. Планы раздела Азиатской Турции. Финансовые отношения стран Антанты в 1916 г. Межсоюзнические конференции на рубеже 1916—1917 гг. Поворот в ходе мировой войны. Война в Европе и политика США. Империалистическая экспансия США в Латинской Америке. Сближение американского империализма с державами Антанты. Буржуазно-демократическая революция в России. Положение Австро-Венгрии. «Мирные» маневры германского империализма в 1917 г. Наступление Керенского. Западные союзники и Россия в 1917 г.

Глава вторая. **Великая Октябрьская Социалистическая революция и выход Советской России из империалистической войны** (акад. *Минц И. И.*) 49

1. Первые шаги советской внешней политики в борьбе за мир —

Начало новой эпохи в истории человечества. Образование Наркоминдела. Декрет о мире и первые внешнеполитические акты Советского государства. Опубликование тайных империалистических договоров. Основные принципы советской внешней политики.

2. Перемирие с германским блоком 62

Объявление перемирия. Открытие советско-германских переговоров о перемирии. Планы интервенции Антанты.

Глава третья. **Брестский мир (1918)** (акад. *Минц И. И.*) 74

1. Первый период переговоров о мире . . . . . —

Советские условия мира. Противоречия в германском блоке. Формальное принятие Германией советской формулы мира. Германия раскрывает свои империалистические замыслы.

2. Второй период мирных переговоров 81

Использование Германией предателей из Украинской центральной рады. Германская дипломатия переходит в наступление. Ультиматум. Борьба В. И. Ленина за немедленное заключение мира.

3. Заключение Брест-Литовского мира 91

Новый немецкий ультиматум. Брестский мирный договор. Брестский мир и страны Антанты. Роль В. И. Ленина в создании принципиальных основ советской внешней политики. Признание независимости Финляндии. Захват Бессарабии боярской Румынией.

Глава четвертая. **Победа Антанты над Германией и ее союзниками** (акад. *Минц И. И.*) 107

Приближение краха германского блока. Германский империализм продолжает агрессию. Предложение Австро-Венгрией мира. Выход Болгарии из войны. «14 пунктов» Вильсона. Просьба Германии о перемирии. Капитуляция Австро-Венгрии и Турции. Предварительные переговоры о перемирии. Компьенское перемирие.

Глава пятая. **Начало иностранной военной интервенции и дипломатическая изоляция Советской России** (акад. *Минц И. И.*) . . 120

Высадка вооруженных отрядов Антанты в Советской России. Дипломаты в роли организаторов антисоветских мятежей. Заговор Локкарта. Дипломатическая изоляция Советской России в 1918 г.

Глава шестая. **Версальский мир (1919)** (акад. *Минц И. И.*) . . . 134

1. Подготовка аннексионистского мира . . . . . —

Обстановка перед заключением мира. Программа держав на мирной конференции.

2. Парижская конференция (18 января — 28 июня 1919 г.) . . 140

Организация конференции. Открытие конференции. Новое продление перемирия. Принятие статута Лиги наций. Обсуждение условий мира. «Документ из Фонтенбло». Проблема репараций. Учреждение Лиги наций. Претензии Италии и Японии. Германская делегация и мирная конференция. Условия Версальского мира. Договоры, подписанные в Сен-Жермене, Нейи и Трианоне. Значение Версальского мира.

Глава седьмая. **Иностранная военная интервенция в Советской России (1918—1920 гг.)** (акад. *Минц И. И.*) 167

1. Попытка интервентов собственными силами ликвидировать Советскую власть . . . . . —

Мирные предложения Советского правительства. Усиление интервенции. Принцевы острова. Миссия Буллита.

2. Роль Антанты в организации походов Колчака и Деникина (1919 г.) 178

Наступление Колчака и Деникина. Прибалтийские страны в интервенции. Советская дипломатия в борьбе за нейтрализацию прибалтийских стран. Мир с Эстонией — окно в Европу.

3. Отношения Советской России с капиталистическими странами в годы интервенции 185

«Руки прочь от Советской России!». Миссия Мартенса.

4. Советские республики в Венгрии и Баварии и внешняя политика Советской России 189

5. Советско-польская война 195

Советские мирные предложения Польше. Наступление польских войск. Контрнаступление Красной Армии и вмешательство Антанты. Народное движение против интервентов. Пролетарская солидарность. Мирные переговоры. Заключение мира с прибалтийскими странами. Конец интервенции.

Глава восьмая. **Первые трещины в системе Версаля (1920—1921 гг.)** (акад. *Минц И. И.*) 209

Противоречия обостряются. Конференция в Сан-Ремо. Конференция в Спа; вопрос о репарациях. Севрский договор (10 августа 1920 г.). Маневры германского империализма. Лондонская конференция и ее провал. Лондонский ультиматум Германии. Анкарский договор (20 октября 1921 г.).

Глава девятая. **Советская дипломатия в борьбе за длительную мирную передышку (1921 г.)** (акад. *Минц И. И.*) 219

Экономический кризис 1920 г. Обстановка в Прибалтике и Польше. Кронштадтский мятеж. Советско-иранский договор (26 февраля 1921 г.). Советско-афганский договор (28 февраля 1921 г.). Советско-турецкий договор (16 марта 1921 г.). Установление отношений с Монголией. Переговоры с Китаем. Соглашение с Англией. Попытка империалистов использовать голод в России. Вооруженные нападения на Советскую страну. Внешнеполитические успехи Советской страны.

Глава десятая. **Вашингтонская конференция и «Договор девяти держав» (ноябрь 1921 г. — февраль 1922 г.)** (акад. *Минц И. И.*) 238

Англо-американское соперничество. Японо-американские противоречия. Затруднения Англии на Дальнем Востоке. Созыв Вашингтонской конференции. Дайренская конференция. Противоречия на Вашингтонской конференции. Делегация Дальневосточной республики в Вашингтоне. Договор пяти держав. Вашингтонская конференция и Китай.

Глава одиннадцатая. **Генуэзская и Гаагская конференции (1922 г.)** (акад. *Минц И. И.*) 249

1. Дипломатическая борьба вокруг созыва конференции в Генуе . . . . . —

Маневры германской дипломатии. Каннская конференция (январь 1922 г.). Маневрирование Франции. Отношение США к Генуэзской конференции. Советская республика перед Генуэзской конференцией. Роль В. И. Ленина в подготовке и практической разработке позиции советской делегации в Генуе. Балтийская конференция (март 1922 г.). Советская делегация в Берлине.

2. Генуэзская конференция 271

Открытие конференции в Генуе. Требования империалистов. Совещание на вилле Альбертис. Рапалльский договор (16 апреля 1922 г.). Антанта и Германия. Новые предложения советской делегации. Генуя и борьба нефтяных монополий. Новый меморандум Антанты.

3. Конференция в Гааге 294

Накануне конференции. Новый мирный шаг Советской страны. Гаагская конференция (15 июня — 20 июля 1922 г.). Срыв Гаагской конференции.

Глава двенадцатая. **Углубление противоречий Версальской системы. Отмена Севрского договора (1921—1923 гг.)** (акад. *Минц И. И.*) 305

Ликвидация японской интервенции на Дальнем Востоке. Ближневосточный кризис. Перед конференцией в Лозанне. Лозаннская конференция (20 ноября 1922 г. — 24 июля 1923 г.). Мосульский вопрос. Вопрос о проливах на конференции. Вопрос о режиме капитуляций. Срыв переговоров. Московская конференция по сокращению вооружений. Заключительный акт Лозаннской конференции. Образование СССР. «Ультиматум Керзона» (8 мая 1923 г.).

Глава тринадцатая. **Усиление экспансии США в Латинской Америке после первой мировой войны** (доктор ист. наук *Гонионский С. А.*) 328

Первая мировая война и Латинская Америка. Октябрьская революция и Латинская Америка. Расширение позиций США в Латинской Америке. Панамериканские конференции в Сантьяго и Гаване. Установление торговых и дипломатических отношений между СССР и странами Латинской Америки.

Глава четырнадцатая. **Рурский конфликт и «план Дауэса» (1923—1924 гг.)** (канд. ист. наук *Остоя-Овсяный И. Д.*) 343

1. Рурский конфликт . . . . . —

Кризис репарационной системы и дипломатия держав. Проблема репараций и американская дипломатия. Обострение кризиса. Парижская конференция (2—4 января 1923 г.). Оккупация Рура и германская политика «пассивного сопротивления». Позиция Советского правительства в связи с событиями в Руре. Позиция США и Англии. Новые германские предложения. Конец англо-французской Антанты. Итальянская авантюра на Корфу. Революционный кризис в Германии и прекращение «пассивного сопротивления».

2. «План Дауэса» 366

Вмешательство США и Англии. США навязывают Франции «план Юза». Подготовка «плана Дауэса». Лондонская конференция 1924 г. Политическое значение «плана Дауэса».

Глава пятнадцатая. **Установление дипломатических отношений между СССР и рядом государств Европы, Азии и Америки (1924—1925 гг.)** (доктор ист. наук *Попов В. И.*) 378

Международное положение Советского Союза к 1924 г. Установление дипломатических отношений между СССР и Англией. Советско-английские договоры от 8 августа 1924 г. Нормализация отношений между СССР и рядом других стран. Нормализация советско-французских отношений. Советско-японское соглашение от 20 января 1925 г. Советско-американские отношения.

Глава шестнадцатая. **Локарнская конференция (1925 г.)** *(Горохов И. М.)* 405

Женевский протокол. Германский меморандум о Рейнском пакте. Италия и гарантийный пакт. Подготовка конференции и позиция США. Локарнская конференция (5—16 октября 1925 г.). Итоги Локарнской конференции. Переговоры о заключении советско-германского политического договора. Советско-германский экономический договор (12 октября 1925 г.).

Глава семнадцатая. **Подъем национально-освободительного движения в странах Востока и позиции империалистических держав (1922—1927 гг.)** (доктор ист. наук *Кутаков Л. Н.*) . . . 433

1. Китайская революция и международные отношения на Дальнем Востоке . . . . . —

Борьба империалистических держав против китайской революции. Поддержка Советским Союзом освободительной борьбы китайского народа. Маневры империалистической дипломатии. Реакционный переворот Чан Кай-ши.

2. Борьба народа Марокко против испанских и французских колонизаторов 443

Борьба рифов против испанских колонизаторов. Франко-рифская война.

3. Борьба сирийского народа против французских колонизаторов 452

Восстание друзов.

Глава восемнадцатая. **Провал попыток образования антисоветского фронта в 1925—1927 гг.** (доктор ист. наук *Попов В. И.*) . . . 458

Империалистические противоречия после Локарно. Англо-итальянское сближение после Локарно. Политика Германии после Локарно. Свидание в Туари. Советско-германские отношения после Локарно. Улучшение отношений между СССР и прибалтийскими государствами. Договоры СССР о дружбе и нейтралитете со странами Среднего Востока. Обострение англо-советских отношений. Провоцирование военного конфликта Китая с СССР. Налет на АРКОС и советское торгпредство. Разрыв Англией дипломатических отношений с СССР. Провокация в Польше. Попытки Англии

вовлечь Германию и Францию в антисоветский блок. Антисоветская политика США. Крах попыток создания антисоветского фронта.

Глава девятнадцатая. **Рост военной опасности и проблема разоружения (1927—1929 гг.)** *(Горохов И. М., Зорин В. А.)* . . . 494

1. Обострение борьбы за рынки сбыта и источники сырья . . —

Борьба за преобладание в Средиземном море. Борьба за господство на Тихом океане. Морское соперничество империалистических держав.

2. «План Юнга» 500

Требования пересмотра Версальского договора. Помощь США германскому империализму. «План Юнга». Гаагская конференция.

3. Вопрос о разоружении в Лиге наций. Советская делегация в Женеве 508

Гонка вооружений и пацифистская дипломатия Лиги наций. Политика империалистических государств в вопросах разоружения. Участие СССР в подготовительной комиссии.

4. Пакт Бриана — Келлога и Московский протокол 518

Отношение СССР к пакту Бриана — Келлога. Московский протокол (9 февраля 1929 г.).

Глава двадцатая. **Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. и дальнейшее обострение империалистических противоречий** (доктор ист. наук *Кутаков Л. Н.*) 524

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Обострение борьбы за рынки сбыта и сферы приложения капиталов. Захват КВЖД и разрыв советско-китайских отношений. Антисоветская политика западных держав. Борьба империалистов за господство на море. Агрессивные тенденции германской политики. Англо-германские и франко-германские переговоры 1931 г. Мораторий Гувера. Борьба советской дипломатии за сохранение мира.

Глава двадцать первая. **Возникновение очага войны на Дальнем Востоке (1931—1933 гг.)** (доктор ист. наук *Кутаков Л. Н.)* . 538

Влияние мирового кризиса на Японию. Военная и дипломатическая подготовка захвата Северо-Восточного Китая. Захват Японией Северо-Восточного Китая. Позиция западных держав. Борьба советской дипломатии за мир на Дальнем Востоке. Доклад комиссии Литтона и уход Японии из Лиги наций.

Глава двадцать вторая. **Международная конференция по разоружению. Советские предложения о всеобщем и частичном разоружении (1932—1934 гг.)** *(Зорин В. А.)* 557

Международная обстановка перед созывом конференции по разоружению и подготовка к ней. Первый этап конференции по разоружению; позиции главных ее участников. Позиция СССР на конференции по разоружению. Требования Германии «равноправия» в вооружениях. Немецкая делегация покидает конференцию. Второй этап конференции. Советский проект декларации об определении агрессии. Крах конференции по разоружению.

Глава двадцать третья. **Образование очага войны в центре Европы. Советская дипломатия в борьбе за создание системы коллективной безопасности (1933—1935 гг.)** (доктор ист. наук *Выгодский С. Ю.*, канд. ист. наук *Майоров С. М.)* 573

1. Фашистская Германия на путях подготовки новой войны —

Захват гитлеровцами власти в Германии. Фашистские планы мирового господства. Коварные методы и приемы фашистской дипломатии. Попытка сговора Англии и Франции с Германией и

Италией и подписание «пакта четырех». Уход Германии с конференции по разоружению и из Лиги наций. Маневры фашистской Германии в отношении Англии и Франции. Вовлечение Польши в орбиту германской политики.

2. Внешняя политика СССР в условиях назревания военной опасности 594

Международная экономическая конференция. Советская программа экономического сотрудничества. Установление дипломатических отношений между СССР и США. Вступление СССР в Лигу наций. Советские предложения по организации системы коллективной безопасности в Европе. Договоры СССР о взаимопомощи с Францией и Чехословакией.

Глава двадцать четвертая. **Агрессия германского и итальянского фашизма и борьба СССР за ее пресечение (1935—1937 гг.)** (доктор ист. наук *Выгодский С. Ю.*, канд. ист. наук *Майоров С. М.*) 608

Плебисцит в Сааре. Одностороннее расторжение Германией военных статей Версальского договора. Конференция в Стрезе. Англо-германское морское соглашение. Итало-эфиопская война и позиции империалистических держав. Борьба СССР за пресечение итальянской агрессии в Эфиопии. Расторжение Германией Локарнских соглашений и оккупация Рейнской зоны. Конференция в Монтре о режиме черноморских проливов. Подготовка и начало фашистского мятежа в Испании. Итало-германская интервенция в Испании и политика «невмешательства» западных держав. Борьба СССР в защиту Испанской республики. Образование «оси» Берлин — Рим.

Глава двадцать пятая. **США и Латинская Америка в 30-е годы. Политика «доброго соседа»** (доктор ист. наук *Гонионский С. А.*) 642

Мировой экономический кризис и Латинская Америка. VII панамериканская конференция в Монтевидео (1933 г.). Боливийско-парагвайская и колумбийско-перуанская войны. Усиление экспансии США в Латинскую Америку. Панамериканская конференция в Буэнос-Айресе. Рост антиимпериалистического движения в Латинской Америке. Конференция в Лиме. Межимпериалистические противоречия в Латинской Америке.

Глава двадцать шестая. **Агрессия Японии в Китае** (доктор ист. наук *Кутаков Л. Н.*) 654

Захватнические планы японского империализма. Переговоры о заключении «антикоминтерновского пакта». Нападение Японии на Китай. Японская агрессия и позиция западных держав. Помощь Советского Союза китайскому народу в борьбе против японской агрессии. Брюссельская конференция. Китайско-японские переговоры о мире. Посредничество Германии. Японо-английские и китайско-японские переговоры. Антисоветская политика Японии. Срыв японо-английских и японо-китайских переговоров. Японская агрессия и Лига наций. Лозунг «нового порядка» в Азии.

Глава двадцать седьмая. **Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке накануне второй мировой войны (1935—1939 гг.)** *(Киктев С. П.)* 682

Борьба империалистов на Ближнем и Среднем Востоке. Проникновение Германии, Италии и Японии в страны Ближнего и Среднего Востока. Дипломатические акции Великобритании на Ближнем Востоке. Борьба арабских народов за независимость. Англо-египетский договор 1936 г. и борьба народных масс Египта за независимость. Борьба сирийского народа за независимость. Франко-сирийский договор 1936 г. Борьба народа Палестины за независимость. Лондонская конференция «круглого стола». Турецкая дипломатия в 30-х годах. Проникновение германского империализма в Турцию. Англо-германская борьба за влияние в Турции. Александреттский вопрос. Состояние советско-турецких отношений накануне

войны. Миссия Потемкина. Англо-иранский нефтяной конфликт и заключение нового англо-иранского соглашения. Усиление германской активности в Иране. Укрепление независимости Афганистана и становление новой афганской дипломатии.

Глава двадцать восьмая. **Захват Австрии и мюнхенский сговор империалистических держав (1938 г.). Политика поощрения фашистской агрессии со стороны Англии, Франции и США** (канд. ист. наук *Земсков И. Н.*) 711

Назревание предвоенного политического кризиса в Европе. Попытки Англии добиться сговора с агрессивными державами. Правительство Чемберлена и его политика сговора с Гитлером. Захват Германией Австрии. СССР — за коллективный отпор агрессорам. Англо-итальянское соглашение от 16 апреля 1938 г. Подготовка Германии к захвату Чехословакии. Майский кризис Чехословакии. Подготовка англо-французской сделки с Гитлером за счет расчленения Чехословакии. Борьба СССР против фашистской агрессии и мюнхенской политики западных держав. Мюнхенское соглашение (29—30 сентября 1938 г.).

Глава двадцать девятая. **Формирование двух империалистических коалиций (1938—1939 гг.)** (доктор ист. наук *Кутаков Л. Н.*) 743

Дальнейшее обострение империалистических противоречий. Усиление угрозы войны и англо-французская дипломатия. Японо-германские переговоры о военном союзе. Японо-германские переговоры и Италия. Дальнейший ход японо-германских переговоров. Формирование англо-французского союза. Предложения Китая о военном союзе. Военные мероприятия Англии, Франции и США. Маневры германской и японской дипломатии. Германо-итальянский союз и переговоры с Японией.

Глава тридцатая. **Политический кризис в Европе в 1939 г. Борьба СССР за предотвращение войны** (доктор ист. наук *Попов В. И.*, канд. ист. наук *Остоя-Овсяный И. Д.*) 759

1. Резкое усиление военной угрозы в Европе. Англо-франко-советские переговоры . . . . . —

Захват Чехословакии Германией и позиция западных держав. Подготовка гитлеровской агрессии против Польши и позиция западных держав. Новые акты фашистской агрессии и изменение тактики англо-французской дипломатии. Английские предложения Советскому Союзу о гарантиях Румынии и Польше. Расхождение в позициях Англии и Франции по вопросу о союзе с СССР. Новые предложения о заключении тройственного союза и гарантии государствам Центральной и Восточной Европы. Советский проект договора о взаимной помощи — реальный путь к соглашению. Вопрос о гарантиях прибалтийским государствам и косвенной агрессии. Англо-германские тайные переговоры. Военные переговоры между СССР, Англией и Францией в августе 1939 г. Советско-японский конфликт. Советско-германский пакт о ненападении.

2. Фашистская Германия развязывает вторую мировую войну 798

Германская дипломатия завершает подготовку к нападению на Польшу. Позиция Италии. Англо-французская дипломатия предлагает сделку за счет Польши. Развязывание фашистской агрессии против Польши. Англо-французский демарш. Итальянские предложения о посредничестве. Англия и Франция вступают в войну.

Авторы выражают благодарность товарищам *М. С. Капице, И. К. Коблякову, Н. И. Костюнину, Н. П. Лаврову, Н. Н. Любимову, С. С. Михайлову, А. Л. Сидорову, В. Я. Сиполсу, С. Л. Тихвинскому, В. Г. Трухановскому* и *В. М. Туроку* за их ценные замечания и советы в ходе подготовки книги.

Большую научно-проверочную работу над текстом провели сотрудники Историко-дипломатического управления МИД СССР товарищи *В. И. Мазаев, А. А. Маслаков, М. И. Панкрашова* и *З. Н. Саакян*, а также сотрудники Политиздата *И. П. Башкирова* и *А. И. Горшкова*. Указатель имен составлен *Е. Ф. Прусовой*.

•

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ, Т. III

Редактор *О. Вадеев*

Художник *Н. Симагин*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Сдано в набор 5 октября 1964 г. Подписано в печать 29 июля 1965 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Физ. печ. л. 52. Услови. печ. л. 52.
Учетно-изд. л. 59,99. Тираж 63 500 экз. А10928.
Заказ № 1268. Цена 1 р. 50 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.

ПОЛИТИЗДАТ
1965

ПОЛИТИЗДАТ
1965